
ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV·ANG· SIGILLVM
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1906.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. АПРѢЛЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

IV-я книга „Русской Старины" вышла 1-го апрѣля 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Вл. Григорьевъ. Избирательное право и организація выборовъ (Въ связи съ положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу и съ приложеніемъ текста узаконеній 6-го августа 1905 г.). Цѣна 40 к.

Среди массы институтовъ государственнаго права вопросъ объ организаціи выборовъ пріобрѣтаетъ въ наше время все больше и больше значенія. Постигнувъ на опытѣ, что красивыя слова, написанныя на листѣ бумаги, именуемомъ конституціею,—не имѣютъ ровно никакого значенія, если не обезпечено реальное осуществленіе правъ, велерѣчиво провозглашенныхъ въ разнаго рода декларацiяхъ,—современные народы обратили свое вниманіе на разработку и проведеніе въ законодательствѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя способны дѣйствительно гарантировать населенію пользованіе политической свободою.

Въ виду интереса, который проявляется теперь во всѣхъ общественныхъ кругахъ ко всякаго рода вопросамъ государственной жизни,—появленіе книги г. Григорьева, составленной изъ статей его, разновременно помѣщенныхъ въ газетѣ „Слово“,—нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ.

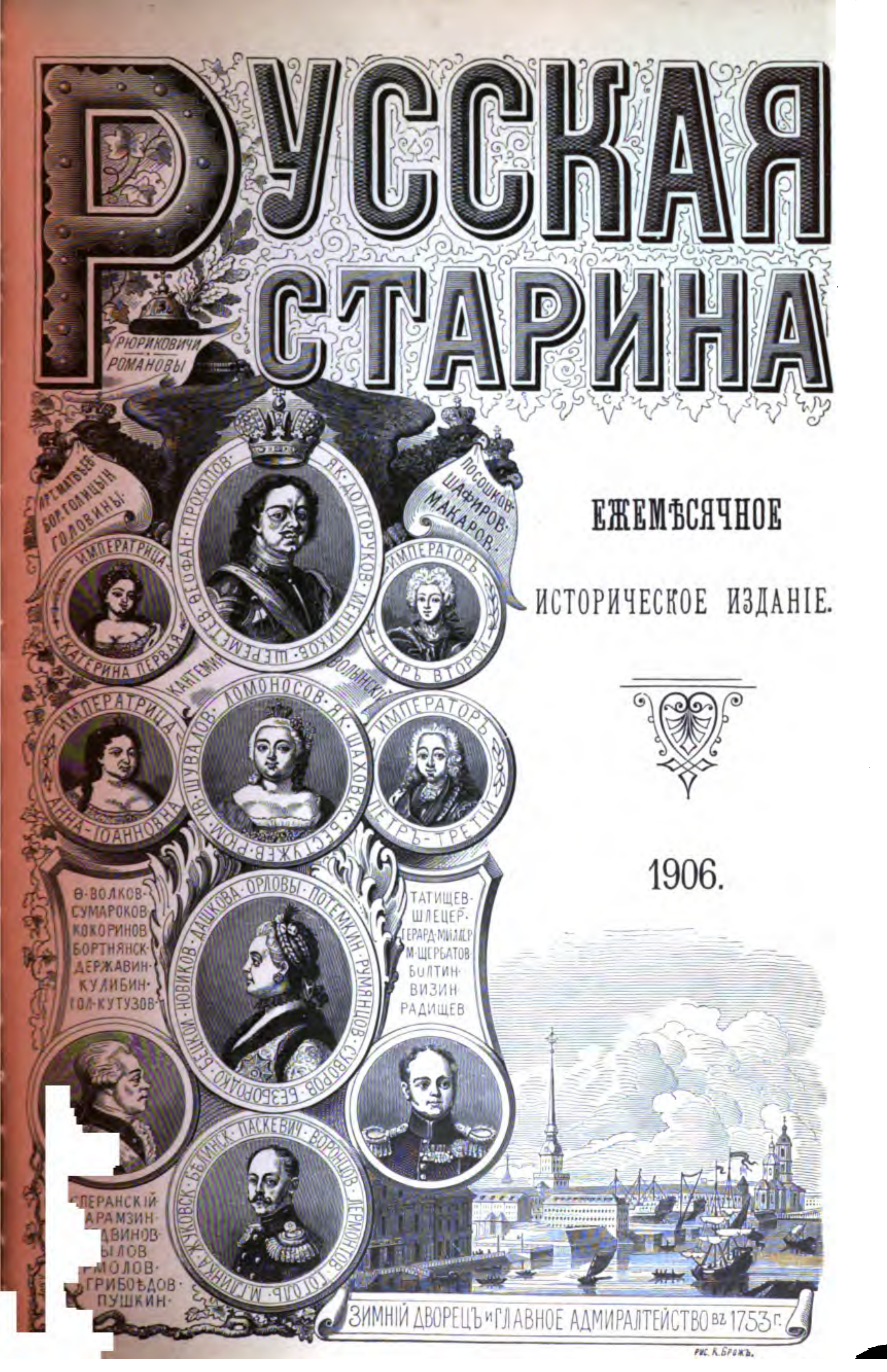
Новаго, въ смыслѣ научной разработки вопросовъ выборной организаціи, въ этой книгѣ, конечно,—не много. Въ ней суммировано то, что давно написано въ различныхъ учебникахъ русскаго и иностраннаго государственнаго права и въ монографіяхъ о выборахъ, и нельзя не быть благодарнымъ автору за популяризацію научныхъ данныхъ по этому вопросу, въ особенности у насъ, при низкомъ уровнѣ политическаго образованія.

Книга состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ *первой* главѣ разсматриваются условія избирательнаго права. Первый вопросъ, который возникаетъ, разъ рѣчь заходитъ о выборахъ—вопросъ о томъ, кто и кого будетъ выбирать; кто имѣетъ право участія въ выборахъ—активное избирательное право; кого можно выбирать или кто имѣетъ право быть выбраннымъ—пассивное избирательное право; стало быть, первый вопросъ—о составѣ избирательной коллегіи.

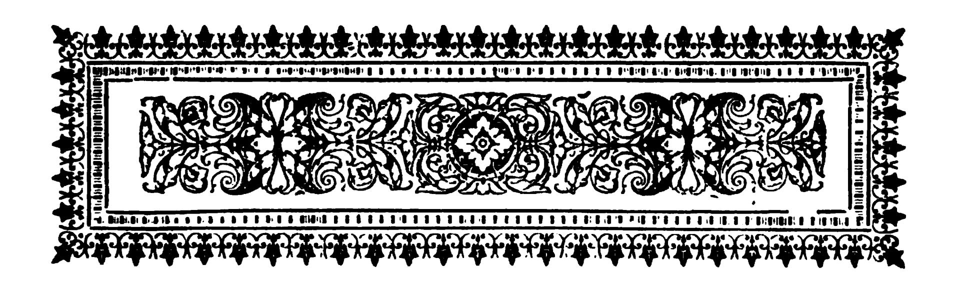
Казалось бы,—замѣчаетъ авторъ,—если представительство имѣетъ задачею быть, такъ сказать, зеркаломъ всего населенія,—каждый долженъ имѣть право участвовать въ выборахъ. На дѣлѣ, однако же, далеко не такъ. Даже тамъ, гдѣ принято начало всеобщаго избирательнаго права (напр., во Франціи, Австріи, Германской имперіи), установлены извѣстныя общія ограниченія, въ силу которыхъ огромная масса населенія въ выборахъ не участвуетъ. Къ общимъ условіямъ участія въ политическихъ выборахъ относится *подданство*. Иностранцы, по общему правилу, избирательными правами не пользуются. Оно и понятно: представители считаются представителями всего народа, а не отдѣльныхъ его группъ. Почти повсемѣстно пользованіе политическими правами предоставлено лицамъ *мужескаго пола*; исключенія (нѣкоторые штаты Сѣверной Америки, Новая Зеландія)—очень рѣдки. Третье ограниченіе относится къ возрасту,—дѣти и подростки нигдѣ въ выборахъ не участвуютъ. Въ 4-хъ, избирательными правами не пользуются *военные*, состоящіе на дѣйствительной службѣ; иначе или участіе войскъ въ выборахъ послужитъ въ подрывъ дисциплинѣ, или создастъ въ рукахъ правительства слишкомъ грозный элементъ для давленія на остальныхъ избирателей. Пятымъ условіемъ участія въ политическихъ выборахъ повсемѣстно признается *неопороченность по суду* и, аналогично этому, 6-мъ условіемъ—*отсутствіе умаленія гражданской дѣеспособности*. Лица, подвергшіяся, по судебному приговору, уголовному наказанію, состоящія подъ опекою или конкурсомъ, банкроты—даютъ своимъ прошлымъ поведеніемъ основаніе предполагать, что они не заслуживаютъ общественнаго довѣрія и не могутъ считаться достойными избранія въ народные представители. Слѣдуетъ упомянуть еще одно общее условіе избирательнаго права, хотя нельзя съ увѣренностью сказать, что оно признается повсемѣстно: это пользованіе общественнымъ призрѣніемъ; зависимое положеніе такихъ лицъ даетъ слишкомъ много основаній опасаться, будутъ ли они на выборахъ достаточно независимы.

Кромѣ перечисленныхъ семи общихъ условій избирательнаго права, которыя признаются рѣшительнымъ большинствомъ конституцій, въ нѣкоторыхъ законодательствахъ встрѣчаются еще особыя ограниченія,—цензъ имущественный и умственный. Въ основаніи имущественнаго ценза лежатъ слѣдующія соображенія. Только матеріальный достатокъ обезпечиваетъ человѣку извѣстное образованіе, необходимое для пониманія политическихъ вопросовъ, даетъ ему независимость положенія, необходимую для выработки политическихъ убѣжденій, и свободу отъ внѣшнихъ вліяній и обезпечиваетъ досугъ, который онъ можетъ посвящать общественной дѣятельности. Кромѣ имущественнаго ценза нѣкоторыя законодательства признаютъ еще умственный цензъ, который или является дополненіемъ къ имущественному, или существуетъ самостоятельно.

Вторая глава отведена авторомъ системамъ выборовъ; въ *третьей* говорится о порядкѣ выборовъ. Кромѣ самой системы выборовъ имѣетъ значеніе и рядъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ ихъ организаціей. Это вопросы порядка выборовъ: о прямыхъ и косвенныхъ выбо-

РУССКАЯ СТАРИНА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.
1906.
РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ
ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВТОРОЙ
ИМПЕРАТРИЦА АННА-ІОАННОВНА
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ТРЕТІЙ
ПОСОШКОВ ШАФИРОВ МАКАРОВ
Ѳ. ВОЛКОВ
СУМАРОКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОЛ-КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВ
ШЛЕЦЕР
ГЕРАРД-МИЛЛЕР
М. ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ
ГРИБОѢДОВ
ПУШКИН
ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.
рис. К. Брожъ.

Записки княгини Дашковой.

V [1]).

С отъѣздомъ двора въ Петергофъ, въ началѣ лѣта, я была болѣе свободна, чѣмъ думала, и, отдѣлавшись отъ вечернихъ собраній у императора, съ удовольствіемъ осталась въ городѣ. Въ это время многіе гвардейцы, негодуя на скорый походъ противъ Даніи, обнаруживали сильные признаки раздраженія и начали распускать молву, что жизнь императрицы въ опасности и что, слѣдовательно, присутствіе ихъ необходимо дома. Поэтому я уполномочила нѣкоторыхъ офицеровъ изъ своей партіи увѣрить солдатъ, что я каждодневно вижу государыню и ручаюсь извѣстить ихъ, когда настанетъ благопріятная минута возстанія.

Затѣмъ грозная тишина воцарилась до 27-го іюня, до того знаменитаго дня, въ который приливы надежды и страха, восторга и скорби волновали грудь каждаго заговорщика. Когда я поразмыслю о событіяхъ этого дня, о славной реформѣ, совершенной безъ плана, безъ достаточныхъ средствъ, людьми различныхъ и даже противуположныхъ убѣжденій и характеровъ, многіе изъ которыхъ едва знали другъ друга, не имѣли между собой ничего общаго, за исключеніемъ одного желанія, увѣнчаннаго случайнымъ, но болѣе полнымъ успѣхомъ, чѣмъ можно было ожидать отъ самаго строгаго и глубоко-обдуманнаго плана—когда я поразмыслю обо всемъ этомъ, нельзя не признать воли Провидѣнія, руководившей шаткими и слабыми нашими стремленіями. Если бы участники искренно сознались, какъ много они обязаны случаю и удачѣ своимъ успѣхомъ, они должны бы менѣе гордиться собственными ихъ заслугами. Что касается до

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

меня, то я, положа руку на сердце, говорю, что хотя мнѣ принадлежала первая доля въ этомъ переворотѣ—въ низверженіи неспособнаго монарха, за всѣмъ тѣмъ я изумляюсь факту: ни историческіе опыты, ни пламенное воображеніе восемнадцати вѣковъ не представляютъ примѣра такого событія, которое осуществилось передъ нами въ нѣсколько часовъ.

Въ полдень 27-го іюня Григорій Орловъ привезъ мнѣ извѣстіе объ арестѣ Пассека. Пассекъ и Бредихинъ были у меня вечеромъ наканунѣ, предупредивъ объ опасности, которой угрожало нетерпѣніе солдатъ, въ особенности гренадеровъ; повѣривъ распущеннымъ слухамъ относительно императрицы, они открыто говорили противъ Петра III и громко требовали, чтобы ихъ вели противъ гольштинскихъ отрядовъ въ Ораніенбаумъ. Желая успокоить тревогу этихъ двухъ молодыхъ людей, я подтвердила имъ свою личную готовность встрѣтить опасность и просила ихъ еще разъ увѣрить солдатъ, прямо отъ меня въ томъ, что императрица совершенно благополучна, живетъ на свободѣ въ Петергофѣ, и что они должны быть спокойны и покорны приказаніямъ другихъ, иначе дѣло будетъ проиграно. Пассекъ и Бредихинъ немедленно отправились въ казармы съ моимъ порученіемъ, но среди общей суматохи наша тайна дошла до свѣдѣнія Преображенскаго полка, маіора Воейкова, который сейчасъ же арестовалъ Пассека и такимъ образомъ ускорилъ счастливую развязку катастрофы.

Когда Орловъ извѣстилъ меня объ этомъ арестѣ, не зная ни причины, ни подробности его, со мной находился Панинъ; со свойственной его характеру флегмой и медлительностью, а можетъ быть и изъ желанія скрыть отъ меня опасность, онъ, повидимому, считалъ это происшествіе менѣе серьознымъ, чѣмъ я, и представлялъ его, какъ слѣдствіе какого-нибудь военнаго проступка. Напротивъ, я приняла его за сигналъ рѣшительнаго дѣйствія, хотя и не могла убѣдить его въ этомъ мнѣніи. Между тѣмъ, Орловъ хотѣлъ немедленно идти въ казармы и обстоятельно разузнать, арестованъ ли Пассекъ за государственное преступленіе или за военный проступокъ? Въ первомъ случаѣ онъ обѣщалъ возвратиться ко мнѣ со всѣми подробностями и послать своего брата съ тѣмъ же увѣдомленіемъ къ Панину.

Когда Орловъ ушелъ, я попросила моего дядю оставить меня, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ нуженъ былъ отдыхъ. Но какъ скоро онъ удалился, я накрылась большимъ мужскимъ широкимъ плащемъ и, такимъ образомъ перерядившись, пошла пѣшкомъ къ Рославлеву.

На дорогѣ я встрѣтила верховаго офицера, скакавшаго во весь

галопъ по направленію ко мнѣ. Не знаю, какъ я узнала въ немъ Орлова, хотя никогда не видѣла ни одного изъ нихъ, кромѣ Григорія; но, убѣжденная въ этомъ, я рѣшилась остановить его, назвавшись собственнымъ именемъ. Наѣздникъ сдержалъ лошадь и, когда узналъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ: „Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ; четыре часовыхъ стоятъ у его дверей, и двое у каждаго окна его комнаты. Мой братъ побѣжалъ извѣстить Панина, а я передалъ эту новость Рославлеву. „Ну что, послѣдній былъ сильно встревоженъ этимъ извѣстіемъ?“ спросила я.—„Да, нѣсколько испугался, отвѣчалъ Орловъ,—но зачѣмъ вы стоите на улицѣ? Позвольте мнѣ проводить васъ домой“.—„Мы безопаснѣе здѣсь“, замѣтила я, „чѣмъ дома, гдѣ трудно укрыться отъ наблюденія слугъ. Но теперь терять слова нечего. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобы они сію же минуту отправились въ Измайловскій полкъ и оставались при своихъ постахъ, съ цѣлью принять императрицу въ окрестностяхъ города. Потомъ вы или одинъ изъ вашихъ братьевъ молніей летите въ Петергофъ и отъ меня просите государыню немедленно сѣсть въ почтовую карету, которая уже приготовлена для нея, и явиться въ лагерь измайловскихъ гвардейцевъ: они готовы провозгласить ее главой имперіи и проводить въ столицу. Скажите ей, что дѣло такой важности, что я даже не имѣла времени зайти домой и извѣстить ее письменно; что я на улицѣ и изустно отдала вамъ порученіе привезти ее безъ малѣйшаго замедленія. Можетъ быть, я сама пріѣду и встрѣчу ее“.

Почтовая карета, о которой я сказала, требуетъ нѣсколько словъ для поясненія моего разсказа. Послѣ того, какъ я видѣла у себя Пассека и Бредихина, и услышала отъ нихъ о тревожномъ состояніи солдатъ, можно было подумать, что они, не дожидаясь приказаній, начнутъ дѣло: на этотъ случай я написала Шкуриной, женѣ камеръ-лакея Екатерины, чтобы она отправила къ своему мужу въ Петергофъ экипажъ съ четырьмя почтовыми лошадьми, съ тѣмъ, чтобы эти лошади были постоянно готовы для императрицы, если вдругъ присутствіе ея будетъ необходимо въ Петербургѣ; я хорошо знала, какъ трудно было бы ей, въ случаѣ надобности, достать себѣ придворную карету, безъ особеннаго позволенія Измайлова, министра двора, человѣка, менѣе всѣхъ расположеннаго въ пользу государыни. Панинъ думалъ, что начало революціи еще далеко и неизвѣстно, и потому смѣялся надъ моей слишкомъ поспѣшной предосторожностью. Но еслибъ мы пренебрегли этими дальновидными мѣрами, Богъ знаетъ, когда и какъ были бы достигнуты наши надежды.

Отпустивъ Орлова, я возвратилась домой, но въ такомъ раздра-

жительномъ настроеніи духа, что рѣшилась немного отдохнуть. Между тѣмъ приказала приготовить къ вечеру мужское платье, но портной опоздалъ. Когда же я одѣлась, оно жало и стѣсняло мои движенія. Чтобы не возбуждать подозрѣнія со стороны домашней прислуги, я легла въ постель, но не прошло и часу, какъ я была поднята страшнымъ стукомъ въ ворота. Вскочивъ съ постели, я вышла въ ближайшую комнату и приказала принять, кто бы то ни былъ. Молодой человѣкъ, неизвѣстный мнѣ, явился и назвалъ себя младшимъ Орловымъ. Онъ пріѣхалъ спросить, говорилъ онъ, не рано ли посылать за императрицей, и безпокоить ее слишкомъ поспѣшнымъ требованіемъ въ Петербургъ.

Я остолбенѣла. Это такъ взбѣсило меня, что я не могла сдержать своего гнѣва, при чемъ выразилась довольно энергично, противъ самовольнаго замедленія моихъ приказаній, данныхъ Алексѣю Орлову. „Вы упустили самое драгоцѣнное время, сказала я. Вы боялись потревожить государыню и рѣшились вмѣсто того, чтобы своевременно явиться съ ней въ Петербургѣ обречь ея жизнь темницѣ или одной съ нами участи на эшафотѣ. Скажите же своему брату, чтобъ онъ немедленно скакалъ въ Петергофъ и привезъ ее въ городъ, какъ можно скорѣй; иначе Петръ III предупредитъ ее и разрушитъ всѣ наши надежды на спасеніе Россіи и императрицы“.

Орловъ, очевидно, былъ тронутъ моимъ протестомъ и увѣрилъ меня, что братъ его сію же минуту исполнитъ мое порученіе.

Когда онъ ушелъ, я предалась самому печальному раздумью. Мысль боролась съ отчаяніемъ и ужасными представленіями, я горѣла желаніемъ ѣхать навстрѣчу императрицѣ; но стѣсненіе, которое я чувствовала отъ моего мужскаго наряда, приковывало меня, среди бездѣйствія и уединенія, къ постели. Впрочемъ, воображеніе безъ устали работало, рисуя по временамъ торжество императрицы и счастіе Россіи. Но эти сладкія видѣнія быстро смѣнялись другими, страшными мечтами. Малѣйшій звукъ будилъ меня, и Екатерина, идеалъ моей фантазіи, представлялась блѣдной, обезображенной. Эта потрясающая ночь, въ которой я выстрадала за цѣлую жизнь, наконецъ, прошла; и съ какимъ невыразимымъ восторгомъ я встрѣтила счастливое утро, когда узнала, что государыня вошла въ столицу и провозглашена главой имперіи Измайловскимъ полкомъ, который проводилъ ее въ Казанскій соборъ, среди огромнаго собранія войска и гражданъ, готовыхъ принести ей обѣтъ подданства.

Было шесть часовъ. Я приказала подать себѣ парадное платье и поспѣшно отправилась въ Лѣтній дворецъ, гдѣ предполагала найти Екатерину. Трудно сказать, какъ я добралась до нея. Дворецъ былъ окруженъ множествомъ народа и войскъ, со всѣхъ концовъ города

стекавшихся и соединившихся съ измайловцами; я принуждена была выйти изъ кареты и пѣшкомъ пробиваться сквозь толпу. Но какъ скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, я была поднята на руки и отовсюду слышала привѣтствія, какъ общій другъ, и осыпана тысячами благословеній. Наконецъ, очутилась въ передней съ вскруженной головой, съ изорванными кружевами, измятымъ платьемъ, совершенно растрепанной, вслѣдствіе своего тріумфальнаго прибытія, и поторопилась представиться государынѣ. Мы были немедленно въ объятіяхъ другъ друга. „Слава Богу!"—вотъ все, что мы могли сказать въ эту минуту.

Потомъ она разсказала о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ передъ этимъ ударомъ. Я слушала ее съ біеніемъ сердца и въ свою очередь описала ей тоскливые часы, проведенные мной въ то же время, которые были тѣмъ тягостнѣе, что я не могла встрѣтить ее и слѣдить за успѣхомъ ея судьбы, блага или бѣдствій всей Россіи. Мы еще разъ обнялись—и я никогда такъ искренно, такъ полно не была счастлива, какъ въ этотъ моментъ. Замѣтивъ, что императрица была украшена лентой св. Екатерины и еще не надѣла Андреевской—высшаго государственнаго отличія (женщина не имѣла права на него, но царствующая государыня, конечно, могла украситься имъ), я подбѣжала къ Панину, сняла съ его плечъ голубую ленту и надѣла ее на императрицу, а ея Екатерининскую, согласно съ желаніемъ ея, положила въ свой карманъ.

Послѣ легкаго завтрака, государыня предложила двинуться въ головѣ войска въ Петергофъ и пригласила меня сопутствовать ей. Съ этой цѣлью, желая переодѣться въ гвардейскій мундиръ, она взяла его у капитана Талызина, а я, слѣдуя примѣру ея, достала себѣ отъ лейтенанта Пушкина, моего роста. Эти мундиры, между прочимъ, были древнимъ національнымъ одѣяніемъ Преображенскаго полка, со времени Петра Великаго, впослѣдствіи замѣненнымъ прусскими куртками, введенными Петромъ III. Замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили съ себя иностранные мундиры и одѣлись въ свое старое платье.

Когда императрица стала приготовляться къ своему походу, я уѣхала домой переодѣваться; а по возвращеніи моемъ, я застала ее въ совѣтѣ, разсуждавшемъ о будущемъ манифестѣ. Съ ней находились тѣ сенаторы, которые были тогда въ городѣ, и Тепловъ, призванный въ качествѣ секретаря.

Такъ какъ извѣстія о побѣгѣ императрицы изъ Петергофа и о всѣхъ другихъ событіяхъ этого дня уже могли дойти до Петра III,

то я думала, что онъ двинется къ Петербургу, чтобы остановить возстаніе войскъ. Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, я рѣшилась сообщить мое мнѣніе государынѣ. Двое офицеровъ, стоящихъ на часахъ у дверей совѣта, вѣроятно удивленные моимъ смѣлымъ движеніемъ или полагавшіе, что я имѣю право всегда являться на глаза Екатерины, безпрепятственно меня пропустили въ комнату. Я подошла къ государынѣ и на ухо сообщила ей свою мысль, совѣтуя принять всевозможныя мѣры противъ прибытія Петра III. Теплову тотчасъ же было приказано написать указъ и разослать копіи его, вмѣстѣ съ другими инструкціями, въ двѣ главныя части, которыя должны были охранять два пути къ городу, по водѣ и по сушѣ. Мое нечаянное появленіе въ совѣтѣ изумило почтенныхъ сенаторовъ, изъ которыхъ никто не узналъ меня въ военномъ мундирѣ; Екатерина, замѣтивъ это, сказала имъ мое имя, прибавивъ, что она обязана моей дружбѣ указаніемъ въ эту минуту, на одну очень необходимую предосторожность, которую она совершенно упустила изъ виду. Сенаторы единодушно встали съ своихъ мѣстъ, чтобы поздравить меня, при чемъ я покраснѣла и отклонила отъ себя честь, которая такъ мало шла мальчику въ военномъ мундирѣ.

Когда засѣданіе кончилось и отданы были приказанія относительно безопасности столицы, мы сѣли на своихъ лошадей, и по дорогѣ въ Петергофъ осмотрѣли двѣнадцать тысячъ войска, кромѣ волонтеровъ, ежеминутно стекавшихся подъ наше знамя.

Въ Красномъ Кабачкѣ, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, мы отдохнули немного, чтобы дать роздыхъ пѣхотѣ. Да и намъ необходимъ былъ покой, особенно мнѣ, ибо послѣднія пятнадцать ночей я едва смыкала глаза. Когда мы вошли въ тѣсную и дурную комнату, государыня предложила не раздѣваясь лечь на одну постель, которая при всей окружающей грязи была истинной роскошью для моихъ измученныхъ членовъ... Едва мы расположились на постели, завѣшанной шинелью, взятой у полковника Кара, я замѣтила маленькую дверь позади изголовья императрицы. Не зная, куда она вела, я попросила позволенія выйти и увѣриться, все ли безопасно; удостовѣрившись, что эта дверь сообщалась тѣснымъ и темнымъ корридоромъ съ внѣшнимъ дворомъ, я поставила у нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ моего позволенія. Потомъ я возвратилась къ императрицѣ, которая перебирала какія-то бумаги; и такъ какъ мы не могли заснуть, то она прочитала мнѣ копію будущаго манифеста. Полныя восторга, отъ котораго далеко отлетѣла всякая тревожная мысль объ опасности, мы разсуждали о томъ, что надо дѣлать далѣе.

VI.

Между тѣмъ Петръ III, не захотѣвъ послѣдовать совѣту маршала Миниха, находился въ самомъ нерѣшительномъ состояніи. Онъ скакалъ взадъ и впередъ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, уступивъ просьбамъ своихъ друзей, поплылъ въ Кронштадтъ, чтобы овладѣть флотомъ. Императрица впрочемъ не забыла обратить вниманіе на это важное обстоятельство и расположить въ свою пользу морскую силу. Она послала адмирала Талызина командовать флотомъ во имя ея. Увидѣвъ, что Петръ подъѣзжаетъ къ Кронштадтскому берегу, Талызинъ не позволилъ ему высадиться. Несчастный царь принужденъ былъ плыть обратно въ Ораніенбаумъ, отправивъ Измайлова къ Екатеринѣ съ самыми покорными предложеніями и обѣщаніями отречься отъ престола.

Посолъ для этихъ переговоровъ встрѣтилъ насъ на дорогѣ въ Петербургъ; и какъ были отличны его языкъ и поведеніе отъ языка моего дяди, канцлера, который представился императрицѣ въ ту самую минуту, когда мы покидали городъ. Послѣдній возражалъ противъ поступка, начатаго Екатериной, и когда она не убѣждалась его словами, онъ оставилъ ее, не давъ присяги на подданство. „Будьте увѣрены, мадамъ, сказалъ онъ хладнокровно и съ достоинствомъ великой души, что я никогда не присягну, ни словомъ, ни дѣломъ вашему ложному правленію; а чтобы увѣриться въ справедливости моего обѣта, поставьте одного изъ вашихъ преданныхъ офицеровъ стражемъ у моихъ дверей; я никогда не измѣню клятвѣ, данной императору, пока онъ существуетъ“.

Нельзя было не удивляться этому мужеству моего почтеннаго дяди, руководимаго въ этомъ случаѣ однимъ строгимъ долгомъ къ своему государю; онъ не заискивалъ его милости, онъ не довѣрялъ его правленію, съ трудомъ повиновался ему и грустно смотрѣлъ на его будущее.

Государыня отослала назадъ генерала Измайлова, заклиная его уговорить Петра III покориться ея волѣ, изъ опасенія навлечь сопротивленіемъ страшное зло, обѣщая при томъ, что она, съ своей стороны, постарается устроить его жизнь возможно веселой въ резиденціи, имъ самимъ избранной около Петербурга.

Когда мы достигли Сергіевскаго монастыря, князь Голицынъ явился съ письмомъ отъ императора; между тѣмъ толпа, слѣдовавшая за нами, съ каждымъ часомъ прибывала, приходя съ противуположной стороны.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Петергофъ, Петръ III, въ со-

провожденіи Измайлова и Гудовича, явился во дворецъ съ изъявленіемъ покорности. Его никто не видѣлъ; онъ былъ введенъ въ отдаленный покой, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ; и такъ какъ онъ избралъ мѣстомъ своего будущаго пребыванія замокъ Ропшу, принадлежавшій ему, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, то его немедленно отправили туда, подъ наблюденіемъ Алексѣя Орлова и подчиненныхъ ему, капитана Пассека, князя Ѳедора Барятинскаго и Баскакова, съ приказаніемъ охранять развѣнчаннаго монарха.

Я не видѣла его въ минуту паденія, хотя и могла бы; но мнѣ говорили, что онъ мало горевалъ о перемѣнѣ своего положенія. Прежде чѣмъ разстался съ Петербургомъ, онъ написалъ двѣ или три небольшихъ записки императрицѣ; въ одной, какъ я узнала, онъ произнесъ ясное и рѣшительное отреченіе отъ короны; назвавъ нѣкоторыя лица, которыхъ онъ желалъ имѣть при себѣ, онъ не забылъ упомянуть о нѣкоторыхъ необходимыхъ принадлежностяхъ своего стола, между прочимъ просилъ отпускать ему вдоволь Бургонскаго, табаку и трубокъ.

Но довольно объ этомъ злосчастномъ государѣ, котораго природа создала для самыхъ низшихъ рядовъ жизни, а судьба ошибкой вознесла на престолъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно порочень, но тѣлесная слабость, недостатокъ воспитанія и естественная наклонность ко всему пошлому и грязному, еслибъ онъ продолжалъ царствовать, могли имѣть для его народа не менѣе гибельные результаты, чѣмъ самый необузданный порокъ.

Въ продолженіе всего этого дня, начиная съ вечера наканунѣ, я почти вовсе не отдыхала; впрочемъ, умъ и страсти такъ были заинтересованы настоящими обстоятельствами и событіями, что я чувствовала усталость только тогда, когда переставала дѣйствовать. Этотъ вечеръ я провела въ разнообразныхъ хлопотахъ, то на одномъ, то на другомъ концѣ дворца; потомъ между гвардейцами, разставленными на часахъ у разныхъ входовъ; возвращаясь, между прочимъ, отъ Гольштинской принцессы, родственницы императрицы, съ просьбой дозволить ей видѣть государыню, я чрезвычайно изумилась, замѣтивъ Григорія Орлова, растянувшагося во весь ростъ на диванѣ (кажется, онъ ушибъ себѣ ногу), въ одной изъ царскихъ комнатъ; передъ нимъ лежалъ огромный пакетъ бумагъ, который онъ собирался распечатать. Я замѣтила, что это были государственные акты, сообщенные изъ верховнаго совѣта, что мнѣ приводилось часто видѣть у моего дяди въ царствованіе Елисаветы. „Что такое съ вами?“ спросила я его съ улыбкой. „Да, вотъ императрица приказала распечатать это“, отвѣчалъ онъ. „Невозможно, сказала я, нельзя раскрывать ихъ до тѣхъ поръ, пока она не назначитъ лицъ, оффиціально уполномоченныхъ для этого дѣла,

и я увѣрена, что ни вы, ни я не можемъ имѣть притязанія на это право".

Въ ту самую минуту мы были прерваны докладомъ, что солдаты, томимые жаждой и усталые, вломились въ погреба и наполнили каски венгерскимъ виномъ, думая, что это водка. Я немедленно вышла, чтобы возстановить порядокъ. Къ крайнему моему удивленію, при всеобщей суматохѣ, при совершенномъ отсутствіи дисциплины, моя рѣчь такъ подѣйствовала, что они, выливъ вино на землю, положили свои кивера на мѣсто и удовольствовались утолить жажду изъ ближайшаго ручья. Я бросила имъ всѣ деньги, какія были со мной, и выворотила карманы, чтобъ показать, что я отдала имъ все, что могла; въ то же время обѣщала, что, по возвращеніи въ городъ, будутъ открыты кабаки и они могутъ пить, сколько душѣ угодно, на казенный счетъ. Эта реторика была совершенно въ ихъ вкусѣ, и они весело разошлись.

Коснувшись этого пункта, я вспомнила, что въ нѣкоторыхъ изданіяхъ было напечатано, будто я получала отъ императрицы и отъ иностранныхъ дворовъ деньги на подмогу моимъ революціоннымъ проектамъ; клевета совершенная. Отъ государыни я никогда не просила и не принимала ни одного рубля, и хотя французскій министръ открывалъ мнѣ неограниченный кредитъ на этотъ случай, но я всегда отвѣчала, что для нашей революціи мы не имѣемъ нужды ни въ какихъ иностранныхъ пособіяхъ.

Проходя къ императрицѣ черезъ ту комнату, гдѣ Григорій Орловъ лежалъ на софѣ, я нечаянно замѣтила столъ, накрытый на три прибора. Обѣдъ былъ поданъ. Екатерина пригласила меня обѣдать вмѣстѣ. Вошедъ въ залу, я съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣла, что столъ былъ придвинутъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Орловъ. На моемъ лицѣ отразилось непріятное чувство, что не скрылось отъ Екатерины. „Что съ вами? спросила она. — „Ничего, отвѣчала я, кромѣ пятнадцати безсонныхъ ночей и необыкновенной усталости". Тогда она посадила меня рядомъ съ собой, какъ будто въ укоръ Орлову, который изъявилъ желаніе оставить военную службу. „Подумайте, какъ бы было это съ моей стороны неблагодарно, еслибъ я позволила ему выйти въ отставку". Я, конечно, была не совсѣмъ согласна съ ея мнѣніемъ и прямо замѣтила, что она, какъ государыня, много имѣетъ другихъ средствъ выразить свою признательность, не стѣсняя ни чьихъ желаній.

Съ этого времени, я первый разъ убѣдилась, что между ними была связь. Это предположеніе давно тяготило и оскорбляло мою душу.

Послѣ нашего обѣда и отъѣзда Петра III въ Ропшу, мы отпра-

вились въ Петербургъ и по дорогѣ провели два часа въ загородномъ домѣ князя Куракина, гдѣ Екатерина и я опять отдыхали на одной постели. Отсюда мы проѣхали въ Екатерингофъ, гдѣ насъ встрѣтило огромное стеченіе народа; онъ собрался на случай борьбы за насъ съ гольштинской гвардіей, ненавистной всей націи.

Затѣмъ послѣдовала сцена, выше моего описанія, превосходнѣе моего достоинства... Когда мы въѣхали въ столицу, проходя по ней торжественной процессіей, улицы и окна были загромождены зрителями; радостныя привѣтствія оглашали воздухъ; военная музыка и звонъ колоколовъ сливался съ веселымъ говоромъ толпы, бѣжавшей за поѣздомъ; двери церквей были отворены настежь, и въ глубокой перспективѣ виднѣлись группы священниковъ, стоявшихъ за блестящими алтарями; религіозная церемонія освятила народный восторгъ.

Какъ, однако жъ, ни была одушевлена и поразительна сцена вокругъ меня, но она почти меркла передъ моею собственною мыслью, полной энтузіазма; я ѣхала возлѣ императрицы, участвуя въ благословеніи революціи, незапятнанной ни одной каплей крови; съ тѣмъ вмѣстѣ объ руку со мной была не только добрая монархиня, но и первый мой другъ, которому я содѣйствовала цѣной жизни освободиться отъ гибельной неволи и взойти на престолъ возлюбленной родины.

Когда мы приблизились къ подъѣзду Лѣтняго дворца, мой духъ изнемогъ подъ вліяніемъ быстраго ряда событій; желая знать впечатлѣнія этого дня на моего отца и дядю и видѣть свое дитя, я попросила государыню отпустить меня въ одной изъ придворныхъ каретъ; она позволила, но съ тѣмъ, чтобы я какъ можно скорѣй возвратилась: я прежде заѣхала къ дядѣ, такъ какъ его домъ былъ ближе, и нашла этого достойнѣйшаго старика совершенно спокойнымъ. Онъ говорилъ, что низверженіе Петра III было событіемъ весьма вѣроятнымъ; но разговоръ его особенно живо коснулся опасности слишкомъ безусловно довѣряться дружбѣ царей: „она, замѣтилъ онъ, такъ же непродолжительна, какъ и вѣроломна“. Онъ убѣждалъ меня своимъ собственнымъ опытомъ, доказавшимъ, что самыя чистыя побужденія, самыя справедливыя дѣйствія не всегда защищаютъ отъ ядовитой зависти и интриги, даже близъ трона такого монарха, который признавалъ его заслуги и которому онъ былъ преданъ съ раннихъ лѣтъ жизни.

Отсюда я отправилась къ своему отцу и къ крайнему своему изумленію застала его домъ оцѣпленнымъ сотнею солдатъ. Это произошло вслѣдствіе ложно понятаго усердія Какавинскаго, присланнаго сюда защитить его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, такъ какъ казармы ихъ находились по сосѣдству. Но этотъ офицеръ, вѣроятно,

испуганный, многочисленной дворней моего отца, произвольно созвалъ весь этотъ отрядъ на помощь, зная въ то же время, что въ городѣ, послѣ отъѣзда императрицы въ Петергофъ, осталось войска не больше, чѣмъ это было необходимо для охраненія дворца и великаго князя. Незадолго передо мной приходилъ унтеръ-офицеръ отъ подполковника Вадковскаго, оставленнаго начальникомъ гарнизона въ Петербургѣ, и требовалъ тридцать человѣкъ изъ этого отряда на смѣну другихъ, простоявшихъ на часахъ вдвое больше опредѣленнаго времени, по глупости Какавинскаго. Я просила его немедленно исполнить это требованіе; проходя по дому и видя у каждой двери часоваго, я повторила ему, что онъ не понялъ приказанія государыни, которая поставила его здѣсь на службу моему отцу, а не для ареста его, какъ измѣнника; потомъ, обратившись къ солдатамъ, сказала имъ, что напрасно мучили ихъ, и еслибъ изъ нихъ осталось здѣсь десять или двѣнадцать человѣкъ, этого было бы совершенно достаточно впредь до новыхъ распоряженій.

Отецъ принялъ меня безъ всякаго ропота и неудовольствія. Онъ жаловался на обстоятельство, о которомъ я сейчасъ упомянула, и былъ недоволенъ тѣмъ, что дочь его Елисавета находилась съ нимъ подъ одной кровлей. Въ первомъ случаѣ я успокоила его, объяснивъ, что виной стѣсненія его было недоразумѣніе Какавинскаго и что къ вечеру не будетъ въ его домѣ ни одного солдата. Что же касается до втораго обстоятельства, я умоляла его поразсудить о критическомъ положеніи моей сестры, для которой домъ его обратился въ единственно-честное убѣжище, какъ онъ нѣкогда былъ естественнымъ ея пріютомъ. Скоро, впрочемъ, прибавила я, ваше покровительство ей будетъ не нужно и тогда, еслибъ была на то ваша обоюдная воля, можно разстаться совершенно прилично.

Я не могла долго пробыть у дяди и отца, потому что обѣщала скоро возвратиться къ императрицѣ; при томъ мнѣ еще было необходимо зайти домой, чтобъ увидѣть дочь и снять военный мундиръ. Отецъ жалѣлъ о томъ, что я такъ скоро покидала его, и съ трудомъ отпустилъ меня къ сестрѣ, которую я хотѣла навѣстить. Никогда онъ больше не принималъ участія въ ея судьбѣ; къ сожалѣнію, чувства его, каковы бы они ни были, отнюдь не оправдывались рѣшительнымъ неуваженіемъ дочери къ своему отцу и тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ вынесъ вслѣдствіе ея поведенія въ общемъ мнѣніи.

Когда я вошла въ комнату своей сестры, она начала горько оплакивать бѣдствія этого дня и свое собственное несчастіе. Относительно личныхъ непріятностей, я совѣтовала ей утѣшиться, увѣривъ въ полной готовности служить ей; я въ то время замѣтила, что государыня такъ добра и благородна, что поможетъ ей, безъ всякаго съ моей

стороны участія. Въ этомъ отношеніи моя увѣренность была совершенно основательна; хотя императрица сочла отсутствіе Елисаветы Воронцовой необходимымъ во время коронаціи, но она постоянно посылала ей гонцовъ съ увѣреніемъ своего покровительства. Сестра вскорѣ удалилась въ подмосковную деревню отца; когда же послѣ коронованія дворъ оставилъ Москву, она переселилась сюда и жила здѣсь до своего замужества съ Полянскимъ; вмѣстѣ съ нимъ она переѣхала въ Петербургъ. Императрица была крестной матерью ея перваго сына, а черезъ нѣсколько лѣтъ, дочь ея, по моей просьбѣ, была назначена фрейлиной.

Простившись съ сестрой, я спѣшила поцѣловать свою крошку Настасью. Эти разъѣзды такъ много унесли времени, что я не успѣла переодѣться. При выходѣ изъ дома, служанка напомнила мнѣ, что въ моемъ карманѣ была красная лента съ бриліантовымъ значкомъ. Это былъ Екатерининскій орденъ императрицы; я взяла его съ собой.

Когда я вошла въ переднюю, ведшую въ комнаты государыни, мнѣ встрѣтились Григорій Орловъ и Какавинскій. Увидѣвъ Екатерину, я тотчасъ поняла, что Орловъ былъ мой врагъ и, кромѣ его, никто бы не ввелъ этого послѣдняго къ императрицѣ. Она стала меня упрекать за то, что я говорила по-французски съ этимъ офицеромъ въ присутствіи солдатъ, и хотѣла распустить ихъ по своимъ мѣстамъ. Отвѣтъ мой былъ энергичный, выраженный на лицѣ не совсѣмъ ласковой миной. „Съ тѣхъ поръ, какъ вы на престолѣ, сказала я, въ это короткое время ваши солдаты показали такую довѣренность ко мнѣ, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила“. И, чтобы покончить дальнѣйшее объясненіе, подала ей красную ленту. „Погодите, сказала она, вы, конечно, согласитесь, что вы не вправѣ распускать солдатъ съ ихъ постовъ“.—„Правда, отвѣчала я; но неужели, наперекоръ требованію Вадковскаго, я должна была позволить этому дураку Какавинскому дѣлать все, что ему ни вздумалось, и оставить безъ стражи вашъ дворецъ“.—„Ну, ладно“, прибавила она, „дѣло кончено; мое замѣчаніе относится къ вашей торопливости, а это за ваши услуги“, сказала она, повѣсивъ мнѣ екатерининскую ленту на плечо. Вмѣсто того, чтобы принять ее на колѣняхъ, я возразила: „простите мнѣ, государыня; я думаю, что уже настало время, когда истина должна быть прогнана отъ васъ; позвольте мнѣ, однако жъ, сказать, что я не могу принять этого отличія; какъ простымъ украшеніемъ, я не дорожу имъ; какъ награда, она не стоитъ ничего для меня, которой заслуги, хотя и оцѣнены нѣкоторыми, но никогда не продавались и не будутъ продаваться съ торгу“. Екатерина горячо обняла меня, промолвивъ: „По крайней мѣрѣ, дружба имѣетъ нѣкоторыя права, и неужели вы не позволите мнѣ воспользоваться ея

удовольствіемъ въ настоящую минуту?“ Я поцѣловала ея руку въ знакъ признательности.

Такимъ образомъ я была затянута въ мундиръ, съ алой лентой черезъ плечо.

Государыня сказала мнѣ, что она уже приказала отправить гвардейскаго лейтенанта къ князю Дашкову, желая немедленнаго возвращенія его въ Петербургъ. Такое вниманіе съ ея стороны и въ такое время такъ утѣшило меня, что тотчасъ же забыла о прошломъ неудовольствіи. Также отдано приказаніе, продолжала она, отвести для насъ комнаты во дворцѣ, которыя завтра будутъ готовы для меня; я просила только подождать мужа и вмѣстѣ съ нимъ переѣхать во дворецъ.

Вскорѣ за тѣмъ, когда всѣ стали расходиться, я поспѣшила домой и, раздѣливъ ужинъ съ моей маленькой Настасьей, бросилась въ постель. Но волненіе духа и крови, послѣ чрезмѣрной дѣятельности, не давали мнѣ покойно уснуть, и я провела всю ночь въ лихорадочныхъ грезахъ больнаго воображенія и раздражительныхъ нервовъ.

Я забыла упомянуть въ своемъ мѣстѣ объ одномъ небольшомъ разговорѣ съ императрицей, во время возвращенія нашего изъ Петергофа, когда государыня, графъ Разумовскій, князь Волконскій и я сошли съ лошадей, сѣли въ карету и спокойно ѣхали въ Петербургъ. Екатерина съ необыкновенно ласковымъ тономъ, обратившись ко мнѣ, сказала: „Чѣмъ я могу васъ отблагодарить за ваши услуги?“—„Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ“, отвѣчала я, „не много нужно—будьте матерью Россіи и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ“.—„Все это, конечно“, продолжала она, „составляетъ мою непремѣнную обязанность, но мнѣ хотѣлось бы облегчить себя отъ чувства признательности, которымъ я обязана вамъ“.—„Я думаю, что обязанности дружбы не могутъ тяготить насъ“.—„Хорошо, хорошо“, сказала Екатерина, обнимая меня, „вы можете требовать отъ меня, что угодно; но я никогда не успокоюсь, пока вы не скажете мнѣ, и я желала бы знать именно теперь, что я могу сдѣлать для вашего удовольствія“.—„Въ такомъ случаѣ, государыня, вы можете воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ“.—„Что это такое значитъ?“ спросила она. Я растерялась въ самомъ началѣ моей просьбы и потому предложила потребовать объясненія отъ князя Волконскаго.—„Я думаю, сказалъ онъ, „что княгиня Дашкова разумѣетъ генерала Леонтьева, отлично служившаго противъ Пруссіи; онъ потерялъ седьмую часть своихъ помѣстій и четвертую изъ его прочей собственности, по интригамъ его жены, которая по законамъ не имѣетъ права на это имѣніе впредь до его смерти“. Императрицѣ было извѣстно желаніе Петра разорять тѣхъ изъ офицеровъ, которые усердно служили противъ

прусскаго короля; она поняла несправедливость и обѣщала поправить ее. „Воскресеніе его, сказала она, будетъ предметомъ моего перваго указа, который я подпишу".—„И я совершенно буду вознаграждена вами; генералъ Леонтьевъ, единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови". Я тѣмъ больше была довольна, что могла въ это время оказать услугу семейству моего мужа и отклонить отъ себя всякую личную награду, противную моимъ внутреннимъ убѣжденіямъ.

На слѣдующій день Панинъ получилъ графское достоинство, съ пенсіономъ въ пять тысячъ рублей; князь Волконскій и графъ Разумовскій тотъ же пенсіонъ; а прочіе заговорщики перваго класса по шести сотъ крестьянъ на каждаго и по двѣ тысячи рублей или вмѣсто крестьянъ двадцать четыре тысячи рублей. Я удивилась, встрѣтивъ свое имя въ этомъ спискѣ, но рѣшилась отказаться отъ всякаго подарка; за это безкорыстіе упрекали меня всѣ участники революціи. Мои друзья, впрочемъ, скоро заговорили другимъ тономъ; наконецъ, чтобы остановить всякія сплетни и не оскорбить государыню, я расписалась въ безчестіи. Составивъ счетъ всѣмъ долгамъ моего мужа, я нашла, что сумма ихъ равняется почти двадцати четыремъ тысячамъ рублей, и потому перенесла на его кредиторовъ права получить эти деньги изъ дворцовой казны.

На четвертый день послѣ революціи Бецкій просилъ свиданія съ императрицей и получилъ его. Я въ это время была одна съ Екатериной, когда онъ вошелъ и, къ общему нашему изумленію, ставъ на колѣна, умолялъ ее признаться, чьему вліянію она обязана своимъ восшествіемъ на престолъ?—„Всевышнему и избранію моихъ подданныхъ", отвѣчала государыня.—„Послѣ этого, сказалъ онъ съ видомъ отчаянія, я считаю несправедливымъ носить это отличіе", при чемъ онъ хотѣлъ снять Александровскую ленту съ плеча; но императрица удержала его и спросила, чего онъ хочетъ?—„Я несчастнѣйшій изъ людей, продолжалъ Бецкій, когда вы не признаете во мнѣ единственное лицо, которое приготовило вамъ корону. Не я ли возбуждалъ гвардію? Не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?"

Мы думали, что онъ сошелъ съ ума, и начали было безпокоиться; но вдругъ императрица, съ обыкновенной своей ловкостью, обративъ протестъ въ комическую сцену и превознося самохвальство генерала до высочайшей степени, сказала: „я вполнѣ признаю ваши безмѣрныя одолженія и такъ я обязана вамъ вѣнцомъ, то кому же лучше, какъ не вамъ, я могу поручить приготовить его для моей коронаціи? Поэтому я полагаюсь въ этомъ дѣлѣ на вашу распорядительность и подъ ваше начальство отдаю всѣхъ ювелировъ моей имперіи".

Бецкій въ восторгѣ вскочилъ и, послѣ тысячи благодарностей,

поторопился убраться изъ комнаты, побѣжавъ, вѣроятно, разсказывать о наградѣ, соотвѣтствующей его достоинству. Мы отъ всей души хохотали надъ этой выходкой, которая въ одно время показываетъ геніальную находчивость и ловкость Екатерины, и крайнюю глупость Бецкаго.

VII.

Въ это время петербургскій дворъ представлялъ особый интересъ; революція вызвала на сцену новые характеры; многіе изгнанники, сосланные въ Сибирь въ царствованіе Анны [1]), въ регентство Бирона

[1]) Примѣчаніе миссъ Уильмотъ. Имя императрицы Анны Ивановны напоминаетъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, которые я слышала изустно отъ княгини Дашковой; они стоятъ того, чтобы помѣстить ихъ здѣсь. Извѣстно, что въ царствованіе Петра I было обыкновеніемъ этого деспота наказывать провинившихся дворянъ, приказывая имъ быть дураками. Съ этой минуты несчастная жертва, при всемъ здравомъ умѣ, дѣлался посмѣшищемъ всего двора. Осужденному дураку позволялось говорить все, что попало, съ однимъ, однако жъ, условіемъ, что его можно было, при извѣстномъ случаѣ, вытянуть плетью или угостить пинкомъ. Все, что онъ ни дѣлалъ, было предметомъ общаго смѣха; его слезы обращались въ шутки, надъ его сарказмами зубоскалили или толковали ихъ, какъ чудо шутовской смѣтливости. Анна Ивановна пошла дальше Петра; она соединила съ этой жестокостью всю пошлость обстановки своего шутовства. Однажды она указала, что князь Г..... долженъ обратиться въ насѣдку, въ наказаніе за какой-то мелочной проступокъ; съ этой цѣлью, она приказала приготовить большое лукошко, наложить въ него соломы, яицъ и поставить это гнѣздо на виду въ одной изъ придворныхъ комнатъ. Потомъ было приказано князю, подъ угрозой смерти, сѣсть въ это лукошко и кудахтать курицей.

Та же царица очень любила графиню Чернышеву и часто призывала ее потѣшать себя анекдотами. Бѣдная женщина заболѣла; ноги ея такъ сильно отекли, что она положительно не могла стоять передъ императрицей. Анна Ивановна, вѣроятно, полагала невозможнымъ, чтобы подданная могла устать въ ея присутствіи, продолжала забавляться на счетъ ея страданій, нисколько не думая облегчить ихъ. Впрочемъ, однажды замѣтивъ, что Чернышева совершенно изнемогла и съ трудомъ держалась на ногахъ, она сжалилась надъ ней, не желая, впрочемъ, прекратить своей потѣхи. „Ты можешь наклониться на этотъ столъ, сказала она; служанка заслонитъ тебя, и такимъ образомъ я не буду видѣть твоей позы".

Въ другомъ случаѣ императрица изъявила желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ красавицъ Петербурга исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать княгини Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи; какъ, однако жъ, онѣ ни желали угодить царской волѣ, но, испуганныя строгимъ взглядомъ государыни, смѣшались и позабыли фигуру танца. Среди общей суматохи императрица встала съ креселъ и, приблизившись къ нимъ съ полнымъ достоинствомъ, отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что онѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха.

*

и при Елисаветѣ, были прощены Петромъ III и каждодневно возвращались. Нѣкоторые изъ нихъ, занимая государственныя должности въ прежнія царствованія и зная закулисныя ихъ тайны, напоминая своими несчастіями былыя времена, наконецъ обратившіе на себя общее любопытство и вниманіе, вдругъ послѣ глухой неизвѣстности и политическаго замиранія, выступили на сцену въ яркомъ свѣтѣ и знаменитости.

Въ числѣ ихъ явился и канцлеръ Бестужевъ. Я была представлена ему въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, уязвившихъ Орловыхъ.— „Это молодая княгиня Дашкова, сказала Екатерина; могли ли вы вообразить, что я буду обязана престоломъ дочери графа Романа Воронцова?“

За четыре года я видѣла Бестужева одинъ разъ и только мелькомъ. Меня поразило его умное, или лучше скрыто-лукавое лицо; на вопросъ мой, я въ первый разъ услышала имя этого знаменитаго характера. Я останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ потому, что въ нѣкоторыхъ разсказахъ о революціи меня обвиняли въ заговорѣ съ нимъ противъ Петра III, хотя мнѣ было не болѣе четырнадцати лѣтъ, во время изгнанія его. Послѣ этого понятно, до какой степени многіе французскіе писатели доводятъ неуваженіе къ истинѣ и невѣжество фактовъ, какъ будто они согласились лишить исторію всякаго авторитета, обративъ ее въ безумную клевету и жалкую ложь.

Между этими привидѣніями общаго воскресенія были еще двое, не менѣе замѣчательные люди—фельдмаршалъ Минихъ и Лестокъ. Я помнила ихъ съ дѣтства, видѣвъ въ домѣ моего дяди, который чрезвычайно былъ приверженъ къ нимъ. Первый, восьмидесятилѣтній старикъ отличался рыцарской вѣжливостью, еще больше замѣтной по сравненію съ грубыми манерами изъ нашихъ революціонеровъ. Онъ сохранилъ всю характеристическую твердость ума, всю свѣжесть своихъ способностей. Его разговоръ необычайно интересовалъ меня, и я съ особенной гордостью пользовалась его снисходительностью и добротой въ этомъ отношеніи. Я смотрѣла на этихъ двухъ стариковъ, какъ на живыя лѣтописи минувшихъ временъ; и сравнивая настоящее съ прошедшимъ, мой умъ обогащался новыми познаніями, хотя неопытность еще доселѣ обманывала меня юношеской мечтой видѣть въ каждомъ человѣческомъ сердцѣ священный храмъ добродѣтели.

Но среди любопытныхъ событій эпохи, вдругъ душа моя съ ужасомъ встрепенулась отъ страшной дѣйствительности: я говорю о трагической смерти Петра III. Извѣстіе объ этой катастрофѣ такъ оскорбило меня, такую мрачную тѣнь бросило на славную реформу, что я хотя и далека была отъ мысли считать Екатерину участницей въ преступленіи Алексѣя Орлова, за всѣмъ тѣмъ не могла войти во дворецъ

до слѣдующаго дня. Я нашла императрицу разстроенной, видимо, огорченной подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній. „Я невыразимо страдаю при этой смерти, сказала она; вотъ ударъ, который роняетъ меня въ грязь".—„Да, мадамъ, отвѣчала я ей, смерть слишкомъ скоропостижна для вашей и моей славы".

Между тѣмъ вечеромъ, разговаривая въ передней съ нѣкоторыми лицами, я имѣла неосторожность сказать, что Алексѣй Орловъ, конечно, согласится, что съ этой поры намъ невозможно даже дышать однимъ воздухомъ и что едва-ли у него достанетъ дерзости подойти ко мнѣ, какъ къ знакомой. Отселѣ Орловы сдѣлались моими неумолимыми врагами; и надо отдать справедливость Алексѣю Орлову, несмотря на его обычную наглость, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова.

Какъ ни былъ очевиденъ поводъ къ подозрѣнію императрицы, устроившей или только допустившей убійство своего мужа, мы имѣемъ ясное опроверженіе этого подозрѣнія, его уничтожаетъ собственноручное письмо Алексѣя Орлова, писанное имъ немедленно послѣ злодѣянія. Его слогъ и безсвязность, несмотря на пьяное состояніе автора, обнаруживаютъ страхъ и укоры совѣсти; онъ умоляетъ о прощеніи въ раболѣпныхъ выраженіяхъ.

Это письмо было тщательно сбережено Екатериной II, вмѣстѣ съ другими важными документами, въ особенной шкатулкѣ; по смерти ея, Павелъ приказалъ графу Безбородко разобрать и прочитать эти бумаги въ своемъ присутствіи. Когда было окончено чтеніе этого письма, Павелъ, перекрестившись, воскликнулъ: „Слава Богу, теперь разсѣяны мои послѣднія сомнѣнія относительно матери въ этомъ дѣлѣ". Императрица и молодая Нелидова присутствовали при этомъ; государь также велѣлъ прочитать письмо великимъ князьямъ и графу Растопчину.

Кто уважалъ память Екатерины II, для того ничего не могло быть отраднѣе этого открытія. Мои убѣжденія на этотъ счетъ не нуждались въ доказательствахъ; за всѣмъ тѣмъ я радовалась находкѣ подобнаго акта, который заставлялъ молчать самую отвратительную клевету, тяготѣвшую на женщинѣ, при всѣхъ ея слабостяхъ, никогда не способной даже подумать о такомъ преступленіи.

Свиданіе мое съ княземъ Дашковымъ было верхомъ моей радости; оно обновило мое существованіе, послѣ такого бурнаго періода жизни, исполненной постоянныхъ раздраженій для души и тѣла. Императрица немедленно отпраздновала пріѣздъ его самымъ лестнымъ образомъ для князя, назначивъ его командиромъ кирасирскаго полка, въ которомъ она сама считалась полковникомъ.

Этотъ полкъ при Елисаветѣ и Петрѣ III былъ первымъ гвардей-

скимъ полкомъ и почти исключительно управлялся нѣмцами. Поэтому назначеніе русскаго въ головѣ его было явленіемъ утѣшительнымъ для всего войска; князь Дашковъ съумѣлъ такъ хорошо поставить себя въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ, что юноши наперерывъ искали мѣстъ въ этомъ полку, и такъ какъ князь не щадилъ никакихъ расходовъ на лошадей и обмундировку, то этотъ полкъ скоро сталъ самымъ лучшимъ, самымъ избраннымъ въ цѣлой арміи.

Мы, не теряя времени, перебрались во дворецъ; почти каждый день обѣдали съ императрицей, а ужинали въ своихъ собственныхъ комнатахъ, приглашая десять или двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ собственныхъ знакомыхъ каждый вечеръ.

Мечты мои относительно царской дружбы почти исчезли, и мнѣ можно остановиться больше, чѣмъ слѣдовало бы, на воспоминаніи тѣхъ задушевныхъ минутъ, въ которыя обольстительная власть императрицы часто смѣшивалась съ ребяческими шалостями.

Я пламенно любила музыку, а Екатерина напротивъ. Князь Дашковъ хотя и сочувствовалъ этому искусству, но понималъ его не больше императрицы. Несмотря на то, она любила слушать мое пѣніе; когда я продолжала его, она обыкновенно, подавая секретный знакъ Дашкову, затягивала съ нимъ дуэтъ, что называлось на ея языкѣ небесной музыкой; и такимъ образомъ, ни тотъ, ни другая, не смысля ни одной ноты, составляли концертъ, самый дикій и невыносимо раздирающій уши, вторя другъ другу, со всѣми ужимками и самымъ торжественнымъ видомъ и гримасами артистовъ. Она также искусно подражала мяуканью кошки и блеянію овцы, всегда придумывая на половину комическія и сантиментальныя выраженія, сообразно случаю; иногда вспрыгивая, подобно злой кошкѣ, она нападала на перваго мимопроходившаго, растопыривая руку въ видѣ лапы и завывая такъ рѣзко, что на мѣстѣ Екатерины Великой былъ виденъ забавный паяцъ.

Я думаю, что никто въ мірѣ не обладалъ въ равной степени съ Екатериной быстротой ума, неистощимымъ разнообразіемъ его источниковъ и, главнѣе всего, прелестью манеры и умѣніемъ скрасить самое обыкновенное слово, придать цѣну самому ничтожному предмету.

Эти мемуары должны быть зеркаломъ не только моей жизни, но и того духа, который вліялъ на меня; поэтому я желаю разсказать еще одинъ случай, гдѣ я испытала неудовольствіе со стороны государыни; ему придали гораздо больше значенія, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, и обратили его въ злонамѣренную сплетню. Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ, я не скрою ничего, что знаю; и что бы ни писали люди, пользующіеся, за неимѣніемъ другаго авторитета, обыденной молвой, я должна оговориться, что

совершеннаго разрыва между мной и Екатериной никогда не было. Что касается до денежныхъ вознагражденій, полученныхъ мной за услуги, но заподозрѣнныхъ съ противной точки зрѣнія, мнѣ достаточно напомнить, что императрица хорошо знала меня, ей было извѣстно и то, что своекорыстіе всего дальше было отъ моего сердца. Подобные разсчеты такъ были чужды мнѣ, что наперекоръ все заражающему придворному эгоизму, который образовалъ мнѣ враговъ изъ людей, обязанныхъ мнѣ и на зло всѣхъ опытовъ человѣческой неблагодарности, въ теченіе всей моей жизни, я смѣло могу утверждать, что скромныя мои средства всегда были готовы на пользу другимъ.

Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившей меня, былъ между прочимъ, поступокъ молодаго офицера Михаила Пушкина; я разскажу его подробно, потому что съ нимъ соединялось неудовольствіе императрицы, о которомъ я сейчасъ замѣтила.

Этотъ молодой человѣкъ, котораго отецъ былъ какимъ-то чиновникомъ, потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе, былъ лейтенантомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ; мой мужъ часто помогалъ ему деньгами. Юношество любило Пушкина за его умъ и умѣнье хорошо говорить; это обстоятельство и обыкновенная фамильярность между офицерами заставила князя, безъ дальнихъ разсужденій, допустить его въ число своихъ друзей. По просьбѣ Дашкова передъ самой нашей свадьбой, я выручила его изъ непріятнаго и очень неловкаго дѣла, въ которое онъ замѣшался съ главнымъ французскимъ банкиромъ Гейнберомъ. Пушкинъ вмѣсто того, чтобы заплатить долгъ этому послѣднему, вытолкалъ его изъ своего дома. Вслѣдствіе этого оскорбленія, столь несправедливаго, было начато слѣдствіе, въ которомъ Гейнбера жарко поддерживалъ французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь. Такъ какъ мнѣ часто случалось встрѣчать маркиза въ домѣ моего дяди, то я попросила его окончить процессъ; онъ охотно согласился и написалъ князю Меншикову, начальнику Пушкина, увѣдомивъ его, что дѣло съ Гейнберомъ рѣшено полюбовно, и потому можно считать его навсегда оконченнымъ.

Съ этого времени карьера этого молодаго человѣка была предметомъ нашихъ заботъ; однажды въ царствованіе Петра, императрица, разговаривая со мной о своемъ сынѣ, захотѣла помѣстить, около него, по совѣту Панина, нѣсколькихъ хорошихъ юношей, въ качествѣ сверстниковъ, въ особенности, знающихъ иностранные языки и литературы; я отрекомендовала ей Пушкина, какъ самаго способнаго мальчика. Спустя нѣсколько недѣль, онъ пойманъ былъ въ шалости самаго скандалезнаго свойства, и хотя я лично не любила его, но, по настоянію своего мужа, возбудила къ нему участіе Екатерины и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

Вскорѣ за тѣмъ, не задолго до восшествія на престолъ императрицы, я проводила съ ней одинъ вечеръ въ Петергофѣ, когда Панинъ привелъ сына показать ей; между прочимъ замѣтивъ о чрезмѣрной застѣнчивости и даже дикости своего питомца, что наставникъ приписывалъ совершенному отчужденію великаго князя отъ его однолѣтковъ, онъ опять въ числѣ другихъ напомнилъ о Пушкинѣ, о которомъ говорилъ своему дядѣ князь Дашковъ, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга.

Услышавъ это имя, императрица тотчасъ замѣтила, что хотя она не обвиняетъ прямо Пушкина въ его послѣднемъ поступкѣ, однако жъ, дѣло его до того было гласнымъ, что, по одному уже подозрѣнію, онъ не можетъ быть допущенъ къ ея сыну.

Искренно одобривъ возраженіе Екатерины и прибавивъ, что мы рекомендовали его прежде этого происшествія, при всемъ томъ, я просила ее поразмыслить, не ложно ли онъ обвиненъ и что было бы очень жалко, еслибъ молодой человѣкъ, по одной сомнительной молвѣ, потерялъ надежду быть полезнымъ на своемъ мѣстѣ.

Таковы были наши одолженія въ отношеніи къ Пушкину, и вотъ какъ онъ отплатилъ за нихъ.

Когда Екатерина была уже на престолѣ, а мы жили во дворцѣ, однажды вечеромъ былъ приглашенъ къ намъ Пушкинъ; онъ явился какъ обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа; я замѣтила ему о томъ и спросила о причинѣ. Онъ сказалъ, что дѣла его съ часу на часъ идутъ хуже и, несмотря на мое обѣщаніе, онъ теряетъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я утѣшала его, желая разогнать его черныя думы, при чемъ старалась увѣрить, что, если это мѣсто не достанется ему, то государыня назначитъ его на другое мѣсто, и мое ходатайство въ его пользу всегда будетъ готово. Я утѣшила и обнадежила его съ той увѣренностью, что онъ, положится на мое обѣщаніе—такъ или иначе пособить ему. Но что же вышло? Едва онъ оставилъ меня, какъ встрѣтилъ Зиновьева, которому, съ той же грустной физіономіей, разсказалъ о своемъ несчастіи, и что будто это несчастіе происходитъ отъ недовѣрія къ нему императрицы вслѣдствіе распущенныхъ о немъ дурныхъ слуховъ, какъ онъ это сейчасъ узналъ отъ меня. Зиновьевъ немедленно предложилъ ввести его къ Григорію Орлову, своему другу. Предложеніе очень охотно было принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительство любовника. Орловъ спросилъ его, въ чемъ дѣло; Пушкинъ съ мастерскимъ краснорѣчіемъ повторилъ ему свою исторію; первый, замѣтивъ въ немъ человѣка, способнаго клеветать на меня, принялъ сторону Пушкина и обѣщалъ ему успѣхъ, желая доказать, какъ мало значитъ для императрицы мое ходатайство.

Въ тотъ же вечеръ князь Дашковъ получилъ письмо и, что̀ особенно удивило насъ, оно было отъ того же Пушкина, написанное въ видѣ оправданія въ томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову, что здѣсь происходилъ разговоръ—онъ не совсѣмъ хорошо его помнитъ,—но разговоръ такого свойства, что можетъ имѣть вредныя послѣдствія для меня. „Чувствую по пословицѣ, что шапка на ворѣ горитъ", онъ хотѣлъ отречься отъ всего, что наговорилъ Орлову, и обѣщалъ подтвердить свое оправданіе письменно на слѣдующее утро.

Я такъ презирала подобныя продѣлки, что совѣтовала не упоминать объ этомъ; но Дашковъ счелъ неприличнымъ отказать ему въ такомъ невинномъ оправданіи.

На другое утро, я обычнымъ порядкомъ явилась къ императрицѣ. Рѣчь немедленно упала на Пушкина: „Съ чего вы взяли, спросила Екатерина, разрушать довѣріе подданнаго, внушая ему, что онъ потерялъ въ моихъ глазахъ мнѣніе о себѣ, и что я причиной несчастія Пушкина?"

Изумленная этимъ обвиненіемъ, раздраженная неблагодарностью, я съ трудомъ удержалась отъ гнѣва и ограничилась только однимъ возраженіемъ, что императрицѣ хорошо извѣстны мои хлопоты помочь ему; послѣ того я предоставляю ей самой судить о его подлости; я только одного не понимаю, какимъ образомъ слово утѣшенія могло быть обращено въ ябеду. Относительно же внушенія недовѣрія ея подданному я такъ была далека отъ подобной мысли, что, напротивъ, убѣждала его надѣяться, если онъ не успѣетъ получить мѣста при великомъ князѣ, найти другое по милости царской, и быть полезнымъ своимъ дарованіемъ правительству.

На этомъ прекратился нашъ разговоръ, и я думаю, мое объясненіе удовлетворило императрицу, хотя я глубоко была уязвлена слишкомъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ ея выговоромъ.

Когда я увидѣла своего мужа, онъ сказалъ: „ты права относительно этого бездѣльника Пушкина; мой слуга былъ у него именно въ то время, которое онъ назначилъ, и онъ отказался прислать письменное подтвержденіе, избѣгая, разумѣется, опасности оказаться лжецомъ подъ собственноручной роспиской".

„Намъ остается одно, отвѣчала я, забыть этого коварнаго негодяя; онъ никогда не былъ достоинъ твоей дружбы".

Послѣдующее его поведеніе оправдало мое мнѣніе и низость его характера. Опредѣленный, съ помощью Орловыхъ, начальникомъ коллегіи мануфактуръ, онъ сталъ поддѣлывать банковые билеты, за что̀ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ дни свои.

VIII.

Возвращаюсь къ болѣе общественнымъ дѣламъ. Коронація императрицы въ это время была предметомъ общаго вниманія. Въ сентябрѣ дворъ отправился въ Москву; я ѣхала въ одной каретѣ съ Екатериной, а князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. По дорогѣ каждый городъ и деревня весело встрѣчали государыню.

За нѣсколько верстъ отъ Москвы мы остановились въ Петровскомъ, на дачѣ графа Разумовскаго, гдѣ собрались должностныя лица и толпы городскихъ жителей, въ ожиданіи пріѣзда императрицы.

Князь Дашковъ поспѣшилъ извѣстить свою мать, отъ которой возвратился на другое утро; я, съ своей стороны, горѣла нетерпѣніемъ обнять моего Мишу, сына, котораго я за годъ передъ тѣмъ, оставила на попеченіе своей свекрови; поэтому я просила Екатерину отпустить меня до вечера. Она старалась уговорить остаться дома, подъ тѣмъ предлогомъ, что мнѣ необходимо отдохнуть послѣ усталости. Я, однако жъ, рѣшилась подождать не долѣе полудня. Послѣ обѣда, когда я собралась ѣхать, императрица отозвала меня и мужа въ другую комнату, и очень осторожно и нѣжно предупредила, что мой Мишенька умеръ.

Это несчастіе было для меня выше всякой мѣры. Я бросилась въ домъ, гдѣ онъ скончался, и не могла больше возвратиться въ Петровское и жить во дворцѣ, тѣмъ болѣе участвовать въ церемоніяхъ торжественнаго въѣзда въ Москву. Императрицу я посѣщала каждый день, но избѣгала всѣхъ общественныхъ собраній, продолжая жить въ домѣ старой княгини Дашковой; ея любовь и доброе расположеніе ко мнѣ были источникомъ моего утѣшенія.

Въ это самое время, Орловы, съ ихъ обыкновеннымъ пронырствомъ, искали случая унизить меня. Они устроили церемоніалъ вѣнчанія, на основаніи нѣмецкаго этикета, введеннаго Петромъ I, военное сословіе первенствовало на подобныхъ выставкахъ; поэтому они назначили мнѣ мѣсто въ соборѣ, не какъ другу императрицы, украшенному орденомъ св. Екатерины, а какъ женѣ полковника, которая могла быть допущена въ самыхъ низшихъ рядахъ.

Внутри собора была поставлена высокая платформа для зрителей этого класса; съ нея ясно былъ виденъ каждый посѣтитель: такимъ образомъ, замыселъ Орловыхъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Мои друзья единодушно совѣтовали мнѣ не являться; поблагодаривъ, я замѣтила имъ, что было бы странно увлекаться самолюбіемъ въ то время, когда всѣ мои дружескія и патріотическія надежды готовы

осуществиться; та же самая гордость, которую враги стараются оскорбить, возвысить меня среди толпы, и въ виду церемоніи, которой я скорѣе дамъ, чѣмъ приму отъ нея истинное достоинство. Увы, кто могъ разсчитывать на безчувственность этикета въ такую минуту.

Забывая всѣ личныя чувства, я искренно встрѣтила 22-е сентября, день коронаціи. Раннимъ утромъ я вошла къ императрицѣ и, за отсутствіемъ великаго князя, находилась близъ нея во время процессіи въ соборъ; по приходѣ я заняла свое скромное мѣсто между неизвѣстными людьми низшихъ военныхъ рядовъ. Можетъ быть убѣжденія мои въ этомъ отношеніи не были поняты тѣми, кто измѣрялъ мои чувства по спискамъ адресъ-календаря, но какъ я ни была молода, истинная норма всякаго отличія для меня заключалась въ личномъ достоинствѣ; и если трудно унизить меня, то, конечно, потому, что я полагала настоящимъ униженіемъ нашу собственную безнравственность.

Когда кончилось вѣнчаніе, императрица возвратилась во дворецъ и сѣла подъ царскимъ балдахиномъ.

Началось длинное производство; между первыми назначеніями, князь Дашковъ былъ пожалованъ камергеромъ, что́ дало ему чинъ бригадира и не лишило полка; я была сдѣлана статсъ-дамой.

Москва представляла рядъ безпрерывныхъ празднествъ. Народъ, казалось, веселился отъ души, и вся зима прошла среди пировъ и праздниковъ. Мы не раздѣляли ихъ по причинѣ семейнаго горя. Младшая сестра моего мужа занемогла, и, несмотря на крѣпкое тѣлосложеніе, только продолжившее ея страданія, наконецъ, скончалась жертвой невѣжества своего медика. Я тяжело скорбѣла за эту милую дѣвушку, которая передъ смертью не отпускала меня отъ себя ни днемъ, ни ночью; кромѣ того, мое собственное хилое здоровье и беременность заставили избѣгать всего, что выходило за кругъ этой траурной жизни. Князь Дашковъ, оплакивая смерть любимой сестры и утѣшая горюющую мать, также не имѣлъ ни времени, ни желанія являться въ общество, и, чтобъ не безпокоить себя пріемомъ посѣтителей, мы никого не принимали, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родственниковъ.

При такой отшельнической жизни, придворныя событія были намъ извѣстны мало, кромѣ общегласныхъ происшествій, какъ, напримѣръ, просьбы Бестужева, которую онъ представилъ Екатеринѣ, относительно ея втораго брака.

Этотъ шарлатанскій актъ, облеченный въ форму національнаго адреса, умолялъ императрицу почтить усердныя желанія любезныхъ ея подданныхъ избраніемъ супруга, достойнаго ея царской руки. Этому акту мужественно и благородно противодѣйствовалъ мой дядя,

канцлеръ. Когда Бестужевъ принесъ ему адресъ, подписанный многими сановниками, дядя просилъ не безпокоить его даже именемъ этого глупаго и опаснаго проекта. За всѣмъ тѣмъ, Бестужевъ началъ читать бумагу, при чемъ канцлеръ всталъ съ креселъ и, разсердившись противъ нелѣпости такой просьбы, вышелъ изъ комнаты.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ велѣлъ подать себѣ карету и, несмотря на то, что былъ боленъ, отправился во дворецъ. Онъ немедленно хотѣлъ видѣть императрицу и просить ее отвергнуть предложеніе, придуманное Григоріемъ Орловымъ и основанное на его собственныхъ честолюбивыхъ замыслахъ. Канцлеръ требовалъ аудіенціи, которая тотчасъ была дана ему. Онъ явился и говорилъ вслѣдствіе открытія, сдѣланнаго ему Бестужевымъ, который хотѣлъ придать своей собственной вздорной фабрикаціи санкцію всего народа, будто желающаго для себя и для своей монархини царя. Такая мѣра, продолжалъ онъ, оскорбительна для ея подданныхъ, которые имѣютъ много причинъ, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, не желать такого мужа ей, а себѣ повелителя, какъ Григорій Орловъ.

Императрица отвѣчала ему такъ: „Я никогда не уполномочивала этого стараго интригана на этотъ поступокъ; что же касается до васъ, я вижу въ вашемъ откровенномъ и честномъ поведеніи слишкомъ много приверженности ко мнѣ, хотя вы всегда невпопадъ ее употребляете“.

Мой дядя возразилъ, что онъ дѣйствуетъ по долгу совѣсти, и увѣренъ, что государыня сама, по доброй волѣ, отклонитъ это гибельное обстоятельство. Затѣмъ онъ ушелъ.

Такая твердость со стороны канцлера удивила всѣхъ и пріобрѣла ему новое уваженіе въ общественномъ мнѣніи; но Бестужевъ приписалъ ее предварительному согласію съ императрицей, которая будто бы хотѣла, съ помощью этого протеста, отдѣлаться отъ настойчивости Григорія Орлова. Это подозрѣніе, впрочемъ, было совершенно ложное, потому что болѣзнь не выпускала моего дядю изъ комнаты и не позволяла ему заниматься дѣлами. Во всякомъ случаѣ, чистота его характера защищаетъ его отъ всякаго нареканія въ подложномъ поступкѣ.

Между тѣмъ, Григорій Орловъ, разочарованный въ своихъ заносчивыхъ мечтахъ, былъ возведенъ въ достоинство князя германской имперіи; и въ то время, какъ канцлеръ обличалъ интригу его адептовъ, другіе, негодуя на его надменныя желанія, искали паденія временщика. Въ числѣ ихъ находился Гетрофъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ заговорщиковъ противъ Петра III; изящныя его манеры и прекрасная его наружность разжигали ревность, возбужденную безкорыстіемъ его въ душѣ Орловыхъ. Одинъ изъ двоюродныхъ

братьевъ Гетрофа, Ржевскій, участникъ революціи со стороны обѣихъ партій, пользовался обоюднымъ ихъ довѣріемъ, но любившій больше всего личную пользу, измѣннически открылъ Алексѣю Орлову замыселъ Гетрофа, который готовилъ вопіющій протестъ противъ просьбы Бестужева и успѣлъ скрѣпить его подписью всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствовалъ Екатеринѣ взойти на престолъ, въ то же время, онъ предупредилъ его, что въ случаѣ неудачи протеста любимцу угрожаетъ месть. Гетрофъ былъ арестованъ, Алексѣй Орловъ допрашивалъ его, говорятъ, съ крайнимъ безстыдствомъ и жестокостью, при чемъ, Гетрофъ съ гордостью произнесъ, что онъ первый лучше вонзилъ бы ножъ въ сердце Григорія Орлова и послѣ того умеръ, чѣмъ согласился бы признать его своимъ монархомъ и быть свидѣтелемъ бѣдствія страны, только-что освобожденной отъ тирана.

При другомъ слѣдствіи, производимомъ Суворовымъ, отцомъ славнаго фельдмаршала, Гетрофъ былъ спрошенъ, не имѣлъ ли онъ сношеній со мной, и какія мои мнѣнія въ этомъ отношеніи: „Я три раза, отвѣчалъ онъ, являлся къ княгинѣ Дашковой, съ намѣреніемъ попросить ея совѣта, но она никого не принимала. Но еслибъ я увидѣлъ ее, вполнѣ открылъ бы свои чувства, я убѣжденъ, что она посовѣтовала бы все, что долженъ внушить истинный патріотизмъ и нелицемѣрное великодушіе“.

Этотъ благородный отвѣтъ Гетрофа былъ подъ секретомъ сообщенъ Суворовымъ моему мужу, когда они на другой день встрѣтились во дворцѣ; Суворовъ, обязанный отцомъ Дашкова, съ удовольствіемъ ему передалъ столь лестный отзывъ обо мнѣ.

Возвращаюсь къ своимъ домашнимъ дѣламъ. По смерти моей сестры, уговорили княгиню Дашкову переѣхать съ печальнаго пепелища въ домъ ея брата, генерала Леонтьева; между тѣмъ я продолжала жить инвалидомъ въ городѣ, среди хандры и безполезныхъ занятій.

Наконецъ, 12-го мая, стараго стиля, родился у меня сынъ, а на другой день, мой мужъ заболѣлъ простудой, которой онъ часто подвергался. При такомъ порядкѣ вещей, черезъ три дня императрица прислала Дашкову письмо съ своимъ секретаремъ, Тепловымъ.

Дяди мои, Панины, сидѣли у насъ, когда явился Тепловъ; не желая встрѣтиться съ ними, или ему приказано было исполнить порученіе съ глазу на глазъ, онъ попросилъ Дашкова выйти на улицу, чтобы здѣсь переговорить съ нимъ.

Князь лежалъ въ постели въ одной комнатѣ со мной; онъ потихоньку всталъ, одѣлся въ шинель, сошелъ съ лѣстницы и принялъ отъ Теплова письмо Екатерины слѣдующаго содержанія:

„Я отъ всей души желала бы не забыть заслуги княгини Даш-

ковой вслѣдствіе ея собственной забывчивости; напомните ей объ этомъ, князь, такъ какъ она позволяетъ себѣ угрожать мнѣ въ своихъ разговорахъ".

Я ничего не знала объ этомъ дѣлѣ до вечера, когда я подслушала совѣщанія Паниныхъ съ мужемъ въ его спальнѣ и замѣтила безпокойное выраженіе лица моей сестры, Александры, проходившей черезъ мою комнату къ брату. Эта грустная тайна въ высшей степени встревожила меня; я боялась, что болѣзнь мужа приметъ дурной оборотъ; поэтому желала видѣть моихъ дядей: они подошли къ постели и, чтобъ успокоить меня, передали мнѣ содержаніе царскаго письма.

Я гораздо больше была недовольна Тепловымъ, который вызвалъ мужа изъ постели, подвергая его опасности, чѣмъ несправедливости этого страннаго обвиненія. Впрочемъ, я желала прочитать письмо. Генералъ Панинъ сказалъ, что Дашковъ поступилъ съ этимъ письмомъ такъ, какъ онъ самъ сдѣлалъ бы въ этомъ случаѣ, разорвавъ его въ клочки и отвѣтивъ на него очень рѣзко.

Я чувствовала себя, сверхъ ожиданія, въ спокойномъ состояніи духа и не роптала на императрицу; при такихъ врагахъ, какими она была окружена, всегда надо было ожидать подобныхъ несправедливостей. Поэтому я хладнокровно поручила графу Панину спросить Екатерину, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе моего ребенка, такъ какъ она обѣщала быть крестной его матерью. Сдѣлавъ это предложеніе, я хотѣла знать, вспомнитъ ли она о своемъ обѣщаніи, среди ложныхъ обвиненій, которыми старались возмутить ее противъ меня.

Когда дяди удалились, князь Дашковъ вошелъ въ мою комнату; несмотря на его видимое хладнокровіе и желаніе разсѣять мой страхъ, я изумилась его исхудалому лицу, такъ что, когда онъ возвратился въ постель, я долго не могла заснуть. Наконецъ, я заснула подъ вліяніемъ лихорадочнаго сна, но меня разбудилъ крикъ и буйныя пѣсни пьяной толпы подъ окномъ; эта толпа высыпала на улицу послѣ увеселеній Орловыхъ, которыхъ домъ, къ несчастью, былъ по сосѣдству съ нашимъ. Неистовыя вакханаліи съ кулачными бойцами были любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ. Я такъ испугалась, потрясенная этимъ шумомъ, что тотчасъ же почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Предвидя опасность, я послала кормилицу за полковымъ лѣкаремъ, нашимъ домашнимъ другомъ, приказавъ провести его такъ, чтобъ не будить мужа. Когда онъ пришелъ и взглянулъ на меня, потерялъ всякую надежду и немедленно потребовалъ на помощь доктора и князя Дашкова: я, однако жъ, никого не впустила къ себѣ до шести часовъ утра; въ это время я совершенно

отчаялась въ моей жизни; поэтому я позвала князя, поручила ему дѣтей, умоляла его всего больше позаботиться о воспитаніи ихъ; потомъ поцѣловала его въ знакъ вѣчной нашей разлуки.

Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой холодный поцѣлуй, доселѣ живутъ въ моемъ сердцѣ; и эта предсмертная минута была для меня почти счастіемъ; но Богу угодно было отвести ударъ, который я ожидала съ такой покорностью, и продолжить мою безутѣшную жизнь, послѣ смерти моего милаго мужа.

Императрица и великій князь были воспріемниками моего сына, названнаго Павломъ, но они не спросили о моемъ здоровьѣ ни прежде, ни послѣ церковнаго обряда.

Вскорѣ, затѣмъ, дворъ возвратился въ Петербургъ. Мое выздоровленіе шло очень тихо, и я продолжала жить въ Москвѣ, принимая съ нѣкоторой пользой холодныя ванны до іюля. Между тѣмъ Дашковъ обязанъ былъ соединиться съ своимъ полкомъ въ Петербургѣ и Дерптѣ, гдѣ онъ стоялъ, а я переѣхала на дачу, въ семи верстахъ отъ Москвы.

Дѣвица Каменская и сестры ея дѣлили мое уединеніе до декабря, когда, чувствуя себя совершенно здоровой, я вмѣстѣ съ Каменской отправилась въ Петербургъ къ своему мужу. Мы поселились въ наемномъ домѣ.

IX.

Я пишу исторію своей жизни, а не исторію своего времени; потому я не считаю нужнымъ подробно говорить о политическихъ событіяхъ этой эпохи, а коснусь ихъ въ той мѣрѣ, въ какой необходимо для ясности моего разсказа.

Смерть Августа, короля польскаго и курфюрста саксонскаго, открыла широкое поле дипломатическимъ интригамъ Европы. Саксонская династія хотѣла удержать польскую корону въ своихъ рукахъ; прусскій король домогался другихъ цѣлей. Нѣкоторые изъ магнатовъ Посполитой Рѣчи, подкупленные золотомъ и обѣщаніями Саксоніи, поддерживали права этого дома; между тѣмъ какъ другіе, руководимые болѣе патріотическими побужденіями и подозрительно посматривая на опасную политику, утвердившую, наперекоръ конституціоннымъ началамъ, почти наслѣдственно польскій престолъ за Саксонской династіей, упорно стояли за національное избраніе. Вѣнскій кабинетъ, заискивая дружбы русской императрицы, объявилъ себя въ пользу избранія, можетъ быть имѣя въ виду притязанія князя Чарторыйскаго,

такъ какъ Екатерина еще не обнаружила своихъ желаній—представить Понятовскаго кандидатомъ упраздненнаго престола. Когда ея намѣреніе сдѣлалось извѣстнымъ совѣту, князь Орловъ воспротивился ему;—военный министръ, графъ Захарій Чернышевъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Иваномъ, замѣтивъ возраставшее вліяніе Орлова, хотя не открыто, но стали на его сторонѣ и употребили всевозможныя средства остановить движенія войскъ и тѣмъ помѣшать исполненію желаній Екатерины.

Наконецъ, когда наступило время собранія, она поставила князя Дашкова въ головѣ войска, посланнаго въ Польшу; этимъ выборомъ она хотѣла разрушить интригу Орловыхъ и дать лучшую опору своимъ собственнымъ интересамъ. Согласно съ тѣмъ, она отдала Дашкову тайное приказаніе и отправила его такъ секретно, что почти никто не зналъ о его назначеніи до самаго отъѣзда.

Князь, обрадованный такимъ довѣріемъ, принялся за дѣло съ необыкновеннымъ усердіемъ и дѣятельностью, и восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями, поставленными на пути его. Князь Волконскій, главнокомандующій арміею, первый былъ посланъ въ Польшу поддержать народный вопросъ; ему приказано было не двигаться дальше Смоленска, князь же Дашковъ прошелъ до самой Варшавы, предводительствуя корпусомъ, достаточнымъ для достиженія предположенной цѣли этого похода; власть, данная ему, прежде чѣмъ онъ достигъ мѣста назначенія, была такъ безгранична, что генералы и бригадиры, изъ которыхъ нѣкоторые были старше его, безусловно подчинились ему.

Сильная раздражительность души и двойное безпокойство за отсутствующаго мужа и больную дочь снова разстроили мое здоровье; мнѣ было предписана перемѣна воздуха; къ счастью я получала съ каждой почтой очень важныя письма отъ мужа и потому не хотѣла слишкомъ далеко удаляться отъ Петербурга. Съ позволенія своего брата, князя Куракина, я заняла одну изъ его загородныхъ дачъ, ту самую прекрасную Гатчину, которая по смерти его была куплена императрицей. Она тогда не имѣла того близкаго сообщенія съ Петербургомъ, которое впослѣдствіи было установлено. Я жила здѣсь съ двумя дѣтьми и Каменской, совершенной отшельницей, до самаго пріѣзда государыни изъ Риги, и выѣзжала изъ дому только для верховыхъ прогулокъ по окрестностямъ; избѣгая большихъ расходовъ и не принимая къ себѣ почти никого, въ отсутствіи мужа, я заняла только одно крыло этой обширной дачи, гдѣ была устроена холодная ванна для моихъ дѣтей. Большую же часть покоевъ я уступила генералу Панину, назначенному теперь сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта: онъ оставался здѣсь до отъѣзда Екатерины въ

Ригу, куда онъ сопровождалъ ее. Когда онъ жилъ со мной, каждое утро являлось къ нему множество просителей по дѣламъ службы; но хотя мы занимали одинъ домъ, у насъ было отдѣльное хозяйство и особенные входы на противоположныхъ концахъ зданія. Дядя вставалъ для занятій раньше меня, и потому я не видѣла и не слышала никого, кто приходилъ къ нему; я отнюдь не догадывалась, что въ числѣ его посѣтителей былъ Мировичъ — личность, замѣчательная безумнымъ замысломъ посадить на тронъ юнаго Ивана, съ младенчества заключеннаго въ Шлиссельбургской крѣпости. Посѣщенія Мировича возбудили подозрѣніе противъ меня и бросили новую ложную тѣнь на мой характеръ и убѣжденія, и безъ того уже извращенныя. Я, разумѣется, досадовала, забывъ о томъ, что я слишкомъ много сдѣлала для Екатерины и слишкомъ мало для своей личной пользы, чтобы избѣжать зависти и клеветы.

Скоро, послѣ возвращенія государыни изъ Риги, я перебралась въ Петербургъ; генералъ Панинъ, какъ только онъ устроился въ собственномъ домѣ, соединился со своей любезной женой, прежде жившей въ Москвѣ. Я была искреннимъ другомъ этой уважаемой женщины, съ которой я провела много времени, за отсутствіемъ ея мужа, занятаго при дворѣ или разъѣздами по разнымъ порученіямъ. Съ единственной природной кротостью она соединяла достоинства, завидныя для ея пола; но слабое здоровье, вслѣдствіе грудныхъ болѣзней, увеличившихся съ переѣздомъ ея въ Петербургъ, заставили ее ограничиться самымъ тѣснымъ кругомъ близкихъ людей, среди которыхъ она была чудомъ прелести; къ сожалѣнію она не долго прожила.

Дядя мой, Панинъ, говоря мнѣ однажды о Мировичѣ, сообщилъ, что катастрофа, рѣшившая участь несчастнаго Ивана, была доведена до свѣдѣнія императрицы въ Ригѣ, письмомъ Алексѣя Орлова. Она прочитала ее съ большой тревогой, сообщивъ содержаніе первому секретарю, Елагину. Въ концѣ этого письма было упомянуто, что Мировича часто видѣли приходившимъ по утру въ домъ княгини Дашковой. Когда Елагинъ выслушалъ императрицу, онъ замѣтилъ, что это несомнѣнно ложь. Невѣроятно, сказалъ онъ, чтобъ Дашкова, жившая въ уединеніи, стала дѣлать заговоры съ такимъ лицомъ, какъ Мировичъ; она должна была принять его за дурака, еслибъ только коротко его знала.

Справедливый и честный порывъ Елагина въ защиту мою не остановился на этомъ; онъ немедленно явился въ домъ генерала Панина и увѣдомилъ его объ этомъ обстоятельствѣ. Дядя объяснилъ эти таинственныя посѣщенія, уполномочивъ Елагина увѣрить императрицу, что Мировичъ дѣйствительно часто бывалъ у него, но по своему

дѣлу, производившемуся въ Сенатѣ, и что если бы государыня желала подробно познакомиться съ этимъ загадочнымъ характеромъ, никто не въ состояніи удовлетворить ея любопытству въ такой степени, какъ онъ, потому что Мировичъ долго служилъ въ его полку. Елагинъ, не теряя времени, доложилъ Екатеринѣ обо всемъ этомъ. Она послала за моимъ дядей, и если я была совершенно оправдана, то, конечно, обязана тѣмъ отвратительному портрету Мировича, въ которомъ представилъ его Панинъ, ибо въ человѣкѣ безъ всякаго воспитанія, надменномъ своимъ невѣжествомъ и неспособномъ даже оцѣнить послѣдствій своего предпріятія, трудно ей было не узнать разительную характеристику Григорія Орлова.

Грустно и жалко было видѣть ложное вліяніе, отуманившее мозгъ Екатерины до того, что она готова была подозрѣвать своихъ истинныхъ патріотовъ и самыхъ преданныхъ ей друзей; и когда казнили Мировича, я, не имѣя причинъ оплакивать участь его, благословляла свою судьбу за то, что никогда не видѣла его; иначе это первая голова, на моей памяти, упавшая подъ топоромъ въ Россіи, безъ сомнѣнія, преслѣдовала бы мое воображеніе.

Судъ надъ Мировичемъ, веденный чрезвычайно гласно, при полномъ Сенатѣ, въ присутствіи всѣхъ президентовъ и вице-президентовъ департаментовъ и всѣхъ дивизіонныхъ генераловъ Петербурга, открывалъ дѣло въ ясномъ свѣтѣ передъ цѣлой Россіей. Конечно, вслѣдствіе необыкновенной удачи послѣдняго переворота, Мировичу казалось низверженіе Екатерины предпріятіемъ легкимъ, и, вообразивъ прослыть героемъ, онъ рѣшился предоставить корону сумасшедшему принцу.

Вообще, думали и писали въ Европѣ, что все это дѣло ни больше, ни меньше, какъ ужасная интрига Екатерины, которая будто бы подкупила Мировича на злодѣяніе, и потомъ пожертвовала имъ. Во время моего перваго путешествія, въ 1770 году, мнѣ часто случалось говорить объ этомъ заговорѣ и защищать императрицу отъ двойной клеветы. Особенно Франція убѣдила меня въ томъ, что народы, съ завистью взирающіе на колоссальную силу Россіи, обратили ее, какъ бы для политическаго равновѣсія, въ предметъ всякой клеветы противъ ея образованной и дѣятельной царицы. Помнится, разговаривая объ этомъ происшествіи въ Парижѣ, я выразила удивленіе подобно тому, какъ прежде г-ну и г-жѣ Неккеръ, въ Спа, что трудно понять, какимъ образомъ французы, имѣвшіе министромъ кардинала Мазарини, затрудняются въ объясненіи этого факта, когда ихъ собственныя лѣтописи полны подобныхъ тайнъ и трагическихъ придворныхъ событій.

Графъ Ржевускій, польскій посланникъ, былъ единственный ино-

странецъ, принимаемый въ моемъ домѣ; отъ него я узнавала новости о моемъ мужѣ.

Онъ говорилъ мнѣ, какъ дѣятельно князь Дашковъ привелъ въ исполненіе планы императрицы, и какія важныя услуги онъ оказалъ Понятовскому; что его поведеніе и усердная служба пріобрѣли ему общую довѣренность и любовь въ войскѣ. Это все, по его словамъ, извѣстно Екатеринѣ и она не нахвалится своимъ маленькимъ фельдмаршаломъ, какъ она называла его. Но Богу не угодно было продолжить его жизнь, чтобъ воспользоваться наградой за его услуги и безкорыстіе, вездѣ и всегда отличавшее его.

Въ сентябрѣ, вслѣдъ за тѣмъ, какъ было получено извѣстіе о восшествіи на престолъ Понятовскаго, курьеръ, отправленный графомъ Кейзерлингомъ, нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ, привезъ печальнѣйшее извѣстіе. Дашковъ, слѣдуя усиленными маршами и не давая себѣ отдыха, несмотря на лихорадку, скончался жертвой ея, посвятивъ всю свою жизнь ревностному и неутомиму исполненію своихъ обязанностей. Это событіе, самое ужасное въ моей жизни, грустной вѣстью разнеслось по всему городу прежде, чѣмъ оно дошло до меня.

Однажды утромъ, тетка моя, жена генерала Панина, заѣхала ко мнѣ и предложила прогуляться въ ея каретѣ. Она была болѣе, чѣмъ обыкновенно блѣдна—и на лицѣ ея отражалось внутреннее волненіе. Я пожалѣла, что болѣзнь ея сильно возрастаетъ, и потому готова была сопутствовать ей куда угодно, не подозрѣвая того, что истинно жалкимъ существомъ въ эту минуту была я сама. Мы пріѣхали въ ея домъ, гдѣ встрѣтили насъ двое дядей, также съ печальными и озабоченными лицами. Роковая тайна была готова, но прошелъ обѣдъ и никто не осмѣлился заикнуться о ней. Наконецъ, мало-по-малу, со всей теплотой дружескаго участія, я выслушала ее и совершенно омертвѣла.

Въ этомъ безчувственномъ, но относительно счастливомъ состояніи, я пробыла нѣсколько часовъ. Наконецъ, я опамятовалась и только теперь сознала всю тяжесть моего несчастія. Я съ глубокой тоской обняла своихъ дѣтей, которыхъ мнѣ привезли, и снова оцѣпенѣла; и въ этомъ полуживомъ, полумертвомъ состояніи оставалась нѣсколько дней. Моя тетка — эта рѣдкая женщина, въ первыя минуты моего горя не только послала за моими дѣтьми и слугами, но уложила меня въ своей постели и при всемъ своемъ нездоровьи не отходила отъ меня ни днемъ, ни ночью, пока не миновала опасность.

Дѣвица Каменская была не менѣе добра и внимательна, и только съ помощью ихъ и моего искуснаго и добросовѣстнаго доктора, Кразе, жизнь моя была спасена — но, къ чему? Я ожила для слезъ о своей потерѣ и горькихъ думъ на дальнѣйшемъ пути жизни.

*

Изъ этого летаргическаго состоянія я была поднята для новой дѣятельности новымъ приливомъ скорби. Обязанная горячимъ участіемъ теткѣ, теперь я, въ свою очередь, стояла у ея постели. Она сильно заболѣла и уже болѣе не вставала. Каждый день я являлась въ ея спальню до тѣхъ поръ, пока я имѣла несчастіе лишиться этого добраго друга.

Едва я устроилась въ своемъ домѣ, въ которомъ поселилась послѣ похоронъ тетки, какъ узнала о разстроенномъ состояніи Дашкова. Его щедрость и, можетъ быть, надежда на вознагражденіе за его послѣднія услуги запутали его въ большіе долги и расходы; онъ давалъ деньги и поручительства за низшихъ офицеровъ, чтобъ облегчать, сколько возможно, обременительныя нужды своихъ сослуживцевъ во время похода.

Въ отсутствіе моего брата, Александра, жившаго уполномоченнымъ министромъ въ Голландіи, я жалѣла о немъ, какъ объ единственномъ членѣ нашего семейства, котораго искренняя и неизмѣнная любовь ко мнѣ могла быть дѣйствительнымъ утѣшеніемъ въ эту пору. Въ двадцать лѣтъ я осталась одна, безутѣшной въ своемъ несчастіи, и если меня не щадила клевета, заражающая верхніе слои жизни, то съ другой стороны я осуждена была бороться съ трудностями и лишеніями, отравляющими низшіе ряды человѣческаго существованія.

Единственную опору и покровительство я находила въ дружбѣ моихъ дядей, графовъ Паниныхъ; старшаго изъ нихъ просилъ мой умирающій мужъ—принять подъ свою опеку дѣтей и поправить его разстроенныя дѣла, при чемъ онъ завѣщалъ ему удовлетворить своихъ многочисленныхъ заимодавцевъ безъ особеннаго обремененія для его семейства. Эта просьба, благодаря доброму расположенію дяди, не осталась напрасной. Оба брата взялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности и настояли на томъ, чтобъ я вмѣстѣ съ ними приняла опеку надъ дѣтьми и ихъ собственностью. Переселившись въ подмосковное имѣніе, я могла лучше заняться имъ и устроить его интересы, чѣмъ они; потому что, при всей ихъ благонамѣренности, они не въ состояніи были успѣшно управлять помѣстьемъ изъ Петербурга.

Старшій Панинъ, зная, что императрица только выжидала случая помочь мнѣ, предупредилъ ее о состояніи моихъ финансовъ и просилъ уполномочить насъ, какъ попечителей, указомъ на продажу нѣкоторой части имѣнія, чтобы расплатиться съ долгами мужа. Меня удивило подобное распоряженіе и, когда Екатерина утвердила его, я рѣшительно отвергла предложеніе, соглашаясь лучше питаться цѣлую жизнь хлѣбомъ и водой, чѣмъ продать хоть одинъ дюймъ изъ наслѣдственныхъ помѣстій моихъ дѣтей.

Первую зиму моего вдовства я провела въ Петербургѣ, среди недуговъ и печали. Несмотря на то, я усердно занялась своими новыми обязанностями, привела къ точной цифрѣ всѣ долги Дашкова и тремъ главнымъ кредиторамъ отдала въ счетъ уплаты всѣ свои бриллiанты, серебро, оставивъ себѣ нѣсколько ложекъ и вилокъ, необходимыхъ для четырехъ лицъ; съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшилась ввести строгую экономiю, чтобы безъ вреда своимъ дѣтямъ и безъ всякаго пособiя со стороны императрицы раздѣлаться съ кредиторами.

Въ началѣ зимы, до снѣжнаго пути, я хотѣла отправиться въ Москву; но моя собственная болѣзнь, потомъ нездоровье малютки удержало меня до первыхъ чиселъ марта. Прибывъ сюда, я немедленно желала поселиться въ нашемъ сосѣднемъ имѣнiи; къ сожалѣнiю, домъ его совершенно развалился. Но такъ какъ строевой матерiалъ еще былъ годенъ, то я построила изъ него небольшую деревянную хижину, такъ скоро срубленную, что въ началѣ лѣта я могла въ нее перебраться.

Серебро и драгоцѣнныя бездѣлушки, какъ я уже сказала, были обращены въ уплату долговъ; теперь я ограничила свои годичные расходы пятью стами рублями, и съ этой суммой должна была сообразоваться въ своемъ образѣ жизни. Я была сама нянькой, кормилицей и гувернанткой своихъ дѣтей и, такимъ образомъ, къ концу пяти лѣтъ по смерти Дашкова, съ помощью неослабной экономiи и постояннаго надзора за имѣнiемъ дѣтей, я расплатилась со всѣми долгами.

Обращаясь къ этому перiоду моей жизни, я не могу не отдать справедливости своимъ материнскимъ заботамъ, строго выдержаннымъ, и терпѣливому выполненiю своихъ обязанностей, соединенныхъ съ несчастiемъ, несмотря на то, что я была двадцатилѣтняя вдова, привыкшая съ юности къ роскоши. Но это такъ, и всякая жертва, вознагражденная сознанiемъ чистой совѣсти, была источникомъ самаго лучшаго утѣшенiя для меня.

На второмъ году моего затворничества, я испытала нѣкоторое неудовольствiе со стороны моихъ родственниковъ: домъ, въ которомъ я прежде жила въ Москвѣ, по моему мнѣнiю, принадлежалъ вмѣстѣ съ другимъ наслѣдственнымъ имѣнiемъ моимъ дѣтямъ; но вслѣдствiе какой-то ошибки или недосмотра въ купчей, онъ былъ перекупленъ отцемъ Дашкова и отказанъ въ распоряженiе его матери; а она, заключивши себя навсегда въ монастырь, передала его своей внучкѣ, дѣвицѣ Глѣбовой. Лично для меня въ этомъ не было большой потери; за всѣмъ тѣмъ мнѣ крайне необходимо было имѣть жилище на зиму въ самомъ городѣ; поэтому я принуждена была купить небольшой участокъ земли съ полуразвалившимся строенiемъ, и на мѣстѣ его

поставить другое деревянное зданіе, болѣе удобное для меня, чѣмъ то, котораго я лишилась. Хотя я нисколько не сердилась на свою свекровь, но, во всякомъ случаѣ, она поступила несправедливо. Чтобы не упоминать объ этомъ предметѣ, я дала себѣ обѣщаніе никогда не произносить въ ея присутствіи слова „домъ", это обѣщаніе, кажется, только одинъ разъ было нарушено черезъ два или три года послѣ, и вотъ по какому случаю; комнаты въ ея монастырѣ требовали нѣкоторой поправки; внукъ ея, Глѣбовъ, не имѣлъ у себя свободныхъ покоевъ; я съ большимъ удовольствіемъ предложила ей поселится по сосѣдству со мной въ домѣ, который я незадолго передъ тѣмъ очень дешево купила.

X.

Въ 1768 г. я просила позволенія отправиться за границу, надѣясь, что перемѣна воздуха и окружающаго міра будетъ благопріятна слабому здоровью моихъ дѣтей, но просила напрасно; мои письма оставались безъ отвѣта. Впрочемъ, этимъ лѣтомъ я предприняла прогулку въ Кіевъ, часто сворачивая съ прямой дороги для осмотра любопытныхъ мѣстъ и предметовъ по окрестностямъ; всего интереснѣе показались мнѣ нѣмецкія колоніи, населенныя императрицей. Въ Кіевѣ я встрѣтила радушный пріемъ со стороны генералъ-губернатора Воейкова, родственника моего мужа, отлично образованнаго человѣка; онъ болѣе полжизни провелъ на дипломатическомъ поприщѣ при разныхъ дворахъ, много путешествовалъ и научился понимать людей въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Его увлекательная бесѣда, согрѣтая веселостью добраго старика, была полна ума и жизни. Я каждый день бывала у него, и онъ былъ моимъ проводникомъ въ пещеры, вырытыя въ центрѣ горы, на которой раскидывалась часть города. Въ этихъ подвалахъ хранятся мощи святыхъ, уже нѣсколько вѣковъ умершихъ и какимъ-то чудеснымъ образомъ нетлѣнныхъ.

Онъ также показалъ мнѣ соборъ Печерскаго монастыря, замѣчательный по его древней мозаикѣ на стѣнахъ. Въ одной изъ богатыхъ церквей, столь многочисленныхъ въ этомъ городѣ, уцѣлѣла фресковая живопись, представляющая соборы, бывшіе въ Кіевѣ до отдѣленія русской іерархіи отъ константинопольской. Здѣсь есть и академія, въ которой образовываются нѣсколько сотъ юношей на казенный счетъ. Между школьниками доселѣ сохранился обычай расходиться вечеромъ толпами по городу и пѣть псалмы и гимны подъ окнами; жители бросаютъ имъ деньги, и студенты отдаютъ въ нихъ точный отчетъ своимъ наставникамъ.

Лучъ науки заброшенъ въ Кіевъ изъ Греціи раньше, чѣмъ онъ засвѣтилъ надъ многими изъ европейскихъ народовъ, которые нынѣ такъ щедро расточаютъ моимъ соотечественникамъ слово „варваръ". Здѣсь даже имѣютъ понятіе о философіи Ньютона, которую римско-католическое духовенство не хотѣло допустить во Франціи.

Въ продолженіе трехмѣсячнаго путешествія, я проѣхала около трехъ тысячъ верстъ и была довольна тѣмъ, что оно совершенно отвѣчало моей цѣли и не требовало большихъ издержекъ.

Въ слѣдующемъ 1769 году, я отправилась въ Петербургъ и была намѣрена выхлопотать позволеніе уѣхать за границу. Какъ русская дворянка, я имѣла полное право путешествовать, гдѣ мнѣ угодно; но, какъ статсъ-дамѣ, мнѣ необходимо было получить позволеніе. Впрочемъ я отложила просьбу до личнаго свиданія съ государыней и рѣшилась представить ее въ годовщину революціи, празднуемую въ Петергофѣ.

Въ день этого торжества я пріѣхала во дворецъ и во время бала, чтобъ занять болѣе видное мѣсто, я постаралась замѣшаться въ кругъ иностранныхъ министровъ; когда я разговаривала съ нѣкоторыми изъ нихъ, къ намъ подошла императрица. Сказавъ нѣсколько словъ посланникамъ, она обратилась ко мнѣ. Пользуясь этимъ случаемъ, я просила ее отпустить меня на два года въ чужіе края, по причинѣ хилаго здоровья моихъ дѣтей. „Я очень жалѣю—сказала Екатерина,—что вы хотите оставить насъ; впрочемъ, вы можете располагать собою, какъ вамъ угодно".

Когда императрица отошла, я поручила камергеру Талызину попросить министра графа Панина изготовить мнѣ паспортъ, такъ какъ согласіе Екатерины уже дано. Уладивъ это обстоятельство, я спѣшила возвратиться въ Москву, чтобы устроить свои дѣла и собраться въ путешествіе.

Относительно издержекъ, о чемъ позаботились мои дяди и друзья, я уже разсудила. Рѣшившись путешествовать подъ именемъ Михалковой,—назвавъ себя по имени одной деревни, принадлежавшей моимъ дѣтямъ — я подвела свои будущіе расходы къ возможно малой суммѣ. Инкогнито какъ нельзя лучше согласовалось съ моими финансами и главнымъ планомъ путешествія. Я хотѣла видѣть собственными глазами вещи, съ намѣреніемъ остановиться тамъ, гдѣ больше удобствъ для воспитанія дѣтей; я была убѣждена, что дома баловство родственниковъ, лакейская лесть и, главное, недостатокъ въ учителяхъ разрушили бы всѣ мои надежды и планы, самые близкіе моему сердцу.

Возвратившись въ Петербургъ въ декабрѣ, я въ томъ же мѣсяцѣ готова была оставить отечество. Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Пе-

тербурга, въ одно утро, посѣтилъ меня помощникъ государственнаго секретаря, посланный ко мнѣ императрицей съ подаркомъ въ четыре тысячи рублей. Я была изумлена и не могла удержаться отъ гнѣва при такой презрѣнной подачкѣ, за всѣмъ тѣмъ сочла неудобнымъ раздражать Екатерину рѣзкимъ отказомъ. Поэтому я просила секретаря подождать нѣсколько минутъ и, показавъ ему два небольшіе списка нѣкоторыхъ необходимыхъ вещей для моего путешествія, поручила ему составить итогъ ихъ на моемъ столѣ, а остальные положить себѣ въ карманъ.

Такимъ образомъ я разсталась съ Петербургомъ въ декабрѣ. Со мной ѣхали дѣти, Каменская и Воронцовъ, мой близкій родственникъ, состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Гагѣ.

Мы остановились на нѣсколько дней въ Ригѣ, гдѣ наняли русскую повозку до Берлина, но прежде тѣмъ оставить Кенигсбергъ, гдѣ мы провели цѣлую недѣлю съ графиней Кейзерлингъ, нашъ возокъ сняли съ полозьевъ и поставили на колеса, что̀ очень затруднило нашу поѣздку по прусскимъ песчанымъ дорогамъ.

Въ Данцигѣ, пробывъ двѣ ночи, мы остановились въ русскомъ отелѣ, самомъ лучшемъ въ городѣ. Вошедъ въ столовую, я замѣтила двѣ картины, изображавшія двѣ битвы, проигранныя нашими войсками въ сраженіяхъ съ Пруссіей; на нихъ были разбросаны группы убитыхъ и умирающихъ солдатъ или на колѣняхъ умоляющихъ о пощадѣ побѣдоносныхъ пруссаковъ. Мнѣ показался слишкомъ обиднымъ этотъ позоръ моихъ соотечественниковъ, выставленный передъ путешественниками всѣхъ націй, посѣщавшими этотъ отель, и я серьезно выговорила Ребиндеру, нашему уполномоченному, за дозволеніе выставлять публично подобныя картины. Но онъ важно отвѣчалъ, что совершенно не въ его волѣ преслѣдовать подобныя злоупотребленія. „Мадамъ, сказалъ онъ, вы не однѣ обижаетесь этими картинами: Алексѣй Орловъ, проѣзжая Данцигомъ, жилъ въ томъ же отелѣ и не менѣе васъ былъ оскорбленъ ими“.—„Но почему же онъ не купилъ ихъ, сказала я, и не бросилъ въ огонь? Еслибъ я была такъ же богата, какъ онъ, я немедленно поступила бы такъ, но, за неимѣніемъ этого, я должна приступить къ другому средству, можетъ быть, столь же успѣшному“.

Когда резидентъ ушелъ отъ насъ, я попросила двухъ молодыхъ людей, Волчкова и Штелина, служившихъ при русскомъ посольствѣ въ Берлинѣ и провожавшихъ насъ сюда, купить мнѣ масляныхъ красокъ, голубой, зеленой, красной и бѣлой. Послѣ ужина затворивъ двери, эти молодые люди, знакомые съ искусствомъ живописи, помогли мнѣ подкрасить на этихъ картинахъ голубые и бѣлые мундиры прусскихъ побѣдителей въ зеленые и красные—русскихъ солдатъ. Эта

работа стоила намъ цѣлой ночи и возбудила не малое любопытство между домашними слугами, которые, конечно, замѣтили, что наша комната была освѣщена до утра и обратилась въ пріютъ какой-то таинственной забавы. Что касается до меня, я дрожала и радовалась съ дѣтскимъ увлеченіемъ. На другой день я въ той же комнатѣ приготовила свои уложенные чемоданы и подъ этимъ предлогомъ никого въ нее не впускала, кромѣ своихъ спутниковъ и участниковъ моего дурачества.

Мы, однако жъ, отправились изъ Данцига не прежде, какъ я увѣдомила Ребиндера объ искупленіи патріотической чести съ помощью кисти; и долго смѣялись мы, думая, какъ изумится хозяинъ отеля, увидя чудесную перемѣну въ судьбѣ двухъ сраженій на его картинахъ.

Въ Берлинѣ я пробыла два мѣсяца, самымъ пріятнымъ образомъ. Князь Долгоруковъ былъ посланникомъ при этомъ дворѣ, человѣкъ онъ былъ достойный, всѣми любимый и уважаемый. Мы обязаны ему единственнымъ вниманіемъ, которымъ онъ почтилъ насъ дружески и радушно, безъ всякой парадности и жеманности.

Чѣмъ я обратила вниманіе королевы и принцессы—я не знаю; но онѣ вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ и его ласковой супругой часто просили нашего посланника привезти меня ко двору. Я извинялась подъ предлогомъ прусскаго этикета, который не допускалъ въ королевскій дворецъ никого подъ ложнымъ именемъ; и я сочла бы страннымъ, съ моей стороны, измѣнять своему инкогнито ради чести быть при дворѣ. Графъ Финкенштейнъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, доложилъ королю о моемъ извиненіи. „Скажите ей, отвѣчалъ Фридрихъ, что этотъ этикетъ глупая вещь; княгиня Дашкова можетъ быть принята въ нашемъ дворцѣ подъ всякимъ именемъ и какъ ей угодно“.

На слѣдующій день я обѣдала въ домѣ англійскаго посланника, мистера Митчельса, гдѣ встрѣтила графа Финкенштейна и узнала отъ него о благосклонномъ отвѣтѣ Фридриха. Отказываться дальше было невозможно; поэтому я разорилась на черное новое платье и поѣхала во дворецъ. Король необыкновенно ласково принялъ меня и оставилъ ужинать. Принцъ и его жена также были очень милы, и съ этого времени, въ продолженіе всего моего пребыванія въ Берлинѣ, я получала постоянныя приглашенія отъ королевской семьи, такъ что рѣдко могла навѣщать другихъ знакомыхъ.

Если не ошибаюсь, королева и ея сестра полюбили меня по поводу слѣдующаго обстоятельства. Онѣ обѣ говорили очень дурно, такъ что камергеръ обыкновенно служилъ толмачемъ между ними и иностранцемъ, который представлялся имъ. Къ счастью, я такъ скоро угадывала ихъ мысль и такъ развязно отвѣчала имъ, что недостатокъ

ихъ едва былъ замѣтенъ въ моемъ присутствіи; вслѣдствіе чего онѣ были совершенно довольны и, конечно, пользовались этимъ счастіемъ очень не рѣдко.

Вдовствующая сестра королевы была мать Оранской принцессы и наслѣдника Фридриха Великаго; я говорю Великаго, потому что онъ вполнѣ заслуживаетъ этого эпитета, если только военный геній и постоянныя заботы его о народномъ счастіи, передъ которыми смирялись даже собственныя его страсти, даютъ ему право на это названіе.

Наступила пора пить воды въ Э-ля-Шапель и Спа; поэтому я съ сожалѣніемъ оставила Берлинъ, о которомъ всегда буду вспоминать съ особеннымъ удовольствіемъ. Мы проѣхали черезъ Вестфалію, и она показалась мнѣ вовсе не такой грязной, какъ представилъ ее баронъ Баръ въ своихъ очень умныхъ письмахъ.

Мы остановились въ Ганноверѣ именно на столько времени, сколько было необходимо для починки нашихъ каретъ. Въ самый вечеръ нашего пріѣзда давали здѣсь оперу; мы отправились съ Каменской въ театръ, оставивъ больнаго Воронцова дома. Надо замѣтить, что единственный нашъ слуга былъ русскій, не знавшій ни одного иностраннаго языка, и, слѣдовательно, неспособный выдать нашего инкогнито. Я нарочно приняла эту предосторожность, ибо мекленбургскій принцъ Эрнестъ сказалъ мнѣ, что старшій братъ его, правитель города, хотѣлъ узнать, кто мы такія—чего я вовсе не желала въ Ганноверѣ. Когда насъ ввели въ ложу, здѣсь уже сидѣли двѣ дамы, онѣ очень вѣжливо пропустили насъ, и мы заняли лучшія мѣста. Послѣ перваго акта явился къ намъ изъ королевской ложи, какъ я замѣтила, молодой офицеръ. Обратившись къ намъ, а не къ сосѣдкамъ нашимъ, онъ сказалъ съ нѣкоторою небрежностью въ голосѣ и манерѣ: „вы, кажется, иностранки?“—„Да“, отвѣчала я.—„Его высочество желаетъ знать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?“—„Я думаю, что въ этомъ нѣтъ особеннаго интереса ни для васъ, ни для его высочества; и, пользуясь правомъ женщины, мы можемъ на этотъ разъ смолчать и оставить вашъ вопросъ безъ отвѣта“. Онъ, повидимому, сконфузился и вышелъ изъ ложи. Наши сосѣдки посмотрѣли на насъ съ удивленіемъ. Мой отказъ былъ, конечно, немного грубъ, но я не могу сдерживать своей антипатіи къ подобному нахальству дураковъ. Къ концу пьесы я просила Каменскую не противорѣчить мнѣ и, обратившись къ ганноверскимъ дамамъ, сказала имъ, что хотя мы и не отвѣчали на глупый вопросъ королевскаго адъютанта, при всемъ томъ, изъ уваженія къ ихъ вѣжливости, мнѣ не хотѣлось бы скрыть отъ нихъ, что я театральная пѣвица, а моя подруга—танцовщица; мы пріѣхали сюда искать выгодныхъ мѣстъ на сценѣ. Каменская взглянула на меня во всю ширину

своихъ глазъ, а наши любезныя лэди, перемѣнивъ тонъ, поворотились къ намъ задомъ, какъ только было можно покруче.

Наша остановка въ Ганноверѣ продолжалась такъ не долго, что я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что здѣсь, кажется, воспитывается хорошая порода лошадей, даже крестьянскихъ, и земля прекрасно воздѣлана.

Въ Э-ля-Шапель (Аахенъ) я наняла домъ противъ самыхъ ваннъ. Съ этимъ мѣстомъ соединяются пріятныя воспоминанія моего знакомства съ двумя превосходными ирландцами, Колиномъ и полковникомъ Неджентомъ; оба они были въ отставкѣ и первоначально служили въ Голландіи. Эти джентльмены (послѣдній изъ нихъ былъ братъ вѣнскаго посланника) каждый день находились въ нашемъ обществѣ, котораго они были душой и украшеніемъ.

Изъ Аахена я поѣхала въ Спа, гдѣ провела время также очень пріятно. Между прочимъ, я познакомилась здѣсь съ мистрисъ Гамильтонъ, дочерью архіепископа, и съ мистеромъ Тайсдэлемъ, генералъ-прокуроромъ Ирландіи. Эти связи скоро обратились въ истинную дружбу, которую не измѣнило ни время, ни отсутствіе и которая въ теченіе тридцати пяти лѣтъ сохранила для насъ всю первоначальную прелесть.

Здѣсь же я познакомилась съ Неккерами. Но мой истинно дружескій кружокъ состоялъ почти исключительно изъ англичанъ; въ числѣ ихъ были лорды Суссексъ. Съ большимъ трудомъ я выучилась англійскому языку, хотя я немного знала его и прежде; и этимъ обязана дружбѣ мистрисъ Гальмитонъ и Морганъ; онѣ приходили ко мнѣ каждое утро читать англійскія книги и поправлять мое произношеніе, и я, съ помощью ихъ, французскаго и нѣмецкаго языковъ, оказала быстрые успѣхи.

Семейство Тайсдэля возвращалось осенью домой; я рѣшилась вмѣстѣ съ ними посѣтить Англію, на нѣсколько недѣль, предполагая наступающую зиму провести съ мистрисъ Гамильтонъ въ Провансѣ, куда она поджидала своего дряхлаго отца. Такимъ образомъ, я проводила своихъ друзей до Кале, и отсюда мы поплыли въ Дувръ. Я въ первый разъ путешествовала по морю, и едва-ли кто больше меня страдалъ отъ морской болѣзни, несмотря на всѣ услуги и заботы моей мистрисъ Морганъ.

Прибывъ въ Лондонъ, я поселилась въ домѣ, приготовленномъ мнѣ нашимъ посланникомъ, графомъ Пушкинымъ, по сосѣдству съ нимъ—и имѣла счастье встрѣтить въ его первой супругѣ добрѣйшую женщину, одну изъ самыхъ лучшихъ друзей.

Въ Лондонѣ я наслаждалась обществомъ мистрисъ Морганъ и графини Пушкиной, пока первая не уѣхала со своимъ отцомъ въ

Дублинъ. Тогда, оставивъ своихъ дѣтей подъ надзоръ Пушкиной, достойной такого довѣрія, я осмотрѣла Оксфордъ и Бристоль.

Разлучившись въ первый разъ, не больше какъ на тридцать дней, съ дѣтьми, я съ каждой почтой получала письма отъ своего сына; онъ лепеталъ мнѣ на своемъ дѣтскомъ языкѣ о лошадиныхъ породахъ, о томъ, что видѣлъ съ помощью Пушкиной, о своихъ визитахъ герцогинѣ Квинсбери, и все это описывалъ съ удивительнымъ мастерствомъ для семилѣтняго мальчика.

По возвращеніи въ Лондонъ, я оставалась здѣсь только десять дней и все это время отдала обозрѣнію въ высшей степени интересной для иностранца столицы. Я не была при дворѣ и завела немного знакомствъ. Между прочимъ познакомилась съ герцогомъ и герцогиней Нортумберлэндъ.

XI.

Къ несчастію для такого жалкаго мореплавателя, какъ я, наше обратное плаваніе въ Кале было очень неудачно. Вѣтеръ хорошо бы служилъ намъ по направленію къ Индіи, но былъ такъ противенъ и буренъ для нашего переѣзда, что мы принуждены были двадцать шесть часовъ провести въ каютѣ.

Волны хлестали въ окна корабля, угрожая каждую минуту потопить насъ; дѣти мои, необыкновенно перепуганныя, горько плакали. Я рѣшилась въ настоящемъ случаѣ дать имъ почувствовать всѣ выгоды храбрости надъ трусостью; съ этой цѣлью я указала имъ на матросовъ, которые мужественно одолѣвали опасности, и потомъ замѣтивъ, что во всѣхъ обстоятельствахъ жизни надобно поручать себя волѣ Провидѣнія, я приказала имъ замолчать. Они повиновались, сверхъ всякаго чаянія, покорно, и, несмотря на порывы вѣтра и качку, заснули глубокимъ сномъ, между тѣмъ, какъ я внутренно трепетала за нихъ.

Наконецъ, мы достигли Кале, совершенно благополучно и отправились по Брюссельской дорогѣ въ Провансъ. Въ Брюсселѣ мы остановились только на нѣсколько дней и отсюда, безъ всякаго промедленія, поѣхали въ Парижъ.

Въ Парижѣ я находилась не болѣе трехъ недѣль, жила вдали отъ свѣта, занятая обозрѣніемъ церквей, монастырей, статуй, картинныхъ галлерей и вообще всѣхъ памятниковъ искусства. Я избѣгала всякихъ знакомствъ, исключая знаменитаго Дидро. Въ театры я являлась такъ, чтобы не быть замѣченной—одѣтая въ изношенное черное платье, старомодный чепчикъ, и садилась среди народа, въ партерѣ.

Однажды вечеромъ, почти передъ отъѣздомъ изъ Парижа, я сидѣла наединѣ съ Дидро, когда служанка доложила о мадамъ Неккеръ и Жофрэнь. Дидро съ обыкновенной его живостью, не давъ мнѣ произнести ни одного слова, приказалъ отказать. „Но, сказала я, мадамъ Неккеръ моя знакомая, а Жофрэнь переписывается съ русской императрицей, и потому я очень была бы рада познакомиться съ ней".

„Да вѣдь вы увѣряли меня, продолжалъ Дидро, что не болѣе двухъ или трехъ дней останетесь въ Парижѣ. Поэтому она увидитъ васъ два или три раза никакъ не больше, и, слѣдовательно, характера вашего не узнаетъ. Нѣтъ, я не хочу, чтобы мой идолъ былъ преданъ злословію. Еслибъ вы прожили здѣсь два или три мѣсяца, я первый познакомилъ бы васъ съ мадамъ Жофрэнь—она превосходная женщина; но, будучи трубой Парижа, она затрубитъ о вашемъ характерѣ, не узнавъ его хорошенько, на что̀ я вовсе не согласенъ".

Убѣжденная замѣчаніемъ Дидро, я велѣла дѣвушкѣ сказать, что я не здорова. Этого, однакожъ, было мало; на другое утро я получила отъ Неккеръ записку; она писала о страстномъ желаніи ея друга увидѣть меня и познакомиться съ той личностью, о которой она составила самое высокое понятіе. Я отвѣчала, что болѣзненное мое состояніе лишаетъ меня удовольствія принять ихъ, тѣмъ болѣе, что я хотѣла бы сохранить ихъ лестное мнѣніе о себѣ и не потерять ихъ нѣжнаго пристрастія къ моей особѣ.

Вслѣдствіе этого, я должна была просидѣть весь день дома и послала карету за Дидро. Послѣ утреннихъ прогулокъ, отъ восьми до трехъ часовъ по полудни, я обыкновенно сама подъѣзжала къ его двери и брала его съ собой обѣдать, заговариваясь съ нимъ иногда за полночь.

Однажды, мнѣ помнится, мы коснулись въ разговорѣ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи. „Вы знаете, сказала я, что у меня не рабская душа; слѣдовательно, я не могу быть и тиранномъ; поэтому я имѣю нѣкоторое право на ваше довѣріе относительно этого вопроса. О свободѣ нашихъ крестьянъ я нѣкогда разсуждала съ вами и потому старалась, по возможности, облегчить положеніе моихъ мужиковъ, предоставивъ имъ больше воли. Но опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ прекращается надъ ними власть помѣщика, начинается произволъ правительства, или лучше, самоуправство каждаго мелкаго чиновника, который подъ маской службы дозволяетъ себѣ и грабить и развращать ихъ. Богатство и счастье крѣпостныхъ людей составляетъ единственный источникъ нашего собственнаго благосостоянія и матеріальной прибыли; при такой аксіомѣ надо быть дуракомъ, чтобы истощать родникъ личнаго нашего интереса. Помѣщики образуютъ переходную власть между престоломъ и крѣпостнымъ сословіемъ, и

потому для насъ выгодно защищать послѣднее отъ хищнаго произвола провинціальныхъ начальниковъ".

„Но, княгиня, возразилъ Дидро, вы не можете оспаривать меня въ томъ, что свобода необходима ихъ образованію и развитію промышленныхъ силъ".

„Если бъ государь, разбивъ цѣпи, приковывающія крѣпостныхъ къ ихъ помѣщикамъ, въ то же время ослабилъ кандалы, наложенныя его деспотической волей на дворянское сословіе, я первая бы подписала этотъ договоръ своей собственною кровью. Но вы извините меня, если я замѣчу, что вы смѣшиваете дѣйствіе съ причиной; образованіе ведетъ за собой свободу, а не свобода творитъ образованіе; первое безъ второй никогда не въ состояніи породить анархію и возмущенія. Когда низшіе классы моихъ соотечественниковъ будутъ просвѣщены, тогда они сами захотятъ быть свободными; потому что поймутъ, какъ надо пользоваться свободой безъ вреда для другихъ и плодами ея, столь неизбѣжными каждому цивилизованному обществу".

„Вы отлично доказываете, милая княгиня, но я еще далеко не убѣжденъ".

„Въ нашихъ основныхъ законахъ, продолжала я, существуютъ нѣкоторыя гарантіи тиранства помѣщиковъ, хотя Петръ I уничтожилъ многія изъ нихъ и, между прочимъ, главную оборону бѣднаго крестьянина—жаловаться на своего владѣтеля. Впрочемъ, въ настоящее царствованіе, губернаторъ съ согласія маршала и дворянскаго предводителя можетъ наказать жестоко помѣщика, лишая его власти управленія и отдавая имѣніе его подъ опеку другаго лица, избраннаго самими же дворянами". Этотъ предметъ сильно занималъ мою мысль, и я могу объяснить его слѣдующимъ примѣромъ: представьте себѣ слѣпца, лежащаго на скалѣ, висящей надъ бездной; естественный недостатокъ лишаетъ его возможности видѣть всю опасность его положенія, но онъ можетъ пользоваться благомъ другихъ чувствъ—онъ веселъ, онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, слушаетъ чириканье птицъ и самъ поетъ въ минуты безсознательнаго самодовольствія. Но вдругъ является окулистъ, и, не освободивъ его отъ прежняго положенія, снимаетъ съ его глазъ повязку. Что должно послѣдовать за тѣмъ? Потокъ открытаго свѣта только долженъ увеличить несчастіе прозрѣвшаго слѣпца; онъ перестанетъ ѣсть, пить или спать, и весь погрузится въ созерцаніе окружающей его опасности, которой избѣжать ему невозможно. На нѣкоторое время онъ забудется, а потомъ, въ цвѣтѣ силъ, предастся отчаянію".

Дидро, по какому-то механическому движенію, вскочилъ съ кресел, пораженный мѣткостью моего объясненія. Онъ быстро заходилъ

по комнатѣ и въ припадкѣ страстнаго увлеченія произнесъ: „Вы удивительная женщина. Вы разомъ опрокинули всѣ мои идеи, которыя я лелѣялъ двѣнадцать лѣтъ“. Это истинная характеристика Дидро, которому я не переставала удивляться даже въ бурныхъ порывахъ его пламенной природы.

Искренность и теплота его сердца, блескъ генія, вмѣстѣ съ его вниманіемъ и уваженіемъ ко мнѣ, привязали меня къ этому человѣку на всю его жизнь, и даже въ настоящую минуту и свято чту память его. Міръ не сумѣлъ оцѣнить достойно этого необыкновеннаго человѣка. Простота и правда проникали каждое дѣйствіе его, и главная задача всей его жизни состояла въ томъ, чтобъ содѣйствовать благу своихъ ближнихъ. Если онъ иногда увлекался заблужденіями, то никогда не шелъ противъ своихъ убѣжденій; впрочемъ, не мнѣ превозносить его рѣдкія качества, это было дѣломъ болѣе достойныхъ почитателей его.

Въ одинъ вечеръ, также въ присутствіи Дидро, мнѣ доложили о Рюльерѣ. Этотъ господинъ состоялъ въ миссіи барона Бретеля, въ Петербургѣ, гдѣ я часто видѣла его какъ у себя, такъ и въ домѣ Каменской.

Я изъявила желаніе принять его; но Дидро, схвативъ меня за руку, съ необыкновеннымъ жаромъ сказалъ: „Одну минуту, княгиня; позвольте мнѣ узнать, думаете ли вы возвратиться въ Россію, когда кончится ваше путешествіе?“

„Но что за вопросъ?“ сказала я, „неужели вы считаете меня въ правѣ лишать моихъ дѣтей отечества?“.

„Въ такомъ случаѣ не пускайте Рюльера, а почему?—я скажу вамъ послѣ“.

Это движеніе было такъ живо и искренно, что я невольно повиновалась ему и немедленно приказала отказать очень любезному знакомому, вполнѣ полагаясь на предусмотрительность Дидро.

„Вы развѣ не знаете“, продолжалъ онъ, „что Рюльеръ написалъ мемуары о русской революціи?“

„Нѣтъ“ отвѣчала я, „но если это такъ, то тѣмъ болѣе вы подстрекаете мое желаніе видѣть его“.

„Я разскажу вамъ“, сказалъ Дидро „содержаніе ихъ. Вы представлены во всей прелести вашихъ талантовъ, въ полной красѣ женскаго пола. Но императрица обрисована совершенно въ иномъ свѣтѣ, точно такъ, какъ польскій король, съ которымъ связь Екатерины раскрыта до послѣдней подробности. Вслѣдствіе этого императрица поручила Бецкому и вашему уполномоченному князю Голицыну перекупить это сочиненіе; торгъ, однако жъ, такъ глупо былъ поведенъ, что Рюльеръ успѣлъ сдѣлать три копіи своего сочиненія и одну передать въ ка-

бинетъ иностранныхъ дѣлъ, другую въ библіотеку мадамъ де Граммонъ, а третью поднесъ парижскому архіепископу. Послѣ этой неудачи, Екатерина поручила мнѣ заключить условіе съ Рюльеромъ; но все, что я могъ сдѣлать, взять съ него обѣщаніе не издавать этихъ записокъ, во время жизни какъ автора, такъ и государыни. Теперь вы видите, что вашъ пріемъ, сдѣланный Рюльеру, далъ бы авторитетъ его книгѣ, въ высшей степени противной императрицѣ, тѣмъ болѣе, что ее уже читали у мадамъ Жофрэнь, у которой собираются всѣ наши знаменитости, всѣ замѣчательные иностранцы, и, слѣдовательно, эта книга уже въ полномъ ходу: это впрочемъ не мѣшаетъ мадамъ Жофрэнь быть другомъ Понятовскаго, котораго она все время пребыванія его въ Парижѣ осыпала всевозможными ласками и потомъ писала ему, какъ своему любимому сыну".

„Но какъ же это согласить со здравымъ смысломъ?" спросила я.

„Что касается до этого", отвѣчалъ Дидро, „мы мало заботимся о томъ во Франціи; думаемъ и дѣйствуемъ подъ вліяніемъ минутныхъ впечатлѣній; нашего легкомыслія не исправляетъ ни старость, ни продолжительные опыты жизни".

Послѣ этого Рюльеръ еще два раза толкнулся въ мои двери, но его не пустили. Меня глубоко тронула эта искренняя дружба Дидро, и не осталась безъ хорошихъ послѣдствій, когда я, по прошествіи пятнадцати мѣсяцевъ, возвратилась въ Петербургъ; здѣсь я узнала отъ одного лица, нѣкогда обязаннаго моей услугой и близкаго Θедору Орлову, что Дидро, по отъѣздѣ моемъ изъ Парижа, писалъ императрицѣ; онъ превознесъ до небесъ мою задушевную преданность ей, упомянувъ и о томъ, что я рѣшительно отказалась принять Рюльера и тѣмъ уронила авторитетъ его книги гораздо ниже, чѣмъ она упала бы отъ критики десяти Вольтеровъ или пятнадцати бѣдныхъ Дидро. Онъ даже не заикнулся мнѣ о своемъ намѣреніи увѣдомить императрицу, руководствуясь единственно своей прозорливостью и дружбой ко мнѣ; я никогда не перестану вспоминать съ величайшею признательностью этого деликатнаго поступка.

Прежде чѣмъ я думала оставить Парижъ, мнѣ хотѣлось видѣть Версаль, и я желала отправиться туда одна, никому не говоря объ этомъ. Несмотря на доказательства Хотинскаго, нашего уполномоченнаго, представившаго мнѣ тысячи затрудненій ускользнуть отъ наблюденія французской полиціи, я все-таки рѣшилась. Да помилуйте, говорилъ уполномоченный, какъ бы ни былъ мелокъ иностранецъ, но онъ не можетъ повернуться въ Парижѣ безъ того, чтобы не знали о всякомъ его движеніи.

За всѣмъ тѣмъ я попросила Хотинскаго вывести своихъ лошадей за городъ; потомъ, давъ занятіе своему французскому слугѣ на нѣ-

сколько часовъ, я взяла съ собой своего русскаго лакея и одного стараго маіора, лѣчившагося въ Парижѣ, сѣла съ дѣтьми въ карету и приказала кучеру везти насъ за городъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ; подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ дожидался Хотинскій, я соединилась съ нимъ и покатила въ Версаль. Уполномоченный проводилъ насъ до дверей Версальскаго сада, куда мы вошли и гуляли до самаго обѣда.

Около этого времени, король съ своимъ семействомъ обѣдалъ въ общественномъ мѣстѣ. Мы замѣшались въ толпу, состоявшую, впрочемъ, изъ лучшаго общества, и вмѣстѣ съ ней очутились въ сальной и оборванной комнатѣ: сюда скоро явился Людовикъ XV, дофинъ и дофина, потомъ двѣ другія его дочери, Аделаида и Викторія, сѣли за столъ и кушали съ большимъ аппетитомъ.

Всякое замѣчаніе, выраженное мной моимъ спутникамъ, комментировалось нѣкоторыми достойными дамами, стоявшими близъ насъ; напримѣръ, когда я замѣтила, что принцесса Аделаида пила супъ изъ чашки, вдругъ обратились ко мнѣ въ два-три голоса:

„Неужели король и королева въ вашей странѣ не то же дѣлаютъ?“

„Въ моей странѣ нѣтъ ни короля, ни королевы“, отвѣчала я.

„Такъ вы, должно быть, нѣмка?“ сказалъ мнѣ кто-то изъ нихъ.

„Можетъ быть“, отвѣчала я и отвернулась, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ разспросовъ.

Когда кончился королевскій обѣдъ, мы юркнули въ карету и прибыли въ Парижъ, такъ что никому не было извѣстно, гдѣ мы были; мы отъ всей души потѣшались надъ прославленной бдительностью французской полиціи.

Герцогъ Шуазель, въ то время государственный министръ, едва повѣрилъ, когда ему разсказали о нашемъ похожденіи. Онъ былъ хорошо знакомъ всѣмъ русскимъ, какъ неумолимый врагъ императрицы и ея правленія, онъ посылалъ мнѣ черезъ нашего уполномоченнаго разные комплименты, приглашая посѣтить одинъ изъ его блистательныхъ вечеровъ, который онъ хотѣлъ составить нарочно для меня; но я благодарила и извинялась, что Михалкова вовсе не заслуживаетъ вниманія такой великолѣпной личности, еслибъ даже досуги и позволили ей участвовать на его праздникахъ.

XII.

Пробывъ въ Парижѣ менѣе трехъ недѣль, я отправилась въ Провансъ. Здѣсь къ полному моему удовольствію, я поселилась въ превосходномъ домѣ маркиза Гидона, заранѣе приготовленномъ для

меня Воронцовымъ; еще болѣе была рада встрѣтиться здѣсь съ другомъ Гамильтонъ, съ которой находился отецъ ея архіепископъ, братъ ея деканъ Райдеръ и родственница ихъ лэди Райдеръ.

Прованскій парламентъ былъ уже распущенъ, и поэтому Э представлялъ величайшія удобства; между моими знакомыми англичанами здѣсь жили также лэди Карлейль и ея сестра Оксфордъ.

Зима прошла очень пріятно, я продолжала совершенствоваться въ англійскомъ языкѣ, и вмѣстѣ съ Гамильтонъ посѣтила Монпелье, Марсель и проѣхала по берегамъ королевскаго канала.

Въ путешествіи нашемъ отъ Э до Ліона ничего особеннаго замѣчательнаго не случилось. Въ Ліонѣ мы осмотрѣли нѣкоторыя фабрики, которыя вступили въ состязаніе другъ съ другомъ, чтобы поднести Піемонтской принцессѣ самые лучшіе образцы своихъ мануфактурныхъ произведеній.

Французскій герцогъ, капитанъ гвардіи, посланный передовымъ, уже пріѣхалъ и очень вѣжливо приказалъ, чтобы квартира, нанятая мной, оставалась въ моемъ распоряженіи.

Наконецъ, сама великолѣпная принцесса явилась. Ее приняли съ восторгомъ, каждый спѣшилъ выставить себя впередъ передъ будущимъ членомъ королевской фамиліи.

Патріотическій энтузіазмъ еще былъ національной гордостью; идея о монархѣ и гильотинѣ еще такъ была темна, что Людовикъ, хотя исподтишка и называлъ его „королемъ по ошибкѣ“, былъ предметомъ народнаго обоготворенія.

Герцогъ, о вѣжливости котораго я сказала, но имя его, къ сожалѣнію забыла, предложилъ мнѣ ложу въ театрѣ; я отправилась вмѣстѣ съ Райдеръ, Гамильтонъ и Каменской на одно изъ первыхъ представленій, на которое была приглашена піемонтская гостья. Но когда мы вошли въ свою ложу, въ ней уже были четыре ліонскихъ дамы; онѣ подобно статуямъ остолбенѣли при взглядѣ на насъ, не слушая нашего проводника, который не одинъ разъ повторилъ имъ, что эта ложа отдана знаменитымъ иностранкамъ. Спорить не стоило, и потому я и Гамильтонъ, оставивъ Райдера и Каменскую на заднемъ планѣ съ этими неблаговоспитанными женщинами, рѣшились уйти, не предвидя всѣхъ трудностей нашего выхода.

Подъ портикомъ театра мы очутились среди гвардейскихъ солдатъ; чтобы остановить народъ, ломившійся впередъ, они выставили ружейные штыки, и въ припадкѣ усердія или милости, такъ щедро надѣляли ударами направо и налѣво, что я не миновала толчка; вѣроятно за нимъ послѣдовали и другіе, еслибъ я не объявила своего имени.

Титулъ княгини имѣлъ свое дѣйствіе; раздались тысячи извиненій, что́ дало мнѣ истинное понятіе о французской вѣжливости. Я

замѣтила, что они лучше поступили бы, еслибъ вмѣсто уваженія къ имени „княгиня" обратили вниманіе на мой полъ. Чтобъ искупить ошибку и предупредить жалобу, одинъ часовой провелъ насъ сквозь толпу, съ полнымъ раскаяніемъ за себя и за своихъ товарищей.

Наконецъ лэди Райдеръ согласилась оставить Ліонъ, и мы направились къ Швейцаріи. Я не стану описывать эту восхитительную страну; ея красоты уже извѣстны міру изъ сочиненій другихъ болѣе талантливыхъ авторовъ; я скажу только о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностяхъ, съ которыми успѣла познакомиться. Главнымъ лицомъ былъ Вольтеръ.

Черезъ день послѣ нашего пріѣзда въ Женеву, я послала попросить у него позволенія посѣтить его, вмѣстѣ съ моими друзьями. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ; за всѣмъ тѣмъ, съ удовольствіемъ готовъ былъ принять меня и позволилъ явиться, съ кѣмъ угодно.

Въ назначенный вечеръ, Гамильтонъ, Райдеръ, Каменская, Воронцовъ, Кэмбель и я отправились въ его домъ. За ночь передъ тѣмъ, ему пустили кровь и, несмотря на крайнюю слабость, онъ запретилъ говорить о томъ, чтобъ не остановить нашего визита.

Когда мы вошли въ его комнату, онъ лежалъ въ большихъ креслахъ истомленный и, повидимому, страдающій. Я подошла къ нему и упрекнула его въ томъ, что онъ позволилъ безпокоить себя въ такую минуту; всего лучше онъ докажетъ намъ свое уваженіе, прибавила я, если повѣритъ, что мы умѣемъ цѣнить его здоровье и ради удовольствія видѣть его можемъ подождать нѣсколько дней.

Онъ смутилъ меня, поднявъ съ театральнымъ жестомъ руку, и тономъ удивленія произнесъ: „Что я слышу? даже ея голосъ—голосъ ангела" [1]).

Я пришла удивляться Вольтеру и вовсе не думала слышать отъ него такую приторную лесть: я высказала ему свою мысль; затѣмъ нѣсколько вѣжливыхъ фразъ, и потомъ мы заговорили о русской императрицѣ.

Пробывъ у него довольно долго, я хотѣла возвращаться домой, но онъ очень настоятельно просилъ зайти къ его племянницѣ, мадамъ Денисъ, гдѣ онъ пригласилъ насъ отужинать. Мы согласились; Вольтеръ не замедлилъ присоединиться къ намъ.

При разительномъ контрастѣ племянницы съ дядей, мадамъ Денисъ показалась мнѣ самой обыкновенной женщиной.

---

[1]) Я должна напомнить моимъ читателямъ, что этимъ запискамъ суждено явиться въ свѣтъ послѣ моей смерти; потому было бы несправедливо обвинять меня въ тщеславіи: какъ здѣсь, такъ и вездѣ я передаю буквально слова другихъ.

Вольтеръ былъ принесенъ въ столовую слугой и поставленъ на колѣна въ его большихъ креслахъ, на задокъ которыхъ онъ оперся и въ этомъ положеніи противъ меня пробылъ все время ужина. Можетъ быть это стѣсненіе его или присутствіе въ нашемъ кругу двухъ генераловъ-фермеровъ изъ Парижа, которыхъ портреты висѣли въ нижнемъ залѣ, значительно разочаровали меня въ ожиданіяхъ этого посѣщенія.

Когда мы прощались, Вольтеръ просилъ меня видѣться съ нимъ почаще, пока я въ Женевѣ. Я обѣщала навѣстить его когда-нибудь утромъ и побесѣдовать наединѣ въ его кабинетѣ или въ саду; онъ былъ очень радъ, но я избѣгала частыхъ визитовъ. Въ это время Вольтеръ былъ другимъ существомъ, онъ дѣйствительно показался мнѣ тѣмъ, чѣмъ я представляла его по его сочиненіямъ.

Въ Женевѣ мы также познакомились съ Губеромъ, „птицеловомъ", какъ, обыкновенно, называли его за любовь къ охотѣ на коршуновъ. Онъ былъ необыкновенно умный человѣкъ, обладавшій самыми разнообразными талантами; онъ былъ поэтъ, музыкантъ, живописецъ и съ свѣтской любезностью соединялъ всю прелесть вполнѣ благовоспитаннаго добряка. Вольтеръ сильно побаивался его, потому что Губеръ зналъ многія слабости философа и живо воспроизводилъ ихъ въ глазахъ фернейскаго чуда. Они часто состязались въ шахматы; Вольтеръ почти всегда проигрывалъ и при этомъ обыкновенно сердился.

Губеръ имѣлъ у себя любимую собачку, съ которой онъ забавлялся на счетъ другихъ; онъ бросалъ ей кусокъ сыру, который она, повертѣвъ во рту, выбрасывала его съ совершеннымъ подражаніемъ Вольтеру, такъ что иной могъ принять ее за миніатюръ славнаго бюста Пигаля.

Мы часто проводили свои вечера на Женевскомъ озерѣ. Губеръ руководилъ нашими прогулками, навязывая русскій флагъ на мачту швейцарской лодки. Онъ былъ очарованъ нашими заунывными пѣснями, которыя я съ Каменской пѣли ему, и которыя онъ, благодаря удивительному слуху, скоро перенялъ.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ оставили мы Женеву и многихъ нашихъ друзей. Между нами было семейство Веселовскаго, одного русскаго, который былъ посланъ Петромъ I въ Вѣну и немедленно отозванъ; не желая подвергаться жестокости строгаго царя, онъ оставилъ навсегда отечество, убѣжавъ въ Голландію; потомъ женился и устроился въ Женевѣ. Старшая его дочь была замужемъ за Крамеромъ, славнымъ живописцемъ, который былъ сначала знаменитымъ другомъ, а потомъ врагомъ Вольтера.

Покидая Швейцарію, мы взяли двѣ большихъ лодки, чтобы

плыть внизъ по теченію Рейна; въ одной помѣщались наши кареты, вещи и кухонный приборъ; въ другой, раздѣленной на маленькія каюты, мы плыли сами; женщины спали подъ занавѣсомъ, укрываясь отъ глазъ матросовъ и слугъ, а мужчины проводили ночи на берегу.

Если представлялся намъ какой-нибудь замѣчательный предметъ, мы приставали къ берегу и осматривали его. Каменская и я ходили въ черныхъ платьяхъ и соломенныхъ шляпахъ, очень оригинальныхъ, и иногда, ради потѣхи, закупали провизію для стола у мѣстныхъ жителей. Кэмпбель былъ нашимъ толмачомъ въ этомъ случаѣ, но онъ ошибался часто, и я рѣшилась побѣдить въ себѣ стыдъ и начала говорить по-нѣмецки; послѣ нѣсколькихъ опытовъ, по общему признанію, я сдѣлалась для всѣхъ переводчикомъ и во все время нашего путешествія.

Мы предприняли хорошую прогулку къ славному Карлсруэ, загородному имѣнію, принадлежавшему Баденскому маркграфу, куда насъ подвезли двѣ нанятыя кареты; но едва мы достигли гостиницы, какъ придворный управитель сообщилъ намъ желаніе ихъ высочествъ—видѣть насъ во дворцѣ. Я извинилась, потому что вовсе не была приготовлена къ такому визиту, предполагая провести нѣсколько часовъ въ паркѣ, въ своемъ дорожномъ костюмѣ. Прошло не болѣе часу, когда мы увидѣли великолѣпную карету, въ шесть лошадей, подъѣхавшую къ воротамъ сада, съ придворнымъ конюшимъ, который передалъ намъ очень любезное приглашеніе маркграфини. Она знаетъ, сказалъ онъ, что подъ именемъ Михалковой путешествуетъ княгиня Дашкова, съ которой она желала бы познакомиться; и такъ какъ она приняла орденъ св. Екатерины отъ русской императрицы, то этотъ залогъ дружбы служитъ достаточнымъ поводомъ моего посѣщенія; если жъ маркграфиня не будетъ имѣть удовольствія видѣть насъ, то, по крайней мѣрѣ, она проситъ воспользоваться ея каретой для прогулки по саду, гдѣ конюшій ея покажетъ намъ все замѣчательное.

Невозможно было отказаться на такое милое приглашеніе; мы сѣли въ карету; между тѣмъ я старалась объяснить своему проводнику, какъ я глубоко чувствую такое обязательное вниманіе геніальной и образованной маркграфини.

Мы въѣхали въ первую аллею парка, и навстрѣчу намъ показался другой, подобный нашему экипажъ. Въ немъ маркграфъ и маркграфиня Баденскіе; наслѣдный принцъ и другія придворныя кареты, съѣхавшись, остановились; маркграфиня поклонилась намъ и, съ непритворной добротой и лаской, предложила сама показать мнѣ лучшія мѣста сада, „которымъ мы, прибавила она, дѣйствительно гордимся“.

Я немедленно вышла изъ кареты и, обмѣнявшись мѣстомъ съ наслѣдникомъ, поѣхала съ ея высочествомъ по чудному парку; я, однако жъ, не могла вполнѣ наслаждаться имъ, увлеченная умнымъ разговоромъ маркграфини; между тѣмъ мы подъѣхали къ дворцу, и, я не подумала извиниться въ томъ, что хотѣла отклонить мое посѣщеніе ея высочеству.

Очаровательный концертъ, великолѣпный ужинъ, но главнѣе всего бесѣда и искреннее гостепріимство нашихъ знаменитыхъ друзей оживили этотъ пріятный вечеръ. Намѣреваясь проститься, мы были предупреждены, что наши слуги уже во дворцѣ, гдѣ приготовлены намъ постели и, если намъ не угодно пробыть дольше, то остается только назначить часъ; завтракъ, лошади и проч. все будетъ готово на другое утро.

Я и мои друзья, переночевавъ здѣсь съ истиннымъ комфортомъ, рано до зари, оставили дворецъ, подарившій насъ такимъ непредвидѣннымъ удовольствіемъ.

Въ другой разъ мы отдалились отъ Рейнскихъ береговъ въ Дюссерльдорфъ, чтобы взглянуть на его славную картинную галлерею; но о предметахъ, столь извѣстныхъ всѣмъ, я не стану распространяться.

Во Франкфуртѣ мнѣ пріятно было встрѣтить Вейнахтъ, вдову одного банкира, жившаго двѣнадцать лѣтъ въ Россіи. Я близко знала ее еще въ дѣтствѣ и, ради прошлыхъ воспоминаній, рѣшилась удѣлить ея обществу одинъ или два дня лишнихъ: воображеніе любитъ обращаться къ прошедшему, жить первыми и юношескими мечтами.

Въ томъ же городѣ я познакомилась съ младшимъ Орловымъ, Владиміромъ, пустымъ юношей; все, что онъ вынесъ изъ нѣмецкихъ университетовъ—это надменную самоувѣренность въ своемъ необыкновенномъ образованіи. Вслѣдствіе этого онъ принялъ заносчивый и педантическій тонъ, въ чемъ я убѣдилась изъ нѣкоторыхъ диспутовъ—я не говорю разговоровъ—которые мнѣ привелось имѣть съ нимъ. Спорить съ кѣмъ бы то ни было—составляло его наслажденіе и, повидимому, главный предметъ его жизни; не было ни одного дикаго софизма Ж.-Ж. Руссо, въ которомъ бы онъ не подмѣтилъ глубокой истины и нагло не усвоилъ бы себѣ идею этого краснорѣчиваго, но опаснаго писателя.

Трудно было вообразить, чтобы впослѣдствіи назначили его во главу Петербургской академіи наукъ и потомъ смѣнили одной изъ его креатуръ, Домашневымъ, человѣкомъ глупымъ и ничтожнымъ, подобно Орлову; и еще меньше я могла вообразить, что со временемъ мнѣ придется быть ихъ преемницей.

XIII.

Возвратившись въ Спа, я познакомилась съ Мекленбургъ-Стрелицкимъ принцемъ Эрнестомъ, Карломъ Шведскимъ, впослѣдствіи герцогомъ Зудерманландскимъ, который занималъ часть того отеля, гдѣ я жила въ Э-ля-Шапель.

Молодой принцъ страдалъ ревматизмомъ и для излѣченія былъ посланъ въ Спа, въ сопровожденіи своего дяди Шверина и двухъ офицеровъ, капитана Гамильтона и другаго. Онъ жилъ очень скромно, вѣроятно, вслѣдствіе самыхъ ограниченныхъ путевыхъ издержекъ. Я видѣла его каждый день и совершенно освоилась съ образомъ его мыслей. Онъ не любилъ королеву, свою мать; главной его мечтой была мысль современемъ взойти на престолъ въ силу того обстоятельства, что старшій братъ его былъ бездѣтный.

Эти свѣдѣнія относительно молодаго принца пригодились мнѣ послѣ: во время нашей войны со Швеціей я подала идею императрицѣ, что герцогъ Зудерманландскій, адмиралъ флота, легко можетъ быть отвлеченъ отъ интересовъ короля и противопоставленъ ему.

Когда наступало время разлуки съ моими друзьями—они возвращались въ Англію, а я въ Россію—мы грустно разставались. Однажды вечеромъ мы бродили въ „Promenade de sept heure“ и горевали отъ предстоящей разлуки; передъ нами лежалъ фундаментъ просторнаго дома, только-что строющагося. Я остановилась при взглядѣ на него, и, въ надеждѣ еще разъ побывать здѣсь, о чемъ мечтала и мистрисъ Гамильтонъ, торжественно обѣщала ей черезъ пять лѣтъ возвратиться въ Спа и поселиться въ этомъ самомъ домѣ, если только она согласится здѣсь увидѣться со мной. Обѣщаніе взаимно было исполнено, въ буквальномъ смыслѣ: по прошествіи этого періода, я наняла именно тотъ домъ и приготовилась встрѣтить въ немъ пріѣздъ моего друга.

Наконецъ, сказавъ другъ другу печальное „прости“, я возвратилась въ Дрезденъ, гдѣ пробыла не долго, занимаясь большію частью осмотромъ и изученіемъ удивительнаго собранія художественныхъ произведеній.

Кюрфюрстскій музеумъ составлялъ второй предметъ любопытства; но въ эту пору онъ находился въ жалкомъ положеніи, потому что главное его богатство было отдано въ залогъ Голландіи, снабдившей Дрезденскій дворъ деньгами.

Въ Берлинѣ съ прежнимъ гостепріимствомъ я была принята королевской семьей; тою же предупредительностью и вниманіемъ я обязана была и князю Долгорукову. Отсюда я немедленно поѣхала въ Ригу, гдѣ ожидали меня письма отъ брата Александра и управ-

ляющаго, подробно описавшаго ужасное опустошеніе заразой, господствовавшей въ Москвѣ. Братъ мой принужденъ былъ укрыться въ своемъ селѣ Андреевскомъ; опасеніе за его жизнь гораздо больше обезпокоило меня, чѣмъ бѣдственное положеніе моего собственнаго дома.

Изъ отчета управляющаго я узнала, что смерть унесла сорокъ пять человѣкъ изъ моихъ крестьянъ. Страшная болѣзнь, какъ думали, способна была заражать все въ домѣ; поэтому не могли послать моихъ вещей въ Петербургъ, и пережившіе слуги должны были выдержать шестинедѣльный карантинъ, прежде чѣмъ ихъ отпустили въ Петербургъ.

Это несчастіе такъ сильно поразило меня, что я заболѣла и пролежала въ Ригѣ три недѣли, подъ вліяніемъ самой тяжелой тоски.

Въ это время я написала своей сестрѣ Полянской, попросивъ ее пополнить мой недостатокъ въ прислугѣ и дать мнѣ пріютъ въ ея домѣ, пока я не пріищу себѣ квартиры. Домъ, который я имѣла въ Петербургѣ, былъ проданъ Панинымъ, согласно съ моимъ желаніемъ; я думала этой продажей покрыть издержки моего путешествія, на которое не доставало моихъ общихъ доходовъ съ дѣтьми; но, къ несчастію, дядя, подъ вліяніемъ Талызиной, уступилъ этотъ домъ одному изъ ея пріятелей за половину его настоящей цѣны.

Наконецъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, я поселилась у своей сестры, а Каменская возвратилась къ себѣ. Узнавъ о моемъ пріѣздѣ, императрица прислала спросить о моемъ здоровьѣ и моихъ дѣлахъ; извѣщенная о послѣднемъ несчастіи въ моемъ имѣніи, она подарила мнѣ, по случаю моихъ потерь, десять тысячъ рублей.

Я рада была увидѣть своего отца; хотя отъ него я и не ожидала помощи въ настоящемъ случаѣ, но, что было въ тысячу разъ отраднѣе для меня, я встрѣтила со стороны его полное доказательство любви и уваженія, которыхъ на долгое время лишила меня ложная и ядовитая клевета, о чемъ, впрочемъ, нѣтъ надобности распространяться теперь. Я говорю нѣтъ надобности распространяться объ этой клеветѣ, потому что отецъ убѣдился въ неправдѣ придуманныхъ нареканій; при томъ, что за радость оправдываться въ обстоятельствахъ, которыхъ ложь потеряла для меня всякое значеніе. Но я долго скорбѣла отъ ея отравляющихъ послѣдствій: ибо лишиться добраго мнѣнія въ глазахъ такого человѣка, какъ мой отецъ, было для меня верхомъ несчастія, еслибъ даже онъ не имѣлъ святаго права на любовь своей дочери. Вмѣстѣ съ этимъ правомъ, у него были качества, во всякомъ случаѣ, достойныя уваженія; съ здравымъ и образованнымъ умомъ онъ соединялъ благородный и добрый характеръ, и былъ совершенно чуждъ того чванства и жеманности, которыми обыкновенно отличаются слабыя и мелкія душонки.

По пріѣздѣ къ сестрѣ, я была не совсѣмъ здорова и не выходила изъ дому; но нельзя было не замѣтить, что горизонтъ моей жизни началъ проясняться съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Орловъ потерялъ привилегію фаворита Екатерины. Такъ какъ мнѣ невозможно было скоро перебраться въ Москву, по причинѣ разстройства въ домашнемъ хозяйствѣ, то я наняла себѣ небольшой домъ въ Петербургѣ, купила мебель, завелась необходимой прислугой и устроилась здѣсь, хотя и не совсѣмъ удобно.

Какъ только я оправилась, явилась ко двору и очень ласково была встрѣчена Екатериной. Вслѣдъ за тѣмъ, императрица прислала мнѣ шестьдесятъ тысячъ рублей для покупки имѣнія. Можетъ быть, она доселѣ не знала, что, за исключеніемъ клочка земли близъ Петербурга и дома въ Москвѣ, я болѣе ничего не имѣла въ мірѣ; или, вѣроятно, освободившись отъ вліянія Орлова, она хотѣла показать мнѣ свое благоволеніе, обставивъ меня болѣе удобной жизнью. Какъ бы то ни было, этотъ подарокъ удивилъ меня; вмѣстѣ съ тѣмъ, я замѣтила перемѣну въ ея обращеніи со мной; оно было совершенно не то, которое я привыкла видѣть въ ней въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ, отъ ея восшествія на престолъ.

Эти деньги помогли мнѣ выручить отца моего изъ затруднительнаго положенія; я заплатила за него тридцать три тысячи рублей, вслѣдствіе жалобы, поданной на него.

Въ началѣ весны, я переѣхала на свою маленькую дачу, гдѣ вдругъ тяжело заболѣлъ мой сынъ гнилой лихорадкой, такъ что я отчаялась въ его жизни. Медики, лѣчившіе его, не помогали; я предложила имъ посовѣтоваться съ молодымъ докторомъ, Роджерсономъ, который недавно прибылъ изъ Шотландіи. Онъ былъ присланъ ко мнѣ въ полночь и, хотя не скрылъ опасной болѣзни моего сына, но отнюдь и не отчаявался въ его выздоровленіи.

Семнадцать дней я не отходила отъ постели больнаго; и благодаря Провидѣнію и искусству этого превосходнаго медика, по прошествіи этого времени, мой Павлуша былъ внѣ всякой опасности. Съ этой минуты я начала уважать Роджерсона, который со временемъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ преданныхъ и вѣрныхъ моихъ друзей.

Въ то время, какъ я сидѣла въ спальнѣ своего больнаго сына, генералъ Потемкинъ возвратился изъ арміи съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ надъ турками и о предложеніи самаго выгоднаго для насъ мира.

Несмотря на все мое желаніе поздравить императрицу съ ея блистательнымъ успѣхомъ, я не могла явиться во дворецъ; но написала ей письмо и приложила картину Анджелики Кауфманъ, представлявшую прекрасную греческую фигуру; подарокъ мой отвѣчалъ содержанію письма, въ которомъ я говорила въ пользу Греціи и ея

политическаго возстановленія. Въ Россіи это былъ первый опытъ Кауфманъ, очаровательной артистки и еще болѣе очаровательной женщины; я радовалась, что императрицѣ чрезвычайно понравилась картина.

Осенью этого года (1773), я отправилась въ Москву и нашла старую княгиню Дашкову удивительно здоровой для ея возраста. Деньги, подаренныя мнѣ императрицей, я отдала въ вѣрное сохраненіе на пользу моей дочери, такъ, чтобъ наслѣдственное состояніе моего сына осталось неприкосновеннымъ; сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я переѣхала въ Троицкое, откуда черезъ каждыя двѣ недѣли возила моихъ дѣтей въ Москву на свиданіе съ ихъ бабушкой. Въ одинъ изъ этихъ визитовъ, я познакомилась, въ домѣ моего дяди Еропкина, съ генераломъ Потемкинымъ, которому суждено было съиграть такую баснословную роль въ Россіи, получить степень князя отъ германскаго императора, послѣ того, какъ Екатерина приблизила его къ себѣ въ качествѣ друга и любимца.

Графъ Румянцевъ былъ уполномоченъ заключить миръ съ турками; въ 1775 году государыня пріѣхала въ Москву отпраздновать это событіе съ необычайной роскошью. Фельдмаршалъ Румянцевъ былъ осыпанъ почестями и наградами, вмѣстѣ съ прочими генералами арміи, выше обыкновенной щедрости Екатерины. Братъ мой Семенъ былъ произведенъ, а полкъ его былъ удостоенъ чести называться гвардейскимъ гренадерскимъ.

Императрица, во время своего пребыванія въ Москвѣ, предпринимала нѣсколько путешествій въ окрестныя провинціи; между прочимъ, она посѣтила Калугу, остановившись ненадолго въ прекрасномъ имѣніи моего дяди, графа Ивана Воронцова. Я не участвовала въ этихъ поѣздкахъ, потому что неотлучно находилась съ свекровью, Дашковой, которая послѣ трехнедѣльной тяжкой болѣзни, умерла на моихъ рукахъ.

Въ послѣднее время ея любовь ко мнѣ, ея одобреніе всѣхъ моихъ распоряженій относительно дѣтей вполнѣ вознаграждали меня за всѣ мои хлопоты. Послѣднее ея желаніе состояло въ томъ, чтобъ похоронили ее въ Спасскомъ монастырѣ, среди фамильныхъ гробовъ, гдѣ погребенъ и ея мужъ. Я просила позволенія на то, но напрасно; не задолго передъ тѣмъ было издано новое постановленіе, въ силу котораго было запрещено обывателямъ Москвы хоронить покойниковъ въ чертѣ города, исключая одного монастыря, въ видѣ снисхожденія людямъ богатымъ и суевѣрнымъ, не хотѣвшимъ разстаться съ городомъ даже послѣ смерти.

Не имѣя положительно никакой возможности выполнить завѣщаніе свекрови, я полубольная рѣшилась проводить ея прахъ до мо-

настыря, въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ лежали предки ея мужа. Эти грустные проводы я предприняла, какъ непремѣнную свою обязанность: послѣ смерти моего мужа я поставила себѣ правиломъ и никогда не измѣняла ему — дѣйствовать въ отношеніи къ его роднымъ точно такъ, какъ дѣйствовалъ бы онъ самъ, руководимый чувствомъ уваженія и преданности своему семейству.

Съ самаго возвращенія моего изъ-за границы, я жила большею частію въ уединеніи, несмотря на увеличившіяся средства моей жизни, по милости государыни; расходы мои были самые ограниченные; я хотѣла съ помощью благоразумной экономіи дать воспитаніе моему сыну въ иностранномъ университетѣ.

Прежде чѣмъ императрица оставила Москву, я просила ее о позволеніи опять уѣхать въ чужіе края съ спеціальною цѣлью—воспитанія дѣтей. Екатерина согласилась, но приняла мою просьбу необыкновенно холодно, вѣроятно, недовольная тѣмъ, что я искала образованія заграницей, когда она гордилась его развитіемъ дома; можетъ быть, это неудовольствіе вытекало изъ другого источника, о которомъ я не знала. Нѣтъ сомнѣнія, что я не имѣла никакого повода оставлять Екатерину, за исключеніемъ одного случая, когда жители Москвы были допущены къ цѣлованію ея руки въ публичной залѣ, нарочно для того назначенной.

По поводу этого обстоятельства, принцъ Ангальтскій, близкій родственникъ императрицы, сказалъ мнѣ съ нѣкоторымъ жаромъ: „я этого ожидалъ; это совершенно гармонируетъ со всѣмъ остальнымъ, но повѣрьте, придетъ время, измѣнятся обстоятельства, и вамъ отдадутъ справедливость".

Я разсчитывала пробыть за границей девять или десять лѣтъ, чтобъ въ это время вполнѣ окончить образованіе сына; поэтому я сочла необходимымъ сначала устроить свою дочь. За нее посватался бригадиръ Щербининъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный женихъ. Онъ былъ человѣкомъ серьезнаго, но мягкаго характера, что ручалось за спокойствіе моей дочери въ семейномъ быту. Хотя этотъ бракъ не совсѣмъ удовлетворялъ моимъ материнскимъ желаніямъ, но онъ представлялъ ту единственную выгоду, что моя дочь еще нѣкоторое время останется подъ моимъ надзоромъ.

Я намѣрена была взять ихъ съ собой въ путешествіе: эта мысль охотно была принята отцомъ моего зятя, особенно, когда я обѣщала, что они будутъ жить со мной, и что на содержаніе ихъ достанетъ однихъ процентовъ состоянія моей дочери.

По случаю этого брака поднялись противъ меня пересуды и возгласы, которые я вполнѣ пренебрегала съ полнымъ сознаніемъ всей нелѣпости ихъ; были и другія непріятности, но, не желая раскрывать

старыхъ ранъ, я пройду ихъ молчаніемъ и разскажу о своемъ путешествіи.

Мы отправились по дорогѣ въ Псковъ, съ намѣреніемъ заглянуть въ богатое имѣніе старшаго Щербинина. На пути случилось съ нами непріятное обстоятельство. Слуга Танѣевой, находившійся при насъ, упалъ съ козелъ и, прежде чѣмъ замѣтили это, пара саней переѣхала черезъ него. Достать лѣкаря не было никакой возможности; бѣдный малый былъ ужасно раненъ въ бокъ и руку, хотя кости остались цѣлы; дальше ѣхать онъ не могъ. Ему необходимо было пустить кровь; вспомнивъ, что въ портфелѣ моего сына былъ англійскій ланцетъ, я просила кого-нибудь изъ нашихъ спутниковъ приступить къ операціи; никто не взялся. Тогда я рискнула сама попробовать; и, побѣдивъ на время чувство отвращенія, я открыла вену такъ удачно, что, къ величайшему моему удовольствію, жизнь больнаго была спасена.

Скоро за тѣмъ мы прибыли въ помѣстье Щербинина, куда собрались многіе изъ новыхъ родственниковъ моей дочери; но это общество такъ утомило меня, что я поспѣшила выѣхать въ Гродно, въ Ливонію.

Путешествіе наше по этому варварскому и дикому краю, покрытому непроходимой грязью и бѣдностью, было въ высшей степени утомительно, къ тому же мой сынъ заболѣлъ корью. Въ дополненіе несчастія, намъ пришлось пробираться сквозь лѣса, по такой глухой дорогѣ, что я принуждена была нанять тридцать казаковъ—прорубать намъ путь. Наконецъ, мы достигли Гродно, гдѣ я имѣла счастье найти отличнаго лѣкаря, присланнаго изъ Брюсселя и служившаго въ Гродненскомъ кадетскомъ корпусѣ. Здѣсь я должна была пробыть пять недѣлъ, потому что мадамъ Щербинина захватила отъ брата ту же самую болѣзнь.

Путь нашъ лежалъ черезъ Вильну въ Варшаву. Здѣсь праздновали юбилей, и если мы не нашли никакого пріятнаго для себя общества, то я тѣмъ больше была рада пользоваться умной и веселой бесѣдой короля: онъ приходилъ ко мнѣ два или три раза въ недѣлю, просиживая со мной наединѣ долгое время; между тѣмъ, какъ его племянникъ, князь Станиславъ, очень милый и образованный человѣкъ, генералъ Конаржевскій и прочая свита оставались въ другой комнатѣ съ моими дѣтьми. Ради этого любезнаго пріема, я пробыла въ Варшавѣ больше, чѣмъ думала.

Признаюсь, Станиславъ Понятовскій произвелъ на меня самое отрадное впечатлѣніе. Съ благороднымъ и нѣжнымъ сердцемъ онъ обладалъ высокообразованнымъ умомъ. Его пламенная любовь къ изящнымъ искусствамъ была строго классической; и его разговоръ объ этихъ предметахъ былъ и занимателенъ, и глубокъ. Вѣроятно,

его природные инстинкты вовсе не прельщали его этимъ избитымъ величіемъ, на которое судьба такъ неудачно призвала его. Какъ частное лицо, онъ и по врожденнымъ наклонностямъ и по воспитанію, могъ бы быть счастливѣйшимъ смертнымъ; но, какъ глава буйнаго народа и вѣтряной конституціи, онъ никогда не могъ пріобрѣсть народную любовь, потому что поляки не были способны оцѣнить ни его характера, ни его положенія. Для аристократіи онъ былъ предметомъ постоянной зависти; они такъ оплели его своими интригами, что онъ былъ принужденъ запутаться въ неприличные споры съ двумя сильными магнатами. По убѣжденіямъ, онъ не можетъ быть оправданъ, но его извиняетъ необходимость.

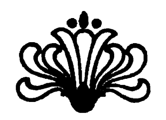
Мое знакомство съ этой прекрасной, но несчастной личностью и съ его любезнымъ племянникомъ, которые уважали память моего мужа, заставило меня пожалѣть Варшаву—хотя я ѣхала въ Берлинъ.

Въ Берлинѣ по-старому я встрѣтила самое радушное гостепріимство. Отсюда я написала своему банкиру въ Спа приготовить мнѣ тотъ самый домъ въ „Promenade de sert heures", который за пять лѣтъ передъ тѣмъ на нашихъ глазахъ строился, и въ которомъ я точно была первымъ жильцомъ, по прошествіи условленнаго времени.

Я скоро увидѣла своего друга, мистрисъ Гамильтонъ, которая, съ своей стороны, почти также была вѣрна своему обѣщанію: разлука наша не измѣнила искренней дружбы.

Во время нашего пребыванія въ Спа, Щербининъ получилъ письма отъ отца и матери; они требовали немедленнаго возврата его въ Россію. Онъ колебался и скучалъ, но волей-неволей долженъ былъ покориться родительскому приказанію; между тѣмъ дочь моя осталась со мной, не желая разставаться съ семействомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

VIII [1]).

Возвращеніе въ Софію.—Перемѣны въ личномъ составѣ русскихъ офицеровъ.—Отношеніе князя къ этому вопросу.—Назойливыя требованія иностранныхъ офицеровъ поступить въ болгарское войско.—Вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ княжества.—Успѣшный ходъ упорядоченія войска.—Внутреннее положеніе страны.—Письмо А. А. Шепелева графу Д. А. Милютину отъ 4-го ноября 1879 года.

Возвратясь въ Софію, я узналъ, что князь ожидаетъ съ нетерпѣніемъ моего пріѣзда, надѣясь получить черезъ меня благопріятные отвѣты на различныя его ходатайства. Ожидали меня и другіе, предполагая узнать о взглядахъ, существующихъ въ Россіи и у русскаго правительства на все, совершающееся въ Болгаріи. Позже узналъ я, что графъ Кевенгюллеръ, участвуя въ разговорахъ, касавшихся моей поѣздки и моего возвращенія, рекомендовалъ обратить вниманіе на то, какъ буду я называть князя, по моемъ возвращеніи: „свѣтлостью" или „высочествомъ". Первый варіантъ будетъ служить показателемъ того, что мое поведеніе русскимъ правительствомъ одобряется и при томъ, понятно, не только въ этомъ вопросѣ, но и вообще; во второмъ же случаѣ — надо будетъ признать торжество взглядовъ и желаній князя. Графъ, къ сожалѣнію, при всемъ своемъ умѣ и дипломатической опытности, не додумался до того или, по крайней мѣрѣ, не высказывалъ, что, если бы государь императоръ не одобрилъ, вообще, моихъ воззрѣній, то, вѣроятно, я и совсѣмъ не вернулся бы, что по моимъ личнымъ дѣламъ было гораздо легче сдѣлать тогда, когда я жилъ въ Софіи безъ семьи, чѣмъ позже.

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1906 г.

Явившись по приглашенію князя въ самый день моего пріѣзда, вечеромъ, я нашелъ его не въ хорошемъ расположеніи духа; онъ былъ сильно разстроенъ происходившимъ въ Болгаріи броженіемъ, вслѣдствіе предвыборной, въ народное собраніе, агитаціи, неспособностью министровъ, усиленіемъ оппозиціи и томившей его необходимости рѣшиться на что-либо опредѣленное: согласиться разстаться съ непопулярнымъ министерствомъ и призвать къ власти не симпатичныхъ ему либераловъ, или же, слѣдуя навѣтамъ враговъ Болгаріи, совершить государственный переворотъ, измѣнивъ, или даже уничтоживъ конституцію.

Доложивъ всѣ результаты моей поѣздки, мнѣ пришлось коснуться вопроса объ офицерахъ. Слова мои, что государь императоръ возложилъ на меня отвѣтственность за русскихъ офицеровъ-инструкторовъ, произвели на князя самое неблагопріятное впечатлѣніе. Будучи очень властолюбивъ, князь не хотѣлъ вникнуть въ то, что русскіе офицеры, служа въ Болгаріи, отвѣтственны передъ русскимъ императорскимъ правительствомъ, тѣмъ болѣе, что въ Болгаріи они временно и, окончивъ свое порученіе, постепенно вернутся домой; не хотѣлъ онъ вникнуть и въ то, что конституціонному монарху нѣтъ возможности заниматься оцѣнкой службы ротныхъ и дружинныхъ командировъ, къ тому же не болгаръ, его подданныхъ, а иностранцевъ, временно служащихъ въ войскѣ. Я надѣялся, что созданная съ соизволенія государя императора двойная моя отвѣтственность за русскихъ офицеровъ: передъ княземъ страны и передъ русскимъ правительствомъ, укажетъ ему, насколько я серьезно отношусь къ дѣлу, и получитъ его одобреніе, тѣмъ болѣе, что самому князю извѣстно было несоотвѣтствіе многихъ офицеровъ возложенной на нихъ обязанности.

Случилось обратное. Выслушавъ мой докладъ, князь, въ большомъ волненіи, сказалъ: alors c'est vous qui commandez l'armée, mais pas moi [1]). Я старался его успокоить, объясняя, что безъ его согласія ни одной перемѣны сдѣлано быть не можетъ, что я буду подробно и обстоятельно докладывать ему мотивы моихъ представленій, наконецъ, что рѣшеніе вопроса, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, будетъ зависѣть отъ него и т. д.; ничто не помогало и, начиная съ этого разговора, внутренній разрывъ между княземъ и мной окончательно состоялся.

Въ ближайшіе же дни по моемъ пріѣздѣ я усиленно занялся дѣлами войска и выслушалъ обстоятельные доклады Тимлера, осмотрѣвшаго, во время моего отсутствія, много частей. Взгляды мои совершенно совпали съ результатами осмотровъ Тимлера. Выдающимися командирами дружинъ оказались: два брата Поповы, бывшіе гвардейскіе

[1]) Слѣдовательно, вы командуете арміей, а не я.

артиллеристы, георгіевскіе кавалеры, служившіе въ болгарскомъ ополченіи; штабъ-офицеры: Бѣляевъ, Логвеновъ, Тизенгаузенъ, Гурскій и другіе. Командовавшій Восточнымъ отдѣломъ Куртьяновъ, очень хорошій, но слабый человѣкъ, оказался несоотвѣтствующимъ должности начальника отдѣла, и рѣшено было замѣнить его полковникомъ Боборыкинымъ, вызваннымъ изъ Вильны [1]). Въ артиллеріи обращалъ на себя вниманіе отличный офицеръ, капитанъ Декенлейнъ [2]), а изъ молодыхъ строевыхъ офицеровъ выдавался ротный командиръ I Софійской дружины поручикъ Даниловъ, бывшій гвардейскій егерь [3]).

Уѣзжая, я просилъ Тимлера внимательно присмотрѣться къ командиру I Софійской дружины майору Чиляеву, который, казалось мнѣ, при многихъ выдающихся боевыхъ качествахъ, совершенно не соотвѣтствовалъ должности не только начальника Софійскаго отдѣла, но даже и командира дружины *въ мирное время*. Безусловно храбрый, отличившійся въ послѣднюю войну, популярный какъ боевой офицеръ, добрый отъ природы, Чиляевъ, тѣмъ не менѣе, былъ въ мирное время совершенный баши-бузукъ, не признававшій никакихъ законовъ. На бѣду, князь его очень любилъ, какъ веселаго собесѣдника, баловалъ его и избаловалъ совершенно. Будучи начальникомъ цѣлаго отдѣла, что соотвѣтствовало, примѣрно, нашей дивизіи, Чиляевъ былъ, въ то же время, начальникомъ гарнизона Софіи и при исполненіи этой должности, опираясь на особое благоволеніе къ нему князя, сдѣлался совершенно невыносимъ; я рѣшилъ начать съ него, вполнѣ сознавая трудность предпринимаемаго мною шага, но, съ другой стороны, взявшись за дѣло упорядоченія русскаго офицерскаго состава, не хотѣлъ начинать съ маленькихъ людей, съ „стрѣлочниковъ“, которые иногда только брали примѣръ съ верховъ. Я надѣялся, ударивъ по головѣ, сразу установить надлежащее разумѣніе и у остальныхъ.

Обсудивъ все это щекотливое, по отношенію къ князю, дѣло съ Тимлеромъ, Шепелевымъ и Давыдовымъ, какъ русскимъ представителемъ, я доложилъ князю о необходимости отпустить Чиляева съ миромъ, прибавивъ, что дальнѣйшее прохожденіе имъ службы въ Россіи нисколько не потерпитъ отъ вынужденнаго ухода изъ Болгаріи, что для выѣзда я помогу ему матеріально [4]), по сдачѣ имъ дружины, его преемнику, полковнику Попову, командиру Тырновской дружины. На-

---

[1]) Впослѣдствіи командиръ Александрійскаго драгунскаго и Кирасирскаго ея величества полковъ.

[2]) Участвовалъ въ русско-японской войнѣ.

[3]) Отличился въ русско-японской войнѣ, командуя дивизіей и получивъ Георгія.

[4]) Хотя вопросъ этотъ не былъ предусмотрѣнъ.

чальникомъ же Софійскаго военнаго отдѣла и гарнизона былъ предназначенъ полковникъ л.-гв. Литовскаго полка П. П. Логиновъ.

Князь, конечно, былъ недоволенъ моимъ докладомъ и сказалъ мнѣ: vous vous attaquez à mes amis [1]), а потомъ, согласившись утвердить мое представленіе, прибавилъ: vous n'avez rien à dire si je lui fait un dîner d'adieu, en qualité d'ami [2])? Это было для меня несомнѣнное оскорбленіе по службѣ, но я рѣшилъ съ этимъ не считаться, хотя и понялъ, что война мнѣ объявлена. Я доложилъ князю, что не могу входить въ разсмотрѣніе личныхъ отношеній его свѣтлости къ его друзьямъ.

Фактъ удаленія Чиляева произвелъ большое впечатлѣніе не только среди офицеровъ, но и среди болгаръ, при чемъ большинство было на моей сторонѣ, осуждая поступокъ князя и находя его безтактнымъ.

Одновременно съ уходомъ Чиляева вновь поднялся и обострился вопросъ о принятіи на службу въ войска иностранныхъ офицеровъ. Князь спросилъ меня, кѣмъ я намѣренъ замѣнять удаляемыхъ мною офицеровъ, на что̀ получилъ естественно отвѣтъ, что у меня много кандидатовъ, или лично мнѣ извѣстныхъ, или рекомендованныхъ мнѣ людьми, заслуживающими довѣрія. На это князь возразилъ мнѣ, что я, понятно, буду приглашать русскихъ офицеровъ, но что придетъ время, когда всѣ русскіе уйдутъ, и онъ не желаетъ остаться: „seul avec ces bratouschkis“ [3]). Это выраженіе весьма характерно выясняло взглядъ князя на Болгарію и болгаръ и всегда приходило мнѣ на память, когда я слышалъ заявленія нѣкоторыхъ, правда немногочисленныхъ болгаръ, воображавшихъ, что князь „любитъ Болгарію“, или когда я читалъ, въ телеграммахъ и письмахъ князя, выраженія, въ родѣ: „mon pays“, „ma nouvelle patrie“, „mon peuple aimé“ [4]).

Мнѣ удалось и на этотъ разъ отдѣлаться отъ нѣмецкихъ офицеровъ указаніемъ на то, что теперь, въ виду предстоящихъ выборовъ въ собраніе и скораго его созыва, было бы крайне неполитично поднимать антиконституціонный вопросъ, къ тому же весьма непопулярный.

Несмотря на это, наплывъ иностранныхъ офицеровъ въ Болгарію возросъ чрезвычайно. Чтобы судить объ этомъ количествѣ, достаточно сказать, что съ октября 1879 г. до марта 1880 г. мною было отклонено 509 просьбъ иностранныхъ офицеровъ и солдатъ, преимущественно прусскихъ. Тѣ, которые являлись безъ особыхъ рекомендацій, полу-

---

[1]) Вы нападаете на моихъ друзей.

[2]) Вы ничего не имѣете противъ того, что я сдѣлаю ему прощальный обѣдъ, въ качествѣ друга?

[3]) Одинъ съ этими братушками.

[4]) Моя страна, мое новое отечество, мой возлюбленный народъ.

чали въ отвѣтъ краткое: unmöglich или impossible[1]), смотря по тому, на какомъ языкѣ была изложена словесная просьба, но были случаи очень затруднительные. Нѣкоторые офицеры пріѣзжали въ Софію лично и обращались непосредственно къ князю съ словесной и письменной просьбой, а потомъ являлись ко мнѣ и, получивъ словесный отказъ, иногда очень нахально указывали на надпись, сдѣланную рукой князя, наверху прошенія: recomandé à l'attention spéciale du ministre de la guerre[2]). Я помню одно замѣчательное, по своему нахальству, прошеніе Вестфальскаго артиллерійскаго полка унтеръ-офицера Роста, который заявлялъ, что, выйдя въ отставку унтеръ-офицеремъ и не имѣя средствъ къ жизни, желаетъ поступить въ болгарскую артиллерію, но не иначе, какъ поручикомъ, пр ичемъ любезно увѣдомлялъ, что умѣетъ дѣлать хорошіе фейерверки. Въ особенности трудно было, когда князь лично просилъ за кого-нибудь, не стѣсняясь говорить, что: „c'est un bravegarçon, qui a des difficultés d'argent[3]). Усиленно настаивалъ князь на принятіи прусскаго офицера Келлера, племянника генерала Альбедиля, бывшаго тогда начальникомъ военнаго кабинета германскаго императора Вильгельма I-го.

По распущеніи перваго народнаго собранія, вопросъ о принятіи иностранныхъ офицеровъ на службу въ войска обострился до крайности, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, далѣе.

Въ это же время возникъ въ совѣтѣ министровъ вопросъ, обострившій мои отношенія къ другому сильному дѣятелю того времени въ Болгаріи, къ графу Кевенгюллеру.

Зашла рѣчь о проведеніи новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Прежде всего надо было рѣшить ихъ направленіе, а затѣмъ и способъ приведенія проекта въ исполненіе.

Относительно направленія дорогъ существовало два мнѣнія: 1) соединить Адріанопольско-Филиппопольскую желѣзную дорогу съ сербскими и австрійскими желѣзными дорогами, проведя путь черезъ Софію, и 2) соединить Софію и Тырново съ Рущукомъ и далѣе съ румынскими и русскими, а также австрійскими желѣзными дорогами. Я стоялъ очень энергично за второй проектъ, доказывая, что при принятіи перваго проекта мы отдадимъ Болгарію, а вмѣстѣ съ нею и весь Балканскій полуостровъ въ полное экономическое порабощеніе Австріи, и безъ того уже сильное и, кромѣ того, это направленіе пройдетъ только черезъ южную часть Болгаріи, захвативъ самую незначительную часть территоріи княжества, совсѣмъ не коснувшись всей сѣверной, придунайской его части, не связывая Болгарію съ Румыніей и оставивъ

[1]) Невозможно.

[2]) Рекомендуется особому вниманію военнаго министра.

[3]) Добрый малый, запутался въ денежныхъ дѣлахъ.

совершенно въ сторонѣ такой важный во всѣхъ отношеніяхъ центръ, какъ Тырново. Кромѣ того, принимая во вниманіе слабыя финансовыя средства княжества и малое развитіе его въ экономическомъ отношеніи, было очевидно, что, рѣшившись на южное направленіе и приступивъ къ его исполненію, мы на долгіе годы откладывали бы соединеніе княжества желѣзными дорогами съ Россіей.

Второй проектъ внесъ бы оживленіе во всю придунайскую Болгарію, облегчилъ бы сношенія съ Дунаемъ, этой важной для Болгаріи водной артеріей, связалъ бы Болгарію съ Румыніей, Россіей да и съ Австріей, черезъ Румынію и Трансильванію. Я сначала стоялъ за направленіе на Рущукъ, исходя изъ того, что на противоположномъ берегу Дуная, въ Журжевѣ, находится конечная станція румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, а кромѣ того я мечталъ тогда создать въ Рущукѣ арсеналъ и артиллерійскія мастерскія, возобновивъ, бывшіе уже тамъ, турецкіе заводы и мастерскія. Дунай, въ этомъ отношеніи, игралъ для меня весьма важную роль. Но затѣмъ я склонился на убѣжденія министра финансовъ Начовича, который тоже стоялъ за сѣверное направленіе, но примыкалъ его къ Дунаю не въ Рущукѣ, а въ Систовѣ, имѣвшемъ очень важное экономическое значеніе для Болгаріи. Я поступился Рущукомъ еще и потому, что переговоры съ Румыніей клонились къ постройкѣ ею желѣзной дороги отъ Зимницы къ Краіову, чѣмъ достигалась прямая связь желѣзныхъ дорогъ обоихъ государствъ, а также потому, что устройство арсенала въ Рущукѣ было только въ зародышѣ.

Весьма естественно, что въ этомъ вопросѣ антагонистомъ мнѣ и моимъ единомышленникамъ выступилъ австрійскій дипломатическій агентъ, усиленно агитировавшій за скорѣйшее установленіе прямого сообщенія Константинополь—Будапештъ—Вѣна. Это было понятно, въ порядкѣ вещей, но опять борьба—съ Паренсовымъ.

По вопросу о выполненіи того или другого проекта княжество не могло взять на себя постройку какой бы то ни было желѣзной дороги по неимѣнію ни средствъ, ни людей; пришлось обратиться за границу къ извѣстнымъ строителямъ, которые не заставили себя долго ждать. Явились два крупныхъ предпринимателя: австрійскій еврей, извѣстный баронъ Гиршъ и нашъ, русскій человѣкъ—Губонинъ. Понятно, что я стоялъ за Губонина, а Кевенгюллеръ за Гирша. Губонинъ скоро передалъ всѣ свои права русскому еврею, барону Горацію Гинсбургъ, и я сталъ на сторону барона Гинсбурга. Тутъ мои недруги подняли вопль, что я, въ вопросѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, стою за еврея и желаю сдать это выгодное и государственное дѣло въ еврейскія руки. Я, конечно, не отрицалъ и не скрывалъ, что провожу барона Гинсбурга; для меня вопросъ сводился къ слѣдующему: своихъ, болгар-

*

скихъ предпринимателей нѣтъ и не скоро еще они народятся; являются два еврея, оба солидные, но одинъ—австріецъ, другой—русскій, всѣ дѣла котораго въ Россіи и который вдобавокъ пользуется безусловно прекрасной репутаціей. Но понятно, что и тутъ Кевенгюллеръ стоялъ за Гирша, слѣдовательно, противъ меня. Самъ князь Александръ очень симпатизировалъ барону Гинсбургу, который велъ его личныя денежныя дѣла, а кромѣ того, кажется, велъ дѣла и другихъ членовъ Гессенскаго дома въ Россіи.

Одно время, при мнѣ, дѣла барона Гинсбурга шли настолько удачно, что онъ выслалъ въ Софію своего представителя Николая Исаковича Утина, бывшаго эмигранта, получившаго прощеніе за работы по постройкѣ Рени-Галацкой желѣзной дороги въ войну 1877—78 гг., весьма энергично взявшагося за дѣло. Гинсбурга и Утина очень поддерживалъ смѣнившій въ 1880 г. Давыдова, новый дипломатическій агентъ Россіи, Александръ Михайловичъ Кумани, замѣчательная личность, о которой мнѣ придется говорить далѣе. Но съ моимъ уходомъ, скоро затѣмъ послѣдовавшимъ уходомъ Кумани и совершившимся въ Систовѣ государственнымъ переворотомъ, дѣло барона Гинсбурга кончилось ничѣмъ.

Справедливость требуетъ, однако, упомянуть, что рядомъ съ этими непріятными и крайне тяжелыми минутами, бывали и другія,—утѣшительныя.

Особенно порадовалъ меня по возвращеніи моемъ изъ Россіи начальникъ артиллеріи полковникъ Лѣсовой, который, условившись со мной еще лѣтомъ, представилъ мнѣ готовые проекты о слѣдующихъ мѣропріятіяхъ по артиллерійской части.

По его предположенію рѣшено было держать временно всѣ 8 орудій батарей запряженными, а ящиковъ только одинъ рядъ. Изъ образовавшагося запаса людей и лошадей сформировали одну скорострѣльную батарею, изъ оставленныхъ Болгаріи турецкихъ скорострѣльныхъ орудій и артиллерійскую лабораторію. Россія оставила Болгаріи турецкія дальнобойныя орудія, взятыя за Балканами, но безъ замковъ. Такъ какъ всѣ орудія имѣли заводскій № и клеймо Круппа, то мы заказали у Круппа по этимъ №№ и клеймамъ замки, и я имѣлъ наслажденіе, уходя изъ Болгаріи, оставить болгарской артиллеріи отличныя дальнобойныя орудія. Круппу заказаны были снаряды для этихъ орудій, по расчету боеваго комплекта, 500 снарядовъ на орудіе; ему же заказаны нѣкоторые недостающіе предметы, какъ-то: дистанціонныя трубки и прицѣлы. Но что, въ особенности, меня порадовало—это успѣшный ходъ работъ по устройству въ Рущукѣ арсенальныхъ мастерскихъ съ механическими станками и машинами. Мастерскія эти предназначались для исправленія матеріальной части батарей, состоящихъ на

службѣ, для изготовленія нѣкоторыхъ новыхъ предметовъ, взамѣнъ пришедшихъ въ негодность и т. п. Все это долженъ былъ оборудовать бельгійскій заводчикъ Кокериль, мастерскія должны были быть открыты въ маѣ 1880 года и должны были состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) механическій съ слесарнымъ; 2) кузнечный; 3) литейный—для чугуннаго и мѣднаго литья; 4) столярный и плотничный; 5) малярный и 6) шорный. Мастера были выписаны изъ Россіи, а для обученія будущихъ мастеровъ—болгаръ, устроена школа.

Радовала меня также хозяйственная часть въ войскахъ. Выше я уже сказалъ, что довольствія болгарскихъ войскъ вещами не существовало. Почти случайно удалось открыть въ разныхъ городахъ склады имущества, оставленнаго русскимъ интендантствомъ и сданнаго городскимъ властямъ, но эти гражданскія власти о складахъ молчали, можетъ быть, просто по забывчивости или недоразумѣнію. Случайно открыли такой складъ въ одной изъ закрытыхъ мечетей, и я приказалъ произвести ревизію во всѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ долго квартировали русскія войска, поручивъ все дѣло это генеральнаго штаба подполковнику Каменецкому, а распредѣленіе всего имущества возложено было мною на полковника Тимлера, отличавшагося административными и хозяйственными способностями. Къ созыву народнаго собранія я имѣлъ удовольствіе видѣть, что всѣ нижніе чины снабжены 2 рубашками въ натурѣ, а на третью отпущены деньги и т. д. [1]).

Обрадованный этими, да и многими другими успѣхами по упорядоченію войска, я пошелъ однажды къ князю съ обширнымъ докладомъ о всемъ сдѣланномъ и достигнутомъ, въ сравнительно короткій срокъ, заранѣе предвкушая наслажденіе видѣть, какъ я порадую князя, любившаго военное дѣло. Я заранѣе торжествовалъ и входилъ во дворецъ тріумфаторомъ. Князь очень благосклонно слушалъ, не перебивая меня, а когда я кончилъ, то какъ-то очень индифферентно сказалъ: „c'est très bien, et voilà j'ai aussi préparé quelque chose“ [2]) и при этомъ подалъ мнѣ рисунокъ новой формы офицерскихъ погонъ, на которыхъ звѣздочки должны быть не нашего, а прусскаго образца, большія, и при томъ, въ обратномъ нашему, порядкѣ, т. е.: генералъ-маіоръ не долженъ былъ имѣть звѣздочекъ вовсе, генералъ-лейтенантъ—2, а полный генералъ—три, такъ что мнѣ лично пришлось передѣлать всѣ мои погоны и эполеты.

Входилъ я съ моими проектами тріумфаторомъ, а уходилъ—иначе.

Внутри страны шло броженіе, соединенное съ выборной, въ народное собраніе, агитаціей. Страшнаго ничего не было, хотя борьба

---

[1]) Полотна не хватило полностью на 8 дружинъ, которымъ и отпущено натурой на 1 рубашку, а на 2—деньгами.

[2]) Очень хорошо, а вотъ и я тоже приготовилъ нѣчто.

партій была горячая. Только въ двухъ мѣстахъ, селяки (крестьяне), отказавшись платить подати до рѣшенія народнаго собранія, не послушались властей, но немедленно успокоились, какъ только появились войска съ русскими офицерами.

Главнымъ аргументомъ оппозиціи въ борьбѣ съ министерствомъ было нарушеніе министрами конституціи. Эта почва была очень благодарная. Большинство населенія знало одно: было 500 лѣтъ турецкаго ига; явилась Россія, отъ турокъ освободила и ушла, но, уходя, оставила Болгаріи—конституцію. Что такое „конституція", понятно, большинство и не знало; знали только, что это дано Россіей-освободительницей, а потому ненарушимо и священно; всякій на нее покушающійся—врагъ. Очень характерный случай произошелъ въ Виддинѣ при избраніи депутата въ народное собраніе. Избранъ былъ блаженный Анфимъ, бывшій экзархъ, сидѣвшій въ турецкихъ тюрьмахъ Малой Азіи, почтенный старикъ, пользовавшійся большимъ, повсемѣстнымъ уваженіемъ. Онъ обратился къ своимъ выборщикамъ съ вопросомъ объ ихъ нуждахъ и что они поручатъ ему проводить и отстаивать въ собраніи. Отовсюду полученъ былъ одинъ отвѣтъ: „пàзи конституцію", т. е. блюди конституцію.

При производствѣ выборовъ произошло много ошибокъ, недоразумѣній и злоупотребленій, обычныхъ спутниковъ выборовъ, да еще въ первое народное собраніе и въ такой политически-младенческой странѣ, какою тогда была Болгарія. Выдающимся и всѣмъ извѣстнымъ злоупотребленіемъ было избраніе Стамбулова въ депутаты. Ему не было 30 лѣтъ и въ его документахъ была сдѣлана очевидная подчистка. Имѣя въ виду описать первое народное собраніе въ слѣдующей главѣ, помѣщаю здѣсь письмо А. А. Шепелева къ графу Д. А. Милютину, отъ 4 ноября 1879 года, превосходно рисующее положеніе дѣлъ того времени.

Письмо полковника Шепелева графу Д. А. Милютину.

София, 4-го ноября 1879 г. — Секретно.

Милостивый государь графъ Дмитрій Алексѣевичъ. Путешествіе князя Александра въ Бухарестъ, а затѣмъ посѣщеніе имъ придунайскихъ городовъ Болгаріи и сверхъ того Разграда, Шумлы и Бѣлградчика совершилось при самой благопріятной обстановкѣ. Какъ въ Румыніи, такъ и въ собственныхъ владѣніяхъ молодой князь встрѣтилъ самый радушный и сочувственный пріемъ, произведшій

на него отрадное впечатлѣніе. Къ сожалѣнію, съ возвращеніемъ князя въ свою столицу, пріятное впечатлѣніе, вынесенное изъ поѣздки, должно было скоро изгладиться передъ серьезными затрудненіями, возникшими по поводу депутатскихъ выборовъ въ нѣкоторыхъ округахъ, и въ виду положенія, занятаго по отношенію къ этимъ выборамъ какъ министерствомъ, такъ и оппозиціей.

Какъ я уже имѣлъ случай докладывать вашему сіятельству въ предъидущемъ письмѣ, оппозиціонная партія воспользовалась избирательнымъ періодомъ, чтобы перенести свои нападки на министерство изъ газетной сферы на болѣе практическую почву словесной пропаганды, преимущественно среди сельскаго населенія. Главною темою для возбужденія агитаціи противъ нынѣшняго кабинета послужили опять таки указы о пониженіи цѣнности серебрянаго рубля и о пошлинѣ на ввезенную уже соль. Маневръ этотъ какъ нельзя болѣе удался оппозиціи, такъ какъ масса плательщиковъ, на карманахъ которыхъ чувствительно отражались эти двѣ неосторожныя мѣры министерства, была очень рада случаю отказаться отъ взноса податей подъ предлогомъ, что правительство не имѣло права, помимо народнаго собранія, устанавливать новыя пошлины и, посредствомъ депреціаціи рубля, увеличивать, косвеннымъ образомъ, налоги. Низшіе агенты оппозиціи пошли въ своемъ усердіи еще гораздо дальше, чѣмъ, вѣроятно, того желали вожаки ея, проповѣдуя населенію, что если нынѣшній кабинетъ будетъ замѣненъ, такъ называемымъ, либеральнымъ, то подати будутъ сокращены, оставшіяся отъ бѣжавшихъ турокъ земли распредѣлятся между болгарами, и нуждающейся части сельскаго населенія выданы будутъ денежныя вспомоществованія для возстановленія разстроеннаго хозяйства. Послѣдствіемъ этого было то, что поселяне отказываются вносить подати, наивно объясняя, что они предпочитаютъ обождать какъ выскажется народное собраніе, а до того времени не желаютъ отдавать правительству своихъ денегъ. Вотъ, отчасти причина, почему, до настоящей поры, въ государственныя кассы поступило всего около 6 милліоновъ франковъ въ счетъ разсчитаннаго на этотъ годъ 23-хъ милліоннаго бюджета; и если этой агитаціи не будетъ скоро положенъ предѣлъ, можно серьезно опасаться, что бюджетъ нынѣшняго года приведетъ не только къ большому дефициту, но что даже наступитъ моментъ, когда княжество окажется несостоятельнымъ удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ правительственнаго организма.

Пока оппозиція усердно работала, подготовляя себѣ всѣми средствами побѣду на выборахъ, министерство пальцемъ не шевельнуло, чтобы сильнѣе сплотить свою, считаемую консервативною, партію, полагаясь на то, что представители администраціи въ губерніяхъ и

округахъ сумѣютъ и безъ того, посредствомъ искусственнаго давленія на избирателей, послать въ народное собраніе благопріятныхъ правительству депутатовъ. Вообще со стороны кабинета не было сдѣлано ничего, чтобы разъяснить населенію ни значенія предстоявшихъ выборовъ, ни самый порядокъ производства ихъ, такъ что избраніе депутатовъ во многихъ округахъ происходило крайне неправильно и противно избирательному закону, который даже не былъ толково усвоенъ самою администраціей. Путаница, проявившаяся при выборахъ, въ связи съ раздраженіемъ партій, повела къ открытымъ безпорядкамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ, напр., въ Кулѣ и Сельви, гдѣ министерство потребовало содѣйствія войскъ, съ цѣлью запугать населеніе и парализовать вліяніе оппозиціи; благодаря лишь осмотрительному дѣйствію военнаго начальства все обошлось благополучно и порядокъ былъ легко возстановленъ. Я имѣю серьезные поводы вѣрить, что министерство искало случая, чтобы, если не вызвать, то, по крайней мѣрѣ, раздуть неизбѣжныя при выборахъ волненія, чтобы тѣмъ склонить князя къ крутымъ мѣрамъ противъ своихъ противниковъ и къ отсрочкѣ, на неопредѣленное время, созыва народнаго собранія. Въ этой именно надеждѣ на то, что князь ни за что не разстанется съ нынѣшнимъ кабинетомъ, хотя бы для этого пришлось распустить палату представителей, и слѣдуетъ, по моему мнѣнію, искать объясненія той бездѣятельности, которую обнаружила на выборахъ консервативная партія, и отсутствія руководительства ею со стороны министерства.

Надо, впрочемъ, признать, что кабинетъ Бурмова-Балабанова не безосновательно расчитывалъ на такую поддержку со стороны князя, которая не остановилась бы даже передъ государственнымъ переворотомъ, т. е. распущеніемъ народнаго собранія и пріостановленія дѣйствія конституціи. Князь Александръ, поддавшись ежедневнымъ убѣжденіямъ министровъ, будто бы въ нихъ однихъ заключается спасеніе страны отъ радикаловъ и нигилистовъ, изъ которыхъ, по ихъ словамъ, якобы составлена оппозиція, легко склонялся къ этимъ взглядамъ министерства и былъ даже не прочь, въ случаѣ враждебнаго настроенія палаты къ кабинету, рѣшиться на coup d'état со всѣми опасными его послѣдствіями, на которыя я не переставалъ ему указывать во время нашего путешествія по Дунаю. Одно, что озабочивало князя и еще сдерживало его порывы къ рѣзкимъ мѣропріятіямъ для поддержанія нынѣшняго министерства, это—неизвѣстность, въ которой тогда князь находился, относительно воззрѣній государя императора на счетъ предстоявшаго ему образа дѣйствій. Между княземъ и мною происходилъ по этому поводу частый обмѣнъ мыслей, при чемъ князь доказывалъ, что государь императоръ не можетъ не же-

лать упроченія власти за консервативнымъ элементомъ въ Болгаріи, и потому, несомнѣнно, изволитъ одобрить всякія мѣры, которыя князь приметъ для торжества государственной власти надъ конституціонными доктринами. Я замѣчалъ на это, что не можетъ быть спора о томъ, какая изъ существующихъ партій представляетъ большія гарантіи для поддержанія авторитета власти въ странѣ и что, безъ сомнѣнія, необходимо стараться доставить преобладаніе элементу консервативному; но для этого нужно, прежде всего, отрѣшиться отъ предвзятыхъ мнѣній и безпристрастно обсуждать, какія могутъ быть наиболѣе пригодныя къ тому средства. Распущеніе народнаго собранія, говорилъ я князю, было бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, не только несвоевременнымъ, но и политическою ошибкою, неоправдываемою вѣроятными результатами подобнаго акта. Предположивъ, что большинство палаты окажется на сторонѣ оппозиціи, то съ распущеніемъ собранія, предшествовавшая его созванію агитація въ населеніи не только бы не прекратилась, но приняла бы еще болѣе широкіе размѣры, при чемъ къ враждѣ противъ министерства невольно примѣшивалось бы уже и неудовольствіе на самого князя. Сверхъ того, по дѣйствующей конституціи, спустя четыре мѣсяца послѣ распущенія народнаго собранія, должно быть непремѣнно созвано новое, которое, почти навѣрное, оказалось бы столь же оппозиціоннымъ, какъ и первое, потому что, при неумѣлости нынѣшнихъ министровъ организовать сплоченную и искусно руководимую партію, весьма мало шансовъ на то, чтобы они успѣли это сдѣлать въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, затрудненія, съ которыми болгарскому правительству придется теперь бороться, въ случаѣ неблагопріятнаго состава камеры, окажутся вовсе неустраненными съ распущеніемъ оной, а лишь отсроченными на четыре мѣсяца; между тѣмъ, въ этотъ четырехъ-мѣсячный періодъ времени страна будетъ находиться еще въ болѣе возбужденномъ состояніи, чѣмъ теперь, и населеніе, вовлекаясь въ раздоры партій и безтолковое политиканство, утратитъ и послѣдніе слѣды уваженія къ авторитету власти.

Распущеніе собранія имѣло бы, по моему мнѣнію, смыслъ лишь въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы того дѣйствительно требовали важныя государственныя причины, по которымъ княжеское правительство нашлось бы вынужденнымъ совершенно отказаться отъ созыва новой палаты, или, другими словами, уничтожить конституцію. Но, во-первыхъ, по искреннему моему убѣжденію, никакихъ подобныхъ причинъ не существуетъ, и управленіе Болгаріею могло бы идти самымъ мирнымъ и спокойнымъ путемъ, если бы нѣкоторыя лица болѣе безпристрастно относились къ мелочамъ парламентской борьбы и не усматривали въ сторонникахъ строгаго исполненія кон-

ституціи какихъ-то радикаловъ и нигилистовъ. Во-вторыхъ, распущеніе перваго же народнаго собранія было бы рискованнымъ шагомъ еще потому, что правительство не имѣетъ пока въ народѣ достаточно сильной опоры для того, чтобы не опасаться возникновенія внутреннихъ неурядицъ, быть можетъ желательныхъ для противниковъ балканскихъ славянъ. Кромѣ того, всякая насильственная мѣра противъ конституціи лишитъ Болгарію сразу, въ глазахъ ея населеній, той роли собирательнаго ядра для отторженныхъ ея частей, которая должна принадлежать ей на Балканскомъ полуостровѣ. Тогда оправдается предсказаніе одного изъ бывшихъ моихъ коллегъ по Филиппопольской международной коммиссіи, что тяготѣніе болгаръ приметъ направленіе не къ сѣверу, какъ мы должны того желать, а къ югу, т. е. къ Восточной Румеліи, гдѣ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, и правительство и представители населенія крѣпко держатся своего органическаго устава и дружно работаютъ для пользы страны.

Исходя изъ приведенныхъ выше соображеній, я счелъ долгомъ убѣждать князя въ томъ, что для успокоенія страстей и прекращенія волнующей страну агитаціи, ему самому необходимо стать въ сторонѣ отъ борьбы партій и не давать повода думать, что онъ тѣсно связанъ съ одною изъ нихъ. Если бы даже оппозиція одержала верхъ надъ министерствомъ, то и тогда нѣтъ никакой причины опасаться какихъ-либо внутреннихъ осложненій, потому что, добившись власти, такъ называемый либеральный, или, вѣрнѣе сказать, конституціонный кабинетъ станетъ, по самому существу своей новой роли, дѣйствовать въ консервативномъ духѣ, понимая подъ этимъ одинаково строгое охраненіе какъ конституціи, такъ и прерогативъ верховной власти. Главное, къ чему я стремился, это отклонить князя отъ мысли о распущеніи собранія, въ угоду нынѣшнимъ министрамъ, и напротивъ, дать ихъ противникамъ, стремящимся стать во главѣ управленія, возможность доказать на дѣлѣ, на что они способны и въ какой мѣрѣ они отвѣчаютъ высказанному къ нимъ довѣрію страны.

Возвратясь изъ своей поѣздки обратно въ Софію, князь нашелъ министровъ крайне озабоченными результатомъ выборовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и на другой же день министерство явилось съ предложеніемъ вовсе не созывать собранія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, настоящему кабинету, по всѣмъ вѣроятіямъ, невозможно будетъ сохранить свой постъ. Въ этомъ предложеніи уже совершенно ясно выразилось стремленіе министерства выставить князя вполнѣ солидарнымъ съ нимъ, хотя бы для того потребовалось вовлечь его въ открытое столкновеніе съ населеніемъ, отказывающимъ министерству въ довѣріи. Къ счастью, князь не поддался на предложенный ему рискованный шагъ и заявилъ, что онъ выскажетъ окончательно

свое рѣшеніе лишь по полученіи указаній государя императора въ отвѣтъ на письмо къ его величеству. Между тѣмъ, слухъ о намѣреніи министерства прибѣгнуть къ отсрочкѣ народнаго собранія только усиливалъ броженіе умовъ и служилъ въ пользу цѣлямъ оппозиціи.

Собственноручное письмо государя императора къ князю и словесныя объясненія возвратившагося изъ Ливадіи Давыдова не замедлили разсѣять ту томительную неизвѣстность относительно рѣшеній князя, которая одно время тяготѣла какъ надъ министерствомъ, такъ и надъ интеллигентною частью населенія. Не скрою отъ вашего сіятельства, что князь разсчитывалъ получить отъ его величества полное одобреніе своихъ взглядовъ и поощреніе къ рѣзкому образу дѣйствій противъ конституціонной партіи, если бы она оказалась въ большинствѣ въ народномъ собраніи; того же самаго ожидало и министерство, убѣжденное въ безусловной поддержкѣ его со стороны русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, князь заявилъ, что онъ намѣренъ сообразовать свой дальнѣйшій образъ дѣйствій съ указаніями и совѣтами своего августѣйшаго дяди и открыто высказалъ министрамъ, что если они не съумѣютъ оправдать своей дѣятельности передъ народнымъ собраніемъ, то онъ не считаетъ возможнымъ нарушать ради ихъ конституціонное теченіе дѣлъ.

Такимъ образомъ, благодаря вліянію мудрыхъ совѣтовъ нашего государя на молодого князя, дѣла стали принимать болѣе успокоительный характеръ и устранялась опасность, грозившая, на первыхъ же порахъ, политической жизни Болгаріи почти неминуемымъ столкновеніемъ между народной властью и верховнымъ представительствомъ.

Открытіе первой законодательной сессіи состоялось 21-го октября, недѣлею позже противъ первоначально назначеннаго срока, по причинѣ неприбытія къ тому дню достаточнаго числа депутатовъ. Княжеская рѣчь, экземпляръ которой, на французскомъ языкѣ, имѣю честь при семъ представить, была встрѣчена всѣми, безъ различія, вполнѣ сочувственно. Число присутствовавшихъ въ собраніи представителей было лишь немногимъ болѣе половины узаконеннаго числа депутатовъ, но большинство оказалось на сторонѣ оппозиціи, хотя наканунѣ еще князь сказалъ мнѣ, что, по увѣренію министровъ, они имѣютъ въ палатѣ „une majorité écrasante“. По удаленіи князя изъ залы собранія, приступлено было къ выбору постояннаго бюро и, послѣ оживленныхъ споровъ, значительнымъ большинствомъ голосовъ, предсѣдателемъ избранъ Каравеловъ, глава оппозиціи, остальные члены бюро избраны также изъ числа такъ называемыхъ либераловъ. Министры, пораженные этимъ результатомъ, до того растерялись, что вечеромъ того же дня поспѣшили вручить князю просьбы объ отставкѣ. Князь спра-

ведливо отклонилъ ихъ ходатайства, считая, что выборъ президента палаты, хотя бы изъ противнаго лагеря, не составляетъ еще парламентскаго пораженія министерства. Кромѣ того, можно было ожидать, что, съ прибытіемъ въ Софію запоздавшихъ депутатовъ, большинство въ камерѣ перемѣстится на сторону министерства. Ожиданія эти, однако, не оправдались, и вновь прибывшіе представители только усилили собою ряды оппозиціи.

Мы, слѣдовательно, находимся теперь въ самомъ разгарѣ кризиса, который, не сегодня-завтра, можетъ принять острый характеръ. Князь, до сихъ поръ, еще не уклонялся отъ пути, указаннаго государемъ императоромъ, и намѣренъ, въ случаѣ паденія нынѣшняго министерства, предложить вождю парламентскаго большинства, т.-е. Каравелову, образовать новый кабинетъ. Зная, что князь, которому нѣкоторыя лица не переставали представлять Каравелова за яраго демагога (что, въ сущности, несправедливо), лично не расположенъ къ нему; съ другой стороны, считая своимъ долгомъ употребить всѣ усилія къ устраненію полнаго разлада между княземъ и народнымъ представительствомъ,—я, не далѣе какъ вчера, настойчиво убѣждалъ князя не отказываться отъ попытки составленія кабинета сліянія, будучи увѣренъ въ возможности склонить къ тому самого Каравелова, такъ и двухъ изъ нынѣшнихъ министровъ, менѣе другихъ ненавистныхъ оппозиціи.

Князь, пожалуй, и не прочь былъ бы изъявить согласіе на эту комбинацію, если бы другія вліянія, къ сожалѣнію, слишкомъ пристрастныя, не поддерживали въ немъ, до сей поры, мысли о предпочтительности распущенія собранія передъ возможностью компромисса съ оппозиціею. Если эти вліянія возьмутъ верхъ, то дай Богъ, чтобы они только не отразились вредными для Болгаріи послѣдствіями.

Положеніе дѣлъ, въ настоящую минуту, слѣдующее: народное собраніе, почти полнымъ своимъ составомъ, принадлежитъ конституціонной партіи, т.-е., оппозиціи; по личному мнѣ заявленію одного изъ министровъ, приверженцы ихъ, бывшіе въ числѣ 40 человѣкъ, также перешли въ противный лагерь, за исключеніемъ какихъ-нибудь 5—8 лицъ. Можно положительно сказать, что передъ народнымъ собраніемъ дни министерства Бурмова—Балабанова уже сочтены; это фактъ, игнорировать который было бы неблагоразумно. По парламентскимъ обычаямъ, будущій кабинетъ долженъ принадлежать нынѣшней оппозиціи, и она вправѣ была бы настаивать на томъ, чтобы всѣ портфели были розданы исключительно ея приверженцамъ. Тѣмъ не менѣе, чтобы ослабить въ умѣ князя непріятный для него характеръ новаго министерства съ Каравеловымъ въ числѣ его членовъ,—удалось, наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ состоящаго при мнѣ

г. Рогге съ названнымъ главою опозиціи, склонить послѣдняго принять въ будущій кабинетъ двухъ изъ теперешнихъ министровъ: г. Грекова для иностранныхъ дѣлъ и г. Начовича — для финансовъ; оба эти лица весьма симпатичны князю.

Какъ ни желательно было бы осуществленіе этой министерской комбинаціи, я, однако, далеко не увѣренъ въ ея конечномъ успѣхѣ, который зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ. Прежде всего, князь долженъ рѣшить принципіальный вопросъ: распустить ли собраніе, или составить новый кабинетъ? Я откровенно высказываюсь въ пользу послѣдняго, видя въ немъ единственный спокойный исходъ изъ нынѣшнихъ затрудненій. Имѣя во главѣ управленія нѣсколькихъ выдающихся членовъ въ либеральной партіи, мы можемъ держать ее всю въ рукахъ, и отъ личнаго такта князя будетъ зависѣть сдѣлать изъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ ему выдаютъ за радикаловъ, самыхъ преданныхъ ему сторонниковъ. Стоитъ только захотѣть, и нѣтъ ничего легче, какъ достигнуть такого результата, который тѣмъ самымъ послужитъ и къ усиленію консервативнаго элемента. Нынѣшніе либералы (по другимъ понятіямъ тоже, что радикалы и нигилисты) всегда рѣзко обособляли не отвѣтственнаго князя отъ отвѣтственнаго министерства, нападая на послѣднее, они продолжаютъ всегда и всюду высказывать самую преданную любовь и глубокое уваженіе къ своему государю. Строго держась на почвѣ конституціи, они готовы сдѣлать для князя всѣ тѣ уступки, которыя не потребуютъ отъ нихъ рѣзкаго отреченія отъ принципа ихъ партіи. Такъ, зная, что князь настаиваетъ на измѣненіи своего титула „свѣтлости“ на „высочество“,— Каравеловъ уже нѣсколько дней ломаетъ себѣ голову, чтобы найти способъ удовлетворить желаніе князя безъ явнаго нарушенія конституціи; онъ даже подсылалъ ко мнѣ, стороной, узнать, угодна ли будетъ государю императору эта перемѣна княжескаго титула; я отклонилъ отъ себя этотъ запросъ, но совѣтовалъ, по возможности, сдѣлать угодное князю.

Но если я считаю полезнымъ и желательнымъ для страны не отвергать соглашенія съ оппозиціею, то, съ другой стороны, признаю его возможнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда ее не будутъ раздражать напрасными уколами ея самолюбіе. Такъ, напр., на обѣдъ, данный княземъ митрополитамъ, избраннымъ въ депутаты, нарочно не былъ приглашенъ бывшій экзархъ Анфимъ за то, что при принесеніи присяги въ собраніе, сказалъ, что обѣщаетъ строго охранять конституцію [1]). Это понято было за умышленное оскорбленіе конституціонной партіи и повело къ извѣстной контръ-демонстраціи въ со-

---

[1]) Т.-е. неприглашеніе на обѣдъ; П. П.

бранія, выразившейся привѣтственными кликами въ честь престарѣлаго Анфима, когда имя его провозглашено было въ числѣ избранныхъ депутатовъ.

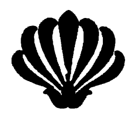
Представленная мною, вполнѣ откровенно, оцѣнка современнаго полити ^скаго кризиса служила мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и руководствомъ въ исполненіи порученной мнѣ здѣсь задачи. Я былъ бы счастливъ получить отъ вашего сіятельства указаніе о томъ, въ какой мѣрѣ мой взглядъ на совершающіяся здѣсь событія и образъ дѣйствій отвѣчаютъ волѣ августѣйшаго государя.

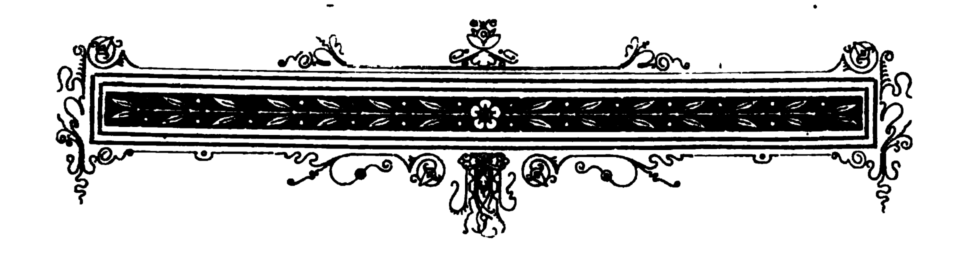
А. Шепелевъ.

Вслѣдствіе путешествія государя письмо это дошло по назначенію только 14 ноября, одновременно съ слѣдовавшими за нимъ телеграммами.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. А. Инсарскаго.

X [1]).

Дуэль князя съ Да—вымъ. — Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ нашемъ кружкѣ и вообще въ Петербургѣ.—Подробности дуэли.—Впечатлѣніе, произведенное дуэлью князя на Кавказѣ.—Переѣздъ мой въ Павловскъ.—Возвращеніе Барятинскаго.—Графъ Мусинъ-Пушкинъ гофмаршалъ двора.

Надо прежде замѣтить, что вся романическая исторія князя съ Л. Д—ою, начало и темное продолженіе ея не только не находила сочувствія въ нашемъ кружкѣ, но даже подверглась положительному порицанію. Одни изъ насъ порицали ее въ томъ отношеніи, что князь, такъ высоко поставленный, обязанный уже своимъ положеніемъ служить примѣромъ нравственныхъ дѣлъ, дурно сдѣлалъ, что далъ безнравственный примѣръ; другіе находили, что князь дурно дѣлаетъ, пускаясь, въ санѣ фельдмаршала, въ подвиги, свойственные прапорщикамъ; третьи, наконецъ, порицали князя за то, что послѣ великолѣпныхъ и возвышенныхъ любовныхъ похожденій, князь связался съ грузинкой, у которой безчисленныя толпы родни въ краѣ, ввѣренномъ ему, какъ намѣстнику царя, въ управленіе. Однимъ словомъ, было много порицающихъ толковъ. Но, съ другой стороны, принималось во вниманіе всѣмъ извѣстное непостоянство князя во всѣхъ его привязанностяхъ и способность быстро охлаждаться при самыхъ, повидимому, горячихъ увлеченіяхъ. Если онъ не затруднился покинуть свою многолѣтнюю подругу, красавицу А. М—ю, то весьма естественно было предполагать, что еще съ бо́льшею легкостью онъ оставитъ и Да—ву, не имѣвшую еще и времени отличиться продолжительностью службы...

---

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1906 г.

Среди этихъ-то разнообразныхъ толковъ, мнѣній, ожиданій—орсиніевскою бомбой упала среди Петербурга вѣсть, что князь дрался на дуэли съ Да—ымъ.

Я живо помню, какъ въ одно прекрасное утро вошелъ ко мнѣ умный князь Георгій Мухранскій и, весь блѣдный, сообщилъ первый мнѣ извѣстіе о дуэли князя Барятинскаго съ Да—вымъ, то и на меня она не могла не произвести тогда сильнаго впечатлѣнія. Порицанія наши усилились. Обстоятельство это окончательно показало намъ, что намѣстникъ царскій, генералъ-фельдмаршалъ, блистательный князь Барятинскій, положительно превратился въ прапорщика и, какъ прапорщикъ, стрѣляется предъ лицомъ Европы и цѣлой Россіи за женщину. Вѣсть эта взволновала не только нашъ кружокъ, но весь Петербургъ. Поднялись толки ужасающихъ размѣровъ, и нѣтъ сомнѣнія, что высокіе враги князя не замедлили воспользоваться. Къ величайшему счастью, добрый государь, какъ тогда извѣстно было, не только не отнесся враждебно къ этому событію, вслѣдъ общественному мнѣнію, но какъ-то взглянулъ даже на него благосклонно, какъ-то со стороны рыцарства или военной чести, или чего-то въ этомъ родѣ.

Въ то время я зналъ, по различнымъ свѣдѣніямъ и разсказамъ, всѣ подробности этой дуэли; теперь же съ трудомъ ихъ припоминаю. Кажется, дѣло было такъ: Да—овъ получилъ отъ князя чрезвычайно рѣзкій отвѣтъ на какое-то письмо его, относительно своей жены, и едва-ли не тотъ именно отвѣтъ, о которомъ я упоминалъ, обозрѣвая Дрезденскія наши похожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что Да—въ спокойно проглотилъ бы и этотъ отвѣтъ, точно такъ же, какъ онъ глоталъ несравненно горчайшія пилюли, которыми князь, почти постоянно, угощалъ его; но на этотъ разъ онъ окруженъ былъ своими знатными родными французами, въ числѣ которыхъ былъ какой-то, особенно горячій, Граммонъ. По настоянію этихъ родныхъ и, вѣроятно, противъ своей воли, Да—овъ вынужденъ былъ сдѣлать князю вызовъ, который и былъ принятъ. Мѣстомъ дуэли выбранъ былъ Страсбургъ, находившійся въ одинаковомъ разстояніи отъ Парижа, гдѣ находился Да—въ, и того мѣста, гдѣ продолжалъ князь свое лѣченіе. Въ назначенное время противники съѣхались тамъ. Да—въ пріѣхалъ съ двумя секундантами изъ своихъ родныхъ. Князь пріѣхалъ съ однимъ Зиновьевымъ, вслѣдствіе чего они должны были поймать на улицѣ какого-то чужого полковника, въ качествѣ втораго секунданта. Потомъ враги стали на указанныя мѣста. Такъ какъ князь, съ своей больной ногой, не могъ обходиться безъ помощи палки, то онъ требовалъ настоятельно, чтобы и Да—въ, для уравненія шансовъ, тоже подперся палкой. Князь, разумѣется, стрѣлялъ первый, потомъ стрѣлялъ Да—въ. Результатъ ихъ стрѣлянія вышелъ самый паскудный. Оба промахнулись,

оба остались цѣлы и невредимы, и оба, въ тотъ же день, преблагополучно разъѣхались, по своимъ мѣстамъ. Прибавляютъ, что послѣ дуэли Да—въ бросился обнимать князя, вѣроятно, отъ радости, что вышелъ цѣлъ изъ этого тяжкаго испытанія. Прибавляютъ также, что среди французской арміи поступокъ князя, т. е. рѣшимость его, несмотря на высокое его званіе, драться съ простымъ офицеромъ, да еще бывшимъ своимъ подчиненнымъ, заслужилъ сильное одобреніе. Здѣсь тоже находились господа, которые утверждали, что князь молодецъ!

Во всякомъ случаѣ, Петербургъ если и можетъ взволноваться чѣмъ-нибудь, то на самое короткое время. Какъ глубокое море, послѣ шквала,—онъ опять становится спокойнымъ. Трудно даже и представить себѣ такое событіе, которое способно было бы оставить въ немъ рѣзкіе слѣды или заставить говорить о себѣ болѣе трехъ, много пяти дней. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, обреченный странною судьбою участвовать въ погребеніи императора Николая, я былъ истинно пораженъ, когда въ самый день смерти этого великаго царя и человѣка, высшіе наши чины и царедворцы, нисколько не останавливаясь на значеніи этой утраты для Россіи, метались изъ стороны въ сторону, чтобы попасть на дежурство къ гробу во время панихиды, т. е. во время присутствія императорской фамиліи и представить свою физіономію благоусмотрѣнію новаго царя, или помѣститься въ какой-нибудь церемоніи на болѣе видное мѣсто, чтобы толпа видѣла,—какой, дескать, я знатный господинъ! Едва-ли не въ этотъ моментъ зародилось у меня, на бѣду мою, презрѣніе къ человѣчеству и глубокое убѣжденіе, что только одно слѣпое самолюбіе могло увѣрить его, что оно—вѣнецъ творенія, царь природы и т. п., тогда какъ въ сущности оно не что иное, какъ особая порода животныхъ, и еще значительно погрязнѣе, чѣмъ многія другія породы.

Вся задача жизни этихъ царей природы: побрякушки! Чѣмъ болѣе побрякушекъ,—тѣмъ болѣе царь природы выше носъ деретъ! Приливъ этого новаго и горестнаго сознанія я также не замедлилъ выразить на дѣлѣ, насколько хватило силъ и, какъ я говорилъ уже въ своемъ мѣстѣ, безъ церемоніи удалялъ изъ рабочей комнаты, отведенной мнѣ во дворцѣ, толпы генералъ-адъютантовъ, разныхъ царедворцевъ, носящихъ званіе шталмейстеровъ и гофмейстеровъ и вообще, такъ называемыхъ, знатныхъ лицъ.

Петербургъ о дуэли сначала прошумѣлъ, а потомъ и забылъ. Въ нашемъ маленькомъ петербургско-кавказскомъ кружкѣ эта ухарская исторія произвела самое неблагопріятное впечатлѣніе. Такое же впечатлѣніе произвела она и на мѣстѣ, т. е. на Кавказѣ. Я говорилъ, какимъ обяніемъ окружена была тамъ персона намѣстника. По понятіямъ этой страны, еще довольно азіатскимъ, намѣстникъ могъ

убить кого ему вздумается, и такое распоряженіе признано было бы вполнѣ естественнымъ, правильнымъ и законнымъ, — на то онъ и намѣстникъ! но драться съ бывшимъ своимъ подчиненнымъ — этого кавказецъ не понималъ, а если понималъ, то рѣшительно въ другую сторону. Кромѣ того, извѣстно, что въ азіатскомъ мірѣ вообще женщина не пользуется большимъ почетомъ и если перестала быть чѣмъ-то въ родѣ товара, вещи или рабочей силы, то далеко еще не достигла той равноправности, о которой такъ хлопочутъ европейскія женщины. Поэтому кавказецъ скорѣе бы помирился, если бы дуэль была изъ мести, изъ оскорбленія; но дуэль за женщину, да еще за женщину замужнюю, да еще опять-таки не царицу или царевну какую-нибудь, а просто за жену офицера, похищенную у него, — не могла умѣститься въ его понятіяхъ. Однимъ словомъ, нравственное значеніе этого событія должно было подѣйствовать на страну дурно. Наконецъ, героиня этой романтической исторіи была изъ рода князей Орбеліановъ, который развѣтвляется на безконечныя отрасли и враждовалъ не только съ другими родами, какъ, напр., князей Мухранскихъ, но и внутри самого себя, посредствомъ различныхъ отраслей. Такимъ образомъ, предполагаемое и ожидаемое заключеніе этой исторіи посредствомъ законнаго брака князя обѣщало разомъ породнить его съ безконечнымъ и многочисленнымъ родомъ всевозможныхъ Орбеліановъ и въ то же время поставить въ непріязненныя отношенія къ нему, во-первыхъ, всѣ другіе роды, враждовавшіе отъ сотворенія міра съ родомъ Орбеліановъ, а во-вторыхъ, отрасли этого самаго рода, враждовавшія съ тою отраслью, къ которой принадлежала Д—ва. Все это вело къ тому заключенію, что возвращеніе князя, при такихъ сложныхъ условіяхъ, на Кавказъ, просто невозможно и что онъ, уронивъ свое значеніе въ странѣ, значительно попортилъ свое блестящее положеніе.

Едва-ли нужно говорить, какъ полезна была эта продѣлка для петербургскихъ благопріятелей князя, если туповатыхъ и мало полезныхъ для государственныхъ дѣлъ, то удивительно тонкихъ и искусныхъ въ царедворскихъ интригахъ и необыкновенно ловкихъ подставлять благопріятелю ногу такимъ образомъ, чтобъ онъ непремѣнно упалъ... Петербургскій кружокъ съ грустью разсматривалъ и перевертывалъ на всѣ стороны этотъ вопросъ... Находились, однако, господа, которые рѣшительно утверждали, что все это вздоръ и что какъ только князь возвратится—и въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ попрежнему начнутъ стучать объ полъ головами предъ нимъ... Оставалось предоставить времени рѣшить, кто правъ: большинство ли нашего кружка, недовѣрчиво и мрачно смотрѣвшее на будущее—или эти рѣшительные господа?

Между тѣмъ наступала весна и мнѣ надобно было подумать: гдѣ провести лѣто? Кочевое мое положеніе, со всѣмъ моимъ семействомъ, было столько же разорительно, сколько и непріятно, и надоѣло мнѣ въ высшей степени. Вопросъ о томъ, гдѣ нанять дачу—былъ переданъ на обсужденіе моихъ друзей и пріятелей и, по обыкновенію, при изслѣдованіи и рѣшеніи его, явилось множество разнородныхъ мнѣній. Большинство было, однако жъ, въ пользу Павловска, гдѣ знаменитый Страусъ, по-прежнему, обѣщалъ подпрыгивать на своей капельмейстерской эстрадѣ, по-прежнему наполнять павловскій паркъ кадрилями и польками и по-прежнему плѣнять своею музыкою и своею маленькою фигурою престарѣлыхъ дѣвъ и развратныхъ барынь. Въ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, которые иногда выдаются въ Петербургѣ, ясный, свѣтлый и истинно весенній, я отправился въ Павловскъ и скоро плѣнился коварнымъ уединеніемъ одной довольно помѣстительной и меблированной дачи. Дача эта стояла на дорогѣ между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ, окружена была старыми деревьями и принадлежала одной старой дѣвѣ, Романовой, которая при переговорахъ и наемной платѣ старалась содрать съ меня побольше, по тому особенно уваженію, что она, какъ сама объявила, выходитъ замужъ. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листья деревъ, рисовали на обширномъ зеленомъ полотнѣ, гдѣ стояла дача, роскошные узоры и дѣйствительно придавали этому жилищу поэтическій видъ.

Увы! этотъ поэтическій видъ она и имѣла только въ тотъ моментъ, когда я ее нанималъ. Когда я съ семействомъ поселился тамъ, вся поэзія пропала. Прежде всего оказалось, что дача стоитъ на самой сырой точкѣ всего Павловска. Лѣто началось дождливѣйшее, и многіе старожилы утверждали, что такого и не припомнятъ. Тѣ громадныя деревья, которыя, окружая дачу, особенно плѣнили меня, сдѣлались рѣшительно моими врагами. Въ то время, когда переставалъ дождь, проглядывало солнце, и дачи, стоявшія на открытыхъ мѣстахъ, успѣвали сколько-нибудь обсохнуть, огромныя деревья, закрывавшія нашу дачу, сохраняли сырость, въ которой она пребывала неприкосновенною. Я говорилъ уже выше, что сырость самый злѣйшій мой непріятель и непріятель, всегда и неотразимо побѣждающій меня. Тамъ, гдѣ сырость, я рѣшительно уничтожаюсь: желтѣю, теряю хорошее расположеніе духа, однимъ словомъ, хирѣю самымъ отвратительнымъ образомъ. Понятно, что одного этого обстоятельства было достаточно, чтобъ отравить мое лѣтнее пребываніе въ Павловскѣ до крайней степени, такъ что даже самъ плѣнительный Страусъ съ своими польками, галопами, кадрилями и подпрыгиваньемъ, восхищавшимъ старыхъ дѣвъ и развратныхъ барынь,

опротивѣлъ мнѣ хуже горькой рѣдьки. Вообще объ этомъ лѣтѣ непріятно, вспомнить тѣмъ болѣе, что, кромѣ моего личнаго хирѣнья, въ моемъ семействѣ являлись почти безпрерывно другія болѣзни и время у насъ проходило большею частію въ постоянныхъ сношеніяхъ съ докторами и аптеками. Ничего рельефнаго, замѣчательнаго я рѣшительно не могу припомнить за этотъ періодъ, если не считать новаго проявленія опять таки признаковъ глупости человѣчества. Именно 9 іюля явились предо мною два громаднѣйшіе изъ этихъ признаковъ, въ видѣ двухъ нелѣпѣйшихъ свадебъ, на которыхъ я долженъ былъ лично не только присутствовать, но и дѣйствовать.

Гдѣ-то и когда-то я говорилъ уже о пріятелѣ моихъ молодыхъ лѣтъ—Титовѣ, въ которомъ замѣчательнымъ образомъ соединялись страсти къ кутежамъ и величайшая прирожденная даровитость. Увлекаясь кутежами, онъ получилъ нѣсколько ударовъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, особенныхъ послѣдствій; увлекаясь надеждами на свою даровитость, онъ потерялъ мѣсто пермскаго вице-губернатора. Титовъ струсилъ и сконфузился и въ этомъ незавидномъ положеніи тянулъ невеселое существованіе въ Петербургѣ дотолѣ, пока мнѣ не удалось пристроить его въ Тифлисѣ, гдѣ онъ и доселѣ достославно процвѣтаетъ. Стѣсняемый до крайности въ средствахъ, онъ вынужденъ былъ проживать и питаться въ томъ довольно обширномъ мірѣ, который образуютъ разныя нѣмки, снимающія у домохозяевъ квартиры и раздающія ихъ по мелочамъ мелкимъ чиновникамъ и другимъ личностямъ съ легкими карманами, кухмистеры, предлагающіе этимъ же личностямъ дешевые табльдоты и т. п. Именно въ этомъ мірѣ умный и даровитый Титовъ успѣлъ открыть какую-то прощалыгу, въ видѣ сорокалѣтней дѣвы, убѣжавшей отъ своей матери и шатавшейся тоже по кухмистерамъ, возгорѣлъ къ ней пламенемъ страсти и, что́ всего хуже, предложилъ ей руку и сердце. Когда я узналъ объ этомъ—дѣло было кончено и разрушить этого глупѣйшаго изъ всевозможныхъ союзовъ было уже невозможно. 9 іюля назначена была свадьба, и я долженъ былъ исполнять роль посаженаго отца Титова. Исполнивъ съ достоинствомъ эту роль, я долженъ былъ въ тотъ же день возвратиться изъ города въ Павловскъ, чтобы присутствовать на другомъ свадебномъ пирѣ у своей хозяйки, тоже, несмотря на свои преклонныя лѣта, вышедшей за своего обожателя.

Обожателемъ этимъ явился какой-то старый, сѣдой, военный докторъ съ солдатскими манерами, ясно говорившими, что этотъ господинъ прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы. Если въ бракѣ Титова ни съ той, ни съ другой стороны, при обоюдной нищетѣ не могло существовать никакихъ разсчетовъ на какое-либо матеріальное

обогащеніе, то здѣсь, напротивъ, эти разсчеты существовали на первомъ планѣ. У моей прелестной хозяйки, кромѣ Павловской дачи, матеріально зримой, былъ еще какой-то громадный, по ея удостовѣренію процессъ, который рано или поздно долженъ былъ обогатить ее. По всѣмъ признакамъ сѣдовласый женихъ, соединяя въ своемъ умѣ зримое и незримое, разсчитывалъ пристроиться, на старости лѣтъ, комфортабельно, прилѣпившись, по слову апостола, къ женѣ своей. Съ другой стороны и престарѣлая невѣста, въ какихъ бы громадныхъ размѣрахъ ни предположить въ ней женскую никогда не угасающую страсть выйти замужъ, едва-ли нашла бы достаточными въ своемъ женихѣ одни личныя свойства его, крайне непривлекательныя, если бы тоже не предполагала совершенно естественнымъ, что такой тертый калачъ, по всей вѣроятности, успѣлъ сколотить порядочную копѣйку на черный день. Все это подтверждалось тѣми оживленными спорами, которые завязались между этою парою на парадномъ обѣдѣ, данномъ мною обѣимъ сочетавшимися парамъ, по вопросу о томъ: въ чьихъ рукахъ должно находиться общее достояніе: мужа или жены? Каждый тянулъ въ свою сторону, и соглашенія не послѣдовало.

Послѣдствія, какихъ на здоровые глаза можно было ожидать отъ этихъ нелѣпыхъ браковъ, не замедлили обнаружиться. Посѣтивъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ въ послѣдній разъ Кавказъ, куда еще прежде перебрался Титовъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ страдалъ умный Титовъ подъ гнетомъ глупостей, претензій, капризовъ и разныхъ нелѣпостей, которыя выдѣлывала его благовѣрная, и даже долженъ былъ принимать участіе, конечно, безплодное въ устройствѣ ихъ супружескаго благоденствія. Потомъ, возвратившись въ Петербургъ, я узналъ безъ удивленія, что Павловская парочка перегрызлась на взаимныхъ разсчетахъ и обманутыхъ надеждахъ и разошлась.

Между тѣмъ въ то время, когда эти двѣ пары налагали на себя брачныя оковы, вопреки всѣмъ законамъ благоразумія, въ Царскомъ Селѣ, именно въ то лѣто, о которомъ говорю, совершилась драма, имѣвшая совершенно противоположный характеръ, драма, въ которой сбрасывались эти оковы съ пожертвованіемъ жизни. О Г—чѣ, помощникѣ Буткова по кавказскому комитету, я тоже говорилъ уже въ моихъ запискахъ. Дѣло въ томъ, что онъ тоже былъ женатъ; но какъ и гдѣ я, рѣшительно не знаю. Жена его, по отзыву нѣкоторыхъ, нѣкогда прелестная дѣвушка, была уже довольно жалкимъ созданіемъ въ то время, когда, по отношеніямъ моимъ къ Г—чу, узналъ ее. Весьма бѣдная наружностью, видимо загнанная мужемъ, она проявляла въ своихъ манерахъ, въ своихъ разговорахъ, что-то

порывистое, нервное. Я видѣлъ ее нѣсколько разъ и замѣтилъ, что она любила со мной говорить. Говорунья она была страшная! Предъ наступленіемъ весны стало извѣстно, что она не совсѣмъ здорова. Потомъ съ наступленіемъ весны стало извѣстно, что мужъ переселилъ ее въ Царское Село, куда и самъ пріѣзжалъ по праздникамъ. Однажды вечеромъ одинъ общій нашъ пріятель, жившій въ Павловскѣ, заѣзжаетъ ко мнѣ и объявляетъ, что жена Г—ча утопилась! Вмѣстѣ съ нимъ мы бросились въ Царское и застали панихиду по только-что вынутой изъ бассейна насчастной женщинѣ. Событіе это произошло, по словамъ самого Г—ча, слѣдующимъ образомъ: нервное состояніе жены его, еще въ городѣ, достигло такого крайняго разстройства, что, по совѣту докторовъ, признано было нужнымъ переселить ее въ Царское Село, въ надеждѣ на лучшій климатъ, на чистый воздухъ. Въ Царскомъ Селѣ она была помѣщена въ семействѣ одного изъ родственниковъ Г—ча и окружена была всевозможными попеченіями. Несмотря, однако жъ, на все это, дѣло не только не улучшалось, а шло все хуже и хуже, нервные припадки, по словамъ Г—ча, самаго ужаснаго свойства, увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась въ ней тоска и ненависть къ жизни. Стали замѣчать попытки къ самоубійству и, разумѣется, приняты были всѣ противудѣйствующія мѣры. Наконецъ, страдалица возненавидѣла Царское Село и стала требовать, чтобы ее перевезли опять въ городъ. Назначенъ былъ день для этого переѣзда, приготовлены экипажи, а хозяинъ, т. е. родственникъ Г—ча, далъ прощальный обѣдъ. Когда кончился этотъ обѣдъ и стало приближаться время отъѣзда, жена Г—ча взяла мужа подъ руку и объявила ему, что она чувствуетъ извѣстную надобность, а такъ какъ исполнить ее въ комнатахъ, гдѣ было много гостей, неудобно, то она и просила его свести ее для этого въ садъ. Ничего не подозрѣвая, Г—чъ спустился съ ней изъ втораго этажа во дворъ, перешелъ его и приблизился вмѣстѣ съ нею ко входу въ садъ. Тутъ она сказала, чтобы онъ возвратился въ комнаты и прислалъ ей горничную. Г—чъ спокойно вернулся и послалъ женѣ ея горничную. Когда горничная вошла въ садъ, она издали увидѣла или услышала, что барыня барахтается въ бассейнѣ... Испуганная, съ страшными визгами, она побѣжала въ комнаты и объявила объ ужасномъ происшествіи. Когда всѣ сбѣжались къ бассейну—погибшая страдалица покойно уже лежала на днѣ его. Началась исторія вытаскиванія, которая и кончилась только-что предъ нашимъ пріѣздомъ.

Когда мы вошли въ садъ, утопленица лежала въ деревянной бесѣдкѣ, на длинномъ столѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ мокрыми распущенными волосами и исцарапаннымъ лицомъ. Панихида только-что

началась. Г—чъ стоялъ спокойно и безъ слезъ. Когда онъ увидалъ меня, мы заключили другъ друга въ объятія, и если тутъ явилось проявленіе глубокаго чувства, то, конечно, не съ его стороны. Г—чу, конечно, не было никакого интереса разсказывать, откуда и изъ какихъ началъ развились болѣзненные припадки въ его женѣ, заставившіе ее такъ рѣшительно разстаться съ жизнью. Между тѣмъ, злые языки утверждаютъ, что все это произошло отъ его сухости, необъятнаго эгоизма и страшнаго давленія его деспотизма надъ этой женщиной. Что у нихъ не существовало, такъ называемаго, супружескаго счастія—это доказывается собственными его словами. Когда онъ вторично собирался жениться и выслушивалъ мои добрыя пожеланія, онъ сказалъ, между прочимъ, обращаясь къ прошедшему: „да, десять лѣтъ я несъ тяжелый крестъ!“ Тѣ же злые языки замѣчаютъ, что этотъ тяжелый крестъ несъ не онъ, а жена его, которая именно и погибла отъ того, что не могла больше нести его.

Сосредоточивая всѣ свои мысли и ожиданія на князѣ Александрѣ Ивановичѣ, я, весьма естественно, старался слѣдить внимательно за всѣми извѣстіями, до него относящимися. Среди лѣта стали распространяться свѣдѣнія о предстоящемъ прибытіи его въ августѣ въ Петербургъ. Свѣдѣнія эти принимали большую и большую силу вѣроятія. Наконецъ, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Царскосельскомъ дворцѣ приготовлены уже комнаты для его помѣщенія, которыя я и не замедлилъ обозрѣть во всей подробности. Все, что было кавказскаго въ Петербургѣ, зашевелилось и принимало оживленный видъ. Многіе изъ кавказскихъ личностей въ справедливомъ предчувствіи, что я опять присоединюсь къ князю съ прежнимъ своимъ значеніемъ, стали усердно посѣщать мою дачу. Потомъ явился Харитоновъ, искавшій за границей капиталовъ для Кавказской желѣзной дороги, и, послѣ личнаго доклада князю о неудачныхъ результатахъ своихъ поисковъ, присланный имъ сюда впередъ для нѣкоторыхъ предварительныхъ распоряженій. Въ числѣ этихъ распоряженій былъ и отводъ для меня помѣщенія, по-прежнему, въ извѣстномъ циркулѣ Царскосельскаго дворца.

Днемъ пріѣзда князя, если не ошибаюсь, было назначено 26-е августа, т. е. день коронаціи. Съ утра уже пошла значительная суетня между всѣми, до которыхъ касалось это событіе, хотя поѣздъ желѣзной дороги, съ которымъ слѣдовалъ князь, долженъ былъ придти вечеромъ. Съ приближеніемъ извѣстнаго часа, мы съ Харитоновымъ, облеченные въ парадную форму, отправились на Царскосельскую станцію Варшавской желѣзной дороги. Вечеръ былъ темный, сырой и холодный. Станція горѣла огнями. Когда мы вошли въ парадныя комнаты, мы нашли тамъ нѣкоторую толпу ожидающихъ, впрочемъ,

очень незначительную. Тутъ были нѣкоторые изъ родныхъ князя— Барятинскіе, Давыдовы и нѣкоторые изъ бывшихъ и настоящихъ кавказцевъ. Во главѣ этой толпы находился Д. А. Милютинъ. У меня тотчасъ явилась мысль, что бѣдность встрѣчи не можетъ не произвести на князя, привыкшаго къ прежнимъ тріумфальнымъ въѣздамъ своимъ сюда, нѣкотораго невыгоднаго впечатлѣнія. И дѣйствительно, самымъ лучшимъ доказательствомъ, что толпа встрѣчающихъ была незначительна, служитъ то, что самъ князь, на другой день, высказывалъ мнѣ свое удивленіе относительно ея „многочисленности". Я говорилъ уже, что у него было какое-то наивное правило маскировать такимъ, на его только глаза, искуснымъ образомъ всѣ слабыя мѣста. Когда, при содѣйствіи свистковъ и огней, летящій поѣздъ сталъ виденъ, всѣ мы вышли на платформу и вытянулись въ струнку. Сдержанный поѣздъ, пропыхтѣвъ нѣсколько разъ, остановился: всѣ бросились къ вагону, въ которомъ находился князь.

Привѣтствовавъ толпу нѣсколькими словами, онъ тяжело, съ прихрамываньемъ, вышелъ изъ вагона и тутъ же на платформѣ со всѣми перецѣловался, и потомъ, опираясь на палку, медленно поплелся къ экипажамъ, которые его ожидали. Видъ князя, сколько можно было замѣтить при невѣрномъ освѣщеніи огней, былъ нехорошъ и отражалъ въ себѣ что-то скучное, болѣзненное. Само собою разумѣется, что вслѣдъ за княземъ ринулась къ экипажамъ и вся толпа, и направилась въ дворцовое его помѣщеніе. Комнаты князя были ярко освѣщены и обставлены всѣмъ дворцовымъ великолѣпіемъ. Князь прошелъ въ свой кабинетъ, пригласивъ туда съ собою Милютина и еще кого-то изъ наиболѣе капитальныхъ личностей; толпа осталась въ первой комнатѣ, которой предназначено было играть роль пріемной или дежурной. Едва только начала, по обыкновенію, жужжать эта толпа, какъ должна была смолкнуть, потому что по корридору, ведущему къ помѣщенію князя, раздались шаги государя, и нѣсколько придворныхъ личностей, съ какимъ-то оторопѣлымъ выраженіемъ, крикнули на насъ: „Государь! Государь!"... Вслѣдъ затѣмъ величественно вошелъ государь, поклонился намъ и, встрѣченный княземъ, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ его комнату. Бесѣда ихъ, однако, продолжалась недолго, потому что у государя въ этотъ день былъ, вѣроятно, по случаю коронаціи, какой-то вечеръ, который онъ оставилъ собственно для того, чтобы повидаться съ княземъ. Выходя изъ помѣщенія князя, государь былъ очень веселъ, медленно прошелъ по нашей комнатѣ, разсматривалъ отдѣльно наши личности и любезно отвѣчалъ на наши почтительные поклоны. Князь провожалъ государя до самыхъ дверей.

Проводивъ государя, князь остановился въ нашей комнатѣ, пого-

ворилъ нѣсколько минутъ съ нами гуртомъ и въ частности и потомъ отпустилъ насъ, ссылаясь на собственное утомленіе отъ дороги. Отпуская меня, онъ сказалъ мнѣ, между прочимъ: „а мы съ вами опять поработаемъ".

При лучшемъ освѣщеніи въ комнатахъ князя, я пристально смотрѣлъ на него, привыкнувъ читать на лицѣ его внутреннія его ощущенія, и опять остался недоволенъ его внѣшнимъ видомъ, въ которомъ всего замѣтнѣе было отсутствіе обычной его величавой самоувѣренности; видно было, что у него есть что-то на душѣ, томящее, несовсѣмъ пріятное и стѣсняющее. Относилось ли оно къ прошедшимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ, напр., къ неудачному вмѣшательству его въ политическія дѣла или къ будущимъ планамъ князя, разумѣется, это одному Богу да ему самому было извѣстно; но что дѣйствительно, при появленіи въ этотъ разъ въ Петербургѣ, князь испытывалъ неспокойное состояніе, это подтвердилось всѣми послѣдующими его дѣйствіями, которыя отличались странною неопредѣленностью и колебаніемъ дотолѣ, пока не заключились окончательнымъ разрывомъ его съ Кавказомъ. Какъ бы то ни было, и я возвратился въ этотъ вечеръ на свою Павловскую дачу въ весьма нехорошемъ расположеніи духа; встрѣча князя почему-то не принесла мнѣ тѣхъ радостей, на которыя я разсчитывалъ.

На другой день я долженъ былъ перебраться въ Царское Село въ отведенное мнѣ въ циркулѣ помѣщеніе. Помѣщеніе это хотя далеко не было такъ роскошно, какъ петергофское, которое я нѣкогда занималъ, тѣмъ не менѣе обставлено было тоже богато и комфортабельно въ высшей степени. Мое помѣщеніе было рядомъ съ помѣщеніемъ Харитонова. Начать съ того, что въ нашемъ распоряженіи, или, лучше сказать, въ распоряженіи нашихъ камердинеровъ, была бездна народу, въ качествѣ истопниковъ и другихъ служителей. Малѣйшее наше желаніе исполнялось мгновенно. Часть продовольствія отличалась величайшимъ великолѣпіемъ. Этого мало, что мы сами роскошно обѣдали и ужинали, постоянно съ конфектами и шампанскимъ, мы могли приглашать и угощать кого хотѣли. Какъ и въ Петергофѣ, мы большею частью обѣдали за однимъ столомъ, къ которому и приглашали всѣхъ заѣзжающихъ изъ Петербурга. Случалось нерѣдко такъ, что товарищи уѣдутъ въ городъ, а пріѣзжающихъ оттуда никого нѣтъ, и потому садится за столъ, приготовленный для многихъ, одинъ. Просто совѣстно было видѣть, что мнѣ одному служитъ нѣсколько человѣкъ, мнѣ одному подаютъ громаднѣйшія блюда и за каждымъ изъ нихъ откупориваютъ бутылки дорогаго вина. Отъ каждаго изъ насъ зависѣло обѣдать и отдѣльно въ своихъ комнатахъ и приглашать къ обѣду своихъ интимныхъ знакомыхъ. Непостижи-

мымъ казалось, какъ все это дѣлается и откуда все это берется? Ясно было одно, что при такихъ распорядкахъ должны были существовать величайшія злоупотребленія со стороны придворной челяди всевозможныхъ разрядовъ и наименованій. Вотъ черта, подтверждающая это, само по себѣ несомнѣнное предположеніе. Мнѣ показалось какъ-то, что комнаты, занимаемыя мною и Харитоновымъ, сыры, и я, такой записной трусъ всякой сырости, высказалъ мысль о переходѣ въ другое помѣщеніе, куда-то въ Лицей, гдѣ жили нѣкоторые изъ нашихъ товарищей. Мысль эта сдѣлалась извѣстна челяди, насъ окружающей, и, Боже мой, какимъ волненіямъ предалась она! Во всемъ составѣ она явилась ко мнѣ просить меня не переходить, увѣрять, что никакой сырости здѣсь нѣтъ и что тамъ гораздо сырѣе, обѣщать, что наши комнаты будутъ тщательнѣе протапливаемы и освѣжаемы и т. п. Я не понималъ сначала, почему ей такъ нужно, чтобъ я жилъ здѣсь, а не тамъ. Разъясненіе этого вопроса сдѣлалось совершенно понятнымъ, когда камердинеръ мой сказалъ мнѣ, что при тѣхъ комнатахъ, куда я хотѣлъ перейти, будетъ служить другая челядь, собственно при нихъ находящаяся, и что челядь, намъ теперь услуживающая, останется ни при чемъ... Сюда же относится и слѣдующій фактъ. Одинъ изъ моихъ товарищей, Пиленко, человѣкъ съ неудержимымъ стремленіемъ все разнюхивать и изслѣдовать, узналъ и высчиталъ, что къ столу князя ежедневно отпускается или считается отпущеннымъ разныхъ винъ на 250 р., тогда какъ, конечно, онъ не выпиваетъ и на 25 р. Самъ князь, такъ хорошо знавшій и критиковавшій дворцовыя злоупотребленія, ужаснулся этому факту, когда онъ сдѣлался ему извѣстенъ.

Когда мнѣ приходится быть во дворцѣ, мнѣ и доселѣ кланяются многія улыбающіяся физіономіи тѣхъ лакеевъ, которые, вѣроятно, порядкомъ поживились около меня. Съ моимъ камердинеромъ многіе изъ нихъ и доселѣ продолжаютъ дружескую пріязнь. Когда я, однажды, спросилъ его: по-прежнему ли воруютъ его пріятели?—онъ истинно возрадовалъ меня слѣдующимъ отвѣтомъ: „нѣтъ, прошли прежнія времена! Такъ сдѣлалось на все строго, что страсть. Все усчитываютъ до копѣйки. Всѣ служителя ужасно жалуются!". И слава Богу, что они жалуются, подумалъ я про себя. Дѣйствительно ли все перемѣнилось и стало на болѣе экономную ногу, при нашемъ, ужъ черезчуръ роскошномъ дворѣ, я, конечно, убѣдиться положительно не имѣлъ ни случая, ни возможности; но нисколько не считаю невѣроятнымъ, что въ придворныхъ хозяйственныхъ расходахъ могли послѣдовать значительныя сокращенія, и вотъ почему.

Въ числѣ многоразличныхъ моихъ наблюденій надъ треволненіями житейскаго моря, я много разъ замѣчалъ, что человѣкъ, повидимому, пустой во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ оказывался безцѣннымъ въ

какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности. Когда процвѣтало наше общество посѣщенія бѣдныхъ, изъ числа членовъ его считался пустѣйшимъ изъ пустыхъ графъ А. И. М.-П., въ то время еще молодой человѣкъ. Онъ страшно суетился, всѣмъ надоѣдалъ и постоянно просилъ порученій.

Само собою разумѣется, что никакихъ серьезныхъ дѣлъ ему не поручали; но когда устраивалось какое-нибудь благотворительное предпріятіе—вродѣ театра, концерта, аллегри и т. п., графъ А. И. выдвигался на сцену и цѣлый день суетился и рыскалъ во всѣ концы, какъ угорѣлый. По правдѣ сказать, дѣятельность его въ этихъ случаяхъ была преимущественно курьерская; каждый изъ солидныхъ членовъ могъ его послать куда угодно и за чѣмъ угодно, онъ летѣлъ не только съ готовностью, но и съ убѣжденіемъ, что дѣлаетъ государственное дѣло. Если ему давался какой-нибудь постъ во время самаго вечера, въ который исполнялось предпріятіе, напримѣръ, отбирать входные билеты, вертѣть колесо, стоять у эстрады, по которой размѣщены всѣ выигрышныя вещи, онъ былъ счастливъ невыразимо и исполнялъ обязанности, сопряженныя съ его постомъ, съ такимъ достоинствомъ и усердіемъ, которому должны позавидовать всѣ тѣ, которые занимаютъ какіе-либо посты... Однимъ словомъ, онъ былъ, какъ говорится, „великимъ человѣкомъ на малыя дѣла". Понятно, что, при такихъ свойствахъ и дарованіяхъ, онъ не могъ пріобрѣсти среди серьезныхъ и дѣльныхъ людей, составлявшихъ общество, большаго уваженія и эти люди, вообще, поглядывали на него какъ-то свысока и насмѣшливо.

Во время коронаціи этотъ господинъ добился камеръ-юнкерства, котораго добивался страшнѣйшимъ образомъ и которому радъ былъ невыразимо, чтó и высказалъ мнѣ лично тамъ же, въ Москвѣ. Особенно удивительнаго въ этомъ еще ничего не было. Каждый графъ есть уже прирожденный камеръ-юнкеръ. Удивительно было то, что спустя лѣтъ пять, не болѣе, когда въ свитѣ князя я поселился въ Петергофѣ, по возвращеніи изъ Дрездена, этотъ господинъ исправлялъ должность гофмаршала. Какъ это сдѣлалось, я хорошо не знаю. Я говорилъ уже, кажется, что князь Михаилъ Кочубей, втащенный въ званіе гофмаршала на дамскомъ шлейфѣ графини Тизенгаузенъ, недовольствуясь этимъ успѣхомъ, вздумалъ интриговать противъ стараго придворнаго воробья, графа Шувалова и сломилъ себѣ шею. Когда его удалили отъ двора, его мѣсто заступилъ нашъ М.-П. Для графа Шувалова такая личность соединяла всѣ необходимыя условія: во-первыхъ, ограниченность, исключающую всякую возможность интригъ, подобныхъ тѣмъ, на которыя позволилъ себѣ пуститься князь Кочубей, и, во-вторыхъ, суетливость и хлопотливость въ мелкихъ дѣлахъ,

столь пригодную въ придворномъ мірѣ, гдѣ едва-ли и есть крупныя дѣла. Какъ бы то ни было, графъ М.-П. и въ сію минуту не только процвѣтаетъ въ этомъ мірѣ, но, повидимому, сдѣлался уже тамъ весьма сильнымъ человѣкомъ, и я убѣжденъ, что если, дѣйствительно, въ придворныхъ расходахъ введена большая экономія, то этимъ дворъ обязанъ именно ему и никому другому. Онъ именно изъ тѣхъ людей, которые лучше и яснѣе всего понимаютъ цѣну денегъ и важность экономіи.

Когда я взгляну на жену какого-нибудь господина, то, по степени ея красоты, опредѣляю свойства самого господина. Если жена уродъ—значитъ, господинъ дрянь и скряга. Нѣсколько абонементовъ въ Итальянской оперѣ мнѣ доводилось сидѣть почти рядомъ съ ложею, занимаемою графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ. Безъ отвращенія я не могъ смотрѣть на его маленькую, безобразную, костлявую жену, урожденную графиню Кушелеву-Безбородко, дочь того графа Кушелева, который тоже былъ извѣстенъ своею глупостью и скупостью. Такимъ образомъ, не было ничего удивительнаго, что графъ Алексѣй Ивановичъ внесъ разсчетливость въ придворный міръ и разорилъ, такъ сказать, придворныхъ лакеевъ. Направленныя разъ къ извѣстной цѣли, эти господа не церемонятся уже; я самъ видѣлъ, какъ однажды, въ крещенскій праздникъ, графъ Алексѣй Ивановичъ немилосердно гналъ отъ столовъ, на которыхъ приготовленъ былъ обычный въ этотъ день завтракъ,—нѣкоторыхъ неопытныхъ и неосторожныхъ господъ, громогласно доказывая имъ, что они не имѣютъ права завтракать, и принуждая ихъ съ кусками во рту удалиться въ другую комнату. Я тутъ же подумалъ: „молодецъ нашъ фля, фля!“ Кому неизвѣстно, что оскорбить человѣка безнаказанно нужно гораздо болѣе храбрости, нежели сразиться съ нимъ. Сразиться готовъ каждый порядочный человѣкъ, когда это нужно;—оскорбить могутъ рѣшительно только глупцы! Если графъ Алексѣй Ивановичъ не поколебался публично и торжественно защитить двѣ, три котлеты, подвергавшіяся неправильному съѣденію, то не трудно представить, съ какою энергіею защищаетъ онъ придворныя крохи отъ расхищенія придворными лакеями.

XI.

Вящшее пониженіе фондовъ князя Барятинскаго.—Пиленко, простой офицеръ, новый любимецъ князя.—Равнодушіе князя къ кавказскимъ дѣламъ.—Упроченіе общества возстановленія христіанства на Кавказѣ и устройство тамъ желѣзной дороги, единственные предметы его вниманія.—Дѣло Всеволожскихъ.—

Отсутствіе посѣтителей въ пріемной князя.—Равнодушіе къ нему министровъ и сановниковъ.—Замѣтное желаніе князя укрѣпиться въ Петербургѣ.—Отношенія князя къ двору.—Сильное впечатлѣніе, произведенное на князя тѣмъ, что государь не утвердилъ его доклада.—Колебаніе вопроса объ отъѣздѣ князя.—Начало болѣзней князя.—Печальная обстановка при нашемъ отъѣздѣ.

Послѣ этого обширнаго отступленія, я долженъ возвратиться къ нашему житью-бытью въ Царскомъ Селѣ въ этотъ періодъ. Возвращаюсь,—но неохотно. Весь этотъ періодъ представляется въ моихъ воспоминаніяхъ какимъ-то туманнымъ, сумрачнымъ, неопредѣленнымъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ. Хотя и не совсѣмъ кстати, но чтобы не забыть, я здѣсь же считаю нужнымъ сказать, что этотъ періодъ былъ еще слабѣе, сравнительно съ предъидущимъ, т. е. прибытіемъ князя изъ Дрездена, нежели тотъ, сравнительно, съ прибытіемъ князя съ Кавказа въ 1859 году. Въ этомъ году появленіе князя здѣсь было появленіемъ тріумфатора, покорителя страны, побѣдителя страшнаго врага, и почти каждый моментъ пребыванія его здѣсь исполненъ былъ величайшихъ почестей, какъ со стороны государя, такъ и со стороны общества. Всѣ видѣли въ князѣ великаго человѣка. Въ промежутокъ, лежащій между этимъ появленіемъ и прибытіемъ князя изъ Дрездена — обаяніе князя значительно ослабѣло. Государь былъ такъ же внимателенъ къ нему, но общественное сочувствіе къ нему замѣтно охладѣло. За всѣмъ тѣмъ; однако, осыпанный ласками царя, князь раздѣлался съ этимъ періодомъ довольно пріятно и величаво отправился на царскомъ пароходѣ. Третій періодъ былъ уже положительно неудаченъ. Можно думать, что вмѣшательство князя въ политическія и, преимущественно, въ польскія дѣла все испортило. Съ первыхъ дней пребыванія здѣсь князя, замѣтна была во всѣхъ его дѣйствіяхъ какая-то неопредѣленность, сбивчивость, какія-то заднія мысли. Перемѣна ли придворной и, вообще, петербургской погоды, перемѣна ясная для всѣхъ, тотчасъ подѣйствовала на него; обдумывалъ ли онъ окончательно затѣянные имъ за границею планы и высматривалъ, удобенъ ли моментъ для ихъ предъявленія и проведенія; стѣсняли ли его какія-либо романическія обязательства, данныя Д—ой, безъ сомнѣнія, жаждущей заключить свои похожденія „законнымъ бракомъ“, наконецъ, сбивали ли его съ толку зловѣщія угрозы по поводу его возвращенія на Кавказъ, разосланныя въ пасквиляхъ по Тифлису и чрезъ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, сообщенныя князю, — рѣшить, по крайней мѣрѣ, для меня трудно; но нисколько не трудно для меня заявить тотъ несомнѣнный и положительный фактъ, что съ первыхъ дней прибытія князя, среди его публичной свиты, возсталъ и продолжалъ постоянно существовать вопросъ: „поѣдетъ ли князь на Кавказъ или

не поѣдетъ?“ Понятно, что такой вопросъ не могъ бы имѣть мѣста, если бы князь не проявлялъ той неопредѣленности во всемъ, о которой я говорилъ. Этою же неопредѣленностью отличались и дѣловыя занятія князя.

Говоря о занятіяхъ князя, надо предварительно замѣтить, что предъ самымъ его пріѣздомъ сюда, сюда же прискакалъ курьеромъ съ какими-то бумагами тотъ самый Пиленко, о которомъ я уже имѣлъ случай нѣсколько разъ упоминать. Онъ въ своей личности представлялъ какое-то смѣшеніе поляка и хитраго малоросса. Не кончивъ курса въ Горномъ институтѣ, онъ загнанъ былъ судьбою на Кавказъ и былъ тамъ сначала однимъ изъ маленькихъ чиновниковъ. Смѣтливый, ловкій, хитрый и, въ то же время, довольно красивый, онъ женился на сестрѣ Иваницкаго, который былъ начальникомъ Алагирскаго серебро-свинцоваго завода, учрежденія, дорого стоющаго и совершенно безплоднаго. Женившись, онъ получилъ какое то мѣстечко на этомъ заводѣ и, пользуясь лѣнью Иваницкаго, былъ главнымъ и полнымъ распорядителемъ. При одномъ изъ посѣщеній завода княземъ, Пиленко умѣлъ произвести на него выгодное впечатлѣніе и, пользуясь имъ, перепросился въ число лицъ, состоящихъ при князѣ. Завѣтною мечтою его, по его собственнымъ словамъ, было, какъ и мечтою промышленнаго Зиссермана, получить казачью бригаду. Получить казачью бригаду, по ихъ удостовѣренію, значило попасть „Христу за пазуху“, по пословицѣ. Самый безгрѣшный доходъ, по ихъ словамъ, простирался, если не ошибаюсь, тысячъ до 20. Въ ожиданіи осуществленія этой благодатной цѣли, онъ на-ряду съ другими, состоящими при князѣ, употреблялся для нѣкоторыхъ порученій и, такимъ образомъ, былъ отправленъ къ князю курьеромъ.

Князь, во время своихъ путешествій и, особенно, во время пребыванія въ Петербургѣ, имѣлъ всегда надобность, во-первыхъ, въ статскомъ чиновникѣ, для гражданскихъ дѣлъ, и во-вторыхъ, въ военномъ офицерѣ, для дѣлъ военныхъ. Въ настоящій моментъ для дѣлъ гражданскихъ были у него я и Харитоновъ, а въ отношеніи военныхъ дѣлъ онъ воспользовался прибытіемъ Пиленко и поручилъ ихъ ему. Въ занятіяхъ какъ съ нами, такъ и съ Пиленко, князь, быть можетъ, противъ воли, обнаруживалъ какое-то непонятное равнодушіе къ кавказскимъ дѣламъ собственно. Особенное вниманіе его сосредоточивалось только на тѣхъ дѣлахъ, которыя, по его мнѣнію, должны были служить ему памятникомъ на Кавказѣ. Такъ со мною онъ возился, почти исключительно, по дѣлу упроченія общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, и именно по этому дѣлу мы пригласили было къ участію коварнаго министра народнаго просвѣщенія, Головина, который, однако жъ, не понялъ или

не хотѣлъ понять, чего отъ него ожидали и требовали, и которымъ поэтому князь остался совершенно недоволенъ. Впрочемъ, вся исторія этого дѣла такъ подробно разсказана мною въ своемъ мѣстѣ, что прибавлять къ ней рѣшительно нечего. Возня князя съ Харитоновымъ относилась до устройства желѣзной дороги на Кавказѣ. Вопросъ былъ о деньгахъ, на это потребныхъ. Харитоновъ ѣздилъ за ними въ Парижъ и Лондонъ, денегъ, однако же, не нашелъ.

Послѣдствіемъ этихъ неудачъ была атака, поведенная княземъ, купно съ Харитоновымъ, на его доморощеннаго финансиста Рейтерна, который, по приглашенію князя, пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ и выдерживалъ его нападенія. Но и тутъ удачи было мало. Министръ финансовъ не поддался и денегъ не далъ, обѣщая „журавля въ небѣ". Самъ князь, такъ любившій украшать неудачныя дѣла, говорилъ намъ потомъ, что „Рейтернъ очень ему понравился, хотя отказалъ во всемъ". Дѣйствительно, кромѣ денегъ на желѣзную дорогу, Рейтернъ отказалъ князю во всякомъ снисхожденіи къ дѣламъ Всев—скихъ, за которыхъ князь стоялъ сильнѣйшимъ образомъ.

Дѣла Всев—скихъ представляли невообразимую путаницу. Былъ какой-то знаменитый Никита Вс—скій, придворный егермейстеръ, страшный богачъ и страшный кутила. Владѣя обширными помѣстьями въ разныхъ губерніяхъ и особенно въ Пермской, гдѣ у него были желѣзные заводы, онъ такъ успѣлъ устроить свое достояніе, что, закабаливъ его въ страшнѣйшихъ долгахъ, казенныхъ и частныхъ, еще при жизни своей успѣлъ сдѣлаться нищимъ. Князь Александръ Ивановичъ, кажется, былъ пріятелемъ его по придворной части и преимущественно по части охотъ, которыми наслѣдникъ съ своими адъютантами любилъ заниматься точно такъ же, если еще не болѣе, какъ и теперь, сдѣлавшись царемъ. Во время коронаціи государя, когда вокругъ князя, только-что назначеннаго кавказскимъ намѣстникомъ, стала группироваться будущая свита его, я замѣтилъ въ составѣ ея статскаго молодаго человѣка съ наипріятнѣйшими, до приторности іезуитскими, манерами, худаго и тонконогаго. Это и былъ старшій сынъ Всеволодъ. Во время обоюднаго пребыванія нашего на Кавказѣ мы, разумѣется, очень сблизились, при чемъ я нашелъ въ немъ юношу съ обширнѣйшимъ образованіемъ; онъ говорилъ на многихъ языкахъ въ совершенствѣ, былъ отличный музыкантъ и пѣвецъ, хотя безъ голосу, однимъ словомъ, имѣлъ видъ и свойства артиста. Вслѣдствіе его многоязычія, онъ состоялъ при князѣ по части иностранной переписки, а вслѣдствіе артистическихъ его свойствъ, назначенъ былъ однимъ изъ членовъ театральной дирекціи, существовавшей въ первое время, до передачи италіанской оперы въ руки одного антрепренера. Въ составѣ этой оперы появилась примадонна Пантеролли, плохая

пѣвица, но замѣчательная красавица. В—скій, какъ говорится, врѣзался въ нее по уши. Когда за свою безталанность красавица была уволена изъ оперы и должна была уѣхать изъ Тифлиса, Вс—скій бросился за нею, жертвуя блестящею карьерою, которая несомнѣнно его ожидала.

Я живо помню сцену, сюда относящуюся, свидѣтелемъ которой я сдѣлался совершенно неожиданно. Это было во время знаменитаго похода 1859 г. Всѣ мы, товарищи Вс—скаго, знали, что онъ безъ своей подруги жить не можетъ, и ждали, что дѣло кончится законнымъ бракомъ. Ужъ не помню, на какой это позиціи, я являюсь однажды утромъ въ палатку князя съ своимъ докладомъ и застаю тамъ Вс—скаго. Онъ былъ красенъ и видимо смущенъ. Сдѣлавъ мнѣ привѣтливый знакъ, князь продолжалъ, обращаясь къ Вс—скому: „я вамъ говорю, не дѣлайте глупостей! Я опытнѣе васъ. Повѣрьте мнѣ. Поѣзжайте, если ужъ вамъ не въ терпежъ, и возвращайтесь ко мнѣ такимъ же точно, какимъ поѣдете. Если надѣлаете глупостей— лучше не показывайтесь ко мнѣ на глаза“. Мнѣ тотчасъ сдѣлалось понятно, что Вс—скій просилъ отпуска и дозволенія жениться. Князь давалъ отпускъ и не давалъ этого дозволенія. Конецъ былъ тотъ, что Вс—скій пропалъ съ кавказскаго поприща, и гдѣ онъ пребывалъ, что съ нимъ сдѣлалось, никто не зналъ. Надо замѣтить, что прежде удаленія своего съ Кавказа, онъ перетащилъ туда брата своего отъ другой матери, Андрея, нѣчто въ родѣ милаго и добродушнаго недоросля, который и былъ куда-то втиснутъ въ управленіе съ чиномъ канцеляриста. Братья эти не только не походили другъ на друга, но представляли двѣ совершенно противоположныя личности. Сколько одинъ былъ худъ,—столько другой былъ толстъ. Сколько одинъ отличался утонченностью въ своихъ пріемахъ,—столько другой наивностью и простодушіемъ. Спустя нѣкоторое время и Андрей тоже уѣхалъ съ Кавказа и пропалъ безъ вѣсти.

Въ этотъ именно пріѣздъ князя, о которомъ говорю, оба они какъ изъ земли выросли и предстали нашимъ взорамъ, но предстали въ самомъ печальномъ видѣ; особенно Всеволодъ, имѣвшій самый оборванный видъ. Его измятая проломленная шляпенка была постояннымъ предметомъ нашихъ злокачественныхъ наблюденій и изслѣдованій. Когда наступили холода и даже морозы, онъ продолжалъ ходить въ холодной шинели. Только предъ нашимъ отъѣздомъ изъ Петербурга у него появилась шуба, довольно невысокаго качества. Когда я спросилъ его, гдѣ онъ досталъ ее? онъ отвѣчалъ, что ихъ мужики, находящіеся въ Петербургѣ, преподнесли ее, не стерпѣвъ, чтобъ ихъ баринъ мерзнулъ въ холодной шинели. Оказалось, что онъ все время пребывалъ за границей, частію у ногъ своего идеала, а частію

въ заточеніи за долги, которые онъ вынужденъ былъ дѣлать и которыхъ заплатить былъ не въ состояніи. Въ дружескихъ бесѣдахъ, которыя онъ любилъ вести со мной, онъ разсказывалъ, между прочимъ, что подруга его удалилась съ артистическаго поприща, живетъ съ ребенкомъ гдѣ-то близъ Флоренціи и ждетъ перемѣны его печальной участи. Потомъ изъ разсказовъ его видно было, что его батюшка, также загрязшій гдѣ-то за границей, въ страшныхъ долгахъ, умиралъ. Жена его, мать Андрея, прискакала туда и выручила его изъ заточенія своимъ поручительствомъ. Старикъ скоро умеръ; но по окончаніи погребенья его, на самомъ кладбищѣ, арестована была вдова его и также засажена въ тюрьму. Въ этихъ-то благопріятныхъ обстоятельствахъ, Вс—скіе появились здѣсь и привезли съ собою проектъ учрежденія какой-то французской компаніи, которая брала въ свою администрацію, на извѣстный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ, всѣ богатства Вс—скихъ и принимала на себя уплату долговъ, лежащихъ на нихъ. Въ этой компаніи они видѣли свое спасеніе и единственный путь къ возстановленію ихъ благоденствія. Такимъ образомъ, имъ необходимо было: во-первыхъ, утвержденіе этой компаніи, а, во-вторыхъ, дарованіе имъ новой ссуды 50 т. руб. Князь сильно сталъ на ихъ сторону, говорилъ много разъ съ министромъ финансовъ, много разъ докладывалъ государю, который самъ принималъ во Вс—скихъ живѣйшее участіе. Однако же, именно вслѣдствіе упорства Рейтерна, того упорства, которымъ онъ, повидимому, намѣревался прославить себя на первыхъ порахъ, ничего не вышло, и мы уѣхали изъ Петербурга, оставивъ Вс—скихъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи.

Когда совершился переходъ Кавказа въ руки великаго князя Михаила Николаевича и когда, вслѣдъ затѣмъ, я долженъ былъ совершить послѣднюю мою поѣздку на Кавказъ, я помню, что на обратномъ пути оттуда, въ Москвѣ, въ театрѣ я встрѣтилъ Всеволода Вс—скаго, веселаго и цвѣтущаго. Онъ торжественно объявилъ мнѣ, что онъ снова богатый человѣкъ, что дѣла устроились и компанія учредилась. На вопросъ мой, какими чудесами все это сдѣлалось, онъ отвѣчалъ, что всѣ мы жестоко ошибались, дѣйствуя сверху; что послѣ нашего отъѣзда онъ началъ дѣйствовать снизу, сошелся съ нѣсколькими чиновниками, обѣдалъ съ ними по трактирамъ и этимъ путемъ достигъ всего, чего хотѣлъ. Я отъ души поздравилъ его съ такими существенными успѣхами. Вслѣдъ затѣмъ онъ назначенъ былъ состоять при князѣ Александрѣ Ивановичѣ и дѣйствительно жилъ у него въ Англіи нѣкоторое время; потомъ появился опять въ Петербургѣ, окружилъ себя итальянцами, сталъ писать музыкальныя композиціи и давалъ артистическіе вечера, на которыхъ и я нѣсколько

разъ присутствовалъ. Среди этой музыкальной и артистической сферы, въ которую всецѣло погрузился Вс—скій, я замѣтилъ красивую даму, которая имѣла видъ хозяйки дома, и которой онъ самъ меня представилъ. Эта дѣйствительно милая дама оказалась г-жею Морозъ, вдовою какого-то господина, забравшею нашего Вс—скаго въ свои красивыя руки. Потомъ оказалось, что французская компанія, на которую Вс—скій возлагалъ такія надежды, жестоко надула его, такъ что онъ долженъ былъ открыть противъ нея какой-то сложный и нескончаемый процессъ. Потомъ оказалось, что Вс—скій, удалившійся отъ князя и отъ свѣта, вынужденъ влачить печальные дни въ одной изъ петербургскихъ гостиницъ и дѣлать снова самые безобразные долги. Такъ, напр., извѣстно, что какой-то ростовщикъ, вмѣсто денегъ, далъ ему восемнадцать роялей, которыя Вс—скій и долженъ былъ сбывать за половинную, а можетъ быть еще за меньшую цѣну. Что дальше съ нимъ будетъ, одному Аллаху извѣстно. Хорошаго, конечно, ожидать нечего, и нельзя не пожалѣть, что такая бездна самыхъ блестящихъ знаній гибнетъ такъ безплодно. Братъ его, Андрей, женился на красивой дѣвушкѣ Саломирской и перебивается кое-какъ то около своихъ пермскихъ заводовъ, то за границей. На артистическихъ вечерахъ Всеволода Вс—скаго я узналъ и другаго брата его, юнкера кавалергардскаго полка, юношу замѣчательной красоты и, по отзывамъ близко знающихъ его людей, тоже замѣчательнаго кутилу.

Кромѣ Головнина и Рейтерна у князя былъ раза два или три представительный Валуевъ, тоже по приглашенію. По какимъ дѣламъ понадобился князю министръ внутреннихъ дѣлъ, я уже не помню. Помню только, что всѣ эти господа не лѣзли къ князю сами, чтобы имѣть счастіе представиться, какъ было въ 1859 г., а шли къ нему какъ-то лѣниво, по его просьбамъ и приглашеніямъ. Вся ихъ осанка, всѣ пріемы ихъ говорили, что князь для нихъ—ничего! Я уже говорилъ о невѣжествѣ, съ которымъ Головнинъ входилъ къ князю и выходилъ отъ него. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ намѣренно облекалъ свою фигуру въ какой-то дрянной сюртучишко. Пріемная князя, въ которой нѣкогда толпились кучей золотые мундиры, военные и статскіе, была большею частію пуста и оживлялась единственно свитскими личностями.

Что касается Буткова, этого нѣкогда „неизмѣннаго копья“ князя, этого ревностнѣйшаго „секретаря его“, какъ онъ самъ тоже нѣкогда называлъ себя, этого, наконецъ, флюгера, по которому лучше и вѣрнѣе всего познавалось состояніе политической погоды, то онъ съ самаго начала выкинулъ, такъ сказать, самую безцеремонную штуку въ отношеніи князя. Я сказалъ уже, что пріѣздъ князя состоялся въ какой-то табельный день. Утромъ этого дня многія знаменитыя

лица пріѣзжали изъ города въ Царское для принесенія своихъ поздравленій. Въ числѣ ихъ былъ и Бутковъ. Почему-то онъ вообразилъ или притворился, что вообразилъ, что пріѣздъ князя долженъ былъ послѣдовать утромъ, вслѣдствіе чего, по его словамъ, онъ и разсчитывалъ за одинъ разъ и принести поздравленіе во дворцѣ, и представиться князю. Когда же князя не оказалось налицо, Бутковъ выразилъ непріятное удивленіе и объявилъ Харитонову, что пріѣзжать въ другой разъ собственно для того, чтобы представиться князю, онъ рѣшительно не имѣетъ времени. И дѣйствительно, я даже не могу сказать, былъ ли онъ у князя, но знаю и помню хорошо, что мы вовсе не видѣли его въ пріемной князя, гдѣ нѣкогда онъ находился постоянно почти безвыходно.

Нѣтъ сомнѣнія, что все это не могло не производить на князя самаго тяжелаго впечатлѣнія. Паденіе его фондовъ было такъ осязательно, что оно составляло предметъ постоянныхъ разсужденій нашей свиты, въ связи съ вопросомъ: поѣдетъ ли князь на Кавказъ или нѣтъ? Вопросъ этотъ естественно истекалъ изъ того равнодушія, съ которымъ князь относился собственно къ кавказскимъ дѣламъ. Видно было, что все его вниманіе сосредоточено было на петербургскихъ дѣлахъ. Изъ тысячи разнородныхъ, отдѣльно почти неуловимыхъ, но въ совокупности довольно выразительныхъ признаковъ видно было, что князь не прочь укрѣпиться среди петербургской административной сферы и останавливался предъ вопросомъ: „какъ укрѣпиться". Вмѣстѣ съ его колебаніями и недоумѣніями колебалась и испытывала недоумѣнія пристально и зорко слѣдящая за нимъ свита. Въ этотъ періодъ Всеволодъ Все—скій, вращавшійся въ высшихъ сферахъ, въ особенности какъ-то льнулъ ко мнѣ, быть можетъ вслѣдствіе того искренняго и горячаго участія, которое я принималъ въ его стѣсненномъ положеніи. Несмотря, однако, на это стѣсненное положеніе, онъ, по старымъ высокимъ связямъ своимъ, болтался въ большомъ свѣтѣ и такимъ образомъ имѣлъ возможность слѣдить за мнѣніемъ этого свѣта относительно положенія князя. Отъ этого происходило, что если я могъ быть полезенъ ему въ его дѣлахъ, то въ свою очередь и онъ былъ мнѣ полезенъ тѣмъ, что передавалъ мнѣ явленія изъ сферы, такъ сказать, присущей положенію князя. Свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ тоже не были нисколько благопріятны.

Я помню, что я предлагалъ ему на разрѣшеніе слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ это дѣлается, что вся эта сфера начинаетъ сочувствовать или охлаждаться къ кому-либо вдругъ, сразу, какъ одинъ человѣкъ? Я понималъ, что одинъ, два, три человѣка, разузнавъ какія-либо исключительныя обстоятельства, могутъ, подъ влія-

ніемъ ихъ, измѣнить свои отношенія къ извѣстной личности; но какъ измѣняются отношенія къ этой личности цѣлой среды, цѣлаго міра, придворнаго, напр., или административнаго, для меня оставалось рѣшительно непонятнымъ... Не сговариваются же, думалъ я, различные господа, составляющіе эту среду, дѣйствовать по отношенію къ тому такъ, а къ этому—этакъ, сегодня, напр., выразить сочувствіе, а завтра охлажденіе. Не составляютъ же они для этого общихъ собраній и не пишутъ протоколовъ, для всѣхъ обязательныхъ? Какъ же это дѣлается? Я понимаю, напр., что какое-нибудь невыгодное для какой-нибудь личности событіе можетъ разомъ отдалить отъ нея всѣхъ; но тутъ, напр., въ отношеніи князя Александра Ивановича, не было рѣшительно никакого событія въ этомъ родѣ. Этого мало. Государь, повидимому, точно такъ же, какъ и прежде, осыпалъ его своими ласками, а между тѣмъ всѣ охладѣли къ нему. Я понималъ также, что какой-нибудь Бутковъ, по тѣмъ или другимъ разсчетамъ, перемѣнился, но не понималъ, какъ и зачѣмъ перемѣнились всѣ? Умный и тонкій Все—скій старался разрѣшить мои недоумѣнія различными остроумными доводами и объясненіями, но въ чемъ они состояли, я рѣшительно не помню, и это самое показываетъ, что они имѣли мало успѣха и мои недоумѣнія остались неразрѣшенными.

Доказательствомъ желанія князя упрочиться здѣсь можетъ служить то, что онъ внимательно выслушивалъ тѣ соображенія по этой части, какія удавалось высказывать мнѣ и Харитонову. Основная мысль самого князя въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что фельдмаршалъ есть, такъ сказать, естественный начальникъ всѣхъ войскъ въ государствѣ, и что военный министръ есть не что иное, какъ секретарь. Мысль эту онъ подтверждалъ примѣромъ военной администраціи въ Англіи. Конечно, не мое дѣло доказывать основательность или невѣрность этой мысли; ясно было только то, что проведеніе и осуществленіе ея представлялось весьма затруднительнымъ или по крайней мѣрѣ несовременнымъ въ тотъ моментъ. Харитоновъ, излагалъ какую-то, по его обычаю, сложную комбинацію о томъ, чтобы преобразовать I отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, съ подчиненіемъ его князю такимъ образомъ, чтобъ всѣ дѣла военныя и гражданскія выходили къ государю чрезъ руки князя. Именно къ этой-то комбинаціи князь и прислушивался благосклонно и внимательно. Само собою разумѣется, что этого мало: сочинить комбинацію, надобно, чтобы она достигла до государя и была утверждена имъ, а въ этомъ-то, кажется, и встрѣчался камень преткновенія. Я, съ своей стороны, какъ и всегда, старался укрѣплять въ князѣ довѣріе къ собственнымъ его силамъ, въ

которыхъ онъ постоянно сомнѣвался. „Гдѣ мнѣ?“ всегда говорилъ онъ, когда заходила рѣчь объ упроченіи его здѣсь, „я говорить вовсе не умѣю, а здѣсь надо говорить. Посмотрите-ка, какъ здѣсь говорятъ“. Я старался доказывать, что здѣшняя сфера страшна для князя только до тѣхъ поръ, пока онъ не войдетъ въ нее, а что какъ только переступитъ черезъ порогъ, то передъ нимъ окажутся тѣ же Харитоновы, Инсарскіе, Крузенштерны и т. п. Подобные споры не рѣдко загорались между нами, и именно при одномъ изъ нихъ князь произнесъ достопамятную фразу, которую я привелъ уже гдѣ-то выше: „что вы говорите?“ сказалъ нетерпѣливо князь, „вѣдь я сижу по желанью государя въ совѣтѣ министровъ. Я по рожамъ ихъ вижу, что мнѣ ихъ не одолѣть; да не даромъ же и въ заграничныхъ газетахъ пишутъ, что изъ всѣхъ бездарностей нашихъ самый бездарный—фельдмаршалъ!“.

Однако я чувствую, что увлекся опять и забѣжалъ впередъ. Мнѣ давно надобно было сказать о занятіяхъ князя военными дѣлами; но, право, не знаю, что сказать. Хотя эти дѣла не относились до меня, однако всѣмъ намъ положительно было извѣстно, что ничего важнаго и въ этомъ отдѣлѣ тоже не совершалось, и надъ нами царствовало то же равнодушіе князя, о которомъ я говорилъ. Все ограничивалось переговорами и сношеніями по просьбамъ различныхъ личностей, служившихъ или служащихъ на Кавказѣ. Къ просьбамъ этимъ князь былъ вообще очень благосклоненъ и старался удовлетворить всему, что не представлялось безобразною нелѣпостью. Но если въ дѣлахъ этого рода не было ничего замѣчательнаго, то замѣчательными становились отношенія князя къ лицу, завѣдующему ими, хитрому и ловкому П—о. Я говорилъ уже и не разъ, какъ скоръ и не постояненъ былъ князь въ своихъ привязанностяхъ. Отношенія къ П—о представляютъ рѣшительное тому доказательство. Онъ былъ, безспорно, неглупый и способный малый. Но ничего блестящаго ни въ его личности, ни въ его дарованіяхъ рѣшительно не было, а между тѣмъ онъ становился у князя первымъ человѣкомъ. Такія заслуженныя, испытанныя личности, какъ я и Харитоновъ, несмотря на свои чины и звѣзды, положительно становились на второй планъ и заслонялись незначительнымъ и дотолѣ совершенно неизвѣстнымъ капитаномъ. Въ глубокой и своеобразной натурѣ князя все предполагать можно. Поэтому и я позволяю себѣ предполагать, что князю непріятно было видѣть, что пониженіе его фондовъ не можетъ не производить и на насъ невыгоднаго впечатлѣнія. Мы видѣли его озареннымъ блестящей славой, окруженнымъ безпримѣрными почестями; теперь видимъ его совсѣмъ въ другомъ положеніи; мы можемъ сравнивать, и результаты этого сравненія, волею-неволею,

могли отражаться въ нашихъ фигурахъ, и вслѣдствіе этого самыя фигуры наши не только не представляли для князя ничего пріятнаго, но вели къ воспоминаніямъ, довольно не утѣшительнаго свойства. П—о, напротивъ, былъ человѣкъ новый, не имѣвшій возможности дѣлать сравненія, безконечно счастливый новымъ своимъ положеніемъ, въ которое попалъ такъ счастливо и неожиданно. Быть можетъ, я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что здѣсь именно кроется первое основаніе возвышенія П—о и нашего, далеко не паденія, но замѣтнаго отдаленія. Понятно, что ловкій П—о, воспользовавшись такимъ благопріятнымъ для него расположеніемъ обстоятельствъ, успѣлъ сдѣлаться впослѣдствіи необходимымъ для князя, такъ что, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, пріязнь къ нему князя достигала степени, положительно смѣшной и невѣроятной...

О томъ, какъ держался князь собственно во дворцѣ, я могу говорить только по различнымъ свѣдѣніямъ и слухамъ, до меня доходившимъ. Извѣстно было, что у императрицы учреждены были какія-то ежедневныя вечернія собранія, куда и князь, часовъ въ 9-ть, постоянно отправлялся. Собирались ли туда по приглашеніямъ, каждый разъ дѣлаемымъ, или по приглашеніямъ, разъ навсегда сдѣланнымъ, или вовсе безъ приглашеній, я не знаю. Сначала мнѣ казалось, что князь посѣщалъ эти собранія безъ особыхъ приглашеній, потому что въ извѣстный часъ просто-на-просто туда отправлялся. Между тѣмъ случалось иногда, что князь сидѣлъ и ждалъ приглашенія. Когда наступалъ извѣстный часъ, и князь сидѣлъ дома и ждалъ приглашенія— мы заключали, что „во дворцѣ для него что-нибудь не совсѣмъ здорово". Такъ ли это или нѣтъ, Богъ знаетъ! Въ то же время ходили слухи, что императрица оказываетъ на этихъ вечерахъ князю особенное вниманіе. Такъ, напр., когда всѣмъ присутствующимъ чай раздавался фрейлинами, окружающими императрицу, князю Александру Ивановичу она передавала чашку чаю своими руками, чтó составляло, будто бы, особенную почесть и за что, конечно, я ручаться никакъ не могу. Вообще какъ ни насилую я свою память, никакъ не могу припомнить ничего замѣчательнаго, ничего рельефнаго за этотъ періодъ, который, какъ я сказалъ уже, представляется какимъ-то безцвѣтнымъ, покрытымъ какимъ-то туманомъ. Въ этомъ туманѣ, лично для меня, блестятъ алмазами тѣ незабвенные моменты, когда добрый и милостивый государь, встрѣчая меня въ саду или гдѣ-нибудь около дворца, непремѣнно удостоивалъ меня нѣсколькими привѣтливыми словами...

Въ опредѣленный придворными обычаями и преданіями терминъ, весь дворъ переѣхалъ въ Гатчино, а вмѣстѣ съ нимъ и князь. Уже не помню, по какимъ дѣламъ и причинамъ князь желалъ, чтобы и

я туда пріѣхалъ въ извѣстный день. Гатчина вообще и сырой дворецъ въ особенности произвели на меня самое непріятное впечатлѣніе. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ П. Во время нашего пріѣзда князь былъ съ докладомъ у государя. Насъ провели въ его помѣщеніе, смежное съ необъятною галлереею, ведущею въ комнаты, назначенныя для общихъ сборищъ. Въ ожиданіи князя, мы видѣли, какъ шмыгали по этой галлереѣ различныя придворныя личности, а изъ комнатъ, лежащихъ за галлереею, неслись дуэты, исполняемые женскими голосами. Наконецъ, князь пришелъ въ свое помѣщеніе, какъ всегда блестящій, но съ лицомъ краснымъ и вообще на мои глаза нехорошимъ. Меня онъ принялъ перваго и говорилъ со мною чрезвычайно долго.

Изучивъ такъ подробно князя, я могъ, точно такъ же, какъ по виду его узнавать состояніе его здоровья, по тону, которымъ онъ начиналъ говорить со мною, узнавать то или другое настроеніе его духа. Когда обстояло все благополучно, князь постоянно удерживалъ положительный, твердый тонъ, къ которому онъ любилъ примѣшивать, въ нѣкоторой степени, юмористическій оттѣнокъ. Въ лицѣ и манерахъ его сохранялась величавая самоувѣренность. Когда дѣла были неладны— самая внѣшность князя измѣнялась, и на мои глаза никогда онъ не былъ такъ хорошъ, такъ поэтиченъ, какъ именно въ эти вообще рѣдкія минуты. Величавая самоувѣренность его исчезала, и на мѣсто ея водворялся какой-то грустный характеръ, конечно, замѣтный только для опытнаго глаза. Прекрасные великолѣпные голубые глаза его покрывались какъ будто какою-то мечтательною задумчивою пеленою. Разговоръ его проникался какою-то задушевностью, человѣчностью, стремленіемъ раздѣлить свои мысли съ человѣкомъ преданнымъ и сочувствующимъ. Я никогда не забуду этихъ минутъ и считаю себя истинно счастливымъ, что мнѣ удалось раздѣлять ихъ. Въ такомъ именно настроеніи князь находился и въ ту минуту, когда онъ возвратился отъ государя и принялъ меня

Онъ встрѣтилъ меня обычнымъ: „поговоримте!“ и въ слѣдъ затѣмъ пустился въ отвлеченныя умозрѣнія, которымъ онъ такъ любилъ предаваться въ моемъ присутствія. Эти именно воззрѣнія, быть можетъ, никому неизвѣстныя, высказываемыя съ глазу на глазъ, и поселили во мнѣ глубокое убѣжденіе, что этотъ человѣкъ — дѣйствительно великій человѣкъ! Какъ я ни привыкъ къ нему, но, слушая его въ подобныя минуты, я проникался безпредѣльнымъ благоговѣніемъ предъ этою ясностью взгляда, предъ этими воззрѣніями, полными величайшей мудрости и самаго возвышеннаго благородства. Какъ жалки и ничтожны мнѣ казались въ эти минуты наши государственные люди, пигмеи предъ этимъ человѣкомъ, самимъ Богомъ созданнымъ для власти, для управленія другими. Къ несчастью для князя, все это оста-

валось у него почти мертвымъ капиталомъ. Одаренный громаднѣйшими умственными силами, далеко превосходящій другихъ своею мудростью, онъ трепеталъ предъ какимъ-нибудь ловкимъ болтуномъ Валуевымъ. Незнаніе чиновническихъ пріемовъ и обычаевъ, плохое знакомство съ нашими узаконеніями и безчисленными постановленіями—связывали его по рукамъ и по ногамъ. Громадное самолюбіе съ одной стороны, а съ другой пагубное недовѣріе къ собственнымъ силамъ и особенно искусству говорить, окончательно затягивали тѣ пути, на которыхъ онъ могъ проявить себя во всей полнотѣ, и дѣйствительно представляли его человѣкомъ ограниченнымъ предъ нашими доморощенными свѣтилами. Можно думать, что, если кто и понималъ его именно во всей полнотѣ, такъ это только одинъ государь, рѣшившійся назначить его намѣстникомъ въ то время, какъ наши умники считали его ни болѣе, ни менѣе, какъ красивымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Что назначеніе государя не было ошибочно и не истекало изъ одной личной пріязни, укрѣпившейся на лисинскихъ охотахъ, и что довѣріе къ дарованіямъ князя не было обмануто—это доказываетъ покореніе страны и плѣнъ Шамиля, за которымъ такъ усердно и такъ безплодно гонялись такіе капитальные старики, какъ Воронцовы, Муравьевы и др.

Но чтобъ не отдаляться отъ нити разсказа, я долженъ сказать, что какъ ни восхитительны, какъ ни мудры были гатчинскія размышленія князя, они не столько по содержанію, сколько по тону своему, показывали, что въ дѣлахъ высшей сферы у князя должно быть что-то не ладно. Гатчинскій докладъ князя государю, т. е. дѣловыя его объясненія съ государемъ, былъ, если не совсѣмъ послѣднимъ, то однимъ изъ послѣднихъ. По разнымъ признакамъ видно было, что князь придавалъ именно этому докладу особенную важность и значеніе, такъ что и намъ всѣмъ извѣстно было отъ него самого, что въ Гатчинѣ князь будетъ имѣть докладъ государю. Значительную часть дѣлъ и вопросовъ, приготовленныхъ къ этому докладу, я зналъ—тутъ было опять дѣло общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, опять дѣло Все—скихъ и др.; но, нѣтъ сомнѣнія, что тутъ были дѣла и вопросы, не только мнѣ, но никому другому, кромѣ государя и князя, неизвѣстные. Быть можетъ, былъ даже и вопросъ о собственномъ положеніи князя, т. е. вопросъ о томъ, долженъ ли онъ возвратиться на Кавказъ, ибо до этого момента вопросъ этотъ оставался по-прежнему въ колебательномъ положеніи. Послѣ этого понятно, какъ важенъ былъ исходъ этого доклада. Самый видъ возвратившагося отъ государя князя, какъ я сказалъ уже, показывалъ, что исходъ былъ неблагопріятенъ... Отвлеченныя размышленія, которымъ предался князь, еще болѣе подтверждали

это. Но самымъ положительнымъ и несомнѣннымъ разрѣшеніемъ всякихъ недоумѣній въ этомъ отношеніи было то, что, среди своихъ общихъ разсужденій и именно въ тотъ моментъ, когда они приняли самый интимный характеръ, князь, какъ я говорилъ уже, вдругъ подошелъ ко мнѣ и съ особеннымъ значеніемъ сказалъ мнѣ: „знаете, что я скажу вамъ?“ Потомъ, помолчавъ минуту, какъ бы для того, чтобы я лучше приготовился къ предстоящему объявленію, прибавилъ: „государь не утвердилъ моего доклада!“

Признаюсь, я не былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и не находилъ ничего удивительнаго, что государь не утвердилъ доклада князя точно такъ же, какъ самъ князь зачастую не утверждаетъ доклады своихъ докладчиковъ. Вслѣдъ за тѣмъ князь, указавъ мнѣ на кучу звѣздъ, лежавшихъ на столѣ вмѣстѣ съ принесенными отъ государя бумагами, объяснилъ, что онъ представлялъ объ учрежденіи для общества, въ дополненіе тѣхъ знаковъ, которые ему уже присвоены, еще высшаго знака со звѣздою и лентою, на что́ государь не согласился. Князь, дѣйствительно, любилъ общество и считалъ его лучшимъ своимъ созданіемъ; но я никакъ не могъ понять, чтобы такой незначительный предметъ, какъ неутвержденіе звѣзды, которую онъ испрашивалъ, могъ такъ сильно его растревожить, и невольно думалъ, что, вѣроятно, были другіе вопросы, несравненно большей важности для князя, на которые государь не соизволилъ дать своего согласія. Во всякомъ случаѣ ясно было, что этотъ докладъ имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшія дѣйствія князя, хотя и эти дѣйствія не чужды были значительнаго колебанія.

Колебаніе это болѣе всего и яснѣе всего относилось къ вопросу объ отъѣздѣ князя. Время и способы этого отъѣзда много разъ назначались и опредѣлялись, и столько же разъ отмѣнялись. Дѣлается, напр., извѣстнымъ, что князь отправляется такого-то числа, и все начинаетъ готовиться къ этому сроку. Срокъ приближается, наступаетъ, и дѣлается извѣстнымъ, что князь по желанью государя остается еще на двѣ недѣли. Проходятъ эти двѣ недѣли, объявляется новая отсрочка, и эти отсрочки дѣлались много разъ, такъ что, наконецъ, сбили всѣхъ съ толку. Дѣйствительно ли онѣ дѣлались по желанью государя или князь только ссылался на это желаніе—неизвѣстно; но ясно было, что самъ князь нисколько не былъ расположенъ къ отъѣзду, замедлявъ его, и все ждалъ чего-то, чего, однако, достигнуть и дождаться было невозможно. При такомъ колебаніи главнаго вопроса, само собою разумѣется, колебались и всѣ частности, къ нему относящіяся. Такъ, напр., самые способы предстоящаго пути тоже установлялись и отмѣнялись нѣсколько разъ. Первоначально явилась мысль ѣхать на Нижній, а оттуда водою на Астрахань и Баку.

Хлопотливому Харитонову поручено было переговорить съ директорами пароходнаго общества „Кавказъ и Меркурій" на счетъ пароходовъ, которые должны были насъ везти. И Боже мой! Какъ надоѣли князю всѣ эти господа, встревоженные Харитоновымъ. И массой и въ одиночку, они почти ежедневно являлись къ князю съ различными предложеніями, планами и смѣтами. Кончилось тѣмъ, что вслѣдствіе тѣхъ отсрочекъ нашего отъѣзда, о которыхъ я говорилъ, наступили морозы, Волга замерзла, и, такимъ образомъ, сама природа прекратила усердныя хлопоты этихъ смѣшныхъ директоровъ.

Затѣмъ явился другой планъ, на основаніи котораго нашъ путь направлялся чрезъ иностранныя земли, чрезъ Вѣну и т. д. Въ нѣкоторыхъ точкахъ мы должны были переѣзжать моремъ, для чего и сдѣланы были всѣ нужныя распоряженія о приготовленіи въ извѣстныхъ мѣстахъ пароходовъ. Князь опять сталъ приглашать къ переѣзду на этихъ пароходахъ различныя личности, которыя также должны были возвращаться на Кавказъ, предлагая имъ ожидать его на назначенныхъ мѣстахъ. Если князь дѣйствительно, какъ потомъ говорили, имѣлъ твердую рѣшимость не возвращаться на Кавказъ и только, какъ говорится, разыгрывалъ комедію, то эти приглашенія служатъ доказательствомъ значительнаго его жестокосердія, потому что многіе имъ повѣрили и пустились въ путь по направленію, имъ указанному. Когда князь потомъ засѣлъ въ Вильнѣ, нѣкоторые изъ этихъ господъ вздумали было дождаться тамъ продолженія его пути; но были приглашены ѣхать впередъ; потомъ они ждали въ Вѣнѣ и другихъ лежащихъ по пути мѣстахъ, откуда и штурмовали меня постоянными вопросами на счетъ отъѣзда князя. Потомъ, когда отъѣздъ этотъ вовсе не состоялся, господа эти должны были двинуться впередъ одни и, разумѣется, не найдя въ извѣстныхъ мѣстахъ пароходовъ, на которые, по приглашенію князя, разсчитывали, очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи.

„Въ какомъ же отношеніи находились вы ко всему этому, почтеннѣйшій авторъ многословныхъ и нескладныхъ записокъ?" спроситъ, быть можетъ, тотъ, кто можетъ имѣть терпѣніе читать ихъ... „Да ни въ какомъ!" отвѣчу я. Я жилъ преспокойно въ Царскомъ Селѣ и, какъ всегда, былъ центромъ свиты князя. Когда зашла рѣчь объ отъѣздѣ князя, мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы и я не ѣхалъ съ нимъ. Я какъ-то забылъ уже о претензіяхъ моихъ на петербургское устройство. Соглашеніе, состоявшееся у меня съ добрымъ Д. А. Милютинымъ, рѣшительно вышло изъ моей памяти, не говоря уже о томъ, что оно далеко не соотвѣтствовало моимъ вкусамъ. Съ своей стороны, и князь смотрѣлъ на свои отношенія ко мнѣ рѣшительно такимъ же точно образомъ. Ни онъ

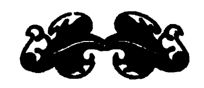
мнѣ, ни я ему и не напоминали другъ другу о торжественной разлукѣ, состоявшейся между нами въ Тифлисѣ, о переговорахъ его относительно меня съ графомъ Лумбергомъ и т. п. Казалось, что какъ будто бы ничего этого не было, и князь съ видимымъ удовольствіемъ говорилъ о совокупномъ нашемъ отъѣздѣ, когда только заходила рѣчь объ этомъ отъѣздѣ. Однажды, не помню по какому-то ничтожному дѣлу, рано утромъ я вошелъ къ нему въ кабинетъ и началъ словами: „я имѣю покорнѣйшую просьбу къ вашему сіятельству"; князь уставилъ на меня испуганные глаза и съ величайшею тревогою спросилъ: „вѣрно не хотите ѣхать со мной?"... „Нѣтъ, ваше сіятельство! дѣло вотъ въ чемъ"... Князь очень обрадовался и, разумѣется, тотчасъ исполнилъ просьбу, какую я высказалъ. Я и самъ не могу объяснить, откуда происходило это странное забвеніе моихъ прежнихъ плановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что огромное вліяніе на это имѣла моя возмущенная гордость. Привыкнувъ сознавать въ себѣ, по отношенію къ Кавказу, великолѣпнаго дѣятеля, я съ непріятнымъ удивленіемъ видѣлъ, что здѣсь рѣшительно никто не спѣшитъ предлагать мнѣ ни министерскихъ, ни даже директорскихъ мѣстъ. Кромѣ того, избалованный всеобщимъ уваженіемъ на Кавказѣ, я замѣчалъ, что здѣсь не только никто не спѣшитъ ко мнѣ навстрѣчу, съ почтительными изъявленіями, какъ было въ Тифлисѣ, но многіе даже позволяли себѣ посматривать на меня свысока. Паденіе фондовъ самого князя не могло не отражаться на его приближенныхъ и въ особенности на мнѣ, какъ на самомъ приближенномъ. Кто не знаетъ, что когда начинаетъ падать какое-нибудь знаменитое лицо, прежде всего достается лицамъ, его окружающимъ. Я не могъ не видѣть, что въ эти минуты князь имѣетъ наименьшую возможность устроить меня здѣсь, и потому какъ-то безотчетно отлагалъ свое устройство до того времени, когда князь, возвратившись на Кавказъ, возстановитъ свою силу и могущество, и когда съ наибольшимъ успѣхомъ можно будетъ напомнить ему и наши переговоры, и его прежнія обѣщанія въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, князь въ обратный путь взялъ съ собою меня, П—о, Зиновьева и вновь назначеннаго къ нему адъютанта, графа Чернышева-Кругликова.

Такимъ образомъ, дорожную свиту князя составляли: я, Зиновьевъ, графъ Чернышевъ-Кругликовъ и П—о. Харитоновъ, какія ни употреблялъ усилія попасть въ составъ этой свиты, не успѣлъ въ этомъ. Князь рѣшительно не хотѣлъ взять его съ собою и самымъ деликатнымъ образомъ доказывалъ ему, что для него несравненно удобнѣе и пріятнѣе совершить обратный путь въ Тифлисъ вмѣстѣ съ семействомъ, которое находилось тогда въ Петербургѣ. Незави-

симо отъ свиты, князя должно было провожать до Вильны все семейство графа Орлова-Давыдова. За нѣсколько дней до отъѣзда князь, а вмѣстѣ съ нимъ, разумѣется, и всѣ мы перебрались въ Петербургъ. Князь помѣстился въ Зимнемъ дворцѣ, и именно въ томъ отдѣленіи, которое онъ занималъ въ 1859 году. О томъ, какъ назначено было на эту поѣздку князя 10 т. р. изъ казны, о томъ, какъ я въ послѣдній день предъ отъѣздомъ ѣздилъ къ Рейтерну и въ главное казначейство выручать эти деньги, какъ мѣнялъ ихъ на золото и какъ раздѣлилъ два мѣшка съ этимъ золотомъ между П—о и моимъ камердинеромъ, я говорилъ уже въ различныхъ мѣстахъ. Здѣсь остается сказать, что по мѣрѣ приближенія къ моменту отъѣзда, лицо князя начинало краснѣть и принимать тѣ зловѣщіе признаки, которые предвѣщали появленіе жесточайшихъ подагрическихъ припадковъ. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что моральное состояніе имѣетъ громаднѣйшее вліяніе на физическое наше положеніе, и это вліяніе, какъ я говорилъ уже, положительно признавалъ самъ князь. Поэтому, съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что обычныя неудачи князя ускорены были безпокойными и непріятными мыслями, которыя осаждали его во время отъѣзда. Хотя смутно и неопредѣленно, однако, все показывало, что отъѣздъ этотъ не только не приноситъ ему ничего радостнаго, но имѣетъ какой-то насильственный характеръ. Видно было, что князь хотѣлъ или чего-нибудь другаго, или, по крайней мѣрѣ, того, чтобъ отъѣздъ этотъ обставленъ былъ иными условіями. И, дѣйствительно, въ обстановкѣ нашего отъѣзда не было ничего радостнаго и великолѣпнаго. Царская фамилія и большая часть придворнаго міра осталась еще въ Царскомъ Селѣ. Изъ другихъ высокихъ личностей въ послѣдніе дни у князя почти никого не было, такъ что, оставаясь еще въ Петербургѣ, въ Зимнемъ дворцѣ, князь, казалось, былъ уже въ дорогѣ гдѣ-то на станціи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I [1]).

Путь отъ Казани до Тобольска.—Самовольное завладѣніе ночлегомъ въ чужомъ домѣ.—Тюмень и мѣстная промышленность.—Плаваніе на пароходѣ до Тобольска.—Описаніе Тобольска.—По широкому раздолью сибирскихъ рѣкъ.—Будущность Сибири.

Въ первый разъ я выѣхалъ изъ Казани въ Томскъ 14 мая 1880 г. Такая отдаленная поѣздка въ неизвѣстный для меня край, о которомъ много разъ приходилось читать и слышать самые разнорѣчивые разсказы, естественно возбуждала живое любопытство. Лица, возвращавшіяся изъ Сибири, сообщали о ней свои впечатлѣнія, то скорбныя и угрюмыя, то полныя очарованія и свѣтлыхъ надеждъ на будущее этой страны, смотря по тому, при какихъ условіяхъ совершалось добровольное или невольное пребываніе въ этой, прославившейся ссылкою и золотомъ, русской окраинѣ. Человѣкъ, попавшій въ Сибирь не по своей волѣ, или испытавшій въ ней много нужды и горя, неизбѣжно будетъ окрашивать свои воспоминанія темными красками. Болѣе правдивыя свѣдѣнія сообщали добровольные туристы, или служившіе тамъ образованные чиновники, но и ихъ описанія не всегда вѣрны и безпристрастны. Въ данномъ случаѣ много зависитъ отъ точки зрѣнія наблюдателя и, отчасти, отъ его расположенія духа. Чтобы лично провѣрить все мною прежде слышанное и читанное о Сибири, съ которою судьба, повидимому, связываетъ меня на продолжительный срокъ, я запасся на дорогу письменными принадлежностями, чтобы занести въ тетрадь живыя свѣдѣнія и личныя впечатлѣнія.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, мартъ 1906 г.

Сибирское путешествіе начинается собственно съ Екатеринбурга, какъ перваго города Азіатской Россіи, гдѣ приходится собираться въ путь на азіатскій ладъ, запасаясь тарантасами и другими дорожными принадлежностями. По этой причинѣ здѣсь пришлось остановиться на цѣлыя сутки. Съ городомъ я былъ давно знакомъ, и еще съ дѣтства онъ производилъ на меня пріятное впечатлѣніе своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ, отличными постройками, правильностью и чистотою улицъ. На этотъ разъ мнѣ было особенно пріятно показать Екатеринбургъ въ возможно лучшемъ свѣтѣ своей семьѣ, которая здѣсь еще не бывала. Мы посѣтили болѣе замѣчательныя мѣста—женскій монастырь, соборы, гранильную фабрику, городской садъ, лучшіе улицы и магазины.

Около 5 ч. вечера 19 мая отправились въ дальнѣйшій путь, въ двухъ проходныхъ экипажахъ, въ одномъ ѣхали сами, въ другомъ дорожныя вещи и горничная дѣвушка. Первыя 3—4 станціи путешествіе было очень пріятно: дорога хорошая, везутъ отлично, окрестныя мѣста живописны и разнообразны. Ночь была ясная и теплая. Несмотря на нѣкоторое утомленіе, первая половина тарантаснаго пути, до Камышлова, имѣла видъ пріятной прогулки; но въ Камышловѣ съ ранняго утра пошелъ дождь, преслѣдовавшій насъ до самой Тюмени. По Пермской губерніи виденъ былъ еще благоустроенный путь, но, начиная съ Марковской станціи, мы сразу почувствовали, что въѣзжаемъ въ Сибирь. Долго буду помнить это первое впечатлѣніе. Отъ Марковой мѣстность рѣзко мѣняется: дорога проходитъ густымъ лѣсомъ по отлогой пóкати. Такъ и кажется, что съ каждой верстой мы углубляемся въ какую-то засасывающую трясину. Густой хвойный лѣсъ смѣнился болотомъ, черезъ которое безобразной, изрытой, черной полосой извивается скверная хлябь, называемая большимъ сибирскимъ трактомъ. При въѣздѣ въ эту болотину поставленъ каменный столбъ, обозначающій границу между Пермскою и Тобольскою губерніями (въ 9—10 верстахъ отъ Марковой). У ямщиковъ почему-то принято за обычай непремѣнно остановиться на этомъ пунктѣ. Многіе путешественники выходятъ изъ экипажа, чтобы посмотрѣть на этотъ печальный столбъ и воочію убѣдиться, что отсюда начинается Сибирь. Для людей, не бывавшихъ въ Сибири, знакомыхъ съ нею только по разсказамъ и описаніямъ, Тобольская пограничная черта производитъ удручающее впечатлѣніе. Новаго человѣка здѣсь сразу обдаетъ холодомъ послѣ благоустроенныхъ, привольныхъ и веселыхъ мѣстъ Пермской губерніи. Прежде всего поражаетъ злосчастный столбъ, испещренный нацарапанными безграмотными надписями бродягъ и бѣглыхъ каторжниковъ. Подобно тому, какъ счастливые туристы оставляютъ на память свои имена на посѣщенныхъ ими, болѣе замѣ-

чательныхъ пунктахъ прославленныхъ мѣстъ Западной Европы,— сибирскіе бродяги, или по-здѣшнему варнаки, избрали мѣстомъ для такихъ же отмѣтокъ вышеупомянутый столбъ. Очень сожалѣю, что не списалъ дословно помѣщенныхъ здѣсь характерныхъ изреченій. Они были въ такомъ родѣ: „Иванъ изъ Кары, прошелъ здѣсь 27-го іюня". Или: „Здрастуй Рассія, прощай Сибирь". Попадались также надписи ругательнаго или угрожающаго свойства. Общій колоритъ ихъ далеко не веселый.

Отъ границы Тобольской губ. до Тюмени приходится проѣхать три утомительныхъ и длинныхъ станціи. По случаю дождя, дорога была невозможная; хуже всего по болотистымъ мѣстамъ, гдѣ настланы гати, большею частію разбитыя, исковерканныя. Впрочемъ, и по мѣстамъ болѣе возвышеннымъ взрытый колеями черноземный грунтъ былъ не многимъ лучше. Ѣхать приходилось почти шагомъ, съ опасностью на каждомъ шагу опрокинуться. Не видно никакихъ признаковъ, чтобы дорога ремонтировалась: ни песку, ни гальки, ни щебня нѣтъ на ней и слѣда; мосты устроены грубо, аляповато, большею частію не крашеные. При сравненіи съ пермскимъ шоссированнымъ и исправнымъ трактомъ, невольно приходишь къ заключенію, что дрянное состояніе тюменскаго участка зависитъ не столько отъ природныхъ условій, сколько отъ сибирскаго неряшества.

Въ Тюмень пріѣхали 21 мая около 4-хъ часовъ утра. Единственная въ городѣ „Европейская гостиница" оказалась переполненной чающими движенія парохода. По совѣту ямщика отправились искать пріюта въ какихъ-то номерахъ но тамъ оказалось нѣчто невозможное. Въ дрянномъ деревянномъ домѣ, вродѣ постоялаго двора, сонный мужикъ (хозяинъ или дворникъ) указалъ мнѣ большую комнату безъ всякой мебели, полъ которой былъ покрытъ спящими человѣческими тѣлами. Надо было шагать черезъ эту живую настилку, чтобъ добраться до другой смежной комнаты, въ которой тоже были спящіе на полу, но одинъ уголокъ оставался свободнымъ. Его-то и предлагали намъ занять въ ожиданіи прибытія томскаго парохода. Понятно, что я отказался отъ такой чести и былъ не мало удивленъ, что многіе изъ ночующихъ въ этомъ ночлежномъ домѣ, судя по разложеннымъ туалетнымъ принадлежностямъ, были не изъ чернорабочаго класса. Неужели необходимость заставила ихъ, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, довольствоваться такимъ грязнымъ сараемъ. Не веселое предзнаменованіе въ началѣ нашего сибирскаго странствованія!

Остановиться все-таки гдѣ-нибудь было нужно. Почтовая станція слишкомъ далеко отъ пароходной пристани, на противуположномъ концѣ города (болѣе трехъ верстъ). Ѣхать туда по невылазной уличной грязи, съ слабой надеждой найти какое-нибудь временное по-

мѣщеніе, мы не рѣшались. Въ раздумьѣ, не зная, что дѣлать и куда преклонить голову, мы рѣшились, по совѣту опытнаго сибиряка, горнаго инженера Н. Григ. Пермикина, очутившагося въ томъ же положеніи и случайно съ нами познакомившагося на одной изъ предыдущихъ станцій,—заѣхать въ ближайшій обывательскій домъ. Какъ ни казалось страннымъ съ непривычки такое самовольное вторженіе въ чужую, ни мало не знакомую намъ квартиру, но мы поступили именно такъ. Ямщики отворили ворота, въѣхали на дворъ и стали развязывать багажный возокъ. Мы съ Пермикинымъ тѣмъ временемъ вошли въ незапертыя сѣни. Въ первыхъ трехъ комнатахъ не оказалось ни одной живой души; въ четвертой на двухспальной широкой кровати, мирно почивалъ хозяинъ съ хозяйкой. Будить ихъ было неудобно. Возвратившись назадъ, мы увидѣли, что нашъ багажъ уже распакованъ и вынесенъ на крылечко. Послѣ того, по совѣту Н. Гр., мы преспокойно расположились въ трехъ пустыхъ комнатахъ, какъ у себя дома, и, утомленные путешествіемъ и проведенными передъ тѣмъ двумя безсонными ночами, уснули крѣпкимъ сномъ, кто на дощатомъ диванчикѣ, или на составныхъ стульяхъ, кто на полу, разостлавъ пледы. Около 8 часовъ утра слышу, пріотворяется дверь, высовывается голова вставшаго домохозяина. Онъ проситъ позволенія войти въ занятую нами комнату, чтобы взять какія-то нужныя вещи. Я извиняюсь за нашъ самовольный поступокъ; но оказывается, что въ Тюмени, дѣйствительно, это дѣло привычное. Хозяинъ не только не былъ въ обидѣ, а напротивъ, былъ радъ посѣтителямъ. Такъ мы и остались здѣсь на цѣлыя сутки въ ожиданіи парохода. Выбранный нами домъ, не далеко отъ пристани, на горѣ около спуска, принадлежалъ одному изъ гласныхъ городской думы, тюменскому мѣщанину, человѣку, очень любезному, словоохотливому и не особенно корыстолюбивому. За постой съ обѣдомъ я заплатилъ ему 10 руб., и онъ остался этимъ очень доволенъ.

Сутки, проведенныя въ Тюмени, мы употребили на осмотръ города. По правдѣ сказать, и осматривать было нечего, кромѣ строющагося реальнаго училища (на средства купца Подаруева) и загороднаго сада. Училище вчернѣ было уже окончено. Оно представляетъ собой красивое каменное двухъэтажное зданіе, въ лучшей части города, на такъ называемой Царской улицѣ. Для Тюмени такое щедрое пожертвованіе—большая находка. Оно было бы въ пору любому губернскому городу. Меня, естественно, болѣе всего интересовали условія строительныхъ работъ. По этому поводу я велъ переговоры съ десятникомъ строющагося зданія и съ нѣкоторыми рабочими. Оказалось, что кирпичъ въ Тюмени стоитъ 6—8 руб. 1.000, кладка 4—5 р. съ тысячи, известь 20—25 к. пудъ; бутоваго камня

совсѣмъ нѣтъ, фундаменты выложены изъ кирпича, каменщики выписаны изъ Екатеринбурга, чернорабочимъ платятъ 60—80 коп. въ день. Все это не лишне принять къ свѣдѣнію при предстоящей постройкѣ университета.

Кромѣ зданія реальнаго училища, тотъ же Подаруевъ выстроилъ на свой счетъ и подарилъ городу водопроводъ. Вода взята изъ рѣки Туры и разведена по площадямъ въ бассейны и разборные краны. Принимая въ разсчетъ очень высокій и крутой берегъ, на которомъ расположенъ городъ, такое снабженіе водою весьма важно, особенно въ пожарномъ отношеніи. Жаль, что туринская вода очень загрязнена кожевенными заводами. Въ ней попадаются волосы отъ вымачиваемыхъ кожъ и блестки жира, но жители увѣряютъ, что для питья она безвредна.

Въ Тюмени много старинныхъ каменныхъ церквей, нѣкоторыя изъ нихъ довольно красивы. Не мало хорошихъ каменныхъ домовъ, но они разбросаны въ одиночку между массою деревянныхъ зданій, потому не даютъ общаго впечатлѣнія. Улицы широкія, но невообразимо грязныя. Въ дождливую пору по нимъ, какъ по грунтовымъ дорогамъ сибирскаго тракта, едва возможно проѣхать. Черноземныя колеи глубиной чуть не въ полъ-аршина. Никакихъ слѣдовъ мощенія нѣтъ и не было. По сторонамъ главныхъ улицъ проложены деревянные мостки, содержимые далеко не исправно. Нерѣдко линія ихъ прерывается, или они настолько ветхи, что опасно ходить. По главной улицѣ, которая носитъ названіе Царской, есть хорошіе магазины. Гостиный дворъ каменный, но безобразный. Изъ мѣстныхъ произведеній извѣстны тюменскіе ковры, не дурныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но очень не прочные. Цѣна ихъ отъ 3 до 10 руб., смотря по величинѣ. Ихъ употребляютъ чаще всего для покрыванія сундуковъ въ купеческихъ и мѣщанскихъ домахъ, а также вмѣсто попонъ для лошадей. Мы купили въ Екатеринбургѣ для дороги два такихъ ковра.

Загородный садъ представляетъ собой частью естественную, частью подсаженную рощицу, преимущественно хвойныхъ деревьевъ (пихта и ель) съ просѣками, площадками и двумя или тремя аллеями. Здѣсь же устроенъ деревянный ресторанчикъ и кегли. Тѣни достаточно. Видъ на Туру довольно красивъ, но ѣхать въ этотъ садъ (версты двѣ отъ города) по дурной дорогѣ не составляетъ никакого удовольствія. Въ самой Тюмени, при домахъ, садовъ почти совсѣмъ нѣтъ. Только въ нѣкоторыхъ церковныхъ оградахъ можно еще найти по десятку старыхъ развѣсистыхъ березъ. Крытыхъ извозчичьихъ экипажей нѣтъ ни одного; даже нѣтъ обыкновенныхъ дрожекъ. Всѣ ѣздятъ на такъ называемыхъ долгушахъ, тряскихъ и неудобныхъ. На нихъ садятся съ одной стороны, какъ на скамейку. Для упора

ногъ имѣются подножки во всю длину линейки (долгуши). Фартуковъ не полагается, поэтому сѣдока со всѣхъ сторонъ обдаетъ грязью. Такія же долгуши на деревянныхъ дрожинахъ въ большомъ ходу у пермскихъ извозчиковъ. Въ Екатеринбургѣ ихъ гораздо меньше (тамъ предпочитаются линейки, иногда даже крытыя, съ откиднымъ верхомъ). Большинство тюменскихъ обывателей-мѣщанъ ѣздятъ по городу въ простыхъ телѣгахъ. Этотъ, болѣе надежный и безопасный способъ передвиженія вполнѣ соотвѣтствуетъ состоянію городскихъ улицъ.

Самъ по себѣ городъ (Тюмень) далеко не бѣденъ и внѣшнее его благоустройство могло бы быть доведено до значительнаго совершенства, если бы люди, заправляющіе городскимъ хозяйствомъ, были пограмотнѣе и поэнергичнѣе. Между тѣмъ, несмотря на 300-лѣтнюю исторію города, онъ до сихъ поръ остается не болѣе, какъ обширнымъ торговымъ селомъ, гдѣ о городскихъ потребностяхъ никто не думаетъ и даже никто ихъ не сознаетъ. Занимая очень выгодное положеніе, какъ начальный пунктъ пароходнаго движенія по системѣ сибирскихъ рѣкъ, Тюмень держитъ въ своихъ рукахъ обширную операцію по доставкѣ грузовъ между Камою и Турою. Милліоны пудовъ, доставляемыхъ ежегодно на пристань, или проходящихъ зимой черезъ Тюмень по главному сибирскому тракту, даютъ въ пользу города весьма значительный повозный сборъ. Къ этой же транспортной операціи пріурочена кустарная промышленность тюменскихъ мѣщанъ, именно заготовка громаднаго числа телѣгъ и обозной сбруи. Издавна существующіе въ Тюмени кожевенные заводы дали возможность развить здѣсь другую немаловажную отрасль кустарнаго дѣла— приготовленіе обуви и рукавицъ. Тюменскіе ковры даютъ работу преимущественно женщинамъ, не только въ самомъ городѣ, но и по окрестнымъ деревнямъ. Работницы, занимающіяся тканіемъ ковровъ, называются въ Тюмени плетеи, отъ слова плести.

Изъ частныхъ предпріятій въ Тюмени выдающееся значеніе имѣетъ заводъ Игнатова и Курбатова для постройки пароходовъ. Онъ находится на лѣвомъ берегу Туры въ 3—4 верстахъ ниже города. Здѣсь работаютъ не только корпуса, но и всѣ машинныя металлическія части, такъ что плавающіе нынѣ по Обской системѣ рѣкъ пароходы и баржи съ полною отдѣлкою выпускаются по преимуществу изъ этого завода. Это полезное предпріятіе Игнатова и Курбатова дало весьма замѣтный толчекъ развитію судоходства по сибирскимъ рѣкамъ, которое съ каждымъ годомъ должно развиваться больше и больше. Въ настоящее время всѣхъ дѣйствующихъ здѣсь пароходовъ считается около 30, изъ нихъ наилучшіе принадлежатъ товариществу Игнатова и Курбатова, именно: „Рейтернъ", „Косаговскій", „Беленченко"

(существующіе съ 1871 года; каждый изъ нихъ въ 120 силъ, длина корпуса 220 футовъ). Той же компаніи принадлежатъ мелко сидящіе пароходы: „Капитановъ“ и „Фортуна“, въ 35—40 силъ и 140—150 футовъ длины, предназначенные для плаванія по Турѣ на случай мелководья.

Только одна эта компанія поддерживаетъ срочное пассажирское пароходство между Тюменью и Томскомъ, вмѣстѣ съ перевозкою арестантовъ на особой баржѣ, остальные же пароходы (купцовъ Корнилова, Плотникова, Ширкова и др.) служатъ исключительно для буксированія грузовъ, а срочныхъ рейсовъ не дѣлаютъ. Пароходы Курбатова и Игнатова отходятъ изъ Тюмени разъ въ двѣ недѣли; въ Томскъ приходятъ черезъ 9—10 дней. Навигація по сибирскимъ рѣкамъ открывается около 20-го мая и прекращается въ концѣ сентября.

22-го мая услышали свистокъ подходящаго парохода. То былъ, дѣйствительно, давно ожидаемый „Рейтернъ“, на которомъ мы должны были совершить наше путешествіе до Томска. Билетами на отдѣльную каюту мы запаслись заблаговременно по телеграфу изъ Перми, и въ этомъ отношеніи были покойны. Пароходы Курбатова и Игнатова отходятъ изъ Тюмени по расписанію въ 3 часа ночи, но мы, конечно, перебрались туда съ вечера, чтобы устроиться не торопясь въ новомъ помѣщеніи, гдѣ предстояло провести не менѣе 8—9 сутокъ. Послѣ роскошныхъ волжскихъ и камскихъ пароходовъ, сибирскій ихъ собратъ по первому впечатлѣнію показался очень невзрачнымъ. Рубка тѣсна, каюты убогія, вся обстановка болѣе чѣмъ скромная. Но, все-таки, мы благодарили судьбу, что имѣемъ возможность плыть по водѣ, а не по грунтовой грязи сибирскаго тракта. За трехмѣстную каюту перваго класса пришлось заплатить отъ Тюмени до Томска 75 р., за мѣсто во 2-мъ классѣ для горничной дѣвушки 15 р. и за багажъ по 1 р. съ пуда. Мѣста на пароходѣ были всѣ заняты. Особенно оказался переполненнымъ 3-й классъ, въ которомъ, на палубѣ, подъ открытымъ небомъ, расположились преимущественно переселенцы съ женами и дѣтьми. Ихъ было принято столько, сколько можно было втиснуть, такъ что вся поверхность палубы буквально была покрыта сидящими и лежащими человѣческими тѣлами и кошелями ихъ убогаго скарба. За билетъ въ 3-мъ классѣ взрослые платили по 7 р., не пользуясь рѣшительно никакими удобствами. Во второмъ классѣ также было переполнено; въ рубкѣ и въ общей каютѣ перваго класса нѣсколько посвободнѣе, но все же тѣсно. За пароходомъ на буксирѣ идетъ арестантская баржа, въ которой помѣщается до 700 человѣкъ ссыльныхъ. За перевозку ихъ до Томска правительство уплачиваетъ компаніи Курбатова и Игнатова по 8 руб. съ человѣка, но арестанты помѣщаются лучше переселенцевъ. Надъ палубой ихъ баржи имѣется

крыша, защищающая ихъ отъ дождя, боковыя стороны затянуты рѣшетками изъ толстой проволоки и парусиннымъ брезентомъ, а въ холодныя ночи они могутъ укрыться внутри баржи, гдѣ устроены нары для спанья. Съ арестантами отправляется конвойный офицеръ, докторъ или фельдшеръ; есть лазаретъ и аптечка.

Если справедливо, какъ мнѣ передавали, что на баржѣ помѣщается 700 человѣкъ, съ платою по 8 р., то на одной этой статьѣ компанія должна выручить въ одинъ конецъ болѣе 5 т. р. и примѣрно столько же съ пассажировъ парохода. Операція крайне выгодная, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что вольные и невольные пассажиры здѣсь гарантированы на всю навигацію, а отопленіе парохода (дрова) на пути его слѣдованія крайне дешево. При всемъ томъ говорятъ, что на постройку пароходовъ и арестантскихъ баржъ компанія Курбатова получила еще значительную субсидію отъ м—ва внутр. дѣлъ. По этой причинѣ и выстроеннымъ пароходамъ дали названіе въ честь лицъ, оборудовавшихъ это дѣло (Рейтернъ мин. финансовъ, Косаговскій и Беленченко чиновники, вѣдающіе пересыльною частью).

До поздней ночи на пароходѣ продолжалась невообразимая сутолока. Кромѣ отправляющихся въ дальній путь, суетящихся по поводу дорожныхъ сборовъ и припасовъ, было не мало провожающихъ и еще больше праздныхъ зѣвакъ. То и дѣло приходили и уходили новыя лица, и нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этой суматохѣ каждый пассажиръ долженъ былъ зорко охранять свои вещи. Утомленные этимъ гамомъ, часовъ около 11, мы отправились въ каюту спать. Выйдя въ рубку къ утреннему чаю, мы были уже близъ устья Туры (у деревни Артамоновой), а на слѣдующій день прибыли въ Тобольскъ.

Издали Тобольскъ довольно красивъ. Расположенный, какъ большинство русскихъ городовъ, при сліяніи двухъ рѣкъ — величественнаго Иртыша и Тобола, въ половодье онъ кажется точно приморскимъ городомъ: лѣвый берегъ настолько залитъ весеннимъ разливомъ, что совсѣмъ не видно твердой земли. Только выдающіеся кустарники, какъ острова, показываютъ, что здѣсь была суша.

Городъ расположенъ по правой сторонѣ Иртыша и раздѣляется на двѣ половины: верхняя на крутой и высокой горѣ, гдѣ красуется бѣлый кремль, съ высокими зубчатыми стѣнами и башнями,—многоглавые соборы и зданія присутственныхъ мѣстъ. Нижняя, или торговая часть лежитъ у подошвы горы, у самаго берега рѣки. Здѣсь также прежде всего бросаются въ глаза многочисленныя каменныя церкви, семинарія, большой губернаторскій домъ и много хорошихъ каменныхъ обывательскихъ построекъ. Стоявшіе у пристани (слу-

чайно) два парохода, десятокъ баржъ и барокъ, толпы народа и извозчиковъ на берегу давали впечатлѣніе заправскаго, торговаго, оживленнаго города. Вспоминая прошлую исторію Тобольска, можно было подумать, что онъ и до сихъ поръ служитъ столицею Сибирскаго царства. Но этотъ миражъ исчезаетъ, какъ только вы сходите на берегъ и ознакомитесь съ закулисною стороною отжившаго величія. То, что казалось красивымъ и величественнымъ издали, дѣйствительно красиво,—это храмы Божіи и старыя правительственныя постройки; все же остальное, новое, обывательское, носитъ печать мелкаго мѣщанскаго пошиба. Тобольскъ видимо падаетъ. Созданный и возвеличенный административною властью, въ ней одной онъ находилъ источникъ жизни; но съ уничтоженіемъ намѣстничества, а въ новѣйшее время съ переводомъ генералъ-губернаторства въ Омскъ, онъ превратился въ будничный захолустный городокъ.

Нашъ пароходъ останавливается въ Тобольскѣ на 3 часа. Выйдя на берегъ, мы тотчасъ же взяли извозчика осматривать городъ. Первое, что здѣсь бросается въ глаза,—это своеобразная мостовая изъ толстыхъ плахъ (досокъ), которыми выстланы всѣ улицы нижнихъ кварталовъ. Такая настилка напоминаетъ сибирскіе постоялые дворы. Если бы она содержалась исправно, то такія мостовыя можно было бы считать цѣлесообразными; но бѣда въ томъ, что доски, укладываемыя на болотистой почвѣ, очень скоро гніютъ и проваливаются; поэтому, при неаккуратномъ ремонтѣ, ѣзда по нимъ хуже, чѣмъ по испорченной части. Колесо то и дѣло попадаетъ въ выбитыя щели и ямы. Въ лѣтніе жары деревянныя мостовыя должны быть очень опасны въ пожарномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что большая часть городскихъ строеній также деревянныя. Не оттого ли Тобольскъ такъ прославился грандіозными историческими пожарами?

Въ нижней части города нѣтъ ничего достопримѣчательнаго. Улицы содержатся неопрятно, площади изображаютъ собой болотистые пустыри; тамъ, гдѣ нѣтъ досчатой настилки, невозможно ни пройти, ни проѣхать. По главной улицѣ, гдѣ стоитъ губернаторскій домъ, наберется 5—6 купеческихъ каменныхъ домовъ приличной наружности, остальныя постройки маленькія, деревянныя. Замѣчательно, что стѣны многихъ каменныхъ строеній дали большія трещины. Такія прорѣхи свѣжему человѣку невольно бросаются въ глаза; тоболяки, вѣроятно, къ этому привыкли и не боятся, что зданія могутъ обрушиться. Надо полагать, что трещины происходятъ вслѣдствіе осадки болотистаго грунта, или дурнаго качества фундаментовъ. Твердаго бутоваго камня въ фундаментахъ Тобольска такъ же, какъ и въ Тюмени, совсѣмъ нѣтъ. Фундаменты строятъ кирпичные.

Изъ нижней части города извозчикъ повезъ насъ на гору, по-

смотрѣть памятникъ Ермаку и ссыльный углицкій колоколъ. Это, кажется, единственныя достопримѣчательности Тобольска. Въѣздъ на гору устроенъ довольно удобно. Почти въ отвѣсной кручѣ сдѣлана громадная выемка земли, откосы обложены дерномъ, а полотно дороги такъ же, какъ и улицы, вымощены досками. Это и есть, извѣстный въ лѣтописяхъ Тобольска, прямской въѣздъ, сооруженный еще въ цвѣтущее время тобольскаго намѣстничества. Безъ такого подъема сообщеніе между верхней и нижней частью города было бы крайне затруднительно, хотя и теперь подъемъ все же очень крутъ. По лѣвую сторону этой искусственной траншеи, на самой горѣ, стоитъ кремль и соборы, а по правую сторону, на мысу—памятникъ Ермаку, вокругъ котораго разбитъ небольшой скверъ. Видъ съ этого пункта очень красивъ: подъ ногами раскидывается панорама нижняго города, а далѣе стелется необозримая площадь воды (при весеннемъ разливѣ) и широкая, величественная лента Иртыша. Самый памятникъ не представляетъ ничего особеннаго. Это мраморный обелискъ екатеринбургской работы, довольно значительныхъ размѣровъ, но не выражающій собою ни художественнаго вкуса, ни идеи. Въ такомъ родѣ зачастую можно встрѣтить на провинціальныхъ кладбищахъ могильные памятники,—разница только въ размѣрахъ, но не въ формѣ. Можетъ быть и это правильнѣе считать могильнымъ монументомъ въ память исчезнувшаго величія Тобольска. Вмѣсто имени Ермака здѣсь слѣдовало бы написать: „sic transit gloria mundi!"

Мысъ, на которомъ стоитъ памятникъ, довольно узокъ. По одну его сторону лежитъ вышеупомянутая выемка прямскаго въѣзда, по другую—глубокій оврагъ, вродѣ ущелья, по дну котораго течетъ скудная рѣченка Курдюмка. За этимъ оврагомъ такой же вышины другой мысъ, называемый Паней бугоръ. Онъ совершенно пустой, обнаженный, какъ голый черепъ, съ крайне крутымъ подъемомъ. Названіе свое онъ получилъ, говорятъ, отъ того, что здѣсь когда-то существовало католическое кладбище. Слѣдуетъ замѣтить, что прозвище этого бугра существовало уже въ концѣ VII вѣка, какъ это обозначено на планѣ Тобольска того времени. Въ имѣющемся у меня точномъ снимкѣ съ этого плана (1698 года) бугоръ носитъ имя Банина и на немъ отмѣчена стоящая часовня.

Второю примѣчательностью Тобольска считается ссыльный углицкій колоколъ. Этотъ колоколъ, 19½ пуд. вѣсу, въ настоящее время виситъ на особой деревянной колоколенкѣ (4 столба, покрытые навѣсомъ съ помостомъ), близъ архіерейскаго дома, въ Кремлѣ. Вниманіе проѣзжающихъ привлекается къ нему надписью, вырѣзанною въ концѣ прошлаго столѣтія по приказанію тобольскаго архіепископа Варлаама. Надпись эта слѣдующая: „Сей колоколъ, въ который били въ набатъ

при убіеніи царевича Димитрія, въ 1593 г. присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что на торгу, и потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитный". Воспроизведенная здѣсь исторія колокола, очевидно, передается по преданію, а не на основаніи какихъ-либо документовъ. Преданіе же, по моему мнѣнію, здѣсь не вполнѣ согласно съ исторіей. Извѣстно, что Тобольскій острогъ (деревянная крѣпость) былъ основанъ Чулковымъ въ 1587 году. Трудно предположить, чтобы спустя 4 года послѣ этого (убіеніе царевича Димитрія, 15 мая 1591 г.), у Годунова явилась мысль о такой необыкновенной ссылкѣ въ только-что возникавшій городъ. Правдоподобнѣе было бы предполагать, что это былъ не ссыльный колоколъ, наказанный кнутомъ съ отсѣченіемъ одного уха, а одинъ изъ тѣхъ царственныхъ вкладовъ, которые нерѣдко благочестивые цари посылали въ отдаленные города и инородческія земли, гдѣ предполагалось водворить христіанство. Можетъ быть, это, дѣйствительно, былъ первый колоколъ, присланный въ новосозданную деревянную крѣпость. Въ 1643 г. Тобольскій острогъ постройки Чулкова весь выгорѣлъ. Пожары повторялись и послѣ того много разъ. Можетъ быть, при одномъ изъ нихъ колоколъ упалъ и отбилъ себѣ ухо, что̀ и послужило поводомъ для легенды. Если бы это была не позднѣйшая легенда, а дѣйствительное событіе, то оно, по своей необычайности, было бы занесено въ Сибирскія лѣтописи, тѣмъ болѣе, что онѣ составлялись по самымъ свѣжимъ воспоминаніямъ тутъ же, въ Тобольскѣ, и при участіи такихъ лицъ, какъ архіепископъ Кипріанъ (1624) и Савва Есиповъ. Страленбергъ, Спафарій и другіе просвѣщенные писатели, жившіе въ Тобольскѣ, или проѣзжавшіе черезъ него, также о ссыльномъ колоколѣ не упоминаютъ. О немъ особенно стали трубить послѣ того, какъ сдѣлана была вышеупомянутая надпись. Почему-то она пришлась по вкусу тоболякамъ, что они точно гордятся этимъ сомнительнымъ событіемъ. Каждаго туриста непремѣнно везутъ показать эту диковинку. Корнаухій колоколъ изображаютъ на разныхъ издѣліяхъ и на фотографіяхъ, о немъ трактуютъ во всякой книжкѣ, гдѣ только говорится о Тобольскѣ. На меня все это производитъ грустное впечатлѣніе. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ древней столицѣ Сибири нѣтъ болѣе симпатичныхъ воспоминаній, какъ кнутъ, ссылка, рваная ноздря и висѣлица. Неужели это должно служить эмблемою сибирскаго царства и радовать насъ, что даже звукъ перваго благовѣста въ первомъ сибирскомъ храмѣ раздавался не изъ освященнаго колокола, а изъ отверженнаго, наказаннаго и сосланнаго на заточеніе. При такомъ жалкомъ пессимизмѣ можно дѣйствительно подумать, что Сибирь проклятая страна, съ первыхъ дней осужденная для ссылки

и каторги, что въ ней нѣтъ ни свѣтлаго прошлаго, ни отраднаго будущаго.

Раздавшійся съ парохода первый свистокъ заставилъ насъ прекратить дальнѣйшій осмотръ кремля и соборовъ, и поторопиться къ пристани. Черезъ $^{1}/_{4}$ часа мы были уже на пароходѣ, а вскорѣ затѣмъ сняли сходни, зашумѣли колеса, и мы двинулись въ дальнѣйшій путь. Оставляя городъ, въ первый разъ мною осмотрѣнный, но давно знакомый по историческимъ описаніямъ, я вышелъ на верхнюю палубу, чтобы еще разъ полюбоваться на красивую панораму Тобольска. Издали особенно хороша его верхняя часть, съ бѣлыми стѣнами кремля, соборами и правительственными зданіями, точно уходящими въ небо надъ высокимъ обрывистымъ берегомъ рѣки. И думалось мнѣ: когда въ первый разъ выходила Ермакова дружина изъ Тобола въ Иртышъ противъ этихъ самыхъ кручъ, не вспоминались ли кому-нибудь изъ нихъ слова начальной лѣтописи преподобнаго Нестора, вложенныя въ уста апостолу Андрею:—„видите ли горы сіи, на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія“! Идея этой благодати должна была воодушевить на подвигъ. Разбойникъ, внѣ закона, явился орудіемъ Промысла, указавшаго Россіи предѣльный ростъ ея могучаго организма, отъ западнаго моря до восточнаго. Какъ прежде, на берегахъ Днѣпра, на пути изъ Варягъ въ Греки, св. Софія приняла подъ свое покровительство южные предѣлы славянства, такъ и здѣсь, на берегахъ Иртыша, тоже св. Софія указывала невѣдомый путь въ полунощныя страны и въ области восходящаго солнца. На высотахъ Тобольска впервые было водружено ея святое знамя и отсюда свѣтъ христіанства долженъ былъ разливаться по далекой сѣверо-восточной Азіи [1]).

Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ Тобольскъ, дѣйствительно, былъ „матерью городовъ сибирскихъ“, столицей сибирскаго царства. Отсюда началась сибирская исторія, ознаменовавшая себя не ссылкой и каторгой, а рядомъ изумительныхъ подвиговъ первыхъ піонеровъ русской народной силы, прорѣзавшихъ на утлыхъ ладьяхъ необозримыя пространства невиданныхъ земель, до устья Амура и до Камчатки включительно. Эти подвиги почти равносильны открытію Америки и доставили одной Россіи не меньшій запасъ территоріи, какой далъ Колумбъ всей Европѣ. Значеніе Сибири въ этомъ отно-

[1]) Первый каменный храмъ въ Тобольскѣ (и во всей Сибири) былъ построенъ митрополитомъ Павломъ въ 1683 г., освященъ во имя Софіи премудрости Божіей въ 1686 г. Это нынѣшній Софійскій соборъ. До него всѣ церкви были деревянныя, уничтоженныя впослѣдствіи пожарами. Первая деревянная церковь въ Тобольскомъ острогѣ была освящена во имя Всемилостивѣйшаго Спаса.

шеніи далеко еще не оцѣнено по достоинству. Только будущія наши поколѣнія поймутъ, какую услугу оказали Ермакъ и его послѣдователи русскому народу, обезпечивъ ему просторъ разселенія на много столѣтій впередъ и инстинктивно указавъ, что будущія историческія задачи Россіи должны быть связаны не съ классическимъ западомъ, а съ далекимъ востокомъ. Китай, Японія и Америка — вотъ наши взаимодѣйствующіе сосѣди. Центръ всемірной исторіи будущихъ столѣтій (можетъ быть скорѣе, чѣмъ намъ теперь кажется) долженъ перемѣститься съ европейскихъ морей на восточныя прибрежья Тихаго океана. При посредствѣ Сибири Россія, какъ ближайшая сосѣдка Китая и Японіи, должна занять въ отношеніи этихъ странъ то же руководящее положеніе, какому она подчиняется нынѣ въ отношеніи къ Западной Европѣ, а съ Америкой, черезъ Берингов проливъ, она должна вступить въ культурное общеніе, какъ равная съ равнымъ. Все это дѣло будущаго, но будущаго возможнаго. Для приближенія его Сибири нужно осуществить три грандіозныя задачи: 1) населить ея пустыри трудолюбивымъ народомъ изъ добровольныхъ переселенцевъ, 2) провести отъ Волги до Амура желѣзную дорогу и благоустроить водные пути сообщенія и 3) дать Сибири собственные центры просвѣщенія. Все это рано или поздно должно осуществиться. Хорошо, если бы это совершилось не поздно!

Замечтавшись о судьбахъ Сибири при прощальномъ взглядѣ на Тобольскъ, я невольно переношу свои мысли опять на этотъ обиженный городъ, золотыя маковки котораго все еще видны съ верхней палубы уходящаго парохода. Падающій городъ, все равно какъ заглохшій садъ или покосившійся домъ, какъ все, носящее признаки запустѣнія и приближающейся смерти, производитъ грустное впечатлѣніе. Когда переживаетъ свою славу человѣкъ, или мельчаетъ и вырождается нѣкогда знаменитый родъ, этому можно найти оправданіе въ ограниченности человѣческихъ силъ. Но когда медленной смертью умираетъ нѣкогда знаменитый городъ, дни котораго не ограничены, какъ дни человѣческой жизни, это служитъ признакомъ либо упадка народнаго духа, либо доказательствомъ исторической ошибки въ выборѣ пункта для основанія такихъ центральныхъ мѣстъ. Въ отношеніи къ Тобольску могла имѣть мѣсто и та и другая причина, но при всемъ томъ я думаю, что невзгода, нынѣ постигшая этотъ захудалый городъ, есть только временная. Правда, онъ не можетъ вернуть себѣ прежняго значенія столицы всей Сибири, но можетъ снова сдѣлаться богатымъ и многолюднымъ, торговымъ и промышленнымъ городомъ. Въ немъ существуетъ для этого достаточно благопріятствующихъ условій: 1) многоводная рѣка Иртышъ, связывающая Тобольскъ съ далекимъ югомъ и крайнимъ сѣверомъ. Только изъ

Тобольска, а никакъ не изъ Тюмени, можетъ современемъ развиться въ широкихъ размѣрахъ пароходство по рѣкамъ Западной Сибири. Здѣсь долженъ быть исходный пунктъ этого движенія и центръ судостроенія, а не на безводной Турѣ. Поэтому, 2) можно ожидать, что въ непродолжительномъ времени Тобольскъ будетъ непосредственно связанъ съ Уральскою желѣзною дорогою, изъ Тагила, или Кушвы, черезъ Ирбитъ, либо Туринскъ. Эта линія, соединяя кратчайшимъ путемъ Иртышъ съ Камою, сразу подняла бы Тобольскъ до степени первоклассна̀го сибирскаго города. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, естественно, взялъ бы въ свои руки всѣ сѣверные и морскіе промыслы, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы дать не только Тобольску, но и всей Россіи громадныя богатства. 3) Въ случаѣ осуществленія сѣвернаго морскаго пути, о которомъ теперь такъ хлопочутъ М. К. Сидоровъ и А. М. Сибиряковъ, не жалѣя личныхъ средствъ, наибольшая выгода отъ этого открытія досталась бы на долю Тобольска. Считать же этотъ проектъ неосуществимымъ, мнѣ кажется, нѣтъ основанія. Если не черезъ Обскую губу и Карское море, то черезъ Березо̀вскую Сосву и Печору, хотя бы при посредствѣ конножелѣзной дороги на короткомъ уральскомъ перевалѣ, все же можно дать удобный выходъ съ Иртыша и Оби въ свободный Сѣверный океанъ. Все это дѣло близкаго будущаго.

При болѣе счастливыхъ временахъ и самъ Тобольскъ выработалъ бы въ себѣ болѣе благопріятныя условія жизни. Теперь его упрекаютъ въ томъ, что въ нагорной части онъ страдаетъ отъ недостатка воды, а въ подгорной отъ ея избытка. Но это дѣло легко поправимо: водопроводъ на горѣ, канализація и набережная въ нижней части,— вотъ и все, что ему нужно. По условіямъ мѣстоположенія это былъ бы второй Нижній-Новгородъ. Да, все это было бы возможно, если бы побольше ума, прозорливости и энергіи, еслибъ въ самомъ русскомъ человѣкѣ было поменьше пессимизма, духа вражды, противорѣчія и подчасъ какого-то непонятнаго злорадства при видѣ развѣнчанныхъ кумировъ.

Кромѣ воспоминаній о сибирской исторіи, Тобольскъ доставилъ мнѣ и другое удовольствіе: спустившись въ рубку, я узналъ, что значительная часть пассажировъ перваго класса сошла въ этомъ городѣ. Это обстоятельство имѣло не маловажное значеніе для тѣхъ, кто обреченъ былъ еще цѣлую недѣлю оставаться въ тѣсномъ пространствѣ пароходныхъ каютъ, или въ незнакомой толпѣ разнохарактерныхъ и не всегда пріятныхъ спутниковъ. Сошли большею частію купцы, вѣроятно, тюменскіе, либо тобольскіе обыватели. Въ общей каютѣ и рубкѣ сдѣлалось гораздо свободнѣе, а два отдѣльныхъ номера оказались совершенно пустыми, куда я и перебрался съ своимъ багажемъ

и письменными принадлежностями, зная, что до самаго Томска въ этихъ пустынныхъ краяхъ новыхъ пассажировъ ожидать нельзя. Это значительно облегчило дальнѣйшее путешествіе и сдѣлало его тѣмъ болѣе пріятнымъ, что въ числѣ оставшихся оказались большею частію люди интеллигентные, съ которыми мы и не замедлили познакомиться, составивъ впослѣдствіи тѣсный, почти неразлучный кружокъ. Въ числѣ ихъ находились: уже ранѣе извѣстный намъ Н. Г. Пермикинъ и двое молодыхъ людей, недавно окончившихъ курсъ въ Александровскомъ лицеѣ, графъ Стенбокъ и Колосовскій, рѣшившіеся предпринять кругосвѣтное путешествіе черезъ Сибирь. Пермикинъ, какъ горный инженеръ, владѣлецъ Абаканскаго желѣзодѣлательнаго завода въ Минусинскомъ краѣ, сибирскій старожилъ, много путешествовавшій по Сибири и много видѣвшій, оказался весьма поучительнымъ собесѣдникомъ. Стенбокъ и Колосовскій, богатые и образованные туристы, ѣдущіе теперь на Амуръ и въ Уссурійскій край, какъ любители сильныхъ ощущеній, также были весьма занимательными членами нашей компаніи. Кромѣ насъ, въ числѣ первоклассныхъ пассажировъ находились три или четыре купеческихъ семейства, занимавшихъ отдѣльныя каюты и рѣдко показывавшихся въ общей рубкѣ, которою мы, въ силу такихъ обстоятельствъ, завладѣли какъ собственною квартирою. По столамъ разложили справочныя и литературныя книги, по стѣнамъ развѣсили имѣвшіяся у насъ въ запасѣ географическія карты—и время пошло незамѣтно, день за днемъ, между разговоромъ и чтеніемъ.

Иртышъ по ширинѣ и красотѣ береговъ напоминаетъ Каму. У Тобольска ширина его до 300 саженъ въ меженную воду; далѣе, къ Демьянску и Самарову онъ увеличивается чуть не вдвое. Глубина рѣки, по разсказамъ нашего капитана, не меньше 3—5 саженъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 10 саженъ. Мелей и перекатовъ не встрѣчается. Дно всюду песчаное, или песчано-глинистое. Подводныхъ камней—ни одного. Также и въ берегахъ не видно ни одного прослойка какой-либо твердой каменистой породы,—одинъ песокъ и глина. Въ этомъ отношеніи плаваніе совершенно безопасно; развѣ карча (обвалившееся въ воду большое дерево) могла бы попасть подъ киль парохода, но по Иртышу и эта случайность безопасна, такъ какъ крупный лѣсъ близко подходитъ къ рѣкѣ только со стороны праваго берега, гдѣ глубина очень велика.

Правый берегъ на всемъ протяженіи высокъ и обрывистъ. Въ иныхъ мѣстахъ онъ представляетъ почти вертикальную стѣну въ 30—50 саженъ вышины, кое-гдѣ прорѣзанную глубокими оврагами. Какъ берегъ, такъ и овраги почти сплошь покрыты хвойнымъ лѣсомъ, большею частью сосной, пихтой и елью. Лѣвый берегъ, напро-

тивъ того, вездѣ низкій, отлогій, поросъ молодымъ тальникомъ въ видѣ островковъ. Въ полую воду онъ на большомъ пространствѣ заливается. Впрочемъ, и здѣсь нерѣдки мѣста болѣе возвышенныя, которыя вода не покрываетъ, пригодныя для большихъ поселеній. Большею частью Иртышъ течетъ однимъ русломъ, не дробясь на рукава и притоки и не образуя многочисленныхъ острововъ. Это придаетъ ему больше красоты и величія. Направленіе его также рѣдко дѣлаетъ большія отклоненія, или излучины. Все это даетъ Иртышу превосходныя навигаціонныя качества. По простору и обилію воды, здѣсь могли бы плавать огромные пароходы американскаго типа, если бы исходнымъ пунктомъ ихъ былъ Тобольскъ, а не Тюмень съ крайне извилистою и мелководною Турою. Благодаря этой послѣдней приходится сильно уменьшать размѣры судовъ сибирской флотиліи и не пользоваться въ полной мѣрѣ прекрасными качествами главныхъ сибирскихъ рѣкъ—Иртыша и Оби.

Сибирскія рѣки часто упрекаютъ въ томъ, что онѣ ведутъ въ страну полярныхъ льдовъ и мертвой природы и не даютъ свободнаго выхода въ океанъ. Въ извѣстной степени это дѣйствительно умаляетъ ихъ значеніе для внѣшней міровой торговли, но какъ пути внутренняго сообщенія онѣ имѣютъ громадную цѣну. Прорѣзая всю Сибирь съ юга на сѣверъ, отъ Алтайскихъ горъ и предѣловъ Китая до Ледовитаго океана, онѣ могутъ служить такую же службу для Сибири, какъ Кама и Волга для Европейской Россіи. Тѣ же бѣляны съ громаднымъ количествомъ лѣсныхъ матеріаловъ, которыя спускаются съ верхнихъ камскихъ пристаней къ Саратову, Царицыну и Астрахани, тѣ же милліоны пудовъ соли и рыбы, которые идутъ съ низовья Волги къ Нижнему, тотъ же хлѣбъ и вообще все хозяйственное сырье, которое даетъ работу сотнямъ пароходовъ на Волжскомъ бассейнѣ, можетъ со временемъ дать не меньшую работу сибирскому пароходству. И тамъ и здѣсь югъ и сѣверъ имѣютъ одинаковое свойство, одинаково нуждаются въ обмѣнѣ продуктовъ. Морскіе промыслы сѣверныхъ морей не могутъ быть бѣднѣе рыболовства Каспійскаго моря, тоже замкнутаго. Кавказъ и Персія, дающіе большіе грузы Волгѣ, въ примѣненіи къ Иртышу и Оби уравновѣшиваются до извѣстной степени торговлей съ западнымъ Китаемъ и Монголіей. Все это ставитъ сибирскія рѣки въ одинаковыя условія съ великорусскими, а между тѣмъ первыя пустынны и мертвы, послѣднія же кишатъ жизнью, богатствомъ и движеніемъ. Причина этому не въ природѣ страны, а въ ея малонаселенности и заброшенности. Дайте Сибири, вмѣсто нынѣшнихъ пяти милліоновъ, пятьдесятъ милліоновъ трудолюбиваго населенія, дайте ей, какъ и остальной Россіи, новые порядки, новые суды и такія же средства низшаго и

высшаго образованія, тогда явятся и промышленные центры и цвѣтущіе города. Обь и Иртышъ, какъ Кама и Волга, покроются сотнями пароходовъ, и не такихъ убогихъ посудинъ, какъ нашъ нынѣшній „Рейтернъ". Сѣверныя области Тобольской и Томской губерній, считающіяся нынѣ мало пригодными для осѣдлаго заселенія и предоставленныя пока бродячимъ остякамъ и самоѣдамъ, густо покроются промышленными русскими селами, и все будетъ жить и благословлять Бога за широкое приволье даже въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ нынѣ нѣтъ ни человѣческой души, ни человѣческихъ путей сообщенія. Скептики назовутъ эти мечты блаженною иллюзіей. Они скажутъ: этого можно ожидать развѣ черезъ 1000 лѣтъ, когда измѣнятся не только люди, но и климатъ Сибири. Нѣтъ, отвѣчу я: не черезъ 1000 лѣтъ, а спустя четверть вѣка, много—полстолѣтіе, мы не узнаемъ ни Россіи, ни Сибири, если только сами не подорвемъ своихъ силъ безплодными распрями и не заморимъ народной энергіи, съ одной стороны, на чиновномъ формализмѣ—съ другой, на безплодной и безсмысленной оппозиціи, въ родѣ нынѣшняго нигилизма и анархизма.

Въ жизни народовъ столѣтіе не малый срокъ. Въ такой періодъ творятся чудеса, выростаютъ государства. Сравните Россію Екатерины II и Александра II, Францію Людовика XVI и нынѣшнюю Францію: какая колоссальная разница въ народной жизни, въ государственномъ строѣ, въ просвѣщеніи и богатствѣ. Почему же не ожидать намъ отъ будущаго столѣтія того же культурнаго прогресса? Я смѣло ожидаю его, и для Россіи тѣмъ болѣе, такъ какъ она вступила нынѣ въ періодъ нормальнаго юношескаго возраста, когда физіологическіе процессы въ ея колоссальномъ организмѣ совершаются быстрѣе и замѣтнѣе. Будущее столѣтіе, по очереди, должно быть русскимъ столѣтіемъ, подобно тому, какъ XVIII вѣкъ принадлежалъ Франціи, а XIX—Германіи. Всему свое время и своя доля, если только мы не мертвые люди.

Жизнь государствъ и народовъ представляетъ собою такой же правильный органическій процессъ, какъ и всякая индивидуальная жизнь. Она слагается изъ двухъ факторовъ: изъ запаса внутреннихъ силъ и изъ физическихъ, географическихъ и экономическихъ условій окружающей среды. Слабая отъ природы или испорченная культурою раса вянетъ даже на самой благодатной почвѣ; равнымъ образомъ и сильная народность можетъ заглохнуть отъ недостатка физическаго простора. Примѣромъ перваго рода могутъ служить народы древняго классическаго міра и нѣкоторыя современныя намъ государства (Китай, Персія, Италія, Испанія); примѣромъ втораго—нынѣшнія мелкія государства Европы (Швеція, Данія, Голландія, Бельгія), потерявшія свой политическій вѣсъ вслѣдствіе географической тѣсноты. Они,

какъ ножки китаянокъ, съ дѣтства затянутыя въ узкую обувь, не доросли до нормальнаго роста, хотя и не утратили своей внутренней красоты и силы. Въ подобномъ же невыгодномъ географическомъ положеніи можетъ оказаться и вся германская раса, сдѣлавшая неудачный выборъ границъ для своихъ поселеній при первоначальномъ водвореніи въ Европѣ. Вмѣсто того, чтобы опереться на моря, или горные хребты, она волею или неволею заняла открытыя пространства между Рейномъ и Эльбою и этимъ самымъ поставила свой историческій ростъ въ вѣчную зависимость отъ силы и противодѣйствія сосѣднихъ племенъ (съ одной стороны галловъ, съ другой—славянъ). Было время, когда эти тиски давали трещины, живая стѣна подавалась подъ напоромъ разроставшейся Германіи; но это далеко не обезпечило ей желаннаго простора. Drang nach Osten до сихъ поръ осталось завѣтною нѣмецкою мечтой, вытекающею изъ жизненной необходимости, но для осуществленія такой мечты уже упущено время. Ни Франція, ни славянство даромъ не уступятъ своихъ земель равносильному сосѣду. Остается искать простора за океаномъ, въ Америкѣ и Африкѣ, чтó равносильно дробленію и распаденію государства, какъ политической силы.

Такія мысли невольно приходятъ въ голову при видѣ необозримаго простора и пустоты сибирскихъ земель. Это кладъ, данный Россіи самою судьбою. Народный инстинктъ понялъ важность этого пріобрѣтенія триста лѣтъ тому назадъ, когда въ немъ не чувствовалось еще никакой надобности. Только теперь мы можемъ оцѣнить заботливую предусмотрительность нашихъ предковъ, когда небольшое Московское княжество разрослось почти во сто милліонное государство. Теперь почувствовали, что своевременное розысканіе „новыхъ землицъ“ даетъ намъ возможность рости и крѣпнуть въ своихъ предѣлахъ, вмѣсто того, чтобы выселяться въ другія части свѣта, за океанъ, какъ это вынуждены дѣлать остальныя европейскія народности.

Глядя на массы переселенцевъ, наполняющихъ палубу нашего парохода, я живо представляю себѣ, какіе результаты дастъ это народное движеніе. Несмотря на неустройство путей, на экономическія трудности и даже на прямые запреты переселенія, оно продолжается уже нѣсколько лѣтъ, и по сибирскимъ рѣкамъ, и прямо степью въ Акмолинскую область. Говорятъ, не меньше десяти тысячъ человѣкъ переселяется ежегодно въ этомъ направленіи. Что же будетъ, когда Западная Сибирь прорѣжется желѣзною дорогою, примѣрно, отъ Самары на Уфу, Челябинскъ и Омскъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тогда размѣры переселенія будутъ быстро возрастать, и не пройдетъ половины столѣтія, какъ Киргизскія степи будутъ покрыты селами, а

сѣверная тайга по берегамъ нынѣ пустынныхъ рѣкъ закипитъ промышленностью. Напрасно стращаютъ насъ, что переселеніе отнимаетъ рабочія руки изъ центральной Россіи. Это могутъ говорить только эгоисты помѣщики, да недальновидные администраторы, старающіеся всѣми мѣрами тормозить переселеніе. Нужно бояться не оскудѣнія рабочихъ рукъ, а чрезмѣрнаго ихъ избытка и связаннаго съ этимъ пролетаріата, порождающаго не мечтательный соціализмъ, которымъ заняты наши интеллигентные пролетаріи, а настоящій рабочій вопросъ, котораго, слава Богу, у насъ еще нѣтъ. Грозный въ Европѣ, онъ у насъ уравновѣшивается именно переселеніями, какъ предохранительнымъ клананомъ, и долго еще будетъ уравновѣшиваться, несмотря на то, что приростъ русскаго населенія нисколько не меньше, чѣмъ въ остальной Европѣ.

Однако, тайга Иртышскихъ береговъ слишкомъ далеко увлекла мои мысли. Ничто такъ не располагаетъ къ мечтательному бреду, какъ путешествіе на пароходѣ но громаднымъ сибирскимъ рѣкамъ. Плавное движеніе, однообразный шумъ колесъ при окружающей тишинѣ, безконечная даль горизонта и пустыня кругомъ. Глазъ невольно ищетъ точки впереди, на которой можно было бы сосредоточить вниманіе. Однообразная природа не даетъ такой точки. Тотъ же хвойный лѣсъ по отвѣсной стѣнѣ праваго берега, та же широкая, безконечная лента воды. Рѣдко, рѣдко покажется дымокъ на далекомъ горизонтѣ. Воображеніе цѣпляется за него, желая угадать, не встрѣчный ли это пароходъ, или деревенька, скрытая въ дальней лощинѣ, или просто костеръ, разведенный на берегу какимъ-нибудь таежнымъ промышленникомъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ глуше и пустыннѣе. До Демьянска (250 верстъ отъ Тобольска), гдѣ былъ первый привалъ къ берегу для нагрузки дровъ, кое-гдѣ еще была видна жизнь: то маленькая деревенька, то изгородь, то вспаханный клочекъ земли, бродячій скотъ, либо лодка съ рыболовами, а дальше Демьянска—почти полное безлюдье, вплоть до устья Иртыша. При видѣ такихъ колоссальныхъ пустырей и при такомъ монотонномъ плаваніи, путникъ, привыкшій къ мышленію, невольно сосредоточивается на отвлеченныхъ представленіяхъ. Вмѣсто наблюденія дѣйствительной окружающей жизни, онъ вспоминаетъ исторію и мечтаетъ о будущемъ.

На всемъ протяженіи Иртыша самый красивый и грандіозный видъ представляетъ, при его устьѣ Самаровскій мысъ. Слившіяся воды двухъ могучихъ рѣкъ здѣсь образуютъ настоящее море. Узкимъ полуостровомъ выдается въ него высокая гора, покрытая, какъ зеленою коническою шапкою, густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Это и есть Самаровскій мысъ, который, постепенно понижаясь къ материку,

переходитъ въ отлогій скатъ, занятый большимъ и богатымъ селомъ Самаровымъ. По преданію, занесенному въ сибирскую лѣтопись, здѣсь было укрѣпленное становище остяцкаго князя, по имени Самара, отъ котораго и гора получила будто бы свое названіе. Вѣрно это, или нѣтъ, названіе во всякомъ случаѣ любопытное по сравненію съ русскими (скиѳскими) Самарами. Географическое положеніе Самаровской горы, господствующей надъ двумя величайшими рѣками Западной Сибири, должно было обращать на нее вниманіе во всѣ историческія и доисторическія времена. При отсутствіи сухопутныхъ дорогъ, въ мѣстностяхъ, покрытыхъ глухою тайгою или болотами, рѣки, какъ и до сихъ поръ на сѣверѣ Сибири, служили и служатъ единственными путями сообщенія. Кто владѣлъ рѣками, тотъ владѣлъ всею страной. Поэтому рѣчное судоходство и, по мѣстамъ, береговыя укрѣпленія на важнѣйшихъ пунктахъ въ старину замѣняли и нынѣшній броненосный флотъ, и стратегическія желѣзныя дороги съ крѣпостями. Той же системы придерживались и казаки Ермаковой дружины и ихъ послѣдователи, покоряя страну по теченію рѣкъ и намѣчая пункты береговой обороны. По Иртышу такихъ пунктовъ было ими основано три: Тобольскъ, Демьянскъ и Самарово. Они и до сихъ поръ составляютъ главнѣйшія населенныя мѣста этой области.

Пароходы К° Курбатова пристаютъ почти у самаго Самаровскаго мыса, въ разстояніи около двухъ верстъ отъ села. На нижней террасѣ берега построено нѣсколько деревянныхъ клѣтушекъ для склада провизіи и товаровъ. Далѣе поднимается береговая круча, поросшая кедрами и пихтами. У пристани настоящій базаръ. Торгуютъ преимущественно самаровскія бабы съѣстными припасами и кедровыми орѣхами. По одеждѣ и лицамъ торговокъ и по выставленнымъ продуктамъ видно, что народъ живетъ въ полномъ довольствѣ и привольѣ. То же подтверждаютъ и сельскія постройки. Много домовъ такъ называемыхъ пятистѣнныхъ, съ крашеными тесовыми крышами. Есть даже крытые желѣзомъ. Красивая церковь и хорошій собственный домъ для сельскаго училища. По ту и другую сторону села большое пространство по косогору занято огородами и загонами для скота. Овощи растутъ здѣсь очень хорошо, особенно картофель, морковь, рѣпа и капуста. Кажется, были попытки и къ хлѣбопашеству (ячмень и овесъ). Молочнаго скота очень много; достаточно и лошадей, хотя потребность въ нихъ здѣсь довольно ограничена по причинѣ отсутствія сухопутныхъ дорогъ. Лѣтомъ всѣ мѣстныя передвиженія совершаются исключительно въ лодкахъ, по рѣкѣ. Главные промыслы жителей состоятъ въ рыболовствѣ, охотѣ на пушнаго звѣря и въ сборѣ кедровыхъ орѣховъ.

Цвѣтущее состояніе села Самарова служитъ явнымъ доказатель-

ствомъ того, что суровый сѣверный климатъ этихъ широтъ не можетъ препятствовать водворенію здѣсь осѣдлыхъ русскихъ поселеній въ широкихъ размѣрахъ. Слишкомъ слабое населеніе этихъ странъ въ настоящее время обусловливается не тѣмъ, что онѣ непригодны для жизни, а избыткомъ простора на югѣ. Колонисты-землепашцы естественно тяготѣютъ къ черноземной полосѣ. Туда влечетъ переселенцевъ и привычка къ хлѣбопашеству, и любовь къ степному простору. Не менѣе прибыльные сѣверные промыслы требуютъ другихъ привычекъ и другой сноровки. Колонисту изъ Курской или Полтавской губерніи трудно освоиться съ глухой тайгой и бездорожьемъ, плугъ замѣнить рыболовною снастью или охотничьей винтовкой, телѣгу—лодкой. Поэтому онъ равнодушно минуетъ эти, на его взглядъ, непривѣтливыя страны и тянетъ на югъ. Но дойдетъ очередь и до сѣвера. Когда переполнится югъ, а надвигающаяся культурная волна расчиститъ глухую тайгу и прорѣжетъ ее колесными дорогами, когда морскіе, рѣчные и лѣсные промыслы потребуютъ десятки тысячъ рабочихъ рукъ, тогда будутъ дорожить и сѣверной природой. Не одинъ милліонъ жителей она можетъ пропитать, одѣть и обогатить. Во всякомъ случаѣ этотъ запасъ необъятной территоріи будетъ гораздо полезнѣе для будущности единой и нераздѣльной Россіи, чѣмъ какія-либо африканскія или австралійскія колоніи, куда такъ неудержимо переливается переполненная Европа.

Такъ какъ нашъ пароходъ долженъ стоять у пристани больше двухъ часовъ, а погода была сухая и ясная, то мы воспользовались случаемъ подняться на самую вершину Самаровскаго мыса. Подъемъ хотя и очень крутъ, но довольно удобенъ по проложенной тропинкѣ (со стороны оврага и протекающаго по нему ручья). Поднявшись, мы не нашли тамъ никакихъ историческихъ или доисторическихъ слѣдовъ. Гора оканчивается довольно ровной площадкой въ сотню квадратныхъ саженъ, посрединѣ которой вырыта свѣжая коническая яма, сажени полторы или двѣ глубиной. Это самаровскіе крестьяне-археологи, отъ нечего дѣлать, искали здѣсь воображаемый кладъ, будто бы зарытый княземъ Самаромъ при осадѣ его укрѣпленія казаками Ермаковой дружины. Клада, конечно, никакого не оказалось. По разрѣзу вырытой траншеи мы убѣдились, что почва на вершинѣ горы—чистый, мелкій песокъ, вѣроятно, нанесенный сюда съ окрестныхъ дюнъ вѣтрами. Сверху песокъ покрытъ, какъ мягкимъ ковромъ, толстымъ слоемъ опавшей хвои. Никакихъ культурныхъ остатковъ, въ родѣ углей, черепковъ, или костей животныхъ, на этомъ пунктѣ мы не замѣтили.

Если бы площадка не заросла лѣсомъ, то видъ съ нея долженъ бы быть восхитительный. И теперь, впрочемъ, можно найти нѣ-

сколько пунктовъ, спустившись къ откосу, откуда, въ прогалинахъ между деревьями, можно обозрѣвать безграничную полосу воды двухъ величайшихъ рѣкъ Западной Сибири. Отъ Самарова до праваго высокаго берега Оби, или такъ называемаго Бѣлогорья, считаютъ 23 версты. Все это низменное пространство рѣчной долины весной сплошь покрывается разливомъ. И теперь, въ концѣ мая, оно представляло необъятную массу воды, изъ которой по мѣстамъ выдѣлялись небольшіе островки, покрытые молодымъ тальникомъ. Какая грандіозная картина должна представляться отсюда во время весенняго ледохода; какая гигантская разрушительная сила должна развиваться здѣсь при столкновеніи льдовъ обскаго и иртышскаго теченія!

Возвратившись къ пристани тѣмъ же путемъ, мы увидѣли, что пароходъ собирался уже отчаливать. Носка дровъ окончена. Торговки распродали почти всѣ свои незатѣйливые товары и съ пустыми ведрами и плетушками возвращаются въ деревню. Пароходная прислуга торопитъ переселенцевъ, расположившихся на берегу, снимать съ огня свои котелки и кончать кулинарную стряпню. По второму свистку всѣ торопливо бѣгутъ на пароходъ. Большинство пассажировъ всѣхъ классовъ запаслись кедровыми орѣхами и щелкаютъ ихъ безъ устали. Кто-то изъ нашихъ спутниковъ, повидимому, купеческій приказчикъ, или промышленникъ средней руки, суетится на берегу съ переноской своихъ пожитковъ въ почтовую лодку. По справкамъ оказалось, что онъ отсюда отправляется въ низовья Оби, кажется, въ Березовъ или Обдорскъ.

Почтовыя обскія лодки или каюки я увидѣлъ здѣсь въ первый разъ. Это нѣчто напоминающее венеціанскую гондолу съ крытымъ тесовымъ теремкомъ по срединѣ. Надъ теремкомъ мачта съ флажкомъ и колокольчикомъ. На такихъ лодкахъ совершаютъ свои передвиженія, отъ Самарова или Сургута до Березова и Обдорска, мѣстные чиновники и другіе казенные люди, платя прогоны поверстно, точно по почтовому тракту. Два гребца и рулевой соотвѣтствуютъ парѣ лошадей. Бываютъ лодки и съ четырьмя гребцами, для людей болѣе важныхъ, или богатыхъ. Гребцы смѣняются въ населенныхъ пунктахъ, а лодка можетъ быть проходная. Такимъ же способомъ попадаютъ въ сѣверныя бездорожныя страны и частные путешественники, нанимая гребцовъ по вольнымъ цѣнамъ. И сколько, подумаешь, невзгодъ, трудовъ и лишеній предстоитъ перенести такимъ злосчастнымъ путникамъ во время ихъ многонедѣльнаго плаванія по безлюдной пустынѣ. Мы жалуемся на утомительность почтовой ѣзды по грунтовымъ дорогамъ; жалѣемъ ямщиковъ, плетущихся по зимнимъ ухабамъ, въ морозъ и мятель, съ безконечными обозами, но врядъ ли кто вспоминаетъ тѣ невзгоды, какія выпадаютъ на долю лѣкаря, учителя,

или уѣзднаго чиновника, отправляемаго на службу въ Обдорскій или Березовскій округъ, куда зимой можно попасть только на оленяхъ или собакахъ, а лѣтомъ на почтовыхъ лодкахъ по безлюдной рѣкѣ. Скука и монотонность медленнаго движенія здѣсь уже не принимается въ разсчетъ. Нужно быть готовымъ встрѣтить и холодъ, и ненастье, и сильное волненіе на рѣкѣ, и всякія случайности. Нерѣдкія въ этихъ широтахъ бури часто заставляютъ приставать къ пустынному берегу и пережидать погоду по цѣлымъ суткамъ. Можно вообразить, какую агонію долженъ испытывать такой путешественникъ, плывущій многія сотни верстъ на утлой лодочкѣ по гигантской рѣкѣ, точно затерянный среди пустыни, отрѣзанный необъятными пространствами отъ всего культурнаго міра. Въ другихъ странахъ это считалось бы подвигомъ, а у насъ считается заурядньшъ дѣломъ. За какія-нибудь 200—300 руб. годоваго жалованья, чиновникъ, уѣздный учитель, или священникъ отправляется въ Березовъ, Обдорскъ, Пустозерскъ или Колымскъ съ такимъ же спокойнымъ равнодушіемъ, съ какимъ онъ принялъ бы назначеніе въ любой уѣздный захолустный городокъ. Правда, нерѣдко онъ погружается тамъ въ зимнюю спячку, или спивается среди мертвящаго холода, самоѣдовъ и медвѣдей, но зато онъ и не герой, а заурядный чиновникъ!

Глядя на почтовыя лодки, насильно уносишься воображеніемъ къ Березову и Обдорску. Дождется ли наше поколѣніе того счастливаго времени, когда и въ этихъ широтахъ будутъ совершаться правильные, по меньшей мѣрѣ еженедѣльные, пароходные рейсы, когда крайній сѣверъ будетъ такъ же доступенъ и промышленнику, и чиновнику, и любознательному туристу, какъ нынѣ доступны Тобольскъ или Томскъ. Трудно загадывать, когда это будетъ, но это неизбѣжно должно послѣдовать: сама жизнь къ тому приведетъ помимо нашей воли, или точнѣе нашей апатіи. Могучимъ толчкомъ къ оживленію сѣвера должна послужить необходимость изыскать для Сибири открытый выходъ въ океанъ. Эта давнишняя мечта не однихъ русскихъ людей, но и иностранцевъ, — мечта вполнѣ основательная и осуществимая, но еще не пришло время къ ея выполненію. Время это наступитъ тогда, когда сибирскіе пустыри населятся трудолюбивымъ народомъ, когда производительность страны удесятерится и потребуетъ удобнѣйшихъ путей для дешеваго вывоза продуктовъ за границу, или въ сѣверо-западную область Европейской Россіи. Законъ равновѣсія потребуетъ сбыта и обмѣна произведеній, при чемъ роковымъ образомъ будетъ устроенъ и соотвѣтствующій путь, указываемый самою природою.

При изысканіяхъ сѣвернаго пути мы не должны забывать, что Обская губа и Карское море съ ихъ полярными льдами всегда бу-

дутъ служить помѣхою правильному сѣверному мореходству; но эти препятствія не трудно обойти, устроивъ либо искусственный каналъ отъ Обдорска къ западному выходу Югорскаго шара, или при посредствѣ рѣки Усы на Печору, либо желѣзную дорогу съ Оби на Печору, какъ проектировалъ М. К. Сидоровъ. Планы его мнѣ представляются весьма практичными и осуществимыми. Транзитную линію онъ предполагаетъ начать отъ г. Березова, сначала по Березовской Сосвѣ и Сыгвѣ, рѣкамъ многоводнымъ и вполнѣ судоходнымъ, — потомъ для перевала черезъ Уралъ, предполагается построить желѣзную дорогу на протяженіи 150 верстъ, которая западнымъ концомъ должна примыкать къ печорской пристани Оранецъ, откуда опять по могучей рѣкѣ остается 700 в. до Печорской губы и открытаго моря, гдѣ не бываетъ полярныхъ льдовъ, задерживаемыхъ, какъ плотиной, Новою Землей. Не нужно быть пророкомъ, чтобы вѣрить въ близкую осуществимость подобнаго плана: онъ такъ простъ и доступенъ. Если до сего времени ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи, это объясняется только тѣмъ, что еще не назрѣлъ самый вопросъ, другими словами, что производительность Западной Сибири до сихъ поръ еще слишкомъ мала и Печорскій край слишкомъ пустыненъ. Но оживленіе того и другаго есть дѣло времени, которое и должно наступить въ недалекомъ будущемъ. Обь и Печера — это наша главная сѣверная дверь. Она оживитъ и обогатитъ сѣверныя тундры не только Обскихъ областей, но и всего Печорскаго края. Если бы современемъ также соединить желѣзною дорогою Чердынь или Соликамскъ (на Камѣ) съ Оранцемъ (на Печорѣ), то какой грандіозный водяной путь представлялся бы тогда между югомъ и сѣверомъ, востокомъ и западомъ. При посредствѣ Каспійскаго моря, Волги и Камы произведенія Персіи, Туркестана, можетъ быть даже Индіи, пошли бы въ сѣверную Европу чрезъ Печору и Сѣверный океанъ; произведенія Сибири, Монголіи и Западнаго Китая, при посредствѣ Иртыша, Оби и Сосвы, достигали бы тѣхъ же сѣверныхъ предѣловъ. Эти линіи непрерывныхъ сообщеній опоясывали бы почти половину нашего полушарія и Печорскій портъ со вновь устроенными соединительными линіями желѣзныхъ дорогъ отразился бы на всемірной торговлѣ такимъ же колоссальнымъ переворотомъ, какъ открытый недавно Суэцкій каналъ.

Болѣе дорогой и болѣе грандіозной кажется по настоящему времени мечта о морскомъ каналѣ, соединяющемъ Обь непосредственно съ открытымъ Сѣвернымъ моремъ, западнѣе южнаго и восточнаго моря, но и эту мечту нельзя считать неисполнимой. Съ технической стороны здѣсь нѣтъ непреодолимыхъ трудностей, если только будетъ соотвѣтствовать тому экономическій разсчетъ. А онъ окажется возможнымъ въ томъ лишь случаѣ, когда населеніе Сибири и ея про-

изводительность удвоится или утроится и явится насущная потребность въ крупныхъ международныхъ оборотахъ торговли. Допустимъ, что каналъ будетъ стоить не менѣе сотни милліоновъ, но зато какія широкія перспективы онъ далъ бы сибирской промышленности, какой грандіозный переворотъ онъ произвелъ бы въ торговыхъ сношеніяхъ востока съ западомъ. Минуя Обскую губу и Карское море, этотъ искусственный водный путь открывалъ бы безпрепятственный выходъ въ свободный отъ льдовъ Сѣверный океанъ, оживилъ бы все наше сѣверное прибрежье и былъ бы достойнымъ памятникомъ великой Россіи. Конечно, мы не доживемъ до этого памятника, но наши потомки, черезъ 50—70 лѣтъ, могутъ осуществить его и выполнить наши мечты о будущемъ нынѣшней безлюдной, бездорожной, сонной и убогой Сибири.

Вотъ какія мысли возбудили во мнѣ обскія почтовыя лодки. При настоящемъ положеніи вещей, многимъ это можетъ показаться бредомъ пылкаго воображенія. Можно ли, скажутъ мнѣ, отъ нашихъ сѣверныхъ пустынь и полярныхъ странъ, гдѣ царитъ холодъ и мракъ, ожидать такой жизни, какая свойственна южной природѣ съ ея благодатнымъ климатомъ. Можетъ ли развернуться человѣческій геній тамъ, гдѣ самая природа остается въ полугодовомъ оцѣпенѣніи. Можетъ ли, наконецъ, человѣческій организмъ вынести постоянную борьбу съ постоянною стужею и со скудостію живительныхъ солнечныхъ лучей. На это я отвѣчу, что климатъ крайняго сѣвера во всякомъ случаѣ легче переносится человѣкомъ, нежели знойный климатъ тропиковъ. Первый закаляетъ организмъ и укрѣпляетъ энергію физическихъ и духовныхъ силъ, послѣдній разслабляетъ, изнашиваетъ и разрушаетъ. Это подтверждаетъ намъ исторія древнихъ и новыхъ народовъ. Что же касается до скудости сѣверной природы въ смыслѣ комфорта для цивилизованной жизни, то въ наше время на это не обращаютъ большаго вниманія. Человѣкъ на каждомъ шагу обуздываетъ природу искусствомъ и эту борьбу приспособлены легче вести въ холодныхъ странахъ, чѣмъ въ знойныхъ. Умъ, энергія и капиталъ могутъ сдѣлать изъ Березова, Пустозерска и Колы такіе же удобообитаемые города, какъ и въ остальной сѣверной полосѣ Россіи, если только явятся обильныя средства для ихъ благоустройства.

Раздается третій пронзительный свистокъ, пробудившій меня отъ грезъ о далекомъ сѣверѣ. Всѣ пассажиры были уже на своихъ мѣстахъ. Берегъ опустѣлъ. Убрали сходни и нашъ пароходъ, медленно отчаливая, сталъ огибать Самаровскій мысъ и вступилъ въ еще болѣе широкія обскія воды. Впрочемъ, самое устье Иртыша приходится нынѣ не у Самаровской горы, а на 23 версты ниже. На этомъ пространствѣ Обь отступила къ сѣверо-востоку, оставивъ на своемъ прежнемъ ложѣ

низкую заливную долину. Въ маѣ она сплошь покрыта водой, и только гребни противулежащихъ береговъ—Самарова и Бѣлогорья—даютъ понятіе о прежнихъ рамкахъ этой гигантской рѣки. Въ высокую воду пароходы обыкновенно не доходятъ до устья, а на двѣнадцатой верстѣ сворачиваютъ вправо, направляясь т. н. Невлевской протокой, пересѣкающей низкую береговую долину и впадающей въ Обь около 70 верстъ выше устья Иртыша. Такимъ образомъ, говорятъ, сокращается разстояніе, а главное, — при разливахъ точнѣе опредѣляется фарватеръ и въ свѣжую погоду устраняется сильная качка отъ волненія, разводимаго на слишкомъ большой водной поверхности. Замѣчательно, что упомянутая протока, направляющаяся почти параллельно руслу Оби, течетъ навстрѣчу ей, т.-е. составляетъ рукавъ не Оби, а Иртыша. Вѣрно ли это, не знаю; передаю со словъ капитана нашего парохода.

Вступивъ въ настоящее русло Оби, я былъ пораженъ ея колоссальной шириной. Если бы эта рѣка имѣла крутые берега, подобно Иртышу или Волгѣ, и не дробилась бы на такое множество рукавовъ, она не имѣла бы соперницъ ни на Европейскомъ, ни на Азіатскомъ материкѣ. Но благодаря тому, что она протекаетъ по низкой долинѣ новѣйшихъ аллювіальныхъ осадковъ, а коренные берега ея большею частію такъ удалены отъ нынѣшняго русла, что едва различаются вдали, Обь, особенно весной, почти теряетъ общій характеръ обыкновенной рѣки. Она скорѣе походитъ на цѣпь широкихъ озеръ, перемѣшанныхъ съ безчисленными островами. Острова и берега едва поднимаются надъ зеркаломъ воды, покрытые сплошь молодымъ тальникомъ. Ширина такой долины во многихъ мѣстахъ простирается на 40—50 верстъ и въ высокую весеннюю воду все это пространство сплошь заливается. Это служитъ одною изъ причинъ, почему берега Оби представляются такими безжизненными. Это пустыня въ полномъ смыслѣ слова. Во второй половинѣ лѣта, когда вода спадаетъ и обнажаются прибрежные пески, здѣсь можно еще встрѣтить коегдѣ расположившіяся ватаги рыбопромышленниковъ, либо временныя становища остяковъ, но во время первыхъ пароходныхъ рейсовъ (въ концѣ мая), кромѣ необъятнаго горизонта воды, тальника и отдаленныхъ лѣсныхъ возвышенностей кореннаго берега, взору путешественника ничего не представляется. Даже жутко становится при видѣ такого мертваго пространства, гдѣ на сотни верстъ кругомъ нѣтъ ни дорогъ, ни живой души. Въ какомъ положеніи оказались бы путешественники, если бы случилось какое несчастіе съ одинокимъ пароходомъ? Помочь некому и выбраться некуда, хотя бы на сухую землю. Такія мысли невольно приходятъ въ голову, хотя о несчастьяхъ съ пассажирскими пароходами на Оби до сихъ поръ ни-

чего не было слышно. Тѣмъ не менѣе нельзя считать себя совершенно застрахованнымъ отъ нихъ. Правда, подводныхъ камней здѣсь нѣтъ, но зато очень много карчей, которыя въ состояніи пробить дно судна не хуже любаго камня. Отъ порчи машины, взрыва парового котла, или отъ пожара на пароходѣ также нельзя считать себя гарантированнымъ.

На другой день послѣ выхода изъ Самарова погода измѣнилась къ худшему. Стало гораздо холоднѣе. Выходя на палубу, пришлось надѣвать осеннее пальто, да еще прикрываться пледомъ. Нѣсколько разъ показывались даже хлопья снѣга, а по берегамъ видны были кое-гдѣ еще не растаявшія льдины изъ кучъ, нагроможденныхъ послѣ ледохода. Качка была тоже изрядная, особенно противъ т. н. Ляминъ-Сора [1]). Бѣдные переселенцы еле-еле укрываются отъ непогоды. Ребятишки ихъ начинаютъ болѣть.

Первую остановку по Оби пароходы дѣлаютъ у Сургута (250 в. отъ устья Иртыша), но не вблизи города, а у такъ называемаго Бѣлаго яра. Отсюда до города больше 8 верстъ, и онъ при томъ стоитъ не на самой Оби, а на рѣчкѣ Бардаковкѣ. Бѣлый яръ представляетъ собою возвышенный песчаный берегъ, на которомъ построено двѣ избушки и амбаръ для склада провизіи и товаровъ. Въ этомъ заключаются всѣ сооруженія пристани. По свистку подходящаго парохода потянулись сюда лодки съ сургутскими мѣщанками, разсчитывающими на сбытъ продуктовъ своего хозяйства. Когда положили сходни, нижняя терраса берега была уже оживлена рядами этихъ торговокъ. Товаръ былъ тотъ же, что и въ Самаровѣ—молоко, творогъ, сухія баранки, пшеничный хлѣбъ, сибирскіе шанежки, кедровые орѣхи, живая и вареная рыба и дичь. Пассажиры третьяго класса опять разставили свои котелки и стали варить уху, а мы отправились походить по твердой землѣ. Взобравшись на гору по сыпучему песку, мы тамъ не нашли ничего достопримѣчательнаго. Сухая и открытая площадка занимаетъ пространство не больше половины квадратной версты, а дальше идетъ густой пихтовый лѣсъ на торфяномъ болотѣ. Идти больше некуда. Ближе къ рѣкѣ площадка заставлена полѣнницами дровъ, а далѣе вглубь—пустыя остяцкія землянки, обитаемыя только зимой. По этимъ образчикамъ я въ первый разъ познакомился съ

---

[1]) Такъ называется обширный заливъ, соединяющійся съ Обью, по правую ея сторону, между Самаровомъ и Сургутомъ. Онъ имѣетъ видъ большаго, почти круглаго озера, верстъ 20—30 въ діаметрѣ. Говорятъ, что съ сѣверной стороны въ него впадаетъ рѣка значительной величины, но настолько заваленная карчами (упавшимъ лѣсомъ), что подняться по ней на пароходѣ невозможно. При вѣтрахъ на Ляминъ-Сорѣ разводится сильное волненіе, дающее себя чувствовать и на Оби.

жилищами неприхотливыхъ дѣтей сѣвера. Это нѣчто въ родѣ собачьей конуры, отчасти врытой въ землю. Внутрь землянки ведетъ маленькая дверь, подвѣшенная на петляхъ изъ ивовыхъ прутьевъ. Ни оконъ, ни пола, ни потолка нѣтъ. По краямъ землянки врыты два столбика, на которые положены перекладины, какъ основа для двух-скатной крыши изъ жердей. Поверхъ жердей крыша заметана торфомъ и отчасти поросла травой. Въ крышѣ вставлена деревянная труба противъ глинобитной возвышенной площадки на земляномъ полу, гдѣ раскладывается огонь. Высота внутренняго помѣщенія не больше $2^1/_2$ арш. противъ конька. Такихъ землянокъ мы насчитали шесть штукъ. При двухъ изъ нихъ были еще загородки изъ жердей, вѣроятно для оленей. Зимой все это должно сплошь заноситься сугробами снѣга, и можно себѣ вообразить, каково въ этой темной норѣ коротать шесть суровыхъ мѣсяцевъ при морозѣ въ 30—40° и почти ежедневныхъ буранахъ.

Спустившись на нижнюю террасу берега, къ пароходу, мы встрѣтили здѣсь и счастливыхъ владѣтелей этого унылаго поселенія— десятка два остяковъ, прибывшихъ къ пароходу на своихъ вертлявыхъ челнокахъ (обласкàхъ) для продажи рыбы. Между ними были и женщины и дѣти. Послѣднія въ рваныхъ, до-нельзя грязныхъ, короткихъ рубашонкахъ плескались у прибрежнаго песка. День былъ холодный и пасмурный. Сургутскіе мѣщане были закутаны по-осеннему, а многіе изъ нашихъ переселенцевъ были даже въ овчинныхъ полушубкахъ. Остякамъ же такая погода казалась нипочемъ: вотъ что значитъ привычка къ мѣстнымъ климатическимъ условіямъ!

По окончаніи ледохода группа остяковъ, которую мы теперь видимъ, перекочевала съ Бѣлаго яра на ближайшій островъ. Тамъ, на влажной низкой почвѣ, близъ самой воды, у нихъ поставлены лѣтніе шалаши, покрытые берестомъ. Главное, почти единственное занятіе ихъ здѣсь—рыболовство. Рыбою они питаются и зимою и лѣтомъ: въ первомъ случаѣ сырою, мерзлою, превращая ее въ тонкія стружки (струганина), во второмъ—варятъ ее въ чугунныхъ котелкахъ уральскаго издѣлія, безъ всякой приправы, крайне неопрятно. Кромѣ рыбы, лѣтомъ они промышляютъ также дичь, позднѣе—собираютъ лѣсныя ягоды (бруснику, клюкву) и съѣдобныя травы и коренья. Между послѣдними особеннымъ вниманіемъ пользуется у нихъ такъ называемая черемша, какъ испытанное средство отъ цынги. Русскіе крестьяне Сѣверной Сибири также очень любятъ это растеніе, дѣйствительно очень полезное. По вкусу и запаху оно напоминаетъ чеснокъ и растетъ здѣсь въ большомъ изобиліи.

По внѣшнему виду и образу жизни остяки — настоящіе дикари. Хотя большая часть ихъ считаютъ себя христіанами и носятъ мѣд-

ные крестики поверхъ рубашки, гордясь этимъ, какъ знакомъ отличія, но больше этого крестика у нихъ нѣтъ ничего христіанскаго: ни Божьяго храма, ни обрядовъ, ни идей. По существу они остаются язычниками-фетишами, грязными, грубыми, совершенно неразвитыми. Съ незапамятныхъ доисторическихъ временъ живутъ они въ этой сѣверной пустынѣ и до сихъ поръ не съумѣли выработать для себя ничего, похожаго на культуру. При обиліи лѣса остякъ не додумался до того, чтобы выстроить себѣ, хотя сколько-нибудь пригодное, зимнее жилище; при лютыхъ морозахъ онъ не догадался устроить хотя бы глинобитную печь, въ родѣ татарскаго чувала. Не имѣя другихъ потребностей, кромѣ утоленія голода, онъ тѣмъ не менѣе не научился варить пищи. Даже теперь, послѣ 300-лѣтняго общенія съ русскими, онъ не позаимствовалъ отъ нихъ почти ничего, что̀ могло бы скрасить его житейскую обстановку. Остякъ не усвоилъ себѣ даже привычки вымыть свое лицо, или пріобрѣсти копѣечный гребень для чесанія вѣчно всклокоченныхъ волосъ, густымъ, сбитымъ войлокомъ покрывающихъ его голову. Одного онъ достигъ,—это сучить нитку изъ крапивнаго волокна. Она ему была необходима сперва для рыболовныхъ сѣтей, потомъ для приготовленія грубаго холста, чтобы прикрывать свое тѣло, да и это искусство не имъ придумано, а заимствовано отъ болѣе культурныхъ народовъ. Гончарныхъ издѣлій остяки тоже не знаютъ. Посуда ихъ либо деревянная (грубо выдолбленныя корытца), либо берестяная.

Съ бытомъ остяковъ мы еще болѣе познакомились на слѣдующей пристани, у такъ называемой Свѣтлой протоки. Здѣсь, на низкомъ берегу Оби, въ прогалинкахъ между тальникомъ, было разбито становище этихъ дѣтей природы,—пять или шесть берестяныхъ лѣтнихъ шалашей и нѣсколько землянокъ, какъ въ Сургутѣ. Хижины эти были населены обитателями и могли служить образчикомъ нормальнаго остяцкаго быта. Мы полюбопытствовали заглянуть въ эти жилища и нѣкоторыя изъ нихъ нашли достаточно уютными. Земляной полъ покрытъ сплетенными изъ камыша циновками, или сухимъ камышомъ; по стѣнамъ на колышкахъ развѣшанъ убогій домашній скарбъ; случалось видѣть въ числѣ утвари некрашенный деревянный сундукъ, какъ доказательство особой зажиточности. Такія прибранныя хижины давали впечатлѣніе просторной землянки, но онѣ не отталкивали посѣтителя отвратительной грязью. Снаружи ихъ, какъ признакъ населеннаго мѣста, были развѣшаны рыболовныя сѣти, а у самаго берега находилось десятка полтора маленькихъ лодочекъ—однодеревокъ (обласковъ), какъ единственныхъ орудій лѣтняго передвиженія остяка. При нѣкоторыхъ хижинахъ были выстроены особыя бревенчатыя клѣтушки на высокихъ столбикахъ—это амбары для храненія про-

визіи (сушеной рыбы, кедровыхъ орѣховъ) и прочаго имущества. Они строятся на столбикахъ, высоко надъ землей, для того, чтобъ защитить съѣдобную кладь отъ звѣрей, отчасти и отъ собственныхъ собакъ, а также и отъ почвенной сырости. Чтобы попасть въ такую клѣтушку, хозяинъ приставляетъ къ ея единственному окну, замѣняющему дверь, толстую слегу съ насѣченными на ней глубокими зарубками, играющими роль ступенекъ.

Въ этомъ становищѣ оказалось около дюжины обитателей, преимущественно женщинъ и дѣтей. Взрослые мужчины почти всѣ были на пристани у парохода. Населеніе это производило еще болѣе удручающее впечатлѣніе, чѣмъ его жилища. Женщины съ непокрытыми, всклокоченными прядями волосъ, безобразныя лицомъ, въ грязномъ рубищѣ, напоминали настоящихъ дикарей. Но и слово дикарь не вполнѣ выражало бы характеристику остяка. Первобытные жители южныхъ странъ и острововъ, при всемъ отсутствіи культурнаго наслѣдства, обладаютъ, тѣмъ не менѣе, физическими и умственными качествами, дающими имъ надежду на лучшее будущее. Остякъ, повидимому, лишенъ этой надежды, и не потому, чтобы жизнь его была принижена и стѣснена господствующимъ русскимъ элементомъ, а вслѣдствіе его собственной слабости. Вѣковое вліяніе сѣверной тундры и мертвящей природы отразилось на его организаціи угнетающимъ образомъ. Заброшенный въ мертвыя пустыни сѣвера, остякъ упалъ духомъ, потерялъ энергію въ борьбѣ съ окружающей природой, пассивно подчинившись ей. До крайности умаливъ свои потребности, онъ, какъ дикій звѣрь, довольствуется берлогою и сыроядѣніемъ, охотно отказался бы и отъ одежды, если бы его не принуждала къ тому непомѣрная зимняя стужа.

Въ русской прессѣ нерѣдко высказывались предположенія, что наши сѣверные инородцы нѣкогда были многочисленны и могучи, но теперь они быстро вымираютъ подъ вліяніемъ господствующаго надъ ними племени. Въ такомъ мнѣніи, очевидно, кроется историческая ошибка. Какова была численность и сила финскихъ народностей Сѣверной Сибири до эпохи русскаго владѣнія, объ этомъ не сохранилось достаточныхъ историческихъ данныхъ. Но мы знаемъ, что въ началѣ XVII вѣка горсть русскихъ казаковъ была въ состояніи почти безпрепятственно подчинить себѣ всю обширнѣйшую сибирскую территорію вплоть до Камчатки и Берингова моря. Это показываетъ, что сѣверные инородцы были въ то время далеко не многочисленны, а культурный уровень ихъ стоялъ такъ же низко, какъ и нынѣ. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что вымираніе, или, точнѣе сказать, крайне медленное размноженіе сѣверныхъ финскихъ племенъ не имѣетъ непосредственной связи съ вліяніемъ русской культуры. Крайне медлен-

ный прирость ихъ естественно приписать суровому климату страны и низкому уровню развитія ея исконныхъ обитателей. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, скорѣе надобно удивляться тому, какъ сѣверные инородцы могли поддерживать здѣсь свой родъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, а не тому, что размноженіе ихъ почти не двигается впередъ [1]).

Слѣдующій переходъ отъ Свѣтлой протоки до Тымска представлялъ такую же пустыню, какъ и раньше отъ Самарова. Ни одного осѣдлаго пункта, ни одного живаго уголка мы не встрѣтили на этомъ пути. Кругомъ вода и молодой тальникъ, какъ густая шевелюра, покрывающій низменные острова и берега Оби. Гдѣ берегъ, гдѣ островъ, и понять трудно! Безчисленные рукава, на которые разбивается могучая рѣка, по ширинѣ не уступающая первокласснымъ рѣкамъ земнаго шара, превращаютъ Обь въ безпредѣльный архипелагъ островъ и озеръ, наперекоръ общему понятію о текучихъ водахъ. Для непривычнаго глаза это представляетъ грандіозную, но удручающую картину какъ бы преддверія сѣвернаго „Студенаго моря“.

Но вотъ показался и Тымскъ, на правомъ, достаточно возвышенномъ берегу. Послѣ длиннаго перехода по пустынѣ, глазъ отдыхаетъ на первомъ осѣдломъ пунктѣ. Деревянная скромная церковь и десятка два довольно порядочныхъ домовъ съ тесовыми крышами придаютъ Тымску видъ настоящаго русскаго села. Мы прошли его изъ конца въ конецъ по единственной улицѣ, правильно распланированной и широкой. Попадавшіеся навстрѣчу крестьяне и крестьянки оказались рослыми, красивыми, хорошо одѣтыми, стало быть, зажиточными. Хлѣбопашества нѣтъ, но есть огороды и, кажется, достаточно рогатаго скота. Лошадей, повидимому, немного, да и ѣздить на нихъ некуда. Тотчасъ же за селомъ начинается глухая тайга. Лошадь пригодна здѣсь только зимой, когда морозъ закуетъ рѣки и болота и откроетъ путь въ тайгу. Поэтому у тымскихъ крестьянъ нѣтъ ни одной телѣги, а имѣются только сани и дровни. На саняхъ по голой землѣ привезли къ пристани небольшую кладь изъ села (корзины съ кедровыми орѣхами и сушеной рыбой), что̀ не мало удивило нашихъ пассажировъ-переселенцевъ, не предполагавшихъ, чтобы въ коренной, старой русской деревнѣ не нашлось для этого телѣги. Вообще же тымцы живутъ зажиточно. Мы заходили въ двѣ—три избы посмотрѣть на ихъ житье. Вездѣ оказалась чистота и опрятность; глино-

[1]) Финскіе инородцы Европейской Россіи находились сравнительно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Они рано подчинились вліянію арійской культуры, усвоили осѣдлость и гражданственность. Принявъ христіанство, значительная доля ихъ совершенно слилась съ русскимъ населеніемъ (ассимилировалась). Эти культурные успѣхи спасли ихъ отъ вымиранія.

битныя печи выбѣлены мѣломъ, столы, скамьи и полы чисто выскоблены и покрыты самодѣльными скатертями и половиками; почти въ каждой избѣ есть самоваръ и шкафчикъ съ чайной и столовой посудой, а позади избъ обширный дворъ съ бревенчатыми службами, сараями и навѣсами, крытыми дранью, иногда и тесомъ. Судя по Тымску и Самарову, можно судить, что и въ сѣверной глуши смѣлый и домовитый крестьянинъ можетъ жить хорошо и привольно. Источникъ благосостоянія тымцевъ заключается въ рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, въ кедровыхъ орѣхахъ и въ торговлѣ этими продуктами, получаемыми также отъ мѣстныхъ инородцевъ. Тымское село принадлежитъ уже не Сургутскому, а Нарымскому округу, Томской губерніи. Отсюда до Нарыма считается 110 верстъ по теченію Оби. Береговыхъ дорогъ, какъ и на всемъ пути отъ Тобольска до Томска, здѣсь не существуетъ.

Областнаго города Нарыма мнѣ видѣть не удалось. Онъ расположенъ на берегу рѣки Кети въ трехъ верстахъ отъ пароходной пристани. Вся эта мѣстность болотистая, низменная, весной сплошь затопляется водой. Издали Нарымъ представляется убогимъ селомъ. Въ немъ двѣ церкви, изъ нихъ одна каменная; дома всѣ деревянные. Жителей считается около тысячи душъ, исключительно русскіе казаки и мѣщане. Представителей этого населенія мы видѣли на пристани. Они цѣлой ватагой, мужчины и женщины, прибыли сюда на многочисленныхъ лодкахъ, по свистку парохода, съ разными съѣстными продуктами. Это большею частью рослый, красивый и юркій народъ. Женщины въ ситцевыхъ платьяхъ, съ претензіей на щегольство, веселыя, расторопныя, настоящія торговки. Кромѣ этого подвижнаго базара, у пристани находится 2—3 деревянныя лавки, гдѣ можно найти сухія баранки, черствые деревенскіе пряники, даже конфекты и папиросы. Доступъ въ эти лавочки былъ не особенно удобенъ, такъ какъ низкій берегъ былъ частью залитъ водой. Приходилось пробираться по узкимъ дощечкамъ. Въ одной изъ этихъ лавочекъ мнѣ предлагали купить національный тунгузскій костюмъ изъ хорошо выдѣланной коричневой замши, красиво расшитый разноцвѣтнымъ бисеромъ и обвѣшанный металлическими фигурками и бляшками. Стоитъ онъ 25 р., что въ сущности не дорого. Здѣсь же продавались за сходную цѣну лебединыя шкурки и невыдѣланныя медвѣжьи шкуры.

Нарымъ славится коневодствомъ. Низкорослыя нарымскія лошади, въ родѣ вятокъ или шведокъ, отличаются бойкимъ бѣгомъ и выносливостью. Говорятъ, онѣ могутъ бѣжать сотню и болѣе верстъ не кормя. Пользуются ими главнымъ образомъ зимой, когда установится путь по рѣкамъ. Въ концѣ зимы, передъ вскрытіемъ рѣкъ, лошадей

перегоняютъ по льду на одинъ изъ острововъ и тамъ оставляютъ на все лѣто на подножномъ корму безъ всякаго присмотра.

Рѣка Кеть, устье которой мы переѣхали близъ Нарыма, представляется съ парохода широкой и многоводной рѣкой; но это бываетъ только въ началѣ лѣта. Потомъ она вскорѣ мелѣетъ и пароходы могутъ ходить по ней не болѣе одного рейса (до Московскаго острога). Поэтому, плывшіе съ нами на пароходѣ томскіе купцы съ крайнимъ недовѣріемъ относились къ существующимъ предположеніямъ воспользоваться Кетью и ея притоками для искусственнаго соединенія бассейновъ Оби и Енисея посредствомъ Объ-Енисейскаго канала.

Слѣдующая послѣ Нарыма пристань—село Колпашево находится въ 130 верстахъ при другомъ устьѣ рѣки Кети. Это главный ея рукавъ, болѣе многоводный. Колпашево стоитъ на высокой горѣ, повидимому, довольно богато и многолюдно. Мы пробовали подняться на высокій берегъ, но бывшая передъ тѣмъ ненастная погода развела много грязи и не дала осуществить эту попытку. Кругомъ села много огородовъ и овиновъ, далѣе идутъ воздѣланныя поля. Очевидно, здѣсь хлѣбопашество уже въ полномъ ходу, и крестьянская жизнь подходитъ къ общимъ условіямъ русской деревни. Самая Обь здѣсь имѣетъ видъ не системы озеръ, а настоящей рѣки съ опредѣленнымъ ложемъ и высокими берегами, покрытыми старымъ хвойнымъ лѣсомъ. Удручающая пустыня съ бродячими остяками осталась позади. Мы быстро направляемся къ югу, въ живой край, и видимъ передъ собой расцвѣтающую природу. Еще сутки, и мы будемъ у цѣли нашего путешествія. Чѣмъ-то насъ обрадуетъ Томскъ?

II.

Первые дни въ будущемъ университетскомъ городѣ.

Въ пятницу, въ 11 часовъ утра, 30 мая 1880 г., пароходъ нашъ приближался къ Томску. Болѣе чѣмъ за 10 верстъ были уже видны шпицы многочисленныхъ церквей и темныя очертанія домовъ, расположенныхъ на высокомъ мысу Воскресенской горы. Пассажиры, утомленные девятидневнымъ плаваніемъ по пустыннымъ сибирскимъ рѣкамъ, высыпали на палубу въ ожиданіи скораго конца томительному плаванію. Многіе съ нетерпѣніемъ ждали встрѣчи съ родными и знакомыми, а люди, ѣдущіе въ первый разъ, стремились издали угадать, по неяснымъ очертаніямъ приближавшагося города, какое впечатлѣніе онъ можетъ произвести на новичковъ. Подъѣзжая къ большимъ горо-

дамъ Европейской Россіи, многолюдная жизнь обыкновенно чувствуется издали, по числу пригородныхъ деревень и по учащенному движенію. Здѣсь же ничто не говоритъ, что мы находимся вблизи крупнаго сибирскаго центра. Берега Томи такъ же почти безлюдны, какъ въ Нарымскомъ округѣ. Десятокъ убогихъ домиковъ деревни Бѣлобородовой, да мизерная архіерейская заимка вовсе не даютъ понятія о пригородныхъ мѣстахъ. Пасмурный день съ мелкимъ дождемъ еще болѣе затемняли и безъ того невеселую картину, производившую на новичка не отрадное впечатлѣніе.

Раздался пронзительно-хриплый свистокъ. Пароходъ подходилъ къ лѣтней пристани, представлявшей на берегу нѣсколько деревянныхъ домиковъ и сараевъ. Баржу съ арестантами оставили здѣсь, а пароходъ пошелъ дальше, къ самому городу, что дѣлается только во время первыхъ рейсовъ, до спада весеннихъ водъ. Весенняя пристань помѣщается не далеко отъ гостинаго двора, но, къ сожалѣнію, она остается здѣсь очень короткое время. Къ 8—10 іюня Томь уже настолько мелѣетъ, что пароходы должны останавливаться, верстъ за 5 не доходя до города.

Бросили якорь. Положили сходни. Глазамъ нашимъ представилось море грязи на берегу, десятка два извозчиковъ и ни одного крытаго экипажа. А между тѣмъ дождь усиливался больше и больше. Къ счастью З. М. Цибульскій позаботился выслать коляску, иначе мы промокли бы до костей. Здѣсь же на пристани меня отыскалъ Александръ Францевичъ Жилль, любезно предложившій свою квартиру (въ Духовской улицѣ, домъ Истомина), такъ какъ семья его въ это лѣто не жила въ Томскѣ. Я былъ очень радъ этому предложенію и съ удовольствіемъ согласился нанять меблированное помѣщеніе до сентября мѣсяца. Впослѣдствіи я вдвойнѣ оцѣнилъ эту услугу, ознакомившись съ отвратительнымъ состояніемъ томскихъ гостиницъ („Европейская гостиница" и „Сибирское подворье"), напоминающихъ собою скорѣе постоялые дворы, или грязные трактиры, чѣмъ гостиницы. Квартира оказалась не дурна, въ пять комнатъ, съ приличной мебелью, но безъ всякихъ хозяйственныхъ принадлежностей. Нѣсколько ночей пришлось спать безъ тюфяка, на голыхъ доскахъ, покрываясь пледомъ. Не было ни чайной, ни столовой посуды, негдѣ было достать обѣда. Тотъ же обязательный Александръ Францевичъ прислалъ намъ самоваръ и рекомендовалъ человѣка для прислуги. Имѣя теперь въ своемъ распоряженіи мѣстную силу, мы прежде всего освѣдомились, что въ Томскѣ существуетъ одна колбасная, открытая недавно ссыльнымъ полякомъ, гдѣ можно получить холодную закуску, и двѣ бакалейныхъ лавки (Сорокина и Карнакова), въ которыхъ можно купить привозныя московскія снѣди, какъ-то: икру, сыръ и т. п. Сдѣлавъ

кое-какой запасъ провизіи и заручившись необходимѣйшей посудой, мы чувствовали уже почву подъ ногами.

Около трехъ часовъ насъ посѣтили пароходные спутники: Перминъ, графъ Стенбокъ и Колосовскій. Они остановились въ „Европейской гостинницѣ“ и повѣдали намъ о всѣхъ неурядицахъ этого несчастнаго притона. Оказалось, что тамъ сбѣжалъ поваръ, и потому обѣда не готовятъ. Чаю едва дождались, такъ какъ на всѣ номера имѣлось въ наличности не больше шести стакановъ и одинъ оборванный мальчишка для прислуги. Спутникамъ тоже пришлось обратиться для завтрака въ польскую колбасную, а для соображенія на счетъ обѣда они пріѣхали къ намъ на общее совѣщаніе. По общему совѣту мы рѣшили было отправиться на пароходъ, кухня котораго намъ была уже извѣстна, но оказалось, что пароходъ ушелъ отъ городской пристани на лѣтнюю, и мы остались въ полномъ разочарованіи на счетъ нашихъ желудковъ. Тогда Н. Г. Перминъ, какъ человѣкъ бывалый, подалъ мысль отправиться въ лагери, гдѣ, по его мнѣнію, можно было заказать обѣдъ въ офицерской столовой. Это предложеніе было охотно принято, тѣмъ болѣе, что дождь перемежился, а поѣздка въ лагери давала возможность познакомиться съ городомъ и его ближайшими окрестностями, что̀ насъ, какъ новичковъ, интересовало въ особенности. Не долго думая, наняли четыре линейки на дрожинахъ (рессорныхъ извозчичьихъ экипажей въ Томскѣ не существуетъ) и отправились въ лагери.

Выѣхавъ на Большую или такъ называемую Милліонную улицу, мы увидали Томскъ во всей его красѣ. Здѣсь открылись нашему взору съ десятокъ каменныхъ домовъ довольно приличной архитектуры, напоминающихъ губернскій городъ средней руки. Одностороніка набережной рѣчки Ушайки могла даже претендовать на красоту, если бы не убійственная грязь, покрывавшая улицы и площади и портившая впечатлѣніе. Томская грязь представляетъ собою нѣчто своеобразное. Во всю длину улицы и ширину площадей вы видите сплошное море жидкаго чернаго киселя, по которому приходится ѣхать въ бродъ. Здѣсь не видно ни колеи отъ колесъ, ни слѣдовъ отъ копытъ, все немедленно затягивается глянцовитою, какъ расплавленный асфальтъ, жижею, скрывающей подъ собою неровности твердой почвы. Пѣшеходы, которымъ нужно перейти съ одной стороны улицы на другую, снимаютъ сапоги и обнажаютъ ноги до колѣнъ. Болѣе зажиточные мѣщане ѣздятъ по городу верхомъ, или на телѣгахъ. Собственныхъ городскихъ, рессорныхъ экипажей встрѣчается весьма немного. Чиновники, учителя, купцы большею частію имѣютъ открытыя телѣжки на дрожинахъ, съ плетеннымъ изъ прутьевъ коробкомъ. По мѣстнымъ условіямъ, говорятъ, это гораздо практичнѣе и безопаснѣе. Какъ бы

то ни было, но такіе способы сообщенія не рекомендуютъ благоустройство города, а скорѣе напоминаютъ собою большое торговое село. Впослѣдствіи я убѣдился, что Томскъ и въ другихъ отношеніяхъ стоитъ не многимъ выше богатаго села: уличнаго освѣщенія въ немъ не полагается, за исключеніемъ десятка тусклыхъ фонарей по одной Милліонной улицѣ. Не существуетъ не только мостовыхъ, но на второстепенныхъ улицахъ нѣтъ даже мостиковъ черезъ болотинки и овраги. Улицы — это проселочныя грунтовыя дороги, проѣздъ по которымъ въ ненастное время предоставляется находчивости и изворотливости обывателя.

При видѣ ужасающей грязи и совершенно не приспособленныхъ для защиты отъ нея туземныхъ долгушъ (извозчичьихъ экипажей) дамы наши хотѣли уже отказаться отъ поѣздки въ лагери, но насъ увѣряли, что дальше, на томъ концѣ города, будетъ суше. Дѣйствительно, проѣхавъ шагомъ около полуверсты по прямой улицѣ, начинается подъемъ на первую возвышенную террасу, называемую Юрточной горой. Здѣсь мы ощутили подъ колесами нѣчто въ родѣ бывшей когда-то мостовой изъ наваленной гальки, хотя сверху была такая же глубокая, но не такая жидкая грязь. Въ этой части улицы встрѣтились три каменныхъ дома: почтовая контора, домъ бывшаго виннаго откупщика Сосулина, занимаемый контрольною палатою, и архіерейскій домъ съ духовною консисторіею, купленный въ прошломъ году духовнымъ вѣдомствомъ у наслѣдниковъ умершаго золотопромышленника Асташева. Остальные дома всѣ деревянные, изъ нихъ 3—4 довольно приличные, а остальные представляютъ собою полуразвалившуюся рухлядь. За архіерейскимъ домомъ начинается обширный пустырь, носящій громкое названіе соборной площади. Собора пока еще нѣтъ, но онъ начатъ былъ постройкою лѣтъ тридцать тому назадъ, доведенъ до купола и, по обыкновенію многихъ провинціальныхъ соборовъ, обрушился. Теперь стоятъ только красныя кирпичныя стѣны, на верху которыхъ уже выросли порядочной величины березки. Кругомъ этой руины кучи битаго кирпича и всякаго мусора, а площадь представляетъ голую и грязную степь. Далѣе за площадью опять кучка каменныхъ зданій: это лютеранская церковь, арестантскія роты съ домовою православною церковью, корпусъ присутственныхъ мѣстъ и небольшой домикъ юрточной части съ деревянной каланчей на крышѣ. Отсюда по правую сторону начинается березовая роща, предназначенная будущему университету, а по другую сторону дороги доживаютъ свой дряхлый вѣкъ десятокъ покосившихся на бокъ деревянныхъ домишекъ. Улица противъ университетскаго мѣста (рощи), огороженнаго полусгнившимъ и наполовину растасканнымъ частоколомъ, очень широка, но представляетъ собою изрытую котловину, въ которой стоитъ почти

не просыхающая грязь отъ стекающей сюда влаги со всѣхъ окрестныхъ высотъ. Отъ южной границы рощи опять начинается крутой подъемъ на вторую террасу, идущую до самаго берега Томи, на которомъ расположены лагери. Поднявшись на эту горку, направо и налѣво встрѣчается еще небольшой рядъ домиковъ, въ томъ числѣ деревянный военный лазаретъ, неуклюжій, выкрашенный желтою краскою. Не далеко за нимъ начинается ограда губернскаго острога, выдающагося на улицу въ видѣ сѣрой полосы стоймя поставленныхъ и заостренныхъ бревенъ (палей). За тюрьмой начинаются кирпичные сараи и безконечное число ямъ, изъ которыхъ брали глину для выдѣлки кирпичей.

Первое впечатлѣніе будущихъ университетскихъ окрестностей было поистинѣ удручающее. Тюрьма, арестантская рота, жалкіе покосившіеся домишки нищеты, пустыри, рытвины и овраги, однимъ словомъ—мерзость запустѣнія! Не знаю какъ-то будетъ дальше, но первый день знакомства съ Томскомъ въ конецъ разочаровалъ меня. Конечно, я и раньше не воображалъ его Москвой, или Казанью, но все же думалъ, что это болѣе или менѣе благоустроенный сибирскій центръ, своего рода столица Сибири. Вдвойнѣ тяжело это разочарованіе: во-первыхъ, потому, что съ нимъ связано закрадывающееся сомнѣніе въ успѣхѣ великаго дѣла—основанія Сибирскаго университета, такъ настойчиво пропагандированнаго мной, и, во вторыхъ, потому, что я волей-неволей надолго долженъ буду связать свою судьбу съ этимъ непривлекательнымъ и грязнымъ городомъ. Если я ошибся въ разсчетахъ на своевременность задуманнаго дѣла, если слишкомъ довѣрчиво отнесся къ идиллическимъ описаніямъ Сибири и разсказамъ людей, пріѣзжавшихъ отсюда въ Петербургъ и съ такимъ трогательнымъ увлеченіемъ говорившихъ о своей родинѣ, о ея неисчерпаемыхъ богатствахъ и неудержимомъ стремленіи къ просвѣщенію, если все это окажется мечтой и мистификаціей, то результаты этой ошибки прежде всего я понесу на самомъ себѣ. Однако жъ, не черезъ чуръ ли рано я впадаю въ пессимистическій тонъ? Не есть ли это хандра вслѣдствіе новой, непривычной обстановки? Грязь, пасмурное небо, убогая наружность города еще ничего не значатъ. Внѣшность Томска можетъ быть очень плоха, но могутъ быть хороши люди, съ которыми я еще совсѣмъ не знакомъ; даже если бы и люди были такъ же грязны, какъ улицы, но все же можетъ быть чиста и вѣрна идея, съ которою я сюда пріѣхалъ. Новое дѣло задумано не для настоящаго, а для будущаго, и чѣмъ убоже намъ представляется теперь Сибирь, тѣмъ нужнѣе употребить всѣ усилія, чтобы рано или поздно сбросить кору этого убожества.

Подъ словомъ „лагери“ здѣсь разумѣютъ десятокъ домиковъ ба-

рачной системы, выстроенныхъ за городомъ на высокомъ и крутомъ берегу р. Томи, для лѣтняго пребыванія солдатъ мѣстнаго батальона. Домики разбросаны по луговой равнинѣ въ половину квадратной версты; здѣсь же находятся бараки для офицеровъ и общая офицерская столовая, она же и клубъ. Между постройками и рѣкой недавно разбитъ руками солдатъ довольно обширный садикъ съ дорожками и бесѣдками, обнесенный деревянною рѣшеткою. Сюда по вечерамъ пріѣзжаютъ городскіе жители, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, а по праздникамъ послушать военную музыку и солдатскія пѣсни. По этому случаю офицерская столовая одновременно играетъ роль загороднаго клуба. Потому ли, что въ день нашего пріѣзда была очень пасмурная погода, или потому, что этотъ день не былъ праздничнымъ, въ садикѣ и въ столовой было совершенно пусто. Едва доискались прислуги и къ великому удовольствію узнали, что обѣдъ заказать можно.

Пока готовили обѣдъ, мы пошли осматривать садъ. Самъ по себѣ онъ не представлялъ ничего особеннаго. Дорожки очень узки и по мѣстамъ грязны; деревья посажены слишкомъ густо, потому, несмотря на свою незначительную высоту (садъ недавно разбитъ), они настолько затѣняютъ проходъ, что при частыхъ въ Томскѣ дождяхъ дорожки не успѣваютъ просыхать. Впослѣдствіи, вѣроятно, придется вырубить половину деревьевъ, чтобы дать просторъ движенію воздуха. Лучшая сторона лагерей—это берегъ Томи. Высокій, обрывистый, онъ даетъ прекрасный видъ на заливную долину рѣки, простирающуюся не менѣе 8—10 верстъ. По окраинамъ этого широкаго пространства коегдѣ видны деревеньки. Внизу рѣка оживлена проходящими плотами и здѣсь же устроеннымъ перевозомъ, около котораго копошится не мало людей и животныхъ. Перевозъ устроенъ довольно оригинально. Нѣсколько лодокъ поставлены вдоль средины рѣки, по теченію, на якоряхъ; отъ нихъ проведенъ канатъ къ парому, который, такимъ образомъ, двигается въ родѣ маятника съ одного берега на другой. Эта замысловатая механика называется въ Сибири Самолетомъ. Ширина Томи въ этомъ мѣстѣ на глазомѣръ представляется около 60—70 саж., а высота берега около 30—40 саженъ. Этотъ пунктъ могъ бы быть отличнымъ мѣстомъ для отдохновенія городскихъ жителей отъ присущей городу духоты, пыли и грязи. Здѣсь устроены скамейки, но и это единственное хорошее мѣсто испорчено присутствіемъ нецивилизованнаго человѣка. Вмѣсто отличнаго воздуха, каковымъ бы ему слѣдовало быть, обоняніе поражается чѣмъ-то весьма непріятнымъ. Оглянувшись назадъ, мы увидѣли висящія надъ обрывомъ берега дощатыя будочки, — очевидно, укромныя мѣста нижнихъ чиновъ батальона. Замѣтивъ это и опасаясь испортить аппетитъ, мы отправились поскорѣе въ столовую.

Обѣдъ былъ приготовленъ не дурно, можетъ быть въ силу пословицы, что голодъ есть самый лучшій поваръ. Окончили мы его около 6 часовъ вечера и отправились тѣмъ же путемъ по домамъ, съ удовлетвореннымъ желудкомъ, но далеко не съ веселыми мыслями отъ всего видѣннаго. Садясь на трясскую долгушу, графъ Стенбокъ, вѣроятно отъ избытка чувства, продекламировалъ вслухъ слова Некрасова:

„Здѣсь гробовая тишина, здѣсь безпросвѣтный мракъ,
Зачѣмъ, проклятая страна, нашелъ тебя Ермакъ"!

31 мая. Утромъ на другой день я спеціально отправился осматривать отведенное городскою думою университетское мѣсто. Оно раздѣляется довольно глубокимъ оврагомъ на два участка: первый участокъ (со стороны соборной площади и присутственныхъ мѣстъ) оказался на половину застроеннымъ дрянными зданіями. На самомъ углу стоитъ одноэтажный каменный домъ въ формѣ четыреугольнаго неуклюжаго ящика съ каланчей,—это юрточная городская часть. Рядомъ съ нею громоздятся разныя деревянныя пристройки для нижнихъ полицейскихъ чиновъ и для пожарнаго обоза. Въ общемъ они занимаютъ большое пространство, но представляютъ изъ себя деревянную полусгнившую рухлядь. За этими постройками, задаваясь внутрь университетской земли, стоитъ не то обширный сарай, не то деревянный баракъ, крытый полусгнившимъ тесомъ, — это оказывается городской театръ. Безобразнѣе этой хоромины трудно что-либо представить; Всѣ эти постройки городская дума предполагаетъ въ нынѣшнемъ, или будущемъ году продать на сломъ, какъ отжившія свой вѣкъ и болѣе ни на что не годныя, какъ на дрова [1]). Саженъ 40 далѣе за театромъ, университетское мѣсто пересѣкается поперекъ оврагомъ, черезъ который проложена грунтовая дорога съ довольно крутымъ подъемомъ и спускомъ. Моста нѣтъ, потому въ ненастную пору переѣхать этотъ оврагъ даже на простой долгушкѣ не такъ легко. По другую его сторону начинается второй участокъ предназначенной университету земли. Онъ весь покрытъ густымъ березовымъ лѣсомъ, потому называется городскою рощею. Площадь этого участка довольно значительная, около 150 саженъ въ длину, до слѣдующаго, еще болѣе глубокаго оврага, и столько же въ ширину, но поверхность его неровная, представляющая нѣсколько котловинъ и довольно значительный склонъ къ сторонѣ перваго, сѣвернаго оврага. Кромѣ того, въ эту сторону впадаетъ еще нѣсколько глубокихъ промоинъ, съ каждымъ годомъ размываемыхъ весенними водами все больше и больше,

---

[1]) Театръ былъ проданъ въ 1881 году, кажется за 200 р. Послѣ его сломки и свозки осталась одна безобразная сорная яма, заросшая бурьяномъ.

*

такъ что въ настоящее время они могутъ быть названы настоящими овражьими отрогами. Сама по себѣ роща довольно привлекательна, хотя она и не носитъ на себѣ никакихъ признаковъ культурной обработки, за исключеніемъ двухъ-трехъ просѣкъ, расчищенныхъ подъ грунтовыя дороги. Одна изъ такихъ просѣкъ ведетъ отъ театра къ юго-западному концу рощи, гдѣ на крутомъ мысу стоитъ археологическій памятникъ,—порядочной величины земляной курганъ. Съ его вершины открывается широкій кругозоръ на заливную долину рѣки Томи. Мысъ, на которомъ стоитъ курганъ, и вся западная окраина рощи представляютъ собою старый высокій берегъ Томи, у подошвы котораго лежитъ небольшое озеро, переходящее далѣе въ вязкое болото. Сюда открываются всѣ овраги, пересѣкающіе площадь университетскаго мѣста.

На восточной окраинѣ рощи, ближе къ улицѣ, стоитъ деревянный домъ съ досчатою террасою. Это лѣтнее помѣщеніе томскаго общественнаго собранія или клуба. Отъ улицы роща ограждена низкою деревянною рѣшеткою (палисадникомъ), тычинки которой на половину растасканы, а многіе столбы подгнили. По этой причинѣ роща посѣщается не только томскими жителями, но и городскимъ скотомъ, во всякое время свободно гуляющимъ по улицамъ и площадямъ.

При осмотрѣ университетскаго мѣста я замѣтилъ себѣ два обстоятельства: 1) лучшій его первый участокъ занятъ городскими постройками, отъ которыхъ едва-ли удастся скоро освободиться; 2) второй участокъ, собственно роща, по своей неровности и овражистости потребуетъ большихъ планировочныхъ работъ для того, чтобы помѣстить на немъ главный университетскій корпусъ, имѣющій по проекту 106 саженъ длины. Такой, болѣе или менѣе ровной площади, здѣсь совсѣмъ не оказывается. Придется ее создать искусственно, снявъ возвышенный откосъ съ одной (южной) стороны и переваливъ его на другую (сѣверную) сторону. Передняя часть этого мѣста, обращенная къ улицѣ, въ этомъ отношеніи еще болѣе неудобна. Она представляетъ собой низкую ложбину, въ которую стекаютъ всѣ дождевыя и снѣговыя воды съ окрестныхъ высотъ, направляясь отсюда въ боковые овраги. Помѣстить въ этой ямѣ университетское зданіе было бы крайне невыгодно. Его пришлось бы воздвигать на искусственной насыпи и ограждать отъ потопленія со стороны дороги. Поэтому придется отнести главный корпусъ въ глубину рощи, гдѣ мѣсто повыше и гдѣ можно выравнять требуемую площадь, сдѣлавъ подсыпку только въ одной сѣверной половинѣ зданія. Здѣсь была бы только одна невыгодная сторона, именно та, что зданіе было бы не па виду, по улицѣ, а скрыто въ глубинѣ, но съ другой стороны это имѣло бы и свои удобства: оно будетъ защищено отъ уличной пыли и болѣе обезопа-

сено въ пожарномъ отношеніи. При такомъ размѣщеніи передъ фасадомъ университета будетъ необходимо разбить довольно большой скверъ, а мѣсто съ улицы оградить приличною рѣшеткой, что при составленіи плановъ и смѣты не имѣлось въ виду, предполагая, что главный корпусъ будетъ поставленъ фасадомъ прямо на улицу.

Явилась было у меня и другая мысль. Съ западной стороны, противъ обвалившагося собора, цѣлый кварталъ занимаютъ пять или шесть дрянныхъ деревянныхъ домишекъ. Всѣ они въ совокупности едва-ли стоятъ болѣе 10.000 руб. Если бы ихъ купить на сломъ и университетъ поставить на этомъ мѣстѣ, лицомъ къ собору,—это было бы мѣсто самое подходящее. Оно значительно выше городской рощи. Университетскія зданія здѣсь много выиграли бы въ своей внѣшности и украсили бы будущую соборную площадь. Клиники въ такомъ случаѣ можно было бы поставить на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь юрточная часть и театръ, т. е. черезъ улицу отъ предполагаемаго къ покупкѣ квартала; а рощу тогда обратить въ ботаническій садъ. По моему мнѣнію эта комбинація не была бы даже убыточна для казны, такъ какъ планировка мѣстности подъ зданія въ рощѣ и устройство металлической рѣшетки на протяженіи болѣе 250 саженъ обойдется дороже, чѣмъ купить у частныхъ владѣльцевъ весь сосѣдній кварталъ съ мизерными лачугами. Вся бѣда въ томъ, что наше дѣло не частное, а казенное. Поэтому для осуществленія помянутой комбинаціи пришлось бы начать длинную переписку съ министерствомъ и отложить закладку университета, по меньшей мѣрѣ, еще на годъ. Развѣ попробовать предложить Цибульскому: не скупитъ ли онъ участки вышеупомянутаго квартала на свое имя и за свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ подарить или продать ихъ университету. Надо объ этомъ переговорить.

Обойдя университетскіе участки во всѣхъ направленіяхъ и познакомившись съ ихъ окрестностями, у меня оставалось еще достаточно времени, чтобы сдѣлать бѣглый обзоръ этой половины города. Будучи въ Петербургѣ и Казани, я судилъ о Томскѣ по присланному мнѣ городскому плану. Но какая разительная разница оказалась между планомъ и самымъ дѣломъ. По плану, напримѣръ, значится, что университетъ выходитъ на Садовую улицу, а на дѣлѣ здѣсь не только нѣтъ ни одного сада (не считая нашей рощи), но и самое слово улицы съ трудомъ можетъ быть примѣнено къ этому грязному корыту. Далѣе показана Бульварная улица, на которой вмѣсто бульвара оказывается широкій пустырь, изрытый ямами, заросшій бурьяномъ и заваленный кучами навоза. Это опять не улица, а деревенскія задворки. Попробовалъ я подняться на пригорокъ, по переулку противъ самой городской рощи. На этомъ увалѣ оказался десятокъ мѣщанскихъ домиковъ,

расположенныхъ въ одну улицу, а затѣмъ опять пустырь, изрытый оврагами, кирпичными ямами и заваленный всякимъ мусоромъ. Вотъ каковы окрестности будущаго разсадника сибирскаго просвѣщенія. Конечно, со временемъ все это измѣнится, застроится и будетъ приведено въ благообразный городской видъ, но теперь это мерзость запустѣнія.

Приходилось мнѣ читать, что при постройкѣ новыхъ американскихъ городовъ сначала распланировываютъ улицы, проводятъ водостоки, устраиваютъ мостовыя и освѣщеніе, а потомъ уже, на подготовленномъ мѣстѣ, начинаютъ сооружать дома. У насъ, наоборотъ, сначала запакостятъ мѣсто до невозможности, изроютъ его, завалятъ падалью и навозомъ, испортятъ дороги, не устроивъ ни мостиковъ, ни стоковъ, а потомъ на грязномъ пустырѣ начинаютъ строиться. Мостовыя и освѣщеніе при этомъ откладываютъ на самый задній планъ. Такъ было и въ Томскѣ. Казалось бы, что окрестности университетскаго мѣста почти совсѣмъ за городомъ, гдѣ должна быть дѣвственная почва, а на самомъ дѣлѣ здѣсь все давно испорчено, какъ на задворкахъ. Прекрасную луговую площадь сначала изрыли кирпичными ямами (изъ которыхъ брали глину для кирпичныхъ сараевъ), потомъ начали сюда свозить навозъ и всякія нечистоты и затѣмъ уже селиться.

Возвратясь домой и позавтракавъ чѣмъ Богъ послалъ, отправился дѣлать первые визиты своимъ сослуживцамъ—членамъ строительнаго комитета, прежде всего къ губернатору. Губернаторъ, онъ же предсѣдатель нашего строительнаго комитета, Василій Ивановичъ Мерцаловъ, только съ нынѣшней весны назначенъ на этотъ постъ, вмѣсто оставившаго службу Супруненко. Онъ только-что пріѣхалъ въ Томскъ изъ Омска, гдѣ до того времени занималъ мѣсто управляющаго контрольною палатою. Раньше онъ служилъ въ Тобольскѣ чиновникомъ по губернскому управленію. Въ Европейской Россіи съ именемъ губернатора привыкли соединять представленіе о болѣе или менѣе внушительной особѣ, облеченной властью и должнымъ авторитетомъ. Въ Сибири этого нѣтъ. Здѣсь онъ не что иное, какъ чиновникъ, командированный генералъ-губернаторомъ, во всемъ отъ него зависящій и имъ же поставленный. Можетъ быть по этой причинѣ при выборѣ сибирскихъ губернаторовъ не требуется ни административнаго ценза, ни извѣстнаго престижа. Вчерашній исправникъ или зауряднный контрольный чиновникъ, по желанію главнаго начальника края, можетъ быть сегодня назначенъ начальникомъ губерніи. Такъ вышло и съ Василіемъ Ивановичемъ, коему волею судебъ вручено было управленіе громадною губерніею. На видъ онъ лѣтъ не болѣе сорока, учился въ Харьковскомъ университетѣ, теперь имѣетъ чинъ статскаго

совѣтника и, повидимому, чувствуетъ себя по началу, что называется, не въ своей тарелкѣ. На меня онъ произвелъ впечатлѣніе скромнаго чиновника, нерѣшительнаго и какъ бы подавленнаго новыми обязанностями. Этому соотвѣтствуетъ и его домашняя обстановка. Казеннаго губернаторскаго дома здѣсь нѣтъ, поэтому губернаторы странствуютъ по вольнонаемнымъ квартирамъ. Василію Ивановичу досталась скромная квартирка въ домѣ купца Чернядева (противъ реальнаго училища). Красный неоштукатуренный, двухъ-этажный домъ; внизу лавки; крылечко со двора; въ самой квартирѣ пять небольшихъ комнатъ съ выбѣленными известкой стѣнами и некрашенными полами. Семья Мерцалова состоитъ изъ жены и трехъ человѣкъ дѣтей.

Другое впечатлѣніе производитъ обстановка городскаго головы Цибульскаго. Онъ живетъ въ собственномъ домѣ съ зеркальными окнами. Лѣстница парадныхъ сѣней устлана коврами; въ прихожей торчатъ казачки, прислуга во фракахъ, дрессированная; внутренность дома также убрана довольно изящно, съ штофными драпировками, коврами и дорогой мебелью. Самъ Цибульскій лѣтъ около 65-ти, по происхожденію малороссъ. Дѣдъ его принадлежалъ къ добровольнымъ выходцамъ, переселившимся въ Сибирь въ прошломъ столѣтіи. Здѣсь онъ женился на сибирячкѣ и едва-ли не на калмычкѣ, такъ какъ въ чертахъ лица Захара Михайловича видны монгольскіе слѣды (выдающіяся скулы и слегка косые глаза). Учился Захаръ Михайловичъ въ уѣздномъ училищѣ, женился на владимірской купчихѣ, Ѳедосьѣ Емельяновнѣ, почти одних съ нимъ лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Старики очень добродушны, отличаются русскимъ хлѣбосольствомъ, и потому ихъ домъ весьма часто посѣщается. Въ праздникъ и будни съ 12-ти часовъ въ залѣ накрывается большой столъ, и кто бы ни пришелъ, первымъ дѣломъ начинается угощеніе. По этой ли причинѣ или по доброй молвѣ о радушныхъ старикахъ, но рѣдкій изъ проѣзжающихъ черезъ Томскъ путешественниковъ, или чиновниковъ не посѣтитъ Цибульскихъ; а томская знать бываетъ у нихъ чуть не каждый праздникъ.

Цибульскій не принадлежитъ къ числу крупныхъ капиталистовъ, подобно нѣкоторымъ золотопромышленникамъ Восточной Сибири. Его благосостояніе началось сравнительно недавно, лѣтъ 10—15 тому назадъ, когда онъ случайно напалъ на богатую золотую розсыпь (Веселый ключъ). До того времени онъ съ страстнымъ увлеченіемъ и долго занимался пріисками, но, какъ многіе другіе золотопромышленники, часто терпѣлъ неудачу и бывалъ иногда въ затруднительныхъ положеніяхъ, не зная, какъ удовлетворить своихъ кредиторовъ. Послѣдніе годы Захаръ Михайловичъ, говорятъ, получаетъ чистой прибыли отъ пріисковъ около 100 тысячъ рублей и удѣляетъ отъ своихъ достат-

ковъ значительную сумму на добрыя дѣла. Такъ, напр., онъ выстроилъ въ Томскѣ каменную церковь при исправительной арестантской ротѣ и снабдилъ ее всею необходимою утварью. Также на домъ реальнаго училища онъ положилъ не менѣе десятка тысячъ рублей и поддерживаетъ содержаніе Владимірскаго дѣтскаго пріюта, гдѣ жена его, Ѳедосья Емельяновна, состоитъ почетною попечительницею. На Сибирскій университетъ Захаръ Михайловичъ пожертвовалъ до 160 т. р. [1]) и по мѣрѣ силъ заботился о благосостояніи городскаго хозяйства, какъ городской голова. Но что особенно выдѣляетъ Захара Михайловича изъ среды томскаго богатаго купечества, это его безупречное прошлое. Про него никто не скажетъ, что онъ нажилъ состояніе путемъ неправеднымъ, какъ нѣкоторые изъ здѣшнихъ купцовъ, или ихъ предковъ, которымъ молва приписываетъ не только обманы и подлоги, но даже открытые грабежи и убійства по большимъ дорогамъ. Равнымъ образомъ, нельзя сказать, чтобы Цибульскій, разбогатѣвъ, сталъ злоупотреблять своимъ богатствомъ, обижая бѣдныхъ и дозволяя себѣ разныя самодурства, столь обычныя у сибирскихъ кулаковъ.

Третій членъ строительнаго комитета, Александръ Ипполитовичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, былъ мнѣ извѣстенъ еще раньше, въ Петербургѣ. Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по естественному разряду физико-математическаго факультета, потомъ нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ для командировокъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, откуда и получилъ назначеніе предсѣдателемъ губернскаго правленія въ Томскѣ (кажется, въ 1876 году).

Это человѣкъ еще молодой (лѣтъ 30-ти съ небольшимъ), хорошо воспитанный, съ нѣкоторыми привычками барства, унаслѣдованными, вѣроятно, отъ предковъ Мамоновыхъ, захудалымъ обломкомъ которыхъ онъ себя считаетъ. Женатъ онъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Львовой, большой музыкантшѣ, ученицѣ Рубинштейна, мечтающей создать въ Томскѣ отдѣленіе императорскаго музыкальнаго общества. Взгляды А. И. и Е. А. на Сибирь діаметрально противоположны. На сколько онъ увлекается и смотритъ на настоящее и будущее этого края черезъ розовыя очки, на столько она, не касаясь будущаго, рисуетъ настоящее мрачными красками. Не задаваясь отвлеченными мечтами, а анализируя все окружающее, она находитъ здѣсь и природу, и людей слишкомъ суровыми, грубыми, изуродованными. Такой взглядъ, можетъ быть, дѣйствительно вѣрнѣе и трезвѣе, нежели

---

[1]) За это пожертвованіе Цибульскій награжденъ по представленію графа Д. А. Толстаго орденомъ Владиміра 3-й степени и правомъ помѣстить его портретъ въ актовомъ залѣ университета.

составленная нами въ Петербургѣ идиллія. Въ своемъ мѣстѣ мнѣ придется еще коснуться этихъ данныхъ, по скольку они будутъ связаны съ ходомъ событій.

Мамоновы живутъ въ каменномъ нештукатуренномъ домѣ (Иваницкаго), недалеко отъ новой соборной площади. Это одна изъ лучшихъ наемныхъ квартиръ, конечно, по томскимъ понятіямъ. Здѣсь имѣется крылечко съ улицы, а не черный ходъ со двора, какъ обыкновенно. Въ квартирѣ пять комнатъ, размѣщенныхъ довольно толково. Двѣ изъ нихъ даже оклеены дешевенькими обоями, остальныя выбѣлены. Есть маленькая терраса, выходящая въ небольшой садикъ, проходъ въ которую устроенъ изъ комнаты черезъ окно по подставной лѣсенкѣ. Это нововведеніе придумано уже не хозяиномъ дома, а жильцами и чуть ли не устроено на ихъ счетъ. Я упоминаю о такихъ мелочахъ потому, что онѣ характеризуютъ складъ томской жизни въ 1880 году. Пройдетъ десятокъ лѣтъ, явятся другіе люди, разовьются другія привычки, и тогда никто не повѣритъ, чтобы въ Томскѣ, еще такъ недавно, галлерейка, наружный подъѣздъ и обои въ комнатахъ составляли выдающуюся новинку. Кто бы могъ подумать, что оштукатуренный, или обшитый тесомъ домъ здѣсь составляетъ рѣдкую роскошь, что въ городѣ совсѣмъ нѣтъ садовъ (за исключеніемъ березъ, захваченныхъ въ черту двора при новыхъ постройкахъ на окраинахъ), что досчатые тротуары (мостики) идутъ только по главной улицѣ, и то съ перерывами, что въ темныя ночи освѣщается только единственная улица и то сальными свѣчами, на разстояніи саженъ 70 фонарь отъ фонаря! Если сказать при этомъ, что городъ получаетъ ежегоднаго дохода до 170 т. руб. и не имѣетъ ни сносной полиціи, ни порядочнаго пожарнаго обоза, то дѣйствительно можно прійти въ недоумѣніе, почему городское управленіе до сихъ поръ не проявило никакихъ проблесковъ благоустройства. Виновато ли здѣсь неряшество и небреженіе городоваго самоуправленія, или грубость и неумѣлость уполномоченныхъ къ тому лицъ, объ этомъ можно составить мнѣніе тогда, когда удастся ближе познакомиться съ городскими порядками.

За этотъ день отмѣчу еще одинъ не безъинтересный фактъ. Отправились мы въ лавки купить кое-какія принадлежности домашняго хозяйства. Здѣсь насъ прежде всего поразило то обстоятельство, что большая часть магазиновъ не имѣетъ спеціальной торговли, а держать всего понемножку. Такъ, напр., въ одной и той же лавкѣ вы найдете и фарфоровую посуду, и желѣзныя издѣлія, и закуски, и мануфактуры, и свѣчи. Каждый торговецъ старается, по возможности, разнообразить товаръ, но имѣть всего понемножку. Этимъ, говорятъ, они больше привлекаютъ покупателей и конкуррируютъ другъ

съ другомъ. Лучшіе магазины помѣщаются по Милліонной улицѣ, именно: мануфактурные Стахѣева (елабужскаго купца, здѣсь не живущаго) и фирма Петрова и Михайлова (Петровъ московскій купецъ, а Михайловъ его бывшій приказчикъ въ Томскѣ). Здѣсь торгуютъ однообразнымъ товаромъ (въ одноэтажныхъ каменныхъ лавкахъ, довольно грязныхъ). Рядомъ съ ними магазинъ Сорокина торгуетъ колоніальными товарами и разными сластями, чаемъ и сахаромъ. Здѣсь же продаютъ мыло, свѣчи, табакъ, духи, канцелярскія принадлежности и многое другое. Далѣе по той же улицѣ находится магазинъ братьевъ Ненашевыхъ. Здѣсь можно найти всякую всячину, начиная отъ золотыхъ вещей и фаянсовой посуды и кончая грубыми желѣзными и мѣдными издѣліями, армяками и конской сбруей. На той же улицѣ существуетъ небольшая китайская лавочка съ природными китайцами, говорящими, впрочемъ, хорошо по-русски. Лавочка мизерная, но здѣсь можно найти, кромѣ чая и сахара, китайскія шелковыя ткани, фарфоръ (преимущественно вазы, блюда и чашки), тибетскіе бѣлые мѣха и китайскія бумажныя картины. Все это, сравнительно, недорого и очень оригинально. Гостиный дворъ пребезобразиный и непомѣрно грязный. Со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ деревянными лавочками, сарайчиками и холщевыми шатрами, гдѣ торгуютъ по мелочи. Замѣчательно, что въ цѣломъ городѣ нельзя купить приличной городской обуви. Продаются только мужицкіе сапоги и бродни (кунгурской работы). Томская интеллигенція должна либо выписывать обувь, либо шить на заказъ у мѣстныхъ мѣщанъ. Нѣтъ также ни одной сносной булочной, ни одной кондитерской. Обыватели, обыкновенно, заготовляютъ эти продукты иа собственной кухнѣ. Нѣтъ также ни одного перчаточнаго магазина и некому отдать вычистить перчатокъ. По знакомству сообщили намъ, что этимъ дѣломъ негласно занимается жена учителя французскаго языка мѣстной гимназіи, но она это дѣлаетъ въ видѣ одолженія, хотя и за плату по 40 к. за пару. Обратиться къ ней можно не прямо, а черезъ посредство ея знакомыхъ. Въ данномъ случаѣ мы воспользовались посредническими услугами Е. А. Мамоновой. Новыхъ лайковыхъ перчатокъ въ Томскѣ купить нельзя. Въ магазинахъ держатъ только вязанныя, нитяныя, или шелковыя.

Мебельныхъ магазиновъ въ Томскѣ тоже не существуетъ. Если кому понадобится столъ, шкафъ или стулья, нужно выжидать случая, либо присматриваться на толкучкѣ (по пятницамъ), или заказать кому-либо изъ мѣстныхъ столяровъ. Намъ нужно было пріобрѣсти для конторы строительнаго комитета столъ, шкафъ и полдюжины креселъ. Посовѣтовали обратиться къ лучшему здѣшнему мастеру: фамилія его Марсель, по національности французъ, сосланный сюда

изъ Одессы за какіе-то проступки. Когда мнѣ его прислали, онъ оказался съ виду настоящимъ томскимъ мѣщаниномъ: въ азямѣ, подпоясанъ краснымъ кушакомъ, въ мужицкихъ смазныхъ сапогахъ. Обѣщался сдѣлать мебель черезъ мѣсяцъ, кресла березовыя по 12 руб., столъ и шкафъ сосновые, первый 15 руб., второй 35 руб. Другаго столярнаго дерева кромѣ сосны, кедра и березы здѣсь нѣтъ. Хотѣлось обить кресла какой-нибудь матеріей, но Марсель за это не взялся, говоря, что въ Томскѣ обойщиковъ не имѣется. Хотѣлось повѣсить на окна сторы, мнѣ рекомендовали обратиться за этимъ къ гробовщику, такъ какъ ему приходится иногда обивать гробы глазетомъ и позументами, а другіе ремесленники обойнымъ дѣломъ не занимаются. Усумнившись въ правдивости такого отвѣта, я полюбопытствовалъ посмотрѣть мягкую мебель нашей гостиной, стоявшую подъ холщевыми чехлами. Оказалось, что на ней также нѣтъ обивки. Говорятъ, что въ томскихъ салонахъ это принято: подъ чехлами не видать, а сторы выписываютъ или покупаютъ готовыми, большею частью соломенныя или лощеныя коленкоровыя съ разными пестрыми рисунками. Примѣняясь къ обстоятельствамъ, и мы поступали также.

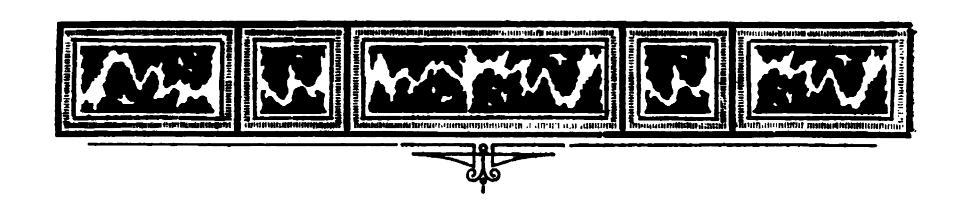
1-го іюня. Воскресенье. Обѣдали сегодня опять въ лагеряхъ, за невозможностью достать въ городѣ ничего горячаго. Утромъ хлопотали по хозяйству, сдѣлали необходимѣйшія покупки. Въ лавкахъ трудно что-либо выбрать, а что есть,—страшно дорого. Говорятъ, теперь такое неблагопріятное время: что было запасено съ прошлаго лѣта, уже распродано, а новые товары еще не получены. Отъ такого объясненія ничуть не легче. Купили небольшой чайный сервизъ на 6 персонъ, съ чайникомъ, сахарницей и полоскательной чашкой, изъ дряннаго фаянса, и нѣсколько глиняныхъ тарелокъ съ такими же судками, чтобы носить обѣдъ. Заплатили за эту дрянь 32 р. За пару дрянныхъ тюфяковъ, набитыхъ верблюжьей шерстью, пришлось дать 25 р., за двѣ желѣзныя складныя кровати 35 руб. (въ Казани онѣ стоили бы рублей 12—15). За мѣдные подсвѣчники, желѣзный подносъ и разный хозяйственный хламъ—15 руб. Стеариновыя свѣчи продаются здѣсь по 35—40 к. фунтъ, керосинъ 15—20 к., сахаръ 35 к. фунтъ. Я упоминаю объ этомъ потому, чтобы дать понятіе о томскихъ цѣнахъ. Обѣдъ въ лагеряхъ (изъ трехъ блюдъ на три персоны) намъ стоитъ каждый день пять рублей, да извозчикъ туда и обратно 3 руб. За квартиру въ четыре комнаты мы платимъ А. Ф. Жиллю за три лѣтнихъ мѣсяца 150 руб. Годовая цѣна ея 600 р. за голыя, выбѣленныя известкою стѣны, безъ всякихъ житейскихъ удобствъ. Изъ этого можно заключить, что жизнь въ Томскѣ далеко не дешева.

2-го іюня. Наконецъ, удалось намъ нѣсколько устроиться съ своимъ

хозяйствомъ. Нашелся такой антрепренеръ (мѣщанинъ Соколовъ), который взялся насъ кормить по-мѣсячно и предложилъ въ наше распоряженіе пару вороненькихъ нарымскихъ лошадокъ въ открытой телѣжкѣ и взялъ за все это по 210 руб. въ мѣсяцъ. Обѣдъ готовится у него на дому (по той же улицѣ, но въ другомъ кварталѣ). Приносить его будетъ въ судкахъ нашъ человѣкъ, Александръ, нанятый въ Томскѣ по 10 руб. въ мѣсяцъ. Каково будутъ готовить, еще не извѣстно, но сыты, вѣроятно, будемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

III [1]).

Переговоры съ Лористономъ.—Отъѣздъ Александра I въ Вильно.—Переходъ Наполеона черезъ Вислу; сраженіе при Бородино и Тарутинѣ.—Бѣгство Наполеона.—Вступленіе русскихъ войскъ въ предѣлы Пруссіи.—Сраженіе при Бауценѣ и Люценѣ.—Конгрессъ въ Прагѣ и свиданіе въ Трахтенбергѣ.—Сраженіе при Кульмѣ, Каухбахѣ, Гроссъ-Беренѣ; битва при Лейпцигѣ.—Преслѣдованіе Наполеона.—Вступленіе въ предѣлы Франціи.—Переговоры о сдачѣ Парижа.—Вступленіе въ Парижъ.—Назначеніе Нессельроде управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ 1812 г., тянулись переговоры графа Румянцева съ новымъ посланникомъ Наполеона I въ Петербургѣ, генераломъ Лористономъ, замѣнившимъ герцога Виченскаго. Переговоры эти преимущественно относились до заключенія трактата, долженствовавшаго обезпечить за Россіею и обладаніе провинціями, входившими нѣкогда въ составъ Польскаго королевства. Мы настаивали на томъ, чтобы было положительно выражено, что Польское королевство впредь никогда возстановлено не будетъ. Наполеонъ не желалъ брать на себя инаго обязательства, какъ только то, что онъ не будетъ содѣйствовать возстановленію этого королевства. Эти переговоры ни къ чему не привели. Наполеонъ, очевидно, поддерживалъ и тянулъ ихъ только съ цѣлью выиграть время, ему необходимое, для окончанія огромныхъ его вооруженій. Весною гроза медленно надвигалась, все увеличиваясь. Большія арміи подходили къ нашимъ границамъ и занимали владѣнія прусскаго короля. Союзные трактаты были заключены Наполеономъ съ Пруссіею и Австріею; война дѣлалась неизбѣжною. Вся континентальная Европа обрушилась на Россію, потому что даже испанцы, португальцы и итальянцы сражались въ рядахъ Наполеона противъ насъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину", мартъ 1906 г.

Въ мартѣ мѣсяцѣ императоръ Александръ I отправился въ армію и основалъ главную свою квартиру въ Вильнѣ. Я присоединился тамъ къ лицамъ свиты, сопровождавшимъ государя, число которыхъ было очень значительно. Тутъ находились, прежде всего, Н. П. Румянцевъ, князь В. П. Кочубей, графъ Армфельдтъ, маркизъ Паулуччи, графъ Аракчеевъ и А. С. Шишковъ, замѣстившій Сперанскаго, въ должности государственнаго секретаря. Чѣмъ многочисленнѣе была свита императора, тѣмъ значительнѣе и дѣятельнѣе были различныя интриги. Наши военныя силы были распредѣлены между двумя арміями; одною командовалъ Барклай-де-Толли, а второю князь Багратіонъ; онѣ обѣ заключали никакъ не болѣе 250.000 человѣкъ, между тѣмъ, какъ Наполеонъ явился съ арміею въ 400.000 человѣкъ. При нашемъ государѣ находился тогда старый прусскій офицеръ, генералъ Пфуль. Онъ предложилъ планъ кампаніи, вызвавшій сильную оппозицію со стороны большинства нашихъ генераловъ. По плану Пфуля армія Барклая должна была отходить къ берегамъ р. Двины и занять сильныя укрѣпленія у Дриссы [1]), тогда какъ, тѣмъ временемъ, армія Барклая дѣйствовала бы наступательно на флангѣ и въ тылу французской арміи. Планъ этотъ могъ бы быть приведенъ въ исполненіе только отчасти. Скоро убѣдились, что для достиженія предполагаемыхъ Пфулемъ успѣховъ необходимо имѣть значительно большія военныя силы, а потому были даны приказанія князю Багратіону присоединиться къ арміи генерала Барклая. События войны препятствовали осуществленію этого соединенія, которое воспослѣдовало очень поздно, у стѣнъ Смоленска.

Наполеонъ покинулъ Парижъ и направился въ Дрезденъ, гдѣ имѣлъ свиданіе съ новыми своими союзниками, монархами прусскимъ и австрійскимъ. Желая придать видъ, что онъ преисполненъ миролюбивыхъ намѣреній, Наполеонъ послалъ въ Вильну графа Нарбонна [2]) съ письмами къ императору. Я очень хорошо зналъ Нарбонна въ Парижѣ и имѣлъ съ нимъ теперь неоднократно конфиденціальные разговоры, доказавшіе мнѣ, что эта присылка Нарбонна не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Императоръ Александръ I принялъ его благосклонно, но уклонился высказаться рѣшительно. Въ обмѣнъ этой присылки государь отправилъ къ Наполеону генерала Балашева съ отвѣтомъ. Тѣмъ временемъ Наполеонъ прибылъ въ свою главную

---

[1]) У Нессельроде, т. II стр. 80 и 81, говорится: „camp. Dryna", что, безъ сомнѣнія, опечатка: должно быть Dryssa. Это лагерь у мѣстечка Дриссы на берегу Западной Двины.

[2]) Графъ Нарбоннъ-де-Лара род. въ 1755 г., служилъ въ рядахъ арміи, былъ генералъ-лейтенантъ, а позднѣе состоялъ по дипломатической части. Онъ умеръ въ 1815 году.

квартиру. Во время бала, даннаго генераломъ Беннигсеномъ, императоръ получилъ извѣстіе, что французская армія совершила переправу черезъ Нѣманъ. Было рѣшено, что мы немедленно покинемъ Вильну, и на другой день наша армія начала совершать отступленіе. Не хватило времени, чтобы составить окончательную редакцію манифеста, для котораго я подготовилъ уже все необходимое; между тѣмъ надлежало безусловно обнародовать какое-либо извѣщеніе. Императоръ Александръ I рѣшился обнародовать рескриптъ на имя князя Салтыкова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, на котораго, за отсутствіемъ государя, было возложено главное управленіе дѣлами въ Петербургѣ. Я наскоро написалъ рескриптъ; онъ былъ переведенъ на русскій языкъ и обнародованъ. Наше отступленіе продолжалось до Дриссы, при чемъ нѣкоторыя арріергардныя стычки съ французами не всегда были для насъ неблагопріятны. Разсмотрѣвъ въ подробности укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, довольно скоро распознали всѣ его недостатки и усмотрѣли невозможность въ немъ удержаться. Было принято важное рѣшеніе. Генералъ Барклай долженъ былъ продолжать отступленіе, а государь—направиться въ Москву, чтобы ускорить формированіе ополченія, созваннаго со всѣхъ мѣстъ Россіи, и воодушевить населеніе патріотическимъ чувствомъ. Императоръ уѣхалъ въ сопровожденіи одного князя Волконскаго, своего начальника штаба, и нѣсколькихъ адъютантовъ. Императоръ приказалъ мнѣ оставаться при генералѣ Барклаѣ и взять на себя изложеніе извѣстій (бюллетеней) изъ арміи. Вся остальная, многочисленная свита была отправлена изъ Вильны въ Петербургъ. Я продолжалъ слѣдовать за арміею, присутствовалъ, между прочимъ, при сраженіи подъ Витебскомъ, гдѣ мой другъ, графъ Паленъ, отличился въ арріергардномъ дѣлѣ. Спустя нѣсколько дней, я получилъ съ курьеромъ приказаніе прибыть къ императору въ Петербургъ.

Въ началѣ кампаніи, главный штабъ арміи Барклая былъ составленъ очень страннымъ образомъ; генералъ Лавровъ, начальникъ главнаго штаба, и генералъ Мухинъ, генералъ-квартирмейстеръ, были лица изумительной неспособности. Уже въ Вильнѣ, генералъ Лавровъ былъ смѣщенъ; его замѣнилъ маркизъ Паулуччи, служившій ранѣе съ отличіемъ, но онъ не долго занималъ это важное мѣсто. Онъ сдѣлался невыносимымъ (violence) жестокостью своего характера, своею самоувѣренностью (présomption) и своимъ самомнѣніемъ. Онъ былъ уволенъ, но позднѣе назначенъ генералъ-губернаторомъ Риги. Начальникомъ же штаба былъ назначенъ генералъ Ермоловъ, а генералъ-квартирмейстеромъ—генералъ Толь. Нашего плана, состоявшаго въ продолжительномъ отступленіи, не понимала ни публика, ни армія, въ которой заключалось все наше спасеніе.

Александръ I, разставаясь съ Барклаемъ въ Полоцкѣ, сказалъ ему: „сохраните мнѣ армію; это единственная, которою я обладаю“. Проникнутый этимъ желаніемъ, храбрый генералъ, съ очень рѣдкимъ самопожертвованіемъ, пренебрегъ всѣми неудовольствіями народа, всею враждебностью генераловъ и съ достойною настойчивостью преслѣдовалъ исполненіе задачи, возложенной на него волею государя. Барклай былъ потомокъ шотландскаго семейства, водворившагося болѣе ста лѣтъ въ Лифляндіи. Онъ не былъ русскимъ по происхожденію, и это было, большею частью, источникомъ возникшихъ на него нареканій и неудовольствій, которыя были доведены до такой степени, что государь призналъ необходимымъ, для удовлетворенія народному чувству, поставить во главѣ арміи человѣка, носящаго русское имя. Онъ назначилъ фельдмаршала Кутузова главнокомандующимъ обѣими арміями, которыя, наконецъ, успѣли соединиться подъ стѣнами Смоленска.

Я оставался при арміи. Подъ Гжатскомъ, я получилъ съ курьеромъ приказаніе императора прибыть къ нему въ Петербургъ. Я немедленно отправился и дорогою встрѣтился съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который остановилъ меня, чтобы разспросить о главномъ штабѣ арміи. Князь Кутузовъ совершилъ блистательное военное поприще. Побѣда, одержанная надъ великимъ визиремъ, на берегахъ Дуная, привела къ заключенію мира въ Бухарестѣ, мира, явившагося для насъ благодѣяніемъ; въ то время, какъ Наполеонъ вторгался въ Россію во главѣ 400 тысячъ солдатъ, этотъ миръ давалъ въ наше распоряженіе всѣ войска наши, находившіяся въ Турціи. Этимъ мы были обязаны Кутузову, главнѣйшимъ образомъ. Извѣстіе о мирѣ было получено въ Вильнѣ до начала военныхъ дѣйствій съ французами. Графъ Румянцевъ былъ этимъ миромъ не доволенъ; онъ желалъ имѣть болѣе выгодный миръ, не обращая никакого вниманія на обстоятельства, при которыхъ этотъ миръ былъ заключенъ; условія мира едва не остались нератификованными. Это очень повліяло на личное положеніе фельдмаршала Кутузова. Оказанная имъ заслуга не была оцѣнена, и онъ присужденъ былъ, подъ бременемъ полунемилости, оставить армію, въ которой, немного ранѣе, онъ былъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ. Кутузовъ находился въ такомъ положеніи, когда былъ вновь призванъ къ командованію арміями скорѣе общественнымъ мнѣніемъ страны, нежели довѣріемъ къ нему императора.

Александръ I, впрочемъ, не безъ основанія сомнѣвался въ томъ, чтобы Кутузовъ могъ явиться достойнымъ соперникомъ Наполеона и съ успѣхомъ сразиться съ нимъ. Кутузовъ былъ уже старъ, болѣзненъ, разбитъ, его раны и недуги не дозволяли ему ѣздить верхомъ. Обладая, несомнѣнно, большою храбростью, умомъ, совмѣстно съ тон-

костью, вѣжливостью обращенія, Кутузовъ часто не обнаруживалъ достаточной твердости и отказывался отъ энергическихъ распоряженій и мѣропріятій. Онъ настигъ армію, когда, послѣ кровопролитной битвы подъ Смоленскомъ, она уже подходила къ предѣламъ Московской губерніи. Предстояло рѣшить, отдадутъ ли столицу Имперіи въ руки враговъ, не испытавъ еще разъ счастья новой битвы. Признали невозможность новаго сраженія и заняли позицію при Бородино, которую наскоро старались, по возможности, укрѣпить. Обѣ арміи Барклая и Багратіона сосредоточились и были усилены московскимъ ополченіемъ въ 10 тысячъ человѣкъ; все это довело наши силы до 110 т. солдатъ. Наполеонъ явился, и тутъ произошла одна изъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ исторіи. Фельдмаршалъ Кутузовъ руководилъ сраженіемъ на почтительномъ отъ него разстояніи; героемъ дня былъ фельдмаршалъ Барклай, который, доведенный до отчаянія несправедливыми обвиненіями, подвергалъ себя до того опасности, что полагали, что онъ ищетъ смерти. Князь Багратіонъ былъ убитъ почти въ самомъ началѣ сраженія. Потери непріятеля и наши были огромны; главнѣйшіе наши редуты были заняты французами, невозможно было долѣе держаться на этой позиціи, и фельдмаршалъ Кутузовъ рѣшилъ вечеромъ же, чтобы армія отступила. Французская армія была разстроена не менѣе нашей и не была въ состояніи насъ немедленно преслѣдовать. До входа въ Москву состоялся военный совѣтъ, въ которомъ обсуждался вопросъ, возможно ли для защиты столицы принять еще разъ сраженіе или надлежитъ сдать ее безъ боя врагу. На совѣтѣ было признано невозможнымъ оказать еще разъ сопротивленіе, и большинство членовъ совѣта высказалось за очищеніе столицы.

Армія совершила переходъ чрезъ Москву, но вмѣсто того, чтобы отступить или къ Петербургу или по направленію на сѣверъ, она направилась по дорогѣ въ Калугу и заняла позицію, которая представляла то преимущество, что наша армія становилась на флангъ французской арміи и при томъ обезпечивала себѣ сношеніе съ самыми плодородными губерніями Россіи. Эта мѣра и пожертвованіе Москвою спасли Россію и подготовили бѣдствіе французской арміи.

Многіе изъ окружавшихъ Наполеона, предчувствовали бѣдствія, которымъ они подвергались, переходя предѣлы древняго Польскаго королевства. Они тщетно приложили всѣ свои усилія, чтобы удержать Наполеона отъ похода въ Россію. Ласкавшая его надежда подписать миръ съ Россіею въ Москвѣ одержала верхъ. Онъ разсчитывалъ на слабость императора Александра I. Онъ полагалъ, что по занятіи столицы, нашъ государь, подобно другимъ монархамъ, согласится на заключеніе унизительнаго мира. Пожаръ Москвы долженъ

былъ бы разсѣять всѣ эти иллюзіи Наполеона. Въ ожиданіи прибытія лицъ, назначенныхъ для переговоровъ, и въ надеждѣ на благопріятный исходъ переговоровъ, начатыхъ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, Наполеонъ безполезно продолжилъ свое пребываніе въ Москвѣ. По вступленіи въ Москву, онъ былъ нѣкоторое время въ заблужденіи о направленіи, принятомъ нашею арміею при отступленіи. Узнавъ наконецъ, по какому направленію она отступила, Наполеонъ выслалъ для наблюденія за нею особый отрядъ, подъ начальствомъ Мюрата, который расположился вблизи деревни Тарутино. Кутузовъ, видя, что Мюратъ занимаетъ съ своимъ отрядомъ очень большое протяженіе, воспользовался этою его ошибкою и приказалъ его атаковать съ значительными силами, подъ начальствомъ генерала Беннигсена. Эта атака имѣла полный успѣхъ. Мюратъ былъ отброшенъ, потерялъ 18 орудій и, кромѣ того, большое число убитыми и взятыми въ плѣнъ. Послѣдствія этого сраженія могли оказаться еще болѣе важными, если бы при началѣ сраженія не былъ убитъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ генераловъ. Это пріостановило движеніе одной дивизіи, направленной въ обходъ непріятельской позиціи. Извѣстіе объ одержанномъ успѣхѣ было доставлено въ Петербургъ полковникомъ Мишо; въ то же самое время было получено извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Москвы Наполеона, который начиналъ свое отступленіе. Безполезно описывать впечатлѣніе, произведенное этими событіями на обывателей столицы и на императорскій дворъ. Государь спросилъ Мишо, можно ли надѣяться на то, что французская армія покинетъ Россію? Пьемонтскій полковникъ отвѣтилъ: „ваше величество, я такъ мало въ этомъ сомнѣваюсь, что явился умолять ваше величество, возстановить моего короля на престолѣ моихъ предковъ“. Императоръ Александръ I обѣщалъ удовлетворить его просьбу и на дѣлѣ исполнилъ оную позднѣе. Въ это время у меня было немного занятій; всѣ мои работы ограничивались составленіемъ нѣкоторыхъ бумагъ по приказанію государя.

Французская армія продолжала непрерывно свое, знаменитое по бѣдствіямъ, отступленіе. При переправѣ черезъ Березину, испытываемыя ею бѣдствія достигли крайнихъ предѣловъ. 29-й бюллетень Наполеона извѣстилъ объ этомъ Европу и Францію. Наполеонъ покинулъ армію въ Молодечномъ,—этимъ мѣстомъ помѣченъ бюллетень, и въ сопровожденіи только Коленкура и мамелюка Рустана уѣхалъ. Великая армія была истреблена; остались еще корпуса: князя Шварценберга и генерала Іорка (расположенный въ Курляндіи). Князь Шварценбергъ отступилъ въ Галицію; Іоркъ заключилъ съ Дибичемъ капитуляцію, по которой онъ покидалъ Наполеона со своимъ корпусомъ.

Россія была очищена отъ враговъ. Теперь возникалъ вопросъ:

должно ли довольствоваться освобожденіемъ родины отъ ига Наполеона, или же воспользоваться благопріятными условіями для освобожденія отъ того же всей Европы? У насъ не всѣ были одного мнѣнія въ этомъ отношеніи. Фельдмаршалъ Кутузовъ, столь вяло преслѣдовавшій французовъ, высказывался противъ дальнѣйшаго продолженія войны. Но императоръ Александръ I, вдохновленный болѣе возвышенными и благородными чувствами, отвергъ эти робкіе совѣты и рѣшился взять на себя лично командованіе арміею. Онъ покинулъ Петербургъ и приказалъ мнѣ сопровождать его. На этотъ разъ онъ имѣлъ счастливую мысль оставить въ Петербургѣ всю блестящую свиту, съ которою онъ весною направился въ Вильну. Только князь Волконскій, графъ Аракчеевъ и я сопровождали государя. Баронъ Штейнъ [1]) получилъ приказаніе присоединиться къ намъ, когда армія вступитъ въ предѣлы Пруссіи. Передъ отъѣздомъ, его величество приказалъ мнѣ написать воззваніе, обращенное къ пруссакамъ. Я прибылъ въ Вильно и остановился близъ собора, гдѣ содержатель гостиницы сообщилъ мнѣ, что у него останавливались иностранные дипломаты, находившіеся при герцогѣ Бассано. Въ числѣ ихъ былъ также одинъ изъ моихъ друзей, г. Фіоретти, съ которымъ я познакомился еще въ Гаагѣ и потомъ встрѣтилъ уже въ Парижѣ совѣтникомъ посольства, при князѣ Меттернихѣ. На другой день я занялъ комнаты, отведенныя мнѣ въ императорскомъ дворцѣ.

Съ этого времени начинается мое дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ и блестящихъ дѣлахъ, ознаменовавшихъ знаменитое царствованіе императора Александра I. Скоро я былъ посланъ съ особымъ порученіемъ въ Константинополь. Надлежало увѣдомить Порту объ успѣхахъ, одержанныхъ нашими войсками надъ французами, и о громадныхъ результатахъ, являвшихся слѣдствіемъ оныхъ. Одинъ совершенно, безъ всякаго чиновника, я отправился въ Турцію и принужденъ былъ самъ и составлять бумаги, и переписывать ихъ. Я исполнялъ нѣкоторое время эту двойную работу, до тѣхъ поръ, пока счастливая случайность не доставила мнѣ Шредера, присланнаго курьеромъ отъ Алопеуса, который оставался въ Прагѣ и оттуда сообщалъ намъ

---

[1]) Штейнъ Генрихъ-Карлъ р. въ 1756 г. въ Пруссіи, одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, совершившій рядъ важнѣйшихъ преобразованій въ Пруссіи. Онъ отмѣнилъ крѣпостное право въ Пруссіи, ввелъ избирательныя городскія и земскія управленія и преобразовалъ армію вмѣстѣ съ Шарнгорстомъ. По приказанію Наполеона I онъ былъ удаленъ изъ Пруссіи и пребывалъ сперва въ Австріи, потомъ въ Россіи, дѣйствуя всячески противъ Наполеона. Онъ былъ главнымъ двигателемъ патріотическаго настроенія, охватившаго Германію въ 1813 году. Позднѣе, съ 1827 г., Штейнъ былъ членъ Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ и умеръ въ 1831 году.

интересныя свѣдѣнія о жалкомъ состояніи остатковъ четырехсотъ-тысячной арміи, достигшихъ предѣловъ Германіи. Вліяніе, оказанное этими большими несчастіями Наполеона на умы, начинало ихъ возбуждать и вдохновлять; они стали предаваться надеждѣ свергнуть съ себя ненавистное иго.

Императору Александру I суждено было осуществить эту мечту на самомъ дѣлѣ.

1-го декабря 1812 г. наша армія перешла границу Россіи во многихъ мѣстахъ. Главная императорская квартира слѣдовала за колонною, которая двигалась по старой Пруссіи, оставляя Кенигсбергъ вправо и направляясь на Плоцкъ. Едва мы вступили въ Пруссію, какъ пріѣхалъ къ намъ баронъ Штейнъ, которому императоръ ввѣрилъ управленіе страною, подлежащею занятію нашими войсками. Штейнъ отправился въ Кенигсбергъ, чтобы устроить временное управленіе, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Шена. Мы еще не успѣли вступить въ герцогство Варшавское, какъ къ намъ присоединился графъ Бранденбургъ [1]). Онъ привезъ съ собою письмо прусскаго короля и долженъ былъ на словахъ изложить затруднительное его положеніе, такъ какъ Пруссія была еще окружена французскими войсками. Кромѣ того, онъ долженъ былъ доставить своему монарху свѣдѣнія о направленіяхъ, по которымъ будутъ слѣдовать наши войска. Не высказываясь положительно, король прусскій давалъ предчувствовать свое намѣреніе присоединиться къ намъ, при первой къ тому возможности. Это сообщеніе, конечно, должно было побудить государя двинуться впередъ. Мы останавливались очень короткое время въ Плоцкѣ, а также въ двухъ мѣстахъ, по которымъ должны были слѣдовать, и почти усиленными переходами старались скорѣе добраться до Калиша Въ это время, наша лѣвая колонна постепенно занимала герцогство Варшавское, вслѣдствіе конвенціи, заключенной съ княземъ Шварценбергомъ, по которой мы согласились доставить ему возможность вступить въ Галицію, не преслѣдуя его и не подвергая его нападеніямъ съ нашей стороны. Занятіе герцогства Варшавскаго совершилось такимъ образомъ совершенно мирно, за исключеніемъ одного небольшаго сраженія, въ которомъ генералъ Винценгероде разбилъ французскій корпусъ генерала Ренье. Въ продолженіе этихъ событій король прусскій тайно покинулъ Берлинъ и

---

[1]) Бранденбургъ Фридрихъ-Вильгельмъ—сынъ отъ морганатическаго брака прусскаго Короля Фридриха-Вильгельма II, род. въ 1792 г., поступилъ въ ряды арміи прусской и дѣлалъ кампаніи 1813 и 1814 годовъ. Онъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ приверженцевъ союза Пруссіи съ Россіею при берлинскомъ дворѣ. Онъ умеръ въ 1850 году.

прибылъ въ Бреславль. По прибытіи нашемъ въ Калишъ мы находились уже въ небольшомъ отъ него разстояніи и имѣли частыя съ нимъ сношенія. Король прусскій прислалъ къ намъ генерала Кнезебека, поручивъ ему установить основныя начала будущаго союза. По заключеніи этого союза императоръ Александръ, чуждый тщеславія и ребячествъ придворнаго этикета, поѣхалъ въ Бреславль къ королю и взялъ меня съ собою. Мы были приняты съ восторгомъ, не поддающимся описанію. За большимъ обѣдомъ, даннымъ королемъ прусскимъ, я въ первый разъ увидѣлъ принцессу прусскую, Шарлотту, будущую супругу императора Николая I, Александру Ѳеодоровну, которая тогда исправляла обязанности хозяйки дома. Я сидѣлъ противъ ихъ величествъ, между фельдмаршаломъ Блюхеромъ и княземъ Гарденбергомъ, и имѣлъ продолжительный разговоръ съ фельдмаршаломъ, который, преисполненный пыла и рвенія, жаловался немного на составъ арміи, наполненной исключительно молодыми солдатами. Мы пробыли въ Бреславлѣ только сорокъ восемь часовъ. Это пребываніе въ Бреславлѣ закрѣпило прочно дружбу обоихъ монарховъ, дружбу, продолжавшуюся по самую кончину ихъ. Было рѣшено, что князь Гарденбергъ пріѣдетъ въ Калишъ, чтобы окончательно изложить и подписать союзный трактатъ. Онъ дѣйствительно немедленно пріѣхалъ послѣ насъ и вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ подписалъ трактатъ. Въ то же время былъ установленъ планъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій, на основаніи котораго вся армія двинулась впередъ. Она направилась чрезъ Силезію къ Дрездену. Въ Бунцлау фельдмаршалъ Кутузовъ опасно занемогъ, принужденъ былъ остаться и вскорѣ скончался. Извѣстіе о его кончинѣ было получено нами уже въ Дрезденѣ. Императоръ поручилъ командованіе арміею графу Витгенштейну, который отличился ранѣе, въ войну 1812 года, въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ съ маршаломъ Удино и Макдональдомъ, около Плоцка. Къ несчастію, послѣдствія не оправдали этого выбора.

Присоединившаяся къ намъ, прусская армія находилась подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера, начальникомъ штаба былъ генералъ Шарнгорстъ, основатель системы ландвера, которая дала Пруссіи возможность выставить при началѣ кампаніи 100.000 человѣкъ, тогда какъ, по договорамъ съ Наполеономъ, она обязалась содержать только 40.000 солдатъ. Мы скоро, къ несчастью, принуждены были оплакивать потерю этого замѣчательнаго человѣка.

Наше пребываніе въ Дрезденѣ было ознаменовано переговорами съ Англіею относительно заключенія трактата о субсидіяхъ. Англійское министерство послало одного изъ своихъ финансистовъ, г. Гарриса, для обсужденія этого дѣла, подъ главнымъ руководствомъ

посланника, лорда Наткарта, съ княземъ Гарденбергомъ и мною. Предложенія Англіи были слишкомъ выгодны, чтобы не быть принятыми, и очень скоро заключена была надлежащая конвенція. Въ то время, какъ мы занимались этимъ дѣломъ, было получено извѣстіе, что Наполеонъ, покинувъ Парижъ во главѣ новой арміи, которую успѣлъ сформировать въ теченіе зимы, направляется на соединеніе съ принцемъ Евгеніемъ, занимавшимъ еще Магдебургъ. Принцъ Евгеній со своей стороны собралъ также около 30 тыс. человѣкъ, избѣгшихъ гибели въ Россіи. Монархи немедленно разъѣхались, чтобы стать во главѣ своихъ армій и начать наступательныя движенія противъ Наполеона.

Планъ военныхъ дѣйствій былъ задуманъ очень хорошо. Наполеонъ двигался черезъ Эрфуртъ на Лейпцигъ: принцъ Евгеній долженъ былъ направиться также на Галле. Союзные монархи возымѣли мысль напасть на армію Наполеона, ранѣе соединенія его съ принцемъ Евгеніемъ. Дѣйствительно, имъ удалось атаковать французскую армію, во время ея движенія, близъ Люцена. Одержанные нами съ начала нѣкоторые успѣхи предвѣщали побѣду, но войска не были поддержаны вô-время, и этотъ прекрасный планъ, скверно выполненный, принудилъ монарховъ начать отступленіе къ вечеру, когда на полѣ сраженія появился принцъ Евгеній и угрожалъ зайти намъ во флангъ. Отступленіе было совершено въ большомъ порядкѣ. Союзная армія покинула Дрезденъ, отошла за Эльбу и заняла у Бауцена новую позицію, чтобы попытать вновь счастье во второй битвѣ. Это счастье не было значительнѣе перваго; мы были принуждены снова отступить. При этомъ представилось два плана отступленія. По одному мы направлялись на Калишъ, покинувъ нашу операціонную линію; по второму—мы вторгались въ Силезію, двигаясь вдоль границы Богеміи, чтобы обезпечить за нами важное преимущество, сохранить наши сообщенія съ Австріею. Первое направленіе было болѣе стратегическое, а второе—болѣе политическое. Это послѣднее, которое и было принято, дѣйствительно дозволило намъ продолжать наши переговоры съ Австріею. Графъ Стадіонъ, который находился при нашей главной квартирѣ представителемъ Австріи, удалился въ Гермецъ еще во время разгара Бауценскаго сраженія.

Вечеромъ, послѣ пораженія, императоръ Александръ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ немедленно ѣхать къ графу Стадіону, чтобы сообщить ему о принятомъ имъ рѣшеніи продолжать войну, несмотря на испытанныя неудачи, а также изложить основанія подобнаго рѣшенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено выразить ему надежду видѣть Австрію на нашей сторонѣ, потому что, если Наполеонъ и одержалъ теперь побѣды, то таковыя обошлись ему дорого,

что силы его значительно уменьшились и что такимъ образомъ Австрія призывается спасти Европу, если она формально примкнетъ къ коалиціи.

Наше отступленіе совершалось въ величайшемъ порядкѣ, и въ одномъ арьергардномъ дѣлѣ мы имѣли блестящій успѣхъ, стоившій Наполеону жизни маршала Дюрока и трехъ лучшихъ его генераловъ. Преслѣдованіе со стороны французовъ замедлилось, и мы имѣли возможность, не будучи ими тревожимы, достигнуть Швейдница въ Верхней Силезіи. Наша армія расположилась около этой крѣпости. Большая часть Силезіи и ея главный городъ, Бреславль, были постепенно заняты французскими войсками. Тогда возникли разговоры о заключеніи перемирія, которое и было въ скоромъ времени подписано. Самымъ важнымъ вопросомъ являлся тогда вопросъ: къ которой изъ сторонъ примкнетъ Австрія? Императоръ Францъ, чтобы быть ближе къ совершавшимся событіямъ, расположилъ свою главную квартиру въ Гичинѣ, въ замкѣ, принадлежавшемъ князю Траутмансдорфъ. Его сопровождалъ князь Меттернихъ и генералъ Дука, который, къ несчастью, являлся главнымъ его совѣтникомъ по военнымъ дѣламъ. Дука былъ уже старикъ, предпочитавшій покой всякому движенію и нейтралитетъ — войнѣ. Я нашелъ императора Франца въ сущности расположеннымъ примкнуть къ намъ, но его смущало время, потребное для приведенія на военное положеніе значительныхъ силъ, необходимыхъ для успѣха въ такомъ большомъ предпріятіи. Словомъ сказать, Австрія не выражала, что не приступитъ къ союзу и, чтобы уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта, воспользовалась переговорами, недавно начатыми Наполеономъ съ Австріею. Кромѣ того, ссылались и на то, что Австрія на дѣлѣ находится пока въ союзѣ съ Франціею и, что до сихъ поръ послѣдняя не проявила какой-либо прямой обиды, которая могла бы послужить основаніемъ для объявленія войны. Князь Меттернихъ возымѣлъ мысль предложить Наполеону, въ видѣ интереса всей Европы, умѣренныя условія къ общему умиротворенію Европы. Непринятіе этого предложенія должно было доставить ему самое благовидное основаніе къ разрыву. Чтобы привести эту мысль въ исполненіе, Меттернихъ долженъ былъ немедленно ѣхать къ Наполеону въ Дрезденъ. Такимъ образомъ Меттернихъ являлся посредникомъ между Наполеономъ и союзными державами. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться болѣе положительныхъ результатовъ и уѣхалъ изъ Гичина; я въ состояніи былъ только объяснить обоимъ союзнымъ монархамъ предположенія и виды князя Меттерниха. Легко было усмотрѣть, что эти мысли придутся не по вкусу монархамъ. Неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ этими соображеніями Меттерниха, было смягчено пріѣздомъ, почти одновременно со мною,

полковника Латура[1]), посланнаго императоромъ Францемъ въ нашу главную квартиру, чтобы условиться, на всякій случай, съ нами о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Генералъ Дука также пріѣхалъ, подъ предлогомъ навѣстить своего брата, находившагося у насъ на службѣ. Наполеонъ, какъ должно было ожидать, отвергъ всѣ предложенія князя Меттерниха; они имѣли между собою всемірно извѣстный разговоръ, въ окончательномъ результатѣ котораго Наполеонъ согласился только на предложеніе созвать конгрессъ въ Прагѣ, а потому и на предложеніе перемирія. Теперь князю Меттерниху предстояло убѣдить союзныхъ монарховъ согласиться на [эти два предложенія, что́ было далеко не легко, тѣмъ болѣе, что наши арміи были вполнѣ устроены и уже значительно усилены свѣжими войсками; всякая отсрочка военныхъ дѣйствій обращалась только въ выгоду нашего непріятеля. Князь Меттернихъ предложилъ намъ собраться на конференцію въ Ратисборъ, владѣніе, принадлежащее герцогинѣ Саганъ. Я отправился туда съ княземъ Гарденбергомъ и барономъ Гумбольдтомъ. Это совѣщаніе было одно изъ самыхъ бурныхъ, на которыхъ я когда-либо присутствовалъ; но важность привлечь Австрію къ союзу была настолько велика, что необходимо было согласиться рѣшительно на всѣ, предложенныя ею, условія.

Не менѣе своихъ представителей въ Ратисборѣ, монархи были раздражены мыслью о конгрессѣ и замедленіемъ начатія военныхъ дѣйствій. Предстояло теперь обсудить, кого назначить уполномоченными на конгрессъ. Императоръ Александръ I избралъ Анштедта[2]); король прусскій — барона Гумбольдта, князь Меттернихъ вызвался самъ быть представителемъ Австріи. Ничего не могло быть страннѣе подобныхъ выборовъ, тогда какъ Наполеонъ назначилъ герцога Виченскаго и г. Нарбонна. Не было никогда конгресса болѣе смѣхотворнаго и мнимаго; уполномоченные не успѣли даже согласиться въ отношеніи своихъ предложеній князю Меттерниху, который, въ качествѣ посредника, сообщалъ таковыя противной сторонѣ. Все это происходило, потому что чистосердечно никто не желалъ мира. Послѣ нѣсколькихъ недѣль безполезныхъ и безсодержательныхъ разговоровъ,

---

[1]) Латуръ (La Tour Theodore), графъ, род. въ 1780 г. въ Австріи, находился въ военной службѣ, былъ произведенъ въ генералы и позднѣе въ фельдмаршалы австрійскіе. Въ 1848 г. онъ занималъ должность военнаго министра и во время вспыхнувшаго въ Вѣнѣ возстанія 1848 г. былъ убитъ мятежниками.

[2]) Анштедтъ, Іоаннъ Протъ, род. въ 1763 г. въ Стразбургѣ и, поступивъ въ 1789 г. на службу Россіи по дипломатической части, состоялъ одно время при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Въ 1811 г. онъ назначенъ директоромъ канцеляріи князя Кутузова, а затѣмъ онъ былъ полномочнымъ посланникомъ въ Франкфуртѣ. Онъ умеръ въ 1835 году.

конгрессъ былъ распущенъ; перемиріе объявлено прекратившимся и военныя дѣйствія открыты. Въ продолженіе перемирія императоръ Александръ I имѣлъ въ Трахтенбергѣ свиданіе съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ. Я сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; при этомъ свиданіи былъ установленъ планъ военныхъ дѣйствій, котораго должно было держаться при возобновленіи войны. Силы союзниковъ были раздѣлены на три арміи. Первую составляли австрійскія войска, которыя одни находились въ полномъ составѣ сосредоточенными и не высылали отъ себя частей въ другія арміи. Кромѣ того въ составъ этой арміи входили, большею частью, русскія войска и два русскихъ корпуса. Вторая армія состояла преимущественно изъ прусскихъ войскъ, при чемъ къ ней были присоединены два русскихъ корпуса. Третья армія, подъ начальствомъ наслѣднаго шведскаго принца, заключала въ себѣ два русскихъ корпуса, два прусскихъ и довольно слабый корпусъ шведскій. Наши войска, предназначенныя для усиленія австрійской арміи, должны были покинуть Силезію и вступить въ Богемію. Вторая армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера, оставалась въ Силезіи, а третья—въ маркахъ Бранденбургскихъ. Всѣ три арміи должны были перейти въ наступленіе въ одно время и направиться противъ Наполеона, который, занимая Саксонію, сосредоточивалъ свои войска около Дрездена. Было условлено, что каждая изъ этихъ армій будетъ отступать при нападеніи на нее Наполеона лично съ превосходными силами, чтобы этимъ дать время другимъ союзнымъ войскамъ направиться на тылъ французовъ и дѣйствовать по усмотрѣнію. Этотъ планъ дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе, но не сопровождался въ началѣ тѣми счастливыми успѣхами, которыхъ надлежало ожидать. Начальство главною арміею было ввѣрено князю Шварценбергу; среди этой арміи находился также императоръ Александръ I. Не принимая командованіе ею номинально, онъ имѣлъ преобладающее вліяніе на всѣ стратегическія операціи войны, несмотря на присутствіе остальныхъ двухъ монарховъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ прекращенія перемирія, въ армію прибылъ генералъ Моро, который, по приглашенію съ нашей стороны, покинулъ Америку съ тѣмъ, чтобы предоставить въ распоряженіе монарха плоды своей боевой опытности и свои военныя дарованія. Императоръ Александръ, въ надеждѣ извлечь изъ него пользу во вредъ его сопернику, принялъ Моро въ свой совѣтъ. Я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и имѣть съ нимъ нѣсколько разговоровъ. Онъ не произвелъ на меня, однако, того впечатлѣнія, которое я ожидалъ; я не нашелъ его на высотѣ его репутаціи и извѣстности. Въ то же самое время обратились съ приглашеніемъ и къ генералу Жомини, извѣстному своими весьма цѣнными военными сочиненіями, котораго

мы уже нѣсколько лѣтъ добивались залучить въ нашу службу. Еще въ бытность мою при посольствѣ въ Парижѣ, мнѣ было дано порученіе сдѣлать ему надлежащія предложенія. Онъ ихъ благосклонно принялъ и былъ уже готовъ покинуть службу Франціи и пріѣхать въ Россію. Если бы онъ тогда же осуществилъ вполнѣ свое намѣреніе, онъ не находился бы въ положеніи, причинившемъ ему наибольшій вредъ, въ которомъ онъ очутился, покинувъ службу въ рядахъ французской арміи позднѣе, во время разгара войны. Императоръ принялъ его весьма благосклонно, назначилъ его генералъ-адъютантомъ и сообщилъ ему также планъ предстоящей войны; генералъ Жомини предложилъ сдѣлать въ этомъ планѣ нѣкоторыя измѣненія, польза которыхъ позднѣе вполнѣ оправдалась.

Императоръ Александръ прежде всего направился въ Прагу, пока войска достигали тѣхъ мѣстъ, изъ коихъ они должны были проникнуть въ Саксонію. Я его также сопровождалъ, и при этомъ мы догнали армію въ... [1]) и отсюда поѣхали впередъ. Въ два перехода мы дошли до высотъ, окружающихъ Дрезденъ. Наполеонъ, худо освѣдомленный своими лазутчиками, не ожидалъ сосредоточенія и соединенія арміи русской и австрійской въ Богеміи и переправился черезъ Эльбу, чтобы напасть на маршала Блюхера, стоявшаго въ Силезіи. Мы достигли, такимъ образомъ, Дрездена при наилучшихъ для насъ предзнаменованіяхъ. Къ несчастью колебанія и нерѣшительность князя Шварценберга, которыя мы неоднократно имѣли случай оплакивать, заставили насъ упустить время, благопріятное для нападенія на городъ. На это нападеніе, наконецъ, рѣшились спустя 24 часа, когда Наполеонъ, увѣдомленный о нашемъ появленіи, уже оставилъ свое движеніе противъ Блюхера и форсированными маршами, съ частью своей арміи, возвратился къ Дрездену, ввѣривъ командованіе войсками, оставленными въ Силезіи, маршалу Макдональду. Результатомъ этого оказалось, что наше нападеніе на Дрезденъ совершенно не удалось и что мы принуждены были возвратиться въ Богемію по дорогамъ, которыя отъ сильнаго проливнаго дождя, въ продолженіе всего сраженія, сдѣлались вполнѣ непроходимыми. Мы, кромѣ того, должны оплакивать потерю генерала Моро, которому, возлѣ самого государя, оторвало обѣ ноги ядромъ изъ орудія, наведеннаго, какъ разсказываютъ, самимъ Наполеономъ. Наше отступленіе совершилось съ нѣкоторымъ безпорядкомъ. Намъ предстояло перебираться черезъ высокія горы; единственною возможною дорогою оказалось прекрасное шоссе изъ Петерсвальдена въ Теплицѣ; по этой дорогѣ и двигался гвардейскій корпусъ. Если бы Наполеонъ преслѣдовалъ насъ болѣе рѣшительно,

[1]) Въ запискахъ Нессельроде это мѣсто не означено.

онъ прибылъ бы въ Теплицъ ранѣе насъ и отрѣзалъ бы намъ всякое отступленіе. Онъ довѣрилъ преслѣдованіе генералу Вандамму, не поддержавъ его достаточными силами. Гвардія, отступая, заняла позицію при Кульмѣ; она отразила первое нападеніе французовъ. Тѣмъ временемъ нѣсколько союзныхъ корпусовъ спускались съ горы; прусскій корпусъ Клейста направился на Ноллендорфъ и угрожалъ правому флангу отряда Вандамма и его сообщеніямъ. Встрѣченный повсюду превосходными силами, онъ былъ совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ генераломъ Хаксо, однимъ изъ наиболѣе выдающихся офицеровъ по инженерной части, и потерялъ всю свою артиллерію.

Этотъ блестящій успѣхъ вывелъ насъ изъ отчаянія, въ которое насъ ввергло пораженіе подъ Дрезденомъ, и отвратило возникавшее уже несогласіе между русскими и австрійцами, нѣкоторые горестные признаки котораго стали проявляться. Къ несчастью, мы имѣли нѣкоторыя основанія жаловаться на австрійцевъ, потому что въ сраженіи подъ Дрезденомъ австрійская дивизія въ 15 т. человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Мечко, положила оружіе, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Счастье снова переходило на сторону союзниковъ; въ то время, какъ мы побѣждали при Кульмѣ, фельдмаршалъ Блюхеръ одерживалъ побѣду надъ Макдональдомъ при Кацбахѣ, при чемъ очень смѣлою атакою отличилась наша гусарская дивизія, подъ начальствомъ князя Васильчикова. Два дня спустя мы получили извѣстіе о пораженіи, нанесенномъ французамъ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ, при Гросъ-беренѣ.

Всѣ эти достославныя событія совершились въ продолженіе августа мѣсяца 1813 года. 13—25 августа генералъ Бюловъ и Тауенцинъ, находившіеся въ арміи наслѣднаго шведскаго принца, одержали еще побѣду при Денневицѣ. Всякая армія, даже побѣдоносная, послѣ нѣсколькихъ недѣль военныхъ дѣйствій и сраженій, всегда будетъ находиться болѣе или менѣе въ состояніи разстройства; такъ было и съ нашею арміею. Послѣ несчастнаго сраженія при Дрезденѣ она всего болѣе пострадала отъ труднаго отступленія чрезъ Богемскія горы. Потому мы въ продолженіе всего сентября мѣсяца простояли въ долинѣ Тёплицѣ и пополняли наши потери, снабжали австрійскую армію новою обувью и получали подкрѣпленія людьми. Только въ началѣ октября мѣсяца наша армія оказалась въ состояніи перейти въ наступленіе. Въ первые дни октября она снова совершила переходъ чрезъ Богемскія горы, вступила въ Саксонію и направилась къ Лейпцигу. Тутъ произошла знаменитая трехдневная битва, 4 (16)—7 (19) октября, съ Наполеономъ, которая освободила Германію отъ его ига.

Во все время сраженія я находился при государѣ и вблизи видѣлъ атаку французской кавалеріи, которая, опрокинувъ дивизію нашей легкой кавалеріи, направилась на холмъ, гдѣ стоялъ императоръ Александръ, окруженный многочисленною свитою. Онъ далъ приказаніе стоявшему возлѣ него л.-гв. казачьему полку двинуться навстрѣчу непріятельской кавалеріи. Эта лихая атака, произведенная графомъ Орловымъ-Денисовымъ, немедленно остановила французовъ.

Вступленіе въ Лейпцигъ было весьма торжественно. Возлѣ императора Александра I ѣхали по сторонамъ два союзные монарха, а также наслѣдный шведскій принцъ. Въ Лейпцигѣ мы нашли саксонскаго короля; онъ былъ признанъ военно-плѣннымъ и отвезенъ въ Берлинъ. Французская армія отступила по большой дорогѣ на Эрфуртъ и Франкфуртъ, стараясь достичь береговъ Рейна. Къ несчастію, преслѣдованіе ея съ нашей стороны, которое могло бы сдѣлать послѣдствія побѣды еще болѣе важными, производилось довольно вяло. Авангардъ нашей арміи былъ ввѣренъ австрійскому генералу—Гіулаю, который, ускоривъ свое движеніе, могъ бы ранѣе Наполеона достичь высотъ около Крюзена и тѣмъ отрѣзать ему отступленіе.

8-го октября Баварія присоединилась къ коалиціи и армія ея, подъ начальствомъ Вреде, направилась на Ганау и подошла къ этому мѣсту въ то время, какъ Наполеонъ отступалъ по той же дорогѣ. Фельдмаршалъ Вреде сдѣлалъ столь дурныя распоряженія, что вмѣсто того, чтобы остановить Наполеона, былъ самъ разбитъ и допустилъ его достичь Майнца. Въ этомъ городѣ Наполеонъ покинулъ армію и возвратился въ Парижъ. Императоръ Александръ съ главною арміею двинулся на Веймаръ, Швейнфуртъ и Спессартъ и Франкфуртъ, гдѣ армія остановилась и простояла нѣсколько недѣль, такъ какъ особо важные вопросы требовали обсужденія и разъясненія. Слѣдовало ли предложить Наполеону миръ или же принять важное рѣшеніе—вступить во Францію и преслѣдовать Наполеона до послѣдней крайности? Мнѣнія союзниковъ раздѣлились по этому вопросу. Императоръ Александръ, поддерживаемый Пруссіею, желалъ продолжать войну. Австрійскій же кабинетъ предлагалъ начать переговоры о мирѣ. Было рѣшено начать переговоры съ Наполеономъ, но не прерывая военныхъ дѣйствій. Посланникъ Франціи при Веймарскомъ дворѣ, г. Сенъ-Аньянъ, былъ взятъ въ плѣнъ; рѣшено было возвратить ему свободу съ тѣмъ, чтобы поручить ему доставить Наполеону условія, на которыхъ союзники готовы начать переговоры о мирѣ, на особомъ конгрессѣ. Этотъ конгрессъ должно было созвать въ Маннгеймѣ, куда явились бы уполномоченные союзниковъ.

Большое число нѣмецкихъ принцевъ, и во главѣ ихъ король виртембергскій, прибыли во Франкфуртъ, чтобы присоединиться къ коа-

лиціи. Особые договоры были заключены съ каждымъ изъ принцевъ отдѣльно. Вступленіе арміи въ предѣлы Франціи было рѣшено; оставалось только выработать планъ предстоящей кампаніи. Этотъ планъ послужилъ поводомъ новыхъ объясненій и пререканій между императоромъ и княземъ Меттернихомъ, настаивавшимъ на вступленіе во Францію со стороны Швейцаріи, между тѣмъ, какъ императоръ Александръ I указывалъ, не безъ основанія, на выгоды, представляемыя нейтралитетомъ Швейцаріи, съ ходатайствомъ о которомъ явилась особая депутація. Планъ Австріи скрывалъ заднюю мысль, именно, намѣреніе поднять аристократическую партію въ Бернѣ и возстановить прежній порядокъ вещей. Подобное намѣреніе было совершенно несогласно съ воззрѣніями императора Александра I.

Чтобы вести переговоры съ гельветическимъ правительствомъ были посланы два уполномоченныхъ, баронъ Лебцельтернъ — со стороны Австріи, и графъ Капо д'Истріа съ нашей стороны, который при этомъ случаѣ выступилъ первый разъ на политическую арену. Было условлено съ гельветическимъ правленіемъ, что союзныя войска не имѣютъ права вступать во внутрь Швейцаріи, но что имъ будутъ предоставлены два прохода: одинъ чрезъ Базель для главной арміи, при которой будутъ находиться три монарха, и другой—чрезъ Женеву для австрійскаго корпуса, имѣющаго направиться на Ліонъ.

Наконецъ, мы тронулись съ мѣста. Императоръ остановился на два дня въ Карлсруэ и на три дня—въ Фрейбургѣ, гдѣ мнѣ представился счастливый случай быть помѣщеннымъ въ квартирѣ бывшей нѣкогда любовницы майнцскаго курфюрста г-жи F—, которая насъ очень гостепріимно и роскошно приняла и угостила знаменитымъ пуншемъ, который она одна умѣла готовить для своего возлюбленнаго, графа Эртаcomponent[1]).

Нѣсколько дней спустя, мы переправились чрезъ Рейнъ, по мосту, въ Базелѣ и стали на французскую землю. Было бы слишкомъ продолжительно разсказывать всѣ подробности этой достопамятной кампаніи, въ которой судьба благопріятствовала долго, по очереди, то намъ, то Наполеону, пока она, наконецъ, явно склонилась на нашу сторону.

Приведу только одинъ фактъ, имѣвшій преобладающее вліяніе. Послѣ различныхъ сраженій Наполеона при Лаонѣ и Краонѣ съ войсками фельдмаршала Блюхера, онъ обратился на нашу армію, сосредоточенную у Арсиса на Обѣ, гдѣ находился императоръ Александръ. Въ это время я былъ отправленъ въ Шомонъ, чтобы присутствовать на конференціи князя Гарденберга, князя Меттерниха и лорда Ка-

[1]) Этотъ Эрталь былъ нѣмецкій прелатъ и послѣдній принцъ-епископъ и электоръ г. Майнца.

стельрэ. По окончаніи конференціи, графъ Гарденбергъ пригласилъ меня къ обѣду. Моя счастливая звѣзда побудила меня отказаться отъ этого приглашенія, подъ предлогомъ, что мнѣ необходимо возможно скорѣе прибыть къ императору Александру, которому я обязанъ былъ отдать, безъ малѣйшаго промедленія, отчетъ о рѣшеніяхъ, состоявшихся на этой конференціи. Этому отказу отъ обѣда я обязанъ былъ возможности для меня прибыть въ Арсисъ въ продолженіе вечера. Нѣсколько часовъ позже сообщеніе съ Шомономъ было прервано; я не могъ бы прибыть въ Арсисъ. Въ дѣйствительности были отрѣзаны отъ Арсиса всѣ члены конференціи и самъ императоръ Францъ. Это произошло потому, что французская армія, послѣ отбитой атаки ея, направилась на Витри (французское). Мнѣ, такимъ образомъ, представилась возможность присутствовать при нашемъ знаменитомъ движеніи къ Парижу и принять очень дѣятельное участіе въ послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ.

Послѣ различныхъ происшедшихъ сраженій маршалы Мармонъ и Мортье предложили сдаться на капитуляцію. Государь послалъ меня съ полковникомъ Михаиломъ Орловымъ для переговоровъ съ ними. Мы всѣ сошлись въ небольшомъ домѣ у заставы Клиши. Установивъ главныя начала сдачи, я поручилъ Орлову отправиться въ домъ маршала Мармона, чтобы составить актъ сдачи и подписать его совмѣстно съ полковникомъ Фавье, назначеннымъ маршалами для этой цѣли. Послѣ этого я возвратился къ императору въ Бонди, чтобы дать ему отчетъ о всемъ происшедшемъ. Въ то время, какъ мы вели переговоры въ предмѣстьи Клиши, Наполеонъ покинулъ армію и приближался къ Фонтенебло, надѣясь по-прежнему спасти Парижъ своимъ присутствіемъ. Онъ послалъ впередъ Александра Жирардена къ упомянутымъ выше маршаламъ, съ приказаніемъ держаться во что бы то ни стало. Этотъ офицеръ прибылъ къ намъ во время нашихъ переговоровъ. Находясь съ давнихъ поръ въ дружбѣ со мною, онъ пытался смутить меня разсказомъ о побѣдѣ, одержанной Наполеономъ надъ корпусомъ генерала Винценгероде, выставленнымъ передъ нимъ, чтобы заслонить наше движеніе къ Парижу. Жирарденъ сообщилъ, между прочимъ, что въ этой вымышленной битвѣ была взята въ плѣнъ цѣлая пѣхотная дивизія. „Это немного трудновато“, возразилъ я, смѣясь, „такъ какъ весь отрядъ Винценгероде состоялъ только изъ 600 человѣкъ кавалеріи“.

Въ актѣ о капитуляціи Парижа было постановлено, что депутація отъ города Парижа прибудетъ въ Бонди къ императору, чтобы предложить сдачу города. Депутація прибыла въ 6 часовъ утра и состояла изъ многихъ личностей, позднѣе пріобрѣвшихъ извѣстность, какъ-то: Пакье, префектъ полиціи, де-Шебраль—префектъ департамента Сены,

Александръ Лабордъ, генералъ національной гвардіи, и много другихъ лицъ, фамиліи коихъ ускользаютъ изъ моей памяти. Я ихъ принялъ и потомъ представилъ его величеству. Нѣсколько минутъ ранѣе доложили его величеству, что только-что прибылъ герцогъ Виченскій, съ особымъ порученіемъ отъ Наполеона. Государь, не желая, чтобы онъ вступилъ въ какія-либо сношенія съ депутатами, приказалъ мнѣ отвести герцога въ конецъ сада и занимать его въ продолженіе его аудіенціи съ депутатами, по окончаніи которой, когда депутаты уже удалились и государь позвалъ меня немедленно, чтобы представить ему Коленкура. Прежде нежели его принять, государь приказалъ мнѣ немедленно ѣхать въ Парижъ и явиться къ Талейрану, чтобы переговорить съ нимъ о первыхъ мѣрахъ, которыя намъ предстояло принять. Опасаясь, чтобы Талейранъ не былъ вынужденъ оставить Парижъ, я просилъ одного изъ депутатовъ, г. Александра Лабордъ, пріѣхать ранѣе меня къ Талейрану и предупредить его о моемъ посѣщеніи.

Чтобы объяснить роль, которую Талейранъ сыгралъ въ этомъ великомъ событіи, необходимо коснуться событій болѣе раннихъ. Въ то время, когда наша главная квартира находилась въ Труа, ко мнѣ явился неизвѣстный господинъ, по имени Сенъ-Жоржъ. Онъ вынулъ изъ своего кармана листокъ (carnet) и проявилъ на немъ слѣдующія строки, написанныя особыми тайными чернилами: „Посылаемое мною къ вамъ лицо заслуживаетъ полнаго довѣрія; выслушайте оное и поблагодарите меня. Пора быть болѣе опредѣлительнымъ. Вы идете на костыляхъ; пользуйтесь вашими ногами и желайте то, что можете достичь“. Я узналъ по почерку, что это записка Дальберга [1]). Выдававшій себя за Сенъ-Жоржа [2]) былъ на дѣлѣ ни кто иной, какъ г. Витролль, игравшій позднѣе, при реставраціи, роль, которая вовсе не была полезна правительству. Талейранъ, ставшій во главѣ партіи, добивавшейся низверженія Наполеона, возымѣлъ мысль отправить Витролля въ главную квартиру, давъ ему надлежащія указанія. Витролль сообщилъ мнѣ о настроеніи умовъ въ Парижѣ, о предста-

[1]) Дальбергъ Эммерихъ-Іосифъ, герцогъ, род. въ 1775 г., былъ посланникомъ маркграфа Баденскаго въ Парижѣ и въ 1810 г. назначенъ Наполеономъ членомъ государственнаго совѣта. Онъ участвовалъ со стороны Франціи на вѣнскомъ конгрессѣ, а позднѣе былъ перомъ Франціи при Бурбонахъ. Онъ умеръ въ 1833 году.

[2]) Сенъ-Жоржъ есть ни кто иной, какъ Витролль (Евгеній-Францъ-Августъ Арно), баронъ, род. въ 1774 году. Онъ состоялъ на гражданской службѣ и во время революціи 1789 г. эмигрировалъ изъ Франціи и, возвратясь на родину во времена консульства, сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ретивыхъ агентовъ роялистской партіи. Онъ умеръ въ 1854 г.

вляющейся намъ легкости сдѣлаться обладателями Парижа, придавъ болѣе рѣшительности нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, и о томъ пріемѣ, который насъ ожидаетъ въ Парижѣ. Витролль былъ представленъ императору и имѣлъ нѣсколько свиданій съ Меттернихомъ и лордомъ Кастльрэ. Послѣ этого Витролль отправился къ графу Артуа [1]), только-что прибывшему изъ Нанси.

Прибывъ во дворецъ улицы Сенъ-Флорентенъ, такимъ образомъ я находилъ въ Парижѣ почву совсѣмъ для насъ подготовленною. Это было воскресенье. Погода была прекрасная; я совершилъ въѣздъ въ Парижъ одинъ, въ сопровожденіи только одного казака и австрійскаго офицера, князя Лихтенштейна, встрѣченнаго мною дорогою, которому я и предложилъ ѣхать со мною. Всѣ бульвары были покрыты народомъ, одѣтымъ по-праздничному. Казалось съ вида, что эта толпа собралась на празднество, а не для встрѣчи непріятельской арміи. Талейранъ при моемъ прибытіи къ нему совершалъ свой туалетъ. Онъ устремился мнѣ навстрѣчу на половину причесанный, кинулся въ мои объятія и осыпалъ меня пудрою. Когда первое впечатлѣніе миновало, онъ приказалъ позвать лицъ, съ которыми былъ въ полномъ заговорѣ, а именно: герцога Дальберга, аббата Прадта [2]), барона Луи [3]). Пока мы съ ними обсуждали положеніе дѣлъ, императоръ Александръ свершалъ свое вступленіе въ Парижъ, во главѣ арміи. Я сообщилъ означеннымъ лицамъ о намѣреніяхъ Александра I, сказалъ имъ, что онъ пока имѣетъ одно точно опредѣленное намѣреніе, а именно: не оставлять Наполеона на тронѣ Франціи; что же касается новаго государственнаго порядка, долженствующаго замѣнить прежній, бывшій при Наполеонѣ, то рѣшеніе объ этомъ, съ его стороны, послѣдуетъ послѣ того, какъ онъ соберетъ мнѣнія просвѣщенныхъ лицъ, съ которыми будетъ находиться въ сношеніи.

Государь императоръ имѣлъ намѣреніе поселиться въ Елисейскомъ дворцѣ (Elysée Bourbon). Во время его шествія по Парижу, неиз-

---

[1]) Герцогъ д'Артуа--братъ казненнаго короля Людовика XVI, удалившійся изъ Франціи и затѣмъ возведенный на престолъ Франціи союзниками подъ именемъ Людовика XVIII.

[2]) Прадтъ (Доминикъ-Дюфуръ) род. въ 1759 г., былъ прелатомъ, а также французскимъ дипломатомъ и публицистомъ. Онъ явился депутатомъ духовенства на генеральное собраніе 1789 г., но скоро эмигрировалъ въ Гамбургъ и печаталъ политическія брошюры. Возвратясь въ Францію во времена консульства, Прадтъ сдѣлался духовникомъ (aumonier) Наполеона I, епископомъ въ Поатье и архіепископомъ въ Мехельнѣ. Онъ умеръ въ 1837 году.

[3]) Луи (Іосифъ-Доминикъ), баронъ, род. въ 1755 г., находился въ гражданской службѣ и при временномъ правительствѣ 1814 г., также при королѣ Людовикѣ XVIII, былъ министромъ финансовъ Франціи. Онъ умеръ въ 1837 году.

вѣстное лицо сунуло въ руку князя Волконскаго, бывшаго тогда начальникомъ штаба, записку, которою предупреждали, что дворецъ этотъ минированъ. Государь приказалъ переслать мнѣ эту записку, чрезъ молодаго Дурасова, бывшаго адъютантомъ при Волконскомъ. Я показалъ записку князю Талейрану, который не хотѣлъ придавать ей значенія и не вѣрилъ ея содержанію, но, впрочемъ, отъ избытка осторожности, поручилъ предложить его величеству остановиться у него во дворцѣ на время, пока не будетъ произведено надлежащее по этой запискѣ разслѣдованіе. Шествіе арміи должно было завершиться на площади Людовика XV, близъ улицы Сенъ-Флорентенъ. Государь черезъ часъ прибылъ во дворецъ Талейрана, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и княземъ Шварценбергомъ. Императоръ приказалъ пригласить въ салонъ также лицъ, съ которыми я имѣлъ совѣщаніе. Образовалось общее сужденіе дѣлъ. Остановились на томъ, что прежде всего необходимо издать воззваніе отъ имени союзныхъ монарховъ, которое возвѣщало бы, что они не вступятъ ни въ какіе переговоры ни съ Наполеономъ, ни съ кѣмъ-либо изъ членовъ его семейства. Мнѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Дальбергомъ было поручено составить подобное воззваніе. Мы заперлись въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ салону, и чрезъ полчаса представили на усмотрѣніе ихъ величествъ проектъ воззванія, который былъ ими одобренъ и подписанъ императоромъ Александромъ I. Чрезъ нѣсколько часовъ оно было напечатано и расклеено по всему Парижу. Императоръ обѣдалъ у Талейрана.

Державные властители должны были быть вечеромъ въ театрѣ. Въ то время, какъ садились за столъ, Александръ I узналъ, что въ театрѣ назначена пьеса „Торжество Траяна“. Ничто не могло болѣе противорѣчить его природной скромности. Онъ выразилъ желаніе, чтобы эта опера была отмѣнена и взамѣнъ ея дали бы „Весталку“. Появленіе Александра I въ оперѣ вызвало восторженныя рукоплесканія. Обыватели Парижа не желали болѣе имѣть Наполеона; это было общее желаніе и чувство всей Франціи въ эту эпоху, что бы ни говорили историки, которые съ 1830 г. описываютъ это событіе. Въ совѣщаніи, происходившемъ утромъ, пришли къ соглашенію, что на другой день будетъ созванъ сенатъ и что Талейранъ сдѣлаетъ предложеніе о низложеніи Наполеона. Временное правительство было установлено въ тотъ же день; оно состояло, подъ предсѣдательствомъ Талейрана, изъ генерала Бернонвилля, герцога Дальберга, г. Жокура и аббата Монтескіэ, который, со времени возвращенія его во Францію, находился въ непрерывной перепискѣ съ королемъ Людовикомъ XVIII. Я также занималъ комнату во дворцѣ Талейрана и проводилъ весь день и часто большую часть ночи въ объясненіяхъ съ

государемъ и различными лицами, которымъ было ввѣрено руководство этими великими событіями. Низложеніе Наполеона не являлось уже вопросомъ; всѣ были на это согласны; оставалось только узнать, кто его замѣнитъ. Въ этомъ отношеніи стало проявляться разнорѣчіе въ мнѣніяхъ.

Наполеонъ изъ Фонтенебло прислалъ депутацію, въ составѣ четырехъ маршаловъ—Нея, Макдональда, Мармона и герцога Виченскаго, съ предложеніемъ своего отреченія отъ престола въ пользу сына римскаго короля, при чемъ страною управляло регентство, составленное изъ его супруги Маріи-Луизы. Противъ этого предложенія сильно возставалъ Талейранъ, который, со времени нашего прибытія, высказывался въ пользу возстановленія дома Бурбоновъ. Императоръ Александръ колебался. Объясненія затянулись далеко за полночь и, наконецъ, онъ присоединился къ предложенію Талейрана возстановить Бурбоновъ. Маршалы возвратились въ Фонтенебло, за исключеніемъ Мармона, который отправился къ корпусу, стоявшему въ Эссенѣ.

Въ послѣднихъ сочиненіяхъ Тьера и Віель Кастеля всѣ обстоятельства этой эпохи изложены съ достаточною точностью и безпристрастіемъ. Эти историки не скрыли отъ свѣдѣнія публики странное положеніе Людовика XVIII по отношенію къ императору Александру. Я сопровождалъ государя въ Компіеннъ, куда онъ направился навстрѣчу королю. Людовикъ XVIII при этомъ проявилъ совершенно неумѣренное чувство собственнаго достоинства по отношенію къ государю, которому былъ обязанъ водвореніемъ своимъ на престолѣ. Нашъ государь былъ очень оскорбленъ этимъ, и это отразилось на всѣхъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ этихъ двухъ монарховъ.

Когда императоръ австрійскій, князь Меттернихъ и лордъ Кастльрэ присоединились къ намъ, начались переговоры о мирѣ. Назначенный уполномоченнымъ, я принялъ дѣятельное участіе въ этихъ переговорахъ. 18 (30) мая былъ заключенъ миръ. Коронованныя особы вмѣстѣ съ ихъ посланниками уѣхали въ Англію, гдѣ были приняты съ живымъ восторгомъ. Однако, пребываніе въ Англіи не обошлось для императора Александра безъ нѣкоторой для него непріятности. Онъ сочувствовалъ принцу регенту (позднѣе королю Георгу IV). Великая княгиня Екатерина Павловна, позднѣе королева Виртембергская, прибыла въ Лондонъ ранѣе и сблизилась болѣе съ оппозиціею, нежели съ партіею тори, стоявшею во главѣ правленія. Она сумѣла окружить брата лицами этой же партіи, что́ очень не понравилось принцу регенту и было причиною многихъ недоразумѣній. Императоръ покинулъ Англію не совсѣмъ довольный своимъ пребываніемъ въ этой странѣ, но сохранивъ, впрочемъ, высокое понятіе о величіи и благосостояніи оной.

Спустя два мѣсяца должны были открыться засѣданія Вѣнскаго конгресса. Императоръ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить Петербургъ, и взялъ меня съ собою. Во время этого пребыванія въ столицѣ, моя участь рѣшилась окончательно. Канцлеръ Румянцевъ, бывшій тогда только по имени министромъ иностранныхъ дѣлъ, глубоко оскорбленный тѣмъ, что не принималъ никакого участія въ великихъ событіяхъ, которыя обезсмертили царствованіе императора Александра I, и сдѣлавшійся къ тому же совсѣмъ глухимъ, вслѣдствіе двухъ апоплексическихъ ударовъ, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы, которое и было принято. Я занялъ его мѣсто, удостоенный званія статсъ-секретаря его величества, и сдѣлался управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ [1]. Этотъ титулъ я сохранилъ до царствованія императора Николая I, который послѣ Туркманчайскаго мира пожаловалъ меня вице-канцлеромъ [2].

Мысль о возстановленіи Польскаго королевства, которую императоръ Александръ лелѣялъ въ продолженіе всей войны, становилась извѣстною въ высшихъ слояхъ петербургскаго общества и немного умѣрила восторженное впечатлѣніе, произведенное нашимъ вступленіемъ въ Парижъ. Нѣкоторыя лица пытались представить его величеству соображенія противъ его намѣренія, столь несочувственнаго для Россіи, но безъ малѣйшаго успѣха. Императоръ уѣхалъ въ Вѣну съ твердою рѣшимостью добиться осуществленія своей завѣтной мысли, вопреки противодѣйствія этому, которое ожидалъ встрѣтить въ Австріи и Англіи. Франція изъявила на этотъ проектъ свое согласіе, съ условіемъ быть вознагражденною за то возстановленіемъ Саксоніи.

Этимъ собственно заканчивается III томъ бумагъ и писемъ канцлера графа Нессельроде, вышедшій въ Парижѣ въ 1905 году. По мѣрѣ выхода остальныхъ томовъ мы не замедлимъ познакомить съ содержаніемъ оныхъ читателей „Русской Старины".

П. Майковъ.

---

[1]) Это повелѣніе состоялось 9 августа 1816 г., при чемъ К. В. Нессельроде повелѣно было присутствовать въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

[2]) Добавимъ при этомъ, что К. В. Нессельроде былъ произведенъ 17 февраля 1813 г. въ тайные совѣтники, а 15 сентября того же года награжденъ орденомъ Св. Владиміра 2 степени. Ему были пожалованы также ордена прусскій—Краснаго Орла 1 степени, шведскій—Сѣверной Звѣзды и виртембергскій—Золотаго Орла. Въ 1814 г. марта 29 онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго. За участіе на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года ему пожалованы ордена: австрійскій—Св. Стефана большого креста 1 класса и баденскій—за Вѣрность (см. формул. списокъ о службѣ К. В. Нессельроде въ архивѣ Государственнаго Совѣта).

Историческія замѣтки.

Князь Сергѣй Долгоруковъ при дворѣ Мюрата [1]).

1812 г.

Отношенія къ французской имперіи вновь созданныхъ въ 1806—1808 гг. королевствъ, въ которыхъ воцарились братья и ближайшіе родственники Наполеона I, были самыя неопредѣленныя; ихъ короли считались союзниками Франціи и, слѣдовательно, независимыми государями. И только благодаря этому Европа помирилась со смѣною династій, совершившеюся въ Голландіи, Испаніи и Неаполѣ почти безъ ея вѣдома.

Независимость этихъ новыхъ королевствъ, признанная Россіей по Тильзитскому и Австріей по Пресбургскому трактатамъ, давала ихъ правителямъ право поддерживать съ остальными державами непосредственныя сношенія, имѣть при нихъ своихъ дипломатическихъ представителей и даже заключать съ ними договоры и конвенціи, если они не противорѣчили трактатамъ, заключеннымъ европейскими дворами съ правительствомъ первой имперіи.

Такъ какъ дворы, связанные между собою узами родства, обмѣниваются, согласно установившемуся обычаю, послами, которые, считаясь представителями самой особы суверена, пользуются церемоніальнымъ преимуществомъ даже передъ послами великихъ державъ, то и Наполеону I было необходимо имѣть своихъ пословъ при тѣхъ дворахъ, гдѣ царствовали Бонапарты для того, чтобы обезпечить за Франціей при этихъ дворахъ первенствующее положеніе. Согласно съ этимъ въ Неаполь былъ назначенъ Обюссонъ, а въ Голландію Ларошфуко, но въ октябрѣ мѣсяцѣ 1809 г., вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ съ королемъ неаполитанскимъ, Наполеонъ рѣшилъ отозвать Обюссона, оставивъ въ Неаполѣ одного только повѣреннаго въ дѣлахъ. Однако, уже въ слѣдующемъ году, уступая настоятельнымъ просьбамъ Мюрата и королевы Каролины, онъ согласился возстановить

---

[1]) Partie carrée à Naples. Janvier 1812. Par Frédéric Masson. La Revue de Paris. 1-e Novembre 1905.

посольство, но посланный въ Неаполь баронъ Дюранъ не получилъ званія посла, а полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника. Это не имѣло значенія до тѣхъ поръ, пока прочія державы, одного ранга съ Франціей, имѣли при означенномъ дворѣ простыхъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, кои не могли претендовать на какія-либо преимущества по сравненію съ посланникомъ. Но положеніе могло сдѣлаться щекотливымъ и даже опаснымъ, коль скоро какая-либо изъ великихъ державъ вздумала бы, какъ это и случилось два года спустя, назначить къ этимъ дворамъ своихъ аккредитованныхъ посланниковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1811 г., въ Неаполь прибыли вновь назначенные австрійскій посланникъ графъ Міеръ и русскій полномочный министръ, князь Сергѣй Долгоруковъ, и сразу возникъ вопросъ объ урегулированіи этикета между ними и Дюраномъ; на этой почвѣ легко могли возникнуть недоразумѣнія, если не съ Міеромъ, которому было предписано дѣйствовать съ величайшей осторожностью, то съ княземъ Долгорукимъ, который былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ величія своего монарха, относился съ величайшимъ презрѣніемъ ко всему, что соприкасалось съ Бонапартомъ, и пріѣхалъ въ Неаполь убѣжденный въ томъ, что война между Франціей и Россіей неизбѣжна. Человѣкъ колоссальнаго роста, сильный, сложенный, какъ Геркулесъ, онъ былъ способенъ по темпераменту къ насильственнымъ дѣйствіямъ, въ особенности, какъ гласила молва, послѣ обѣда, во время котораго онъ не соблюдалъ особенной воздержанности. Вообще, князь слылъ человѣкомъ храбрымъ, ненавидѣлъ Францію, революцію и Бонапарта; былъ высокаго мнѣнія о своемъ умѣ, любилъ иронизировать въ довольно грубой формѣ; въ его осанкѣ, манерахъ, выраженіи лица и манерѣ держать голову выражалось огромное самомнѣніе и самоувѣренность.

Мюратъ не только не былъ въ его глазахъ королевскимъ величествомъ, но даже простымъ маршаломъ, а былъ просто на просто Іоахимомъ. „Не имѣя ни малѣйшаго желанія пользоваться его особой благосклонностью“, Долгоруковъ вполнѣ одобрялъ сдержанность, съ какой держалъ себя съ ними неаполитанскій король, и относился презрительно къ возложенной на него миссіи и къ посылкѣ въ Петербургъ неаполитанскаго посланника.

„Принимая во вниманіе, писалъ князь, то огромное разстояніе, какое существуетъ между императоромъ россійскимъ и королемъ неаполитанскимъ, я полагаю, что императору, моему августѣйшему монарху, совершенно безразлично, будетъ ли при его дворѣ посланникъ Іоахима или нѣтъ“.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Неаполь, при первомъ же свиданіи съ

французскимъ посланникомъ, Долгоруковъ просилъ познакомить его съ принятымъ при Неаполитанскомъ дворѣ этикетомъ и указать ему, какимъ образомъ можно было бы, по точному смыслу XXVIII статьи Тильзитскаго договора, установить между ними „полную взаимность и равенство". Этотъ вопросъ могъ вызвать споры, но Дюранъ не сталъ спорить; на заявленіе Долгорукова, что онъ сожалѣетъ о томъ, что Дюранъ не облеченъ званіемъ посла, такъ какъ это устранило бы всѣ затрудненія, посланникъ отвѣчалъ, что онъ будетъ очень радъ уладить этотъ вопросъ къ удовольствію своего коллеги, если только онъ получитъ на это соизволеніе императора Наполеона I, присовокупивъ, что король неаполитанскій вполнѣ естественно оказывалъ при своемъ дворѣ преимущества французскому посланнику, а такъ какъ при неаполитанскомъ дворѣ находятся полномочные министры трехъ императорскихъ дворовъ, то опредѣлить ихъ взаимныя отношенія будетъ трудно.

Разговоръ, происходившій въ самомъ любезномъ тонѣ, на этомъ прервался, и Дюранъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что Долгоруковъ, высказавъ принципіально свой протестъ, готовъ также точно, какъ Міеръ, помириться съ существующимъ фактомъ.

Но русскій посланникъ на этомъ не успокоился. Чтобы вознаградить себя за то, что „французскій и австрійскій посланники вздумали стать впереди его на первой аудіенціи дипломатическаго корпуса", онъ рѣшилъ на слѣдующемъ пріемѣ „возстановить попранныя свои права, и съ этой цѣлью, нарушивъ установленный уже порядокъ, онъ всталъ напротивъ французскаго посланника, т. е. по правую руку отъ короля, который, начавъ обходъ представлявшихся ему особъ слѣва, подошелъ къ нему послѣ того, какъ онъ поговорилъ съ барономъ Дюраномъ и графомъ Міеромъ".

Доставленное себѣ княземъ Долгоруковымъ чисто платоническое удовлетвореніе успокоило его не надолго и когда, на охотѣ въ Кардителло князю было указано, за завтракомъ, „неподабавшее" ему мѣсто, то онъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ, маркизу Галло, и потребовалъ отъ него категорическаго объясненія.

„Я отстаивалъ", писалъ Долгоруковъ своему двору, „свои права съ горячностью, каковая приличествуетъ представителю великаго монарха; вмѣстѣ съ тѣмъ я далъ еще разъ доказательство той умѣренности, коей отмѣчены всѣ мои дѣйствія, удовлетворившись заявленіемъ маркиза Галло, что король не вмѣшивался въ распредѣленіе мѣстъ и даже выразилъ желаніе, чтобы при этомъ не соблюдалось никакого порядка, и что на послѣдующихъ аудіенціяхъ его величество обратится прежде всего къ тому изъ посланниковъ, который войдетъ въ зало первымъ. Маркизъ присовокупилъ, что король же-

лалъ бы, чтобы между ними установилось какое-либо соглашеніе, такъ какъ это дало бы ему возможность совершать обходъ дипломатовъ въ установленномъ порядкѣ и что, становясь на избранное мною мѣсто, я стѣсняю этимъ его величество".

Слова маркиза Галло, что „король обратится прежде всего къ тому, кто войдетъ въ зало первымъ", оказались чреваты послѣдствіями, но они были произнесены Мюратомъ вполнѣ обдуманно. Раздраженный тѣмъ, что его зять (Наполеонъ I) хотѣлъ пріобрѣсти надъ нимъ власть, онъ старался всѣми силами стряхнуть съ себя это иго, упрочить свою независимость и какъ бы доказать самому себѣ, что онъ тоже былъ „монархъ милостію Божіей", во всемъ равный императору.

Допустить, чтобы французскій посланникъ имѣлъ преимущество передъ другими министрами, аккредитованными при его дворѣ, значило признать его подчиненіе императору и, быть можетъ, отказаться отъ мысли имѣть при своемъ дворѣ дипломатическихъ представителей великихъ державъ, которые могли не желать, чтобы французскій посланникъ имѣлъ передъ ними преимущество. Дюранъ отлично понималъ тревогу Мюрата, ибо онъ писалъ, что „королю трудно освоиться съ мыслью, что его власть не такъ значительна, какъ онъ полагалъ, и признать сюзеренство великой имперіи. Онъ очень чувствителенъ къ этому вопросу по существу и по формѣ, въ какой онъ выражается".

Долгоруковъ истолковалъ слова Галло въ томъ смыслѣ, что Мюратъ предлагалъ ему „занять подобающее ему мѣсто", тѣмъ болѣе, что къ русскому посланнику явилось одно лицо, пользовавшееся особымъ благоволеніемъ короля, которое дало понять князю, что хотя въ инструкціяхъ Дюрана ему повелѣвалось занимать первое мѣсто всякій разъ, какъ къ тому представится возможность, но въ то же время ему было предписано уступить Долгорукову, если онъ увидитъ, что тотъ намѣренъ оспаривать у него это право".

Настало 1 января 1812 года.

По случаю новаго года король Іоахимъ принималъ, въ тронномъ залѣ, поздравленія отъ высшихъ сановниковъ и столичныхъ властей. Согласно этикету, утвержденному Наполеономъ и принятому къ руководству въ Іенѣ, Касселѣ и Мадридѣ, король былъ окруженъ высшими гражданскими и военными чинами и придворными дамами; послѣднія должны были присутствовать на пріемѣ, несмотря на то, что королева находилась въ Парижѣ. У дверей зала стоялъ придверникъ (huissier). Церемоніймейстеръ провозглашалъ имена входившихъ, а оберъ-церемоніймейстеръ представлялъ ихъ королю въ установленномъ порядкѣ.

Въ тотъ моментъ, когда церемоніймейстеръ возвѣстилъ о появле-

ніи дипломатическаго корпуса, подлѣ дверей произошло замѣшательство и въ зало вошелъ первымъ князь Сергѣй Долгоруковъ; за нимъ слѣдовали французскій и австрійскій посланники, баварскій посланникъ, повѣренные въ дѣлахъ Италіи и Испаніи, секретари французскаго, русскаго и австрійскаго посольства. Замѣтивъ смятеніе, происшедшее въ глубинѣ зала, Мюратъ произнесъ: „Господа, я приписываю это поспѣшности, съ какой вы стремитесь видѣть меня. Остальное меня не касается".

Затѣмъ, чтобы сказать что-либо, обходя всѣхъ, онъ заговорилъ объ изверженіи Везувія.

Что же было причиной происшедшаго замѣшательства?

Въ то время, когда дипломатическій корпусъ, собравшись въ залѣ посланниковъ, предшествуемый оберъ-церемоніймейстеромъ, направился въ тронное зало, Долгоруковъ поспѣшно обошелъ всѣхъ и направился къ дверямъ троннаго зала, куда онъ хотѣлъ войти первымъ.

Онъ уже былъ около дверей; но въ эту минуту Дюранъ съ силой толкнулъ его сзади, сказавъ: „ну, ужъ нѣтъ, этому не бывать!"

Долгоруковъ, въ свою очередь, толкнулъ его еще сильнѣе и прошелъ въ дверь. Такъ онъ самъ передавалъ этотъ фактъ, но Дюранъ, не отрицая того, что онъ хотѣлъ остановить Долгорукова, утверждалъ, что послѣдній оттолкнулъ придверника, ударилъ Дюрана кулакомъ, положилъ руку на эфесъ шпаги и, отстранивъ церемонійместера, вошелъ въ зало. Не отрицая того, что онъ взялся за шпагу, Долгоруковъ утверждалъ, что онъ „прижалъ къ себѣ шпагу только для того, чтобы высвободить ее изъ ногъ, въ которыхъ она запуталась въ то время, когда онъ проходилъ между дверей".

Міеръ, стоявшій ближе всего къ обоимъ посланникамъ, видѣлъ, какъ они тузили другъ друга кулаками.

„Князь Долгоруковъ, конечно, будетъ утверждать", писалъ онъ своему двору, „что онъ не брался за эфесъ шпаги, но я видѣлъ это своими собственными глазами; быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ показалось даже, что онъ вытащилъ ее изъ ноженъ на нѣсколько дюймовъ".

По разслѣдованіи происшедшаго оберъ-церемонійместеромъ, маркизъ Галло писалъ въ тотъ же день Долгорукову:

„Его величество никакъ не могъ себѣ представить, что бы вы, не ожидая момента, когда дипломатическій корпусъ будетъ приглашенъ въ аудіенцъ-зало и представленъ оберъ-церемонійместеромъ, съ соблюденіемъ обычныхъ правилъ, войдете въ дверь силою, оттолкнувъ стоявшаго тутъ придверника, и что, во время спора, возникшаго затѣмъ около дверей между вами и французскимъ посланникомъ отно-

сительно того, кому войти въ зало первымъ, вы забудетесь до того, чтобы взяться за эфесъ шпаги, угрожая французскому посланнику въ присутствіи его величества".

По окончаніи аудіенціи, Дюранъ подошелъ къ Долгорукову и заявилъ, что необходимо выяснить происшедшее, на что̀ князь отвѣчалъ, что, занявъ подобающее ему мѣсто, онъ не руководствовался при этомъ никакими личными счетами.

„Но вѣдь это похоже на начало непріязненныхъ отношеній", замѣтилъ Дюранъ, на что̀ Долгоруковъ возразилъ, сославшись на XXVIII статью Тильзитскаго договора, которой обезпечивалось за ними полное равенство.

„Этотъ принципъ можетъ соблюдаться всюду, но только не при дворѣ зятя императора Наполеона", сказалъ Дюранъ, на что̀ Долгоруковъ, со своей стороны, возразилъ, что родственные дворы бываютъ представлены послами, а отнюдь не полномочными министрами.

Объясненіе происходило въ самомъ вѣжливомъ тонѣ, но по окончаніи его Дюранъ отправился, въ сопровожденіи маршала Периньони, губернатора Неаполя, къ королю, и испросилъ у него немедленно аудіенцію и требовалъ, чтобы ему было дано удовлетвореніе за оскорбленіе, нанесенное императору въ лицѣ его представителя.

Мюратъ очутился въ крайне затруднительномъ положеніи; онъ самъ поощрялъ претензіи Долгорукова и былъ бы готовъ одобрить его поступокъ, если бы князь дѣйствовалъ не такъ грубо; съ другой стороны, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ссориться съ Наполеономъ, но въ то же время ему не хотѣлось признать за французскимъ посланникомъ преимущественныхъ правъ при его дворѣ. Чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія, онъ рѣшилъ игнорировать оскорбленіе, нанесенное Дюрану, какъ представителю французскаго монарха, а тотъ фактъ, что Долгорукій толкнулъ во дворцѣ, въ его присутствіи, придверника и положилъ руку на эфесъ шпаги, принялъ за оскорбленіе, нанесенное его королевскому достоинству. Маркизу Галло было поручено заявить русскому посланнику, что король будетъ жаловаться на него императору Александру и воспрещаетъ ему пріѣздъ ко двору.

Возвратившись изъ дворца въ зданіе французскаго посольства, Дюранъ тотчасъ написалъ Долгорукову:

„Ваше сіятельство, какъ бы наши правительства ни взглянули на недоразумѣніе, происшедшее между нами сегодня утромъ, несомнѣнно, что, положивъ руку на эфесъ шпаги, вы позволили себѣ такой угрожающій жестъ по отношенію меня, за который я долженъ потребовать у васъ удовлетворенія, которое, я увѣренъ, вы поспѣшите дать мнѣ".

Этотъ вызовъ чрезвычайно удивилъ русскаго посланника; это былъ фактъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ дипломатическаго міра. Долгоруковъ никакъ не ожидалъ этого со стороны „маленькаго, тщедушнаго“ и уже не молодаго Дюрана.

Онъ попытался даже уклониться отъ дуэли, сославшись на то, что въ происшедшемъ столкновеніи не было ничего личнаго и „выразилъ сожалѣніе по поводу того, что онъ не въ состояніи дать Дюрану удовлетвореніе до тѣхъ поръ, пока онъ занимаетъ свой дипломатическій постъ“. Такъ обстояло дѣло, какъ вдругъ, 2 января, произошло новое осложненіе.

Долгоруковъ получилъ отъ генерала Эксельмана, временно исполнявшаго при неаполитанскомъ дворѣ обязанности оберъ-гофмаршала, письмо слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство, какъ французскій генералъ и какъ подданный императора Наполеона, я не могъ, безъ вполнѣ понятнаго негодованія, быть свидѣтелемъ вашего вчерашняго поступка по отношенію къ французскому посланнику и, если бы лежавшія на мнѣ служебныя обязанности не были помѣхою, то я имѣлъ бы честь немедленно просить у васъ удовлетворенія за оскорбленіе, нанесенное моему монарху въ лицѣ его посланника, но я надѣюсь, князь, что вы сдѣлаете честь дать мнѣ это удовлетвореніе сегодня въ Баньолѣ или въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію. Я явлюсь туда въ назначенный вами часъ съ однимъ изъ моихъ друзей, съ пистолетами и шпагою“.

Эксельманъ не зналъ, что Долгоруковъ еще ранѣе былъ вызванъ на дуэль Дюраномъ. Получивъ такимъ образомъ два вызова, Долгоруковъ рѣшилъ въ первый моментъ не принимать ни одного изъ нихъ, и отвѣчалъ Эксельману:

„Ваше превосходительство, я не думалъ, что мнѣ придется обсуждать съ вами вопросъ о томъ, кому изъ насъ, французскому посланнику или мнѣ, было нанесено вчера оскорбленіе при дворѣ его величества короля неаполитанскаго, тѣмъ менѣе я могъ предположить, что мнѣ придется давать вамъ отчетъ въ томъ, правильно ли я поступилъ, поддержавъ правила этикета, установленныя по Тильзитскому договору его величествомъ, моимъ августѣйшимъ монархомъ и его величествомъ императоромъ Наполеономъ для своихъ представителей. Тѣмъ не менѣе я не замедлилъ бы исполнить ваше желаніе, если бы препятствіемъ къ тому не служилъ, какъ это вамъ, вѣроятно, извѣстно, дипломатическій характеръ моей миссіи, который уважается всѣми по законамъ всѣхъ цивилизованныхъ націй. При томъ, я уже имѣю извѣстное обязательство по отношенію къ г. Дюрану, которое и будетъ мною выполнено, лишь только я получу отъ моего августѣйшаго монарха увольненіе, о чемъ мною послано прошеніе съ нарочнымъ. По-

этому прошу ваше превосходительсто позволить мнѣ принять вашъ вызовъ по полученіи этого увольненія и послѣ того, какъ я дамъ г. Дюрану требуемое имъ удовлетвореніе“.

Несмотря на нѣсколько насмѣшливый тонъ этого отвѣта, Долгоруковъ, очевидно, рѣшилъ, что ему не избѣжать дуэли, такъ какъ онъ просилъ прислать ему его вѣрительныя грамоты, чтобы „онъ могъ имѣть неоцѣненное счастье выступить на поединокъ съ Дюранами, Эксельманами и всѣми тѣми, кои выступятъ противъ него, чтобы наказать его за точное соблюденіе трактатовъ и за его стараніе поддержать права своего законнаго монарха“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль о предстоящемъ поединкѣ, видимо, волновала его, такъ какъ онъ писалъ русскому канцлеру, что „вызовъ на поединокъ со стороны Эксельмана есть настоящая ловушка“.

3 числа утромъ, Долгоруковъ получилъ отъ неаполитанскаго министра иностранныхъ дѣлъ оффиціальное извѣщеніе о результатѣ разслѣдованія, произведеннаго по повелѣнію короля. Маркизъ Галло сообщалъ ему, что „на основаніи показаній, данныхъ придворными, кои присутствовали при его столкновеніи съ Дюраномъ и „прочихъ чиновъ дипломатическаго корпуса, на его поведеніе должна быть принесена жалоба его императорскому величеству русскому императору“ и что до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно рѣшеніе государя, „король находитъ нужнымъ воспретить русскому посланнику пріѣздъ ко двору“.

„Хотя его величествомъ королемъ и не установлено извѣстныхъ правилъ для церемоніальныхъ преимуществъ посланниковъ, аккредитованныхъ при его дворѣ“, писалъ маркизъ, „тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право признавать за французскимъ посланникомъ тѣ преимущества, кои всегда признавались за послами родственныхъ царствующихъ домовъ. Тѣсныя узы родства, связующія его величество и его страну съ Франціей, и драгоцѣнныя узы признательности, кои связываютъ его величество съ августѣйшей особой императора Наполеона I, оправдываютъ передъ лицомъ всѣхъ европейскихъ державъ тѣ преимущества, кои король оказываетъ посланнику французскаго императора“.

Долгоруковъ тотчасъ воспользовался промахомъ, сдѣланнымъ маркизомъ Галло.

„Преимущества, признаваемыя за послами царскихъ особъ“, отвѣчалъ онъ, „никогда не распространяются на простыхъ посланниковъ; королемъ не было обнародовано по этому поводу никакой декларація“; „поступая извѣстнымъ образомъ, онъ (Долгоруковъ) руководствовался XXVIII статьей Тильзитскаго договора“, что же касается показаній чиновъ дипломатическаго корпуса, то Долгоруковъ указы-

валъ на то, что они заключали въ себѣ рядъ противорѣчій, а именно: Міеръ, австрійскій посланникъ, уклонился отъ какихъ-либо показаній, сославшись на то, что „посланникъ обязанъ давать отчетъ въ томъ, что онъ видитъ и слышитъ только своему двору"; баварскій посланникъ ничего не видѣлъ; точно такъ же, какъ и повѣренный въ дѣлахъ Италіи, а что касается испанскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, то онъ былъ близорукъ. Слѣдовательно, ссылаясь на показанія этихъ лицъ, которыя не приведены при томъ до-словно, маркизъ Галло поступилъ неосмотрительно.

Побивъ министра его же доводами, Долгоруковъ, очевидно, все-таки не думалъ, что дѣло кончится для него благополучно, такъ какъ онъ а хотѣлъ узнать мнѣніе какого-нибудь авторитетнаго лица. Не имѣя возможности снестись съ Петербургомъ, на что̀ потребовалось бы нѣсколько мѣсяцевъ, онъ вздумалъ обратиться къ русскому посланнику въ Парижѣ, князю Куракину. Написавъ ему письмо, онъ собирался послать въ Парижъ—для личныхъ объясненій секретаря посольства Голланда. Но паспортъ его нужно было визировать во французскомъ посольствѣ, и князю пришлось обратиться къ Дюрану, коему онъ сообщилъ при этомъ, что посылаемыя имъ депеши касаются „принятаго имъ по отношенію къ Дюрану обязательства". Возвращая визированный паспортъ, Дюранъ писалъ, что „такъ какъ его превосходительство сообщилъ ему о томъ, какого предмета касается посылаемое имъ письмо, то онъ не можетъ не воспользоваться случаемъ, чтобы выразить ему свое сожалѣніе, по поводу того, что князь счелъ нужнымъ сдѣлать этотъ шагъ, чтобы уладить дѣло, которое уже слѣдовало окончить".

Это былъ новый вызовъ, сдѣланный въ деликатной формѣ, отъ котораго Долгоруковъ не счелъ на этотъ разъ возможнымъ уклониться, тѣмъ болѣе, что дуэль съ посланникомъ казалась ему дѣломъ менѣе серьезнымъ, нежели „ловушка", устроенная ему Эксельманомъ.

„Прежде, нежели принять вашъ вызовъ", писалъ Долгоруковъ Дюрану, „я счелъ нужнымъ обратить ваше вниманіе на оффиціальное положеніе, занимаемое нами обоими, но такъ какъ мы оба одинаково подлежимъ отвѣтственности, то, если это соображеніе не имѣетъ значенія въ вашихъ глазахъ, я послѣдую вашему примѣру и прошу васъ указать мнѣ день, мѣсто и подходящее для васъ оружіе".

На слѣдующій день, 4 числа, Дюранъ отвѣчалъ: „я долженъ поблагодарить ваше сіятельство за то, что вы ускорили моментъ нашего поединка, который сталъ, къ сожалѣнію, неизбѣжнымъ. Завтра, ровно въ девять часовъ утра, я буду у входа въ ущелье, ведущее къ Аньянскому озеру. Со мною будетъ шпага и два секунданта".

Дуэлью нельзя было долѣе медлить, такъ какъ, не принявъ вто-

ричнаго вызова Дюрана, Долгоруковъ могъ очутиться въ положеніи крайне неловкомъ для всякаго порядочнаго человѣка, ибо, 3-го января Константинъ Бенкендорфъ, исполнявшій въ Неаполѣ, до его пріѣзда, обязанности русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, и оставшійся тамъ до полученія новаго назначенія, вызвалъ „какъ русскій дворянинъ и помощникъ князя Долгорукова, на дуэль генерала Эксельмана". „Смѣю надѣяться, писалъ Бенкендорфъ Эксельману, что послѣ дуэли съ княземъ Долгоруковымъ вы дадите мнѣ возможность исполнить священную для меня обязанность", но Эксельманъ, предвидя, что онъ скоро уѣдетъ изъ Неаполя, отвѣчалъ, что „лучше покончить дѣло скорѣй". „Къ тому же, любезно присовокуплялъ онъ, я слишкомъ уважаю князя Долгорукова, чтобы думать, что его честь можетъ быть въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-либо запятнана".

Въ отвѣтъ на это письмо Бенкендорфъ послалъ сказать генералу, что онъ будетъ ждать его въ тотъ же день „въ три часа по полудни, у озера Аньяно, со шпагою въ рукахъ и однимъ секундантомъ".

Къ счастью, Долгоруковъ узналъ во̀-время о томъ, что Бенкендорфъ собирался, съ оружіемъ въ рукахъ, защищать его честь.

„Было крайне необходимо", писалъ Долгоруковъ графу Міеру, „чтобы дуэль, которая должна была, въ сущности, явиться послѣдствіемъ моей дуэли съ Дюраномъ, не произошла раньше ея". Въ виду этого онъ просилъ графа предупредить объ этомъ Дюрана, который тотчасъ послалъ къ Эксельману для переговоровъ своего адъютанта, барона Форбена, Долгоруковъ, со своей стороны, послалъ къ Бенкендорфу своего секунданта, барона Григорія Строганова, чтобы уговорить его отложить поединокъ.

Строгановъ, бывшій русскій посланникъ въ Мадридѣ, единственный русскій путешественникъ, находившійся въ то время въ Неаполѣ, не могъ отказать своему соотечественнику въ услугахъ, въ качествѣ секунданта, хотя онъ „былъ въ то время боленъ и ни во что не вмѣшивался".

Потребовавъ отъ Долгорукова и Бенкендорфа, чтобы они обязались „честнымъ словомъ подчиниться его рѣшенію", онъ отправился къ Форбену и рѣшилъ съ нимъ, что „вопросъ будетъ покончень двойнымъ поединкомъ".

Было рѣшено, что противники сойдутся на слѣдующій день, 5-го числа, въ семь часовъ утра, въ храмѣ Сераписа въ Пуццоли.

Первая дуэль должна была состояться между Дюраномъ и Долгоруковымъ; она произошла внутри храма. При первомъ выпадѣ Долгоруковъ ударилъ Дюрана въ грудь, но тотъ пожелалъ продолжать поединокъ; когда противники слегка коснулись другъ друга, то Дюранъ призналъ себя удовлетвореннымъ, пожалъ Долгорукову руку и

обнялъ его. Затѣмъ онъ вмѣстѣ съ Форбеномъ и Строгановымъ рѣшилъ не допускать второй дуэли. Но у Бенкендорфа и Эксельмана не хватило терпѣнія выждать окончанія поединка, чтобы сразиться, какъ было условлено, „на томъ же мѣстѣ"; они сошлись на церковной паперти и яростно напали другъ на друга. Въ самомъ началѣ Бенкендорфъ былъ легко раненъ въ грудь; затѣмъ Эксельманъ пронзилъ ему шпагой плечо; самъ же Эксельманъ былъ раненъ въ шею, подлѣ уха и истекалъ кровью. Ихъ едва удалось розлять и примирить.

Тогда Эксельманъ, подойдя къ Долгорукову, сказалъ, что въ то время, когда онъ писалъ ему письмо, онъ упустилъ изъ вида его положеніе, какъ дипломата, и поэтому просилъ самъ его забыть о сдѣланномъ имъ вызовѣ. На это Долгорукій отвѣтилъ, что такъ какъ вызовъ сдѣланъ не имъ, то онъ будетъ всегда къ услугамъ генерала, какъ только онъ получитъ свои вѣрительныя граматы. Эксельманъ возразилъ, что дѣло нужно считать оконченнымъ и въ знакъ примиренія протянулъ Долгорукову руку.

Въ тотъ моментъ, когда все было кончено, появился комендантъ Неаполя, генералъ Караскоза, заявившій русскому и французскому посланникамъ отъ имени своего монарха, что „его величество король неаполитанскій не допуститъ, чтобы кто-либо дрался на дуэли въ предѣлахъ его королевства".

Конечно, это была одна формальность.

Императоръ Александръ, извѣщенный о происшедшемъ своимъ посланникомъ въ Парижѣ и неаполитанскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ, Бранчіо, поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ, не ожидая донесенія отъ князя Долгорукова, выразить ему неудовольствіе государя.

„Императоръ, писалъ министръ Долгорукову, 11-го февраля выразилъ желаніе, чтобы вы были поставлены въ извѣстность о томъ, что онъ не одобряетъ вашего поведенія въ день новаго года. Е. в. убѣжденъ, что вы могли избѣжать всѣхъ послѣдствій этого поступка; онъ видитъ съ прискорбіемъ, что подобнаго рода фактъ могъ произойти въ то время, какъ его мудрыя предначертанія клонятся къ тому, чтобы устранить дипломатическія осложненія, и отнюдь не давать имъ новой пищи".

Императоръ Александръ обошелъ молчаніемъ некорректный поступокъ короля неаполитанскаго, запретившаго русскому посланнику пріѣздъ ко двору, устранивъ его отъ исполненія его дипломатическихъ обязанностей, и повелѣлъ объявить повѣренному въ дѣлахъ Неаполя, что „если король имѣлъ поводъ быть недовольнымъ посланникомъ его императорскаго величества, то ему слѣдовало жаловаться на него е. в.".

„Императоръ имѣлъ бы право поступить точно также“, писалъ министръ, по повелѣнію государя, „но онъ не сдѣлаетъ этого; поэтому онъ поручилъ канцлеру заявить г. Бранчіо, что онъ можетъ по-прежнему исполнять обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ и что онъ будетъ принятъ при дворѣ съ тѣми же почестями, какъ доселѣ“.

Съ тѣмъ же курьеромъ, который везъ Долгорукову письмо съ изъявленіемъ неудовольствія императора Александра I, министръ иностранныхъ дѣлъ послалъ маркизу Галло ноту, въ которой безъ всякихъ комментаріевъ просилъ его вручить паспорта князю Долгорукову, Бенкендорфу и ихъ свитѣ и доводилъ до его свѣдѣнія, что „его императорское величество повелѣлъ камергеру барону Будбергу отправиться въ Неаполь повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи“.

21-го марта курьеръ прибылъ въ Неаполь, 22-го числа повелѣніе императора было сообщено маркизу Галло, который поспѣшилъ вручить членамъ русскаго посольства паспорта, а 24-го Долгорукій и Бенкендорфъ завезли свои карточки Дюрану и всѣмъ чинамъ дипломатическаго корпуса и выѣхали изъ Неаполя.

Что касается Наполеона I, то онъ узналъ о случившемся довольно поздно, при томъ не изъ депешъ Дюрана, который старался придать событію характеръ личнаго столкновенія и изобразить дуэль съ Долгорукимъ какъ свое личное дѣло; императоръ узналъ объ этомъ изъ писемъ Долгорукова къ Куракину, который далъ ихъ прочесть Наполеону, и изъ депешъ маркиза Галло къ повѣренному въ дѣлахъ Неаполя въ Петербургѣ, которыя были перехвачены на почтѣ.

Наполеонъ не придалъ никакого значенія вопросу о церемоніальномъ этикетѣ, но очень порицалъ поступокъ русскаго посланника и опасался, чтобы императоръ Александръ не счелъ себя оскорбленнымъ Мюратомъ въ лицѣ своего посланника.

Такимъ образомъ, онъ не только не осуждалъ Дюрана, но даже похвалилъ его, зато герцогъ Бассано въ своемъ донесеніи императору французовъ строго осуждалъ поведеніе Эксельмана и написанное имъ письмо: „Побужденіе, коимъ онъ объясняетъ въ этомъ письмѣ свой поступокъ, писалъ Бассано, такъ же неумѣстно, какъ и сдѣланный имъ шагъ, такъ какъ генералъ выступилъ въ качествѣ француза, чтобы отомстить за оскорбленіе, нанесенное его монарху въ лицѣ его посланника“.

Но Наполеонъ взглянулъ на это дѣло иначе: Эксельманъ еще 24-го декабря былъ отозванъ изъ Неаполя и назначенъ маіоромъ л.-гв. конныхъ егерей. Въ тотъ моментъ, когда онъ вступился со шпагою въ рукахъ за честь императора, ему не было еще извѣстно объ оказанной ему милости, но онъ вскорѣ получилъ и другіе знаки отличія. Когда началась война, Наполеонъ перевелъ его тоже маіо-

ромъ въ конно-гренадерскій полкъ; а 6-го сентября, наканунѣ сраженія подъ Москвою, онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ и получилъ титулъ барона.

Образъ дѣйствій Дюрана былъ, какъ мы уже знаемъ, одобренъ Наполеономъ.

„Напишите моему посланнику въ Неаполѣ, писалъ онъ герцогу Бассано, что онъ хорошо сдѣлалъ, не уступивъ мѣста кн. Долгорукову, и что онъ не долженъ никому уступать его въ Неаполѣ. Напишите также маркизу Галло, что я одобряю рѣшеніе короля воспретить князю Долгорукову пріѣздъ ко двору и потребовать отозванія этого посланника; это дѣйствительно единственный отвѣтъ, какого заслуживало его смѣшное и оскорбительное поведеніе, такъ какъ онъ оттолкнулъ привратника и прошелъ мимо церемоніймейстера прежде, нежели тотъ доложилъ королю и т. д.". Это письмо должно быть написано въ очень спокойномъ тонѣ.

„Если бы Мюратъ поступилъ иначе и Долгорукову не былъ бы воспрещенъ пріѣздъ ко двору, и онъ продолжалъ бы нести свои обязанности, то Дюрану пришлось бы немедленно оставить Неаполь".

„Опишите вкратцѣ случившееся, продолжалъ императоръ, и разошлите это описаніе моимъ посланникамъ, чтобы оно могло служить имъ темою для разговора. Достаточно будетъ написать слѣдующее: „Посылаю вамъ отрывокъ изъ письма барона Дюрана, оставьте его у себя. Посылаю его вамъ съ тою цѣлью, чтобы вы знали, какъ было дѣло, если съ вами будутъ говорить объ этомъ". Затѣмъ вы изложите вкратцѣ самый фактъ оскорбленія, нанесеннаго княземъ Долгорукимъ придвернику въ тронномъ залѣ, и воспрещеніе князю Долгорукову появляться при дворѣ".

„Князю Куракину мнѣ нечего отвѣчать". „Я не хочу посылать курьера въ Петербургъ. Надобно только послать по почтѣ депешу маркиза Галло къ повѣренному въ дѣлахъ Неаполя, дабы она была прочтена русскимъ дворомъ. Не пишите объ этомъ ничего графу Лористону. Предоставьте дѣло его собственному теченію. Повѣренный въ дѣлахъ Неаполя получитъ письмо, покажетъ его графу Лористону и поступитъ съ нимъ такъ, какъ онъ пожелаетъ. По моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ приличнѣе всего соблюдать полнѣйшее молчаніе".

Что касалось повѣреннаго въ дѣлахъ Итальянскаго королевства въ Неаполѣ, Тассони, давшаго письменное заявленіе о томъ, что онъ не видѣлъ происшедшаго въ залѣ, то Наполеонъ вызвалъ его въ Парижъ, чтобы потребовать у него объясненія въ его поведеніи.

„Онъ велъ себя въ этомъ случаѣ такъ худо, сказалъ императоръ, что онъ долженъ быть смѣщенъ. Ему не слѣдовало уклоняться отъ участія въ дѣлѣ, касавшемся достоинства моей короны". „Моимъ

посланникамъ, какъ представителямъ сюзереннаго государства, принадлежитъ первенствующее мѣсто какъ въ Неаполѣ, такъ равно и во всѣхъ союзныхъ государствахъ".

Но союзъ, на который ссылался императоръ французовъ, не былъ оформленъ никакимъ оффиціальнымъ актомъ, и его не признавали пока ни европейскія державы, ни сами заинтересованные вассальные короли; противъ этихъ сюзеренныхъ поползновеній энергично боролись Людовикъ Бонапартъ въ Голландіи, Іосифъ Бонапартъ въ Испаніи и Мюратъ въ Неаполѣ, и именно потому-то Наполеонъ I былъ доволенъ тѣмъ, что французскій посланникъ съумѣлъ такъ ловко вступиться за спорныя права, чѣмъ и заслужилъ его одобренія.

Масонство и французская революція [1]).

Какую роль играло, въ 1789, въ 1792 и въ 1793 годахъ, масонство во французской революціи? Подлинные документы, исходящіе отъ самого масонства, не могутъ, понятно, не быть рѣдкими по этому вопросу. Тайное общество не было бы тайнымъ, если бы оно не заботилось о сокрытіи всего, что можетъ освѣдомить о немъ, и положительныя свидѣтельства тамъ, гдѣ ихъ по принципу уничтожаютъ, не могутъ, конечно, изобиловать. Тѣмъ не менѣе, если прямое свидѣтельство часто отсутствуетъ, зато имѣются на-лицо нѣкоторые факты, особенно поразительные, которые, будучи сближены одни съ другими, производятъ свѣтъ, почти столь же убѣдительный, какъ и свѣтъ документовъ. Факты же эти безчисленны, и совокупность ихъ приводитъ къ заключенію, что изъ великихъ дней революціи, быть можетъ, нѣтъ ни одного, который не былъ бы напередъ, за болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, задуманъ и прорепетированъ въ масонскихъ ложахъ, какъ репетируютъ пьесу въ театрѣ... Прослѣдите же, съ небольшимъ вниманіемъ, представляемое вамъ изложеніе фактовъ, и вы увидите, какъ бы собственными глазами, всю великую страну превращенной явнымъ заговоромъ въ одну огромную масонскую ложу. Вы увидите ее ввергнутой въ полный послѣдовательный рядъ постепенно усиливаемыхъ масонскихъ испытаній, изъ которыхъ первыя тщательно скрывали конечный секретъ, но изъ которыхъ послѣднимъ всегда должно было быть убійство короля, для достиженія высшей и тайной цѣли, т.-е. разрушенія самой національности!

[1]) La Francmaçonnerie et la révolution française p. Maurice Talmeyer.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію частныхъ фактовъ, отмѣтимъ сначала тотъ общій весьма важный фактъ, что исторія революціи всегда, до сихъ поръ, пользовалась особенной привилегіей быть принимаемой за исторію, хотя она никѣмъ не была, въ сущности, объяснена. По свидѣтельству безспорныхъ документовъ, и вопреки дерзко сфабрикованной легендѣ, французская нація, какъ народная масса, за исключеніемъ нѣкоторой части дворянства, духовенства и буржуазіи, была тогда глубоко католической и роялистской. Въ то самое время, когда избивали патеровъ, когда съ яростью истребляли все, относящееся къ традиціонной религіи, принуждены были отказаться отъ запрещенія церковныхъ процессій въ Парижѣ, гдѣ народъ, какъ это установлено теперь точными свидѣтельствами, заставлялъ, въ самый разгаръ террора, патрули революціонеровъ отдавать на улицѣ честь проносимымъ святымъ дарамъ [1]). Что касается культа монарха, то онъ доказывается самыми манифестаціями, направленными противъ его особы. Въ теченіе двухъ лѣтъ революція дѣлается при крикѣ: да здравствуетъ король! Затѣмъ, даже большинство мятежниковъ, мужчинъ и женщинъ, нанятыхъ для нанесенія оскорбленія королю, были вдругъ, предъ нимъ, вновь охвачены непреодолимой любовью своей расы къ потомку своихъ монарховъ [2]). Вся ихъ экзальтація, въ его присутствіи, обращается, какъ въ октябрѣ 1789 г., въ благоговѣніе и любовь. Что мы видимъ за обѣдомъ королевской семьи, при возвращеніи ея изъ Варенна? Мы видимъ революціоннаго депутата Барнава почтительно стоящимъ за стуломъ короля и прислуживающимъ ему, какъ лакей! И это католическое и роялистское чувство, почти общее въ ту эпоху, подтверждается самыми цифрами выборовъ. Въ 1790 г. враги религіи и монархіи уже повсюду избираются лишь десятой, затѣмъ пятнадцатой, потомъ двадцатой частью избирателей. Тэнъ констатируетъ, въ Парижѣ, въ первичныхъ собраніяхъ 1791 г.,

---

[1]) „Когда священникъ, неся Св. Дары, для причащенія умирающаго, проходитъ по улицѣ, всѣ встрѣчные, мужчины, женщины, молодые и старые, становятся на колѣни въ благоговѣйномъ поклоненіи. Въ день крестнаго хода на улицѣ Сенъ-Мартэнъ, всѣ повергаются передъ несомой ракой святаго: „я не видѣлъ, говоритъ одинъ внимательный зритель, ни одного мужчины, который бы не снялъ шляпы. На гауптвахтѣ участка Моконсейль вся вооруженная сила взяла на караулъ при прохожденіи процессіи. Въ то же время гражданки изъ торговыхъ рядовъ, собравшись, обсуждали вопросъ, нельзя ли устилать путь коврами. На слѣдующей недѣлѣ онѣ заставили мѣстный революціонный комитетъ разрѣшить другой крестный ходъ, который тоже всѣ встрѣчали съ колѣнопреклоненіемъ... (Taine, La Conquête jacobine, t. II. ch. III).

[2]) См. въ Histoire de la Révolution française Луи Блана разсказъ о приходѣ женщинъ къ королю и о покушеніи на жизнь Людовика XVI въ самомъ дворцѣ.

уже за годъ до 10 августа, слишкомъ 75.000 воздержавшихся отъ подачи голоса на 81.200 внесенныхъ въ списки [1])! Не слѣдуетъ ли изъ этого, что революція, разсматриваемая какъ національное движеніе, необъяснима? Мы понимаемъ націю, какъ Америка, у которой англійское господство не популярно, и которая избавляется отъ него. Но намъ непонятна нація, у которой религія и монархія въ крови, которая желаетъ ихъ и только ихъ, и которая ихъ яростно низвергаетъ. И революція эта до того необъяснима, что всѣ историки, въ дѣйствительности, отказываются объяснить ее, ибо объясненія, „фатальностью“, „промысломъ“, „силой вещей“, „карой небесной“ или „самопроизвольно анархіей“, единственныя предложенныя до сихъ поръ, ничего собственно не объясняютъ. Мы стоимъ, слѣдовательно, передъ „неизвѣстной“, передъ X, и что еще болѣе увеличиваетъ загадку, это сами революціонеры, ничтожные числомъ, не составляющіе даже десяти тысячъ избирателей на сто тысячъ, не представляющіе собой Франціи, и, несмотря на то, не только называющіе свою революцію великой французской революціей, но еще приписывающіе ей, сверхъ того, всемірный характеръ. Они даже не нація, которою называютъ себя, и тѣмъ не менѣе они претендуютъ на главенствованіе надъ всѣми другими народами именемъ этой присвоиваемой ими себѣ націи, и никто, однако, не подумаетъ спросить у нихъ, какимъ образомъ они являются представителями всѣхъ, не представляя никого!.. Ну, такъ мы предложимъ имъ этотъ вопросъ и, если они не всегда отвѣтятъ намъ сами, то рядъ фактовъ отвѣтитъ намъ за нихъ...

Какъ обстояло, въ XVIII столѣтіи, съ масонствомъ во Франціи? Оно возникло тамъ, какъ свидѣтельствуютъ его собственные ежегодники, ровно за 64 года до революціи, въ 1725 г., и два первые его гросмейстеры были англичане—лордъ Дервентватеръ и лордъ Гарнуэстеръ. Послѣ того въ немъ предсѣдательствовали одинъ французскій вельможа, герцогъ д'Антэнъ, затѣмъ одинъ принцъ крови, Людовикъ Бурбонъ, графъ Клермонскій, потомъ, съ 1771 по 1793 г., герцогъ Шартрскій, впослѣдствіи герцогъ Орлеанскій, и, еще позднѣе, Филиппъ-Эгалитэ [2]). Кромѣ того, мимоходомъ мы можемъ сдѣлать еще

---

[1]) Въ Шартрѣ, въ маѣ 1790 г., изъ 1.551 пользующихся избирательнымъ правомъ гражданъ 1.447 не пришли на первичныя собранія. Для выбора мэра и муниципальныхъ должностныхъ лицъ, въ Безансонѣ, на 3.200 внесенныхъ въ списки избирателей насчитываютъ 2.141 неявившихся въ январѣ и 2.900 въ ноябрѣ 1790 года. Въ Греноблѣ, въ августѣ и въ ноябрѣ того же года, на 2.500 внесенныхъ въ списки насчитываютъ свыше 2.000 отсутствующихъ. Въ Лиможѣ, на почти такое же число избирателей оказалось всего только 150 подавшихъ голоса, и т. д. (Taine, La Conquête jacobine, t. I, ch. II).

[2]) Annuaire du Grand Orient de France, за масонскій годъ, начинающійся 1 марта 1799 г., Парижъ, секретаріатъ Великаго Востока, ул. Cadet, № 16

нѣсколько интересныхъ замѣчаній. Извѣстно, что первой революціонной манифестаціей третьяго сословія, въ 1789 г., было провозглашеніе себя національнымъ собраніемъ и что пресловутая формула: „объявить отечество въ опасности" должна была сдѣлаться сакраментальной въ 1792 г. Но уже гораздо ранѣе, въ 1771 г., вслѣдствіе серьезныхъ внутреннихъ кризисовъ, масонство... объявляетъ себя въ опасности. Оно призываетъ въ Парижъ делегатовъ со всѣхъ концовъ Франціи, и эти делегаты уже за 18 лѣтъ до 1789 г. соединяются... въ національное собраніе. Далѣе — первые масоны, водворившіеся во Франціи около 1723 года, были якобиты, и главный клубъ—заправило революціи, былъ клубъ якобинцевъ. Кондорсе въ „Седьмой эпохѣ успѣховъ человѣческаго ума" указываетъ на масонство, какъ на таинственное продолженіе ордена тампліеровъ, и тюрьмой Людовику XVI служитъ... Тампль, бывшій пріютъ этихъ самыхъ храмовниковъ [1]). Большое годичное собраніе масоновъ называется конвентомъ (le Convent), также и знаменитѣйшее революціонное собраніе будетъ называться конвентомъ (la Convention). Масонство, когда ему нужно было подвергнуть проскрипціи адепта, объявляло его подозрительнымъ и, всѣмъ извѣстно, какъ, во времена террора, объявляли человѣка подозрительнымъ. По словамъ Луи Блана, вступающій въ масонство, надѣвалъ шапку, причемъ ему говорили: „этотъ головной уборъ лучше короны королей". Такъ и въ клубѣ якобинцевъ ораторъ покрывалъ себѣ голову краснымъ колпакомъ. Наконецъ, одно изъ практиковавшихся въ масонствѣ до революціи испытаній состояло въ томъ, что масонскаго сановника заставляли произвести операцію казни короля Франціи надъ манекеномъ, изображавшимъ Филиппа Красиваго, того государя, который уничтожилъ орденъ тампліеровъ, и конечнымъ актомъ революціи также должна была быть казнь короля [2]). Слѣдуетъ ли, впро-

---

хронологич. списокъ гросмейстеровъ и президентовъ Ордена въ Франціи (Новая книгопечатня (рабочая ассоціація), ул. Cadet, 11).

[1]) „Изслѣдуемъ, не образовались ли, въ эпоху, когда философскій прозелитизмъ былъ такъ опасенъ, тайныя общества, съ цѣлью распространенія, между своими адептами, небольшаго числа простыхъ истинъ, какъ вѣрнаго предохранительнаго средства противъ господствующихъ предразсудковъ... Посмотримъ, не слѣдуетъ ли помѣстить въ число этихъ обществъ тотъ знаменитый орденъ, противъ котораго папы и короли конспирировали съ такой низостью, и который они уничтожили съ такимъ варварствомъ"... (Condorcet, Esquisse d'un tableau des progrès de l'ésprit humain: Septième époque).

[2]) „Здѣсь нужно еще возобновить испытаніе, въ которомъ посвящаемый превращается въ убійцу; но субъектъ, требующій отмщенія, въ этомъ случаѣ уже не Гирамъ, а Моле, гросмейстеръ тампліеровъ, убіенію же подлежитъ король, именно Филиппъ Красивый, по приказанію котораго былъ уничтоженъ орденъ рыцарей Храма. По выходѣ изъ пещеры, адептъ, держа въ рукахъ голову этого короля, восклицаетъ: Некомъ, я убилъ его!"

чемъ, придавать этимъ предварительнымъ замѣчаніямъ болѣе важное значеніе, чѣмъ какое имъ подобаетъ? Нѣтъ, конечно, и это быть можетъ простыя совпаденія. Но мы можемъ, однако, съ этими совпаденіями, уже чувствовать себя въ извѣстной атмосферѣ[1]).

Словомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ списокъ его гросмейстеровъ, масонство, въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, несмотря на свои кризисы, быстро идетъ въ гору. Оно входитъ въ моду, дѣлаетъ фуроръ, и „Великій Востокъ“ даже учреждаетъ у себя пресловутыя адоптивныя ложи, куда допускаются женщины. „Вступающія женщины“,—сообщаетъ намъ г. д'Альмерà, авторъ недавно вышедшей въ свѣтъ исторіи Каліостро, и, кажется, не относящійся враждебно ни къ Каліостро, ни къ ложамъ, — „это актрисы, танцовщицы, мѣщанки или знатныя дамы безъ предразсудковъ“.

Въ то время масонство, по крайней мѣрѣ, по наружности, состояло, главнымъ образомъ, въ балахъ, въ банкетахъ, въ показной благотворительности. Въ 1775 году, герцогиня Бурбонская получила титулъ гросмейстерины всѣхъ адоптивныхъ ложъ Франціи; герцогъ Шартрскій самъ водворилъ ее въ этомъ женскомъ понтификатѣ, среди великолѣпныхъ празднествъ, при чемъ, въ концѣ банкета, былъ устроенъ сборъ въ пользу „отцовъ и матерей, содержащихся въ тюрьмѣ за неплатежъ за мѣсяцы вскормленія ихъ дѣтей“.

Таковъ былъ, въ теченіе всего этого періода, фасадъ масонства. Онъ былъ, въ одно и то же время, пышный и забавный, съ обѣщаніемъ таинственности, вѣроятно, безвредный и, можетъ быть, даже пріятный,—внутри дома. Подъ предлогомъ филантропіи, тамъ веселятся безмѣрно. Участники вмѣшиваются тамъ между людьми хорошаго общества и менѣе хорошаго, въ иллюзіи соціальнаго равенства, всегда не лишенной пикантности; испытываютъ чувство двойственной жизни, гдѣ другъ друга называютъ боевыми именами, обмѣниваясь условными знаками и словами; доставляютъ себѣ удовольствіе легкаго волненія отъ ожиданія чего-нибудь секретнаго, которое, можетъ быть, будетъ запрещеннымъ, словомъ, играютъ въ тѣ невинныя игры, которыя не всегда бываютъ невинными, и безконечная веселость увлекаетъ все общество въ эту игру. Самые благомыслящіе люди принимаютъ участіе въ этихъ потѣхахъ, и Марія-Антуанета пишетъ, въ эту эпоху, г-жѣ де-Ламбаль: „Прочла съ большимъ интересомъ о томъ, что дѣлается въ масонскихъ ложахъ, въ которыхъ вы предсѣдательствовали, и описаніемъ которыхъ вы такъ позабавили меня. Я вижу, что тамъ пре-

---

[1]) „Свѣдѣнія о степени кадошей я не взялъ просто изъ книгъ Монжуа или Лефранка,—я получилъ ихъ отъ самихъ посвященныхъ“... (Barruel, Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, t. II, p. 220, Hambourg, 1803).

даются только невиннымъ развлеченіямъ, и что тамъ дѣлаютъ также добро" [1]).

Не существовало ли, однако, поводовъ остерегаться? Да, и нѣкоторыя государства, съ половины XVIII столѣтія, довольно безцеремонно изгоняли этихъ франкъ-масоновъ или „вольныхъ каменщиковъ", которые во Франціи такъ усердно старались забавлять французовъ, заставлять ихъ плясать, щекотать ихъ суетность. Кромѣ того, папа Климентъ XII издалъ противъ нихъ довольно внушительную буллу, въ которой сравниваетъ ихъ съ „ворами, вламывающимися въ домъ" [2]). Можно было, слѣдовательно, съ этого момента уже не видѣть въ масонскихъ ложахъ только увеселительныя мѣста, какъ видѣла несчастная Марія-Антуанета, и одно зрѣлище дававшихся тамъ баловъ вызывало, впрочемъ, у многихъ невыразимое непріятное чувство. Они не могли сказать, почему именно испытывали такое чувство, но они испытывали его, и чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть слѣдующее мѣсто въ мемуарахъ Баррюэля. Онъ эмигрировалъ въ Лондонъ послѣ 1792 г., а ранѣе, передъ революціей, былъ, какъ и всѣ, настойчиво приглашаемъ принять участіе въ масонскихъ собраніяхъ.

„За послѣднія лѣтъ двадцать, разсказываетъ онъ, трудно было встрѣтить во Франціи людей, не принадлежащихъ къ масонскому обществу. Были таковые и между моими знакомыми, въ томъ числѣ такіе, уваженіемъ и дружбой которыхъ я дорожилъ. Съ обычнымъ рвеніемъ молодыхъ адептовъ, они уговаривали меня записаться въ ихъ братство. На мой постоянный отказъ, они порѣшили завербовать меня противъ моей воли. Для исполненія этого плана, меня приглашаютъ на обѣдъ къ одному пріятелю, гдѣ я оказываюсь единственнымъ профаномъ среди масоновъ. Обѣдъ конченъ, слуги отосланы, предлагаютъ образовать изъ присутствующихъ ложу и посвятить меня. Я упорно отказываюсь и особенно рѣшительно отказываюсь дать клятву хранить секретъ, предметъ котораго мнѣ неизвѣстенъ. Отъ клятвы меня освобождаютъ. Я все-таки сопротивляюсь. Настойчиво упрашиваютъ. Я упорствую. Вмѣсто возраженій, присутствующіе составляютъ изъ себя ложу, и тогда начинаются всѣ тѣ обезьянства и дѣтскія церемоніи, описаніе которыхъ находимъ въ разныхъ масонскихъ книгахъ. Я стараюсь улизнуть; аппартаменты обширные, домъ уединенный, слугамъ данъ приказъ, всѣ двери заперты. Приходится покориться. Меня допрашиваютъ, я отвѣчаю на всѣ вопросы со смѣхомъ; и вотъ меня

---

[1]) Feuillet de Conches, цитируемый въ Souvenirs du-comte de Virieu, par le marquis Costa de Beauregard.

[2]) См. Документы.

объявляютъ ученикомъ, а вслѣдъ затѣмъ и подмастерьемъ. Вскорѣ нужно возвести меня въ третью степень—въ степень мастера. Тутъ меня ведутъ въ обширную залу. До сихъ поръ я видѣлъ только шутку, ребячество, и не выказалъ неудовольствія ни однимъ отвѣтомъ. Наконецъ, вдругъ слышу слѣдующій вопросъ, который мнѣ задаетъ съ важнымъ видомъ „достопочтенный“: „расположены ли вы, мой братъ, исполнять всѣ приказанія гросмейстера масонства, хотя бы даже вы получили противные приказы отъ короля, императора или какого-либо другаго государя“? — Отвѣчаю: нѣтъ! — „Достопочтенный“ удивленъ: „Какъ! нѣтъ? Вы, значитъ, пришли къ намъ только за тѣмъ, чтобы выдать наши секреты? Вы, вѣрно, не знаете, что изъ всѣхъ нашихъ мечей нѣтъ ни одного, который бы не былъ готовъ пронзить сердце предателей“! Въ этомъ вопросѣ и сопровождавшихъ его угрозахъ я все еще видѣлъ только шутку, но тѣмъ не менѣе отвѣчалъ на него отрицательно. За исключеніемъ „достопочтеннаго“, вся братія хранила угрюмое молчаніе, хотя, въ глубинѣ души, они потѣшались этой сценой. Она становилась все серьезнѣе между „достопочтеннымъ“ и мной. Онъ не сдавался и все повторялъ свой вопросъ. Наконецъ, мнѣ надоѣло это. Глаза у меня были завязаны, я срываю повязку, бросаю ее на полъ, и, топнувъ ногой, отвѣчаю—нѣтъ! тономъ крайняго нетерпѣнія. Вся ложа рукоплещетъ мнѣ, въ знакъ одобренія; „достопочтенный“ восхваляетъ мое постоянство: „вотъ, говоритъ онъ, люди, какихъ намъ нужно, люди съ характеромъ, умѣющіе быть твердыми“!.. Какой былъ, однако, нѣсколько лѣтъ спустя, эпилогъ этой шутки? „Долженъ, прибавляетъ Баррюэль, отдать справедливость принявшимъ меня, что, во время революціи, всѣ они показали себя добрыми роялистами, за исключеніемъ „достопочтеннаго“, который бросился въ якобинство“.

Такимъ образомъ общество, непосредственно предшествовавшее революціи, было, такъ сказать, общество „масонизированное“.

Оно „омасонилось“ для забавы, но тѣмъ не менѣе „омасонилось“. Эта атмосфера, внѣ которой нельзя и пытаться разсматривать ту эпоху, подъ опасеніемъ не увидѣть въ ней ничего въ истинномъ свѣтѣ. Вездѣ есть, въ этотъ моментъ, какъ въ сценѣ, разсказанной Баррюэлемъ, два-три десятка масоновъ, которые сдѣлались таковыми подъ вліяніемъ моды, изъ снобизма, изъ потребности увеселеній, и между ними нѣкоторый „братъ“, по виду такой же, какъ и они, но въ дѣйствительности не такой, какъ они, и который явился туда, какъ выражается папская булла, для того, чтобы „произвести взломъ“, въ то время, когда другіе развлекаются играми и танцами. И уже за тридцать или сорокъ лѣтъ до революціи „масонизмомъ“ до того была пропитана окружающая атмосфера, что философы, въ

дѣйствительности, не распространяютъ свою философію просто посредствомъ своихъ сочиненій, а составляютъ по-масонски заговоры для ея распространенія... Послушайте Вольтера въ его корреспонденціи: „нужно“, пишетъ онъ, „дѣйствовать какъ заговорщики, а не какъ ревнители... Пусть истинные философы составятъ братство на манеръ масоновъ... Пусть тайны Митры не будутъ разглашаемы... Наносите удары и прячьте вашу руку...“ Маркграфиня Байрейтская, принцесса Вильгельмина, становится для него „сестрой Гильеметтой“, и сама она адресуетъ ему письма, начинающіяся словами: „сестра Гильеметта брату Вольтеру“. Онъ самъ сознается, въ письмахъ получившихъ громкую извѣстность, что „причащается“ лицемѣрно, чтобы лучше обманывать людей. Однажды онъ предпринимаетъ цѣлую интригу, направленную къ возстановленію Іерусалимскаго храма [1]). Другой разъ, онъ, вмѣстѣ съ д'Аламберомъ, ведетъ интригу, имѣющую цѣлью побудить Людовика XV основать во всемъ королевствѣ даровыя профессіональныя школы, гдѣ бы, подъ прикрытіемъ, якобы, профессіональнаго обученія, тайкомъ проповѣдывалось народу возмущеніе. Бертэнъ, управитель королевской шкатулки, рѣшился, наконецъ, разстроить этотъ замыселъ. Онъ произвелъ слѣдствіе, и что же открылъ? Цѣлый заговоръ книгоношъ, которые ходили по деревнямъ и продавали, по ничтожнымъ цѣнамъ, зажигательныя брошюры, которыя имъ доставляли даромъ въ огромныхъ количествахъ [2]). Къ этому заговору присоединились и многіе школьные учителя, особенно въ окрестностяхъ Льежа, гдѣ они читали дѣтямъ, въ тайныхъ собраніяхъ, книги, которыя имъ присылались цѣлыми тюками. И учителя эти были именно тѣ, которые публично, по примѣру Вольтера, и какъ бы по данному паролю, исполняли свои религіозныя обязанности съ самымъ демонстративнымъ благочестіемъ!

Слишкомъ двадцать лѣтъ спустя, въ 1789 г., въ промежуткѣ времени между ужасами штурма Бастиліи и ужасами октябрьской рѣзни, нѣкто Леруа, лейтенантъ королевской охоты, говорилъ съ рыданіями на обѣдѣ, о которомъ разсказываетъ Баррюэль и который происходилъ у д'Анжевилье, смотрителя королевскихъ зданій:

„Я былъ секретаремъ комитета, которому вы обязаны этой революціей, и я умру отъ скорби и угрызеній совѣсти!... Засѣданія этого комитета происходили у барона Гольбаха... Наши главные члены были д'Аламберъ, Тюрго, Кондорсе, Дидро, Лагарпъ и Ла-

---

[1]) Письма къ д'Аламберу, 1761, 1763, 1768 гг., цитируемыя Баррюэлемъ въ Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, и письма къ императрицѣ Екатеринѣ II, 1771 г.

[2]) Barruel, Mémoires, t. I, ch. XVII.

муаньонъ, который впослѣдствіи застрѣлился въ своемъ паркѣ!... Большая часть этихъ книгъ, которыя съ давняго времени появлялись противъ религіи, нравственности и правительства, были сочинены нами, и мы посылали ихъ книгоношамъ, которые получали ихъ даромъ или почти даромъ и продавали по самой низкой цѣнѣ... Вотъ что измѣнило этотъ народъ и привело его въ то состояніе, въ которомъ вы видите его теперь... Да, я умру отъ скорби и угрызеній совѣсти"...

Это свидѣтельство Баррюэля, эти угрызенія совѣсти Леруа за обѣдомъ у д'Анжвилье, можно ли оспаривать? Нѣтъ! Ибо вотъ датированныя мартомъ мѣсяцемъ 1763 г. письма Вольтера, которыя подтверждаютъ ихъ переднимъ числомъ:

„Почему поклонники разума, писалъ онъ тогда Гельвецію, пребываютъ въ молчаніи и въ боязни? Кто имъ мѣшаетъ обзавестись маленькой типографіей и давать полезныя и краткія сочиненія, которыхъ ихъ друзья были бы единственными хранителями? Такъ именно поступили тѣ, кто напечаталъ послѣднюю волю этого добраго и честнаго священника Мелье..." И онъ прибавляетъ: „Такимъ образомъ сочиненіямъ, Pedagogue chrétien и Pensez-y-bien противопоставляютъ небольшія книжки философскаго содержанія, которыя стараются ловко распространять повсюду. Ихъ не продаютъ, а даютъ надежнымъ людямъ, которые раздаютъ ихъ молодымъ людямъ и женщинамъ"...

Въ дѣйствительности, философскій заговоръ очень мало развратилъ народъ, по той простой причинѣ, что народъ не умѣлъ читать. Онъ особенно отравилъ высшіе классы. Но эта философія, обращающаяся въ заговоръ и замышляющая въ тайнѣ, съ масками и измѣнами, примѣненіе своихъ доктринъ, не есть ли уже полная характеристика для данной эпохи? И она, однако, еще только полу-заговоръ. Она представляетъ собой лишь прелиминаріи, и только съ иллюминизмомъ выступитъ на сцену настоящій заговоръ дикаго разрушенія, возвѣщающій заранѣе всѣ ужасы террора.

Иллюминизмъ мало или почти совсѣмъ не извѣстенъ, а между тѣмъ это онъ, въ весьма большой части, взволновалъ и и обагрилъ кровью міръ, немного болѣе столѣтія тому назадъ. И непосредственное продолженіе иллюминизма понынѣ потрясаетъ или угрожаетъ міру. Основателемъ иллюминизма былъ нѣмецъ, Вейсгауптъ, профессоръ каноническаго права въ ингольштадской коллегіи. Въ самомъ Ингольштадтѣ, гдѣ онъ преподавалъ, Вейсгауптъ, въ 1776 г., положилъ въ тайнѣ основы секты, и вотъ, какъ видно изъ его корреспонденціи, писаныхъ инструкцій и устава, что̀ представляло изъ себя это сообщество.

Послушайте сначала изложеніе доктрины:

„Природа извлекла людей изъ дикаго состоянія и соединила ихъ въ гражданскія общества. Теперь новые союзы, т. е. тайныя общества представляются болѣе разумному выбору, и чрезъ нихъ мы возвращаемся въ то состояніе, изъ котораго вышли (т. е. въ дикое состояніе), не для того, чтобы снова проходить прежній кругъ, а для того, чтобы лучше пользоваться нашей судьбой..." Цѣль и доктрина иллюминизма, слѣдовательно, совершенно ясны: это, собственно говоря, возвратъ въ дикое состояніе. Мы вышли изъ него, нужно вернуться туда и только установить новый дикій бытъ, среди этого усовершенствованнаго лѣса, какимъ можетъ сдѣлаться цивилизація. Теперь послушайте развитіе этого ученія: „Съ возникновеніемъ націй и народовъ міръ пересталъ быть большой семьей... великія узы природы были порваны... Націонализмъ или національная любовь заняла мѣсто общей любви. Тогда стало добродѣтелью расширяться на счетъ тѣхъ, кто не находился подъ нашей властью. Эта добродѣтель была названа патріотизмомъ, и патріотомъ назывался тотъ, кто, справедливый въ отношеніи своихъ, несправедливый въ отношеніи чужихъ, принималъ за совершенства пороки своего отечества..."

Такимъ образомъ, иллюминизмъ первымъ дѣломъ хочетъ разрушить отечество, но онъ не останавливается на этомъ и намѣчаетъ затѣмъ къ упраздненію то, что онъ называетъ локализмомъ, и, наконецъ, самую семью. „А тогда, продолжаетъ онъ, почему не дать этой любви къ отечеству еще болѣе тѣсные предѣлы? Почему не ограничить ее союзомъ гражданъ, живущихъ въ одномъ городѣ, или даже союзомъ членовъ одной и той же семьи?.. Оттого патріотизмъ породилъ локализмъ, затѣмъ семейный духъ. Такимъ образомъ, возникновеніе государствъ, правительствъ, гражданскаго общества было сѣменами раздора. Уменьшите, уничтожьте эту любовь къ отечеству, и люди снова научатся знать и любить другъ друга, какъ люди"... И иллюминизмъ благословляетъ по-масонски людей, которые не имѣютъ болѣе ни отечества, ни города, ни семьи, ни законовъ, и бродячія шайки которыхъ нигдѣ не поселяются осѣдло. Въ заключеніе онъ восклицаетъ, за десять лѣтъ до 1789 г.: „Да, государи и націи исчезнутъ съ лица земли! Да, настанетъ такое время, когда люди не будутъ болѣе имѣть другаго закона, кромѣ книги природы; переворотъ этотъ будетъ дѣломъ тайныхъ обществъ. Всѣ усилія государей помѣшать осуществленію нашихъ плановъ совершенно безполезны. Эта искра можетъ еще долго тлѣть подъ пепломъ, но день пожара придетъ!" Какими же способами Вейсгауптъ предполагаетъ вести иллюминизмъ къ намѣченной цѣли? Какими путями и

какими средствами думаетъ онъ вернуть человѣчество въ дикое состояніе? Тутъ-то въ особенности и обнаруживается истинный характеръ иллюминизма: главное средство къ достиженію его цѣли, это— во всемъ и всегда глубокій секретъ, ложь и измѣна, точно предписываемыя или самое дикое насиліе, когда оно становится возможнымъ. Иллюминатъ можетъ имѣть всѣ пороки, но никогда не долженъ показываться иначе, какъ подъ самой безукоризненной наружностью добродѣтели. „Старайтесь, предписываетъ Вейсгауптъ въ своемъ кодексѣ, о совершенствѣ внутреннемъ и внѣшнемъ“. А что онъ понимаетъ подъ этимъ двойнымъ совершенствомъ? Это достаточно объясняетъ слѣдующее предписываемое имъ тройное правило: „молчи, будь совершененъ, носи личину“. Онъ организуетъ такимъ образомъ цѣлую систему тайной вербовки, возлагая исполненіе ея на „братьевъ“, которыхъ называетъ многозначительнымъ именемъ „вкрадчивыхъ братьевъ“. Онъ проектируетъ также женскій орденъ и формулируетъ его слѣдующимъ образомъ: „орденъ этотъ подраздѣляется на два класса, изъ которыхъ каждый имѣетъ свой особый секретъ: первый классъ состоитъ изъ женщинъ добродѣтельныхъ, а второй изъ женщинъ легкомысленныхъ“. Точно также онъ тщательно опредѣляетъ роль адептовъ, по роду ихъ спеціальности. „Старайтесь вербовать, предписываетъ онъ „вкрадчивымъ братьямъ“, мужчинъ статныхъ, красивыхъ молодыхъ людей; при умѣлой подготовкѣ ихъ, они болѣе пригодны для переговоровъ. Они не изъ тѣхъ, которымъ можно поручить вызвать мятежъ или поднять народъ, для чего нужно умѣть выбирать подходящихъ людей“. Гдѣ же онъ будетъ вербовать своихъ адептовъ? Вездѣ, но особенно въ тѣхъ кругахъ, гдѣ не подозрѣваютъ, что онъ можетъ имѣть ихъ тамъ, и онъ приказываетъ: „вы должны безпрестанно составлять новые планы для того, чтобы видѣть какимъ образомъ можно въ вашихъ провинціяхъ, овладѣть общественнымъ воспитаніемъ, церковнымъ управленіемъ, каѳедрами преподаванія и проповѣди“. Вновь завербованный адептъ прежде всего принимаетъ секретное прозвище, приноровленное къ его характеру, и которое онъ будетъ носить въ орденѣ. Затѣмъ отъ него требуютъ подробнаго описанія всей его жизни, и эта письменная исповѣдь всегда хранится, какъ средство удерживать его въ орденѣ на будущее время. Затѣмъ новопосвященнаго, незамѣтно для него, окружаютъ шпіонами, называемыми „братьями испытателями“, при чемъ Вейсгауптъ указываетъ этимъ „испытателямъ“, какъ программу, около полутора тысячъ вопросовъ относительно вкусовъ, связей, образа жизни, пороковъ и малѣйшихъ привычекъ испытуемаго. Такъ, между прочимъ, имъ вмѣняется въ обязанность узнать „любитъ ли онъ поспать, бываютъ ли у него сновидѣнія, говоритъ ли онъ во снѣ, легко или трудно раз-

будить его, и какое впечатлѣніе производитъ на него внезапное пробужденіе". Какую роль можетъ играть въ жизни иллюминатъ, выдержавшій всѣ эти испытанія? „Онъ можетъ установлять кодексъ, казаться исполняющимъ какую-либо общественную функцію, въ пользу тѣхъ самыхъ властей, низверженіе которыхъ должно быть его единственной цѣлью". И Вейсгауптъ заключаетъ слѣдующими словами: „Такимъ образомъ, всѣ члены этихъ обществъ, стремящіеся къ одной и той же цѣли, поддерживающіе другъ друга и проникнутые желаніемъ всемірной революціи, должны стараться господствовать невидимо, и безъ явнаго употребленія насильственныхъ средствъ, надъ людьми всякаго состоянія, всякой національности, всякой религіи, вдыхать повсюду одинъ и тотъ же духъ, въ величайшемъ молчаніи и съ проявленіемъ всевозможной дѣятельности". Затѣмъ, онъ прибавляетъ: „Разъ это господство установлено единеніемъ и многочисленностью адептовъ, пусть сила смѣнитъ невидимое господство! Свяжите руки всѣмъ сопротивляющимся! Покоряйте, подавляйте злобу въ самомъ зародышѣ! Раздавите всѣхъ остальныхъ людей, которыхъ вы не могли убѣдить!" Какую же физіономію хочетъ Вейсгауптъ придать въ свѣтѣ и обществѣ этому иллюминату, который долженъ такъ дико работать надъ ихъ разрушеніемъ? На этотъ счетъ инструкція гласитъ такъ: „онъ (иллюминатъ) долженъ казаться человѣкомъ, ищущимъ только покоя и удалившимся отъ дѣлъ [1])"...

Иллюминизмъ до такой степени соотвѣтствовалъ въ эпоху его появленія всему, что составляло основу всего масонства, что онъ поглотилъ и растворилъ въ себѣ съ 1780 по 1789 годъ, почти всѣ ложи, и уже въ 1782 г. насчитывалъ около трехъ милліоновъ адептовъ. Огромное большинство, впрочемъ, совершенно не знало всѣхъ этихъ инструкцій и всего этого разбойничьяго кодекса. Еще болѣе, конечно, оставалось ему неизвѣстнымъ то, что даже не было тамъ написано. Но обширное иллюминистское движеніе, тѣмъ не менѣе, увлекало ложи всѣхъ странъ, какъ прежде масонское движеніе увлекало общество, и Вейсгауптъ въ 1781 г. созвалъ на слѣдующій годъ въ Вильгельмсбадѣ большой конгрессъ всемірнаго масонства, куда прибыли делегаты массами изъ Франціи, Бельгіи, Швеціи, Италіи, Англіи, Испаніи, Америки, со всѣхъ концовъ земнаго шара! Правда ли, что на этомъ съѣздѣ, какъ говорили, была рѣшена, за десять лѣтъ впередъ, казнь Людовика XVI и предрѣшенъ почти весь терроръ? Можно утверждать во всякомъ случаѣ, что, три года спустя, въ 1785 г. на франкфуртскомъ съѣздѣ были рѣшены смерть короля шведскаго и Людовика XVI, какъ о томъ свидѣтельствуетъ письмо кардинала

[1]) См. въ Документахъ кодексъ и инструкціи Вейсгаупта.

Матье, архіепископа безансонскаго, цитируемое въ книгѣ Дрюмона „La France juive“.

„Въ здѣшнемъ краю, говоритъ кардиналъ Матье въ письмѣ отъ 7 апрѣля 1785 г., извѣстно одно обстоятельство, которое могу передать вамъ, какъ достовѣрное. Въ 1785 г. во Франкфуртѣ происходило собраніе масоновъ, на которое были приглашены два важныхъ человѣка, принадлежавшихъ къ тому обществу,—де-Реймонъ, инспекторъ почтъ и Мэръ-де-Булинье, президентъ парламента. На этомъ собраніи была рѣшена смерть короля шведскаго и Людовика XVI. Реймонъ и Булинье вернулись глубоко опечаленные, давъ себѣ слово никогда больше не заглядывать въ ложу и хранить секретъ про себя. Послѣдній переживш͡ій сказалъ этотъ секретъ г. Бургону... Вы могли слышать разговоры о немъ здѣсь, ибо онъ оставилъ между нами добрую память, какъ о человѣкѣ честномъ, прямомъ и съ твердыми правилами. Я хорошо зналъ его и очень долгое время, ибо живу въ Безансонѣ уже сорокъ два года“.

Извѣстно также, какъ достовѣрный фактъ, что вильгельмсбадское собраніе въ 1782 г. имѣло эпилогъ въ родѣ печальныхъ откровеній несчастнаго Леруа. Графъ де-Вирье, на котораго иллюминаты разсчитывали, и который входилъ въ составъ французской делегаціи, вернулся съ конгресса пораженный ужасомъ, объявилъ, что покидаетъ секту, и говорилъ барону де-Жилье:

„Не открою вамъ, что произошло; могу только сказать, что все это гораздо серьезнѣе, чѣмъ вы думаете. Заговоръ такъ хорошо составленъ, что монархіи и церкви невозможно будетъ избѣгнуть грозящей имъ опасности [1])“.

И не одинъ графъ де-Вирье вернулся съ конгресса, пораженный ужасомъ, и удалился изъ общества масоновъ. Были и другіе, поступившіе такъ же, и маркизъ Коста-де-Борегаръ разсказываетъ, въ Le roman d'un royaliste, трагическій конецъ одного изъ такихъ, виконта де-Валь, друга фамилій де-Вирье и Роганъ-Шабо. Виконтъ де-Валь получаетъ однажды письмо, очень смутившее его, говоритъ, что дѣло идетъ о какомъ-то свиданіи въ Фонтенебло, уѣзжаетъ туда, и дѣйствительно встрѣчается тамъ съ какими-то субъектами, въ которыхъ угадываютъ нѣмцевъ, судя по ихъ выговору. Затѣмъ они завтракаютъ вмѣстѣ, послѣ завтрака отправляются въ лѣсъ, и никто не возвращается оттуда. Прождавъ понапрасну четыре дня, кучеръ виконта возвращается одинъ въ Парижъ, и собака сторожа, нѣсколько недѣль спустя, открыла подъ кучей сухихъ листьевъ, во рву лѣса, мертвое тѣло, завернутое въ плащъ... Это былъ трупъ виконта де-Валь!

---

[1]) Marquis Costa de Beauregard, Le Roman d'un Royaliste: Souvenirs du comte de Virieu, p. 44.

Наконецъ, около того же времени, писатель Казотъ, принадлежавшій къ французскимъ иллюминатамъ, произнесъ на одномъ обѣдѣ слѣдующее якобы пророчество, осуществленіе котораго, очевидно, заключало въ себѣ отчасти совпаденіе, но которое прежде всего было, какъ и предсказанія Каліостро, основано, безъ всякаго сомнѣнія, на освѣдомленности предрѣшенныхъ будущихъ событіяхъ. Онъ говорилъ присутствовавшимъ на обѣдѣ, которыхъ очень забавляли эти прорицанія, за три или четыре года до 1789 г.: „вы, господинъ Бальи, и вы, господинъ де-Мальзербъ, вы оба умрете на эшафотѣ... Васъ, сударыня, отвезутъ въ телѣгѣ, со связанными на спинѣ руками, на мѣсто казни.—Но, господинъ пророкъ,—спросила у него, смѣясь, герцогиня де-Грамонъ,—не позволите ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, исповѣдаться передъ смертью?—Нѣтъ, сударыня,—отвѣчалъ загадочный Казотъ,—нѣтъ, вамъ не дадутъ духовника, и послѣдній казнимый, который будетъ имѣть духовника, это будетъ король!“ [1])...

Вотъ мы и дошли до самой революціи, до того ряда трагическихъ дней, объясненія котораго не даютъ намъ историки, но который теперь, можетъ быть, станетъ для насъ яснымъ при свѣтѣ масонскихъ ложъ...

Каково было во Франціи и въ Парижѣ наканунѣ 1789 г. состояніе масонства? Мы констатируемъ здѣсь нѣсколько фактовъ капитальной важности. Первый фактъ—это самая статистика ложъ въ 1787 г., которую даетъ намъ аббатъ Баррюэль, и которая представляетъ слѣдующія цифры: „въ одной только Франціи таблица корреспонденціи гросмейстра, герцога Филиппа Орлеанскаго, показываетъ намъ не менѣе 282 городовъ, имѣющихъ каждый правильно организованныя ложи. Въ одномъ Парижѣ ихъ насчитывали 81, въ Ліонѣ—16, въ Бордо—7, въ Нантѣ—5, въ Марсели—6, въ Монпелье—10, въ Тулузѣ—10. Та же таблица корреспонденцій, напечатанная для употребленія братьями, показываетъ намъ управляемыя тѣмъ же гросмейстеромъ ложи въ Шамбери (Савойя), въ Локлѣ (Швейцарія), въ Брюсселѣ (Брабантъ), въ Кельнѣ, въ Льежѣ, въ Спа [2]). И всѣ эти ложи связаны между собой. Лозунгъ, пущенный изъ Парижа, несется во всѣ ложи, гдѣ каждый „достопочтенный“ обязанъ, по данной имъ клятвѣ, принять мѣры къ его исполненію. Это—масонская централизація, предшествующая централизаціи революціонной и дѣйствующая уже какъ огромный механизмъ... Второй фактъ: мы находимъ въ ложахъ Парижа всѣхъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ встрѣтимъ, че-

---

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française, liv. I, chap. III: Le révolutionnaires mystiques.

[2]) Barruel. Mémoires. t. V, chap. XI.

резъ два—три года, въ клубахъ, комитетахъ, бунтахъ, газетахъ и собраніяхъ. Такъ, въ ложѣ Девяти сестеръ мы видимъ Кондорсе, Бриссо, Гара, Бальи, Камилла Демулена, Фуркуа, Дантона, Шенье, Ламетри, Шанфора, Рабо-Сентъ-Этьена. Въ ложѣ la Candeur (непорочность) встрѣчаемъ Лафайета, братьевъ Ламбетъ, Лакло, Сильери, герцога д'Эгильонъ, пресловутаго д-ра Гильотена. Въ разныхъ другихъ ложахъ находимъ Фоше, Сійсса, дона-Герль, Карра̀, Шабо́, Петіона, Барнава, Гаде, Мирабо, Дюпора, Пасторе, Марата, Робеспьера и вмѣстѣ съ ними значительное число аристократовъ, герцога Ларошфуко, князя де-Брольи, графа де-Кастелланъ, графа д'Омонъ, виконта де-Ноайль, графа де-Праленъ, маркиза де-Монталамберъ, виконта Дама̀, графа де-Монморенъ... Всѣ они, немного позднѣе, будутъ играть очень видную роль при началѣ революціонной драмы... Третій фактъ: всѣ эти ложи были иллюминизированы чрезъ посредство ложи Соединенныхъ друзей, помѣщавшейся въ улицѣ Сурдьеръ и состоявшей подъ предсѣдательствомъ Савалетъ-де-Ланжа. Этотъ Савалетъ-де-Ланжъ былъ хранителемъ королевской казны Людовика XVI, но потомъ, когда насталъ удобный моментъ, вдругъ объявился террористомъ [1]). Всѣ эти ложи имѣли, слѣдовательно, лозунгомъ одно изъ главныхъ предписаній иллюминистскаго кодекса: „Братъ-иллюминатъ можетъ для вида исполнять какую-нибудь общественную функцію, въ пользу тѣхъ самыхъ властей, низверженіе которыхъ должно быть его

[1]) „... Въ этомъ „Великомъ Востокѣ" иностранной корреспонденціей болѣе спеціально завѣдывала, въ Парижѣ, ложа, называвшаяся ложей Соединенныхъ друзей, въ которой особенно отличался извѣстный революціонеръ Савалетъ-де-Ланжъ. Этотъ адептъ, занимавшій должность хранителя королевской казны, т. е. почтенный всѣмъ довѣріемъ, какого могъ заслуживать самый вѣрный подданный, былъ въ то же время человѣкъ, участвовавшій во всѣхъ тайнахъ, во всѣхъ ложахъ и во всѣхъ заговорахъ. Чтобы соединить ихъ, онъ сдѣлалъ изъ своей ложи смѣсь всѣхъ системъ софистическихъ, мартинистскихъ и масонскихъ. Но чтобы больше импонировать публикѣ, онъ обратилъ свою ложу въ увеселительное мѣсто аристократіи. Мелодичная музыка, концерты и балы привлекали туда „братьевъ" изъ высшаго общества; они пріѣзжали въ своихъ роскошныхъ экипажахъ. Вокругъ зданія ложи были разставлены сторожа для предупрежденія безпорядка отъ большаго скопленія каретъ и колясокъ. Празднества эти справлялись, такъ сказать, подъ покровительствомъ самого короля. Ложа была блестящая; крезы масонства доставляли средства на содержаніе оркестра, на освѣщеніе, на прохладительные напитки и на всѣ увеселенія, которыя они считали единственной цѣлью ихъ собраній; но въ то время, какъ „братья", вмѣстѣ съ своими адептами прекраснаго пола, танцовали или воспѣвали, въ общей залѣ, сладости своей свободы и равенства, они не знали, что надъ ними засѣдаетъ тайный комитетъ, гдѣ все подготовлялось къ тому, чтобы распространить въ скоромъ времени это равенство за предѣлы ложи, на знатныхъ и богатыхъ, на замки и хижины, на маркизовъ и мѣщанъ..." (Barruel, Mémoires, t. V, ch. XI).

единственной цѣлью..." Четвертый фактъ, едва-ли не самый поразительный: это — капитальная перемѣна, введенная, въ это время, въ масонской вербовкѣ новыхъ членовъ. До этого времени ложи принимали въ свою среду только людей извѣстнаго общественнаго положенія, дворянъ, писателей, художниковъ, крупныхъ буржуа, или даже мелкихъ буржуа, но никогда не спускались ниже. Вдругъ, въ 1787 г., они начинаютъ принимать въ число своихъ членовъ дрягилей, носильщиковъ, бродягъ, плотовщиковъ, всякаго сорта грабителей и разбойниковъ, убійцъ и злодѣевъ по профессіи. Такъ же внезапно, по приказу гросмейстера, герцога Орлеанскаго, стали принимать массами солдатъ, такъ что ихъ офицеры, давніе масоны, покидаютъ ложи, чтобы не встрѣчаться тамъ, на равной ногѣ, со своими подчиненными [1]).

Такимъ образомъ, масонство, достигшее высшей степени распространенія, могущества и централизаціи; ложи Парижа, соединяющія въ себѣ людей, которые всѣ будутъ дѣятелями революціи; эти ложи, присоединившіяся къ иллюминизму, который преслѣдуетъ, путемъ заговора, возвратъ въ дикое состояніе и уничтоженіе національностей; наконецъ, бандиты и убійцы по ремеслу, вдругъ признанные достойными быть принятыми въ число „братьевъ", такъ же, какъ и большое число солдатъ: вотъ что мы видимъ въ тотъ моментъ, когда начнется рядъ слѣдующихъ одно за другимъ, съ безпримѣрной стремительностью и быстротой, какъ быстрая смѣна картинъ оперы, революціонныхъ событій: появленіе клуба якобинцевъ, штурмъ Бастиліи, разгромы замковъ, паника, охватившая провинцію, октябрьскіе кровавые дни, 20 іюня, 10 августа, сентябрьскія избіенія, затѣмъ заточеніе короля, его осужденіе и казнь.

Сначала о клубѣ якобинцевъ... Что такое, собственно говоря, этотъ клубъ? Клубъ якобинцевъ, съ его центральнымъ клубомъ въ Парижѣ и его филіальными клубами въ провинціи, это—само масонство, съ его 282 городами, уже соединившимися въ ложи. Дѣйствительно ли клубъ этотъ непремѣнно хотѣлъ, съ какимъ-то тайнымъ умысломъ, называться клубомъ якобинцевъ, и для этой цѣли избралъ мѣстомъ своихъ собраній бывшій доминиканскій монастырь св. Іакова, потому что первые масоны Франціи были якобиты? Можетъ быть, и тутъ простое совпаденіе, но совпаденіе существуетъ: якобиты, якобинцы. Что касается уставовъ, регламентовъ, обычаевъ, какъ и нѣкоторыхъ особенностей словаря, то клубъ якобинцевъ въ точности воспроизводитъ масонство. Это тотъ же способъ допущенія въ число членовъ, та же внутренняя организація, тѣ же внѣшнія развѣтвленія, тѣ же обязательства, налагаемыя и принимаемыя, та же механическая система

---

[1]) Barruel, Mémoires, t. V, chap. II, p. 97.

передачи приказовъ и лозунгомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, масонство объявляло васъ подозрительнымъ, и это страшное слово „подозрительный", во время революціи, будетъ исходить отъ якобинцевъ. Другой обычай ложъ, какъ мы тоже видѣли, состоялъ въ томъ, что масонство объявляли въ опасности, и якобинцы будутъ объявлять отечество въ опасности... Еще въ масонствѣ былъ обычай вступающему въ общество накрывать голову шапкой, и у якобинцевъ тотъ же обычай надѣвать красную шапку.

Вотъ, слѣдовательно, уже якобинцы объяснены иначе, чѣмъ силой вещей и самопроизвольнымъ возникновеніемъ... Перейдемъ теперь къ 14 іюля, къ паникѣ, къ избіеніямъ и къ казни короля.

„14 іюля, разсказываетъ Луи Блань, какой-то незнакомецъ, на разсвѣтѣ, явился къ барону Безанваль. „Господинъ баронъ", сказалъ онъ ему коротко, „сегодня заставы будутъ сожжены... Не пытайтесь помѣшать этому. Вы только принесли бы въ жертву людей, не потушивъ пожара... [1])". Такъ и случилось, какъ сказалъ незнакомецъ. Вдругъ всѣ заставы запылали, банды выходятъ съ разныхъ сторонъ, всѣ съ одинаковой кокардой, солдаты покидаютъ свои гарнизоны, и всѣ кричатъ: къ Бастиліи! Въ то же время Парижъ покрывается баррикадами, опоясывается кольцомъ пожаровъ, и Бастилія взята приступомъ, ея защитники перебиты, ея комендантъ умерщвленъ,—все это къ великому удивленію публики, огромное большинство которой не понимало тогда рѣшительно ничего въ этомъ громовомъ сюрпризѣ.

Послѣ 14 іюля вдругъ и одновременно все королевство, изъ конца въ конецъ, на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, на югѣ, въ мѣстностяхъ, отстоящихъ одна отъ другой, на полтораста, на двѣсти лье, было охвачено странной эпидеміей страха, о которой самый обстоятельный и драматическій разсказъ даетъ намъ Функъ-Брентано въ своей книгѣ „Les brigands" (Разбойники): „ужасный слухъ, разсказываетъ этотъ авторъ, распространился на всѣхъ пунктахъ территоріи: разбойники, говорили, внезапно появляются, грабятъ жилища, сжигаютъ посѣвы, убиваютъ женщинъ и дѣтей... Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ запада, омываемыхъ моремъ, возвѣщается не прибытіе разбойниковъ, а британское нашествіе... Англичане, говорили, идутъ вглубь страны, все истребляя на пути, грабя имущество, убивая жителей... Въ Дофинэ разсказывали о вторженіи савояровъ; въ Лотарингіи и въ Шампани говорили о нѣмецкихъ рейтарахъ и ландскнехтахъ, которые, будто бы, перешли границу, свирѣпые, какъ во времена религіозныхъ войнъ..." [2]). Въ Ангулемѣ возвѣщаютъ при-

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française.
[2]) Frantz Funck—Brentano, Les Brigands.

бытіе пятнадцати тысячъ бандитовъ. Въ Сентъ-Этьенъ-де-Форе молва трубитъ, о вторженіи будто бы, четырехъ тысячъ разбойниковъ. Въ Либурнѣ подобныя розсказни вызвали такую тревогу, что была усилена милиція. Въ Лимузенѣ вдругъ былъ пущенъ слухъ, что всѣ мѣстечки и города пылаютъ въ огнѣ. Въ Орлеанѣ обезумѣвшіе отъ страха крестьяне вооружаются косами вилами и бѣгутъ, куда глаза глядятъ... И не было ни одной области, ни одного города, ни одной мѣстности, которые бы избѣгли этого внезапнаго крика ужаса, пронесшагося, въ теченіе тридцати шести часовъ, по всѣмъ пунктамъ территоріи: разбойники! или: англичане! или: савояры! или: нѣмцы! Повсюду, въ одинъ и тотъ же моментъ, вся Франція была напугана, устрашена крикомъ, исходящимъ какъ бы изъ однихъ устъ, распространяемымъ совершенно одинаковымъ способомъ на всемъ пространствѣ государства.

А убійство Фуллона и Бертье!...

Послушаемъ еще Луи Блана: „20 іюля Фуллонъ находился въ деревнѣ, у г. де-Сартипъ, въ Вири, близъ Фонтенебло. Уѣзжая туда, онъ распорядился, чтобы получаемыя на его имя письма пересылали ему... Но ненависть, преслѣдовавшая Фуллона, была такъ распространена, что вмѣсто того, чтобы отдать ему присланныя письма, ихъ отнесли сельскому старшинѣ. Тотчасъ же звонятъ въ набатный колоколъ; крестьяне сбѣгаются; Фуллонъ открытъ и арестованъ“... Тутъ невольно приходитъ на умъ слѣдующее соображеніе. Вѣдь, даже въ 1789 г. для того, чтобы арестовать такъ рѣшительно, съ такимъ спокойствіемъ и усердіемъ, человѣка, противъ котораго не издано никакого распоряженія о личномъ задержаніи, нужно немного больше, чѣмъ неопредѣленная ненависть, какъ бы сильна она нибыла; нуженъ былъ тайный приказъ. Существовалъ ли такой тайный приказъ противъ Фуллона? И кѣмъ онъ былъ отданъ?... Но продолжаемъ. Фуллона, которому было семьдесять четыре года, привязали сзади телѣги и отвели въ Парижъ; „тамъ“, продолжаетъ Луи Бланъ, „около шести часовъ утра, его привели въ городскую ратушу, гдѣ появленіе его привело въ большое смущеніе членовъ постояннаго комитета“... Комитетъ рѣшилъ, „что онъ будетъ тайно отвезенъ, съ наступленіемъ ночи, въ тюрьму Сенъ-Жерменскаго аббатства“. Но—обстоятельство, заслуживающее быть отмѣченнымъ, арестъ Фуллона мгновенно сталъ извѣстенъ всему Парижу. И Луи Бланъ продолжаетъ: „Гревская площадь тотчасъ же наполнилась группами, которыя, повидимому, подстрекались какими-то субъектами элегантной наружности, свѣтскими людьми. Принялись кричать: „Фуллонъ! Фуллонъ! Мы хотимъ видѣть Фуллона“!... При видѣ этого лица, на которое старость наложила свою печать, толпа

успокоилась, и уже, казалось, склонялась къ жалости, какъ вдругъ раздался крикъ: пусть его приведутъ и подвергнутъ суду! Въ то же мгновеніе шайка бѣшеныхъ проникаетъ въ ратушу, опрокидываетъ часовыхъ, ломаетъ барьеры и врывается въ залу засѣданій постояннаго комитета" [1])... И Фуллонъ подвергается мученію, затѣмъ повѣшенію, затѣмъ, уже мертвый, гнусному изуродованію, подвергается не толпой, напротивъ, вопреки волѣ толпы, а маленькой группой разъяренныхъ людей, которые по всѣмъ признакамъ были профессіональными убійцами...

А Бертье?... Его арестовали, мучили и умертвили въ тотъ же день, и обстоятельства его гибели даютъ, можетъ быть, еще болѣе убѣдительное доказательство. Онъ былъ въ Компьенѣ и спокойно переходилъ черезъ улицу, какъ вдругъ два каменщика соскакиваютъ съ лѣсовъ, на которыхъ работали, хватаютъ его и объявляютъ, что имѣютъ приказъ арестовать его. Затѣмъ онъ тоже былъ отведенъ въ Парижъ, гдѣ у заставы его ожидала приготовленная заранѣе телѣга, съ позорящими надписями. Потомъ онъ былъ убитъ въ условіяхъ еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ Фуллонъ... [2]).

Въ этомъ штурмѣ Бастиліи, въ этихъ тревожныхъ слухахъ, распространяемыхъ одновременно и какъ бы механически повсюду въ провинціи, въ арестѣ и казни несчастныхъ Фуллона и Бертье, не чувствуемъ ли мы чего-то непонятнаго, но что могло бы быть объяснено при свѣтѣ какого-нибудь косвеннаго указанія? Да, и дѣло объясняется просто, относительно паники, охватившей провинцію, когда мы только припомнимъ 282 города, соединенные въ масонскія ложи, на всѣхъ пунктахъ территоріи. Затѣмъ, что касается всего остальнаго, какъ и этой самой паники, то загадка раскрывается совершенно, когда прочтешь воспоминанія Бертрана де-Моллевиль, бывшаго министра Людовика XVI. Больше намъ абсолютно нечего узнавать послѣ слѣдующей все раскрывающей страницы этого автора: „Мирабо тоже былъ посвященъ въ секретъ второстепенныхъ махинацій, и всѣ эти тайны, знаніе которыхъ даетъ ключъ ко многимъ важнымъ событіямъ, которыя до того времени приписывали случаю, были открыты не только г. де-Монморену, но также королю и королевѣ, во многихъ секретныхъ бесѣдахъ, которыя ихъ величества имѣли съ самимъ Мирабо. Онъ разсказалъ имъ, что система террора, которая, собственно, и произвела революцію, получила начало въ филантропической партіи. Засѣданія этихъ комитетовъ происходили то у герцога Ла-Рошфуко, то въ небольшомъ домѣ герцога д'Омонъ,

[1]) Louis Blanc, Histoire de la Révolution française.
[2]) Ibidem.

*

близъ Версаля... Адріанъ Дюпоръ былъ допущенъ въ самыя секретныя собранія этой философской партіи; онъ взялъ на себя редактированіе плановъ и прочелъ свой докладъ... Послѣ продолжительныхъ дебатовъ по поводу этого доклада, Лафайетъ попросилъ слова и сказалъ Дюпору: „Вотъ, безъ сомнѣнія, очень большой планъ, но какія ваши средства къ исполненію его? Знаете ли вы такія средства, при помощи которыхъ можно бы было побѣдить всѣ сопротивленія, которыхъ нужно ожидать? Вы не указываете ни одного. Правда, я еще не говорилъ о нихъ, отвѣтилъ Дюпоръ, испустивъ глубокій вздохъ; я много размышлялъ объ этомъ, знаю вѣрныя средства, но они таковы, что я самъ содрогаюсь при мысли о нихъ"... Послѣ того, какъ собраніе, любопытство котораго онъ такимъ образомъ возбудилъ, дало ему всѣ завѣренія, какихъ онъ желалъ, онъ все еще притворялся не рѣшающимся объясниться. „Никогда не дерзну, возразилъ онъ самымъ лицемѣрнымъ тономъ, предложить вамъ средства, которыя оскорбятъ ваше чувство человѣколюбія... Однако, если вы рѣшительно требуете этого...—Да, да, мы требуемъ!—Въ такомъ случаѣ, милостивые государи, я повинуюсь вамъ... Непредвидѣнныя событія ввергли насъ, противъ нашей воли, въ революцію, которая произведетъ величайшія преступленія... Она слишкомъ далеко ушла впередъ, чтобы можно было вернуться вспять... Стать же во главѣ революціи можно только при помощи террористическихъ средствъ... Надо, слѣдовательно, несмотря на все наше отвращеніе къ подобнымъ средствамъ, покориться необходимости принести въ жертву нѣкоторыхъ видныхъ лицъ"... И онъ далъ понять, что Фуллонъ, разумѣется, долженъ быть первой жертвой, потому-де, что съ нѣкотораго времени много говорятъ о немъ, какъ о кандидатѣ на постъ министра финансовъ, и что всѣ убѣждены, что первымъ его дѣйствіемъ по назначеніи на эту должность будетъ объявленіе государственнаго банкротства... Затѣмъ онъ указалъ на парижскаго интенданта (губернатора) Бертье. „Всѣ, говорилъ онъ, вооружены противъ интендантовъ: они могутъ сильно препятствовать революціи въ провинціяхъ. Бертье всѣми ненавидимъ; нельзя помѣшать его убіенію: участь его испугаетъ его собратовъ, они сдѣлаются гибкими, какъ перчатки"... Герцогъ Ла-Рошфуко былъ пораженъ соображеніями Дюпора и въ концѣ концовъ принялъ, какъ и всѣ другіе члены комитета, предложенный имъ планъ и средства исполненія. Соотвѣтственныя этому плану инструкціи были даны главнымъ агентамъ департамента инсуррекцій, который уже былъ организованъ" [1])....
И нѣсколько дней спустя, послѣдовали одно за другимъ упомянутыя

---

[1]) Bertrand de Molleville, Histoire de la Révolution, t. IV.

выше событія: пожары парижскихъ заставъ, штурмъ Бастиліи, убіеніе де-Лоне, убіеніе Флесселя, убіеніе Фуллона, убіеніе Бертье, распространеніе, въ одну недѣлю, паники во всей Франціи [1]).

А что это за партія, о которой упоминаетъ Бертранъ-де-Моллевиль подъ именемъ филантропической? Партія эта сама входила въ составъ клуба, который титуловалъ себя „клубомъ пропаганды", и о которомъ приведена въ сочиненіи о. Дешана Sociétés secrètes et la Société слѣдующая замѣтка, найденная нѣкогда въ бумагахъ кардинала де-Берни: „Списокъ почтенныхъ членовъ, оставляющихъ клубъ Пропаганды. Клубъ этотъ имѣетъ цѣлью, какъ всѣмъ извѣстно, не только утвердить революцію во Франціи, но и ввести ее у всѣхъ другихъ народовъ Европы и низвергнуть всѣ нынѣ существующія правительства". И замѣтка даетъ длинный рядъ именъ, гдѣ фигурируютъ, между прочимъ: герцогъ Ла-Рошфуко, герцогъ д'Омонъ, Лафайетъ, Мирабо, Адріанъ Дюпоръ, Гарà, Кондорсе, Клавьеръ, Барнавъ, Шапелье, Петіонъ, братья Ламетъ, Геро-де-Сешель, Робеспьеръ, Фурнье—американецъ, Бойль—ирландецъ, де-Санъ-Северанда—испанецъ; Вернъ—швейцарецъ; аббатъ Грегуаръ, Барреръ, аббатъ Фоше, Жерменъ, шуринъ Неккера [2]). И всѣ эти имена—это имена ложъ всего свѣта, отъ ложъ Парижа до ложъ Америки, проходя черезъ ложи Испаніи, Ирландіи и Швейцаріи. Это парижскій синдикатъ всемірнаго масонства, осуществляющій на практикѣ, посредствомъ террора, иллюминистское предписаніе: „Пусть сила смѣнитъ невидимое господство! Раздавите весь остатокъ людей, которыхъ вамъ не удалось убѣдить!... Искра можетъ долго тлѣть подъ пепломъ, но день пожара настанетъ"!... День пожара наступилъ, и если послѣ всего сказаннаго можетъ еще оставаться хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ правильнаго сотрудничества вождей масонскаго заговора съ поджигателями и профессіональными убійцами, то оно совершенно исчезнетъ, когда прочтешь слѣдующія строки воспоминаній Баррюэля: „Мнѣ очень непріятно, но не могу умолчать объ этомъ; честные масоны содрогнутся, но нужно, чтобы они знали, какимъ извергамъ

[1]) Справедливость требуетъ припомнить здѣсь, что герцогъ Ла-Рошфуко, очевидно, обманутый, какъ и всѣ вельможи той эпохи, насчетъ того, что ложи предоставляли себѣ сдѣлать въ своихъ „заднихъ секретахъ", противился, съ рѣдкимъ мужествомъ, съ 1791 г., всѣмъ злодѣяніямъ, слѣдовавшимъ за первыми насиліями 1789 г. Извѣстно, какъ онъ былъ убитъ въ провинціи, послѣ его ухода изъ законодательнаго собранія. Онъ умеръ, очевидно, жертвой тѣхъ самыхъ ложъ, къ которымъ принадлежалъ, и которыя поразили въ немъ адпта, отказавшагося слѣдовать за ними до конца. См. Les gentilshommes démocrats, par le marquis de Castllane. Paris, Plon Nourrit.

[2]) Le P. Deschamps, Les Sociétés secrètes et la Société, t. I, p. 546 et suiv. См. Документы.

были открыты ихъ ложи. Во всякій моментъ мятежа, въ ратушѣ ли или въ другомъ мѣстѣ, вѣрными знаками союза, вѣрнымъ средствомъ брататься съ разбойниками были знаки масонскіе. Въ самый моментъ избіеній, палачи протягивали по-масонски руку тѣмъ изъ простыхъ зрителей, которые близко подходили къ нимъ. Я видѣлъ одного простолюдина, который показывалъ мнѣ масонскую манеру, съ какой палачи подавали ему руку, и который былъ оттолкнутъ ими съ презрѣніемъ, потому что онъ не умѣлъ отвѣтить, какъ слѣдовало, тогда какъ другіе, болѣе знающіе, были по тому же знаку встрѣчаемы улыбкой посреди кровавой расправы"... [1]).

Нужно сократить... Но вся или почти вся революція и, въ самой революціи, почти всякій революціонный день объясняется, такимъ образомъ, постояннымъ заговоромъ ложъ, гдѣ два средства махинацін, согласно точнымъ предписаніямъ Вейсгаупта, никогда, ни на одну минуту не перестаютъ дѣйствовать,—широко распространенная измѣна и самое дикое насиліе. Факты измѣны наполнили бы цѣлые томы. Король и королева, хотя имѣвшіе еще около себя нѣсколько вѣрныхъ и преданныхъ слугъ,—какъ, напримѣръ, де-Мандата, впослѣдствіи убитаго только за эту свою вѣрность,—были, въ дѣйствительности, сплошь окружены измѣнниками. Таковъ этотъ Савалетъ-де-Ланжъ, такъ умно приставленный къ храненію королевской казны! Таковъ министръ Неккеръ, котораго путемъ правильнаго заговора навязали Людовику XVI, только затѣмъ, чтобы погубить его! Такова эта дама Рошрейль, которая разыгрываетъ комедію преданности королевѣ, для того, чтобы быть приближенной къ ея особѣ, и которая затѣмъ тайно доноситъ комитету розысковъ о всѣхъ приготовленіяхъ къ бѣгству въ Вареннъ!

---

[1]) „... Я видѣлъ даже одного аббата, котораго этотъ масонскій знакъ спасъ отъ разбойниковъ въ ратушѣ. Правда, что его масонская наука мало помогла бы ему безъ переодѣванья, ибо разбойники, отъ которыхъ ему удалось ускользнуть, разыскивали его потомъ, когда имъ сказали, что это былъ аббатъ! Правда также, что масонскій знакъ былъ бы совершенно безполезенъ „братьямъ", признаннымъ за такъ называемыхъ „аристократовъ"; но масонскіе аббаты и аристократы могли уже по одному этому обстоятельству понять, какъ они обманывались насчетъ братства держателей скрываемыхъ отъ нихъ болѣе важныхъ секретовъ... (Barruel, Mémoires, t. V, ch. XII).

„... Нѣкоторые изъ этихъ разбойниковъ, обыкновенно нанимаемыхъ на мятежъ дня, возвращались съ работы домой въ одиннадцатомъ часу вечера; мнѣ случалось слышать ихъ прощанье, которое происходило громко, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „сегодня было не дурно; прощай; но мы разсчитываемъ на тебя завтра.—Хорошо, завтра; въ которомъ часу?—Къ открытію Законодательнаго Собранія.— У кого лозунгъ? — Да, по обыкновенію, у Мирабо, Шапелье или Барнава"... До этого момента я не подозрѣвалъ объ аудіенціи, которую эти законодатели давали каждый день разбойникамъ"... (Barruel, тамъ же).

Такова же сама г-жа Неккеръ, жена министра финансовъ, которая пишетъ своему брату, масону Жерменъ, въ моментъ октябрьскихъ избіеній, когда шайки убійцъ врываются въ Версальскій замокъ съ намѣреніемъ умертвить короля и королеву: „Будь спокоенъ, все пойдетъ хорошо“ [1]).

И дѣйствительно, дѣло идетъ объ убійствѣ короля; но пока дѣло это еще не легкое: онъ еще, такъ сказать, слишкомъ хорошо защищенъ самимъ воздухомъ и землей королевства. Тѣмъ не менѣе цѣль будетъ достигнута, это только вопросъ времени, и ложи позаботятся о скорѣйшемъ ея достиженіи. Онѣ всегда все устраивали, начиная съ 1789 года, съ памятнаго дня 17 іюля, когда Людовикъ XVI, по прибытіи въ ратушу, уже видѣлъ батальонъ простирающимъ надъ его головой то, что масонскій ритуалъ называлъ стальнымъ сводомъ; и онѣ же устроятъ все, вплоть до казни, которая и сама будетъ исполненіемъ другаго обряда! Онѣ дѣйствуютъ, такимъ образомъ, въ дни 5 и 6 октября, когда король избѣгнулъ опасности, затѣмъ въ день 20 іюня, когда онъ еще разъ избѣгнулъ, затѣмъ въ день 10 августа, когда онъ уже не избѣгнулъ, но чуть было не избѣгнулъ! И даже такъ мало нужно было для того, чтобы избѣгнуть тогда грозившей опасности, что революція, въ концѣ концовъ раздавившая короля, въ этотъ день чуть сама не была сокрушена имъ, какъ о томъ имѣется положительное свидѣтельство, о которомъ до сихъ поръ не упоминалъ ни одинъ историкъ, но которое, повидимому, должно считать вполнѣ серьезнымъ. Если бы Людовикъ XVI не послалъ, изъ Законодательнаго Собранія, приказа защитникамъ Тюильрійскаго дворца прекратить огонь, то теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что революція была бы сокрушена: она обратилась бы въ простой кризисъ, какіе уже не разъ переживала монархія. Что Людовикъ XVI, впрочемъ, могъ послать этотъ приказъ, бывшій для него роковымъ, послать въ ту самую минуту, когда его побѣда не могла уже возбуждать никакого сомнѣнія,—этого никто никогда не могъ понять, даже зная, до чего могла доходить его слабохарактерность! Наполеонъ, присутствовавшій при дѣлѣ, еще на островѣ св. Елены, выражалъ крайнее изумленіе, когда думалъ объ этомъ; а историки тутъ, въ особенности, чтобы объяснить необъяснимое, всѣ взываютъ къ мистическимъ причинамъ. Между тѣмъ, на основаніи свидѣтельства депутата Шудье, впослѣдствіи члена конвента и цареубійцы, свидѣтельства, которое содержатъ его мемуары, недавно вышедшіе въ свѣтъ, позволительно думать, что Людовикъ XVI никогда не давалъ приказа, который нанесъ въ этотъ день смертельный ударъ французской монархіи, и что

---

[1]) Barruel, Mémoires, t. V, p. 125.

онъ не только не давалъ такого приказа, но, напротивъ, отказался даже, своимъ жестомъ, приказать что-либо иное, кромѣ сопротивленія до послѣдней крайности. И Шудье, въ самомъ дѣлѣ, торжественно объявляетъ: „Король не сказалъ, услышавъ первый пушечный выстрѣлъ: „Я запретилъ стрѣлять", напротивъ, могу засвидѣтельствовать, что видѣлъ, какъ онъ выхватилъ ружье у одного изъ нашихъ гренадеровъ, стоявшаго на часахъ у дверей ложи Логографа (скорописца). Онъ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ!.. Я только-что передъ тѣмъ вернулся въ собраніе и помѣстился близъ трибуны, напротивъ ложи Логографа; могу увѣрить, что никто не подходилъ къ королю, и что ни д'Эрвильи, ни кто-либо другой не могъ получить приказа прекратить огонь" [1])!..

Но вѣдь этотъ приказъ „о прекращеніи огня",—могутъ намъ возразить,—находится въ музеѣ Карнавале, написанный собственноручно королемъ? Въ томъ-то и дѣло, что его тамъ нѣтъ, и единственный приказъ, который можно тамъ видѣть, не написанный рукой Людовика XVI, а лишь подписанный имъ, это—приказъ, данный оставшимся въ живыхъ швейцарцамъ, разъ дѣло кончено и больше не на что было надѣяться, „положить оружіе" и „удалиться въ свои казармы" [2]).

Кто же, въ такомъ случаѣ, приходилъ, въ самый разгаръ борьбы, съ приказомъ перестать стрѣлять, кто принесъ этотъ приказъ, будто бы отъ имени короля, защитникамъ, которые, слушая его, не вѣрили своимъ ушамъ? Кто же, въ такой моментъ, и когда подобному приказу, въ виду его неправдоподобія, можно было повѣрить только при условіи, чтобы его принесъ одинъ изъ тѣхъ слугъ, которыхъ невозможно было подозрѣвать въ какой-либо измѣнѣ,—кто могъ быть этотъ вѣрный слуга?.. Былъ ли это д'Эрвильи, или кто-то другой? Ничего нельзя сказать! Но, зная уже Савалетъ-де-Ланжа во главѣ королевской казны, какъ не предположить, что были и другіе, ему подобные на другихъ постахъ, и что приказъ, отъ котораго погибла монархія, былъ измѣннически и обманно данъ однимъ изъ этихъ предателей? Во всякомъ случаѣ, такъ какъ мы имѣемъ подписанный королемъ приказъ о сложеніи оружія послѣ борьбы, то какъ объяснить, что у насъ нѣтъ приказа о томъ, чтобы перестать защищаться, отданнаго въ самый разгаръ дѣйствія?

И что произойдетъ затѣмъ для самой особы короля? Законодательное собраніе доминируется масонствомъ, но оно не масонство, и никогда не вотировало, какъ полагаютъ и какъ насъ всегда ложно учили, заточенія короля въ Тамплѣ! Нѣтъ, оно вотировало, что онъ

---

[1]) Victor Barrucand, Mémoires et notes de Choudieu, p. 148, Paris, Plon Nourrit, 1897.

[2]) См. въ Документахъ все, что относится къ этому подписанному Людовикомъ XVI приказу, находящемуся въ музеѣ Карнавале.

будетъ жить въ Люксембургскомъ дворцѣ. Но тутъ тотчасъ же вмѣшивается инсуррекціонная коммуна, тайно назначенная ложами въ ту же ночь. Она объявляетъ Люксембургъ трудно охранимымъ, предлагаетъ дворецъ Тампль, и куда же помѣщаетъ короля по прибытіи въ Тампль? Во дворецъ, который представлялъ изъ себя княжескія палаты и былъ одной изъ резиденцій графа д'Артуа? Нѣтъ, въ башню! Такимъ образомъ Законодательное Собраніе вотировало дворецъ, но тайная власть, болѣе сильная, чѣмъ оно, смѣется надъ его постановленіемъ и, вопреки этому постановленію, помѣщаетъ короля въ тюрьму, и при томъ въ тюрьму бывшихъ тампліеровъ [1])! А что происходитъ въ этотъ самый моментъ? Происходитъ слѣдующая странная вещь, о чемъ разсказываетъ намъ Баррюэль: какъ только пребываніе короля въ Тамплѣ было рѣшено, тотчасъ же большое число масоновъ разсыпаются по Парижу и повсюду кричатъ, къ общему изумленію, предаваясь восторгамъ радости: „король арестованъ, всѣ люди теперь равны и свободны! Мы не имѣемъ больше секретовъ! Наши тайны исполнены! Вся Франція обратилась въ одну большую ложу! Французы всѣ стали масонами и скоро весь міръ будетъ масонскимъ [2])“! Самое убійство короля, однако, еще не совершено, но оно скоро совершится, при томъ въ такихъ же точно условіяхъ, какъ и заключеніе въ тюрьму. Ибо никогда, опять таки вопреки всему, чему насъ всегда учили, никогда конвентъ самъ не вотировалъ смерти Людовика XVI! Въ статьѣ, напечатанной въ Revue de la Révolution и, къ сожалѣнію, оставшейся слишкомъ мало распространенной, какъ и все, что сторонники порядка должны бы были, напротивъ, распространять какъ можно обильнѣе, человѣкъ, серьезные труды и изслѣдованія котораго по этому вопросу появились въ печати уже двадцать лѣтъ тому назадъ, Густавъ Боръ, подробно разбираетъ, одинъ за другимъ, всѣ голоса членовъ собранія, и смертный приговоръ, произнесенный яко бы по большинству голосовъ, оказывается, даже по цифрамъ „Монитера“, чистѣйшей ложью [3])! Король Франціи въ дѣйствительности былъ осужденъ на смерть не въ Парижѣ, а во Франкфуртѣ-на Майнѣ. Никогда, какъ это ни поразительно, этотъ смертный приговоръ не существовалъ въ дѣйствительности! На самомъ дѣлѣ это былъ лишь вымышленный, сфабрикованный вотумъ, и вотъ тому безспорное доказательство. Для того, чтобы засѣдать и вотировать въ конвентѣ, чтобы войти въ составъ образованнаго имъ изъ своей среды трибунала, необходимы были три условія: имѣть не менѣе двадцати-пяти лѣтъ отъ роду,

---

[1]) G. Lenôtre, Marie-Antoinette, p. 31 et suiv. Paris, Perrin.

[2]) Barruel, Mémoires.

[3]) Bord et d'Héricault, Revue de la Révolution, t. III, 1885. La Verité sur la condamnation de Louis XVI (article de Gustave Bord).

быть французомъ и быть внесеннымъ въ списокъ представителей. Но между членами, вотировавшими смертную казнь, мы находимъ одного, не достигшаго двадцатипятилѣтняго возраста, другаго, не принадлежащаго къ французской націи, пятерыхъ другихъ не значащихся въ спискѣ представителей. Сенъ-Жюстъ родился 25 августа 1769 г., и, слѣдовательно, имѣетъ, въ то время, только двадцать три года съ половиной отъ роду. Журналистъ Роберъ — бельгіецъ, не натурализованный, а вотировавшіе Гурье-Элуа и Дюфестель, изъ департамента Соммы, Бертранъ-де-Госдіесньеръ, изъ департамента Орны, и Лекиніо, изъ департамента Морбиганъ, не записаны, какъ депутаты. Кромѣ того, и обманъ становится тутъ еще болѣе грубымъ, департаменты, въ ту эпоху, одновременно съ выборомъ депутатовъ назначали также кандидатовъ къ нимъ, какъ заступающихъ ихъ мѣсто, но эти кандидаты, само собой разумѣется, не могли и не должны были подавать голосъ, кромѣ того случая, когда сами депутаты не вотировали. Между тѣмъ депутатъ Лантена, выбранный департаментомъ Верхней Луары, вотируетъ какъ представитель департамента Роны и Луары. Зачѣмъ? Единственно за тѣмъ, чтобы дать своему замѣстителю возможность вотировать, вмѣсто него, какъ представителю департамента Верхней Луары и, такимъ образомъ, присвоить себѣ, для вотированія казни, два голоса, вмѣсто одного, безъ всякаго права, безъ всякаго повода! Точно также Барра вотируетъ смерть королю, какъ замѣститель Дюбуа-Крансе, внесеннаго въ списокъ как депутатъ отъ департамента Варъ. Между тѣмъ, Дюбуа-Крансе въ то время не былъ еще депутатомъ этого департамента и, слѣдовательно, Барра вотируетъ какъ замѣститель не существующаго депутата! И это не единственный примѣръ. Кандидатъ Пине, отъ департамента Дордони, и кандидатъ Моно, отъ департамента Дубса, вотируютъ такимъ же манеромъ. Они подаютъ голосъ сами отъ себя, а не въ качествѣ чьихъ-либо замѣстителей.

Наконецъ, три члена конвента Дюко, Саличетти и Гарнье въ началѣ процесса отказались отъ участія въ качествѣ судей. Но вотъ насталъ часъ голосованія, результатъ голосованія начинаетъ казаться сомнительнымъ, и тогда они приходятъ все-таки вотировать, приходятъ вотировать смерть! Сколько же,—не говоря уже о многихъ другихъ нарушеніяхъ процессуальныхъ правилъ,—констатируемъ мы голосовъ, попросту ложныхъ? Мы констатируемъ ни болѣе, ни менѣе, какъ четырнадцать такихъ голосовъ! Сколькими же голосами была оффиціально вотирована смертная казнь? Большинствомъ одного голоса! Абсолютное большинство было триста шестьдесятъ одинъ голосъ, и вотумъ за смертную казнь собралъ триста шестьдесятъ одинъ голосъ! Конвентъ, въ дѣйствительности, самъ отвергъ этотъ смертный приговоръ, именно большинствомъ тринадцати голосовъ, но такъ же не

осмѣлился протестовать противъ не произнесеннаго имъ осужденія Людовика XVI, какъ ранѣе Законодательное Собраніе не дерзнуло возражать противъ не вотированнаго имъ заключенія короля въ тюрьму. И такимъ образомъ, какъ приказъ прекратить огонь принесенъ защитникамъ Тюильри, не бывъ никогда данъ; какъ заключеніе короля въ тюрьму рѣшено властью, которая никогда не была Законодательнымъ Собраніемъ, и вопреки голосованію Законодательнаго Собранія, какъ точно и смертная казнь рѣшена властью, которая никогда не была конвентомъ, и вопреки голосованію конвента. Какая же это власть? Одинъ членъ инсуррекціонной коммуны скажетъ намъ это,—муниципалъ Горетъ, объявляющій въ одномъ письменномъ показаніи: „Кто приказалъ принять всѣ эти предосторожности? Этого я не знаю, я не слыхалъ, чтобы онѣ обсуждались въ совѣтѣ, и мнѣ всегда казалось, что какая-то тайная и могущественная партія орудуетъ всѣмъ безъ вѣдома этого совѣта и даже безъ предсѣдательствующаго въ немъ мэра [1])". И такъ, мы пришли къ 21-му января 1793 г., когда, среди невиданнаго дотолѣ развертыванія вооруженной силы, въ городѣ, гдѣ на восемьдесятъ тысячъ полноправныхъ гражданъ нѣтъ и двухъ тысячъ, желающихъ смерти короля, отрубаютъ голову Людовику XVI, какъ уже за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ казнили символически въ масонскихъ ложахъ—манекенъ Филиппа Красиваго!

Не напрашивается ли само собой заключеніе послѣ этихъ фактовъ? Если революція, которую никто не смѣшиваетъ съ эволюціей, не есть великое человѣческое движеніе, въ которое много честныхъ людей вѣрили и еще вѣрятъ; если она не есть этотъ великій соціальный фактъ, происходящій естественно изъ глубокихъ интересовъ и потребностей; и если, напротивъ, она всегда была не что иное, какъ огромный bluff, направленный противъ всемірнаго христіанства, то все наше смущеніе, все наше душевное безпокойство становятся понятными и легко объясняются. Или революція есть движеніе естественное, провиденціальное, и тревога не можетъ всегда усиливаться вмѣстѣ съ увеличеніемъ успѣха революціонныхъ идей! Или революція есть лишь коварство и злоумышленіе громилъ, „посредствомъ взлома проникающихъ въ домъ", и тогда тревога становится понятной. Все объясняется. Наконецъ, и это будетъ мое послѣднее слово, теперь мы, можетъ быть, видимъ также, что исторію революціи нужно еще создать, и что мы совсѣмъ не знаемъ ея. Мы имѣемъ, слѣдовательно, передъ собой ясно указываемую задачу—изучить исторію революціи, во-первыхъ, для того, чтобы знать ее, а затѣмъ для того, чтобы быть въ состояніи преподавать ее Франціи.

---

[1]) G. Lenôtre, Marie-Antoinette, Relation du municipal Goret. Paris, Perrin.

Документы.

Отлучительная булла папы Климента XII противъ масоновъ. „Такъ какъ божественное Провидѣніе поставило насъ, несмотря на нашу недостойность, на высшую каѳедру апостольской церкви, дабы непрестанно пещись о безопасности ввѣреннаго намъ стада Христова, то мы прилагали всѣ наши заботы, на сколько то позволяла помощь свыше, и употребляли все наше стараніе къ противоположенію пороку и заблужденію преграды, задерживающей ихъ распространеніе, особенно къ охраненію неприкосновенности правовѣрной религіи, и къ удаленію отъ вѣрующихъ, въ эти трудныя времена, всего, что могло бы породить смуту въ ихъ умахъ.

Мы узнали, и народная молва не позволяла въ этомъ сомнѣваться, что образовалось нѣкое общество, собраніе или товарищество, подъ именемъ „франкъ-масоновъ“ или „liberi muratori“, „вольныхъ каменщиковъ“, или подъ инымъ равнозначущимъ наименованіемъ, смотря по различію языковъ, общество, въ которое принимаются безразлично люди всякой религіи и всякой секты, которые подъ притворной внѣшностью естественной честности, которая отъ нихъ требуется и которою довольствуются, установили у себя нѣкоторые законы и статуты, связывающіе ихъ другъ съ другомъ, и въ особенности, обязывающіе ихъ, подъ страхомъ тяжкихъ наказаній, въ силу клятвы, данной на Св. Писаніи, хранить ненарушимый секретъ обо всемъ, что происходитъ въ ихъ собраніяхъ.

Но, какъ преступленіе само обнаруживается и выдаетъ себя, несмотря на всѣ принимаемыя предосторожности, чтобы скрыться, это сообщество, эти собранія сдѣлались столь подозрительными вѣрующимъ, что всякій благомыслящій человѣкъ смотритъ нынѣ на вступленіе туда, какъ на вѣрный признакъ нравственной испорченности вступающаго. Если бы ихъ дѣйствія были безупречны, они не прятались бы такъ старательно отъ свѣта. Оттого уже съ давняго времени большинство государей благоразумно изгоняли эти сообщества изъ своихъ владѣній. Они смотрѣли на людей этого сорта, какъ на враговъ общественной безопасности.

Вслѣдствіе сего, по зрѣломъ размышленіи о великомъ злѣ, происходящемъ обыкновенно отъ этихъ сообществъ, всегда вредныхъ для спокойствія государства, и которыя поэтому не могутъ согласоваться съ законами гражданскими и каноническими; наставляемые при томъ словомъ Божіимъ, что, въ качествѣ благоразумнаго и вѣрнаго служителя, выбраннаго для управленія стадомъ Христовымъ, мы должны быть постоянно на-сторожѣ противъ людей этого рода, изъ

опасенія, чтобы, по примѣру вора, они не вломились въ домъ, и чтобы, подобно лисицамъ, они не вторглись въ виноградникъ и не разнесли повсюду пагубу, т. е. не соблазнили простодушныхъ и не ранили тайно своими стрѣлами невинныя души.

Наконецъ, желая остановить теченіе этой порчи и воспретить путь, по которому можно бы было дойти безнаказанно до многихъ беззаконій, и по многимъ другимъ извѣстнымъ намъ и вполнѣ основательнымъ причинамъ, по обсужденіи дѣла вмѣстѣ съ нашими досточтимыми братьями кардиналами святой римской церкви, и согласно ихъ заключенію, а также по нашему собственному побужденію и по данной намъ апостольской власти, мы рѣшили осудить и запретить, какъ дѣйствительно осуждаемъ и запрещаемъ настоящимъ нашимъ постановленіемъ и навсегда, вышесказанныя общества и собранія масоновъ или называемыхъ какимъ-либо другимъ именемъ.

Посему мы категорически запрещаемъ всѣмъ вѣрующимъ, какъ міранамъ, такъ и клирикамъ бѣлаго и монашествующаго духовенства, включая тѣхъ, которые должны быть особо поименованы, какого бы званія, состоянія или чина они ни были, вступать по какой бы то ни было причинѣ и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ въ вышеупомянутыя общества франкъ-масоновъ; благопріятствовать ихъ возрастанію; принимать или скрывать ихъ у себя или въ иномъ мѣстѣ; присутствовать въ ихъ собраніяхъ, облегчать устройство таковыхъ, доставлять имъ что бы то ни было; помогать имъ совѣтами; оказывать имъ благорасположеніе явно или тайно; уговаривать, склонять, побуждать кого-либо къ поступленію въ эти общества, къ посѣщенію ихъ собраній, къ оказанію имъ какой бы то ни было помощи и поддержки.

Мы приказываемъ имъ, напротивъ, устраняться отъ всякаго участія въ этихъ сообществахъ или собраніяхъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, которому будутъ подвергаемы нарушители, о коихъ идетъ рѣчь; отъ каковаго отлученія они могутъ быть впослѣдствіи разрѣшаемы не иначе, какъ нами или царствующимъ тогда первосвятителемъ, развѣ только передъ самой кончиной отлученнаго.

Хотимъ и приказываемъ, чтобы епископы, прелаты, настоятели монастырей и другія мѣстныя высшія духовныя лица выступали противъ нарушителей какого бы званія, состоянія, чина или сана таковые ни были; чтобы они старались обуздывать ихъ и чтобы они наказывали ихъ карами, какихъ они заслуживаютъ, какъ люди, очень подозрительные по ереси.

Для этой цѣли мы даемъ всѣмъ и каждому изъ нихъ полномочіе преслѣдовать и наказывать ихъ судебнымъ порядкомъ и прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ свѣтской власти.

Мы хотимъ также, чтобы копіи настоящей буллы имѣли ту же силу, какъ и подлинникъ, если онѣ будутъ снабжены подписью публичнаго нотаріуса и печатью какого-либо духовнаго лица.

Да не дерзнетъ никто возражать противъ настоящаго объявленія, осужденія и запрещенія; осмѣлившійся сдѣлать это пусть знаетъ, что онъ навлечетъ на себя гнѣвъ Бога и его блаженныхъ апостоловъ св. Петра и св. Павла.

Дано въ Римѣ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1738, мая 4, нашего же первосвятительства восьмое".

Вейсгауптъ и иллюминизмъ. Извлеченія изъ „Mémoires pour servir à l'histoire du Jacobinisme, par l'abbé Barruel. Hambourg, chez P. Fauché, 1803":

„Считая долгомъ передъ читающей публикой дать отчетъ о сочиненіяхъ, изъ которыхъ я извлекалъ свои доказательства, представляю здѣсь списокъ главныхъ источниковъ, сопровождая ихъ замѣткой, достаточной для того, чтобы судить объ ихъ достовѣрности.

1. Первое изъ этихъ произведеній есть сборникъ, озаглавленный: „Часть подлинныхъ записокъ иллюминистской секты, открытыхъ въ Ландсгутѣ, во время обыска, произведеннаго у бывшаго надворнаго совѣтника, г. Цвахъ, 11 и 12 октября 1786 г., и напечатанная по приказанію его электоральнаго высочества. Мюнхенъ, у Ант. Франсуа придворнаго типографа" [1]).

2. Второй источникъ составляетъ дополненіе къ этимъ „Подлиннымъ запискамъ", содержащее въ особенности бумаги, найденныя во время обыска, произведеннаго въ замкѣ Зандерсдорфъ, извѣстномъ притонѣ иллюминатовъ, по приказанію его электоральнаго высочества. Мюнхенъ, 1787 г.

Въ этихъ двухъ томахъ находимъ собраннымъ все, что доказываетъ до очевидности существованіе вполнѣ опредѣленнаго заговора... Во главѣ перваго тома и на заглавномъ листѣ втораго помѣщено слѣдующее замѣчательное предувѣдомленіе, напечатанное по приказанію курфюрста: „тѣ, кто усомнился бы въ подлинности этого сборника, могутъ справиться въ мюнхенскихъ секретныхъ архивахъ, гдѣ приказано показывать желающимъ подлинные документы".

3. „Истинный иллюминатъ", содержащій рубрики: подготовка, новиціатъ, степень Минервалъ, степени малый и большой иллюминатъ.

. . . .

[1]) Вейсгауптъ и его приверженцы были суждены въ Мюнхенѣ за нѣсколько лѣтъ до французской революціи, и въ документахъ ихъ процессовъ Баррюэль и почерпнулъ свои доказательства.

5. Послѣдніе труды Спартака и Филона[1]). Послѣ „Подлинныхъ записокъ", это самое важное изъ появившихся до сихъ поръ сочиненій объ иллюминизмѣ. Оно содержитъ двѣ степени самыя замѣчательныя по таинственнымъ обрядамъ, которыми онѣ обставлены, и по законамъ, которые секта устанавливаетъ для адепта этихъ степеней.

6. Тотъ же издатель составилъ „Критическую исторію степеней иллюминизма", трудъ тоже цѣнный, гдѣ все раскрывается изъ самыхъ писемъ главныхъ адептовъ.

. . . .

8. Замѣчательныя показанія объ иллюминатахъ. Существуетъ три такихъ показанія, данныхъ на судѣ подъ присягой. Они подписаны: 1) Козандеемъ, каноникомъ и профессоромъ въ Мюнхенѣ; 2) Реннеромъ, священникомъ и профессоромъ въ той же академіи; 3) Уцшмидеромъ, совѣтникомъ электоральной палаты; 4) Георгомъ Грюмбергомъ, членомъ академіи наукъ и профессоромъ математики..." (т. III, предварительныя замѣчанія).

Эпизодъ изъ жизни Вейсгаупта. „. . . Прочтите сначала слѣдующее письмо Вейсгаупта къ своему приверженцу Гертелю, третье по счету во второмъ томѣ Подлинныхъ Записокъ баварскихъ иллюминатовъ. „Теперь, пишетъ Вейсгауптъ этому адепту, долженъ сказать вамъ, подъ величайшимъ секретомъ, о состояніи моего сердца... Мнѣ грозитъ опасность потерять мою честь и ту репутацію, которая давала мнѣ столько авторитета надъ нашимъ міромъ. Моя свояченица беременна. Я послалъ ее въ Мюнхенъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе на бракъ и жениться на ней. Но если разрѣшеніе не придетъ,—что мнѣ дѣлать? Какъ возстановлю я честь особы, относительно которой я виновникъ всего преступленія? Мы уже пробовали многое, чтобы вырвать ребенка; она сама рѣшалась на все; но Эврифонъ (?) слишкомъ боязливъ, а другого средства я не вижу. Если бы я былъ увѣренъ въ молчаніи Цельса (фонъ-Будеръ, профессоръ въ Мюнхенѣ), онъ могъ бы помочь мнѣ; онъ обѣщалъ мнѣ это уже три года тому назадъ. Не знаю, какой демонъ..." Тутъ скромность не позволяетъ намъ перевести выраженія, показывающія у Вейсгаупта гнуснѣйшую привычку. Онъ продолжаетъ свое признаніе, говоря: „до этой минуты никто ничего не знаетъ объ этомъ, кромѣ Эврифона"... Несмотря на свое крайнее нежеланіе сдѣлать Катону такія же признанія, Вейсгауптъ видитъ себя вынужденнымъ написать ему, и послѣ выраженія, указывающаго на ту же гнусную привычку, вотъ точныя слова этого чудовищнаго лицемѣра: „Всего досаднѣе во всемъ этомъ то,

[1]) Spartacus было масонское имя самого Вейсгаупта, а Philon—имя одного изъ главныхъ его намѣстниковъ, барона Книгге.

что я потеряю въ большой части мой авторитетъ надъ нашими, то, что имъ обнаружена слабая сторона, за которую они не преминутъ укрыться, когда я буду проповѣдывать имъ мораль и увѣщевать ихъ идти по стезѣ добродѣтели и честности...“ (Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme, t. III, ch. 1).

Кодексъ, система, тайны и инструкціи Вейсгаупта. „... Подъ именемъ „вкрадчиваго брата“ слѣдуетъ понимать здѣсь иллюмината, работающаго надъ залученіемъ новыхъ членовъ въ свой орденъ... Чтобы научиться узнавать субъектовъ, которыхъ можно завербовать, всякій иллюминатъ долженъ прежде всего обзавестись записной книжкой, въ формѣ дневника, Diarium. Усердный соглядатай всего окружающаго, онъ долженъ постоянно наблюдать лицъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе; друзья, родственники, враги, индифференты—всѣ безъ исключенія, должны быть предметомъ его изслѣдованій; онъ долженъ стараться обнаруживать ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ страсти, ихъ предразсудки, ихъ связи, особенно ихъ дѣйствія, ихъ интересы, ихъ состояніе, словомъ — все, что можетъ дать о нихъ самыя подробныя свѣдѣнія; каждый день онъ долженъ отмѣчать въ своей книжкѣ результатъ своихъ наблюденій въ этомъ родѣ.

Это шпіонство, составляющее постоянную и усердно исполняемую задачу всякаго иллюмината, будетъ имѣть двоякую выгоду: одну общую для ордена и его старшихъ, и другую—для самого адепта. Каждый мѣсяцъ онъ долженъ дважды дѣлать сводъ своихъ наблюденій и представлять таковой своимъ старшимъ; и орденъ такимъ образомъ будетъ освѣдомляемъ о людяхъ, въ каждомъ городѣ или мѣстечкѣ, отъ которыхъ можно ожидать покровительства или опасаться оппозиціи. Онъ будетъ знать, какія мѣры нужно принять, чтобы привлечь на свою сторону однихъ или устранить другихъ. Что касается адепта-вербовщика, то онъ лучше узнаетъ лицъ, которыхъ можно предложить къ принятію, и тѣхъ, которыхъ, по его мнѣнію, должно исключить. Въ представляемыхъ имъ ежемѣсячно замѣткахъ онъ долженъ указывать мотивы того и другаго...“ (Ecrits originaux, реформа уставовъ, ст. 9, 13 и слѣд.; Instruction pour les Insinuants, отдѣлъ XI, № 1; для завербованныхъ, №№ 1, 3, 5 и т. д. Письмо къ Аяксу).

Стараясь такимъ образомъ узнать другихъ, братъ-вербовщикъ долженъ остерегаться обнаружить свою принадлежность къ обществу иллюминатовъ. Законъ этотъ обязателенъ для всѣхъ братьевъ, но соблюденіе его особенно необходимо для успѣха вербовщиковъ. Имъ же преимущественно законодатель рекомендуетъ всю эту внѣшность добродѣтели, совершенства и заботу избѣгать скандаловъ, послѣдствіемъ

которыхъ была бы утрата ими своего авторитета надъ умами. Ecrits originaux, t. II, письма 1-е и 9-е).

Это въ особенности для братьевъ-вербовщиковъ законъ содержитъ слѣдующее правило: „практикуйтесь въ искусствѣ притворяться, скрывать свои цѣли и намѣренія, носить личину, наблюдая другихъ, чтобы проникнуть въ ихъ душу...“ (Ecrits originaux, t. I, p. 40, нумера 5, 6 и 8).

Планъ женскаго ордена. „Орденъ этотъ будетъ подраздѣляться на два класса, образующіе каждый отдѣльное общество и даже имѣющіе каждый свой особый секретъ. Первый классъ будетъ состоять изъ добродѣтельныхъ женщинъ; второй—изъ женщинъ вѣтреныхъ, легкомысленныхъ, сладострастныхъ.

Братья, которымъ будетъ поручено управлять ими, сообщатъ имъ свои наставленія, не открывая себя. Они должны руководить первыми посредствомъ чтенія хорошихъ книгъ, а вторыми—развивая ихъ въ искусствѣ удовлетворять секретно свои страсти“.

Этому проекту предпослано вступленіе, такъ объясняющее цѣль и пользу ордена сестеръ-иллюминатокъ: „Выгода, ожидаемая отъ этого ордена, состояла бы въ доставленіи настоящему ордену, вопервыхъ, всѣхъ денегъ, внесенныхъ сестрами, въ видѣ вступной платы, и затѣмъ всѣхъ денегъ, которыя они платили бы за открываемые имъ секреты. Учрежденіе это, сверхъ того, служило бы къ удовлетворенію тѣхъ изъ братьевъ, которые имѣютъ склонность къ удовольствіямъ“. (Ecrits originaux, t. I, отдѣлъ V).

Разныя инструкціи и правила. „...Братъ-вербовщикъ извѣщается еще, что ордену нужны артисты, мастера всякаго рода, живописцы, граверы, ювелиры, слесаря, но особенно книгопродавцы, почтмейстера [1]) и школьные учителя. Онъ узнаетъ впослѣдствіи, какое употребленіе долженъ сдѣлать иллюминизмъ изъ всего этого люда. (Instructions, № 4).

Въ этомъ множествѣ людей надо дѣлать выборъ, часто указываемый законодателемъ. „Ищите мнѣ, напримѣръ, говоритъ онъ своимъ вербовщикамъ, молодыхъ людей ловкихъ, развязныхъ. Намъ нужны адепты вкрадчивые, интриганы, находчивые, смѣлые, предпріимчивые. Намъ нужно, чтобы они были непреклонны, послушны, общительны. Ищите мнѣ еще людей могучихъ, знатныхъ [2]), богатыхъ, ученыхъ. Не ща-

---

[1]) Когда подумаешь объ арестѣ королевской семьи въ Вареннѣ,—совпаденіе довольно любопытное!...

[2]) Масонство во Франціи, въ моментъ революціи, въ самомъ дѣлѣ насчитывало въ своихъ рядахъ большую часть дворянства.

дите ничего, чтобы завербовать мнѣ такихъ людей. Если небо не помогаетъ, пустите въ ходъ адъ!“ (Письмо 3-е, Аяксу).

. . . .

„Наконецъ, тѣ въ особенности, кто испыталъ несчастіе, не отъ простой случайности, а вслѣдствіе какой-либо несправедливости, т. е. тѣ, кого можно съ наибольшей вѣроятностью считать въ числѣ недовольныхъ; вотъ люди, которыхъ нужно звать въ лоно иллюминизма, какъ въ надежное убѣжище“... (Инструкція мѣстныхъ настоятелей).

. . . .

„Несчастенъ, сугубо несчастенъ молодой человѣкъ, котораго иллюминаты тщетно пытались увлечь въ свою секту! Если онъ избѣгъ ихъ сѣтей, пусть, по крайней мѣрѣ, не льститъ себя надеждой избѣгнуть ихъ ненависти. Месть тайныхъ обществъ—это не то, что обыкновенная месть. Это подземный огонь ярости. Она неумолима; рѣдко перестаетъ она преслѣдовать свои жертвы до конца, т. е. до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть удовольствіе увидѣть ихъ закланными“... (Гофманъ, Avis importants, t. II, предисловіе).

„Законъ ордена непреложенъ, особенно въ отношеніи людей, опасныхъ для иллюминизма своими талантами. Надо или залучить ихъ или погубить ихъ въ общественномъ мнѣніи“. (Кодексъ, инструкція для правителя-иллюмината, № 15).

. . . .

„...Готовы ли вы дѣлать то, что орденъ требуетъ отъ братьевъ въ этой степени, установляя, чтобы каждый изъ насъ принялъ на себя обязательство ежемѣсячно извѣщать нашихъ начальниковъ о мѣстахъ на службѣ, бенефиціяхъ и другихъ подобныхъ должностяхъ, которыми мы можемъ располагать или добыть посредствомъ нашей рекомендаціи, для того, чтобы наши начальники, получивъ такое извѣщеніе, имѣли случай представлять на эти должности достойныхъ членовъ нашего ордена?.. Вы видите, братъ, что такимъ образомъ, испытавъ лучшихъ изъ людей, мы стараемся мало-по-малу награждать ихъ, служить имъ поддержкой, для того, чтобы нечувствительно дать міру новую форму... О, мой другъ! О, братъ! О, мой сынъ! Когда, собравшись здѣсь, вдали отъ профановъ, мы видимъ, до какой степени міръ преданъ злымъ, сколько гоненій и бѣдъ составляютъ удѣлъ честнаго человѣка, можемъ ли мы, при этомъ зрѣлищѣ, молчать, довольствоваться одними вздохами? Не будемъ ли мы стараться свергнуть иго?—Нѣтъ, братъ, положитесь на насъ! Ищите вѣрныхъ содѣйствователей не въ шумной сутолокѣ и въ городахъ; они скрыты во мракѣ. Защищенные тѣнями ночи, тамъ они, одинокіе, молчаливые или соединенные въ немногочисленные кружки, послушныя дѣти, дѣлаютъ великое дѣло подъ руководствомъ своего главы!

„...Но, въ этомъ великомъ проектѣ, духовенство и государи оказываютъ намъ сопротивленіе; мы имѣемъ противъ себя политическія учрежденія народовъ. Что дѣлать въ этомъ положеніи вещей?.. Надо нечувствительно связать руки защитникамъ безпорядка и управлять ими, не показывая вида, что господствуешь надъ ними. Словомъ—нужно установить всемірный господствующій режимъ... Вокругъ властей земли нужно собрать легіонъ неутомимыхъ людей и повсюду руководить ихъ работой, по плану ордена, ко благу человѣчества... Но все это должно дѣлать втихомолку; наши братья должны взаимно поддерживать другъ друга, помогать добрымъ въ угнетеніи и стараться пріобрѣтать всѣ мѣста, дающія могущество, для успѣха дѣла... Вы видите, братья, обширное поле, открывающееся для вашей дѣятельности. Сдѣлайтесь нашими достойными сотрудниками, содѣйствуя намъ всѣми вашими силами. У насъ нѣтъ труда, который бы остался безъ вознагражденія...

„...Но, наконецъ, знаешь ли ты, что такое тайныя общества, какое мѣсто они занимаютъ и какую роль играютъ въ событіяхъ этого свѣта? Не принимаешь ли ты ихъ за явленія незначительныя и мимолетныя? О, братъ! Богъ и природа, располагая каждую вещь для надлежащаго времени и мѣста, имѣютъ свою удивительную цѣль, и пользуются этими тайными обществами, какъ единственнымъ необходимымъ средствомъ, чтобы вести насъ къ ней! Слушай и исполнись удивленія! Здѣсь та точка зрѣнія, къ которой стремится вся мораль; и отъ которой зависитъ пониманіе права тайныхъ обществъ и всей нашей доктрины, всѣхъ нашихъ понятій о добрѣ и злѣ, о правдѣ и кривдѣ. Вотъ ты между міромъ прошлымъ и міромъ грядущимъ. Брось смѣлый взглядъ на прошлое: въ мигъ десять тысячъ запоровъ, скрывающихъ будущее, падаютъ, и всѣ его двери открываются передъ тобой! Ты увидишь неистощимое богатство Бога и природы, униженіе и достоинство человѣка. Ты увидишь міръ и родъ человѣческій въ его юности, если не въ дѣтствѣ, тамъ, гдѣ ты думалъ найти его въ состояніи дряхлости, близкимъ къ разрушенію и позору!..

„Первый вѣкъ человѣческаго рода есть вѣкъ дикой, грубой природы. Семья составляетъ единственное общество; голодъ и жажда, легко удовлетворимые, да кровъ отъ непогоды—вотъ единственныя потребности этого періода. Въ этомъ состояніи человѣкъ пользовался двумя самыми цѣнными благами—равенствомъ и свободой; онъ пользовался ими во всей ихъ полнотѣ; онъ пользовался бы ими вѣчно, если бы пошелъ по дорогѣ, которую ему указывала природа... Вскорѣ у людей развивается злополучный зародышъ; и первоначальные ихъ покой и счастье исчезаютъ. По мѣрѣ того, какъ семьи размножались, средства пропитанія становились все болѣе и болѣе недостаточными;

кочевая или бродячая жизнь прекратилась, возникла собственность. Люди выбрали себѣ постоянное мѣсто жительства... Языкъ развился. Живя вмѣстѣ, люди начали измѣрять и сравнивать силы другъ друга, начали различать слабыхъ и сильныхъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, они увидали, какъ можно бы было помогать другъ другу, какъ умъ и сила одного индивида могли бы управлять многими соединенными въ общество семействами и охранять ихъ поля отъ нападеній врага; но тутъ свобода была разрушена въ самомъ ея основаніи, и равенство исчезло...

„Вотъ почему дикари—самые просвѣщенные изъ людей, и, быть можетъ, также единственные свободные... Мы имѣли свободу и утратили ее, чтобы вновь найти ее и уже болѣе не терять, чтобы изъ самаго лишенія ея научиться впредь лучше пользоваться ею...

„...Предоставьте людямъ съ ограниченнымъ кругозоромъ разсуждать и заключать по-своему; они все будутъ выводить заключенія, а природа будетъ неустанно дѣйствовать. Неумолимая къ ихъ корыстнымъ притязаніямъ, она идетъ впередъ, и ничто не можетъ остановить ея величественное шествіе...

„Кто хочетъ сдѣлать людей свободными, тотъ научаетъ ихъ обходиться безъ вещей, пріобрѣтеніе которыхъ не въ ихъ власти. Онъ просвѣщаетъ ихъ, онъ придаетъ имъ смѣлости. Если вы не можете дать разомъ эту степень свѣта всѣмъ людямъ, начинайте, по крайней мѣрѣ, сами просвѣщаться, дѣлаться лучшими. Оказывайте помощь и поддержку взаимно другъ другу, увеличивайте ваше число, дѣлайтесь, по крайней мѣрѣ, сами независимыми. Сдѣлались ли вы довольно многочисленными? Усилились ли вы отъ вашего соединенія? Не колеблитесь болѣе; начинайте дѣлаться могучими и грозными злымъ! Отъ одного того, что вы достаточно многочисленны, чтобы говорить сильнымъ языкомъ, злые профаны начинаютъ дрожать. Чтобы не пасть въ неравной борьбѣ съ болѣе многочисленнымъ противникомъ, многіе сдѣлаются добрыми сами собой и станутъ подъ ваши знамена. Вскорѣ вы будете достаточно сильными, чтобы связать руки другимъ, чтобы покорить и задавить злобу въ самомъ ея зародышѣ! Начни съ самого себя; затѣмъ повернись къ сосѣду; вы двое просвѣтите третьяго, четвертаго, и эти пусть также умножаютъ дѣтей свѣта, до тѣхъ поръ, пока число и сила не дадутъ намъ могущества“!.. (Кодексъ иллюминизма, 5, 6 и 7 части; цитированный и переведенный Баррюэлемъ, т. III, гл. IV, V, VI, VII, VIII и IX).

. . . .

„Истинная мораль есть не что иное, какъ искусство научить людей сдѣлаться совершеннолѣтними, свергнуть иго опеки, войти въ возрастъ возмужалости, обходиться безъ государей или правителей“...

(Рѣчь Іерофанта къ посвященному о малыхъ тайнахъ иллюминизма Баррюэль, t. III).

. . . .

„Эти тайныя общества, хотя бы даже они не достигали нашей цѣли, подготовляютъ намъ пути. Они дѣлаютъ людей болѣе индифферентными къ интересамъ правительствъ; они отнимаютъ у церкви и государства лучшихъ и самыхъ трудолюбивыхъ людей. Уже однимъ этимъ они подкапываютъ основы государствъ, хотя бы даже не умышленно". (Рѣчь Іерофанта. Баррюэль).

. . . .

„Можетъ быть, думаютъ, что эта степень (степень Эпопта-иллюмината) есть высшая, важнѣйшая; у меня, однако, имѣются еще три безконечно болѣе важныя степени, которыя я оставлю для нашихъ великихъ тайнъ. Но я храню ихъ у себя.

„Надъ степенью регента я сочинилъ четыре другія степени, и даже рядомъ съ меньшей изъ этихъ четырехъ наша степень жрецовъ будетъ не болѣе, какъ дѣтская игра". (Подлинныя записки, т. II, письма 15, 16 и 24, къ Катону. Баррюэль).

. . . .

„Надо, чтобы наша машина была такъ совершенна въ своей простотѣ, чтобы даже ребенокъ могъ управлять ею". (Письма къ Катону, февраль и мартъ 1781 г. Баррюэль).

. . . .

„Въ этомъ мірѣ литературы, тѣ или другіе роды господствуютъ въ свое время и вызываютъ восхищеніе слабыхъ голосовъ. Иногда это—произведенія религіознаго энтузіазма, иногда—сантиментализмъ, другой разъ — философскій духъ, иной разъ — пасторали, рыцарскіе романы, поэмы, оды, наводняютъ книжный рынокъ. Надо стараться ввести также въ моду тѣ принципы нашего ордена, которые стремятся къ достиженію счастія рода человѣческаго.

„Надо завоевать нашимъ принципамъ благосклонность моды, для того, чтобы молодые писатели распространяли ихъ въ народѣ и служили нашимъ цѣлямъ, хотя бы и не хотѣли этого".

„Надо также, чтобы разгорячить головы, проповѣдывать съ величайшимъ жаромъ общій интересъ Человѣчества".

„Вы должны заботиться о томъ, чтобы писанія нашихъ адептовъ расхваливались въ публикѣ, чтобы о нихъ протрубили въ газетахъ, и принять мѣры къ тому, чтобы журналисты не выставляли нашихъ писателей людьми подозрительными". (Инструкція для степени „Просвѣщеннаго Эпопта", Barruel, t. III).

. . . .

„Когда какой-либо писатель возвѣщаетъ принципы, которые сами

по себѣ истинны, но которые еще не входятъ въ нашъ планъ воспитанія для міра; или же принципы, оглашеніе которыхъ еще преждевременно,—надо стараться привлечь этого автора на нашу сторону. Если намъ не удастся залучить его и сдѣлать его нашимъ адептомъ, то надо уронить его въ мнѣніи публики".

„Если бы какой-либо правитель задумалъ упразднить монастыри и дать ихъ имуществу назначеніе, соотвѣтствующее нашей цѣли, напримѣръ, употребить его на содержаніе школьныхъ учителей, годныхъ для деревни, проекты этого рода были бы очень желательны для нашихъ начальниковъ".

Когда между нашими адептами находится человѣкъ ученый и талантливый, но мало извѣстный, или даже совсѣмъ не извѣстный публикѣ, употребимъ всѣ средства, чтобы возвысить его, доставить ему громкую извѣстность. Пусть наши неизвѣстные братья повсюду прославляютъ его". (Instruction du Régent, ou Prince Illuminé. Cité par Barruel, t. III, chap. XV).

„Тотъ будетъ подлецомъ, кто нарушитъ клятву, данную на честь моего общества. Какого бы ранга онъ ни былъ, онъ будетъ объявленъ безчестнымъ во всемъ орденѣ, будетъ объявленъ безъ пощады и надежды! Я хочу, чтобы они были предупреждены; пусть они зрѣло взвѣсятъ, насколько страшна эта клятва честью моего ордена; хочу, чтобы имъ представили ясно и живо всѣ послѣдствія этого клятвопреступленія". (Ecrits originaux, t. II, письмо 8-е, къ Кантону).

Извлеченія изъ сочиненія о. Дешана „Les Sociétés secrétes et la Société" (т. I, стр. 546 и слѣд.):

„Общіе конвенты масонства, созываемые въ Парижѣ распорядительнымъ комитетомъ Филалетовъ (друзья истины), настоятелей почтеннѣйшихъ ложъ соединенныхъ друзей въ Парижскомъ „Востокѣ", собирались тамъ. Ихъ тайные комитеты обсуждали какъ дѣла, опредѣленно указанныя въ циркулярѣ о созывѣ конвента, такъ и тѣ, о которыхъ циркуляръ упоминалъ, какъ о болѣе важныхъ работахъ, которыя благоразуміе не дозволяло довѣрять бумагѣ и еще менѣе типографскому станку. Въ качествѣ исполнительнаго органа образовался особый клубъ или ложа пропаганды. Изъ предыдущей главы мы уже знаемъ, что разсказываетъ объ этомъ Бертранъ-де-Молевиль въ своей исторіи революціи; знаемъ, что его комитетъ рѣшилъ терроръ, какъ средство къ достиженію цѣли. Предметъ дѣятельности этого комитета и списокъ его главныхъ членовъ указаны въ бумагахъ, найденныхъ у кардинала де-Берни".

Списокъ почтенныхъ членовъ клуба пропаганды, собранія котораго происходятъ въ улицѣ Ришелье, 26, въ Парижѣ:

„Клубъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, имѣетъ цѣлью не только

утвержденіе революціи во Франціи, но также введеніе ея у всѣхъ другихъ народовъ Европы и низверженіе всѣхъ нынѣ установленныхъ правительствъ. Статуты были отпечатаны отдѣльно. Къ 23 марта 1799 г. въ кассѣ находилось 1.500.000 франковъ, изъ которыхъ 400.000 фр. были доставлены герцогомъ Орлеанскимъ; остальная сумма образовалась изъ взносовъ почтенныхъ членовъ, при ихъ пріемѣ. Фондъ этотъ предназначенъ на расходы по поѣздкамъ миссіонеровъ, называемыхъ апостолами, и на изданіе зажигательныхъ брошюръ, которыя сочиняются для достиженія столь спасительной цѣли. Всѣ дѣла, какъ внутреннія, такъ и иностранныя, подготовляются и вносятся на разсмотрѣніе клуба комитетомъ изъ пятнадцати членовъ, подъ предсѣдательствомъ аббата Сійесъ".

Послѣ главныхъ именъ, оставленъ большой пробѣлъ, — были ли это имена членовъ обыкновенныхъ комитетовъ?—Затѣмъ, съ начала слѣдующей страницы, списокъ продолжается:

Всѣ эти имена, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, уже фигурировали въ ложахъ Парижа, провинцій и заграницы, и носители ихъ во Франціи вскорѣ выступили дѣятельно и во французской революціи, и въ большинствѣ членовъ ея собраній.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

рахъ, о выборахъ индивидуальныхъ и коллективныхъ, о кандидатурахъ, о подачѣ голосовъ явной или тайной и о срокѣ выборовъ. Подъ прямыми выборами разумѣется такой порядокъ, когда избиратели непосредственно выбираютъ представителей; подъ косвенными,—когда они выбираютъ сперва особыхъ выборщиковъ, а уже эти послѣдніе—депутатовъ. Въ четвертой главѣ г. Григорьевъ разсматриваетъ положеніе депутатовъ,—вопросъ, который, не стоя въ прямой зависимости отъ выборной организаціи, тѣмъ не менѣе оказываетъ весьма существенное вліяніе на самые выборы. Мало знать, кто, кого, какъ и когда будетъ выбирать. Необходимо знать также и то, въ какомъ положеніи будутъ тѣ, кого выберутъ; этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ до выборовъ, такъ какъ иначе невольно возникаетъ мысль,—да стоитъ ли вообще-то кого-нибудь выбирать. Прежде всего, депутатъ считается представителемъ не избравшей его группы населенія, а всего государства; депутату гарантируется неприкосновенность личности и свобода слова. За свои рѣчи и участіе въ рѣшеніяхъ палаты депутатъ ни передъ кѣмъ не отвѣчаетъ и за свои мнѣнія не можетъ подвергнуться никакому преслѣдованію. Неприкосновенность личности депутата имѣетъ цѣлью оградить народное представительство отъ воздѣйствій со стороны правительства.

Наиболѣе существеннымъ для населенія вопросомъ въ положеніи представителей является вопросъ о вознагражденіи. Если депутаты не получаютъ жалованья, это будетъ косвенное ограниченіе избирательнаго права, такъ какъ тогда только экономически состоятельные граждане будутъ въ состояніи принять на себя депутатскія полномочія. У насъ членамъ Государственной Думы установлено суточное вознагражденіе по 10 руб. въ день и путевыя издержки по 5 к. съ версты. Но, конечно, лучше и проще, если депутаты получаютъ напередъ опредѣленное жалованье. Размѣръ жалованья, разумѣется, зависитъ отъ финансовъ страны. Франція платитъ своимъ депутатамъ въ сущности мало: около 3.600 руб.; Германія и Англія—ничего.

Еще одно косвенное ограниченіе для избирательнаго права заключается въ присягѣ. Если для участія въ засѣданіяхъ палаты требуется присяга по обряду какого-либо одного вѣроисповѣданія,—очевидно, иновѣрцы быть депутатами не могутъ. Въ Англіи, гдѣ присяга не имѣетъ вѣроисповѣдной окраски, а состоитъ только въ обѣщаніи именемъ Бога, возникъ вопросъ даже объ исключеніи этихъ словъ, по поводу заявленія одного депутата, что онъ атеистъ. Во Франціи присяга вообще не требуется; въ большинствѣ другихъ странъ она признается и носитъ вообще религіозный характеръ.

Вопросъ этотъ у насъ удачно разрѣшенъ Учрежденіемъ Государственной Думы: по ст. 13-й, члены ея даютъ за своею подписью торжественное обѣщаніе Именемъ Бога, безъ всякой вѣроисповѣдной окраски.

Таково содержаніе интересной книги г. Григорьева.

Картины родины—типичные ландшафты Россіи въ связи съ геологическимъ прошлымъ. А. П. Нечаева. Съ 62 рисунками. Цѣна 1 руб

Разсматриваемая нами книга представляетъ воспроизведеніе лекцій, читанныхъ ученикамъ старшихъ классовъ петербургскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Видя, съ какою отзывчивостью и интересомъ относилась учащаяся молодежь къ этимъ лекціямъ, авторъ счелъ не безполезнымъ сдѣлать свои чтенія доступными для болѣе широкаго круга читателей.

По содержанію своему книга представляетъ популярный очеркъ морфологіи европейско-русской равнины. Вопросы морфологіи совершенно игнорируются многими учебниками и программами, даже въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, между тѣмъ этотъ отдѣлъ физическаго землевѣдѣнія, несомнѣнно, имѣетъ важное образовательное значеніе.

Не входя въ подробное теоретическое разсмотрѣніе вопроса, А. П. Нечаевъ даетъ яркія картины типичныхъ областей Европейской Россіи. Факты, излагаемые въ этой книгѣ, не представляются научно новыми; многіе изъ нихъ впервые появляются въ общедоступной разработкѣ. То, что было разбросано въ огромномъ множествѣ спеціальныхъ статей и сочиненій нашихъ изслѣдователей-ученыхъ,—изложено г. Нечаевымъ въ связной картинѣ и пополнено новыми данными, пріобрѣтенными во время многочисленныхъ поѣздокъ его по Европейской Россіи. Но не факты—самое главное въ этой книгѣ; важно освѣщеніе, которое имъ дано. Безспорно, книга эта будетъ имѣть распространеніе и за предѣлами школы, такъ какъ вопросы, затронутые въ ней,—представляютъ значительный интересъ и для широкаго круга читателей. Въ особенности она цѣнна для художниковъ-пейзажистовъ.

Главное назначеніе книги—служить учащемуся поколѣнію. А. П. Нечаевъ съ любовью набрасываетъ и истолковываетъ родные ландшафты; и, несомнѣнно, книга его заложитъ въ юныя сердца зерна любви къ нашей странѣ, къ ея природѣ,—на первый взглядъ неприглядной и унылой, но проникнутой глубокой поэзіей.

Книга снабжена прекрасными иллюстраціями, и ей нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. МАЙ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1906.

V-я книга „Русской Старины" вышла 1-го мая 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Исторія чумныхъ эпидемій въ Россіи съ основанія государства до настоящаго времени. Д-ра мед. Ф. А. Дёрбекъ.

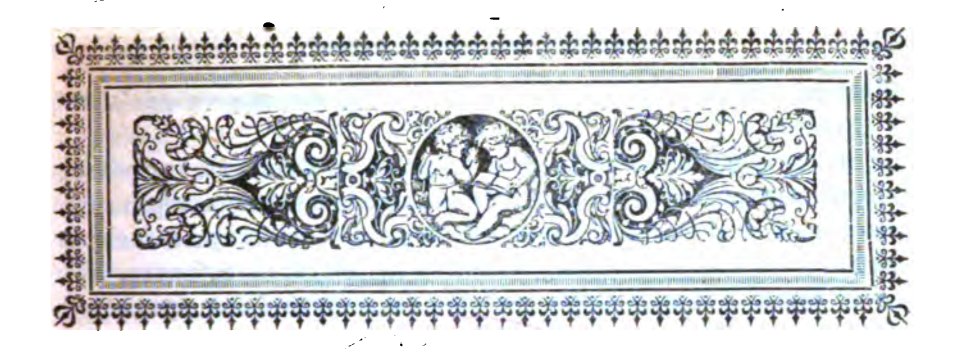
Исторія медицины и повальныхъ болѣзней въ Россіи вообще мало изслѣдована. Можно сказать, что единственнымъ цѣннымъ историческимъ сочиненіемъ до сихъ поръ былъ колоссальный трудъ Рихтера. Но это сочиненіе было написано въ 1815 г. и обхватываетъ исторію медицины только до второй половины XVIII в. Исторія эпидемическихъ болѣзней, входя въ составъ исторіи медицины, составляетъ въ то же время часть исторіи цивилизаціи.

Разсматриваемый нами трудъ д-ра Дёрбекъ даетъ полную картину чумныхъ эпидемій въ Россіи, и его нельзя не признать капитальнымъ вкладомъ въ нашу литературу по этому вопросу.

Изъ отношенія народа къ повальнымъ болѣзнямъ можно судить о степени культурности его: чѣмъ ниже народъ стоитъ въ культурномъ отношеніи, тѣмъ онъ безпомощнѣе по отношенію къ разнаго рода вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ, въ томъ числѣ и къ эпидемическимъ болѣзнямъ,—тѣмъ свободнѣе эти послѣднія распространяются среди него. Просматривая исторію повальныхъ болѣзней съ древнѣйшихъ временъ, можно замѣтить, что эти болѣзни, производившія страшныя опустошенія въ болѣе отдаленныя эпохи, становятся слабѣе въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. То же самое наблюдается при сравненіи дѣйствія эпидемическихъ болѣзней среди разныхъ современныхъ народовъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ цивилизаціи: эпидемія, находя отпоръ у цивилизованнаго народа, встрѣчающаго ее въ лицѣ своихъ представителей-врачей во всеоружіи науки, уноситъ изъ его среды лишь небольшое число жертвъ,—въ то же время безпрепятственно свирѣпствуя среди ниже стоящаго въ культурномъ отношеніи народа, не обладающаго тѣми знаніями, которыя необходимы для успѣшной борьбы съ нею.

Въ концѣ XIX и въ началѣ текущаго столѣтія чума обратила на себя усиленное вниманіе врачей и правительствъ вслѣдствіе того, что послѣ долголѣтней локализаціи исключительно на Востокѣ, она стала распространяться и проникать въ такія страны, въ которыхъ ея не видали уже издавна, и даже въ такія, въ которыхъ ея раньше никогда не было. Это распространеніе объясняется усиленнымъ сообщеніемъ между собою такихъ странъ, которыя въ прежнія времена были болѣе или менѣе отдѣлены другъ отъ друга, а причина усиленнаго сообщенія заключается въ развившихся за послѣднее время болѣе оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ Востока съ Западомъ. Чума передвигается съ Востока на Западъ, гдѣ поражаются прежде всего страны, поддерживающія тѣсныя торговыя сношенія съ Востокомъ. Въ Западной Европѣ чума появляется прежде всего въ портовыхъ городахъ, куда она завозится судами.

Историческое изслѣдованіе чумныхъ эпидемій въ Россіи представляетъ громадный интересъ. Д-ръ Дёрбекъ, въ своемъ обстоятельномъ трудѣ, прежде всего знакомитъ насъ съ исторіею повальныхъ болѣзней въ Россіи до появленія черной смерти. Источниками для него въ этомъ отношенія служила главнымъ образомъ лѣтопись въ различныхъ ея спискахъ. Во всѣхъ лѣтописяхъ очень обстоятельно описывается эпидемія 1352 года. Чума появилась въ Псковѣ лѣтомъ 1352 г. и, повидимому, сразу приняла обширные размѣры. Заболѣвали и умирали люди всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ. Смертность была громадная. Священники, не успѣвая хоронить мертвыхъ, велѣли привозить всѣ трупы въ церковные дворы, гдѣ они хоронили ихъ на слѣдующее утро всѣ вмѣстѣ. За ночь накоплялось до 30-ти и болѣе труповъ у каждой церкви. Въ одинъ гробъ клали по 3—5 труповъ. Всѣхъ обуяли страхъ и ужасъ. Повсюду царила паника. Видя вездѣ и постоянно передъ собою смерть и считая роковой исходъ неизбѣжнымъ, многіе стали помышлять только о спасеніи души, уходили въ монастыри, раздавали имущество свое, иногда и дѣтей, посторонннимъ. Вскорѣ, однако, оказалось, что при такой раздачѣ имущества или при поступленіи дѣтей изъ выморочныхъ домовъ въ здоровые передавалась зараза, и въ новыхъ домахъ всѣ заболѣвали и умирали. Тогда всѣ стали бояться принимать что-либо отъ другихъ, страхъ еще усилился, здоровые бѣжали отъ больныхъ, предоставляя ихъ своей судьбѣ, родные отказывались хоронить родныхъ. Зато бывали, наоборотъ, примѣры великодушія и самоотверженія: нѣкоторые граждане, забывъ страхъ и не заботясь о собственномъ спасеніи, отдавались служенію ближнимъ, ухаживали за больными, заботились объ оставшихся сиротахъ, хоронили чужихъ мертвыхъ. Изъ Пскова чума перешла въ Новгородъ, Ладогу, Суздаль, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ и распространилась по всей Россіи. Въ городахъ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ вымерли всѣ жители. Относительно Москвы въ лѣтописяхъ не имѣется свѣдѣній, но, въ виду того, что лѣтописцы говорятъ, что моръ распространился по всей землѣ Русской, нужно думать, что онъ не пощадилъ и Москвы, гдѣ умерли въ короткое время митрополитъ Ѳеогностъ, великій князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый, два сына и братъ его, вѣроятно, отъ чумы (1353 г.). Ни о лѣченіи, ни о мѣрахъ предупрежденія заразы въ лѣтописяхъ ничего не упоминается. Врачи въ то время въ Россіи состояли только при князьяхъ и не имѣли никакого значенія для народа, а о предупрежденіи болѣзни, несмотря на очевидную заразительность ея, въ Россіи заботились такъ же мало, какъ въ остальной Европѣ. Отсутствіе предупреждающихъ мѣръ, непониманіе и несоблюденіе самыхъ элементарныхъ требованій гигіены, нечистоплотнось, общая некультурность,—

Записки княгини Дашковой.

XIV [1]).

Я составила себѣ планъ помѣстить сына въ Эдинбургскій университетъ и устроиться въ этомъ городѣ на все время его академическаго курса. Съ этой цѣлью я написала ректору Робертсону, знаменитому историку, предупредивъ его о своемъ желаніи отдать тринадцатилѣтняго мальчика въ университетъ, подъ его покровительство; съ тѣмъ вмѣстѣ я просила совѣта и наставленія его во всемъ, что было необходимо для достиженія моей цѣли.

Робертсонъ, отвѣчая мнѣ, совѣтовалъ подождать два или три года, затѣмъ, чтобы дать молодому Дашкову болѣе зрѣлыя приготовительныя знанія; но, несмотря на его юность, я такъ вѣрила въ его прилежаніе и успѣхи, что безъ всякой похвальбы извѣстила Робертсона о познаніяхъ моего сына; онъ уже отлично зналъ латинскій языкъ, значительно познакомился съ математикой, исторіей и географіей; кромѣ французскаго и нѣмецкаго языковъ, онъ настолько понималъ англійскій, что могъ на немъ читать, хотя говорилъ еще съ затрудненіемъ.

По окончаніи сезона на водахъ въ Спа, мы отправились въ Англію , остановившись на самое короткое время въ Лондонѣ, двинулись ь Шотландію. Въ дорогѣ мы провели нѣсколько дней въ домѣ лорда уссексъ, гдѣ я познакомилась съ мистеромъ Уильмотъ, отцомъ моего наго друга, по просьбѣ котораго я рѣшилась написать эти мемуары.

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1906 г.

Мистеръ Уильмотъ провелъ съ нами все время нашего пребыванія у Суссексъ.

Въ Эдинбургѣ я наняла себѣ квартиру въ Голирудѣ, въ древнемъ дворцѣ шотландскихъ королей; здѣсь я часто вспоминала исторію легкомысленной и несчастной Маріи Стюартъ; печальная судьба ея запечатлѣвалась на каждомъ окружающемъ предметѣ; ея кабинетъ, лѣстница, примыкавшая къ моей спальнѣ, съ которой былъ брошенъ ея любовникъ-итальянецъ—все это постоянно рисовало въ моемъ воображеніи участь погибшей королевы.

Я не стану описывать того удовольствія, съ которымъ услышала отзывъ Робертсона, выражавшаго, послѣ испытанія моего сына, что онъ совершенно готовъ вступить въ университетъ и начать обыкновенное классическое образованіе. Я необыкновенно была утѣшена этимъ обстоятельствомъ и въ то время, какъ мой сынъ продолжалъ свое ученіе, я не упустила столь благопріятнаго случая познакомиться съ тѣми знаменитыми писателями, которыхъ произведенія были славой Англіи.

Я имѣла удовольствіе сблизиться съ Робертсономъ, Адамомъ Смитомъ, Фергюсономъ и Блэромъ. Когда я жила въ Эдинбургѣ, они каждую недѣлю были у меня два или три раза, и я столько же удивлялась ихъ познаніямъ и талантамъ, сколько скромности и простотѣ манеръ. При всемъ различіи своихъ ученыхъ направленій, при всей самостоятельности и соревнованіи другъ съ другомъ, эти почтенные люди жили друзьями; ихъ обхожденіе, не имѣвшее ни тѣни притворства, ихъ разговоръ, чуждый всякаго педантизма, былъ поучительный и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательный.

Къ числу моихъ женскихъ знакомствъ принадлежала герцогиня Бюрлей, лэди Фрэнсисъ Скоттъ, лэди Лотіанъ и Марія Ирвинъ; и это время было самымъ спокойнымъ и счастливымъ періодомъ моей жизни.

Во время лѣтнихъ каникулъ мы отправились въ Гайлэндсъ. Пріѣздъ Гамильтонъ еще болѣе увеличилъ мою радость. Путешествіе въ горную Шотландію сопровождалось для меня сильной простудой, и я начала страдать ревматизмомъ. Впрочемъ, окруженная друзьями и больше всего довольная осуществленіемъ одной изъ задушевныхъ своихъ надеждъ — успѣшнымъ ученіемъ сына, я почти забыла свои физическія боли.

За всѣмъ тѣмъ, когда въ слѣдующемъ году моя болѣзнь усилилась, докторъ Кёленъ совѣтовалъ мнѣ пить воды Букстина и Матлока и потомъ купаться въ Скарбору. Вслѣдствіе этого въ началѣ каникулъ я оставила Шотландію, чтобы попробовать предписанное лѣченіе. Меня проводила Гамильтонъ; ея любви и нѣжнымъ забо-

тамъ, можно сказать, я обязана жизнью, бывъ близка къ смерти въ Скарбору.

Не могу также безъ глубокой признательности вспомнить о лэди Мельграфъ, о томъ благородномъ участіи, которое она принимала въ моемъ безнадежномъ положеніи.

Она жила по сосѣдству, оплакивая недавнюю потерю своего любимаго мужа; услышавъ о моей опасной болѣзни и судя по собственному опыту, что я должна была чувствовать при мысли покинуть дѣтей на чужбинѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, она безъ церемоніи явилась у моей постели со всею готовностью и рѣдкимъ великодушіемъ предложила имъ пріютъ въ своемъ домѣ, и личное покровительство въ случаѣ ихъ сиротства. Мало того, она торжественно увѣрила меня, что, если суждено совершиться несчастью, она никакъ не разстанется съ ними до тѣхъ поръ, пока опекуны не возьмутъ ихъ назадъ въ Россію.

Эта черта характера можетъ служить самой лучшей похвалой леди Мельграфъ. Трудно выразить чувство моей благодарности за это утѣшеніе. Я пользовалась вниманіемъ этой достойной лэди, пока мое выздоровленіе было внѣ всякаго сомнѣнія, и когда я могла продолжать путешествіе, она упросила меня свернуть съ прямаго пути и отдохнуть нѣсколько дней въ ея домѣ, до пріѣзда въ Шотландію.

Это посѣщеніе, столь обязательное по долгу признательности и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное, я охотно приняла и возвратилась въ Эдинбургъ къ самому началу университетскаго курса.

Хотя и послѣ того я часто испытывала припадки ревматизма и вообще недомогала, за всѣмъ тѣмъ, какъ мать, я не позволяла себѣ ослабѣвать въ моихъ заботахъ о сынѣ; и въ этомъ отношеніи, я такъ блистательно успѣла, такъ полно вознаграждались мои жертвы, что нравственное самодовольствіе облегчило мои недуги, и я весело проводила время въ кругу своихъ друзей.

Я старалась пріохотить сына не только къ серьезнымъ занятіямъ, но также къ свѣтской развязности и гимнастическимъ упражненіямъ, что̀ укрѣпило его здоровье и удивительно развило силы. Черезъ каждые два дня онъ бралъ уроки верховой ѣзды и фехтованія, и одинъ разъ въ недѣлю въ моемъ домѣ назначался танцовальный вечеръ: это освѣжало его школьные труды.

Живя исключительно для дѣтей и поставивъ постоянной задачей своей жизни уединеніе, теперь возможное, я почти не жалѣла о своей собственной бѣдности и скудномъ состояніи своихъ дѣтей. И такъ какъ въ Шотландіи всѣ необходимые предметы жизни были дешевы, то я не имѣла необходимости прибѣгать къ чрезвычайнымъ займамъ у моихъ банкировъ Гюнтера и Форбса, исключая одного случая, когда я хотѣла посѣтить Ирландію, по окончаніи курса моего

сына. На это путешествіе я заняла у нихъ двѣ тысячи фунтовъ, которые скоро уплачены были имъ изъ Голландіи; хотя я и раздѣлалась съ долгомъ безъ всякихъ затрудненій, при всемъ томъ я обязана ихъ дружбѣ многими одолженіями, за которыя ничѣмъ другимъ, кромѣ благодарности, заплатить не могу.

Въ маѣ 1778 года мой сынъ выдержалъ публичное испытаніе. Аудиторія была безпримѣрно многочисленная; отвѣты его на всѣ вопросы были такъ основательны, что вызвали невольное рукоплесканіе со стороны посѣтителей; такое одобреніе почти вовсе не было въ обычаѣ на университетскихъ экзаменахъ. Онъ получилъ степепь магистра искусствъ; само собою разумѣется, что мой материнскій восторгъ не зналъ мѣры при этомъ успѣхѣ; я не стану останавливаться на этой счастливой минутѣ моей жизни, но буду продолжать свой разсказъ о путешествіи въ Ирландію, которое я предприняла въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Въ Дублинѣ мнѣ приготовили очень удобный и прекрасный домъ, въ которомъ я остановилась. Мое пребываніе въ этомъ городѣ походило на сонъ, въ продолженіе цѣлаго года. Не было желанія, которое не находило бы удовлетворенія, благодаря вниманію Гамильтонъ, Морганъ и ихъ семействъ.

Сынъ мой продолжалъ свои классическія чтенія каждое утро съ Гринфильдомъ, взятымъ мною изъ Эдинбурга; при томъ мы нашли хорошихъ учителей въ Дублинѣ; они преподавали ему итальянскій языкъ и танцованіе. Вечера наши проходили въ умномъ и благовоспитанномъ обществѣ, одушевленномъ свободой манеръ, свойственной ирландскому характеру. Я по-прежнему устраивала танцовальные вечера въ своемъ домѣ для развлеченія дѣтей и нерѣдко посѣщала театръ.

Съ гордостью я говорю о томъ уваженіи, которымъ удостоила меня лэди Арабелла Денни, знаменитая своими благотворительными заведеніями; ея общественныя заслуги были оцѣнены и съ благодарностью признаны самимъ парламентомъ. Мы часто ходили къ ней пить чай; ея умъ и симпатичный характеръ съ каждымъ посѣщеніемъ больше и больше привязывали насъ къ этой прекрасной женщинѣ.

Въ числѣ многихъ благодѣтельныхъ учрежденій лэди Денни, Магдалинскій госпиталь былъ главнымъ предметомъ ея попеченій и, несмотря на престарѣлый возрастъ, она съ неослабнымъ вниманіемъ надзирала надъ нимъ. Я нѣсколько разъ съ ней посѣтила это заведеніе; довѣряя моимъ бѣднымъ способностямъ, она однажды поручила мнѣ переложить гимнъ на музыку, съ тѣмъ, чтобы пѣть его въ Магдалинской капеллѣ, въ пользу благотворительныхъ цѣлей. Ея желаніе было закономъ для меня; я составила арію въ четыре голоса; послѣ двухнедѣльнаго приготовленія, она была пропѣта въ при-

сутствіи многочисленнаго собранія, которое съ любопытствомъ пришло послушать, на что̀ способна русская медвѣдица въ музыкальномъ искусствѣ. Я посѣтила Арабеллу въ тотъ же вечеръ и была принята съ особеннымъ радушіемъ, до того не бывалымъ. Она съ удовольствіемъ разсказала о музыкальной мессѣ, замѣтивъ, что успѣхъ ея зависѣлъ отъ моей аріи.

Съ наслажденіемъ я присутствовала въ Дублинскомъ парламентѣ, слушая его славныхъ ораторовъ, среди которыхъ Гратанъ былъ самымъ замѣчательнымъ.

Въ лѣтнее время я ѣздила съ своими друзьями осматривать озера Киларна, Кильченни, Лимерикъ, великолѣпный Коркскій портъ и другіе интересные предметы. По сосѣдству съ Коркомъ завернула въ Лоту, прекрасное романтическое мѣстоположеніе, принадлежавшее Роджерсу, дядѣ моего друга Гамильтонъ. Здѣсь я встрѣтила самое обязательное гостепріимство со стороны этого почтеннаго семейства.

Въ началѣ 1780 года я оставила Ирландію и по дорогѣ Голигедъ пріѣхала въ Лондонъ. Вскорѣ послѣ моего прибытія, я была представлена ко двору; королевская фамилія обласкала меня самымъ благосклоннымъ пріемомъ. При этомъ удобномъ случаѣ я не преминула поблагодарить ее за удовольствіе, которымъ я пользовалась въ Англіи, и за величайшія выгоды воспитанія моего сына въ одномъ изъ британскихъ университетовъ. Королева, въ свою очередь, похвалила меня, какъ любящую мать, прибавивъ, что теперь она больше чѣмъ когда-нибудь убѣдилась въ истинѣ лестныхъ отзывовъ обо мнѣ. Я нехотя согласилась, выразивъ взаимное благопріятное мнѣніе о ея собственномъ семействѣ. Она сказала мнѣ, что семья ея очень большая и что если я желаю видѣть ее вмѣстѣ, она прикажетъ привезти дѣтей изъ Кью.

Я поблагодарила за такое снисходительное вниманіе. Лэди Гольдернессъ была послана за ними съ тѣмъ, чтобъ привезти ихъ въ Лондонъ и извѣстить меня о прибытіи ихъ. Я явилась и съ наслажденіемъ любовалась группой прекраснѣйшихъ малютокъ.

Въ Лондонѣ я не долго прожила; но объѣхала нѣкоторыя части Англіи, бросивъ взглядъ на Бристоль, Басъ и другіе многолюдные города. Возвращаясь черезъ Лондонъ на континентъ, я простилась съ королевской семьей и въ Маргатѣ сѣла на корабль, чтобы плыть въ Остенде.

Отсюда мы отправились въ Брюссель; оставивъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нашихъ слугъ и облегчивъ себя отъ лишнихъ вещей, мы проѣхали черезъ Антверпенъ въ Голландію, посѣтивъ Роттердамъ, Дельфтъ, Гагу, Лейденъ, Гарлемъ, Утрехтъ и учрежденія братьевъ гернгутеровъ.

Послѣ этой прогулки, возвратившись въ Гагу, я опять увидѣлась съ принцессой Оранской, которую я давно любила и уважала. Я сначала извинилась въ томъ, что не могла предупредить ея посѣщенія, выраженнаго мнѣ черезъ посла; потому что со мной не было ничего, кромѣ дорожнаго платья; но придворная дама Дункельманъ была прислана просить меня явиться такъ, какъ я одѣта, безъ всякой церемоніи. Вслѣдствіе этого позволенія, я охотно поѣхала ужинать къ принцессѣ, взявъ съ собой дѣтей; за ужиномъ служила только одна лэди. Въ похвалу ея, между прочимъ, достаточно сказать, что она пользовалась полной довѣренностью прусской королевы, поручившей ей воспитаніе своей дочери, и уваженіемъ Фридриха II, который постоянно переписывался съ ней.

Принцъ Оранскій участвовалъ въ нашемъ обществѣ и, несмотря на обыкновенную свою сонливость, провелъ съ нами цѣлый вечеръ. Онъ сидѣлъ около меня, замѣтивъ очень любезно, что я произвела въ немъ необыкновенную перемѣну; мнѣ оставалось только пожалѣть, что я вызвала его на такое самопожертвованіе.

Пока я была въ Гагѣ, каждый вечеръ ужинала съ королевой и отсюда возратилась въ Брюссель. Здѣсь я встрѣтила князя Орлова, съ женой, готовыхъ отправиться въ Швейцарію, гдѣ они искали совѣта доктора Трессо относительно болѣзни княгини Орловой. Я сдѣлаю маленькое отступленіе по случаю этой встрѣчи.

Проѣзжая Голландіей, я провела два дня въ Лейденѣ, чтобъ видѣться съ нѣкоторыми изъ старыхъ знакомыхъ. Первый мой визитъ былъ семейству Гобіюса, знаменитаго медика, уважаемаго мной. Позвонивъ, я вызвала слугу, который сказалъ, что господина нѣтъ дома. „Это невозможно, — замѣтила я, — я знаю, что онъ сегодня не выходилъ изъ дому; увѣренная, что мое посѣщеніе не обезпокоитъ его, прошу доложить, что княгиня Дашкова пріѣхала напомнить ему о себѣ".

Докторъ, услышавъ изъ сосѣдней комнаты мой голосъ, вышелъ, растворивъ передъ собой дверь, черезъ которую я увидѣла въ его кабинетѣ Орловыхъ, вѣроятно, пріѣхавшихъ посовѣтоваться съ нимъ. Удивленіе мое было необычайное, потому что я не слыхала о ихъ путешествіи; другими словами говоря, я не знала, что князь получилъ свою любовную отставку. И это понятно, переписка моя съ Россіей была очень небольшая, и я рѣдко входила въ подробности настоящаго порядка вещей. Относительно счастливаго правленія Екатерины я нисколько не сомнѣвалась; поэтому, разлучаясь съ своими родными и друзьями, я просила ихъ писать мнѣ только о ихъ личномъ благополучіи.

Гобіюсъ радъ былъ видѣть меня; но, не желая нарушать его за-

нятій, я поспѣшила уйти отъ него и прежде, чѣмъ возвратилась къ себѣ, прогулялась по городу.

Едва мы усѣлись за обѣдъ, какъ явился князь Орловъ. Физіономія ли моя, къ несчастью, очень вѣрно передававшая всякое движеніе души, облегчила неудовольствіе при этомъ импровизированномъ и вовсе неутѣшительномъ визитѣ, или онъ, по обыкновенію, былъ подъ вліяніемъ своей необузданной заносчивости; но разговоръ и манеры его удивили всѣхъ насъ.

„Я пришелъ,—были первыя его слова,—не какъ врагъ, но какъ другъ и союзникъ".

Всѣ молчали; Орловъ, посмотрѣвъ внимательно на моего сына, потомъ обратившись ко мнѣ, можетъ быть съ нѣкоторымъ чувствомъ раскаянія за его прошлое поведеніе, сказалъ: „Я вижу по мундиру, что вашъ сынъ записанъ въ кирасирскій полкъ; я же командиръ конной гвардіи (и замѣчу, что путешествую единственно ради здоровья своей жены); если вамъ угодно, я напишу императрицѣ, чтобъ она перевела молодаго Дашкова въ мой полкъ: онъ дастъ ему, какъ вы знаете, двѣ лишнихъ ступени по службѣ".

Я поблагодарила его и, вставъ изъ-за стола и извинившись передъ обществомъ, попросила его войти со мной въ особенную комнату, гдѣ очень рада была поговорить съ нимъ объ этомъ; но напередъ рѣшилась отвергнуть его предложеніе со всей возможной деликатностью, чего, вѣроятно, онъ вовсе не понялъ.

Поблагодаривъ его за доброе желаніе моему сыну, я сказала, что о производствѣ его уже написано военному министру, князю Потемкину; до полученія отъ него отвѣта, я не смѣю измѣнить своихъ первоначальныхъ распоряженій, потому что эта поспѣшность можетъ вызвать неудовольствіе со стороны государыни и оскорбить князя Потемкина.

— Что же въ этомъ за оскорбленіе ему?—возразилъ Орловъ, очевидно немного уязвленный.

Я очень хорошо понимала, въ какихъ отношеніяхъ должны находиться эти люди; и потому повторивъ, что мнѣ необходимо получить отвѣтъ отъ военнаго министра, прекратила безполезный разговоръ, спросивъ его, куда я должна адресовать ему письмо, когда увѣдомятъ меня изъ Петербурга; съ тѣмъ вмѣстѣ, я обѣщала воспользоваться его любезнымъ предложеніемъ, при первомъ возможномъ случаѣ, который, вѣроятно, не замедлитъ представиться.

— Вы можете разсчитывать на меня,—сказалъ Орловъ; такого прекраснаго молодаго человѣка, какъ Дашковъ, трудно найти.

Это замѣчаніе о красотѣ моего сына привело меня въ негодованіе и послѣ заставило не даромъ безпокоиться.

Дѣло въ томъ, что въ Брюсселѣ я опять встрѣтила Орловыхъ, съ которыми находились Мелиссино, дѣвица Протасова, одна изъ фрейлинъ и Каменская. Они всей семьей немедленно явились ко мнѣ; признаюсь, кромѣ старика Мелиссино, очень образованнаго и любезнаго, котораго я нѣкогда каждодневно видѣла у себя, мнѣ непріятно было принимать остальныхъ.

Впрочемъ, вѣжливость требовала нѣкотораго вниманія къ гостямъ; Орловъ, бросивъ взглядъ на моего сына, поразилъ меня самымъ нелѣпымъ восклицаніемъ: „какъ жалко, Дашковъ, что меня не будетъ въ Петербургѣ, когда вы явитесь туда; я увѣренъ, что при первомъ вашемъ появленіи ко двору, вы заступите мѣсто настоящаго любовника, и я съ удовольствіемъ помогъ бы вамъ; тогда, нѣтъ сомнѣнія, вы утѣшили бы насъ, отставныхъ“.

Не давъ времени собраться съ духомъ моему сыну, и крайне раздраженная этой неприличной выходкой, я отослала его въ другую комнату, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему необходито написать доктору Бюртэню и попросить назначить слѣдующее утро для посѣщенія окружныхъ холмовъ, замѣчательныхъ по своимъ геологическимъ остаткамъ. Когда онъ ушелъ, я рѣзко замѣтила князю Орлову, что онъ не долженъ говорить о подобныхъ вещахъ семнадцатилѣтнему юношѣ и оскорблять достоинство императрицы. Что же касается до любовниковъ ея, о которыхъ я всего меньше думала, попросила его не упоминать о нихъ ни въ моемъ, ни тѣмъ болѣе въ присутствіи моего сына, воспитаннаго мной въ правилахъ совершеннаго уваженія къ государынѣ, какъ къ его крестной матери и императрицѣ; больше этого онъ ничего не долженъ знать. Отвѣтъ Орлова, разумѣется, былъ грубый, и потому не стоитъ здѣсь повторять его.

Къ счастью отставленный фаворитъ скоро покинулъ Брюссель, гдѣ я пробыла еще двѣ недѣли, для нѣкоторыхъ сдѣлокъ съ моимъ банкиромъ. Мы провели это время, большею частью, въ ботаническихъ занятіяхъ на сосѣднихъ горахъ, съ моимъ пріятелемъ Бюртэнемъ, гдѣ встрѣтились намъ многія растенія, неизвѣстныя въ Россіи.

Изъ Брюсселя, черезъ Лиль, я поѣхала въ Парижъ, расположившись въ отелѣ „de la Chine“. Я рада была слышать, что Орловы уже отправились въ Швейцарію, со всей своей свитой, за исключеніемъ Мелиссино и его жены; они остались позади.

Съ удовольствіемъ я увидѣлась съ Дидро, который принялъ меня съ прежнимъ радушіемъ. Я также возобновила знакомство съ Малезербъ и его сестрой мадамъ Неккеръ и со многими другими изъ моихъ старыхъ друзей.

Между иностранцами было много въ Парижѣ русскихъ семействъ, знакомыхъ мнѣ; между прочимъ графъ Салтыковъ съ женой, впослѣд-

ствіи фельдмаршалъ и московскій генералъ-губернаторъ; Самойловъ, племянникъ князя Потемкина, и графъ Андрей Шуваловъ. Послѣдній жилъ два года въ Парижѣ, и еслибъ онъ оставался здѣсь не долго, вѣроятно его уважали бы больше, потому что менѣе узнали бы настоящій его характеръ.

Такъ какъ мнѣ привелось познакомиться съ этимъ человѣкомъ, вовсе не на дружеской ногѣ, то я не считаю лишнимъ представить очеркъ его. Онъ былъ неоспоримо умный человѣкъ, живой и удивительно плодовитый стихотворецъ. Онъ былъ довольно порядочно образованъ, особенно хорошо зналъ французскую литературу, отлично французскій языкъ и могъ по пальцамъ пересчитать всѣхъ французскихъ поэтовъ, но ему недоставало здраваго смысла и быстроты соображенія. Полный самолюбія и гордости, онъ былъ надмененъ и грубъ съ низшими и, по закону обратнаго дѣйствія, раболѣпенъ передъ высшими, готовый боготворить всякаго временнаго идола. Наконецъ, тщеславіе до того вскружило ему голову, что онъ умеръ безъ теплой слезы даже въ кругу своего семейства.

XV.

Мое время въ Парижѣ было потрачено хуже, чѣмъ я думала, въ взаимныхъ визитахъ, большею частью церемонныхъ, слѣдовательно, невыносимо-скучныхъ, тѣмъ болѣе, что я дорожила каждымъ днемъ, не думая долго оставаться на берегахъ Сены.

Меня много разъ приглашали явиться въ Версаль; но я отказывалась, говоря, что придворная сфера вовсе не моя, гдѣ я всегда считала себя простой Нинетой. Между тѣмъ мнѣ сказали, что королева желаетъ видѣть меня. Я, впрочемъ, извинилась, не желая дожидаться въ гардеробной, на основаніи этикета, по которому французскія пeрессы становились впереди иностранныхъ посѣтительницъ; какъ статсъ-дама русской императрицы, я не хотѣла унижать чести своего двора и моего очень виднаго положенія при немъ, явившись въ Версаль на заднемъ планѣ.

Однажды утромъ, во время завтрака съ Рейналемъ, котораго я часто посѣщала, мадамъ Сабранъ извѣстила меня, что королева желаетъ видѣться со мной въ Версалѣ, у мадамъ Полиньякъ; сюда мнѣ предложили придти, въ извѣстное время и, безъ всякой церемоніи, на свободѣ побесѣдовать съ королевой.

Въ назначенный день, я отправилась съ сыномъ и дочерью, и нашла королеву уже здѣсь. Она съ милой предупредительностью вы-

шла къ намъ навстрѣчу и, посадивъ меня около себя на софѣ, а дѣтей неподалеку за круглымъ столикомъ, такъ ласково обошлась съ нами, что мы совершенно были очарованы и вели себя, какъ дома. Между прочимъ она похвалила моего сына и дочь за ихъ ловкость въ танцахъ: я слышала, сказала она, что они превосходно танцуютъ. Что же до меня, прибавила королева, я очень жалѣю, что скоро принуждена проститься съ этимъ любимымъ развлеченіемъ.

— Но почему же, мадамъ, вы считаете это необходимымъ? возразила я.

— Да потому, что у насъ не принято танцовать женщинѣ послѣ двадцати пяти лѣтъ.

Забывъ совершенно, что королева чрезвычайно любила игру, я съ истинной небрежностью придворной Нинеты сказала: „я не понимаю смысла такого принужденія; пока есть охота и пока служатъ ноги, къ чему отказывать себѣ въ удовольствіи, которое гораздо естественнѣе, чѣмъ любовь къ игрѣ".

Королева вполнѣ согласилась съ моимъ мнѣніемъ, и мы продолжали разговаривать о разныхъ разностяхъ; мое неловкое замѣчаніе, кажется, прошло безъ всякаго впечатлѣнія на государыню.

Не то было въ высшемъ парижскомъ обществѣ; на другой день не было ни одного кружка, гдѣ бы не толковали о моемъ промахѣ; тѣмъ больше я досадовала на свою ошибку, которая, впрочемъ, пріобрѣла мнѣ популярность во всѣхъ столичныхъ котеріяхъ, что въ ней искали упрека противъ самой королевы.

Мы возвратились домой въ одной изъ придворныхъ каретъ; послѣ, гдѣ бы я ни встрѣтилась съ мадамъ Полиньякъ или Сабранъ, всегда встрѣчала отъ нихъ вѣжливое привѣтствіе со стороны королевы, которая доставила моему сыну случай видѣть Сэнъ-Сирское заведеніе, закрытое для большинства посѣтителей.

Дидро, несмотря на упадокъ своего здоровья, каждый день бывалъ у меня. Утреннее время мы проводили въ обзорѣ произведеній лучшихъ артистовъ, исключая только тѣхъ дней, когда сынъ занимался математикой съ ученикомъ д'Аламбера, или танцовалъ съ Гарделемъ; вечера, въ которые я оставалась дома, проводила въ кругу нашихъ знакомыхъ.

Гудонъ, скульпторъ, отнялъ у меня не малую долю времени, дѣлая съ меня, по желанію моей дочери, бронзовый бюстъ во весь ростъ. Когда онъ былъ оконченъ, я замѣтила артисту, что онъ слишкомъ польстилъ оригиналу: вмѣсто простой Нинеты, онъ обратилъ меня въ пышную французскую герцогиню, съ голой шеей и прилизанной прической.

Въ домѣ мадамъ Неккеръ я познакомилась съ отёнскимъ еписко

номъ, также съ Гильберомъ, прославленнымъ авторомъ одного трактата о тактикѣ; здѣсь же я встрѣтилась съ Рюльеромъ, котораго знала еще въ Россіи въ эпоху переворота. Замѣтивъ его замѣшательство, вѣроятно, вслѣдствіе того, что я прежде его не хотѣла принять у себя, я обратилась къ нему, какъ старому знакомому, котораго была рада видѣть: „хотя, сказала я, мадамъ Михалкова была никому недоступна, но Дашкова самаго выгоднаго мнѣнія о васъ и съ гордостью позволяетъ себѣ думать, что ея друзья 1762 года навсегда останутся друзьями; и потому она будетъ рада видѣть васъ, съ однимъ условіемъ, однакожъ, что она должна отказать себѣ въ удовольствіи читать вашу книгу, какъ бы она ни была интересна".

Рюльеръ, повидимому, былъ доволенъ моимъ приглашеніемъ и часто навѣщалъ меня. Меня увѣрили Малезербъ, Неккеръ и многіе другіе, кто читалъ эту книгу, и даже самъ Дидро, котораго искренности я больше всего довѣряла, что въ этомъ сочиненіи мое имя было представлено въ самомъ свѣтломъ видѣ. Напротивъ, императрица являлась, какъ мнѣ разсказывали изъ нѣкоторыхъ страницъ, далеко не привлекательнымъ образомъ.

Легко понять мое удивленіе, когда черезъ двадцать лѣтъ послѣ, въ періодъ французской революціи, въ эту эпоху озлобленія, борьбы партій и цинизма, когда люди говорили, писали и дѣлали подъ вліяніемъ бурныхъ страстей, легко понять мое удивленіе, говорю я, когда эта книга вышла въ свѣтъ подъ именемъ „Мемуары о революціи 1762 года" Рюльера, и я увидѣла себя въ ней наложницей графа Панина и предметомъ другихъ безсмысленныхъ и противорѣчивыхъ клеветъ. Нѣкоторые общеизвѣстные факты такъ были извращены, что трудно было вѣрить, чтобъ эта книга была собственнымъ произведеніемъ Рюльера. Кто же, напримѣръ, при всемъ невѣжествѣ въ нашемъ правленіи, могъ утверждать, что во время бракосочетанія императрицы было договорено, въ случаѣ смерти государя, верховную власть передать въ руки его жены. Положительно невозможно, чтобы Рюльеръ, человѣкъ умный, долго служившій на дипломатическомъ поприщѣ, имѣвшій подъ рукой самые достовѣрные источники, хорошо знавшій мой нравственный характеръ и любовь къ мужу, былъ способенъ такъ плоско нападать на мою репутацію и вообще написать подобное произведеніе.

Какъ ради своей чести, такъ ради чести Рюльера, я утѣшала себя мыслью, что это была поддѣлка; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые эпизоды были вставлены недобросовѣстнымъ издателемъ; и въ этомъ я такъ глубоко была убѣждена, что никогда не думала обвинять Рюльера въ этой грязной клеветѣ, которую ни онъ и никто изъ моихъ знакомыхъ не могъ принять за истину.

Однажды я услышала отъ Дидро, что Фальконетъ и его воспитанница Кольо были въ Парижѣ; знакомая съ этими замѣчальными артистами по Петербургу, гдѣ они работали надъ памятникомъ Петра I, я попросила ихъ къ себѣ въ слѣдующій вечеръ. Они оба пришли, и во время разговора я узнала отъ Кольо, что она недавно выдержала изъ-за меня жаркій диспутъ съ гувернанткой дѣтей графа Шувалова.

Любопытно было знать, какимъ образомъ я сдѣлалась предметомъ спора между ними—и потому просила объяснить мнѣ дѣло.

— Мой соперникъ, сказала Кольо, который былъ, безъ сомнѣнья отголоскомъ самого графа,—увѣрялъ меня, что вы питаете честолюбивую надежду приготовить изъ своего сына любовника императрицы, и что все воспитаніе его вы направляли къ этой цѣли.

Чтобы нанести мнѣ послѣдній ударъ, оставалось только пустить эту молву въ люди.

Кольо, коротко знавшій меня и то уваженіе, которымъ я пользовалась въ Россіи въ нравственномъ отношеніи, съ негодованіемъ опровергала эту ложь. Что касается любовниковъ, я думаю, что ей, какъ и всему Петербургу, было извѣстно мое явное презрѣніе къ этимъ паразитамъ; сама Екатерина, когда я находилась съ ней наединѣ въ присутствіи ея друга, съ такимъ уваженіемъ смотрѣла на меня, что принуждена была сдерживать себя, обращаясь съ своимъ любовникомъ не иначе, какъ обыкновенно съ придворнымъ лицомъ.

За всѣмъ тѣмъ, эта клевета обезпокоила меня въ томъ отношеніи, что она основана была на разсчетѣ возбудить ревность настоящаго фаворита и тѣмъ остановить служебную карьеру моего сына; тѣмъ тягостнѣе было, что онъ могъ пострадать изъ-за меня, хотя я на самомъ дѣлѣ нисколько не была въ томъ виновата; все это крайне удивило Кольо, пока я не объяснила ей моего безпокойства и не указала источника его въ злобѣ графа Шувалова. Мои сомнѣнія еще больше подтвердились тѣмъ, что князь Потемкинъ не отвѣчалъ на мое письмо, чего онъ, по моему мнѣнію, не осмѣлился бы сдѣлать, развѣ только подъ вліяніемъ отношенія императрицы ко мнѣ и моимъ близкимъ.

Какъ только Кольо ушла, я послала за Мелиссино, чтобъ немедленно его видѣть. Онъ тотчасъ явился и, когда выслушалъ о моемъ горѣ, старался утѣшить меня. „Вы ошибаетесь, сказалъ онъ, придавая такъ много значенія этой нелѣпой сплетнѣ; я понимаю ея начало и отъ всей души отвергаю, будучи свидѣтелемъ самаго лучшаго опроверженія въ вашемъ жесткомъ отвѣтѣ князю Орлову въ Брюсселѣ. Но еслибъ вы хотѣли сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе, вы можете передать его общему нашему другу Самойлову; онъ возвращается въ Петербургъ. Я слышалъ, что Орловъ держалъ съ нимъ пари за обѣ-

домъ у Шувалова, что Дашковъ непремѣнно будетъ любовникомъ Екатерины. Самойловъ видѣлся со мной сегодня и намѣревался навѣстить васъ завтра; если позволите, я самъ приду къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ, и какъ свидѣтель многихъ скандальныхъ исторій Орлова и вашего выговора, даннаго ему въ Брюсселѣ, могу вполнѣ подтвердить ложь, совершенно недостойную вашихъ тревогъ".

На другой день пришелъ Самойловъ; я завела рѣчь объ этомъ предметѣ, замѣтивъ, что подобный слухъ можетъ во многомъ повредить будущему положенію моего сына. Самойловъ увѣрилъ меня, что князь Орловъ и графъ Шуваловъ (послѣдняго, какъ поэта можно въ этомъ случаѣ простить) всегда находятъ особенное наслажденіе изобрѣтать самыя нелѣпыя вещи. „И если они, прибавилъ онъ, употребляютъ подобныя развлеченія для себя, то совершенно не думаютъ о послѣдствіяхъ ихъ для другихъ".

— Но какимъ же образомъ, замѣтила я, убѣдить публику, что эта выдумка Орлова такъ скоро овладѣла довѣріемъ Шувалова и возбудила его опасное краснорѣчіе? Или, какимъ образомъ прекратить эти слухи, безъ объясненія о предметѣ, совершенно недостойномъ вниманія императрицы, и я могла бы прибавить, не менѣе достойномъ, за исключеніемъ одного случая, и моего собственнаго замѣчанія.

— Повѣрьте мнѣ, сказалъ Самойловъ, государыня знаетъ васъ слишкомъ хорошо, чтобы не согласиться съ этой клеветой. Во всякомъ случаѣ я буду въ Петербургѣ прежде васъ и, если вамъ это угодно, могу передать своему родственнику, князю Потемкину, все, что я теперь слышалъ отъ васъ, въ видѣ предварительныхъ мѣръ противъ замысла Орлова. Это будетъ, заключилъ онъ, съ моей стороны, простымъ долгомъ уваженія къ вашему характеру.

Я искренно поблагодарила его за доброе расположеніе ко мнѣ и душевно приняла предложеніе его. Въ то время я не могла не замѣтить непонятной небрежности со стороны его дяди, оставившаго меня безъ отвѣта на мое письмо; князь Потемкинъ, конечно, знаетъ, что я не привыкла къ подобному невѣжеству даже со стороны коронованныхъ головъ.

Самойловъ во всѣхъ отношеніяхъ защищалъ своего дядю, увѣряя, что онъ неспособенъ на такую невѣжливость и что, вѣроятно, эта остановка зависѣла отъ неисправности почты.

Рвеніе, съ которымъ этотъ молодой человѣкъ взялся оправдать меня, заставило меня показать ему мое маленькое вліяніе, и я была очень рада воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ. Мой сынъ получилъ отъ двора особенное позволеніе осмотрѣть нѣкоторыя модели плановъ и укрѣпленій, что̀ хотѣлось, какъ я знала, видѣть и Самойлову. Поэтому я пригласила его быть съ нами въ

оперѣ. На все это онъ согласился и, казалось, былъ совершенно доволенъ.

Я коротко познакомилась съ маршаломъ Бирономъ, который далъ мнѣ позволеніе брать его ложу въ оперѣ и во французскомъ театрѣ. Этотъ благородный старикъ, бывшій левъ французскаго двора и самый пріятный собесѣдникъ, такъ влюбился въ мою дочь, что она могла говорить ему и заставлять его дѣлать все, что ей было угодно. Однажды я увидѣла, что онъ, по ея капризу, прыгалъ по комнатѣ, весело попѣвая извѣстную пѣсню:

„Quand Byron voulut danser,
Quand Byron voulut danser, etc.“.

Въ началѣ марта мы покинули Парижъ и черезъ города Верденъ, Мецъ, Нанси и Безансонъ отправились въ Швейцарію; по дорогѣ мы заѣзжали въ укрѣпленныя мѣста, съ той цѣлью, чтобъ мой сынъ могъ нѣсколько познакомиться съ военной фортификаціей, имѣя позволеніе отъ двора осматривать и изслѣдовать всѣ общественные предметы.

Въ Люневилѣ мы видѣли смотръ жандармовъ, который былъ назначенъ для нашего удовольствія.

Изъ Нефшателя провожалъ насъ Остервальдъ, знаменитый споромъ съ Фридрихомъ Великимъ за народныя права. Этотъ почтенный старикъ, любимый въ обществѣ за его умъ и добродѣтели, прославленный мужествомъ своего характера, показалъ намъ любопытные предметы въ окрестностяхъ. Онъ водилъ насъ въ деревню Локль, къ „Горячему Ключу“, и на вершины горъ, господствующихъ надъ окружающей сценой; его умный и пріятный разговоръ еще больше содѣйствовалъ нашему удовольствію. Я купила въ его типографіи нѣсколько книгъ, его собственныхъ сочиненій, въ которыхъ участвовала его дочь; эти книги были отправлены въ Амстердамъ къ моему банкиру.

Я встрѣтила многихъ изъ моихъ прежнихъ знакомыхъ въ Бернѣ и Женевѣ. Въ послѣднемъ городѣ я видѣлась съ Крамерами и старымъ другомъ Губеромъ, о которомъ я уже говорила. Онъ подарилъ мнѣ портретъ Вольтера, имъ самимъ нарисованный, и затѣмъ мы не безъ взаимнаго сожалѣнія разстались.

Между прочимъ, Женева и Лозанна напомнили мнѣ о моемъ другѣ Гамильтонъ и ея очаровательномъ обществѣ, которымъ я имѣла счастье пользоваться въ первое мое путешествіе.

Черезъ Савойю, между отраслями Монъ-Блана, мы проѣхали въ Туринъ и были хорошо приняты при дворѣ сардинскаго короля и королевы. За отсутствіемъ русскаго посланника въ это время, насъ

представилъ англійскій министръ, сынъ лорда Бьюта и племянникъ М'Кензи, я познакомилась съ нимъ еще въ Лондонѣ; по приказанію короля намъ показали въ Туринѣ все, что обыкновенно интересуетъ путешественниковъ.

Во время нашего пребыванія здѣсь одинъ молодой ливонскій дворянинъ, студентъ королевской военной академіи, былъ обвиненъ за какія-то шалости и дурное поведеніе; его хотѣли выгнать изъ заведенія и отослать домой. Я вступилась за него и выхлопотала ему прощеніе. Потомъ, призвавъ его къ себѣ, очень строго пожурила и отдала подъ покровительство британскаго уполномоченнаго Стюарта, впредь до распоряженій очень уважаемаго отца его въ Россіи, которому я погрозила написать.

Сардинскій монархъ особенно гордился своимъ Александрійскимъ укрѣпленіемъ и всего больше цитаделью, которую никто изъ иностранцевъ не могъ посѣтить безъ особеннаго позволенія короля. Онъ далъ это позволеніе моему сыну, который, проѣздомъ черезъ Александрію, могъ осмотрѣть все укрѣпленіе, безъ всякаго ограниченія.

Изъ Турина нашъ путь лежалъ черезъ Нови въ Геную, гдѣ мы провели нѣсколько дней и взглянули на все достойное въ окрестностяхъ Милана. Графъ Фирміанъ, императорскій министръ, управлялъ этимъ герцогствомъ; я нашла въ немъ человѣка честнаго, образованнаго и горячо любимаго народомъ. Наше знакомство съ нимъ было неоцѣненно, потому что безъ его совѣта и помощи мы не могли бы, по крайней мѣрѣ, безъ затрудненія осмотрѣть плѣнительныя озера Маджоре и Лугано и Барромейскіе острова. Онъ провезъ насъ самымъ удобнымъ путемъ; на дорогѣ нельзя было найти почтовыхъ лошадей, онъ доставилъ намъ вольнонаемныхъ. Такимъ образомъ, безъ особеннаго лишенія и неудобства, мы совершили самую интересную поѣздку, очарованные великолѣпіемъ природы и воспоминаніемъ объ этомъ истинномъ земномъ раѣ.

Громадное недостроенное зданіе, воздвигнутое на этой счастливой землѣ однимъ изъ членовъ Барромейской фамиліи, было слишкомъ обширнымъ для загородной резиденціи даже короля. Планъ его только могъ явиться въ фантастической головѣ папскаго племянника; потому что въ это время папа былъ всемогущъ, и его доходы равнялись необыкновенной его роскоши.

Въ два дня мы проѣхали Парму, Піаченцу, Модену и на болѣе долгое время расположились во Флоренціи, гдѣ картинная галлерея, церкви, библіотеки и кабинетъ естественной исторіи великаго герцога удержали насъ болѣе недѣли.

Его высочество приказалъ подарить мнѣ нѣсколько экземпляровъ не только мѣстныхъ окаменѣлостей, имѣя у себя дублеты ихъ, но и

другихъ частей свѣта, собранныхъ Козьмой Медичисомъ, коего геній озарилъ Италію на зарѣ возрожденія наукъ.

Изъ Флоренціи мы отправились въ Пизу. Коммиссаръ этого мѣстечка далъ мнѣ обѣдъ и проводилъ насъ на площадь дома Розальмина, гдѣ мы увидѣли старинную игру „Il Juoco del Ponte", которая была приготовлена нарочно для насъ. Двѣ партіи, названныя по именамъ приходовъ ихъ „Santa Maria" и „Santo Antonio", вступили въ бой на огромномъ мосту, одѣтыя въ каски и латы, съ длиннымъ развѣвающимся платьемъ сверхъ вооруженія. Единственнымъ ихъ оружіемъ, какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ, были плоскія дубинки, каждая съ двумя рукоятями.

Пизанцы до страсти любятъ эту игру, и высшее сословіе часто принимаетъ въ ней участіе. Прежде она давалась каждое пятилѣтіе, но теперь выходитъ изъ употребленія, потому что великій герцогъ прямо не запретилъ ее, но остановилъ, назначивъ съ каждой стороны по сорока восьми депутатовъ, отвѣтственныхъ за послѣдствія ея, какія только могутъ случиться; эти депутаты обязаны вознаградить за всѣ поврежденія, обезпечивъ семейства пострадавшихъ, кто бы ни участвовалъ въ битвѣ: пизанцы, флорентинцы или лигурійцы.

Эта игра, конечно, часто приводила къ спорамъ и даже оканчивалась дуэлями. Не только туземные сеньоры, но и жены ихъ вмѣшивались въ состязаніе и въ этотъ вечеръ носили цвѣта враждующихъ партій. Поэтому матери и дочери ссорились между собой, если игра ставила ихъ подъ различныя знамена.

Изъ Пизы мы отправились въ ея курорты, гдѣ провели самую жаркую пору и время свирѣпствующаго повѣтрія (maleria), столь гибельнаго для путешественниковъ. Я наняла лучшій домъ и, получивъ позволеніе брать книги изъ герцогской библіотеки и изъ монастырскихъ архивовъ, назначила постоянныя чтенія, систематически распредѣленныя. Въ восемь часовъ утра, послѣ легкаго завтрака, мой сынъ, дочь и я сама садились въ сѣверной комнатѣ и попеременно читали. Около одиннадцати, когда наступалъ невыносимый жаръ, мы закрывали окна и продолжали заниматься при свѣчахъ. Когда же солнце переходило за полдень, мы открывали окна и по вечерамъ гуляли на берегахъ канала. Здѣсь мы дышали свѣжимъ воздухомъ, но прогулка наша была отравляема вонью; я приказала на собственный счетъ вычистить каналъ, посыпать дорожки пескомъ и разставить скамейки вдоль берега, на извѣстныхъ разстояніяхъ.

Погода стояла чрезвычайно жаркая; хотя ночь и защищала насъ отъ палящаго солнца, за всѣмъ тѣмъ, какъ будто злой духъ леталъ надъ Пизой и вытягивалъ съ помощью пневматической машины весь воздухъ, которымъ должны были дышать пизанцы.

Но, несмотря на эти неудобства, я провела девять недѣль въ пизанскихъ купальняхъ съ величайшимъ наслажденіемъ; потому что, говоря безъ похвальбы, мой сынъ съ помощью нашихъ чтеній и его ревностнаго прилежанія, пріобрѣлъ въ это время больше познаній, чѣмъ люди его состоянія пріобрѣтаютъ въ цѣлый годъ.

Іюня 28-го, стараго стиля, въ день восшествія на престолъ императрицы, я дала балъ въ общественномъ залѣ; на немъ присутствовали жители Пизы, Лукки и Лигурна. Посѣтителей этого праздника было не менѣе четырехсотъ шестидесяти человѣкъ; пиръ былъ прекрасный и стоилъ очень недорого. За исключеніемъ этого вечера и поѣздки, предпринятой съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на гондольеровъ въ Арно, наше время прошло здѣсь вообще очень скромно.

Изъ Пизы, черезъ Лукку, мы посѣтили Лигурнъ, гдѣ остались на нѣкоторое время.

Одинъ предметъ особенно занялъ мое вниманіе—это карантинный госпиталь, устроенный великимъ герцогомъ Леопольдомъ. Меня восхитила идея такого благодѣтельнаго учрежденія и, въ особенности, порядокъ и гармонія во всѣхъ частяхъ его. Начальникъ этого заведенія, по приказанію герцога, показалъ намъ все и, повидимому, былъ удивленъ нашей смѣлостью, при посѣщеніи заведенія, которое въ настоящее время считалось заразительнымъ. Меня, впрочемъ, не удержало это опасеніе, потому что постояннымъ моимъ правиломъ было не поддаваться чувству страха, на пути полезныхъ изысканій, тѣмъ больше въ этомъ случаѣ, которымъ я воспользовалась, чтобы укрѣпить подобное мужество въ моихъ дѣтяхъ. Такія ничтожныя препятствія постоянно встрѣчаются путешественнику; глупость и лѣность могутъ преувеличивать ихъ и, такимъ образомъ, губить и время и благопріятныя обстоятельства.

При этомъ посѣщеніи, однакожъ, я взяла нѣкоторыя необходимыя предосторожности; проходя по комнатѣ, мы спрыскивали свои платья и носовые платки уксусомъ и вдыхали камфорные духи. Достойный начальникъ, провожавшій насъ, можетъ быть, не совсѣмъ охотно, показалъ всѣ части зданія и такъ какъ ему велѣно было отвѣчать на всѣ наши вопросы, то казалось, отъ него потребовали отчетъ въ нашихъ наблюденіяхъ.

Я съ энтузіазмомъ удивлялась этому заведенію; зная о безграничныхъ завоеваніяхъ Екатерины, поставившихъ насъ въ соприкосновеніе съ южными народами, и, слѣдовательно, съ эпидемическими болѣзнями, я съ удовольствіемъ представила императрицѣ подробный отчетъ объ администраціи лигурнскаго карантина. Я сдѣлала не столько это изъ убѣжденія осуществить свою мысль, сколько изъ желанія польстить нашему проводнику.

Въ нѣсколько дней планъ и всѣ его подробности были принесены ко мнѣ начальникомъ, который представилъ ихъ отъ имени великаго герцога. Я поручила ему покорно благодарить государя за такое полезное свѣдѣніе и обѣщала, при первомъ удобномъ случаѣ, сообщить его императрицѣ.

Дѣйствительно, я отослала этотъ планъ съ Львовымъ, который возвращался изъ своего путешествія въ Петербургъ. Въ то же время я написала Екатеринѣ, попросивъ ее убѣдительно о результатѣ моего письма, оставленнаго безъ отвѣта военнымъ министромъ ея, княземъ Потемкинымъ, котораго я просила о томъ же предметѣ, за восемь мѣсяцевъ раньше. Это странное молчаніе ея министра, прибавила я, нисколько не оскорбляетъ моего самолюбія, оно выше униженія, но возбуждаетъ во мнѣ грустныя сомнѣнія относительно благоволенія самой государыни. Въ этомъ случаѣ я умоляла ее успокоить меня; и если она не лишаетъ меня своего участія въ моихъ дѣлахъ, то я прошу ее предоставить моему сыну выгоды старшинства, на чтò онъ имѣетъ право послѣ окончанія своего воспитанія, которое можетъ дать ему не менѣе отличія въ отечествѣ, какъ и во всѣхъ частяхъ Европы. Въ заключеніи письма я смѣло и живо просила увѣдомить о результатѣ моихъ ожиданій.

XVI.

Черезъ Сіену мы отправились въ Римъ. Здѣсь первымъ моимъ знакомствомъ былъ кардиналъ Берни, человѣкъ умный, добрый и благовоспитанный. Я любила его общество, пользуясь имъ попеременно то въ моемъ, то въ его домѣ. Однажды я прочитала ему одно изъ поэтическихъ писемъ его, найденныхъ мной въ полномъ собраніи его сочиненій, но онъ, казалось, былъ недоволенъ тѣмъ.

Здѣсь же я познакомилась съ Байерсомъ, отлично образованнымъ англичаниномъ, страстнымъ поклонникомъ искусствъ, ради ихъ прожившимъ въ Римѣ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Благодаря его руководительству, я избавилась отъ назойливыхъ чичероне, столь необходимыхъ каждому иностранцу.

Въ соборѣ св. Петра я видѣла папу, Пія VI. Онъ говорилъ со мной очень ласково и съ удовольствіемъ слушалъ, когда я похвалила его за благородное предпріятіе, только-что исполненное—возобновить старую дорогу черезъ Понтинскія болота. Я сказала намѣстнику святаго Петра, что мнѣ не только желательно видѣть этотъ трудъ, но я надѣюсь первая проѣхать этимъ путемъ въ Неаполь.

— Будьте такъ добры, извѣстите меня о своемъ отъѣздѣ за нѣсколько дней впередъ, сказалъ онъ, я могу приготовить вамъ лошадей; потому что тамъ еще нѣтъ ни почты, ни другихъ необходимыхъ удобствъ.

Затѣмъ онъ началъ говорить о драгоцѣнныхъ памятникахъ искусства въ Римѣ, и говорилъ съ большимъ знаніемъ этого дѣла.

Идея основать въ Ватиканѣ музеумъ, кажется, вполнѣ принадлежитъ ему, и онъ уже собралъ много прекрасныхъ картинъ, статуй и вазъ.

Я немного потеряла времени въ Римѣ на свѣтскія церемоніи, но съ любовью занималась развитіемъ своего эстетическаго чувства. Въ восемь часовъ утра, а иногда и раньше, мы отправлялись осматривать замѣчательные предметы искусства и древности, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ его; я рѣдко возвращалась домой до трехъ или четырехъ часовъ; около этого времени мы обѣдали и потомъ принимали къ себѣ гостей артистовъ. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, было двое Гэккертовъ, которые часто приносили съ собой—одинъ гравировальные снаряды, другой—карандаши. Гамильтонъ постоянно являлся съ красками и, такимъ образомъ, мой домъ, въ эту минуту, обращался въ художественную студію, и разговоръ принималъ характеръ чисто артистическій. Я прислушивалась къ ихъ мнѣніямъ объ искусствѣ, которымъ мы занимались по утрамъ; при томъ мой сынъ бралъ уроки акварельной живописи.

Кромѣ того, мнѣ посчастливилось сблизиться съ мистрисъ Дэмеръ, знаменитой скульпторкой, умной и глубокообразованной лэди, которая подъ видомъ скромности скорѣе старалась скрыть, чѣмъ выставить на показъ свои познанія. Она путешествовала съ теткой, лэди Уильямъ Кэмпбель. Не одинъ разъ я посѣтила Тиволи и виллу Адріана; но что особенно привлекало мое вниманіе и удивленіе— это классическая архитектура св. Петра. Изъ всѣхъ классическихъ предметовъ она больше всего нравилась мнѣ; каждую досужную минуту я посвящала этому великому зданію, изучая различныя части прекрасныхъ пропорцій его.

Однажды я встрѣтила здѣсь молодаго русскаго живописца, получившаго первоначальное воспитаніе въ Петербургской академіи художествъ; я почла за удовольствіе отрекомендовать его нѣкоторымъ сеньорамъ, подъ покровительствомъ которыхъ онъ получилъ доступъ снимать копіи съ болѣе рѣдкихъ картинъ.

Однажды утромъ, возвращаясь съ обыкновенной своей прогулки, за часъ передъ обѣдомъ, мы встрѣтили Байерса; онъ предложилъ ѣхать въ виллу Фарнезе—посмотрѣть любопытные остатки древней скульптуры, сложенные въ погребахъ; несмотря на это обезобра-

женное состояніе, по увѣренію нашего проводника, они были въ высшей степени замѣчательны и болѣе интересны, чѣмъ самые оконченные образцы, видѣнные нами. Мы отправились. Расхаживая въ подвалахъ, я оступилась, какъ показалось мнѣ, о серпентинный обломокъ; обратившись къ Байерсу, я смѣясь замѣтила: „посмотрите, я ушибла себѣ ногу о камень, который этого не стоилъ“.

— Я очень жалѣю, сказалъ онъ, но вы ошибаетесь, принимая этотъ обломокъ за серпентину. Это тотъ славный минералъ, который былъ привезенъ Козьмѣ Медичи изъ Африки однимъ изъ ученыхъ людей, посланныхъ имъ для изслѣдованія подобныхъ предметовъ. Все, что вы видите здѣсь, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями дворца, по наслѣдству Фарнезе, перейдетъ въ руки неаполитанскаго короля; и такъ какъ здѣсь не знаютъ ему цѣны, то онъ, вѣроятно, будетъ купленъ за серпентинный антикъ, или за какую-нибудь другую маловажную вещь. Если вы хотите пріобрѣсть его въ свою собственность, то, между нами, я приготовилъ бы вамъ пару такихъ столовъ, какихъ нѣтъ ни въ одномъ королевскомъ дворцѣ всей Европы.

Мнѣ тотчасъ представилась мысль подарить ихъ императрицѣ, и я попросила Байерса купить драгоцѣнный минералъ. Два столика были немедленно сдѣланы, и я черезъ годъ отослала ихъ изъ Лигурна въ Петербургъ; но, несмотря на мою искреннюю и убѣдительную просьбу, Екатерина не хотѣла принять ихъ. Тогда я предложила ихъ великому князю Александру, и теперь они хранятся между сокровищами московскаго Кремля.

Съ удовольствіемъ я помогала Байерсу въ расположеніи богатаго его кабинета „рѣзныхъ камней“, который онъ не хотѣлъ дѣлить и продавать по частямъ. Екатерина вслѣдствіе моей рекомендаціи купила его весь.

Послѣ всесторонняго и тщательнаго осмотра Рима и его окрестностей, не забывъ даже взглянуть на породу лошадей, необыкновенно смѣшныхъ, и на театры, которые были отвратительно скучны, потому что женскія роли исполнялись мужчинами, мы по вновь открытой дорогѣ двинулись въ Неаполь.

Въ Террачинѣ мы остановились ради новаго порта, надъ болотами; къ нему примыкала прекрасно выведенная каменная стѣна, съ большими мѣдными кольцами, правильно укрѣпленными на ней, для причалки кораблей. Намѣреваясь послать императрицѣ планъ и размѣры этого порта, какъ предмета очень интереснаго, я поручила Байерсу составить чертежи, но по секрету, потому что самъ папа еще не имѣлъ этого плана у себя.

По прибытіи въ Неаполь, я совершенно была довольна домомъ, нанятымъ для меня; онъ прекрасно былъ расположенъ на набереж-

ной, съ грандіознымъ видомъ на Капри и Везувій. Здѣсь я встрѣтилась съ нѣкоторыми изъ старыхъ друзей—съ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ, графомъ Андреемъ Разумовскимъ, съ мистрисъ Дэмеръ, ея теткой и почтеннымъ маститымъ кавалеромъ Сакрамотца.

Наши утреннія занятія, обыкновенно, оканчивались въ мастерской Дэмеръ. Здѣсь она постоянно работала рѣзцомъ и допускала въ свое святилище только самыхъ близкихъ своихъ друзей; она такъ искренно любила искусство и науку, что старалась избѣгать всякаго шума и грома о своихъ талантахъ. Однимъ утромъ, помнится мнѣ, она чрезвычайно смѣшалась, когда я замѣтила въ ея комнатѣ греческую книгу, исписанную на поляхъ собственными ея замѣтками.

„Такъ вы хорошо знаете, сказала я, греческій языкъ; и если вы скрывали отъ меня, чтобъ пощадить мое невѣжество, то я должна вамъ признаться, что я дѣйствительно ничего въ этомъ не смыслю".

Она покраснѣла, какъ будто пойманная на мѣстѣ преступленія.

Я познакомилась съ англійскимъ посланникомъ сэромъ Уильямомъ Гамильтономъ и его супругой; въ ихъ домѣ сошлась съ аббатомъ Галіани и нѣкоторыми учеными и артистами.

Гамильтонъ обладалъ богатымъ и обширнымъ собраніемъ различныхъ отстатковъ древностей; но я позавидовала въ немъ только одному предмету—кольцу съ аеролитомъ. Этотъ родъ минерала, такъ подробно описанный Плиніемъ, признавался учеными за чистѣйшую выдумку славнаго натуралиста; таково упорство философовъ и таково правило невѣжества—отвергать дѣйствительность того, чего мы не можемъ доказать. Камень, безъ сомнѣнія, очень рѣдкій и едва-ли не самый лучшій въ мірѣ.

Дворъ въ это время находился въ Казертѣ, гдѣ мы представлены были королю неаполитанской дамой, герцогиней Феролетой, и приняты очень ласково. Мой сынъ иногда участвовалъ въ королевской охотѣ, но чаще занимался со мной искусствами и древностями, при чемъ я купила нѣсколько картинъ, эстамповъ и скульптурныхъ произведеній.

Вечера наши всегда проводились въ домѣ англійскаго министра и, такимъ образомъ, среди утреннихъ занятій и отдыха въ кругу образованнаго общества, у насъ не было скучнаго времени, лишеннаго развлеченія или труда.

Съ безконечнымъ любопытствомъ я осматривала неоцѣненныя сокровища Геркуланума и Помпеи, въ Портичи. Относительно Помпеи я осмѣлилась однажды замѣтить королю, что было бы очень интересно открыть весь городъ со всѣми его улицами, домашней обстановкой, колесницами, со всѣмъ, что погребено пепломъ, потомъ все это очистить и разставить въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ каждая вещь найдена; тогда передъ нами явилась бы полная картина

древности, способная пробудить удивленіе всей Европы: и если допускать посѣтителей за извѣстную плату, то она не только окупить всѣ расходы, но еще будетъ обильнымъ источникомъ доходовъ.

Король, вѣроятно, забывъ, что я говорю по-итальянски, обратился къ одному изъ своихъ придворныхъ и сказалъ, что я прекрасно понимаю вещи и что мое предложеніе очень умное и болѣе достойное вниманія, чѣмъ общепринятая рутина антикваріевъ, присяжныхъ поклонниковъ древности. Очевидно было, что король отнюдь не обидѣлся моимъ смѣлымъ замѣчаніемъ; не возражая мнѣ, онъ сказалъ: „есть одно многотомное сочиненіе съ гравюрами всѣхъ замѣчательныхъ предметовъ, открытыхъ въ Помпеѣ; если вы найдете что-нибудь достойное вашего вниманія, я прикажу представить вамъ".

Я искренно поблагодарила за такой подарокъ, который былъ гораздо интереснѣе его похвалъ.

Восходъ мой на вершину Везувія едва не стоилъ мнѣ жизни. Я была не совсѣмъ здорова, когда предприняла его, и до того изнемогла, что опасно заболѣла. Никогда не имѣя ни малѣйшаго довѣрія къ медицинскому искусству, и тѣмъ меньше неаполитанскимъ лѣкарямъ, я рѣшительно сопротивлялась всякому лѣкарству. Наконецъ, уступая просьбѣ своихъ дѣтей и лэди Лэмеръ, я стала лѣчиться у одного англичанина Друммонда; онъ не былъ практикъ по профессіи, но пользовалъ своихъ больныхъ соотечественниковъ съ большимъ успѣхомъ и усердіемъ.

Наперекоръ моему предразсудку, въ настоящемъ случаѣ, я должна была признать, что обязана жизнью медику. Климатъ и діэта скоро поправили мое здоровье, и я по-прежнему продолжала свои утреннія путешествія. Окончательно воскресило меня самое дѣйствительное средство — вниманіе императрицы.

Прискакалъ курьеръ съ отвѣтомъ на мое письмо, отправленное изъ Ливурно; Екатерина увѣряла меня въ своемъ непремѣнномъ и душевномъ сочувствіи къ моему семейству и обѣщала, по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, устроить моего сына на блестящей карьерѣ, назначить его камеръ-юнкеромъ, что давало чинъ бригадира. Она благодарила за планъ госпиталя, отзывалась о немъ съ похвалою и вообще подарила меня письмомъ самымъ любезнымъ.

Я не медлила ни минуты отвѣчать ей. Выразивъ полную мою признательность за ея доброту, я убѣдительно просила измѣнить намѣреніе ея относительно принятія моего сына ко двору.

Его воспитаніе, прибавила я, располагаетъ его къ дѣятельной жизни, и, сообразно его наклонностямъ къ военной службѣ и зачисленіемъ въ гвардейскій полкъ, онъ страстно желаетъ продолжать свое поприще и надѣется достигнуть высшихъ степеней; это составляетъ

и мое собственное желаніе. Въ заключеніе письма я обѣщала возвратиться въ Россію менѣе чѣмъ черезъ годъ и имѣть счастье увидѣться съ императрицей.

Съ этого времени я стала готовиться къ возвращенію. Поэтому, поспѣшивъ видѣть остальное и простившись съ королевской семьей, мы покинули Неаполь и снова отправились въ Римъ. Здѣсь я опять увидѣлась съ кардиналомъ Берни и Байерсомъ и пробыла въ ихъ любезномъ обществѣ долѣе, чѣмъ надѣялась, потому что въ скоромъ времени ожидали прибытія въ Римъ великаго князя Павла съ его женой.

Я сочла неприличнымъ уѣхать отсюда, не дождавшись ихъ, и потому рѣшила отсрочить отъѣздъ, чтобъ встрѣтить почетныхъ гостей и представить имъ моего сына и дочь.

Когда только великій князь отправился въ Неаполь, мы выѣхали изъ Рима въ Лоретто. Здѣсь мы остановились на тридцать шесть часовъ, осмотрѣли драгоцѣнныя ризы Мадонны—приношенія столь многихъ монарховъ; меня изумилъ подборъ изумрудовъ единственной красоты, подаренный испанскимъ королемъ.

Въ Болоньѣ мы пробыли два дня съ половиной и посѣтили ея знаменитый университетъ. Заѣхавъ въ Феррару на двое сутокъ, мы продолжали нашъ путь въ Венецію.

Уполномоченный нашъ въ этой республикѣ, графъ Марути, принялъ насъ въ свой собственный домъ, убранный съ необыкновенной роскошью, по случаю нашего пріѣзда. Такимъ гостепріимствомъ я, конечно, была обязана графу за нѣкоторыя услуги, оказанныя ему моимъ дядей, канцлеромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его личному тщеславію. Онъ недавно получилъ отъ нашего двора орденъ св. Анны; между многочисленными украшеніями его палаццо, повсюду виднѣлась звѣзда и анненская лента—въ живописи и скульптурѣ. Впрочемъ, не мнѣ критиковать слабости этого человѣка, благодаря которому, я пріобрѣла здѣсь двѣ превосходныхъ картины Каналетти.

Въ Венеціи я запаслась гравюрами первостепенныхъ художниковъ, къ дополненію уже начатой мной коллекціи, которая заключала образцы постепеннаго развитія искусства, во всѣ періоды исторіи его.

Мы объѣзжали въ гондолѣ церкви и монастыри, богатыя живописью; но все это давно извѣстно; описанія и подробности этой монументальной страны занимаютъ цѣлые фоліанты; потому я не стану повторять сказаннаго и вдругъ перенесу моего читателя черезъ Падую, Виченцу и Верону изъ Венеціи въ Вѣну.

XVII.

Въ Вѣнѣ мы были встрѣчены нашимъ посланникомъ графомъ Дмитріемъ Голицынымъ; его вниманіе и радушіе заставили насъ скоро забыть утомленіе и неудобства, соединенныя съ путешествіемъ черезъ Альпійскія горы. Онъ предусмотрѣлъ и приготовилъ намъ всевозможный комфортъ съ тѣмъ рѣдкимъ радушіемъ, за который его любили въ этомъ городѣ, гдѣ онъ былъ почти свой. Манеры его были стараго французскаго куртизана; и хотя онъ не отличался природными способностями, но критическое знаніе людей, соединенное съ утонченнымъ свѣтскимъ лоскомъ, упрочило за нимъ на долго этотъ важный постъ. Съ помощью его мы скоро познакомились со всѣмъ аристократическимъ обществомъ Вѣны.

Императоръ Іосифъ въ это время страдалъ глазной болѣзнью и принужденъ былъ, избѣгая солнечнаго свѣта, заключиться въ кабинетѣ. Я не надѣялась найти доступъ къ нему, хотя графъ Кегловичъ, одинъ изъ старыхъ моихъ знакомыхъ, близкій къ государю, передалъ мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ отъ имени императора, повидимому желавшаго видѣть меня.

Князь Кауницъ, первый министръ заѣхалъ ко мнѣ и оставилъ карточку; такой чести, какъ я узнала позже, онъ удостаивалъ немногихъ. Эта надутая личность долго занимала высшія государственныя должности, и въ продолженіе большей части своей жизни безъ контроля распоряжалась какъ своими, такъ и государственными дѣлами. При Маріи Терезіи онъ не зналъ границы своимъ прихотямъ, и императрица не противорѣчила, зная, что подъ ея державой не было ни одного человѣка, равнаго ему въ знаніи политики и въ умѣніи руководить ею. Въ настоящее правленіе онъ пользовался тѣмъ же безграничнымъ довѣріемъ, уполномоченный на все и управляя всѣмъ по собственной волѣ; однимъ словомъ, Кауницъ былъ, что называется, лицомъ привилегированнымъ.

Разсказываютъ анекдотъ о неприличной безцеремонности Кауница относительно одного знаменитаго лица, бывшаго у него однажды гостемъ. Папа Пій VI, находясь въ Вѣнѣ, былъ приглашенъ обѣдать въ его домъ; между тѣмъ, Кауницъ, нисколько не стѣсняясь этимъ посѣщеніемъ, отправился утромъ въ деревню и занимался верховой ѣздой дольше обыкновеннаго, такъ что не успѣлъ явиться въ назначенный часъ и принять папу. Наконецъ, прихрамывая и съ хлыстомъ въ рукѣ, онъ представился Пію VI, подождавшему его. Прежде чѣмъ былъ поданъ обѣданъ, Кауницъ продолжалъ щеголять передъ своимъ почтеннымъ гостемъ въ утреннемъ платьѣ и показывать ему хлыстомъ нѣкоторыя замѣчательныя картины.

Я отдала визитъ Кауницу и скоро получила приглашеніе обѣдать у него; я согласилась, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ обѣдъ былъ назначенъ раньше, и при томъ безъ всякаго замедленія, оговорившись, что здоровье не позволяетъ мнѣ отступать отъ этой регулярности.

Надо замѣтить, что онъ очень любилъ поступать наперекоръ тому лицу, которое начинало съ нимъ знакомство на какихъ бы то ни было условіяхъ; за всѣмъ тѣмъ, когда я вошла въ его домъ, въ три часа съ половиной онъ ожидалъ меня.

За столомъ онъ говорилъ о предметахъ, близкихъ моему отечеству и, между прочимъ, обратилъ разговоръ на Петра I. „Ему, замѣтилъ онъ, Россія обязана, какъ своему политическому творцу, величайшими благодѣяніями". Я опровергала это мнѣніе, приписывая его заблужденіямъ и предразсудкамъ иностранныхъ писателей, которые распространили его съ той цѣлью, чтобъ превознести похвалами себя или свои націи: Петръ I окружалъ себя иностранцами; очевидно, слава его творчества и трудовъ въ нѣкоторой степени должна отразиться на его помощникахъ.

— За долго до этого монарха, сказала я, Россія славилась великими завоеваніями: „Казань, Астрахань, Сибирь и богатая воинственная „Золотая Орда" покорились нашему оружію; что же касается до искусствъ, они давно были введены и покровительствуемы въ Россіи. Мы можемъ похвастаться историками, которые оставили намъ гораздо больше манускриптовъ, чѣмъ вся Европа вмѣстѣ.

— Но вы, кажется, забываете,— сказалъ Кауницъ,—что Петръ I ввелъ въ Россіи политическій союзъ съ другими европейскими государствами, и только со времени его мы начали признавать ея существованіе.

— Послушайте, отвѣчала я,—такая обширная страна, какъ Россія, надѣленная всѣми источниками силы и богатства, не нуждается на пути своего величія въ иностранной помощи; если управлять ею хорошо, она не только неприступна въ своей собственной мощи, но въ состояніи располагать судьбой другихъ народовъ, какъ ей угодно. При томъ, извините меня, если я замѣчу, что это непризнаніе Россіи до Петра было скорѣе невѣжествомъ и глупостью европейскихъ народовъ,—упустить изъ виду такую страшную силу. Впрочемъ, я готова признать заслуги этого необыкновеннаго человѣка. Онъ былъ геній. Дѣятельный и неутомимый на поприщѣ улучшенія своей страны; но эти достоинства были омрачены недостаткомъ воспитанія и буйствомъ его самовольныхъ страстей. Жестокій и грубый, онъ все, что было подчинено его власти, топталъ безъ различія, какъ рабовъ, рожденныхъ для страданій. Еслибъ онъ обладалъ умомъ великаго законодателя,

онъ, по примѣру другихъ народовъ, предоставилъ бы промышленнымъ силамъ, правильной реформѣ времени постепенно привести насъ къ тѣмъ улучшеніямъ, которыя онъ вызвалъ насиліемъ; или, еслибъ онъ умѣлъ оцѣнить добрыя качества нашихъ предковъ, онъ не сталъ бы уничтожать оригинальность ихъ характера иностранными обычаями, показавшимися ему несравненно выше нашихъ. Относительно законовъ, этотъ монархъ, отбросивъ рутину своихъ предшественниковъ, такъ часто измѣнялъ свои собственные, иногда единственно потому, что такъ ему хотѣлось, уронилъ ихъ уваженіе, и они потеряли половину своей силы. Какъ рабы, такъ и владѣльцы ихъ были въ равной мѣрѣ жертвой его необузданной тиранніи. Первыхъ онъ лишилъ общиннаго суда, ихъ единственной защиты отъ самопроизвольнаго угнетенія; у вторыхъ онъ отнялъ всѣ привилегіи. И за что? чтобы прочистить дорогу военному деспотизму — самому гибельному и ненавистному изъ всѣхъ формъ правленія. Его тщеславное намѣреніе поднять Петербургъ волшебнымъ жезломъ своей воли до того было безжалостнымъ распоряженіемъ, что тысячи работниковъ погибли въ болотахъ. Мало того, дворяне были обязаны не только доставлять людей для поспѣшнаго исполненія этого труда, но и строить дома по плану императора, нуждались ли они въ нихъ или нѣтъ — все равно. Одно изъ его произведеній, стоившее, правда, необыкновенныхъ усилій и расходовъ, достойно было бы славы своего творца, еслибъ только оно отвѣчало своему назначенію—я говорю объ адмиралтействѣ и морской верфи на берегахъ Невы; но никакіе труды не могли сдѣлать эту рѣку судоходной для военныхъ и даже купеческихъ кораблей, съ самымъ умѣреннымъ грузомъ. При Екатеринѣ II,— замѣтила я, — Петербургъ процвѣлъ вчетверо больше, какъ по красотѣ, такъ и по обширности общественныхъ зданій, царскихъ дворцовъ, и постройка ихъ не стоила намъ ни усиленныхъ налоговъ, ни чрезвычайныхъ мѣръ, никакого стѣсненія.

Слова мои, казалось, произвели нѣкоторое впечатлѣніе на князя Кауница; желая, можетъ быть, заставить меня говорить дальше, онъ замѣтилъ: „за всѣмъ тѣмъ отрадно видѣть великаго монарха, работающаго съ топоромъ въ рукѣ на верфи“.

— Вашему превосходительству,—сказала я,—угодно шутить; вы, конечно, лучше другихъ знаете, что монарху нѣтъ времени заниматься дѣломъ простаго ремесленника. Петръ I имѣлъ средства нанять не только карабельщиковъ и плотниковъ, но адмираловъ, откуда угодно; по моему мнѣнію, онъ забылъ свои обязанности, когда губилъ время въ Саардамѣ, работая самъ и изучая голландскіе термины, которыми онъ, какъ это видно изъ его указовъ и морской фразеологіи, засорилъ русскій языкъ. Въ томъ же духѣ изъ тѣхъ же странныхъ

побужденій, онъ посылалъ своихъ дворянъ за границу—лично изучать искусства и ремесла, какъ, напримѣръ, садоводство, ветеринарное и рудокопное дѣло, чего у насъ самихъ не было; я думаю, съ большей пользой дворяне могли посылать своихъ собственныхъ людей за этими познаніями и потомъ учить ихъ дома.

На этомъ я остановилась: Кауницъ молчалъ; я, безъ сожалѣнія, перешла къ другому предмету, опасаясь слишкомъ откровенно высказаться относительно ложно понятыхъ заслугъ Петра I.

На слѣдующій день графъ Кегловичъ сообщилъ мнѣ, что Кауницъ передалъ въ нѣсколькихъ словахъ весь мой разговоръ императору.

Съ моей стороны, конечно, было справедливымъ дѣломъ опровергнуть предразсудокъ министра съ тѣмъ жаромъ, какой внушала любовь къ истинѣ и отечеству; но мое самолюбіе никогда не простиралось такъ далеко, чтобы считать свой разговоръ достойнымъ особеннаго вниманія Кауница и его государя.

При всемъ томъ, именно съ этого времени Кегловичъ съ особеннымъ интересомъ разспрашивалъ меня о времени нашего отъѣзда. За день его, графъ убѣдительно упрашивалъ меня пробыть въ Вѣнѣ еще нѣсколько дней, потому что императоръ не совсѣмъ поправился. Я отвѣчала ему, что мнѣ невозможно удовлетворять всѣмъ личнымъ своимъ желаніямъ, что я путешествую не для собственнаго моего удовольствія, но для пользы моего сына; еще бывши въ Италіи, я просила прусскаго короля взять моего сына съ собой на предстоящій военный смотръ и, получивъ его милостивое согласіе, должна немедленно отправиться въ Берлинъ. Сегодня вечеромъ, прибавила я, мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на прекрасное собраніе по естественной исторіи въ императорской галлереѣ и потомъ ужинать у князя Голицына; здѣсь я надѣялась увидѣть Іосифа, пользуясь послѣднимъ благопріятнымъ случаемъ, такъ какъ завтра я непремѣнно должна оставить Вѣну.

Послѣ обѣда мы пришли въ императорскую галлерею, и прежде чѣмъ я успѣла осмотрѣться, предо мной былъ государь, съ шелковымъ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ. Онъ подошелъ къ намъ съ необыкновенно кроткимъ видомъ и выразилъ сожалѣніе, что, несмотря на все его желаніе, онъ не могъ познакомиться со мной раньше: я оторопѣла при такомъ радушномъ обращеніи. Онъ заговорилъ о Екатеринѣ съ тѣмъ уваженіемъ, которое я вполнѣ раздѣляла съ нимъ. Это коротенькое свиданіе произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе.

Прощаясь, государь извинился, что такъ долго удержалъ меня отъ моихъ любимыхъ занятій въ галлереѣ, и просилъ принять что-нибудь

изъ дублетовъ. Я не желала злоупотреблять такимъ великодушнымъ позволеніемъ, но выбрала нѣсколько вещей изъ венгерскихъ рудниковъ и другихъ провинцій.

Вечеромъ мы ужинали у нашего посланника и на другое утро были по дорогѣ въ Прагу. Здѣсь мы пробыли не долго: молодой Дашковъ межъ тѣмъ старался составить нѣкоторое общее понятіе объ австрійской тактикѣ, осмотрѣть Прагскую крѣпость и другое укрѣпленіе, воздвигнутое на Богемской границѣ. А я въ это время собирала образчики окаменѣлаго дерева и куски мрамора, купленнаго очень не дорого.

Изъ Праги мы подвинулись въ Дрезденъ, гдѣ прожили нѣсколько дней, посѣщая блистательные вечера князя Сакена. Картинная галлерея, по-прежнему, была предметомъ нашего наслажденія. Здѣсь я узнала, что коллекція графа Брюля была куплена императрицей; она прибавила нѣсколько новыхъ предметовъ къ богатому кабинету живописи и скульптуры, основанному въ Россіи Екатериной, любительницей и покровительницей искусствъ.

Время военныхъ смотровъ, назначенное прусскимъ королемъ, приближалось; поэтому мы торопились явиться въ Берлинъ. Королевская фамилія приняла насъ, по обыкновенію, очень гостепріимно; мой сынъ былъ представленъ ей княземъ Долгорукимъ, принимавшимъ всегда самое живое участіе въ моемъ семействѣ. Онъ ввелъ молодаго Дашкова ко всѣмъ иностраннымъ министрамъ, взялъ его съ собой въ Потсдамъ, гдѣ графъ Герцъ, генералъ-адъютантъ, представилъ его королю.

Фридрихъ Великій обласкалъ моего сына и съ удовольствіемъ пригласилъ его въ своей свитѣ на парадъ.

Вскорѣ король переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ на площади большаго парка собралось до сорока двухъ тысячъ войска.

Во время самаго осмотра, какъ я узнала, женщинамъ было запрещено присутствовать и подходить къ королю. Впрочемъ, Фридрихъ сдѣлалъ исключеніе изъ общаго правила для меня. Онъ желалъ видѣть и говорить со мной и если мнѣ угодно взглянуть на парадъ, принцессѣ было поручено привести меня въ паркъ и указать мѣсто, гдѣ я могла встрѣтиться съ королемъ. Графу Финкенштейну было приказано предупредить принцессу о днѣ, часѣ и мѣстѣ, назначенномъ Фридрихомъ.

Въ одно изъ утръ ея высочество, впослѣдствіи прусская королева, заѣхала ко мнѣ и повезла меня въ паркъ; достигнувъ условленнаго мѣста, она къ величайшему моему удивленію, высадила меня одну изъ кареты:

„Здѣсь, моя милая княгиня, король желаетъ съ вами говорить; что же до меня, я не имѣю ни малѣйшей охоты видѣть этого стараго брюзгу и поѣду дальше“.

Я очень рада была встрѣтиться съ княземъ Долгорукимъ, который принялъ меня здѣсь. Черезъ полчаса, прежде чѣмъ были распущены войска, подъѣхалъ ко мнѣ король, слѣзъ съ лошади и, снявъ шляпу, продолжалъ нѣсколько минутъ разговаривать; войска, разумѣется, крайне удивились, потому что въ первый разъ видѣли Фридриха разговаривающимъ съ женщиной во время военныхъ упражненій. Наконецъ, король ушелъ, и принцесса снова взяла меня съ собой.

На другой день за ужиномъ съ королевой, обращавшейся со мной на истинно дружеской ногѣ, что, впрочемъ, я испытала отъ всѣхъ членовъ королевской семьи, принцесса Генріетта очень важно замѣтила, что исторія не умолчитъ обо мнѣ, какъ объ единственной личности, въ пользу которой Фридрихъ нарушилъ свою дисциплину.

Мой сынъ провожалъ короля въ его военныхъ разъѣздахъ; вслѣдствіе этого мы разстались, условившись встрѣтиться на извѣстномъ пунктѣ по Сѣверной дорогѣ. Такъ я была принуждена, съ крайнимъ сожалѣніемъ, оставить Берлинъ. Я пріѣхала къ назначенному пункту, въ моей каретѣ, въ то самое время, когда покидалъ его король. Онъ очень любезно поклонился мнѣ мимоходомъ, замѣтивъ, какъ я потомъ слышала, князю Долгорукову, что только одна мать можетъ такъ точно разсчитывать время разлуки съ своимъ любимымъ сыномъ.

Князь Долгорукій былъ пламенный поклонникъ Фридриха Великаго и все, что онъ видѣлъ въ военной системѣ, старался изучить.

Черезъ день послѣ, мы были на пути къ Кенигсбергу, гдѣ долженъ былъ проѣзжать король. Здѣсь я была очень рада услышать отъ генерала Моллендорфа, что Фридрихъ назвалъ моего сына молодымъ человѣкомъ, обѣщающимъ со временемъ отличнаго знатока своего дѣла.

Въ Кенигсбергѣ мы остановились на нѣсколько дней и потомъ, черезъ Мемель, отправились въ Ригу, гдѣ также пробыли недолго, по просьбѣ генерала Брауна. Здѣсь, въ столицѣ Ливоніи, имя моего отца было въ большомъ уваженіи. Онъ нѣкогда поддерживалъ ливонскихъ дворянъ въ Сенатѣ, какъ безпристрастный защитникъ ихъ преимуществъ, когда русскіе помѣщики потеряли ихъ собственныя. Впрочемъ, благоразуміе Екатерины не допустило этого различія между ея подданными равнаго состоянія: она впослѣдствіи поставила и русскихъ и ливонскихъ дворянъ на одну степень.

Оставивъ Ригу, мы только одну ночь провели въ дорогѣ и благополучно возвратились въ Петербургъ.

Здѣсь оканчивается мое путешествіе, совершенное съ самыми скромными средствами и требовавшее всей силы материнской любви. Воспитаніе моего сына было предметомъ всѣхъ моихъ желаній, выше всѣхъ препятствій и жертвъ. Я желала сохранить его нравственныя

начала неприкосновенными, спасти его отъ тысячи обольщеній, столь неизбѣжныхъ для молодаго человѣка дома. Вслѣдствіе этого я рѣшила увезти его за границу. Рѣшившись одинъ разъ оставить Россію, я убѣждена была, что англійское воспитаніе всего лучше отвѣчало его развитію. Разумѣется, я предвидѣла, что исполненіе моего плана не могло миновать долговъ; но я надѣялась легко раздѣлаться съ ними съ помощью небольшихъ лишеній и строгой экономіи, при моей скромной жизни, вдали отъ свѣта.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ убѣжденій, я оставила отечество и теперь вступаю въ него съ восторгомъ, видя счастливое осуществленіе своихъ задушевныхъ надеждъ.

XVIII.

Въ іюлѣ 1782 года я возвратилась въ Петербургъ; не имѣя здѣсь дома, я поселилась на своей дачѣ Киріановкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города. Сестра моя, Полянская, и ея дочь немедленно пріѣхали ко мнѣ. Онѣ были единственными родственниками, оставшимися въ живыхъ въ Петербургѣ: отецъ мой жилъ во Владимірѣ, будучи губернаторомъ.

Черезъ два дня по пріѣздѣ, я узнала, что князь Потемкинъ почти каждый день бываетъ у своей племянницы, графини Скавронской, жившей по сосѣдству со мной; я послала къ нему слугу съ просьбой, чтобы племянникъ его навѣстилъ меня; черезъ него я желала передать его свѣтлости порученіе къ императрицѣ. На другой день князь Потемкинъ явился самъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома; мы были у графа Панина.

Впрочемъ, на другое утро онъ прислалъ своего племянника, генерала Павла Потемкина; я просила его сообщить своему дядѣ, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ особенное позволеніе представиться съ дѣтьми императрицѣ въ Царскомъ Селѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ я поручила ему узнать о результатѣ просьбы, поданной графомъ Румянцевымъ въ военную коллегію относительно опредѣленія моего сына его адъютантомъ и, наконецъ, хотѣла знать, какой постъ онъ можетъ занять въ арміи.

Черезъ два дня посѣтилъ меня генералъ Потемкинъ и увѣдомилъ, что его дядя доложилъ Екатеринѣ о моемъ пріѣздѣ и, вслѣдствіе приказанія ея, приглашаетъ меня съ дѣтьми обѣдать въ Царскомъ Селѣ, въ слѣдующее воскресеніе; здѣсь же, прибавилъ онъ, вы узнаете подробности касательно производства князя Дашкова.

Но я не могла воспользоваться любезнымъ приглашеніемъ императрицы, потому что мой сынъ наканунѣ тяжко заболѣлъ лихорадкой и всю ночь провелъ въ бреду. Опасаясь за его жизнь, я забыла о своей собственной болѣзни и всю ночь провела у постели его, не взявъ предосторожности надѣть чулки, хотя чувствовала ревматизмъ въ колѣнкахъ.

На другой день я поспѣшила видѣть генерала Потемкина на нѣсколько минутъ. Это сдѣлала я изъ уваженія къ императрицѣ, при томъ мнѣ хотѣлось узнать что-нибудь о назначеніи моего сына.

По прошествіи четырехъ дней — въ это время я принимала къ себѣ только сестру свою, Полянскую, и друга нашего, Роджерсона,— мой сынъ былъ внѣ всякой опасности. Тогда я сама начала чувствовать ревматическіе припадки; они скоро прошли, но полное мое выздоровленіе продолжалось долго.

Это зависѣло, какъ я думаю, отъ моего страстнаго желанія увидѣться съ Екатериной, потому что, откладывая день за день, я считала это время совершенно потеряннымъ для своего сына. Черезъ доктора Роджерсона, который видѣлъ государыню каждое воскресеніе, я извѣстила ее о своей болѣзни, не позволявшей мнѣ сойти съ постели.

Едва поправившись немного, я не медлила посѣтить Царское Село; на что материнская любовь не способна? Съ трудомъ я вошла въ карету, и хотя мы ѣхали тихо и съ частыми роздыхами, за всѣмъ тѣмъ это путешествіе утомило меня.

Наконецъ, я вступила во дворецъ, въ пріемную залу, черезъ которую императрица, обыкновенно, проходила въ церковь. Я рѣшилась подождать, но Екатерина вышла ко мнѣ навстрѣчу. Пріемъ былъ самый искренній и благосклонный.

Какъ статсъ-дама, я не задумалась представить свою дочь, а гофмейстеръ провелъ моего сына. Государыня, замѣтивъ мое тревожное состояніе и слабость и, проводя рядомъ комнатъ, иногда сокращала шагъ и останавливалась.

Возвращаясь изъ церкви, я слишкомъ была утомлена, чтобы провожать Екатерину; оставшись позади и пропустивъ ея свиту, я пошла себѣ спокойно. Проходя тронной залой, я была встрѣчена княземъ Потемкинымъ, который спросилъ меня, чего я желаю относительно князя Дашкова и какой его чинъ въ арміи. „Государыня, отвѣчала я, уже знаетъ о моихъ желаніяхъ; что же касается до его чина, то я думаю вашему превосходительству, какъ военному министру, это лучше знать. Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ зачисленъ былъ императрицей юнкеромъ въ кирасирскій полкъ; въ то же время дано приказаніе производить его по порядку; о результатѣ этого распоряженія

я не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, принята или нѣтъ просьба графа Румянцева объ опредѣленіи моего сына адъютантомъ его".

Князь рѣзко оставилъ меня, и мнѣ непріятно было, что онъ тотчасъ же уѣхалъ въ городъ. Вслѣдъ затѣмъ маршалъ двора извѣстилъ, что императрица проситъ меня съ дѣтьми остаться обѣдать у нея.

Со временъ Петра I нашъ придворный этикетъ былъ устроенъ на нѣмецкій ладъ, предоставивъ военному сословію извѣстныя преимущества и совершенно отдѣливъ его отъ другихъ состояній. Зная, что юнкеръ не имѣетъ чести сидѣть за однимъ столомъ съ царицей, я изумилась такому приглашенію.

Желая отдохнуть, я сѣла, въ ожиданіи обѣда, въ комнатѣ, смежной той, гдѣ императрица, обыкновенно, играла въ шахматы.

Когда былъ поданъ обѣдъ, Екатерина, проходя черезъ комнату, обратилась ко мнѣ и громко сказала, такъ, чтобы слышала вся ея свита: „Я нарочно хотѣла оставить вашего сына юнкеромъ еще на одинъ день, и въ этомъ качествѣ пригласила его обѣдать съ собой, за тѣмъ, чтобы показать мое отличное вниманіе, съ которымъ я ставлю вашихъ дѣтей выше всѣхъ другихъ".

Этотъ комплиментъ имѣлъ свое дѣйствіе; онъ былъ выраженъ неподражаемо-деликатно и такъ ловко поправилъ забытое обѣщаніе.

За обѣдомъ Екатерина посадила меня около себя и говорила исключительно со мной. Хотя я была хорошо настроена и чувствовала себя не дурно, но не могла ничего ѣсть, что не миновало замѣчанія государыни. Она сказала, что мнѣ необходимо немного отдохнуть и что комнаты уже приготовлены для меня. Я очень была рада встрѣтить такое милое вниманіе и собралась съ силами сопутствовать императрицѣ во время вечерней прогулки ея; она опять примѣнялась къ моей слабой походкѣ, останавливала меня и при каждомъ поворотѣ давала отдохнуть. По окончаніи прогулки я сѣла въ карету и отправилась въ Петербургъ, боясь быть вдали отъ дома въ своемъ настоящемъ положеніи.

На другой день я получила отъ Екатерины копію съ указа, по которой мой сынъ произведенъ въ капитаны Семеновскаго гвардейскаго полка, что̀ давало ему чинъ подполковника. Я была необычайно рада, Дашковъ еще больше. Спокойствіе духа и прекрасная лѣтняя погода поправили мое здоровье скорѣе, чѣмъ я надѣялась.

Когда дворъ переѣхалъ въ Петербургъ, на этотъ разъ раньше обыкновеннаго, я явилась поблагодарить Екатерину за производство сына. Императрица приняла меня такъ же благосклонно, какъ въ Царскомъ Селѣ; на слѣдующій вечеръ, она пригласила въ Эрмитажный театръ — честь доступная немногимъ, потому что онъ былъ очень тѣсенъ и отдѣлка его еще не окончена.

На слѣдующій день я повезла своихъ дѣтей на обѣдъ къ первому министру, графу Панину, котораго дача была недалеко отъ насъ. Во время самаго обѣда явился офицеръ и подалъ мнѣ письмо отъ князя Потемкина, написанное по приказанію императрицы; въ этомъ письмѣ Екатерина предложила мнѣ назначить, по собственному моему выбору, имѣніе, за исключеніемъ поземельной казенной собственности, которая по силѣ новаго распоряженія, признавалась неотчуждаемой.

Я искренно благодарила императрицу за ея доброе желаніе, но въ то же время отвергнула всякій выборъ съ своей стороны, предоставивъ ей самой назначить, что вполнѣ удовлетворитъ меня.

Черезъ два дня я получила другое письмо отъ князя; онъ увѣдомилъ меня, что ограниченія относительно пріобрѣтенія коронныхъ земель не простираются на Бѣлоруссію; напротивъ, государыня желала бы отдать ихъ подъ управленіе русскихъ дворянъ; если такое пріобрѣтеніе соглашается съ моими желаніями, то я могу выбрать себѣ свободные участки, болѣе плодородные, чѣмъ въ самой Россіи.

Отвѣчая на письмо, я возразила такъ: „Если наслѣдственные владѣтели принимаютъ отвѣтственность передъ правительствомъ въ употребленіи такихъ правъ, перешедшихъ къ нимъ отъ предковъ, то собственники крестьянъ и земель, творимые по одной милости государя, еще строже должны отвѣчать за свои обязанности. Мои распоряженія въ управленіи имѣніемъ дѣтей именно основывались на этомъ убѣжденіи; къ счастью, польза ихъ доказывается возрастающей промышленностью, благосостояніемъ и счастіемъ крестьянъ, подвластныхъ мнѣ; но могу ли льстить себя надеждой на тотъ же успѣхъ въ управленіи полупольскаго и полуеврейскаго населенія, не знакомая ни съ ихъ образомъ жизни, ни съ языкомъ; и заботясь объ улучшеніи ихъ, я не найду и половины удовольствія въ такомъ владѣніи".

Мы обмѣнялись нѣсколькими письмами по этому предмету; въ заключеніе я объявила, что все, что императрица ни признаетъ своей собственностью, я принимаю ее, какъ неожиданный и незаслуженный даръ.

Черезъ два дня я получила письмо отъ перваго секретаря, графа Безбородко, съ приложеніемъ копіи съ указа, по которому мнѣ жаловалось помѣстье Круглово, съ двумя тысячами пятью стами крестьянъ. Это имѣніе прежде принадлежало гетману Огинскому, и въ его рукахъ было очень обширнымъ, занимавшимъ много земли, на обоихъ берегахъ рѣки, но при первомъ раздѣлѣ Польши, когда эта рѣка была положена границей Бѣлоруссіи, многіе лѣса и деревни, самая лучшая часть имѣнія, осталась на польской территоріи.

Кажется, императрица не знала о раздробленіи этой земли и была увѣрена, что все Круглово принадлежитъ мнѣ и что подарокъ

ея равняется тѣмъ имѣніямъ, которыя она раздавала своимъ первымъ министрамъ. Это, между прочимъ, было замѣтно изъ ея словъ, когда я пріѣхала поблагодарить ее. „Я очень счастлива, сказала она, что такое обширное имѣніе перешло въ ваши руки; Огинскій, какъ неблагодарный владѣтель, не заслуживалъ его“.

Этотъ Огинскій долго былъ врагомъ Россіи, иногда открытымъ и, наконецъ, многимъ обязанный Екатеринѣ, отказался дать присягу на владѣніе своихъ земель въ Бѣлоруссіи, покоренной императрицей. Я часто вспоминала о замѣчаніи ея; на слѣдующій годъ, посѣтивъ свое помѣстье, я увѣрилась окончательно, что Екатерина не имѣла никакого понятія о состояніи его; къ крайнему своему удивленію, я нашла крестьянъ лѣнивыми, грязными и преданными отчаянному пьянству, такъ что они едва походили на людей.

Въ имѣніи не было достаточно лѣсу даже для собственнаго отопленія; чтобъ выкурить немного водки, необходимо было обращаться въ сосѣднія владѣнія; здѣсь не было ни одного парома для перевозки необходимыхъ вещей, и на десять человѣкъ приходилась одна корова, на пять крестьянъ—одна лошадь. Кромѣ того, народонаселеніе, со включеніемъ всѣхъ грудныхъ дѣтей, было сто шестьюдесятью семью душами меньше двухъ тысячъ пятисотъ: ясное доказательство воровства и небрежности чиновниковъ, которые ради личныхъ выгодъ готовы скрыть или покровительствовать всякому злоупотребленію, не безполезному для ихъ кармана. Поэтому-то государственные крестьяне находятся въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ всѣ прочія сословія въ Россіи.

Относительно недостатка въ числѣ крѣпостныхъ, утвержденныхъ за мной указомъ, я могла бы жаловаться Сенату, и онъ вознаградилъ бы меня, нисколько не безпокоя императрицу, но я разсудила умолчать. Въ продолженіе первыхъ двухъ лѣтъ, я употребила весь капиталъ, какимъ только могла располагать, на улучшеніе своего новаго помѣстья.

Но возвращаюсь къ своему прерванному разсказу. Маршалъ двора сообщилъ мнѣ, что я могу посѣщать домашніе концерты Екатерины, на которыхъ никто, даже статсъ-дамы, не могли присутствовать безъ особеннаго разрѣшенія государыни. Я упоминаю объ этомъ, какъ особенномъ расположеніи ко мнѣ Екатерины въ ту пору, на самомъ дѣлѣ ничтожномъ, но стоившемъ мнѣ нѣсколькихъ враговъ и возбудившемъ противъ меня придворную зависть, хотя состояніе мое далеко было незавидно.

Въ первый же вечеръ я отправилась на эти концерты; едва вошла въ комнату, какъ императрица обратилась ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: „почему же княгиня вы однѣ?“ Я не совсѣмъ поняла ее;

но она тотчасъ же прибавила: „почему вы безъ дѣтей; мнѣ очень жалко, что вы за отсутствіемъ ихъ будете здѣсь не въ своей тарелкѣ“.

Понявъ смыслъ этого замѣчанія, я сердечно поблагодарила ее за вниманіе.

У меня не было въ Петербургѣ дома; чтобъ избѣжать лишнихъ расходовъ на наемъ квартиры и сберечь что-нибудь для своего сына, я продолжала жить на дачѣ до глубокой осени. Однажды императрица спросила, неужели я живу до сихъ поръ за городомъ? Я отвѣчала утвердительно; она замѣтила, что жить въ такую позднюю осень и при томъ въ холодномъ домѣ, недавно затопленномъ водой, очень опасно для моего здоровья, „потому что“, прибавила она, „ваша дача чистое болото, очень способное для развитія ревматизма; поэтому я очень желала бы купить домъ герцогини Курляндской, какъ весьма удобное для васъ помѣщеніе, еслибъ только я не была убѣждена, что вашъ собственный выборъ будетъ лучше моего. Потрудитесь, пожалуйста, заглянуть; если онъ понравится вамъ, я дарю его въ вашу собственность“.

Увѣривъ императрицу въ своей глубокой признательности за ея доброту, я обѣщала на слѣдующей недѣлѣ посмотрѣть нѣкоторые дома, не говоря объ имени покупателя. Во-первыхъ, я осмотрѣла домъ, указанный Екатериной; онъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ, обширный и превосходно отдѣланный; цѣна его была пятьдесятъ восемь тысячъ рублей. Потомъ я видѣла домъ на Мойкѣ, принадлежавшій Нелединской и очень прилично обставленный; за него просили восемнадцать тысячъ. Дальше я не справлялась, остановившись на послѣднемъ; я сказала Нелединской, что въ продолженіе недѣли будетъ рѣшено, куплю ли я этотъ домъ или нѣтъ, попросивъ ее составить опись мебели, которая должна остаться при этомъ домѣ. На всѣ мои требованія она согласилась; но въ концѣ недѣли, когда я явилась заключить купчую, къ крайнему моему удивленію, Нелединская уже выѣхала изъ дома и вывезла большую часть мебели. Оставленный здѣсь слуга сообщилъ мнѣ, что никакой описи не было сдѣлано.

Хотя я была разсержена такимъ обманомъ, но вовсе не считала эту женщину способной на такой поступокъ; но услышавъ отъ князя Голицына, что онъ самъ видѣлъ изъ окна, какъ переносилась мебель въ другой, нанятый ею домъ, я рѣшилась поступить такъ, чтобъ не давать повода сплетничать въ городѣ на счетъ своей простоты или плутовства Нелединской. Я послала сказать ей, что такъ какъ она не сдержала своего обѣщанія, то и я освобождаю себя отъ всякаго обязательства; въ вознагражденіе же за ея переѣздъ и наемъ квар-

тиры, я беру ея домъ на годъ—за четыре тысячи рублей,—съ платой самой выгодной для нея.

Это предложеніе имѣло и другой разсчетъ, который я задумала осуществить при дворѣ черезъ князя Потемкина; именно, вмѣсто дома, мнѣ хотѣлось выхлопотать у императрицы опредѣленія дочери Полянской фрейлиной, что̀ было близко къ моему сердцу и составляло одно изъ пламенныхъ желаній моей сестры.

Въ слѣдующее свиданіе съ Екатериной, она спросила меня, нашла ли я домъ по своему вкусу. „Я пока наняла себѣ квартиру", отвѣчала я. „Но почему же вы не купили?" возразила государыня. „Да, потому", сказала я, улыбаясь, „что покупка дома такое же серьезное дѣло, какъ выборъ мужа; надо долго разсуждать прежде, чѣмъ рѣшиться".

Такимъ образомъ покупка дома была на время отложена, чему я была рада, хотя другіе удивлялись, зная, что императрица уполномочила меня въ этомъ отношеніи самымъ свободнымъ выборомъ. Каждый преслѣдовалъ меня разспросами и совѣтами. Одинъ изъ друзей серьезно увѣрялъ, что я прослыву дурой при дворѣ, подобно тому, какъ уже одурачила меня Нелединская. „Кто же знаетъ", сказалъ онъ, „ваши побужденія и кто пойметъ ихъ".

Мой отвѣтъ на всѣ эти замѣчанія, въ которыхъ иногда проглядывало болѣе ироніи, чѣмъ дружбы, походилъ на отвѣтъ одного глупаго нѣмецкаго барона, нѣкогда мнѣ знакомаго; онъ мучилъ каждаго, подходившаго къ нему, говорилъ на французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ чуть-чуть смыслилъ, и когда ему замѣтили, что онъ говоритъ непонятно, онъ отвѣчалъ: „Что жъ мнѣ до этого за дѣло, если я понимаю самъ себя".

XIX.

Поселившись въ нанятомъ домѣ, я скоро убѣдилась, что покупать его не было никакой выгоды. Дѣла мои шли очень тихо; я была совершенно довольна своимъ домашнимъ обиходомъ и два раза въ недѣлю являлась ко двору.

Однажды вечеромъ мы собрались въ кружокъ, въ ожиданіи прихода императрицы; разговаривая межъ собой, мы мимоходомъ коснулись вопроса о предназначеніи человѣческой жизни; кто-то замѣтилъ, что счастіе служитъ удѣломъ однихъ; другіе, напротивъ, повидимому рождены для постоянной борьбы съ препятствіями и неудачами. Я подтвердила истину этого замѣчанія, въ которомъ убѣждали меня

многіе случаи. „Я по собственному опыту, сказала я, знакома съ геніемъ зла, преслѣдующаго свои жертвы, повсюду, на сушѣ и на водѣ; чтобъ дополнить мѣру моихъ несчастій, остается только сгорѣть моему дому“.

Странное предчувствіе: въ тотъ же самый вечеръ, когда я возвратилась домой, получила письмо изъ Москвы отъ своего управляющаго въ селѣ Троицкомъ; онъ извѣщалъ меня, что работники, окончивъ постройку моего дома, по неосторожности забыли въ одной комнатѣ горящія дрова; отъ нихъ перешло пламя къ строевому лѣсу, и произошелъ пожаръ, обратившій все зданіе въ кучу пепла.

Относительно племянницы моей, Полянской, князь Потемкинъ обѣщалъ исполнить просьбу. Въ то же время, онъ совѣтовалъ мнѣ не откладывать дальше покупку дома, иначе императрица, замѣтилъ онъ, можетъ подумать, что я отказываюсь отъ ея предложенія подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ не оставаться въ Петербургѣ. Поэтому я отправилась посмотрѣть домъ недавно умершаго, придворнаго банкира Фредрихса, и заключила купчую съ его вдовой, за тридцать тысячъ рублей.

Когда я доложила о томъ императрицѣ, она замѣтила, что давно уже приказано ея кабинету заплатить за домъ, чего бы онъ ни стоилъ. И надобно отдать ей въ этомъ случаѣ справедливость: узнавъ, что я далеко не сполна воспользовалась ея щедростью, она немедленно спросила, отчего же я предпочла такой дешевый домъ дворцу герцогини Курляндской, который Екатерина сама назначила и рекомендовала мнѣ.

Опасаясь, чтобъ деликатность моя не была принята за жеманность, я отвѣчала, что купленный мной домъ я выбрала на Англійской набережной, гдѣ я родилась; и такъ какъ одна государыня можетъ дать цѣну моему существованію, то я хотѣла соединить идею о милости ея съ самымъ мѣстомъ моего рожденія: это было главнымъ побужденіемъ моего выбора.

Въ настоящемъ случаѣ я очень глупо распорядилась съ своимъ безкорыстіемъ; купленный мной домъ былъ вовсе не меблированъ и хотя я сократила расходы государыни почти на половину, за всѣмъ тѣмъ, не сказавъ ни слова, я принуждена была на собственный счетъ купить мебель; какъ она ни была проста и экономична, но мнѣ пришлось занять три тысячи рублей. Впрочемъ, я дала себѣ слово (къ сожалѣнію, не сдержала этого слова) въ послѣдній разъ дѣйствовать такимъ простакомъ и слушаться больше разсудка, чѣмъ языка.

Любовникъ Ланской былъ холодно вѣжливъ въ отношеніи ко мнѣ; можетъ быть потому, что я съ своей стороны не вызывала его на

особенное расположеніе; впрочемъ, онъ оказывалъ мнѣ обыкновенное вниманіе, очевидно подъ вліяніемъ внушеній самой императрицы. Когда графъ Андрей Шуваловъ возвратился въ Петербургъ, онъ немедленно сдѣлался нахлѣбникомъ молодаго любимца и не упускалъ ни одного случая излить на меня желчь своей злости.

Со стороны князя Потемкина я всегда пользовалась добротой и уваженіемъ. Вскорѣ послѣ устройства моего дома, онъ извѣстилъ меня, что императрица, услышавшая о моихъ долгахъ, желаетъ не только освободить меня отъ нихъ, но предупредить мои нужды и на будущее время; она хотѣла бы вновь выстроить и убрать мой Московскій домъ.

Я убѣдительно просила Потемкина отклонить намѣреніе Екатерины и лучше вспомнить о моемъ желаніи относительно моей племянницы Полянской; „мнѣ совѣстно смотрѣть на нее, прибавила я, послѣ 1762 года, измѣнившаго ея судьбу подъ моимъ вліяніемъ: и этого тягостнаго чувства не искупятъ всѣ сокровища императрицы“.

До 24 ноября это дѣло оставалось не рѣшеннымъ; въ этотъ день Екатерина была именинница. Послѣ придворнаго бала, даннаго по этому случаю, я, противъ обыкновенія, провела остатокъ вечера внѣ комнатъ самой государыни. Увидѣвъ адъютанта князя Потемкина, я попросила его сходить и сказать своему генералу, что я не выйду изъ дворца до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія, не пришлетъ мнѣ копію съ указа, который включитъ племянницу мою въ число фрейлинъ.

Остававшіеся со мной въ одной комнатѣ были очень удивлены, что я послѣ общаго разъѣзда не трогалась съ мѣста; они догадались о причинѣ и результатѣ моихъ ожиданій, и я выиграла дѣло, столь близкое моему сердцу, хотя потеряла обѣщанную уплату долговъ и постройку дома въ Москвѣ; при этомъ я еще разъ могу назвать себя дурой.

Спустя добрый часъ, тотъ же адъютантъ возвратился съ копіей въ рукѣ и прочиталъ мнѣ приказаніе возвести молодую Полянскую въ достоинство фрейлины. Я побѣжала съ этой новостью къ сестрѣ, которая ужинала въ этотъ вечеръ у графа Воронцова; она была въ полномъ восторгѣ отъ новаго назначенія, дававшаго ея дочери положеніе и вѣсъ въ свѣтѣ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ былъ данъ новый придворный пиръ, не помню, по какому обстоятельству; императрица, обходя общество, перемолвила нѣсколько словъ съ нѣкоторыми статсъ-дамами и иностранными министрами, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказала: „у меня есть до васъ, княгиня, особенное дѣло; но теперь, я вижу, нельзя говорить о немъ“. Затѣмъ она оставила меня и снова заго-

ворила съ посланниками на другой сторонѣ залы; потомъ, вдругъ остановившись въ небольшомъ кругу, соединившемся среди комнаты, она подала мнѣ знакъ подойти къ ней. Я приблизилась, и еслибъ упала прямо съ облаковъ, я менѣе удивилась бы, чѣмъ въ ту минуту, когда императрица предложила мнѣ мѣсто директора Академіи искусствъ и наукъ.

Мое безмолвіе (я не могла на первый разъ ничего сказать) заставило Екатерину повторить свое предложеніе, сопровождаемое тысячью самыхъ лестныхъ выраженій.

„Нѣтъ, государыня, сказала я, наконецъ, не по моимъ силамъ эта обязанность; если вы шутите, то я могла бы еще принять ради насмѣшки надъ собой это мѣсто, но никогда не соглашусь унижать ваше личное достоинство и умѣніе избирать людей, вступая въ такую должность, для которой я вовсе не способна".

Императрица, желая убѣдить меня, приняла мой отказъ за выраженіе не совсѣмъ искренней привязанности къ ней. Я думаю, каждый, кто подходилъ къ Екатеринѣ, чувствовалъ вліяніе неотразимаго ея краснорѣчія и ловкости, когда она хотѣла овладѣть волей и умомъ извѣстнаго лица.

Со мной ей не было надобности употреблять этихъ средствъ; вслѣдствіе моей непоколебимой преданности, я всегда готова была повиноваться Екатеринѣ, лишь бы она не требовала отъ меня обязанностей выше моего собственнаго долга. Въ настоящемъ случаѣ, она напрасно расточала свое искусство.

— Назначьте меня, отвѣчала я, директоромъ вашихъ прачекъ, и вы увидите, какъ ревностно я отслужу вамъ свою службу.

— Ну, вотъ вы начали сами шутить, возразила императрица, обрекая себя на такое смѣшное дѣло.

— Вы, государыня, сказала я, хорошо знаете мой характеръ, и за всѣмъ тѣмъ вы недостаточно взвѣсили цѣну такого предложенія. По моему мнѣнію, человѣкъ даетъ достоинство своему мѣсту, и еслибъ я была поставлена во главѣ вашихъ прачекъ, я смотрѣла бы на свое назначеніе, какъ на самое завидное и почетное изъ придворныхъ мѣстъ. Положимъ, что я не занималась мытьемъ бѣлья; но ошибки, какъ слѣдствіе моего невѣжества въ этомъ дѣлѣ, нисколько не повредили бы вамъ; напротивъ, директоръ Академіи наукъ не можетъ сдѣлать ни одного ложнаго шага, который бы не былъ вреденъ самъ по себѣ и не подрывалъ довѣрія къ государынѣ, опредѣлившей его.

Императрица, несмотря на мои возраженія, настаивала, напомнивъ мнѣ о моихъ предшественникахъ, занимавшихъ это мѣсто съ меньшими способностями, чѣмъ мои.

— Тѣмъ хуже, сказала я, для тѣхъ, которые такъ мало уважали себя, принимая обязанность выше своихъ силъ.

Взоръ всего собранія обратился къ намъ.

— Хорошо, хорошо, сказала Екатерина,—оставимъ вопросъ какъ онъ есть; что же касается до вашего отказа, онъ тѣмъ больше убѣждаетъ меня въ томъ, что лучшаго выбора я не могу сдѣлать.

Этотъ разговоръ бросилъ меня почти въ лихорадку; и на лицѣ, вѣроятно, отразилось сильное душевное волненіе, потому что окружавшая насъ толпа, съ безконечнымъ самодовольствіемъ, какъ я замѣтила, подумала, что между нами произошло что-нибудь очень непріятное.

Старая графиня Матюшкина, рѣдко умѣвшая сдержать свое любопытство, очень желала допытаться, о чемъ шелъ такой одушевленный разговоръ съ Екатериной.

— Вы видите, сказала я, мое необыкновенное волненіе, и, впрочемъ, виной его единственно доброта и расположеніе ко мнѣ государыни.

Я пламенно желала поскорѣе уѣхать съ бала и, прежде чѣмъ лечь въ постель, написать императрицѣ и еще сильнѣе выразить причины моего отказа. Возвратившись домой, я тотчасъ же принялась за письмо, которое и болѣе хладнокровнаго монарха, чѣмъ Екатерина, могло бы оскорбить. Я сказала ей прямо, что частная жизнь государыни можетъ пройти незамѣченной передъ судомъ исторіи, но вредная и безразсудная раздача общественныхъ должностей никогда не пройдетъ, что, по самой природѣ, какъ женщина, я не могу руководить Академіей наукъ; по недостатку своего образованія, я никогда не искала ученыхъ отличій, хотя въ Римѣ представлялся мнѣ случай купить его за нѣсколько дукатовъ. Было около полуночи, когда я окончила свое письмо; послать его императрицѣ было поздно; но волнуемая нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй отвязаться отъ этого нелѣпаго предложенія, я отправилась въ домъ князя Потемкина, у котораго никогда въ жизни не была, и приказала доложить ему о себѣ; если онъ въ постели, разбудить его.

Дѣйствительно, онъ уже спалъ. Я разсказала ему, что было въ этотъ вечеръ между мной и императрицей.

— Я ужъ слышалъ объ этомъ отъ государыни, сказалъ онъ,—и хорошо знаю ея послѣднія намѣренія. Она непремѣнно желаетъ поручить Академію наукъ вашей дирекціи.

— Но вѣдь это невозможно, возразила я,—какимъ образомъ я могу принять эту обязанность, не унизивъ себя въ своихъ собственныхъ глазахъ? Вотъ мое письмо къ императрицѣ, въ которомъ я отказываюсь; прочитайте его, князь, и потомъ я запечатаю и вручу его

вамъ; вы передадите его Екатеринѣ утромъ, какъ только она проснется.

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ, разорвалъ его въ клочки. Изумленная и разсерженная, я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать мое письмо, написанное императрицѣ.

— Успокойтесь, княгиня, сказалъ онъ,—и послушайте меня. Вы искренно преданы государынѣ, въ этомъ никто не сомнѣвается; зачѣмъ же вы хотите безпокоить и огорчать ее предметомъ, который въ эти послѣдніе два дня исключительно занималъ ея мысль, и на которомъ она твердо рѣшилась? Если вы, дѣйствительно, неумолимы, вотъ перо, чернило и бумага—напишите новое письмо, но повѣрьте мнѣ, что я совѣтую вамъ, какъ человѣкъ преданный вашимъ интересамъ. Кромѣ того, я долженъ прибавить, что императрица, опредѣляя васъ на это мѣсто, имѣетъ въ виду удержать васъ въ Петербургѣ и затѣмъ имѣть случай чаще видѣться съ вами; говоря правду, вѣдь она утомлена этимъ сборищемъ дураковъ, которые ее вѣчно окружали.

Мой гнѣвъ, очень рѣдко продолжительный, почти прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое я хотѣла послать съ своимъ слугой, чтобы передать его государынѣ черезъ одного изъ ея придворныхъ лакеевъ, какъ только она встанетъ по утру; въ заключеніе я умоляла князя употребить все свое вліяніе, чтобъ разубѣдить императрицу въ такомъ безпримѣрномъ и странномъ назначеніи.

Пріѣхавъ домой, я сѣла за другое письмо и, несмотря на раздраженное состояніе, кончила его въ томъ же платьѣ, которое надѣла съ утра для придворнаго бала. Въ семь часовъ письмо было отправлено, и я получила на него отвѣтъ [1]); замѣтивъ о моемъ раннемъ пробужденіи, императрица насказала мнѣ очень много лестныхъ и обязательныхъ фразъ, но ни одного слова объ отказѣ, который она, очевидно, сочла не стоющимъ никакого замѣчанія.

Къ вечеру того же дня, я получила письмо отъ графа Безбородко и съ тѣмъ вмѣстѣ копію съ указа, уже переданнаго Сенату и опредѣлившаго меня директоромъ Академіи наукъ; въ силу того же указа была уничтожена прежняя коммиссія, съ общаго согласія профессоровъ, недовольныхъ дурнымъ управленіемъ послѣдняго директора Домашнева.

Окончательно сбитая съ толку, я приказала запереть дверь и никого не принимать; сама начала расхаживать по комнатамъ, обсуждая

---

[1]) См. „Переписку Екатерины“. Это письмо начинается слѣдующими словами: „Вы раньше меня встаете, прекрасная княгиня“...

всѣ трудности вновь возложенной на меня обязанности; между другими послѣдствіями, по всей вѣроятности, она должна породить многія недоразумѣнія между мной и императрицей. Въ письмѣ Безбородко заключались слѣдующія строчки: „Ея величество приказала мнѣ извѣстить васъ, что вы можете свободно являться, утромъ или вечеромъ, для совѣщанія съ государыней о дѣлахъ вашего управленія, она всегда готова отстранить всякое затрудненіе, могущее случиться на пути вашей дѣятельности“.

Такимъ образомъ, я очутилась въ положеніи вьючнаго животнаго, запряженнаго въ непривычное ярмо, безъ всякаго опредѣленнаго руководительства моихъ трудовъ, даже безъ коммиссіи, которая на первый разъ могла быть полезна, сообщивъ мнѣ первоначальный толчекъ.

Первымъ моимъ дѣломъ, послѣ этого назначенія, была отсылка копіи съ указа въ Академію; я хотѣла, чтобъ коммиссія еще два дня засѣдала, чтобъ немедленно довела до моего свѣдѣнія отчетъ о различныхъ отрасляхъ академической дѣятельности, о состояніи типографіи, вмѣстѣ съ именами библіотекарей и смотрителей разныхъ кабинетовъ, чтобъ начальники каждаго отдѣленія представили мнѣ на другой день рапортъ о своихъ должностяхъ и о всемъ, что подлежитъ ихъ управленію. Въ то же время, я просила коммиссію сообщить мнѣ все, что она признаетъ болѣе важнымъ относительно обязанностей директора; прежде чѣмъ я намѣрена была приступить къ своей должности, мнѣ необходимо было составить хоть общее понятіе о ней; въ заключеніе я увѣрила почтенныхъ членовъ Академіи въ полномъ моемъ уваженіи къ ихъ ученому обществу, столь отличному по своимъ заслугамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, я думала съ самаго начала избѣжать всякаго повода къ взаимному неудовольствію и зависти ученыхъ академиковъ.

На другое утро я присутствовала за туалетомъ императрицы когда обыкновенно собирались секретари ея и начальники различныхъ управленій для выслушиванія приказаній. Съ удивленіемъ я увидѣла между ними Домашнева; онъ предложилъ мнѣ свои услуги, желая познакомить меня съ дѣлами моей новой обязанности. Меня изумила дерзость этого человѣка; за всѣмъ тѣмъ, я вѣжливо отвѣчала ему, что главнымъ моимъ правиломъ будетъ сбереженіе интересовъ и довѣріе Академіи и, чтобъ дѣйствовать безпристрастно, я должна въ наградахъ и отличіяхъ ея руководиться единственно однѣми истинными заслугами; что же касается всего другаго, замѣтила я, моя неопытность заставляетъ меня обратиться за совѣтами къ самой государынѣ, которая такъ великодушно обѣщала помочь мнѣ.

Въ ту самую минуту, когда я говорила съ Домашневымъ, императрица полурастворила дверь; но, замѣтивъ насъ, тотчасъ же захлопнула ее и позвонила въ колокольчикъ своему дежурному слугѣ; онъ пригласилъ меня въ кабинетъ императрицы.

— Очень рада васъ видѣть, сказала Екатерина,—но скажите, пожалуйста, о чемъ говорило вамъ это животное—Домашневъ?

— Онъ давалъ мнѣ, отвѣчала я,—нѣкоторыя наставленія по Академіи; хотя безкорыстіе мое, въ кругу новой дѣятельности, кажется, не имѣетъ надобности въ его урокахъ; но относительно ученыхъ достоинствъ, едва-ли я не проиграю въ сравненіи съ его опытностью. Не знаю, государыня, благодарить ли васъ за такое лестное мнѣніе обо мнѣ, или, напротивъ, жалѣть за такое неслыханное и странное назначеніе женщины директоромъ ученаго общества.

Императрица увѣряла, что она не только вполнѣ довольна своимъ выборомъ, но гордится имъ.

— Да, все это очень лестно, мадамъ, сказала я,—но трудъ—руководить слѣпую волю—скоро наскучитъ вамъ.

— Перестаньте, пожалуйста, возразила она,—смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной точки зрѣнія и не говорите мнѣ больше объ этомъ.

Оставивъ царскій кабинетъ, я встрѣтилась съ придворнымъ маршаломъ, которому императрица приказала позвать меня за домашній ея обѣдъ. Съ этого дня меня просили всегда являться безъ церемоніи; разумѣется, при всей неограниченной свободѣ, я больше сообразовалась съ своими наклонностями и приличіемъ, чѣмъ съ добрымъ желаніемъ государыни.

Послѣ того начались поздравленія съ царской милостью и вниманіемъ; нѣкоторые, впрочемъ, изъ моихъ знакомыхъ, знавшіе, что я вовсе не радовалась такому непредвидѣнному отличію, удержались отъ комплиментовъ, которые еще больше ставили меня въ замѣшательство. Общее же впечатлѣніе этого назначенія возбудило зависть, потому что такой почетный постъ считался вовсе несвойственнымъ лицу, отнюдь не приготовленному для дворцовой политики.

На третій день, послѣ опредѣленія моего, въ воскресенье, посѣтили меня профессоры, инспекторы и другіе чиновники Академіи. Я обѣщала явиться на слѣдующій день въ Академію и предупредила ихъ, что во всѣхъ случаяхъ, когда бы они ни захотѣли переговорить со мною о дѣлахъ, дверь моего дома всегда радушно отворена имъ.

Весь этотъ вечеръ я провела въ занятіяхъ, перечитавъ нѣкоторые изъ представленныхъ рапортовъ, съ величайшимъ желаніемъ выбраться на свѣтъ среди сплетеній этого непроходимаго лабиринта; я

напередъ знала, что всякій мой шагъ будетъ предметомъ критики, которая не проститъ мнѣ ни одной, самой ничтожной ошибки.

Я также озаботилась познакомиться съ именами лучшихъ членовъ Академіи и, на другое утро, прежде чѣмъ явилась въ нее, заѣхала къ знаменитому Эйлеру; онъ зналъ меня уже давно и всегда былъ добръ и почтителенъ ко мнѣ. Недовольный поведеніемъ Домашнева, онъ удалился изъ Академіи и посѣщалъ ее только для того, чтобъ единодушно съ другими академиками противорѣчить гибельнымъ распоряженіямъ директора, о чемъ не одинъ разъ доходили письменныя жалобы до Екатерины.

Этотъ ученый, нѣтъ сомнѣнія, былъ одинъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Кромѣ того, онъ былъ хорошо образованъ по каждой отрасли наукъ; его умственныя силы и неутомимая дѣятельность были такъ велики, что онъ, даже послѣ потери зрѣнія, не оставилъ своихъ обычныхъ трудовъ; съ помощью Фусса, мужа своей внучки, читавшаго ему и писавшаго подъ его диктовку, онъ подготовилъ множество матеріаловъ, которые долго обогащали академическія изданія послѣ его смерти.

Я попросила Эйлера проводить меня въ Академію, чтобъ подъ его руководствомъ представиться въ первый разъ во главѣ ученаго собранія, обѣщавъ никогда не безпокоить его подобной просьбой въ обыкновенныхъ случаяхъ. Знаменитый математикъ, кажется, охотно принялъ мое предложеніе и, въ сопровожденіи своего сына, непремѣннаго секретаря и внука, руководившаго славнаго слѣпца, въ моей каретѣ отправился въ Академію.

Какъ только я вошла въ сборную залу, обратившись къ обществу профессоровъ и членовъ, то извинилась въ своемъ ученомъ невѣжествѣ, но засвидѣтельствовала высокое уваженіе къ наукѣ; присутствіе Эйлера, замѣтила я, показавшаго мнѣ путь въ Академію, надѣюсь, можетъ служить торжественнымъ ручательствомъ моихъ словъ.

Послѣ этой коротенькой рѣчи, я сѣла въ кресло, замѣтивъ, что Штелинъ, такъ называемый профессоръ аллегоріи, помѣстился около меня. Этотъ господинъ, котораго ученыя притязанія, можетъ быть, не превышали его назначенія, получилъ это необыкновенное званіе въ царствованіе Петра III и съ тѣмъ вмѣстѣ чинъ статскаго совѣтника, который равнялся генералъ-маіору и, по мнѣнію его, давалъ ему неоспоримое первенство между прочими членами Академіи. Обернувшись къ Эйлеру, я сказала: „садитесь, милостивый государь, гдѣ хотите; на какомъ бы стулѣ вы ни сѣли, онъ всегда будетъ первымъ“.

Эта импровизованная дань уваженія его талантамъ произвела

всеобщій восторгъ и одобреніе. Не было ни одного профессора (за исключеніемъ аллегорическаго), который бы не сочувствовалъ моему отзыву и со слезами на глазахъ не признавалъ заслугъ и первенства этого почтеннаго характера.

Изъ академической залы я прошла въ канцелярію, гдѣ былъ поданъ мнѣ списокъ всѣхъ экономическихъ предметовъ заведенія. Чиновники были на своихъ мѣстахъ. Я замѣтила имъ, что за стѣнами Академіи носится слухъ о великихъ безпорядкахъ послѣдняго директора, который будто бы не только разорилъ академическую казну, но и ввелъ ее въ долги.

— Поэтому, сказала я,—давайте общими силами уничтожать злоупотребленія; и такъ какъ нѣтъ надобности приводить въ упадокъ какую бы то ни было отрасль Академіи, чтобъ поправить ея общее состояніе, то употребимъ всѣ данныя намъ средства помочь ей изъ собственныхъ же ея источниковъ. Съ этой цѣлью я не хочу обогащать себя на ея счетъ и отнюдь не позволю своимъ подчиненнымъ разорять ее взятками; и если я увижу, что ваше поведеніе совершенно отвѣчаетъ моему желанію, я не замедлю наградить ревностнаго и достойнаго повышеніемъ въ чинъ и прибавкой жалованья.

Академія сначала каждогодно издавала комментаріи въ двухъ томахъ in quarto; потомъ они сократились въ одинъ томъ, и, наконецъ, вовсе были прекращены за недостаткомъ печатнаго шрифта. Типографію я нашла въ ужасномъ безпорядкѣ и среди совершенной бездѣятельности. Первой моей заботой было—возстановить ее и обзавестись необходимыми шрифтами; вскорѣ послѣ того, снова явились два тома академическихъ записокъ, составленныхъ большею частью изъ статей Эйлера.

Князь Вяземскій, генералъ-прокуроръ Сената, спросилъ императрицу, нужно ли приводить меня къ присягѣ, чтó требуется отъ всѣхъ коронныхъ чиновниковъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчала Екатерина;—я не тайкомъ назначила княгиню Дашкову директоромъ Академіи; хотя я не нуждаюсь въ новомъ доказательствѣ ея вѣрности мнѣ и отечеству, но этотъ торжественный актъ мнѣ очень угоденъ; онъ даетъ гласность и санкцію моему опредѣленію.

Вслѣдствіе этого князь Вяземскій прислалъ ко мнѣ своего секретаря сказать, чтобъ я на другой день явилась въ Сенатъ для произнесенія присяги. Мысль о такомъ публичномъ обрядѣ не совсѣмъ была мнѣ по сердцу, хотя я знала, что все, чтó служитъ въ Россіи, сверху и до низу, клянется въ своей вѣрности. Въ назначенный часъ, я вошла въ Сенатъ; проходя въ церковь той залой, въ которой совѣщались сенаторы, я нашла ихъ въ полномъ собраніи, на своихъ мѣстахъ. Они

встали, когда я явилась, и нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ вышли ко мнѣ навстрѣчу.

— Господа, сказала я,—вы конечно не меньше меня изумляетесь настоящему моему появленію среди васъ—я иду присягать императрицѣ, которая такъ давно правитъ всѣми моими чувствами. Но долгъ обязательный для всѣхъ, не можетъ обойти и меня; вотъ объясненіе этого единственнаго явленія, что женщина находится въ кругу вашего августѣйшаго собранія.

Когда кончился обрядъ, при чемъ я, по обыкновенію, стѣснялась застѣнчивостью и неловкостью своего положенія, я воспользовалась этимъ случаемъ и просила генералъ-прокурора снабдить меня тѣми документами, въ которыхъ объяснялись причины академическихъ неурядицъ; посредствомъ ихъ я хотѣла ближе познакомиться съ жалобами противъ отставнаго директора, съ его защитой и протестомъ и такимъ образомъ объяснить свою собственную дѣятельность.

Съ величайшимъ трудомъ я устроила два источника академическихъ доходовъ — экономическую сумму и деньги, получаемыя изъ государственнаго казначейства. Оба источника были истощены, и отчеты ихъ, вмѣсто того, чтобы вести ихъ отдѣльно, были смѣшаны и запутаны.

Академія была въ долгу у различныхъ книгопродавцевъ, русскихъ, французскихъ и голландскихъ; не докладывая императрицѣ о вспомоществованіи, я предложила Академіи пустить въ продажу книги собственнаго ея изданія, тридцатью процентами ниже обыкновенныхъ цѣнъ. Изъ этого источника я уплатила долги, по мѣрѣ возраставшаго прибытка дополняла недоимки казеннаго фонда, которымъ завѣдывалъ государственный казначей, князь Вяземскій. Когда недостатки уравновѣсились, я старалась увеличить экономическую сумму, находившуюся подъ безусловнымъ контролемъ директора, равно какъ и средства увеличенія ея; и такъ какъ трудно было предвидѣть всѣ случаи расходовъ, то употребленіе ея не опредѣлялось никакимъ положительнымъ актомъ; такъ, напримѣръ, изъ этой суммы выдавались случайныя награды, производилась покупка новыхъ изобрѣтеній и дополнялись недоимки другихъ фондовъ.

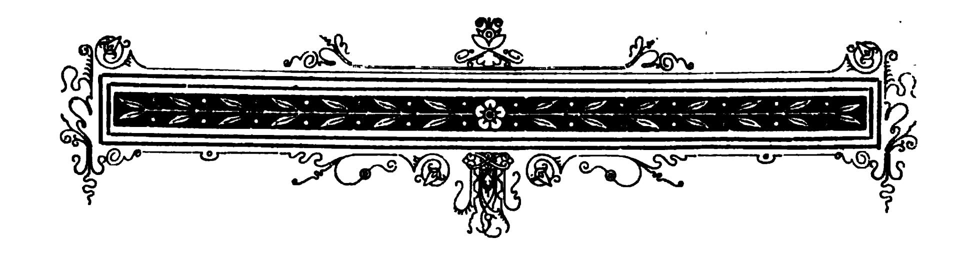
Въ академическихъ аудиторіяхъ я застала семнадцать студентовъ и двадцать одного ремесленника, получавшихъ воспитаніе на казенный счетъ. Я увеличила число тѣхъ и другихъ—первыхъ довела до пятидесяти, а вторыхъ до сорока; я успѣла удержать Фусса (молодаго человѣка, внука Эйлера, желавшаго оставить Академію), увеличить жалованье его, такъ какъ и другаго достойнаго академика Жоржа.

Менѣе чѣмъ въ годъ, я нашла возможность возвысить оклады всѣхъ профессоровъ и открыть три новыхъ каѳедры—математическую,

геометрическую и естественной исторіи—для всѣхъ желающихъ посѣщать лекціи, читанныя на русскомъ языкѣ. Я часто сама слушала ихъ и съ радостью убѣдилась въ томъ, что это учрежденіе принесло большую пользу сыновьямъ бѣдныхъ дворянъ и низшихъ гвардейскихъ офицеровъ. Вознагражденіе, получаемое каждымъ профессоромъ въ концѣ курса, равнялось двумъ стамъ рублямъ, отпускаемымъ изъ экономическихъ суммъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

III [1]).

Начало строительныхъ работъ.—Дальнѣйшее ознакомленіе съ городомъ, людьми и порядками. — Характеристика сибирскаго купечества. — Разбойничье нападеніе.—Разбойникъ Лихановъ.—Взглядъ властей и жителей на разбои.—Пожары.—Чаепитіе въ театрѣ.—Тюремный смотритель, глава шайки воровъ.— Легенда о Кузьмичѣ.—Затрудненія для начала постройки.

3 іюня. Вторникъ. Сегодня состоялось первое засѣданіе строительнаго комитета въ квартирѣ предсѣдателя его, и. д. томскаго губернатора, статскаго совѣтника Василія Ивановича Мерцалова. Членами комитета состоятъ, кромѣ меня, предсѣдатель томскаго губернскаго правленія, коллежскій ассесоръ Александръ Ипполитовичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, томскій городской голова, коммерціи совѣтникъ Захаръ Михайловичъ Цыбульскій и назначенный строителемъ университескихъ зданій, инженеръ-архитекторъ, коллежскій ассесоръ Максимиліанъ Юрьевичъ Арнольдъ. Дѣлопроизводителемъ комитета состоитъ командированный отъ министерства народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Андрей Семеновичъ Бѣлявскій. Въ мое отсутствіе, во время зимнихъ мѣсяцевъ, Бѣлявскій исполняетъ функціи члена комитета, съ правомъ голоса, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ должность дѣлопроизводителя. Это установлено съ тою цѣлію, чтобы министерство просвѣщенія всегда имѣло въ комитетѣ свое уполномоченное лицо. Мнѣ были даны министромъ народнаго просвѣщенія особыя порученія — слѣдить за приспособленіемъ строющихся помѣщеній къ учебнымъ цѣлямъ и заботиться о постепенномъ заготовленіи (путемъ пожертвованій) и храненіи учебнаго университетскаго имущества. Какъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

представитель министерства, спеціально знакомый съ университетскими потребностями, я долженъ былъ наблюдать за цѣлесообразностью построекъ въ частностяхъ и ежегодно представлять министру особые отчеты о ходѣ и направленіи строительныхъ работъ. Бѣлявскій, въ мое отсутствіе, во время зимнихъ мѣсяцевъ, долженъ дѣйствовать по моимъ указаніямъ и письменно сноситься со мной.

Въ первомъ засѣданіи комитета прежде всего былъ поднятъ вопросъ объ отведенной томскою городскою думою землѣ подъ постройку. По плану на отведенномъ участкѣ значилось 23 десятины, изъ коихъ половина, расположенная подъ горой и занятая озеромъ и болотомъ, совсѣмъ не пригодна для построекъ, а участокъ на высокомъ берегу, покрытый березовою рощею, представляетъ мѣстность неровную, изрытую оврагами. Вырубивъ рощу и засыпавъ часть овраговъ и котловинъ, здѣсь можно было размѣстить главный университетскій корпусъ и клиники, но для ботаническаго сада съ оранжереями и питомниками мѣста не оказывалось. Поэтому я просилъ комитетъ войти въ думу съ представленіемъ о необходимости присоединить къ университетской землѣ слѣдующій южный участокъ (пустырь), за дальнимъ оврагомъ, вплоть до военнаго лазарета. Въ томъ же засѣданіи комитетъ ознакомился съ вопросомъ о строительныхъ матеріалахъ и убѣдился при этомъ, что при заготовкѣ ихъ предстоятъ весьма большія затрудненія. Смѣты на постройки составлялись по справочнымъ цѣнамъ 1877 года, когда кирпичъ продавался въ Томскѣ по 8 р. тысяча, бутъ по 8 р. куб. саж., нынѣ же кирпичъ покупаютъ, при томъ малыми партіями, по 14—16 р., а бутъ по 17 руб. При всемъ томъ, даже за такую высокую цѣну невозможно было получить строительные матеріалы въ должномъ количествѣ. А. И. Мамоновъ обѣщался нѣсколько облегчить это затрудненіе болѣе дешевымъ арестантскимъ трудомъ томской исправительной роты.

Архитекторомъ Арнольдомъ возбужденъ былъ вопросъ о назначеніи ему помощника, двухъ десятниковъ и двухъ чертежниковъ. Я пробовалъ возразить, что, при неимѣніи строительныхъ матеріаловъ, въ текущемъ году работы будутъ крайне ограничены, и потому въ помощникахъ едва-ли предвидится необходимость; но Арнольдъ настоялъ на своемъ. Потому ли, что члены комитета не вошли еще въ курсъ дѣла, или просто потому, что въ первомъ засѣданіи они не хотѣли возбуждать споровъ и разнорѣчій. всѣ согласились удовлетворить предложеніе Арнольда. Рекомендованному имъ гражданскому инженеру Бетхеру (состоящему при губернской строительной коммиссіи) назначили содержаніе по 150 руб. въ мѣсяцъ, изъ строительныхъ суммъ, чертежнику по 50 руб., десятнику по 75 р. въ мѣсяцъ. Такое проявленіе архитекторскихъ наклонностей Арнольда не предвѣщаетъ

добра. До будущей весны, когда собственно должны начаться настоящія строительныя работы, его преждевременные помощники будутъ стоить комитету до 3.000 руб., затраченныхъ совершенно безъ пользы. Если мы такъ будемъ дѣйствовать, — далеко не уйдемъ. Въ томъ же засѣданіи предсѣдатель предложилъ на должность бухгалтера строительнаго комитета нѣкоего О—скаго, ссыльнаго поляка, служившаго у Мерцалова по вольному найму въ омской контрольной палатѣ, когда В. И. былъ тамъ управляющимъ, до назначенія въ Томскъ. Бухгалтеру назначили содержаніе по 800 р. въ годъ. Это назначеніе можно было бы признать своевременнымъ и правильнымъ, но по собраннымъ мною частнымъ свѣдѣніямъ прошлое О—скаго представляется далеко не безукоризненнымъ. Говорятъ, онъ былъ приговоренъ за польское возстаніе въ каторжныя работы, но во время слѣдованія въ Сибирь помѣнялся именемъ съ другимъ ссыльнымъ полякомъ, приговореннымъ къ поселенію въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ. Этотъ послѣдній страдалъ чахоткой и долженъ былъ вскорѣ умереть и, дѣйствительно, умеръ, спустя нѣсколько недѣль въ тобольской пересыльной тюрьмѣ, и О—скій, принявшій фамилію умершаго ссыльно-поселенца, остался въ Западной Сибири, поступилъ впослѣдствіи на службу въ омскій контроль и пользуется нынѣ благорасположеніемъ В. И. Мерцалова.

4—6-го іюня. Продолжаю знакомиться съ томскимъ обществомъ. Первенствующую роль здѣсь играютъ купцы. Они задаютъ тонъ жизни, правда, очень низменный, и являются самыми почетными гостями въ салонахъ мѣстной администраціи. За эти дни я былъ у мѣстныхъ тузовъ-коммерсантовъ: Королева, Михайлова и Тецкова, предполагая, что они могутъ быть намъ полезными въ строительномъ дѣлѣ, какъ здѣшніе старожилы и капиталисты. Всѣ они имѣютъ въ Томскѣ собственные каменные дома, построенные по одинаковому типу, какъ снаружи, такъ и внутри. Вотъ типъ сибирскаго городскаго дома: крѣпкія ворота, постоянно на запорѣ, большой дворъ, обнесенный высокими каменными стѣнами, какъ крѣпость; въ глубинѣ двора обширные навѣсы на каменныхъ столбахъ, крытые желѣзомъ; подъ ними входъ въ сараи, кладовыя и погреба для склада товаровъ. Парадный подъѣздъ всегда со двора. Богатые купеческіе дома почти всегда двухъэтажные: внизу помѣщается контора и приказчики, вверху квартира домохозяина, большею частію изъ пяти, или шести комнатъ, весьма не уютныхъ. Стѣны выбѣлены известкой, иногда украшены литографированными портретами митрополитовъ и государей. Въ переднемъ углу каждой комнаты много иконъ въ рѣзныхъ золоченыхъ кіотахъ съ теплящимися лампадками. Въ первой комнатѣ старомодные стулья разставлены только по стѣнамъ; во второй комнатѣ (гостиная)

у задней стѣны непремѣнно помѣщается диванъ и круглый столъ, отъ котораго въ глубину комнаты идутъ два ряда тяжеловѣсныхъ креселъ. Надъ диваномъ зеркало. Третья комната по фасаду,—чайная или столовая, убрана попроще. Здѣсь непремѣнно стоитъ комодъ или горка съ серебромъ или чайною посудой. По заднему фасаду размѣщаются, такъ называемыя, жилыя комнаты, въ отличіе отъ необитаемыхъ парадныхъ. Шторъ и драпировокъ обыкновенно не полагается, но любятъ разводить комнатныя растенія. По этому типу устроены почти всѣ богатые купеческіе дома, въ которыхъ мнѣ приходилось быть, кромѣ дома Цибульскаго, гдѣ имѣются обои, драпировки и даже паркетные полы въ двухъ комнатахъ.

Что касается до самихъ купцовъ, то для характеристики ихъ я пока не имѣю достаточныхъ данныхъ. Тецковъ отрекомендовался мнѣ чуть не потомкомъ самого Ермака. Передъ Цибульскимъ онъ состоялъ городскимъ головой, имѣетъ, повидимому, хорошее состояніе, но въ грамотѣ не далекъ. Михайловъ П. В., человѣкъ новый, изъ владимірскихъ офеней. Недавно онъ состоялъ приказчикомъ у московскаго купца Петрова по торговлѣ мануфактурными товарами, теперь принятъ въ долю, какъ компаньонъ. Большой краснобай и церковникъ, любитъ говорить о своихъ заслугахъ по части украшенія церквей, но довѣрія къ себѣ не внушаетъ. Королевъ считается въ Томскѣ первымъ богачемъ. Онъ также былъ приказчикомъ у томскаго купца Ненашева, послѣ смерти котораго женился на его вдовѣ и этимъ положилъ основаніе своему богатству. Человѣкъ крайне несимпатичный, завистливый и скупой.

Тецковъ, Михайловъ и Королевъ считаются выдающимися гражданами города Томска. Они носятъ шитые мундиры, по званію попечителей какихъ-либо благотворительныхъ или учебныхъ заведеній, имѣютъ ордена на шеѣ, но, по существу, они остаются тѣми же офенями, или бывшими крѣпостными, изъ среды коихъ они недавно вышли благодаря своей юркости, или случайности. Другіе сограждане, говорятъ, не лучше описанныхъ. Съ ними я еще не имѣлъ случая познакомиться. При такомъ складѣ томскаго общества трудно разсчитывать на мѣстную поддержку университета: онъ выше ихъ пониманія.

7-го іюня. Суббота. Сегодня прибылъ въ Томскъ новый генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Анучинъ и былъ у меня съ визитомъ. Повидимому, человѣкъ очень образованный и много обѣщающій, особенно по сравненію его съ барономъ Фридериксомъ, нынѣ живущимъ на покоѣ у насъ въ Казани. Послѣ графа Н. П. Муравьева Восточная Сибирь давно ждетъ умнаго и дѣятельнаго начальника. Нынѣшняя размолвка съ Китаемъ по поводу Кульджи требуетъ большой

*

предусмотрительности и осторожности на нашихъ «восточно-сибирскихъ границахъ. Въ этомъ отношеніи умный начальникъ края нынѣ болѣе необходимъ, чѣмъ когда-либо. Анучинъ говоритъ, что въ случаѣ войны съ Китаемъ ему предстоитъ трудная задача охранять Амурскій и Уссурійскій край, въ которомъ нѣтъ ни дорогъ, ни войска, ни укрѣпленій, ни продовольствія.

8-го іюня. Воскресенье. Троица, мой любимый праздникъ. Городъ убранъ березками, но жаль, что погода не соотвѣтствуетъ праздничному настроенію. Небо пасмурно, по улицамъ невообразимо грязно. Послѣ обѣдни былъ съ визитомъ у преосвященнаго Петра. Живетъ онъ въ архіерейскомъ домѣ, недавно купленномъ у золотопромышленника Асташева. Домъ самъ по себѣ хорошій и удобный, но въ немъ нѣтъ ничего архіерейскаго. Что особенно странно, въ залѣ оставлены отъ прежняго владѣльца нѣкоторыя картины и бронза совсѣмъ не духовныхъ сюжетовъ. Домовой церкви тоже нѣтъ. Самъ преосвященный не напоминаетъ святителя, а выглядитъ простымъ добродушнымъ монахомъ. Впрочемъ, я вижу его въ первый разъ, можетъ быть, и ошибаюсь.

Вечеромъ погода нѣсколько прояснилась. Ѣздили прогуляться въ лагери. Тамъ играетъ военная музыка, поютъ пѣсельники, много народу, но интереснаго ровно ничего нѣтъ. Публика весьма невзрачная; у въѣзда много экипажей, но это большею частію плетеные коробкй на дрожинахъ, либо долгушки. Странно, что, несмотря на большое изобиліе въ Томскѣ дождей, здѣсь совсѣмъ не видно крытыхъ экипажей. Казалось бы, по здѣшнему климату всего пригоднѣе были бы крытыя дрожки, а никакъ не плетеная изъ прутьевъ телѣжка (по мѣстному названію „коробо́къ“). Не объясняется ли это тѣмъ, что дрожекъ здѣсь некому сдѣлать, а надо ихъ выписать по меньшей мѣрѣ изъ Екатеринбурга? Какой же, въ такомъ случаѣ, это жалкій и неразвитый городъ!

10-го іюня. Вторникъ. Второе засѣданіе строительнаго комитета, въ квартирѣ В. И. Мерцалова. Главною темою разсужденій служило заготовленіе строительныхъ матеріаловъ. Оказывается, что на томскомъ рынкѣ нѣтъ ни камня, ни лѣса, ни кирпича, ни извести. Существуетъ пять или шесть кирпичныхъ заводовъ, но всѣ они въ совокупности вырабатываютъ въ годъ не болѣе одного милліона кирпичей для всѣхъ городскихъ надобностей, преимущественно на печи, на фундаменты и на мелкія постройки. Разсчитывать на это производство строительный комитетъ не можетъ не только въ нынѣшнемъ, но и въ будущемъ году. Бутоваго камня достаточно, но онъ не на рынкѣ, а въ окрестныхъ горахъ, откуда его надо добыть (наломать) и привезти своими рабочими или заказать томскимъ мѣщанамъ заблаговременно. Въ та-

комъ же положеніи известь и лѣсной матеріалъ. Комитетъ получилъ разрѣшеніе вырубить до 30 тыс. бревенъ въ томской тайгѣ, безъ попенной пошлины, но эту операцію можно начать только будущею зимою.

Между тѣмъ, намъ нужно во что бы то ни стало произвести закладку Сибирскаго университета 26-го августа текущаго года, хотя бы только для почина дѣла. Для этого необходимо запасти не менѣе 50—100 куб. саженъ бута и 100 или 200 тысячъ кирпича. А. И. Мамоновъ, какъ предсѣдатель губернскаго правленія, въ вѣдѣніи коего находится мѣстная арестантская исправительная рота, предложилъ намъ услуги этой послѣдней. На этой же недѣлѣ поставятъ партію арестантовъ ломать бутъ на городской землѣ по берегу рѣки Ушайки. Часть извести, надѣемся, пригонятъ на плотахъ съ верховьевъ Томи, а сотню тысячъ кирпичей раздобудемъ къ концу лѣта. Для соблюденія законной формы объявимъ торги на всѣ строительные матеріалы. Впередъ можно видѣть, что никакой пользы отъ этихъ торговъ не будетъ, но они, по крайней мѣрѣ, выяснятъ положеніе здѣшней строительной промышленности. Арнольдъ настаиваетъ на томъ, чтобы комитетъ построилъ собственный кирпичный заводъ для лѣтней и зимней машинной выдѣлки по пяти милліоновъ кирпичей въ годъ. Эта затѣя крайне осложнила бы наши обязанности и запутала бы всѣ строительные разсчеты. В. И. Мерцаловъ рекомендуетъ поручить постройку завода купцу Михайлову на тѣхъ же основаніяхъ, съ субсидіями отъ комитета. Такая мѣра едва ли будетъ выгоднѣе и практичнѣе Арнольдовскаго проекта. Надо осмотрѣться и не торопясь поискать другаго, болѣе надежнаго выхода.

Въ томъ же засѣданіи, я снова внесъ формальное заявленіе о недостаточности отведеннаго университету мѣста и просилъ городскаго голову Цибульскаго предложить на обсужденіе думы вопросъ о прирѣзкѣ смежнаго (съ южной стороны, за дальнимъ оврагомъ) пустыря вплоть до военнаго лазарета. Дмитріевъ-Мамоновъ, по порученію старшинъ томскаго общественнаго собранія, предложилъ строительному комитету пріобрѣсти деревянный домъ лѣтняго собранія, стоящій на университетской землѣ и подлежащій сломкѣ на своз. Комитетъ охотно принялъ это предложеніе и согласился оставить за собой это старое, но довольно обширное зданіе, при оцѣнкѣ его въ 700 руб. Здѣсь предполагается помѣстить контору, чертежную, квартиру смотрителя, десятника и сторожей, и также складъ инструментовъ и болѣе цѣнныхъ матеріаловъ.

11-го іюня. Среда. Началъ занятія по разборкѣ книгъ будущей библіотеки Сибирскаго университета. Нынѣшней весной онѣ препровождены въ Томскъ (изъ Петербурга и Москвы) и хранятся въ скла

дахъ гостинаго двора (въ каменномъ, такъ называемомъ биржевомъ корпусѣ), въ количествѣ 250 ящиковъ. Изъ числа этихъ обширныхъ коллекцій, переданныхъ мнѣ на храненіе, по библіотекамъ гр. Строганова и Голицына я не имѣлъ никакихъ катологовъ. Это обстоятельство, а равно необходимость осмотра ящиковъ послѣ ихъ доставки (изъ опасенія порчи или подмочки книгъ въ пути) заставили меня приступить къ вскрытію ящиковъ и перепискѣ находящихся въ нихъ книгъ. Это дѣло мы организовали такимъ образомъ: три переписчика (учитель реальнаго училища Турнефоръ, г. Дикгофъ, окончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и бухгалтеръ строительнаго комитета) должны ежедневно приходить въ складъ въ 9 часовъ утра. Къ этому времени я и дѣлопроизводитель комитета, Бѣлявскій, должны быть тамъ же, снять съ дверей печати (восковыя) и отворить помѣщеніе. Занятіе продолжается до двухъ часовъ, послѣ чего магазинъ запирается тѣмъ же порядкомъ. Заглавія книгъ переписываются на карточки, по 2 коп. за штуку. Такимъ образомъ мы надѣемся въ теченіе лѣта переписать всѣ ящики, за исключеніемъ тѣхъ, которые были приняты по каталогамъ.

12-го іюня. Четвергъ. Былъ у купца Петрова-Родіонова по случаю покупки лѣса. Домъ этого купца находится на краю города, недалеко отъ Ермаковской церкви. Изъ переговоровъ о лѣсѣ ничего путнаго не вышло: заломилъ такую цѣну, что никакъ нельзя было на нее согласиться (по 2 рубля за 7—8 вершковое, 9 аршинное бревно). Этотъ визитъ далъ мнѣ возможность познакомиться съ рѣдкостнымъ экземпляромъ настоящаго сибиряка. Родіоновъ по виду лѣтъ 65—70, вышины и толщины непомѣрной, голова совершенно голая, лицо напоминаетъ скорѣе тучнаго звѣря, нежели человѣка. Разсказываетъ, что въ молодости онъ былъ ямщикомъ. Нажилъ состояніе, сталъ заниматься подрядами по перевозкѣ товаровъ между Томскомъ и Иркутскомъ.

. . . .

. . . .

. . . .

Теперь Родіоновъ въ періодѣ покаянія: строитъ церкви, жертвуетъ на пріюты и больницы. Домъ у него прекрасный, полукаменный. Вверху парадныя необитаемыя комнаты, а внизу, въ духотѣ и жарѣ, онъ живетъ самъ, кажется, совершенно одинъ. Были у него двѣ дочери: одну изъ нихъ онъ выдалъ за чиновника Кайдалова, а другую—за купца Еренева, и доживаетъ свой вѣкъ въ пустыхъ хоромахъ бобылемъ. Не знаю, на сколько подобные разсказы правдивы, но, ознакомившись съ томскимъ купечествомъ, я составилъ о немъ очень невыгодное понятіе. Всѣ они вчерашніе приказчики или ямщики, едва умѣющіе читать и писать. Это было бы еще въ порядкѣ вещей, но

ненормально то, что эти самые купцы задаютъ здѣсь тонъ жизни, подчиняютъ своему карману весь чиновный мірокъ. Всюду они на первомъ мѣстѣ: и у губернатора, и у архіерея, не говоря уже о второстепенныхъ чиновникахъ. Всѣ за ними ухаживаютъ въ видахъ той или другой благостыни, и это даетъ городу убѣжденіе, что вся сила въ купеческихъ карманахъ. За ними интеллигенція и администрація являются какъ случайный квартирантъ-нахлѣбникъ въ чужомъ дому, оттѣсненный на второй планъ. Такое приниженное положеніе чиновничества объясняется, по моему мнѣнію, его малочисленностью и ограниченностью средствъ. Большинство изъ нихъ получаютъ содержаніе не свыше 1.000 руб. въ годъ, не рѣдко при большой семьѣ. Вице-губернаторъ получаетъ всего 2.000 руб., а губернаторъ, кажется, 4.000 руб., совѣтники по 800 руб. При такихъ ограниченныхъ средствахъ честный человѣкъ забивается въ конуру, ѣздитъ по городу въ телѣгѣ, одѣвается чуть не въ овчинный тулупъ, а человѣкъ съ податливой совѣстью невольно дружитъ съ купечествомъ, лебезитъ и заискиваетъ передъ нимъ.

14-го іюня. Суббота. Засѣданіе комитета по поводу покупки у Королева круглаго лѣса въ количествѣ 5.000 бревенъ. Цѣна оказалась подходящая, по $12^1/_2$ коп. за погонный аршинъ, на кругъ, за всякую толщину (отъ 5 до 7 вершковъ въ отрубѣ). На это предложеніе согласились всѣ члены. Королевъ заготовилъ этотъ лѣсъ года два или три тому назадъ, предполагая окончить на свой счетъ достройку обрушившагося собора. При этомъ онъ ставилъ два условія: 1) чтобы верхнюю часть собора и купола выстроить деревянными, а не каменными, и 2) чтобы мѣстные архитекторы и администрація не вмѣшивались въ это дѣло. На такія условія губернаторъ не согласился, почему Королевъ распродаетъ теперь заготовленный строительный матеріалъ.

15-го. Воскресенье. Концертный вечеръ у Мамоновыхъ по случаю пріѣзда какихъ-то двухъ датчанъ. Они путешествуютъ по Сибири, частью съ научными, частью съ экономическими цѣлями, предполагая отыскать здѣсь какое-либо промышленное предпріятіе. Думаютъ, между прочимъ, устроить въ Тобольскѣ заводъ для приготовленія консервовъ изъ нельмы, осетрины и стерляди для сбыта въ Европейскую Россію, Швецію и Данію. Хотятъ тамъ же фабриковать изъ бараньей кожи шведскія куртки. Не знаю, какъ у нихъ пойдетъ это дѣло, но завидно видѣть энергію этихъ молодыхъ иностранцевъ, открывающихъ у насъ подъ носомъ можетъ быть выгодныя предпріятія, до которыхъ мы не могли додуматься сами. Да и кому у насъ думать, когда безграмотная Сибирь три столѣтія спитъ непробуднымъ сномъ. Бесѣда съ датчанами была очень интересна, но кон-

цертъ вышелъ уморительный. Сама Е. А. Мамонова очень хорошая піанистка, но остальные исполнители были изъ рукъ вонъ плохи.

16-го. Сегодня тѣ же датчане обѣдали у Цибульскаго. Насъ и Мамоновыхъ пригласили на этотъ обѣдъ, между прочимъ, въ качествѣ переводчиковъ, такъ какъ ни сами Цибульскіе, ни остальные гости совсѣмъ не понимаютъ иностранныхъ языковъ. Обѣдъ былъ приготовленъ вкусно и столъ сервированъ весьма прилично; но странно было видѣть иностранцевъ, попавшихъ въ такую среду, гдѣ они не могутъ ни поддержать разговора, ни сами понимать, что о нихъ говорятъ.

17-го. Вторникъ. Томскіе врачи приглашали меня навѣстить ихъ раненаго товарища, доктора Скавинскаго. У него оказались три пулевыхъ раны: одна на вылетъ въ правомъ плечѣ, другая такая же въ лѣвомъ бедрѣ, а третья пуля засѣла въ сосцевидномъ отросткѣ за лѣвымъ ухомъ. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Докторъ Скавинскій, имѣвшій значительную практику въ городѣ, возвращался около трехъ часовъ дня къ себѣ на дачу (на Хромовскую заимку, версты четыре или пять отъ города). Ѣхалъ онъ одинъ въ телѣжкѣ на собственной лошади. Въ трехъ верстахъ за пересыльной тюрьмой, по Иркутскому тракту, его догоняетъ всадникъ и требуетъ, чтобы докторъ остановился и отдалъ ему добровольно деньги и лошадь. Послѣ такого нахальнаго требованія, Скавинскій погналъ лошадь во всю прыть, а догоняющій его разбойникъ началъ въ него стрѣлять изъ револьвера. Изъ четырехъ выстрѣловъ три попали въ цѣль и произвели вышеописанныя раны, къ счастію, не смертельныя. Быстрота лошади и близость заимки спасли жертву отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Раны въ плечѣ и бедрѣ оказались неопасными, безъ поврежденія крупныхъ сосудовъ и кости, а сплющенную пулю, засѣвшую въ сосцевидномъ отросткѣ удалось извлечь. Раненый, все время оставаясь въ сознаніи и очень хорошо примѣтивъ черты нападавшаго, даже зналъ его въ лицо,—это былъ томскій мѣщанинъ Кирпичниковъ.

Любопытнѣе всего дѣйствія полиціи по разслѣдованію этого преступленія. Послѣ опроса Скавинскаго, Кирпичникова арестовали при полицейскомъ участкѣ, откуда онъ бѣжалъ въ ту же ночь. При снятіи показанія, гдѣ и какъ провелъ онъ этотъ день, Кирпичниковъ объяснилъ, что онъ выѣхалъ со двора верхомъ на рыжей лошади въ 9 час. утра (это подтвердили и сосѣди), былъ потомъ на базарѣ и возвратился домой часовъ въ 12 дня (этого сосѣди не подтвердили). При обыскѣ въ его квартирѣ нашли револьверъ съ слѣдами недавнихъ выстрѣловъ. Рыжую осѣдланную его лошадь нашли въ кустахъ за пересыльной тюрьмой. Казалось бы, всѣ улики были на лицо, тѣмъ болѣе, что и

самъ пострадавшій прямо указывалъ на личность грабителя, но блюстители сибирскаго правосудія нашли, что потерпѣвшій не можетъ быть свидѣтелемъ въ своемъ личномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ данное время находился подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, отъ страха и огнестрѣльныхъ ранъ. Имъ почему-то хотѣлось свалить всю эту исторію на другаго, явнаго разбойника Лиханова, открыто грабившаго въ это лѣто и въ городѣ, и по его окрестностямъ. Кирпичникова оставили въ подозрѣніи, послѣ чего онъ тотчасъ же изъ бѣговъ вернулся домой.

Кстати скажу здѣсь и про Лиханова. Легенды о его похожденіяхъ мнѣ пришлось слышать въ первые же дни послѣ пріѣзда въ Томскъ. Не проходило дня, чтобы онъ не давалъ себя знать какою-нибудь отчаянною выходкой. Его боялись не только въ окрестностяхъ города, по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, но и въ самомъ Томскѣ. Грабилъ онъ только купцовъ и чиновниковъ, крестьянамъ же и мѣщанамъ покровительствовалъ. Съ послѣдними у него, очевидно, были постоянныя сношенія. Невозможно перечислить всѣхъ его дѣяній за это время, напоминающихъ сказочныя времена. Можетъ быть, въ разсказахъ было кое-что и преувеличенное, но на городъ онъ, во всякомъ случаѣ, наводилъ страхъ. И я, грѣшный, первое время по ночамъ сильно побаивался, не столько за себя, сколько за семью, тѣмъ болѣе, что проникнуть къ намъ въ квартиру съ улицы было очень легко. Полиція и губернская администрація не оказывали жителямъ никакой помощи. Они наряжали крестьянъ почти цѣлыми деревнями искать и ловить Лиханова, но, конечно, безъ всякаго успѣха. Крестьяне боялись выдать разбойника изъ опасенія поджога деревни, а можетъ быть и сочувствовали его дѣяніямъ, такъ какъ они лично ихъ не касались. Томская городская дума напечатала и расклеила на всѣхъ перекресткахъ объявленія, что тому, кто доставитъ Лиханова въ Томскъ, живаго или мертваго, будетъ выдано городскимъ управленіемъ вознагражденіе въ размѣрѣ 300 рублей. По этому поводу я говорилъ Цибульскому, что за такой призъ разбойника непремѣнно убьютъ тѣ же крестьяне или мѣщане. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что цѣль объявленія въ томъ и заключается. Живаго поймать очень трудно, а подстрѣлить за 300 рублей охотниковъ найдется много. Губернаторъ былъ того же мнѣнія и не претендовалъ противъ назначенія приза. Чисто сказочныя времена.

19-го. Четвергъ. Первый блинъ вышелъ комомъ. При ломкѣ бута для университетскихъ построекъ въ числѣ, поставленныхъ для того, арестантовъ оказался самоучка-пиротехникъ. Онъ убѣдилъ Мамонова, что дѣло пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если онъ примѣнитъ порохострѣльныя работы, техника коихъ ему, будто бы, хорошо извѣстна.

Это предложеніе было принято. Навертѣли въ скалѣ дырокъ и положили заряды; но при первомъ выстрѣлѣ, отъ неумѣнья, или отъ неосторожности, самоучкѣ-технику раздробило голову разлетѣвшимися отъ скалы осколками. Вотъ и первая жертва передъ началомъ закладки Сибирскаго университета. Дай Богъ, чтобы она была и послѣднею! Порохострѣльныя работы послѣ того, конечно, остановили и скалу начали грызть, по первобытному способу, кирками и желѣзными клиньями.

20-го. Пятница. Въ городѣ почти ежедневные пожары, несмотря на сырую, дождевую погоду. Странно, что загорается обыкновенно на сѣновалахъ и въ холодныхъ пристройкахъ, при томъ въ одинъ и тотъ же часъ дня, точно по заказу. Лишь только успѣемъ пообѣдать, послѣ пяти часовъ, раздается учащенный звонъ набатнаго колокола. Къ счастію ни одинъ пожаръ до сего времени не принималъ большихъ размѣровъ. Городская пожарная команда работаетъ довольно энергично, особенно по части разламыванья заборовъ и деревянныхъ пристроекъ, но средства тушенія слабы. Больше всего затрудненій съ доставкой воды, если пожаръ начинается въ нагорныхъ частяхъ города. Порядка на пожарахъ нѣтъ никакого; уличная толпа распоряжается по своему усмотрѣнію, полиція въ грошъ не ставится, да ея и незамѣтно.

21-го. Суббота. Опять пожаръ по Милліонной улицѣ, рядомъ съ сисирскимъ банкомъ (въ домѣ Некрасова) недалеко отъ гостинаго двора. Становится страшно за наши книжные склады. Кругомъ биржеваго корпуса, на задахъ гостинаго двора, масса деревянныхъ лавченокъ, а ближайшій конецъ Духовской улицы весь застроенъ деревянными домами. Долго ли до грѣха! Ежедневные пожары, очевидно, не случайность, а упорное поджигательство. Появились подметныя письма. Томскъ угрожаютъ выжечь такъ же, какъ сожженъ Иркутскъ, въ прошломъ году. Любопытно, кто этимъ орудуетъ: ссыльные бродяги или анархисты, свившіе въ Томскѣ прочное гнѣздо. Все это очень дурныя предзнаменованія для будущаго университетскаго города.

22-го. Воскресенье. Сегодня выдался ясный солнечный день. Ѣздили съ Мерцаловыми и Цибульскими за городъ, на Степановку, верстахъ въ четырехъ отъ Томска. Мѣсто очень красивое, отличные луга и рощи, недалеко живописные берега рѣчки Ушайки. Здѣсь живетъ нѣсколько дачниковъ, но самыя дачи весьма незавидныя. Онѣ построены лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда въ Томскѣ жили богатые золотопромышленники, но теперь эти лѣтнія резиденціи скорѣе напоминаютъ живописныя руины, чѣмъ жилыя мѣста. Значительный участокъ казенной земли, прилегающій къ Степановкѣ, арендуется купцомъ Михайловымъ. Здѣсь подъ горой находятся весьма доброкачественные желѣзные источники, правда, не разработанные, но очень

обильные. Томскіе жители иногда употребляютъ эту воду внутрь съ большою пользою. Хорошо бы было, если бы впослѣдствіи удалось Сибирскому университету выпросить этотъ участокъ земли у министерства государственныхъ имуществъ, въ свою собственность, или взять его на долгосрочную аренду. Здѣсь можно было бы развести, какъ отдѣленіе ботаническаго сада, питомники для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, а потомъ, когда осуществится открытіе при физико-математическомъ факультетѣ техническихъ спеціальныхъ отдѣленій, здѣсь же, на Степановкѣ, можно было бы основать учебно-образцовые заводы для практическаго изученія необходимѣйшихъ для Сибири техническихъ производствъ. Минеральные источники взялъ бы въ свои руки медицинскій факультетъ. Такимъ образомъ сотня десятинъ земли, которую арендуетъ теперь за ничтожную плату Михайловъ, принесла бы несравненно бо́льшую пользу и государству, и университету, и мѣстному краю.

Въ сумеркахъ, возвращаясь со Степановки, мы встрѣтили по дорогѣ группу бродягъ. Безъ всякаго опасенія они подошли къ нашимъ экипажамъ, прося подать что-нибудь. Мы велѣли имъ отдать остатки нашей провизіи. Къ бродягамъ здѣсь такъ привыкли, что совсѣмъ ихъ не боятся, даже въ глухихъ загородныхъ мѣстахъ, равнымъ образомъ и они нисколько не опасаются даже при встрѣчѣ съ чиновниками въ форменныхъ сюртукахъ, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ съ губернаторомъ Мерцаловымъ. Говорятъ, не было случая, чтобы бродяги ограбили бы или обокрали кого-нибудь. Съ своей стороны и мѣстное населеніе относится къ нимъ не только снисходительно, но даже сочувственно, давая имъ пріютъ и заработокъ. Такія отношенія къ ссыльному элементу въ Сибири настолько своеобразны и любопытны, что когда-нибудь на досугѣ я напишу объ этомъ подробнѣе.

23-го. Понедѣльникъ. Утромъ было засѣданіе комитета для разсмотрѣнія разныхъ текущихъ дѣлъ.

Познакомился съ П. И. Макушинымъ. Въ Томскѣ онъ считается дѣятелемъ по народнымъ школамъ. Окончивъ курсъ въ Петербургской духовной академіи, онъ первоначально служилъ при алтайской миссіи, а потомъ, кажется, при здѣшней духовной семинаріи. Теперь находится въ отставкѣ (хотя сравнительно еще молодой человѣкъ), содержитъ въ Томскѣ библіотеку для чтенія, книжный магазинъ, типографію и литографію, основанные на средства брата вышеупомянутаго купца Михайлова, Василія Васильевича, человѣка холостаго, достаточно грамотнаго, съ нѣкоторыми прогрессивными замашками. Дѣла этой компаніи, подъ фирмой Михайловъ и Макушинъ, идутъ не дурно: первый даетъ средства, второй—трудъ и умѣнье. Все это очень хорошо и полезно. Жаль только, что конторщицы и продавщицы книж-

наго магазина по манерамъ и облику напоминаютъ, блаженной памяти, нигилистокъ конца шестидесятыхъ годовъ. Тѣ же стриженые волосы, очки, небрежность костюма и угловатость манеръ. Въ Петербургѣ и въ Казани такіе экземпляры отошли уже въ преданіе, а здѣсь эта запоздалая мода все еще держится и, повидимому, не безъ успѣха.

24-го. Вторникъ. Были въ театрѣ. Играли раздирающую душу драму изъ русскаго быта. Актеры, примѣняясь ко вкусу публики, старались изъ всѣхъ силъ воздѣйствовать на нее отчаянными жестами и криками. Въ одной сценѣ, гдѣ по ходу пьесы требовалось убійство, артистъ выбѣжалъ съ сверкающимъ топоромъ въ рукѣ, бросился на свою жертву какъ разъяренный звѣрь и такъ неистово вонзилъ топоръ въ деревянную скамейку, что намъ сдѣлалось просто страшно. Отъ такого внушительнаго движенія восторгъ публики былъ неописуемый.

О внѣшности томскаго театра я уже говорилъ раньше. Внутренность его напоминаетъ собою старый мрачный сарай съ стойлами по бокамъ (ложи). Мы были въ ложѣ съ Цибульскими. Прежде чѣмъ войти въ ложу, человѣкъ Цибульскаго разослалъ тамъ тюменскій коверъ, поставилъ столикъ, покрывъ его салфеткой. Все это было привезено изъ дому. Во время перваго антракта подали намъ въ ложу самоваръ съ чайнымъ приборомъ, приготовили чай и печенья. Сначала это насъ нѣсколько удивило, но, осмотрѣвшись кругомъ, мы замѣтили то же самое и въ нѣкоторыхъ другихъ ложахъ. Стало быть, такое чаепитіе здѣсь въ порядкѣ вещей. Сказать по правдѣ, это довольно удобно и остроумно: пьеса идетъ своимъ порядкомъ, а публика въ то же время, не торопясь, наслаждается чайкомъ.

25-го. Среда. Разборка и переписка книгъ продолжается успѣшно. Съ каждымъ новымъ ящикомъ открываемъ новыя и новыя сокровища. Дай Богъ все это сохранить (главнымъ образомъ отъ огня) до окончанія постройки и открытія университета. Много пищи для любознательнаго ума и просвѣщеннаго вкуса найдутъ здѣсь господа профессора, если пожелаютъ воспользоваться такимъ дорогимъ и рѣдкимъ книгохранилищемъ. Но пожелаютъ ли? Этотъ вопросъ я нерѣдко задаю себѣ, считая его далеко не празднымъ. Нынѣшнее поколѣніе ученыхъ, повидимому, не особенно дорожитъ стариной. Воспитанное на ежедневной газетѣ, оно не привыкло оглядываться назадъ, живетъ исключительно текущими новостями и убѣждено въ томъ, что чѣмъ свѣжѣе листокъ, тѣмъ онъ содержательнѣе. Всѣ наперерывъ собираются дѣлать новыя открытія и точно стыдятся повторять зады. А между тѣмъ, если бы они почаще заглядывали въ старыя книжки и знакомились бы съ ними въ подлинникѣ, не увлекаясь новымъ

вліяніемъ,—какими мизерными показались бы имъ ихъ новыя quasi-опытныя и самостоятельныя „работы“.

26-го. Четвергъ. Осматривалъ томскіе кирпичные заводы. Наибольшая ихъ часть расположена за чертой города по иркутскому тракту (за пересыльной тюрьмой). Всѣ они принадлежатъ мѣстнымъ мѣщанамъ и устроены очень примитивно. Глину мнутъ рабочіе собственными ногами, снимая исподнее платье; формировкою и правкою кирпичей (ручнымъ способомъ) занимаются почти исключительно бабы. Кирпичи выходятъ, большею частью, неровные, неуклюжіе. При ненастной погодѣ они очень медленно сохнутъ. Къ обжигу не могутъ приступить раньше августа. Запасъ сырыхъ кирпичей на всѣхъ заводахъ (правильнѣе сказать, кирпичныхъ сараяхъ) не больше одного милліона. Изъ нихъ большая половина уже запродана съ зимы съ полученіемъ задатковъ. Безъ задатковъ кирпичные промышленники не могутъ вести дѣла, такъ какъ всѣ они люди недостаточные. Производство кирпичей имъ обходится (съ обжигомъ) не дороже 6—7 руб. съ 1000 (по ихъ словамъ), а можетъ быть и дешевле. Доставка въ университетскую рощу обойдется не менѣе 2 руб. По этому разсчету кирпичъ могъ бы быть пріобрѣтаемъ не дороже 9—10 руб. за 1000, но бѣда въ томъ, что заводчики не могутъ поставить этого дѣла въ болѣе широкихъ размѣрахъ, по недостатку оборотнаго капитала.

На обратномъ пути заѣзжалъ посмотрѣть пересыльную тюрьму. Всѣ корпуса деревянные, расположены весьма близко одинъ возлѣ другаго. Въ нихъ скопляется до 2.000—3.000 арестантовъ. При такой скученности развивается много заразныхъ болѣзней. Арестанты и переселенцы суть главные разсадники и распространители эпидемій. Они занесли въ Сибирь холеру, дифтеритъ, возвратную горячку, которыхъ здѣсь прежде совсѣмъ не было. При осмотрѣ пересыльной тюрьмы, обнесенной деревяннымъ высокимъ частоколомъ (палями), невольно приходитъ въ голову мысль: какое бѣдствіе могъ бы причинить здѣсь, при скученности деревянныхъ построекъ, пожаръ! Тысячи заключенныхъ могли бы задохнуться въ дыму и пламени. Воды здѣсь, кромѣ одного собственнаго весьма глубокаго колодца, по близости совсѣмъ нѣтъ. Изъ пожарныхъ инструментовъ имѣется одинъ ручной пожарный насосъ, да и тотъ едва-ли исправный. Крыши на зданіяхъ всѣ деревянныя. Когда я высказалъ свои опасенія смотрителю тюрьмы, онъ удивился, что мнѣ пришла въ голову такая мысль: о возможности пожара здѣсь никто не думаетъ.

Изъ пересыльной тюрьмы арестанты отправляются далѣе въ Восточную Сибирь партіями по этапу. При малочисленности томской конвойной команды, эта отправка совершается очень медленно, не соотвѣтствуя числу вновь прибывающихъ на пароходахъ арестантовъ.

Сегодня принесли намъ первый огурецъ, длиною чуть не въ аршинъ, толстый, тяжелый, изъ китайской породы. Все-то въ Сибири запоздалое, массивное, неуклюжее и, по правдѣ сказать, очень не вкусное: таковы люди и порядки, такова природа и ея произведенія.

12-го. Суббота. Были у всенощной въ женскомъ монастырѣ. Монастырь расположенъ за городомъ версты полторы или двѣ отъ университетской рощи, къ сторонѣ Томи. Онъ основанъ не больше 20 лѣтъ тому назадъ, но представляетъ теперь вполнѣ благоустроенную обитель. Мѣсто обнесено высокою каменною оградою; внутри обширнаго двора стоятъ двѣ красивыя каменныя церкви и небольшой корпусъ для монахинь. Соборная церковь освѣщена въ 1871 году. Служатъ благоговѣйно, но пѣніе женскаго хора мнѣ не особенно понравилось: напѣвы какіе-то не обычные и голоса визгливые. Богомольцевъ очень мало, и доходы, очевидно, скудные. Монастырь поддерживается главнымъ образомъ личнымъ трудомъ монахинь. Женскіе монастыри, по моему мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ и духу времени, чѣмъ мужскіе. Здѣсь находятъ мирный пріютъ удрученныя и разочарованныя жизнію старушки и сирыя вдовицы, каковыхъ гораздо больше въ женской половинѣ населенія, чѣмъ въ мужской.

13-го. Воскресенье. Въ Томскѣ есть и мужской (Алексѣевскій) монастырь, въ центрѣ города на берегу рѣчки Ушайки. Изъ уцѣлѣвшихъ построекъ стараго города, онъ едва-ли не принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ (1663 г. Томскъ основанъ въ 1604 году), но положеніе монастыря нынѣ весьма печальное. Кромѣ престарѣлаго о. архимандрита, монашествующей братіи, кажется, не болѣе 2—3 человѣкъ, да сюда же временно прикомандировываютъ нѣсколько штрафныхъ священниковъ и дьяконовъ („подъ началъ"). Такимъ образомъ мужской монастырь имѣетъ значеніе скорѣе духовно-исправительной арестантской роты, чѣмъ богоспасаемой обители. Этому соотвѣтствуетъ и его внѣшность, запущенная, обветшалая. На монастырскомъ дворѣ стоитъ деревянный домъ довольно приличной наружности; при немъ имѣется домовая церковь, такъ какъ здѣсь прежде была квартира преосвященнаго. Нынѣ этотъ домъ отдается внаймы и въ немъ живетъ томскій полицеймейстеръ Гомбинскій. Квартира для полицейской власти, рядомъ съ архіерейскою церковью, совсѣмъ не подходящая.

14-го. Понедѣльникъ. На кладбищѣ при Алексѣевскомъ монастырѣ есть одна любопытная могила. Надъ нею стоитъ простой деревянный крестъ, обвѣшанный вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. Свѣжими цвѣтами покрытъ и могильный холмикъ. На крестѣ, выкрашенномъ масляною краскою, находится слѣдующая надпись: „здѣсь погребено тѣло великаго благословеннаго старца Θедора Кузьмича. Скончался

1864 г. 20 января. На нижней перекладинѣ восьмиконечнаго креста написаны тою же краскою литеры: Е. И. В. А. I, т. е. Его Императорское Величество Александръ I.

Крестъ и надпись поставлены томскимъ купцомъ Хромовымъ, благоговѣющимъ передъ этою могилою. Имъ же и многими другими поклонниками приносятся на могилу свѣжіе цвѣты. Причина такого вниманія заключается въ томъ, что о нареченномъ старцѣ Ѳеодорѣ въ Томскѣ, существуетъ цѣлая легенда, будто бы это былъ не кто иной, какъ самъ императоръ Александръ Благословенный, отрекшійся отъ міра и странствовавшій по Сибири подъ чужимъ именемъ. Многіе годы онъ жилъ въ келейкѣ, построенной въ саду при домѣ Хромова въ Томскѣ и на Хромовской заимкѣ и своей подвижническою жизнью внушилъ къ себѣ такое благоговѣніе, что его признали за добровольнаго царственнаго изгнанника. Легенду про старца Ѳеодора мнѣ разсказывали многіе здѣшніе старожилы, въ томъ числѣ служащій въ томскомъ отдѣленіи государственнаго банка Чистяковъ, зять Хромова. Онъ приглашалъ меня побывать на ихъ заимкѣ и осмотрѣть келью, гдѣ житъ загадочный старецъ. Тамъ свято сохраняются всѣ его вещи, въ той обстановкѣ, какъ онѣ были при его жизни; тамъ же собрана и развѣшана по стѣнамъ кельи коллекція гравированныхъ портретовъ Александра Благословеннаго и рядомъ съ ними, для сравненія, фотографическій портретъ старца Ѳеодора. Я, конечно, обѣщалъ съ удовольствіемъ воспользоваться такимъ приглашеніемъ при первомъ удобномъ случаѣ.

На вопросъ о томъ, какія основанія имѣютъ Хромовы считать старца за покойнаго императора, Чистяковъ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Въ двадцатыхъ годахъ одинъ изъ родственниковъ ихъ семьи служилъ въ гвардейскомъ флотскомъ экипажѣ, въ Петербургѣ. Лѣтомъ 1826 г. онъ состоялъ въ числѣ команды на императорской яхтѣ, на которой императоръ Николай Павловичъ отправился осматривалъ Свеаборгскую крѣпость. Это посѣщеніе крѣпости, будто бы, показалось морякамъ загадочнымъ потому, что, вмѣсто осмотра укрѣпленій, Николай Павловичъ съ яхты прямо прослѣдовалъ въ казематъ содержавшагося въ крѣпости неизвѣстнаго узника, долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ и вслѣдъ затѣмъ снова вернулся на корабль. Изъ этого моряки заключили, что цѣлью посѣщенія Свеаборга было только свиданіе съ узникомъ и что этотъ узникъ, имени коего никто не зналъ, долженъ быть лицомъ, близко стоявшимъ къ новому императору. При распространившихся въ то время разнообразныхъ слухахъ по поводу неожиданной кончины Александра I-го, описанный эпизодъ (если онъ самъ по себѣ не составлялъ ничего бы) далъ поводъ предполагать, что въ Свеаборгской крѣпости былъ заключенъ не кто иной, какъ

Александръ Павловичъ. Впослѣдствіи загадочный узникъ какимъ-то способомъ, будто бы, исчезъ изъ крѣпости и нѣкоторое время проживалъ въ Новгородской губерніи, чуть ли не въ Грузинѣ, у Аракчеева, а потомъ странствовалъ по Уфимской и Пермской губерніямъ. Будучи открытъ полиціей, онъ назвался непомнящимъ родства бродягой и, какъ таковой, понесъ, положенное тогда по закону, тѣлесное наказаніе и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Съ этой легендой связали исторію томскаго старца, такъ какъ онъ тоже былъ изъ числа непомнящихъ бродягъ. Когда я возразилъ, что изъ фактовъ приведеннаго разсказа далеко еще до заключенія о тождествѣ старца съ Александромъ Павловичемъ, Чистяковъ сообщилъ дальнѣйшія основанія Хромовскихъ предположеній. Они состоятъ въ слѣдующемъ: старецъ былъ образованный человѣкъ, говорилъ на европейскихъ языкахъ, его посѣщали въ кельѣ (при городскомъ домѣ Хромова, гдѣ онъ жилъ послѣдніе годы) нѣкоторые высокопоставленныя лица, проѣзжавшія черезъ Томскъ въ Восточную Сибирь, или обратно, а также томскіе губернаторы и епископъ Парѳеній, въ бесѣдѣ съ коими старецъ, будто бы, обнаруживалъ признаки своего происхожденія изъ высшаго образованнаго круга, хотя имени своего никогда не называлъ. Наконецъ, составившееся предположеніе основывалось на ясномъ, будто бы, сходствѣ лица и наружности старца съ портретомъ Александра I.

Само собой разумѣется, что вышеприведенная легенда принадлежитъ къ числу фантастическихъ увлеченій старика Хромова, но тѣмъ не менѣе она не лишена интереса. Одно въ ней несомнѣнно, что Ѳеодоръ Кузьмичъ не былъ изъ простыхъ „Ивановъ Непомнящихъ", коихъ въ Сибири цѣлые легіоны, а очевидно онъ происходилъ изъ образованнаго круга. Возможно даже, что это былъ какой-нибудь опальный дворянинъ, скрывшій свое имя еще въ Европейской Россіи и, во избѣжаніе болѣе горькой участи, назвавшійся бродягой. По всѣмъ признакамъ это былъ человѣкъ сильнаго характера и высокихъ нравственныхъ принциповъ, на что указываетъ его подвижническая жизнь въ Томскѣ и та благоговѣйная народная память, которая сохранилась объ немъ до сихъ поръ. Простой народъ считаетъ его святымъ, и едва-ли по одному тому, что съ нимъ связано представленіе объ императорѣ, въ немъ чтутъ, рѣдко нынѣ встрѣчающійся, идеалъ высокаго подвижника. Въ Сибирь на поселеніе Ѳеодоръ Кузьмичъ былъ сосланъ въ 1836 и 1837 г., по суду за бродяжничество, изъ города Красноуфимска, гдѣ напередъ былъ наказанъ 20 ударами плетей. Прослѣдовавъ пѣшкомъ по этапу въ Томскую губернію, онъ былъ здѣсь первоначально водворенъ экспедиціею о ссыльныхъ въ деревнѣ Зерцалахъ. Съ перваго же года послѣ водворенія Ѳеодоръ Кузьмичъ

внушилъ къ себѣ глубокое уваженіе не столько необычайною въ бродягахъ величавостью и благообразіемъ своей наружности, сколько высокими нравственными качествами. Крестьяне выстроили ему особую келью и считали его за подвижника. Къ Хромову онъ переселился въ 1858 году.

17-го. Четвергъ. Былъ я въ знаменитой кельѣ на Хромовской заимкѣ (прямой дорогой отъ города не больше трехъ верстъ, если ѣхать по сибирскому тракту, мимо пересыльной тюрьмы, а вбродъ черезъ Ушайку ниже т. н. Толстаго мыса). Келейка стоитъ особнякомъ, въ разстояніи 40—50 саженъ отъ дачнаго дома, въ глубинѣ рощи, ближе къ рѣкѣ Ушайкѣ. Снаружи она представляетъ собой маленькій, чистенькій бревенчатый домикъ въ одну комнату, съ холодными сѣнцами и крылечкомъ. Единственная жилая комната имѣетъ не болѣе двухъ саженъ длины и аршинъ 5 ширины, съ двумя окошечками. У лѣвой (отъ входа) стѣны устроено деревянное ложе (аршина 1½ ширины) изъ сосновыхъ досокъ съ такимъ же изголовьемъ, вродѣ того, какъ это дѣлается въ русскихъ баняхъ. Доски представляются какъ-бы вылощенными и нѣсколько потемнѣвшими отъ того, что онѣ не покрывались ни тюфякомъ, ни войлокомъ. Не было также и подушекъ: старецъ Ѳеодоръ все время спалъ на голыхъ доскахъ, на которыхъ видны ясные слѣды положенія головы и отдыхающаго тѣла. Полъ кельи деревянный, некрашенный; такія же стѣны и потолокъ, нѣсколько потемнѣвшіе отъ времени, но совершенно чистые. Въ переднемъ углу виситъ Распятіе и нѣсколько образовъ, прямо на стѣнѣ, безъ божницы. Передъ ними лампадка, которая, по словамъ старика Хромова, теплилась при жизни старца безпрерывно день и ночь, что́ поддерживается до сихъ поръ заботами старика Хромова. Тутъ же въ переднемъ углу, подъ образами, висятъ монашескія четки и придѣлана деревянная полочка съ церковными и молитвенными книгами, представляющими ясные слѣды продолжительнаго ихъ употребленія. На полу, противъ этого мѣста, лежитъ старый, порядочно потертый коврикъ. Окошечки прикрыты темными занавѣсками; въ простѣнкѣ между ними стоитъ некрашеный столикъ и два такихъ же стула. На стѣнѣ, налѣво отъ образовъ, виситъ большой фотографическій портретъ самого старца Ѳеодора во весь ростъ, величиною не менѣе полуаршина (судя на глазомѣръ), въ рамѣ, подъ стекломъ. Фотографія снята не съ оригинала, а послѣ смерти старца съ какого-то портрета, писаннаго отъ руки мѣстнымъ живописцемъ. На немъ старецъ Ѳеодоръ изображенъ въ стоячемъ положеніи, на видъ лѣтъ 80 или даже больше. Онъ высокаго роста, довольно стройный, хотя и нѣсколько согбенный отъ старости. Одѣтъ онъ въ холщевый халатъ (въ родѣ монашеской рубахи), подпоясанный пояскомъ. Окладистая сѣдая борода опускается до половины груди. Лицо круглое, носъ тонкій, небольшой, нѣсколько

вздернутый. На головѣ большая лысина; жидкіе сѣдые волосы, прямо расчесанные, падаютъ ниже ушей только со стороны висковъ и затылка. Рядомъ съ этимъ портретомъ помѣщаются, тоже въ рамахъ, подъ стекломъ, нѣсколько литографій и гравюръ, изображающихъ Александра I-го въ разныя эпохи его жизни. Между ними есть снимки также въ стоячемъ положеніи, во весь ростъ. Хромовъ помѣстилъ ихъ сюда для сравненія съ фигурою старца, предполагая, что въ его чертахъ есть сходство съ императоромъ. Нѣкоторое сходство въ очертаніяхъ лица и носа, какъ будто, дѣйствительно существуетъ, но это не можетъ имѣть никакого значенія по той причинѣ, что фотографія старца Ѳеодора была снята не съ него самого, а послѣ его смерти съ писаннаго портрета. Могло, поэтому, случиться, что живописецъ работалъ подъ извѣстнымъ настроеніемъ и, можетъ быть, отчасти подражалъ при этомъ портретамъ Александра Павловича. Очевидно, воображеніе и предвзятая идея здѣсь играли не малую роль.

Въ келью сопровождалъ меня самъ старикъ Хромовъ. Онъ охотно разсказывалъ подробности образа жизни Ѳеодора Кузьмича. При этомъ я полюбопытствовалъ узнать, не сохранилось ли послѣ него какихъ-либо собственныхъ записокъ. По почерку и стилю изложенія было бы гораздо легче опредѣлить происхожденіе загадочнаго старца. Оказалось, что Ѳеодоръ Кузьмичъ во все время пребыванія въ Сибири какъ бы умышленно уклонялся отъ всякаго писанія. Тѣмъ не менѣе Хромовъ говоритъ, что у него есть двѣ-три незначительныя записки, писанныя рукой старца Ѳеодора, но онъ не можетъ показать ихъ мнѣ, имѣя въ виду предъявить ихъ гдѣ-то въ Петербургѣ, какъ доказательство правдивости своихъ предположеній.

Отрекшись отъ міра и порвавъ съ прошлымъ всякія связи, Ѳеодоръ Кузьмичъ, по словамъ Хромова, велъ жизнь отшельника въ буквальномъ смыслѣ этого слова. У него было только три занятія: молитва, изрѣдка религіозная бесѣда съ приходящимъ народомъ и физическій трудъ. Все, что было нужно для его скромной кельи, онъ исполнялъ самъ, низводя потребности до самыхъ малыхъ размѣровъ. Пища его была хлѣбъ и вода, собственности онъ не имѣлъ никакой, одежду ему приносили его почитатели, и онъ принималъ ее только тогда, когда надѣтая на немъ уже отказывалась служить. Приходящимъ онъ давалъ нравоучительныя наставленія, иногда, будто бы, угадывая ихъ сокровенныя мысли. Такимъ строгимъ, подвижническимъ образомъ жизни Ѳ. К. внушилъ къ себѣ глубокое уваженіе тотчасъ же, послѣ водворенія въ Сибири, съ 1837 года. Къ нему стали обращаться за совѣтомъ и поученіемъ не только жители окрестныхъ, но и отдаленныхъ деревень. По такому слуху узналъ его и Хромовъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ.

Вотъ все, что я могъ узнать о старцѣ Ѳеодорѣ отъ самого Хромова. Если отбросить отъ этого разсказа баснословную и ни на чемъ не основанную политическую подкладку, то мы можемъ представить себѣ, въ данномъ случаѣ, довольно яркій образчикъ тѣхъ подвижниковъ, какими нѣкогда изобиловала древняя Русь. Опальный ли бояринъ, или раскаявшійся грѣшникъ, или простой міряниныъ, подъ вліяніемъ охватившаго ихъ глубокаго религіознаго чувства, бывало, уходили въ лѣсъ, или „пустыню", порывая всѣ связи съ мірскою суетой. Силою воли, или религіознаго экстаза, сами того не вѣдая, они привлекали къ себѣ массу поклонниковъ. На мѣстѣ одиночныхъ келій или скитовъ возникали потомъ монастыри, служа въ свое время центрами и проводниками чистыхъ христіанскихъ идей. Такіе примѣры изрѣдка встрѣчаются и въ наши дни. Къ числу таковыхъ, очевидно, принадлежалъ и старецъ Ѳеодоръ. Предполагать въ немъ скрывающагося императора нѣтъ ни малѣйшаго повода. Трудно даже предположить, чтобы подъ именемъ старца могъ быть кто-нибудь изъ придворныхъ или именитыхъ людей александровскаго времени. Прямыхъ доказательствъ на это также нѣтъ. Разсказываемый Хромовымъ фактъ о знаніи Ѳеодоромъ Кузьмичемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ самъ по себѣ ничего еще не доказываетъ, при томъ же онъ требуетъ подтвержденія.

20-го. Воскресенье. Ильинъ день. Утромъ былъ у обѣдни въ церкви Богоявленія, потомъ ѣздилъ съ визитомъ по знакомымъ. Погода отличная. Проѣзжая по городскимъ главнымъ улицамъ, встрѣтилъ оригинальныхъ наѣздниковъ: нѣсколько мужчинъ, должно быть мѣщанъ, или приказчиковъ, верхомъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, съ непокрытыми головами въ однѣхъ рубахахъ, босикомъ и безъ нижняго бѣлья! Потомъ я спросилъ одного изъ томичей: что значитъ такой патріархальный нарядъ? — Это лошадей купаютъ въ Томи, отвѣтилъ онъ совершенно равнодушно.

Вечеромъ собрались прокатиться въ лагери. Полюбовались на Томь. Съ высокаго крутаго берега обширный видъ на зарѣчную долину. Вдали раскинуты татарскія и русскія деревни; вверхъ по Томи изъ-за зелени лѣсовъ видна бѣлая церковь Бассандайки. Съ юго-запада надвигалась громадная туча, заставившая насъ поспѣшить домой. Едва мы успѣли вернуться, какъ грянулъ громъ и туча разразилась ливнемъ. Илья пророкъ и въ Томи оправдалъ народное русское повѣрье.

22-го. Вторникъ. Тезоименитство государыни императрицы. Служба въ соборѣ. У насъ также домашній праздникъ по случаю именинъ М. Л. По томскимъ обычаямъ въ именины, обыкновенно, задается пиръ; всѣ мало-мальски знакомые обязательно пріѣзжаютъ съ поздравленіемъ на пирогъ и закуску. Мы, какъ временные обыватели, едва

приткнувшіеся на чужой квартирѣ, дѣлать этого не могли, а потому именинъ своихъ въ этотъ день не признавали. Тѣмъ не менѣе, день вышелъ праздничный и у насъ перебывало много гостей. Въ этомъ отношеніи провинціальные города существенно отличаются отъ столичныхъ, или большихъ университетскихъ. Тамъ можно прожить цѣлые годы, имѣя весьма ограниченный кругъ знакомыхъ; здѣсь же, даже заѣзжій человѣкъ черезъ мѣсяцъ уже знакомъ чуть-ли не со всѣмъ городомъ. Правда, и общество здѣсь не велико: дюжина чиновниковъ, дюжина педагоговъ, десятокъ грамотныхъ купцовъ, архіерей, да еще 2—3 монаха, со включеніемъ ректора семинаріи,—вотъ и все. Не мудрено, что всякаго знаютъ здѣсь не только по имени и отчеству, но и его внутреннюю жизнь, что̀ онъ думаетъ и дѣлаетъ. Мѣстной прессы здѣсь не имѣется, зато устные разсказы (сплетни) процвѣтаютъ съ избыткомъ. За день наслушаешься того, что не умѣстишь въ десяткѣ газетныхъ листовъ.

Вечеромъ ѣздили въ университетскую рощу (такъ мы стали называть ее теперь) вмѣстѣ съ В. И. Мерцаловымъ, Мамоновыми и Цибульскими. Въ хорошую теплую погоду, когда нѣтъ ни пыли, ни грязи, роща производитъ пріятное впечатлѣніе. Свѣжая травка, полевые цвѣты, достаточно тѣни,—все это напоминаетъ деревенскій лѣсъ, гдѣ можно собирать грибы и съ удовольствіемъ напиться чаю,—кругомъ самовара на разостланномъ коврѣ. За этимъ занятіемъ мы провели время до заката солнца, погуляли, потолковали о будущемъ университетѣ. Часть рощи начали уже рубить на дрова, чтобъ очистить мѣсто подъ постройки. Это первый актъ разрушенія, которое, къ сожалѣнію, обыкновенно предшествуетъ почти всякому созиданію. Въ свѣжемъ дѣвственномъ лѣсу мы, прежде всего, оголимъ почву, изроемъ ее ямами, загрязнимъ всякимъ мусоромъ, известью, щепами и щебнемъ, и потомъ будемъ воздвигать новый храмъ, уже не природный, а искусственный. Много пройдетъ времени, пока этотъ строющійся храмъ очистится отъ хаотическаго состоянія, когда оголенныя и засоренныя лужайки снова покроются зеленью и зацвѣтутъ. И должны цвѣсти они не тѣми цвѣтами, какіе растутъ теперь по оврагамъ и въ тѣни березъ, а совсѣмъ особенными, ароматъ которыхъ разносился бы по всему необъятному пространству русскаго царства. Эти цвѣты называются науками, а ароматъ ихъ — гуманитарныя идеи добра, нравственной красоты и пользы. Суждено ли намъ будетъ во-очію увидѣть такое возрожденіе, или придется ограничиться лишь участіемъ въ черномъ хаотическомъ трудѣ, а плоды будутъ пожинать потомки,— это все равно. Лишь бы только не примѣнили къ намъ словъ Щедрина: „придетъ, старый храмъ разрушитъ, новаго не возведетъ, насоритъ и уйдетъ"! Избави Богъ отъ такого приговора!

24-го. Четвергъ. Занося на свои листки разныя замѣтки о томской жизни, я еще ни разу не касался своеобразнаго элемента здѣшняго общества—политическихъ административныхъ ссыльныхъ. Я воздерживался отъ этого до сихъ поръ потому, что долго не имѣлъ случая ознакомиться съ характеромъ и образомъ жизни этихъ кружковъ. Не скажу, чтобы и теперь я изучилъ ихъ какъ слѣдуетъ, но все же знаю больше, чѣмъ прежде. Со многими мнѣ пришлось говорить лично, встрѣчаясь у знакомыхъ, и, такимъ образомъ, провѣрить, что такое изображаютъ изъ себя эти господа по существу своихъ убѣжденій и стремленій.

Еще живя въ Петербургѣ и постоянно вращаясь въ болѣе или менѣе либеральномъ кругу, начиная съ 1863 года, я уже зналъ, что такое наши нигилисты и потомъ, такъ называемые, соціалъ-демократы. Впослѣдствіи, съ 1878 года, я то же самое встрѣтилъ въ Казанскомъ университетѣ. Встрѣчались и умѣренные, и крайніе, но сущность ихъ принциповъ была одна и та же: недовольство существующимъ порядкомъ и желаніе передѣлать Россію на новый ладъ. Между томскими жителями я встрѣтилъ такихъ же точно людей, не лучше, не хуже, съ тою лишь разницею, что въ Европейской Россіи они числились легальными членами общества, только слыли красными, а въ Сибири имъ повѣсили политическій ярлыкъ. Отъ этого они не стали ни глупѣе, ни злонамѣреннѣе, но умными и радѣющими объ интересахъ своего отечества они никогда не были, какъ и ихъ собратья, гуляющіе на свободѣ.

Политическій бредъ нашего поколѣнія правильнѣе всего назвать болѣзнью роста. Это глупая погоня за европейскими модами безъ сознательной оцѣнки, на сколько эти моды приходятся по нашему плечу и климату. Въ разныхъ степеняхъ и проявленіяхъ такая болѣзнь существовала и существуетъ повсюду. Еще такъ недавно модничало все наше образованное сословіе французскимъ разговорнымъ языкомъ, презирая свой отечественный. Для чего это дѣлалось? Для того, чтобы убѣдить самого себя, что мы европейцы, чтобы мужики и лакеи не могли подумать, будто мы имъ равны. И вотъ мы коверкали французское съ нижегородскимъ, мечтали о Парижѣ и презирали свою родину. Въ томъ же родѣ поступали многіе изъ нашихъ ученыхъ и государственныхъ людей, добиваясь стать подъ крылышко иностраннаго одобренія или напечатать ученую статейку въ нѣмецкомъ или французскомъ журналѣ. Это было верхомъ тщеславія: говорить по-французски, помѣстить работку въ нѣмецкомъ изданіи, заслужить похвалу въ германскихъ политическихъ сферахъ (у дипломатовъ). Сколько перенесла Россія отъ такихъ недуговъ европейничанья, это мы знаемъ всѣ. Причины ихъ—наше недоразвитіе, желаніе малень-

кихъ людей казаться большими. Лѣкарство противъ нихъ—время, дающее здоровый ростъ тѣла и духа.

Съ той же точки зрѣнія я смотрю и на нашихъ соціалистовъ. Это испорченныя дѣти, желающія казаться большими. Подобно m-me Курдюковой, они воображаютъ, что, коверкая непонятыя ими европейскія соціалистическія идеи, они идутъ за Европой, являются что-то думающими и что-то дѣлающими прогрессистами. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно изучать школьные предметы, развивать свой умъ и присматриваться къ вопросамъ и потребностямъ русской жизни, они избираютъ болѣе легкій путь, соблазнительный для ограниченныхъ и лѣнивыхъ натуръ, пропагандировать модныя европейскія идейки. Курное самолюбіе удовлетворено. Вмѣсто лѣнтяя и тупицы школьника, является своего рода герой, чуть не спаситель отечества. Таковыми представляются мнѣ томскіе ссыльные соціалисты. Это, большею частью, несчастные неудачники и нравственно-больные люди. Русской жизни и русскихъ потребностей они совсѣмъ не знаютъ, хотя большинство ихъ и происходитъ изъ полуграмотнаго народа; выучившись по-наслышкѣ модному либеральничанью, они воображаютъ себя выше непонимающей ихъ толпы. Я увѣренъ, что вся эта напускная пыль скоро пройдетъ, какъ отживаетъ всякая срочная мода. Люди взрослые и благоразумные поймутъ, что Россія нуждается не въ ломкѣ, а въ созиданіи; намъ нужны не праздные болтуны, а образованные дѣятели, умѣющіе взяться за дѣло не съ презрѣніемъ къ своей родинѣ, а съ любовью.

Въ петербургскихъ чиновныхъ сферахъ мнѣ много разъ приходилось слышать объ опасностяхъ, могущихъ угрожать Сибирскому университету со стороны томскихъ соціалистовъ: будто бы они развратятъ студентовъ и сдѣлаютъ изъ университета вертепъ заговорщиковъ. Такъ могутъ думать только тѣ люди, которые имѣютъ о политическихъ преступникахъ слишкомъ высокое понятіе, а о профессорахъ и студентахъ слишкомъ низкое. Неужели наше правительство настолько не довѣряетъ себѣ, что всюду и во всѣхъ склонно видѣть своихъ порицателей, подкапывающихся подъ существующій государственный строй. Пора оставить это пугало малолѣткамъ, а взрослые должны довѣрять русскому уму и русскому сердцу; снисходительно смотрѣть на наши дѣйствительные прорѣхи и недостатки, но надѣяться, что они скоро будутъ устранены безъ борьбы и потрясеній. Мы вѣримъ въ національный прогрессъ, но ждемъ его не съ того конца: не нигилисты подчинятъ себѣ общество, а само общество скоро доростетъ до сознанія, что его задача состоитъ не въ глумленіи надъ существующимъ строемъ, а въ честной и умѣлой службѣ каждаго на своемъ посту. Побольше знанія и довѣрія къ себѣ и поменьше

страховъ и подозрѣній съ обѣихъ сторонъ, и дѣло пойдетъ гораздо лучше.

25-го. Опять пожары. Сегодня около 4-хъ часовъ дня загорѣлось на сѣновалѣ дома, занимаемаго уѣзднымъ училищемъ. Когда повалилъ дымъ и сбѣжался народъ, замѣтили какого-то оборванца, спускавшагося по лѣстницѣ съ этого самаго сѣновала. Пойманный оказался чернорабочимъ, не имѣвшимъ къ дому никакого отношенія. Во время его допроса, тутъ же въ толпѣ, онъ началъ объяснять, что, проходя мимо и замѣтивъ дымъ, онъ бросился на сѣновалъ тушить (съ голыми руками!), но, увидѣвъ, что сѣно уже охвачено пламенемъ, онъ поспѣшилъ спуститься обратно, внизъ по лѣстницѣ, гдѣ его и поймали. Какъ ни наивно такое объясненіе, полиція ему повѣрила. Такимъ образомъ, изъ вѣроятнаго преступленія вышелъ чуть не геройскій поступокъ: человѣкъ-де рисковалъ жизнью, чтобы вò-время предотвратить бѣдствіе.

26-го. Суббота. Засѣданіе строительнаго комитета. Сначала шла рѣчь о пескѣ. Арнольдъ заявилъ, что въ настоящее рабочее время желающихъ взять доставку песку совсѣмъ не оказывается. Поэтому въ засѣданіе былъ приглашенъ нѣкто Песлякъ, изъ ссыльныхъ, которому и предложили взять эту операцію на нынѣшнее лѣто. Онъ заломилъ по 8 руб. за куб. сажень и только изъ особаго уваженія къ предсѣдателю (губернатору) согласился уступить 50 коп. съ сажени, т. е. по 7 р. 50 к. за кубикъ. Такъ и порѣшили. Сильно подозрѣваю, нѣтъ ли здѣсь сдѣлки съ Ар—омъ, такъ какъ цѣна очень высока. Но другихъ подрядчиковъ дѣйствительно нѣтъ; невольно пришлось согласиться. Заказано песку 80 куб. саженъ на 600 руб. Вотъ наша первая глупость!

Другая неудача: Дмитріевъ-Мамоновъ, взявшійся поставлять бутъ арестантскимъ трудомъ, отказался отъ этой операціи. Говоритъ, что одна перевозка бута (съ Толстаго мыса) обходится до 12 руб. за кубикъ. Пришлось ограничиться тѣмъ количествомъ, какое было заготовлено до сего времени, и взять этотъ камень не по 12 руб., а по 15 руб. за кубикъ.

Бійскій купецъ, Алексѣй Викуловичъ Соколовъ, пожертвовалъ на постройку университета 1.000 руб. Это первый частный вкладъ послѣ открытія дѣйствій комитета. Дай Богъ, чтобы онъ былъ не послѣднимъ. Я предложилъ Соколову обусловить эти деньги спеціально на болѣе изящную, чѣмъ положено по смѣтѣ, отдѣлку актоваго зала и церкви. Такъ и записали въ журналъ.

Ар—дъ, повидимому, не надеженъ. Всѣ рекомендуемые имъ поставщики оказываются слишкомъ дорогими. Едва-ли это зависитъ отъ однихъ мѣстныхъ условій. Нужно внимательно слѣдить за его дѣйствіями.

27-го. Воскресенье. Ѣздили на Бассандайку. Это очень живописное мѣстечко, верстахъ въ шести отъ города, бывшая заимка (дача) золотопромышленника Попова. Здѣсь выстроена имъ же каменная церковь и довольно большая дача, нынѣ уже устарѣвшая. Кругомъ дачи садъ и обширный паркъ, спереди большой дворъ, обнесенный службами, внизу, подъ горой, прудъ и мельница, далѣе р. Томь. Все это нѣкогда было устроено на большую барскую ногу, но теперь приходитъ въ упадокъ. Поповъ давно умеръ, оставивъ значительное состояніе (кажется, болѣе 200 тыс. руб.) на проектированный имъ въ Томскѣ женскій институтъ (нынѣ двѣ женскія гимназіи, въ Томскѣ и Омскѣ), а его Бассандайская дача недавно куплена, по предложенію Цибульскаго, въ собственность города. Теперь она стоитъ пустая, и мы сегодня устроили въ ней въ нѣкоторомъ родѣ пикникъ (съ Мерцаловыми, Мамоновыми и Цибульскими). Напились чаю и позавтракали, много гуляли по парку и по окрестностямъ. Мѣста очень живописныя, особенно по берегу Томи. Это любимое мѣсто томичей. По праздникамъ въ хорошую погоду сюда тянутся цѣлыя вереницы телѣгъ и долгушъ, большею частью въ одну лошадь, до верху нагруженныхъ дѣтьми и взрослыми, самоварами, котелками и разными съѣдобными припасами. Вся эта ватага располагается на лугу, въ узкой долинѣ рѣчки Бассандайки, на привезенныхъ коврахъ и войлокахъ, изображая пестрый таборъ. Пьютъ чай и вино, поютъ пѣсни подъ гитару, или гармонику, нѣкоторые занимаются рыболовствомъ и тутъ же варятъ въ котелкахъ уху. Всѣмъ, повидимому, весело. И мы также не скучали. Деревенская простота мнѣ всегда была по душѣ. Гуляя по Бассандайкѣ, мнѣ показывали деревянный одноэтажный домикъ, на склонѣ горы, гдѣ лѣтомъ живалъ на дачѣ декабристъ Батенковъ, оставившій послѣ себя въ Томскѣ хорошее воспоминаніе.

28-го. Понедѣльникъ. Заходилъ А. В. Соколовъ, бійскій купецъ. Много разсказывалъ объ Алтаѣ и о путяхъ черезъ горы въ Монголію. Онъ торгуетъ рогатымъ скотомъ, прогоняя этимъ путемъ гурты въ Иркутскъ, мимо озера Косогола. Простой мужикъ, но куда умнѣе университетскихъ недоучекъ. Обширная наблюдательность и практичность сквозятъ въ каждомъ его словѣ. Я люблю бесѣдовать съ такими людьми. Они живутъ своимъ, а не заимствованнымъ умомъ; потому, если что говорятъ, то говорятъ сознательно, не повторяя чужихъ заученныхъ фразъ. Этимъ мужицкій умъ отличается отъ образовательной дрессировки, гдѣ все взято напрокатъ, и слова, и мысли, условныя манеры и поведеніе. Особенно противны эти лощеные экземпляры въ нашей молодой интеллигенціи. На неопытный взглядъ они какъ быть люди, даже подъ часъ спеціалисты по разнымъ наукамъ, а попробуй спросить ихъ мнѣніе по самому обыденному житейскому во-

просу, какого не было въ книжкахъ, они бухнутъ такую несообразность, что стыдно становится за человѣческій разумъ.

29-го. Вторникъ. Установилась ясная погода. Весь Томскъ на покосѣ! Покосъ здѣсь составляетъ не то эпоху, не то народный праздникъ. Всѣ, кого не задерживаютъ въ городѣ дѣла, ѣдутъ и идутъ въ поле: хозяева, имѣющіе лошадей, отправляются туда съ семействомъ и запасами, прислуга бросаетъ свое дѣло и бѣжитъ на покосъ за поденную плату, хотя эта послѣдняя и не выше городской. Это стихійное переселеніе напоминаетъ перекочевку бродячихъ племенъ. Наступаетъ время покоса—и всѣхъ тянетъ въ поле. Прислуга говоритъ, что тамъ весело работать. Самъ я не видалъ этихъ косарей на мѣстѣ работы, но, вѣроятно, это нѣчто въ родѣ помочей, только съ поденной платой и угощеніемъ отъ хозяина. Очевидно, соблазняетъ здѣсь не столько заработокъ, сколько лѣсное приволье. Въ другихъ мѣстахъ я подобной сѣнокосной маніи не видѣлъ. У томскихъ жителей есть и другая страсть—это рыболовство или по-здѣшнему рыбалка. На рыбалку ѣздятъ обыкновенно на ночь, цѣлой компаніей, запасаясь выпивкой и закусками. Ночь, а иногда и нѣсколько ночей, проводятъ не столько въ рыболовствѣ, сколько въ оргіяхъ на лонѣ природы. Это собственно и нравится. Въ своихъ вкусахъ томичи недалеко ушли отъ первобытныхъ народовъ. Каждый изъ нихъ думаетъ: „мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу“—и бѣжитъ въ лѣсъ при первой хорошей погодѣ и при первомъ удобномъ случаѣ. Можетъ быть, поэтому они такъ небрежно относятся къ благоустройству города: городъ для нихъ тюрьма, лѣсъ и луга—привычная стихія! Поскребите любаго здѣшняго горожанина, въ немъ скажется бродяга или кочевникъ.

Августа 2-го. Суббота. Переписка и разборка книгъ университетской библіотеки идетъ очень успѣшно. Въ складахъ мы работаемъ каждый день, исключая праздники. Болѣе восьми тысячъ заглавій уже написано на карточки, больше половины ящиковъ вскрыты, пересмотрѣны и вновь уложены съ описью содержимаго. Богатства замѣчательныя, особенно изъ библіотеки графа Строганова. На-дняхъ, въ одномъ изъ ящиковъ нашли больше десятка рукописей, почти исключительно духовнаго содержанія, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, писанныхъ на пергаментѣ, съ художественными виньетками и заставками. Между ними оказалось также одно замѣчательное русское изданіе,—это Радищева, Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. Важность этого экземпляра заключается въ томъ, что онъ принадлежалъ А. С. Пушкину. Внутри передней корочки переплета находится собственноручная подпись Александра Сергѣевича, слѣдующаго содержанія: „экземпляръ этотъ купленъ въ тайной канцеляріи, заплачено 25 рублей. А. Пушкинъ“. На поляхъ книги болѣе рѣзкія мѣста от-

мѣчены краснымъ карандашемъ, вѣроятно, при просмотрѣ этого экземпляра цензорами-слѣдователями при производствѣ дѣла, по поводу изданія этой книги (Книжка въ красномъ сафьянномъ переплетѣ). Въ томъ же ящикѣ оказалась еще рукопись, принадлежащая Пушкину,—это русскій переводъ записокъ Манштейна (Толстый томъ 4°, въ кожаномъ корешкѣ, съ подписью на немъ „Записки о Россіи"). Судя по почерку, этотъ переводъ и списокъ, вѣроятно, принадлежитъ началу текущаго столѣтія, слѣдовательно, онъ былъ сдѣланъ раньше изданія перевода Мальгина (Москва, 1823 г.). Въ рукописи 544 перенумерованныхъ листа. На передней сторонѣ корочки переплета написано: „Александра Сергѣевича Пушкина", рукой самого поэта. Двѣ послѣднія находки вдвойнѣ интересны: какъ библіографическія рѣдкости, и какъ дорогія воспоминанія о нашемъ великомъ поэтѣ. По этимъ отрывкамъ его библіотеки (вѣроятно, случайно попавшимъ къ графу Григорію Александровичу Строганову) можно судить, какими духовными интересами дорожилъ Александръ Сергѣевичъ.

Всѣ рукописи, найденныя при разборкѣ книгъ мною лично, переписаны, переложены въ особый сундукъ, заперты, запечатаны моею и комитетскою печатью и сданы на храненіе въ томское губернское казначейство до открытія Сибирскаго университета (въ началѣ 1889 г. всѣ они, за исключеніемъ Манштейна, были отправлены въ императорскую публичную библіотеку, при особомъ спискѣ, чрезъ канцелярію попечительства западно-сибирскаго учебнаго округа).

3-го. Воскресенье. Вечеръ провели у Цибульскихъ, гдѣ, кромѣ насъ, были все тѣ же знакомые, такъ сказать, сливки томскаго общества. M-me Мамонова сыграла нѣсколько пьесъ на рояли. Это все, что было интереснаго на вечерѣ. Остальное крайне монотонно и скучно. Самъ Цибульскій не особенно разговорчивъ и, кромѣ золота, кажется, ничѣмъ не интересуется. По золотому дѣлу онъ своего рода спеціалистъ и удачникъ, но потребности мысли и духа любознательности у него нѣтъ. По натурѣ онъ вялъ и апатиченъ, какъ малороссъ. Его не расшевелишь ни разсказами, ни разспросами. Онъ ничего не читаетъ и едва-ли о чемъ-нибудь думаетъ, кромѣ пріисковъ и тайги. Если бы у него не было А. Ф. Жилля, который ведетъ за него все городское дѣло и пишетъ оффиціальные и думскіе записки и проекты, то Захаръ Михайловичъ былъ бы совсѣмъ безгласнымъ. Жилль, напротивъ того, весьма подвиженъ и духомъ и тѣломъ, на все отзывчивъ, любознателенъ и хорошо развитъ умственно, хотя и самоучка. Если бы ему было дано въ юности надлежащее образованіе, то при его способностяхъ, энергіи и честныхъ принципахъ изъ него вышелъ бы весьма недюжинный общественный дѣятель. Въ

Томскѣ едва-ли это не самая свѣтлая личность. Остальное—либо казенные заурядные чиновники, либо кулаки.

6-го. Среда. Весь Томскъ на ногахъ по случаю праздника и крестнаго хода. Провожаютъ икону, которая здѣсь считается чудотворною. Ее приносятъ въ городъ на лѣтнее время, кажется, изъ села Спасскаго, а 6-го августа отправляютъ обратно въ сопровожденіи массы народа и всего духовенства съ архіереемъ во главѣ. Томскіе граждане, вѣрные своимъ привычкамъ, пользуются и этимъ случаемъ, чтобы выбраться въ лѣсъ. Поэтому за крестнымъ ходомъ тянется безконечная вереница телѣгъ съ сѣдоками и провизіей. Проводивъ икону, они сворачиваютъ куда-нибудь въ сторонку и устраиваютъ пиръ.

7—9-го Послѣдніе три дня этой недѣли шелъ почти безпрерывный дождь, а мнѣ пришлось усиленно хлопотать о строительныхъ матеріалахъ. Скоро нужно будетъ открывать празднованіе закладки университета, а у насъ почти еще ничего нѣтъ. Привезено саженъ десять бутоваго камня, да ждемъ кирпича, когда онъ выйдетъ изъ печей, хотя бы тысячъ 30. Купили извести съ плотовъ, но она очень плоха (роспушонка). Содержимъ двухъ архитекторовъ и двухъ десятниковъ, а проку отъ нихъ никакого нѣтъ. Бетхеръ совсѣмъ тупица и мертвый человѣкъ. Рекомендованный Ар—омъ десятникъ тоже плохо понимаетъ дѣло и повидимому плутъ. Самъ Арнольдъ больше щеголяетъ фразами и своими модными костюмами, чѣмъ технической опытностью. Понадѣлалъ какихъ-то висячихъ бочекъ для взбалтыванія известковаго раствора, вырылъ два колодца безъ воды (по 5 саж. глубиной), да три шурфа для изслѣдованія почвы, вотъ и вся его техническая работа. Пробовалъ ему говорить, что бочки и колодцы будутъ безполезны, отвѣчаетъ, что я не знаю строительнаго искусства и не могу цѣнить послѣдняго слова инженерной науки!

Предсѣдатель нашъ уѣхалъ на 3—4 недѣли обозрѣвать свою губернію, замѣняющій его Дмитріевъ-Мамоновъ говоритъ, что онъ занятъ теперь исполненіемъ двухъ обязанностей (начальника губерніи и предсѣдат. губерн. правленія), а Цибульскій отъ активнаго участія въ дѣлахъ комитета уклоняется. Все практическое дѣло, такимъ образомъ, лежитъ только на мнѣ и А. С. Бѣлявскомъ. Арнольду мы перестали довѣрять, а потому за всякой мелочью и справками относительно поставщиковъ ѣздимъ сами. Оно и лучше. По крайней мѣрѣ ознакомимся практически съ мѣстными условіями строительнаго производства, узнаемъ настоящія цѣны, не по запросамъ на торгахъ и не по нелѣпымъ справочнымъ табличкамъ, а по существу дѣла, познакомимся съ поставщиками и будущими подрядчиками, тогда, авось, насъ не будутъ дурачить. Я уже теперь предвижу, что строить

университетъ придется мнѣ самому, а комитетъ будетъ лишь фирмой. Поэтому надо заблаговременно познакомиться съ строительнымъ искусствомъ по толковымъ книжкамъ и не пренебрегать каждымъ практическимъ свѣдѣніемъ, какое можно извлечь при сношеніяхъ съ опытными людьми.

— — —

IV.

Приготовленіе къ закладкѣ университета.—Торжество по этому поводу.—Отъѣздъ изъ Сибири.

10-го августа. Воскресенье. Погода ненастная, на улицахъ страшная грязь. Поэтому цѣлый день сижу дома, принявшись за составленіе рѣчи для близкаго торжества закладки университета. Имѣя это въ виду, я заблаговременно, еще до пріѣзда въ Томскъ, подобралъ кое-какія историческія справки. Иначе, при отсутствіи здѣсь какихъ бы то ни было литературныхъ матеріаловъ, пришлось бы ограничиться общими мѣстами. Сегодня писалъ цѣлый день,—благо никто не мѣшалъ. Завтра вечеромъ надѣюсь рѣчь окончить и потомъ отдать въ типографію.

11-го. Понедѣльникъ. Утромъ былъ на постройкахъ. Тамъ роютъ канавы подъ центральную часть зданія, а въ концѣ недѣли можетъ быть удастся начать забутовку, хотя бы одной передней стѣнки. Къ несчастію, погода стоитъ скверная, канавы и шурфы заливаются дождевой водой. Кстати о шурфахъ. По указанію Арнольда ихъ вырыто три,—два по краямъ будущаго зданія и одинъ въ срединѣ, каждый глубиною до 4—5 саженъ. Прикинувъ на глазомѣръ разстояніе между крайними шурфами, мнѣ показалось, что они могутъ, при окончательной разбивкѣ фундамента, войти въ черту зданія, имѣющаго по плану 106 саж. длины. Я высказалъ это опасеніе Ар—ду, прося его провѣрить положеніе главныхъ линій будущаго университетскаго корпуса, которыя должны идти отъ намѣчаемаго нынѣ центра. Арнольдъ, со свойственною ему самоувѣренностью, даже обидѣлся на мое замѣчаніе: неужели-де я настолько не сообразителенъ, что буду рыть шурфы зря, не сообразуясь съ планомъ постройки. Я по крайней мѣрѣ настоялъ на томъ, чтобъ шурфы были обнесены изгородью, иначе въ нихъ могутъ утонуть не только бродячій скотъ, но и люди. Я самъ чуть не свалился въ одинъ изъ нихъ (сѣверный, до верху наполненный водой), принявъ его за обыкновенную лужу.

12-го. Вторникъ. Всѣ члены строительнаго комитета, кромѣ предсѣдателя В. И. Мерцалова, не возвратившагося еще изъ поѣздки по

губерніи, собрались сегодня на частное совѣщаніе по поводу предстоящаго празднованія закладки университета. Я доложилъ о своей рѣчи. Мамоновъ, Арнольдъ и Цибульскій выразили желаніе то же приготовить и съ своей стороны. У Мамонова рѣчь, кажется, уже написана, Цибульскому напишетъ Жилль, или кто-либо другой, а Арнольдъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. На словахъ онъ великій краснобай.

Сегодня же редактировали текстъ надписи на мѣдной вызолоченной доскѣ, которая должна лечь въ стѣну на мѣстѣ закладки. Надпись, по-моему, слишкомъ длинна; именъ здѣсь поставлено больше, чѣмъ слѣдуетъ; въ томъ числѣ перечислены всѣ члены комитета, вѣроятно разсчитывающіе, что этимъ они пріобрѣтутъ себѣ безсмертіе. Было бы вполнѣ достаточно указать: годъ и день основанія, имя царствующаго государя и министра народнаго просвѣщенія. Доску рѣшили заказать завтра же единственному въ Томскѣ ювелиру и рѣзчику Ушарову, горькому пьяницѣ. Другихъ мастеровъ здѣсь нѣтъ, развѣ въ острогѣ между ссыльными фальшивыми монетчиками.

Матеріальную сторону торжества, т. е. приличную закуску и выпивку, по заявленію Цибульскаго, городъ устроитъ на свой счетъ, тутъ же, въ рощѣ, въ домѣ бывшаго лѣтняго общественнаго собранія. Извѣщенія о днѣ закладки, назначенной на 26-е августа, были уже комитетомъ разосланы раньше.

14-го. Четвергъ. Опять объѣзжалъ кирпичные заводы, справляясь о кирпичѣ. Нынѣшнее дождливое лѣто сильно задерживаетъ сушку и правку сырца. Поэтому обжигъ идетъ крайне медленно. Пока можно собрать не больше 10 т. штукъ, да и этотъ кирпичъ не важный. По дорогѣ посмотрѣлъ на плоты съ известью, при устьѣ Ушайки. Они все время стоятъ подъ дождемъ, ничѣмъ не прикрытые. Понятно, что вмѣсто комковой извести (кипѣлки) образуется каша и за эту дрянь просятъ по 15 к. за пудъ. Известь для будущаго года необходимо запасти зимой въ полной годовой пропорціи. Практикуемая въ Томскѣ доставка на плотахъ никуда не годится. На постройкахъ дѣло подвигается. Начали строить павильонъ съ широкимъ дощатымъ помостомъ. Павильонъ будетъ поставленъ какъ разъ въ центрѣ зданія, на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи будетъ вестибюль парадной лѣстницы, а надъ нимъ университетская церковь. Подъ переднею алтарною стѣной произойдетъ освѣщеніе начала работъ при празднованіи закладки. Дай Богъ, чтобы къ этому времени установилась ясная погода.

15-го. Пятница. Праздникъ Успенія. Были на молебнѣ въ Иверской часовнѣ, а потомъ я заѣхалъ къ преосвященному Петру поговорить о праздновании закладки. Оттуда завернулъ къ Мамонову. Ал. Ипполит.

прочиталъ мнѣ приготовленную имъ рѣчь. Написана очень недурно и довольно содержательна.

16-го. Суббота. Былъ приглашенъ въ думскую коммиссію по поводу организаціи празднованія закладки университета со стороны города. Кромѣ Цибульскаго здѣсь участвовали изъ нашихъ комитетскихъ: я, Мамоновъ и Арнольдъ, а также полковникъ Нарскій (начальникъ мѣстнаго батальона), считающійся мастеромъ устраивать фейерверки и общественныя гулянья. Изъ купцовъ были: Королевъ, Акуловъ, Тецковъ, Михайловъ, Ереневъ и многіе другіе. Коммиссія желала прежде ознакомиться съ нашей половиной програмы праздника, а потомъ обсудить свою половину. Наша была не многосложна: молебствіе въ соборѣ, крестный ходъ въ университетскую рощу, молебствіе на мѣстѣ закладки и произнесеніе рѣчей и привѣтствій (адресовъ). Городъ на первомъ планѣ ставилъ завтракъ и обѣдъ, а вечеромъ народное гулянье въ университетской рощѣ, съ иллюминаціей и фейерверкомъ. Относительно назначенія параднаго обѣда въ день закладки я позволилъ себѣ замѣтить, что это было бы очень утомительно. Поэтому всѣ охотно согласились перенести обѣдъ на слѣдующій день, 27 августа. Явился другой вопросъ: гдѣ устроить обѣдъ? Предполагалось, что на немъ будутъ участвовать не менѣе 200 человѣкъ. Такого помѣстительнаго зала нѣтъ во всемъ Томскѣ. Потому было рѣшено просить Нарскаго уступить для этой цѣли батальонный манежъ, украсивъ его по мѣрѣ возможности. На этомъ и остановились.

Говорятъ, проектированный праздникъ обойдется городскому управленію не менѣе 5—6 тысячъ рублей. Если это справедливо, то я находилъ бы такую затрату слишкомъ обременительной для скромнаго городскаго бюджета. Когда не удовлетворены самыя элементарныя и насущныя нужды города, неразсчетливо бросать большія суммы на пиры и фейерверки хотя бы и по выходящему изъ ряда случаю. Но томскимъ гражданамъ нельзя этого говорить. Городское благоустройство для нихъ мудреная грамота, а обѣдъ и иллюминація по ихъ силамъ и вкусамъ.

18-го. Понедѣльникъ. Мерцаловъ все еще не вернулся изъ своей поѣздки. Сегодня было засѣданіе комитета подъ предсѣдательствомъ Мамонова. Въ этомъ засѣданіи была доложена дарственная запись городской думы на уступленное университету мѣсто. По выслушаніи ея, я внесъ дополнительное предложеніе объ уступкѣ университету и того участка городской земли, который нынѣ арендуется пивоваренным заводомъ Крюгера, а также объ отнесеніи западной границы до ручья подъ горой, гдѣ нынѣ устраивается нами мостикъ и взвозъ со стороны Томи. Эта прирѣзка земли намъ необходима: для округленія границъ, для непосредственнаго соединенія сѣвернаго и юж-

наго подгорныхъ участковъ и для устройства здѣсь, подъ горой, системы водоснабженія изъ подгорныхъ ключей. Постановили внести мое предложеніе въ думу отъ имени комитета, а дарственную запись отправить въ губернское правленіе для засвидѣтельствованія ея крѣпостнымъ порядкомъ.

Докладывался также отвѣтъ, полученный отъ управляющаго министерствомъ, Сабурова, по поводу моего представленія о вознагражденіи строителя университетскихъ зданій не 2%, а 4% съ строительной суммы. По сдѣлкѣ Арнольда съ архит. Бруни вторую половину законнаго четырехпроцентнаго вознагражденія долженъ былъ получить этотъ послѣдній, живя въ Петербургѣ, ни за что, ни про что. Еще передъ отправкой въ Томскъ я разъяснилъ министру, въ чемъ тутъ заключается фокусъ, и въ отвѣтъ на это разъясненіе получена нынѣшняя бумага.

Остальныя дѣла въ этомъ засѣданіи не имѣли существенной важности. Большею частію они касались уплаты по счетамъ Арнольда и его нытья по поводу недостатка строительныхъ матеріаловъ.

19-го. Вторникъ. Былъ на постройкахъ. Павильонъ почти оконченъ. Передняя стѣнка подъ вестибюлемъ выведена до уровня земли. Начинаютъ класть обратныя кирпичныя арки подъ устои будущихъ колоннъ. Къ будущему воскресенью все будетъ готово для осуществленія форменной закладки. Погода начинаетъ проясняться.

Сегодня мнѣ разсказывали, что привезли въ Томскъ убитаго разбойника Лиханова. Его подстрѣлили гдѣ-то изъ-за куста, а трупъ привезли въ городскую управу, чтобы получить обѣщанный по объявленіямъ призъ въ 300 руб. Говорятъ, Цибульскій, дѣйствительно, выдалъ эту награду.

21-го. Четвергъ. Возвратился В. Ив. Мерцаловъ. Узнавъ, что мы всѣ приготовили и уже напечатали свои рѣчи, онъ остался этимъ недоволенъ. Повидимому, онъ предполагалъ, что рѣчь на торжествѣ закладки долженъ произнести только онъ одинъ, какъ предсѣдатель комитета, и уже заготовилъ ее, не говоря ничего ни мнѣ, ни Мамонову. Должно быть, собственная рѣчь показалась ему недостаточно изящною, или малосодержательною, потому что онъ при первой же встрѣчѣ выразилъ мнѣ сожалѣніе, что не зналъ раньше содержанія нашихъ рѣчей. Теперь-де ему трудно развить свою тему, потому что мы уже исчерпали всѣ вопросы. Рѣчь его отправлена въ типографію съ наставленіемъ, чтобы ее напечатали болѣе крупнымъ шрифтомъ (можетъ быть, отъ этого она будетъ казаться полнѣе).

22-го. Пятница. Сегодня опять заѣзжалъ къ Мерцалову по дѣламъ. Онъ относится ко мнѣ холоднѣе прежняго. Неужели причиною тому уязвленное самолюбіе по поводу его злосчастной рѣчи? Какъ часто

самыя пустыя обстоятельства могутъ вліять на добрыя отношенія людей, а можетъ быть и на ходъ общаго, порученнаго имъ дѣла!

23-го. Суббота. Начинаютъ съѣзжаться депутаты отъ сибирскихъ городовъ, командированные мѣстными думами на праздникъ закладки университета. Сегодня у меня были такіе представители изъ Каинска, Колывани и Кузнецка. Вчера тоже было человѣкъ пять. Это все купцы, на видъ довольно благообразные, съ медалями на шеѣ, или даже съ орденами. Нѣкоторые привезли съ собой поздравительные адресы и привѣтствія, не всегда, впрочемъ, удачно составленные. Я осторожно далъ понять, что въ редакціи ихъ можно было бы кое-что исправить, такъ какъ привѣтствія будутъ читаться съ каѳедры и предполагается ихъ напечатать. Депутаты охотно уполномочили меня сдѣлать нужныя исправленія.

Начинаютъ получаться и съ почты такіе же адресы и привѣтствія отъ разныхъ, болѣе отдаленныхъ городовъ, обществъ, учрежденій и частныхъ лицъ. Комитетъ поручилъ мнѣ разобраться со всѣмъ этимъ матеріаломъ, привести его въ порядокъ и быть по нему докладчикомъ во время самаго праздника. На моей же обязанности лежитъ также заготовка телеграммъ высокопоставленнымъ лицамъ, съ извѣщеніемъ о совершившейся закладкѣ, и много другихъ мелкихъ хлопотъ.

24-го. Воскресенье. Цѣлый день посѣтители, большею частію иногородные гости, пріѣхавшіе на праздникъ закладки. Въ разговорѣ съ ними выносишь впечатлѣніе, точно они отбываютъ повинность. Большинство изъ нихъ въ первый разъ слышатъ слово университетъ и имѣютъ о значеніи его самое смутное представленіе. По наряду они пріѣхали, по наряду вносятъ свои посильные вклады отъ имени городскихъ думъ, извиняясь скудностью городскихъ средствъ. И это понятно. Можетъ ли какая-нибудь Тюкала, Нарымъ, Маріинскъ, Колывань и тому подобные серьезно понимать университетъ и сознательно сочувствовать ему! Мѣстный протопопъ, уѣздный учитель, или чиновникъ объяснятъ имъ, что надо заготовить привѣтственный адресъ, или телеграмму, нанизавъ кудрявыхъ словъ и напыщенныхъ пожеланій; дума вручитъ эту грамоту своимъ уполномоченнымъ, и тѣ везутъ ее въ Томскъ предъявить по начальству. Наивные люди будутъ потомъ воображать, что она его искала, о немъ ходатайствовала, его цѣнила и поддерживала. Все это пустой миражъ! За весьма немногими исключеніями, въ нынѣшней коренной Сибири некому радѣть о высшемъ просвѣщеніи. Идея Сибирскаго университета народилась и созрѣла не въ мѣстномъ обществѣ, а дана свыше центральнымъ русскимъ правительствомъ и культивируется не сибиряками собственно, а вообще русскими образованными людьми, понимающими, что значитъ слово просвѣщеніе. Не общество создаетъ университетъ, а уни-

верситетъ создастъ новое общество, которое лѣтъ черезъ 30—50 оцѣнитъ его зиждительную силу.

25-го. Понедѣльникъ. Видѣлся съ Мерцаловымъ. Говорили о завтрашнемъ днѣ. Сообщилъ ему, что на мѣстѣ закладки все приготовлено, какъ слѣдуетъ. Павильонъ, обвитый гирляндами зелени, украшенный вензелями и флагами, вышелъ очень хорошъ. При разговорѣ о томъ, что мы съ преосвященнымъ Петромъ условились включить въ програму крестный ходъ отъ собора до мѣста закладки, послѣ окончанія литургіи и молебна, Мерцаловъ замѣтилъ, что онъ съ этимъ несогласенъ. „Вамъ это все равно,—прибавилъ онъ,—у васъ черные панталоны; а какъ я пойду по грязной улицѣ въ бѣлыхъ панталонахъ?" На это я сказалъ, что губернатору вовсе не обязательно идти за крестнымъ ходомъ пѣшкомъ; онъ можетъ прямо отъ собора сѣсть въ экипажъ и отправиться въ университетскую рощу другою улицей, или слѣдовать за процессіей въ экипажѣ. По этому пустому поводу у насъ опять чуть-было не вышла размолвка. Мерцаловъ настаивалъ на отклоненіи крестнаго хода, я же возражалъ, что сдѣлать это неудобно, между прочимъ и потому, что эта часть духовной церемоніи включена въ опубликованную уже програму. Тогда Вас. Иванов. еще больше обидѣлся: почему-де опубликовали програму до разсмотрѣнія и утвержденія ея губернаторомъ—предсѣдателемъ комитета (который все это время былъ въ отсутствіи и возвратился въ Томскъ лишь нѣсколько дней тому назадъ). Въ концѣ концовъ программа осталась безъ измѣненія.

Возвратившись домой, я снова занялся разборомъ адресовъ и телеграммъ. Доставлено ихъ довольно много. Нужно ихъ приготовить для чтенія къ завтрашнему дню. Телеграммы государю, наслѣднику цесаревичу, великому князю Константину Николаевичу, графу Д. А. Толстому, управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія А. А. Сабурову, генералъ-губернаторамъ Казнакову и Анучину и гр. Н. П. Игнатьеву — мною уже заготовлены и переписаны. Завтра послѣ совершенія закладки отправимъ ихъ по назначенію отъ имени строительнаго комитета.

Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Цибульскій. Онъ, какъ городской голова, тоже разсчитываетъ послать благодарственныя телеграммы отъ имени томскаго городскаго общества: государю императору, наслѣднику цесаревичу и великому князю Константину Николаевичу. Черновики этихъ телеграммъ, составленныхъ при участіи членовъ городской управы, онъ привезъ мнѣ для просмотра и, въ случаѣ надобности, для пополненія и исправленія. Тотчасъ же мы выработали ихъ окончательную редакцію.

Сегодня цѣлый день былъ крайне суетливый. Завтра суеты бу-

деть еще больше. Дай только Богъ, чтобы удержалась хорошая погода. Проливной дождь могъ бы разстроить всѣ наши планы и надежды.

Отъ редакціи газеты „Голосъ" получилъ 25 рублей съ просьбою завтра же сообщить по телеграфу, въ размѣрѣ этой суммы, описаніе совершившейся закладки Сибирскаго университета. Въ редакціи „Голоса" я никого не знаю, вѣроятно, и они столько же знаютъ о моемъ здѣсь присутствіи. Недоумѣваю, кто имъ могъ на меня указать; развѣ Деспотъ-Зеновичъ? Порученіе, конечно, будетъ исполнено.

26-го. Вторникъ. Радостный и памятный для меня день закладки Сибирскаго университета. Отнынѣ, это совершившійся фактъ его зарожденія. Какъ ни туманно его будущее, какъ бы ни было трудно его выносить и пустить на свѣтъ Божій, но дѣло это уже не погибнетъ. Я искренно вѣрю, что это будетъ доброе и полезное дѣло, и душевно радуюсь, что Господь сподобилъ меня принять въ немъ живое участіе.

Хмурая до сихъ поръ, томская природа тоже улыбнулась нашему празднику. День съ утра оказался прекраснымъ, теплымъ и солнечнымъ. Дай Богъ, чтобы это было доброе предзнаменованіе. Съ утра городъ принялъ необыкновенно праздничный видъ. Дома украсились флагами и вензелями. Народъ толпами направился къ собору, который не былъ въ состояніи вмѣстить и десятой доли молящихся. Вся соборная площадь была наполнена народомъ, до котораго едва доносились изъ оконъ и дверей звуки архіерейскаго служенія. По окончаніи литургіи и молебна съ колѣнопреклоненіемъ за здравіе и долгоденствіе государя императора, изъ собора въ 12 часовъ былъ совершенъ крестный ходъ въ университетскую рощу въ сопровожденіи громадной толпы народа. Въ 12½ часовъ начался духовный обрядъ освященія мѣста предстоящихъ построекъ. Павильонъ, помостъ и вся площадь передъ постройками была переполнена народомъ. Послѣ молебствія съ водосвятіемъ, преосвященный Петръ положилъ на приготовленное мѣсто первый камень, а на него, въ сдѣланное углубленіе—мѣдную доску съ выгравированною надписью. Вслѣдъ за симъ положили по кирпичу всѣ члены комитета и многія присутствующія на закладкѣ почетныя лица, послѣ чего архимадриты Викторъ и Лазарь обошли по линіямъ очерченнаго зданія и окропили его святой водой. Этимъ закончилась церковная сторона праздника; послѣ небольшаго перерыва начались наши рѣчи. Первымъ на каѳедру выступилъ нашъ предсѣдатель Мерцаловъ. Рѣчь его, дѣйствительно, оказалась очень жидка и была прочитана конфузливо и неумѣло. Послѣ того была моя очередь, Мамонова, Арнольда и Цибульскаго. Послѣдній прочиталъ отъ имени томскаго городскаго общества коротенькое (строкъ 20) привѣтствіе,

написанное тепло и толково, но читалъ онъ тихо, невнятно, вслѣдствіе непривычки. Послѣ того началось чтеніе телеграммъ, заготовленныхъ нами на имя высочайшихъ особъ и министровъ, затѣмъ, полученныхъ отъ разныхъ лицъ, обществъ и учрежденій. Въ общемъ все это вышло довольно торжественно [1]). Актъ закладки окончился въ 4 часа 15 минутъ по полудни. По окончаніи его, интеллигентная публика и почетные гости были приглашены городскимъ управленіемъ въ домъ бывшаго „лѣтняго собранія", въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ мѣста закладки, на чай и закуску. Здѣсь завершился третій актъ праздника, съ новыми телеграммами и безконечными тостами за шампанскимъ, лившимся весьма изобильно. Гости разъѣхались послѣ пяти часовъ.

Можно сказать съ увѣренностію, что Томскъ никогда еще не видалъ такого торжественнаго праздника и едва-ли увидитъ таковой даже въ день открытія университета. Въ то время празднованіе будетъ совершаться въ замкнутыхъ стѣнахъ, въ актовомъ залѣ и церкви, нынѣ же оно было всенародное, подъ покровомъ яснаго неба, такъ сказать, на лонѣ природы. Весь городъ видѣлъ и чувствовалъ, что для его грядущей исторіи зарождается нѣчто новое, что̀ можетъ согрѣть и освѣтить его закорузлую жизнь. Пускай это предчувствіе будетъ неясное, смутное, инстинктивное, но, разъ зародившись въ тайникахъ простонародной души, хотя бы у сотой доли видѣвшихъ нашъ праздникъ, оно не исчезнетъ, какъ блуждающій огонекъ въ мракѣ тьмы. Возрастающій и дѣйствующій университетъ всегда будетъ передъ глазами, какъ путеводный маякъ, къ которому невольно будутъ устремляться взоры. То, что нынѣ лепетали уста сибиряковъ въ привѣтствіяхъ и телеграммахъ, можетъ быть, безсознательно, съ чужаго голоса, впослѣдствіи поймутъ и оцѣнятъ тѣ же самые люди, или ихъ дѣти. Мелкія молодыя поросли обыкновенно тянутся за болѣе крупными экземплярами, силясь догнать ихъ въ ростѣ. Также точно и отсталое сибирское общество будетъ тянуться за университетомъ и скоро доростетъ до него. Не пройдетъ и четверти столѣтія, какъ нынѣшніе сибирскіе нравы и порядки будутъ вспоминаться, какъ давнее, почти невѣроятное преданіе.

Едва успѣлъ набросать подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ эту страницу замѣтокъ,—меня опять стали торопить на гулянье. Къ намъ заѣхали Мерцаловы, Цибульскіе и Мамоновы, чтобы вмѣстѣ отправиться въ университетскую рощу на иллюминацію. Было около 8 часовъ. Ночь теплая, чудная. Улицы города уже освѣщены, не фонарями, конечно,

---

[1]) Подробное описаніе закладки Сибирскаго университета, со включеніемъ всѣхъ рѣчей, телеграммъ и привѣтственныхъ адресовъ, мною составлено и напечатано отдѣльною брошюрою.

(которыхъ нѣтъ), а плошками и вензелями. На многихъ окнахъ выставлены транспаранты съ разными привѣтствіями университету и сибирскому просвѣщенію, но чаще съ инициіалами царствующей четы по случаю царскаго дня. Очень много флаговъ и гирляндъ изъ зелени.

Иллюминація университетской рощи удалась какъ нельзя лучше. Особенно эффектными оказались разноцвѣтные фонарики, массами разбросанные по деревьямъ. Ихъ было нѣсколько тысячъ. Горящія плошки разставлены не только по линіямъ дорожекъ и зданій (павильона на мѣстѣ закладки и „лѣтняго собранія"), но также по всѣмъ лужайкамъ на травѣ. Въ рощѣ были два хора военной музыки и два хора пѣсельниковъ, а также были раскинуты шатры для продажи сбитня, чая, пива, разныхъ сластей и закусокъ. Все это привлекло множество народа, гулявшаго въ рощѣ до 11 ч. По справедливости долженъ замѣтить, что, несмотря на громадную толпу и давку и на полное, почти, отсутствіе полиціи, во весь вечеръ я не встрѣтилъ ни одного пьянаго человѣка, ни одного безчинства, или какого-либо замѣшательства. Народъ велъ себя крайне прилично.

Въ 9 часовъ начался фейерверкъ. Мѣсто для него удачно было выбрано за оврагомъ на высокомъ мысу ботаническаго участка (вновь намъ прирѣзаннаго по моему ходатайству). По сю сторону оврага есть достаточно широкая луговая площадка, не покрытая лѣсомъ, куда и устремился весь гуляющій народъ при первой пущенной ракетѣ. Мы любовались фейерверкомъ, съ такъ называемой, горки, на которой есть деревянныя скамеечки. По окончаніи фейерверка мы отправились напиться чаю на террасѣ „лѣтняго собранія". Въ залахъ собранія гремѣла музыка и начались танцы, но мы, порядочно уже утомленные впечатлѣніями этого достопамятнаго дня, направились по домамъ.

27-го. Среда. Все утро занимался описаніемъ вчерашняго празднества, для брошюры, приготовляемой къ печати, и перепиской прочитанныхъ телеграммъ для той же цѣли. Передъ отъѣздомъ изъ Томска эту рукопись надо окончить и сдать въ типографію. Большую часть содержанія брошюры составятъ рѣчи, оттиски которыхъ уже имѣются, и телеграммы, которыя переписываетъ писецъ подъ моимъ руководствомъ. Дополнительнаго текста приходится прибавлять не много. Въ 4 часа сегодня назначенъ парадный обѣдъ въ манежѣ.

Съ обѣда вернулся очень поздно, около 11 часовъ. Столы были накрыты на 200 человѣкъ (дамъ не было). Все устроено очень торжественно, тостовъ было безъ конца. Подробное описаніе обѣда помѣщу въ брошюрѣ.

28-го. Четвергъ. Сегодня цѣлый день гости. Большая часть бывшихъ вчера на обѣдѣ „депутатовъ" пріѣзжали съ визитомъ, а нѣкоторые

прощаться, собираясь домой. Всѣ остались въ восторгѣ отъ нашихъ празднествъ. Благодаря этому случаю, я познакомился теперь не только съ томскимъ городскимъ обществомъ, но и со многими представителями провинціальныхъ сибирскихъ городовъ. Изъ Восточной Сибири были только красноярцы (Прейнъ, Родственный, Ларіоновъ и Ковригинъ — отъ думы, и директоръ Красноярской гимназіи Еленевъ отъ учебнаго вѣдомства) и минусинцы, изъ Омска медицинскій инспекторъ М. Г. Соколовъ и главный инспекторъ народныхъ училищъ Н. Я. Максимовъ. Больше всего депутатовъ было изъ городовъ Томской губерніи, почти исключительно купцовъ.

Вечеромъ было засѣданіе строительнаго комитета, главнымъ образомъ для того, чтобы занести въ журналъ поступившія ко дню закладки денежныя пожертвованія, сдѣланныя разными городскими обществами въ пользу основаннаго Сибирскаго университета. Поступили слѣдующія суммы: 1) отъ тобольскаго общества 5.000 р. на стипендіи, 2) отъ минусинской думы 1000 р. въ строительный капиталъ, 3) отъ барнаульскаго общества 1.000 р. (собраны по подпискѣ на постройку университета), 4) отъ усть-каменогорской думы 500 р. на тотъ же предметъ, 5) изъ города Акмолинска 500 р., 6) отъ семипалатинской думы 1.000 р., 7) ишимской думы 300 р., 8) бійской думы 1.000 р., 9) нарымской—200 р., 10) красноярской—2.000 р., 11) маріинской—309 р. (собраны по подпискѣ) и 12) отъ бурята Ковригина 200 руб. Всего 13.009 руб., не считая пожертвованій 2.101 руб. на постройку дома для безплатныхъ квартиръ студентовъ (по подпискѣ, по моему предложенію, на вчерашнемъ обѣдѣ) и обѣщанныхъ по телеграммѣ 10 тыс. рублей отъ братьевъ Зензиновыхъ на двѣ стипендіи.

Нынѣшнимъ засѣданіемъ я, вѣроятно, закончу свое активное участіе въ строительномъ комитетѣ въ этомъ году. 2 или 3 сентября ожидаютъ пароходъ Курбатова, съ которымъ мы должны возвратиться въ Казань. Оставляя комитетскія дѣла, я не могу сказать, что уношу съ собой разочарованіе въ людяхъ и средствахъ для осуществленія нашей задачи. Первое лѣто мы (члены комитета) провели мирно и дружно, помогая другъ другу по мѣрѣ силъ. Если и случались коекогда маленькія заминки и шероховатости, то гдѣ же ихъ не бываетъ при сложномъ дѣлѣ? Это въ порядкѣ вещей. Главное, чтобы въ нашей средѣ не оказалось умышленно-вредныхъ, своекорыстныхъ людей, чего я болѣе всего опасался, зная сибирскіе порядки. Въ этомъ отношеніи, кажется, можно быть совершенно покойнымъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одного Арнольда. Онъ внушаетъ большое сомнѣніе, не столько въ практической опытности по строительному искусству, сколько въ устойчивости своихъ нравственныхъ принциповъ. Личныя денежныя дѣла его до такой степени запутаны, что онъ легко можетъ

поддаваться соблазну. Прошедшее также не говоритъ въ его пользу. Дѣйствія его у насъ нынѣшнимъ лѣтомъ, по меньшей мѣрѣ, могутъ быть названы не достаточно осмотрительными и не экономными. Что-то будетъ во время полнаго разгара работъ и поставокъ? Я старался обезпечить Арнольда матеріальнымъ вознагражденіемъ, вмѣсто 2%, 4% со строительной суммы, но гдѣ гарантія, что онъ этимъ удовлетворится? Изъ Петербурга я слышу, что онъ бросилъ жену и дѣтей, что безчисленные кредиторы его разсчитываютъ на нынѣшнее содержаніе Арнольда, какъ на единственный источникъ уплаты его долговъ. Что значатъ при такихъ условіяхъ 3 — 4 тысячи годоваго содержанія, которое онъ будетъ получать отъ комитета! По пріѣздѣ въ Петербургъ слѣдуетъ серьезно переговорить объ этомъ съ нашимъ министромъ и принять заблаговременно какія-либо мѣры.

А. С. Бѣлявскій безспорно честный человѣкъ, достаточно расторопный, усердный и практическій. Въ мое отсутствіе онъ хорошо поведетъ дѣло и будетъ на стражѣ нашихъ интересовъ. На него я разсчитываю больше всего.

З. М. Цибульскій, при всѣхъ его хорошихъ качествахъ, останется дѣятелемъ пассивнымъ. Вникать въ дѣла онъ не будетъ. Вреда отъ него, конечно, ожидать нельзя, но и дѣятельной помощи тоже. Онъ будетъ думать, что вполнѣ исполняетъ свою обязанность, посѣщая засѣданія строительнаго комитета и подписывая его журналы. Даже умнаго практическаго совѣта по мѣстнымъ условіямъ построекъ я отъ него ни разу не слыхалъ, да и не можетъ онъ его дать, такъ какъ самъ въ этомъ отношеніи сущее дитя. При случаѣ онъ можетъ накинуть что-нибудь къ своему пожертвованію, но намъ была гораздо полезнѣе дѣятельная практическая помощь при сооруженіи построекъ.

А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ образованный и доброжелательный человѣкъ, легко увлекающійся первымъ порывомъ, но безъ достаточной выдержки. Желая облегчить комитету его задачи, онъ брался поставлять и бутъ, и кирпичъ, при помощи арестантской роты, за умѣренную цѣну, но ничего изъ этого не вышло. Въ сущности—это юноша-теоретикъ, немного сибаритъ и баринъ. Къ дѣламъ комитета онъ относится весьма сочувственно, охотно будетъ давать не безполезные совѣты, но самъ работать не будетъ.

Что сказать о нашемъ предсѣдателѣ В. И. Мерцаловѣ? Пока это скромный и довольно усердный чиновникъ, но боюсь, что губернаторство вскружитъ ему голову. До сихъ поръ онъ радѣлъ университетскому вопросу и былъ намъ полезнымъ сотрудникомъ, но и теперь иногда у него начинаетъ проявляться манія власти и нѣкоторое упрямство въ характерѣ. Хорошо, если это будетъ регулироваться разсудкомъ и знаніемъ дѣла,—тогда эти качества могли бы говорить

въ его пользу; но мы нерѣдко видимъ, что при такихъ задаткахъ въ провинціальной глуши легко изъ упрямства развивается самодурство.

Вотъ каковы наши главныя силы. При началѣ дѣла, когда строительныя работы, можно сказать, еще въ зародышѣ, поводовъ къ недоразумѣніямъ не было, но будетъ ли такъ продолжаться дальше? Остальныя вспомогательныя силы совсѣмъ плохи, но это бѣда поправимая. Она зависитъ, частью, отъ недостатка въ Сибири свѣдущихъ людей, частью, отъ неумѣнья Арнольда выбирать ихъ. При первомъ подходящемъ случаѣ второму архитектору Бетхеру слѣдуетъ отказать, какъ человѣку лишнему и совершенно безполезному. Десятниковъ придется также прогнать. Они совсѣмъ не знаютъ своего дѣла. Богъ дастъ, къ будущей веснѣ всѣ эти недостатки исправимъ. За это лѣто я достаточно ознакомился съ положеніемъ дѣла и знаю теперь, чего можно ожидать отъ Сибири и что слѣдуетъ искать въ Петербургѣ.

29-го. Пятница. Закончили дѣла по перепискѣ книгъ. Съ 23 августа мы уже тамъ не занимались по недостатку времени, но зато раньше переписка была усилена. Всего написано около 15 т. карточекъ. Сегодня были въ биржевомъ корпусѣ (въ книжномъ складѣ) для того только, чтобы привести въ порядокъ ящики. Складъ заперли двумя замками и положили на нихъ сургучныя печати до будущей весны.

Остальное время дня приводилъ въ порядокъ письменныя замѣтки и комитетскія бумаги, передалъ ихъ А. С. Бѣлявскому съ нѣкоторыми разъясненіями и наставленіями. Закончилъ брошюру о празднованіи закладки Сибирскаго университета.

30-го. Суббота. Были въ соборѣ на молебствіи по случаю тезоименитства государя. Въ три часа приглашенъ на обѣдъ, устраиваемый томскими учителями и другими лицами, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обѣдъ дается тоже въ манежѣ, по подпискѣ, въ честь Сибирскаго университета, по 5 р. съ человѣка.

На обѣдъ собралось человѣкъ 30. Въ первый разъ здѣсь я поближе познакомился съ томскими педагогами, и не могу сказать, чтобы вынесъ впечатлѣніе въ ихъ пользу. Большею частью это люди новой университетской закваски, съ приправой провинціальной распущенности. Медики производятъ лучшее впечатлѣніе: они и постарше, и посолиднѣе, но между ними слишкомъ много поляковъ.

31-го. Воскресенье. Ѣздилъ проститься съ епископомъ Петромъ и съ университетской рощей. И странное дѣло, прошло всего три мѣсяца, какъ я пріѣхалъ сюда, а Томскъ представляется мнѣ теперь совсѣмъ роднымъ городомъ. Живо вспоминаю первое удручающее впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня своею мизерностью, пустотой и грязью, а теперь все это точно перемѣнилось. Въ сущности

остаются тѣ же пустыри, тѣ же завалившіяся лачуги, та же грязь и стаи собакъ по безлюднымъ улицамъ, но смотришь на нихъ не съ тоской и уныніемъ, а скорѣе съ сожалѣніемъ, что приходится ихъ покидать. Правду говорятъ, что каждый предметъ можетъ быть „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ". А красенъ Томскъ не своими углами, а своимъ радушіемъ, своей простотой и для меня въ частности тѣмъ, что съ нимъ отнынѣ связана увлекательная идея задушевной, давно желанной работы. Чувство, мною нынѣ испытываемое, напоминаетъ мнѣ далекіе годы, когда, бывало, возвращаясь съ каникулъ, грустишь о покидаемомъ родительскомъ домѣ. Тамъ притягательною силою служили ласки матери и полный душевный покой, здѣсь говоритъ предчувствіе, что Томскій университетъ будетъ для меня дороже отца и матери: въ этомъ дѣлѣ я найду себѣ полное нравственное удовлетвореніе, цѣль моей жизни, вѣнецъ моихъ земныхъ трудовъ.

Послѣ завтрака дѣлали прощальные визиты. Обѣдали у Мерцаловыхъ. Послѣ обѣда долго бесѣдовали съ Василіемъ Ивановичемъ о нашихъ комитетскихъ дѣлахъ и, главнымъ образомъ, о томъ, какимъ способомъ пріобрѣсти для будущаго лѣта кирпичъ. Мерцаловъ и Цибульскій высказывали мысль разобрать стѣны обвалившагося новаго собора и выстроить изъ этого матеріала главный университетскій корпусъ. При затруднительныхъ обстоятельствахъ строительнаго комитета, этотъ планъ могъ бы казаться заманчивымъ по своей наивной простотѣ, но противъ него говорятъ религіозное и нравственное чувство. Что бы сказали про насъ, если бы мы для сооруженія зданія науки умышленно разрушили наилучшій и обширнѣйшій въ Томскѣ храмъ Божій, хотя бы и не освященный. По моему мнѣнію, это было бы варварство и глумленіе надъ религіей. Рано или поздно, соборъ необходимо достроить. На это сооруженіе затрачены десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ рублей доброхотныхъ приношеній; не можетъ же оно быть, по фантазіи членовъ строительнаго комитета, сметено съ лица земли и употреблено для другой, хотя бы и доброй цѣли. Мерцаловъ и Цибульскій, однако же, сильно настаиваютъ на этой мѣрѣ, но едва-ли имѣютъ право привести ее въ исполненіе безъ разрѣшенія Св. Сvнода.

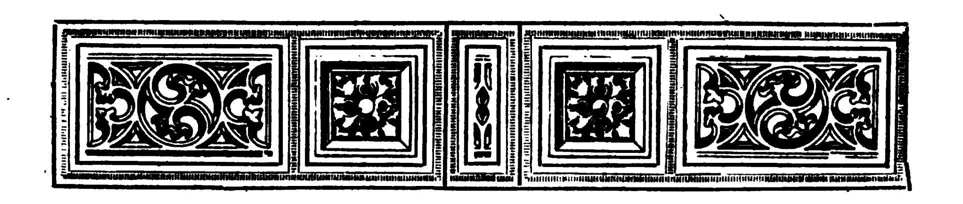
1-го сентября. Понедѣльникъ. Хлопоты по сборамъ въ обратный путь. Не надѣясь на сибирскую осень, особенно въ широтахъ Нарыма и Сургута, мы пріобрѣли себѣ овчинныя шубы (барнаулки). Изъ Казани мы собрались по-лѣтнему и въ передній путь, въ маѣ мѣсяцѣ, иногда чувствовали, что одѣты не по сезону. Въ сентябрѣ можетъ быть еще холоднѣе. Кромѣ шубъ, запасли также достаточное количество провизіи: теперь уже мы опытные путешественники, знаемъ, что значитъ переѣздъ отъ Томска до Тюмени.

2-го. Вторникъ. Ожидаемый пароходъ еще не пришелъ. На пристани сказали, что онъ долженъ быть сегодня къ вечеру, или въ ночь, если только идетъ благополучно. До перваго свистка объ этомъ нельзя имѣть никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе я заручился билетомъ на каюту и буду ждать свистка.

3-го. Среда. Въ 6 часовъ вечера перебрались на пароходъ. Всѣ болѣе близкіе знакомые пріѣхали насъ проводить (на лѣтнюю пристань, верстъ 5 отъ города, по сквернѣйшей дорогѣ) и пожелать благополучнаго пути. Оставляя Томскъ до будущей весны, я могу искренно сказать, что увожу отсюда доброе чувство о людяхъ и дѣлахъ. Если мы не успѣли многаго сдѣлать по выполненію нашей задачи, въ этомъ не наша вина. На первый разъ достаточно и того, что мы развѣдали почву дѣйствій, узнали людей, познакомились съ предстоящими намъ трудностями и можемъ теперь, не торопясь, принимать мѣры для устраненія этихъ трудностей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

IX [1]).

Военный бюджетъ княжества.—Пожаръ казармъ въ Софіи.—Поползновенія министровъ противъ конституціи.—Нѣмецкая характеристика князя.—Открытіе перваго народнаго собранія.—Мое письмо графу Д. А. Милютину.

Бюджетъ, утвержденный императорскимъ коммиссаромъ для болгарскаго войска, равнялся — 8.682.839 франковъ, при составѣ арміи въ 16.200 человѣкъ.

Изъ предыдущаго уже извѣстно, до какой степени мало было установлено казенныхъ отпусковъ для войска и какъ малы были отпуски установленные; но даже, принявъ все это во вниманіе, трудно оправдать цыфру въ $8^1/_2$ милліоновъ франковъ на 16-ти-тысячное войско. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго послужитъ указаніе на сосѣднюю Сербію, гдѣ, при арміи въ 8 т. ч., бюджетъ составлялъ 8 милліоновъ франковъ.

Первый годъ удалось просуществовать только благодаря тому, что бюджетъ въ 8 мил. фр., хотя и утвержденъ былъ на годъ съ 1-го марта 1879 по 1-е марта 1880 года, но въ дѣйствительности началъ расходоваться только съ 1-го іюня, когда русское интендантство, по окончаніи оккупаціоннаго періода, удалившись въ Россію, перестало довольствовать болгарское войско. Такимъ образомъ образовался трехмѣсячный остатокъ, который и выручалъ при текущихъ потребностяхъ. Но и при этомъ, благодаря разнымъ неожиданностямъ, неблагопріятно отразившимся на военной кассѣ, мнѣ пришлось сдѣлать у правительства заемъ въ 300.000 франковъ.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, до какой степени меня безпокоилъ вопросъ о будущемъ военномъ бюджетѣ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, апрѣль 1906 г.

Въ то время, когда я и всѣ мои сотрудники напрягали всѣ усилія, чтобы сократить траты по войску, неумолимая судьба, какъ на зло, устраивала такъ, что расходы росли и траты увеличивались. Одно уже возстаніе въ восточной Болгаріи и усмиреніе его, сопряженное съ передвиженіями войскъ и усиленными отпусками—сколько поглотило денегъ—„расходовъ не предусмотрѣнныхъ". А тутъ еще случилась бѣда, и большая.

Въ одну изъ темныхъ ночей съ 22 на 23 августа прибѣжали мнѣ сказать, что горятъ артиллерійскія казармы, расположенныя на окраинѣ города, но довольно близко отъ дворца князя.

Наскоро одѣвшись, побѣжалъ я туда. На площади у дворца встрѣтилъ я министра Грекова, который бѣжалъ съ пожара и кричалъ мнѣ, чтобы я вернулся, такъ какъ на пожарѣ рвутся снаряды и летятъ осколки. Я сообразилъ, что горитъ артиллерійскій складъ и, понятно, еще ускорилъ свой бѣгъ на пожарище. Прибѣжавъ туда, я увидѣлъ картину полнаго разгрома. Казармы, конюшни, цейхгаузы, артиллерійскій сарай съ орудіями и складъ съ снарядами—все было одно сплошное море огня. Осколки снарядовъ дѣйствительно летали, со свистомъ, по разнымъ направленіямъ. Обгорѣлыя стѣны казармъ и складовъ, исковерканныя орудія, зарядные ящики и повозки, а въ особенности сгорѣвшія лошади производили удручающее впечатлѣніе.

Подсчетъ сгорѣвшаго имущества выяснилъ слѣдующія, ужасныя для меня цыфры. Сгорѣло: 30 лошадей, сожжено и испорчено 12 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ съ снарядами [1]), сѣдла, сбруя, шашки, револьверы, казармы и разныя постройки, всего на сумму $2^1/_2$ милліона франковъ!

О причинѣ пожара производили слѣдствіе, но, какъ и всегда или по большей части, ничего не открыли.

Какъ бы то ни было, убытокъ былъ громадный и горе мое большое. „Гдѣ тонко, тамъ и рвется".

Уѣзжая изъ Софіи въ Россію, я приказалъ составить, по всѣмъ отдѣламъ военнаго министерства, проекты отчетовъ народному собранію съ указаніемъ существующаго положенія войска, недостатковъ этого положенія, описаніемъ того, что уже сдѣлано и что предполагалось бы сдѣлать въ будущемъ, если народное собраніе утвердитъ мои предположенія и дастъ на это необходимыя средства, т.-е. утвердитъ мой бюджетъ.

Основой исчисленія новаго бюджета служитъ старый бюджетъ князя Дондукова-Корсакова съ прибавленіемъ къ нему тѣхъ расходовъ, ко-

[1]) Въ это время артиллерія упражнялась въ практической стрѣльбѣ, и ящики были уложены.

торые были вызваны въ отчетномъ году необходимыми въ войскѣ реформами.

Дѣло войска, какъ увидимъ дальше, я выигралъ, даже съ блескомъ и тріумфомъ для самого дѣла, но не безъ борьбы, только не съ оппозиціей и ея главами: Каравеловымъ, Стамбуловымъ и др., которые предлагали мнѣ еще увеличить бюджетъ, *если я это потребую такъ же мотивированно, какъ и раньше, въ представленномъ отчетѣ*, — а совсѣмъ съ другой стороной, съ той, отъ которой я ждалъ одобренія и поддержки.

Приближалось время открытія народнаго собранія. Мои коллеги-министры очень волновались, но, повидимому, все еще надѣялись на благополучный для нихъ исходъ, увѣряя въ этомъ и князя, который, не задолго до открытія собранія, сказалъ мнѣ: le gouvernement a une majorité écrasante, чего въ дѣйствительности не только не было, но совсѣмъ наоборотъ.

Хотя, какъ я уже сказалъ, министры надѣялись, что уцѣлѣютъ, но все же обсуждали вопросъ, что дѣлать, если палата выразитъ неодобреніе правительству.

Первые болгарскіе министры не хотѣли разставаться съ властью и, въ этихъ видахъ, старались, съ одной стороны, дискредитировать въ глазахъ князя оппозицію, называя главарей ея революціонерами и даже анархистами, съ другой же стороны—старались внушить молодому князю, что только въ нихъ, старыхъ министрахъ, кроется благоденствіе страны.

Какъ-то поздно вечеромъ ко мнѣ пришли министръ финансовъ Начовичъ, съ которымъ я сблизился еще до войны, и министръ юстиціи Грековъ и завели разговоръ о непорядкахъ въ странѣ, о необходимости ихъ устраненія и т. п. Затѣмъ перешли понемногу къ необходимости „сильной власти“ и, наконецъ, вымолвили тайную мысль о переворотѣ, т.-е., о временной пріостановкѣ конституціи съ передачей власти въ руки князя. Переходя отъ туманныхъ намековъ къ опредѣленнымъ выводамъ, мои гости высказали мысль, что только я, имѣя въ рукахъ войско, могу это сдѣлать. Не сердясь и не горячась, я рѣшительно отказалъ имъ въ моемъ содѣйствіи, стараясь доказать, что смѣшно задумывать переворотъ, когда собраніе еще не открыто, неправильно производить переворотъ даже тогда, когда собраніе соберется и выскажетъ недовѣріе министерству. Я высказалъ имъ, что хотя я отнюдь не республиканецъ, но въ то же время и не сторонникъ произвола, что сосредоточеніе власти въ рукахъ одного князя, молодаго, неопытнаго, къ тому же съ явно выраженными нѣмецкими тенденціями, находящагося подъ сильнымъ вліяніемъ австрійца, графа Кевенгюллера, будетъ гибельно для молодаго славянскаго государства.

Чтобы убѣдить Начовича и Грекова, я прочиталъ имъ замѣтку, напечатанную въ „Deutsche Zeitung“, которую привожу здѣсь, въ переводѣ, дословно, присовокупляя, что она написана софійскимъ корреспондентомъ этой газеты, лицомъ, очевидно близко знавшимъ положеніе дѣлъ и, кромѣ нѣкоторыхъ частностей, нарисовавшаго вполнѣ вѣрную картину.

„Князь Александръ—истый нѣмецъ и всѣми фибрами своего сердца приверженъ всему нѣмецкому; всѣ окружающіе его—нѣмцы. Его гофмаршалъ баронъ Ридейзель, который, въ то же время, близкій личный другъ князя и не выставляя себя, поддерживаетъ его своими мудрыми совѣтами по дѣламъ государственнымъ [1]); его адъютантъ баронъ Корвинъ—высокообразованный военный; его частный секретарь Менгесъ, сынъ тайнаго совѣтника Менгеса, давно состоящаго на службѣ при дармштадтскомъ дворѣ; его частный казначей Тешъ и вообще весь придворный персоналъ—истые нѣмцы, по большей части гессенскіе уроженцы [2]).

Среди этой нѣмецкой свиты князь чувствуетъ себя всего лучше и привольнѣе; его два русскихъ и два болгарскихъ адъютанта поддерживаютъ съ нимъ отношенія чисто оффиціальнаго свойства [3]). Въ настоящее время князь начинаетъ владѣть болгарскимъ языкомъ; до сихъ поръ его первый секретарь и драгоманъ г-нъ Стоиловъ, очень способный молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ Гейдельбергѣ и отличившійся большими заслугами въ борьбѣ за независимость Болгаріи и устройствѣ княжества [4]), былъ единственнымъ органомъ, по-

---

[1]) Баронъ Ридейзель былъ премилый, очень вѣжливый и благовоспитанный молодой человѣкъ. Служилъ, кажется, вмѣстѣ съ княземъ въ прусскихъ gardes du corps и никакихъ вопросовъ государственныхъ, особенно болгарскихъ и вообще славянскихъ совершенно не зналъ. Можетъ быть, князь съ нимъ совѣтовался,—не знаю, но утверждаю только, что такой совѣтникъ, понятно, не могъ считаться компетентнымъ. *П. П.*

[2]) Баронъ Корвинъ командовалъ въ Пруссіи эскадрономъ gardes du corps, въ которыхъ служилъ князь. Въ немъ было много венгерской крови, это былъ добрый малый, охотникъ кутнуть, ни въ какую политику не вмѣшивавшійся и никакими военными познаніями, кромѣ знанія строевой кавалерійской службы, не обладавшій. Менгесъ былъ тоже очень милый, благовоспитанный, аккуратный молодой человѣкъ; онъ исполнялъ должность личнаго секретаря, завѣдуя всѣми денежными дѣлами князя; служилъ нѣкоторое время въ петербургской банкирской конторѣ барона Гинцбурга, гдѣ изучалъ бухгалтерію и счетоводство. Тешъ былъ скорѣе главнымъ дворецкимъ, мажоръ-домомъ.

[3]) Это не совсѣмъ вѣрно, т. к. одинъ изъ русскихъ адъютантовъ князя пользовался его большимъ расположеніемъ и, несомнѣнно, могъ имѣть вліяніе.

[4]) Стоиловъ въ борьбѣ за независимость не участвовалъ. *П. П.*

средствомъ котораго страна и правительство сообщались съ своимъ главой, такъ какъ всѣ оффиціальныя дѣла, согласно конституціи, должны вестись на болгарскомъ языкѣ. Дипломатическую службу превосходно исполняетъ ловкій и владѣющій многими языками—баронъ Хогеръ. Само собою разумѣется, что князю было бы пріятно привлечь въ страну образованныхъ австрійцевъ и нѣмцевъ, архитекторовъ, врачей, торговцевъ и ремесленниковъ. Для строительной дѣятельности, такъ сильно развитой въ Австріи, открылось бы въ городахъ Болгаріи обширное поле богатой наживы, такъ какъ всюду предстоятъ постройки общественныхъ и казенныхъ зданій".

Эта выписка лучше моихъ словъ рисуетъ портретъ князя. Кромѣ того, въ ней весьма характерно высказался взглядъ нѣмца на славянскія земли: *„обширное поле богатой наживы"*. Этимъ все сказано.

Надо сказать два слова о Грековѣ и Начовичѣ. Первый былъ не чистаго болгарскаго происхожденія, что́ показываетъ и его фамилія. До войны онъ проживалъ въ Румыніи, адвокатствовалъ и хотя былъ очень образованнымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ, но ярымъ патріотизмомъ не отличался. Начовичъ, очень умный и энергичный человѣкъ, долго жилъ въ Австріи, объевропеился и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣлъ, до нѣкоторой степени, „западническую" окраску. По-русски не говорилъ, хотя всегда отдавалъ должную справедливость Россіи въ дѣлахъ освобожденія Болгаріи.

Коллеги мои ушли отъ меня разочарованные, и съ тѣхъ поръ министры по вопросамъ о собраніи засѣдали тайно, безъ меня. Стороной доходили до меня слухи, что во дворцѣ князя бываютъ тоже тайныя собранія министровъ, что тамъ часто бываетъ графъ Кевенгюллеръ и камергеръ Давыдовъ. О томъ, что говорилось въ тайныхъ засѣданіяхъ министровъ у князя, я, конечно, догадывался; о чемъ говорилъ Кевенгюллерь—сомнѣнія не было; но я никакъ не думалъ, что и Давыдовъ будетъ настолько проникнутъ пристрастіемъ и нелюбовью къ Каравелову и К°, что предпочтетъ распущеніе палаты—образованію новаго министерства изъ большинства палаты, т.-е. оппозиціи.

21 октября открылось первое болгарское народное собраніе. Изъ 158 выбранныхъ депутатовъ въ засѣданіи было 91.

Отмѣчу интересное обстоятельство, касающееся Россіи. Всѣмъ иностраннымъ газетамъ первая тронная рѣчь болгарскаго князя была передана въ дословномъ переводѣ, по телеграфу; только русскія газея не получили; существовавшее тогда у насъ „международное телеграфное агентство", вѣроятно, желая оправдать свое названіе „международнаго", не сообщило ничего въ русскія газеты.

Всей длинной, нѣсколько напыщенной, но, въ общемъ, хорошей

рѣчи я приводить не буду [1]), но долженъ привести небольшую ея часть, имѣющую значеніе для Россіи.

„Первый князь Болгаріи, я съ радостью привѣтствую первое законодательное собраніе. Возведенный на престолъ вновь созданнаго княжества послѣ великихъ и достопамятныхъ событій, я прежде всего поспѣшилъ выразить отъ своего имени и имени народа, избравшаго меня княземъ — благодарность великодушному царю-освободителю за всѣ благодѣянія, которыми онъ осыпалъ наше отечество...

„Мое правительство вполнѣ раздѣляетъ глубокую признательность и безграничное уваженіе, питаемыя мной и всѣмъ народомъ моимъ къ царю-освободителю, и раздѣляя мои чувства, стремилось сохранить и упрочить симпатіи европейскихъ державъ“.

Далѣе, въ тронной рѣчи были перечислены всѣ законопроекты, которые вносятся на разсмотрѣніе народнаго собранія.

Въ этой рѣчи (въ первой ея части, мною приведенной) обращаетъ на себя вниманіе то, что о Россіи ни разу не упомянуто. Сильно подчеркивается благодарность государю, говорится о „просвѣщенной Европѣ“, но о Россіи, хотя бы и „не просвѣщенной“, но все же „освободительницѣ“ — ни слова. Я обращаю на этотъ пропускъ вниманіе потому, что такая забывчивость не случайная; игнорированіе Россіи проводилось княземъ систематично, начиная съ телеграммы, посланной имъ государю изъ Плевны, во время торжественнаго слѣдованія въ Софію.

Говорю это не голословно, такъ какъ мнѣ пришлось, однажды, въ одномъ изъ моихъ объясненій съ княземъ, упомянуть о „Россіи“, и я услышалъ слѣдующее: „j'adore l'Empereur, mais la Russie n'est rien pour moi“. Я всталъ и поклонившись отвѣтилъ: „Monseigneur, vous étes un général Russe; je le suis aussi. Permettez moi, en qualité de général Russe — de vous remercier pour les sentiments que vous portez à ma patrie“.

Второе, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, это то, что князь заявляетъ о состоявшемся уже посѣщеніи имъ Румыніи, страны, хотя и православной, но не славянской, и о томъ, что онъ только еще „намѣренъ, въ скоромъ времени, сдѣлать визитъ князю Сербіи“. Казалось бы, надо было начать съ Сербіи и Черногоріи, передовыхъ борцовъ за освобожденіе славянъ. Но, понятно, это разсужденіе надо примѣнить къ самому факту княжескихъ поѣздокъ, а не рѣчи его.

Оставляя до слѣдующей главы описаніе того, что произошло въ народномъ собраніи, главнымъ образомъ, по вопросу объ арміи, дол-

---

[1]) Будетъ помѣщена дословно въ приложеніи къ отдѣльному изданію IV-й части моихъ воспоминаній „Изъ прошлаго“: „Въ Болгаріи“.

женъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи князя ко мнѣ въ это время.

Многіе признаки приводили меня къ заключенію, что князь, въ первые же дни открытія народнаго собранія, рѣшилъ съ нимъ покончить, такъ или иначе. Въ требованіяхъ своихъ относительно войска князь становился все болѣе настойчивъ и неуступчивъ. Главные вопросы, которые его занимали, были вопросы о титулѣ и о пріемѣ на службу нѣмецкихъ офицеровъ.

По вопросу о титулѣ князь пускался на хитрости.

При очередныхъ докладахъ моихъ, входя въ кабинетъ князя, я обыкновенно находилъ его уже сидящимъ у письменнаго стола, готовымъ меня принять. Однажды дежурный адъютантъ сказалъ мнѣ, что князь проситъ меня войти и нѣсколько обождать его прихода. Такъ какъ князь долго не приходилъ, то я, отъ нечего дѣлать, началъ просматривать газеты, лежавшія на небольшомъ столѣ у входа, и обратилъ вниманіе на то, что въ лежавшей сверху газетѣ что-то отмѣчено синимъ карандашомъ. Я прочиталъ слѣдующее:

„Изъ всѣхъ теперешнихъ министровъ только одинъ поступаетъ вполнѣ на основаніи конституціи. Этотъ министръ—генералъ Паренсовъ. Во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ и указахъ военный министръ называетъ князя „свѣтлость“, титулъ—которымъ должны были бы называть его всѣ министры, которые этого не дѣлаютъ только изъ лести (подобострастія), такъ какъ, будучи избраны княземъ, не могли титуловать его иначе, какъ „высочество“.

Это было напечатано въ газетѣ „Болгаринъ“, одной изъ самыхъ радикальныхъ.

Только-что я кончилъ читать и началъ ходить по комнатѣ, какъ дверь отворилась и вошелъ князь.

Это было довольно наивно, но впослѣдствіи, послѣ роспуска народнаго собранія, произошло нѣчто иное, совсѣмъ не наивное.

Обострялся также вопросъ и о нѣмецкихъ офицерахъ.

Поддерживаемый искренно однимъ только Шенелевымъ, я рѣшился написать графу Милютину, излить ему мое горе и просить его указаній. Письмо это было отправлено позже, но по разсказу моему можно помѣстить его въ этой главѣ [1]).

X.

Первые часы и дни перваго народнаго собранія въ Софіи были весьма бурны. По отъѣздѣ князя изъ собранія, главари оппозиціи:

[1]) Будетъ помѣщено въ отдѣльномъ изданіи.

Каравеловъ, Стамбуловъ, Славейковъ и другіе потребовали немедленнаго избранія бюро палаты, а министерство, съ весьма немногочисленными его приверженцами, настаивало на томъ, чтобы предварительно было приступлено къ повѣркѣ полномочій депутатовъ. Министерство объясняло свое требованіе тѣмъ, что по имѣвшимся въ его распоряженіи свѣдѣніямъ, въ депутаты попали лица, не имѣвшія возрастнаго ценза. Обѣ стороны были до нѣкоторой степени правы. Съ одной стороны, при отсутствіи бюро, нельзя вершить дѣла въ томъ числѣ и повѣрить полномочія депутатовъ, а съ другой стороны, при выборѣ бюро, подавали бы голоса депутаты, не имѣющіе на то права. Требованіе министерства предпослать повѣрку полномочій всѣмъ другимъ дѣйствіямъ палаты вызвало сильное неудовольствіе оппозиціи. Причина тому понятна, такъ какъ незаконно выбранные депутаты принадлежали къ оппозиціи и въ числѣ ихъ видное мѣсто занималъ Степанъ Стамбуловъ, не имѣвшій 30 лѣтъ. Между тѣмъ, оппозиція дорожила ихъ содѣйствіемъ, оно было необходимо для торжества ея, для того чтобы при первомъ же голосованіи показать свою силу и пріобрѣсти вліяніе въ странѣ. Поднялись бурныя пренія, которыя перешли въ брань, имѣвшую мало общаго съ парламентскими выраженіями и пріемами. Но въ концѣ концовъ оппозиція все-таки достигла своей цѣли: провѣрка полномочій была отложена и, при выборѣ членовъ бюро, большинствомъ голосовъ предсѣдателемъ палаты избранъ Каравеловъ, а вице-президентами Стояновъ и Тишевъ, всѣ три изъ числа либераловъ.

Бурныя пренія и рѣзкія выходки въ народномъ собраніи подали поводъ сторонникамъ министерства, а также заграничнымъ и русскимъ газетамъ разразиться злобными статьями и насмѣшками надъ болгарами, болгарской конституціей, ея несвоевременностью и т. д. Въ заграничной печати сильно доставалось Россіи за то, что она народу, только-что вышедшему изъ подъ 500-лѣтняго ига, находящемуся еще, якобы, въ первобытномъ состояніи, даровала конституцію, да еще весьма либеральную.

На всѣ бурныя сцены я смотрѣлъ только съ искреннимъ сожалѣніемъ, что это дастъ лишніе козыри врагамъ славянства въ Европѣ и врагамъ болгарской самобытности въ Софіи.

По избраніи постояннаго бюро и повѣркѣ полномочій, начались дѣловыя занятія собранія; прежде всего приступили къ составленію и обсужденію отвѣтнаго адреса палаты князю. Видя, что большинство палаты примкнуло къ либераламъ, можно было предвидѣть, что въ адресѣ будетъ выражено недовѣріе къ министерству и что оно вынуждено будетъ уйти.

Друзья министерства, мѣстные и иностранные, повели кампанію

противъ либераловъ и въ особенности противъ Каравелова, обвиняя его, ни больше, ни меньше, какъ въ предательствѣ. Утверждали, что онъ купленъ Англіей, и получаетъ указанія отъ англійскаго генеральнаго консула мистера Пальгрева. Слухи эти проникли въ русскую печать, основанія же не имѣли никакого. Каравеловъ былъ безупречно честный человѣкъ, жилъ и умеръ бѣднякомъ. Его можно было упрекнуть, конечно, во многомъ: онъ былъ теоретикъ, не сдержанный, страстный, а потому и не всегда безпристрастный, но безусловно неподкупный. Нападки на связи Каравелова съ англійскимъ представителемъ подали поводъ Стамбулову телеграфировать въ Петербургъ, въ „Новое Время" слѣдующее:

„Софія 17 ноября, суббота вечеромъ".

„Многіе члены болгарскаго народнаго собранія, прочитавъ въ газетѣ „Новое Время" телеграмму ея софійскаго корреспондента, который сообщилъ, будто бы либеральная партія въ Болгаріи дѣйствуетъ подъ вліяніемъ Англіи, поручили мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою опровергнуть эту клевету.

„Болгарскіе депутаты просятъ меня обратить вниманіе русскаго общества на то, что политика будущаго министерства вполнѣ опредѣлена въ отвѣтѣ народнаго собранія на тронную рѣчь князя. Текстъ этого отвѣта былъ дословно переданъ по телеграфу въ газету „Голосъ". Депутатъ Стамбуловъ".

12 октября, коммиссія изъ 12 членовъ представила болгарскому народному собранію выработанный ею проектъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь князя; проектъ былъ принятъ и подписанъ всѣми народными представителями.

Вотъ этотъ замѣчательный документъ, столь чреватый послѣдствіями для Болгаріи, да и лично для меня.

„Ваша свѣтлость!

Представители болгарскаго народа, въ первомъ обыкновенномъ народномъ собраніи, считаютъ себя безпредѣльно счастливыми, что могутъ выразить горячую любовь и глубокую преданность всего населенія болгарскаго княжества къ священной особѣ его избранника. Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то посѣщеніе, которое вы, свѣтлѣйшій князь, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, поспѣшили сдѣлать нашему царю-освободителю, чтобы поблагодарить его, съ своей стороны и отъ лица болгарскаго народа, за безчисленныя благодѣянія и неоцѣнимыя жертвы, сдѣланныя имъ *и его народомъ* [1]) для нашего освобожденія. Народное собраніе, имѣя въ виду, что

---

[1]) Курсивъ мой. *П. П.*

всѣ блага, которыми нынѣ наслаждается наше отечество, суть плоды великихъ дѣлъ *нашихъ освободителей*, въ одномъ изъ своихъ засѣданій рѣшило: при открытіи каждой сессіи выражать, черезъ вашу свѣтлость, свою искреннюю любовь и признательность великому монарху, его императорскому величеству Александру II *и его народу*, дабы *узы, соединяющія два братскіе народа*, съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими.

Мы приносимъ вашей свѣтлости благодарность также и за посѣщенія, сдѣланныя вами европейскимъ дворамъ, симпатіи которыхъ къ прогрессу и укрѣпленію нашего новосозданнаго княжества для насъ очень дороги. Не менѣе благодарны мы и за дружелюбныя сношенія, которыя ваша свѣтлость успѣли водворить между нашимъ княжествомъ и сосѣдними державами. Добрыя сношенія съ единовѣрнымъ и съ незапамятныхъ временъ дружественнымъ намъ румынскимъ народомъ, а также сербскимъ народомъ, всегда были искреннѣйшимъ и сильнѣйшимъ желаніемъ нашего народа.

Радуясь пріятному извѣстію, что положеніе границъ княжества разъяснилось, мы смѣемъ надѣяться, что въ скоромъ времени эти границы будутъ опредѣлены и поставлены точно и справедливо. Воодушевленные искреннимъ желаніемъ работать для поднятія прогресса народа и для добраго устройства управленія, мы обратимъ нужное вниманіе на законопроекты, которые будутъ представлены на наше разсмотрѣніе, и постараемся, сколь возможно скорѣе, выработать необходимые законы и постановленія относительно устройства нашей страны.

Государь! Народное войско всегда было для освобожденнаго народа предметомъ его гордости и особыхъ попеченій. Мы желаемъ, чтобы всеобщая воинская повинность, согласно конституціи, сдѣлалась обязательной для всѣхъ гражданъ княжества. Выражая особенное удовольствіе относительно того, что для вооруженныхъ силъ княжества положены прочныя основы, считаемъ своимъ долгомъ заявить, что было бы желательно улучшить способы продовольствія войскъ и обратить нужное вниманіе также и на сохраненіе здоровья солдатъ.

Не входя въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько нужно было объявленіе военнаго положенія въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего отечества, гдѣ проявилось нѣсколько случаевъ разбоя, мы позволяемъ себѣ выразить желаніе о принятіи необходимыхъ мѣръ для скорѣйшаго очищенія страны отъ разбойниковъ, угрожающихъ безопасности болгарскихъ гражданъ и причиняющихъ большой вредъ развитію торговли и промышленности въ тѣхъ мѣстахъ.

Ваша свѣтлость! Мы вполнѣ признаемъ трудности врученнаго вамъ управленія, которое могло встрѣтить новое правительство въ

новой странѣ, только-что призванной къ новой политической жизни въ конституціонныхъ формахъ; но, при всемъ томъ, мы не можемъ не выразить своего глубокаго сожалѣнія по поводу того, что новое министерство вмѣсто старанія уменьшить и устранить помянутыя трудности, еще болѣе осложнило и запутало ихъ своими противуконституціонными и несогласными съ интересами народа дѣлами и распоряженіями, чѣмъ оно возбудило противъ себя недовѣріе народа.

Точно также опечалило насъ извѣстіе, что доходы страны находятся въ незавидномъ положеніи. Признавая, что военное и переходное положеніе дѣлъ, до нѣкоторой степени, содѣйствовало уменьшенію этихъ доходовъ, мы принуждены, однако, съ большимъ прискорбіемъ сказать, что не малая доля вины въ этомъ падаетъ и на финансовое управленіе страны.

Государь! Народъ питаетъ къ вашей свѣтлости горячую любовь и глубокую преданность, какъ вы сами видѣли это; онъ вполнѣ убѣжденъ въ благости намѣреній и предначертаній своего возлюбленнаго избранника, заботящагося о развитіи и укрѣпленіи нашего молодаго государства. Да укрѣпитъ же Всевышній десницу вашу, чтобы вести народъ, по предначертанному Провидѣніемъ пути, къ прогрессу, преуспѣянію и всестороннему развитію. Да здравствуетъ нашъ возлюбленный государь Александръ!"

Собраніе выбрало коммиссію изъ 9 членовъ, которые въ пятницу, 16 ноября, должны были поднести этотъ адресъ князю.

Разсматривая этотъ первый письменный актъ перваго болгарскаго народнаго собранія, прежде всего обращаютъ на себя вниманіе тѣ поправки, которыя введены этимъ актомъ въ тронную рѣчь князя, забывшаго о существованіи „Россіи" и „русскаго народа". Адресъ три раза упоминаетъ о русскомъ народѣ.

Я былъ убѣжденъ, что адресъ пройдетъ благополучно и будетъ принятъ. Смущалъ меня титулъ „свѣтлости", но я надѣялся на благоразуміе князя; надѣялся, что онъ пойметъ невозможность *обыкновенному* народному собранію подносить ему новый титулъ, когда въ законѣ ясно указано, что измѣненіе конституціи составляетъ предметъ вѣдѣнія *великаго* народнаго собранія. Нельзя же было ожидать, что собраніе, въ нѣсколько дней своего существованія, изъ коихъ много времени было потрачено на пренія по установленію распорядка веденія засѣданій и дѣлъ самого собранія, бросить все и постановить только одно: созвать великое собраніе исключительно для поднесенія титула. Надѣяться на такой поворотъ дѣла составляло дѣтскую иллюзію. А между тѣмъ было много вѣроятностей, и при томъ отнюдь не эфемерныхъ, что первое очередное обыкновенное собраніе *закончитъ* свои работы постановленіемъ: созвать великое собраніе по вопросу о

титулѣ, а заодно затронуть и другіе вопросы, касающіеся основныхъ законовъ страны.

Но всѣ мои надежды рухнули, что видно изъ слѣдующей телеграфной переписки полковника Шепелева съ графомъ Милютинымъ и дальнѣйшаго моего изложенія.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Д. А. Милютину изъ Софіи отъ 13 ноября (получена въ Петербургѣ 14-го).

„Вчера народное собраніе приняло проектъ отвѣтнаго адреса, въ которомъ выражена любовь и преданность князю.— Благодаритъ его за то, что онъ, по избраніи своемъ, поспѣшилъ лично повергнуть передъ государемъ императоромъ чувства безпредѣльной признательности народа за неоцѣненныя благодѣянія его величества и постановляетъ, чтобы впредь каждое народное собраніе открывало свою сессію поднесеніемъ черезъ своего князя, великому монарху-освободителю, выраженія народной признательности, любви и вѣчной благодарности. Далѣе высказывается недовѣріе министерству. Вѣроятно, завтра кабинетъ подастъ въ отставку. Если составленіе смѣшаннаго министерства не удастся, то князь рѣшится скорѣе распустить собраніе, чѣмъ призвать исключительно либеральный кабинетъ. Полагаю, что этимъ дѣла ухудшатся.

Шепелевъ".

Телеграмма графа Д. А. Милютина флигель-адъютанту полковнику Шепелеву въ отвѣтъ на его посьмо отъ 4 ноября и телеграмму отъ 13 ноября [1]).

Софія. Флигель-адъютанту полковковнику Шепелеву. 15 ноября.

„Письмо ваше 4 ноября получено только вчера одновременно съ двумя телеграммами 13 и 14 ноября [2]). Высказываемыя вами соображенія согласуются съ высочайшею волею. *Давыдову сообщено повелѣніе совѣтовать князю не прибѣгать къ роспуску собранія до послѣдней крайности,* испытавъ сперва всѣ *средства къ образованію новаго кабинета* [3]).

Гр. Милютинъ".

---

[1]) Наверху черновой телеграммы надпись рукой графа Милютина: „Высочайше одобрена". Гр. М.

[2]) Телеграммы отъ 14-го въ дѣлахъ главнаго штаба не сохранилось. Несомнѣнно, однако, что содержаніе ея только подтверждаетъ высказанное въ телеграммѣ отъ 13-го.

[3]) Напечатанное курсивомъ шифровано. *П. П.*

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину, 17 ноября изъ Софіи.

„Кризисъ продолжается, Каравелову поручено составить смѣшанный кабинетъ. Князь сталъ сговорчивѣе, но, подстрекаемый дипломатами, отказывается принять адресъ палаты, пока не измѣнятъ титула на высочество и не вычеркнутъ рѣшеніе собранія поручать князю, при каждомъ сборѣ камеры, благодарить государя. Убѣждаю измѣнить редакцію адреса.

Шепелевъ“.

Прочитавъ отвѣтный адресъ и то, что было въ немъ сказано о войскѣ, я не нашелъ ничего для себя непріятнаго и чѣмъ я могъ бы обидѣться. Даже наоборотъ; я былъ доволенъ, что собраніе высказало желаніе улучшенія содержанія войска. Это давало мнѣ поводъ пойти навстрѣчу собранію и сообщить ему, что это улучшеніе, въ извѣстной степени, зависитъ отъ самой палаты. Для улучшенія положенія войска нужны были мѣропріятія съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—добросовѣстное и умѣлое руководство войскомъ—это сфера моей дѣятельности, а средства—сфера дѣятельности собранія. Недочеты въ жизни войска были извѣстны прежде всего мнѣ, и затѣмъ, вообще, это было такое большое шило, котораго ни въ какомъ мѣшкѣ не утаишь. Я имѣлъ въ виду представить мой отчетъ собранію и доложить ему все, не скрывая ничего. Эти мысли я не только не скрывалъ, но говорилъ всѣмъ открыто, начиная съ моихъ коллегъ, которые первые находили, что я долженъ обидѣться, а затѣмъ высказалъ все и князю, который, вначалѣ, со мной согласился. Но вдругъ поднялась буря и поднялъ ее Давыдовъ. Онъ находилъ, что высказанное въ адресѣ желаніе объ улучшеніи содержанія войска есть оскорбленіе Россіи, императорскому коммиссару и мнѣ. Давыдовъ былъ всегда человѣкомъ прямымъ и не скрывалъ своихъ взглядовъ, а потому естественно, что взгляды эти скоро распространились въ Софіи, дошли до депутатовъ и вотъ что случилось.

Однажды мнѣ доложили, что во дворъ временнаго дома, въ которомъ я жилъ, вошла толпа народа; выглянувъ въ окно, я увидѣлъ массу депутатовъ народнаго собранія и во главѣ ихъ Стамбулова. Я принялъ всѣхъ въ кабинетѣ и уже по первымъ привѣтствіямъ увидѣлъ, что толпа эта не только вполнѣ миролюбиво настроена, но даже, по отношенію ко мнѣ, дружелюбно.

Отъ лица всѣхъ заговорилъ Стамбуловъ. Сущность сказаннаго имъ заключалась въ томъ, что до нихъ дошли слухи о томъ, будто бы я оскорбленъ словами адреса о войскѣ, и что они пришли ко мнѣ,

уполномоченные всѣмъ народнымъ собраніемъ, заявить, что у нихъ не только не было мысли оскорблять меня или выражать мнѣ недовѣріе, но что, наоборотъ, они вполнѣ довольны мною и моими дѣйствіями, желаютъ, чтобы я прожилъ въ Болгаріи дольше и продолжалъ бы работать по-прежнему. Въ разговорѣ съ ними я высказалъ сначала, какъ и подобало, благодарность за довѣріе, а затѣмъ высказалъ много даже непріятнаго, можетъ быть, такъ называемымъ радикаламъ; высказалъ мой взглядъ на войско, мои стремленія, просилъ не мѣшать неумѣстными, пустяшными, вопросами моей трудной работѣ, но въ то же время заявилъ, что самъ знаю о существованіи въ войскѣ недостатковъ, что армія не создается въ нѣсколько мѣсяцевъ, что на это надо много времени и много трудовъ. Въ заключеніе я прибавилъ, что готовъ отвѣчать собранію въ случаѣ запроса. Покончивъ оффиціальные разговоры и видя, что депутаты остались моими объясненіями довольны, я пошелъ дальше и въ частномъ разговорѣ заговорилъ о представляемомъ мною новомъ бюджетѣ. Въ концѣ этой, частной, бесѣды мнѣ было заявлено, что собраніе дастъ мнѣ не 12 милліоновъ, какъ я прошу, но и 15-ть, лишь бы я велъ дѣло чисто и въ дѣйствіяхъ моихъ не выходилъ изъ рамокъ конституціи.

Разстались мы вполнѣ довольные другъ другомъ.

Что большинство депутатовъ, въ числѣ коихъ было много селяковъ (крестьянъ), говорили искренно, я нисколько не сомнѣваюсь; насколько же былъ искрененъ самъ Стамбуловъ, конечно, не знаю; думаю, однако, что въ то время онъ говорилъ искренно. Во-первыхъ, онъ тогда еще не оперился, а во-вторыхъ, вспоминая слова митрополита Григорія, поставленныя мною эпиграфомъ къ настоящимъ запискамъ, я глубоко убѣжденъ, что многихъ изъ нашихъ враговъ въ Болгаріи, да и другихъ мѣстахъ, создали мы сами; создали ихъ главнымъ образомъ наши представители на мѣстѣ, гражданскіе и военные, не всегда удачно выбираемые. Спрашивается, какую *русскую*, *славянскую* политику могли вести въ Болгаріи: мой преемникъ генералъ Эрнротъ, отличный генералъ, но финляндецъ; нашъ представитель въ Румеліи, Кребель—балтіецъ, преемникъ М. А. Хитрово на посту представителя Россіи въ Болгаріи, Коянусъ; русскій по фамиліи—Давыдовъ, западникъ, никогда не служившій на востокѣ и многіе другіе? Почему же всѣ болгаре, и изъ княжества и изъ Румеліи, можно сказать боготворили графа Н. П. Игнатьева, князя Дондукова-Корсакова, Шепелева, князя Цертелева, Михаила Александровича Хитрово... Почему, наконецъ, въ такое смутное время, каковымъ былъ первый годъ существованія княжества, я жилъ мирно съ болгарами?... Даже Тимлеръ, немножко полякъ, католикъ по вѣрѣ,

съ иностранной фамиліей, человѣкъ очень тяжелаго характера, былъ уважаемъ всѣми болгарами, видѣвшими его труды, честность и доброе расположеніе къ народу. Я безусловно убѣжденъ, что до извѣстной степени мы сами превратили многихъ нашихъ друзей (напр., Начовича) въ нашихъ враговъ...

Слухъ о депутаціи, ко мнѣ пришедшей, понятно, скоро распространился. Поднялась новая буря, и опять таки поднялъ ее Давыдовъ, который находилъ, что я не долженъ былъ принимать депутаціи, да еще мирно бесѣдовать съ нею въ то время, когда въ министерской партіи и во дворцѣ были недовольны собраніемъ и даже созрѣвалъ планъ распущенія палаты, я же находилъ невозможнымъ не принять представителей народа, депутатовъ собранія, которому я, по закону, обязанъ дать отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Да, наконецъ, если стать на практическую точку зрѣнія, исходить только изъ государственной пользы, что было лучше: если бы я уклонился отъ бесѣды, даже скажемъ—выгналъ бы депутатовъ, а слѣдовательно, возстановилъ бы противъ себя собраніе и провалилъ бы бюджетъ и все задуманное мною по войску, или тотъ способъ, который принялъ я, и который кончился полнымъ торжествомъ представляемаго мною дѣла?...

Замѣчательно при этомъ, что когда полковникъ Шепелевъ, на другой день послѣ объясненія моего съ депутатами, бесѣдовалъ съ княземъ по поводу этого случая, то его свѣтлость высказалъ свое полное удовольствіе, что дѣло приняло такой оборотъ; то же самое князь высказалъ мнѣ, при первомъ моемъ докладѣ, а затѣмъ, послѣ разговора съ Давыдовымъ, посмотрѣлъ на дѣло иначе.

Не лишено интереса то обстоятельство, что вышеизложенное мнѣніе о неправильности моего поведенія сильно поддерживалось двумя лицами, которыя по историческому ходу событій, вообще, казалось бы, должны находиться въ разногласіи: австрійскимъ агентомъ, графомъ Кевенгюллеромъ и русскимъ—д. с. с. Давыдовымъ. Что Кевенгюллеръ пользовался всякимъ случаемъ идти противъ меня—это понятно и съ его точки зрѣнія—законно, послѣдовательно; на то онъ и австрійскій чиновникъ, но Давыдовъ?..

Въ виду подачи министерствомъ въ отставку, князь пошелъ на уступки и рѣшился предложить Каравелову составить кабинетъ, но поставилъ условіемъ, чтобы въ кабинетъ вошли двое изъ старыхъ министровъ: Начовичъ и Грековъ. Палата это отвергла.

Ходъ дѣла виденъ изъ слѣдующихъ телеграммъ.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину изъ Софіи, 23-го ноября:

„Князь настаиваетъ на кабинетѣ съ двумя изъ павшихъ министровъ. Палата не хочетъ ихъ. Если сегодня не состоится компро-

миссъ, завтра предстоитъ распущеніе. Принимаются военныя мѣры въ виду ожидаемыхъ волненій. Полагаю выѣхать 27-го [1]).

Шепелевъ".

Шифрованная телеграмма отъ того же тому же, изъ Софіи, 24-го ноября:

„Смѣшанный кабинетъ по вкусу князя не удался. Рѣшено распустить палату. *Въ виду инструкцій, полученныхъ Давыдовымъ* [2]), не счелъ возможнымъ посовѣтовать образованіе либеральнаго кабинета, хотя убѣжденъ, что этимъ избѣгли бы предстоящихъ осложненій.

Шепелевъ".

Объясненіе фразы: „...инструкцій, полученныхъ Давыдовымъ..." находится въ вышеприведенномъ письмѣ графа Милютина, отъ 27-го сентября, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „...особенно, если будете постоянно дѣйствовать за-одно съ нашимъ дипломатическимъ агентомъ и всегда въ одномъ смыслѣ".

Изъ разсказа о разговорѣ моемъ съ гр. Милютинымъ и Н. К. Гирсомъ въ Ливадіи относительно „свѣтлости" и „высочества" видно, что взгляды нашихъ министровъ расходились и, конечно, не только въ этомъ, сравнительно неважномъ случаѣ, а вѣроятно и шире. Сказывалось отсутствіе объединяющаго „кабинета" и хотя объединеніе распоряженій, понятно, было въ рукахъ государя императора, но все же при единоличныхъ докладахъ министровъ его величеству, съ глазу на глазъ, выходило иногда разнорѣчіе.

Шифрованная телеграмма флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Милютину, изъ Софіи, 26-го ноября:

„Считаю своею обязанностью вновь убѣдительно просить дать князю Александру совѣтъ не распускать теперь собранія и въ крайности согласиться на либеральный кабинетъ. Утверждаю по совѣсти, радикаловъ здѣсь нѣтъ. Ради пользы страны и князя ему нужно быть умѣреннымъ и сдержаннымъ, не отталкивать либераловъ, а напротивъ, давъ имъ войти въ кабинетъ, держать ихъ этимъ въ рукахъ и привлечь къ себѣ. Если князь уступитъ пристрастнымъ совѣтамъ и распуститъ собраніе, то странѣ угрожаютъ бѣдствія. Князю нужно стать сперва популярнымъ, а затѣмъ уже думать о переворотѣ. Не могу высказать всего въ телеграммѣ или письмѣ,

---

[1]) Полковникъ Шепелевъ, по моей просьбѣ, былъ вызванъ въ Петербургъ для доклада о положеніи дѣлъ. Подробности дальше.

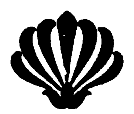
[2]) Курсивъ мой. *П. П.*

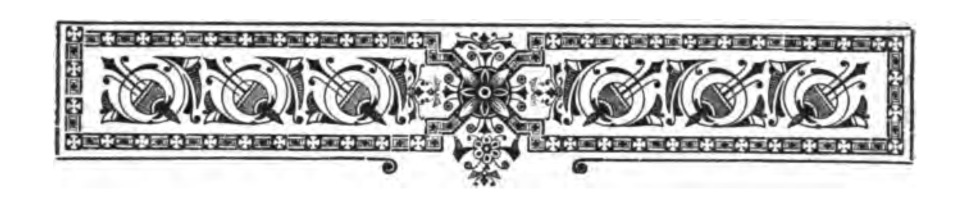
но убѣжденъ, что изложенное мнѣніе основано на вѣрной оцѣнкѣ обстоятельствъ. Хотя въ адресѣ выражено желаніе улучшить содержаніе войскъ, но я и генералъ Паренсовъ не видимъ въ этомъ обвиненія, тѣмъ болѣе, что камера заявила, что недовѣріе къ министерству не касается Паренсова. Палата раздражена слухомъ, что Давыдовъ настаиваетъ на распущеніи. Жалѣю, что не могу лично доложить обо всемъ.

Шепелевъ".

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки В. А. Инсарскаго.

XII [1]).

Отъѣздъ князя въ Вильну.—Бѣдность проводовъ.—Усиленіе болѣзненнаго состоянія князя.—Продолжительная остановка наша въ Рѣжицѣ.—Телеграмма отъ государя и государю.—Отъѣздъ изъ Рѣжицы.—Печальное прибытіе наше въ Вильну.—Полнѣйшее развитіе болѣзни князя.—Помѣщеніе князя и наше помѣщеніе.—Невозможность дальнѣйшаго путешествія.—Страданіе князя.—Безсонница его и мучительныя для насъ ночныя бесѣды съ нимъ.—Усилившаяся пріязнь князя къ Пиленко.—Совокупное сочиненіе ихъ о перенесенія столицы въ Кіевъ.—Проѣздъ черезъ Вильно великой княгини Елены Павловны.—Начало лѣченія князя.—Ловкій докторъ Ждановичъ.—Радушіе и распорядительность генерала Майделя, какъ общаго нашего хозяина.—Любезное вниманіе, оказанное намъ мѣстными властями.—Виленскій театръ.—Виленскій клубъ.—Знаменитый литовскій медъ.—Предвѣстіе политическихъ смутъ въ краѣ.—„Остробрамская" Богоматерь.

Я помню живо зимнее, пасмурное утро, когда всѣ мы, составляющіе свиту князя, собрались, въ день отъѣзда, на станцію Варшавской желѣзной дороги, куда также прибыли Орловы-Давыдовы, Барятинскіе и небольшая группа другихъ провожающихъ. Князя ожидалъ отдѣльный вагонъ; отдѣльный вагонъ нанятъ былъ и Орловыми - Давыдовыми. Скоро пріѣхалъ князь съ тѣмъ же краснымъ и нехорошимъ лицомъ, и началось всеобщее прощанье. Я обнялъ своихъ друзей, благословилъ дѣтей и комфортабельно помѣстился въ отдѣленіи, назначенномъ для свиты.

Едва-ли нужно говорить, что если у князя были тревожныя мысли при отъѣздѣ изъ Петербурга, то и я не могъ обойтись безъ нихъ, хотя содержаніе этихъ мыслей, конечно, различно было въ высшей степени. Семейство было главнымъ предметомъ моихъ соображеній и размышленій, тогда какъ для князя статья эта вовсе не существовала. Будучи всегда порядочнымъ семьяниномъ, я не могъ не тревожиться неизвѣстностью: когда я увижу опять все то,

---

[1]) См. „Русскую Старину", апрѣль 1906 г.

что наиболѣе дорого человѣку, да еще увижу ли? Эти размышленія прерывались остановками нашими на промежуточныхъ станціяхъ. Пользуясь этими остановками, мы выходили на платформы и приближались къ отдѣленію князя.

Въ началѣ пути князь старался держать себя бодро и также, выходя на платформу, шутилъ съ нами и, хорошо помню, удивлялся тому, что и во время пути я нисколько не терялъ, какъ онъ выражался, „своего аллюра". И дѣйствительно, при путешествіяхъ по желѣзнымъ дорогамъ, я садился въ вагонъ и ѣхалъ совершенно въ томъ же видѣ, въ какомъ гулялъ по Невскому проспекту и непремѣнно въ шляпѣ, потому что я рѣшительно ненавидѣлъ всевозможныя фуражки. Графиня Ольга Ивановна Орлова-Давыдова, любимая сестра князя, сначала ѣхала съ княземъ въ его отдѣленіи. Но дѣло видимо ухудшалось. Графиня Ольга Ивановна скоро переселилась въ свой вагонъ и оставила князя одного. На одной изъ станцій приготовленъ былъ для насъ великолѣпный обѣдъ, и мы обѣдали одни безъ князя, потому что его отдѣленіе окружено было полнѣйшимъ молчаніемъ и въ предположеніи, что онъ спитъ, никто не рѣшался войти къ нему и потревожить его спокойствіе. На одной изъ слѣдующихъ станцій князь опять показался въ дверяхъ своего отдѣленія, но уже съ видимыми признаками наступающей болѣзни. Съ кряхтѣніемъ и невольными стонами, по временамъ вырывавшимися у него, онъ продолжалъ шутить съ нами и между прочимъ сказалъ: „чортъ возьми! какая досада! Во время дороги подагра! давайте играть въ карты. Быть можетъ, она замолчитъ!" Мгновенно разложили столъ, явились карты, и мы усѣлись играть въ ералашъ. Я, кажется, говорилъ уже, какъ странно и своеобразно князь игралъ въ карты. Продолжая безпрерывно говорить, онъ не обращалъ на игру рѣшительно никакого вниманія и тѣмъ самымъ достигалъ двухъ результатовъ—постоянно проигрывалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ приводилъ своего партнера въ совершенное отчаяніе. Если, напр., партнеръ ходитъ въ черви, князь непремѣнно отвѣчаетъ въ пики. Впрочемъ, надобно замѣтить, что на игру въ партіи съ княземъ никто изъ насъ и не смотрѣлъ серьезно; рѣчь шла о томъ только, чтобы доставить ему удовольствіе, а себѣ честь сидѣть, играть и говорить съ нимъ въ теченіе двухъ или трехъ часовъ. По милости учащавшихся припадковъ подагры, игра наша, сколько могу припомнить, прервалась неоконченная.

Между тѣмъ мы пріѣхали въ городъ Рѣжицу, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Со станціи желѣзной дороги, стоящей нѣсколько въ сторонѣ отъ города, мы перебрались въ большое, но нелѣпое зданіе, стоящее внутри города, занимавшееся нѣкогда почтовою станціею и гостиницею, упраздненными проведеніемъ желѣзной дороги. Здѣсь насъ ожи-

далъ большой, хотя вовсе не изящный ужинъ, за который мы тотчасъ и усѣлись, опять безъ князя, скрывшагося въ отведенныхъ для него комнатахъ. Здѣсь не излишне замѣтить, что плата за обѣдъ, которымъ мы воспользовались, и плата за этотъ ужинъ составила какую-то ужасающую, по своей громадности, цыфру. Ясно было, что если мы ежедневно будемъ дѣлать такія же затраты, то никакихъ денегъ не станетъ на наше путешествіе. Мы тотчасъ рѣшили о громадности этихъ расходовъ доложить князю съ тѣмъ, чтобы заблаговременные впередъ заказы этихъ обѣдовъ и ужиновъ были вовсе отмѣнены, и чтобы продовольствіе наше во время пути предоставлено хозяйственной распорядительности нашего дорожнаго казначея и эконома Пиленко, чтó, разумѣется, и было утверждено. Послѣ ужина мы размѣстились кое-какъ на ночлегъ. Мнѣ досталось спать въ одной комнатѣ съ Зиновьевымъ, и при этой-то оказіи онъ терзалъ меня всю ночь своею вознею съ собакою князя, отданною на его попеченіе, за чтò, однако, какъ я говорилъ уже, онъ не былъ нисколько вознагражденъ достодолжною признательностью князя.

Когда мы встали утромъ, намъ было объявлено, что князь чувствуетъ себя нехорошо и что дальнѣйшее путешествіе наше пріостанавливается. Послѣ завтрака и коротказо свиданія съ княземъ мы разбрелись осматривать городъ. Городъ оказался гнуснѣйшимъ, и жиды кишѣли въ немъ, какъ муравьи въ кучѣ. На рельсахъ желѣзной дороги издали можно было видѣть одиноко стоящіе два вагона, одинъ княжескій, а другой Давыдовскій, отцѣпленные наканунѣ отъ общаго поѣзда. Давыдовы, впрочемъ, скоро уѣхали изъ Рѣжицы, спѣша по какимъ-то обстоятельствамъ и къ кому-то за границу. Въ ясный, морозный день мы проводили и отправили ихъ, и на рельсахъ желѣзной дороги остался одинъ нашъ вагонъ. Едва-ли нужно говорить, что пребываніе наше въ гнусномъ уѣздномъ городишкѣ не представляло ничего ни веселаго, ни блестящаго. Утромъ, большею частью, мы бродили, за неимѣніемъ ничего лучшаго, по городу и окрестностямъ его; вечеромъ играли въ карты или съ княземъ, или между собою.

Между тѣмъ, тотчасъ по водвореніи нашемъ въ Рѣжицѣ, посыпались на князя изъ Петербурга телеграммы съ вопросами о состояніи его здоровья и если мы занимались чѣмъ-нибудь, такъ это именно полученіемъ и отправленіемъ телеграммъ, каждый день ужъ непремѣнно, а иногда и по нѣскольку въ одинъ день. Телеграммы шли отъ государя и отправлялись государю. Въ положеніи здоровья князя не происходило никакихъ улучшеній, хотя онъ еще держался на ногахъ, облеченныхъ въ особыя, именно на подобные случаи сочиненныя, туфли, и, странное дѣло, владѣлъ весьма хорошимъ аппетитомъ.

Я живо помню, съ какою любовью онъ обходился съ самыми незатѣйливыми блюдами, приготовляемыми мѣстнымъ доморощеннымъ кухмистеромъ и столь же похожими на яства, которыми питали князя при дворѣ, сколько простая телѣга, напр., похожа на какое-нибудь англійское тюльбюри. Петербургскія ли телеграммы были тому причиною или опасеніе засѣсть надолго, съ своими недугами, въ дрянномъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни хорошаго помѣщенія, ни тѣхъ средствъ, какія требуются во время продолжительной болѣзни, я не знаю; только послѣ трехъ дней нашего пребыванія въ Рѣжицѣ князь внезапно, какъ и всегда, назначилъ свой отъѣздъ въ дальнѣйшій путь.

День этого отъѣзда былъ тоже великолѣпный. Для переѣзда князя отъ помѣщенія, которое онъ занималъ, до желѣзной дороги, мѣстныя власти отыскали какую-то плохую колясченку, въ которую князь и долженъ былъ помѣститься, согнувшись и самымъ безпокойнымъ образомъ. Вмѣстѣ съ нимъ помѣстился и я по правамъ старшинства, неоспоримо мнѣ принадлежащаго. Въ этомъ отношеніи князь былъ большой педантъ. Оттѣнки мѣстничества соблюдались имъ самымъ строгимъ образомъ. Въ свитѣ князя, въ этотъ моментъ, я былъ старшимъ; слѣдовательно, безъ разсужденій долженъ былъ ѣхать съ нимъ въ одномъ экипажѣ. Во все время довольно продолжительнаго нашего переѣзда князь постоянно говорилъ со мной тѣмъ грустнымъ, интимнымъ тономъ, который, какъ я сказалъ уже, являлся у него всегда, когда въ его личномъ положеніи происходило что-нибудь нехорошее. Содержаніе этого разговора я уже не помню, но очень хорошо помню одну рельефную фразу, произнесенную имъ при этомъ случаѣ съ замѣтнымъ раздраженіемъ: „что дѣлать? я долженъ, хоть издохнуть, но ѣхать!“ И тогда я не могъ понять истиннаго смысла этой фразы, да и теперь не понимаю. Ее можно бы отнести къ тогдашнему болѣзненному положенію князя, въ которомъ онъ долженъ былъ ѣхать, но его никто не торопилъ и не понуждалъ ѣхать, и всѣ телеграммы, полученныя изъ Петербурга, выражали только одно участіе къ нему со стороны государя. Точно такъ же, и быть можетъ съ бо́льшимъ основаніемъ, фразу эту должно понимать такимъ образомъ, что князь, хотя и не хочетъ ѣхать, но долженъ ѣхать. Такое пониманіе будетъ даже соотвѣтственнѣе утвердившемуся потомъ общему мнѣнію, что князь дѣйствительно не желалъ возвращаться на Кавказъ. Какъ бы то ни было, мы разсѣлись, по-прежнему, въ нашемъ вагонѣ и поѣхали далѣе по направленію къ Вильнѣ. Приближаясь къ ней, князь сталъ выражать сильное безпокойство, что вѣроятно на самой станціи желѣзной дороги его ожидаетъ парадная встрѣча, съ которой онъ, въ своемъ недужномъ положеніи, не можетъ раздѣлаться прилично,

и давалъ ловкому Пиленко нѣкоторыя порученія, относительно возможнаго сокращенія и упрощенія этой церемоніи.

Въ Вильну мы пріѣхали уже ночью. Станція была великолѣпно освѣщена. На платформѣ виднѣлась значительная толпа военныхъ лицъ съ генералъ-губернаторомъ во главѣ. Кромѣ того было много народу. Князь, не выходя изъ вагона, принялъ наиболѣе почетныхъ. Потомъ уже его на рукахъ перенесли въ приготовленный для него экипажъ. Въ то же время мы помѣстились въ экипажи, для насъ назначенные, и вслѣдъ затѣмъ по узкимъ и кривымъ Виленскимъ улицамъ понесся огромнѣйшій поѣздъ. Квартира для князя приготовлена была въ домѣ, занимаемомъ старымъ кавказскимъ сослуживцемъ князя, храбрымъ генераломъ Майделемъ. Майдель въ это время былъ начальникомъ какой-то дивизіи и жилъ въ Вильнѣ. Хотя на этомъ, довольно длинномъ, переѣздѣ мы значительно отстали отъ экипажа князя, имѣвшаго, конечно, лучшихъ лошадей, тѣмъ не менѣе, приблизившись къ дому Майделя, мы издали уже могли видѣть странную и непріятную церемонію перенесенія князя изъ экипажа въ комнаты. Комнаты, для него приготовленныя, находились во второмъ этажѣ, куда отъ входа вела узенькая лѣстница. Князь уже рѣшительно не былъ въ состояніи пошевелить одной разболѣвшейся ногой. Какъ ни былъ хорошъ и покоенъ экипажъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, все таки, несясь по каменной мостовой, онъ не могъ не растревожить больную ногу, отъ которой страдалъ еще въ вагонѣ. Такимъ образомъ предстояло, во-первыхъ, пересадить князя изъ экипажа въ кресло и, во-вторыхъ, перенести его въ этомъ креслѣ во второй этажъ по узкой лѣстницѣ. Первая часть этой операціи совершена была, повидимому, довольно удачно и кончена была до нашего пріѣзда; вторая длилась уже при насъ и сопровождалась величайшими затрудненіями именно вслѣдствіе того, что лѣстница была узка. Непріятно было, повторяю, видѣть, какъ фигура князя колыхалась вверху, и внизу подъ ней сплотилась масса головъ, и все это освѣщалось множествомъ огней. Не видѣть же этого было нельзя, потому что двери дома были открыты и въ нихъ, прежде всего, виднѣлась эта странная процессія, имѣвшая какое-то подобіе погребальной церемоніи. Наконецъ, князь внесенъ былъ въ комнаты, усаженъ въ кресла или оставленъ въ томъ же, въ которомъ его несли, и нашелъ еще въ себѣ достаточно силъ, чтобъ разговаривать съ генералъ-губернаторомъ и другими генералами, привалившими вслѣдъ за нимъ въ его комнаты. Между тѣмъ насъ не могъ не интересовать вопросъ о нашемъ личномъ устройствѣ и когда мы коснулись его, намъ объявили, что и намъ приготовили помѣщеніе въ какомъ-то подворьѣ, съ извѣстнымъ названіемъ, заключавшемъ въ себѣ меблированныя

комнаты. Снабженные этимъ открытіемъ, мы скоро отправились по назначенію въ тѣхъ же экипажахъ, которые взяли насъ съ желѣзной дороги.

Быть можетъ въ этомъ и нѣтъ большой надобности, тѣмъ не менѣе я все-таки скажу нѣсколько словъ о нашихъ помѣщеніяхъ. Генералъ Майдель занималъ прекрасное помѣщеніе. Лѣстница, о которой я говорилъ уже, вела въ свѣтлую, просторную переднюю. Подлѣ передней налѣво находилась небольшая комната, въ которой и расположился фельдъ-егерь, данный князю въ Петербургѣ, очень умный и ловкій малый, нѣмецкой фамиліи, которую я, однако же, забылъ. Направо изъ передней была обширная свѣтлая зала, которая съ величайшимъ достоинствомъ исполняла назначеніе пріемной. Рядомъ съ этой залой находилась другая, столь же обширная, комната, которая и обращена была въ спальню и кабинетъ князя. Эта комната долго будетъ памятна и мнѣ и всѣмъ, окружавшимъ князя, во время долгаго лежанія его въ Вильнѣ. Параллельно этимъ двумъ большимъ комнатамъ шли нѣсколько комнатъ меньшаго размѣра, чрезвычайно милыхъ и уютныхъ. Комнату, смежную съ комнатою князя, занималъ величайшій изъ новѣйшихъ мучениковъ, камердинеръ князя, знаменитый Антонъ, положительно не знавшій покою ни днемъ, ни ночью и за все это не слышавшій отъ князя другаго названья, какъ „оселъ, дуракъ и т. п.“. Такого воловьяго терпѣнія, какое было у этого каменнаго человѣка, я въ жизнь свою ни въ комъ не видалъ, и онъ, по справедливости, возбуждалъ этимъ безпримѣрнымъ дарованіемъ всеобщее изумленіе, начиная съ самого князя. Затѣмъ шли: кабинетъ самого Майделя, столовая и т. д., и все это такъ ловко и умно было расположено, что вы могли попадать въ любую комнату, какъ-то не задѣвая другой. Содержались всѣ эти комнаты въ поразительномъ порядкѣ и чистотѣ, на которыя только и могъ быть способенъ нѣмецъ. Нѣсколько нѣмцевъ, служителей Майделя, только и дѣлали, что чистили что-нибудь, да подметали...

Въ той же степени, въ какой было хорошо и уютно помѣщеніе Майделя, было отвратительно помѣщеніе, намъ отведенное. Это было просто нѣсколько грязныхъ необъятныхъ сараевъ. Кромѣ внутренняго своего безобразія, это помѣщеніе представляло еще то существенное неудобство, что находилось чрезвычайно далеко отъ квартиры князя, такъ что на другой же день мы положительно возмутились и требовали настоятельно другаго помѣщенія. Надобно замѣтить, что мѣстныя власти, начиная съ милѣйшаго генералъ-губернатора Назимова, во все время нашествія нашего на Вильну, окружали насъ величайшимъ вниманіемъ и угодливостью. Полицеймейстеръ Васильевъ смотрѣлъ на насъ, какъ на какихъ-то могущественнѣйшихъ

въ мірѣ людей, которымъ ничего не стоитъ стереть съ лица земли такую букашку, какъ онъ. Поэтому, какъ только заявлено было нами недовольство нашимъ помѣщеніемъ, Васильевъ разослалъ всю свою команду по городу разыскивать для насъ другое помѣщеніе. Результаты этихъ розысковъ были блистательны въ величайшей степени. Домъ, гдѣ жилъ князь, стоялъ на площади, которая называлась, если не ошибаюсь, Георгіевскою. На одномъ углу этой самой площади находился домъ какой-то польской графини. Графиня была за границей, и домъ ея отдали намъ. Трудно передать роскошь и комфортъ, съ которымъ устроенъ и отдѣланъ былъ этотъ домъ. Здѣсь я впервые увидѣлъ во внутреннемъ его устройствѣ много заграничныхъ примѣненій, которыхъ дотолѣ не видалъ ни въ одномъ изъ петербургскихъ домовъ. Обои, мебель, ковры, лампы и люстры такъ и говорили своимъ видомъ: „мы прямо изъ Парижа". Каждый изъ насъ занялъ отдѣльную комнату по своему вкусу и выбору, и затѣмъ оставались общія залы, гостиныя и много другихъ комнатъ. Когда потомъ, съ усиленіемъ болѣзни князя, я поднялъ своими извѣстіями по этой части тревогу между петербургскими его родными, князь Владиміръ Ивановичъ Баратинскій, графъ Орловъ-Давыдовъ, пріѣзжая въ Вильно, тоже останавливались у насъ, безъ всякихъ стѣсненій для себя и для насъ. Въ этомъ миломъ, комфортабельномъ, роскошномъ, можно сказать, помѣщеніи мы провели большую часть времени проживательства нашего въ Вильнѣ и, разумѣется, не имѣли никакихъ причинъ и побужденій желать какой-либо перемѣны въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію, однако, перемѣна эта должна была послѣдовать по причинамъ, какъ говорится, нисколько отъ насъ не зависящимъ. Барыня, которой принадлежалъ этотъ домъ, стала высылать телеграммы о своемъ возвращеніи и требовать нашего изгнанія. Дѣйствительно ли она хотѣла возвратиться или только разсчитывала насъ выжить—Господь ее вѣдаетъ; но мы съ сокрушеннымъ сердцемъ должны были сдѣлать новое переселеніе. Къ счастью, необходимость эта наступила незадолго до оставленія нами Вильны, и потому, безъ всякихъ глубокихъ размышленій, мы просто-на-просто перебрались въ Познанскую гостиницу, считавшуюся тогда одною изъ лучшихъ въ городѣ. Изъ этой именно гостиницы въ роковой часъ мы отправились обратно въ Петербургъ.

Я рѣшительно затрудняюсь, съ какого конца начать описаніе нашего виленскаго житья-бытья, тѣмъ болѣе, что многія существенныя черты изъ этого періода разсказаны уже мною выше, въ разныхъ мѣстахъ, по соотношенію ихъ съ другими обстоятельствами, о которыхъ заходила рѣчь. Когда на другой день нашего прибытія мы собрались въ помѣщеніи князя, намъ объяснили, что князь не спалъ

всю ночь, страшно боленъ и что о дальнѣйшемъ путешествіи не можетъ быть и рѣчи. И дѣйствительно, когда мы увидали князя, мы не могли не ужаснуться сильной его перемѣнѣ. Онъ разомъ принялъ тотъ видъ, съ которымъ отправился нѣкогда изъ Тифлиса, съ тѣмъ же краснымъ или, лучше сказать, багровымъ лицомъ, тѣми же свѣтлыми, оловянными глазами... Раздражительность его была ужасна: онъ сердился рѣшительно за все и про все. Безпрерывно мѣнялъ свое положеніе на постели, требовалъ, чтобъ ему поправили такъ или иначе подушки и постоянно кричалъ то отъ боли, то отъ злобы. Мы сидѣли и смотрѣли на него молча. Первые дни нашего пребыванія въ Вильнѣ болѣзнь князя достигала ужасающей степени, такъ что мы боялись, какъ бы онъ не умеръ. Всѣ ночи мы проводили безотлучно при немъ, чередуясь между собой. Сна и аппетита у князя рѣшительно не было. Часто онъ бредилъ съ открытыми глазами. Въ этомъ бреду онъ нерѣдко произносилъ мое имя. Случалось также, что въ продолженіе ночи, придя въ сознаніе и замѣтивъ меня на стоящемъ близъ постели стулѣ, онъ говорилъ: „добрый Василій Антоновичъ!“ Къ больной его ногѣ нельзя было подступиться на нѣсколько шаговъ, и операція оправленія его постели, когда надобно было пересаживать князя на кресло и потомъ опять класть въ постель, была ужасна. Самая величайшая осторожность въ этомъ отношеніи не достигала цѣли: князь никогда такъ не кричалъ и не злобствовалъ, какъ именно въ эти минуты. Всегда увѣренный въ своей силѣ и ловкости, и побуждаемый состраданіемъ, сколько къ князю, столько же и къ личностямъ, около его возившимся и щедро осыпаемымъ нелестными эпитетами князя, я совершалъ ему эти операціи много разъ собственноручно. Вся задача состояла въ томъ, чтобы при этомъ перекладываніи и пересаживаніи не повредить больную ногу князя, сильно распухшую въ колѣнѣ и въ особенности не дать ей и малѣйшаго сгиба, который особенно производилъ страшныя мученія князю. Пригласивъ графа Чернышева-Кругликова брать и осторожно переносить эту ногу, я бралъ самого князя, несмотря на колоссальную его фигуру, какъ ребенка на руки и пересаживалъ въ кресло, а потомъ тѣмъ же порядкомъ клалъ въ постель. Князь сильно благодарилъ насъ съ Чернышевымъ-Кругликовымъ за эти гимнастическіе подвиги и утверждалъ, что мы избавляемъ его отъ страшнѣйшихъ мученій. Дѣло, однако же, нисколько не улучшалось и, въ сильномъ опасеніи за его исходъ, я сталъ отправлять въ Петербургъ телеграммы съ изложеніемъ дѣйствительнаго положенія князя. Телеграммы эти читались государю, который и приказалъ князю Владиміру Барятинскому ѣхать въ Вильну.

Я говорилъ уже, что въ Петербургѣ потомъ распространилось

убѣжденіе, что вся эта болѣзнь была ложная болѣзнь, посредствомъ которой князь хотѣлъ только отдѣлаться отъ поѣздки на Кавказъ; но свидѣтельствую Богомъ, что никогда болѣзненное состояніе его не достигало такой крайней и опасной степени. Онъ просто умиралъ, и самый видъ его показывалъ всѣмъ, что тутъ уже не до комедій. Съ теченіемъ времени, первоначальные страшные припадки, конечно, значительно ослабѣли; но болѣзненное его положеніе не прекращалось до самаго нашего отъѣзда; по-прежнему у него было не хорошее буро-багровое лицо, тѣ же оловянные глаза. Сна и аппетита у него, по-прежнему, не было вовсе. Постоянная безсонница его, какъ мнѣ и Пиленко казалось, имѣла вліяніе на состояніе его головы. Безсонница эта отражалась на насъ, лично, самымъ неудобнымъ образомъ. Въ теченіе утра мы являлись къ князю на нѣкоторое время и смѣнялись другими, въ особенности генералъ-губернаторомъ Назимовымъ, который считалъ какъ-будто священнымъ долгомъ являться къ нему положительно каждый день и проводить у него нѣсколько часовъ. Во время этихъ утреннихъ представленій, князь любилъ трунить надъ моими разнообразными костюмами и исчислять ихъ неисчислимое множество. Послѣ обѣда составлялась обыкновенно партія въ карты и, когда она оканчивалась, тутъ начиналось наше мученіе.

Не имѣя рѣшительно никакого позыва ко сну, князь приглашалъ насъ посидѣть съ нимъ и пускался въ безконечные разсказы. Сначала мы слушали внимательно и прилично; но потомъ, когда бесѣда заходила далеко за полночь, насъ начиналъ одолѣвать сонъ. Лампы и свѣчи, прикрытые абажурами, разливали такой снотворный свѣтъ, что мы съ трудомъ держались на своихъ мѣстахъ, съ другой стороны тотъ же полусвѣтъ помогалъ намъ и выносить, по возможности, прилично наше критическое состояніе, скрывая отъ князя наши страдальческія физіономіи и посоловѣлые глаза; но главное спасеніе наше заключалось въ томъ, что князь, по обычаю своему, всегда говорилъ самъ и одинъ. Боже мой! конечно, ни одинъ школьникъ не вырывался съ такою радостью изъ своей школы, съ какою мы, наконецъ, отпущенные княземъ, спѣшили къ своимъ постелямъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ это время честь бесѣдовать съ княземъ, нѣкогда великая и драгоцѣнная, потеряла значительную часть своей цѣны. Совѣстно говорить, но мы рады были, когда являлись другіе желающіе воспользоваться ею.

Сюда относится слѣдующее обстоятельство, изъ котораго потомъ князь составилъ, съ обычнымъ своимъ искусствомъ, великолѣпный анекдотъ. Въ Вильнѣ въ это время былъ губернскимъ почтмейстеромъ баронъ Россильонъ. По прежней службѣ своей въ почтовомъ вѣдомствѣ, я зналъ, въ какихъ почтительныхъ отношеніяхъ находятся эти

господа не только къ своему министру, но даже къ директору почтоваго департамента, даже къ начальникамъ отдѣленій этого департамента. Поэтому, я относился немножко свысока къ виленской почтовой конторѣ вообще и къ ея почтмейстеру. Если Россильонъ и представлялся князю, то вѣроятно, въ массѣ другихъ чиновниковъ, въ которой я не могъ его отличить и замѣтить. Между тѣмъ, войдя однажды вечеромъ въ кабинетъ князя, я нашелъ его бесѣдующимъ съ Россильономъ съ глазу на глазъ. Этого мало. Мое удивленіе достигло величайшей степени, когда я услышалъ, что бесѣда эта шла на дружеское „ты“. Это удивленіе, вѣроятно, выразилось невольно на лицѣ моемъ, потому что князь, продолжая разговаривать съ Россильономъ, поглядывалъ на меня и значительно улыбался. Когда Россильонъ ушелъ, князь объяснилъ мнѣ, что онъ былъ нѣкогда блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ; красавецъ собой, онъ великолѣпно танцовалъ: „ни одинъ придворный балъ не обходился безъ него“, заключилъ князь, прибавивъ, что именно въ тѣ времена и завязалась ихъ пріятельская короткость. Несмотря, однако же, на это объясненіе, тотъ фактъ, что генералъ-фельдмаршалъ и губернскій почтмейстеръ бесѣдуютъ по цѣлымъ вечерамъ на „ты“, не могъ потерять своего значенія, и, какъ я сказалъ уже, послужилъ самому князю для великолѣпнаго анекдота. Иванъ Матвѣевичъ Толстой, сдѣлавшійся потомъ, по волѣ судебъ, моимъ начальникомъ, за бытность свою за границею, видѣлся съ княземъ и слышалъ отъ него самого этотъ анекдотъ. Основаніе было вѣрно, но подробности страшно украшены, были игривою фантазіею князя. По его словамъ, когда я увидѣлъ князя разговаривающимъ съ Россильономъ на „ты“, первое впечатлѣніе, выразившееся на моемъ лицѣ, было такого содержанія, что „князь съ ума сошелъ!“ Князь утверждаетъ, что на моемъ лицѣ вдругъ написано было удивленіе, сожалѣніе и недоумѣніе, что дѣлать по поводу этого страшнаго несчастія и т. п. Какъ бы то ни было князь нерѣдко посылалъ за Россильономъ и разговаривалъ съ нимъ далеко за полночь.

По части ночныхъ бесѣдъ этихъ намъ приносили нѣкоторую, незначительную, впрочемъ, помощь тѣ господа, которыхъ, какъ я сказалъ уже, князь, еще въ Петербургѣ, приглашалъ вмѣстѣ переѣзжать моря на приготовленныхъ гдѣ-то пароходахъ. Въ особенности тутъ былъ полезенъ генералъ Кармалинъ. Этотъ господинъ пріѣхалъ въ Вильну съ значительнымъ запасомъ книгъ и предложилъ князю, жалующемуся на безсонницу, читать нѣкоторыя новѣйшія сочиненія. Въ теченіе двухъ или трехъ вечеровъ это чтеніе дѣйствительно занимало князя нѣсколько; но князю скоро все надоѣдало. Такъ точно скоро надоѣли ему и самъ Кармалинъ, и книги, имъ привезенныя, и этому мечтавшему уже на этомъ чтеніи построить будущее кавказ-

ское благополучіе, предложено было утонченнымъ образомъ отправляться далѣе и ожидать князя въ иныхъ мѣстахъ. Но главными ратниками продолжительныхъ бесѣдъ съ княземъ были двѣ личности: генералъ Назимовъ и Пиленко. Генералъ Назимовъ проявлялъ въ отношеніи къ князю самое усердное и почтительное вниманіе. Не проходило дня, въ теченіе котораго онъ не посѣтилъ бы князя нѣсколько разъ. Эту безконечную внимательность можно объяснить не столько старыми петербургскими или, лучше сказать, придворными отношеніями его съ княземъ, сколько, какъ кажется, разсчетомъ найти въ немъ опору въ предстоящихъ и ожидаемыхъ волненіяхъ этого края. Это заключеніе я основываю на томъ высокомѣріи, на той безцеремонности, съ которыми князь относился къ Назимову. Вотъ доказательство. Когда князю стало нѣсколько лучше и онъ пожелалъ быть выдвигаемымъ на своемъ красномъ, качающемся креслѣ, въ первую, т. е. пріемную комнату, случалось иногда такъ, что Назимовъ пріѣзжалъ въ то уже время, когда князь находился въ этой комнатѣ, окруженный нами, стоящими, впрочемъ, въ почтительномъ отъ него отдаленіи и преимущественно вдоль стѣнъ. Назимовъ входилъ, здоровался съ княземъ, раскланивался съ нами и занималъ среди насъ стоячую позицію. Князь, не приглашая его садиться, продолжалъ старую исторію или начиналъ новую. Назимовъ стоялъ и слушалъ, а я думалъ, неужели нѣтъ положенія, въ которомъ можно было бы и не унижаться? Неужели генералъ-адъютантъ, начальникъ обширнаго края, долженъ стоять предъ другимъ генералъ-адъютантомъ, предъ другимъ начальникомъ другаго края, потому только, что онъ на вершокъ посильнѣе и поважнѣе? Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ совѣстно было смотрѣть и на князя и на Назимова, на князя потому, что онъ изъ пустаго тщеславія, изъ желанія внушить намъ, его домашнимъ, такъ сказать, лучше размѣры своего величія, заставляетъ почтеннаго человѣка испытывать унизительное положеніе, а за Назимова потому, что, будучи хозяиномъ края, гдѣ мы находились, будучи представителемъ въ этомъ краѣ самого государя, онъ не умѣетъ избѣгнуть этого положенія и выражаетъ такую готовность переносить его. Подобныя сцены оканчивались тѣмъ, что мы незамѣтнымъ образомъ исчезали изъ этой комнаты и оставляли князя наединѣ съ добрымъ Назимовымъ.

Что касается до Пиленко, то онъ умѣлъ сдѣлаться рѣшительно необходимымъ для князя, который, казалось, буквально влюбился въ него. Эта непостижимая пріязнь дошла до того, что Пиленко почти безотлучно находился при князѣ. Я былъ рѣшительно отодвинутъ на второй планъ. Я ежедневно видѣлся съ княземъ, игралъ съ нимъ въ карты и вообще не замѣчалъ въ немъ ничего

непріязненнаго; но ночныя и интимныя бесѣды посвящались уже исключительно Пиленко. Пиленко былъ слишкомъ уменъ, чтобъ чваниться этимъ исключительнымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ моей стороны онъ видѣлъ самое искреннее сочувствіе къ его успѣхамъ, которыхъ онъ вполнѣ и заслуживалъ. Поэтому онъ держался ко мнѣ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и передавалъ мнѣ отъ слова до слова все, что слышалъ отъ князя въ продолженіе ихъ безконечныхъ и постоянныхъ бесѣдъ. Между прочимъ, князь говорилъ ему: „какое несчастье для меня, и какое въ то же время великое счастье для васъ, что я вынужденъ былъ остановиться въ Вильнѣ. Это только и дало мнѣ возможность узнать, оцѣнить васъ и проложить вамъ дорогу". Эти слова вполнѣ подтверждались отзывами князя о Пиленко, когда заходила о немъ рѣчь. По существу этихъ отзывовъ выходило, что онъ открылъ въ Пиленко, не болѣе, не менѣе, какъ великаго человѣка.

Размѣръ довѣрія, которымъ князь удостоивалъ Пиленко, просто поражалъ своею необъятностью. Этого мало, что онъ высказывалъ ему свои мнѣнія о всѣхъ кавказскихъ личностяхъ; онъ посвятилъ его во всѣ свои отношенія къ государю. Отъ Пиленко я впервые узналъ, о чемъ прежде не имѣлъ никакого понятія, что по пріѣздѣ князя въ 1861 г. изъ Дрездена въ Петергофъ или, лучше сказать, въ Петербургъ, князь представлялъ государю свои планы политическаго содержанія, что государь въ первое время ничего не отвѣтилъ на эти планы, а въ моментъ отъѣзда князя сказалъ ему, что по этой части у него есть свои убѣжденія, которыя онъ и считаетъ долгомъ охранять, какъ часовой охраняетъ то, къ чему приставленъ. Однимъ словомъ, тутъ обнаружилось, что довѣріе князя къ Пиленко выразилось несравненно шире, нежели ко мнѣ, несмотря на старинныя наши отношенія, тогда какъ Пиленко былъ совершенный новичокъ. Всѣ эти разсказы просто поражали меня, тѣмъ болѣе, что по характеру Пилеко я не имѣлъ никакого основанія въ нихъ сомнѣваться. Вообще, поведеніе князя за этотъ періодъ было такъ странно, что давало справедливый поводъ опасаться за состояніе его головы, и это опасеніе раздѣлялъ самъ Пиленко, несмотря на все благоволеніе къ нему князя.

Доказательствомъ, что это опасеніе имѣло свои основанія, я приведу нелѣпѣйшій планъ, сочиненный княземъ вмѣстѣ съ Пиленко о перенесеніи столицы въ Кіевъ и къ ужасу моему отправленный къ государю. Пиленко, не скрывавшій отъ меня ничего, давалъ мнѣ читать это замѣчательное произведеніе. Оно начиналось, именно, такимъ образомъ: „въ такомъ-то году я представлялъ вамъ мои политическія соображенія, но вы ихъ не приняли". Потомъ слѣдовало: „въ по-

слѣднее пребываніе мое за границей я еще лучше и глубже изучилъ вопросъ и нахожу, что для приведенія дѣлъ въ отличное положеніе надобно перенести столицу въ Кіевъ; а потому, движимый любовью къ отечеству и преданностью къ вамъ, повергаю эту идею или этотъ планъ къ священнымъ стопамъ вашимъ"... Разумѣется, я передаю только сущность этой несчастной бумаги; сущность эта разведена была въ жидкой водицѣ жалкихъ политическихъ и историческихъ соображеній, жалкихъ потому, что въ исторіи и политикѣ и князь и Пиленко равномѣрно были слабы. Читая эту бумагу, мнѣ такъ и показалось, что бѣдный мой князь самъ, безъ нужды, кладетъ свою голову во вражескую пасть князя Горчакова и подвергается несравненно большей опасности, нежели Батти Каперъ, когда кладетъ свою голову въ пасть льва. Какъ и слѣдовало ожидать, этотъ смѣлый планъ не осуществился, и я былъ бы очень счастливъ, если бы могъ пріобрѣсти убѣжденіе, что при ловкомъ содѣйствіи ловкихъ враговъ князя это сочиненіе, которымъ князь, конечно, хотѣлъ отличиться, не бросило на него новой неблагопріятной тѣни, какъ на государственнаго человѣка...

По отношенію къ своимъ болѣзнямъ, князь держался сначала строго своего правила: гнать отъ себя всевозможныхъ докторовъ. Никто изъ насъ, разумѣется, не смѣлъ пуститься въ какіе-либо совѣты и настоянія по этой части. Всѣ мы знали, какъ упорно и раздражительно относился князь къ подобнымъ совѣтамъ. Но проѣздъ чрезъ Вильну великой княгини Елены Павловны далъ иное направленіе этому вопросу. Она возвращалась изъ-за границы въ Петербургъ и, по прибытіи въ Вильну, разумѣется, узнала, что здѣсь лежитъ больной князь. Великая княгиня пожелала его видѣть и по предварительнымъ соглашеніямъ посѣтила его въ условленный для того часъ. Она пріѣхала въ сопровожденіи своего доктора Гартмана. Когда великая княгиня вошла въ комнату князя, Гартманъ остался въ пріемной съ нами. Чрезъ нѣкоторое время онъ также былъ потребованъ туда, вѣроятно, осматривалъ князя, разспрашивалъ его, конечно, по обычаю всѣхъ докторовъ, потомъ вышелъ оттуда и уѣхалъ. Великая княгиня оставалась у князя довольно продолжительное время, такъ что при выходѣ ея отъ него наступили уже сумерки. Когда она появилась въ пріемной, то любезно обратилась къ генералу Майделю, какъ хозяину дома. Я стоялъ въ значительномъ отдаленіи, скрываемый полусвѣтомъ. Тѣмъ не менѣе великая княгиня въ продолженіе разговора съ Майделемъ замѣтила мою фигуру и спросила его: не докторъ ли это князя? Когда Майдель назвалъ мое имя, великая княгиня подошла ко мнѣ и удостоила меня самой милой и продолжительной бесѣды.

До тѣхъ поръ я не былъ лично представленъ ея высочеству; но былъ ей хорошо извѣстенъ по многимъ, преимущественно благотворительнымъ, обстоятельствамъ. Дѣло въ томъ, что князь Одоевскій и, особенно, княгиня Одоевская были своими людьми у великой княгини, а я былъ у Одоевскихъ своимъ человѣкомъ. Фрейлины и, вообще, придворный людъ великой княгини вели величайшую дружбу съ Одоевскими, такъ что, перекрещиваясь и встрѣчаясь съ ними въ нероскошныхъ, но гостепріимныхъ комнатахъ Одоевскихъ, я зналъ этотъ людъ тоже очень хорошо, какъ онъ зналъ меня. Предъ назначеніемъ князя Одоевскаго московскимъ сенаторомъ, или, лучше сказать, предъ отправленіемъ его въ Москву, ему даже довелось жить во дворцѣ великой княгини, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ женою, потомъ постоянно останавливался, пріѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ. При этихъ окказіяхъ невозможно было не встрѣтить у Одоевскихъ какой-нибудь придворной личности, и мнѣ, волею-неволею, приходилось перезнакомиться съ ними и нерѣдко проводить цѣлые вечера вмѣстѣ съ какою-нибудь хорошенькою Роль и др. Кромѣ того, ужъ не знаю, по какимъ причинамъ и обстоятельствамъ—князь Одоевскій, хотя не состоялъ ни въ какихъ служебныхъ и обязательныхъ отношеніяхъ съ дворомъ великой княгини, тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то главнымъ директоромъ всѣхъ благотворительныхъ ея дѣлъ и занятій, имѣвшихъ и имѣющихъ чрезвычайно обширный кругъ,—въ который входили институты, пріюты, опредѣленныя пособія бѣднымъ и пр. и пр. Въ лицѣ князя занятія по этимъ дѣламъ сливались частію съ дѣлами нашего общества, а какъ я былъ, такъ сказать, неизмѣннымъ его копьемъ, постояннымъ его сотрудникомъ, то и мнѣ доводилось, во слѣдъ ему, работать по дѣламъ великой княгини. Этого мало. Связь нашихъ дѣлъ съ дѣлами великой княгини была такъ сильна, что мы безъ церемоніи и всякихъ затрудненій брали изъ ея пріютовъ, когда намъ нужно было, толпы маленькихъ дѣвочекъ, а на благотворительныя предпріятія, въ ея вѣдомствѣ учреждаемыя, высылали, въ свою очередь, толпы нашихъ ловкихъ и расторопныхъ членовъ. Наконецъ, всегда наше общество, стѣсняемое разными неблагопріятными условіями, вынуждено было умереть, всѣ оставшіеся у него, въ день кончины, капиталы и заведенія, въ томъ числѣ прекрасная лѣчебница для приходящихъ, пріютъ для старухъ, женское училище, всѣ дѣла общества, наконецъ, личности, служившія въ немъ и во главѣ ихъ милый Краснопольскій, нравившійся всѣмъ и чрезвычайно понравившійся великой княгинѣ, переданы, съ высочайшаго соизволенія, ея высочеству. Всѣ эти дѣла, заведенія, личности громко говорили о моей дѣятельности, о моемъ значеніи въ обществѣ. Совокупность всѣхъ этихъ данныхъ, какъ кажется, достаточно объясняетъ, что имя мое было слишкомъ

хорошо извѣстно великой княгинѣ, что̀ подтвердила и она сама, обратившись ко мнѣ именно съ этими словами: „мы съ вами давно уже знакомы...“ Затѣмъ она сказала, что была недавно въ лѣчебницѣ и видѣла тамъ кавказца, именно того Булатова, о которомъ я выше говорилъ.

Этотъ Булатовъ, на пути изъ Тифлиса въ Петербургъ, сильно заболѣлъ и по пріѣздѣ сюда, узнавъ, что при лѣчебницѣ существуютъ для больныхъ отдѣльныя комнаты, прямо съ желѣзной дороги поступилъ туда. Тамошнее лѣченіе, посредствомъ совокупныхъ усилій знаменитѣйшихъ консультантовъ, не принесло ему пользы, такъ что онъ поспѣшилъ вырваться оттуда, обратиться къ гомеопатіи и при первой возможности ускакать обратно съ глубокимъ убѣжденіемъ, что „кавказское солнышко“, по его собственному выраженію, вылѣчитъ скорѣе, нежели всевозможныя медицинскія знаменитости.

Потомъ великая княгиня говорила объ Одоевскихъ и Краснопольскомъ, и старухахъ, которыя меня знали и помнили. Затѣмъ перешла къ болѣзненному положенію князя. Однимъ словомъ, говорила такъ много и такъ мило, что я былъ совершенно очарованъ. Просвѣщенный умъ великой княгини всему міру извѣстенъ, точно такъ же, какъ ея добрыя и полезныя дѣла, которыя и исчислить трудно. Но что особенно замѣчательно, при ея лѣтахъ, она была очаровательна, какъ женщина. До этой минуты я никогда съ ней не говорилъ и при этомъ случаѣ не могъ налюбоваться какимъ-то особенно милымъ движеніемъ ея губъ, когда она говорила. Становилось понятнымъ, что въ свое время это была прелестнѣйшая изъ женщинъ. Бесѣда наша, уже совершенно неожиданно для меня, была чрезвычайно оживленна и чрезвычайно продолжительна, такъ что различныя личности, почтительно стоявшія въ той же комнатѣ, съ удивленіемъ посматривали на меня. Сбоку казалось, что я самый старый знакомый великой княгини и очень близкій ей человѣкъ. Самъ князь, какъ только уѣхала великая княгиня, тотчасъ позвалъ меня къ себѣ и встрѣтилъ словами: „скажите, батюшка, Бога ради, чѣмъ это вы очаровали великую княгиню?..“

На другой, кажется, день вновь явился Гартманъ въ сопровожденіи двухъ мѣстныхъ докторовъ. Одинъ изъ нихъ былъ маленькій и худенькій нѣмецъ, другой толстенькій и шарообразный полякъ. Всѣ трое они вошли въ комнату князя, что-то тамъ толковали, потомъ вышли въ пріемную, опять что-то потолковали и разъѣхались. Гартманъ и маленькій Шульцъ исчезли навсегда; толстенькій полячекъ, по фамиліи Ждановичъ, который, неизлишне замѣтить, былъ домашнимъ докторомъ Назимова, сталъ являться къ князю каждое утро. Вначалѣ положеніе этого господина было чрезвычайно затруднительно. Сидишь, бывало, у князя, докладываютъ о докторѣ. Князь сдѣлаетъ

кислую гримасу и непремѣнно скажетъ: „о! дуракъ! оселъ! что онъ шляется и только надоѣдаетъ“, или что-нибудь въ этомъ родѣ и потомъ прибавитъ: „ну, пустите этого дурака!“ Докторъ не засиживался у князя и скоро былъ выпроваживаемъ. Потомъ князь передавалъ намъ всѣ нелѣпыя, по его мнѣнію, продѣлки этого господина и смѣялся надъ нимъ, представляя, какъ онъ глубокомысленно щупаетъ пульсъ и столь же глубокомысленно произноситъ какой-нибудь латинскій терминъ. Этого мало. Князь любилъ насмѣхаться надъ докторомъ и въ присутствіи нашемъ. Если о докторѣ докладывали въ то время, когда мы были у князя, онъ приказывалъ принять его, а намъ говорилъ: „останьтесь!“ Докторъ входилъ, тревожно щупалъ пульсъ, а князь такъ же тревожно смотрѣлъ на доктора и самъ произносилъ вопросительно одинъ изъ тѣхъ латинскихъ терминовъ, которые онъ постоянно слышалъ отъ доктора. Наше положеніе становилось затруднительнымъ. Мы съ трудомъ удерживались, чтобы не фыркнуть...

Продѣлки эти, однако, не остались, повидимому, незамѣченными хитрымъ и умнымъ Ждановичемъ, потому что въ одинъ изъ послѣдующихъ дней онъ обратился къ намъ съ такою рѣчью, что онъ испытываетъ величайшее и самое тягостное недоумѣніе: пріятны ли князю его посѣщенія? Онъ говорилъ, что дѣлаетъ ихъ ни сколько не по собственнымъ своимъ какимъ-либо видамъ и разсчетамъ, но единственно по настояніямъ Назимова, который рѣшительно требуетъ, чтобы онъ посѣщалъ князя непремѣнно каждый день. Въ заключеніе онъ присовокуплялъ, что мы сдѣлаемъ ему величайшее благодѣяніе, если, такъ или иначе, разрѣшимъ это недоумѣніе и выведемъ его, быть можетъ, изъ ложнаго положенія, въ которое онъ невольно поставленъ. Когда все это было передано князю, то онъ, съ обычною своею деликатностью, порядкомъ смутился этой декларацiей и поручилъ намъ удостовѣрить доктора, что посѣщенія его совершенно необходимы для князя, что онъ цѣнитъ ихъ и убѣдительно проситъ продолжать. Съ этого момента дѣла быстро пошли въ другую сторону. Толстенькій докторъ умѣлъ сдѣлаться пріятнымъ и необходимымъ князю, и сталъ чередоваться съ Пиленко въ ночныхъ бесѣдахъ съ нимъ. Во время этихъ бесѣдъ князь удостоивалъ его большой откровенности и между прочимъ высказывалъ ему мнѣнія о личностяхъ, его окружавшихъ. По свидѣтельству доктора, при всѣхъ и не одинъ разъ высказанному, князь утверждалъ, между прочимъ, что „у меня ангельское сердце“. Отзывы князя о самомъ докторѣ совершенно перемѣнились. Онъ часто говорилъ намъ: „это умный человѣкъ! Мнѣ въ немъ особенно нравится то, что онъ не важничаетъ своей медициной и соглашается во всемъ со мною. Все, что мы дѣ-

лаемъ, дѣлаемъ вмѣстѣ. Вотъ недавно, мы присудили принять хины. Выпью гадость. Ну, нечего дѣлать. Никто не виноватъ. Прочь хину. Придумали другое".

И дѣйствительно, если я не видѣлъ, какъ дѣйствовалъ этотъ толстякъ въ медицинскомъ отношеніи, то съ другой стороны я не могъ не любоваться необычайною ловкостью, съ которою онъ поддѣлывался подъ своенравнаго князя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Докторъ въ немъ рѣшительно исчезъ и преобразился въ тончайшаго придворнаго. Напр., я живо помню такія сцены. Въ полдень князь выдвигается извѣстнымъ порядкомъ, на своихъ, качающихся, красныхъ креслахъ, въ пріемную залу, сумрачный и молчаливый. Всѣ мы, т. е. я, Пиленко и Чернышевъ-Кругликовъ, а иногда и Майдель становимся по стѣнамъ и ждемъ, когда князю угодно начать говорить. Князь продолжаетъ молчать, изрѣдка обводя насъ глазами. Мы тоже молчимъ. Молчитъ и толстенькій докторъ, также прижавшійся къ стѣнѣ съ такимъ выраженіемъ благоговѣнія, какого нельзя выработать ни на одной физіономіи чисто великороссійскаго происхожденія. Наконецъ, общее молчаніе прерывается. Князь начинаетъ какъ-то отрывочно, недовольнымъ тономъ, говоритъ: „чортъ знаетъ, какъ я скверно спалъ нынѣшнюю ночь. Голова опять въ безпорядкѣ... желудокъ... Вѣрно, съѣлъ что-нибудь вчера"... Докторъ чувствуетъ, что все это относится до него болѣе, чѣмъ до кого-нибудь. Онъ тихонько, на ципочкахъ, отдѣляется отъ стѣны, чуть-чуть подается впередъ и робко произноситъ: „Ваше сіятельство! зельтерской воды"... Но въ этотъ моментъ князь сурово поворачивается къ нему и сурово прерываетъ его: „подите вы! ну къ чему я буду наливать себя водой!" Докторъ, какъ мячъ, отскакиваетъ назадъ и снова прижимается къ стѣнѣ, принимая снова благоговѣйное выраженіе. Можно было заранѣе предвидѣть, что эта благоговѣйная, хотя быть можетъ и ложная, преданность не останется безъ вознагражденія. И, дѣйствительно, когда рѣшено было, что князь не вернется на Кавказъ, онъ настоялъ, чтобы этотъ, въ одно и то же время толстый и тонкій докторъ назначенъ былъ состоять при немъ, по званію фельдмаршала, въ каковомъ положеніи этотъ ловкій человѣкъ едва-ли не обрѣтается и до днесь, хотя, сколько извѣстно, въ дальнѣйшихъ его услугахъ князь, постоянно съ тѣхъ поръ находившійся за границей, не имѣлъ уже никакой надобности и нашъ виленскій докторъ не трогался съ мѣста.

Хозяинъ князя, генералъ Майдель, какъ хозяинъ, былъ безупреченъ. Продовольствіе какъ самого князя, такъ и всѣхъ насъ, устроено было имъ на самую широкую и, можно сказать, изящную ногу. Поваръ у него былъ великолѣпный, точно такъ же, какъ и вся сервировка. Завтраки, обѣды, чаи, ужины, шли въ самомъ стройномъ по-

рядкѣ. Вездѣ являлась нѣмецкая аккуратность въ самой высшей степени. Нѣтъ сомнѣнья, что нашъ прiѣздъ въ Вильну обошелся ему въ дорогую копѣйку. И къ величайшему удивленью смотрѣлъ на все это какъ-то равнодушно, не придавая ни усердiю Майделя, проявлявшемуся во всѣхъ случаяхъ и подробностяхъ, ни матерiальнымъ пожертвованiямъ съ его стороны, во всякомъ случаѣ весьма значительнымъ, никакой особенной цѣны. Князь, всегда щедрый, деликатный, признательный, казалось, находилъ, что всему такъ и слѣдовало быть, т. е., чтобы Майдель метался во всѣ стороны для угожденiя ему, несмотря на расходы, съ этимъ стремленiемъ сопряженные. Этого мало. И личныя отношенiя Майделя къ князю не представляли для него ничего лестнаго. Точно такъ же, какъ и мы, онъ входилъ къ нему не иначе, какъ по докладу и преимущественно для того, чтобъ спросить, не угодно ли этого, не прикажете ли того и т. п. Точно такъ же, какъ и мы, онъ игралъ съ княземъ въ картѣ и вмѣстѣ съ другими слушалъ продолжительные разсказы князя. Никакого особеннаго предпочтенiя, какъ человѣку, говоря извѣстнымъ тономъ, „не щадившему ни трудовъ, ни издержекъ для того, чтобъ сдѣлать пребыванiе князя въ Вильнѣ прiятнымъ и удобнымъ“ князь ему не оказывалъ, что̀ и составляло предметъ недоумѣнiй, какъ для меня, такъ и для моихъ товарищей. Но князь, какъ я старался доказать, исполненъ былъ самыхъ непостижимыхъ странностей и часто дѣлалъ то, что, по мнѣнiю другихъ, дѣлать не слѣдовало. Что князь былъ невысокаго мнѣнiя о Майделѣ, самъ князь высказывалъ намъ это безъ всякаго стѣсненiя, хотя постоянно удивлялся его поразительной храбрости. Приводя многiе примѣры этой храбрости Майделя, князь рельефно, съ свойственнымъ ему талантомъ, рисовалъ предъ нами, какъ въ пылу жаркаго боя, этотъ длинный нѣмецъ разъѣзжалъ предъ своими солдатами на огромной бѣлой лошади, служа отличною мишенью для вражескихъ пуль.

Впрочемъ, домъ Майделя былъ, такъ сказать, только основнымъ фономъ нашей Виленской жизни, по которому вышивались великолѣпные и разнообразные узоры. Если со стороны политической наше пребыванiе тамъ не представляло ничего блестящаго, особенно для меня, вслѣдствiе пламенной любви, внезапно возгорѣвшей въ сердцѣ князя къ ловкому Пиленко, то со стороны общественной мы, по пословицѣ „катались какъ сыръ въ маслѣ“. Владимiръ Ивановичъ Назимовъ, быть можетъ слабый генералъ-губернаторъ, особенно для того начинавшагося смутнаго времени, но безспорно добрѣйшiй и милѣйшiй изъ людей, окружилъ насъ такимъ безпредѣльнымъ и почетнымъ вниманiемъ, о которомъ нельзя не сохранять самыхъ благодарныхъ воспоминанiй. Начать съ того, что кромѣ его обычныхъ

пріемовъ, какъ начальника края, онъ давалъ собственно для насъ обѣды и вечера. Супруга его, красавица и въ то же время добрѣйшая женщина, а вслѣдъ за нею и его милыя дочери надѣляли насъ тоже самымъ плѣнительнымъ радушіемъ. Все это, конечно, не могло не отразиться на отношеніяхъ къ намъ всего Виленскаго міра. Извѣстно, что все человѣчество всегда поетъ въ тотъ тонъ, какой задаетъ старшій. Свита Назимова, состоявшая по обыкновенію изъ молодыхъ и блестящихъ людей, спѣшила наперерывъ дружиться съ нами и открывать предъ нами всѣ тѣ удовольствія, какими только могла располагать Вильна. Даже старые и заслуженные люди искали сближенія съ нами. Генералъ Циммерманъ, начальникъ штаба Назимова, знакомъ уже намъ былъ по Кавказу, и потому мы встрѣтились, какъ старые знакомые. Впрочемъ, особенному нашему сближенію съ нимъ препятствовало то обстоятельство, что онъ, въ служебномъ смыслѣ, находился съ нашимъ хозяиномъ Майделемъ, какъ говорится, „на ножахъ". Комендантомъ въ Вильнѣ тогда былъ столь извѣстный въ старомъ Петербургскомъ военномъ мірѣ генералъ Девяткинъ, или Вяткинъ, страшно рябой господинъ, за что и называли его „Китайской Богородицей". Я никогда не встрѣчалъ болѣе остроумнаго человѣка, но общее мнѣніе было не въ пользу его и называло его, ужъ не знаю за что и почему, дурнымъ человѣкомъ. Сей господинъ, несмотря на свои почтенныя лѣта, лѣзъ къ намъ въ самую интимную дружбу, разсказывалъ закулисныя тайны объ актрисахъ, молодился и вообще изображалъ изъ себя веселаго и милаго „шалуна". Потомъ мы не могли отбиться отъ визитовъ генералъ-адъютанта Фролова, находившагося въ то время въ Вильнѣ въ какомъ-то званіи. При личныхъ свиданіяхъ онъ постоянно упрашивалъ насъ посѣтить его и познакомиться съ его дочерью... Но намъ сказали, что это страшнѣйшій игрокъ и заманиваетъ насъ единственно съ разсчетомъ обыграть. Такое предупрежденіе было причиною, что мы не воспользовались удовольствіемъ познакомиться съ его дочерью. Впослѣдствіи я встрѣчалъ Фролова въ Петербургскихъ клубахъ и вездѣ слышалъ одно и то же, что это самый злѣйшій игрокъ и что клубскія конторы постоянно возятся съ его не заплаченными проигрышами.

Въ Вильнѣ же мы узнали стараго Кукольника, брата Нестора, чрезвычайно грязнаго чудака и оригинала. Этотъ оригиналъ тоже былъ поэтомъ или считалъ себя таковымъ, и завалилъ меня страшными стихотворными драмами, которыя, быть можетъ, когда-нибудь и сдѣлаются извѣстными свѣту. Во всякомъ случаѣ къ брату своему и его таланту онъ относился свысока, и когда его спрашивали: „не братъ ли онъ Нестора Кукольника"—онъ высокомѣрно отвѣчалъ: „да! Несторъ мой братъ"!

Но трудно, да безполезно исчислять всѣ виленскія личности, съ которыми мы, волею-неволею, сближались, или, лучше сказать, которыя около насъ увивались. Мнѣ нужно выяснить только тотъ фактъ, что озаренные и здѣсь лучами славы и силы князя, мы, безспорно, были львами того сезона въ Вильнѣ. Все было къ нашимъ услугамъ. Назимовъ имѣлъ свою ложу въ театрѣ и отдалъ ее въ наше распоряженіе. Комендантъ имѣлъ свою ложу и поступилъ также. Директорская ложа, какъ-то сама-собой, поступила въ наше владѣніе, въ силу несомнѣннаго нашего могущества. Такимъ образомъ, мы сдѣлались какими-то хозяевами въ театрѣ. Директоръ представлялъ намъ репертуаръ послѣдующихъ представленій и измѣнялъ его согласно нашимъ указаніямъ и желаніямъ. Мы стали особенно апплодировать и покровительствовать одной, дѣйствительно даровитой, актрисѣ Пацевичъ, и вся молодежь бросилась дѣлать ей визиты и окружать ее толпою, когда она появлялась на прогулкѣ...

Виленскій театръ былъ въ то время плохой театръ по своему внутреннему устройству. Только и хороша была ложа генералъ-губернатора, убранная зеркалами, коврами и хорошею мебелью. Во всемъ остальномъ театръ значительно уступалъ по своимъ удобствамъ и убранству петербургскимъ балаганамъ Берга или Легата. Труппа была такъ себѣ, ни то, ни сё. Было нѣсколько артистовъ, довольно даровитыхъ, и въ числѣ ихъ, на первомъ планѣ, именно та Пацевичъ, о которой я выше упоминалъ; большинство, какъ, впрочемъ, и вездѣ, состояло изъ чистѣйшей дряни. Обыкновенно спектакль раздѣлялся на двѣ половины: въ первой давались какія-то длинныя польскія драмы, во второй русскія—комедіи и водевили. Играли, разумѣется, одни и тѣ же актеры. Объ исполненіи польскихъ драмъ я ничего сказать не могу, потому что ничего не понималъ. Впрочемъ, хорошаго, кажется, было мало, потому что во время этихъ польскихъ драмъ публика, видимо, дремала, да потому еще, что главный артистъ въ этихъ драмахъ, весьма красивый и молодой полякъ Лещинскій, не имѣлъ рѣшительно никакого таланта и разсчитывалъ возмѣстить его, какъ говорится, драматической „икотой“ и неистовыми криками. Что касается до русскихъ комедій и водевилей, въ которыхъ Лещинскій вовсе не участвовалъ, то онѣ шли весьма удовлетворительно, и мы хохотали до упаду, хотя польскій акцентъ актеровъ и актрисъ значительно вредилъ полнотѣ успѣха.

Столь же усердно, какъ театръ, мы посѣщали и виленскій клубъ. Виленскій клубъ имѣетъ свое отдѣльное зданіе, несравненно болѣе отвѣчающее своему назначенію, нежели театральное отвѣчаетъ своему. Въ этомъ клубѣ мы тоже были своими людьми, хотя, конечно, не въ той степени, какъ въ театральномъ мірѣ. Если и здѣсь окружали

насъ большею частію наши знакомые и пріятели, то случалось нерѣдко, что взоры наши встрѣчались со взорами, въ которыхъ свѣтилось что-то зловѣщее и крайне враждебное. Эти милые взоры принадлежали личностямъ, которыя и по костюму и по пріемамъ какъ будто говорили: „еще Польша не згинела“. Впрочемъ, мы незлобиво отворачивались отъ этихъ отвратительныхъ физіономій, предоставляя разговаривать и раздѣлываться съ ними мѣстнымъ властямъ, и искали тѣхъ удовольствій, которыя можно найти въ каждомъ клубѣ. Я уже говорилъ, что я былъ любителемъ бильярдной игры и на этомъ поприщѣ составилъ себѣ въ Вильнѣ репутацію сильнаго бойца. Со стороны кулинарнаго искусства виленскій клубъ для насъ, только-что перешедшихъ отъ царскихъ столовъ, представлялся слабымъ въ высшей степени. Ни одно изъ литовскихъ мѣстныхъ блюдъ не заслужило нашего одобренія. По винной части мы тоже не нашли ничего блестящаго. Венгерское, за которое мы платили по 12 руб. сер. за бутылку, по свидѣтельству моихъ товарищей, претендовавшихъ быть знатоками, оказалось такъ себѣ, по крайней мѣрѣ, не компрометтировало своимъ достоинствомъ свою высокую цѣнность. Не то было по части знаменитыхъ литовскихъ медовъ. Проба, произведенная нами въ этомъ отношеніи, представляла много комическаго. Мы съ благоговѣніемъ смотрѣли на поданную намъ, сѣдую и какъ-то обросшую, бутылку наидревнѣйшаго меда и заранѣе уже наслаждались предвкусіемъ, такъ сказать, этого нектара. Раскупориваніе этой бутылки производилось съ какими-то особенными предосторожностями и церемоніями. Первый Пиленко, какъ сильнѣйшій изъ насъ знатокъ, сдѣлалъ пробу, результатъ который мгновенно выразился самой уморительной гримасой, невольно нарисовавшейся на его умномъ лицѣ. Съ недоумѣніемъ, которое служило, такъ сказать, основнымъ фономъ этой гримасы, онъ передалъ бутылку сосѣду, который, послѣ своей пробы, повергнутъ былъ также въ безпредѣльное недоумѣніе. Очередь дошла до меня, и я долженъ сказать, что въ жизнь мою мнѣ не доводилось никогда пробовать такой отвратительной бурды. Между тѣмъ бутылка съ этой бурдой стоила 3 рубля. Мы тотчасъ рѣшили, что намъ дали меду испортившагося уже, и эту мысль заявили дворецкому клуба, ловкому поляку, оказавшемуся старымъ моимъ знакомымъ по тому, что онъ служилъ когда-то у князя Льва Витгенштейна, у котораго я его и видѣлъ. Дворецкій попробовалъ самъ этотъ странный напитокъ и объявилъ, что „это самый старый и самый превосходнѣйшій медъ!“ Мы улыбнулись и оставили въ покоѣ и дворецкаго съ страннымъ убѣжденіемъ, и литовскій медъ съ его непонятнымъ достоинствомъ.

„Вмѣсто того, чтобы разсказывать о такихъ пустякахъ, какъ те-

атры, клубы, да меда, вы лучше сказали бы намъ что-нибудь о политическомъ положеніи края въ то время, когда все предвѣщало наступившія вслѣдъ за тѣмъ бури!" можетъ замѣтить кто-нибудь изъ суровыхъ моихъ читателей. „Это правда", скажу и я, да я рѣшительно не имѣю ни средствъ, ни матеріаловъ для того, чтобы представить что-нибудь, дѣйствительно, интересное въ этомъ отношеніи. Слышали мы нерѣдко, какъ Назимовъ разсказывалъ, что онъ разругалъ такую-то депутацію, послалъ туда-то военный отрядъ и т. п.; но все это проходило мимо нашихъ ушей, не останавливая и не привлекая нашего вниманія. Посѣщая ежедневно театры, мы видѣли, что коридоры его постоянно были полны солдатами съ ружьями; равно какъ видѣли и то, что всѣ мѣста въ театрѣ занимались почти однѣми еврейскими физіономіями, а польскихъ порядочныхъ семействъ вовсе не было. На вечерахъ генералъ-губернатора намъ говорили, что вечера эти значительно обѣднѣли съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ перестало являться польское общество, разъѣхавшееся по своимъ деревнямъ и вообще по всѣмъ концамъ земнаго шара. Въ знаменитомъ представленіи князя государю о перенесеніи столицы въ Кіевъ я читалъ тоже о предстоящихъ волненіяхъ въ западномъ краѣ, волненіяхъ, для устраненія которыхъ князь и предлагалъ свою оригинальную мѣру. Если ко всему этому присовокупить тѣ зловѣщія физіономіи, которыя мы встрѣчали въ клубѣ и на улицахъ, а также разсказы о различныхъ демонстраціяхъ, проявлявшихся уже въ городѣ и пока уничтожаемыхъ посредствомъ однѣхъ казацкихъ нагаекъ, то, конечно, предъ нами являлось достаточное количество данныхъ для того, чтобъ присмотрѣться ближе и серьезнѣе къ положенію края; но все это мы считали какъ-то до насъ не относящимся, тѣмъ болѣе, что никому изъ насъ, ни даже мнѣ, не приходила и въ голову мысль писать когда-нибудь свои записки. Если мы и видѣли какое-то усиленное и торжественное моленіе поляковъ въ своихъ великолѣпныхъ костелахъ, то смотрѣли на это преимущественно со стороны внѣшности, со стороны дароваго спектакля, со стороны пѣнія, музыки и хорошенькихъ женщинъ. Дѣйствительно, невиданный и истинно-великолѣпный спектакль представлялся намъ, когда часовня или галлерея, гдѣ помѣщался образъ знаменитой „Остробрамской" Богоматери, горѣла безчисленными огнями, когда изъ самаго храма, къ которому принадлежитъ эта галлерея, неслись стройные звуки соединенныхъ музыкальныхъ оркестровъ и пѣвческихъ хоровъ, и когда вся улица, ведущая къ этому храму и къ этой галлереѣ, на огромномъ протяженіи заставлена колѣно-преклоненнымъ народомъ и преимущественно женщинами, издали возсылающими свои мольбы къ лику Богородицы, озаренному свѣтомъ безчисленныхъ огней. Впослѣдствіи обнаружилось,

какого содержанія были эти моленія, продолжавшіяся, по случаю праздника Остробрамской Богоматери, нѣсколько дней, и всегда по вечерамъ; но, повторяю, въ то время на всѣ эти явленія мы смотрѣли исключительно съ точки празднаго любопытства. Если мы и могли уяснить себѣ, по отношенію къ странѣ, какой-либо фактъ, такъ только тотъ, что добрѣйшій Назимовъ, какъ правитель, чрезвычайно слабъ и что ему едва-ли управиться съ предстоящими обстоятельствами. И, дѣйствительно, обстоятельства эти скоро заставили поставить на мѣсто добраго Назимова свирѣпаго Муравьева, который не поцеремонился многихъ прогнать и подъ градомъ польскихъ проклятій такъ повернулъ круто дѣломъ, что поляки затихли и край признанъ „успокоеннымъ“.

XIII.

Передача Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу.—Пріѣздъ великаго князя въ Вильну, на пути въ Варшаву.—Пріѣздъ великаго князя въ Вильну, на обратномъ пути. —Первые толки о передачѣ Кавказа великому князю.—Пріѣздъ въ Вильну графа Адлерберга для окончательныхъ переговоровъ съ княземъ Барятинскимъ, относительно назначенія великаго князя.—Приготовленія князя къ пріѣзду великаго князя въ Вильну, какъ новаго кавказскаго намѣстника. —Знаменитое письмо князя къ великому князю.—Придуманный княземъ оригинальный способъ аттестаціи кавказскихъ личностей.

Между тѣмъ время шло, князь, по-прежнему, то лежалъ, то сидѣлъ, а ночью занимался своими продолжительными бесѣдами то съ тѣмъ, то съ другимъ. Прежнимъ порядкомъ ежедневно получались отъ государя телеграммы съ вопросами о здоровьѣ князя и, разумѣется, также ежедневно отправлялись наши отвѣтныя телеграммы. Сочиненіе этихъ отвѣтовъ, при бѣдности и однообразіи предмета, становилось уже крайне затруднительнымъ. Князь требовалъ варіацій, и мы съ Пиленко изощрялись въ изобрѣтеніи этихъ варіацій.

Незамѣтно, однако, сталъ выдвигаться на сцену опять тотъ же вопросъ, который занималъ насъ такъ сильно въ Царскомъ Селѣ, вопросъ о томъ: „поѣдетъ ли князь на Кавказъ или не поѣдетъ“? Трудно сказать, изъ какихъ элементовъ возникъ, зародился, такъ сказать, этотъ вопросъ, а между тѣмъ онъ не только существовалъ, но и разростался. Когда дѣло находилось въ такомъ положеніи, въ Вильну пріѣхалъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Тогда говорили, что онъ ѣхалъ въ Варшаву на свиданіе съ братомъ, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, тогдашнимъ варшавскимъ намѣстни-

комъ, и въ Вильну попалъ проѣздомъ. Послѣ говорили, что это былъ только предлогъ, но что онъ именно пріѣхалъ въ Вильну, для свиданія съ княземъ и переговоровъ съ нимъ вслѣдствіе задуманнаго имъ переворота. Я рѣшительно не имѣю никакихъ данныхъ, чтобы стать на ту или другую сторону. Я только недоумѣваю, какимъ образомъ могъ передать князь мысль объ этомъ переворотѣ въ Петербургѣ великому князю и, вѣроятно, самому государю. Что онъ ни разу не писалъ самъ государю во все время пребыванія своего въ Вильнѣ, это фактъ несомнѣнный. Кромѣ того, что онъ и не былъ въ состояніи писать, самое отправленіе письма никакъ не могло остаться для насъ въ неизвѣстности. Одно можно предположить, что эту миссію онъ возложилъ на великую княгиню Елену Павловну, личность дѣловую и способную принять участіе въ какомъ угодно государственномъ дѣлѣ.

Вообще, я бы скорѣе готовъ былъ отвергнуть мысль о нарочитомъ пріѣздѣ великаго князя Михаила Николаевича собственно для переговоровъ съ княземъ, если бы съ другой стороны меня не сбивали факты, потомъ обнаружившіеся. Факты эти положительно свидѣтельствують, что до отъѣзда князя Барятинскаго изъ Петербурга у него была уже мысль о передачѣ Кавказа которому-либо изъ великихъ князей или изъ государственныхъ людей. Однимъ изъ надежнѣйшихъ по этой части фактовъ служитъ разговоръ со мной, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ, добрѣйшаго князя Суворова, который, кажется, я приводилъ уже выше и который, по особенной оригинальности, приведу еще разъ, ниже, когда придется говорить именно о времени возвращенія моего изъ Вильны въ Петербургъ. Какъ бы то ни было, прибывъ въ Вильну, великій князь Михаилъ Николаевичъ посѣтилъ князя. Великій князь, дѣйствительно, отправился въ Варшаву, а вопросъ о томъ: поѣдетъ ли князь Барятинскій на Кавказъ или не поѣдетъ, неизвѣстно почему и отъ чего, усилился. Прошло немного времени, и великій князь, на обратномъ пути, опять пріѣхалъ въ Вильну. Въ этотъ пріѣздъ, сколько помню, онъ оставался здѣсь не одинъ уже день. Бесѣды его съ княземъ были чаще и продолжительнѣе. Въ чемъ онѣ состояли, конечно, никому изъ насъ не было извѣстно; но когда великій князь уѣхалъ въ Петербургъ—все говорило,—хотя никто не говорилъ, что князь Барятинскій передаетъ Кавказъ великому князю. Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это обстоятельство на насъ, приближенныхъ князя, связавшихъ, такъ сказать, свою судьбу съ его положеніемъ.

Чтобы вѣрнѣе передать не только тревоги, испытанныя нами, но и всѣ явленія, происходившія въ этотъ замѣчательный для князя и для меня моментъ, а главное опять таки для того, чтобы какъ-нибудь

нечаянно не отступить и на волосъ отъ истины, я предпочитаю привести здѣсь подлинникомъ происходившую тогда между мною и женою моею, оставшеюся въ Петербургѣ, переписку. Держась этой нити, я буду дополнять эти письма къ женѣ и ея письма ко мнѣ тѣми обстоятельствами, которыя почему-либо не входили въ эту переписку, разумѣется, происходившую быстро, на скорую, такъ сказать, руку, переписку, которой никогда и не предназначалось занять мѣсто въ моихъ нескладныхъ запискахъ.

16-го ноября 1862 г. „Князь понемногу поправляется и дней черезъ двѣнадцать предполагаетъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Путь этотъ будетъ направленъ на Тріестъ и обѣщаетъ дней двѣнадцать морскихъ сладостей".

24-го ноября. „Отъѣздъ нашъ все еще покрытъ мракомъ неизвѣстности, хотя князь, начавшій поправляться, назначаетъ его въ первыхъ числахъ декабря, тогда какъ съ другой стороны доселѣ еще не исчезли сомнѣнія относительно возвращенія его на Кавказъ. Продолжительныя его свиданія съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ и другіе признаки заставляютъ предполагать, что не ему ли будутъ сданы, хотя временно, бразды кавказскаго управленія. Ты этого никому не говори, но прекрасно сдѣлаешь, если соберешь по этой части побольше петербургскихъ слуховъ, хоть чрезъ Харитонова, и сообщишь мнѣ. Князь чрезвычайно интересуется всѣми письмами, которыя получаются здѣсь изъ Петербурга. При скукѣ, которая его окружаетъ, ему все интересно. Во всякомъ случаѣ, если онъ не поѣдетъ на Кавказъ, то и мои отношенія къ нему (т. е. Кавказу), будутъ немедленно прекращены. Если должно открыться наше продолжительное и печальное путешествіе туда, я, быть можетъ, успѣю пріѣхать къ тебѣ на день. Харитоновъ два раза просился пріѣхать сюда. Князь никакъ не допускаетъ... Вильна надоѣла уже намъ сильнѣйшимъ образомъ, какъ и все надоѣдаетъ въ жизни, хотя, какъ я писалъ уже тебѣ, за нами здѣсь очень ухаживаютъ. Въ театрѣ постоянно, какъ и сегодня, напримѣръ, мы сидимъ въ генералъ-губернаторской ложѣ".

Здѣсь необходимо сдѣлать два поясненія. Во-первыхъ, князь, дѣйствительно скучая и зная, что у меня въ Петербургѣ оставалось семейство, постоянно спрашивалъ меня, что мнѣ пишутъ оттуда? Я отвѣчалъ, что, кромѣ писемъ отъ жены, я никакихъ извѣстій изъ Петербурга не имѣю.

— Что пишетъ вамъ жена? Если секретовъ нѣтъ—прочитайте!—сказалъ князь. Я прочиталъ, и князь былъ очень благодаренъ. Можно было думать, что тѣмъ дѣло и кончится. Не тутъ-то было. На другой же день, кажется, а быть можетъ черезъ день, князь вновь спрашиваетъ:

— Есть письма отъ жены?

— Есть, отвѣчалъ я.

— Прочитайте! продолжаетъ князь.

— Неудобно, ваше сіятельство!..

— Что за вздоръ? возражаетъ князь, — развѣ вы меня не знаете? Я начинаю читать, князь весело слушаетъ и изрѣдка только дѣлаетъ нѣкоторые вопросы или замѣчанія. Когда мнѣ приходилось встрѣчаться съ черезчуръ рѣзкими для князя вещами и я старался на-лету, такъ сказать, во время самаго чтенія, смягчить ихъ, князь замѣчалъ это и капризно говорилъ:

— Что вы тамъ сочиняете и пропускаете; читайте все!

Такимъ образомъ, всѣ послѣдующія письма моей жены прочитаны князю отъ слова до слова, несмотря на то, что въ нихъ заключались самыя жестокія истины для самого князя. Впрочемъ, я не могъ уже, если бы и хотѣлъ, не читать предъ нимъ письма моей жены, потому что князь, привыкшій къ срокамъ, въ которые они приходятъ, самъ требовалъ меня и спрашивалъ: есть письмо? отвѣчать, что „нѣтъ" я никакъ не рѣшался, потому что это была бы ложь, вообще ненавидимая мною, а въ настоящемъ случаѣ и вредная для меня въ глазахъ князя, отъ прозорливости котораго она никакъ не могла бы укрыться. Кромѣ того, я и самъ признавалъ, что чтеніе это не только не могло быть вреднымъ, ибо князь былъ великодушенъ и, во всякомъ случаѣ не могъ не цѣнить мою откровенность, но даже приносило мнѣ ту пользу, что изображало мое личное положеніе въ такой широкой и энергической формѣ, какую я никакъ не могъ бы удержать при личныхъ моихъ съ нимъ объясненіяхъ.

Во-вторыхъ, Харитоновъ, какъ я сказалъ уже, при нашемъ отъѣздѣ, оставался въ Петербургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы дѣйствительно ѣхали и пріѣхали въ Тифлисъ, то и онъ, рано или поздно, поплелся бы и приплелся бы туда съ своимъ семействомъ. Но когда въ Вильнѣ заварилась каша, то пребываніе его въ Петербургѣ сдѣлалось для его тщеславія чрезвычайно невыгоднымъ, такъ какъ онъ постоянно увѣрялъ всѣхъ, что онъ у князя правая рука. Между тѣмъ эта правая рука ничего не дѣлала и попусту болталась, когда въ Вильнѣ совершался великій переворотъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ того же тщеславія, бросивъ уже финансовый департаментъ на Кавказѣ и сочинивъ себѣ какое-то оригинальное положеніе, „состоящаго при особѣ генералъ-фельдмаршала" съ розовыми и поэтическими надеждами, что какіе бы перевороты ни произошли на землѣ, это положеніе не только спасетъ его, но и выдвинетъ впередъ, Харитоновъ сталъ сознавать глубину той истины, что „отсутствующіе всегда проигрываютъ", и опасаться, что при совершеніи

виленскихъ затѣй, онъ будетъ совершенно забытъ и, чего добраго, останется на бобахъ. Подъ вліяніемъ этихъ тревогъ онъ постоянно бомбардировалъ меня телеграммами, въ которыхъ просилъ исходатайствовать позволеніе князя на пріѣздъ его въ Вильну. Телеграммы эти я докладывалъ князю и всегда встрѣчалъ самый суровый отпоръ. Князь приходилъ въ страшно раздражительное состояніе и начиналъ кричать: „Бога ради избавьте меня отъ нихъ. Они меня замучатъ. Они думаютъ только о своихъ дѣлахъ и интересахъ. Я нарочно разбросалъ ихъ въ разныя стороны, чтобы они мнѣ не надоѣдали. Напишите имъ, чтобы ждали моихъ приказаній. Я самъ ихъ вызову, когда найду нужнымъ". Это представленіе многихъ личностей, собирающихся атаковать князя, принадлежало преимущественно болѣзненному его раздраженію. Впрочемъ, я забылъ, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время, разъяснить исчезновеніе изъ нашего кружка Зиновьева, съ которымъ мы вмѣстѣ открыли путь изъ Петербурга. Дѣло въ томъ, что когда мы останавливались въ Вильнѣ, то князь поручилъ Зиновьеву ѣхать куда-то далѣе и ожидать насъ гдѣ-то. Я помню хорошо, какъ, по прибытіи въ Вильну, Зиновьевъ съ сердитымъ ворчаніемъ выбиралъ изъ княжескаго вагона свои вещи, какъ изъ военнаго полковника онъ тутъ же преобразился въ статскаго франта и какъ, распростившись съ нами, онъ съ тѣмъ же поѣздомъ отправился далѣе. Гдѣ онъ былъ, куда ѣздилъ, что дѣлалъ—все это оставалось намъ неизвѣстнымъ, хотя мы съ Пиленко и думали, что на него возложены были какія-нибудь порученія по романической части. Какъ бы то ни было, Зиновьевъ очутился потомъ въ Дрезденѣ и оттуда, дѣйствительно, просилъ позволенія пріѣхать въ Вильну. Такимъ образомъ Харитоновъ находился въ Петербургѣ, а Зиновьевъ въ Дрезденѣ. Какія были другія личности, отъ которыхъ я долженъ былъ защищать князя, осталось неизвѣстнымъ. Въ Харитоновѣ, между тѣмъ, несмотря на упорство князя, нисколько не охладѣло стремленіе пріѣхать въ Вильну. Выше, излагая исторію общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, я упоминалъ уже, какъ кажется, что по этому дѣлу мы дѣлали изъ Вильны нѣкоторыя порученія въ Петербургъ Харитонову. Харитоновъ, не имѣя возможности пробиться въ Вильну прямымъ путемъ, вздумалъ было въѣхать туда на этихъ порученіяхъ. Въ одной изъ такихъ телеграммъ, излагая свои дѣйствія по этимъ порученіямъ, онъ прибавилъ, что для лучшаго разъясненія дѣла, онъ самъ выѣзжаетъ въ Вильну. Трудно изобразить то раздраженіе, въ которое привела князя эта прибавка. „Какъ онъ смѣетъ"? и т. п. кричалъ князь и самъ продиктовалъ ему въ отвѣтъ самую суровую депешу. Борьба эта кончилась тѣмъ, что когда передача Кавказа окончательно была рѣшена и когда ожидался третій и послѣд-

ній пріѣздъ въ Вильну новаго намѣстника великаго князя Михаила Николаевича, князь приказалъ послать Харитонову телеграмму съ столь нетерпѣливо ожидаемымъ имъ дозволеніемъ пріѣхать въ Вильну. Обращаюсь къ своей перепискѣ съ женою.

27-го ноября. Благодарю за письмо твое отъ 24-го ноября и за депешу. Очень буду рада твоему пріѣзду и начну ждать. Соображенія твои о Михаилѣ Николаевичѣ не были для меня новостью. Объ этомъ уже давнымъ давно слышу отъ всѣхъ, кого ни увижу; кто говоритъ, что онъ назначается, кто — что уже назначенъ. Получивъ твое письмо, я сейчасъ просила Харитонова пріѣхать ко мнѣ, чтобы узнать отъ него: что новаго? Онъ подтвердилъ то же самое. О назначеніи, т. е. предполагаемомъ, великаго князя, говоритъ весь Петербургъ, даже будто и Суворовъ и сами великіе князья, которымъ этого очень хочется; такъ мнѣ говорилъ Харитоновъ. Самъ же Харитоновъ зимой въ Тифлисъ безъ князя не поѣдетъ. Въ Петербургѣ про князя говорятъ разный вздоръ, что онъ заболѣлъ отъ того, что пьетъ. Говорятъ, что у него размягченіе мозга и что поэтому онъ сошелъ съ ума. Князь—главный предметъ общаго разговора, даже, когда пріѣдешь въ Милютины лавки, и тамъ Трапезниковъ (нашъ старинный знакомый, лавочникъ) спрашиваетъ меня про князя и сообщаетъ свои слухи. Неужели князь, въ такомъ болѣзненномъ положеніи, поѣдетъ въ Тифлисъ зимой? Тогда, конечно, возвращеніе князя будетъ гибельно. Вѣроятно, государь этого не допуститъ и запретитъ ему ѣхать. Дай Богъ, чтобы это сбылось. Если будетъ съ княземъ какая перемѣна, увѣдомь меня по телеграфу...

На томъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что болѣзнь князя произошла отъ кутежа на свадьбѣ Д., князь прервалъ мое чтеніе вопросомъ:

— Что же это значитъ? Ужъ не считаютъ ли меня пьяницей?..

Я молчалъ.

— Ужели считаютъ?—настойчиво повторилъ онъ. Я отвѣчалъ:

— Есть что-то подобное.

— Возможно ли?—вскричалъ князь. Да вѣдь вы меня знаете двадцать лѣтъ! Есть ли тутъ что-нибудь похожее на правду?

— Потому-то я такъ смѣло и заявляю вашему сіятельству этотъ фактъ, что знаю васъ двадцать лѣтъ, и что нѣтъ ничего похожаго на правду...—отвѣчалъ я.

— Удивительное дѣло!—задумчиво замѣтилъ князь.

— Меня, напротивъ, удивляетъ,—сказалъ я, что обстоятельство это до сихъ поръ не доходило до вашего свѣдѣнія.

Князь помолчалъ нѣсколько минутъ и потомъ разсказалъ мнѣ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ какой-то мужикъ являлся во дворецъ съ предложеніемъ лѣчить государя отъ запоя.

28-го ноября. Здѣсь готовятся важныя событія. Я думаю, что и для тебя уже не секретъ, что князь не поѣдетъ на Кавказъ и передаетъ свое намѣстничество великому князю Михаилу Николаевичу, предположеніе, сначала смутное и неопредѣленное, но теперь пріобрѣтающее положительную дѣйствительность. Въ два свиданія, которыя они имѣли здѣсь, установлены всѣ главныя основанія этого переворота и ожидается только утвержденіе государя. Государь увѣдомилъ телеграммой, что онъ посылаетъ сюда графа Адлерберга навѣстить князя, но онъ самъ и всѣ мы убѣждены, что графъ посылается сюда для окончательныхъ переговоровъ. Между тѣмъ, князь сильно занимается дѣлами и вопросами, къ передачѣ относящимися. Можешь представить, какое сильное вліяніе имѣетъ все это на мои отношенія къ князю и Кавказу. Между тѣмъ, по своему обычаю, онъ сталъ и ко мнѣ въ то положеніе, въ какомъ, помнишь, держалъ себя при отъѣздѣ нашемъ изъ Тифлиса, т. е. положеніе, лишающее меня возможности переговорить съ нимъ по этой части. Въ разговорахъ же съ другими онъ выражаетъ ту мысль, что онъ передастъ великому князю меня и Харитонова въ такомъ только случаѣ, если онъ согласится везти насъ туда же, куда онъ хотѣлъ везти; а куда именно— кто его знаетъ; вѣроятно, никуда! зная уже его лицемѣріе, нельзя не подозрѣвать, что все это пустыя, успокаивающія фразы, которыми онъ хочетъ мирно и благополучно отдѣлаться отъ насъ. Съ этою же цѣлью онъ и Харитонова не допускаетъ сюда, полагая, что онъ разсчитываетъ говорить именно объ устройствѣ личнаго своего положенія...

3-го декабря. До полученія твоего письма, князь имѣлъ уже со мной длиннѣйшее объясненіе, въ которомъ, сколько я ни старался держаться упорнѣйшимъ образомъ, но, какъ и всегда, былъ смятъ и разбитъ. Дѣло въ томъ, что какіе бы я виды ни имѣлъ, я долженъ, по его мнѣнію, ѣхать на Кавказъ. Различныя должности, на меня возложенныя, онъ не считаетъ важными въ отношеніи замѣны меня другими личностями. Для него особенно важно установленіе христіанскаго общества, въ которомъ онъ видитъ лучшій и величайшій памятникъ своего управленія и своихъ дѣйствій. Онъ думаетъ, что если меня не будетъ на Кавказѣ, памятникъ этотъ разрушится, и говоритъ, что я для „отечества“ долженъ туда возвратиться, хотя на непродолжительное время. Онъ говоритъ, что, считая меня болѣе своимъ семьяниномъ, т. е. принадлежащимъ къ его семьѣ, онъ въ правѣ просить меня сдѣлать ему эту услугу, что онъ всегда старался сдѣлать для меня, что можно, и сожалѣетъ, что не имѣетъ возможности осуществить вполнѣ мои виды, что, такъ какъ его еще не заколотили въ гробъ, то онъ всегда можетъ быть мнѣ полезнымъ; что

онъ имѣетъ на меня виды, быть можетъ лучше тѣхъ, какіе я самъ имѣю, но, что для исполненія ихъ, нужно выждать благопріятный моментъ и что для этого исполненія лучше будетъ, если и великій князь познаетъ мои таланты. Затѣмъ шла пространная рѣчь о томъ, какой я честный и благородный человѣкъ, какое у меня доброе сердце, и что все это составляетъ въ нынѣшнее время драгоцѣнную рѣдкость. Разумѣется, что я передаю тебѣ только сущность, а разговоръ былъ весьма продолжителенъ, при самомъ началѣ котораго я имѣлъ самое суровое настроеніе и твердую рѣшимость не поддаваться краснорѣчивымъ обольщеніямъ, ложь которыхъ ты давно и лучше меня поняла. Я очень энергически высказалъ, что я самъ о Кавказѣ никогда не думалъ, а что онъ стащилъ меня туда, что я старъ, протеревшись около него 20 лѣтъ, заискивать въ мои лѣта снова благорасположеніе великаго князя; что ему, болѣе чѣмъ кому-либо, извѣстны мои семейныя затрудненія, что всякому свое положеніе дорого и т. п.; но на каждое мое слово князь отвѣчалъ десятью. Дѣло остановилось на томъ, что на нѣкоторое время я долженъ возвратиться на Кавказъ и полагаю это время употребить не столько на поддержаніе княжескихъ памятниковъ, сколько на окончательное устройство тамъ своихъ дѣлъ. Упираться рѣшительно можетъ выйти скандалъ предъ княземъ и государемъ...

12-го декабря. „По телеграфу я уже обрадовалъ тебя, что не ѣду на Кавказъ. Князь ведетъ себя великолѣпно. Вслѣдствіе ли твоихъ писемъ, или собственнаго размышленія, онъ сказалъ мнѣ, что отступается отъ своего требованія, а чтобъ еще болѣе обезпечить мою будущность—даетъ мнѣ землю на Кавказѣ, о чемъ и предоставитъ великому князю испросить утвержденія государя. Быть можетъ, это и хорошо, особенно для дѣтей нашихъ; но на другой же день я просилъ его помочь мнѣ устроиться въ Петербургѣ, въ почтовомъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе чего, безъ малѣйшаго затрудненія, онъ не только подписалъ заготовленныя мною бумаги Прянишникову и Буткову, но вызвался еще написать теперь же и Толстому, какъ всѣ говорятъ, будущему начальнику почтовому. Бумагами этими князь проситъ Буткова испросить, снесясь съ Прянишниковымъ, разрѣшеніе государя на опредѣленіе меня членомъ почтоваго совѣта съ сохраненіемъ получаемаго мною нынѣ содержанія, а Прянишникова проситъ поддержать это представленіе. Князь, кажется, никогда не былъ такъ силенъ, какъ теперь. Какія письма онъ получаетъ отъ государя—просто удивительно! Государь самъ спрашиваетъ: что онъ хочетъ сдѣлать для приближенныхъ. Дѣло, какъ видишь, отличное! Совѣтую тебѣ бросить на время всѣ твои хлопоты и постараться, чтобы какъ-нибудь оно не испортилось. Ступай сейчасъ же къ Гулькевичу, Буткову и Пря-

нишникову. Проси и не отставай! Скажи, что это дѣло между княземъ и государемъ, а они чтобъ только не портили. Я много писалъ сегодня и усталъ страшно... Но ты понимаешь, въ чемъ дѣло; надобно, чтобъ оно было кончено какъ можно скорѣе. Если князь уѣдетъ, или столкнется съ дѣломъ о пожалованіи земли — будетъ труднѣе. Что будетъ замѣчательнаго или годнаго — передавай по телеграфу..."

Это письмо было послѣднимъ моимъ письмомъ къ женѣ, которымъ и заключилась наша виленская корреспонденція! Какимъ же образомъ совершился переворотъ въ воззрѣніяхъ князя на мои отношенія къ Кавказу? На это отвѣчать трудно, хотя ни это превращеніе, ни всякія другія внезапныя перемѣны въ мысляхъ и распоряженіяхъ своеобразнаго князя вообще не были нисколько удивительны. Нельзя, однако, сомнѣваться въ томъ, что при видимой холодности, съ которой онъ относился къ письмамъ жены моей, письма эти заронили въ его „кухню", какъ онъ называлъ свою умную голову, много искръ, которыя онъ затушить не могъ. Онъ не могъ не видѣть, не сознавать того факта, что своими настояніями онъ разрушаетъ мое семейное положеніе, а жену мою дѣлаетъ положительно несчастною. Между тѣмъ въ душѣ его, не чуждой лицемѣрія, не было рѣшительно никакой наклонности дѣлать кого-либо несчастнымъ. Если не по сердцу, то по уму—онъ въ основаніе всѣхъ своихъ дѣйствій всегда полагалъ великодушіе самыхъ широкихъ размѣровъ. Ему могло представиться и такое соображеніе: „ну, что если что-нибудь съ нимъ случится? Если заболѣетъ, умретъ тамъ! Что я тогда буду дѣлать съ этой ужасной барыней!" Однимъ словомъ, князю весьма естественно не было ничего пріятнаго принимать здѣсь какую-либо отвѣтственность и онъ могъ желать выйти по добру и по здорову съ умытыми руками изъ этихъ, повидимому, мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ столкновеній, что́ подтвердилось совершенно послѣдующими обстоятельствами, среди которыхъ явилось новое и еще менѣе ожиданное превращеніе!

Какъ бы то ни было, но въ одно прекрасное утро, пригласивъ меня къ себѣ, князь началъ какимъ-то смѣшаннымъ тономъ, полусерьезнымъ и полушутливымъ, укорять меня, что я человѣкъ безхарактерный, что я нахожусь „подъ башмакомъ" у жены моей, что пляшу по ея дудкѣ и т. п. Я началъ было защищаться, доказывать, что какъ первоначальный мой переходъ на Кавказъ, сдѣланный совершенно противу желаній жены, такъ и продолжительное тамъ пребываніе, несмотря на всѣ ея протесты, говорятъ болѣе о моей твердости и самостоятельности, нежели о моей безхарактерности; но князь тѣмъ же тономъ прервалъ меня. „Что вы толкуете! Вы все хвастаетесь! Развѣ я не знаю. Будь я на вашемъ мѣстѣ, посмотрѣлъ бы я

на всѣ эти письма! Нечего оправдываться! Обабились вы — вотъ что! Ну, да нечего дѣлать! Видно, васъ не передѣлаешь!" Затѣмъ князь сталъ говорить, какъ онъ любитъ меня, какъ цѣнитъ мои дарованія, какъ сожалѣетъ, что не имѣлъ ни времени, ни возможности осуществить вполнѣ тѣ виды, которые онъ имѣлъ относительно меня. „Повѣрьте,—продолжалъ онъ,—я лучше всѣхъ знаю, когда и что можно сдѣлать. Понукать меня вовсе не нужно. Ничего нѣтъ пріятнаго ни для меня, ни для васъ сунуться не во́-время и получить носъ! Опахабимся оба и только! Надо выжидать удобные моменты и пользоваться ими!" и т. п. Потомъ князь сказалъ: „вы знаете, что я выпросилъ у государя земли Крузенштерну, барону Николаи и Милютину. Я даю и вамъ землю и попрошу великаго князя доложить объ этомъ государю"... Вообще это объясненіе, разрѣшавшее меня отъ кавказскихъ узъ, исполнено было прежняго величайшаго благоволенія его ко мнѣ. Я разстался съ нимъ, полный радости отъ этого освобожденія, но столько же полный тревожныхъ недоумѣній: что я теперь буду дѣлать? Земля, которую мнѣ давалъ князь, мало меня радовала. Вслѣдствіе своей поэтической наклонности увлекаться, а главное вслѣдствіе своей неопытности, князь смотрѣлъ на вопросъ о земляхъ далеко не практически...

Дѣло въ томъ, что въ Ставропольской губерніи были большія пространства земель, занимаемыя, такъ называемыми, кочующими народами. Когда вслѣдствіе какого-то страннаго и необъяснимаго религіознаго движенія между мусульманами — эти кочующіе народы двинулись въ Турцію, земли, занимаемыя ими, остались пустыми и свободными. Изъ этихъ-то земель князь и предпринялъ раздавать участки своимъ кавказскимъ сотрудникамъ. Первый кусокъ необъятныхъ размѣровъ захватилъ Евдокимовъ. Объ этихъ земляхъ ходили такіе толки, что это прелесть, золотое дно. И, дѣйствительно, со стороны почвы, земли эти оправдывали такую репутацію. Но дѣло въ томъ, что по недостатку тамъ населенія пользованіе ими представляло самые неудовлетворительные результаты. Начать съ того, что, при недостаткѣ рабочихъ силъ, обработка этихъ земель оказывалась затруднительною и дорогою. Если бы, впрочемъ, и рѣшиться на эту трудную операцію, то вслѣдствіе того же недостатка мѣстнаго населенія и отсутствія путей сообщенія, ведущихъ къ торговымъ пунктамъ, самый сбытъ сельскихъ произведеній, въ свою очередь, представлялся бы равно затруднительнымъ. Отъ тѣхъ же условій, т.-е. избытка земли и недостатка народонаселенія, происходило то, что и на выгодную сколько-нибудь продажу земель не было никакихъ надеждъ. Между тѣмъ князь зналъ только, что земля чрезвычайно доброкачественна и хлѣбородна, и на этомъ только основаніи полагалъ, что значительный участокъ

этой земли можетъ совершенно осчастливить человѣка. Само-собою разумѣется, что какъ ни былъ я благодаренъ князю за этотъ подарокъ, тѣмъ не менѣе не безъ основанія думалъ, что на одномъ участкѣ ставропольской земли далеко не уѣдешь...

Результатомъ этихъ соображеній было то, что поздно уже вечеромъ я набросалъ начерно двѣ бумаги Буткову и Прянишникову, о которыхъ говорится въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ женѣ, и отдалъ ихъ писарю съ приказаніемъ приготовить ихъ къ завтрашнему утру. На другой день утромъ, явившись въ комнатахъ князя, я нашелъ, что гнусный писарь только-что принялся за эту работу и своею медленностью и безграмотностью угрожаетъ протянуть ее цѣлое утро. Между тѣмъ время было чрезвычайно дорого; еще дороже было то благотворное для меня настроеніе князя, въ которомъ онъ со мною разстался вчера. Съ негодованіемъ вырвавъ изъ рукъ писаря черновыя бумаги, я принялся самъ ихъ переписывать... Здѣсь неизлишне замѣтить два факта: первый тотъ, что часто отъ ничтожныхъ причинъ зависятъ большія дѣла; второй тотъ, что безпримѣрное счастье никогда меня не оставляло. Оба эти факта выразились въ настоящій моментъ самымъ рельефнымъ образомъ. Едва только успѣлъ я поставить послѣднюю точку, какъ князь потребовалъ меня къ себѣ. Съ мокрыми еще бумагами я вышелъ къ нему... Князь лежалъ еще въ постели. По лицу его можно было видѣть отличное его настроеніе. Зачѣмъ именно онъ звалъ меня, осталось неизвѣстнымъ, потому что, едва замѣтивъ въ моихъ рукахъ бумаги, князь живо спросилъ: „что это такое?“ Я отвѣчалъ, что, благодарный ему за все, я рѣшаюсь просить его подписать письмо Буткову съ приглашеніемъ поддержать меня при моемъ устройствѣ въ петербургскомъ чиновномъ мірѣ. Князь сказалъ: „дайте-ка, я прочту!“ Но мой почеркъ, вообще красивый, но крайне неразборчивый, особенно при той поспѣшности, съ которой я переписывалъ бумаги, представлялъ такія каракули, которыя недоступностью своею могли разсердить болѣзненно-капризнаго князя. Поэтому я отвѣчалъ князю предложеніемъ: не прикажетъ ли онъ мнѣ прочитать эти неразборчивыя бумаги? Князь шутливо отвѣчалъ: „ну, читайте! Да смотрите, вы прочитаете одно, а подписать дадите другое!“ Когда я кончилъ чтеніе, князь столь же благосклонно сказалъ: „ну, давайте сюда! Потрудитесь дать чернильницу и перо!“ И то и другое помѣщалось на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ у изголовья князя. Перо я скоро нашелъ и подалъ князю; но чернильница была съ какими-то хитрыми пружинами; какъ я ни вертѣлъ ее, но никакъ не могъ отворить. Князь, съ перомъ въ рукѣ, насмѣшливо смотрѣлъ на мои тщетныя усилія. „Дайте сюда,—сказалъ князь,— „что это за человѣкъ! Ничего-то онъ не умѣетъ сдѣлать!“ Князь

открылъ чернильницу и подписалъ драгоцѣнныя для меня бумаги, которыя и создали мое петербургское положеніе. Не успѣй я кончить ихъ прежде момента, когда князь меня потребовалъ, однимъ словомъ, упусти я этотъ въ высшей степени благопріятный моментъ, я упустилъ бы и то блаженное состояніе, въ которомъ безпечально пребывалъ довольно продолжительное время.

Изъ предыдущей переписки нашей съ женой видно, что въ Вильнѣ ожидали прибытіе графа Александра Адлерберга, для окончательныхъ переговоровъ относительно передачи Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу. Дѣйствительно, графъ пріѣзжалъ и оставался въ Вильнѣ двое сутокъ, если не ошибаюсь. Въ чемъ именно заключались эти окончательные переговоры, я положительно не знаю. Но совокупность различныхъ толковъ, въ то время происходившихъ, а равно и обстоятельствъ какъ того, такъ и послѣдующаго времени, даетъ основаніе предполагать, что едва-ли переговоры эти не сосредоточивались преимущественно на вопросѣ: временно или постоянно долженъ быть назначенъ великій князь кавказскимъ намѣстникомъ? Что, передавая Кавказъ великому князю, князь не думалъ въ этотъ моментъ разстаться съ нимъ окончательно, этому служитъ подтвержденіемъ множество обстоятельствъ, мелочныхъ отдѣльно, но именно въ совокупности своей имѣющихъ большое значеніе.

Послѣ отъѣзда графа Адлерберга началось ожиданіе пріѣзда въ Вильну великаго князя и приготовленіе различныхъ дѣлъ, вопросовъ и предметовъ, на которые старый намѣстникъ находилъ нужнымъ обратить особенное и ближайшее вниманіе новаго намѣстника. Въ числѣ этихъ приготовительныхъ распоряженій особенное мѣсто занимали: во-первыхъ, составленіе письма отъ князя Александра Ивановича великому князю, въ которомъ излагались главнѣйшія начала той системы, которой князь слѣдовалъ, при управленіи краемъ, въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ, и во-вторыхъ, изготовленіе особенной и таинственной рекомендаціи великому князю наиболѣе значительныхъ лицъ, служащихъ на Кавказѣ.

Письмо великому князю составлено было совокупными трудами самого князя и Пиленко и затѣмъ предъявлено было мнѣ, по выраженію князя, какъ „генералу штиля". Очень сожалѣю, что, нисколько не предвидя составленія моихъ записокъ, я не только не запасся копіею съ этого письма, но даже не усвоилъ въ своей памяти содержанія его. Нѣтъ сомнѣнія, что письмо это, въ которомъ князь излагалъ свои основныя идеи, представляетъ, въ отношеніи къ нему, несравненно лучшій памятникъ, нежели учрежденіе общества для возстановленія христіанства. По крайней мѣрѣ я хорошо помню и знаю, что великій князь, по возвращеніи въ Петербургъ, показывалъ это письмо и

государю и многимъ знатнымъ лицамъ, и о великолѣпномъ достоинствѣ этого письма ходили сильные и одобрительные толки. Между тѣмъ никогда между княземъ и мною не происходило такихъ ожесточенныхъ споровъ, какъ именно по поводу этого письма. Начиналось оно выраженіемъ радости князя, что край, который онъ такъ привыкъ любить почти съ дѣтства, переходитъ въ руки его высочества; потомъ князь говорилъ, что считаетъ долгомъ представить великому князю свою „исповѣдь"... Вотъ на этой-то исповѣди и загорѣлась наша война... Всѣ мѣста, которыя я находилъ нужнымъ измѣнить или исправить въ этомъ письмѣ, я подчеркивалъ карандашемъ и, разумѣется, эту „исповѣдь" я подчеркнулъ прежде всего. Окончивъ чтеніе письма, я представилъ его съ своими отмѣтками князю. Князь сидѣлъ въ своемъ качающемся креслѣ и былъ въ чрезвычайно дурномъ расположеніи духа. Глаза его упали, прежде всего, на подчеркнутое мною слово „исповѣдь", находившееся на первой страницѣ. Выше, разсказывая о первомъ письмѣ государю по Мингрельскому дѣлу, сочиненномъ княземъ вмѣстѣ съ Чертковымъ, а потомъ объ отчетѣ, сочиненномъ имъ вмѣстѣ съ Кипіани, я достаточно уже разъяснилъ, до какой степени князь былъ чувствителенъ къ нападкамъ на тѣ произведенія, въ которыхъ онъ или самъ участвовалъ или которыя удостоилъ уже своимъ одобреніемъ. Такъ точно было и здѣсь. Когда, повторяю, князь увидѣлъ подчеркнутое мною слово „исповѣдь", онъ тотчасъ спросилъ: „что это такое"? Я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, это слово лучше замѣнить другимъ. „Почему"? спросилъ князь. Въ этихъ короткихъ вопросахъ слышалось уже раздраженіе. Я сталъ объяснять, во-первыхъ, что исповѣдь относится къ дѣйствіямъ прошедшимъ, а не къ тѣмъ высшимъ государственнымъ воззрѣніямъ, которыя заключаются въ письмѣ и преимущественно имѣютъ видъ совѣтовъ и наставленій великому князю; во-вторыхъ, что если фельдмаршалъ и находитъ нужнымъ исповѣдываться въ своихъ государственныхъ дѣлахъ, то это можно сдѣлать только предъ государемъ; въ-третьихъ, что вообще слово „исповѣдь" у насъ имѣетъ весьма тѣсное значеніе и въ бумагахъ, подобныхъ настоящей, вовсе неупотребительно. Князь вспылилъ страшно. Онъ сталъ доказывать мнѣ, что я совершенно ошибаюсь; что слово „исповѣдь" нельзя понимать только въ смыслѣ исповѣди предъ попомъ и т. п. Потомъ сталъ объяснять, какъ понимаютъ слово „исповѣдь" у французовъ и англичанъ, и вообще убѣждать меня, что мой взглядъ и мои убѣжденія совершенно невѣрны. Потомъ, сердито уничтоживъ мою карандашевую замѣтку, онъ перешелъ къ другимъ замѣчаніямъ, къ которымъ былъ уже гораздо снисходительнѣе и многія изъ нихъ принялъ.

Когда, по окончаніи обзора ихъ, князь передалъ письмо Пиленко для отправленія и переписки, я тотчасъ предложилъ Пиленко:

— Хотите пари?—Какое? спросилъ онъ.

— Такое, что слово „исповѣдь“ исчезнетъ изъ письма.

— Вотъ вздоръ! лѣниво замѣтилъ онъ.

— Хотите пари? настойчиво продолжалъ я.

— Если хотите проиграть непремѣнно—извольте! отвѣчалъ онъ.

Пари состоялось, ужь не помню какого содержанія и какой цѣнности. Надобно замѣтить, что это достопамятное письмо, вслѣдствіе какого-то болѣзненнаго стремленія князя передѣлывать по сто разъ работу, къ которой онъ прицѣпился, также передѣлывалось безконечное число разъ. Каждый разъ князь требовалъ, чтобы передѣланное письмо предъявлялось „генералу штиля“. Каждый разъ, прочитавъ передѣланное письмо, я подчеркивалъ карандашемъ слово „исповѣдь“. Каждый разъ князь молчаливо уничтожалъ эту замѣтку, при чемъ и я, разумѣется, молчалъ. Послѣ нѣсколькихъ повтореній этого маневра, князь вновь встрѣчаетъ мою неотвязчивую отмѣну. Я говорилъ также, что князь уважалъ настойчивыя убѣжденія. Онъ какъ будто сознавалъ, что если человѣкъ такъ сильно и отважно упирается, значитъ, тутъ есть что-нибудь серьезное. Встрѣтивъ, быть можетъ, въ десятый разъ ту же замѣтку, князь остановился, задумчиво посмотрѣлъ на меня и на Пиленко и потомъ, обращаясь къ нему, сказалъ:

— Знаете ли что? Онъ рѣшительно ошибается и не понимаетъ настоящаго значенія слова „исповѣдь“. Онъ думаетъ, что исповѣдуются только великимъ постомъ, въ грѣхахъ, предъ попомъ. Но дѣло въ томъ, что если онъ ошибается, то и другіе могутъ также ошибаться; если онъ такъ думаетъ, то вѣроятно и большинство такъ думаетъ. Въ самомъ дѣлѣ не замѣнить ли намъ это слово?

Когда князь опять сталъ задумчиво смотрѣть въ бумагу, я тотчасъ сдѣлалъ Пиленко носъ, давая тѣмъ знать, что пари выиграно мною. Чрезъ нѣсколько секундъ князь снова взглянулъ на Пиленко и снова спросилъ:

— Какъ вы думаете! Видимо, князю тяжело было сдаваться. Пиленко отвѣчалъ:

— Какъ прикажете, ваше сіятельство!

Князь помолчалъ еще нѣсколько секундъ и сказалъ уже рѣшительно:

— Да, перемѣните!

Что касается до аттестаціи служащихъ на Кавказѣ, то здѣсь справедливость требуетъ признать за княземъ безспорный талантъ изобрѣтательности. При множествѣ лицъ, о которыхъ предстояло говорить, было бы затруднительно въ высшей степени разсказывать достоинства и недостатки каждаго обычнымъ письменнымъ порядкомъ.

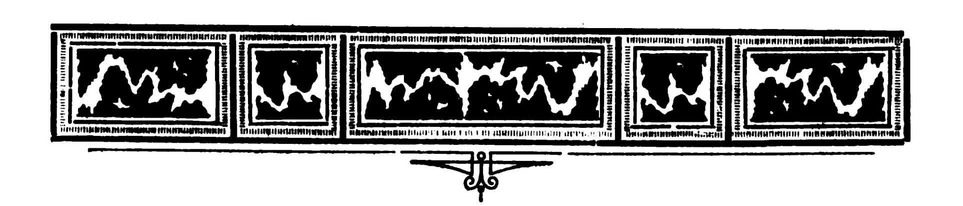
Для этого надо бы исписать томы. Еще большее неудобство заключалось въ томъ, что въ такомъ случаѣ мнѣнія князя о каждой личности сдѣлались бы извѣстными вслѣдствіе самаго процесса переписыванія и перечитыванія его отзывовъ, а этого ужь онъ никакъ не могъ желать во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе, если дѣйствительно разсчитывалъ, рано или поздно, возвратиться на Кавказъ и снова дѣйствовать среди тѣхъ же самыхъ личностей. Такимъ образомъ предстояло изобрѣсти такой способъ, посредствомъ котораго можно было бы, кратко, но подробно, а главное таинственно изобразить какъ достоинства, такъ и недостатки каждаго. Князь и изобрѣлъ, съ необычайнымъ успѣхомъ, именно такой способъ.

Онъ составилъ особую таблицу, гдѣ каждая цифра означала непремѣнно достоинство или недостатокъ. Напр., цифра 1: значило „уменъ"; цифра 2: „глупъ"; цифра 3: „храбръ"; цифра 4: „не благонадеженъ"; цифра 5: „болтунъ"; цифра 6: „съ придурью" и т. д. Я ужъ не помню, сколько именно было этихъ цифръ, соотвѣтствующихъ различнымъ свойствамъ человѣка; помню только, что ихъ было много. Князь видимо желалъ опредѣлить и малѣйшіе оттѣнки. Такъ напр. свойство: „болтунъ" и „съ придурью" дѣйствительно находились въ этой остроумной таблицѣ. Такимъ образомъ, посредствомъ этихъ цифръ, князь обрисовывалъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Напр., ему нужно опредѣлить свойства Инсарскаго; онъ и ставитъ противъ его имени: 2, 3, 4, что и означало: глупъ, храбръ, не благонадеженъ. Однимъ словомъ, онъ ставилъ противъ имени каждаго столько цифръ, сколько желалъ опредѣлить въ немъ отличительныхъ свойствъ. Долговременное знакомство съ Кавказомъ и особенная способность изучать личности давали князю полную возможность составить, относительно высшихъ лицъ, которыя находились съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ, самую вѣрную о каждомъ аттестацію. Въ особенности личности военнаго міра были весьма хорошо ему извѣстны. Гражданскій міръ былъ ему менѣе извѣстенъ, и потому онъ счелъ нужнымъ пересмотрѣть вмѣстѣ со мною кавказскій календарь и о многихъ личностяхъ спросить моего мнѣнія.

Заготовивъ знаменитое письмо великому князю и свою оригинальную аттестацію служащихъ на Кавказѣ и вооружившись отдѣльными записками по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, князь сталъ ожидать прибытія великаго князя...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь XVIII в. по романамъ и повѣстямъ.

Не разъ указывалось нашей научной критикой, что для характеристики быта той или другой эпохи опасно пользоваться матеріаломъ, извлеченнымъ изъ произведеній изящной литературы; мнѣ самому пришлось высказаться по этому вопросу въ такомъ же смыслѣ [1]), но такое подозрительное отношеніе къ изящной литературѣ отнюдь не должно распространяться на всѣ ея виды: опасно увлекаться обобщеніемъ фактовъ, извлеченныхъ изъ сатирическихъ или публицистическихъ произведеній—словомъ, изъ твореній тенденціозныхъ, въ которыхъ авторъ намѣренно подчеркиваетъ тѣ или другія стороны жизни, освѣщая ихъ со своей точки зрѣнія. Но есть цѣлый рядъ произведеній, въ которыхъ нѣтъ этой тенденціозности, въ которыхъ дѣйствительность служитъ только фономъ, на которомъ развертывается жизнь героевъ; часто въ такихъ произведеніяхъ эта дѣйствительность вторгается въ произведеніе, словно незамѣченная самимъ авторомъ, все вниманіе котораго устремлено на героя или героиню. Съ подобнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности встрѣчаемся мы въ повѣсти и романѣ XVIII вѣка. Тамъ же встрѣчаемъ мы произведенія, мало отличающіяся отъ „мемуаровъ". Гете назвалъ подобную автобіографію, переходящую изъ записокъ въ романъ „Wahrheit und Dichtung". Подобными произведеніями можно пользоваться, какъ обыкновенными записками, но, разумѣется, дѣло историка сумѣть разобрать, гдѣ кончается Wahrheit, гдѣ начинается Dichtung. Впрочемъ, подобную же работу приходится продѣлывать и тогда, когда имѣешь дѣло съ обыкновенными „записками".

Никто, конечно, не будетъ извлекать матеріаловъ для исторіи общества изъ романовъ Гоголя, Тургенева, Толстого и др.,—но всякій историкъ долженъ знать этихъ писателей, которые въ своихъ поэти-

---

[1]) Въ критическомъ разборѣ сочиненія Ив. Ив. Иванова: „Политическая роль французскаго театра" (Ж. М. Н. Пр. 1896 г.).

ческихъ фикціяхъ отразили правдиво настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества XIX вѣка. Въ болѣе выгодномъ положеніи окажется историкъ, когда заглянетъ въ русскій романъ XVIII вѣка: тамъ не найдетъ онъ той художественной переработки дѣйствительности XIX вѣка, тамъ эта дѣйствительность предстанетъ еще „сырьемъ", въ видѣ анекдотовъ, выхваченныхъ изъ жизни, въ видѣ бытовыхъ сценъ, въ видѣ несомнѣннаго пересказа видѣннаго и слышаннаго. Матеріалъ этотъ очень богатъ, представляетъ большую цѣнность своей колоритностью и изумительной всесторонностью, равно захватывающей жизнь города и деревни, жизнь вельможи, дворянина, чиновника, купца, церковника, солдата и офицера и простаго мужика. Цѣль настоящей работы и есть ознакомить русскаго читателя со всѣмъ тѣмъ пестрымъ матеріаломъ, который можно извлечь изъ русскаго романа и повѣсти XVIII вѣка. Взятый изъ разныхъ произведеній, въ отрывкахъ разной величины, этотъ матеріалъ, само собою разумѣется, въ общемъ будетъ отличаться и пестротой, безсистемностью и неравномѣрностью. Тѣмъ не менѣе, историкъ русской жизни XVIII вѣка найдетъ здѣсь не мало живыхъ, правдивыхъ картинъ, не мало яркихъ образовъ, набросанныхъ безъ того субъективизма, которымъ отличаются сатирики и моралисты.

Полнѣе всего, какъ и слѣдовало ожидать, представлена жизнь дворянства. Матеріалъ по этому вопросу романами дается самый пестрый; несомнѣнно, такова была и сама жизнь: слишкомъ много въ ней было противорѣчій,—грубая старина на каждомъ шагу сталкивается съ той легкомысленной новизной, которая, въ лицѣ щеголей и вольтерьянцевъ, была результатомъ налету схваченной цивилизаціи. Кромѣ того, въ жизни тогдашняго дворянства, очевидно, сталкивались вліянія городской жизни съ традиціями деревенской, сталкивалась аристократія съ дворянствомъ, иногда далеко не родовитымъ. Всѣ эти элементы русскаго дворянства въ разной степени отразились въ романѣ, и изъ этихъ отраженій создается, въ общемъ, живая и назидательная картина.

Не мало говорится въ романахъ о „воспитаніи юношества". Конечно, воспитаніе это оказалось самымъ разнообразнымъ въ зависимости отъ условій домашней жизни и принадлежности къ тому или другому разряду дворянства.

Во многихъ домахъ, по старинному русскому обычаю, отдавали ребенка на руки „мамѣ", вдовѣ разумной, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни или своеволія („*Сказка о царе-*

*

вичъ Февеъ"); затѣмъ онъ переходилъ въ руки дядьки. (Тамъ же). Но то, что давало хорошіе результаты въ однѣхъ семьяхъ (*Гонимая невинность*, 9—10), то приводило къ дурнымъ результатамъ въ другихъ, гдѣ, или слишкомъ баловали дѣтей (*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*, 5), или совершенно пренебрегали или, какъ примѣръ неудачнаго выбора „мамы" и нерадивости родителей, можно привести разсказъ о первыхъ годахъ жизни одного изъ героевъ.

„самая толстая и самая глупая была выбрана изъ всѣхъ крестьянокъ для вскормленія господскаго сына грубыми своими сосцами, отъ которыхъ былъ для сего отнятъ недѣльный еще ея сынъ".

„Она часто ниспускала на его лядвія тяжелые удары своей десницы, когда онъ кричалъ, но онъ ее болѣе любилъ, чѣмъ мать, отъ которой отворачивался" (*А. Измайловъ*, *Евгеній*, 7).

Примѣръ родителей, не стѣснявшихся присутствіемъ дѣтей, иногда губительно отражался на нихъ, напримѣръ:

ребенокъ, подражая старшимъ, сталъ пить; сначала надъ этимъ родители смѣялись, потомъ стали запрещать. Онъ сталъ пить тайкомъ (ibid. 73—74).

„Десяти лѣтъ я могъ, выпивши стаканъ водки, стоять на ногахъ твердо и не имѣть даже вида пьянаго" (ibid., 74).

Во многихъ богатыхъ домахъ дѣтей баловали, тамъ воспитаніе было самое безалаберное. Такъ, у одного героя было всегда много игрушекъ, сластей

„болѣе десяти нянюшекъ, мамушекъ и ихъ дѣтей. Иные сказывали ему любопытныя повѣсти о чертяхъ и прекрасныхъ царевнахъ, другіе забавляли разными играми; тѣ крали у него конфекты, тѣ игрушки. Онъ часто улыбался и выучивался у нихъ бранить, какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ тѣхъ, кто его, хоть мало, разсердилъ. Г. Негодяева хохотала съ радости по цѣлой четверти часа, когда онъ, нахмуря брови и топая объ полъ ногою, называлъ ее въ глаза дурою и свиньею!" (ibid. 9).

Въ результатѣ такого воспитанія рано складывается духовный характеръ:

Евгенію исполнилось шесть лѣтъ. Онъ выучился самъ собою изрядно рѣзвиться, недурно играть въ дурачки и въ жмурки со своими подчиненными, жаловаться на нихъ и плакать, когда хотѣлъ (ibid).

„Когда онъ началъ уже ходить и говорить, то ему сшили на его ростъ гвардейскій мундиръ, украшенный на обшлагахъ тремя блестящими золотыми галунами, и прежде, нежели еще его выучили молиться Богу, твердили ему безпрестанно, что онъ дворянинъ и сержантъ гвардіи... „Ты — сержантъ, душенька",—говорила ему мать съ нѣжною улыбкою, когда онъ бывалъ въ мундирѣ.—„Я сер-жан-тъ, — повторялъ онъ запинающимся языкомъ и, казалось, столько же тщеславился симъ титломъ, какъ и его родительница" (8, ibid.).

Хлопоты о зачисленіи въ воинскую службу ради чиновъ начинались рано.

„Г. Негодяевъ на другой день родинъ, сѣвши возлѣ постели своей жены, сталъ говорить ей такъ: „когда же, матушка, окрестить новорожденнаго, и кто у насъ будетъ кумою и кумомъ!..“

„Постой, папинька,—отвѣчала она,—надобно намъ съ тобою прежде еще подумать о томъ, какъ бы его записать въ гвардію... Послушай-ка, отпиши къ кому-нибудь въ Петербургъ, чтобы его поскорѣе сдѣлали сержантомъ!“

„Хорошо, матушка, хорошо; я напишу къ одному гвардейскому капитану, котораго деревня у меня въ закладѣ, чтобы онъ выхлопоталъ ему сержантскій чинъ, и прислалъ бы къ намъ на оный пашпортъ!“ (ibid., 5).

„Когда родительница принимала поздравленія съ разрѣшеніемъ отъ бремени, говорила всѣмъ съ улыбкою восхищенія: „у меня ужъ сынокъ сержантъ гвардіи“ (ibid., 6).

Если одни относились нерадиво къ воспитанію дѣтей, то другіе портили дѣло излишними стараніями, при полномъ неумѣніи взяться за дѣло. Такъ, въ воспитаніи одной дѣвицы приняли всѣ участіе и разошлись.

Мать заботилась о кротости, хотѣла „посѣять сѣмена кротости: сіе доказывала богословіею“. Тихонравова хотѣла Неонилу пріучить къ „геройству, почему говорила съ дитятею о великолѣпіи и щегольствѣ“. Учитель требовалъ воспитывать такъ, чтобы „природныя способности имѣли возможность развиться“.

„Я, напротивъ того, почитала нужнымъ расположить ученіе такимъ образомъ, чтобы дитя само могло разсуждать о худомъ и хорошемъ. (*Неонила*, *10*).

Большинство, слѣдуя модѣ, отдавали своихъ дѣтей на руки чужестранцевъ-наемниковъ, не разбирая ихъ душевныхъ качествъ. Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ приведены ихъ подробныя біографіи. Такъ, напримѣръ, одинъ дядька-французъ,

„за неуплату нѣкоторыхъ долговъ по забору алмазныхъ вещей для украшенія преданныхъ ему особъ изъ прекраснаго женскаго пола, принужденъ претерпѣть такія грубости, коимъ онъ довольно надивиться не могъ въ разсужденіи той вѣжливости, которою французскій народъ отличается отъ всѣхъ народовъ“ (*Кривоносъ*, *20*).

Въ другой семьѣ выборъ гувернера оказался тоже случайнымъ.

„Мать, будучи у модной торговки Розетты, по ея рекомендаціи, взяла ея земляка monsieur le Pendard. Жалованья 500 р. въ годъ, готовый столъ, карета и услуга; онъ хорошо говорилъ по-французски, одѣвался щеголевато, кланялся съ пріятностью, отецъ его былъ честный типографщикъ, скончавшій недавно свою жизнь въ тюрьмѣ за печатаніе пасквилей. По смерти его, оставшись онъ лѣтъ четырнадцати, былъ взятъ изъ человѣколюбія въ услуги содержателемъ одного вольнаго дома и выгнанъ изъ онаго черезъ нѣсколько времени за дѣтскую шалость“. — Тогда онъ поступилъ въ военную службу. „Въ семъ новомъ званіи бывалъ на многихъ сраженіяхъ въ различныхъ шинкахъ—и въ самыхъ верхнихъ этажахъ, гдѣ жили не стихотворцы, и гдѣ онъ свелъ знакомство съ Розеттою. Проходилъ неоднократно сквозь длинные ряды своихъ собратій, вооруженныхъ длинными прутьями, и въ знакъ геройскихъ подвиговъ имѣлъ у себя на плечѣ литеру V. Бывши въ ротѣ строгаго капитана

и пожелавъ путешествовать, оставилъ онъ, наконецъ, инкогнито военную службу вмѣстѣ съ своимъ отечествомъ" и пріѣхалъ въ Россію, „гдѣ не малая часть большаго дворянства давала у себя въ домахъ убѣжище ему подобнымъ и въ которой нашелъ онъ по счастливому случаю прежнюю свою пріятельницу г. Розетту (*Евгеній, 11*).

Такъ, одного героя воспитывалъ французъ Шевалье-де-Жуа и кончилось воспитаніе очень плачевно. Богатый юноша былъ окруженъ льстецами. Началось мотовство; бѣднымъ не помогалъ, зло относился къ людямъ гонимымъ, сдѣлался извергомъ.

(*Н. Эминъ*, *Игра судьбы*, 67—69. Спб., 1789 г.).

Другаго юношу гувернеръ воспитывалъ такъ:

„весьма рачилъ объ образованіи его вкуса и наставленіи во всемъ томъ, что только могло приличествовать знаменитости его рода и состоянія, какъ-то: „пренебреженіе отечественнаго языка, искусное шарканье, шить по дюжинѣ паръ платья въ мѣсяцъ, черезъ портныхъ, выписывающихъ прямо изъ Парижа и Лондона товары, неуваженіе гражданскихъ и священныхъ законовъ, обращеніе въ смѣхъ всего, что почитается народомъ, приноровленіе ласкательства къ мѣсту, лицамъ и обстоятельствамъ, свѣдѣнія игръ, служащихъ провожденіемъ времени благородныхъ особъ, забвеніе и имени хозяйства и домоводства, замѣчаніе всѣхъ происшествій въ тѣхъ домахъ, гдѣ водятся краснoперыя птички, и страсть къ путешествію во Францію для наслажденія пріятною жизнью и истощенія тѣлесныхъ силъ.

Въ пансіонахъ дѣло воспитанія обстояло не лучше: героя, который былъ прилеженъ—ученики ругали и обижали, такъ какъ „мода" требовала, чтобъ никто ничего не дѣлалъ и всѣ безобразничали, (*Кривоносъ*, *Домосѣдъ*, 21—22). Конечно, результаты такого воспитанія были не велики.

„Въ теченіе двухъ лѣтъ Евгеній выучился нѣсколько лепетать на французскомъ языкѣ, и уже могъ на немъ называть въ глаза дураками тѣхъ, которые онаго не разумѣли" (*Евгеній*).

На-ряду съ такимъ баловствомъ дѣтей, встрѣчаемъ мы и грубое съ ними обращеніе.

Родитель мой былъ нраву жестокаго и грубаго; сперва меня словесно побранивалъ, а послѣ наказывалъ, ставилъ на колѣни на насыпанный горохъ, крупный песокъ и очень сѣкъ розгами (*Ев. Новиковъ*: *Похожденіе Ивана Гостинаго сына*).

Не лучше дѣло обстояло и въ тѣхъ домахъ, гдѣ отдавали дѣтей на руки россійскихъ педагоговъ, такъ какъ и на нихъ останавливались безъ строгаго выбора. Одинъ папаша, желая хорошо воспитать дѣтей, по ошибкѣ нанялъ изъ перваго трактира лучшаго маркера. (*Друковцевъ*. *Сава*).

Другой воспитывался у дьячка, который содержалъ цѣлый пансіонъ. Однажды онъ поругался съ товарищемъ:

„онъ меня выбранилъ; я почелъ сіе за невозможное снести отъ такого щенка, хотя и самъ какъ разумомъ, такъ и лѣтами его не превосходилъ; осердясь на то, ухватилъ обѣими руками его за ухо такъ плотно, что, когда онъ думалъ отъ меня избавиться и рванулся, то его ухо осталось въ моихъ рукахъ“ (*Зубоскалъ*, *2*).

„Другой герой выросъ въ коноплянникѣ, о хорошемъ понятіи имѣть было не отчего. Учитель его былъ деревенскій дьячокъ, который упражнялся больше въ кражѣ лошадей, нежели въ познаніи самого себя“ (*Чулковъ. Русск. сказки*, *IV*, *119*).

Въ другой семьѣ начало образованію положилъ священникъ, потомъ ребенокъ перешелъ къ какой-то „благоразумной“ женщинѣ и, наконецъ, къ писарю. (*Похожденіе россіянина*, 6).

„Русскому языку училъ его священникъ, приходскій священникъ, человѣкъ недостаточный, но хорошаго поведенія и хорошихъ свѣдѣній, приходилъ по желанію г. Негодяева каждую недѣлю два часа для наставленія его сына въ познаніи буквъ и катихизиса, получалъ за свои труды время отъ времени попорченный деревенскій запасъ въ маломъ количествѣ“.

Евгеній не могъ терпѣть церковной печати и густой бороды своего учителя (*Евгеній*, *13*).

Въ провинціальной глуши были, впрочемъ, еще семьи, которыя даже такихъ педагоговъ дѣтямъ своимъ не давали. Въ результатѣ выходили совершенные Митрофаны. Такъ, напримѣръ, одинъ—

Не учась никогда, „имѣлъ короткія обхожденія съ лакеями, сдѣлался сущимъ невѣждою“ (*Софья*, *210*).

Другой россійскій юноша-дворянинъ—

„ходилъ всегда неряхою, въ замаранномъ овчинномъ тулупѣ, и, шатаясь по двору, часто игралъ съ ребятами въ бабки, кричалъ ночью филиномъ и пугалъ старухъ, которыя летали отъ него часто съ высокой нашей лѣстницы. Возглашалъ пѣтухомъ, которымъ искусствомъ разбуживалъ сосѣдскихъ куръ; перенималъ, какъ кричать утки и, словомъ, дѣлалъ всякія шалости, какія только начальный изъ дураковъ выдумывать можетъ“ (*Русскія сказки*, *I*, *25*).

Онъ же „надѣвалъ нерѣдко крестьянское платье и расхаживалъ въ немъ по морскому рынку. Ходилъ также въ харчевни, гдѣ заводилъ непосредственно малыя драки и таскалъ нарочито своего брата для того, что храбрость его надъ нимъ только имъ оказывалась (ibid).

Изъ кушаній этотъ молодой дворянинъ

„радовался ржаному хлѣбу, такъ какъ дядино кушанье ему не казалось, потому что онъ не зналъ въ немъ вкусу и всегда говорилъ, что сдѣлано оно понѣмецки и казалось ему приторнымъ“ (ibid. 89).

Очень живо въ одномъ романѣ изображается французскій пансіонъ XVIII вѣка, его нравы и обычаи.

За 400 рублей въ годъ мальчикъ былъ отданъ въ пансіонъ г. Эзельмана. Это былъ

„человѣкъ умный и пожилой, который безпрестанно занимался куреніемъ

табака и своими выгодами. У нихъ до 100 воспитанниковъ и воспитанницъ. Г. Эзельманъ зналъ ихъ всѣхъ поименно, ласкалъ изъ нихъ тѣхъ, которые ему платили болѣе прочихъ и, глядя на нихъ, всегда улыбался".

„Географія, исторія, ариѳметика, рисованіе, танцованіе и языки составляютъ единственные предметы ученія во всѣхъ пансіонахъ. Безмѣстный студентъ, оставившій семинарію, ходилъ въ вывороченномъ байковомъ сюртукѣ къ господину Эзельману каждую субботу, показывалъ русскую грамматику. Французскій языкъ преподавался г. Жасминомъ, получавшимъ передъ симъ года за два себѣ пропитаніе и славу отъ одной гребенки. Нѣмецкій языкъ преподавался г. Эзельманомъ, который въ своемъ отечествѣ, Германіи, содержалъ болѣе пятнадцати лѣтъ шинокъ въ одной небольшой деревнѣ. Другіе учителя тоже никуда не годны. „Нельзя не упомянуть съ похвалою о господинѣ Коверкинѣ. Сей великій мужъ, обучавшій танцованію воспитанниковъ г. Эзельмана, имѣлъ камергерскую осанку, произошелъ на свѣтъ отъ ловкой театральной танцорки и одного князя, прославившагося своими ногами" (*Евгеній, 19—20*).

Нравы въ этомъ пансіонѣ были веселые:

„Свободное отъ трудовъ время Евгеній отдавалъ съ товарищами на „разныя невинныя, дѣтскія игры" (игра въ банкъ, пункшъ), въ пенсіонѣ читали только на французскомъ языкѣ „Тысячу и одну ночь", а на русскомъ письменныя сочиненія того поэта, который въ храмѣ Бахуса составлялъ стихи въ честь Пріапу (ibid., 25).

Каждую середу и субботу всѣ пансіонеры и пансіонерки, подъ предводительствомъ г. Коверкина, собирались ввечеру въ большую залу, первые, будучи причесаны къ лицу искуснымъ парикмахеромъ, надѣвали на себя новомодные фраки и легкіе англинскіе башмачки; послѣднія жъ имѣли нерадиво завитые распущенные по плечамъ локоны и подобныя бѣлизною снѣгу на себѣ шемизы, преноясанныя лентою любимаго цвѣта.

Едва г. Коверкинъ давалъ знакъ рукою, то сидѣвшіе въ углу зала два красноносые музыканта начинали соглашать свои инструменты, а ученики его, большіе и маленькіе, проходили съ петиметрскою осанкою и поклонами къ дѣвицамъ, прося ихъ съ собою танцовать и представляя имъ въ лайковой перчаткѣ свою руку; тѣ же подавали имъ свою съ пріятною улыбкою и жеманствомъ становились на свои мѣста. Г. Коверкинъ, обращая повсюду глаза и видя всѣхъ въ готовности, давалъ вторичный знакъ рукою, ударяя при томъ крѣпко ногою объ полъ. Въ одно мгновеніе ока скрипки издавали громкіе звуки, танцующіе, держа другъ друга за руки, двигались по-парно со своего мѣста въ надлежащемъ порядкѣ, раздѣлялись, нагибаясь съ пріятностью и присѣдали опустя внизъ руки, подавали обратно оныя другъ другу со сладострастною нерадивостью, соединялись опять и составляли черезъ нѣсколько времени круглую цѣпь. Г. Коверкинъ ободрялъ ихъ и голосомъ, и тѣлодвиженіемъ, поправлялъ, бранилъ и поставлялъ совокупно", 23.

Иногда бывали на этомъ зрѣлищѣ и родители и видѣли успѣхи дѣтей своихъ. Г. Негодяева смотрѣла съ материнскимъ восторгомъ на торжество своего сына, расторгаемыя ему отовсюду похвалы касались ея ушей и сердца; супругъ же ея взиралъ на него съ разверстыми устами (ibid., 24).

Въ результатѣ такого воспитанія, юноша сошелся съ дѣвочкой, воспитывавшейся тамъ же.

Г. Езельманъ узналъ о случившемся и наказалъ виновниковъ; во время

ужина и Евгеній и Марія стояли въ углахъ въ столовой, когда другіе ужинали. Евгеній на колѣняхъ, а Марія „на подобіе статуйки", понуря смиренную голову и прижавъ руки къ сердцу. Преступница со стыда краснѣла, плакала и рыдала; преступникъ же съ досады не глядѣлъ на свѣтъ (ibid., 28—29).

Самостоятельную жизнь начиналъ молодой русскій дворянинъ, отправляясь на службу. Разставаясь съ отчимъ домомъ, онъ получалъ наставленія, конечно, очень цѣнныя для историка русской жизни. Описаніе самыхъ сборовъ въ дорогу также очень любопытны въ бытовомъ отношеніи.

„Сбираютъ Несмысла въ дорогу. Даютъ ему дядьку, который хотя и назывался добрымъ человѣкомъ, но въ самомъ дѣлѣ госпожа совѣсть въ разсужденіи его вдовствовала. Отъѣздъ настаетъ. Родительское благословеніе далъ ему вмѣсто всѣхъ нужныхъ вещей. Проговорено поученіе не знаться съ мотами и карточною игрою. Денегъ далъ „40 алтынъ мѣдныхъ денегъ".

„Возьми сіи деньги, говорилъ онъ, держи оныя съ бережью, не мотай и не лакомься. Батюшка мой отправилъ меня на Сухареву башню учиться ариѳметикѣ, далъ хотя не столько много, однакожъ, алтынъ съ десять, въ сей же башнѣ. Я жилъ въ довольствѣ. (*Русск. сказки, IV, 86—87*).

Другой герой жилъ

„до 16 лѣтъ подъ кровомъ отца.

Отправляя на военную службу, отецъ ему сказалъ: сынъ мой, сказалъ онъ, я даю тебѣ свободу владѣть твоими желаньями; но всегда помни, что ты дворянинъ; люби свое отечество, повѣрившее сіе преимущество, будь онаго достоинъ, не желай никому того, чего себѣ не желаешь. (*Русскія сказки, VII, 31—32*).

„Набожный родитель благословилъ его образомъ старинной работы, на которомъ была положена кованая серебряная риза и который удержалъ онъ у себя вмѣсто залога отъ одной бѣдной вдовы". Далъ 5.000 рублей, совѣтовалъ ухаживать за командирами.

Мать совѣтовала обратить вниманіе на дамъ: „чрезъ это можно получить себѣ щастіе" (*Евгеній, 49*).

При этомъ папаша, давши 5.000 руб., счелъ долгомъ прибавить:

„Я, вѣть, не таковъ, какъ покойникъ мой батюшка, а твой дѣдушка. Бывало у того, когда еще былъ не великъ, попросишь въ праздникъ: батюшка, сударь, дай денежку на пряничекъ. Ино таки умилостивится, дастъ денежку, а ино такъ дастъ оплеуху. „Собачій сынъ! такой, сякой! лакомка! гдѣ у меня деньги"? (ibid., 200).

Другой давалъ сыну совѣты въ духѣ тѣхъ, которые слышалъ Чичиковъ отъ отца.

„Деньги накопить безъ обиды ближняго почитаю я за первую на свѣтѣ премудрость, денежка рубль бережетъ, а рубль голову стережетъ; деньги великое дѣло въ жизни нашей и самихъ злодѣевъ и воровъ тогда только вѣшаютъ, когда у нихъ рубля уже въ карманѣ нѣтъ (*Сава, 43*).

Одинъ отецъ давалъ сыну совѣтъ держаться во всемъ „золотой середины".

Роскошь и скупость по одной дудкѣ пляшутъ, а середина есть бережли-

вость, безгрѣшна Богу и людямъ не противна, а ты, мой другъ, по одежкѣ протягивай ножки, такъ всегда будешь счастливъ. Я до старости дожила и никому не была должна" (ibid.).

„Всѣмъ быть одинаковымъ не можно, въ свѣтѣ есть бѣлое и черное, умные и глупые. Богъ сотворилъ человѣка самовластно и далъ ему двѣ дороги—направо и налѣво, а я до старости брелъ серединою, чего и тебѣ желаю, пожалуй никому не завидуй (ibid., 2).

Отецъ одного юноши убѣждалъ его не очень усердствовать на службѣ.

„Когда достанется идти въ караулъ въ сырую или холодную погоду, такъ можно за себя и нанять кого-нибудь другаго. Ружьемъ учиться тебѣ не совѣтую; ты малый молодой, нѣжнаго воспитанія, гдѣ тебѣ вертать едакимъ чортомъ, фунтовъ въ пятнадцать (*Евгеній, 50*).

Путешествіе молодаго дворянина, ѣдущаго служить, описывается не разъ въ русскомъ романѣ. Оказывается, для зажиточнаго русскаго человѣка такая поѣздка изъ деревни въ отдаленный городъ была цѣлымъ событіемъ: длинный поѣздъ съ припасами, съ дворовыми сопровождалъ кибитку молодаго барина.

Впереди большая покойная кибитка четверня. Красивыя вороныя лошади, здоровый кучеръ, на запяткахъ высокій гусаръ, „оба получили отъ природы и упражненія великую силу, передъ которыми, когда они бывали въ питейномъ домѣ, трепетала дюжина фабричныхъ", за нимъ повозка парою, съ пригожимъ форейторомъ, камердинеромъ и парикмахеромъ.

„Третью повозку, въ которой лежалъ поваръ, заплывшій въ жиру, какъ упитанный каплунъ, тащилъ одинъ сильный меринъ". Этой повозкой правилъ домашній адвокатъ въ синей шинели; одна изъ тѣхъ крѣпостныхъ тварей, которыхъ стараются у себя имѣть помощники, не могущіе жить безъ тяжбы со своими сосѣдями, и которые обучались ябедѣ, таскаясь по судамъ съ ребячьихъ лѣтъ, не уступаютъ самимъ крючкотворцамъ ни въ крючкотворствѣ, ни въ пьянствѣ", за нимъ 5 возовъ съ провизіею (*Евгеній, 53*).

Друзья налегкѣ ѣхали до Спб. двѣ недѣли,—но обозъ ихъ задерживалъ. Слуги и мужики, чтобъ поспѣть, должны были ѣхать и днемъ, и ночью, и почти не спать. Зато молодые господа ѣхали весело, хорошо ѣли, пили, мечтали о столичной жизни, играли въ карты (ibid. 103).

Городская жизнь русскаго дворянина, вырвавшагося изъ деревенской глуши и иногда изъ подъ опеки родительской, изображена особенно подробно и въ нѣсколькихъ романахъ.

Онъ былъ хотя не весьма знатнаго, однакоже, и не совсѣмъ подлаго, какъ по модѣ говорятъ, состояніе имѣлъ, кромѣ помѣстья, должность--денегъ бы ему хватило, если бы мода не заставила „содержать карету и лошадей, 3 любовницъ, гусаръ, егеровъ и др., столь же надобныхъ, какъ пудра и помада, служителей, одѣтыхъ по модѣ и въ разнородное платье"—ѣздить по клубамъ, посѣщать разныя „игры и позорища", устраивать пиры и кормить людей болѣе богатыхъ, чѣмъ онъ (*Кривоносъ, 4*).

Особенно увлекалъ городъ молодыхъ дворянъ своими легкими любовными развлеченіями. Такъ, одинъ изъ нихъ

предпочелъ платныхъ красавицъ, такъ какъ это было легче; завелъ содержанку Лизаньку; она дорого стоила ему и очень дешево ея другу развратнику и лакею Мишкѣ, кои ею пользовались (*Евгеній*).

Другой юноша, получивъ наслѣдство и еще живя въ деревнѣ

примѣнился къ хорошимъ винамъ и началъ уже гонять съ двора рублями вмѣсто голубей". У него завелось много друзей. Одинъ изъ нихъ убѣдилъ его ѣхать въ Москву. Тамъ и этотъ герой влюбился и много денегъ тратить. (*Чулковъ, Пересмѣшникъ, II, 159*).

Другой беззаботный дворянинъ предвкушаетъ, какъ осенью онъ хлѣбъ

„перемѣряетъ, смѣжитъ, расположитъ, сдѣлаетъ честный оборотъ на всероссійскую ходячую—и съ любезными, прелюбезными, качай въ матушку Москву" къ друзьямъ, въ университетъ, книжкую лавочку, въ маскарадъ (*Письмо къ Б*" „Пріятн. и полезн. препр. врем., XVIII—152).

Надъ мужичками этотъ юноша потѣшается

„... за тайну скажу вамъ, какъ друзьямъ моимъ, буду больше смотрѣть за любезными мужичками моими, которые въ потѣ лица своего упрашивать будутъ чадолюбивую мать-природу не оставить ихъ молодаго барина и потомъ въ будущую зиму удовлетворять невинныя свои забавы (ibid., 151).

Въ городѣ многіе деревенскіе птенцы увлекались разсѣянною жизнью, 71. Стараніе нравиться прекрасному полу заставило дѣлать расходы. Расходы, превышавшіе доходы, вели къ тому, что многіе юноши доходили до того, что стали нечестно увеличивать свое имѣніе (ibid. 73).

Жизнь въ Петербургѣ улыбалась богатымъ юношамъ, одинъ, напримѣръ, такъ мечталъ о Петербургѣ

„Какъ только лишь пріѣду въ Петербургъ, найму себѣ прекрасные покои. Закажу сдѣлать щегольскую карету... Мундиръ у меня есть... Фраковъ хоть много и всѣ хороши, однако, велю сшить полдюжину новомодныхъ... запишуся въ танцовальный клубъ... Постараюся познакомиться съ какой-нибудь... Изъ актрисъ!—нѣтъ, съ какой-нибудь—jolie marchande des modes. Актрисы-француженки не очень пригожи, а русскую имѣть на содержанье много чести... Вотъ развѣ взять танцорку"! (*Евгеній, 142*).

У богатаго молодаго дворянина, пріѣхавшаго въ столицу служить, былъ цѣлый штатъ прислуги. Возвращаясь, съ ночныхъ похожденій, одинъ юноша

„... увидѣлъ почти всѣхъ своихъ штатныхъ служителей: пьяницу гусара Минку, картежника камердинера Андрюшку, лакомку парикмахера Сеньку, вора-повара Матвѣя и плута стряпчаго Лукьяна. (ibid, 172).

Развлекались молодые дворяне въ городахъ карточной игрой или

любовными похожденіями, иногда довольно низкой пробы. Для характеристики нравовъ привожу слѣдующую жанровую картинку:

„идутъ они въ четвертый этажъ, по узенькой и крутой лѣстницѣ въ сопровожденіи Силки и Мишки (Силка былъ кучеръ, а Мишка гусаръ молодаго Негодяева), изъ которыхъ первый несъ кулекъ съ портеромъ, а послѣдній фонарь... Двери оказались заперты. „Развратинъ сталъ стучаться. „Отоприте! кричалъ онъ, отоприте! Евгеній Лукичъ пріѣхалъ".—„Здѣсь *гости*!" отвѣчалъ сквозь двери тонкій голосъ. „Я пришелъ сюда", говорилъ оттуда же какой-то весьма хриповато, позабавиться на свои деньги, осударь мой, съ позволенія вашего. Не мѣшай мнѣ, поди въ другое мѣсто!—„Отопри", вскричали совокупно оба разсердившіеся юноши, усугубя стукъ, „отопри, а не то худо будетъ"!—„Одни мошенники насильно ломятся, съ позволенія вашего"! отвѣчалъ хриповатый голосъ, „не такъ, такъ можно и въ шею, съ позволенія вашего!"—„Мишка! Силка! ломай двери". Въ секунду очутилось по половинкѣ дверей въ рукахъ у сильнаго гусара и здороваго кучера. Евгеній и Развратинъ увидѣли на богатой софѣ лежавшую милую Катеньку съ обнаженною грудью. Она сжимала въ своихъ объятіяхъ дебелое чудовище въ синемъ русскомъ кафтанѣ, съ разноцвѣтными пятнами, имѣвшее на головѣ и подбородкѣ всклокоченные рыжіе волосы, на лицѣ свѣжіе и подживающіе рубцы различной фигуры и одинъ глазъ, украшенный синевою. Это былъ мясникъ, прославившійся въ питейныхъ домахъ и кулачныхъ бояхъ".

Развратинъ разбилъ ему носъ, Силка и Мишка спустили его съ лѣстницы. „Катился по оной внизъ и считалъ головою своею ступени, произносилъ съ негодованіемъ слова сіи: „я убьюсь этакъ до смерти, съ позволенія вашего. Объявлю это сейчасъ на съѣзжей съ позволенія вашего. Попадетесь вы мнѣ когда-нибудь, съ позволенія вашего!" (ibid., 59).

Онъ далъ изрядную пощечину прекрасной Катенькѣ и хотѣлъ было схватить ее за распущенные ея волосы, но она прежде схватила его за руки, просила прощенія, засмѣялась и поцѣловала его. Онъ принужденъ былъ самъ засмѣяться, поцѣловать ее, желаніе воспламенило его кровь, и онъ совершилъ недоконченное мясникомъ" (ibid., 59).

Молодой аристократъ мѣняется съ своею бывшею любовницею актрисой фривольными письмами. Онъ спрашиваетъ о ея времяпрепровожденіи и самъ разсказываетъ за нее, какъ она устроилась въ его отсутствіе

„Кто-нибудь изъ дежурныхъ волокитъ помогаетъ разстегивать шнуровку, цѣлуетъ груди и увѣряетъ, что онъ счастливъ, ежели жертва кошелька его угодна твоему сердцу; подаютъ воды... ты приходишь въ себя и открываешь плутовскіе свои глаза... вздыхаешь... бросаешь умильные взоры, протягиваешь руку... *Роландъ* ее лобзаетъ, становится на колѣни... летитъ въ объятія и... этого я не могу выговорить, я не ревнивъ, однакожъ, однакожъ досадно"... (*Н. Эминъ, Роза, 90*).

Съ задумчивымъ—представляешь ты плѣняющую невинность; съ ловкимъ—ты хватъ; все у тебя поетъ и пляшетъ. Правда, накладная грудь — она зато безпримѣрна.., весноватое, пожелтѣлое лицо, однакожъ, подштукатуриваешь его весьма искусно бѣлилами; любовь заставила тебя гнусить... этотъ лавръ достоинъ всякаго почтенія, а при томъ я очень скроменъ и, конечно, никому не открою (ibid.).

Она ему отвѣчаетъ:

Князь Р., графъ Б., откупщикъ Д., актеръ Ц., всѣ бьются объ закладъ и каждый спорить, что онъ причиною моей болѣзни; и такъ, у моего дитяти будетъ семь батюшекъ (ibid., 134).

Пишешь ты, что имѣешь великое участіе въ моей беременности, столь же точно, какъ въ построеніи Сухаревой башни 158 (IV, 53).

Съ этимъ же Евгеніемъ произошелъ въ Петербургѣ слѣдующій непріятный эпизодъ: онъ посѣщалъ одну почтенную семью, проигрывалъ много въ карты, ради того, чтобы ухаживать за хорошенькой дочкой хозяина. Наконецъ, съ согласія дочки, онъ пробрался ночью къ ней въ комнату

Онъ увидѣлъ Л. Н. на кровати, „глаза ея были сомкнуты, волосы лежали нерадиво на шеѣ и на плечахъ, полуобнаженная и прекрасная грудь воздымалась съ неизъяснимою пріятностью" (*Евгеній, 160*).

„вдругъ явился нечаянно въ сію комнату отецъ, съ обыкновенною своею улыбкою, съ большимъ пистолетомъ въ правой рукѣ и съ потаеннымъ фонаремъ въ лѣвой, въ шлафрокѣ и въ колпакѣ. „Ахъ! это вы, Евг. Лукичъ!—сказалъ г. Миловзоровъ, поклонившись, улыбнувшись и сдѣлавши приличный жестъ своимъ пистолетомъ. — Какимъ образомъ?.. Да что вы изволите безпокоиться стоять?.. Прошу покорно садиться"... усаживаетъ его и заставляетъ его подписать вексель на 10.000 р. (ibid., 160—1).

Очень художественная сцена, какъ ловкій плутъ диктуетъ текстъ векселя.

„Я вамъ буду диктовать,—говорилъ ему Наз. Лукичъ.—Извольте-съ.—Сей моментъ. *тысяча семьсотъ девяносто перваго года, генваря десятаго числа* (тогда было десятое число февраля). Это нужды нѣтъ, извольте писать цифрами...—Написалъ-съ.—Очень хорошо-съ... *Я, нижеименованный, занялъ у коллежскаго ассесора...*—У господина коллежскаго ассесора?.. — Хоть такъ-съ, все равно... *Назарья Антоновича Миловзорова десять тысячъ рублей...* десять тысячъ рублей извольте (162) потрудиться написать не цифрами, а складомъ...—Слушаю-съ...—Написали?—Написалъ-съ, извольте-съ...: — *которыя по прошествіи одного мѣсяца долженъ я всѣ сполна съ указными процентами съ рубля по шести... отдать ему, Миловзорову, непремѣнно...* — Г-ну Миловзорову? Какъ угодно. *Во увѣреніе чего и подписуюсь своеручно.* Тутъ извольте теперь подписать свои чинъ, имя и фамилію...—Сію минуту-съ...—Что вы изволите трудиться засыпать, пожалуйте мнѣ, я самъ засыплю". Прочитавъ, онъ спряталъ бумажку, „поблагодарилъ Евгенія съ учтивостью за его послушаніе и трудъ" и проводилъ до дверей со свѣчой, Евгеній взялъ свою шляпу и сдѣлалъ низкій поклонъ Н. А. (ibid., 160—3).

Служба въ гвардіи для богатаго дворянина не представляла трудностей.

Евгеній бесѣдуетъ съ своимъ фельдфебелемъ, и тотъ рекомендуетъ ему откупаться отъ этихъ непріятностей и подробно разсказываетъ о ихъ полковой жизни. „Вотъ, сударь, что я вамъ скажу: въ каждой у насъ ротѣ числится капраловъ, фурьеровъ, подпрапорщиковъ, каптенармусовъ, сержантовъ гораздо болѣе сотни, т.-е. служащихъ, а не малолѣтнихъ; малолѣтнихъ же и самъ лу-

кавый не знаетъ сколько... Что бишь я вамъ сказалъ? Такъ, такъ... что въ каждой ротѣ гораздо болѣе сотни служащихъ. Изъ нихъ на-лицо бываетъ человѣкъ двадцать и то изъ солдатскихъ дѣтей, да изъ бѣдныхъ дворянчиковъ, которые написаны на окладъ, а прочіе всѣ въ отпуску. Они-то одни и служатъ. Бываетъ иногда, правда, на-лицо человѣка два или три изъ достаточныхъ дворянъ, только они никогда сами не дежурятъ и не ходятъ въ караулъ, а нанимаютъ за себя другихъ, какъ ваша милость. Да что сказать матку-правду, у насъ въ гвардіи служи рукава спустя... Еще таки капральская должность. А ужъ унтеръ-офицерская и сержантская... не такова, какъ фельдфебельская. Кстати ли тутъ ужъ надобно головѣ да и головѣ!.. Лѣтомъ у насъ на ученье ходятъ только тѣ унтеръ-офицеры, которые знаютъ службу, а тѣ, благо свобода дана, бьютъ себѣ баклуши, шатаются по трактирамъ; дома же, въ ротѣ таскаются за солдатками, играютъ въ городки, въ свайку или въ горку, да въ хлюстикъ... Иной болванъ служитъ на-лицо года три, а, право, не умѣетъ порядочно взять ружье въ руки... Да не станете ли вы, сударь, учиться ружьемъ? хоть мнѣ и недосужно, однако, я самъ извольте для васъ!.. Нѣтъ, нѣтъ, къ чему мнѣ? Мнѣ въ новый годъ достанется въ гвардейскіе прапорщики.—Такъ не для чего, сударь, вамъ и начинать учиться... а я, право, было думалъ, что вы хотите въ выпускъ въ армейскіе капитаны... да случается, что выходятъ отъ насъ и въ армію. Такіе молодцы, которые не знаютъ, что такое наступные, что такое отступные полутонги... а ужъ про карреи, колонны и говорить нечего. Въ арміи скорѣе выучатся службѣ, чѣмъ въ гвардіи... а особливо, какъ полковникъ строгій. Вымоетъ раза два—три хорошенько передъ фрунтомъ голову, вышлетъ раза два—три за фрунтъ, такъ и будешь офицеръ исправный, не какъ наши капитаны. А каковъ нашъ капитанъ?—О! нашъ капитанъ хорошъ, не такъ, какъ другіе... Да, что изволите меня о немъ спрашивать, вѣть вы его высокоблагородіе сами знаете.—Другой день только... небось, говорилъ объ немъ передъ нами смѣло, намъ какая нужда.—А коли такъ, сударь, такъ скажу всю правду (94). Онъ, правда, человѣкъ добрый, недрачливъ, разуменъ, говоритъ и по-нѣмецки, и по-французски, только выскочка, хвастается, будто знаетъ лучше другихъ службу, я-де капитанъ, я-де капитанъ! баба! гдѣ бы ему безъ меня править ротою? Ничего порядочнаго солдату показать не умѣетъ... Вотъ пѣсельниковъ учитъ такъ мастеръ, пѣсельники въ нашей ротѣ по полку первые... И такъ прошу прощенія" (ibid., 95).

Евгеній дружилъ съ молодымъ Вѣтровымъ, гвардейскимъ офицеромъ. Онъ разсказываетъ, что на военной службѣ гвардейцы ничего не дѣлаютъ. Онъ тоже поломанъ, избалованъ, щеголь, въ мундирѣ, онъ врагъ труда и занимается только собираніемъ сплетенъ скабрезныхъ (ibid., 35—38).

Понятно, что для службы такіе дворяне оказывались непригодными.

... бывало, пришлютъ въ полкъ капитаномъ мальчика лѣтъ 17 и ружья не подниметъ; того и смотри, вѣтеръ повалитъ. Бывало, на ученьѣ понадѣлаешь на плечо, на караулъ, къ ногѣ—бодро стоятъ; скажутъ: къ заряду—и манжеты задрожатъ. Согрѣшилъ грѣшный, подумаешь, бывало: сидѣть бы вамъ дворянчикамъ дома, да хлебать бы супъ; а отъ сухарей, право, животъ заболитъ". „Храбрый философъ", 31.

„бывало, эти офицерики поссорятся промежъ собой либо за карты, либо за какую-нибудь дѣвчонку, либо за то, что одинъ другому на ногу наступилъ; вѣть что-жъ? тотчасъ на дуэль".

Какая, сударь, храбрость. Какая-то дворянская, завозная чума или дурь. Въ старину у насъ совсѣмъ и не слыхать ее было. Какая это храбрость, своихъ бить, я видѣлъ, ваше благородіе, какъ этакіе дуэльщики во время стычки прячутся за солдатъ. Когда наши опрокидываютъ и они изъ-за фрунта кричатъ: ура! А когда нашихъ тѣснятъ—ужъ они за версту (ibid., 32—33).

Солдатъ разсуждаетъ, что все равно умирать, не считаетъ своихъ подвиговъ за особую доблесть. Къ чинамъ и наградамъ равнодушенъ. „Счастье въ томъ, чтобы быть добрымъ и полезнымъ, за это любовь общая". Онъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, 37. Въ жизни лучше уступить, чѣмъ драться изъ-за всего (ibid., 36, 38—39).

Въ одномъ романѣ встрѣчаемъ мы изображеніе петиметра въ гвардейскомъ мундирѣ: вмѣсто того, чтобы отдавать честь по-военному, онъ кривляется и расшаркивается.

Надъ манерами Евгенія смѣются всѣ присутствующіе, а

„вошелъ, шаркая ногами, сдѣлалъ низкій реверансъ своему маіору и поклонился направо и налѣво бывшимъ тамъ офицерамъ (*Евгеній, 89*).

Казенной формой своей онъ недоволенъ.

Ахъ! да какая это шляпа? она никакъ изъ войлока... она, правда, не пуховая, а поярковая, и самая лучшая, какую только можетъ носить унтеръ-офицеръ или сержантъ. Ахъ, mon Dieu! и я долженъ буду имѣть courage надѣть ее,—а тесакъ-то! ай! ай! ай! что это такое, батюшки, съ гаруснымъ темлякомъ! fi, fi! (ibid., 85).

Мотовство гвардейскихъ офицеровъ тоже отмѣчено въ русской повѣсти. Молодой Вѣтровъ является къ господину Мотишкину, гвардейскому прапорщику, который поругался и сидитъ пасмурный,—ему надо все продать, такъ какъ онъ проигралъ 200 рублей, присланные отцомъ на дорогу, проигрываетъ Вѣтрову и всю мебель (ibid., 75).

Зато были офицеры, которые и наживались на военной службѣ.

Вышеписаннаго сложенія былъ нѣкто отставной маіоръ Верзилъ Тихіевъ, сынъ Фуфаева, служившій въ арміи ровно тридцать лѣтъ и три года, безъ всякаго штрафа, потому что въ командировкѣ и на приступахъ не бывалъ, а отправлялъ всегдашнюю должность коммиссара и былъ у раздачи солдатамъ жалованья, провіанта, фуража и аммуниціи. И какъ всегда находился въ трезвомъ состояніи и велъ приходъ и расходъ исправно, то, пріѣхавъ въ свою деревню въ отставку, къ двадцати пяти душамъ прикупилъ онъ девятьсотъ пятьдесятъ душъ (*Пересмѣшникъ, V, 206*).

Солдатская жизнь изображалась въ русскихъ романахъ мелькомъ. Такъ, имѣемъ мы разсказы о томъ, какъ деревня поставляетъ рекрутовъ. Оказывается въ солдаты попадаютъ чаще всего бѣдняки. Такъ въ одной повѣсти „богатые мужики откупились" и бѣднякъ Любимъ оказался въ *„оковахъ"* (Любимъ и Роза, 65),—изъ этихъ словъ можно заключить, вѣроятно, бывали случаи, когда рекрутовъ приводили въ кандалахъ изъ опасенія ихъ бѣгства. Въ другой повѣсти деревенскіе

кулаки („съѣдуги") рѣшили отдать за „вотчину въ солдаты" тоже бѣдняка. При медицинскомъ осмотрѣ его „съѣдугамъ" пришлось давать взятку.

Отправили на осмотръ — примѣря, сказали: „малъ ростомъ", а лѣкарь закричалъ: „тонки ноги". Его не взяли въ солдаты. Утромъ, однако, его опять повели на осмотръ, „на темя его положено было нѣсколько угомонной монеты", „чѣмъ Сысой пришелъ въ указанную мѣру, и за одну ночь икры потолстѣли" (ibid., 191—192).

Не менѣе любопытенъ разсказъ о томъ, какъ вели рекрутовъ въ дѣйствующую армію.

С. отправился въ дѣйствующую армію, „куда С. съ прочими препровожденъ былъ мірскимъ подаяніемъ, не получая ни одежды, ни провіанта отъ командующаго офицера, котораго они и въ глаза не видѣли во всю дорогу, а догналъ онъ ихъ, не доѣзжая до арміи верстъ со сто, или еще того меньше; изъ пятисотъ человѣкъ дошло до арміи съ небольшимъ пятьдесятъ, а прочіе разбѣжались и померли" (192). Офицеръ подалъ рапортъ, что за малоимѣніемъ (192) команды рекруты въ разныя времена бѣжали; его отдали подъ судъ, а рекрутъ причислили къ командѣ лишенныхъ всего имъ принадлежащаго, ибо у командовавшаго ими офицера при арестованіи его ничего не отыскано, а слухъ носился, что онъ припряталъ все подалѣ (ibid., 193).

Конечно, изъ такого рекрута вышелъ солдатъ неважный.

Но есть въ повѣстяхъ нѣсколько образовъ, которые полны энергіи, душевной бодрости. Передъ нами, напримѣръ, старикъ ветеранъ, живущій на покоѣ въ деревнѣ, и вспоминаетъ о былыхъ подвигахъ.

„Любо, ваше благородіе, служить! какъ, бывало, Салтыковъ, Румянцевъ, Суворовъ, Рѣпнинъ, Каменскій, какъ, бывало, русскіе генералы скажутъ: перекрестись; „пойдемъ, дѣтушки, за Бога, за царя, за вѣру!" не боишься, бывало, ни штыковъ, ни ядеръ, идешь впередъ!" (*Храбрый философъ*, 13).

Онъ пересчитываетъ медали, полученныя имъ за походы:

„это прусская, это двѣ турецкихъ, это шведская, это польская, а это аннинская. Былъ съ Салтыковымъ въ Пруссіи, съ Румянцевымъ подъ Кагуломъ, исходилъ Турцію и Польшу; съ принцемъ Нассау подъ шведомъ воевалъ; съ Суворовымъ Чортовъ мостъ переходилъ; съ Кутузовымъ и Багратіономъ еще подъ французомъ стоялъ" (ibid., 42).

„Смерти бояться нечего, лишь бы совѣсть чиста была", 59. Смерть всегда можетъ приключиться (ibid., 59—60).

Въ деревнѣ онъ общій любимецъ. Старуха разсказываетъ, какъ солдата въ деревнѣ всѣ любятъ, особенно дѣти. Онъ учитъ дѣтей натуральному добру и мудрости (ibid., 62—3).

Кромѣ этого живаго и опредѣленнаго образа встрѣчаемъ мы нѣсколько разъ типъ сказочнаго солдата-плута, который всѣхъ умѣетъ надуть, не дуракъ выпить и поѣсть на чужой счетъ.

Любопытно, что для крестьянъ тогдашній „солдатъ" былъ настолько отрѣзаннымъ ломтемъ, что отношенія въ нему самыя враж-

дебныя. Одинъ мужикъ увидя пьяныхъ солдатъ, началъ имъ мылить головы и выбрилъ ихъ догола

„отчего и нынѣ между простымъ народомъ ходитъ басня подъ именемъ „Деревня плѣшивыхъ“.

Онъ объяснилъ свой поступокъ, какъ месть солдатамъ за то, что они

„ѣздя по деревнямъ, обижаютъ весьма много крестьянъ“ (*Пересмѣшникъ*, *III*, *209*).

Интересна въ бытовомъ отношеніи сцена, изображающая, какъ солдаты одного полка, стоявшаго въ деревнѣ постоемъ, разыграли обрядъ вѣнчанія, при чемъ сами нарядились, кто священникомъ, кто діакономъ, „игра“ была выдумана для того, чтобы обмануть дѣвушку. Когда обманъ раскрылся, то расправа оказалась короткой.

„По спросу нашли попа, дружекъ, жениха и сваху. Въ началѣ благословителя, а потомъ и всѣхъ повалявъ на земь, взваря порядочно дробникомъ, отпустилъ по квартирамъ“. (*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*).

Въ повѣстяхъ выводится не разъ типъ солдатъ-служакъ. Солдатъ доволенъ малымъ и продолжаетъ работать.

„Вотъ тамъ, ваше благородіе, указывая на небо, фельдмаршалъ надъ фельдмаршаломъ; тамъ, ваше благородіе! будетъ всякому пенсія своя,—никого не обидятъ и никого не забудутъ (*Храбрый философъ*, *52*).

Онъ разсказываетъ о томъ, какъ Суворовъ наградилъ его своею табакеркою за подвигъ.

„Когда мы съ Суворовымъ взошли на Сентъ-Готардъ и прошли уже Чортовъ мостъ, насъ осталось не много, да и тѣ врозь разошлись. Въ особомъ отрядѣ осталось насъ съ капитаномъ человѣкъ съ десять, на дорогѣ иные изъ насъ замерзли, другіе попадали въ пропасть, а иныхъ изъ-за утесовъ надъ нами висячихъ пули поколотили, я только одинъ остался съ капитаномъ; Богъ насъ помиловалъ и мы пошли дальше. Стужа на горѣ была страшная; а подъ нами страшные глубокіе рвы и мелькали зеленѣющія долины. Наконецъ, мы кое-какъ по снѣгу выкарабкались на верхъ горы. Тутъ стужа еще холоднѣе была. Духъ у насъ захватываетъ, идти совсѣмъ нельзя,—выбились мы оба изъ силъ (ibid. 19).

Очень удачно въ одной повѣсти обрисованъ фельдфебель гвардейскаго полка; развязный и въ то же время готовый подслужиться передъ знатнымъ дворянчикомъ, взяточникъ и пьяница, — онъ, какъ живой, стоитъ передъ нами.

... Мишка пошелъ вонъ и въ ту же минуту возвратился назадъ съ великорослымъ сержантомъ среднихъ лѣтъ. Пожелтѣлый мундиръ, засаленные обшлага, смѣлый его и горделивый видъ заставлялъ догадываться, что сей сержантъ былъ фельдфебель. „Желаю вамъ здравствовать, господа“, сказалъ онъ, поклонившись Негодяеву и Развратину, „кто изъ васъ господинъ сержантъ Негодяевъ? имени и отчества, простите, право, не знаю“!—„Я, братецъ“, отвѣчалъ ему Евгеній, а ты

что за человѣкъ?"—„Я, сударь, фельдфебель (такой-то) мушкетерской роты (той самой, въ которой написанъ былъ Евгеній)... Искалъ, искалъ вашей фатеры, насилу нашелъ, усталъ и передрогъ, какъ собака"... „Пьешь ли ты водку"?—Какъ фельдфебелю не пить водки"!—вскричалъ Развратинъ—„вотъ я ему сію минуту налью стаканъ и поднесу". „Правда ваша, сударь, сказалъ пьяный фельдфебель, какъ не пить фельдфебелю водки, когда нынче пьетъ и всякой бѣлогубый щенокъ писарь"...—„Натко, выкушай".—„Желаю здравствовать"!.. Фельдфебель, сказавши сіи слова, взялъ стаканъ сладкой водки изъ рукъ Развратина, выпилъ его въ два глотка и кашлянулъ два раза, утирая губы... „Покорно благодарю"...—„На здоровье"—„Водка, сударь, ваша славная, въ которомъ погребѣ изволили брать? Не въ угольномъ ли, что насупротиву васъ? Тутъ и водка и прочіе напитки, могу ужъ сказать, отмѣнные. А вонъ въ томъ погребѣ, что подальше, и не берите ничего, ничто въ немъ никуда не годится". (*Евгеній*, 90).

Жизнь русскаго купечества изображалась въ русскихъ повѣстяхъ не разъ;—изображалась и самая патріархальная, живущая по завѣтамъ Домостроя — и такая, которая уже сознала потребность ученія и еще не знаетъ, какъ за него взяться.

Очень характеренъ, напримѣръ, разсказъ о наймѣ купцомъ учителя для сына.

„Доложили обо мнѣ господину Безтылину. Вхожу, вижу оксовую бочку въ штофномъ шлафрокѣ, передъ нимъ стоитъ кружка портеру и тарелка огурцовъ, отдалъ я его милости три низкіе поклона".—„Я слышалъ вамъ надобенъ учитель".—„Такъ, голубчикъ, мнѣ хотѣлось бы сыскать старичка, который бы пошколилъ ребятишекъ". Купецъ производитъ экзаменъ, заставляя его переводить съ нѣмецкаго, изъ Курганова рѣшать задачу: „купилъ я полторажды полтора аршина, далъ полтретьяжды полтретья рубля, спрашивается, что далъ за полчетвертажды полчетверта аршина?" Чуръ не дорожиться, господинъ учитель полтораста рублей деньгами, столъ со мной на двѣ зимы. Хребтовая покрытая вишневымъ сукномъ кирѣйка, а лѣто сѣро-нѣмецкая шинель, шесть паръ шелковыхъ чулокъ, трое шитыхъ манжетъ, въ именины мои штатскую парочку, а въ женины другую, полфунта чаю, да 5 ф. сахару на мѣсяцъ, для бѣлы наше мыло, а твоя плата. На день двѣ яндовы пивка, да стклянка французской водки; клюквеннымъ сокомъ хоть облейся". „Коли есть какая рухлядь, вели переносить Мирошкѣ,—отведи его милости камеру, что возлѣ предбанника" (*Н. Эминъ. Игра судьбы, 89—920*).

Ученіе шло вкось и вкривь, такъ какъ мать стала мѣшать наукамъ, она говорила:

„вѣдь я не мачиха, а мать родная; какъ станешь втемяшивать грамоту безъ милосердія, такъ вотъ Богъ, а вотъ двери (ibid).

Особенно часто обращались русскіе романисты къ изображенію жизни купеческой „дѣвушки" и „жены".

Вотъ, напримѣръ, одна разсказываетъ о своемъ дѣвичествѣ.

„воспитаніе было обыкновенное—русское: самъ отецъ мой училъ меня грамотѣ и писать. Первое его наставленіе было любовь Бога и сію любовь оказы-

вать къ нему, благодаря его влеченію за блага, ниспосылаемыя имъ за вѣру, ходить въ церковь въ праздничные дни и молиться усердно, любить всякаго человѣка и помогать требующему помощь, почитать родителей, слушая ихъ совѣтовъ" (*Несчастная Маргарита*, *22—23*).

Развлеченія дѣвушки были несложны и немногочисленны:

„... забавлялъ меня рисуночекъ, вышитый хорошо узоръ, прекрасное кружево, съ коихъ образцы доставалъ мнѣ часто отецъ и, по большей части, заморскіе; подружка, приходящая посидѣть ко мнѣ, укорочала часы работы моей; невинная сказочка, быль, старинка, приключеніе заставляло мое легкомысліе смѣяться, или рыдать чувствительность мою (ibid, 26).

„... обыкновенное упражненіе городскихъ дѣвушекъ плесть кружево и вышивать шелкомъ и золотомъ" (ibid, 24).

Но кромѣ такихъ мирныхъ картинокъ, встрѣчаемъ мы на страницахъ романовъ и другія. Такъ, въ одномъ романѣ мы знакомимся съ дѣвушкой, дочерью купеческой вдовы, ведущей вольную жизнь; дѣвушка сама втягивается въ такую жизнь. Старухи-няньки часто выступаютъ въ роли сводницъ, иногда за деньги продающихъ своихъ воспитанницъ.

„будучи въ дѣвушкахъ каждую ночь отъ сидѣльца была утѣшаема" (*Похожд. Ивана*, *162*).

Впрочемъ, таковъ былъ приблизительно конецъ и той героини, которая въ дѣвичествѣ вела тихую жизнь за пяльцами да кружевами (*Несчастная Маргарита*).

Жизнь замужемъ въ купеческомъ домѣ была, повидимому, гораздо разнообразнѣе и свободнѣе, чѣмъ жизнь дѣвушки. По крайней мѣрѣ, очень часто русскіе романисты говорятъ намъ о любовныхъ похожденіяхъ купчихъ, о ихъ пьянствѣ, о ихъ постоянныхъ сношеніяхъ со старухами-сводницами, которыя подыскивали имъ „красавцевъ" („*Пересмѣшникъ*" IV, 215).

Одна такая купчиха любовнику своему разсказываетъ, какъ, выданная замужъ противъ воли, она стала пьянствовать:

„Какъ-то у нашихъ сестеръ изстари введено въ обыкновеніе... Какъ скоро мужья торговать или за какими нуждами со двора сходить должны, то жены принимаются за вкусный завтракъ—селянку съ ветчиною, а потомъ и за браги, и такъ криводушники мужья въ лавкахъ торгуютъ, а жены ихъ за брагою сильно горюютъ... Я съ терзаемой меня печали и досады ни одинъ день не была трезвою,—научилась отъ добрыхъ сосѣдокъ, таковыхъ не имѣющихъ, старыхъ и не милыхъ мужей" (*Похожденія Ивана*, *27—8*).

Старуха познакомила одного героя съ такою же скучающей купчихой

„Онъ не обращался еще съ купеческими женами, у которыхъ не только обхожденіе, но и любовныя дѣла называются инаково: они никогда не говорятъ, что женщина такая-то любитъ своего сидѣльца, а всегда такъ: „она, сударыня,

пускаетъ амуры со своимъ сидѣльцемъ". Герой „въ одну минуту" выучилъ купеческую нумерацію (*Пересмѣшникъ, IV, 217*).

Очень любопытно въ бытовомъ отношеніи описаніе праздничнаго наряда купеческой жены:

„... прежде принималась она за свою голову, обертывала ее какою-то онучею очень крѣпко, потомъ на оную привязывала картузный листъ бумаги, сверхъ котораго обвязывала голову платками, коихъ въ одно время насчиталъ я до осьми. Все сіе объявленное дѣлала она вотъ для чего: онуча ей служила фундаментомъ, или укрѣпленіемъ ея головы, картузную бумагу привязывала для того, чтобъ по ней глаже платки повязать можно было, такъ и для высоты ея чалмы. Множество сіе платковъ, сказывала, для того, чтобъ пышнѣе голова казалась. Повязавъ голову, или убравъ ее, вынимала изъ сундука склянку, въ коей бѣлое, на подобіе известки, смѣшанной съ водой, налито было, и сіе называла она умываньемъ, которымъ умывала, или, лучше сказать, пачкала свою рожу, потомъ брала другой пузырекъ, въ коемъ находился въ винѣ настоенный сандалъ, коимъ разрисовывала щеки; брови жъ сурмила съ обожженной сальной свѣчки свѣтильней" (*Зубоскалъ, 22*).

Очень характерно любовное письмо купца, рисующее и языкъ и складъ мыслей этого сословія. Онъ—„раскольникъ, вдовецъ, по лѣтамъ дѣдушка" пишетъ „къ молодой" богатой щеголихѣ, купецкой дочери дѣвицѣ, что она ему люба и непостыла и чтобъ съ нимъ въ законное супружество вступила.

„Почтенная госпожа дѣвица!

„Въ милости Божіей волѣ великаго благополучія охотно желаю и земно кланяюсь. Хотя съ вами случаевъ быть и не имѣлось, но въ разсужденіи пріязни покойнаго родителя вашего, а моего милостивца, и всѣхъ вашихъ любезныхъ свойственниковъ и родственниковъ... беретъ смѣлость спросить, не выйдетъ ли она замужъ за него".

Въ первой „припискѣ" къ письму разсказъ о торговыхъ дѣлахъ, который велъ самъ съ десяти лѣтъ еще при жизни отца

„по кончинѣ же родителя своего имѣлъ я не малыя поставки провіанту въ разныя мѣста, такожъ съ прошлаго 1777 года числятся за мною отпуски пеньки, масла и другихъ товаровъ моимъ пріятелямъ за море, въ Любекъ, въ Ганбургъ, въ Англію и въ Галандію и нонича, дай Богъ здоровья, посильную партію отпустилъ".

2-ая приписка:

„за выписаннымъ же хочу вамъ объявить, какъ слышу, что ваше намѣренье состоитъ за дворянина иттить. А на сіе вамъ скажу, что въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ какъ случай мнѣ привелъ въ домѣ быть дядюшки вашего Елизара Панкратьича, то тѣмъ временемъ до пріѣзда моего пріѣхалъ подполковникъ, и дядюшка былъ въ городѣ, и тому офицеру, по приказу его, отказано, а какъ же про меня доложили, то въ скорости самъ пришелъ и меня благодарилъ, потомъ чаемъ, кофіемъ поилъ, а послѣ того и обѣдали".

Онъ разсказываетъ ей о томъ, какъ неуважительно отзывается о дворянахъ, какъ онъ противъ того, чтобы купцы отдавали дочерей

за дворянъ, которымъ надо лишь денегъ; онъ разсказываетъ и о невыгодахъ жить за военнымъ и штатскимъ. Разсказываетъ о петиметрахъ,

„... а наиболѣе которые ногами петиметры шаркаютъ, въ карты играютъ, зайцевъ гоняютъ и во всемъ мотаютъ (*Любовники и супруги, 230—7*).

Затѣмъ онъ восхваляетъ купечество:

„спокойству и честности купеческой чево еще лучше? весь свѣтъ завидуетъ. Первое, что воля, куда изволишь во всей Россіи для дѣлъ и безъ дѣлъ гулять, ко двору пріѣздъ имѣть, а на маскарады, и въ кіятръ лишь бы охота была; золото же и въ грязи знать. У министровъ всякаго примутъ съ отмѣнною честью, такъ же въ сады, въ Царское Село и Петергофъ, а чтобъ вообразить было можно, то вездѣ вольно компанію имѣть и въ компаніи быть, время жъ есть въ церковь и книгъ житія святыхъ отецъ и гисторей честь, и потомъ, безъ дальнѣйшаго труда покой имѣть. И тако, слава Богу, у нашей братьи купцовъ идетъ все на ладъ; каретъ здѣсь много нѣмецкихъ и французскихъ,—какую повелите, такую съ помощью Божьей имѣть можете, домовъ довольно, а дѣвицею тебѣ, право, жить полно. Тетушка ваша, дай Богъ ей здравствовать, Василиса Панкратьевна, сказывала, что вамъ уже двадесять шестый годикъ. Сожалѣть достойно, чтобы свою жизнь столько изнурять. Еще до сего времени какая въ жизни радость замыкается, не знаете, а какъ Богъ судитъ сочетаться, то о прожитыхъ дняхъ много тужить станете; а по закону велѣно жениться пятьнадесяти, а брать дванадесяти лѣтъ. Такъ уже время давно минуло. Сожалѣю о твоемъ одиночествѣ“.

Онъ говоритъ о ея сиротствѣ, говоритъ о томъ, что онъ уже шесть лѣтъ бургомистромъ; кончаетъ цитатами изъ Евангелія: „всякое древо, не творящее три лѣта плода, посѣкается и во огнь вметаемо бываетъ“ (ibid., 237).

Въ романахъ можно найти разбросанными живыя сценки изъ жизни купечества. Привожу, какъ примѣръ, „питье чая“,—купецъ пьетъ чай втроемъ, съ женой и шестилѣтнимъ сыномъ:

„по три самовара, приговаривая сыну: пей, душенька, больше, эта трава здорова пить по утру“ (*Зубоскалъ, 21*).

Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ мелькомъ рисуется жизнь студенчества. Передъ нами проходитъ нѣсколько образовъ, очень различныхъ: богатые дворянчики и бѣдняки полуголодные семинаристы вели жизнь конечно различную; ихъ горести и развлеченія изображаются не разъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Вотъ передъ нами богатый дворянчикъ, студентъ Московскаго университета.

Евгенія отдали въ Университетъ. Онъ прогуливалъ часто лекціи, бывши же на оныхъ, занимался облокотившись или сномъ или разговоромъ со своими сосѣдями или вырѣзываніемъ на лавкѣ своего имени. Товарищи его, которымъ онъ доставлялъ увеселеніе въ домахъ, гдѣ торгуютъ напитками и женскими прелестями, дѣлали по дружбѣ вмѣсто его задачи, ему даванныя. Вопрошенный же въ классѣ наставникомъ, испытующимъ его память, повторялъ громко слова, произносимыя ему тихо услужливыми его пріятелями, или хранилъ молчаніе

всегдашній признакъ знанія (40), чрезъ бѣдныхъ и незнатныхъ, тѣ отплачивали за его глупую надменность кличками и прозвищами „какъ учащіеся молодые люди, будучи склонны къ насмѣшкамъ и отмщенію, надавали ему за сіе множество прилагательныхъ именъ, писали сіе въ его собственномъ классѣ на стѣнахъ, на лавкахъ, и даже у него на книгахъ (*Евгеній*, *46*).

Совсѣмъ другое обличье имѣлъ студентъ бѣдный.

„И то такіе, которые были одного тисненія съ Неохомъ и жили по-братски; ночью были раздѣты, а днемъ всѣ пятеро одѣвались въ два поношенныхъ кафтана, „которые служили имъ по жеребью“ (*Пересмѣшникъ*, *156*).

За то они были охотники до различныхъ приключеній. „Нѣтъ на свѣтѣ твари отважнѣе студента“, — восклицаетъ Чулковъ (ibid., 152).

Развлеченія они себѣ позволяли шумныя и дешевыя: пьянство, разгулъ разнообразили, время отъ времени, ихъ голодное существованіе.

Неохъ тогда пригласилъ ихъ къ столу, гдѣ были и „дамы“. 162. Веселились. Неохъ „зная очень хорошо русское обыкновеніе, что хозяину прежде всѣхъ надлежитъ быть пьяному, а безъ того гости веселы быть не могутъ“. „Пьяный Бахусъ и зардѣвшаяся Венера“ (ibid., 162).

„Тотчасъ заревѣла нескладно построенная музыка... женщины ступали важно и замысловато, дѣлали пріятные виды и ужимки, а мущины наталкивались лбами на стулья своихъ красавицъ“. Они предложили пьянымъ кавалерамъ, чтобы начать прыгать голубца: тотчасъ всѣ согласились и начали поднимать ноги. Очень скоро въ одномъ углу что-то стукнуло, и это веселый вспрыгнулъ не кстати высоко и ударился затылкомъ объ стѣну; потомъ въ другомъ углу двое какъ-то ненарокомъ столкнулись лбами и раскроили себѣ головы“, ихъ растащили по кроватямъ (ibid., 163).

Все торжество было устроено на деньги, полученныя героемъ повѣсти за одно амурное похожденіе. За это же получилъ онъ и золотую табакерку, которую, однако, во время студенческаго пира постигло несчастье.

„Золотая табакерка во все это время переходила изъ рукъ въ руки; иной хвалилъ ее самое, другой выхвалялъ искусство мастера, третій благодарилъ того, кто ее подарилъ Неоху и такъ далѣе. Наконецъ замѣшалась она во множествѣ пальцевъ и отъ потныхъ рукъ такъ много потускла, что послѣ ея уже и видѣть было невозможно. Такимъ образомъ, скончала она пребываніе свое и Неоха“ (ibid., 181).

Литературные интересы и занятія русскаго общества выражались въ тѣхъ повѣстяхъ, въ которыхъ выводились или писатели, или изображались литературные салоны, или просто приводилась болтовня на литературныя темы.

Привожу для примѣра описаніе того, что происходило въ какомъ-то провинціальномъ кружкѣ любителей литературы.

Описаніе засѣданія ученаго литературнаго общества:

„Засѣданіе началось. Говорили объ ученыхъ истекающаго столѣтія, сравнивали ихъ съ стариками, въ дубовыхъ вѣнкахъ Гомеръ, Виргилій, писатель Генріады, Пиндаръ, Клопштокъ нѣмецкій, Клопштокъ Россійскій безпрестанно леталъ изъ устъ въ другія. О! есть ли бы сіи критики были столько знакомы съ этими поэтами въ самомъ дѣлѣ, какъ они казались таковыми!—какъ они довольны были, что могли разсуждать долгое время за однимъ духомъ о предметахъ всему свѣту извѣстныхъ! Фразы оттачиваемы были самымъ щегольскимъ образомъ о всемъ, что до нихъ сказано, примѣчено. Казалось, все въ устахъ ихъ или низвергалось въ мрачнѣйшую бездну презрѣнія, или возвышалось до возможнаго величія, всякое выраженіе замѣчено было рукоплесканіями, либо освистано было, какъ бываетъ въ большихъ публичныхъ зрѣлищахъ. Но вдругъ все утихло. Буало увидѣлъ на столѣ Виландову Музаріонъ"—важно изрекъ bon mot, встрѣченъ одобрительно, „но авторъ уловилъ его, указавъ, что это bon mot не ему принадлежитъ (*Филонъ, 139*).

Къ сожалѣнію

„въ этомъ собраніи имѣла мѣсто пронырливая зависть, лютая ненависть и огнедышащая злоба" (*Гонимая невинность, 29*).

Любопытно, что рядомъ съ вполнѣ опредѣленнымъ преклоненіемъ передъ французской литературой, что выясняется изъ общаго преклоненія передъ Вольтеромъ („Pucelle", „Henriade") (Евгеній 56), Корнелемъ и Рассиномъ, встрѣчаемъ мы въ русскомъ обществѣ поклонниковъ молодой русской поэзіи, — вотъ, напримѣръ, отзывъ о русскихъ писателяхъ XVIII-го столѣтія.

„благодаря восемнадцатому столѣтію мы имѣемъ у себя довольно великихъ умовъ, у насъ есть свои Гомеры, Гораціи, Теокриты, Еврипиды... что великолѣпнѣе картины Бога, продолжалъ онъ, подъ пламеннымъ перомъ Россіянина! Россіяда не то же ли, что Виргиліева Енеида и Вольтерова Генріада? Знакомъ даже съ произведеніями нѣжныхъ моихъ соотечественниковъ,—я въ нихъ люблю человѣка, люблю ихъ чувствительность, ихъ невинность. Я даже не нахожу таковой невинности въ древнихъ грекахъ; часто я бросаю Теокрита на серединѣ, Анакреона на первой строкѣ пьесы, а Россійскихъ Теокритовъ и Анакреоновъ читаю до конца" (*Филонъ, 232*).

Въ тогдашнемъ обществѣ поэтъ-стихотворецъ занялъ почетное мѣсто: онъ украшалъ собою „салоны". Правда, въ этихъ „поэтахъ" было много комичнаго,—оттого надъ ними охотно потѣшаются русскіе романисты. Вотъ, напримѣръ, описаніе одного литературнаго „салона", съ участіемъ „поэта"

„по серединѣ сидѣлъ малороссійскій стихотворецъ и прокрикивалъ стихи изъ сочиненной имъ трагедіи; потъ валилъ съ него, какъ градъ (*Пригожая повариха, 84*).

... вошелъ одинъ, у котораго на лицѣ даже написано было, что онъ изъ ученыхъ. Это Буало здѣшняго округа! украдкою сказалъ мнѣ сосѣдъ (*Филонъ, 157*);

Къ сожалѣнію, изъ нѣкоторыхъ повѣстей видно, что эти доморощенные Буало занимались тѣмъ, что

„разсѣивали въ обществѣ ругательныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ" (*Несчастный Никаноръ*), 31).

Впрочемъ, большинство занималось творчествомъ самымъ выгоднымъ—сочиненіемъ „хвалебныхъ одъ". Такъ, одинъ поэтъ заявилъ, что упражняется въ самолучшемъ родѣ сочиненій.

„Лучшій родъ стихотворенія есть похвальный. Я пишу похвальныя оды, эпистолы, эпитафіи, эпиталамы, мадригалы и всякіе поздравительные стихи" (*Евгеній, 53*).

Что хвалебныя оды — „лучшій родъ стихотворчества", онъ доказывалъ тѣмъ, что показывалъ табакерку, часы и перстень—полученные за сочиненныя оды (ibid., 53).

Кромѣ настоящихъ литераторовъ попадаютъ на страницы русскихъ повѣстей и „домашніе поэты", сочиняющіе пѣсенки и стишки для потѣхи хозяевъ. Таковъ, напримѣръ, Никаноръ, отъ котораго остались нѣкоторые „поэтическіе курьезы", напримѣръ, его сатира на подъячихъ.

„Знать, въ деревню пріѣхалъ подъячій,
Голосъ слышенъ далече собачій!
Чу! еще и свищутъ,
Знать, старосты ищутъ!" (*Несч. Никаноръ, 152*).

Вотъ, напримѣръ, веселая пѣсенка, посвященная барину, который увлекался дворовыми дѣвушками:

„Хлебаю похлебочку безъ всякихъ приправъ,
Люблю подлу дѣвочку за хорошій нравъ...
Отворися счастье, открой къ любви путь:
Мнѣ подлая дѣвочка расшибла всю грудь" (ibid., 169—170).

Тѣмъ же Никаноромъ сочинена эпитафія на могилу „милостивца".

Пещера пропасти раскрылась
И потопила розовъ кустъ,
Печально грудь моя пронзилась,
Михайла! охъ! оставилъ свѣтъ. (ibid., 54).

(Окончаніе слѣдуетъ).

Историческія замѣтки.

Екатерина Медичи и реформація во Франціи [1]).

I.

Мнѣнія историковъ и романистовъ о Екатеринѣ Медичи.—Ея истинный характеръ.—Ея свадьба и отношенія къ Генриху II.—Непопулярность брака.—Герцогиня д'Этампъ.— Слухъ о разводѣ.

Эпоха Екатерины Медичи одна изъ наиболѣе мрачныхъ въ исторіи Франціи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что личность Екатерины впослѣдствіи стала отождествляться со всѣми ужасами и религіозными гоненіями, ознаменовавшими регентство этой королевы. Всѣ злодѣянія того періода приписывались ей одной, тогда какъ въ дѣйствительности она была только наиболѣе полной выразительницей своего вѣка.

Если Маргариту Ангулемскую, сестру короля Франциска, эту королеву-поэтессу, преданную философіи, эстетикѣ, мистицизму, можно было назвать самой яркой представительницей расцвѣта ренессанса, то послѣдовавшій затѣмъ періодъ декаданса нашелъ свою представительницу въ лицѣ черствой и циничной политической интриганки регентши Екатерины Медичи.

Дочь бурбонской принцессы и вырождающагося принца изъ дома Медичи, племянница Льва X, этого типичнаго папы временъ ренессанса, полу-француженка, полу-итальянка, Екатерина отъ природы и по воспитанію получила уже всѣ данныя, чтобы сдѣлаться полнѣйшимъ цинbackомъ. Въ прежнее время ее представляли какой-то мелодраматической злодѣйкой, окруженной астрологами, хранящей въ потайныхъ шкафахъ флаконы съ ядами, во всякомъ случаѣ загадочной

[1]) Біографіи столь извѣстной Катерины Медичи до такой степени разнообразны и часто пристрастны, что за ними скрывается ея настоящій обликъ. Это побудило Edith Sichel'я издать въ 1905 году свой трудъ Catherine Medici and the French reformation, изъ котораго мы и сдѣлали настоящее извлеченіе.

натурой, чему не мало способствовали Дюма и даже Мишлэ въ тѣ времена, когда исторія была еще искусствомъ, а не наукой. Въ наши дни наука безпощадно истребляетъ породу историческихъ злодѣевъ, замѣняя ихъ жертвами уродливыхъ государственныхъ условій, но истина, быть можетъ, находится между этими двумя крайностями. Разсказы о таинственныхъ хранилищахъ ядовъ въ Блуа, какъ теперь съ достовѣрностью выяснилось, сущія сказки. Какъ нерѣдко случается, на Екатерину пала отвѣтственность за преступленія, совершенныя менѣе извѣстными ея современниками. Но Екатерина была, быть можетъ, тѣмъ и страшна, что у нея совершенно отсутствовали всякія нравственныя побужденія. Ея безразличіе, доходящее до цинизма, составляло огромную несокрушимую силу. Практическую изворотливость ума она довела до высшаго предѣла и видѣла вещи такими, какими онѣ есть, а не такими, какими должны быть. Самымъ строгимъ приговоромъ для ея нравственнаго безразличія можетъ служить отзывъ, сдѣланный о ней испанскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ Варѳоломеевской ночи, онъ писалъ о ней: „она какъ-будто помолодѣла на десять лѣтъ“.

Но при этомъ замѣчательно, что репутація Екатерины, какъ женщины, осталась почти незапятнанной. Приписываемая ей ея современниками связь съ герцогомъ Франсуа-де-Гизомъ оказалась злостной выдумкой ея недоброжелателей. Вообще, Екатерина была самой респектабельной, злой особой, извѣстной въ исторіи. Но ея добродѣтельное поведеніе происходило отнюдь не отъ строгости принциповъ, такъ какъ она нисколько не стѣснялась устраивать для своихъ придворныхъ красавицъ, такъ называемаго „летучаго эскадрона“, связи ради политическихъ выгодъ. Ея же собственная неуязвимость въ этомъ направленіи доказываетъ только, что она не была рабой своихъ низменныхъ инстинктовъ. Приличія и этикетъ были поставлены на первомъ планѣ въ ея жизни; къ тому же она отличалась поразительнымъ самообладаніемъ, которое проявляла въ продолженіе долголѣтняго соперничества съ Діаной-де-Пуатье. По истинѣ можно удивляться, какъ долго она могла сдерживать свои чувства, выказывать дружбу къ фавориткѣ мужа, таиться и молчать, и какъ она вдругъ выпустила когти, когда настадъ моментъ ея власти и она могла отомстить. Но тамъ, гдѣ ее не связывали ни интересы, ни этикетъ, она давала просторъ самымъ бурнымъ и грубымъ проявленіямъ гнѣва и злобы. Ея дѣти нерѣдко испытывали на себѣ грубость этихъ вспышекъ; даже бойкая принцесса Марго не могла безъ ужаса вспоминать впослѣдствіи объ этихъ сценахъ. „Она неистовствовала въ гнѣвѣ“,— писала она о своей матери — „и говорила такія вещи, какія только бѣшеная ярость можетъ вызвать на уста“. Но достаточно было раз-

даться вдали шагамъ какого-либо придворнаго, чтобы она тотчасъ овладѣвала собой и приняла свой обычный величаво-спокойный королевскій видъ. Только зная всю бездну злобы въ ея натурѣ, можно понять, какую силу она должна была употреблять, чтобы властвовать надъ собой. Принцесса Марго, на слова которой можно положиться, пишетъ далѣе: „Она, которую никогда не покидала осторожность, которая управляла своими дѣйствіями, согласно со своими желаніями, вполнѣ доказала, что осмотрительный человѣкъ не дѣлаетъ ничего такого, чего не желаетъ дѣлать".

Единственное сильное чувство, руководившее какъ въ частной, такъ и въ государственной дѣятельности, было ненасытное честолюбіе. Венеціанскій посланникъ въ своемъ донесеніи о ней своему правительству пишетъ, что она подчиняется одному только могущественнѣйшему чувству: „un affetto potentissimo... un affeto di signoreggiare"; т. е. желанію властвовать, царствовать. Только одно это чувство наполняло страшную пустоту, образовавшуюся въ ея душѣ вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо побужденій. Ему она приносила въ жертву и друзей, и недруговъ, и даже родныхъ дѣтей. Все мрачное, преступное и низкое, совершенное ею, можетъ быть, приписано, главнымъ образомъ, этому чувству.

Что же касается Варѳоломеевской ночи, то идея избіенія, самая отвратительная изъ когда-либо возникавшихъ у женщины, и безспорно зародившаяся первоначально въ умѣ Екатерины Медичи, была внушена ей только страхомъ и ея политической близорукостью. Она сдѣлала ошибку, вполнѣ ей свойственную. Когда вліяніе и власть Колиньи стали угрожать ея собственному положенію, для нея сдѣлалось необходимымъ устранить его. Гизы готовы были съ радостью помочь ей въ жизни, но когда имъ не удалось убить Колиньи, когда распространился слухъ, что гугеноты, возмущенные покушеніемъ на ихъ предводителя, затѣваютъ быстрое и рѣшительное мщеніе, ею овладѣла паника. Она почувствовала, что должна фактически имъ противодѣйствовать, и въ результатѣ было избіеніе. Во всякомъ случаѣ Варѳоломеевская ночь не была слѣдствіемъ спокойно и хладнокровно обдуманнаго плана, такъ какъ сама Екатерина всего болѣе желала мира и всячески добивалась его, а потому при спокойномъ размышленіи она отвергла бы мысль о массовомъ избіеніи, какъ совершенно недѣйствительную мѣру.

О Екатеринѣ Медичи установилось еще одно ложное представленіе. Ее считаютъ хорошей матерью. Но едва-ли это было въ дѣйствительности. Если она горячо боролась за интересы дѣтей, то вѣдь этимъ путемъ она отстаивала и свои собственные. Правда, когда дѣти были малы, она окружала ихъ самымъ заботливымъ уходомъ, заботи-

лась о нихъ, учила ихъ, вникала во все, что ихъ касалось, но это было до тѣхъ поръ, пока они не могли ей противорѣчить. Но какъ только они начинали проявлять свою волю, дѣло рѣзко измѣнялось. Бѣдной принцессѣ Марго приходилось переносить очень тяжелыя сцены и даже побои. Слабаго и безхарактернаго Франциска II она совершенно подчинила своей волѣ; такъ что онъ даже готовъ былъ отказаться отъ короны въ ея пользу. Карлъ IX, столь же слабохарактерный, но съ нѣкоторыми вспышками бурнаго протеста, какъ это нерѣдко случается у безхарактерныхъ людей, былъ предметомъ ея презрѣнія и даже, какъ говорили, непріязни. Ея любимцемъ былъ самый младшій ея сынъ, Генрихъ, впослѣдствіи Генрихъ III, прелестный мальчикъ, съ красивыми руками, но умственно дегенератъ. Однако, когда онъ, вступивъ на престолъ, осмѣлился проявить свою волю и поставить въ опасность власть матери, Екатерина не постѣснялась оставить его и даже перейти на сторону его враговъ. Нѣсколько болѣе материнское чувство она питала къ старшей своей дочери, Елизаветѣ, выданной за испанскаго короля, Филиппа II, и очень рано умершей. Письма къ этой дочери дышатъ неподдѣльной теплотой, и во всей массѣ сухихъ документовъ, оставшихся послѣ Екатерины, единственнымъ теплымъ и жизнерадостнымъ лучемъ было письмо, написанное ею при отправкѣ двухъ роскошныхъ куколъ маленькимъ испанскимъ инфантамъ, ея внукамъ. Ея дѣти, съ своей стороны, относились къ ней съ восторженнымъ почтеніемъ, но они были слишкомъ запуганы, чтобы удѣлить ей мѣсто въ ихъ сердцахъ.

Помимо тщеславія и своекорыстія въ загадочной натурѣ Екатерины безспорно было одно чувство глубокое и сильное, таившееся, какъ какое-то незримое въ глубинѣ морской теченіе. Это чувство была любовь къ мужу, со стороны котораго она никогда не пользовалась взаимностью. Обстоятельство, на которое почти не обращается вниманіе, или вѣрнѣе, которое почти совершенно стушевывается передъ всеобщимъ интересомъ къ романической привязанности Генриха II къ Діанѣ де-Пуатье. Екатерина же, „скупая на жалобы“, съ достоинствомъ скрывала свою сердечную неудачу. Она никогда не упрекала мужа и всегда съ большимъ тактомъ и безкорыстной преданностью поддерживала его престижъ. Быть можетъ, въ этомъ особенно сказывалась ея натура примитивной женщины, обожающей своего повелителя. Генрихъ возбуждалъ въ ней даже страхъ; въ его присутствіи она становилась неловкой и молчаливой, чѣмъ, по всей вѣроятности, и отталкивала отъ себя отъ природы молчаливаго короля. Многое въ жизни Екатерины объясняется этой глубокой безмолвной привязанностью. Благодаря ей, она никогда не протестовала противъ его распоряженій, даже тогда, когда они были явно унизительными для нея, и если бы

не эта привязанность, она, конечно, не стала бы ожидать смерти короля, чтобы удалить Діану де-Пуатье.

Много лѣтъ спустя, будучи уже вдовою, она лишь однажды намекнула своему единственному другу и повѣренной, своей дочери Елизаветѣ, о своихъ неудачахъ въ семейной жизни.

„Только одну печаль имѣла я въ жизни, а именно, я никогда не была любима такъ, какъ я хотѣла бы быть любимой королемъ, вашимъ отцомъ, который, однако, почиталъ меня, безъ сомнѣнія, превыше моихъ достоинствъ",—писала она.

Ея завѣтное желаніе никогда не осуществилось, она не могла завладѣть сердцемъ супруга, даже самымъ маленькимъ уголкомъ его. Но, послѣ ея дипломатическаго успѣха въ Парижѣ, въ то время, когда онъ потерпѣлъ пораженіе при Сенъ-Кентинѣ, и она съ большимъ трудомъ добилась отъ народныхъ представителей новыхъ военныхъ кредитовъ, онъ сталъ относиться къ ней съ большимъ уваженіемъ. Однако, по характеру его награды, мы можемъ судить, какъ велика была степень пренебреженія; дѣло въ томъ, что съ этого времени онъ принялъ за правило заходить послѣ обѣда на одинъ часъ въ покои королевы, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же удаляться въ общество Діаны де-Пуатье. До этого времени Екатерина, повидимому, даже рѣдко его видѣла.

Екатерина-Марія-Ромола Медичи родилась въ 1519 году. Ей дано было имя Ромола,—очень распространенное во Флоренціи,—въ честь ея двоюроднаго дѣда, папы Льва X изъ рода Медичи.

Въ 1531 году окончились переговоры Климента VII съ Франціею о бракѣ Генриха II съ Екатериною Медичи, и дѣло было совсѣмъ улажено.

Почувствовавъ себя обезпеченнымъ съ этой стороны, Климентъ VII началъ торговаться насчетъ приданаго, и затрудненія, вызванныя имъ, оттянули свадьбу еще на два года. Папа не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія тратить личныя средства на приданое родственницы, и Римъ, къ еще большему своему обѣднѣнію, былъ вынужденъ доставить приданое, деньги, свадебные подарки и даже заплатить за путевые расходы. Въ числѣ драгоцѣнностей, поднесенныхъ городомъ Римомъ Екатеринѣ, находилось знаменитое жемчужное ожерелье, изумительной красоты, и стоившее цѣлое состояніе. Это ожерелье перешло впослѣдствіи къ слѣдующей наслѣдной принцессѣ, а именно, къ Маріи Стюартъ, увезшей его въ Шотландію; въ концѣ-концовъ, это ожерелье было взято, безъ всякихъ разговоровъ, королевой Елизаветой англійской. Наряды невѣсты представляли предметъ разговоровъ всей Италіи. Вообще, свадебный поѣздъ Екатерины Медичи былъ обставленъ чрезвычайной роскошью. Климентъ VII самъ сопровождалъ ее въ Марсель, гдѣ должна была произойти встрѣча съ

поѣздомъ жениха, котораго сопровождалъ отецъ и весь Парижскій дворъ. По брачному контракту, подписанному въ Марсели, Франція обязывалась уплатить огромную сумму за Екатерину, а Климентъ VII обѣщалъ дать за ней въ приданое тридцать тысячъ червонцевъ, но эта сумма не была выплачена полностью, и вообще предполагаютъ, что папа не исполнилъ своихъ обязательствъ передъ Франціей.

Зато въ смыслѣ блеска и роскоши ничто не могло сравниться со свадебными торжествами въ Марсели. Но, странное дѣло, казалось, что на этой свадьбѣ главная роль принадлежала не молодому новобрачному,—тогда еще едва вышедшему изъ отрочества,—но его отцу, королю Франциску I, и старшему родственнику новобрачной, папѣ Клименту VII. Хитрый монархъ и ловкій прелатъ, обмѣниваясь церемонными любезностями на этихъ пышныхъ празднествахъ, въ то же время какъ-будто зондировали глубину интригъ одинъ другаго. Папа старался вырвать у короля обѣщаніе на новый крестовый походъ противъ турокъ; король же пытался проникнуть въ истинные замыслы папы по отношенію къ европейскимъ державамъ.

Но празднества, наконецъ, кончились; папа уѣхалъ, и для Екатерины началась новая жизнь въ замужествѣ. Для пятнадцатилѣтней новобрачной, повидимому, тотчасъ же начались горькія разочарованія. Она не могла не замѣтить, что явилась вовсе не желанной женой для угрюмаго, молчаливаго юноши, который вовсе съ ней не говорилъ, впрочемъ, какъ и вообще онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ. О первыхъ годахъ ихъ супружеской жизни извѣстно чрезвычайно мало, по всей вѣроятности, потому, что и знать было нечего. Впрочемъ, у нихъ почти не было отдѣльнаго, самостоятельнаго образа жизни, а приходилось жить общей шумной, безалаберной придворной жизнью. Екатерина могла бы утѣшиться въ неудачахъ семейной жизни, если бы, по крайней мѣрѣ, французскій народъ встрѣтилъ ее болѣе сочувственно. Но бракъ этотъ былъ очень непопуляренъ. Парижане были недовольны огромными расходами, сопряженными съ этой свадьбой, и отнеслись чрезвычайно холодно къ новобрачной принцессѣ; ея пріѣздъ состоялся безъ всякихъ народныхъ привѣтствій. Для всей же страны, вообще, она была „флорентинкой",—чѣмъ по преимуществу возбуждала непріязнь и подозрительность. Ее не безъ основанія обвиняли, что она потащитъ за собой итальянцевъ, которые сядутъ на шею французамъ, къ тому же и скаредный образъ дѣйствій папы Климента при уплатѣ ея приданаго, конечно, не могъ располагать къ ней сердца французовъ. Спустя два года, послѣ свадьбы, венеціанскій посланникъ писалъ, что бракъ по-прежнему непопуляренъ и только покорность Екатерины дѣлаетъ ея положеніе хотя нѣсколько сноснымъ.

Но даже для нея появленіе при французскомъ дворѣ могло показаться рискованнымъ, вотъ почему она еще изъ Италіи писала Франциску I, прося прислать ей въ Марсель хорошаго учителя танцевъ для того, чтобы она не показалась слишкомъ неловкой французскимъ дамамъ. Опасенія ея не были преувеличены. Дѣло въ томъ, что эти строгія особы уже завидовали вліянію, которое она могла имѣть на короля, и только тогда нѣсколько успокоились, когда увидѣли ея портретъ. Ея одутловатыя щеки и тусклые глаза разсѣяли ихъ опасенія.

Изъ штата новыхъ своихъ приближенныхъ дамъ Екатерина особенно подружилась съ m-lle д'Ейлли, вскорѣ сдѣлавшейся герцогиней д'Этампъ и прославившейся въ качествѣ метрессы короля. Вообще, штатъ Екатерины состоялъ изъ молодыхъ и блестящихъ придворныхъ красавицъ, что́ было даже нѣсколько рискованно для молодой пятнадцатилѣтней принцессы. Но, къ счастью, ее взяла подъ свое покровительство сестра короля, Маргарита Ангулемская, королева Наварры. Екатерина сумѣла вкрасться въ довѣріе и расположеніе этой чрезвычайно доброй и вліятельной женщины. Со времени пріѣзда во Францію она приняла роль смиренной, беззащитной дѣвочки и наградой ея была неизмѣнная дружба Маргариты, которая всегда старалась замолвить за нее словечко передъ королемъ. Впрочемъ, это едва-ли было ей нужно, такъ какъ король самъ сразу ободрилъ ее. Съ того времени, какъ онъ встрѣтилъ ее въ Марсели и вплоть до его смерти, она всегда была въ его компаніи. На охотахъ въ Фонтенебло, пришпоривъ свою лошадь, она обыкновенно ѣхала рядомъ съ нимъ и была его излюбленнымъ товарищемъ въ смѣлыхъ охотничьихъ подвигахъ, и онъ любилъ ея отвагу такъ же, какъ и ея разговоръ. Ему нравились ея быстрая сообразительность, острый язычекъ и тонкая наблюдательность. Онъ любилъ слѣдить за модой, и Екатерина выучилась даже по-гречески, чтобы не отстать отъ моды и угодить ему. Вотъ почему король не замедлилъ включить ее въ свой маленькій отрядъ,—группу прелестныхъ блондинокъ и брюнетокъ, которыя слѣдовали за нимъ на охоты, обѣдали за его столомъ, задавали ему незамысловатыя загадки и вообще развлекали и молодили его. Онѣ сопровождали его изъ дворца во дворецъ, изъ Ле-Турнель въ Парижъ, въ Фонтенебло, изъ замка Амбуазъ въ замокъ Блуа.

Въ маленькомъ отрядѣ принимали участіе всѣ молодыя особы, способныя заинтересовать пресыщенный вкусъ короля. Но герцогиня д'Этампъ была предводительницей этой маленькой компаніи, и всѣ члены должны были признавать ея главенство. Быть слишкомъ щепетильными никому не разрѣшалось, да, впрочемъ, ни у кого и не было къ тому охоты; отъ нихъ же требовались только: достаточный запасъ веселости и умѣнія непринужденно болтать. Но главное зна-

ченіе „отряда" ускользало отъ контроля короля; въ дѣйствительности, „отрядъ" былъ сосредоточеніемъ придворныхъ интригъ. Герцогиня д'Этампъ недолго была единственной правящей силой. Скоро маленькій „отрядъ" организовался въ боевую силу, и началась ожесточенная война противъ новаго восходящаго свѣтила,—Діаны де-Пуатье.

Съ этого времени начинается первый актъ интересующей насъ драмы. Діана де-Пуатье завладѣла сердцемъ Генриха и, въ 1536 году, спустя три года послѣ свадьбы, Екатерина убѣдилась, что она вытѣснена ею изъ сердца мужа. Придворные кружки тотчасъ же раздѣлились на два лагеря: одинъ—приверженцевъ короля и его герцогини; другой—принца и Діаны. Между отцомъ и сыномъ никогда не существовало большой дружбы, и съ этихъ поръ отношенія сдѣлались крайне натянутыми. Все зависѣло отъ того, какая изъ дамъ окажется сильнѣе и будетъ имѣть перевѣсъ. Герцогиня д'Этампъ была моложе и любила говорить, что она родилась въ день свадьбы Діаны. Но Діана обладала большимъ запасомъ ума и умѣла имъ распоряжаться. Вмѣсто маленькаго „отряда" на ея сторонѣ были Гизы и коннетабль (главнокомандующій арміей) Монморанси. Для Екатерины это было большимъ огорченіемъ, такъ какъ коннетабль былъ раньше въ числѣ ея преданныхъ друзей, и впослѣдствіи она не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока не вернула его на свою сторону. Но въ тѣ времена около него и Діаны группировались всѣ красавицы, не принадлежавшія къ маленькому „отряду".

Соревнованіе между двумя группами не замедлило перейти на религіозную почву и принять характеръ настоящей религіозной войны. Враждующія партіи начали прибѣгать къ тѣмъ пріемамъ, которые впослѣдствіи такъ способствовали неудачѣ реформаціи во Франціи. Безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, единственно ради своихъ цѣлей, онѣ подымали религіозное знамя, опутывая его сѣтями интригъ. Діана покровительствовала католицизму, герцогиня д'Этампъ—нарождавшейся сектѣ гугенотовъ. Такимъ образомъ, Екатеринѣ первоначально пришлось присоединиться къ партіи реформаціи. Впрочемъ, фактъ этотъ не имѣлъ значенія, такъ какъ въ то время ей вовсе не приходилось дѣйствовать, единственнымъ проявленіемъ ея поступковъ было присоединеніе къ партіи герцогини д'Этампъ, хотя въ то же время она не проявляла никакой враждебности противъ Діаны, стараясь поддерживать дружескія отношенія. Вообще, тактика Екатерины того времени состояла въ томъ, чтобы оставаться въ тѣни, какъ можно болѣе непримѣченной. Роль ея выражалась тѣмъ, что она угождала во всемъ королю и ни во что болѣе не вмѣшивалась. Ея кажущаяся бездѣятельность, производившая впечатлѣніе безхарактерности, въ дѣйствительности была проявленіемъ очень сильной воли. Терпѣливо

выжидая, когда наступитъ ея часъ торжества, она старалась оставаться на подобіе листа бѣлой бумаги. Тѣмъ временемъ ей приходилось терпѣть пренебреженіе, даже на публичныхъ празднествахъ, а также явное презрѣніе со стороны народа за ея бездѣтность. Одно время, лѣтъ десять спустя, послѣ ея брака, когда она была уже наслѣдной принцессой, король Францискъ I серьезно подумывалъ объ ея разводѣ съ Генрихомъ изъ опасенія, что у ней не будетъ дѣтей. Ея соперница Діана де-Пуатье убѣдила короля въ необходимости и цѣлесообразности этого развода. Вопросъ этотъ былъ поднятъ даже на большомъ семейномъ совѣтѣ. До Екатерины дошли слухи о намѣреніи короля, и вотъ, молчаливая, маленькая интриганка отлично сумѣла разыграть свою роль. Зная, что свекоръ не можетъ выносить женскихъ слезъ, она, съ горькимъ плачемъ и рыданіемъ, отправилась къ нему и стала увѣрять его, что готова пожертвовать собой, ради блага Франціи, и покорно уйдетъ въ монастырь, или, если онъ прикажетъ, останется, чтобы ему служить.

„Дочь моя",—сказалъ король,—коль скоро Богу угодно было, чтобы вы сдѣлались моей невѣсткой, то не бойтесь, что я пожелаю нарушить Его волю. Какъ знать, быть можетъ, Онъ еще даруетъ вамъ и намъ великую милость, которую мы болѣе всего желаемъ".

Екатерина удалилась торжествующая; Діана же на этотъ разъ была побѣждена, а ея союзникъ, Монморанси, впалъ въ немилость.

Маргарита, королева наварская, написала Екатеринѣ сочувственное письмо. „Мой братъ,—писала она,—никогда не допуститъ этого развода, о которомъ говорятъ злые языки. Господь пошлетъ вамъ ребенка, когда вы достигнете того возраста, когда женщины изъ дома Медичи имѣютъ дѣтей". И по отзывамъ личнаго секретаря Маргариты, сочувствіе этой доброй королевы было такъ велико, что она не могла удержаться отъ слезъ въ то время, когда писала это письмо.

Годъ спустя послѣ этихъ событій, у Екатерины родился, наконецъ, первый ребенокъ. Это былъ сынъ. И каково же было новое униженіе и огорченіе, причиненное молодой матери, когда новорожденнаго принца, по волѣ отца, приняла никто иная, какъ Діана де-Пуатье въ ея траурномъ вдовьемъ нарядѣ, въ черномъ съ бѣлымъ. И все это Екатерина должна была принимать съ видомъ привѣтливости и любезности, хотя у ней, какъ она вспоминала впослѣдствіи, сердце обливалось кровью. Окружающіе видѣли въ ней безобидную, даже глупенькую, молодую женщину; въ дѣйствительности же она походила скорѣе на притаившуюся въ тростникахъ пантеру, которая своей пассивностью вѣрнѣе скрываетъ свои намѣренія. Къ тому же, пока

былъ живъ король Францискъ I, у ней все-таки былъ покровитель. Но съ его смертью положеніе измѣнилось. Никто уже не боялся быть ея врагомъ. Герцогиня д'Этампъ потеряла свою силу, а Діана царила полновластно. Едва-ли кто-либо могъ позавидовать участи Екатерины въ то время, когда Генрихъ II вступилъ на престолъ.

II.

Діана де-Пуатье.—Ея отношенія къ Франциску II.—Ея безграничное вліяніе на короля.—Характеръ Франциска.—Неограниченная власть на дѣла королевства.—Легенда историка Мишле.—Различіе характеровъ Екатерины и Діаны.—Тяжелое положеніе королевы.

Діана де-Пуатье, вдова верховнаго судьи въ Руанѣ, герцогиня де-Валентинуа, была типичной представительницей французскаго ренессанса. Гордая, практичная, неутомимая, она покровительствовала искусствамъ, смыслила кое-что въ медицинѣ, трактовала о Платонѣ и была дѣятельной руководительницей въ различныхъ заговорахъ. Свой образъ жизни она обставила изумительной пышностью. Ея дворецъ походилъ на маленькій городъ, штатъ слугъ на цѣлую армію, а въ должности главнаго своего секретаря она держала поэта.

Народная фантазія преобразила личность Діаны де-Пуатье не менѣе, чѣмъ Екатерины; но если Екатерина Медичи фигурируетъ въ качествѣ отмѣнной злодѣйки, то Діана де-Пуатье, наоборотъ,—не менѣе поразительной героини, — настоящей романической красавицы. Но Діана, даже въ молодости, не была красива. Подлинные портреты и медали съ ея изображеніемъ представляютъ ее только миловидной, спокойно-уравновѣшенной и съ натуральнымъ цвѣтущимъ цвѣтомъ лица. Эти изображенія рѣзко отличаются отъ тѣхъ, по которымъ всѣ привыкли представлять ее, какъ-то: по дивной бронзовой статуѣ Діаны Бенвенуто Челлини, по холодной и гордой восхитительно-изящной Діанѣ Жана Гужонъ, которая была патронессой Анэ, или по Артемизѣ Приматичіо. Но всѣ эти изображенія Діаны, долго считавшіяся портретами Діаны де-Пуатье, въ дѣйствительности были придворными комплиментами, поэтическими варіаціями на имя греческой богини. По общему свидѣтельству современниковъ, за исключеніемъ прически и гордаго выраженія лица, Діана де-Пуатье не имѣла ничего общаго съ увѣнчанными полумѣсяцемъ и мраморными богинями, которыя на каждомъ шагу привѣтствовали Генриха II въ помѣстіи вдовы верховнаго руанскаго судьи. Богиня охоты сдѣлалась символомъ фаворитки.

Діана де-Пуатье была на семнадцать лѣтъ старше Генриха II. Ему едва исполнилось двадцать лѣтъ, когда въ 1536 году онъ впервые узналъ ее, она же тогда была тридцатишестилѣтней вдовой; съ тѣхъ поръ связь ихъ непрерывно продолжалась двадцать два года, до самой смерти короля. Она нашла его застѣнчивымъ, не смѣвшимъ открыть рта, мальчикомъ, и пробудила въ немъ человѣка сильнаго, монарха. Вотъ что писалъ о Генрихѣ, въ бытность послѣдняго дофиномъ, венеціанскій посланникъ Дандоло: „свѣтлѣйшему дофину двадцать три года; онъ имѣетъ симпатичную наружность, довольно высокъ ростомъ и такъ строенъ и соразмѣрно сложенъ, что можно подумать, что весь онъ состоитъ изъ мускуловъ. Но по натурѣ онъ имѣетъ молчаливый и мрачный характеръ, онъ рѣдко улыбается, и никто при дворѣ никогда не видѣлъ, чтобы онъ смѣялся“. Спустя пять лѣтъ, когда Генриху было двадцать восемь лѣтъ, Кавалли писалъ о немъ:

„Онъ плотнаго тѣлосложенія, но меланхолическаго характера и очень искусно владѣетъ оружіемъ. Онъ красивъ собой, но имѣетъ твердый и опредѣленный взглядъ на вещи. Такіе люди имѣютъ наиболѣе данныхъ на успѣхъ“. Эту перемѣну въ Генрихѣ всецѣло слѣдуетъ приписать Діанѣ, такъ какъ она съ начала и до конца руководила воспитаніемъ Генриха. Быть можетъ, ни одна женщина ни раньше, ни позже ея не сформировала болѣе законченно правителя, чѣмъ достигла этого она въ отношеніи Генриха II. Ихъ связь, по продолжительности и прочности, сдѣлалась классическимъ скандаломъ въ исторіи. Въ позднѣйшее время со стороны Генриха были маленькія легкомысленныя увлеченія, но они продолжались недолго и всегда кончались быстрымъ возвращеніемъ къ Діанѣ. Его чувство къ ней было достаточно сильно, чтобы выдержать трудный и неизбѣжный переходъ отъ поэзіи страсти къ прозѣ привычки, и ихъ союзъ во всѣхъ отношеніяхъ можно было бы назвать счастливымъ бракомъ, если бы между ними не стояло мрачной и патетической фигуры Екатерины, которая всего менѣе походила на законную жену. Даже королевскія дѣти не вполнѣ принадлежали матери. Діана, подъ наблюденіемъ которой они находились по преимуществу, любила ихъ, какъ своихъ родныхъ дѣтей, и Анэ былъ для нихъ такимъ же роднымъ домомъ, какъ и Амбуазъ. Какими же чарами располагала эта женщина среднихъ лѣтъ надъ молодымъ мужчиной, который по годамъ годился ей въ сыновья? Во всякомъ случаѣ это не была красота, такъ какъ Діана не была красива и Генрихъ даже въ самыхъ пылкихъ своихъ письмахъ, относительно ея наружности, употребляетъ выраженіе honnete, (что въ тѣ времена означало симпатичный). Интересно также сопоставить отзывъ очевидцевъ. Только Брантомъ, этотъ неисправимый льстецъ, видѣвшій въ каждой знатной дамѣ чуть ли не совершенство,

писалъ: „Я видѣлъ герцогиню де-Валентинуа, когда ей было семьдесятъ лѣтъ, но осанка ея такъ же благородна и она такъ же привлекательна, какъ въ тридцать лѣтъ". Но правдивость его отзыва уже потому подлежитъ большому сомнѣнію, что Діана умерла шестидесяти четырехъ лѣтъ. Другіе авторы, хотя и болѣе правдивы, но болѣе сдержаны. „Она замѣшалась въ жизнь короля, — доносилъ о ней въ своихъ отзывахъ венеціанскій посланникъ, — когда онъ былъ еще дофиномъ. Онъ нѣжно любилъ ее и любитъ до сихъ поръ... хотя она уже старуха. Но необходимо замѣтить, что она вовсе не употребляетъ никакихъ притираній, и при этомъ далеко не кажется такой старой, какая есть въ дѣйствительности". Одинъ изъ французскихъ лѣтописцевъ еще болѣе безцеремоненъ въ своихъ выраженіяхъ.—„Горько видѣть",—пишетъ онъ,—„что молодой принцъ обожаетъ поблекшее лицо, покрытое морщинами, голову, начинающую уже сѣдѣть, потускнѣвшіе глаза, которые иногда кажутся совсѣмъ красными", — не лишнее замѣтить, что это писалось въ то время, когда Діанѣ было 38 лѣтъ, и около полутора года спустя, послѣ ея первой встрѣчи съ Генрихомъ. Тѣмъ не менѣе едва-ли какую-либо женщину, несравненно болѣе красивую, чѣмъ она, легенда изукрасила бы такимъ ореоломъ поэзіи и блеска. Но если откинуть прикрасы легендъ, то окажется, что Діана де-Пуатье была самая практичная женщина въ мірѣ, положительная и разсчетливая, какъ только можетъ быть француженка. Достаточно прочесть ея письма, всегда полныя дѣловыхъ и хозяйственныхъ подробностей, практическихъ и медицинскихъ наставленій, чтобы понять, какъ мало авторъ ихъ былъ занятъ изліяніями утонченныхъ нѣжностей и чувствъ.

Тѣмъ не менѣе вліяніе ея на молодаго принца было неограничено. Она первая открыла и призвала къ жизни его дремлющія силы и способности, силы, которыхъ, быть можетъ, онъ и самъ не сознавалъ, хотя и страдалъ отъ не выраженной и ни къ чему не приведенной энергіи. Онъ былъ молчаливъ отъ сосредоточенности, а Діана научила его говорить; онъ былъ неловокъ и холоденъ отъ застѣнчивости, но она дала ему самоувѣренность и успѣхъ. Главнымъ же образомъ онъ нуждался въ ласкѣ и привязанности. Его отецъ, сосредоточившій все вниманіе и привязанность на старшемъ сынѣ, никогда не любилъ втораго сына и однажды откровенно высказался о немъ, „что не терпитъ задумчивыхъ, вялыхъ и сонныхъ дѣтей". Его мать, которая, быть можетъ, могла бы понять, что у него на душѣ, умерла, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Діана де-Путье была первой женщиной, вообще первымъ существомъ, показавшимъ ему нѣжность, въ отвѣтъ на которую у него вспыхнула страсть. Письма, которыя онъ писалъ ей собственноручно, вопреки обычаю того времени—когда даже самыя

интимныя посланія писались секретарями, отличались искренностью и глубиной чувства. Находясь, однажды, въ походѣ, онъ писалъ ей:— „Умоляю тебя сохранить въ памяти того, кто признаетъ только единаго Бога и единственнаго друга, и быть увѣренной, что ты никогда не раскаешься въ томъ, что позволила мнѣ назваться „твоимъ слугой“.—Если онъ не видѣлъ ее два дня, то уже писалъ, что „не можетъ жить безъ нея“. Всѣ ихъ письма были подписаны всегда ихъ общей монограммой, составленной изъ двухъ Д, обращенныхъ одно къ другому обратно, такъ что между ними съ помощью перекинутой петли, называемой Le lac d'amour, получилась буква H. Впрочемъ, эта монограмма была принята Генрихомъ повсюду; на стѣнахъ Лувра, на площадяхъ и часовняхъ, на молитвенникахъ и мѣстахъ въ храмѣ, какъ если бы это была, дѣйствительно, монограмма короля и королевы.

Главная цѣль, которую преслѣдовала Діана, состояла въ томъ, чтобы выработать изъ Генриха короля, и, если одною изъ могущественныхъ причинъ ея вліянія на него была его потребность въ привязанности, то другой, не менѣе вліятельной причиной, была его нужда въ менторѣ. Отецъ не позаботился подготовить его на царство. „Во всю свою жизнь онъ никогда не посвящалъ его въ дѣла правленія и ни разу не приглашалъ его въ свой совѣтъ, вотъ почему принцъ вступилъ на престолъ, не имѣя, можно сказать, ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ управлять страной“,—писалъ секретарь Маргариты Ангулемской, вообще не симпатизировавшій вдовѣ верховнаго судьи. Діана съ чисто женскимъ чутьемъ опредѣлила матеріалъ, доставшійся въ ея руки, и съ искусствомъ хорошаго администратора дала ему наилучшее примѣненіе. Его неповоротливость она превратила въ королевское достоинство, его медлительность въ осторожную политику.

Современники очень скоро замѣтили ея вліяніе на короля, тѣмъ болѣе, что у Генриха былъ заведенъ обычай ежедневно, послѣ обѣда, отправляться къ ней на часъ или на два, и сообщать ей обо всѣхъ дѣлахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ей первой было извѣстно о намѣреніяхъ короля и о новыхъ назначеніяхъ, вотъ почему вопреки того времени иронизировали, „что при дворѣ женщины дѣлаютъ все, даже генераловъ и капитановъ“. Въ народѣ Діана очень скоро сдѣлалась очень непопулярной. Находились смѣлые патріоты, открыто порицавшіе подчиненіе короля посторонней женщинѣ, и слово sire (государь) по созвучію употребляли cire (воскъ); къ тому же Діана не знала предѣла своему честолюбію. Коронныя драгоцѣнности были поднесены ей и поднесены, именно, въ присутствіи королевы; ея изображеніе отчеканивалось рядомъ съ изображеніемъ короля. Однимъ словомъ, она была всесильна.

Каковы были чувства, которыя сама Діана питала къ королю, трудно опредѣлить.

Едва-ли по натурѣ она была способна на страсть, чувство ея къ королю скорѣе походило на чувство артиста къ своему произведенію, государственнаго дѣятеля къ его излюбленной идеѣ, преуспѣвающаго учителя къ своему ученику, тѣмъ болѣе, что учителемъ была женщина, а ученикомъ—мужчина и король.

Діана, дѣйствительно, была искренна, и въ этомъ ея главное достоинство. Вообще она обладала многими хорошими сторонами своихъ же недостатковъ, какъ-то: культомъ привычки, консервативностью и разсудительностью холодной натуры. Она проявляла скорѣе материнское чувство, которое, безъ сомнѣнія, было болѣе необходимо королю, нежели пылкая страсть. Ея снисходительная мудрость и спокойствіе освѣжали и бодрили его.

Существуетъ предположеніе, поддерживаемое нѣкоторыми историками, будто король Францискъ самъ избралъ Діану де-Пуатье въ фаворитки своему сыну, въ надеждѣ, что такая женщина будетъ для него хорошей школой воспитанія. Хотя бы въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ родителями нерѣдко устраивались подобныя воспитательныя связи для молодыхъ людей, но въ данномъ случаѣ преданіе, повидимому, не имѣетъ твердаго основанія, такъ какъ Генрихъ самъ въ своихъ письмахъ опровергаетъ это. „Если въ былыя времена, — пишетъ онъ, — я не боялся утратить благоволенія покойнаго короля, оставаясь съ вами, то тѣмъ болѣе теперь я не пожалѣю о какой-то ничтожной услугѣ, оказанной вамъ“. Король Францискъ едва-ли сталъ бы такъ настойчиво протестовать противъ связи сына съ Діаной, если бы онъ самъ подготовилъ ее.

Столь же неправдоподобной кажется и другая злостная выдумка, а именно: будто Діана была любовницей Франциска I прежде, чѣмъ сдѣлалась любовницей его сына. Легенду эту поддерживаетъ Мишле, а главнымъ образомъ за нее ухватились нѣкоторые романтическіе писатели.

Преданіе гласитъ, что въ заговорѣ, устроенномъ великимъ коннетаблемъ противъ Франциска I, было замѣшано много лицъ и въ томъ числѣ отецъ Діаны, г. де-Сенъ-Валье. Коннетабль успѣлъ скрыться, а Сенъ-Валье былъ арестованъ. Тогда Діана стала ходатайствовать передъ королемъ о помилованіи отца, который былъ уже приговоренъ къ смертной казни; и вотъ, цѣною своей чести ей, удалось спасти ему жизнь. Это было въ 1524 году. Въ это время Діана была уже восемь лѣтъ счастливо замужемъ за верховнымъ судьей въ Нормандіи, которому подарила двухъ дочерей. По другимъ же, еще болѣе фантастическимъ версіямъ, Сенъ-Валье намѣревался убить короля за то,

что тотъ обезчестилъ его дочь, молодую дѣвушку. Сенъ-Бефъ, съ его безпощадной логикой, опровергаетъ правдоподобность этихъ преданій, къ тому же и лучшій изъ біографовъ Діаны де-Пуатье, г. Гифри, тщательно собравшій и издавшій ея письма, заявляетъ полную увѣренность неправдоподобности этой легенды. Дѣйствительно, въ указанное время она давно уже была почтенной матерью семейства, а не молодой дѣвушкой. Однако, въ качествѣ придворной дамы, приближенной къ королевѣ, она, дѣйствительно, могла исходатайствовать помилованіе своему отцу, всего же вѣроятнѣй, что Сенъ-Валье былъ помилованъ по просьбѣ зятя, верховнаго судьи въ Нормандіи.

Всѣ другія преданія о легкомысленности Діаны также неправдоподобны. Разсказы объ ея связи съ Маро—сущій вымыселъ. Діана была такъ же вѣрна Генриху, какъ въ замужествѣ своему мужу. Если бы Діана была легкомысленной женщиной, она наполовину утратила бы интересъ, какъ историческая личность. Таковы были по незапятнанной вѣрности и преданности тѣ двѣ женщины, которыхъ по справедливости можно назвать двумя женами Генриха II и память о которыхъ перешла къ потомству, какъ о двухъ самыхъ безнравственныхъ типахъ въ исторіи.

Впрочемъ, только въ этомъ одномъ было сходство между Екатериной и Діаной. Во всемъ же остальномъ онѣ были крайними противоположностями. Діана была правдива, пряма, почти рѣзка, Екатерина скрытна, коварна и дѣйствовала всегда исподтишка. Быть можетъ, эти качества и оттолкнули отъ нея мужа съ самаго начала. Генрихъ любилъ прямые пути, и во многихъ отношеніяхъ это былъ простакъ, прислушивающійся къ голосу совѣсти. Ничто не характеризуетъ его такъ, какъ одинъ случай во время его коронованія. Разсказъ объ этомъ записанъ однимъ венеціанскимъ посланникомъ Дандоло, но первоисточникомъ была сама Діана. „Герцогиня де-Валентинуа разсказывала одной своей приближенной, которая передала мнѣ,— пишетъ г. Дондоло,— что король во время коронованія, преклонивъ колѣна, о чемъ-то долго горячо молился; впослѣдствіи, когда Діана спросила его, о комъ онъ такъ усердно молился, король отвѣтилъ, что онъ взывалъ къ Богу съ такой мольбой, если корона, которую онъ теперь принимаетъ, сулитъ ему доброе царствованіе и благоденствіе его народа, то пусть Господь дастъ ему ее на долго, а если нѣтъ, то пусть поскорѣе возьметъ ее у него“.

Такая молитва на устахъ короля навѣрное исходила изъ души, вовсе несродной съ политическими пріемами Медичисовъ. Если Діана, задавая этотъ вопросъ, разсчитывала получить иной отвѣтъ, то могла убѣдиться, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, который слишкомъ правдивъ, чтобы сказать ей что-либо, кромѣ правды.

Что же касается Екатерины, то она, во всякомъ случаѣ, никогда не могла вообразить, что онъ молится за нее. Во время коронованія, когда корона оказалась слишкомъ тяжелой для ея головы, корона была поставлена у ногъ Діаны, стоявшей возлѣ королевы. Присутствіе Екатерины было также затушевано и на знаменитыхъ ліонскихъ торжествахъ во время посѣщенія этого города королевской четой, послѣ коронованія. А между тѣмъ въ виду многочисленности итальянцевъ въ этомъ городѣ это было даже неудобно.

Отношенія между этими двумя женщинами были также очень странными. Хотя королева, безъ сомнѣнія, ненавидѣла свою соперницу, она, тѣмъ не менѣе, во многомъ отъ нея зависѣла и была обязана ей не только своимъ положеніемъ, но и безчисленными услугами, „bons et agrêables services“, какъ Генрихъ любилъ ихъ называть. По отзывамъ современниковъ, если король возвращался иногда къ королевѣ, то это было по настоянію Діаны. Должно быть для Екатерины это было еще большей обидой, чѣмъ полное охлажденіе короля. Когда у ней, наконецъ, родились дѣти, ихъ принимала Діана на свое полное попеченіе; это она отыскивала для нихъ кормилицъ, выбирала докторовъ. Сохранился странный рисунокъ, на которомъ изображено, какъ герцогинѣ де-Валентинуа подносятъ новорожденное королевское дитя, какъ бы испрашивая для него ея защиты и покровительства, тогда какъ въ тѣни, на заднемъ планѣ, едва виднѣется королева. Никакихъ иллюзій относительно роли Діаны у Екатерины не могло быть въ томъ вѣкѣ при развитомъ подслушиваніи и шпіонствѣ. Къ тому же она въ своемъ желаніи все знать была безпощадна къ себѣ самой. Помѣщеніе Діаны приходилось какъ разъ подъ ея аппартаментами, и Екатерина устроила отверстіе въ полу, чтобы во всякое время видѣть и слышать, что происходитъ внизу,— страшное самоистязаніе для ревнивой женщины, которая не имѣла даже надежды когда-либо отмстить. Непримиримый врагъ Діаны, г. де-Тованнъ, гугенотскій лѣтописецъ, предлагалъ королевѣ такое курьезное средство, какъ отрѣзать носъ герцогинѣ де-Валентинуа, но королева поблагодарила его и предпочла вооружиться терпѣніемъ.

А между тѣмъ терпѣніе королевы подвергалось очень тяжелому испытанію, такъ какъ Діана никогда не стѣснялась проявлять своей власти. Но, быть можетъ, въ молчаніи Екатерины было не менѣе затаенной любви, чѣмъ затаенной злобы, такъ какъ она всячески старалась показать, что король заботится о ней. Она, насколько возможно, слѣдовала всюду за королемъ и даже придумала монограму изъ двухъ буквъ С и Н, какъ можно болѣе похожую на монограму Діаны и короля. Но этимъ она едва-ли могла ввести въ заблужденіе народъ, тѣмъ болѣе, что Діана, опираясь на поддержку гизовъ, ста-

новилась все болѣе и болѣе вызывающей, и, быть можетъ, власть ея достигла своего апогея, когда Генрихъ отправился на войну противъ императора австрійскаго къ германской границѣ. Благодаря настояніямъ Діаны, Екатеринѣ не было даже довѣрено полное регентство, вопреки обычаямъ страны. Ей назначенъ былъ помощникомъ канцлеръ Бертранди. Причину этого новаго оскорбленія не трудно угадать. Екатерина, въ то время 36-ти лѣтъ, богатая уже опытомъ и зрѣлостью ума, могла превосходно справиться съ ролью регентши и даже подорвать авторитетъ Діаны въ глазахъ короля. Екатерина, безъ единой жалобы, выслушала распоряженіе и рѣшилась только не опубликовывать его, чтобы не умалить своего значенія въ глазахъ народа.

Замѣчательно, что при жизни соперницы, Екатерина только однажды упомянула ея имя, и это было при весьма странныхъ обстоятельствахъ. Коннетабль Монморанси, желая парализовать власть Діаны, затѣялъ цѣлую кампанію противъ нея и постарался разжечь въ сердцѣ короля огонекъ увлеченія къ красавицѣ-шотландкѣ лэди Флемингъ, гувернанткѣ маленькой Маріи Стюартъ. Романъ этотъ окончился очень быстро, и Генрихъ возвратился къ Діанѣ. Но скандалъ все-таки разразился, и лэди Флемингъ должна была удалиться отъ двора. По этому поводу Екатерина писала матери Маріи Стюартъ. „Графиня (лэди Флемингъ) удалилась отъ меня третьяго дня, но тѣмъ не менѣе, хотя она провела эту ночь въ городѣ, она не рѣшилась показаться на глаза ни г-жѣ Валентинуа, ни мнѣ“.

Послѣ смерти Генриха, Екатерина также никогда не вспоминала объ его проступкахъ противъ нея. Только два раза и въ очень экстренныхъ случаяхъ, она сдѣлала отступленіе отъ этого правила, а именно: въ письмѣ къ зятю, королю Генриху наварскому, когда тотъ открыто началъ измѣнять ея дочери, и въ письмѣ къ этой послѣдней, стараясь помирить супруговъ.

„Сынъ мой,—писала она въ первомъ случаѣ,—никогда въ моей жизни я не была такъ поражена, какъ теперь, узнавъ тѣ слова, которыя Фронтенакъ распространяетъ повсюду и которыя, какъ онъ мнѣ говорилъ, вы приказали ему передать вашей супругѣ... Я знаю, что вы не первый мужъ, который молодъ и недостаточно разсудителенъ въ этихъ вещахъ, но я увѣрна, что вы первый и навѣрное единственный, который позволилъ себѣ обращаться къ женѣ съ такимъ заявленіемъ. Я имѣла честь быть супругой короля, моего государя и вашего сюзерена, на дочери котораго вы теперь женаты, и помню, что всего болѣе въ мірѣ его огорчало то, если я узнавала объ его подобныхъ похожденіяхъ. Когда лэди Флемингъ позволила вольности съ нимъ, онъ былъ очень доволенъ, что ее удалили отъ двора, и никогда не показалъ мнѣ никакой досады и не сказалъ ни

одного слова упрека. Что же касается г-жи Валентинуа, то она такъ же, какъ и г-жа д'Этампъ, умѣла соблюдать приличіе; что же касается особъ, подымающихъ шумъ и скандалы, то король былъ бы очень разгнѣванъ, если бы я оставляла ихъ около себя".

Въ увѣщеваніяхъ же дочери встрѣчаются такія выраженія: „Если я терпѣла г-жу де-Валентинуа, то это я дѣлала въ сущности для того, чтобы щадить короля, къ тому же я всегда давала ему понять, что я дѣйствую только, скрѣпя сердце, такъ какъ никакая женщина, любящая мужа, никогда не могла бы заставить себя любить его любовницу".

Когда Екатерина писала эти строки, она была уже старухой, но, какъ знать, какая рана открылась при этомъ въ ея сердцѣ.

Но мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что она никогда не могла принудить себя побывать въ Анэ. Однажды, во времена ея вдовства, она обѣщала, что по дорогѣ въ Руанъ посѣтитъ жившую въ уединеніи Діану, но въ послѣдній моментъ рѣшимость ей измѣнила и она свернула въ сторону. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Анэ было заколдованнымъ мѣстомъ для Генриха,—цитаделью чаръ Діаны. Здѣсь онъ любилъ подолгу гостить, принимать своихъ друзей, вести дѣловую переписку. Сюда къ нему пріѣзжали нѣкоторые посланники; на залитыхъ солнечнымъ блескомъ лужайкахъ парка и на обширныхъ террасахъ великолѣпнаго дворца играли въ мячъ или въ палетъ маленькіе принцы и принцессы. Король и Діана были до того похожи на мужа и жену, что Генрихъ не церемонился выражать подчасъ своего раздраженія. Напримѣръ, если съ дѣтьми приключалось какое-нибудь нездоровье, во время ихъ пребыванія въ Анэ, онъ не говорилъ съ ней по два и по три дня сряду. Но Діана оставалась невозмутимой. Она садилась за свой великолѣпный письменный столъ и, словно вѣрная подруга жизни, занималась корреспонденціей, благодарила его друзей, осмѣивала его враговъ. Она не пренебрегала также средствами поддерживать его чувства къ себѣ. Она не переставала заказывать свои идеализированные портреты и статуи, изощряться въ выборѣ своихъ нарядовъ и поддерживать гармоничность обстановки, однимъ словомъ, она прибѣгала къ безчисленному множеству средствъ поддержать первоначальное обаяніе. У ея очага, въ ея пышномъ дворцѣ, Генрихъ чувствовалъ себя, какъ дома, и всегда находилъ тамъ счастье, между тѣмъ, какъ Екатерина одиноко сидѣла въ Амбуазѣ.

III.

Дворъ Генриха II.—Марія Стюартъ.—Придворные астрологи.—Гизы: Карлъ, Франсуа и Генрихъ. — Оппозиція: Гаспаръ, Колиньи, Антонъ Наварскій, Кондэ.—Свадьба Маріи Стюартъ и смерть Генриха II.—Гоненіе гугенотовъ.— Казнь дю-Бурга.—Двѣ партіи.—Амбуазскій заговоръ.—Арестъ Кондэ.

Отъ брака Генриха II съ Екатериною было десять человѣкъ дѣтей, родившихся въ періодъ между 1543 и 1555 гг. Трое умерли въ раннемъ дѣтствѣ. Оставшіеся же въ живыхъ были: дофинъ Францискъ (впослѣдствіи король Францискъ II), принцы Карлъ, Генрихъ (впослѣдствіи Карлъ IX и Генрихъ III), Францискъ (герцогъ д'Алансонскій) и дочери: Елизавета (впослѣдствіи жена Филиппа II испанскаго), Клодія (вышедшая за герцога лотарингскаго) и Маргарита (королева наварская). Несмотря на заботы о королевскихъ дѣтяхъ Діаны де-Пуатье, Екатерина и самъ Генрихъ принимали самое дѣятельное участіе въ ихъ воспитаніи. Они выбирали имъ наставниковъ и гувернеровъ, Екатерина даже сама обучала ихъ нѣкоторымъ предметамъ. Но даже такія ученыя маленькія особы не могли затмить ихъ кузины, Марію Стюартъ, шотландскую королеву, воспитывавшуюся при французскомъ дворѣ и скоро сдѣлавшуюся членомъ фамиліи Валуа. Эта очаровательная шестилѣтняя крошка - принцесса была прислана матерью, Маріей Гизъ, вдовой шотландскаго короля Іакова VI, въ то время регентшей Шотландіи, за малолѣтствомъ Маріи, подъ покровительство ея дяди съ материнской стороны, всесильнаго герцога Гиза и ея двоюроднаго брата Генриха II, такъ какъ уже тогда было рѣшено, что Марія Стюартъ выйдетъ замужъ за старшаго сына французскаго короля. „Cette petite Reinette écossaise—писала Екатерина,—n'a qu'à sourir pour tourner tout les têtes française", и дѣйствительно, эта замѣчательная женщина обладала съ ранняго дѣтства даромъ очаровывать сердца и „сводить съ ума одной своей улыбкой". Ея жениху въ то время было также лѣтъ шесть или семь; это былъ болѣзненный, блѣдный, тихій и робкій ребенокъ, который совершенно подпалъ подъ вліяніе своей нареченной, которая имѣла способность оживлять его, вселять въ него бодрость и жизнь.

Марія Стюартъ плѣнила не только сына, но и отца: Генрихъ II обожалъ ее. Дальнѣйшее образованіе ея и остальныхъ принцевъ и принцессъ перешло къ учителямъ.

Нѣкоторое время между Екатериной и Діаной де-Пуатье происходило скрытное соперничество изъ-за привлеченія на свою сторону Маріи Стюартъ. Побѣда осталась на сторонѣ Діаны уже по одному тому, что Діана была заодно съ Гизами; тѣмъ не менѣе Екатерина

всегда относилась очень ласково и заботливо къ Маріи Стюартъ, и только тогда немного къ ней охладѣла, когда до нея дошли слухи, что Марія легкомысленно назвала ее однажды „купеческой дочерью“.

Только принцесса Маргарита, впослѣдствіи столь популярная королева Марго, по блеску дарованій, по живости натуры и вообще по привлекательности одна могла соперничать съ прелестной шотландской королевой и была также любимицей короля, ея отца. По всей вѣроятности, маленькій Генрихъ Наварскій, ея будущій супругъ, пріѣзжая съ своими родителями ко французскому двору, также былъ сверстникомъ игръ принцевъ и принцессъ, и сохранилось преданіе, что Генрихъ II спрашивалъ его, хочетъ ли онъ быть его сыномъ.

Но среда, въ которой приходилось рости и жить этимъ милымъ, цвѣтущимъ дѣтямъ, была и странной, и жестокой. Это была среда сплошныхъ противорѣчій и парадоксовъ, однимъ словомъ, время начинающагося декаданса; съ одной стороны, казалось, что умъ человѣческій уже ринулся къ свѣту, къ свободѣ мысли, и въ то же время философы, подобно Парацельсу, еще вѣрили въ саламандръ и гномовъ, какъ неотъемлемую часть космическаго порядка. Астрологія также занимала еще высокое положеніе на-ряду съ положительными науками. Екатерина вывезла изъ Италіи двухъ братьевъ-астрологовъ Руджіери, и въ 1556 г. она обращалась къ знаменитѣйшему въ Парижѣ астрологу Нострадамусу, прося его составить гороскопы для молодыхъ принцевъ. Она зашла такъ далеко, что построила высокую башню для своихъ астрологовъ въ Ле-Галь, и, по всей вѣроятности, это туда ходилъ король, чтобы узнать, какой смертью онъ умретъ. Въ тотъ вѣкъ непрестанныхъ открытій, а также въ вѣкъ отсутствія газетъ, все казалось одинаково возможнымъ. „Разсказамъ“ Плинія также вѣрили, какъ путешествіямъ Маргелана и Колумба. По всеобщему убѣжденію, въ Африкѣ водились огнедышащіе драконы, и Вильгельмъ Теслеръ, составившій воображаемую карту странъ за рѣкою Гангомъ, предполагалъ ихъ населенными пигмеями.

Генрихъ II въ тридцать два года казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ, и Парижъ любилъ своего дѣльнаго, разсудительнаго и осторожнаго короля. Даже наружно Генрихъ сильно измѣнился, очень возмужалъ, пріобрѣлъ величавую увѣренность и царственную осанку.

Народъ чутьемъ угадывалъ, что ошибки Генриха изъ тѣхъ, которыя можно „извинить“, зато гордаго и властолюбиваго главнокомандующаго Монморанси „проклинали“, и если Діану, какъ вообще королевскую фаворитку, „ненавидѣли“, то еще большая и обоснованная ненависть сосредоточивалась на ея союзникахъ, Гизахъ.

Первое мѣсто среди непопулярныхъ Гизовъ, занималъ Карлъ Гизъ,

кардиналъ лотарингскій. Его братья, хотя столь же надменные, какъ и онъ, однако, не были такъ сильно ненавидимы. Всѣ они были приверженцами католической партіи, защищая римско-католическую церковь не только противъ еретическихъ посягательствъ, но и отъ вполнѣ желательныхъ внутреннихъ реформъ. Въ этомъ отношеніи опять-таки первое мѣсто принадлежитъ кардиналу Карлу Лотарингскому. Онъ являлъ собой странную смѣсь моднаго проповѣдника, тщеславнаго свѣтскаго фата, начитаннаго ученаго и „правительственнаго лакея". О немъ говорили, что онъ одинаково силенъ, какъ съ Гораціемъ въ рукахъ въ своей библіотекѣ, такъ и на каѳедрѣ проповѣдника, расточая цѣлые каскады изящнаго краснорѣчія. Къ тому же онъ былъ блестящимъ лингвистомъ. Но, быть можетъ, самымъ благопріятнымъ для него было то, что онъ обладалъ чрезвычайно выгодной наружностью, „благородной и серьезной внѣшностью", какъ говорили его современники, чѣмъ покорялъ сердца женщинъ. Какъ интересный собесѣдникъ и очень скупой человѣкъ, кардиналъ вовсе не держалъ своего стола и въ продолженіе многихъ лѣтъ обѣдалъ постоянно у г-жи де-Валентинуа. Свою скупость, какъ равно и врожденную жестокость, кардиналъ умѣлъ скрывать подъ строгимъ контролемъ самообладанія, къ тому же онѣ были почти равны по страсти къ роскоши. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ даже кардинала Вольслея, тѣмъ болѣе, что, при его утонченныхъ аристократическихъ традиціяхъ, онъ имѣлъ еще болѣе изысканные вкусы. Впрочемъ, и ему приходилось иногда переживать тяжелыя минуты затрудненій, изъ которыхъ онъ умудрялся изворачиваться.

Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ его братъ, герцогъ Франсуа. Конечно, дерзкій и грубый, иначе онъ не былъ бы величайшимъ солдатомъ шестнадцатаго столѣтія, онъ въ то же время былъ великодушенъ и героиченъ. Его подвиги и лишенія въ военное время создавали ему громкую извѣстность и, не взирая на ненависть народа вообще къ фамиліи Гизовъ, онъ время отъ времени становился кумиромъ Парижа. Но, несмотря на ихъ вліяніе при дворѣ, какъ онъ, такъ и его братья, не представляли, какъ личности, ничего выдающагося, заслуживающаго особеннаго вниманія.

Гораздо болѣе интересны были,—какъ это нерѣдко случается,—представители оппозиціи, а именно, оба бурбонскихъ принца, Антонъ, король Наварскій и его братъ, принцъ Кондэ, и три благородныхъ Шатильона, также братья, Гаспаръ адмиралъ Колиньи, маршалъ Андело и кардиналъ Одэ де-Шатильонъ. Эти пять человѣкъ, олицетворявшіе собой въ большей или въ меньшей степени, гугенотское движеніе, были ненавистны гизамъ. Бурбоны, какъ принцы крови, а потому ближайшіе, послѣ королевскихъ дѣтей, претенденты на тронъ, были поэтому

предметомъ ихъ особенной непріязни, что же касается убѣжденій и принципіальной розни, то самымъ безпощаднымъ ихъ врагомъ былъ Колиньи.

Съ именемъ Гаспара Колиньи связано представленіе объ одной изъ самыхъ увлекательныхъ,—увлекательной въ моральномъ отношеніи,—личностей исторіи,—о человѣкѣ, словно отлитомъ изъ бронзы и въ то же время о живомъ существѣ, обладающемъ и плотью и кровью, но безъ единаго нравственнаго пятнышка, о протестантскомъ государственномъ дѣятелѣ, желавшемъ основать новый Іерусалимъ на землѣ и въ то же время остававшемся вѣрнымъ престолу. Его братья, принадлежавшіе по существу къ одинаковому съ нимъ закону, не обладали, однако, ни его иниціативой, ни его нравственнымъ геніемъ.

Только подъ конецъ царствованія Генриха II религіозный вопросъ снова принялъ грозные размѣры. Въ молодости же Генрихъ самъ былъ на три четверти гугенотомъ, пуританскаго оттѣнка; онъ любилъ распѣвать псалмы Моро и читать библію. Въ политикѣ онъ проявлялъ подобное же направленіе, когда въ 1552 году соединился съ германскими протестантскими князьями противъ императора Карла V. Но это сочувствіе протестантскимъ цѣлямъ смѣнилось въ концѣ концовъ возвращеніемъ на лоно католичества. Правда, онъ никогда не былъ высокаго мнѣнія лично о папѣ, но онъ чтилъ въ немъ главу церкви, и тенденція въ этомъ направленіи усиливалась подъ вліяніемъ Діаны и гизовъ. Войны съ императоромъ и Филиппомъ II на время отвлекли короля отъ вопросовъ вѣры, но послѣ мира въ Шато-Кембрези, когда онъ снова могъ имѣть досугъ для размышленій, религіозныя дѣла вновь начали поглощать его вниманіе. Однако, его отношеніе къ протестантамъ было отнюдь не изъ милостивыхъ. Періодъ 1558 и 1559 гг. ознаменовался гоненіями и, если принять во вниманіе власть Діаны и ея приверженцевъ, то въ будущемъ можно было ожидать еще болѣе суровыхъ репрессій, если бы смерть не положила конца царствованію Генриха.

Въ 1558 году была отпразднована свадьба Маріи Стюартъ съ дофиномъ Францискомъ, а въ 1559 г. состоялись одновременно бракосочетанія сестры Генриха, Маргариты де-Беррійской съ герцогомъ Эммануиломъ Савойскимъ и принцессы Елизаветы, тринадцатилѣтней дочери Генриха и Екатерины Медичи, съ королемъ Филиппомъ II испанскимъ.

Судьбѣ угодно было, чтобы эти брачныя празднества рѣзко смѣнились погребальнымъ торжествомъ.

Самымъ параднымъ и блестящимъ изъ всѣхъ празднествъ обѣщалъ быть большой турниръ, въ которомъ должны были принять участіе всѣ знатные гости и самъ король. Дѣло было въ серединѣ

лѣта. Наступилъ день турнира. Существуетъ преданіе, что въ ту ночь Екатерина видѣла во снѣ, что мужъ ея потерялъ одинъ глазъ, но, разумѣется, она не придала этому значенія.

Противникомъ короля на турнирѣ былъ Монгомери, одинъ изъ знатныхъ гугенотовъ—обстоятельство, которое впослѣдствіи послужило не въ пользу гугенотовъ. Состязаніе началось. Во время первыхъ нѣсколькихъ схватокъ король оставался побѣдителемъ, наконецъ, онъ послалъ сказать Екатеринѣ, находившейся въ ложѣ передъ ареной, что „онъ еще разъ попытаетъ свою силу и на этотъ разъ во имя любви къ ней",—замѣчательное посланіе, въ особенности, если принять во вниманіе то, что оно было послѣднимъ. Но на этотъ разъ счастье ему измѣнило. Король не успѣлъ парировать удара, и пика Монгомери вонзилась въ глазъ Генриха. Король упалъ на землю. У всѣхъ присутствовавшихъ вырвался крикъ ужаса; поднялась суматоха, и короля въ безсознательномъ состояніи унесли съ арены во дворецъ. Съ самаго начала уже видно было, что никакой надежды на выздоровленіе нѣтъ, и Генрихъ Второй умеръ черезъ десять дней, повергнувъ Екатерину въ бурную, неутѣшную скорбь.

Хотя Франциску II, вступившему на престолъ послѣ смерти Генриха II, было уже шестнадцать лѣтъ, но онъ никогда не умѣлъ, да и не могъ справиться съ ролью самостоятельнаго короля; вотъ почему Екатерина достигла, наконецъ, осуществленія давнишняго желанія ея сердца: она сдѣлалась полновластной регентшей.

Лѣнивый и вялый Францискъ началъ свое царствованіе съ манифеста, въ которомъ просилъ своихъ подданныхъ повиноваться во всемъ его матери такъ, какъ ему самому. „Государынѣ, моей матушкѣ, благоугодно было постановить сіе, а я вполнѣ одобряю всякое ея мнѣніе".—Такова была формула, которую онъ приказалъ употреблять во всѣхъ государственныхъ актахъ.

Екатерина же нерѣдко пользовалась сыномъ, какъ буферомъ, когда попадала въ тиски между гизами и бурбонами. Она была твердо убѣждена, что государство не можетъ безъ нея обойтись, и воображала, что, ставъ на сторону гизовъ, она будетъ пользоваться ими, какъ оружіемъ. Съ этой цѣлью она заставила Франциска II издать второй указъ, въ которомъ онъ приказывалъ воздавать герцогу Гизу и его брату кардиналу, одному—военныя, а другому—гражданскія почести, какъ своимъ соправителямъ.

Когда старый и преданный слуга его отца, коннетабль де-Монморанси, явился во дворецъ вмѣстѣ со своими племянниками, Шатильонами, Францискъ, по наущенію матери и гизовъ, принялъ его очень немилостиво и намекнулъ, что Монморанси уже слишкомъ старъ, чтобы нести свою почетную должность хранителя печати и

главнокомандующаго. Старику Монморанси, конечно, не осталось ничего другаго, какъ отказаться отъ всякой дальнѣйшей государственной дѣятельности и удалиться въ добровольное изгнаніе. Такимъ образомъ, Екатерина отмстила бывшему союзнику Діаны, но въ то же время показала свою политическую недальновидность. Между Діаной и Монморанси была та огромная разница, что устраненная Діана должна была окончательно сойти со сцены, тогда какъ Монморанси даже въ изгнаніи могъ разсчитывать на мщеніе. Екатерина нажила себѣ опаснаго врага. Монморанси могъ перейти на сторону бурбонскихъ принцевъ и гугенотовъ, сдѣлаться серьезнымъ участникомъ оппозиціи.

Между тѣмъ, ей уже приходилось считаться съ оппозиціей, и она находилась въ нерѣшительности передъ вопросомъ—съ гизами или съ бурбонами выгоднѣе вступить въ союзъ. Если бы она выбрала гизовъ, то ея власть, какъ она основательно предвидѣла, подверглась бы большому риску отъ ихъ тиранніи, но, съ другой стороны, избравъ бурбоновъ, она имѣла бы страшныхъ гизовъ противъ себя. Ея выборъ остановился на гизахъ, такъ какъ она чувствовала себя достаточно искусной въ интриганствѣ, чтобы защищаться отъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. На время осуществленія этихъ комбинацій, она предусмотрительно отправила принца Кондэ съ какимъ-то заграничнымъ посольствомъ, а король Наварскій, по своей обычной нерѣшительности, потерялъ много драгоцѣннаго времени въ колебаніяхъ—ѣхать ему или нѣтъ ко двору, а еще больше въ снаряженіи пышной свиты. Когда, наконецъ, онъ двинулся въ путь, то было уже слишкомъ поздно. Въ качествѣ протестантскаго короля, какимъ считался Наварскій король, на него возлагались большія надежды. Предполагалось, что онъ будетъ ходатайствовать за протестантовъ, и онъ, уѣзжая, не скупился на обѣщанія.

Но его ожидала полная неудача. Еще ранѣе гизы подговаривали нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ Антуана убѣдить его не брать большой охраны. Антуанъ послушался, и когда онъ прибылъ со своей скромной свитой въ Сенъ-Жерменъ, гдѣ въ это время находился король со своимъ дворомъ, Францискъ со своими приближенными оказался на охотѣ, а для прибывшаго гостя, не взирая на то, что онъ также былъ принцъ крови, не были даже приготовлены аппартаменты. Далѣе королю Наварскому былъ оказанъ такой пріемъ, которымъ, по выраженію самой Екатерины, онъ былъ „низведенъ на степень простой служанки". Само собой разумѣется, король Наварскій удалился, не выполнивъ ни единаго изъ обѣщаній, данныхъ гугенотамъ. Оскорбленіе, нанесенное гугенотамъ, конечно, не могло не отразиться на религіозныхъ волненіяхъ, которыя вскорѣ начали терзать страну.

По мѣрѣ того, какъ гизы, въ особенности, и кардиналъ Лотаринг-

скій пріобрѣтали все болѣе и болѣе вліянія во внутреннихъ дѣлахъ, народная ненависть съ особенной силой сосредоточивалась на кардиналѣ. Судя по сохранившимся отъ тѣхъ временъ эпиграммамъ, пѣснямъ и поговоркамъ, видно, что названія: „негодяй" и „лисица"— были еще самыми мягкими изъ его эпитетовъ. Конечно, это было ему извѣстно, и боязнь покушеній заставила его повліять на перемѣну мужскихъ модъ. Прежніе непомѣрно широкіе панталоны и ботфорты, въ которыхъ такъ легко было спрятать смертоносное оружіе, по настоянію Карла Гиза, кардинала Лотарингскаго, были замѣнены чрезвычайно узкими. Но всего хуже то, что, изъ чувства самоохраненія, онъ толкнулъ Екатерину на невѣрный и опасный путь въ политику. Это по его настоянію она написала Филиппу II испанскому, прося его поддержки противъ протестантовъ, чѣмъ и было положено начало вмѣшательству Испаніи въ дѣла Франціи. Въ то же время онъ пообѣщалъ герцогамъ Альбѣ и Савойскому начать гоненія на протестантовъ и исполнилъ свое обѣщаніе. Онъ наполнилъ тюрьмы протестантами и безъ счету казнилъ ихъ.

Но особенно сильное негодованіе гугенотовъ вызвалъ неправильный судъ надъ совѣтникомъ парламента Анной дю-Бургъ (Anne du Bourg). Дѣло въ томъ, что во французскій парламентъ уже проникло еретическое вѣяніе и среди членовъ парламента было не мало сторонниковъ „новыхъ мнѣній"; образовалась даже небольшая партія „политиковъ", или „умѣренныхъ". Если бы парламентъ сдѣлался центромъ еретическихъ воззрѣній, это было бы величайшей опасностью для Гизовъ; вотъ почему кардиналъ рѣшилъ начать очистку съ парламента. Первымъ подвергшимся гоненію былъ Анна дю-Бургъ, одинъ изъ главарей „умѣренныхъ", образованный человѣкъ, любитель книгъ, по всей вѣроятности сочувствовавшій еретическимъ взглядамъ, но арестованный безъ фактическаго повода и даже по ложному обвиненію. При первомъ разборѣ его дѣло не было окончательно рѣшено, но враждебно настроенные гугеноты воспользовались этимъ моментомъ, чтобы убить его судью Менара,—для Бурга это имѣло роковыя послѣдствія. Второй наскоро составленный судъ приговорилъ Бурга къ сожженію на кострѣ, что и было вскорѣ исполнено. Пораженные ужасомъ протестанты усмотрѣли въ этомъ случаѣ намѣреніе кардинала всѣхъ ихъ убить и истребить. Составленный вскорѣ амбуазскій заговоръ былъ ближайшимъ и непосредственнымъ результатомъ этого суда.

Въ то время во Франціи было двѣ партіи гугенотовъ; а именно: „гугеноты по религіи", которые подвергались гоненію со стороны католиковъ, и „гугеноты по политикѣ", бывшіе врагами Гизовъ и преданными Бурбонамъ. Эти политическіе протестанты въ свою оче-

редь раздѣлялись на двѣ группы на „монархистовъ“, желавшихъ, такъ же, какъ и Елизавета Англійская, свергнуть съ престола Франциска II и посадить вмѣсто него принца Кондэ; и на демократическую группу, которая, вѣрная духу кальвинизма, желала свергнуть короля, чтобы основать республику.

Послѣ казни Бурга, гугеноты напомнили Екатеринѣ объ ея обѣщаніяхъ и имѣли неосторожность намекнуть на Божій гнѣвъ и кару. Екатерина была обижена и возмущена. При такихъ обстоятельствахъ возникъ знаменитый амбуазскій заговоръ.

Врачи предписали слабому и болѣзненному королю жить въ Блуа, благодаря болѣе мягкому климату. Этимъ обстоятельствомъ задумали воспользоваться гугеноты, составившіе планъ государственнаго переворота. Они разсчитывали, что войска во всей Франціи перейдутъ на ихъ сторону и по данному сигналу направятся со всѣхъ сторонъ къ Блуа, чтобы захватить короля, его мать и братьевъ, прогнать Гизовъ и собрать генеральные штаты. Если король откажется сдѣлаться протестантомъ, то избрать другаго.

По особеннымъ свойствамъ своей натуры, Екатерина въ борьбѣ съ крамолой проявила неистощимый запасъ коварства и изобрѣтательности. Она пригласила адмирала Колиньи къ себѣ подъ предлогомъ, который, какъ она знала, не могъ подѣйствовать на стараго, вѣрнаго солдата, именно, будто Англія намѣрена захватить нѣкоторыя французскія суда. Когда адмиралъ явился, она ловко разыграла передъ нимъ комедію одинокой, безпомощной женщины и умоляла его не покидать короля и помочь ей совѣтомъ. Колиньи отвѣтилъ, что въ отчаянномъ положеніи государства виноваты Гизы, которыхъ „народъ ненавидитъ, какъ чуму“ и единственное средство спасенія это— изданіе „указа о вѣротерпимости“. Екатерина не замедлила дать требуемый указъ, но онъ явился уже слишкомъ поздно. Время мирныхъ мѣропріятій прошло, съ другой стороны герцогъ Гизъ былъ болѣе чѣмъ когда-либо деспотично настроенъ. Онъ немедленно перевезъ Екатерину, короля и дворъ изъ Блуа въ болѣе безопасный Амбуазъ.

Юный король и его дворъ съ удивительнымъ легкомысліемъ забыли недавнюю панику и быстро успокоились. По этому поводу г. Шантонней,—посланникъ и въ то же время шпіонъ Филиппа II,— не безъ язвительности писалъ: „удивительный народъ французы! Какъ скоро они забываютъ опасность! Они какъ-будто уже стыдятся минутъ тревоги, которыя пережили. Возстаніе было назначено на 6 марта и какъ только этотъ день прошелъ, всѣ возликовали, успокоились, какъ будто всякая опасность уже миновала“.

Поиски вокругъ Амбуаза обнаружили присутствіе вооруженныхъ

шаекъ. Начались столкновенія и аресты. Взятыхъ въ плѣнъ безпощадно казнили. Побѣдители массами топили ихъ, или обезглавливали. Всѣ зубцы замка были обезображены воткнутыми на нихъ головами казненныхъ. Казни, или вѣрнѣе избіенія, продолжались цѣлый мѣсяцъ, служа зрѣлищемъ и развлеченіемъ для жестокосердаго двора, словно какое-нибудь театральное представленіе, на которое смотрѣли съ балкона. „Ceux de Guise“—по выраженію одного лѣтописца,—устраивали это нарочно, чтобы доставить развлеченіе дамамъ, которыя начинали скучать. оставаясь долго на одномъ мѣстѣ... Но всего хуже то, что король и его юные братья присутствовали также на этихъ представленіяхъ. Только одна герцогиня Гизъ Анна д'Эстэ, дочь герцога Фаррарскаго и его жена—Ренэ, француженки по происхожденію,—проявила чуткость и сострадательность. Ее насильно притащили на страшное зрѣлище, но она, рыдая, убѣжала въ комнату Екатерины. Здѣсь ея рыданія усилились.

— Что у васъ болитъ? спросила королева,—отчего вы такъ громко стонете?

— Я только-что видѣла самую ужасную трагедію, отвѣтила герцогиня,—жестокое пролитіе крови неповинныхъ подданныхъ короля. Я не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени какое-нибудь великое несчастіе обрушится на нашъ домъ.

Впрочемъ, и самъ Францискъ II былъ безпомощнымъ орудіемъ въ рукахъ Гизовъ и долженъ былъ покорно смотрѣть на жестокости, которыя не могъ предотвратить.

— Почему мой народъ ненавидитъ меня? почти со слезами спросилъ онъ однажды кардинала, потомъ съ внезапнымъ порывомъ гнѣва, добавилъ: говорятъ, что это изъ-за васъ. Право, я хотѣлъ бы, чтобы вы сгинули, тогда я узналъ бы, кого, дѣйствительно, ненавидятъ: васъ, или меня.

Только смерть де-Ренодье, случайно убитаго въ одной перестрѣлкѣ, положила конецъ истребленію заговорщиковъ. Амбуазскій заговоръ окончился полной неудачей. Принцъ Кондэ былъ арестованъ.

„Никогда еще ни одно предпріятіе не было болѣе неудачно задумано и глупѣе выполнено, писалъ Кальвинъ адмиралу Колиньи, желая выгородить себя. Далѣе онъ пояснялъ, что, когда „одно лицо“ спросило его мнѣніе, то онъ отвѣтилъ: „это не Божье дѣло, но даже и съ мірской точки зрѣнія это только легкомысліе и высокомѣріе, а потому оно не можетъ принести добрыхъ плодовъ и, если прольется еще хоть одна капля крови, чаша переполнится и затопитъ всю Европу“.

Къ безхарактерному и легкомысленному королю Наварскому Антону была примѣнена противоположная тактика. Екатерина, на-

*

оборотъ, обласкала Антуана и исподволь начала вести его къ примиренію съ католицизмомъ и даже съ Гизами.

Такова была въ общихъ чертахъ двойственная и нерѣшительная политика Екатерины въ отношеніи гугенотовъ, обозначившаяся съ самаго начала ея правленія.

Несмотря на всѣ старанія, жалобы и слезы принцессы Кондэ, участь ея несчастнаго мужа была рѣшена. Казнь его была назначена на 10 декабря 1560 г. Но смерть Франциска II неожиданно спасла Кондэ.

IV.

Вліяніе женщинъ въ гугенотскомъ движеніи.—Елеонора Кондэ.—Ея твердость и рѣшительность.—Покушеніе на ея жизнь.—Изабелла де-Лимель.—Жанна д'Альбрэ, королева Наварская.—Безхарактерность ея мужа.—Дѣвица де-Лимодьеръ.—Склонность Карла IX къ гугенотамъ.—Соборъ въ Пуасси.—Екатерина требуетъ вѣротерпимости.—Избіеніе гугенотовъ въ Васси.—Заключеніе.

Гугенотское движеніе во Франціи отличалось одною особенностью, по сравненію съ реформаціей въ другихъ странахъ, а именно: за исключеніемъ адмирала Колиньи, самыми дѣятельными и выдающимися его предводителями были женщины аристократическаго происхожденія. Маргарита Ангулемская, положившая начало движенію, была первая въ этой женской династіи. За ней послѣдовалъ рядъ выдающихся по силѣ характера, ума и нравственной прелести женскихъ образовъ. Рядъ этотъ открыла Жанна д'Альбрэ, дочь Маргариты Ангулемской. Тѣмъ временемъ, какъ ея мужъ, король Наварскій, мѣнялъ политику съ легкостью флюгарки, королева Жанна организовала силы гугенотовъ и съ твердостью алмаза встрѣчала всѣ невзгоды. И если Кондэ, въ которомъ было что-то женственное, часто становился жертвой своей увлекающейся натуры, рыцарской галантности и тщеславія, то его супруга какъ-будто исправляла и дополняла его. Она умѣла служить своей цѣли и дѣлала больше однимъ своимъ нравственнымъ вліяніемъ, чѣмъ большинство людей могло бы сдѣлать поступками. Къ сожалѣнію, она умерла слишкомъ рано, 28 лѣтъ. Это была чудная душа,—восхитительный цвѣтокъ строгой гугенотской партіи, болѣе нѣжная и менѣе тщеславная, чѣмъ Жанна д'Альбрэ, святая и стоически твердая. Что касается Жанны, то она вовсе не годилась въ святыя и была, быть можетъ, больше, чѣмъ самъ Колиньи, врожденнымъ командиромъ, къ тому же неутомимая такъ, какъ только можетъ быть женщина, она могла постигнуть даже военныя задачи, что и доказала впослѣдствіи во время осады Ла-Рошель. Столь же дѣятель-

ная, какъ и Жанна, но не столь богато одаренная, какъ она, была дочь Людовика XII, Ренэ, герцогиня Феррарская, которая послѣ смерти герцога покинула Италію и возвратилась во Францію, гдѣ сдѣлалась центромъ религіозныхъ интригъ; герцогиня Феррарская была истымъ политикомъ своей секты. И всѣ эти женщины отнюдь не подчинялись порыву и увлеченію, у нихъ была опредѣленная политика, которую они настойчиво преслѣдовали. Въ дѣла реформаціи онѣ перенесли всю жизнеспособность и энергію ренессанса.

Въ тотъ вѣкъ упадка нравственности, только въ гугенотской средѣ сохранилась и твердо оберегалась святость семьи. Нельзя умолчать объ Елеонорѣ Кондэ. Ея любовь къ мужу до конца оставалась глубокой и преданной, несмотря на его увлеченія и невѣрность.

Едва до нея дошла вѣсть объ его арестѣ, Элеонора со слезами простилась съ дѣтьми и немедленно отправилась въ Орлеанъ. Предстояло потерпѣть лишенія, преодолѣть массу препятствій, но для того только, чтобы достигнувъ, наконецъ, Орлеапа, убѣдиться въ безсиліи передъ судьбой. Гизы такъ обставили заключеніе принца Кондэ, что онъ былъ какъ бы заживо погребенъ. Ни писемъ, никакихъ сношеній нельзя было добиться. Напрасно она обращалась къ Германіи и къ Елизаветѣ Англійской: Кондэ былъ обреченъ на смерть, но никакія препятствія не могли остановить Элеонору; она добилась свиданія съ королемъ и умоляла разрѣшить ей повидаться съ мужемъ только лишь для того,—какъ она говорила,—„чтобы поддержать его мужество". Но все было тщетно. Наконецъ, за четыре дня до дня казни, смерть Франциска измѣнила его положеніе. Чтобы сохранить за собою регентство и при второмъ сынѣ, Екатерина уже не рискнула на такую вещь, какъ казнь бурбонскаго принца крови, Кондэ. Дѣйствительно, вскорѣ ему была предложена свобода, но онъ отказался принять ее, пока честь его не будетъ возстановлена. Когда же на его требованіе было отвѣчено полумѣрами, онъ рѣшился остаться въ своемъ заключеніи,— и въ этомъ героическомъ рѣшеніи его поддержала его героическая жена; только вслѣдствіе его разстроеннаго здоровья, онъ согласился перемѣнить тюрьму на менѣе суровое заключеніе въ Гамѣ, гдѣ ей было позволено остаться. Гизы зорко слѣдили за нею, чтобы имѣть поводъ ее погубить; такъ однажды ее чуть не арестовали за то, что она ѣла мясо великимъ постомъ, другой разъ въ ея карету былъ произведенъ выстрѣлъ, когда она въѣзжала въ городскія ворота.

И многое другое имѣло бы совсѣмъ другой оборотъ, если бы мужъ слѣдовалъ ея совѣтамъ, но, къ сожалѣнію, принцъ Кондэ былъ увлекающимся и легкомысленнымъ человѣкомъ. Три года съ 1561 по 1564 годъ принесли Элеонорѣ только горе и огорченіе. Гизы, которымъ не удалось сразить его силой, уловили его хитростью.

Изабелла де-Лимель, веселая Цирцея, которая держала его во власти своихъ чаръ болѣе двухъ лѣтъ, была орудіемъ въ рукахъ кардинала и самой Екатерины. На Изабеллу, какъ одну изъ блестящихъ участницъ „летучаго эскадрона" королевы-регентши, было возложено порученіе развести принца Кондэ съ женой-гугеноткой и присоединить его къ католической партіи. Во всемъ же остальномъ она была веселая язычница. Возложенная на нее задача была не изъ трудныхъ, но окончательнаго результата, а именно: разлучить его съ женой, она при всемъ своемъ желаніи никогда не могла бы достичь. Принцу Кондэ была слишкомъ необходима поддержка и симпатія жены. Въ то же время, почти увѣренный, что Изабелла—шпіонка, онъ писалъ ей нѣжныя и откровенныя письма. Впрочемъ, Изабелла скоро умерла, и Кондэ попалъ въ сѣти хитрой и очень богатой вдовы маршала де-Сенъ-Андре, которая удерживала его своими пирами и щедрыми подарками.

Отъ всѣхъ этихъ испытаній здоровье Элеоноры было подорвано, и у ней началась серьезная болѣзнь, которая скоро свела ее въ могилу.

Другая энергичная гугенотка, была Жанна, королева Наварская, дочь короля Наварскаго, Генриха и его супруги Маргариты Ангулемской; она была врожденнымъ политикомъ, государственнымъ дѣятелемъ, и это далеко не случайность, что всѣ энергичные и передовые люди того времени присоединялись къ протестантскому движенію, такъ какъ въ тѣ времена это движеніе олицетворяло собой борьбу за свободу, за независимость убѣжденій. Протестантская религія, приверженцы которой были въ меньшинствѣ, правила которой еще формировались, и за догматы которой еще нужно было бороться, представляла самую благопріятную почву для женщинъ-политиковъ. Въ средѣ гугенотовъ выдвинулось не мало такихъ женщинъ, но самыми выдающимися были Жанна Наварская и герцогиня Ренэ Феррарская; впрочемъ, Ренэ, хотя столь же дѣятельная, какъ и Жанна, была какъ бы мельче ея, неспособная къ такимъ широкимъ замысламъ, она приближалась скорѣе къ типу политическихъ интриганокъ, тогда какъ Жанна была дѣятельницей въ крупныхъ размѣрахъ.

Протестантская религія уже потому была сродна Жаннѣ, что она была вполнѣ совмѣстима съ любовью къ искусствамъ и наукамъ, и подъ широкой крышей дома Жанны мирно уживались и ренессансъ, и реформація.

Жанна отличалась главнымъ образомъ твердостью характера, благодаря которому властвовала надъ всѣмъ окружающимъ. Сильная воля, быстрый, ясный умъ, способность сосредоточиваться, потребность властвовать и задорный нравъ были постоянно ея отличительными

качествами. Королева Жанна всегда была такой же своенравной и самостоятельной особой, какъ та маленькая Жанна, которая однажды на вышивкѣ матери вырѣзала головы всѣхъ святыхъ. Въ двѣнадцать лѣтъ она пригласила всѣхъ парижскихъ кардиналовъ и прелатовъ въ соборъ и здѣсь формально объявила отказъ герцогу Клевскому — жениху, избранному для нея ея дядей,—всемогущимъ Францискомъ I, волѣ котораго никто, кромѣ нея, не дерзалъ противиться.

При ея рѣшительномъ и твердомъ характерѣ, ей суждено было имѣть слабаго и безхарактернаго мужа.

Въ первые годы супружества Антонъ имѣлъ больше вліянія на нее, такъ какъ очень дипломатично умѣлъ скрывать свой настоящій характеръ. Въ тѣ годы Жанна была далека отъ всякаго подозрѣнія о слабости мужа: до такой степени онъ умѣлъ обмануть даже ея чуткую наблюдательность. Впрочемъ, тогда онъ еще самъ вѣрилъ въ себя и въ свои силы. Душа его, дѣйствительно, была возвышенна, а замыслы и планы благородны, но силы свершить эти прекрасные порывы ему было не дано. При пылкой натурѣ южанина, Антонъ съ восторгомъ принялся за роль предводителя гугенотовъ. Во всемъ же остальномъ онъ былъ веселымъ и безпечнымъ красавцемъ, превосходно владѣвшимъ шпагой, хорошимъ товарищемъ и храбрымъ солдатомъ. Антонъ, какъ истый французъ, былъ общителенъ и любилъ общество женщинъ, хотя въ счастливый періодъ супружества, Жанна заслонила для него всѣхъ остальныхъ женщинъ въ мірѣ.

Когда король Генрихъ Наварскій умеръ, престолъ Беарна и Навары унаслѣдовала Жанна. Какъ ей, такъ и ея отцу, наслѣдственныя владѣнія достались уже значительно урѣзанными, такъ какъ Испанія отобрала еще у дѣда Жанны провинцію, извѣстную подъ названіемъ Испанской Наварры. Вотъ почему, во все время царствованія Жанны, главной заботой, какъ ея, такъ и ея мужа, было вернуть эту несправедливо отнятую провинцію.

Хотя во всѣхъ дѣлахъ правленія Жанна раздѣляла трудъ съ Антономъ, но ей по преимуществу принадлежала руководящая роль.

До восшествія на престолъ Франциска II, ихъ общественная жизнь протекала довольно гладко. Единственнымъ важнымъ событіемъ была ихъ поѣздка къ французскому двору, съ ихъ маленькимъ сыномъ. Противъ Жанны и ея увеличивающагося влеченія къ гугенотству, начиналось серьезное недовольство. Генрихъ II грозилъ даже войною, если она не устранитъ своихъ протестантскихъ проповѣдниковъ. Жанна искусно отвратила ударъ. Но другія затрудненія не замедлили возникнуть. Французскій король изъ-за своихъ личныхъ выгодъ желалъ пріобрѣсти Навару и предложилъ Жаннѣ въ обмѣнъ другую какую-либо провинцію. Жанна отказала съ понятнымъ негодованіемъ,

тогда отношенія такъ обострились, что во избѣжаніе полнаго разрыва былъ рѣшенъ въ принципѣ будущій бракъ принца Генриха съ принцессой Марго.

Около этого же времени начались горькія разочарованія для Жанны въ супружеской жизни. Антонъ уже не находилъ всѣхъ другихъ женщинъ неинтересными, и его отлучки изъ дому стали продолжительнѣе. Семейныя сцены участились.

Жанна на дѣлѣ убѣдилась въ томъ, какой онъ вообще слабый и безпомощный человѣкъ. До тѣхъ поръ, пока все было спокойно, онъ еще могъ поддерживать свое достоинство, но едва дѣла гугенотовъ осложнялись и къ нему предъявлялись усиленныя требованія, онъ имъ измѣнялъ и отступалъ на каждомъ шагу. Къ этому времени Наварское королевство уже стяжало себѣ репутацію оплота гугенотства. Сюда стекались противники Гизовъ и будущіе заговорщики строили здѣсь свои планы. Жанна вдохновляла и поддерживала ихъ. Она формировала войска на будущее, собирала государственные совѣты, назначала должностныхъ лицъ и издавала указы. Сама англійская королева Елизавета не могла бы сдѣлать болѣе удачнаго выбора людей и не была бы болѣе изобрѣтательнымъ государственнымъ дѣятелемъ, нежели королева Жанна Наварская. Она издала законы о вѣротерпимости, проведя въ законодательномъ порядкѣ; это при иныхъ болѣе спокойныхъ временахъ могло бы обезличить существованіе идеальнаго королевства. Присоединившись къ движенію по искреннему убѣжденію, она хотѣла увлечь за собой и Антона, и онъ присоединялся, но только до тѣхъ поръ, пока былъ у ней на глазахъ, но достаточно было ей отвернуться, чтобы онъ подпалъ подъ иное вліяніе. Гизы подкупили двухъ его секретарей и Антонъ попалъ въ сѣти этихъ шпіоновъ. Онъ то медлилъ и раздумывалъ, пока, наконецъ, не упускалъ благопріятнаго момента, то, въ порывѣ внезапно нахлынувшей энергіи, ускорялъ событія и тѣмъ наносилъ еще большій вредъ.

Быть можетъ, все это и понудило Жанну усилить свою энергію и встать во главѣ партіи, въ качествѣ практической ея руководительницы. Ея миссія при дворѣ, касавшаяся столь дорогаго и близкаго ея сердцу предмета, а именно свободы вѣроисповѣданія, увѣнчалась лишь полумѣрами. Огорченіе и негодованіе Жанны по этому поводу выразились въ почти вызывающей рѣчи, съ которой она обратилась къ Екатеринѣ.

„Всѣ мы скорѣе согласимся умереть,—говорила она,—чѣмъ отречемся отъ нашего Бога и нашей вѣры, безъ которыхъ мы не можемъ существовать, подобно тому, какъ тѣло не можетъ существовать безъ ѣды и питья... Умоляю васъ, государыня, повѣрить, что дѣла, касающіяся души, не могутъ рѣшаться такъ, какъ всѣ другія, потому что

для души существуетъ только одно спасеніе и путь къ нему только одинъ, вотъ почему мы предлагаемъ только то, что можемъ предложить, не больше и не меньше“.

Своего сына она воспитывала въ протестантскомъ духѣ. По мѣрѣ того, какъ ея иллюзіи относительно Антона разлетались, какъ дымъ, и она убѣждалась, что никогда не можетъ быть предводителемъ гугенотовъ, всѣ ея надежды сосредоточивались на маленькомъ Генрихѣ, и она употребляла всѣ старанія, чтобы развить его умъ и характеръ. Она сама даже давала ему уроки. Ежедневно онъ долженъ былъ сдѣлать переводъ на латинскій или греческій языки, и, если ея не бывало дома, то ей посылали для исправленія эти упражненія. Въ это время Генрихъ, которому было 8 лѣтъ, уже перевелъ съ матерью большую часть Платона. Блестящія способности и впечатлительная натура мальчика ободряли ея пылкія надежды на него, и она очень рано начала посвящать его въ дѣла, стараясь поскорѣе выработать изъ него товарища и помощника.

Приблизительно около этого времени Антонъ познакомился съ красавицей m-lle де-ла Лимодьеръ, прозванной La belle Rouet, знакомство, приведшее его къ окончательному нравственному крушенію. Дѣло въ томъ, что „красивой прялкѣ“ (La belle Rouet), принадлежавшей къ „летучему эскадрону“, Екатерина и Гизы дали совершенно такое же порученіе, какъ и Изабеллѣ де-Лимель, по отношенію къ Кондэ, а именно: обратить его въ католичество. Этотъ коварный замыселъ былъ проведенъ въ исполненіе во время совѣта въ Пуасси. На этотъ совѣтъ собрались всѣ участники великой религіозной драмы, и здѣсь Жанна пережила самые тяжелые дни своей жизни, такъ какъ ея положеніе, какъ главы гугенотовъ и какъ супруги, подверглось жестокимъ испытаніямъ.

Исторія Франціи, послѣ смерти Франциска II, могла принять совершенно иное направленіе, если бы король Антонъ Наварскій не проявилъ такой полной безхарактерности. Когда дни Франциска были уже сочтены, Екатерина и Гизы были въ сильнѣйшей тревогѣ, такъ какъ за малолѣтствомъ принца Карла, которому было 9 лѣтъ, ближайшими претендентами на престолъ или по крайней мѣрѣ на регентство были Бурбонскіе принцы. Тогда Екатерина пустилась на хитрость; она пригласила къ себѣ Антона и разыграла комедію несчастной женщины. Въ достаточной степени разжалобивъ его, она упросила его отказаться отъ его правъ на регентство въ ея пользу, за что обѣщала сдѣлать его намѣстникомъ и издавать всѣ указы отъ ея и его имени вмѣстѣ. Уступивъ ея просьбамъ, Антонъ нанесъ жестокій ударъ не только своимъ интересамъ, но и вообще дѣлу гугенотовъ во Франціи.

Первое время, послѣ вступленія десятилѣтняго Карла IX на престолъ, Екатерина старалась держаться партіи гугенотовъ и опиралась во всемъ на короля Наварскаго, котораго, дѣйствительно, допустила къ дѣламъ правленія. Все было въ его рукахъ, но только въ этихъ рукахъ не было силы. Антонъ колебался изъ стороны въ сторону, то заискивая передъ королемъ Испанскимъ, то давая клятвенныя обѣщанія гугенотамъ и не выполняя своего слова ни въ чемъ.

Склонить на свою сторону Кондэ было гораздо труднѣе. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, онъ далъ себѣ слово навсегда порвать всякую связь съ католицизмомъ и остался вѣрнымъ своему рѣшенію. Съ точки зрѣнія Гизовъ, Кондэ былъ гораздо опаснѣе брата, такъ какъ онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, который могъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на Екатерину. Его ловкость, блестящій умъ и находчивость были такъ обаятельны, что она была очень близка къ увлеченію имъ, на сколько это, впрочемъ, было доступно ея натурѣ. Она любила его общество, котораго даже искала, но не измѣняла для него интересамъ своей политики, какъ не задумалась даже заключить его въ тюрьму, когда ей было выгодно.

Ея отношенія къ Колиньи были совершенно иныя. Во всю свою жизнь она уважала его даже тогда, когда наиболѣе ненавидѣла его и, быть можетъ, во все продолженіе ея регентства не было момента, когда она не боялась бы его въ душѣ. Онъ обладалъ двоякой силой: примитивной силой прямаго и честнаго солдата и силой великой сердечной доброты. Эта доброта согрѣвала всѣхъ приходившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, въ особенности молодежь. Если бы Екатерина не приняла во́-время мѣръ, юный король Карлъ IX совершенно подчинился бы его обаянію. Въ Колиньи всего замѣчательнѣе была его пылкая преданность трону.

Если бы Екатерина была способна на какую-либо благородную цѣль, если бы она могла протестовать противъ Гизовъ и была бы хоть на одинъ часъ правдивой женщиной, она постаралась бы найти въ Колиньи оплотъ короны.

Идея созыва совѣта въ Пуасси, на которомъ делегаты гугенотовъ и папистовъ могли бы столковаться и придти къ соглашенію, была превосходна и принадлежала исключительно самой Екатеринѣ, при чемъ ею руководило желаніе мира, а главнымъ образомъ эгоистичное намѣреніе сохранить регентство въ своихъ рукахъ. Впрочемъ, она имѣла полное основаніе опасаться. Положеніе ея было далеко не прочно. Во Франціи ей по-прежнему угрожала ея непопулярность, которая отнюдь не уменьшалась съ годами. Къ тому же регентство женщины было особенно непріятно, даже осуждалось народными представителями. Наконецъ, она была иностранка, флорентинка, даже

не королевскаго рода. Вотъ почему къ ней не было ни того довѣрія, ни того почтенія, какъ если бы она была француженка родомъ, или происходила изъ королевской семьи. Генеральные штаты высказались даже, что ей не слѣдуетъ быть регентшей.

Усиливающееся вліяніе Бурбоновъ и явное увлеченіе двора гугенотствомъ заставили Гизовъ соединиться съ коннетаблемъ. Когда положеніе сдѣлалось невыносимымъ, Екатерина рѣшилась мѣрами успокоенія страны обезпечить свое положеніе. Еще въ декабрѣ 1560 г. на созванныхъ генеральныхъ штатахъ Екатерина при самой пышной обстановкѣ, въ присутствіи короля и народныхъ представителей, а также свѣтской и духовной знати, изложила чрезвычайно либеральную программу, составленную ея личнымъ секретаремъ, просвѣщеннымъ Мишелемъ Опиталь. Колиньи тогда же указалъ на необходимость, чтобы обѣ церкви: католическая и гугенотская пользовались одинаковыми правами въ государствѣ, и большинство присоединилось къ его мнѣнію. Въ результатѣ, послѣ многихъ ожесточенныхъ споровъ, принята была формула, предложенная Опиталемъ и обѣщавшая свободу вѣроисповѣданій, а также нѣкоторыя реформы, предложенныя генеральнымъ собраніемъ. Подробности рѣшено было обсудить на соборѣ въ Пуасси. На этотъ соборъ прибылъ извѣстный кальвинистъ де-Безъ, котораго Екатерина часто приглашала въ свои аппартаменты, и тамъ, въ присутствіи избраннаго кружка, между нимъ и кардиналами происходили блестящія теологическія состязанія, темами которыхъ были столь важные вопросы, какъ таинство.

Католики надменно ожидали своей побѣды, такъ какъ по ихъ мнѣнію у гугенотовъ было мало друзей на собраніи, въ чемъ, впрочемъ, имъ скоро пришлось горько разочароваться. Правда, большинство собравшихся состояло изъ тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя годъ тому назадъ присутствовали на массовыхъ казняхъ въ Амбуазѣ, только характеръ придворныхъ разговоровъ измѣнился, теперь въ модѣ были протестантизмъ, „новыя мнѣнія“ быстро распространялись и прививались при дворѣ и въ аристократической средѣ. И нужно отдать справедливость Гизамъ, только они и ихъ друзья оставались вѣрными религіи отцовъ,—въ другихъ же знатныхъ семьяхъ католическихъ священниковъ спѣшили замѣнить „проповѣдниками“ и все женевское вошло въ большую моду.

Совѣтъ начался при приподнятомъ настроеніи гугенотовъ. На первомъ же засѣданіи де-Безъ произнесъ громовую рѣчь и имѣлъ неосторожность категорически заявить взглядъ гугенотовъ на таинство Евхаристіи. „Его божественное тѣло такъ же далеко отъ хлѣба и вина, какъ небо отъ земли!“ — произнесъ онъ.

При этихъ словахъ представитель католической церкви кардиналъ

де-Турнонъ поднялся и заявилъ, что, если королева-регентша не прикажетъ прекратить этихъ богохульныхъ словъ, онъ и его свита удалятся. Кардинала еле удалось уговорить остаться, но отношенія уже обострились и шансы на спокойное обсужденіе вопросовъ были подорваны.

Ко времени прибытія Жанны д'Альбрэ въ Сенъ-Жерменъ ея мужъ былъ уже центромъ большаго католическаго заговора.

Папскій уполномоченный на соборѣ, Ипполитъ д'Эстэ, имѣлъ вполнѣ опредѣленную программу въ отношеніи Жанны. Сначала должны были сдѣлать попытку обратить ее въ католичество, а если это не удастся, объявить ее еретичкой, низложить съ престола и расторгнуть ея бракъ съ Антономъ. Конечно, всѣ попытки заставить Жанну измѣнить ея убѣжденіямъ разбивались, какъ о каменную стѣну. Что же касается ея мужа, то онъ дошелъ до такого предѣла паденія, что тревожился лишь о томъ, какъ обезпечить за собой французскую Наварру, если онъ въ ней царствовалъ только благодаря браку съ Жанной. Вотъ почему онъ колебался. Однако, онъ не пощадилъ Жанны и однажды во время тяжелой семейной ссоры, когда онъ побоями хотѣлъ заставить ее и маленькаго Генриха идти на мессу, онъ, изъ желанія сильнѣе наказать жену за упорство, самъ разсказалъ ей о заговорѣ, составленномъ противъ нея.

Въ эти поистинѣ трагическіе дни для Жанны, ее не покинулъ только одинъ принцъ Кондэ, въ домѣ котораго она нашла защиту. Однако, у ней отняли ея сына и помѣстили въ іезутскій коллежъ. Ея положеніе въ Парижѣ было до крайности опаснымъ, и ей удалось вернуться въ Наварру, только благодаря тому, что преданные ей гугеноты подъ своей защитой доставили ее въ Беарнъ. Съ мужемъ она уже больше не видѣлась. Впрочемъ, онъ не долго прожилъ послѣ того и умеръ отъ ранъ, полученныхъ при осадѣ Орлеана.

Что же касается совѣта въ Пуасси, то онъ, продлившись шесть недѣль, окончился, какъ и слѣдовало ожидать, почти ничѣмъ; тѣмъ болѣе, что около этого времени гугеноты затѣяли возстаніе, въ провинціяхъ начались смуты, столкновенія и члены совѣта поспѣшили разъѣхаться. Екатерина къ концу 1561 года устроила еще одно собраніе въ Сенъ-Жерменѣ. На этомъ собраніи присутствовало много депутатовъ изъ провинцій. Опиталь и Екатерина въ самыхъ убѣдительныхъ рѣчахъ требовали вѣротерпимости, результатомъ этихъ совѣщаній былъ „январьскій указъ", нѣчто въ родѣ modus vivendi. Съ одной стороны, онъ воспрещалъ гугенотамъ строить ихъ храмы, или пользоваться католическими, но, съ другой стороны, разрѣшалъ собираться для богослуженія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за городомъ. Указъ этотъ былъ, какъ подобаетъ, посланъ въ парламентъ; но

парламентъ отказался его утвердить. Напрасно студенты университета, большинство которыхъ было за гугенотовъ, устраивали вооруженныя шествія къ парламенту, требуя принятія указа, народные представители отказались.

Гнѣвъ Екатерины былъ безпредѣленъ. Она лично отправилась въ Парижъ и явилась прямо въ парламентъ; здѣсь, разбранивъ народныхъ представителей, какъ мальчишекъ, она приказала принять указъ. Тогда предсѣдатель депутатовъ поднялся и, приготовившись уйти, сказалъ Екатеринѣ: „Сударыня, вы и ваши дѣти первые пожалѣете объ этомъ", — за нимъ послѣдовало большинство депутатовъ. Остались только тѣ, которые сочувствовали гугенотамъ, или соглашались напечатать указъ. На слѣдующій день, когда весь парламентъ собрался и увидѣлъ зарегистрованный указъ, къ этому послѣднему сдѣлана была слѣдующая приписка:

„Сей указъ просмотрѣнъ, зарегистрированъ и опубликованъ нашимъ парижскимъ парламентомъ въ силу настойчиваго требованія тѣхъ, которые исповѣдуютъ такъ называемую новую реформированную религію. Но принято это, какъ временная мѣра, впредь до совершеннолѣтія короля".

Но Екатерину ждалъ еще большій афронтъ. Испанскій король, до крайности раздраженный этими поощреніями ереси, пригрозилъ Екатеринѣ войной. Наконецъ, съ помощью особой трубки, проведенной въ стѣнѣ изъ комнаты совѣта въ ея аппартаменты наверху, Екатерина отъ слова до слова могла слышать все, что говорилось въ совѣтѣ, и каково же должно быть было ея положеніе, когда она услышала, какъ Гизы предлагали просто-на-просто утопить ее въ Сенѣ!— Все это, разумѣется, отбило у нея охоту продолжать дальнѣйшія совѣщанія и, взявъ короля, она поспѣшила уѣхать изъ Сенъ-Жерменъ въ Фонтенебло.

Въ началѣ 1562 года произошло знаменитое избіеніе гугенотовъ въ Васси, въ маленькомъ городкѣ въ Шампани, гдѣ по приказанію суроваго герцога Гиза, нѣсколько сотъ безоружныхъ гугенотовъ были умерщвлены во время совершенія ихъ богослуженія. Это подало поводъ къ новымъ возстаніямъ гугенотовъ, которые также не церемонились съ папистами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на ихъ сторонѣ было преимущество въ силѣ.

Екатерина оставалась вѣрна своей системѣ интригъ и двойной игрѣ, пока, наконецъ, гугеноты, подъ предводительствомъ Кондэ не начали открытаго возстанія. Тогда только Екатерина перешла на сторону Гизовъ.

Но самымъ фатальнымъ событіемъ было убійство герцога Франциска Гиза однимъ гугенотомъ близъ Орлеана въ февралѣ 1563 г.

Для католической партіи, лишившейся ея военнаго вождя, это была большая утрата, но и гугенотамъ это убійство не принесло никакой пользы, а только дало поводъ къ тяжкому обвиненію противъ нихъ, а именно: будто покушеніе совершено по наущенію и подкупу Колиньи. Обвиненіе недоказанное и въ даже высшей степени несправедливое, тѣмъ не менѣе, это злополучное убійство оказалось тѣмъ посѣяннымъ зубомъ дракона, изъ котораго выросла цѣлая вооруженная армія. Съ этого времени между Гизами и Колиньи зародилась смертельная вражда, которая могла быть утолена только кровью и которая окончилась, спустя девять лѣтъ, Варѳоломеевской ночью.

Тотъ фактъ, что реформація, давшая такіе блестящіе результаты въ Англіи и Германіи, не привилась вовсе въ Италіи и Франціи, представляетъ обильный матеріалъ для размышленія. Неудача реформаціи во Франціи, гдѣ это движеніе успѣло принять такіе большіе размѣры, гдѣ оно такъ долго и такъ глубоко волновало умы и гдѣ, кажется, болѣе или менѣе выдающаяся женщина, начиная съ Маргариты Ангулемской, принимала въ немъ участіе,—какъ другъ, или недругъ,—эта неудача, повторяемъ, еще болѣе удивительна, чѣмъ въ Италіи, о которой сложилось характерное историческое выраженіе: „Въ Италіи скорѣе можно совсѣмъ упразднить христіанство, чѣмъ сдѣлать ее кальвинистской“. Главная причина неудачи реформаціи заключается, вѣроятно, во враждебномъ характерѣ обѣихъ націй. Если итальянцы врожденные язычники, то французы — скептики по природѣ. Для реформаціи же скептицизмъ столь же неблагопріятенъ, какъ и матеріализмъ итальянцевъ. Скептицизмъ обусловливаетъ практичность, здравый смыслъ, заботу о настоящемъ и значительную дозу равнодушія къ широкимъ горизонтамъ; это онъ порождаетъ практичныхъ, но отнюдь не романтичныхъ женщинъ; практичныя же женщины ищутъ движенія, дѣла и скоро вдаются въ политику; единственная же доступная для женщинъ шестнадцатаго вѣка политика была политика религіи, и на это-то поприще направили свои силы и энергію всѣ эти сильныя женскія натуры. Нѣкоторыя изъ нихъ, подобно Жаннѣ Наварской, были искусны въ богословіи, но богословіе живетъ логикой, исключающей все отвлеченное, фантастическое. Вотъ почему участіе французскихъ женщинъ въ дѣлахъ религіи еще не можетъ служить доказательствомъ религіозности народа, и, дѣйствительно, Франція, ни тогда, ни позже, никогда не была набожной страной.

За то это была страна декорума, и нигдѣ религіозный этикетъ не былъ доведенъ до такого совершенства. На первый взглядъ кажется даже невѣроятнымъ, какъ могла столь мало мистическая страна, какъ Франція, сохранить такую чисто ритуальную религію, какъ ка-

толичество. Но именно эта исключительно показная сторона, съ условной вѣрой и обрядностью была необходима французамъ. Конечно, и во Франціи были выдающіяся изъ общаго уровня личности, возстававшія противъ бездушной обрядности, избранная раса, тѣ высокіе мыслители и ученые, имена которыхъ сдѣлались міровымъ достояніемъ. Но при обсужденіи національнаго характера важно не то, имѣла ли нація такихъ личностей, но то, насколько вліяніе ихъ отразилось на народѣ. Въ данномъ случаѣ вліяніе этихъ личностей на французовъ было почти ничтожно. Вотъ почему гугенотамъ не удалось увлечь своихъ соотечественниковъ.

Въ такихъ неудачахъ обыкновенно принято винить отдѣльныхъ личностей. Говорятъ, напримѣръ, что Александръ VI и его преемники задумали реформацію въ Италіи и что Екатерина Медичи и Гизы убили ее во Франціи; въ дѣйствительности же, эти люди были только орудіемъ судьбы, а никакъ не ея творцами, они сами были результатомъ своего времени и почти не отвѣтственны за него. Правда, Екатерина, при ея полу-французскомъ, полу-итальянскомъ происхожденіи, при ея скептицизмѣ и безвѣріи была самой зловредной личностью на ея мѣстѣ. Но истина всегда сильнѣе людей и, хотя отдѣльныя личности могутъ задержать или ослабить ея прогрессъ, но окончательно разрушить ее все-таки не въ ихъ силахъ. Если ужасы Варѳоломеевской ночи могли положить конецъ протестантизму во Франціи, то это доказываетъ, что въ немъ самомъ не было жизненныхъ силъ. Если бы даже Екатерины вовсе не существовало, если бы избіенія вовсе не случилось, гугеноты все-таки оказались бы побѣжденными.

Были еще и другія, менѣе важныя, причины, которыя также способствовали неудачѣ реформаціи, это, между прочимъ, недостатокъ согласія между самими гугенотами.

Изъ всѣхъ этихъ дѣятелей незыблемо выдѣлялась только мощная фигура Колиньи,—этого человѣка, точно отлитаго изъ бронзы,—убѣжденнаго и непреклоннаго, а потому, вѣроятно, остававшагося одинокимъ, какъ помѣха эгоистичнымъ замысламъ товарищей.

Если Колиньи былъ непригоденъ на постъ главы гугенотовъ, то другое лицо, которое могло бы справиться съ этой задачей, была Жанна Наварская, но она была женщина и ея полъ становился ей на полдорогѣ къ успѣху.

Старинные писатели даютъ два объясненія происхожденію слова „гугеноты“. Одни говорятъ, что оно происходитъ отъ искаженнаго слова „Eidgenossen“, или заговорщики. Другіе же усматриваютъ его начало въ словѣ Hugues,—такъ назывался духъ въ старинныхъ турскихъ балладахъ, и простой народъ, видя еретиковъ, устраивающихъ

свои ночныя богослуженія и проповѣди въ тѣхъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ, по повѣрью, являлся этотъ духъ, прозвалъ ихъ самихъ гугенотами (Huguenots).

Еще труднѣе было бы опредѣлить общественное положеніе гугенотовъ. „Я затрудняюсь, какъ пояснить „L'etat Huguenots",—пишетъ одинъ современникъ,—они не вполнѣ принадлежатъ къ простому народу, но и аристократіей ихъ нельзя назвать. Это демократія, вкрапленная въ аристократію, или республика въ монархіи". Въ словахъ комментатора есть доля правды, такъ какъ въ гугенотскомъ движеніи замѣтны постоянно два рѣзко обособленныхъ элемента, слить которые никогда не удавалось. Попытки въ этомъ направленіи уже дѣлались Маргаритой Ангулемской, когда ея духовникъ епископъ Брисонне основалъ мистическое общество въ Мо, при чемъ она и ея придворные друзья образовали верхній слой, а ткачи—гугеноты, нижній.

Эти крайности, къ сожалѣнію, такъ и остались разрозненными и безсильными, и все это вслѣдствіе отсутствія связующаго элемента. Дѣло въ томъ, что во Франціи того времени не было настоящаго средняго класса, того класса, который соединяетъ и разъединяетъ, и отсутствіе этой промежуточной стадіи и было одною изъ причинъ неудачи новыхъ идей. Конечно, отсутствіе средняго класса слѣдуетъ понимать условно, въ смыслѣ отсутствія обширнаго средняго сословія, какъ мы понимаемъ его нынче, и которое уже существовало въ Англіи и Германіи, и благодаря этому нарождающемуся третьему сословію, состоящему изъ разбогатѣвшихъ мѣщанъ, артистовъ, художниковъ, мастеровъ и горожанъ, въ этихъ двухъ странахъ реформація привилась. Во Франціи же люди свободныхъ профессій находились еще въ зависимости отъ двора и знатныхъ покровителей искусства, что-же касается разбогатѣвшихъ купцовъ, то они присоединялись къ аристократическому классу. Такимъ образомъ массы оставались изолированными, не соединенными буржуазіей и доктрины реформаціи распространялись только между аристократами и бѣдняками.

Во всѣхъ народныхъ движеніяхъ, когда во главѣ массъ стоитъ одинъ изъ ихъ же среды, движеніе имѣетъ много данныхъ окончиться анархіей, какъ это и было во время французской революціи, если же народъ ведутъ аристократическіе вожди, какъ это было во время французской реформаціи, то можно ожидать только неудачи и распаденія; старинныя феодальныя отношенія не замедлятъ сказаться и разница въ общественномъ положеніи слишкомъ велика, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между предводителемъ и его спутниками. Главари гугенотскаго движенія, при всемъ своемъ искреннемъ воодушевленіи идеей борьбы за истину и свободу, не защи-

щаютъ нуждъ народа, котораго они не знаютъ и не понимаютъ. Если Лютеръ, Цвингли, Джонъ Кноксъ и Оливеръ Кромвель имѣли успѣхъ и осуществили свои планы, то это потому, что всѣ они были людьми средняго сословія, отлично знавшими нужды и требованія народа.

Моро, соперникъ Бонапарта [1].

(По неизданнымъ документамъ).

Бонапартъ и Моро первый разъ встрѣтились у директора Гойе, недѣли за три до 18 брюмера. Обойденный и плѣненный Бонапартомъ, думая при томъ, что дѣло шло о спасеніи республики одновременно отъ роялистской реакціи и отъ якобинской опасности, Моро принялъ участіе въ государственномъ переворотѣ. Ничто не измѣнило отношеній двухъ генераловъ до середины слѣдующаго года. Чувствуя необходимость ладить съ Моро, Бонапартъ далъ ему почти полную свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію, въ началѣ германской кампаніи, хотя и не одобрялъ его операціоннаго плана. Полный самоотверженія, Моро старался благопріятствовать успѣхамъ Бонапарта въ Италіи. Оттого согласіе двухъ союзниковъ по 18 брюмера превратилось въ дружбу на другой день послѣ Парсдорфскаго перемирія (15 іюля 1800 г.).

Бонапартъ думалъ даже, въ то время, привязать къ себѣ Моро болѣе тѣсными узами, предложивъ ему жениться на Гортензіи де-Богарнэ. Не совсѣмъ вѣжливый пріемъ, сдѣланный Моро этому предложенію, его бракъ съ дѣвицей Гюло, состоявшійся нѣсколько дней спустя, его нескромность и его отзывы, оскорбительные для семейства Бонапартъ, вызвали неудовольствіе перваго консула.

Это, можетъ быть, и было начало возникшихъ впослѣдствіи несогласій. Бонапартъ воздержался отъ посылки Моро поздравленій по поводу побѣды при Гогенлинденѣ (3 декабря 1801 г.). Онъ отказался утвердить предложенія о наградахъ, сдѣланныя Моро, который былъ очень обиженъ этимъ отказомъ. Его огорчали также случаи невниманія со стороны семейства Бонапартъ, на которые жаловались его теща и жена. Наконецъ, двѣ статьи „Moniteur'а", внушенныя, можетъ быть, первымъ консуломъ и содержавшія обвиненія

[1]) Моро и республиканская оппозиція.

противъ его управленія хозяйственной частью арміи, глубоко оскорбили его.

Таково было настроеніе Моро при его возвращеніи во Францію, весной 1801 г.

I.

Моро пріѣхалъ въ Парижъ 3 преріаля IX года (23 мая 1801 г.) [1]) и тотчасъ же отправился въ замокъ Орсэ, незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтенный г-жей Гюло [2]).

5 преріаля, въ сопровожденіи Десоля, своего начальника штаба, онъ представился, въ штатскомъ платьѣ, первому консулу. „Встрѣча" была „довольно холодная", сообщаетъ Деканъ, со словъ Десоля [3]). Да иначе и быть не могло. Моро имѣлъ много причинъ обижаться на Бонапарта, а высокое мнѣніе, которое онъ составилъ о себѣ, особенно со времени гогенлинденской побѣды, мѣшало ему забыть эти обиды и сдѣлать уступки. Съ своей стороны, консулъ, можетъ быть, узналъ о злословіи, которое позволялъ себѣ Моро на счетъ его и его семейства. Ему не могло быть пріятно возвращеніе въ Парижъ единственнаго генерала, котораго общественное мнѣніе продолжало сравнивать съ нимъ, начальника арміи глубоко республиканской, на котораго „исключительные" (такъ называла полиція консульства республиканцевъ) возлагали свои надежды. Свиданіе, впрочемъ, кончилось лучше [4]). Моро завтракалъ въ Мальмезонѣ, и ходилъ даже слухъ, что ему будетъ поручена экспедиція противъ Англіи [5]). Однако, вскорѣ послѣ того, въ Тюильри былъ большой балъ, на который были приглашены всѣ генералы, находившіеся въ то время въ Парижѣ, за исключеніемъ одного только Моро. По донесенію полиціи, онъ былъ вскорѣ „окруженъ недовольными и даже людьми, занимающими общественныя должности", которые старались вывѣдать его намѣренія относительно перваго консула. Но Моро, „благоразумный и сдержанный", давалъ имъ „лишь ничего не значащіе отвѣты" [6]). Убѣжденный, что Бонапартъ держитъ его въ сторонѣ; желая также, по его словамъ, скрыться одновременно отъ знаковъ

---

[1]) Націон. архивъ, рапортъ помощн. префектуры отъ 4 преріаля IX г. Journal des Débats подъ 4 прер. объявляетъ: „генералъ Моро въ Парижѣ".

[2]) Неиздан. мемуары Декана, т. X.

[3]) Ibid.

[4]) Неиздан. мемуары Декана.

[5]) Arch. nat., рапортъ полиціи 13 прер. IX г.

[6]) Ibid., рапортъ полиціи 8 прер. IX г.

недовольства офицеровъ своей арміи, получившихъ, при распредѣленіи наградъ, меньше, чѣмъ офицеры итальянской арміи, и отъ назойливыхъ вопросовъ интригановъ [1]); опасаясь, наконецъ, „возбудить противъ себя неудовольствіе, слишкомъ выставляясь на похвалы публики, которая намѣтила его въ преемники, хотя и не считала его способнымъ къ этому [2]),—Моро принялъ рѣшеніе удалиться въ Орсэ.

Многіе офицеры рейнской арміи открыто жаловались на перваго консула [3]), который не сдѣлалъ ихъ начальнику „торжественнаго пріема" при возвращеніи его изъ Страсбурга и не оказывалъ ему подобающаго уваженія. Сообща съ нѣкоторыми изъ друзей Моро и съ бретонцами, живущими въ Парижѣ, они рѣшили предложить своему генералу обѣдъ, сопровождаемый вечернимъ собраніемъ, въ садахъ Руджіери. Но эта манифестація не имѣла успѣха, котораго они ожидали: Моро казался „смущеннымъ", и общее чувство натянутости тяготѣло надъ всѣми гостями, такъ что Деканъ могъ сказать, что онъ видѣлъ „жаръ и живость только въ фейерверкѣ, пущенномъ Руджіери" [4]).

Подчинявшійся вліянію своей жены и тещи, а также генерала Лагори и полковаго адъютанта Ленормана, слишкомъ гордый, чтобы заискивать у перваго консула—Моро упорствовалъ въ принятомъ имъ рѣшеніи держаться въ сторонѣ [5]). Хотя вообще за нимъ не признавали „никакого политическаго таланта" [6]), онъ былъ надеждой республиканцевъ и роялистовъ, которые сейчасъ же подумали сдѣлать его своимъ вождемъ и скомпрометтировать его.

Бонапартъ былъ освѣдомленъ объ ихъ проискахъ. „Генералъ Моро много занимаетъ умы", докладывалъ полицейскій рапортъ. Разсказываютъ съ аффектаціей объ его подвигахъ и у нѣкоторыхъ замѣчается намѣреніе выдвинуть его на видъ и обратить на него всѣ взоры [7]). „Въ кафэ и во всѣхъ другихъ собраніяхъ этого рода", говорится въ другомъ бюллетенѣ, „теперь только и разговоровъ, что о немъ, объ его добродѣтеляхъ, общественныхъ и частныхъ, и его ставятъ выше всѣхъ военныхъ безъ исключенія" [8]). Ему при-

---

[1]) Arch. nat., рапортъ полиціи 8 прер. IX г.

[2]) Bailleu, Прусск. королев. архивы, донесеніе Луккезини отъ 1-го іюня 1801 г.

[3]) Arch. nat., рапортъ 26 прер. IX г.

[4]) Неиздан. мемуары Декана.

[5]) Arch. des Affaires étrangères, fonds Bourbons, vol. 602, f. 147.

[6]) Fiévée, Correspondance et relations avec Bonaparte, I, 205.

[7]) Arch. nat., рапортъ полиціи 12 мессидора IX г.

[8]) Тамъ же.

писывали „тайные планы"; его называли „единственнымъ человѣкомъ, которому можно бы ввѣрить судьбы государства" [1]). Обскій префектъ послалъ ему какъ отъ своего имени, такъ и отъ всѣхъ гражданъ своего департамента, „дань удивленія" [2]).

Моро былъ чуждъ этой пропагандѣ; нѣкоторые полицейскіе рапорты честно признавали это [3]). Но агитація, которую создавали вокругъ его имени, естественно должна была внушать первому консулу, если не опасенія, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое безпокойство. При томъ Бонапарту не безъизвѣстно было, что Моро позволялъ себѣ, въ Орсэ, въ присутствіи друзей и даже постороннихъ, критику относительно его особы и его управленія [4]). Быть можетъ, онъ зналъ также, что Моро насмѣшливо говорилъ о направленныхъ противъ него враждебныхъ попыткахъ. Хотя гордость Наполеона страдала отъ этого злословія, однако, все заставляетъ думать, что онъ считалъ умѣстнымъ сдѣлать попытку сближенія. Такъ, по его иниціативѣ состоялось постановленіе о сохраненіи Моро содержанія по званію главнокомандующаго, простиравшагося до 40.000 франк. [5]). Кромѣ того, онъ оказывалъ, по словамъ Декана, величайшее вниманіе къ брату Моро, члену трибуната [6]). Онъ старался, наконецъ, устроить случай къ личной встрѣчѣ съ Моро.

Первый консулъ каждое воскресенье пріѣзжалъ въ Тюильри на парадъ и для дачи аудіенцій. Деканъ регулярно бывалъ тамъ, и каждый разъ Савари и Раппъ, вѣроятно, по приказанію Бонапарта, у котораго они были адъютантами, говорили ему о Моро и освѣдомлялись о его здоровьѣ и его мѣстопребываніи. Деканъ сначала охотно отвѣчалъ на ихъ разспросы; но потомъ, заподозривъ „притворство съ ихъ стороны", особенно, когда они спрашивали, „почему его никогда не видать въ Тюильри", объявилъ, что этого онъ не знаетъ, и посовѣтовалъ имъ спросить самимъ объ этомъ у Моро.

Желая прекратить все увеличивавшееся несогласіе, Деканъ счелъ долгомъ сообщить Моро объ этихъ разговорахъ, прибавивъ, что онъ готовъ передать въ точности отвѣтъ. Моро сказалъ, что „онъ слишкомъ старъ, чтобы гнуть спину". Очень удивленный, Деканъ представилъ ему на это цѣлый рядъ возраженій. Развѣ можно сказать, доказывалъ онъ, про тѣхъ, кто приближается къ главѣ правительства,

---

[1]) Тамъ же, рапортъ отъ 7 термидора IX г.

[2]) Префектъ департ. Обь къ Моро, 4 прер. IX г. (Corr領pondance particulière de Moreau).

[3]) Arch. nat., рапорты отъ 4 мессидора и 13 термитора IX г.

[4]) Неизд. записки Декана.

[5]) Arch. nat., 238.

[6]) Неизд. мемуары Декана.

у котораго они находятъ хорошій пріемъ, что они преклоняются передъ нимъ? Да при томъ, кто первый поклонился? Не Бонапартъ ли поднесъ, въ прошломъ году, пару пистолетовъ главнокомандующему рейнской арміей? Къ тому же никто болѣе, чѣмъ онъ, главнокомандующій, „не способствовалъ возвышенію Бонапарта и упроченію правительства". Не говорилъ ли самъ Моро, не задолго передъ тѣмъ, что „все идетъ очень хорошо, и что одинъ только Бонапартъ способенъ былъ вывести Францію изъ затруднительнаго положенія? Что за причина этой перемѣны? Моро ограничился отвѣтомъ, что „Бонапартъ дурно окруженъ, и что дѣла идутъ не такъ, какъ бы слѣдовало" [1]).

Побужденіями къ непріязненному положенію, занятому Моро, были, слѣдовательно, не одни только личныя неудовольствія противъ Бонапарта. Внутренняя политика перваго консула, мѣры, принятыя противъ республиканцевъ послѣ покушенія на улицѣ Сенъ-Никезъ, отмѣна свободы печати, возвратъ къ монархическимъ формамъ, любезный пріемъ, оказанный представителямъ стараго дворянства, были для Моро болѣе серьезными причинами осужденія.

Деканъ возразилъ своему собесѣднику, что, держась въ сторонѣ и критикуя дѣйствія перваго консула, едва-ли можно надѣяться поправить зло, на которое онъ жаловался. Ему болѣе, чѣмъ всякому другому, прибавилъ онъ, приличествуетъ дѣлать представленія, но для этого нужно сблизиться съ правительствомъ. Приходъ постороннихъ прервалъ этотъ разговоръ.

Моро думалъ, можетъ быть, что его замѣчанія оставались бы безъ результата; все-таки онъ поступилъ бы прямодушно, уступивъ совѣтамъ Декана. При томъ многіе изъ бывшихъ подчиненныхъ Моро, при всей ихъ преданности своему генералу, смотрѣли съ неудовольствіемъ на его раздоръ съ главой государства, отъ котораго они могли всего ожидать, и порицали его рѣшеніе держаться въ сторонѣ. Съ своей стороны, Бонапартъ принялъ ловкую тактику, которую обнаружилъ Деканъ. „Чѣмъ болѣе ложная политика генерала Моро и зловредное вліяніе, которому онъ подчинялся, заставляли его упорствовать въ своей оппозиціи, тѣмъ болѣе первый консулъ оказывалъ благорасположеніе генераламъ рейнской арміи" [2]). Зная ихъ республиканскій образъ мыслей, онъ старался разсѣять ихъ предубѣжденія противъ конституціи VIII года и утишить ихъ справедливое озлобленіе противъ тѣхъ, которые еще недавно сражались противъ Франціи [3]). Стараясь,

---

[1]) Неиздан. мемуары Декана.

[2]) Неиздан. мемуары Декана.

[3]) Тамъ же.

быть можетъ, образовать пустоту вокругъ Моро, Бонапартъ употреблялъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, всѣ средства, чтобы привлечь къ своей особѣ и своей политикѣ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ не считалъ систематически враждебными ему. Такъ, онъ ввѣрилъ имъ, въ 1801 г., большую часть инспекторскихъ мѣстъ въ пѣхотѣ и кавалеріи, и, въ маѣ 1802 г., назначилъ Декана, по его просьбѣ, генералъ-капитаномъ въ Пондишери.

Нѣкоторые другіе генералы рейнской арміи, между прочимъ, Ришпансъ, были уже ранѣе посланы въ колоніи. Моро ошибочно заключилъ изъ этого, что первый консулъ имѣлъ намѣреніе отправлять въ ссылку тѣхъ, кто былъ слишкомъ преданъ ему, Моро. Та же сказка циркулировала между войсками парижскаго гарнизона [1]). Моро указалъ на это Декану, который энергически запротестовалъ и сообщилъ ему, что Бонапартъ дѣйствительно только исполнилъ его желаніе [2]).

Будированіе Моро, его наклонность все критиковать, дѣйствія и людей, проявлялись и другими пессимистическими преувеличеніями, какъ, напримѣръ, такой оцѣнкой, сообщаемой д'Аллонвилемъ: „пришелъ конецъ французской арміи! она храбра только потому, что она республиканская. Консулатъ—эта та же монархія; нѣтъ болѣе доблести, нѣтъ болѣе войска, достойнаго этого имени; отнынѣ достаточно будетъ малочисленныхъ австрійскихъ патрулей, чтобы гонять его, какъ трусливое стадо“ [3]).

II.

Моро продолжалъ жить въ Орсэ зиму 1801—1802 г., пріѣзжая въ Парижъ только два или три раза въ недѣлю [4]). 3 декабря онъ праздновалъ годовщину гогенлинденской битвы, собравъ на обѣдъ всѣхъ генераловъ рейнской арміи, находившихся въ Парижѣ. Онъ предупредилъ Декана, что другихъ генераловъ не будетъ; оттого тотъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ Бертье, военнаго министра, между гостями. На замѣчаніе его по этому поводу, Моро отвѣтилъ, что „это приглашеніе имѣло цѣлью отвратить отъ ума Бонапарта всякую мысль о заговорѣ“.

Моро зналъ или догадывался, что, со времени его возвращенія

---

[1]) Arch. nat., рапорты полиціи отъ 9 нивоза и 23 прер. XI г.

[2]) Неизд. мемуары Декана.

[3]) D'Allonville, Mémoirs secrets, IV, 93—94.

[4]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 21 нивоза X г.

изъ Германіи, онъ подвергался подозрѣніямъ Бонапарта и полиціи [1]). Деканъ, который, безъ сомнѣнія, не зналъ этого, удивился, что у его начальника явилась „такая мысль". Но изъ этого разговора онъ понялъ, что ссора все болѣе и болѣе обостряется, и еще разъ посовѣтовалъ Моро „сблизиться съ правительствомъ". Когда Моро возразилъ, что „ему нечего просить у правительства", Деканъ сталъ говорить о „пользѣ отечества" и о „выгодѣ столькихъ офицеровъ", которые до того служили подъ его начальствомъ, и которые не могутъ, какъ ихъ генералъ, „обойтись безъ службы у правительства". Онъ прибавилъ, что очень многіе изъ этихъ офицеровъ, очень скромные, ожидаютъ, чтобы ихъ бывшій начальникъ засвидѣтельствовалъ объ ихъ заслугахъ. Другіе явно выражали недовольство. Моро возразилъ, что его рекомендація была бы имъ скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Деканъ, не раздѣляя этого взгляда, настаивалъ на своемъ мнѣніи, но не добился успѣха [2]).

Усилія его парализовались болѣе сильными вліяніями. М-мъ Гюло, завистливая и смутьянка, раздувала распрю. Лагори, Лекурбъ, Бернадотъ, бригадный генералъ Фурнье-Сарловезъ, поддерживали враждебное настроеніе Моро. Другіе генералы, между прочимъ, Брюнъ, Коло (Colaud), Дельма, Макдональдъ, Массена, были, какъ и тѣ, твердыми республиканцами. Со времени заключенія люневильскаго мира вся ихъ дѣятельность обратилась къ политикѣ, и они, наконецъ, узнали о тайныхъ видахъ перваго консула, которые были выданы нѣкоторыми изъ его наперсниковъ, по разсчету или по нескромности. При томъ же они считали себя равными Бонапарту и не могли допустить мысли, чтобы онъ сдѣлался верховнымъ правителемъ. „Между ними нѣтъ ни одного,—говоритъ роялистскій агентъ,—который бы не считалъ себя его ровней и не признавалъ бы за собой тѣхъ же правъ, какъ и онъ, на первое мѣсто въ государствѣ; нѣтъ ни одного, который бы не смотрѣлъ на его возвышеніе, какъ на личную себѣ обиду" [3]). Такимъ образомъ, къ убѣжденіямъ ихъ присоединялись зависть и праздность, и они вознамѣрились противодѣйствовать планамъ Бонапарта.

Скоро, впрочемъ, первый консулъ пересталъ скрывать свои планы, и анти-либеральныя мѣры слѣдовали одна за другой въ теченіе IX года. Несмотря на сильную оппозицію со стороны республиканцевъ, философовъ и части арміи, онъ подписалъ конкордатъ 26 мессидора IX г. (15 іюля 1801 г.). Предварительныя условія мира съ Англіей, уста-

---

[1]) Рапорты полиціи X и XI гг.

[2]) Неиздан. мемуары Декана.

[3]) Remacle, Bonaparte et les Bourbons, 1802 г.

новленныя 9 вандемьера X г. (1 октября 1801 г.), еще болѣе увеличили его популярность. Сенатское постановленіе 27 вандемьера X г. очистило трибунатъ и законодательный корпусъ, выключивъ изъ нихъ почти всѣхъ членовъ оппозиціи [1]).

Но не такъ легко было уничтожить ее въ арміи, гдѣ республиканцы насчитывали еще много сторонниковъ, особенно въ полкахъ, участвовавшихъ въ германской кампаніи. Полиція внимательно слѣдила за ними. Примѣтили одного молодаго офицера, „восторженно цѣловавшаго Марка Брута" [2]). Многіе офицеры бывшей гвардіи директоріи старались „посѣять смуту въ умахъ гренадеръ", говоря имъ, что „теперь у нихъ командиры все изъ шуановъ, которые нечувствительно приведутъ ихъ къ монархіи" [3]). Другіе публично высказывали „оскорбительныя сужденія о многихъ членахъ правительства" [4]) и восклицали, глядя на портретъ Карно: „вотъ единственный республиканецъ, не согнувшійся передъ кумиромъ дня" [5])! Уже около года, реформированные офицеры (уволенные въ отставку, съ сохраненіемъ части содержанія), которыхъ, въ брюмерѣ IX года, насчитывалось, на жительствѣ въ Парижѣ [6]), отъ 6.000 до 7.000, обращали на себя вниманіе своими постоянными жалобами и своимъ недовольствомъ, проявляемымъ при всякомъ случаѣ [7]). Они бросались очертя голову въ оппозиціонныя партіи, особенно между „исключительными" [8]), какъ на это указываютъ рѣчи, которыя имъ приписывали: „они говорятъ, что не потеряли надежды; что они покажутъ когда-нибудь, что не для того проливали кровь, чтобы снова подпасть подъ иго тиранніи; что опальные генералы ждутъ, какъ и они, въ молчаніи благопріятнаго момента; что начинаютъ замѣчать, что республика приближается къ концу, и что необходимо измѣнить это положеніе дѣлъ" [9]). Даже офицеры, состоявшіе на дѣйствительной службѣ, и тѣ роптали, со времени заключенія конкордата, противъ возстановленія католической религіи [10]), противъ вліянія, которое снова пріобрѣтали патеры [11]), противъ призыва эмигрантовъ [12]). Всѣ снова принялись „превоз-

---

1) Arch nat., 104.
2) Ib., рапортъ полиціи 14 прер. IX г.
3) Arch nat., рап. полиціи 21 жерминаля IX г.
4) Ib., рапортъ 10 вандем. X г.
5) Ib.
6) Ib., рапортъ пол. 14 брюмера IX г.
7) Arch. nat., рапорты 8 флореаля, 2 и 26 прер. IX г., 1 и 29 нивоза X г.
8) Ib., рап. 28 ванд. и 20 плювіоза X г.
9) Arch. nat., рап. полиціи 29 нивоза X г.
10) Ib., рап. пол. 5 нивоза X г.
11) Ib., рап. пол. 14 нивоза X г.
12) Неиздан. мемуары Декана, t. X.

носить таланты Моро"[1]). По словамъ Форьеля, различныя партіи продолжали смотрѣть на Моро „какъ на человѣка, вполнѣ подходящаго для того, чтобы сдѣлаться дѣятельнымъ врагомъ Бонапарта и его проектовъ"; они надѣялись, „привязать его къ себѣ и воспользоваться его славой для осуществленія своихъ плановъ"[2]).

Несмотря на эту оппозицію, Бонапартъ методически преслѣдовалъ свои проекты. Амьенскій миръ, заключенный 4-го жерминаля X года (25-го мая 1802 г.), принесъ общее умиротвореніе, котораго такъ жаждала нація, и еще болѣе увеличилъ престижъ перваго консула. Недѣли черезъ три послѣ заключенія мира, 28-го жерминаля X г., была совершена въ соборѣ Богоматери торжественная месса въ честь обнародованія конкордата. Бонапартъ велѣлъ оставить для своей жены трибуну, отдѣлявшую въ то время хоры отъ средняго пространства храма. М-мъ Гюло явилась въ церковь вмѣстѣ съ своей дочерью и силой заняла мѣсто, предназначенное Жозефинѣ. Шапталь, сообщающій этотъ фактъ, увѣряетъ, что Бонапартъ былъ сильно раздосадованъ[3]). Самъ Моро, которому было прислано военнымъ министромъ приглашеніе отправиться на церемонію вмѣстѣ съ правительствомъ[4]), не присутствовалъ на ней, и, если вѣрить Тибодо, осмѣивалъ ее за обѣдомъ, который имѣлъ мѣсто въ тотъ же день у Бертье.

Другіе генералы, въ томъ числѣ Дельма, громко высказывали свое недовольство[5]); ходилъ даже слухъ, что они составили противъ перваго консула заговоръ, во главѣ котораго, будто бы, стояли Моро и Массена[6]). Мало-по-малу Бонапартъ разсѣялъ ихъ, поручая миссіи, дипломатическія или военныя, чтобы удалить ихъ изъ Парижа.

---

[1]) Arch. nat., рап. пол. 18 нивоза X г.

[2]) Fauriel, Les derniers jours du Consula, 104.

[3]) Chaptal, Mémoires, 264.—По словамъ одного роялистскаго агента, напротивъ, м-мъ Гюло и м-мъ Моро было, будто бы, отказано во входѣ въ соборъ, отчего послѣдняя упала въ обморокъ (Remacle, loc. cit., 75). Но эта версія мало правдоподобна.

[4]) Воен. министръ къ Моро, жерминаль X г. (Arch. guerre Correspondance particulière de Moreau).

[5]) Remacle, loc. cit., рапортъ 10 іюня 1802 г. По словамъ Тибодо, когда первый консулъ спросилъ у Дельма его мнѣніе о церемоніи, тотъ отвѣтилъ: „это—прекрасная капуцинада. Недостаетъ только милліона людей, которые были убиты для того, чтобы разрушить то, что вы теперь возстановляете" (Mémoires sur le Consulat, 163). „Распространили слухъ, что первый консулъ рѣшилъ было устроить церемонію освященія знаменъ, но не посмѣлъ этого сдѣлать, потому что солдаты говорили во всеуслышаніе, что растопчутъ ихъ ногами". (Ibid., 165).

[6]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 21 и 23 флореаля X г.

Макдональдъ былъ назначенъ посломъ въ Копенгагенъ, Брюнъ—въ Константинополь, Ланнъ—въ Лиссабонъ. Бернадотъ получилъ командованіе западной арміей, главная квартира которой находилась въ Реннѣ; Гувьонъ-Сенъ-Сиру было поручено командованіе французской и испанской арміями въ войнѣ противъ Португаліи. Лагори, наконецъ, былъ уволенъ въ запасъ 1-го вандемьера X г., а 9-го фрюктидора XI г. въ отставку [1]). Эта послѣдняя мѣра не могла не огорчить Моро.

III.

Законъ 29 флореаля X года (19 мая 1802 г.).

Законъ 29-го флореаля X года (19-го мая 1802 г.) объ учрежденіи почетнаго легіона „очевидно, еще болѣе, чѣмъ возстановленіе католицизма, былъ направленъ къ осуществленію тайныхъ видовъ Бонапарта", создавая, по выраженію одного современника, „первый кавалерскій орденъ, первый посредствующій корпусъ между французскимъ народомъ и Бонапартомъ [2])". „Старый порядокъ имѣлъ дворянство, писалъ одинъ роялистскій агентъ; теперь почетный легіонъ замѣнитъ его" [3]). Это было кромѣ того, по справедливому замѣчанію Люсьена, средство сосредоточить на первомъ консулѣ, во вредъ другимъ генераламъ, вниманіе, желанія и признательность арміи", и пріучать солдата видѣть въ Бонапартѣ „высшаго распорядителя его судьбы, источникъ его надеждъ" [4]). Республиканская партія отлично понимала это. Законъ встрѣтилъ въ законодательномъ корпусѣ, въ трибунатѣ и въ арміи энергическую оппозицію. Общественное мнѣніе отнеслось къ нему неблагопріятно [5]). Моро отказался, какъ утверждали, войти въ составъ легіона, и ему приписали слѣдующія слова: „что вы намѣрены дѣлать съ вашимъ почетнымъ легіономъ? Вѣдь, почетный легіонъ—это вся армія" [6]). На обѣдѣ у Моро, гдѣ присутствовали Бертье и Мармонъ, бригадный генералъ Фурнье, говорятъ, разразился бранью противъ Бонапарта. Нѣкоторые изъ гостей, правда, протестовали; однако, „не только не заставили смѣльчака за-

---

[1]) Arch. administrat. du ministère de la guerre.
[2]) Fauriel, Les derniers jours du Consulat, 49.
[3]) Remacle, loc. cit.
[4]) Mémoires secrets sur Lucien Bonaparte, I, 160—161.
[5]) Remacle, loc. cit., 74, rapport du 26 juillet, 1802.
[6]) Ibid., rapport du 6 août 1802.

молчать, но большинство присутствующихъ, повидимому, слушали его съ удовольствіемъ" [1]). Генералъ Дельма пошелъ еще далѣе: онъ публично назвалъ перваго консула „злодѣемъ и чудовищемъ" [2]).

Послѣдняя мѣра, правда, самая важная, еще болѣе увеличила раздраженіе оппозиціи. Увѣренный въ поддержкѣ духовенства со времени заключенія конкордата, Бонапартъ сталъ добиваться пожизненнаго консульства. По внушенію Комбасереса и по инціативѣ Шабо-де-Лалье, „трибунатъ предложилъ 16-го флореаля X г. дать Бонапарту блистательный залогъ національной признательности". Но сенаторы, хотя употреблены были всѣ средства, чтобы повліять на нихъ, на кого просьбами, на кого угрозами, ограничились тѣмъ, что избрали напередъ перваго консула на новый десятилѣтній періодъ. „Вотъ второй шагъ, сдѣланный къ королевской власти", — воскликнула м-мъ де-Сталь; „боюсь, чтобы этотъ человѣкъ, какъ боги Гомера, при третьемъ шагѣ не достигъ Олимпа" [3]). Въ дѣйствительности, это была неудача.

Чтобы поправить ее, Бонапартъ и его совѣтники придумали тогда представить на рѣшеніе народа вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли объявить перваго консула пожизненнымъ и дать ему право назначить своего преемника. Государственный совѣтъ принялъ этотъ проектъ, и постановленіемъ консуловъ, отъ 20-го флореаля X года, представлявшимъ настоящій государственный переворотъ, было рѣшено произвести этотъ референдумъ [4]). Сенатскимъ постановленіемъ 14-го термидора X года (2-го августа 1802 г.) Бонапартъ былъ провозглашенъ пожизненнымъ консуломъ. Затѣмъ, 16-го термидора, онъ побудилъ сенатъ вотировать другое рѣшеніе, которымъ измѣнялись многія изъ основныхъ положеній конституціи VIII года, и которое предоставляло ему право назначенія своего преемника. Это было, по справедливому выраженію одного историка революціи, „отреченіе Франціи въ пользу одного человѣка" [5]).

Образъ жизни перваго консула въ Тюильри, въ началѣ простой, мало-по-малу сдѣлался, со времени Маренго, пышнымъ и почти царскимъ. „Все принимаетъ вокругъ генерала Бонапарта и его супруги манеры и этикетъ Версаля", писалъ одинъ современникъ. Парадная

[1]) Ibid., 30, rapport du 10 juin 1802.

[2]) Archives des Affaires étrangères, fonds Bourbons, vol. 602, fol. 7.

[3]) Madame de Staël et Napoléon, цитир. Полемъ Готье, 83.

[4]) Современники не обманывались на этотъ счетъ. См. Girardin, Mémoires, III, 266; Fauriel, loc. cit., 45 и 55; Roederer, Oeuvres, III, 466.

[5]) Aulard, Histoire politique de la Révolution française, 751.

роскошь, экипажи, ливреи, многочисленный штатъ прислуги, опять появились во всемъ. Дѣлаютъ выборъ въ допущеніи иностранцевъ; имена иностранныхъ дамъ, представляемыхъ первому консулу въ салонѣ его супруги, возглашаются однимъ изъ префектовъ дворца. Онъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый вкусъ къ охотѣ, и лѣса, • гдѣ прежде охотились короли Франціи и принцы крови, теперь предназначены для него и офицеровъ его свиты" [1]). Бонапартъ называлъ Леклерка: нашъ шуринъ; это было, какъ замѣтилъ кто-то, первое королевское „мы" [2]).

Моро противопоставлялъ этой пышности консульскаго двора крайнюю простоту, которую иные считали признакомъ чрезмѣрной гордости, и которая въ дѣйствительности была „глубоко искренней". Все болѣе и болѣе недовольный анти-либеральными мѣрами Бонапарта, онъ жилъ почти въ полномъ уединеніи въ деревнѣ, въ имѣніи Гробуа, купленномъ у Барраса, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, охотой и рыбной ловлей, помогая бѣднымъ окрестной мѣстности [3]). Жена его говорила, что онъ желаетъ „только покоя" [4]). Приглашенный, въ декабрѣ 1802 г., на обѣдъ къ военному министру, онъ пріѣхалъ туда въ одеждѣ изъ гладкаго сукна, очень простой, и въ круглой шляпѣ. Этотъ костюмъ рѣзко выдѣлялся „среди этой толпы генераловъ и сановниковъ, блиставшихъ шитьемъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками" [5])... Ему оказывали, впрочемъ, во время обѣда, величайшее вниманіе, и, по словамъ Міо-де-Мелито, Бонапартъ долженъ былъ, съ этого момента, „смотрѣть на него уже не какъ на соперника, а какъ на явнаго врага" [6]).

Это, кажется, была эпоха, когда республиканская оппозиція достигла высшей степени. „Между военными и генералами недовольство дошло до крайности" [7]), писалъ одинъ роялистскій агентъ. „Конкордатъ и пожизненный консулатъ крайне раздражили здѣсь горячія головы", доносилъ префектъ департамента Иль-Виленъ министру внутреннихъ дѣлъ [8]). Дѣло о пасквиляхъ, возникшее дѣйствительно въ Реннѣ, главномъ городѣ этого департамента, было важнымъ признакомъ. По словамъ Демаре, Бонапартъ не могъ сомнѣваться, что Бер-

---

[1]) Bailleu, loc. cit., 81, рапортъ Луккезини отъ 28 апр. 1802 г.

[2]) M-me de Staël, Dix années d'exil, 57.

[3]) Письмо мэра Буасси-Сенъ-Леже къ Моро (Arch. guerre, Correspondance particul. de Moreau).

[4]) Arch. nat., рап. полиціи 10 флореаля IX г.

[5]) Reichardt, Un hiver à Paris sous le Consulat, 146.

[6]) Miot de Melito, Mémoires, II, 158.

[7]) Remacle, loc. cit., 29 rapp. du 10 juin 1802.

[8]) Arch. nat. (lettre du 15 prairial an X).

надотъ былъ въ этомъ дѣлѣ вдохновителемъ, быть можетъ, сообщникомъ, и что Моро, по крайней мѣрѣ, былъ посвященъ въ тайну [1]). Реформированные офицеры примѣшивали восхваленіе этого послѣдняго къ своимъ жалобамъ противъ правительства [2]). Въ своей враждѣ къ первому консулу они объявляли, что такъ какъ хотятъ возстановить монархію, то „пусть графъ де-Лиль пріѣзжаетъ сейчасъ же взять въ свои руки бразды правленія [3]). Даже консульская стража была не надежна. Въ Версали солдаты „держали дерзкія рѣчи противъ правительства и перваго консула“ [4]). Полиція замѣтила, что генералы Массена, Лекурбъ, Коло, Дюпонъ-Шомонъ, Моро жили по близости другъ отъ друга, между Вильневъ-Сенъ-Жоржъ, Гробуа и Меленъ, и что они имѣли частыя собранія въ Сенарскомъ лѣсу [5]). Республиканцы продолжали превозносить Моро и вели пропаганду въ его пользу, въ салонахъ, среди рабочихъ и между войсками парижскаго гарнизона [6]). Припоминали его успѣхи въ Германіи и его геройскія отступленія [7]). Съ аффектаціей противопоставляли его побѣды побѣдамъ Бонапарта; приводили отзывъ Карно: „Моро—единственный человѣкъ, способный стать во главѣ дѣлъ“ [8]).

Эти происки республиканской партіи безпокоили перваго консула, эти сравненія задѣвали его самолюбіе. Мюратъ, ненавидѣвшій Моро, старался „ежедневно возбуждать Бонапарта ядовитыми донесеніями; онъ, какъ слышно, сговорился съ префектомъ полиціи Дюбуа постоянно преслѣдовать его тревожными доносами“ [9]). Всеобщее уваженіе и вниманіе, которымъ пользовался Моро, раздражали перваго консула, который велѣлъ слѣдить за его поступками и его перепиской, наблюдать за его домомъ и друзьями, даже принимать мѣры къ прекращенію нѣкоторыхъ собраній, гдѣ бывалъ Моро, и гдѣ онъ находилъ много иностранцевъ, желавшихъ познакомиться съ нимъ [10]). Полковникъ Фуа, очень дружный съ Моро и заподозрѣнный въ интригованіи вмѣстѣ съ нимъ, едва не былъ арестованъ. Мармонъ, сообщающій

---

[1]) Demarest, Quinze ans de haute police sous le Consulat et l'Empire, 84. См. также Guillon, Les complots militaires sous le Consulat et l'Empire.

[2]) Ibid., rapp. du police du an X.

[3]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 5 термидора X г.

[4]) Ibid., полиц. бюллетень отъ 2 вандемьера X г.

[5]) Ibid., рап. полиціи отъ 18 вандем. XI г.

[6]) Ibid., рап. отъ 2 и 13 вандем., 19 и 27 фримера, 17 плювіоза XI г.

[7]) Ibid., рап. отъ 14 нивоза XI г.

[8]) Ibid., рап. отъ 8 вантоза XI г.

[9]) M-me de Rémusat, Souvenirs, I, 303.

[10]) Arch. nat., рап. полиціи отъ 5 вантоза XI г.; Rémacle, loc. cit., 270 и 390; Fauriel, loc. cit., 104 и 107.

этотъ фактъ, увѣряетъ, что Фуа былъ спасенъ, только благодаря его заступничеству [1]).

Узнавъ, что капитанъ Рапатель, одинъ изъ близкихъ друзей Моро, замѣшанъ въ дѣло о пасквиляхъ, первый консулъ предписалъ министру полиціи потребовать объясненій у генерала. Моро отвѣчалъ „сдержанно, шутливымъ тономъ и показывалъ видъ, что находитъ смѣшнымъ этотъ дѣтскій разговоръ" [2]). Фуше сдѣлалъ объ этомъ докладъ Бонапарту со всевозможнымъ смягченіемъ, которое ему внушала его дружба къ Моро. Тѣмъ не менѣе консулъ былъ сильно разгнѣванъ. По словамъ Демаре, онъ воскликнулъ: „надо положить конецъ этой борьбѣ! Несправедливо, чтобы Франція страдала, раздираемая между двумя человѣками... Если онъ считаетъ себя въ состояніи управлять... Бѣдная Франція!"

Онъ, будто бы, поручилъ Фуше предложить тому, кого онъ считалъ своимъ соперникомъ, дуэль въ Булонскомъ лѣсу. Министръ въ тотъ же вечеръ пригласилъ къ себѣ Моро, убѣждалъ его примириться и добился отъ него обѣщанія поѣхать на слѣдующій день въ Тюильри [3]). Моро исполнилъ свое обѣщаніе [4]) и былъ принятъ очень любезно, — „объ этомъ говорили какъ о событіи при дворѣ" [5]).

IV.

Но вражда продолжала существовать. Чего Моро не могъ простить первому консулу, это—прогрессивное исчезновеніе республиканскихъ учрежденій, это—не прекращающіяся посягательства на свободу. Ему приписывали сужденіе, которое, если оно вѣрно передано, показываетъ истинную причину его оппозиціи. Въ одномъ салонѣ, гдѣ находился Моро, говорили по очереди о Лафайетѣ, о Бонапартѣ и о Вашингтонѣ. Моро, хранившій молчаніе при оцѣнкѣ двухъ первыхъ, высказался съ горячими похвалами о послѣднемъ. „Вамъ, значитъ, нравится Вашингтонъ?" спросилъ у него кто-то изъ присутствующихъ.

---

[1]) Duc de Raguse, Mémoires, II, 21.

[2]) Desmarest, loc. cit., 84.

[3]) Ibid., 85—86.

[4]) Arch. nat., бюллетень полиц. префектуры отъ 16 вандем. XI года.

[5]) Desmarest, loc. cit., 86.

„Да,—отвѣтилъ онъ,—очень нравится, и я исполненъ удивленія къ нему, потому что въ завоеваніи свободы онъ не останавливался на полдорогѣ и не переходилъ къ угнетенію“ [1]).

Въ день 18 брюмера, Моро, по его словамъ, подчинился Бонапарту въ надеждѣ, что тотъ исполнитъ свои патріотическія обязанности; но, видя нарушеніе имъ всѣхъ своихъ обѣщаній, онъ отдалился [2]).

Въ дѣйствительности, Моро былъ гораздо менѣе опасенъ, чѣмъ это вообразилъ себѣ Бонапартъ. Правда, онъ, казалось, стоялъ во главѣ фрондеровъ [3]), но на самомъ дѣлѣ это скорѣе послѣдніе собирались вокругъ его имени и старались сдѣлать его своимъ вождемъ. „Вообще, — какъ справедливо говоритъ одинъ рапортъ полиціи, — всѣ люди партіи всегда имѣютъ въ виду человѣка, котораго они выставляютъ какъ своего патрона или покровителя и стараются навязать ему роль, о которой тотъ чаще всего и не догадывается“ [4]).

Нѣкоторая нерѣшительность, которую, вѣрно или нѣтъ, замѣтили у Моро въ его политическихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, была причиной того, что на немъ сосредоточились надежды всѣхъ партій, за исключеніемъ якобинцевъ, которые считали его роялистомъ или готовымъ каждую минуту сдѣлаться таковымъ. Извращали его рѣчи; ему приписывали тайныя намѣренія и искусно начертанный планъ поведенія; даже называли опредѣленно цѣль, къ которой онъ будто бы стремился. Одни, полагая, что открыли секретъ его поведенія въ глумленіи, которое онъ, будто бы, позволялъ себѣ надъ патерами и конкордатомъ, не задумались помѣстить его въ число республиканцевъ, на которыхъ можно разсчитывать, и заранѣе смотрѣли на него, какъ на мстителя ихъ дѣла и возстановителя республики [5]). Его упорный отказъ войти въ составъ почетнаго легіона, насмѣшки по этому поводу, которыя ему приписывали, его презрительные отзывы о первомъ консулѣ, ка-

---

1) Remacle, loc. cit., рап. отъ 6 авг. 1802 г.

2) La Fayette, Mémoires, 209 (Бесѣда съ Моро): „Къ нему (Моро) были несправедливы, приписывая злобной зависти его возраставшую непріязнь къ Бонапарту... Онъ, несомнѣнно, былъ одушевленъ болѣе благородными побужденіями: негодованіе добродѣтельнаго гражданина, оскорбленнаго во всѣхъ своихъ чувствахъ, во всѣхъ вѣрованіяхъ—вотъ что господствовало надъ нимъ“ (Hyde de Neuville, Souvenirs, I, 487).

3) Remacle, loc. cit., рап. отъ 25 янв. 1803 г.

4) Arch. nat., рап. полиціи отъ 12 термидора IX г.

5) Remacle, loc. cit., рап. отъ 22 марта 1803 г.; Arch. nat., рап. 10 флореаля XI г.

залось, подтверждали это мнѣніе. Послушный, по мнѣнію другихъ, совѣтамъ своей честолюбивой жены и тещи интриганки, онъ дѣйствовалъ въ личныхъ интересахъ для своего собственнаго возвышенія. Наконецъ, въ такъ называемыхъ тогда, „старыхъ салонахъ" циркулировала другая версія. Тамъ не сомнѣвались, что Моро составилъ проектъ возстановленія трона въ пользу претендента. Увѣряли, что онъ имѣетъ „непосредственныя и постоянныя сношенія съ Варшавой"; что собственными глазами видѣли присланныя ему инструкціи что знаютъ сдѣланныя ему обѣщанія. „Это область химеръ, писалъ одинъ роялистскій агентъ, болѣе осторожный [1]); для предупрежденія и глупости нѣтъ нелѣпыхъ химеръ".

Въ самомъ дѣлѣ, хотя полиція обратила вниманіе на присутствіе въ имѣніи Гробуа „бывшихъ вандейцевъ и эмигрантовъ" [2]), можно считать внѣ всякаго сомнѣнія, что до того времени Моро никогда не имѣлъ никакихъ сношеній и ни дѣлалъ никакихъ шаговъ, которые могли бы давать роялистамъ право на малѣйшую надежду въ отношеніи его.

Бонапартъ старался впослѣдствіи выставить Моро приверженцемъ Бурбоновъ, измѣнявшимъ Франціи уже съ 1795 г. [3]). Редакторъ мемуаровъ Барраса справедливо называетъ это обвиненіе „чудовищной клеветой" [4]); тѣмъ не менѣе, послѣдній біографъ Моро снова воспроизводитъ его [5]), и одинъ довольно извѣстный писатель этимъ же объясняетъ нѣкоторую медленность въ операціяхъ армій, которыми коман-

---

[1]) Remacle, loc. cit., 238, рап. 25 янв. 1803 г.

Разсказывали, будто однажды за обѣдомъ, чтобы выразить своему повару свое удовольствіе за восхитительный пастетъ, Моро провозгласилъ его „кавалеромъ кастрюли". (Remacle, 238—239).—Ср. général de Bonneval, Mémoire-anecdotiques, 17.

Рейхардтъ считаетъ эту исторію „сомнительной": она не соотвѣтствуетъ, говоритъ онъ, ни складу ума, ни спокойнымъ манерамъ Моро. По его мнѣнію, это просто выдумка той категоріи людей, которые всегда готовы разжигать тлѣющій огонь. (Loc. cit., 404—405).

[2]) Remacle, loc. cit., рап. отъ 22 марта 1803 г.

Arch. nat., рап. 10 вантоза XI г.; Ibid., рап. 6 вандемьера XII г.

[3]) Mongaillard, Mémoires secrets, 45 и т. д.—Huon de Penanster увѣряетъ, что эта брошюра была написана въ XII г. по приказанію перваго консула (Une conspiration en l'an XI et XII, 193), что, повидимому, вѣрно. Монгальяръ предлагаетъ подвергнуться какому угодно испытанію... Онъ дастъ всѣ ручательства, какія въ его власти." (Note au ministre de la police générale du 9 messidor an IX, Arch. nat.). — См. также Pichegru et Moreau, Paris, an XII.

[4]) Barras, Mémoires, II, 155.

[5]) Dontenville, le général Moreau, стр. 59 и слѣд.

довалъ Моро. „Теперь, говоритъ онъ, въ преданности Пишегрю и Моро королевскому дѣлу никто уже не сомнѣвается. Неизвѣстно только въ точности, когда они перешли со службы республики на службу легитимизма“ [1]).

Многія достовѣрныя свидѣтельства опровергаютъ это утвержденіе, не подкрѣпляемое никакими доказательствами. Моро не только не былъ преданъ Бурбонамъ или даже не питалъ къ нимъ въ душѣ симпатіи, но, напротивъ, по словамъ Демаре, ненавидѣлъ ихъ [2]), выражался о нихъ „съ глубочайшимъ презрѣніемъ“ [3]), называлъ ихъ „глупцами и трусами“ [4]). Гайдъ-де-Невиль, водившій съ нимъ знакомство въ Америкѣ, говоритъ, что ему никогда не удавалось разрушить у Моро „сильныя предубѣжденія противъ Бурбоновъ [5]). Сама м-мъ Моро не могла, по словамъ Демаре, побѣдить „отвращеніе къ нимъ у своего мужа“ [6]). Одинъ проницательный роялистскій агентъ не ошибался, впрочемъ, на счетъ истинныхъ мнѣній Моро и объявилъ „вымышленными“ его мнимыя сношенія съ Фошъ-Борелемъ [7]).

Вѣрно то, что Моро, горячо защищавшій дѣло революціи, остался республиканцемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ „рѣзко оборвалъ Невиля (Hyde-de-Neuville), когда тотъ, однажды, за обѣдомъ у него сталъ говорить противъ революціи“ [8]). Впрочемъ, и Людовикъ XVIII такъ же судилъ о Моро, если вѣрить Лафайету. Когда его стали восхвалять, король отвѣтилъ: „все это прекрасно, но на самомъ дѣлѣ онъ былъ республиканецъ, и смерть его не такъ прискорбна, какъ полагаютъ“ [9]).

---

[1]) Général Pelet, Mémoires sur la guerre de 1809 en Allemagne II, 309—310.

[2]) Desmarest, loc. cit., 102.

[3]) Arch. nat., „свѣдѣнія о французахъ, живущихъ нынѣ въ Америкѣ“.

[4]) Агентъ, сообщающій эти отзывы, слышалъ ихъ изъ устъ самого Моро.

[5]) Hyde de Neuville, Mémoires, I, 486.—Cp. d'Allonville, IV, 93.

[6]) Desmarest, loc. cit., 110. Демаре говоритъ, что у него есть письмо м-мъ Моро къ ея мужу по этому предмету.—Наполеонъ подтверждаетъ этотъ фактъ: „въ октябрѣ 1813 г. почта изъ главной квартиры арміи въ Богеміи была перехвачена, и всѣ бумаги Моро были забраны. Генералъ Рапатель, его адъютантъ и землякъ, пересылалъ м-мъ Моро его бумаги; она упрекала его во всѣхъ своихъ письмахъ за его отдаленіе отъ Бурбоновъ... за его революціонные предразсудки“... (Montholon, Mémoires, I, 50).

[7]) Remacle, loc. cit., 74—75; рапортъ отъ 26 іюля 1802 г.; Ibid., 123, рап. отъ 19 сент. 1802 г.

[8]) Arch. nat. dossier 2796.

[9]) La Fayette, loc. cit., 214.

Но въ политикѣ, какъ и въ стратегіи, Моро былъ умѣреннымъ. Впрочемъ, по словамъ Невиля, онъ и не придавалъ политикѣ большаго значенія, считая ее гораздо ниже военнаго искусства [1]).

По словамъ Форьеля, число людей, съ которыми онъ симпатизировалъ по своимъ политическимъ чувствамъ, сводилось къ пяти или шести членамъ меньшинства сената; сношенія же онъ имѣлъ только съ двумя или тремя изъ нихъ, да и эти сношенія ограничивались безплодными пожеланіями лучшаго положенія дѣлъ. Ни Моро, ни его друзья не имѣли опредѣленнаго плана, чтобы противодѣйствовать намѣреніямъ Бонапарта, или разрушить то, что онъ уже воздвигъ. „Они не имѣли для этого средствъ, какъ и смѣлости, и въ этихъ сношеніяхъ, которыя могли казаться Бонапарту заговорами только подъ вліяніемъ сознанія, что онъ естественно долженъ былъ вызывать законную оппозицію своими проектами и своимъ поведеніемъ,... не тотъ выказывалъ наименѣе нерѣшительности и слабости, кто выигрывалъ битвы“ [2]). Разсужденіе одного роялистскаго агента могло бы успокоить перваго консула: „что должно бы, писалъ этотъ агентъ, убѣдить, что у Моро нѣтъ никакого замысла, это его открытое поведеніе: такъ явно выставляться напоказъ не соотвѣтствуетъ политикѣ вождя заговора“ [3]). И самъ Моро не преминулъ выставить этотъ аргументъ въ рѣчи, произнесенной имъ во время его процесса:

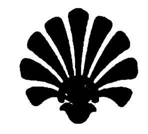
„Развѣ конспираторы осуждаютъ такъ открыто неодобряемое ими? Такая откровенность не согласуется съ тайнами и покушеніями политики. Если бы я задумалъ и преслѣдовалъ конспиративные планы, я, конечно, скрывалъ бы свои чувства и добивался бы всѣхъ тѣхъ должностей, которыя бы вновь поставили меня среди силъ націи. Чтобы начертать себѣ этотъ путь, за неимѣніемъ политическаго генія, котораго у меня никогда не было, я имѣлъ передъ глазами общеизвѣстные, увѣнчавшіеся успѣхомъ, историческіе примѣры. Я зналъ, можетъ быть, что Монкъ не удалился отъ арміи, когда задумалъ составить заговоръ; и что Кассій и Брутъ приблизились къ сердцу Цезаря, чтобы пронзить его“ [4]).

На всѣ дѣлаемыя ему предложенія Моро отвѣчалъ, что онъ не хочетъ ни во что вмѣшиваться, и что онъ приберегаетъ свою шпагу и свою жизнь для защиты отечества, если того когда-либо потре-

---

[1]) Hyde de Neuville, loc. cit., I, 486.
[2]) Fauriel, loc. cit., 106.
[3]) Remacle, loc. cit., 235.
[4]) Процессъ Жоржа Пишегрю и др., VII, 381—382.

буютъ обстоятельства. Онъ упорно пребывалъ въ оппозиціи, но, такъ сказать, „по инерціи“. Бернадотъ, имѣвшій съ нимъ продолжительныя бесѣды у м-мъ Рекамье, не могъ уговорить его „сдѣлать какой-либо починъ“. Извѣстно, какъ окончился, въ слѣдующемъ году, все болѣе и болѣе усиливавшійся раздоръ между Бонапартомъ и генераломъ Моро.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

О подпискѣ въ 1906 г. на изданіе Сергѣя Шарапова.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Русское дѣло и въ текущемъ 1906 году такъ же мужественно будетъ идти противъ революціоннаго потока, такъ же стойко защищать національную, земскую и общественную свободу, такъ же страстно выяснять народные идеалы и вѣрованія, такъ же безпощадно разоблачать всякую ложь и обманъ, откуда бы таковые ни шли и какими бы громкими фразами ни прикрывались. Теперь, въ критическій моментъ для родины, особенно важно и дорого искреннее, независимое и **ТРЕЗВОЕ** слово правды. И если ранѣе мы не склоняли своего знамени передъ темной и злой силой бюрократическаго произвола и насилія, то тѣмъ болѣе не подчинимся ни деспотизму кружковъ, ни террору улицы.

Газета будетъ выходить **ПОКА** еженедѣльно. Принимаемъ всѣ мѣры къ скорѣйшему переходу на ежедневную. **УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ** не измѣнятся: Годъ **8** р., ½ года **4** р., 3 мѣсяца **2** р. съ дост. и перес.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Пахарь останется въ 1906 году тѣмъ же политическимъ и сельско-хоз. **ДЕШЕВЫМЪ** ежемѣсячнымъ народнымъ изданіемъ. Его задача—возводить въ сознаніе и укрѣплять чувства высокаго и чистаго народнаго патріотизма, сплачивать и организовывать православную сельскую Русь и уяснять ей ея собственные идеалы правды, свободы, порядка и русской государственности. Въ сел.-хоз. отдѣлѣ будутъ общедоступн. статьи по улучшенію всѣхъ отраслей земледѣльч. культуры, мелкихъ технич. производствъ. **БЕЗПЛАТНО** будутъ разосланы **ДВѢ ПРЕМІИ:** 1) книга С. Ѳ. Шарапова **„РОССІЯ БУДУЩАГО“** и 2) **„ПРОЕКТЫ НОВЫХЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕШЕВЫХЪ ПОСТРОЕКЪ“.**

1 рубль въ годъ съ дост. и перес.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ журнала со всѣми преміями и приложеніями съ доставкой и пересылкой **ОДИНЪ РУБЛЬ.** Въ книжныхъ магазинахъ 1 р. и 10 к. въ пользу магазина. Наложеннымъ платежомъ (на 1-ю книжку) 1 р. 20 коп. На другіе сроки подписка не принимается.

Полный комплектъ „Пахаря“ за 1905 годъ съ безплатными преміями: 1) книгою „Крестьянское самоуправленіе“ и „Чертежомъ сибирскаго привода „Вороба“ къ молотилкѣ“ высылается за 1 руб.

Контора и редакція обоихъ изданій въ Москвѣ, Скатертный пер., домъ Московскаго Домостроительнаго Общества.

Въ С.-Петербургѣ Отдѣленіе конторы у д-ра А. И. Дубровина (Изм. полкъ, 4-я рота, д. 6).

Редакторъ-издатель **Сергѣй Шараповъ.**

3—3

повсюду составляли главную причину быстраго и повсемѣстнаго распространенія заразы и чрезвычайной продолжительности ея. Это была первая достовѣрная чумная эпидемія. Послѣдняя чума была въ Одессѣ въ 1902 г. Больнымъ впрыскивалась сыворотка Yersin'a, и результаты лѣченія были въ высшей степени благопріятны. Судя по послѣднимъ появленіямъ этой болѣзни,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—можно сказать, что въ будущемъ намъ уже нечего бояться ея.

Избранныя сочиненія **Т. Н. Грановскаго**. Москва. Редакція В. А. Соколова, изданіе В. В. Думнова. Ц. 75 к.

4-го октября 1905 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Тимоѳея Николаевича Грановскаго, одного изъ виднѣйшихъ представителей знаменитой плеяды людей сороковыхъ годовъ. Какъ извѣстно, Грановскій занималъ каѳедру всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ; но дѣятельность и вліяніе его простирались далеко за предѣлы университетской аудиторіи: онъ любилъ выступать со своимъ вдохновеннымъ убѣжденнымъ словомъ и передъ болѣе широкими общественными кругами, которые платили ему за эти уроки исключительнымъ уваженіемъ и восторженною любовью.

За протекшія пятьдесятъ лѣтъ русская историческая наука ушла далеко впередъ, и, можетъ быть, нѣкоторыя научныя воззрѣнія и выводы Грановскаго утратили часть своей прямой, непосредственной цѣнности. Но Тимоѳей Николаевичъ дорогъ русскому обществу не только какъ ученый, но главнымъ образомъ — какъ передовой боецъ за лучшія начала человѣческой жизни, и если, можетъ быть, за это время, съ накопленіемъ новыхъ историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій,—устарѣла нѣсколько фактическая сторона его трудовъ, то мысли, которыми они проникнуты, по-прежнему сохраняютъ вѣчно-юную, неувидаемую силу, такъ какъ въ нихъ яркимъ лучемъ горятъ безсмертные идеалы правды, добра, любви и красоты.

Сочиненія Грановскаго выдержали уже четыре изданія, при чемъ въ нихъ было собрано все, что осталось послѣ него—и ученыя монографіи, и публичныя лекціи, и журнальныя статьи, и даже проектъ и наброски учебника исторіи. Въ расматриваемое нами общедоступное изданіе вошли избранныя его сочиненія, предназначавшіяся самимъ авторомъ для болѣе обширныхъ слоевъ общества, а не только для университетской каѳедры и спеціалистовъ-историковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы ярче освѣтить въ памяти читателей благородный образъ Грановскаго, — здѣсь помѣщены отзывы о немъ двухъ его современниковъ: его друга и наслѣдника по каѳедрѣ, проф. П. Н. Кудрявцева, и знаменитаго писателя нашего И. С. Тургенева.

На первомъ планѣ напечатана рѣчь Грановскаго о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Московскаго университета 12 января 1852 г. Затѣмъ помѣщены четыре историческія характеристики (Тимуръ, Александръ Великій, Людовикъ IX, и Бэконъ). Далѣе слѣдуютъ характеристики: Баярда, этого рыцаря безъ страха и упрека, и Петра Рамуса, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка. Вслѣдъ за упомянутыми характеристиками читатель найдетъ преданія о Карлѣ Великомъ: 1) Карлъ и Дезидерій Лангобардскій; 2) Карлъ Великій и змѣя и 3) Возвратъ короля Карла изъ Венгріи. Затѣмъ слѣдуютъ пѣсни Эдды о Нифлунгахъ и въ заключеніе: „Ослабленіе классическаго преподаванія въ гимназіяхъ и неизбѣжныя послѣдствія этой перемѣны".

По внѣшности книга издана изящно, назначенная за нее цѣна не велика.

Князь В. П. Максутовъ. Исторія древняго востока. Культурно-политическая и военная съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассиро-Халдея и Персія. Томъ II. Книги V—VIII. Цѣна 5 р.

Второй томъ капитальнаго труда кн. Максутова состоитъ изъ четырехъ книгъ, изъ которыхъ первыя двѣ отведены Ассиро-Халдеѣ, а послѣднія двѣ—Персіи.

Въ пятой книгѣ, прежде всего, помѣщены свѣдѣнія по географіи Ассиро-Халдеи и ея населеніи; далѣе разсматриваются: администрація и право, религія, письменность и литература, науки (астрономія, математика, медицина и магія, философія, механика и гидравлическія сооруженія); искусство—архитектура, скульптура, живопись и музыка; военное искусство, городское хозяйство, соціальное положеніе народа и его домашній бытъ.

Шестая книга заключаетъ въ себѣ собственно исторію Ассиро-Халдеи, начиная съ древнехалдейскаго царства и кончая паденіемъ Вавилона.

Изложеніе седьмой книги начинается съ географическаго очерка Персіи; затѣмъ авторъ говоритъ о населеніи Ирана, подробно разбираетъ религію, администрацію и право. Сказавъ о наукѣ и письменности, подробно останавливается на военномъ искусствѣ (организація арміи, вооруженіе и снаряженіе, тактика, фортификація, стратегія и путь завоеваній, морское дѣло). Не мало мѣста отведено кн. Максутовымъ городскому хозяйству (ремесло и промышленность, торговля, денежное хозяйство). Въ послѣднихъ двухъ главахъ разсматривается соціальный вопросъ и домашній бытъ.

Восьмая книга посвящена исторіи Персіи и раздѣляется на три главы; первая обнимаетъ собою мидійскій періодъ; вторая заключаетъ въ себѣ эпоху 550—400 годовъ (Киръ, Камбизъ, самозванецъ Гаумата, Дарій I, Ксерксъ, Артаксерксъ I, Дарій II). Третья глава отведена послѣднимъ Ахеменидамъ (Артаксерксъ II, Артаксерксъ III Охъ, Дарій III). Въ заключеніе авторъ выясняетъ значеніе Персіи.

Н. К-ш-ъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. ІЮНЬ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) Портретъ Николая Ѳедоровича Раевскаго;

2) Таблица политическихъ рецидивистовъ до смерти императора Александра II.

Принимается подписка на „Русскую Старину" изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1906.

вышла 1-го іюня 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 121-й. Архивъ князя А. И. Чернышева. Бумаги А. И. Чернышева за царствованіе императора Александра I. 1809—1825 г. Спб. 1906 г.

Бумаги князя А. И. Чернышева были переданы Императорскому Русскому Историческому Обществу для обнародованія въ Сборникѣ нынѣшнимъ владѣльцемъ ихъ, княземъ Александромъ Владиміровичемъ Барятинскимъ, котораго мать, Елизавета Александровна Барятинская,— была дочерью князя Чернышева.

Напечатанныя въ разсматриваемомъ нами 121-мъ томѣ Сборника бумаги кн. А. И. Чернышева обнимаютъ царствованіе императора Александра I и представляютъ собою очень разнородный по содержанію матеріалъ.

Этотъ томъ Сборника долженъ былъ первоначально появиться подъ редакціей извѣстнаго историка, бывшаго директора Императорской Публичной Библіотеки ген.-лейт. Н. К. Шильдера, составившаго, на основаніи бумагъ князя Чернышева, біографію его, доведенную имъ только до 1812 г. Послѣ кончины его, изданіе бумагъ князя Чернышева за Александровское время возложено было на секретаря Императорскаго Русск. Историч. Общества, Г. О. Штендмана, которому смерть также помѣшала докончить этотъ трудъ. Поэтому Общество пригласило къ изданію настоящаго тома причисленнаго къ Государственному и С.-Петербургскому Главнымъ архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ, князя Н. В. Голицына, подъ редакціей котораго онъ и вышелъ въ свѣтъ.

Поставивъ себѣ цѣлью возможно полное освѣщеніе дѣятельности Чернышева въ Александровскую эпоху, — редакція включила въ число подлежавшихъ обнародованію документовъ изъ архива Чернышева всѣ тѣ, которые писаны были имъ самимъ, не исключая и такихъ, которые могутъ имѣть значеніе только для личной біографіи Чернышева. Кромѣ того, для достиженія указанной цѣли, использованы были не только документы архива Чернышева, но и хранящіеся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главныхъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ бумаги, имѣющія отношеніе къ возлагавшимся въ разное время на Чернышева дипломатическимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ.

Всѣ бумаги подраздѣлены на 13 отдѣловъ, сообразно съ характеромъ документовъ, при чемъ въ каждомъ отдѣлѣ соблюденъ строгій хронологическій порядокъ. Отдѣлы I, II, III, IV, VII, VIII и IX посвящены дипломатической дѣятельности Чернышева съ 1809 по 1817 г.; каждый изъ нихъ въ отдѣльности касается какого-либо особаго порученія политическаго и военно-дипломатическаго характера, которое возлагалось императоромъ Александромъ I-мъ на Чернышева, какъ на довѣренное лицо. Напечатанные въ отдѣлахъ I — IV документы въ значительной степени восполняютъ донесенія и письма Чернышева за 1809 — 1811 гг. изъ Шёнбрунна, Парижа и Стокгольма, изданныя въ 21-мъ томѣ Сборника.

Отдѣлъ V содержитъ въ себѣ бумаги, касающіяся военной дѣятельности Чернышева въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг., при чемъ помѣщенное среди нихъ обширное описаніе его дѣйствій въ этихъ кампаніяхъ уже было напечатано раньше [1]), а двѣ докладныя записки его — объ обязанностяхъ флигель-адъютантовъ во время войны и о планѣ дѣйствій противъ Наполеона I въ 1812 г. — обнародованы были Н. К. Шильдеромъ [2]).

Отдѣлы VI и X состоятъ изъ докладныхъ записокъ Чернышева императору Александру I, какъ политическаго, такъ и военно-стратегическаго характера за 1814 — 1815 гг. и за время Ахенскаго конгресса въ 1818 г.

Отдѣлъ XI заключаетъ въ себѣ подлинныя бумаги Комитета объ устройствѣ войска Донского; въ XII отдѣлѣ собрана переписка Чернышева съ разными лицами за 1809—1825 гг. Интересна сохранившаяся въ бумагахъ Чернышева записка, писанная неизвѣстною рукою,— „Отношеніе къ Государю числа 12". Вотъ она: „Родился 12 декабря 1777 г., т. е. 12-го числа XII мѣсяца.

Шведы подступили къ Кронштадту въ 1789 г., на 12-мъ году его возраста, или 1-й разъ 12.

Восшествіе на престолъ 12 марта 1801 г., на 24 году отъ рожденія, что составляетъ 2 раза 12.

Нашествіе французовъ въ 1812 г. случилось на 36-мъ году жизни его, въ коихъ содержится 3 раза 12.

Скончался въ 1825 г. на 48 г. отъ рожденія, содержащихъ въ себѣ 4 раза по 12; былъ боленъ 12 дней.

Царствовалъ 24 года, что составляетъ 2 раза 12".

Въ XIII отдѣлѣ помѣщены семейныя письма и бумаги Чернышева; главное мѣсто среди послѣднихъ занимаютъ письма его къ сестрѣ его, княгинѣ Е. И. Мещерской, при чемъ напечатаны изъ нихъ только тѣ, которыя имѣютъ какое-либо біографическое или обще-историческое значеніе.

Въ „Приложеніяхъ" напечатаны тѣ документы, которые отношенія къ Чернышеву не имѣютъ, но оказались среди его бумагъ; таковы письма великихъ княгинь Маріи Павловны и Екатерины Павловны къ графу Н. П. Румянцеву и обширная записка министра финансовъ графа Д. А. Гурьева о государственномъ устройствѣ Россіи, уже напечатанная въ 90-мъ томѣ Сборника Общества, но вновь издаваемая теперь въ виду того, что въ рукописи, оказавшейся среди бумагъ Чернышева, находятся любопытныя замѣчанія на нее неизвѣстнаго лица, не появившіяся въ печати при первомъ ея изданіи.

Въ концѣ книги помѣщенъ азбучный указатель именъ, что значительно облегчаетъ справки.

Таково содержаніе 121-го тома Сборника.

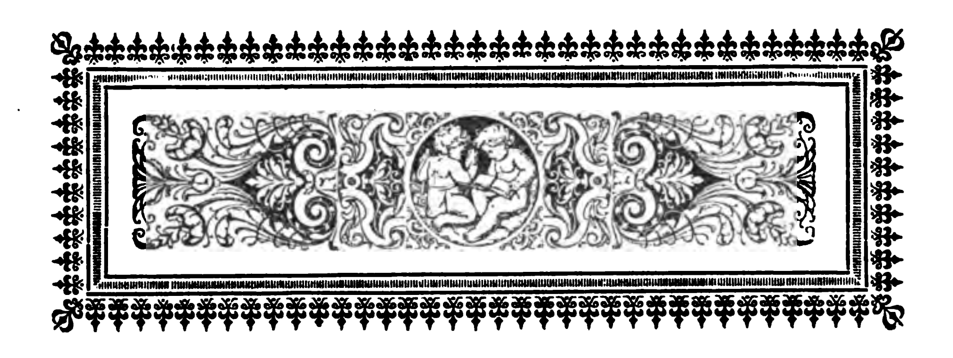
---

[1]) „Воен. Журналъ" 1817 г., ч. V; „Отечеств. Записки" 1882 г., ч. X; „Воен. Журналъ" 1839 г., №№ 1 и 2.

[2]) „Воен. Сборникъ" 1902 г., №№ 4 и 1.

Протоіерей
Николай Өедоровичъ
Раевскій.

Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія.

(Записки кн. Адама Чарторыйскаго).

(1795—1805).

Воспоминанія князя Адама Чарторыйскаго, интимнаго друга императора Александра, игравшаго такую выдающуюся роль въ Россіи, одного изъ вдохновителей внутренней и внѣшней политики въ первые годы царствованія Александра, представляютъ значительный интересъ какъ для историка, такъ и для всего русскаго общества. Они обнимаютъ конецъ Екатерининской эпохи, кратковременное царствованіе Павла I и начало правленія Александра I.

Какъ человѣкъ близкій ко двору, знакомый съ вершителями судебъ Россіи и Европы, Чарторыйскій въ своихъ запискахъ болѣе или менѣе объективно изображаетъ все, что видѣлъ, хотя въ то же время въ этихъ воспоминаніяхъ слышится полякъ, недружелюбно относящійся къ Россіи, помышляющій лишь о благѣ Польши. Онъ вводитъ насъ въ пріемныя всесильныхъ временщиковъ Екатерины, во внутренніе аппартаменты дворца, раскрываетъ сокровенныя мысли своего царственнаго друга и рисуетъ бытъ и нравы высшаго Петербургскаго общества, среди котораго ему приходилось вращаться.

Событіе 11 марта 1801 года, со всѣмъ его трагизмомъ, рельефно представляется умственному взору читателя. Оно изложено ясно, кратко и сильно. Всѣ внутреннія и внѣшнія причины, мотивы и побужденія организаторовъ заговора раскрыты подробно. Роль Александра, бывшаго тогда наслѣдникомъ престола, въ этомъ дѣлѣ вы-

ясняется вполнѣ для всякаго непринужденно. Князь Чарторыйскій очищаетъ свѣтлую память императора Александра Благословеннаго, окруженную ореоломъ славы, отъ того мрачнаго пятна, которое долго лежало на немъ. Несомнѣнно, что Александръ зналъ о готовящемся переворотѣ и только тогда далъ на него свое согласіе Панину и Палену, когда тѣ торжественно обѣщали, что жизни его отца не будетъ угрожать опасность. Онъ былъ искренно убѣжденъ, что дѣло идетъ лишь о принужденіи Павла къ отреченію отъ престола, ради блага родины. Вотъ почему внезапная смерть императора Павла потрясаетъ Александра, который ожидалъ всего, но только не этого. Всю жизнь воспоминаніе объ этомъ кровавомъ событіи преслѣдуетъ Александра, гнететъ и подавляетъ. Главари заговора устраняются отъ дѣлъ, подвергаются опалѣ. Даже всемірная слава и популярность не можетъ отвлечь отъ тяжелыхъ угрызеній совѣсти вершителя судебъ Европы—того, кто на вершинѣ земной славы и величія „изнывалъ подъ бременемъ жизни“ [1]). Прочтя эти записки, нельзя не убѣдиться въ томъ, что обвиненіе Александра I въ смерти его отца падаетъ само собою.

Широко раскинулась въ живописной мѣстности на правомъ берегу Вислы княжеская резиденція Чарторыйскихъ—Пулавы [2]). Слава этого имени пронеслась какъ по Польшѣ, такъ и далеко за ея предѣлы. Богатство, знатность происхожденія, родство съ царственными домами, патріотическая дѣятельность на пользу родины—все это придавало въ глазахъ поляковъ роду Чарторыйскихъ блестящій ореолъ.

Авторъ воспоминаній былъ старшій сынъ кн. Адама-Казиміра Чарторыйскаго (р. 1739 † 1823), генеральнаго старосты Подоліи и фельдмаршала австрійскихъ войскъ, приходившагося двоюроднымъ братомъ послѣднему польскому королю Станиславу Понятовскому. Мать князя Адама, знаменитая кн. Изабелла Чарторыйская, рожденная графиня Флеммингъ, была родной внучкой фельдмаршала Флемминга—сподвижника Карла XII. Князь Адамъ родился въ Варшавѣ 14 января 1770 г. и былъ старшимъ братомъ князя Константина, родившагося въ 1773 году и умершаго въ 1860. Кромѣ этого брата у князя Адама было еще пять сестеръ, изъ которыхъ три умерли въ раннемъ возрастѣ. Изъ оставшихся въ живыхъ княжна Марія (1776 † 1854) была замужемъ за принцемъ Людвигомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ императрицы Маріи Θеодоровны, матери Александра,

---

[1]) В. к. Николай Михаиловичъ. Дипломатич. сношенія Россіи съ Франціей. 1801—1812. Спб. 1905 г.

[2]) Въ настоящее время въ Пулавахъ (нынѣ Ново-Александрія) помѣщается земледѣльческій институтъ, занимающій бывшій дворецъ Чарторыйскихъ.

а княжна Софія (1736 † 1776)—за графомъ Станиславомъ Замойскимъ. Говоря о происхожденіи кн. Адама, нельзя обойти молчаніемъ весьма распространеннаго въ свое время слуха о близкомъ кровномъ родствѣ его съ извѣстнымъ фельдмаршаломъ княземъ Н. В. Репнинымъ, который въ 1770-хъ годахъ былъ главноначальствующимъ русскими войсками въ Польшѣ [1]). Между тѣмъ, какъ издатель переписки кн. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ князь Владиславъ Чарторыйскій [2]), такъ и академикъ Charles de Mazade [3])—позднѣйшій біографъ кн. Адама—совершенно объ этомъ не упоминаютъ.

Первоначальное воспитаніе князь Адамъ получилъ отъ своей матери кн. Изабеллы, ярой патріотки, извѣстной подъ именемъ „матки ойчизны", вселившей ему съ раннихъ лѣтъ чувства ненависти къ Россіи. Впослѣдствіи, какъ говорили, она даже заставила кн. Адама поклясться не только не любить русскихъ, враговъ ея родины, но и всячески препятствовать славѣ и величію Россіи. Таковы были первыя сѣмена, вложенныя въ воспріимчивую и чуткую душу ребенка. Въ программу дальнѣйшаго образованія юноши входило изученіе новыхъ языковъ, древнихъ классиковъ, верховая ѣзда и фехтованіе. Съ особеннымъ увлеченіемъ занимался онъ изученіемъ древняго классическаго міра: ему, пылкому и впечатлительному, уже грезились подвиги древнихъ героевъ, жертвующихъ жизнью для блага родины; онъ восторгается ихъ героизмомъ, ихъ презрѣніемъ къ жизни и стоицизмомъ. Посвятить всю свою жизнь на служеніе родинѣ—стало стремленіемъ юнаго кн. Адама. Въ 1782 году, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, кн. Адамъ впервые присутствуетъ на Варшавскомъ сеймѣ, со своимъ наставникомъ полковникомъ Чесельскимъ посѣщаетъ засѣданіе Сената и Палаты, выказывая большой интересъ ко всему совершающемуся. Вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ—путешествуетъ затѣмъ по Волыни и Подоліи по обширнымъ и богатымъ отцовскимъ владѣніямъ. Пріѣхавъ въ имѣніе Пулавы, дѣятельно занимается своимъ самообразованіемъ. Тихая спокойная жизнь способствуетъ продуктивности его занятій: подъ руководствомъ извѣстнаго

---

[1]) Кн. А. Н. Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ о наружномъ сходствѣ кн. Адама съ Репнинымъ и изъ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ, говоритъ даже, что сохранилась ихъ переписка, въ которой они прямо называютъ другъ друга mon fils и mon père. Существуетъ анекдотъ, что супругъ княгини Изабеллы прислалъ Репнину новорожденнаго князя Адама въ корзинкѣ съ цвѣтами („Рус. Стар." 1884. т. XLI; „Рус. Арх." 1876. I; XVIII 13 IV).

[2]) Aléxandre I et le prince Czartoryski. Correspondance particulière et conversations 1801—1823, publiées par le prince Ladislas Czartoryski. Paris 1865.

[3]) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Avec une préface de M. Ch. de Mazade, de l'Académie française. Paris 1887.

*

республиканца Dupont-de-Némours (бывшаго члена Фр. національнаго собранія и Конвента), онъ изучаетъ математику, исторію, литературу и латинскій языкъ. Въ часы досуга физическими упражненіями укрѣпляетъ свой организмъ.

Первое путешествіе князя Адама за границу относится къ 1786 году. Вмѣстѣ съ Чесельскимъ онъ посѣщаетъ Карлсбадъ, Готу и Веймаръ, гдѣ встрѣчается съ Виландомъ и Гердеромъ и присутствуетъ при чтеніи Гёте его „Ифигеніи въ Тавридѣ". Зиму 1786—1787 года проводитъ снова въ Пулавахъ, гдѣ продолжаетъ свои усиленныя научныя занятія. Въ 1787 году, на 18-мъ году отъ роду, князь Адамъ впервые выступаетъ на поприщѣ общественной дѣятельности въ качествѣ выборнаго предсѣдателя мѣстнаго Подольскаго сейма и въ концѣ того же года присутствуетъ на Большомъ сеймѣ въ Варшавѣ. Въ сентябрѣ 1789 года онъ вмѣстѣ съ матерью ѣдетъ въ Англію, гдѣ изученіемъ англійской конституціи, восхищеніе которой осталось у него на всю жизнь,—пополняетъ свое образованіе. Въ памятный для Польши 1791 годъ, по возвращеніи изъ Англіи, онъ поступаетъ на военную службу подъ начальство своего зятя принца Людвига Виртембергскаго.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ уже сгущаются тучи и событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ. Провозглашеніе конституціи 3 мая, возстаніе противъ нея тарговицкихъ конфедератовъ, вооруженное вмѣшательство Россіи—все это приводитъ ко второму раздѣлу Польши. По всему краю поднимаются волны возстанія, пробуждается народный духъ, проносится воинственный кличъ по всей Польшѣ, и всѣ стремятся къ защитѣ раздираемой междоусобіями родины.

Князь Адамъ уже въ качествѣ офицера, съ оружіемъ въ рукахъ становится въ ряды защитниковъ отчизны, при чемъ выказываетъ беззавѣтную храбрость и награждается орденомъ, который получаетъ изъ рукъ самого короля. Въ слѣдующемъ 1792 году князь Адамъ снова въ Англіи, вдали отъ политическаго водоворота, происходящаго отъ ожесточенной борьбы партій, неудержимо влекущихъ Польшу къ гибели. Къ этому времени относится его близкое знакомство съ многими политическими дѣятелями и государственными людьми Англіи. Между тѣмъ возстаніе въ Польшѣ разгорается: могучій девятый валъ выноситъ на политическую сцену отважнаго предводителя Косцюшку, который во главѣ дружинъ совершаетъ чудеса храбрости (1794). Но все оказывается тщетнымъ, суровый приговоръ произнесенъ и конецъ политической независимости Польши близокъ. Русскія войска подъ начальствомъ Суворова подавляютъ возстаніе, Косцюшко разбитъ на-голову и взятъ въ плѣнъ. Наступаетъ третій и послѣдній раздѣлъ Польши.

Получивъ въ Англіи извѣстіе о началѣ возстанія, князь Адамъ спѣшитъ подъ знамена Косцюшки, но по дорогѣ арестовывается въ Брюсселѣ по распоряженію австрійскаго правительства и только по окончаніи возстанія получаетъ свободу. Репрессіи постигаютъ зачинщиковъ возстанія; по указу Екатерины конфискуются и отбираются богатыя помѣстья, владѣльцы которыхъ частью попадаютъ въ тюрьмы и крѣпости, частью спасаются бѣгствомъ. Въ число секвестрованныхъ земель попадаютъ и владѣнія князей Чарторыйскихъ.

Первою мыслью князя Адама, прибывшаго изъ Брюсселя въ Вѣну къ родителямъ, было вернуть своему отцу конфискованныя родовыя земли. При содѣйствіи австрійскаго императора ведутся переговоры съ Екатериной, въ отвѣтъ на что послѣдовало требованіе императрицы о вызовѣ обоихъ Чарторыйскихъ въ Петербургъ. Послѣ долгихъ колебаній и семейныхъ переговоровъ, оба брата—Адамъ и Константинъ—отправляются въ столицу Россіи, заручившись предварительно письмомъ къ оберъ-камергеру И. И. Шувалову, въ домѣ котораго хозяйничала окатоличенная племянница его графиня В. Н. Головина. Отсюда завязались сношенія польскаго патріота, открывшія ему путь во дворецъ, и вскорѣ онъ началъ обольщать будущаго русскаго государя, такъ что осенью 1796 года Растопчинъ уже называетъ вліяніе Чарторыйскаго опаснымъ для Александра Въ этомъ письмѣ [1]) кн. Н. В. Репнинъ, во имя давнишней дружбы, проситъ И. И. Шувалова оказать молодымъ людямъ ласковый пріемъ, „принять ихъ милостиво, съ любовью и сердечнымъ участіемъ", рекомендуя ихъ съ лучшей стороны. Несомнѣнно, что письмо это оказало братьямъ Чарторыйскимъ большую услугу, такъ какъ, судя по словамъ самого князя Адама, они сразу вошли въ высшее Петербургское общество, которое приняло ихъ чрезвычайно ласково и радушно. А между тѣмъ въ своихъ „воспоминаніяхъ" авторъ не только не упоминаетъ объ этомъ письмѣ, но ни слова не говоритъ о кн. Репнинѣ, съ которымъ, какъ извѣстно, онъ былъ въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ.

Въ виду всего этого нельзя не относиться съ большою осторожностью къ фактамъ, сообщаемымъ Чарторыйскимъ, а личныя сужденія князя, его польскую точку зрѣнія необходимо подвергнуть самой строгой критикѣ. Да и на самомъ дѣлѣ петербургское общество, дворъ, государственные дѣятели и сподвижники Екатерины очерчены самыми темными, непривлекательными красками. Князь Адамъ безпощадно бичуетъ холопство и раболѣпіе лицъ, усердно посѣщавшихъ

---

[1]) Знаменательное письмо это цѣликомъ приведено въ „Русскомъ Архивѣ" за 1876 г. кн. I.

пріемныя всесильнаго временщика и вліятельныхъ вельможъ, что однако не мѣшаетъ ему въ то же время вмѣстѣ съ его менторомъ Гурскимъ обивать пороги тѣхъ же пріемныхъ, заискивать у всѣхъ сильныхъ міра ѣздить на поклонъ къ Зубову. А между тѣмъ, по словамъ В. А. Бильбасова, сживаясь ближе съ этими дѣятелями Екатерининскаго вѣка, представленными въ столь непривлекательномъ свѣтѣ Чарторыйскимъ, видишь, что въ этихъ головахъ, придавленныхъ напудренными париками, зарождались и созрѣвали грандіозные планы, потрясавшіе всю Европу; что кружевные камзолы не мѣшали мозолистымъ рукамъ строить города, созидать флоты, двигать промышленность и торговлю. Вспомнимъ, что ими, этими дѣятелями, присоединены къ Россіи Крымъ и Новороссія, Остзейскій край, Финляндія, Литва и Бѣлоруссія—вся пограничная черта съ Западной Европой, куда были устремлены ихъ взгляды и пожеланія, гдѣ усматривали они тотъ великій свѣточъ, при помощи котораго они совлекали съ себя ветхаго человѣка и пріобщились обще-человѣческимъ идеаламъ.

Послѣ кончины Екатерины, императоръ Павелъ, не особенно дружелюбно смотрѣвшій на сближеніе Александра съ Чарторыйскимъ, вскорѣ удалилъ его отъ двора, назначивъ однако посланникомъ при Сардинскомъ королѣ. Впрочемъ, назначеніе это не было серіознымъ дипломатическимъ постомъ въ виду того, что Сардинское королевство de facto не существовало и самъ король постоянно проживалъ въ Римѣ. Изгнаніе это продолжалось до 1801 года, и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ вызываетъ князя Адама въ Петербургъ. Чарторыйскій спѣшитъ на зовъ своего царственнаго друга и становится однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ совѣтниковъ русскаго государя. Въ 1802 г. онъ назначается министромъ иностранныхъ дѣлъ и становится такимъ образомъ вершителемъ судебъ русской политики. Одновременно онъ назначается и попечителемъ Виленскаго университета и всѣхъ школъ Западнаго края, каковую должность сохраняетъ до 1823 года, эпохи разрыва съ Александромъ. Этотъ періодъ дѣятельности кн. Адама хорошо извѣстенъ и принадлежитъ исторіи. Какъ государственный дѣятель Чарторыйскій является главнымъ виновникомъ политики первыхъ лѣтъ царствованія Александра, которая, въ особенности, по отношенію къ Польшѣ, явно противорѣчила интересамъ русской государственности. Послѣ смерти императора Александра онъ уже открыто переходитъ въ ряды враговъ Россіи, поддерживаетъ мечты о польской независимости, принимаетъ дѣятельное участіе въ подготовленіи революціи 1831 года, носитъ званіе президента временнаго правленія и удаляется въ Парижъ, гдѣ до самой своей смерти стоитъ во главѣ поль-

ской революціонной партіи „бѣлыхъ". Онъ умеръ въ Парижѣ 3 іюля 1861 года.

Что касается личности самого князя Адама, то по отзывамъ людей, близко его знавшихъ, это былъ человѣкъ богато одаренный, получившій блестящее образованіе, аристократъ по духу и по рожденію, но на-ряду съ этимъ,—человѣкъ честолюбивый, нетвердаго характера, подчасъ слабой воли, легко попадавшій подъ гнетъ обстоятельствъ и подверженный вліянію окружающей среды.

К. Военскій.

Спб. 11 марта 1906 г.

I.

Вызовъ въ Россію.—Гродно.—Станиславъ-Августъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Общество.—Салоны кн. Долгорукой и кн. Голицыной.—Нарышкины.—Строгоновы.—Гр. Головина. — Императрица и дворъ. — Цесаревичъ Павелъ и вел. князья.—Характеристика имп. Екатерины.—Пріемы у кн. Зубова.—Безбородко.—Гр. Остерманъ.—Ген.-прокуроръ Самойловъ.—Представленіе императрицѣ.

Дѣла моего отца были сильно расшатаны: $^3/_4$ его состоянія, заключавшагося въ имѣніяхъ, находившихся въ областяхъ, завоеванныхъ Россіей, были секвестрованы. Заступничество Вѣнскаго двора не привело ни къ какимъ результатамъ, такъ какъ императрица Екатерина была чрезвычайно недовольна дѣйствіями моего отца, открыто сочувствовавшаго возстанію Косцюшки. На дальнѣйшія просьбы о снятіи секвестра съ имѣній моего отца она сказала: „пусть явятся ко мнѣ его два сына, и тогда мы посмотримъ". Эти слова имѣли рѣшающее вліяніе на нашу судьбу. Отъѣздъ нашъ (мой и брата) въ Петербургъ былъ рѣшенъ безповоротно. Отецъ мой былъ добръ и деликатенъ и далекъ отъ мысли требовать отъ насъ этой жертвы, но мы тѣмъ болѣе считали себя обязанными выказать ему нашу любовь и преданность въ эти тяжелыя для семьи минуты. Отечество наше погибло и къ этому горю было бы жестоко прибавить еще и разореніе нашихъ родителей, лишивъ ихъ возможности удовлетворить претензіи ихъ кредиторовъ. Поэтому мы оба приняли это рѣшеніе безъ всякихъ колебаній, хотя перспектива поѣздки въ Петербургъ и пребываніе въ столицѣ враждебнаго нашему народу государства, среди чуждыхъ намъ людей и на положеніи полу-плѣнниковъ—внушала намъ не мало опасеній. Словомъ, это была самая тяжелая жертва, которую мы рѣшились принести во имя сыновней

любви. Чтобы понять тѣ чувства, которыя мы испытывали при мысли объ этой поѣздкѣ, достаточно указать на принципы, положенные въ основу нашего воспитанія: оно было національно-польское и почти республиканское. Юношескіе годы наши посвящены были изученію древнихъ классиковъ и отечественной исторіи и литературы; мы бредили греками и римлянами и мечтали о примѣненіи доблестей древняго міра на пользу и славу нашей родины. Любовь къ отечеству, къ его славѣ, его свободнымъ учрежденіямъ была внушена намъ съ ранней юности и если къ этому прибавить чувство естественнаго негодованія ко всѣмъ, кто способствовалъ порабощенію нашей родины—легко себѣ представить, въ какомъ душевномъ настроеніи мы находились, помышляя объ отъѣздѣ въ Россію.

Въ декабрѣ 1794 года, мы простились съ родителями и тронулись въ далекій путь. По дорогѣ мы посѣтили Гродно, гдѣ въ это время проживалъ злополучный король Станиславъ-Августъ, подъ надзоромъ князя Репнина. Здѣсь мы пробыли до весны и за эти нѣсколько мѣсяцевъ часто посѣщали короля, будучи свидѣтелями его горя и горькихъ упрековъ, которые онъ себѣ дѣлалъ, не будучи въ состояніи спасти отечество или по крайней мѣрѣ погибнуть, сражаясь за него.

12 мая 1795 года мы прибыли въ Петербургъ, гдѣ были приняты въ высшемъ обществѣ, оказывавшемъ намъ много вниманія и привѣтливости. Спустя нѣсколько недѣль, у насъ уже образовался большой кругъ знакомыхъ и почти ежедневно мы получали приглашенія на обѣды, балы, концерты, вечера, спектакли и т. п. увеселенія, чередовавшіяся почти безпрерывно. Хотя мнѣ шелъ уже 25-й годъ, а брату моему Константину 23-й, но, по желанію отца, насъ всюду сопровождалъ, въ качествѣ старшаго друга, г. Гурскій, достойнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, прекрасно воспитанный и тактичный, добрымъ совѣтамъ котораго мы многимъ обязаны въ это пребываніе наше въ Петербургѣ. Благодаря его дружеской настойчивости, мы усердно дѣлали визиты, посѣщали разныхъ вліятельныхъ лицъ петербургскаго общества, къ которымъ онъ почти насильно заставлялъ насъ ѣздить, имѣя постоянно въ виду главную цѣль нашего пріѣзда, ради которой онъ считалъ своею обязанностью сдѣлать все, что было въ нашихъ силахъ.

Высшее Петербургское общество въ эту эпоху было блестящее и чрезвычайно оживленное, но имѣло множество оттѣнковъ. Всѣ аристократическія семьи держали открытые дома, при чемъ дипломатическій корпусъ и французскіе эмигранты давали всему тонъ и были, такъ сказать, законодателями моды. Салоны княгини Долгорукой и княгини Голицыной, блиставшей одно время въ Парижѣ, особенно

отличались изысканностью и блескомъ. Обѣ эти дамы соперничали другъ передъ другомъ умомъ, красотою и изяществомъ бесѣды. Говорятъ, что обѣ были предметомъ поклоненія кн. Потемкина, а въ настоящее время поклонникомъ первой былъ австрійскій посолъ гр. Кобенцель, а вторая совершенно покорила своими чарами графа Шуазель-Гуффье [1]), извѣстнаго своимъ посольствомъ въ Константинополѣ и описаніемъ путешествія по Греціи.

Домъ Нарышкиныхъ былъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Это была аристократическая семья старыхъ русскихъ баръ со всѣми ихъ причудами азіатско-московскаго пошиба. Предоставленныя сравнительно большой свободѣ, дѣвицы Нарышкины, какъ говорятъ, также принимали дань поклоненія великолѣпнаго князя Тавриды. Двери гостепріимнаго и богатаго салона Нарышкиныхъ были широко открыты для всѣхъ. Тутъ можно было встрѣтить татарскихъ и черкесскихъ князей, казацкихъ гетмановъ и всевозможныхъ лицъ азіатскаго происхожденія. Хозяинъ дома Левъ Нарышкинъ, веселый и добродушный человѣкъ, бывшій фаворитъ Петра III, сдѣлавшійся затѣмъ придворнымъ Екатерины, въ качествѣ оберъ-егермейстера усердно расточалъ свое состояніе на роскошные балы и пріемы. Въ теченіе 10-лѣтнихъ трудовъ въ этомъ направленіи онъ повидимому не успѣлъ еще разориться, и я не знаю, добились ли этого его наслѣдники, обладавшіе тѣми же вкусами и привычками.

Салонъ гр. Головиной нѣсколько отличался отъ только-что названныхъ мною домовъ. Здѣсь не было ежедневныхъ пріемовъ, но происходили небольшіе вечера, гдѣ въ интимной бесѣдѣ небольшаго кружка царствовали традиціи стараго версальскаго двора. Хозяйка дома, двѣ дочери которой впослѣдствіи вышли замужъ за графовъ Фредро и Потоцкаго, была изящная, образованная женщина, обладавшая чувствительнымъ сердцемъ и любовью къ изящнымъ искусствамъ.

Домъ гр. Строганова представлялъ еще одну разновидность. Самъ графъ, жившій долгое время въ Парижѣ, пріобрѣлъ тамъ привычки, представлявшія странную смѣсь европеизма съ древне-русскими обычаями. Здѣсь бесѣдовали о Вольтерѣ, Дидеро, о французскомъ

---

[1]) Графъ Гавріилъ-Августъ Шуазель-Гуффье (род. 1752 † 1817) ученый путешественникъ и дипломатъ. Членъ французской академіи, въ которой занялъ мѣсто д'Аламбера. Былъ франц. посланникомъ въ Константинополѣ; во время революціи эмигрировалъ въ Россію, гдѣ имп. Екатерина назначила ему пенсію. Въ царствованіе Павла назначенъ президентомъ академіи художествъ (съ 1797—1800). Въ 1802 г. вернулся во Францію. Его книга Voyage pittoresque en Grèce доставила ему извѣстность и заслужила похвальный отзывъ Кондорсэ. *К. В.*

театрѣ, увлекались художественными произведеніями кисти великихъ мастеровъ, и самъ хозяинъ обладалъ богатой картинной галлереей. А на-ряду съ этимъ ежедневно держали въ домѣ открытый столъ, къ которому являлся всякій, кто только хотѣлъ, пользуясь гостепріимствомъ хлѣбосольнаго хозяина и услугами безчисленной его прислуги, наполнявшей этотъ домъ, содержимый съ чисто азіатской пышностью.

Куракины и Гурьевы придерживались кружка княгини Долгорукой. Княгиня Вяземская, супруга генералъ-прокурора, собирала у себя особый кружокъ. Изъ трехъ ея дочерей одна вышла за неаполитанскаго посланника герцога Серра-Капріола, другая за представителя Даніи, третья за одного изъ Зубовыхъ [1]).

Среди молодежи выдѣлялись два князя Голицына, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, которые отличались саркастическимъ и острымъ умомъ, дѣлавшимъ ихъ желанными гостями въ свѣтѣ. Оба Голицына и молодой Баратынскій, также жившій долгое время за границей, составляли тріо, являвшееся ареопагомъ салоновъ, въ которыхъ остроумно повторялись ихъ остроумныя изреченія. Къ нимъ же иногда присоединялся и графъ Татищевъ, нѣсколько старшій годами, который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Константинополѣ.

Я не буду вдаваться въ болѣе пространное описаніе тогдашняго петербургскаго общества, скажу только, что послѣднее являлось точнымъ отраженіемъ двора: его можно сравнить съ преддверіемъ обширнаго храма, въ которомъ всѣ присутствующіе устремляютъ свое исключительное вниманіе на божество, сидящее на престолѣ, которому приносятъ жертвы и воскуриваютъ фиміамъ. Въ этомъ обществѣ всякій разговоръ, всякая фраза почти всегда сводились къ придворнымъ новостямъ; камертонъ всей жизни давался дворомъ, каждый шагъ, каждое дѣйствіе котораго принимались обществомъ съ живѣйшимъ интересомъ.

Императрица Екатерина, ближайшая и непосредственная виновница паденія Польши, одно имя которой приводило въ трепетъ наши патріотическія сердца, сумѣла, несмотря на свои недостатки и пороки, снискать себѣ преданность, любовь и уваженіе своихъ подданныхъ. Несомнѣнно, что за время царствованія этой государыни имперія Россійская пріобрѣла вѣсъ и значеніе за границею, а дѣла внутреннія, благодаря порядку и законности, шли несравненно лучше, чѣмъ при ея предшественницахъ Аннѣ и Елизаветѣ. Вотъ

---

[1]) Княжна Анна Александровна Вяземская, вышедшая за младшаго изъ Зубовыхъ графа Дмитрія Александровича, онъ умеръ въ 1836 году спустя годъ послѣ смерти жены. *К. В.*

почему вся страна отъ мала до велика смотрѣла на императрицу какъ на существо высшее и охотно прощала ей всѣ недостатки и слабости.

По характеру своему Екатерина была женщина честолюбивая, властная, мстительная и порой жестокая; но при всемъ ея честолюбіи, она обладала необычайною любовью къ славѣ, которой приносила въ жертву всѣ свои личныя чувства и даже страсти; послѣднюю она всегда умѣла подчинить разсудку. Властолюбіе ея не было чуждо разсчета и преступленія она не совершала безъ надобности, безъ пользы. Въ дѣлахъ менѣе важныхъ она нерѣдко была строго правосудна; въ особенности если это правосудіе способствовало блеску и величію ея царствованія. Она очень дорожила общественнымъ мнѣніемъ и старалась расположить его въ свою пользу, если только оно не расходилось съ ея видами, а въ такихъ случаяхъ она его не признавала. Слѣдующій случай, надѣлавшій въ свое время не мало шуму, служитъ тому нагляднымъ доказательствомъ.

Въ Петербургѣ жила княгиня Шаховская, обладавшая весьма значительнымъ состояніемъ. Она выдала свою дочь за иностранца, герцога Аренберга, и свадьба произошла за границей. Узнавъ объ этомъ, императрица пришла въ сильный гнѣвъ и велѣла конфисковать имущество княгини [1]). Мольбы матери и дочери, пріѣхавшей въ Россію, не смягчили гнѣва Екатерины, которая приказала расторгнуть бракъ, и всѣ, начиная съ матери и дочери, безмолвно подчинились этому жестокому приговору. Спустя нѣкоторое время дочь княгини вышла вторично замужъ, но любовь къ первому мужу и глубокое душевное потрясеніе преждевременно свели ее въ могилу. Говорятъ, что она лишила себя жизни.

Весь дворъ представлялъ изъ себя три группы: къ первой принадлежалъ молодой дворъ великихъ князей и княженъ, внуковъ императрицы. Во главѣ второй—находился цесаревичъ Павелъ, мрачный характеръ котораго и странности приводили въ ужасъ его приближенныхъ. На верху зданія находился большой дворъ во главѣ съ императрицей, окруженной ореоломъ славы, побѣдъ и любовью своихъ подданныхъ.

---

[1]) Кн. Чарторыйскій не совсѣмъ точно передаетъ этотъ случай. Княжна Елизавета Борисовна Шаховская (1773 † 1796) вышла замужъ за князя Аренберга, одного изъ главныхъ дѣятелей революціи Австрійскихъ Нидерландовъ, о чемъ австрійскій посолъ гр. Кобенцель довелъ до свѣдѣнія императрицы. Послѣдняя, узнавъ, что княгиня Шаховская выдала дочь за революціонера, потребовала возвращенія ея съ дочерью въ Россію и бракъ былъ расторгнутъ. Впослѣдствіи кн. Елизавета Борисовна вышла вторично замужъ за князя П. Ѳ. Шаховскаго. *К. В.*

Что касается великихъ князей и княженъ, то Екатерина предоставила себѣ исключительную заботу о воспитаніи своихъ внуковъ Отецъ и мать не могли вліять на нихъ, такъ какъ съ самаго рожденія дѣти отбирались отъ родителей, росли и воспитывались на глазахъ императрицы, которая смотрѣла на нихъ какъ на свою собственность.

Великій князь Павелъ Петровичъ личными своими качествами и характеромъ не привлекалъ къ себѣ общество, которое всю свою преданность и любовь выражало Екатеринѣ и искренно желало, чтобы бразды правленія надолго еще оставались въ ея твердой рукѣ. Въ то время какъ всѣ боялись и сторонились Павла,—тѣмъ сильнѣе восхвалялись качества императрицы, ея мудрость, привѣтливость и государственный умъ. Этими качествами Павла легко объясняется то обожаніе, которое жители столицы выражали къ особѣ государыни, мудрой, чадолюбивой матери отечества, а дворъ своимъ поклоненіемъ ея величію напоминалъ собою времена блестящей эпохи царствованія Людовика XIV-го.

Обаянію этому были не чужды и иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію, которые, очутившись въ придворной атмосферѣ, невольно заражались этимъ настроеніемъ русскаго двора и присоединяли свои голоса къ общему хору славословій Екатеринѣ. Таковы были принцъ де-Линь, графы Сегюръ и Шуазель и многіе другіе. Среди многочисленныхъ моихъ русскихъ знакомыхъ, изъ коихъ многіе обладали злымъ языкомъ, безъ стѣсненія осмѣивавшихъ всѣхъ и вся, я не зналъ ни одного, который въ самой интимной, откровенной бесѣдѣ позволилъ себѣ какую-нибудъ шутку по адресу Екатерины. А въ обществѣ этомъ никого не щадили, не исключая и цесаревича Павла; но едва произносилось имя императрицы—всѣ лица дѣлались серьезными, шутки и двусмысленности тотчасъ смолкали. Никто не позволялъ себѣ высказать упрека, жалобы, какъ будто всѣ дѣйствія ея являлись велѣніемъ судьбы, которое надлежитъ принимать съ почтительною покорностью.

Мы все еще не получали разрѣшенія явиться ко двору, который по обычаю находился въ Таврическомъ дворцѣ съ начала весны. Только 1-го мая, во время народнаго гулянья въ Екатерингофѣ, мы случайно увидѣли среди толпы молодыхъ великихъ князей съ ихъ свитою. Вскорѣ затѣмъ мы были приглашены на большое празднество, данное княгиней Голицыной, оберъ-гофмейстерины великой княгини Елизаветы Алексѣевны, въ честь молодаго двора. Великій князь Александръ, имѣвшій въ это время 18 лѣтъ, и его супруга, которой едва минуло 16, представляли очаровательную пару и обѣ блистали молодостью, красотой и граціей.

Между тѣмъ, свѣтская жизнь наша продолжалась. Неумолимый менторъ нашъ Гурскій заставлялъ насъ дѣлать визиты, ѣздить на поклонъ къ вліятельнымъ лицамъ, постоянно напоминая о цѣли нашей поѣздки, утверждая, что всякая безтактность, всякій ложный шагъ можетъ имѣть пагубное вліяніе на судьбу нашихъ родителей. По его настоянію отправились мы къ фавориту князю Платону Зубову.

Въ указанный часъ явились мы въ Таврическій дворецъ, гдѣ отведено было ему помѣщеніе. Онъ встрѣтилъ насъ стоя, опираясь на столъ; онъ былъ одѣтъ въ коричневый камзолъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, стройный, съ пріятнымъ смуглымъ лицомъ. Онъ принялъ насъ съ видомъ весьма милостиваго покровительства. Во время разговора посредникомъ между нами былъ Гурскій, который очень удачно отвѣчалъ на предлагаемые вопросы и видимо понравился всесильному фавориту. Въ заключеніе князь сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы быть полезнымъ въ нашемъ дѣлѣ, но не преминулъ оговориться, что все исключительно зависитъ отъ воли императрицы, на рѣшенія которой ни онъ, ни кто другой не могутъ имѣть окончательнаго вліянія. Онъ сказалъ намъ также, что мы скоро будемъ представлены ея величеству. Къ князю Зубову насъ привелъ князь Куракинъ, братъ будущаго посла, взявшій насъ подъ свое покровительство. Но въ то время, когда мы входили въ кабинетъ Зубова, онъ вдругъ исчезъ, или вѣрнѣе остался въ пріемной. Когда мы вышли, онъ снова встрѣтилъ насъ и сталъ разспрашивать подробно о всемъ, что говорилъ намъ князь, а изъ его замѣчаній мы могли легко заключить, что намъ пришлось бесѣдовать съ самымъ могущественнымъ человѣкомъ всей имперіи.

Не менѣе значительную роль игралъ братъ фаворита графъ Валеріанъ Зубовъ. По внѣшности онъ имѣлъ даже болѣе мужественный и внушительный видъ, чѣмъ его старшій братъ, и сама императрица чрезвычайно къ нему благоволила. Увѣряли даже, что если бы Валеріанъ Зубовъ имѣлъ случай представиться императрицѣ раньше своего брата, то онъ, быть можетъ, занималъ бы его мѣсто. Въ настоящее время въ качествѣ брата фаворита и благодаря личнымъ заслугамъ, графъ Валеріанъ пользовался большимъ значеніемъ у императрицы. Поэтому необходимо было засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, что мы и исполнили по настоянію Гурскаго. Благодаря покровительству графа Валеріана мы и удостоились чести получить спеціальную аудіенцію у его брата.

По отзывамъ большинства русскихъ, графъ Валеріанъ Зубовъ былъ человѣкъ благородный и великодушный. Главной его слабостью, которая, конечно, не могла служить ему укоромъ—были женщины. Въ

это время всѣ говорили о его связи съ графиней Протъ-Потоцкой [1]), которая послѣдовала за нимъ въ Петербургъ [2]) и никуда не показывалась,—что, однако, не мѣшало легкомысленному графу увлекаться другими женщинами. Во время одной рекогносцировки передъ штурмомъ Праги, Зубовъ былъ раненъ въ ногу ядромъ, перенесъ ампутацію и съ тѣхъ поръ ходилъ на костыляхъ, что, однако, нисколько не мѣшало его успѣхамъ у женщинъ. Домъ его [3]) былъ всегда полонъ всевозможными льстецами и поклонниками, приходившими къ нему въ надеждѣ получить доступъ къ его брату. Неумолимый менторъ нашъ Гурскій почти насильно водилъ насъ на эти пріемы и хотя, по примѣру брата, гр. Зубовъ постоянно повторялъ, что онъ не пользуется вліяніемъ у императрицы, тѣмъ не менѣе, я почти увѣренъ, что онъ былъ единственный, который горячо принялъ къ сердцу наше дѣло.

Пріемы у князя Платона происходили ежедневно въ 11 часовъ утра: это былъ цѣлый церемоніалъ, напоминавшій собою французское „Levé du Roi“ временъ Людовика XV-го. Цѣлое сонмище просителей и людей всѣхъ ранговъ усердно посѣщали эти утренніе пріемы. Вся улица была полна каретами и экипажами самаго разнообразнаго вида. Бывали случаи, что послѣ продолжительнаго ожиданія, въ пріемную входилъ камердинеръ князя и торжественно заявлялъ, что его сіятельство сегодня принимать не будетъ, послѣ чего всѣ молча разъѣзжались, но также аккуратно являлись на слѣдующій день. Церемоніалъ пріема былъ слѣдующій:

Въ началѣ 12-го часа, двери кабинета широко растворялись, и Зубовъ входилъ въ комнату небрежной походкой и, сдѣлавъ общее привѣтствіе легкимъ кивкомъ головы, садился къ туалетному столу. Онъ былъ въ легкомъ халатѣ, изъ-подъ котораго видно было бѣлье. Парикмахеръ и лакеи приносили парикъ и пудру, а всѣ присутствующіе старались уловить его взглядъ и обратить на себя вниманіе всесильнаго фаворита. Всѣ почтительно стояли и никто не смѣлъ проронить слова, пока князь самъ не заговоритъ. Нерѣдко, онъ все время молчалъ, и я не запомню, чтобы онъ когда-нибудь предложилъ кому-либо стулъ, исключая генералъ-фельдмаршала Салтыкова [4]), ко-

---

[1]) Рожденная княжна М. Ѳ. Любомирская. Впослѣдствіи Зубовъ на ней женился, а послѣ его смерти, въ 1804 году, она вышла въ третій разъ за Ѳ. П. Уварова.

[2]) Изъ Польши, гдѣ во время войны находился Валеріанъ Зубовъ.

[3]) Бывшій дворецъ Густава Бирона на Б. Милліонной. Пожалованъ Зубову въ 1795 году. *К. В.*

[4]) Свѣтлѣйшій князь Николай Ивановичъ Салтыковъ. (Род. 1736 † 1816). Воспитатель Александра. Впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

торому, какъ говорятъ, Зубовы были обязаны своимъ возвышеніемъ. Извѣстно, что князь Платонъ замѣнилъ Дмитріева-Мамонова по „рекомендаціи“ Салтыкова. Деспотическій проконсулъ Тутолминъ [1]), гроза Подоліи и Волыни, несмотря на приглашеніе князя, не рѣшался сѣсть, присѣвъ на кончикѣ стула всего на нѣсколько минутъ, онъ затѣмъ снова говорилъ стоя.

Въ то время, пока причесывали князя, его секретарь Грибовскій [2]) приносилъ бумаги для подписи. Окончивъ прическу и подписавъ нѣсколько бумагъ, Зубовъ одѣвалъ мундиръ или камзолъ и удалялся во внутреннія комнаты, давая знать легкимъ поклономъ, что аудіенція кончена. Всѣ кланялись и спѣшили къ своимъ каретамъ. Все это продѣлывалось ежедневно и повторялось по строго установленному церемоніалу.

Съ ходатайствомъ по нашему дѣлу мы не обращались ни къ одному изъ министровъ, такъ какъ, по мнѣнію Гурскаго, вѣрнѣе всего было заручиться покровительствомъ Зубовыхъ. Впрочемъ, въ теченіе этого времени, намъ пришлось быть представленными нѣкоторымъ высокопоставленнымъ сановникамъ, о которыхъ считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся по своему уму и вліянію дѣятелей Екатерининской эпохи былъ, безъ сомнѣнія, графъ Безбородко [3]). Родомъ изъ Малороссіи, онъ началъ свою службу подъ начальствомъ фельдмаршала Румянцева, который рекомендовалъ его императрицѣ, взявшей его въ свои секретари. Своею работоспособностью, талантливостью и необыкновенною памятью онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины и сталъ быстро возвышаться. Онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и ему поручалась самая важная секретная переписка. Этотъ человѣкъ, по внѣшности своей напоминавшій неуклюжаго медвѣдя, обладалъ тонкимъ умомъ и рѣдкой проницательностью. По природѣ лѣнивый, охотникъ до удовольствій, онъ принимался за работу въ послѣдній моментъ, но зато работалъ быстро и неутомимо. Безбородко пользовался большимъ уваженіемъ императрицы, которая осыпала его милостями; онъ былъ почти единственный изъ высшихъ сановниковъ, который не льстилъ Зубову и

---

[1]) Генералъ-отъ-инф. Тимоѳей Ив. Тутолминъ, губернаторъ волынскаго намѣстничества. Впослѣдствіи моск. ген.-губернаторъ. Род. 1740 † 1809.

[2]) Извѣстный Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, авторъ „Записокъ“. Родился 1766 † 1833. Былъ не секретарь Зубова, а статсъ-секретарь императрицы. *К. В.*

[3]) Александръ Андреевичъ Безбородко, впослѣдствіи графъ, свѣтл. князь и канцлеръ. Род. 1747 † 1799.

даже никогда не посѣщалъ его. Всѣ восхищались этимъ мужествомъ, но никто не подражалъ ему.

Престарѣлый графъ Остерманъ [1]), вице-канцлеръ и первоприсутствующій въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, походилъ своею наружностью на старинный, вышедшій изъ рамки портретъ. Высокій, худой, блѣдный, въ старинняго покроя кафтанѣ съ золотыми пуговицами и въ мягкихъ плисовыхъ сапогахъ—этотъ старикъ олицетворялъ собою Елизаветинскую эпоху.

Человѣкъ стараго закала, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, благодаря своей правдивости и стойкости убѣжденій. Въ настоящее время онъ фигурировалъ лишь на торжественныхъ обѣдахъ и выходахъ и въ чрезвычайныхъ случаяхъ ставилъ свою подпись подъ особой важности государственными актами, гдѣ имя его должно было стоять во главѣ. Онъ былъ единственный изъ сановниковъ, который въ совѣтѣ императрицы высказался противъ раздѣла Польши, указывая на то, что это въ концѣ-концовъ послужитъ лишь къ выгодамъ Австріи и Пруссіи. Хотя онъ фактически былъ совершенно устраненъ отъ дѣлъ, но Екатерина постоянно оказывала ему знаки уваженія и милости.

По вступленіи на престолъ императора Павла, онъ окончательно удалился отъ дѣлъ и, сохраняя званіе канцлера, переселился въ Москву, гдѣ проживалъ вмѣстѣ съ старшимъ своимъ братомъ-сенаторомъ. Оба старика были еще въ живыхъ въ годъ коронованія Александра I и, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, усыновили своего родственника графа Толстаго, передавъ ему свое имя и состояніе. Это былъ извѣстный впослѣдствіи генералъ гр. Остерманъ-Толстой [2]), отличившійся въ Кульмскомъ сраженіи, въ которомъ потерялъ руку.

Генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ [3])—по должности своей былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и финансовъ. Несмотря на то, что онъ приходился племянникомъ кн. Потемкину, онъ былъ однимъ изъ раболѣпнѣйшихъ льстецовъ Зубова, заклятаго врага его дяди, человѣкъ ограниченнаго ума, не злой по природѣ, но пустой и чванный до смѣшнаго, Самойловъ не обладалъ качествами государственнаго дѣятеля. Предоставивъ ему этотъ высокій и отвѣтственный постъ, Екатерина, повидимому, хотѣла показать, что она можетъ

---

[1]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, вице-канцлеръ и затѣмъ канцлеръ. Род. 1725 † 1811.

[2]) Графъ Алдр. Ив. Остерманъ-Толстой, ген.-отъ-инф., герой Отечественной войны и Кульма. Род. 1770 † 1857.

[3]) Графъ Александръ Ник. Самойловъ, генералъ-прокуроръ, д. т. с. Родился 1744 † 1814.

управлять Россіей, даже съ такимъ неспособнымъ министромъ. Она гордилась своимъ знаніемъ законовъ и дѣлъ государственнаго управленія, и надо сознаться, что въ ея царствованіе дѣла внутренняго управленія значительно улучшились по сравненію съ тѣми порядками, которые царили въ Россіи при ея предшественникахъ.

Пребываніе въ русской столицѣ и посѣщеніе высшаго общества не уничтожили въ насъ, однако, чувствъ любви къ родинѣ и того интереса къ ея дѣламъ, которыя, на-ряду съ личными семейными заботами, мы всегда горячо принимали къ сердцу. Особенно тяжелымъ было для насъ сознаніе, что въ то время, когда силою обстоятельствъ мы были вовлечены въ вихрь придворной свѣтской жизни, посѣщали балы, празднества и увеселенія,—въ то же время благороднѣйшіе изъ нашихъ соотечественниковъ, борцы за свободу родины, томились въ темницахъ и влачили жалкое существованіе узниковъ. Мы живо интересовались ихъ судьбою и вскорѣ намъ удалось узнать, что Нѣмцевичъ, Конопка и Килинскій еще находились въ Петропавловской крѣпости, что Косцюшко переведенъ въ другое мѣсто, гдѣ съ нимъ обращались очень гуманно, и что онъ вызвалъ къ себѣ уваженіе и участіе. При немъ находился нѣкто маіоръ Титовъ, которому поручено было ближайшее наблюденіе за героемъ. Потоцкій, Закжевскій, Мостовскій и Сокольницкій содержались отдѣльно въ одномъ изъ зданій на Литейной. Не имѣя возможности сдѣлать что-нибудь для облегченія ихъ участи, мы часто ходили по этой улицѣ въ надеждѣ увидѣть ихъ хотя бы издали. Иногда намъ удавалось видѣть ихъ силуэты въ окнѣ, но сами они насъ не замѣчали и не догадывались о нашемъ присутствіи. При этомъ же домъ этотъ бдительно охранялся стражею, стоявшею снаружи и внутри зданія.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ ожиданія, получено было извѣщеніе, что мы будемъ представлены императрицѣ въ Царскомъ Селѣ, лѣтней резиденціи двора. Теперь наступалъ для насъ рѣшительный моментъ, когда мы, наконецъ, узнаемъ о рѣшеніи нашей судьбы, ибо до сихъ поръ намъ не было извѣстно о результатѣ ходатайства нашего отца.

Намъ сказано было явиться пораньше, такъ какъ представленіе должно было произойти послѣ окончанія церковной службы. Прибывъ въ Царское Село, мы передъ тѣмъ посѣтили генерала Браницкаго. Онъ былъ женатъ на одной изъ племянницъ Потемкина и въ свое время оказалъ большія услуги императрицѣ въ польскихъ дѣлахъ. Онъ пользовался неизмѣннымъ благоволеніемъ Екатерины и во всѣхъ

дворцахъ ему отводилось помѣщеніе. Было грустно видѣть, что этотъ человѣкъ такъ сильно уронилъ себя въ глазахъ всѣхъ поляковъ, способствуя гибели своей родины. Онъ ненавидѣлъ русскихъ, которыхъ хорошо зналъ, и съ молчаливымъ презрѣніемъ переносилъ ихъ господство, осмѣивая ихъ пороки и слабости. Разспросивъ насъ подробно о положеніи отца, онъ далъ намъ необходимые совѣты и на вопросъ нашъ, слѣдуетъ ли цѣловать императрицѣ руку, сказалъ: „цѣлуйте ее, какъ хотите, лишь бы вернуть вамъ ваше состояніе".

Императрица еще находилась въ церкви, когда всѣ представлявшіеся перешли въ пріемный залъ. Сначала насъ представили графу Шувалову [1]), оберъ-камергеру, бывшему любимцу Елизаветы, человѣку всесильному, извѣстному своею перепиской съ учеными, добивавшимися его покровительства: д'Аламберомъ, Дидеро и Вольтеромъ. Говорятъ, что, по желанію императрицы Елизаветы, онъ побудилъ Вольтера написать его знаменитую „Исторію Петра Великаго". Онъ выстроилъ насъ всѣхъ въ одну шеренгу въ ожиданіи выхода императрицы. Когда служба кончилась, появились сначала придворные, шедшіе по два въ рядъ; камеръ-юнкеры, камергеры, высшіе чины двора, сановники военные и гражданскіе и, наконецъ, шла сама императрица, окруженная великими князьями, княжнами и придворными дамами. Мы сначала не успѣли разсмотрѣть ее хорошенько, потому что надо было становиться на одно колѣно и цѣловать ея руку по мѣрѣ того, какъ оберъ-камергеръ называлъ насъ по имени. Послѣ этой церемоніи вся эта масса лицъ образовала кругъ, и императрица обходила присутствующихъ и говорила каждому представленному нѣсколько словъ. Въ это время намъ удалось разсмотрѣть ее ближе. Это была женщина уже пожилая, но бодрая, средняго роста и довольно полная. Ея походка и вся ея фигура носили отпечатокъ изящества и величія. Движенія ея были плавны и благородны. Но это былъ потокъ, который уноситъ все въ своемъ теченіи. Черты лица ея, уже покрытаго морщинами, но чрезвычайно выразительнаго, изобличали и привычку повелѣвать. На губахъ играла постоянная улыбка, но подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ таились страсти самыя бурныя и непреклонная воля. Подойдя къ намъ, она ласково улыбнулась и сказала: „Вашъ возрастъ напоминаетъ мнѣ вашего отца, когда я увидѣла его въ первый разъ. Надѣюсь, что вы чувствуете себя хорошо въ моей столицѣ". Эти немногія слова привлекли къ намъ общее вниманіе всѣхъ придворныхъ, которые окружили насъ и наперерывъ другъ передъ другомъ стали расточать намъ всевозможныя похвалы. Послѣ

---

[1]) Графъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Любимецъ императрицы Елизаветы. Основатель Московскаго университета и академіи художествъ. Род. 1727 † 1797.

этого насъ тотчасъ пригласили къ высочайшему столу, который былъ накрытъ подъ колоннадой: это была особенная милость, такъ какъ императрица обѣдала здѣсь лишь въ кругу самыхъ близкихъ лицъ. Въ этотъ же день мы представлялись великому князю Павлу, который встрѣтилъ насъ съ холодной вѣжливостью; но великая княгиня Марія Θеодоровна была чрезвычайно ласкова, вѣроятно ради своего брата, котораго она хотѣла примирить съ нашей сестрой Маріей [1]). Что касается молодыхъ великихъ князей (Александра и Константина), то пріемъ ихъ очаровалъ насъ своею искренностью и сердечностью.

II.

Лѣто 1795 года.—Мы продолжаемъ посѣщать Зубовыхъ.—Анонимное письмо.—Поступленіе въ русскую службу.—Возвращеніе имѣній.—Назначеніе камеръ-юнкеромъ.—Пріѣздъ герцогини Саксенъ-Кобургъ-Готской.—Новый 1796 годъ.—Женитьба вел. кн. Константина.—Придворныя празднества.—Зимній дворецъ.—Партія императрицы.—Таврическій дворецъ.—Эрмитажные спектакли.

Лѣто петербургское высшее общество проводило въ окрестностяхъ столицы, гдѣ въ загородныхъ домахъ богатыхъ баръ царила та же роскошь, чтó и въ городѣ. Такъ какъ всѣ стремились воспользоваться лѣтнимъ временемъ, то въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Петербургъ оставался совершенно пустымъ и обычное движеніе временно прекращалось. По настоянію Гурскаго мы ревностно продолжали наши загородные визиты, посѣщая вліятельныхъ представителей высшаго общества на дачахъ, ибо, по его мнѣнію, это былъ единственный способъ достигнуть нашей цѣли. И дѣйствительно, несмотря на лестный и милостивый пріемъ, оказанный намъ при большомъ дворѣ, дѣло наше все еще оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Императрица, повидимому слѣдившая за нами, знала о нашихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, и расточаемыя намъ похвалы видимо произвели на нее благопріятное впечатлѣніе.

---

[1]) Княжна Марія Чарторыйская, сестра автора воспоминаній, была въ замужествѣ за принцемъ Людвигомъ Виртембергскимъ, роднымъ братомъ великой княгини Маріи Θеодоровны. Бракъ этотъ былъ несчастный и въ 1792 году закончился разводомъ, послѣ чего кн. Марія поселилась на постоянное жительство въ Пулавы. Отъ брака съ принцемъ Виртембергскимъ у нея былъ сынъ Адамъ, который, по странной случайности, въ 1831 году предводительствовалъ войсками, разорившими Пулавы. Императрица Марія Θеодоровна всегда оказывала особенную дружбу принцессѣ Маріи и въ своихъ письмахъ называла ее „ma très chère soeur“.

Кромѣ этихъ визитовъ, достаточно утомительныхъ, приходилось кромѣ того посѣщать и Царское Село, гдѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ продолжались пріемы у Зубова. Благодаря этимъ пріемамъ мы приглашались и во дворецъ, къ обѣденному столу императрицы, за которымъ находились великіе князья, а также присутствовало значительное число лицъ извѣстнаго класса. Насъ также приглашали и на вечернія гулянья въ саду, куда въ хорошую погоду приходила императрица со всѣмъ дворомъ. Иногда послѣ прогулки она садилась на скамейку, бесѣдуя со своими приближенными, а великіе князья и княжны и придворная молодежь развлекались играми на газонѣ. Цесаревичъ Павелъ на этихъ гуляньяхъ не присутствовалъ, такъ какъ тотчасъ по окончаніи обѣда онъ уѣзжалъ къ себѣ въ Павловскъ, свою лѣтнюю резиденцію. Во время этихъ игръ мы ближе познакомились съ обоими великими князьями, которые были къ намъ особенно милостивы и внимательны.

Послѣ обѣда нѣкоторыя изъ болѣе близкихъ ко двору лицъ (въ общество которыхъ были приняты и мы съ братомъ) отправлялись къ князю Платону Зубову. Это уже не были оффиціальные визиты, но скорѣе дружескія бесѣды въ его интимномъ кружкѣ. Князь появлялся на этихъ собраніяхъ въ домашнемъ камзолѣ и обращался съ немногочисленными посѣтителями запросто, играя уже роль любезнаго хозяина, небрежно развалившись въ креслѣ или на софѣ. На этихъ вечеринкахъ бывали иногда графъ Кобенцель, австрійскій посолъ, или графъ Валентинъ Эстергази, впослѣдствіи оберъ-церемоніймейстеръ вѣнскаго двора, постоянный посѣтитель царскосельскихъ обѣдовъ, который своею болтливостью и льстивой угодливостью настолько сумѣлъ войти въ довѣріе фаворита, что императрица пожаловала ему значительныя помѣстья на Волыни. Такими же далеко не привлекательными душевными качествами отличалась и его супруга, которая несмотря на это пользовалась благосклонностью императрицы. У него былъ сынъ, избалованный мальчишка, воспитывавшійся во дворцѣ, своими забавными выходками не мало способствовавшій успѣхамъ своихъ родителей при дворѣ. Младшій его братъ, графъ Владиславъ Эстергази, живущій въ настоящее время на Волыни, достойный и почтенный человѣкъ.

Придворные сплетники подъ шумокъ разсказывали, что въ то время какъ 70-ти лѣтняя Екатерина осыпала милостями князя Платона, послѣдній втайнѣ вздыхалъ по великой княжнѣ Елизаветѣ, супругѣ Александра, которой въ это время было всего 16 лѣтъ. Эта столь же дерзкая, сколь безсмысленная претензія дѣлала его смѣшнымъ, и всѣ только удивлялись наглости зазнавшагося фаворита, позволившаго себѣ рядъ безтактностей почти на глазахъ императрицы.

Что касается великой княгини, то она не обращала на него никакого вниманія, не допуская въ чистотѣ своего юношескаго сердца даже мысли, что расточаемыя ей фаворитомъ любезности могли скрывать нѣчто иное, чѣмъ простое уваженіе. Зубовъ же былъ положительно смѣшонъ, когда послѣ обѣда, во время вышеописанныхъ интимныхъ вечеровъ, онъ, небрежно развалясь на софѣ, томно вздыхалъ и имѣлъ видъ человѣка, удрученнаго сердечнымъ горемъ. Въ это время онъ наслаждался меланхолическими и нѣжными звуками флейты.

Такъ прошло для насъ лѣто 1795 года. Въ началѣ осени дворъ переѣхалъ въ Таврическій дворецъ, гдѣ снова намъ пришлось фигурировать въ качествѣ усердныхъ посѣтителей утреннихъ пріемовъ князя, тѣмъ болѣе, что приближалось уже время окончательнаго рѣшенія нашего дѣла. Зубовы по-прежнему были съ нами чрезвычайно любезны, но по-прежнему усиленно повторяли, что въ этомъ вопросѣ личное ихъ вліяніе ничтожно и что все зависитъ исключительно отъ воли императрицы. Все это не предвѣщало намъ ничего утѣшительнаго, а между тѣмъ на придворномъ горизонтѣ появились уже признаки болѣе тревожнаго свойства. На-ряду съ лицами, стремившимися получить обратно отобранныя у нихъ земли, появилась цѣлая толпа охотниковъ болѣе легкой наживы, которые пустили въ ходъ всѣ средства и связи, чтобы воспользоваться секвестрованными имѣніями. Начиная съ многихъ высшихъ сановниковъ, до самыхъ ничтожныхъ приказныхъ, всѣ они съ жадностью голодныхъ волковъ ожидали даровой подачки, въ надеждѣ поправить свои дѣла за счетъ казны, тѣмъ болѣе, что императрица до сихъ поръ не высказала своего рѣшенія о судьбѣ многочисленныхъ частныхъ, государственныхъ и церковныхъ имуществъ. Съ прискорбіемъ надо сознаться, что въ числѣ такихъ лицъ было нѣсколько поляковъ, недостойныхъ сыновъ своего отечества, которые, забывъ свой долгъ передъ родиной, также помышляли о легкомъ обогащеніи.

Между тѣмъ наши родители, преслѣдуемые кредиторами, мучимые неизвѣстностью объ ожидающей ихъ участи, еще болѣе встревожены были нашей судьбой. Въ то время какъ мы писали о милостивомъ пріемѣ, оказанномъ намъ въ Петербургѣ, мать моя получила анонимное письмо, написанное на прекрасномъ французскомъ языкѣ, въ которомъ, увѣдомляя ее о нашихъ успѣхахъ при дворѣ и въ обществѣ, анонимный авторъ особенно ставилъ намъ въ заслугу, что, несмотря на пребываніе наше въ русской столицѣ, мы остались добрыми поляками, твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и на-ряду съ пламенною любовью къ родинѣ пылали ненавистью къ Екатеринѣ— виновницѣ гибели Польши. Можно себѣ представить тревогу моей

матери при чтеніи этого письма, которое, въ случаѣ его перлюстраціи (что, какъ извѣстно, практиковалось въ Петербургѣ), могло погубить насъ и наше дѣло, вызвавъ гнѣвъ императрицы. Было ясно, что письмо это написано съ цѣлью возбудить недовѣріе императрицы и лишить родовыхъ имѣній.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда во время одной изъ поѣздокъ нашихъ въ Царское Село, Зубовъ объявилъ намъ, что императрица желаетъ зачислить насъ офицерами въ гвардію, каковое отличіе—прибавилъ онъ—является необычайною милостью ея величества, дающей намъ возможность стать въ ряды ея славной побѣдоносной арміи. Поступленіе на русскую службу было conditio sine qua non для полученія нашихъ имѣній и отказаться отъ этого предложенія было очевидно немыслимо. Хотя мы были приготовлены къ этому удару и рѣшились принести эту послѣднюю жертву для блага нашихъ родителей, но сердце наше болѣзненно сжалось, когда намъ сдѣлано было оффиціальное предложеніе. Колебаться нельзя было, ибо разъ мы рѣшились отдаться въ руки русскихъ—было совершенно безразлично, какой именно родъ службы намъ будетъ предназначенъ.

Наконецъ столь долго ожидаемый указъ о всѣхъ конфискованныхъ имѣніяхъ былъ подписанъ. Множество земель было роздано фаворитамъ, министрамъ, генераламъ, губернаторамъ, нѣкоторымъ низшимъ чиновникамъ, а также нѣкоторымъ полякамъ измѣнникамъ отечества. Имѣнія наши не были возвращены моему отцу, но назначены были въ подарокъ мнѣ и брату въ количествѣ 42.000 душъ крестьянъ, какъ это принято въ Россіи. Латышевское и Каменецкое староства, принадлежавшія моему отцу, отданы были графу Моркову. Сестры наши не были упомянуты въ этомъ указѣ, но фактически мы получили обратно почти все состояніе и поспѣшили передать полную довѣренность отцу, дабы онъ могъ пользоваться своимъ имуществомъ на правахъ хозяина.

Вскорѣ послѣ этого мы отправились въ Царское благодарить императрицу, которая приказала зачислить меня въ конную гвардію, а моего брата въ Измайловскій полкъ. Нѣсколько разъ мы получили приглашеніе на концерты въ Таврическомъ дворцѣ, это считалось особенною милостью, такъ какъ офицеры гвардіи не входили въ составъ двора. Но все это окончилось съ переѣздомъ императрицы въ Зимній дворецъ. Мы находились въ той категоріи офицеровъ гвардіи, которые являлись во дворецъ лишь по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, чтобы занимать мѣсто рядомъ съ дипломатическимъ корпусомъ во время выхода императрицы. Отправляясь въ дворцовую церковь и возвращаясь оттуда, государыня дарила насъ

милостивыми взглядами, а великіе князья любезно кланялись. Говорятъ, что во время этихъ выходовъ, возобновлявшихся каждое воскресенье, гвардейскіе щеголи, напудренные и напомаженные, въ блестящихъ мундирахъ, старались привлечь вниманіе Екатерины своею стройностью, формами, молодцоватымъ видомъ и, какъ увѣряютъ, нѣкоторые имѣли успѣхъ. Но все это были разсказы о временахъ давно минувшихъ, теперь же императрица была уже на склонѣ дней и подобныя сцены не могли уже повторяться.

Военная строевая служба въ полкахъ гвардіи въ это время велась довольно небрежно. Правда, были офицеры, которые относились къ ней болѣе внимательно, но это было ихъ личное желаніе, и въ глазахъ большинства гвардейской молодежи это не было заслугой, а скорѣе дѣлало ихъ предметомъ насмѣшки. Командующіе генералы также не поощряли ихъ къ службѣ. Во дворцѣ мнѣ пришлось въ эту зиму быть на караулѣ всего одинъ разъ: въ этотъ день, какъ сейчасъ помню, я находился подъ командой Ханыкова [1]), впослѣдствіи занимавшаго постъ посланника въ Дрезденѣ. Возвращаясь съ моимъ взводомъ, чтобы идти въ конногвардейскія казармы, я встрѣтилъ князя Трубецкаго, который также въ первый разъ находился въ дворцовомъ караулѣ. Въ настоящее время этотъ князь Трубецкой—генералъ-отъ-инфантеріи и состоитъ генералъ-адъютантомъ императора Александра. Братъ мой, Константинъ, въ качествѣ пѣхотнаго офицера, находился съ отрядомъ Измайловскаго полка, занимавшаго ночной караулъ во дворцѣ. Увидѣвъ его, императрица милостиво поклонилась ему и сказала, что она будетъ спать спокойно, находясь подъ его охраною.

Въ день новаго 1796 года мы съ братомъ были пожалованы въ камеръ-юнкеры. Надо замѣтить, что въ описываемое время придворное званіе имѣло въ Россіи несравненно большее значеніе, нежели теперь, и на-ряду съ военными чинами, имѣло преимущество передъ службой гражданской. Вотъ почему въ аристократическихъ семьяхъ или семьяхъ лицъ, пользовавшихся виднымъ служебнымъ положеніемъ, сыновей старались опредѣлить въ гвардію и доставить имъ вмѣстѣ съ тѣмъ придворное званіе, благодаря которому они затѣмъ быстро подвигались въ служебной іерархіи.

---

[1]) Василій Васильевичъ Ханыковъ. Былъ посланникомъ въ Дрезденѣ съ 1802 по 1829 г.

Императрица Екатерина очень хотѣла еще при жизни женить великаго князя Константина и заранѣе рѣшила устроить его придворный штатъ. Съ этой цѣлью были намѣчены нѣкоторыя лица его будущаго двора и многіе старались попасть въ списки.

Въ этомъ году прибыла въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская со своими тремя дочерьми. Уже издавна существовалъ обычай, что когда для кого-либо изъ русскихъ князей требовалась невѣста, одинъ изъ дипломатическихъ представителей объѣзжалъ маленькіе нѣмецкіе дворы, гдѣ имѣлись красивыя принцессы, и затѣмъ представляли въ Петербургъ подробное донесеніе, въ которомъ излагали всѣ качества предполагаемой невѣсты. Императрица, на основаніи этихъ донесеній, дѣлала свой выборъ, указывая на тѣхъ принцессъ, которыхъ она желала бы видѣть въ Петербургѣ. Въ свое время Екатерина, какъ извѣстно, сама прошла подобный экзаменъ и поэтому во всей этой процедурѣ не видѣла ничего унизительнаго для будущей великой княгини. Съ своей стороны нѣмецкія принцессы почитали большимъ счастьемъ, когда ихъ дочери получали приглашеніе въ Петербургъ, ибо перспектива выдать дочь за русскаго великаго князя, въ эту эпоху блеска и величія Екатерининскаго двора, казалась имъ въ высшей степени заманчивой. Свѣдѣнія о дочеряхъ герцогини Кобургской доставлены были барономъ Будбергомъ, впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ, которому такимъ образомъ герцогиня и ея дочери обязаны были своимъ приглашеніемъ къ Петербургскому двору.

Герцогиня-мать была женщина большаго ума, образованная и привѣтливая; всѣ три дочери ея отличались изяществомъ и красотою. Говоря откровенно, было тяжело смотрѣть на эту мать, пріѣхавшую въ чужую страну, чтобы выставить напоказъ, подобно товару, своихъ дочерей, въ ожиданіи милостиваго взгляда императрицы и выбора великаго князя. Что касается в. к. Константина, то о немъ ходили при дворѣ анекдоты такого свойства, что отъ предполагаемой его женитьбы едва-ли можно было ожидать семейнаго счастья для его супруги.

Императрица, умѣвшая очаровывать своимъ обхожденіемъ, приняла герцогиню и ея дочерей съ распростертыми объятіями. Ежедневно устраивались прогулки, празднества, вечера и балы, во время которыхъ великій князь могъ проводить время въ обществѣ принцессъ и ближе познакомиться съ ними. Онъ получилъ приказаніе отъ императрицы жениться на одной изъ нихъ, при чемъ ему былъ лишь предоставленъ выборъ будущей супруги. Константину въ это время шелъ 17-й годъ, въ послѣдующіе годы своей жизни онъ всегда отличался необузданнымъ нравомъ и никогда не могъ владѣть своими

страстями и порывами. Можно легко себѣ представить, чѣмъ онъ былъ въ эти годы. Естественно, что о сознательномъ выборѣ будущей подруги жизни не могло быть и рѣчи: онъ просто повиновался волѣ своей всемогущей бабки.

По всему видно было, что великій князь остановитъ свой выборъ на младшей принцессѣ. Старшая довольно удачно вышла изъ положенія, сознавшись откровенно, что сердце ея не свободно. Она уже дала слово одному австрійскому офицеру (впослѣдствіи генералу) и родители не препятствовали этому браку. Послѣдствія показали, что выборъ былъ ея удаченъ, по крайней мѣрѣ она была несравненно счастливѣе своихъ сестеръ, которыя обѣ вышли за людей, не давшихъ имъ супружескаго счастья.

День новаго 1796 года ознаменованъ множествомъ наградъ, милостей и назначеній, какъ очередныхъ, такъ и пріуроченныхъ къ будущему бракосочетанію великаго князя Константина. Къ этому времени состоялось и наше назначеніе камеръ-юнкерами, что́ какъ я уже упомянулъ выше, являлось наградою и средствомъ къ дальнѣйшему повышенію для молодыхъ людей, обладавшихъ связями при дворѣ. Они допускались на придворные балы, вечера, танцы и спектакли—въ это святилище, куда однако не имѣли доступа люди самые почтенные, извѣстные своими служебными заслугами, если они не обладали при этомъ высокимъ чиномъ. Вслѣдствіе этого получалось странное явленіе: внутренніе апартаменты дворцовъ были широко раскрыты для людей, не имѣвшихъ никакихъ личныхъ заслугъ, въ то время какъ старые, заслуженные генералы, затерянные въ толпѣ, должны были дожидаться въ пріемныхъ. Впрочемъ, я лично, благодаря этому порядку, испытывалъ извѣстное чувство удовлетворенія, не лишенное злорадства при видѣ того, какъ грозный генералъ-губернаторъ завоеванной провинціи совершенно стушевывался въ столицѣ, не вызывая даже взгляда всесильнаго фаворита и почти не показываясь въ высшемъ свѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, по возвращеніи во ввѣренный ему край, онъ снова дѣлался полновластнымъ сатрапомъ и нерѣдко вымещалъ перенесенное имъ униженіе на семействахъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ былъ вынужденно почтителенъ въ Петербургѣ. Благодаря дискреціонной власти генералъ-губернаторовъ, злоупотребленія были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и добиться правосудія или простой справедливости было почти невозможно. Все дѣлалось всесильными чиновниками, которые фактически заправляли краемъ, скрываясь за подписью главныхъ начальниковъ, въ большинствѣ случаевъ бездѣятельныхъ и бездарныхъ. Имѣть на своей сторонѣ чиновничество было вѣрнѣйшимъ средствомъ успѣха, ибо мѣстные взяточники и грабители прекрасно спѣлись съ канце-

лярской мелочью Сената и министерствъ, благодаря чему никакое злоупотребленіе не могло всплыть наружу.

Зачисленіе наше въ придворный штатъ посвятило насъ въ интимную жизнь двора и доставило намъ знакомство съ многими высокопоставленными сановниками и придворною молодежью, съ многими изъ которыхъ мы близко сошлись. Къ этому же времени относится и сближеніе наше съ двумя великими князьями.

Теперь я возвращусь къ празднествамъ и церемоніямъ, имѣвшимъ мѣсто по случаю бракосочетанія в. к. Константина.

Выборъ великаго князя сдѣлался вскорѣ извѣстнымъ. Младшая изъ принцессъ, Юлія, будущая великая княгиня Анна Ѳеодоровна, должна была принять греческую вѣру и подъ руководствомъ священника изучила догматы новой религіи. Говорятъ, что германскія принцессы, которыя предназначались въ супруги русскихъ великихъ князей, получали весьма поверхностныя понятія о догматахъ родной вѣры и въ виду этого онѣ безъ затрудненія переходили въ православіе.

Вскорѣ послѣ совершенія обряда присоединенія къ греческой церкви, въ присутствіи императрицы, высшаго духовенства и всего двора, произошло торжественное вѣнчаніе принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ, послѣ котораго въ теченіе нѣсколькихъ недѣль давались парадные обѣды, балы, празднества, фейерверки и другія увеселенія, чуждыя, однако, несмотря на внѣшній блескъ, истинной веселости. При видѣ этой молодой и прекрасной принцессы, прибывшей изъ-далека въ чужую страну, принявшую чуждую ей вѣру и отданной во власть взбалмошнаго юноши, менѣе всего думавшаго о ея счастьѣ—всѣ эти празднества и чисто внѣшнія проявленія радости наводили скорѣе на грустныя размышленія при мысли о судьбѣ юной великой княгини. Самъ Константинъ своимъ поведеніемъ вскорѣ оправдалъ эти опасенія. Его интимныя бесѣды и болѣе чѣмъ откровенные намеки и разсказы о его медовомъ мѣсяцѣ поражали своимъ цинизмомъ и неделикатностью по отношенію къ юной супругѣ и свидѣтельствовали о его невѣроятно странныхъ капризахъ и привычкахъ.

Обѣ великія княгини вскорѣ соединились узами самой тѣсной дружбы. По происхожденію иностранки, вдали отъ родины и семьи, занимая почти одинаковое положеніе, великія княгини Анна и Елизавета естественно почувствовали другъ къ другу влеченіе и во взаимныхъ откровенныхъ бесѣдахъ находили отраду и утѣшеніе. Великая княгиня Елизавета, предназначенная судьбою къ болѣе высокому жребію, болѣе счастливая благодаря душевнымъ качествамъ своего супруга, поддерживала свою belle soeur, замѣнивъ ей мать и сестеръ, которыя вскорѣ должны были покинуть Россію.

Когда закончились всѣ празднества и торжества и герцогиня Кобургская со своими дочерьми вернулась въ Германію, жизнь двора снова вошла въ обычную колею. По желанію императрицы устраивались катанья на саняхъ, во время которыхъ дежурные камеръ-юнкеры сопровождали государыню и великихъ княгинь. Во время одной изъ такихъ прогулокъ мнѣ случилось видѣть Екатерину въ утреннемъ туалетѣ и Зубова въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, выходившихъ запросто изъ внутреннихъ апартаментовъ государыни. Но къ этому повидимому всѣ привыкли, по крайней мѣрѣ никто изъ придворныхъ не былъ этимъ шокированъ.

Въ Зимнемъ дворцѣ вечера происходили въ такъ называемомъ бриллiантовомъ залѣ, получившемъ это названіе отъ украшенныхъ драгоцѣнными камнями императорскихъ регалій, хранившихся подъ большими стеклянными витринами. Залъ этотъ соприкасался съ опочивальней, уборною и внутренними апартаментами императрицы съ одной стороны, а съ другой съ комнатами, предназначенными для дежурства. Эти комнаты отдѣлялись отъ другихъ залъ троннымъ заломъ, входившимъ также въ составъ внутреннихъ апартаментовъ императрицы. При входѣ въ этотъ залъ находился караулъ отъ кавалергардовъ, которые всѣ сидѣли [1]). Это былъ отрядъ, состоящій изъ отборныхъ офицеровъ [2]), происходившій отъ извѣстной роты преображенцевъ, возведшей на престолъ Елизавету и получившей названіе „лейбъ-кампанцевъ“. Всѣ нижніе чины этой роты произведены были въ офицеры и включены были въ составъ ея личной охраны. Этотъ караулъ сохранился до смерти Екатерины въ томъ же составѣ и носилъ ту же роскошную форму. Имѣть входъ „за кавалергардовъ“—означало имѣть право входа во внутренніе дворцовые апартаменты. Въ царствованіе императрицы Екатерины дворцовая обстановка вѣроятно мѣнялась, но распредѣленіе апартаментовъ Зимняго дворца оставалось такимъ же, какъ при Аннѣ и Елизаветѣ. Со вступленіемъ на престолъ Павла I-го оно было измѣнено.

Обыкновенные дворцовые вечера происходили въ такъ называемомъ бриллiантовомъ залѣ, гдѣ собиралось интимное общество и тѣ изъ офицеровъ и гражданскихъ чиновъ, которые были на дежурствѣ. Императрица играла въ карты съ Зубовымъ и двумя другими сановниками. Во время игры Зубовъ бывалъ разсѣянъ и поминутно по-

---

[1]) Члены внутреннихъ дворцовыхъ карауловъ всегда находятся въ залахъ сидя, исключая часовыхъ и тѣхъ внутреннихъ карауловъ, которые наряжаются на время высочайшихъ выходовъ и баловъ.

[2]) Въ царствованіе Екатерины „Кавалергардскій корпусъ“ дѣйствительно состоялъ изъ однихъ офицеровъ, а при Павлѣ кавалергарды получили новую организацію и преобразованы въ Кавалергардскій полкъ. *К. В.*

сматривалъ на столъ, за которымъ играли обѣ великія княгини съ ихъ мужьями. Многіе удивлялись, что императрица не замѣчала этихъ его выходокъ, которыя шокировали всѣхъ. Кромѣ упомянутыхъ были еще и другіе карточные столы. Императрица обыкновенно не оставалась къ ужину, рано кончала игру и удалялась въ свои внутренніе покои. Она милостиво раскланивалась съ присутствующими, двери растворялись, и великіе князья также удалялись. Затѣмъ уходилъ Зубовъ, сдѣлавъ общій поклонъ, и проходилъ вслѣдъ за императрицей.

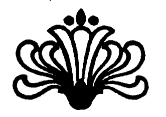
Иногда близъ Таврическаго дворца устраивали для катанья ледяныя горы. Великія княгини и княжны и весь придворный штатъ отправлялись на эти горы и, согласно русскому обычаю, съѣзжали на маленькихъ санкахъ. Здѣсь царило веселіе и непринужденность и раздавался веселый смѣхъ молодежи. У великой княгини устраивались очень хорошіе концерты. Въ Эрмитажномъ театрѣ шла французская комедія и итальянская опера съ превосходнымъ составомъ артистовъ. Австрійскій посолъ графъ Кобенцель обыкновенно сидѣлъ рядомъ съ императрицей. На спектакляхъ этихъ, дававшихся два раза въ недѣлю, присутствовали исключительно члены императорской фамиліи и придворная знать. Я какъ сейчасъ вижу передъ собой всю эту картину: въ центрѣ, напротивъ самой сцены, на широкомъ креслѣ, сидитъ императрица; рядомъ съ нею, почтительно наклонивъ голову и прищуривъ свои близорукіе глаза—графъ Кобенцель; въ пудреномъ парикѣ и богатомъ камзолѣ, онъ внимательно слушаетъ свою собесѣдницу. Рядомъ съ ними, съ обѣихъ сторонъ, молодыя красивыя фигуры великихъ княженъ и князей, а сзади, амфитеатромъ, размѣстился весь придворный штатъ. Здѣсь давались лучшія изъ современныхъ оперъ, и многія мелодіи до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ. Весь Эрмитажъ кромѣ того былъ украшенъ великолѣпными картинами кисти знаменитыхъ мастеровъ. Въ послѣдующія царствованія императоровъ Павла и Александра Эрмитажъ значительно измѣнился.

Екатерина находилась на вершинѣ своей славы и политическаго могущества: раздѣлъ Польши былъ законченъ согласно ея желаніямъ; повинуясь ея волѣ, прусскій король уступилъ Австріи городъ Краковъ; большинство европейскихъ монарховъ заискивали передъ нею, льстили ей и подчинялись всѣмъ ея желаніямъ. Австрійскій и лондонскій кабинеты добивались ея благосклонности, разсчитывая на активное содѣйствіе Россіи въ борьбѣ съ Франціей. Неаполь, Римъ и Сардинія стремились къ тому же, опасаясь за цѣлость своихъ владѣній подъ угрозой успѣховъ революціонной Франціи.

Между тѣмъ Екатерина, разсылавшая громоносныя дипломатическія ноты противъ французской республики и революціи, возбуждавшая противъ нея всю Европу, благоразумно воздерживалась отъ войны, спокойно смотрѣла на неудачи своихъ союзниковъ и не двигала своихъ войскъ. Она властвовала въ сѣверной Европѣ, заставляла трепетать Турцію и, гордая сознаніемъ своей силы, отправила войска въ Персію подъ начальствомъ Валеріана Зубова. Но это были послѣдніе дни ея славы: побѣда Бонапарта въ Италіи и безпримѣрное поведеніе юнаго шведскаго короля сильно повліяли на ея душевное состояніе и исполнили горечью послѣдній годъ ея жизни.

Всѣ эти спектакли, увеселенія и придворные балы, на которыхъ мы принимали участіе, еще болѣе сблизили насъ (меня и брата) съ великими князьями, которые, какъ я уже говорилъ, всегда относились къ намъ особенно милостиво. Въ это время я занимался рисованіемъ. Когда великій князь Александръ узналъ объ этомъ, онъ велѣлъ мнѣ принести нѣсколько моихъ рисунковъ, разсматривалъ ихъ, показывалъ великой княгинѣ и вообще выказывалъ мнѣ много вниманія.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Записки княгини Дашковой.

XX [1]).

Въ началѣ 1783 года, князь Потемкинъ отправился въ армію; мой сынъ, котораго онъ, повидимому, любилъ и уважалъ, сопутствовалъ ему на берега Дуная. Проѣзжая Бѣлоруссіей, они свернули съ дороги, чтобъ взглянуть собственными глазами на мое имѣніе Круглово и оцѣнить достоинство его, которому одни придавали слишкомъ много значенія, а другіе считали его ниже дѣйствительной стоимости.

Потемкинъ написалъ мнѣ объ этомъ предметѣ, совѣтуя не унывать и увѣряя, что помѣстье можетъ со временемъ приносить хорошіе доходы. Онъ далъ приказаніе бригадиру Бауеру, управляющему его собственнымъ имѣніемъ, смежнымъ съ моимъ, озаботиться по дѣламъ моего владѣнія больше, чѣмъ я могла ожидать отъ коронныхъ чиновниковъ, улучшить его непосредственнымъ надсмотромъ на мѣстѣ, или письменными сношеніями со мной. „Здѣсь, кромѣ того, есть деревня, писалъ князь, названная вашимъ именемъ „Дашково“, которую бы слѣдовало вамъ отдать, въ вознагражденіе за убыль тѣхъ крестьянъ, которыхъ вы не получили согласно назначенію указа“.

Въ самомъ дѣлѣ, было бы не трудно устроить это дѣло; польскій король, обязанный моему мужу, не замедлилъ бы исполнить мою просьбу, договорившись съ своей сестрой, владѣвшей этой деревней, и однимъ дворяниномъ, будущимъ пожизненнымъ наслѣдникомъ ея— тѣмъ больше, что оба они нисколько не дорожили этимъ имѣніемъ; но князь Потемкинъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобъ я писала объ этой сдѣлкѣ къ польскому королю или нашему посланнику, графу Штакельбергу, желая самъ заняться этимъ дѣломъ. Кончилось

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1906 г.

тѣмъ, что Дашково никогда не было моимъ, и Круглово навсегда осталось безъ дополненія крестьянъ.

Разлука съ сыномъ, всегда находившимся при мнѣ, была тягостна; но я поставила себѣ правиломъ всегда жертвовать личнымъ удовольствіемъ дѣйствительной или воображаемой пользѣ своихъ дѣтей; поэтому, я отнюдь не мѣшала ему отправиться въ дѣйствующую армію, что̀, по моему мнѣнію, могло быть полезно настоящей служебной карьерѣ его. Я часто слышала отъ него и отъ другихъ, что Потемкинъ удостоилъ моего сына самаго лестнаго вниманія и уваженія, чему удивлялись тѣ, кто зналъ безпечный характеръ великолѣпнаго князя—этого баловня слѣпой судьбы.

Что касается до меня, я была довольно спокойна. Одно обстоятельство нарушало мой домашній миръ—хлопоты и утомительныя заботы въ кругу академической дѣятельности, въ особенности, когда я задумала преобразовать это учрежденіе и улучшить его матеріальное состояніе.

На слѣдующее лѣто, великій князь Павелъ и его жена возвратились изъ чужихъ краевъ. Они часто давали вечера въ Гатчинѣ, и приглашаемые гости оставались тамъ по нѣсколько дней сряду, пользуясь гостепріимствомъ наслѣдника; меня многіе увѣряли, что эти вечера нисколько не были обременительны для посѣтителей. Я рѣдко бывала, извиняясь недосугами и занятіями по академіи, также далекимъ разстояніемъ Гатчины отъ Стрѣльны, гдѣ я жила по волѣ государыни.

Наконецъ, великій князь убѣдительно просилъ меня посѣтить одинъ изъ вечеровъ; я замѣтила ему, что свобода и общество гатчинскихъ собраній всегда доставляли мнѣ величайшее удовольствіе, но у меня мало досужнаго времени; есть на то и другая причина. Все, что дѣлается въ Гатчинѣ, сказала я,—немедленно переносится въ Царское Село, и обратно, великому князю сообщаютъ о всемъ, что происходитъ во дворцѣ Екатерины. Такимъ образомъ, отдалившись отъ гатчинскихъ собраній, я отняла у императрицы право задавать мнѣ такіе вопросы, на которые я не хотѣла бы отвѣчать, а у Павла—право подозрѣвать меня, какъ сплетницу между матерью и сыномъ: поэтому я отказала себѣ въ удовольствіи бывать у великаго князя, и онъ первый долженъ былъ согласиться съ уважительной причиной моего отказа.

На основаніи этого такта, я вела себя въ продолженіе десяти лѣтъ, никогда не посѣщая великаго князя, за исключеніемъ тѣхъ церемоніальныхъ случаевъ, когда собирался у него весь дворъ. Императрица, зная это, никогда не разспрашивала меня о своемъ сынѣ, и если осуждала (иногда это случалось) его поведеніе, я всегда пре-

кращала рѣчь оговоркой, что постороннее лицо не должно мѣшаться въ эти дѣла, развѣ только въ случаѣ ея особенныхъ приказаній и по долгу повиновенія.

Этотъ честный и прямой поступокъ въ отношеніи къ великому князю не былъ оцѣненъ, какъ мы увидимъ ниже, и не защитилъ меня отъ гоненій Павла I, который преслѣдовалъ всѣхъ, кого онъ заподозрѣвалъ въ измѣнническомъ оскорбленіи себя.

Около этого времени графъ Андрей Шуваловъ, какъ я уже сказала, возвратился изъ Парижа и старался возстановить противъ меня и моего сына фаворита Ланскаго. Однажды, во время бесѣды, императрица замѣтила, какъ легко пріобрѣтаются въ Италіи копіи съ лучшихъ художественныхъ оригиналовъ, я пожалѣла при этомъ, что мнѣ никогда не удалось достать въ Петербургѣ бюстъ государыни, при всемъ моемъ желаніи имѣть его. Императрица приказала принести одинъ, сдѣланный замѣчательнымъ русскимъ артистомъ Шубинымъ, и просила меня принять его.

Ланской, увидѣвъ это, громко сказалъ: „какъ, это мой бюстъ, онъ принадлежитъ мнѣ".

— Вы ошибаетесь, возразила Екатерина, и я прошу княгиню Дашкову взять его.

Ланской замолчалъ, но бросилъ на меня бѣшеный взглядъ, на который я отвѣтила взглядомъ полнаго презрѣнія. Съ этой минуты его озлобленіе постоянно выражалось въ мелочныхъ спорахъ со мною, что́ не ускользнуло отъ наблюденія самой Екатерины, и она рѣшилась положить имъ конецъ.

На поприщѣ своей академической администраціи я скоро пришла въ непріятное столкновеніе съ княземъ Вяземскимъ; онъ по временамъ не обращалъ никакого вниманія на мои представленія о производствѣ нѣкоторыхъ заслуженныхъ членовъ академіи и не сообщалъ мнѣ требуемыхъ документовъ касательно описанія различныхъ мѣстностей Россіи, на основаніи которыхъ я хотѣла составить лучшія карты. Наконецъ, онъ осмѣлился спросить моего казначея, доставлявшаго ему ежемѣсячный отчетъ о казенныхъ расходахъ по академіи, почему онъ не принесъ также отчета объ экономической суммѣ. Услышавъ объ этомъ, я тотчасъ же подала просьбу объ отставкѣ, увѣдомивъ императрицу, что Вяземскій хочетъ подвергнуть меня отвѣтственности, никогда не лежавшей на директорѣ, отъ самаго основанія академіи и даже во время моего предшественника, всѣмъ извѣстнаго взяточника. Въ то же время, я напомнила ей, что только вслѣдствіе моей убѣдительной просьбы, я получила отъ нея позволеніе лично представлять ей каждый мѣсяцъ отчетъ объ экономической суммѣ, при чемъ часто слышала похвалы ея о цвѣтущемъ

состоянiи капитала; поэтому я никогда не соглашусь дозволить генералъ-прокурору мѣшаться въ дѣла директора Академiи, тѣмъ менѣе подозрѣвать мое безкорыстiе.

Вслѣдъ затѣмъ князь Вяземскiй получилъ выговоръ отъ императрицы, а я не замедлила позабыть о его глупости. Кстати этотъ государственный человѣкъ былъ усердный и дѣловой чиновникъ, аккуратный и исправный въ своихъ обязанностяхъ, но необразованный и чрезвычайно мстительный. Онъ долго не прощалъ мнѣ за то, что я принимала на службу къ себѣ тѣхъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и лишилъ послѣдняго куска насущнаго хлѣба. Было и другое обстоятельство, озлобившее его противъ меня; вотъ оно. Академiя предприняла изданiе моего журнала, въ которомъ иногда помѣщались статьи императрицы и мои; между другими сотрудниками находился адвокатъ Козодавлевъ, писавшiй стихи и прозу; какой бы сатирическiй листокъ ни появился въ этомъ журналѣ, князь Вяземскiй относилъ его къ себѣ или своей женѣ; особенно возсталъ противъ нашего изданiя, когда въ немъ сталъ участвовать Державинъ, потерявшiй мѣсто по милости Вяземскаго; онъ въ каждой строчкѣ повсюду читаемаго поэта видѣлъ черту вдохновенной мести.

Поэтому во многихъ случаяхъ я начала испытывать недоброжелательство Вяземскаго; изъ личнаго неудовольствiя, онъ старался затруднять меня на пути общественной пользы, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мои стремленiя были самыми справедливыми, какъ напримѣръ, приготовленiе новыхъ и точныхъ картъ провинцiй, границы которыхъ никогда не были означены въ очеркахъ ихъ, со времени послѣдняго раздѣленiя имперiи. Это новое раздѣленiе Россiи на области, какъ первый шагъ къ введенiю порядка и цивилизацiи въ такой обширной странѣ, было истинно великимъ дѣломъ Екатерины. Вслѣдствiе этого дороги сдѣлались болѣе безопасны и удобны; внутренняя торговля оживилась, и частное благосостоянiе скоро проявилось въ улучшенiи городовъ. Въ разныхъ областяхъ были построены на государственный счетъ соборы и прекрасные дома для воеводъ; но, что главнѣе всего, императрица, не забывшая мѣткой старой русской пословицы: „до Бога высоко, а до царя далеко", учредила мѣстные суды и полицiю, и тѣмъ обезпечила народное довѣрiе и спокойствiе; до сей поры, чтобъ добраться до судебнаго мѣста, надобно было проѣхать двѣ или три тысячи верстъ.

Князь Вяземскiй не только задерживалъ или вовсе не доставлялъ документовъ по своему вѣдомству, но медлилъ доставкой даже тѣхъ свѣдѣнiй, которыя по моей просьбѣ присылались въ Академiю областными намѣстниками; безпокоить государыню постоянными жалобами мнѣ не хотѣлось, поэтому я вооружилась всѣмъ возможнымъ терпѣнiемъ.

Въ іюлѣ мой сынъ возвратился изъ дѣйствующей арміи, посланный съ депешами, возвѣстившими объ окончательномъ подданствѣ Крыма Русской имперіи. Мое удивленіе и радость при этомъ свиданіи, разумѣется, были невыразимы. Онъ пробылъ въ Петербургѣ не долго и снова отправился въ армію, съ чиномъ полковника. Я была очень довольна этимъ новымъ повышеніемъ Дашкова, потому что оно удаляло его изъ гвардіи, отъ обольщенія столичной жизни и давало ему возможность развить свою дѣятельность и способности на поприщѣ военно-полевой службы.

Однажды я гуляла съ императрицей по Царскосельскому саду; рѣчь зашла о красотѣ и богатствѣ русскаго языка; я выразила мое удивленіе, почему государыня, способная оцѣнить его достоинство и сама писатель, никогда не подумала основать русскую академію.

Я замѣтила, что только нужны правила и хорошій словарь, чтобъ поставить нашъ языкъ въ независимое отношеніе отъ иностранныхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ ни энергіи, ни силы, свойственныхъ нашему слову.

— Я удивляюсь сама, сказала Екатерина, почему эта мысль до сихъ поръ не приведена въ исполненіе; подобное учрежденіе для усовершенствованія русскаго языка часто занимало меня, и я уже отдала приказаніе относительно его.

— Это подлинно удивительно, продолжала я; ничего не можетъ быть легче, какъ осуществить этотъ планъ. Образцовъ для него очень много, и вамъ остается только избрать изъ нихъ самый лучшій.

— Пожалуйста, представьте мнѣ, княгиня, проектъ прибавила императрица, какого-нибудь.

— Кажется, было бы лучше, отвѣчала я, еслибъ вы приказали одному изъ вашихъ секретарей составить для васъ планъ французской, берлинской и нѣкоторыхъ другихъ академій съ замѣчаніями о тѣхъ особенностяхъ, которыя можно лучше согласить съ геніемъ и нравами вашей имперіи.

— Я повторяю мою просьбу, сказала Екатерина; примите на себя этотъ трудъ; я привыкла полагаться на вашу ревность и дѣятельность, и потому съ довѣріемъ приступлю къ исполненію предмета, къ стыду моему, такъ долго неосуществленнаго.

— Этотъ трудъ не великъ, государыня, и я постараюсь выполнить ваше желаніе возможно скоро; но у меня нѣтъ нужныхъ книгъ подъ рукой, и я вполнѣ убѣждена, что кто-нибудь изъ вашихъ секретарей сдѣлалъ бы это лучше моего.

Императрица настаивала на своемъ желаніи, и я не сочла нужнымъ возражать дальше.

По возвращеніи домой вечеромъ, я стала разсуждать, какъ бы лучше исполнить это порученіе и прежде, нежели пошла спать, начертала нѣкоторый планъ, желая передать въ немъ идею будущаго учрежденія; я послала этотъ проектъ императрицѣ, думая тѣмъ удовлетворить ея желанію и отнюдь не считая его достойнымъ принятія и практическаго примѣненія. Къ крайнему моему удивленію, Екатерина лично возвратила мнѣ этотъ наскоро-набросанный планъ, утвердила его собственной подписью, какъ вполнѣ оффиціальный документъ и вмѣстѣ съ нимъ издала указъ, опредѣлившій меня президентомъ Академіи въ зародышѣ. Копія съ этого указа была немедленно сообщена Сенату.

Хотя это распоряженіе носило характеръ особенной рѣшимости и настойчивости со стороны императрицы въ отношеніи ко мнѣ, несмотря на то, я черезъ два дня отправилась въ Царское Село просить ее избрать другаго президента. Не надѣясь успѣть въ своей попыткѣ, я сказала Екатеринѣ, что моихъ академическихъ суммъ достаточно будетъ для поддержанія новаго учрежденія и что всѣ расходы ея могутъ пока ограничиться одной покупкой дома. Эти деньги, прибавила я, въ объясненіе, будутъ взяты изъ тѣхъ пяти тысячъ рублей, которые она изъ своей собственной шкатулки ежегодно отпускала на переводъ классическихъ писателей.

Императрица удивилась и утѣшилась, надѣясь въ то же время, что переводы не прекратятся.

— Само собою разумѣется, сказала я, переводы пойдутъ своимъ порядкомъ, и я думаю лучше, чѣмъ прежде, съ помощью студентовъ Академіи наукъ, и подъ надзоромъ и редакціей профессоровъ. Такимъ образомъ эти пять тысячъ рублей, о которыхъ прежніе директоры забыли или, лучше, издавая очень немного переводовъ, клали ихъ по своимъ карманамъ, теперь могутъ быть употреблены съ пользой. Я надѣюсь имѣть честь скоро представить вамъ полную смѣту всѣхъ необходимыхъ издержекъ на устройство новой академіи; и, не исключая указанной мною суммы, мы тогда увидимъ, чего не достанетъ для удовлетворенія менѣе существенныхъ потребностей, какъ, напримѣръ, медалей и мундировъ, что, по моему мнѣнію, почти неизбѣжно для награды и отличія достойныхъ учениковъ.

Въ этой смѣтѣ я назначила жалованье двумъ секретарямъ по девяти сотъ рублей, двумъ переводчикамъ по четыреста пятидесяти каждому. При томъ необходимо было имѣть казначея и четырехъ солдатъ-инвалидовъ для топки печей и ухода за домомъ. Всѣ эти расходы я подвела къ тремъ стамъ рублямъ, изъ чего удѣлялось тысяча семьсотъ рублей на покупку дровъ, бумаги и книгъ, но ничего не осталось на медали и другія отличія.

Императрица вовсе не привыкла къ такимъ умѣреннымъ смѣтамъ и, я думаю, больше изумилась, чѣмъ осталась довольна моимъ разсчетомъ; она изъявила готовность дополнить недостатки, и я опредѣлила ихъ суммой въ тысячу двѣсти пятьдесятъ рублей. Вознагражденіе президента и случайныя пособія служебному штату не были упущены изъ вида при этой смѣтѣ, хотя, въ настоящее время, я не назначила себѣ ни одной копѣйки; такимъ образомъ учрежденіе самаго полезнаго учрежденія, въ полномъ составѣ своемъ, обошлось императрицѣ не дороже, чѣмъ покупка нѣсколькихъ орденскихъ звѣздъ.

Чтобъ досказать все о русской Академіи, я не считаю лишнимъ упомянуть еще о нѣсколькихъ подробностяхъ. Во-первыхъ, съ помощію трехлѣтняго капитала, пожалованнаго императрицей на переводы классиковъ и не выданнаго Домашневу, т. е. съ помощію пятнадцати тысячъ рублей, въ сложности съ суммой, сбереженной изъ экономическаго капитала, я построила два дома на дворѣ того же зданія, которое Екатерина отвела для Академіи, что увеличило доходъ ея почти двумя тысячами рублей; кромѣ того, я омеблировала Академію и мало-по-малу собрала значительную библіотеку, предоставивъ ей между тѣмъ пользоваться моей собственной; положила капиталъ въ сорокъ девять тысячъ рублей въ воспитательный домъ; начала, окончила и издала диксіонеръ, и все это совершила въ продолженіе одиннадцати лѣтъ. При этомъ я не упоминаю о новомъ академическомъ зданіи, столь замѣчательномъ въ свое время; оно было построено подъ моимъ руководствомъ, но на казенный счетъ и потому я не ставлю его въ числѣ своихъ собственныхъ предпріятій.

Кстати я должна замѣтить, что при дворѣ носились самые невыгодные и оскорбительные толки о моей дѣятельности. Впрочемъ просвѣщенная часть общества отдавала болѣе чѣмъ должную дань справедливости моей ревности и распорядительности; основаніе русской Академіи и удивительно быстрое изданіе перваго отечественнаго словаря приписывали исключительно моимъ заслугамъ.

Послѣдній трудъ былъ предметомъ очень жаркой критики, въ особенности относительно методы расположенія словъ, принятой согласно этимологической, а не алфавитной системѣ. На это возражали, что словарь былъ запутанъ и худо приспособленъ къ народному употребленію—это возраженіе было сдѣлано мнѣ самой государыней и потомъ съ радостью подхвачено придворными куртизанами. Когда Екатерина спросила меня, почему мы не приняли болѣе простой методы, я отвѣчала, что въ первомъ лексиконѣ какого бы то ни было языка такая система не представляетъ ничего страннаго; она

облегчаетъ трудъ отыскивать и узнавать корни словъ; за всѣмъ тѣмъ, Академія въ теченіе трехъ лѣтъ повторитъ изданіе, расположитъ его по алфавиту и, во всѣхъ отношеніяхъ, усовершенствуетъ.

Я не понимаю, какимъ образомъ императрица, способная соображать самые разнообразные и даже глубокіе вопросы, не соглашалась съ моимъ мнѣніемъ; но я знаю только, что разнорѣчіе мнѣ наскучило; при всемъ нежеланіи объявлять въ академическомъ совѣтѣ неудовольствіе царицы противъ нашего труда, я, однакожъ, рѣшилась поставить вопросъ въ первомъ засѣданіи, не касаясь другихъ предметовъ, за которые меня лично обвиняли.

Всѣ члены, какъ и надобно было ожидать, выразили единодушное мнѣніе, что первый словарь невозможно иначе расположить, и что второе изданіе будетъ полнѣй и въ алфавитномъ порядкѣ.

Въ слѣдующій разъ, я передала императрицѣ общій отзывъ академиковъ и доказательство ихъ. Государыня осталась при своемъ мнѣніи, заинтересованная въ это время словаремъ, или лучше компиляціей Палласа. Это былъ родъ лексикона, около сотни языковъ, изъ которыхъ нѣкоторые ограничивались десятью или двадцатью слѣдующими словами: земля, воздухъ, вода, отецъ, мать и проч. Этотъ ученый филологъ, извѣстный своимъ путешествіемъ по Россіи и открытіями по естественной исторіи, желая польстить литературному самолюбію Екатерины, довелъ расходы по напечатанію своего, такъ называемаго сравнительнаго лексикона до двадцати тысячъ рублей, не считая тѣхъ издержекъ, которыя употребилъ императорскій кабинетъ на разсылку гонцовъ въ Сибирь, Камчатку и проч., чтобъ собрать нѣсколько голыхъ, случайно пойманныхъ словъ на различныхъ говорахъ.

Какъ однакожъ ни былъ слабъ и неудовлетворителенъ нашъ словарь, но его превознесли, какъ въ высшей степени замѣчательный: для меня лично онъ послужилъ источникомъ большихъ непріятностей и горя.

XXI.

Чтобъ развлечь себя среди утомительныхъ занятій, я отправилась въ свой загородный домъ, обстроенный мной изъ камня, и отказалась на это время отъ общества и городскихъ визитовъ. Управленіе двумя академіями совершенно лишало меня досуговъ. Мое участіе въ составленіи словаря состояло въ наборѣ всѣхъ словъ, начинающихся первымя тремя буквами нашей азбуки. Каждую субботу мы собирались вмѣстѣ для отысканія корней тѣхъ словъ, которыя были

уже подготовлены нѣкоторыми членами. Такимъ образомъ все мое время, съ обыкновеннымъ еженедѣльнымъ посѣщеніемъ Царскаго Села, было занято сполна.

Въ продолженіе зимы 1783 года, мой сынъ получилъ двухмѣсячный отпускъ для свиданія со мной; въ то время я, съ утвержденія императрицы, передала ему все наслѣдственное его имѣніе, за исключеніемъ той частички, которая выдѣлялась на мою долю; и такимъ образомъ я освободила себя отъ хлопотъ по управленію собственными его дѣлами. Теперь онъ лично располагалъ бо́льшимъ состояніемъ, чѣмъ отецъ оставилъ намъ всѣмъ—не имѣя на себѣ ни одного рубля долговъ. Послѣ того я могу съ чистой совѣстью сказать себѣ и другимъ, что мой надзоръ не былъ дуренъ, и въ этой истинѣ никто не отказывалъ мнѣ изъ другихъ опекуновъ.

Лѣтомъ императрица собралась въ Финляндію и такъ убѣдительно просила меня сопутствовать ей, что какъ будто предвидѣла съ моей стороны особенную жертву въ моемъ путешествіи. Напротивъ, я приняла предложеніе очень охотно. Мнѣ хотѣлось взглянуть на Финляндію и разсѣять меланхолію, уже давно тяготившую меня. Я также желала познакомиться со шведскимъ королемъ, который обѣщалъ переплыть въ Фридрихсгамъ и сравнить его съ герцогомъ Судерманландскимъ; съ этимъ послѣднимъ я уже была знакома. Во всякомъ случаѣ, быть свидѣтелемъ свиданія двухъ образованныхъ монарховъ сосѣдей было очень любопытно. Вслѣдствіе всего этого, я радостно согласилась провожать Екатерину.

Въ самый день нашего отъѣзда, посѣтилъ меня шведскій уполномоченный, министръ Нокенъ, собиравшійся оставить Петербургъ для встрѣчи своего государя. Онъ явился ко мнѣ съ объявленіемъ, что король его желаетъ украсить меня орденомъ Большаго почетнаго креста и съ тѣмъ вмѣстѣ засвидѣтельствовать его удовольствіе, что я, съ которой онъ желалъ давно познакомиться, сопутствую императрицѣ въ Финляндію.

— Послѣднее желаніе, сказала я министру, слишкомъ лестное для меня; что же касается до орденскаго отличія, я умоляю васъ отсовѣтовать своему государю такое намѣреніе: во-первыхъ, какъ простая придворная Нинета, я не успѣю порядочно повѣсить черезъ плечо подобное украшеніе, которое я уже имѣю; во-вторыхъ, такое отличіе еще никогда не давалось женщинѣ, поэтому оно не замедлитъ породить враговъ, раздразнить завистниковъ, не доставивъ того удовольствія, за которое я глубоко благодарю, но считаю себя недостойной его.

Наконецъ, я просила Нокена увѣрить короля, что никто больше меня не цѣнитъ его доброты, и если я рѣшилась отклонить отъ себя

предложенную почесть, то единственно изъ уваженія къ его характеру и просвѣщенному уму.

Въ тотъ же вечеръ мы оставили дворецъ и переѣхали на шлюпкѣ по другую сторону рѣки, въ Выборгскую часть, гдѣ ожидали насъ дворцовые дорожные экипажи.

Мы увидѣли древнюю столицу Финляндіи, Выборгъ, гдѣ отвели намъ помѣщенія въ разныхъ улицахъ. Мнѣ достался очень хорошій, и, главное, очень чистый домъ. На слѣдующій день судьи и весь чиновный людъ, дворяне и военные, представились императрицѣ, которая приняла ихъ съ обыкновенной своей добротой и чарующей лаской.

Я позабыла сказать въ своемъ мѣстѣ, что мы провели одну ночь на загородной царской дачѣ, гдѣ очень удобно расположились во дворцѣ. Я также должна упомянуть имена тѣхъ лицъ, которыя находились въ свитѣ государыни. Изъ женщинъ я была одна; изъ мужчинъ—фаворитъ Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ, Чертковъ и всѣ шестеро сидѣли въ одной каретѣ съ Екатериной. Кромѣ того, съ нами были Нарышкинъ, главный конюшій, Безбородко, первый секретарь и Стрекаловъ, директоръ кабинета; два гофмейстера были посланы впередъ на шведскую границу — встрѣтить короля и предупредить о пріѣздѣ императрицы.

На другой день ночью мы въѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ заняли квартиры хуже, чѣмъ прежде. Чрезъ день явился король. Онъ немедленно посѣтилъ Екатерину, а свита его, оставшаяся въ передней комнатѣ, была представлена мнѣ. Мы познакомились; между тѣмъ вошли монархи, и Екатерина отрекомендовала меня королю.

Обѣдъ кончился очень весело, послѣ того монархи имѣли частное совѣщаніе, которое происходило между ними каждый день, пока мы жили въ Фридрихсгамѣ. Признаюсь, я не думаю, чтобъ въ подобныхъ свиданіяхъ, между коронованными собесѣдниками могла существовать искренность. Несмотря на умъ, самую утонченную вѣжливость и здравый смыслъ, истощенные въ этихъ совѣщаніяхъ, гроза наступала съ другой стороны. Политика отравляетъ всѣ задушевныя отношенія властителей.

Шведскій король, подъ именемъ графа Гаги, навѣстилъ меня на третій день. Я приказала сказать, что нѣтъ меня дома и, вошедъ къ императрицѣ, доложила ей объ этомъ отказѣ.

Екатерина не совсѣмъ была довольна имъ; я старалась извиниться подъ тѣмъ предлогомъ, что король послѣ своего путешествія въ Парижъ до того заразился его салоннымъ духомъ, что моя искренность и простота ему крайне не понравились бы. За всѣмъ тѣмъ императрица просила принять его на слѣдующій день и продолжить свиданіе возможно дольше.

Думая, что Екатерина сама хотѣла освободиться на нѣкоторое время отъ своего вѣнценоснаго друга, я послушалась и приняла графа Гагу. Разговоръ нашъ не былъ лишенъ интереса. Король обнаружилъ умъ, образованіе и яркую рѣчь; при всемъ томъ сквозь этотъ лоскъ повсюду выглядывала царская рутина короля-путешественника, усвоившаго самыя ложныя понятія о всемъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ. Извѣстно, что подобнымъ туристамъ открываютъ одну красную сторону въ народной жизни, и всѣ ихъ свѣдѣнія ограничиваются только этой фантастической стороной.

Другое зло въ путешествіяхъ этихъ людей заключается въ томъ, что на каждомъ шагу окружаетъ ихъ глупость и лесть, особенно тамъ, гдѣ хотятъ снискать ихъ благоволеніе. Потомъ, возвращаясь домой, они требуютъ отъ своихъ подданныхъ уже полнаго обоготворенія.

Поэтому я никогда не совѣтовала бы царямъ путешествовать въ чужіе края. Гораздо лучше имъ объѣзжать провинціи своихъ владѣній, и если только они хотятъ познакомиться съ настоящимъ положеніемъ страны — отбросить всякій внѣшній парадъ, неизбѣжный съ ихъ саномъ и очень разорительный для ихъ подданныхъ.

Во время нашего разговора, я не могла не замѣтить, что король насквозь былъ пропитанъ французской лестью и потому былъ самый пристрастный судья этой страны. Я позволяла себѣ иногда противорѣчить мнѣнію его и подтверждала свои мысли личными наблюденіями, собранными внутри и на границахъ Франціи, въ продолженіе моего двукратнаго посѣщенія ея. Я осмѣлилась даже замѣтить, что мое положеніе въ этомъ отношеніи было выгоднѣе королевскаго, потому что стоило ли труда обманывать меня—самое рядовое лицо, и потому думаю, что я видѣла предметы въ истинномъ ихъ свѣтѣ.

Графъ Армфельдъ, знаменитый своимъ паденіемъ и несчастіями послѣ смерти этого короля, гонимый герцогомъ Судерманландскимъ, находился при нашемъ свиданіи и всегда поддакивалъ моимъ замѣчаніямъ. Я была очень рада развязаться съ этимъ визитомъ и поспѣшила пройти въ комнаты императрицы вмѣстѣ съ королемъ.

На слѣдующій день король собрался въ обратный путь, раздавъ подарки свитѣ императрицы. Мнѣ онъ оставилъ на память дружбы бриліантовый перстень съ своимъ портретомъ. Въ одно и то же время Екатерина и Густавъ выѣхали изъ Фридрихсгама. Государыня проѣхала прямой дорогой въ Царское Село и прибыла наканунѣ дня своего восшествія на престолъ. Я не замедлила снять бриліанты съ королевскаго портрета, замѣнивъ ихъ маленькими перлами, а алмазы подарить своей племянницѣ Полянской, которая въ ряду другихъ фрейлинъ присутствовала на придворномъ праздникѣ.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ Царское Село, я выдержала самое смѣшное нападеніе со стороны фаворита Ланского; стоитъ разсказать о немъ. Князю Барятинскому, главному гофмейстеру, было приказано послать въ академическую газету описаніе нашего путешествія, со всѣми его подробностями. Когда онъ сказалъ мнѣ объ этомъ, я напомнила ему, что Академіи давно уже велѣно мной немедленно печатать все, что ни будетъ прислано за его подписью; и потому путешествіе государыни не иначе помѣстится въ газетѣ, какъ за скрѣпой его или маршала Орлова. Въ этихъ объявленіяхъ я запретила измѣнять до послѣдней буквы.

Ланской жаловался, что газета, сообщая путешествія императрицы, ея стоянки и обѣды, ни о комъ не упомянула, кромѣ меня.

— Я должна отослать васъ за объясненіемъ, — сказала я, — къ князю Барятинскому; эта публикація не мной была составлена отъ него же вы узнаете, что съ тѣхъ поръ, какъ я управляю Академіей, въ газетѣ не было отпечатано ни одной придворной новости, безъ особеннаго распоряженія и собственной подписи его или Орлова.

— И все-таки,—возразилъ онъ,—вы однѣ стоите въ объявленіи съ императрицей.

— Я же сказала вамъ, что вы должны жаловаться на это князю Барятинскому. Что же касается до меня, я не занимаюсь и не читаю этихъ статей!

Наперсникъ Екатерины продолжалъ твердить одно и то же, пока не наскучилъ мнѣ своей нелѣпостью.

— Кажется, вы въ состояніи, милостивый государь, понять,— заключила я, — что какъ ни велика честь обѣдать съ государыней, — что я умѣю цѣнить,—но эта честь нисколько не новая и не обычайная для меня; я пользовалась ею отъ колыбели. Послѣдняя императрица Елисавета была моей крестной матерью и не одинъ разъ въ недѣлю заглядывала въ нашъ домъ. Я часто обѣдала на ея колѣняхъ и когда была побольше, садилась за однимъ столомъ съ ней. Послѣ того съ какой стати я буду гоняться за этой почестью на листахъ газеты, когда я, и по рожденію и по привычкѣ, давно знакома съ ней.

Кажется, на этомъ долженъ былъ прекратиться разговоръ; но нѣтъ; Ланской опять обратился къ своей жалобѣ. Видя, что зала, въ которой мы спорили, начала наполняться народомъ.

— Остановитесь,—сказала я ему такъ громко, чтобъ слышали другіе,—есть личности, которыхъ благородная жизнь стремится къ одному общественному благу, и за всѣмъ тѣмъ, онѣ не всегда пользуются блистательнымъ счастьемъ и довѣріемъ; но, по крайней мѣрѣ, онѣ имѣютъ право на пощаду со стороны нахаловъ, на спокойное и спра-

ведливое продолженіе своего поприща, которое даетъ имъ болѣе прочное положеніе, чѣмъ тѣмъ случайнымъ метеорамъ, которые сверкнутъ и потомъ исчезнутъ въ ничтожествѣ.

Въ то самое время вошла императрица и избавила меня отъ этой безсмысленной претензіи.

Мои слова были въ нѣкоторомъ смыслѣ предсказаніемъ; менѣе чѣмъ черезъ годъ Ланской умеръ.

На слѣдующее утро мистрисъ Гамильтонъ навѣстила меня изъ Ирландіи, и я чрезвычайно была обрадована свиданіемъ съ своимъ любезнымъ другомъ. Она была представлена императрицѣ, которая съ особеннымъ благоволеніемъ приняла ее въ Царскомъ Селѣ, куда иностранцы рѣдко допускались.

Я испросила отпускъ на три мѣсяца, чтобъ проводить Гамильтонъ въ Москву. Показавъ ей любопытные предметы маститой столицы, я повезла ее въ свое любимое помѣстье Троицкое, гдѣ я хотѣла бы жить и умереть; къ крайнему моему удовольствію Гамильтонъ осталась довольна этимъ очаровательнымъ мѣстомъ и хотя она, какъ англичанка, привыкла къ превосходнымъ паркамъ и садамъ своего отечества, не менѣе того она удивилась и хвалила мои собственные, которые я сама развела, гдѣ каждое дерево, каждый кустъ былъ посаженъ на моихъ глазахъ.

Я задала своей гостьѣ сельскій праздникъ, который восхитилъ ее. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Троицкаго была выстроена на моей землѣ новая деревня; по этому случаю я собрала всѣхъ крестьянъ, принадлежавшихъ этой деревнѣ, приказала одѣть имъ праздничное платье, съ разными украшеніями, обыкновенными въ нашихъ русскихъ костюмахъ. Погода была великолѣпная, и я заставила ихъ плясать на лугу и пѣть наши народныя пѣсни.

Такой праздникъ былъ совершенно новымъ явленіемъ для Гамильтонъ; она очарована была чисто національной сценой, красотой нарядовъ и живописнымъ положеніемъ группъ, веселившихся передъ ней.

Чтобъ вполнѣ довершить нашу народную пирушку, насъ угощали русскими яствами и напитками. Все это вмѣстѣ произвело такое пріятное впечатлѣніе на Гамильтонъ, что нашъ маленькій деревенскій праздникъ понравился ей больше, чѣмъ самые роскошные придворные балы.

Когда мои добрые мужики начали пить за мое здоровье, я представила моего друга и просила выпить и за его здоровье, сказавъ имъ при этомъ, что наша новая деревня будетъ называться „Гамильтонъ“, затѣмъ я пожелала имъ всякаго счастья на новосельѣ. Наконецъ поднесла имъ хлѣбъ и соль по старому обычаю, строго соблюдаемому по всей Россіи и означающему, что въ этихъ первыхъ

предметахъ нашей жизни никогда не будетъ недостатка въ ихъ новомъ жилищѣ. Крестьяне разошлись такъ весело, такъ любо, что еще доселѣ жители „Гамильтона“ не забыли этого дня. Мой другъ принималъ жаркое участіе въ судьбѣ этого села; онъ нѣсколько разъ посѣщалъ его крестьянъ и часто справлялся о ихъ житьѣ-бытьѣ, до послѣднихъ дней своей жизни.

Изъ Троицкаго мы отправились въ Круглово, близъ Могилева, подаренное мнѣ императрицей; и такимъ образомъ Гамильтонъ имѣла случай видѣть большую часть Московской, Калужской, Смоленской и Могилевской губерній.

Мы возвратились въ Петербургъ не раньше, какъ подъ конецъ осени, когда въ Академіи наукъ обыкновенно читались тѣ сочиненія, которыя въ предыдущемъ году были присланы разными учеными для соисканія академическихъ премій, раздаваемыхъ согласно правиламъ программы черезъ годъ.

У меня вовсе не было охоты выставляться напоказъ въ нашихъ ученыхъ конференціяхъ, тѣмъ не менѣе, во время публичныхъ засѣданій, при всемъ томъ, по настоянію Гамильтонъ, желавшей видѣть меня на каѳедрѣ, какъ директора, я согласилась взойти. Въ назначенный день для раздачи призовъ и публичнаго засѣданія, о чемъ было объявлено въ газетахъ, въ Академію собралось множество народа, и въ числѣ посѣтителей были даже посланники и ихъ жены, въ качествѣ зрителей и слушателей. Я взошла на каѳедру и произнесла рѣчь самую лаконическую. Несмотря на то, что я говорила не болѣе пяти-шести минутъ, но мое волненіе, столь обыкновенное при этихъ случаяхъ, было такъ велико, что я принуждена была тушить въ себѣ чувство стыда стаканомъ холодной воды.

Я рада была окончанію засѣданія и съ тѣхъ поръ никогда больше не являлась на каѳедрѣ.

Около того времени мы услышали о смерти отца Щербинина. Ложный другъ моей дочери, умирая, совѣтывалъ ей искать соединенія съ своимъ мужемъ, съ которымъ она давно уже разлучилась, и я увѣрена, что этотъ совѣтъ клонился къ тому, чтобъ, удаливъ ее отъ моего вліянія, легче отобрать у нея денежные и брилліантовые подарки. Когда я узнала, что Щербинина получила письмо такого содержанія, я не хотѣла вмѣшиваться съ своимъ материнскимъ авторитетомъ въ дѣло моей дочери, но употребила всѣ усилія, внушаемыя дружескимъ и нѣжнымъ сочувствіемъ, чтобъ доказать ей все лицемѣріе этого совѣта. Слезы, безполезныя наставленія и глубокая скорбь разстроили мое здоровье. Въ самомъ дѣлѣ я предвидѣла все, что впослѣдствіи случилось; кромѣ того мнѣ хорошо была извѣстна расточительность своей дочери; уже по этому одному нельзя было

не опасаться за дурныя послѣдствія ея новаго шага. Правда, она обѣщала оставить Петербургъ и жить или съ родственниками своего мужа, или въ своемъ имѣніи.

Я не могу вспомнить безъ величайшаго огорченія о нѣкоторыхъ событіяхъ этого дѣла, и потому должна умолчать о нихъ. Довольно сказать, что я заболѣла, такъ что моя сестра и Гамильтонъ серьезно опасались за мою жизнь. Этотъ ударъ такъ сильно поразилъ мою нервную систему, что когда я въ состояніи была прогуливаться и посѣщать дачу, воспоминаніе столь знакомыхъ мнѣ предметовъ почти совершенно исчезло изъ памяти; моя душа оживала подъ вліяніемъ одной тоски и безутѣшнаго раздумья о будущихъ столь же грустныхъ обстоятельствахъ.

Однажды я отправилась съ сестрой и своимъ другомъ гулять; мы подъѣхали къ дачѣ и вылѣзли изъ экипажа въ лѣсу, примыкавшемъ къ моему имѣнію. Случилось такъ, что на этой сторонѣ я еще не построила никакого зданія; два простыхъ столба съ перекладиной служили воротами, пропускавшими на мою землю. Карета проѣхала впереди; я вошла въ ворота по слѣдамъ Полянской и Гамильтонъ, и вдругъ тяжелое бревно, сорвавшееся сверху, упало мнѣ на голову.

На крикъ моихъ спутницъ сбѣжались дѣвушки, собиравшія грибы неподалеку въ лѣсу. Я упала на землю и, совѣтуя успокоиться своимъ друзьямъ, сняла ночной колпакъ и шляпу, которая, вѣроятно, спасла мнѣ жизнь, и просила осмотрѣть мнѣ рану, такъ какъ я чувствовала боль отъ ушиба. На головѣ, однакожъ, не было никакого внѣшняго признака; за всѣмъ тѣмъ Гамильтонъ предложила скорѣе сѣсть въ карету и возвратиться въ городъ для немедленнаго совѣта съ докторомъ Роджерсономъ. Я, впрочемъ, хотѣла немного походить, чтобъ имѣть лучшее кругообращеніе крови и отлить ее къ ногамъ. Когда мы пріѣхали домой, явился докторъ и съ болѣе чѣмъ обезпокоеннымъ видомъ спросилъ меня, чувствовала ли я какіе-нибудь болѣзненные припадки. Я отвѣчала съ улыбкой, что чувствовала, но совѣтовала ему не бояться за меня, потому что есть демонъ, хранящій и заставляющій тянуть жизнь наперекоръ мнѣ самой.

Ушибъ не оставилъ никакихъ серьезныхъ послѣдствій. Не отъ физическихъ болей и страданій мнѣ суждено было умереть; другіе нравственные удары сильнѣе поражали меня.

Здоровье мое мало-по-малу поправлялось; но отъѣздъ Гамильтонъ въ слѣдующее лѣто 1785 года снова навѣялъ на меня уныніе, разсѣеваемое только съ помощью постоянной дѣятельности по управленію двумя академіями и надзора за постройками, начатыми на моей дачѣ. Я иногда работала вмѣстѣ съ каменщиками, помогая имъ собственной рукой выводить стѣны.

Зимой на короткое время пріѣхалъ въ Петербургъ князь Дашковъ вмѣстѣ съ Потемкинымъ. Нелѣпый слухъ, что мой сынъ избирается фаворитомъ Екатерины, снова сталъ носиться. Однажды Самойловъ, племянникъ, князя Потемкина, зашелъ ко мнѣ спросить дома ли Дашковъ. Не заставъ его, онъ прошелъ въ мои комнаты и послѣ понятной прелюдіи сказалъ мнѣ, что дядя его желаетъ видѣть у себя моего сына немедленно послѣ обѣда.

— Все, что вы сказали мнѣ, — отвѣчала я, — не должно бы касаться моего слуха. Можетъ быть. вамъ поручено говорить съ княземъ Дашковымъ; что же до меня, при всей моей любви и преданности Екатеринѣ, я слишкомъ уважаю себя, чтобъ принимать участіе въ подобномъ дѣлѣ; и если желаніе ваше исполнится, я въ одномъ случаѣ воспользуюсь вліяніемъ моего сына — это взять заграничный паспортъ и уѣхать изъ Россіи на нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ отпускъ Дашкова кончился, и онъ возвратился въ свой полкъ: съ отъѣздомъ его мое безпокойство уменьшилось; я видѣла сына внѣ опасности.

XXII.

Въ эту зиму я много перенесла домашнихъ невзгодъ, которыя обыкновенно потрясали мое здоровье. Весной я получила позволеніе оставить городъ на два мѣсяца и въ это время посѣтила Троицкое, заѣхала въ Кругловo; хотя я пробыла здѣсь не болѣе недѣли, но замѣтила, что мое помѣстье во многомъ было улучшено. Крестьяне находились въ менѣе жалкомъ и апатичномъ состояніи; лошади и скотъ вдвое увеличились у нихъ противъ, прежняго и они сами видѣли, что сдѣлались гораздо счастливѣе, чѣмъ прежде, подъ управленіемъ польскаго или русскаго правительства.

Дѣятельность въ кругу двухъ Академій служила развлеченіемъ моихъ мыслей, озабоченныхъ глубоко-скорбными впечатлѣніями со стороны другихъ обстоятельствъ.

Около этого времени вспыхнула война со Швеціей; продолженіе ея ярко разоблачило мощный характеръ и душевныя качества Екатерины, столь справедливо признанныя за ней историками ея царствованія.

Во время этой войны случилось со мной происшествіе, не лишенное интереса. Я ужъ говорила о своемъ знакомствѣ съ герцогомъ Судерманландскимъ, братомъ шведскаго короля. Этотъ принцъ командовалъ флотомъ; вскорѣ послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій, онъ прислалъ парламентера въ Кронштадтъ, съ письмомъ къ адми-

ралу Грейгу, прося его принять и передать мнѣ небольшой ящикъ съ письмомъ на мое имя. Адмиралъ, какъ иностранецъ и мой искренній другъ, вдвойнѣ считалъ себя обязаннымъ поступить въ этомъ случаѣ съ величайшей осторожностью; онъ отправилъ посылку прямо въ Государственный Совѣтъ. Императрица, почти каждый разъ засѣдавшая въ этомъ Совѣтѣ, приказала отослать этотъ пакетъ ко мнѣ, не распечатывая ни письма, ни ящика. Я жила въ ту пору на дачѣ и не безъ удивленія услышала о приходѣ посла изъ Совѣта. Ящикъ и письмо были поданы: въ первомъ заключалась посылка доктора Франклина, второе было очень вѣжливымъ извѣщеніемъ со стороны герцога Судерманландскаго о томъ, какъ моя собственность, вмѣстѣ съ плѣннымъ кораблемъ, перешла въ его руки. Не измѣнивъ нисколько чувству уваженія, прибавилъ онъ, которое вы внушили мнѣ послѣ перваго нашего знакомства на водахъ въ Спа, я не думалъ, чтобъ война, такъ неестественно поссорившая двухъ государей, почти кровныхъ родственниковъ, могла нарушить частную дружбу; поэтому и поспѣшилъ отправить посылку въ собственныя ваши руки.

Отпустивъ подателя, я сказала ему, что немедленно сама явлюсь во дворецъ и донесу государынѣ о свойствѣ принятыхъ депешъ. Согласно съ тѣмъ, я отправилась въ городъ, или, лучше, прямо во дворецъ. Войдя въ гардеробную императрицы, я просила дежурнаго лакея доложить Екатеринѣ и, если она не занята, дозволить мнѣ видѣть ее и показать нѣкоторыя бумаги, полученныя мной утромъ. Императрица приняла меня въ спальнѣ, гдѣ она работала за письменнымъ столомъ. Передавъ въ ея руки письмо герцога Судерманландскаго, „а другія бумаги, сказала я, отъ доктора Франклина и отъ секретаря философскаго Общества Филадельфіи, въ которое я принята, вовсе не по заслугамъ, однимъ изъ членовъ“.

Когда императрица прочитала письмо шведскаго принца, я спросила ее о дальнѣйшихъ приказаніяхъ: „не отвѣчайте, пожалуйста, на него и прекратите эту переписку“.

— Эта корреспонденція, отвѣчала я,—ограничивается единственно этимъ письмомъ, которое я получила отъ него въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, и хотя оставить это письмо безъ отвѣта и не совсѣмъ прилично съ моей стороны, но я готова, какъ и теперь, такъ и всегда безпрекословно повиноваться вашей волѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, позвольте мнѣ напомнить вамъ о томъ портретѣ, въ которомъ я нѣкогда обрисовала этого герцога, и вы, конечно, согласитесь, что онъ оказалъ мнѣ эту честь не ради „моихъ прекрасныхъ глазъ“ (pour mes beaux yeux), и едва-ли не для того, чтобъ открыть этимъ путемъ договоръ о его личныхъ интересахъ, совершенно противоположныхъ его королю-брату.

Но императрица не хотѣла слышать о продолженіи этой переписки; черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ мое заключеніе о характерѣ и намѣреніяхъ принца совершенно оправдалось.

Прощаясь съ государыней, я получила отъ нея приглашеніе провести этотъ вечеръ и посмотрѣть новую пьесу, которую представляли въ Эрмитажѣ.

Я явилась пораньше и, проходя залой, гдѣ собрались мужчины, была встрѣчена Ребендеромъ, царскимъ конюшимъ, добрымъ и честнымъ человѣкомъ, въ полномъ значеніи этого слова. Онъ подошелъ ко мнѣ поздороваться и замѣтилъ, что онъ догадывается о причинѣ моего настоящаго посѣщенія.

— Очень вѣроятно, сказала я,—за всѣмъ тѣмъ мнѣ было бы пріятно знать отъ васъ самихъ, что именно вы думаете объ этомъ.

— Я получилъ письмо изъ Кіева и узналъ изъ него, что свадьба вашего сына уже совершилась во время стоянки его полка, проходившаго черезъ этотъ городъ.

Легко сказать, какъ озадачила меня эта непредвидѣнная новость. Я думала, что провалюсь сквозь землю, но у меня однако жъ еще достало силъ спросить объ имени жены Дашкова. Это Алтерова, отвѣчалъ Ребендеръ, и, замѣтивъ измѣненіе на моемъ лицѣ, мой бѣдный другъ вообразилъ, что я вдругъ заболѣла, не подозрѣвая того, какъ глубоко потрясли меня слова его.

— Ради Бога!—закричала я,—стаканъ воды.

Онъ бросился за водой, и я въ нѣсколько минутъ достаточно оправилась и сказала ему истинный поводъ моего сегодняшняго визита во дворецъ, и что я въ первый разъ отъ него услышала о женитьбѣ моего сына, во всякомъ случаѣ, мало предвѣщающей добра.

Ребендеръ необычайно смѣшался, будучи невольнымъ вѣстникомъ такого грустнаго извѣстія; но я просила его позабыть объ этомъ и помочь мнѣ провести вечеръ въ присутствіи императрицы. Большихъ усилій мнѣ стоило скрыть мои настоящія чувства.

Мое волненіе было слишкомъ явнымъ, чтобъ могло ускользнуть отъ наблюденія окружающей придворной толпы, которая очень охотно выдала бы меня за государственнаго преступника, пойманнаго въ измѣнѣ, еслибъ государыня не обращалась ко мнѣ часто съ своей рѣчью; примѣтивъ мой задумчивый и весьма разсѣянный видъ, она старалась развеселить меня своими собственными шутками, которыми она мастерски владѣла.

Я отказалась отъ ужина съ императрицей и спѣшила уѣхать домой. Рана, нанесенная материнскому сердцу, была слишкомъ глубока и неизлѣчима. Нѣсколько дней я могла только плакать, затѣмъ началась нервная лихорадка. Я сравнила поведеніе моего мужа относительно

меня съ женитьбой моего сына, и тѣмъ болѣе сокрушалась, что, кажется, за всѣ мои пожертвованія въ пользу дѣтей, за неусыпныя заботы о воспитаніи сына, я, по крайней мѣрѣ, заслуживала отъ него уваженія, которымъ отецъ его почтилъ въ подобномъ случаѣ свою мать.

Такъ прошли два мѣсяца, и, наконецъ, я получила письмо отъ князя Дашкова; когда уже всѣ сплетники Петербурга давно знали о его свадьбѣ, онъ просилъ у меня позволенія на нее. Я между тѣмъ успѣла собрать достаточно свѣдѣній относительно его молодой жены и семейства ея, и тѣмъ больше отчаялась въ его выборѣ. Признаюсь, уронить меня ниже въ общественномъ мнѣніи никто не могъ, и одна мысль о насмѣшкѣ надъ моимъ участіемъ въ этомъ бракѣ лишала меня чувствъ.

Письмо его сопровождалось примирительной запиской со стороны маршала Румянцева, въ которой его сіятельство растространился о предразсудкахъ рожденія, непостоянствѣ и шаткости богатства и очень нелѣпо (чтобъ не сказать хуже этого, потому что мое знакомство съ нимъ отнюдь не давало ему права на такое вмѣшательство) вздумалъ совѣтовать мнѣ въ самую критическую минуту въ дѣлѣ между сыномъ и матерью.

Я отвѣчала ему довольно вѣжливо, но саркастически сказала, что между многими глупостями, наполняющими мою голову, я никогда не думала съ энтузіазмомъ о привилегіяхъ высокаго рода; и еслибъ обладала хоть нѣкоторой долей краснорѣчія, такъ щедро расточаемымъ его превосходительствомъ, я всегда отдала бы полное преимущество благовоспитанности и, какъ непремѣнному его послѣдствію, доброму характеру передъ всѣми блестящими, но хрупкими предметами моего честолюбія.

Сыну я отвѣтила въ немногихъ словахъ. „Когда вашъ отецъ,— писала я,—намѣренъ былъ жениться на графинѣ Катеринѣ Воронцовой", онъ полетѣлъ на почтовыхъ въ Москву, чтобъ испросить согласія у своей матери. Вы уже обвѣнчаны; мнѣ это извѣстно давно; я знаю также и то, что моя свекровь не болѣе меня заслуживала имѣть друга въ своемъ сынѣ".

Томительная тоска продолжала томить меня; я совершенно потеряла аппетитъ и, видимо, угасала. Среди домашняго одиночества, я считала себя одинокой въ цѣломъ мірѣ, потерявъ утѣшеніе тѣхъ, чья любовь была единственной путевой звѣздой на пути моихъ прежнихъ невзгодъ.

Къ зимѣ, почувствовавъ себя лучше въ физическомъ отношеніи, я обратилась опять къ своей академической дѣятельности; продолжала заниматься словаремъ, предприняла новый трудъ, который Академія

присудила исключительно моимъ заслугамъ, т. е. точное опредѣленіе всѣхъ словъ, относящихся къ политикѣ, правленію и нравственности.

Эта послѣдняя работа, для меня вовсе не легкая, много потребовала вниманія и каждый день служила мнѣ громоотводомъ печальныхъ думъ, осаждавшихъ меня. Я навсегда разсталась съ свѣтомъ, исключая моихъ свиданій съ императрицей одинъ разъ въ недѣлю, въ самомъ небольшомъ и близкомъ ея кругу.

Весной я удалилась на дачу моего отца, отстоявшую отъ города дальше, чѣмъ моя собственная; здѣсь мое уединеніе никѣмъ не нарушалось; являлись немногіе, но и тѣмъ отказывали. Все лѣто я провела въ такомъ мучительномъ нравственномъ состояніи, что, если устояла противъ замысловъ отчаянія, то обязана тѣмъ милости Провидѣнія. Покинутая дѣтьми, я считала свою жизнь бременемъ и пламенно желала сбросить его, еслибъ только явилась на помощь посторонняя рука, способная избавить меня отъ безнадежнаго существованія. Это нравственное настроеніе продолжалось или лучше возросло на слѣдующій годъ, когда я получила позволеніе осмотрѣть мои помѣстья подъ Москвой и въ Бѣлоруссіи... [1]).

Прошедшее, настоящее и будущее одинаково отуманились передо мной и не представляли ни одной свѣтлой точки, на которой бы могла остановиться мысль. Самыя страшныя видѣнія фантазіи овладѣвали мною. Я съ трепетомъ припоминаю, что въ числѣ моихъ думъ была мечта о самоубійствѣ и еслибъ не освѣжала моей души религія, эта послѣдняя опора человѣческаго несчастья, послѣднее убѣжище для души, томимой отчаяніемъ, я не могла поручиться за то, чѣмъ окончилась бы моя агонія. Въ одномъ увѣрена, что ни убѣжденіе противъ нелѣпаго акта самоуничтоженія, ни сила разсудка не могли спасти меня: я слишкомъ страдала, чтобъ слушаться разума, гордости или другого человѣческаго побужденія. Я искала, отъ всей души искала смерти, но не хотѣла подвергаться ей добровольно, отъ своей собственной руки. Одна религія могла спасти меня.

XXIII.

Въ эту зиму я менѣе, чѣмъ обыкновенно, страдала ревматизмомъ, развитію котораго содѣйствовало болотистое мѣстоположеніе моей

[1]) Примѣчаніе издат. Брадфордъ. Здѣсь опускаются двѣ или три страницы изъ рукописи Дашковой; онѣ разсказываютъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, глубоко и тяжело печалившихъ ее; но такъ какъ эти обстоятельства относятся къ ея частной, домашней жизни и при томъ въ нихъ замѣшиваются еще живыя личности, то издатель счелъ нужнымъ опустить ихъ.

дачи. Я была въ состояніи предпринимать прогулки въ каретѣ и, по-прежнему, два раза въ недѣлю обѣдала съ императрицей.

Слѣдующій разсказъ остался въ моей памяти отъ нашихъ разговоровъ за однимъ изъ этихъ обѣдовъ. Графъ Брюсъ, дежурный генералъ-адъютантъ, толкуя о храбрости, удивлялся отвагѣ солдатъ, которые въ его виду всходили на стѣны одного города, подъ самымъ жаркимъ огнемъ. „Ничего нѣтъ удивительнаго,—сказала я, — самый отчаянный дуракъ можетъ на минуту быть храбрецомъ и пуститься въ атаку, зная, что она скоро кончится. При томъ, извините меня, графъ, не въ этомъ состоитъ истинная военная храбрость; настоящее геройство заключается въ полномъ самоотверженіи и сознаніи всѣхъ опасностей и трудовъ, въ готовности встрѣтить и рѣшимости одолѣть ихъ. Если бъ стали пилить какой-нибудь членъ вашего тѣла острымъ деревяннымъ ножемъ и вы вынесли бы боль терпѣливо, я сочла бы васъ болѣе мужественнымъ, чѣмъ того воина, который неподвижно простоитъ нѣсколько часовъ передъ непріятелемъ.

Императрица поняла меня; но графъ повелъ доказательство, не совсѣмъ ясное, и указалъ на самоубійство, какъ образецъ храбрости. Въ продолженіе дальнѣйшаго разговора, когда я опровергала мнѣніе Брюса, съ особеннымъ одушевленіемъ, можетъ быть вслѣдствіе близкаго настроенія моей собственной души, императрица ни на одну минуту не свела глазъ съ меня.

Когда я окончила свой разсказъ, далеко не исчерпанный, обратилась къ императрицѣ и съ улыбкой увѣрила ее, что никогда и ничто не заставитъ меня ни искать, ни замедлять моей смерти. Наперекоръ софизмамъ Ж.-Ж. Руссо, идеала моей юности, я всегда буду того мнѣнія, что страдать гораздо достойнѣе истиннаго мужества, чѣмъ искать ненормальнаго облегченія отъ страданій.

Императрица спросила, въ чемъ же состоитъ этотъ софизмъ Руссо и гдѣ я его вычитала?

— Въ Новой Элоизѣ, отвѣчала я,—онъ утверждаетъ, что не надобно бояться смерти, потому что, пока мы живемъ, смерти быть не можетъ, а когда умираемъ,—насъ больше нѣтъ.

— Онъ очень опасный писатель, прибавила государыня; — его слогъ кружитъ и сбиваетъ съ толку головы молодыхъ людей.

— Я никогда не могла добиться свиданія съ нимъ, бывши въ Парижѣ въ одно время съ нимъ. Онъ прикрывался вѣчнымъ инкогнито, между тѣмъ его пожирала жажда славы и, наполняя міръ толками о своей личности, онъ показалъ шарлатанскую скромность, дѣйствительно не выносимую. Его произведенія, какъ вы замѣтили, безъ сомнѣнія, опасны, потому что незрѣлые умы легко увлекаются софизмами его, принимая ихъ за силлогизмы.

Съ этого дня императрица не пропускала ни одного случая, чтобъ дать новое направленіе моимъ мыслямъ; и я, разумѣется, не была равнодушна къ такой добротѣ.

Однажды утромъ мы были наединѣ; Екатерина попросила меня написать маленькую драму на русскомъ языкѣ для эрмитажнаго театра. Напрасно я увѣряла, что у меня нѣтъ и тѣни таланта для такого сочиненія. Государыня настаивала и призналась мнѣ, что подобное занятіе, какъ она убѣдилась по собственному опыту, заинтересуетъ и развлечетъ меня.

Наконецъ, я принуждена была согласиться, съ однимъ, однакожъ, условіемъ, что императрица просмотритъ первые два акта и поправитъ ихъ, или просто велитъ бросить въ огонь.

Такимъ образомъ договорившись, я принялась за работу въ тотъ же вечеръ. На слѣдующій день я кончила первыя два дѣйствія и отвезла ихъ императрицѣ. Пьеса была названа именемъ главнаго лица Н..., думая, что это названіе, выражавшее дѣйствующій характеръ, никого не оскорбитъ, тѣмъ больше, что мой герой былъ самымъ общимъ мѣстомъ, то есть, человѣкъ вовсе безъ характера; такими-то безцвѣтными существами и наполнено наше петербургское общество.

Императрица отвела меня въ свой кабинетъ и заставила тутъ же прочитать, что было слишкомъ почетно для моего сочиненія. Надъ многими сценами она хохотала и, по снисхожденію или по особенному расположенію ко мнѣ, произнесла самый лестный отзывъ о моемъ опытѣ. Я обрисовала планъ третьяго акта, въ которомъ готовилась развязка драмы. На это она возразила и настаивала на пяти актахъ. По моему мнѣнію, такая пьеса казалась слишкомъ растянутой и, не говоря о моей усталости, она ослабила бы интересъ дѣйствія. За всѣмъ тѣмъ, я послушалась и окончила ее возможно скоро; потомъ два дня употребила на четкую переписку и отдала ее императрицѣ. Вскорѣ за тѣмъ, ее сыграли въ Эрмитажѣ и было приказано отпечатать.

Въ началѣ слѣдующаго года, я испросила у государыни позволеніе уволить моего сына въ отпускъ на три мѣсяца, для путешествія въ Варшаву, гдѣ онъ долженъ былъ расплатиться съ долгами своей сестры и проводить ее на родину. По этому случаю я отдала всѣ свои деньги и шесть мѣсяцевъ жила долгами, пока не собрала своихъ доходовъ.

Сынъ мой съѣздилъ, исполнилъ порученіе и перевезъ сестру въ Кіевъ, гдѣ онъ квартировалъ. Изъ Кіева я узнала о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Казалось, цѣлые годы я не получала отъ дѣтей ни одной строчки, и такъ какъ никто и ничто не замѣнило ихъ мѣсто

въ моемъ сердцѣ, то легко представить, какъ было тяжело для меня это отчужденіе.

Братъ мой Александръ имѣлъ у себя на службѣ, въ коммерческомъ департаментѣ и таможнѣ, молодаго человѣка, Радищева, получившаго образованіе въ Лейпцигѣ и особенно уважаемаго Воронцовымъ. Однажды въ русской Академіи явился памфлетъ, гдѣ я была выставлена, какъ доказательство, что у насъ есть писатели, но они плохо знаютъ свой родной языкъ; этотъ памфлетъ былъ написанъ Радищевымъ. Въ немъ заключалась біографія и панегирикъ Ушакову, товарищу автора по Лейпцигскому университету. Въ тотъ же вечеръ я сказала объ этомъ сочиненіи своему брату, который немедленно послалъ въ книжную лавку за памфлетомъ. По моему мнѣнію, Радищевъ обнаружилъ въ своей брошюрѣ притязаніе на авторство, но въ ней не было ни слога, ни идеи, за исключеніемъ кой-какихъ намековъ, которые въ эту пору могли показаться опасными. Спустя нѣсколько дней, мой братъ замѣтилъ мнѣ, что я слишкомъ строго осудила Радищева; прочитавъ его, онъ находитъ, что авторъ слишкомъ превознесъ своего героя, ничего замѣчательнаго не сдѣлавшаго и не сказавшаго во всю свою жизнь, за всѣмъ тѣмъ, нельзя обвинить книгу ни въ чемъ дурномъ.

— Можетъ быть, дѣйствительно,—сказала я,—мой судъ слишкомъ строгъ; но такъ какъ вы любите автора, то я должна вамъ сказать, что особенно озадачило меня при чтеніи его произведенія: если человѣкъ жилъ только для того, чтобъ ѣсть, пить и спать, онъ могъ найти себѣ панегириста только въ писателѣ, готовомъ сочинять все, очертя голову; и эта авторская манія, вѣроятно, со временемъ подстрекнетъ вашего любимца написать что-нибудь очень предосудительное.

Такъ это и случилось. Въ слѣдующее лѣто, когда я жила въ Троицкомъ, братъ извѣстилъ меня письмомъ, что мое предсказаніе относительно Радищева вполнѣ оправдалось: онъ написалъ сочиненіе такого свойства, что его приняли за набатъ къ революціи; вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Сибирь.

Нисколько не радуясь исполненію своего зловѣщаго предсказанія, я искренно сожалѣла о судьбѣ Радищева, особенно потому, что братъ принималъ живое участіе въ положеніи этого молодаго человѣка, и, слѣдовательно, былъ глубоко огорченъ неосторожностью и гибелью его. Въ то же время я предвидѣла, что настоящій фаворитъ постарается при этомъ удобномъ случаѣ обвинить покровителя на счетъ покровительствуемаго.

Попытка была сдѣлана ловко, но не достигла своей послѣдней цѣли: умъ Екатерины еще не совсѣмъ покорился господствовавшей надъ ней партіи.

За всѣмъ тѣмъ мой братъ впалъ въ немилость и, подъ вліяніемъ интригъ генералъ-прокурора, работавшаго за-одно съ его врагами, сталъ въ такое непріятное отношеніе ко двору, что, подъ предлогомъ нездоровья и необходимой перемѣны воздуха, испросилъ увольненія на годъ. Отпускъ былъ данъ. Когда онъ оставилъ Петербургъ, я чувствовала себя совершенно одинокой въ обществѣ людей, съ каждымъ днемъ все больше и больше ненавистныхъ для меня. Впрочемъ, я надѣялась на его возвращеніе по прошествіи означеннаго срока; но и въ этомъ ошиблась: прежде чѣмъ кончился годъ, онъ просилъ и получилъ полную отставку. Это было въ 1794 году; такъ онъ заключилъ свою общественную карьеру, честную и полезную для его отечества.

Черезъ полтора года послѣ его увольненія, вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ (Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще не изданную въ свѣтъ. Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козодавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и завѣритъ меня, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ и религіи, и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ цензурномъ отношеніи.

Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ фактѣ, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

На основаніи этого доклада, я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), облегчивъ расходы бѣдной вдовы, сколько возможно больше. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ эта ничтожная вещь могла поднять такую нелѣпую суматоху при дворѣ.

Графъ Иванъ Салтыковъ, въ цѣлую жизнь не прочитавшій ни одной книги, по-наслышкѣ отъ кого-нибудь утверждалъ, что трагедія, прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, побѣжалъ къ Зубову, чтобъ сообщить свое ему мнѣніе. Не знаю, читала ли ее Екатерина или Зубовъ, но вскорѣ затѣмъ явился ко мнѣ полицеймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ у меня позволенія войти въ книжные магазины, принадлежавшіе Академіи, и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобралъ всѣ экземпляры трагедіи, признанной, по мнѣнію Екатерины, за очень опасное сочиненіе.

Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва-ли онъ найдетъ

хоть одинъ оттискъ; но такъ какъ пьеса эта помѣщена въ послѣднемъ томѣ „Русскаго театра", издаваемаго въ пользу самой Академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ книги; затѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ.

Послѣ обѣда никто другой, какъ Самойловъ, генералъ-прокуроръ Сената, пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого труда. Чего хотѣли — оскорбить или напугать меня этой цензурой—я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала графу Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что-нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радищева, съ которымъ она сравнила опасную трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили бы ихъ, особенно послѣднюю пьесу, возбудившую съ ихъ стороны столько мести, съ ходячими французскими драмами, представляемыми, какъ на общественныхъ, такъ и частныхъ театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжниной было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

Въ этотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьѣ.

— Все хорошо,—отвѣчала она,—но скажите, пожалуйста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?

— И неужели вы считаете меня способной на это дѣло? воскликнула я.

— Знаете ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача.

Это выраженіе вовсе не было въ характерѣ Екатерины, и потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго ея мнѣніемъ.

— Но что это значитъ, государыня,—возразила я,—будетъ ли она сожжена палачемъ, либо нѣтъ—не я буду краснѣть за нее. Но ради Бога, прежде, чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столь несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочитать вамъ эту гони-

мую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій доброжелатель вашей власти желалъ бы ее. Въ то же время прошу васъ вспомнить, что, заступаясь за пьесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея.

Дальше возражать было нечего, и потому разговоры кончились. Затѣмъ императрица сѣла за карточный столъ, и я послѣдовала ея примѣру.

На другое утро, я пришла съ оффиціальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить заурядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допуститѣ въ свою туалетную бриліантовую комнату [1]) и не станетъ говорить со мной по-прежнему запросто.

Въ сборной залѣ встрѣтилъ меня Самойловъ, только-что вышедшій изъ кабинета государыни; онъ шопотомъ совѣтовалъ мнѣ вести себя хладнокровно, ибо императрица, „кажется, нисколько не гнѣвается противъ васъ", прибавилъ онъ.

Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ, чтобъ слышали близъ стоявшіе здѣсь: „Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода горячиться, потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или подозрѣваетъ меня. Впрочемъ, я такъ привыкла къ несправедливости, что, какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить".

Вскорѣ затѣмъ вышла императрица и, давъ поцѣловать свою руку утреннимъ посѣтителямъ, обратилась ко мнѣ и, съ обычной лаской, сказала: „Очень рада видѣть васъ, княгиня; пожалуйста, идите за мной".

Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнутъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мнѣ было бы больно, въ противномъ случаѣ, оставить Академію и Петербургъ, что̀ отнюдь не относилось бы къ чести Екатерины.

Довольная тѣмъ, что цензурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ, съ жаромъ протянувъ руку, просила Екатерину дать мнѣ поцѣловать свою и забыть прошлое.

---

[1]) Въ этой комнатѣ лежали большая и малая бриліантовыя короны и другія драгоцѣнныя вещи. Здѣсь обыкновенно императрица принимала меня, послѣ того, какъ я входила въ ея уборную комнату, и здѣсь мы оставались наединѣ, безъ всякой церемоніи, въ то время, когда чесали ей волосы.

— Но вѣдь по правдѣ...— сказала императрица.

— Да, да, государыня,—продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ русскую пословицу:—„сѣрая кошка пробѣжала межъ насъ, не зовите ее черной“.

Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія, и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело, съ особеннымъ припадкомъ юмора, которымъ я, повидимому, заразила и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала, при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью.

XXIV.

Современная политика носила самый утѣшительный характеръ. Шведская война кончилась. Война съ турками, казалось, обѣщала самые счастливые результаты, чему, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовала храбрость нашихъ солдатъ и искусство нѣкоторыхъ отличныхъ полководцевъ. Мирный договоръ съ Портой былъ близокъ къ развязкѣ, несмотря на интриги и постоянныя сплетни французскаго кабинета, который не успѣлъ убѣдить турокъ нарушить его: у нихъ на долго была отбита охота мѣряться своими силами съ русскимъ войскомъ на полѣ битвы. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть моего брата и побывать въ моихъ помѣстьяхъ. Съ этими желаніями соединялась полная рѣшимость сложить съ себя служебныя обязанности и удалиться отъ шума царской столицы. Но я рѣшила разстаться съ Петербургомъ не прежде, какъ раздѣлавшись съ кредиторами моей дочери и уплативъ банковый долгъ въ тридцать двѣ тысячи рублей, взятый мною для покрытія издержекъ по заграничному путешествію.

Съ этой минуты я хотѣла провести остатокъ жизни спокойно и среди уединенныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ; поэтому я задумала продать свой домъ въ Петербургѣ, но не покидать города, пока развяжусь съ денежными обязательствами, столь не совмѣстными съ полнымъ спокойствіемъ и независимостью.

Здѣсь приходится мнѣ напомнить о Щербининѣ. Онъ перевелъ на свою жену очень небольшое состояніе такъ же, какъ на двоюродную сестру Б... Его мать и родныя сестры выхлопотали у Сената право распоряжаться остальнымъ имѣніемъ его и, вѣроятно, не безъ надежды забрать себѣ въ руки подаренныя доли. Надо замѣтить, что люди, лишенные закономъ права управлять своимъ имѣніемъ по не-

способности, передаютъ это право попечителямъ, пользуясь, однакоже, довольно широкимъ правомъ личнаго участія въ этой опекѣ; Щербинину стоило только попросить и исполнить нѣкоторыя формальности, чтобъ возвратить себѣ это право. Но онъ не сдѣлалъ этой попытки, будучи вполнѣ убѣжденъ матерью и сестрой въ томъ, что онѣ однѣ лучше соблюдутъ его интересы.

Когда дѣла Щербинина приняли такой оборотъ, я сочла необходимымъ строго разобрать долги своей дочери, за которые я поручилась, прежде, чѣмъ отпустить ее за границу. Потребовавъ всѣ векселя и росписки, розданные ею, я хотѣла убѣдиться въ ихъ дѣйствительной силѣ и въ удостовѣреніи ихъ собственной ея подписью. Между векселями, представленными мнѣ, находились многіе, подписанные вмѣстѣ мужемъ и женой, сообразно требованію предметовъ, исключительно употребляемыхъ Щербининымъ.

Отвѣчать за всѣ эти обязательства, безъ исключенія, было бы глупо. Поэтому я отнеслась къ опекунамъ имѣнія его, и отъ нихъ-то узнала, что переводъ доли, выдѣленной мужемъ Щербининой, состоялся и признанъ по всѣмъ формамъ закона.

Если бы было какое-нибудь сомнѣніе или затрудненіе относительно этого пункта, то слѣдовало просить Сенатъ, который могъ уничтожить или признать подаренную собственность.

Между тѣмъ я просила ихъ разсмотрѣть векселя, присланные мнѣ, и по совѣсти рѣшить, какіе изъ нихъ должны быть уплачены мной, какіе ими по случаю собственныхъ займовъ Щербинина и, наконецъ, какіе должны быть очищены нами вмѣстѣ.

Вопросъ былъ перенесенъ въ Сенатъ. Я нисколько не искала рѣшенія въ пользу своей дочери и, говоря откровенно, отнюдь не желала его, ибо была убѣждена, что моя дочь была главной участницей въ расточеніи мужнинаго состоянія. Я, однакожъ, замѣтила генералъ-прокурору, отъ котораго зависѣло рѣшеніе этого вопроса, что мнѣ желательно было бы поскорѣй окончить дѣло и, если я выиграю его, то немедленно приму надлежащія мѣры и отправлюсь въ Москву.

Мой домъ уже перешелъ въ чужое владѣніе, и я, пополамъ съ горемъ, обитала въ обширныхъ пустыхъ хоромахъ своего отца, съ самой необходимой прислугой; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ я была одна, и, подобно романической героинѣ, казалась осужденной геніемъ зла на вѣчное заключеніе въ этомъ заколдованномъ дворцѣ.

Наконецъ, рѣшеніе Сената состоялось, и я была свободна. Оно было утверждено императрицей и окончилось въ пользу моей дочери. Я уплатила большую часть росписокъ, нѣкоторыя отложила на извѣстный срокъ, поручившись лично за удовлетвореніе ихъ претензій.

Управленіе этимъ имуществомъ моей дочери, теперь переданное мнѣ, вовсе не было выгодно для меня. Напротивъ, оброкъ, возложенный на крестьянъ, былъ такъ не великъ, что ни мало не обременялъ ихъ, но доходовъ его едва доставало на уплату однихъ процентовъ съ тѣхъ суммъ, которыя я признала обязательнымъ долгомъ.

Устроивъ такимъ образомъ денежныя дѣла, я просила письмомъ Екатерину уволить меня отъ академическихъ должностей и позволить, какъ статсъ-дамѣ, отлучиться отъ двора на два года, для поправленія хилаго здоровья и домашнихъ дѣлъ.

Императрица не хотѣла слышать о моей рѣшительной отставкѣ, но отпустила на два года. Напрасно я доказывала, что Академіи не совсѣмъ удобно имѣть отсутствующаго начальника. Государыня настаивала и хотѣла назначить особеннаго депутата, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ заочныя мои распоряженія, а я продолжала дѣйствовать въ качествѣ дѣйствительнаго директора и пользовалась всѣми выгодами своего положенія.

Графу Безбородко она выразила сожалѣніе о моемъ удаленіи отъ двора. Я также разставалась не безъ грусти: хотя уже давно утѣшала меня мысль о жизни уединенной и надежда на свиданіе съ моимъ братомъ. За всѣмъ тѣмъ разлука съ Екатериной и, можетъ быть, послѣдняя разлука щемила мое сердце; я любила Екатерину въ то время, когда она могла быть для меня менѣе полезной по своей власти, чѣмъ я ей по своимъ заслугамъ; и хотя она никогда, въ отношеніи ко мнѣ, не обнаружила того искренняго расположенія, какое лежало въ глубинѣ ея сердца, при всемъ томъ я всегда чувствовала въ ней ту вдохновенную и юношескую любовь, которая соединила меня съ ней неразрывнымъ союзомъ.

Съ какою гордостью, съ какимъ наслажденіемъ я всегда останавливала взоръ на частныхъ дѣлахъ жизни и царствованія Екатерины. И въ нихъ-то я старалась угадать этотъ смѣлый и гибкій умъ, который ставилъ ее въ моемъ воображеніи выше всѣхъ русскихъ монарховъ.

Я недавно читала два сочиненія на русскомъ языкѣ; первое называется: „Жизнь Екатерины Великой“; другое—„Анекдоты царствованія Екатерины II“. Оба они написаны въ патріотическомъ духѣ и съ чувствомъ преданности государынѣ. Впрочемъ, надо замѣтить, что въ обоихъ допущена очень грубая ошибка; въ нихъ говорится, что Екатерина знала греческій и латинскій языки и что въ числѣ новѣйшихъ языковъ она предпочитала французскій, какъ самый легкій для разговора.

Я положительно утверждаю, что императрица не знала ни латинскаго, ни греческаго языковъ и если она говорила съ иностранцами

на французскомъ предпочтительно своему родному нѣмецкому от единственно потому, что ей хотѣлось заставить Россію забыть, что она была нѣмка. И въ этомъ она вполнѣ успѣла: я слышала отъ многихъ русскихъ мужиковъ, которые называли ее землячкой и матушкой.

Разговаривая съ ней о европейскихъ литературахъ и языкахъ, я часто слышала отъ нея, что богатство и энергія нѣмецкаго языка неизмѣримо выше французскаго, и еслибъ первому дать гармонію послѣдняго, онъ непремѣнно былъ бы языкомъ всеобщимъ. По мнѣнію ея, русскій языкъ, соединяя въ себѣ богатство, силу и выразительность нѣмецкаго съ музыкальностью италіанскаго, сдѣлается со временемъ языкомъ всего міра.

Наконецъ, собравшись въ путь, я отправилась провести послѣдній вечеръ съ Екатериной въ Таврическомъ дворцѣ. Она встрѣтила меня съ необыкновенной лаской, и я не знала, какъ разстаться. Въ извѣстный часъ императрица удалилась; я хотѣла проститься съ ней наединѣ. Проходя въ ея кабинетъ, я встрѣтилась въ дверяхъ съ великимъ княземъ Александромъ и его доброй супругой. Князь Зубовъ разговаривалъ съ ними.

Я тихонько попросила его пропустить меня проститься съ Екатериной (можетъ быть, въ послѣдній разъ), такъ какъ я рѣшила выѣхать завтра.—„Подождите немного",—сказалъ онъ и вдругъ исчезъ. Я думала, что онъ пошелъ доложить Екатеринѣ о моемъ желаніи, но прошло полчаса и посолъ не являлся. Я вошла въ ближайшую комнату и приказала одному камеръ-лакею попросить государыню дозволить мнѣ поцѣловать руку ея передъ отъѣздомъ. Еще проходитъ четверть часа, и, наконецъ, является посолъ просить меня къ Екатеринѣ.

При входѣ въ ея кабинетъ, я вмѣсто обыкновеннаго свѣтлаго взгляда и, въ ожиданіи самаго нѣжнаго „прости", замѣтила угрюмое выраженіе ея лица и встрѣтила самый холодный и даже рѣзкій пріемъ: „Добраго пути, мадамъ", проговорила она.

Кто привыкъ строго судить себя, тотъ не сознаетъ оскорбленія ни въ томъ случаѣ, когда его дѣлаетъ, ни въ томъ, когда принимаетъ. Въ этомъ именно положеніи я теперь находилась. Отнюдь не думая, чтобъ причиной этой неожиданной перемѣны была я сама, мнѣ представилось, что государыня получила какое-нибудь печальное извѣстіе, сильно встревожившее ее: пожелавъ въ душѣ ей счастья и здоровья, я вышла.

На другой день пріѣхалъ ко мнѣ проститься Новосильцовъ, родственникъ Марьи Савишны, одной изъ домашнихъ и очень довѣренныхъ женщинъ Екатерины. Я спросила его, не пріѣзжалъ ли вчера

ночью курьеръ съ непріятными новостями, которыя такъ странно измѣнили Екатерину, когда я разставалась съ ней. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ только-что изъ дворца и вполнѣ увѣренъ, что тамъ нѣтъ никакихъ дурныхъ извѣстій и что императрица въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Я терялась въ догадкахъ.

Но въ это самое время было принесено письмо отъ императорскаго секретаря, Трощинскаго, и оно разрѣшило мою загадку. При письмѣ былъ приложенъ счетъ портного, подписанный моей дочерью и мужемъ ея, и съ тѣмъ вмѣстѣ самое жалобное прошеніе, написанное съ мастерской лестью и интересомъ для Екатерины. Секретарь увѣдомлялъ меня, отъ имени государыни, что она удивляется, какимъ образомъ я оставляю Петербургъ, не исполнивъ обѣщанія уплатить дочернины долги.

Говоря по правдѣ, я кипѣла злобой, читая это письмо, и тутъ же рѣшила расквитаться съ Петербургомъ навсегда. Трощинскому я отвѣтила, что для меня не менѣе удивительно то, что императрица могла заподозрить, что я была способна уронить себя такъ низко въ ея глазахъ; что я возвращаю росписку и, если государыня потрудится просмотрѣть ее, то увидитъ, что дочери моей не было никакой надобности заказывать для себя такія вещи; что эти мундиры, ливреи и тому подобное были сдѣланы Щербининымъ для себя самого и своихъ слугъ; что я нисколько не обязана платить за своего зятя, средства котораго даже теперь совершенно равны моимъ; что я, между прочимъ, отослала этого портного къ опекунамъ Щербинина, которые въ моемъ присутствіи поручились заплатить этотъ долгъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ [1];—чѣмъ вполнѣ удовлетворенъ заимодавецъ; и еслибъ онъ или кто-нибудь другой продиктовалъ новую жалобу съ цѣлью оскорбить меня, предоставляю судить императрицѣ: неужели въ самомъ дѣлѣ я должна отвѣчать за нее?

Послѣдній намекъ оправдался. Эта просьба, какъ впослѣдствіи оказалось, была наушничествомъ князя Зубова, онъ составилъ ее, онъ же въ тотъ вечеръ, оставивъ меня, представилъ ее императрицѣ въ ту самую минуту, когда я должна была проститься съ ней.

Это было послѣднее мое свиданіе съ Екатериной II. И хотя поступокъ Зубова былъ памятенъ мнѣ на цѣлую жизнь, за всѣмъ тѣмъ, я приняла его, какъ обыкновенно, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ Александра, и потомъ въ Москвѣ, послѣ коронаціи, между тѣмъ, какъ другіе круто отвернулись отъ него.

Наконецъ, я оставила Петербургъ, подъ вліяніемъ самыхъ проти-

---

[1]) Этотъ долгъ былъ дѣйствительно уплаченъ Щербининымъ черезъ два или три мѣсяца.

вуположныхъ чувствъ, и еслибъ только я способна была разлюбить Екатерину, вовсе неутѣшительныхъ для нея.

Я поѣхала окольнымъ путемъ, намѣреваясь побывать въ Бѣлоруссіи и собрать деньги, предназначенныя для уплаты долговъ моей дочери. Здѣсь я провела восемь дней и только недѣлю прожила въ Троицкомъ, пламенно желая скорѣе увидѣться съ братомъ.

Дорога къ нему вела черезъ Москву, и здѣсь я осталась не дольше, чѣмъ это было необходимо для того, чтобъ отдать приказанія отдѣлать нижній этажъ въ домѣ возможно просто, но со всѣми удобствами для зимняго жилья.

Такимъ образомъ, я считала свою служебную карьеру оконченной. Хотя я далека отъ того, чтобъ гордиться ея блистательнымъ успѣхомъ, зависѣвшимъ отъ нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, но нельзя же безусловно согласиться и съ порицателями моей дѣятельности въ кругу двухъ Академій. Я твердо убѣждена, что только тотъ въ состояніи бороться съ несчастьемъ, кто умѣетъ побѣждать свое личное самолюбіе и ограничивать эгоизмъ извѣстными предѣлами.

Дружба брата и сельскій трудъ были единственными предметами моихъ желаній, и я встрѣчала новый образъ жизни не только съ удовольствіемъ, но и съ какимъ-то невозмутимымъ спокойствіемъ; одно чувство мутило мой душевный миръ, чувство сожалѣнія, что люди, всего болѣе мной любимые и уважаемые, дѣйствовали недостойно самихъ себя и были слишкомъ несправедливы ко мнѣ.

Мое свиданіе съ братомъ доставило ему величайшее наслажденіе, и время, проведенное нами вмѣстѣ, было самымъ пріятнымъ временемъ. Дружба и кровныя узы давно соединили наши сердца, тѣмъ крѣпче, что между нами образовалась симпатія вслѣдствіе одинаковыхъ обстоятельствъ. Каждый изъ насъ проходилъ служебное поприще, и каждый бѣжалъ отъ свѣта съ одинаковыми чувствами и опытами; мы совершенно понимали, сочувствовали другъ другу въ образѣ мысли и въ воззрѣніи на прошедшее.

Мой братъ былъ человѣкъ умный и образованный, но сдержанный, серьезный, точный и даже холодный въ обществѣ. Эта разница въ нашихъ характерахъ и манерахъ отнюдь не нарушала гармоніи нашихъ дружескихъ отношеній.

Время моего посѣщенія прошло счастливо и очень быстро. Я должна была возвратиться въ Москву, осмотрѣть свои комнаты, прилично отдѣланныя и обставленныя печами для принятія меня и друзей моихъ, прежде, чѣмъ настанутъ холода. Я наблюдала за всѣми этими работами и скоро снова увидѣлась съ братомъ въ Москвѣ, который въ этотъ годъ переѣхалъ раньше, чѣмъ обыкновенно.

На слѣдующее лѣто онъ навѣстилъ меня въ Троицкомъ и былъ восхищенъ изящной его обстановкой. Сады, огороды и зданія, которыми я украсила мѣстоположеніе его, были совершенно во вкусѣ моего брата. Когда я осенью пріѣхала къ нему, онъ далъ мнѣ полную власть распоряжаться въ новой распланировкѣ его имѣнія и въ разведеніи садовъ, которые я уже начала въ предъидущемъ году.

Лѣтомъ 1796 года я побывала въ своемъ Могилевскомъ помѣстьѣ, гдѣ и получила много писемъ изъ Петербурга, извѣщавшихъ меня о всемъ, что говорилось и дѣлалось при дворѣ. Нѣкоторыя лица желали моего возвращенія въ столицу и доносили, что императрица не одинъ разъ собиралась писать ко мнѣ, чтобъ вызвать меня въ Петербургъ и поручить отвезти великую княгину Александру въ Швецію, въ случаѣ бракосочетанія ея съ королемъ.

Меня также увѣдомляли московскіе родственники, жалѣвшіе о моемъ отсутствіи; они увѣряли, что императрица уже отправила гонца просить меня въ Петербургъ. Эта новость побудила меня поскорѣе возвратиться въ Троицкое, откуда я еще разъ написала Екатеринѣ просьбу о моей полной отставкѣ или, по крайней мѣрѣ, о продолженіи моего отпуска.

Въ отвѣтъ я получила самое доброе письмо; мнѣ дано было позволеніе еще остаться на годъ. Желая, однакожъ, удостовѣриться, не была ли принята эта просьба съ дурной стороны, я написала нѣкоторымъ искреннимъ друзьямъ передать мнѣ откровенно, что говорила императрица и какъ она вообще думаетъ обо мнѣ. Они отвѣчали, что Екатерина постоянно повторяетъ, что никому, кромѣ меня, она не желала бы поручить сопровождать свою внучку въ Швецію.

„Я увѣрена, говорила она, что княгиня Дашкова любитъ меня на столько, чтобъ не отказать мнѣ въ этой задушевной просьбѣ; въ такомъ случаѣ я буду совершенно спокойна за свою молодую королеву“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь XVIII в. по романамъ и повѣстямъ [1]).

Встрѣчаемъ мы въ романахъ немало женскихъ образовъ — отъ необразованной, неразвитой, ничѣмъ не интересующейся, кончая „вольтерьянками“, играющими роль законодательницъ общественныхъ мнѣній.

Родители аттестуютъ свою неудавшуюся дочь:

„Когда же она у насъ жила, отъ всѣхъ сосѣдей дурною слыла, одѣться не умѣла, ни съ кѣмъ слова молвить не смѣла,—только и дѣла дѣлала: пила да ѣла, да еще сидя на печи, задъ свой грѣла; а когда ляжетъ спать, то зачнутъ ей старухи сказки врать; только и забавы: спитъ да бредитъ, а особливо шептунамъ, колдунамъ и всякимъ обманщикамъ и ворожеямъ вѣритъ (*Сава*, *51*).

„Г-жа Притворова—ханжа и лицемѣрка,—говоритъ объ обѣдняхъ, „панафидахъ“, молебнахъ. Услышавъ французскую рѣчь, она возмутилась—„я бы тебѣ не совѣтовала знать этотъ басурманскій языкъ. Я, чай, ты прочла всего Вольтера, этого атеиста. Онъ васъ всѣхъ, мои голубки, вскружилъ,—отъ него только что прослывешь умницею, а въ рай, вить, не войдешь. Уже черти и такъ ждутъ нынѣшнихъ-то разумниковъ, которые обо всемъ разсуждать изволятъ“. (*Россійская Памела*, *61*).

„Лжесвята удивительно расположила свое время: по утру служитъ молебны, торгуется съ мясниками, потомъ сѣчетъ безъ милости слугъ и бьетъ по щекамъ служанокъ, послѣ обѣда читаетъ четіи-минеи, вечеръ посвященъ карточной игрѣ, ужинъ Бахусу, а ночь отставному капитану Драбантову“ (*Игра судьбы*, *24)*.

Одинъ помѣщикъ былъ очень прижимистъ: заставлялъ крестьянъ работать на него 5 дней въ недѣлю, а по воскресеньямъ молиться Богу и плясать. Жена его существо, совершенно излѣнившееся:

„въ 10 часовъ утра еле-еле открываетъ глаза. Подбѣгала горничная и спрашивала: „чего изволите, сударыня, приказать?“ „Ча“... говорила госпожа, зѣвая и протирая глаза“... Когда чай приносился, она... дѣлала знакъ отверженія, голова ея упадала на подушки, отъ коихъ недавно еще отдѣлилась, глаза смыкались.. (*Селимъ и Роксана*, *17*).

Вотъ образецъ россійской „вольтерьянки“.

„Когда я въ первый разъ къ ней пришелъ, то читала она сочиненія Вольтера. „Опасное море!“—сказалъ я, указавши на книгу. Лучше было бы мнѣ не

---

[1]) См. „Русскую Старину“, май 1906 г.

говорить подобіемъ. „Море? море?“, говорила она съ равнодушной гордостью: „я думаю, что и у насъ сыщутся Аретузы“ (*Мои свадебныя приключенія, 115*).

Въ своемъ городѣ она слыла „законодательницей“.

„дѣвицы перенимали ея поступки и рѣчь; женщины—наряды и походку. Книга, которую она похвалить, тотчасъ у всякаго была въ рукахъ; вездѣ она была первая. А что она также имѣла постоянныхъ враговъ и завистниковъ, можно догадаться“ (ibid., 116).

Въ противоположность этой „просвѣщенной“ дѣвицѣ русская дѣйствительность выдвигала подавляющее число прямо ей противоположныхъ—одинъ супругъ жалуется на свою жену:

„тщетно старался я пріохотить ее къ чтенію: двѣ какія-то старинныя безтолковыя книги составляли ея библіотеку. Тетка ея сама другихъ книгъ не читывала; компаніи она не любила; двѣ—три старухи, сидя съ нею, говаривали по цѣлому дню. Въ такомъ кругу было ей очень весело“ (ibid.).

Пестрота состава тогдашняго общества, когда рядомъ съ Скотининымъ стояли Стародумы, съ одной стороны,—и „вольтерьянцы“—съ другой, дѣлала изъ Россіи собраніе людей, ничѣмъ не связанныхъ между собой, чуждыхъ по вкусамъ и настроеніямъ.

Особенно эта „отчужденность“ сказывалась въ отношеніяхъ простыхъ крестьянъ къ своимъ „офранцузившимся“ господамъ. Вотъ, напримѣръ, характерный разговоръ старика-мужика о его помѣщикѣ, старомъ князѣ, который „Бога не боится“:

„Чего ему бояться Бога? вить онъ, говорятъ, какой-то чернокнижникъ и фармазонъ. Посмотри-ка, сударь! сколько ящиковъ книгъ привезли мы къ нему изъ подмосковной деревни“. „Книги-то, говорятъ, все не русскія! Такъ ему-ль русскихъ любить. Никогда не говѣетъ! Ему нашъ братъ крестьянинъ хуже собаки“. Старуха разсказываетъ, какъ баринъ вымѣнялъ на собаку молодаго повара. „А поваръ какой парень молодой, какой добрый, не воръ и не мотъ. Восемьсотъ за него давали! Изъ нашей деревни. Сударь! отецъ и мать такъ и бьются“! старикъ: „А собаку, вить, говоритъ князь, и на деревню не промѣняетъ. Да вить, какая, батюшка, мудреная! Совсѣмъ на собаку не похожа—словно овечка! („*Храброй философъ*“, *3*).

Другой крестьянинъ тоже осуждаетъ господъ, которые сдѣлались не русскими господами, а иностранными проказниками *(Роза и Любимъ. 52)*. Просвѣщаться можно, по его словамъ, и на родинѣ.

„Они вмѣсто просвѣщенія привозятъ сюда затменіе, отвращеніе къ отечеству и къ своимъ соотчичамъ. Въ одномъ государствѣ люди уже до тѣхъ поръ просвѣтились, что забыли Бога, Царя, законы и начали рѣзать другъ друга“ (ibid., 53).

„мужиковъ они считаютъ и называютъ „скотами“ и „животными“ (*Евгеній, 111*).

За то эти „полуиностранцы“ отличались талантами великосвѣтскими, „любезностью“, изысканнымъ костюмомъ и манерами. Они часто поль-

зовались успѣхомъ у провинціалокъ. Таковъ былъ, напримѣръ, одинъ— „князь Вѣтрогонъ"

„былъ житель города, умѣлъ притворяться, умѣлъ нравиться, умѣлъ красно говорить и сладко шутить, будучи внутренно человѣкъ коварный, будучи таковъ каковы бываютъ нынѣ люди большого свѣта". (*Софія*, 30).

Подобные герои были остроумны, не признавали ничего святого; одинъ изъ такихъ юношей такъ говорилъ о себѣ:

„для остраго слова не жалѣлъ я ничьего ума, ни чести. Какъ непоколебимый воинъ, жаждущій крови и славы разитъ всѣхъ, и не разбираетъ ни пола, ни лѣтъ, ни званія, такъ и я не щадилъ ни красивыхъ тварей, ни сѣдыхъ дураковъ, ни сильныхъ, ни слабыхъ. Естьли бы можно и не надъ кѣмъ уже было смѣяться, я бы сталъ смѣяться надъ самимъ собою" (*Евгеній*, *83*).

Г. Плутоновъ (такъ онъ назывался) подлымъ такимъ презрительнымъ шутовствомъ, дерзкими словами, кои въ свѣтѣ называются иногда „бомо", снискалъ себѣ въ многихъ домахъ благосклонность... Онъ имѣлъ въ себѣ довольно пріятностей и хитрыхъ уловокъ. Будучи краспорѣчивымъ наставникомъ порока, умѣлъ содѣлывать плѣняющими всѣ тѣ матеріи, о коихъ онъ судилъ или говорилъ (*Россійская Памела*, *7*).

„... Князь былъ такой странной человѣкъ, что все то почиталъ святымъ, что только было французскимъ, онъ принималъ всегда ласковѣе французскаго комедіанта, говоруна, бездѣльника, который въ глазахъ его обманывалъ (что онъ относилъ къ удивительной тонкости французскаго ума), нежели скромнаго вѣжливаго и почтеннаго россійскаго дворянина" (ibid., 67).

Одинъ графъ больше безпокоится болѣзнью собаки, чѣмъ судьбой бѣднаго сосѣда.

„Хотя всѣ нищіе переколѣли въ цѣломъ свѣтѣ, только бы моя Лихая, Лихая бы моя выздоровѣла" 99.

Хотя другіе и стоятъ за старину, когда и любовь, и браки отличались прочностью,—одинъ новомодный юноша потѣшался надъ другимъ:

„Ты влюбляешься по-дѣдовски, ты хочешь, чтобы любовь занимала всѣ твои чувствованья, какихъ ты ждешь утѣхъ изъ того" (*Русскія сказки*, *VII*, *48*).

„Новомодная любовь" поражала людей пожилыхъ своимъ легкомысліемъ:

„нынѣ уже нѣтъ любовныхъ героевъ, о коихъ упоминаютъ въ рыцарскихъ повѣстямъ, и кои бѣгали за милыми своими изъ части свѣта въ другую, терпѣли гладъ и хладъ, смертельныя опасности, а иногда и умирали за постоянство" (ibid., IV, 98).

„нынѣ уже нѣтъ такихъ странствующихъ рыцарей, кои охотно подвергались всѣмъ несчастіямъ, чтобы быть нелицемѣрными рабами истинной любви". (ibid., VII, 48).

Но и старый взглядъ на бракъ и любовь отвергался романистомъ— онъ иронизировалъ надъ разсужденіями стариковъ:

„мы женились, не зная никакой страсти, и отживали вѣкъ согласно" „Возможно-ль, чтобъ въ старину не было страстей? Неужели онѣ—рожденье

нынѣшнихъ временъ? Да и какое сравненіе лѣтъ прошедшихъ съ счастьемъ нынѣшнихъ? Тогда женивались по-азіатски; жены были невольницы, а мужья тираны, кои брали ихъ для должности ключника и, можетъ быть, почитали ихъ за нѣкое пріятное животное, могущее угождать нашимъ чувствамъ, но и сіе опасно утверждать, потому что можно было плѣниться тогда красотою, когда невидывали женъ въ лицо, какъ только на другой день послѣ свадьбы, а женихамъ показывали ихъ изъ особливой комнаты, завѣшанныхъ съ головы до ногъ полотномъ. Буде жены любили тогда мужей, то по одному обычаю, а, вѣрнѣе, по притворству, причиняемому ужасомъ неограниченной супружней власти и тяжкой его руки. Кто желаетъ сочинить старинный нашъ словарь, къ стыду держащихся и понынѣ сего мнѣнія, тотъ можетъ поставить вмѣсто слова „супругъ"—слово „господинъ" или „тиранъ"; вмѣсто „жены"—„раба" или „мученица" („*Утренникъ влюбленнаго*", *47—48*).

„Въ нынѣшніе-жъ пріятные дни счастливаго нашего просвѣщенія, къ безсмертной славѣ того великаго смертнаго, который одинъ возмогъ изъ звѣрей учинить насъ человѣками. Мы почитаемъ прелестный полъ въ его совершенствахъ, любимъ въ его пріятностяхъ и знаемъ, что въ ихъ нѣжности находимъ мы облегченіе нашимъ горестямъ, покой въ нашихъ трудахъ и истинныхъ друзей къ блаженству нашей жизни, отдаемъ имъ полную власть надъ нашими сердцами, по справедливости ихъ однѣхъ достойную. Если войти въ дальнѣйшее изслѣдованье разныхъ дѣйствующихъ причинъ, то кто, кромѣ нихъ, возбуждаетъ нашу храбрость? Кто оживляетъ великія предпріятія? Кто прилѣпляетъ насъ къ славѣ? И кто виною разумнаго установленія общественнаго порядка" (ibid.).

Изображая русскую дѣйствительность, романисты наталкивались постоянно на ея отрицательныя стороны. Взяточничество, это постоянная мишень русской сатиры, начиная съ Сумарокова, и въ повѣстяхъ не разъ изображалось чертами рѣзкими и опредѣленными.

Привожу нѣкоторыя мѣста, характеризующія отношеніе русскихъ писателей къ этому явленію русской жизни.

„По древнему названію „посулъ", по нынѣшнему „взятка", а по иностранному „акциденція", когда начало свое восріяли, въ томъ всѣ ученые между собой несогласны" (*Пересмѣшникъ*, *V*, *211*).

Эти взятки въ старину разрѣшались съ цѣлью дать „покормиться" служилому человѣку, „акциденціи" только были разрѣшены, введеніе штатовъ отмѣнило это разрѣшеніе. Тѣмъ не менѣе практика житейская удержала старый обычай. Народъ смотрѣлъ просто. Такъ изображенъ въ одной повѣсти мимоходомъ одинъ мужичокъ, который отправляется жаловаться къ судьѣ на обидчика.

„мужикъ взялъ съ собой 5 р. денегъ, кадушку меду, двѣ четверти овса и возъ сѣна" (*Похожденія Ивана Гостинаго сына*, *78*).

Особенно доставалось „приказнымъ"—секретарямъ судовъ и судьямъ.

„Хотя многіе сомнѣваются, что, будто подъячіе не тѣмъ богомъ произведены на свѣтъ, которымъ и всѣ люди... Однако, сомнѣнія ихъ почитаю я весьма язвительною насмѣшкой и утверждаю, какъ это и всѣ знаютъ, что они просходятъ, какъ и мы, отъ первороднаго Адама“ (*Пересмѣшникъ*, *II*, *49*).

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько картинокъ изъ жизни „приказныхъ“:

„въ секретарскомъ домѣ не имѣлось недостатка въ нужныхъ вещахъ. Бутыли, штофы и полуштофы съ настоенныымъ виномъ и водкою въ различныхъ ягодахъ и цѣлебныхъ травахъ, покрывали у насъ въ чуланѣ длинныя двѣ полки; въ погребѣ же стояли всегда на льду двѣ или три бочки вкуснаго и крѣпкаго пива, да одна меда, батюшка мой былъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ, чтобы ихъ провожали изъ гостей подъ руки, чтобъ гости возвращались отъ нихъ домой не въ такомъ видѣ, въ какомъ къ нимъ пришли“ (*Евгеній*, *68*).

Одинъ бѣдный, но ловкій юноша—

„вздумалъ ходить за приказными ябедами, коихъ въ тамошнемъ краю въ то время очень много бывало, стряпчимъ; и такъ, посвятя себя онымъ чинамъ, ѣздя по окольнымъ деревнямъ съ наставникомъ своимъ, пересказывалъ о себѣ, что онъ въ стряпческомъ искусствѣ весьма знающъ, при чемъ и учитель его тожъ самое подтверждалъ и выхваливалъ почему, во-первыхъ, поссорившіеся между собою крестьяне, приходя къ нему, просили справедливаго и скораго на словахъ рѣшенія и удовольствія, а онъ и судилъ каждаго по достоинству дѣла, обирая принесенное и съ отвѣтчика, и челобитчика поровну, а кто больше даетъ, тотъ и правъ, хотя бы и подлинно былъ виноватъ; но ослѣпленные ихъ глаза тому вѣривали“... (*Похожд. Ивана*, *114*).

„... всякое ремесло имѣетъ расположеніе и, малу-по-малу, доходитъ до совершенства. Напримѣръ, подъячій, притѣсняя челобитчиковъ, беретъ сначала только алтынами, достигнувъ въ секретари—счетъ его составляетъ рубли“. (*Русскія Сказки*; *II*, *43*).

„Секретарь былъ человѣкъ набожный,—онъ никогда не вставалъ и не ложился спать, не помолясь Богу; передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ читалъ обыкновенныя молитвы вслухъ и умывалъ завсегда руки; не пропускалъ ни одного воскресенья и бывалъ завсегда у обѣдни, а въ двунадесятые праздники ѣздилъ развозить поклоны или принималъ оные самъ отъ челобитчиковъ. Всякое утро стоялъ онъ по два часа на молитвѣ, а жена его въ то время въ передней горницѣ упражнялася во взяткахъ и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленькій ихъ сынъ подавалъ ему реестръ поименно всѣхъ людей, бывшихъ у него въ то утро, и кто, что и сколько принесъ,—такимъ образомъ, смотря по величинѣ приноса, рѣшалъ онъ дѣла и въ приказѣ“ (*Пригожая повариха*, *23*).

Довольно курьезный случай, касательно взяточничества, разсказанъ въ одной повѣсти:

„Нѣкто основательный человѣкъ, съ разсчетомъ, экономъ, и чиномъ отставной надворный совѣтникъ попалъ въ воеводы. Отъ взятокъ отказывался, къ горожанамъ былъ суровъ и строгъ. Всѣ пріуныли. Одинъ старецъ посовѣтовалъ узнать у домашнихъ воеводъ, что онъ любитъ. Оказалось, воевода былъ любителемъ „щукъ“. Всѣ потащили къ воеводѣ въ подарокъ „щукъ“. Въ садкѣ, гдѣ продавали рыбу, сидѣлъ крѣпостной воеводы и щука поднялась, благодаря этому, въ цѣнѣ, дойдя до ста рублей“ (*Пересмѣшникъ*, *V*, *213—41*).

*

Разбогатѣвши, „приказные“ стали выходить въ люди,—появились „новоиспеченные дворяне“, къ которымъ романисты русскіе относятся съ насмѣшкой и презрѣніемъ, это видно, хотя бы, изъ тѣхъ вопросовъ, которые представлены однимъ романистомъ:

„отъ чего обогащаются тѣ, коимъ Государь ничего не жаловалъ, наслѣдства не доставалось, приданаго за женами не брали и промысловъ не имѣли, а были только у порученныхъ должностей? Черезъ это получили нѣкоторыя недвижимыя и движимыя имѣнія, когда предки ихъ и сами они хаживали въ лаптяхъ?.. Отчего представленные къ пріемамъ и выдачамъ не сводятъ расхода съ приходомъ?.. Отчего у васъ въ приказѣ лѣтъ по 50 лежатъ дѣла нерѣшенныя?“ (*Русскія Сказки, VI, 271*).

Особенно нападаютъ романисты на сыновей этихъ дворянъ „изъ приказныхъ“. Обладая хорошими средствами, эти „новомодные“ дворяне старались пустить пыль въ глаза. Предки одного такого дворянина жили взятками на судахъ—оттого онъ

„древность своего рода не могъ далѣе вычислить, какъ со времени, когда въ нашихъ мелкихъ городахъ взятки дошли до совершенства“. Когда вышли строгіе указы касательно взятокъ, то родитель сего дворянина также почувствовалъ свербежъ за спиною и скуча безмездными трудами, оставилъ приказную службу, купилъ деревню“ (*Русскія Сказки, IV, 84*).

Съ тяжелымъ чувствомъ негодованія говорили русскіе романисты о казнокрадствѣ и злоупотребленіяхъ въ государствѣ.

У русскихъ людей этой эпохи сложилось убѣжденіе, что

„вѣшаютъ только дураковъ, кои мало крадутъ... Въ городѣ повѣсили крестьянина за то, что онъ, умирая съ голоду, укралъ у скупого богача четверть ржи. А старый нашъ воевода укралъ 30.000 рублей,—его только смѣнили съ мѣста“ (ibid., II, 53).

Полученіе мѣстъ зависѣло отъ подкупа:

„мѣста градоначальниковъ достались за умѣренный откупъ, заплаченный любовницамъ княжескихъ наперсниковъ; казна государства истощена на украшеніе серальскихъ пріязней“ (ibid., V, 167, еще VI, 179).

„Мѣста правителей въ государствѣ розданы были мясникамъ, кузнецамъ, сводникамъ, шутамъ и тому подобнымъ ремесленникамъ, но первый вельможа всѣхъ превосходилъ длинною бородой и особливо глупостью; словомъ, въ княжествѣ семъ все происходило такъ, какъ въ той деревнѣ, гдѣ много прикащиковъ и въ которую господинъ никогда не заглядываетъ“ (ibid., V, 186).

„Судопроизводство“ въ XVIII-омъ вѣкѣ было сопряжено и съ волокитой, и съ большими побочными расходами. Поэтому суда старались избѣжать

„въ старину почтенные и ни въ какихъ тяжбахъ не бывалые люди судовъ боялись“ (*Похож. Ивана Гостинаго сына, 138*).

Любопытно, какъ велось въ XVIII вѣкѣ судебное слѣдствіе. Въ одной деревнѣ оказалась вырѣзанной цѣлая семья. Составили рапортъ, послали въ городъ, день былъ праздничный.

„Въ разсужденіи столь великаго праздника, всѣ судьи и секретари изъ города были отсутствованы и находились по деревнямъ окольныхъ дворянъ, а дневальные приказные служители отъ принятія того рапорта отозвались“ (*Пересмѣшникъ, V, 198*).

Только черезъ 6 недѣль присланъ былъ рапортъ и посланъ чиновникъ для „слѣдствія“.

„по осмотру и обыску“ онъ рѣшилъ, „что крестьянинъ, напившись въ праздникъ пьянъ, порубилъ свою семью, а самъ упалъ съ крыльца и ушибся“, а, подавая свой рапортъ, примолвилъ: „крестьяне-де государственные, то одаль слѣдствія быть не можетъ“. Почему данною резолюціей и велѣно съ приписаніемъ того рапорта отрапортовать верхнему присутственному мѣсту, а дѣло исключа изъ реестра нерѣшенныхъ дѣлъ, числить рѣшеннымъ къ отдачѣ въ Архивъ“ (*Пересмѣшникъ, V, 198*).

Зло высмѣяны въ одномъ романѣ тѣ порядки, которые царили въ чиновномъ мірѣ тогдашней Руси

„чтобъ любили, то надобно льстить, обманывать хитренько; и это ни мало нестыдно... Хочешь ли быть въ чинахъ? Кланяйся двойкѣ, двойка рекомендуетъ тройкѣ,—дойдетъ до манильи, то есть до дульцинеи туза,—а тутъ тотчасъ и шпадилья на рукахъ! Вотъ, ангелъ мой, наука жизни! для благополучія своего не жалѣй тысячи другихъ; живи на счетъ ближняго, за копейку продавай друга, хвали въ глаза: услужи рогами пріятелю, лови въ мутной водѣ рыбу. Вотъ должности проворнаго молодца“ (*Роза, 9*).

Одно изъ характернѣйшихъ явленій русской жизни XVIII и XIX ст. „нахлѣбничество“, явленіе, не разъ изображаемое въ русской литературѣ XVIII ст. Передъ читателемъ пройдетъ рядъ образовъ,—отъ „друга“ дома до жалкаго „шута“, котораго держатъ изъ милости.

Особенно характеренъ Никаноръ, безсчастный дворянинъ. Въ своей автобіографіи онъ разсказываетъ всю свою скорбную жизнь „маленькаго человѣка“. Этотъ смирный, зашибленный судьбой человѣкъ добродушенъ и незлобивъ до послѣдняго предѣла—оттого онъ—общій любимецъ, особенно провинціальныхъ дамъ.

„исканіе-жъ Никанорово во всѣхъ того города жителяхъ и дворянахъ составило ему въ томъ мѣстѣ весьма спокойную жизнь“.

Этою жизнью онъ вполнѣ доволенъ: онъ угождалъ всѣмъ, будучи у всѣхъ на посылкахъ, считалъ себя счастливымъ, называлъ эти дни „золотымъ вѣкомъ“ своей жизни (*„Несчастный Никаноръ“, 4*) благородныя женщины и дѣвицы того города его любили—

„Никаноръ всѣ силы свои употреблялъ служить имъ со всякимъ усердіемъ и почитаніемъ“: „игралъ съ ними въ маленькую игру для препровожденія времени, въ кадриль и въ ломберъ; между тѣмъ употреблялъ всякія пристойныя шутки, пѣлъ и сочинялъ пѣсни; также оды и всякіе увеселительные стишки,

смотрѣлъ на руки будто бы ученъ онъ былъ хиромантіи; и въ издѣвкахъ обнадеживалъ каждую изъ нихъ особливымъ благополучіемъ, сказывалъ имъ сказки и исторіи, на святкахъ производилъ съ ними всякія игры и гаданія, въ маскарадахъ одѣвался въ женское, словомъ сказать, все то дѣлалъ, что въ угодность имъ служило" (Ibid., 5).

Съ нимъ не стѣснялись, такъ какъ онъ былъ необидчивъ. Гораздо тяжелѣе было существованіе другого старика, сотоварища по нахлѣбничеству,—титулярнаго совѣтника Никифора. Когда у хозяина бывали гости, то его съ Никаноромъ сажали обѣдать къ дѣтямъ, — это обижало старика, онъ злился—

„выговаривалъ дворецкому, что такихъ молодыхъ ребятъ (гостей) больше почитаютъ, нежели такого старика, который по табели Петра I составитъ въ рангѣ арміи капитана" (Ibid., 156).

Съ Никаноромъ тоже не церемонились, когда въ жилой комнатѣ оказалось мало мѣста, ему сдѣлали постель въ залѣ, но тамъ ему показалось холодно, и онъ, съ разрѣшенія хозяина, перебрался спать въ „дѣвичью"—

„гдѣ ночь протекла для Никанора съ немалою пріятностью: дѣвушки пѣли изрядныя пѣсенки", Никаноръ гадалъ имъ: „Машенькѣ предсказалъ на рукѣ, что она выйдетъ замужъ за патентованнаго человѣка" (Ibid., 5.)

У того „милостивца", у котораго жилъ Никаноръ, кромѣ его и Никифора, жили нѣсколько такихъ же „вышибленныхъ изъ колеи людей".

Кромѣ „нахлѣбниковъ" въ богатомъ домѣ водился цѣлый штатъ „приживалокъ". Такъ, въ одной повѣсти перечислены такія „приживалки"

„...нянюшки и мамушки, повивальныя бабушки, названныя матушки, любезныя сестрицы, племянницы, кумушки и сватушки" (*Сава*, *14*).

Перечисляю, для примѣра, нѣсколькихъ представителей этого своеобразнаго рода людей:

„..онъ пошелъ въ шуты къ охочимъ людямъ, торговалъ прелестями своей любезной и былъ сытъ" (*„Русскія Сказки"*, *VI*, *263*).

„...бѣдная дворянка, сирота, изъ милости живетъ у здѣшней помѣщицы" (*„Разныя повѣствованія"*, *67*).

„...другъ ея Тихонравовъ, за старостью, сложилъ съ себя должность и возамѣрился остатокъ жизни препровесть въ Никольскомъ. Она любила сего друга, почитала его обхожденіе своимъ благоразуміемъ; а блаженство разумнаго сего товарища состояло въ томъ, чтобъ угождать ей. Тихонравовъ желалъ давно покоемъ, яко даромъ неба, наслаждаться; наконецъ, удовлетворено его желаніе; онъ и добродѣтельная его супруга гораздо утѣшались симъ первымъ родомъ жизни" (*Неонила*, *6*).

Особенно тяжело было положеніе сиротъ-дѣвушекъ, взятыхъ въ зажиточный домъ. Онѣ часто дѣлались жертвами преслѣдованія

со стороны хозяина или сыновей. Такъ, одну такую дѣвушку, изъ милости жившую въ чужомъ для нея домѣ, графъ Высокомѣровъ преслѣдовалъ своими предложеніями и высмѣивалъ ея слезы:

„Браво, браво, захлопавъ въ ладоши и захохотавъ, онъ сказалъ „какая невинненькая! Она плачетъ: ахъ! сударка моя, я, право бы тебѣ, помогъ!" („*Россійская Памела*", *57*).

Въ купеческихъ домахъ отношеніе къ такимъ нахлѣбницамъ было болѣе патріархальнымъ

„...у всѣхъ купцовъ, особливо у богатыхъ, введено въ обыкновеніе брать къ себѣ для прислугъ родственницъ дѣвушекъ и за доброе поведеніе выдавать замужъ за сидѣльцевъ" („*Похожденіе Ивана Гостинаго сына*", *16*).

Во всякомъ случаѣ, положеніе этихъ несчастныхъ людей, зависимыхъ отъ доброты, часто очень тяжелой,—а иногда и просто каприза—было невеселымъ:

„Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ жить въ знатныхъ домахъ. Тамъ бѣднаго благороднаго человѣка хуже почитаютъ постельной собаченки, или попугая; тамъ всегда надобно говорить противное тому, что чувствуешь, дурное должно называть хорошимъ, а хорошее дурнымъ" („*Россійская Памела*", *66*).

И вотъ въ повѣстяхъ встрѣчаемъ мы случаи, когда чаша терпѣнія у несчастнаго нахлѣбника переполнялась, и онъ оставлялъ своего „милостивца" съ такими рѣчами:

„...естьли вамъ то несносно, что я кусокъ сей земли занимаю моимъ бѣднымъ жилищемъ, скажите мнѣ, государь мой, то я пойду индѣ искать мѣсто, къ которому бы могъ бѣдную мою прислонить голову" („*Повѣствованія одного россіянина*", *6*).

Развлеченія богатыхъ русскихъ помѣщиковъ отличались и блескомъ, и разнообразіемъ. У нихъ были часто въ деревняхъ роскошные замки („Александръ и Юлія, 90"), съ великолѣпными садами и парками (тамъ же и „Милыя, нѣжныя сердца", 28), иногда даже съ звѣринцами („*Александръ и Юлія*", 90).

У нихъ были свои домашніе оркестры („*Роза*", 31) и хоры („*Никаноръ*", 171). Въ деревняхъ устраивались большіе пріемы гостей, устраивались балы, маскарады, въ которыхъ принимали участіе не только гости дворяне, но и челядинцы („*Роза*", 44) и крестьяне („*Александръ и Юлія*", 122); устраивались любительскіе спектакли („*Роза*", 29), концерты („*Россійская Памела*", 82). Хозяинъ съ гостями увеселялся пикниками, съ богатымъ угощеніемъ и пѣснями („*Никаноръ*", 73). Среди дворовой челяди въ богатыхъ домахъ были даже инородцы: „арапы", „горцы" („*Александръ и Юлія*", 115); кромѣ штата „гайдуковъ", „карлы" (тамъ же, 115) и шуты.

Не менѣе сложенъ былъ штатъ богатой барыни — помѣщицы:

около нея, кромѣ старухъ приживалокъ, были „дѣвушки" „барскія барыни", „барскія барышни" („*Вояжъ моего друга*", *106*).

Въ одной повѣсти мы имѣемъ слѣдующій курьезный церемоніалъ „доклада" барынѣ:

„...доложилъ мужику, который подметалъ тогда дворъ, что имѣетъ онъ крайнюю нужду до его госпожи. Мужикъ сказалъ это истопнику, истопникъ лакею, лакей донесъ камердинеру, камердинеръ сказалъ горничной дѣвушкѣ, дѣвушка объявила барской барынѣ" („*Пересмѣшникъ*", *IV*, *239*).

Рядомъ съ такой „по этикету" строгостью жизни, рядомъ съ роскошью и утонченностью жизни, которая нуждалась въ „изящномъ"—требовала себѣ и музыки, и статуй, и картинъ,—въ другихъ слояхъ той же помѣщичьей и городской жизни встрѣчаемъ мы картины самаго грубаго разнузданнаго пьянства: похороны, крестины, свадьба, — все сопровождалось основательной попойкой. Повѣсти XVIII в. особенно богаты жанровыми картинками въ этомъ духѣ.

Привожу нѣсколько сценокъ: на крестинахъ пьяные гости со смѣхомъ укеряютъ отца новорожденной, что у него все дочери. Раздосадованный родитель

„...читалъ строгіе выговоры своей половинѣ за то, что она родила только дочерей", обѣщалъ ей клятвенно сшить „парчевую кофту", если родитъ мальчика, „Николаю же Чудотворцу за сіе самое отслужить благодарственный молебенъ съ акаѳистомъ и положить серебряную ризу на его образъ" (*Евгеній, 70-1*).

Не менѣе живописны похороны:

„Погребеніе было самое плачевное. Когда повезли усопшую въ церкву, тогда два служителя вели полковника подъ руки для того, чтобы онъ не повалился бы въ грязь, жалость и выпитая имъ по утру для утоленія печали водка обременили его гораздо... Въ церкви съ разнымъ усердіемъ и разными голосами завывали старухи, стараясь разными способами обратить на себя вниманіе полковника". Похоронивъ, „съ большимъ усердіемъ поспѣшили всѣ къ столу. До половины обѣда были рѣчи о покойницѣ, а послѣ вино помрачило ее у всѣхъ въ памяти: всякій началъ колобродить—попъ сталъ затягивать пѣсни" („*Пересмѣшникъ*, *I*, *57*).

Очень колоритно описаны „проводы" сына, уѣзжающаго изъ отческаго дома „въ ученіе":

„собирающіеся гости, которые, желая напиться до-пьяна и проститься со мной, наполнили всѣ наши комнаты... Ревностный священникъ пришелъ вскорѣ въ сопровожденіи одного дьякона, одного дьячка и одного пономаря. Помолившись съ важностью и давъ всѣмъ желающимъ облобызать свою десницу, садится онъ подъ образа, выпиваетъ за здоровье хозяевъ и отъѣзжающаго по поднесенной ему рюмкѣ цѣлительнаго Ерофеича и говоритъ съ приличнымъ тѣлодвиженіемъ, что морозъ невеликъ"... „Черезъ полчаса домъ нашъ уподобился совершенно трактиру. Одинъ пьетъ и безъ стыда еще проситъ пить, другой бьетъ стаканы, третій кричитъ, четвертый поетъ, въ одномъ

покоѣ спорятъ, какъ въ питейномъ домѣ, въ другомъ бранятся, какъ въ смирительномъ, въ одномъ хохочутъ, какъ въ райкѣ въ театрѣ, въ другомъ воютъ, какъ на похоронахъ на кладбищѣ. Отецъ напомнилъ священнику вину его пришествія и, когда сей, какъ будто проснувшись, началъ служить молебенъ, гости, домашніе, даже и челядинцы, въ различномъ одѣяніи, всѣ собрались въ сію горницу, молились, вздыхали и зѣвали...“ (*Евгеній, 93*).

Исходъ обыкновеннаго обѣда въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ домахъ былъ обыченъ:

„насандаливъ довольно носы, встали мы изъ-за стола по обыкновенію пьяницъ, только благородныхъ, а не подлыхъ. Полковникъ совсѣмъ пьянъ въ придерживаніи двухъ дѣвокъ за оба крыла отправился въ свою спальню“ (*„Пересмѣшникъ“ I, 24*).

„Поминальный обѣдъ начался печально, а кончился весельемъ. По большей части засѣдали за нимъ отставные офицера, тѣ, которые были великіе охотники подтягивать сивуху и разсказывать о сраженіяхъ; насуслились они за нимъ довольно исправно, приговаривая почасту: „покойникъ былъ до вина охотникъ“ (*„Пересмѣшникъ“, I, 73*).

„...всякой въ угодность хозяина оказывалъ себя довольнымъ и выпивалъ все, что ему ни подносили, отъ чего послѣдовало изобильное краснорѣчіе, и, казалось, что собраны тутъ люди разныхъ націй и говорили разными языками; всякой не хотѣлъ молчать, а старались больше говорить; слушать же изъ нихъ никто не обязывался: слѣдовательно, пирушка сія походила на жидовскую школу“ (ibid., IV, 205).

Происходили и ссоры:

„...послѣ сего грому вся компанія помутилась, всѣ вскочили со своихъ мѣстъ и хотѣли разобрать ссору, ибо пьяные люди великіе охотники и драться и мириться“ (ibid., IV, 207).

„Всякой со своимъ усердіемъ подходилъ уговаривать ее (вдову) и воздерживаться отъ сокрушенія, и кто былъ пьянѣе другихъ, тотъ усерднѣе и старался“ (ibid., I, 74).

Повидимому, эти поминальные обѣды оканчивались нерѣдко криками и скандалами:

„...начиналась татарская музыка; всякъ заговорилъ своею погудкою и кто былъ довольнѣе, тотъ и кричалъ громче“ (ibid., I, 14).

„...bene portari тогда было необходимое свойство всякаго добраго россіянина, который, конечно, почелъ бы упущеніемъ должности своей, когда бы радостные тѣ дни ходить сталъ съ трезвою головою и не сталъ бы пить изъ сладостныхъ жизненныхъ источниковъ, увеселяющихъ только сердце. Послѣ крестинъ было повальное пьянство, домъ сгорѣлъ и младенецъ исчезъ“ (*„Странныя приключенія Могушкина“, 3*).

На свадебномъ пиру то же пьянство, которое окончилось тѣмъ, что гости.

„...всѣ легли спать въ разныхъ позахъ и разными манерами; иные подражали молодымъ, другіе спали и безъ того спокойно“ (*„Пересмѣшникъ“, II, 145*).

Иногда гости пріѣзжали уже сильно „навеселѣ“ (Неонила, 140).

Во время сытнаго и пьянаго обѣда споры велись горячіе, напримѣръ, о томъ, какое мясо вкуснѣе: черкасское или свиное. Иногда послѣ такого обѣда приходилось обращаться за помощью къ эскулапу,—но въ тѣ героическія времена и леченіе было героическое: въ одной повѣсти разсказано, какъ пьяный коновалъ, вызванный къ объѣвшемуся помѣщику, пьяному паціенту выпустилъ по ошибкѣ огромное количество крови, что не помѣшало тому весь день, слѣдующій за операціей, носиться съ гончими на лошади (*Зубоскалъ*, 8—9).

Игра въ карты была въ XVIII в. очень развита: существовали даже семейные дворянскіе дома, въ которыхъ всѣ члены въ разной мѣрѣ помогали другъ другу нечисто играть (*Евгеній*, 150).

Въ одной повѣсти отецъ, зная о шуллерствѣ своихъ сыновей, попытался было одного изъ нихъ направить на путь истинный и спросилъ:

„хорошо-ли сдѣлалъ твой братъ?“ — „очень хорошо: онъ по послѣдней ухваткѣ его обыгралъ, которую еще немногіе игроки знаютъ“ („*Сава*“, *37*).

Играли тогда особенно азартно: одинъ юный игрокъ разсказывалъ

„Что братъ его обыгралъ въ лоскъ товарища: все его имѣніе, деньги, даже послѣднюю атласную бѣлую женину исподницу съ заморскимъ кружевомъ“ *отобралъ онъ у проигравшаго* (*Сава*, *37*).

„... игроки сѣли, бросали направо, налѣво, били съ оника, и объявили, что деньги, платье и все, что онъ имѣлъ, надлежитъ имъ по народному праву“ („*Русскія Сказки*, *IV*, *102*).

Если судить по повѣстямъ XVIII в., то многіе изъ дворянъ того вѣка не отличались разборчивостью въ денежныхъ отношеніяхъ: въ повѣстяхъ встрѣчаются курьезные анекдоты о тѣхъ способахъ, которыми нѣкоторые богатые дворяне расплачивались съ заимодавцами.

„Близъ Кузнецкаго мосту жилъ господинъ, который деревнями и имѣніемъ былъ весьма богатъ, да и чинъ имѣлъ не малый, только имѣлъ похвальную для себя привычку, ходя пѣшкомъ по рядамъ, забиралъ всякіе товары не на деньги, а на счетъ, приказывая всякому за деньгами приходить въ домъ. Тамъ онъ угощалъ водкой и обходился ласково, но если кто напоминалъ о деньгахъ, того били гайдуки“ („*Похожденіе Ивана, Гостинаго сына*“, *62*).

„Какъ только придетъ къ нему купецъ съ векселемъ и станетъ просить денегъ, то онъ велитъ ему пустить кровь, слѣдовательно, тотъ купецъ не приходитъ уже къ нему цѣлый годъ: ибо пусканіе крови прежде прошествія года не бываетъ; и такъ, когда онъ учинилъ человѣкамъ пяти сіе пусканіе, то тѣ, которымъ жить милѣе, чѣмъ деньги, и совсѣмъ къ нему не ходили“ (*Пересмѣшникъ*, *IV*, *51*).

Въ другомъ романѣ упоминается о дворянахъ, которые, находясь въ дорогѣ —

„...обижаютъ крестьянъ по деревнямъ, отымаютъ у нихъ насильно лошадей, берутъ съѣстные припасы и за нихъ не платятъ, не имѣя къ тому ни малѣйшаго права, и послѣ ласкатели называютъ ихъ людьми добродѣтельными“ (*Пересмѣшникъ*, *III*, *222*).

Любопытно, что, по словамъ романтиковъ, „дворяне“ занимались даже открытымъ разбойничествомъ. Нѣкоторые отпускали своихъ крѣпостныхъ на хищные промыслы, нѣкоторые прямо становились во главѣ шаекъ. Въ нѣсколькихъ повѣстяхъ обстоятельно разсказано, какъ комфортабельно устраивались такіе „атаманы“ съ благородными вкусами и привычками

„...вошедъ въ его горницу, не мало дивился я убранству оной: она была убита цвѣтнымъ штофомъ въ золотыхъ рамахъ; большія зеркала и картины знатныхъ мастеровъ дѣлали въ ней большое впечатлѣніе“. (*Пересмѣшникъ*, *I*, *64*).

Другой романистъ, бѣгло описавъ богатство покоевъ атамана, особое вниманіе обращаетъ на иего самого:

„... сидѣлъ на обитыхъ бархатомъ креслахъ человѣкъ, имѣющій пріятный видъ, съ черною окладистою бородою, въ парчевомъ кафтанѣ“ (*Похожденія Ивана, Гостинаго сына, 47*).

Герой другого романа разсказываетъ, что, попавъ къ такому же атаману—барину, „больше 6 мѣсяцевъ“ жилъ „прямо по-боярски“. Когда онъ собрался покинуть гостепріимнаго хозяина, тотъ далъ ему на прощаніе лошадь и 2000 р. (*Зубоскалъ*, 18).

Изъ оффиціальныхъ документовъ извѣстно, что разбойничество дѣйствительно процвѣтало въ XVIII в. въ Россіи [1]); повѣсти и романы вводятъ насъ въ интимную сторону этой жизни. Мы узнаемъ, напримѣръ, что у разбойниковъ тогда были цѣлыя укрѣпленія въ лѣсахъ.

„прибыли мы къ одному рву, за коимъ сидѣли четверо на лошадяхъ въ такихъ же мундирахъ; они, отложа рогатку, впустили насъ; напослѣдокъ, пришли мы въ самую гущину лѣса, гдѣ стоялъ превеликій домъ, огороженный высокимъ заборомъ“ (*Похожденія Ивана, 47*).

Разбойничество процвѣтало и въ самой Москвѣ:

„Всякой знаетъ, что въ Москвѣ въ нынѣшнее время стало немного построжѣе, а прежде, лѣтъ за пятокъ, и карауловъ не было, почему наша братія „торговые люди“ (воры) въ отдаленныхъ отъ города мѣстахъ обитали цѣлыми домами“ (*Похожденія Ивана, 52—53*).

Завести воровскую „шайку“ тогда было совсѣмъ нетрудно (ibid. 22). Въ провинціи эти шайки представляли собой цѣлые военные отряды,

[1]) Сравни хотя бы дѣло о Ванькѣ Каинѣ и его автобіографію.

имѣвшіе иногда даже форму,—такъ одинъ разсказчикъ повѣствуетъ, какъ его спящимъ въ лѣсу нашли

„Человѣкъ съ шесть въ смурыхъ кафтанахъ и въ малиновыхъ бархатныхъ шапкахъ съ ружьями и палками". (*Пересмѣшникъ, I, 46*).

Это была банда разбойниковъ, атаманомъ которыхъ былъ помѣщикъ.

„Смурые кафтаны", „триповыя малиновыя шапки" и „ружья"—еще разъ встрѣчаются, какъ принадлежность разбойничьей формы" (ibid., 63).

Кромѣ такого „организованнаго разбоя подъ начальствомъ самого помѣщика встрѣчалось и разбойничество „случайное": крѣпостные, плохо управляемые, иногда полуголодные „пошаливали" по собственной иниціативѣ, иногда довольно крупно: особенно этотъ промыселъ соблазнялъ крестьянъ, жившихъ у большой дороги.

Любопытно еще одно бытовое явленіе, охотно отмѣчаемое въ русскомъ романѣ XVIII в.—„нищенство" злостное, съ обманомъ. Передъ нами въ повѣстяхъ XVIII в. проходитъ рядъ нищихъ симулянтовъ, которые дома у себя пользуются даже комфортомъ.

„Послѣ ужина нищіе сняли съ себя лохмотья и, оказалось, исподнія у нихъ хороши, умылись, легли спать, попарно, и, надобно знать, не на худыхъ, при томъ постеляхъ" (*Пересмѣшникъ, IV, 213*).

„Вечеромъ стали собираться толкающіеся по городу безстыдные люди и всякой, пришедши, опоражнивалъ свою мошенку въ поставленную хозяйкою чашку. Половина денегъ отправлена была въ кабакъ, при чемъ „бѣгалъ за виномъ хромой, однако, скоростью превзошелъ всякаго скорохода" (ibid., 213).

„Утромъ они встали, „натерлись нѣсколько сажею и грязью и, облекшись во вретище, пошли, куда каждаго добыча позывала" (ibid., IV, 216).

„Одинъ нищій притворялся убогимъ, а самъ былъ кутила, картежникъ: онъ собиралъ деньги, показывая на своемъ тѣлѣ раны, „кои растравлялъ нарочно чеснокомъ и горохомъ"; собравъ деньги, онъ „игралъ въ кости и карты", и однажды обыгралъ дьячка отъ Василія Блаженнаго „до самородной рубашки". (*Похожденія Ивана, 92*).

Нищій, лежа на площади, притворился умирающимъ,—позвали попа, сердобольный народъ сталъ кидать деньги на предстоящія похороны.

Одинъ изъ присутствовавшихъ зналъ, что это—продѣлки плута, поджегъ солому, на которой лежалъ „умиравшій", и тотъ пустился бѣжать безъ оглядки" (ibid).

Романы и повѣсти XVIII в. представляютъ вниманію историка длинную галлерею „типовъ", очевидно, выхваченныхъ прямо изъ жизни. Любопытно, что излюбленные „типы" русской сатиры—„щеголи" и „щеголихи" рѣдко встрѣчаются на страницахъ романа, за то романъ намѣчаетъ многіе такіе, которые нашли себѣ тонкое художественное развитіе въ русской литературѣ XIX ст.

Привожу тѣ случаи, когда мы имѣемъ дѣло съ „щеголями“ и „щеголихами“. Герой одной повѣсти передаетъ содержаніе бесѣды съ дамой:

„перестань, радость, ужасть какъ славно, ты себя раскрываешь!“—„Ето правда!“—продолжалъ я: „вы меня растрепали!“, и съ тѣмъ бросаю на нее гнилой взоръ. Послѣ малаго числа вздоховъ становлюсь опять живъ, хвалю ея шнуровку и даю волю рукамъ. Красавица говоритъ: „Ето глупость! по чести ты шутишь!“ А я далѣе... Меня ударяютъ полегоньку, но я продолжаю,—и, наконецъ, она и сама говоритъ, что ето была не шутка“. (*Русскія Сказки*, *VII*, *44*).

Одинъ русскій дворянчикъ „офранцузился“

„Почиталъ и себя не меньше, какъ выросшимъ въ Парижѣ, смѣялся всѣмъ, кои не подпрыгиваютъ на одной ножкѣ и не вмѣшиваютъ такихъ же словъ, кои не по-французски и не по-нѣмецки“ (*Зубоскалъ*, *24*).

Каковъ это былъ „стиль“, видно изъ слѣдующаго примѣра: одинъ „щеголь“ такъ ораторствуетъ:

„Мафуя! Діаблы! Аманша моя сдѣлала мнѣ энфедимитацію. Бездѣлица! Бонъ есперансъ у меня въ карманѣ, не о чемъ быть въ пансіи. Сія табакерка пуръ ла меритъ новой моей любовницы“ (*Русскія Сказки*, *IV*, *112*).

Каково было „міросозерцаніе“ этихъ офранцузившихся русскихъ видно, хоть бы, изъ слѣдующаго разсужденія:

„Цѣломудріе... Какъ ето смѣшно! Какъ ето пахнетъ русскимъ духомъ! да что ето значитъ? я отъ роду объ етомъ впервые слышу, и не знаю, что за вещь цѣломудріе!“ (*Россійская Памела*, *88*).

Щеголи заботились исключительно о томъ, что

Лежитъ до знанія дворянскаго, то есть не о любви къ отечеству, къ добродѣтели, а обращаться смѣло, говорить живо, напримѣръ, начинать рѣчь и не оканчивать, перебивать слова другихъ, всѣхъ пересмѣхать, одѣваться по модѣ и играть въ карты“ (*Русскія Сказки*, *IV*, *96*).

Другой такой щеголь высмѣивалъ всѣхъ

„Кои не попрыгиваютъ на одной ножкѣ и, не вмѣщая иностранныхъ словъ, не произносятъ ихъ навыворотъ...“ Не влюбяся любить и влюбяся не любить, ломаться, обманывать, разславлять—вотъ его времяпровожденіе“ (ibid., I, 96—97).

Старикамъ не нравились такіе юноши—одинъ съ насмѣшкой разсказываетъ, что къ его дочери сватается такой франтъ:

„шаркаетъ ногами, мигаетъ бровями, достатокъ мнѣ его извѣстенъ—голъ, что соколъ, какъ бы онъ мнѣ много ни лгалъ!“ (*Сава*, *57*).

Приведенными примѣрами исчерпываются всѣ случаи появленія „щеголей“ на страницахъ русскаго романа.

Не есть ли это самое доказательство того, что сатирическіе журналы, выдвигавшіе эти типы на первое мѣсто, грѣшили тенденціозностью—они, очевидно, слишкомъ повторяли образы чужой, ино-

земной сатиры. То, что было типичнымъ, напримѣръ, въ Германіи, то у насъ бросалось въ глаза быть можетъ только въ столицѣ.

За то, повторяю, русскій романъ XVIII в. богатъ „типами", самыми разнообразными, въ очертаніи которыхъ чувствуется не поддѣльная правда русской жизни.

Такъ, въ романахъ охотно выводился типъ „недоросля"

„Въ домъ полковника былъ привезенъ за недѣлю до этого времени его племянникъ Балабанъ. Онъ обиталъ въ мѣстахъ просвѣщенныхъ, гдѣ люди съ великимъ прилежаніемъ копятъ деньги и не знаютъ, сколько въ рублѣ копѣекъ. Сосѣди его были волки, медвѣди и зайцы; лучшее его товарищество— борзыя и гончія собаки, съ которыми онъ вмѣстѣ въ одной академіи учился лаять, пилъ и ѣлъ и спалъ вмѣстѣ". (*Пересмѣшникъ, I, 33*).

„Горебогатырь остался тогда сиротою съ одной матерью, и лучшая его забава была играть въ свайку, валяться съ робятами на травѣ, ходить по игрищамъ и, воткнувъ булавку на палку, таскать изюмъ изъ погреба, сквозь окошко" (*Сказка о Горебогатырѣ, 4*).

Другой такой „недоросль" увлекался голубями. Онъ самъ разсказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ:

„Разъ забрался къ нему въ будку отецъ и взогналъ голубей больше, нежели я хотѣлъ, и тѣмъ меня разсердилъ нѣсколько и, къ пущему моему гнѣву, многихъ растерялъ. Я его столкнулъ съ будки и тѣмъ отправилъ на тотъ свѣтъ" (*Пересмѣшникъ, II, 59*).

Полное неумѣнье воспитывать дѣтей приводило къ такимъ послѣдствіямъ:

„Вася сдѣлался совершеннымъ повѣсой, пилъ исправно, ругался хуже всякаго извощика и къ ревизіи доставилъ лишнихъ душъ съ десятокъ. Настя столь не понятна была къ наукѣ, что не умѣла счесть, сколько горячностей оказала она старостину племяннику Игнашкѣ и сколько нянюшкину сыну башмачнику Антипкѣ" (*Игра Судьбы, 94*).

Другой богачъ, винный „компанейщикъ", сыну своему далъ „вольное воспитаніе", но не наказывалъ. Сынъ ни къ чему не привыкъ—только полюбилъ гонять голубей.

„построили ему будку, и стали закупать голубей сотнями" (*Пересмѣшникъ, II, 159*).

Нѣсколько разъ въ романахъ изображается образъ купца, нажившаго деньги всѣми правдами и неправдами. Вотъ, напримѣръ, исторія одного богатства:

„въ началѣ своей жизни торговалъ въ лавкахъ и обманывалъ людей, бравши за гнилой товаръ тройной барышъ, присовокупилъ немалое имѣніе; потомъ не захотя въ одномъ томъ криводушническомъ рукомеслѣ упражняться, откупалъ бани, кабаки, мосты и перевозы, притѣснялъ и грабилъ маломочныхъ людей безъ пощады, а оттого сдѣлался немалымъ капиталистомъ и чиновнымъ („*Похожденіе Ивана*", *15*).

Изобилуютъ романы изображеніемъ и другихъ типовъ. Вотъ, напримѣръ, передъ нами разорившійся помѣщикъ-дворянинъ Пустомошнинъ,—онъ имѣетъ привычку посѣщать сосѣдей „въ обѣденное и ужинное время"—ѣстъ онъ жадно

„не имѣлъ привычки во время стола разговаривать, но вымѣщалъ сіе послѣ и при томъ съ довольнымъ разумомъ насчетъ честныхъ людей, коимъ немало стоило труда стереть съ себя намазываемыя симъ потаскаемъ пятна..." „Былъ настоящій прихлебатель, негодяй, вѣстовщикъ и лазутчикъ въ тѣхъ домахъ, въ кои имѣлъ входъ" (*„Русскія Сказки", VI, 197*).

Вотъ любопытный образчикъ россійскаго дворянина, любителя ругаться:

„Поутру, вставши съ постели, кричалъ онъ на своего слугу и кликалъ его къ себѣ: „чтобы дьяволъ тебя побралъ!.. Ванька! ..что за чортъ!.. Чтобы черти тебя взяли!.. Придешь ли ты, дьяволъ, сюда? (*„Не прямо въ глазъ, а въ самую бровь", 63—4*).

Однажды его ругань была записана и положена на столъ къ нему. Прочитавъ записку, онъ

„прочелъ и сказалъ: „Вотъ еще какой чортъ!.. Онъ еще лучше меня ругается на бумагѣ" (Ibid.).

Вотъ три молодыхъ дворянина, ухаживающихъ за одной дѣвушкой-сосѣдкой.

„Одинъ думаетъ побѣдить щегольствомъ, перемѣняетъ платья по три раза въ день, смотрится въ зеркало. Другой знатностью рода". Занятія его заключаются „въ гоньбѣ за зайцами съ соколами, за утками". Его конь былъ „увѣшанъ гербами: посреди скотовъ, составляющихъ гербы его, былъ онъ въ настоящей своей элементѣ". Третій гордился своею храбростью: „онъ разсказывалъ мнѣ о разныхъ достойныхъ дворянина своихъ подвигахъ, напримѣръ, какъ онъ дрался за землю съ сосѣдями и ихъ переувѣчилъ, какъ у другихъ отнялъ луга, а у третьихъ свезъ сжатый хлѣбъ". (*„Русскія Сказки", V, 292*).

Любопытна сценка, въ которой приводится характеристика русскихъ помѣщиковъ. Отецъ отправляетъ своего сына къ сосѣдямъ и учитъ его, какъ надо обращаться съ каждымъ изъ нихъ:

„Къ Скрягину надо являться въ старомъ кафтанѣ и говорить: „ахъ, какая дорогой пыль—все платье изгадилъ!", надо хвалить его столъ; съ Старосѣловымъ надо говорить „о войнѣ съ турками и о превосходствѣ древняго военнаго состоянія противу нынѣшняго". У Нелюдимова нельзя говорить съ его дочерью и смотрѣть пристально на его сожительницу". Надо ругать всякую вольность, иначе онъ побьетъ и дочь, и сожительницу, и сухо его приметъ. У Пилатова надо восхвалять тѣлесныя наказанія, и онъ тотчасъ будетъ отвѣчать, что, не бывши весьма драчливымъ и не переувѣча своихъ подчиненныхъ, никто не можетъ быть достоинъ своего званія"—„для забавы гостямъ раскваситъ двумъ или тремъ носы и нѣсколькихъ высѣчетъ батогами". „Ехидникъ любитъ сплетни, и при немъ надо быть злоязычнымъ". „Если тутъ же будетъ г-жа Змѣйкина, то можно наблюдать, какъ готовятся разныя пакости для вражды окрестнымъ помѣщикамъ". (*„Русскія Сказки", VII, 86*).

Вотъ характерный офицеръ „въ отставкѣ“: онъ—болтунъ, дерзокъ, великъ ростомъ, но худъ и нескладенъ“

„голова у него очень малой величины и при томъ деревянная; съ висковъ и что назади виситъ коса,—походитъ онъ на подъячаго, и въ самомъ дѣлѣ крючкотворецъ превеликій. Онъ для того родился на свѣтъ, чтобы пить, ѣсть и заводить ссоры, а больше ни къ чему не способенъ. Видите, онъ уже разстегнулъ камзолъ и хочетъ перемѣнить девятую тарелку, онъ ни одного не оставитъ цѣлаго кушанья и всѣхъ отвѣдаетъ до половины. Эта ржаная тварь вездѣ такъ ѣстъ, какъ будто бы предчувствуетъ 10-лѣтній голодъ“ („*Пересмѣшникъ*“, *I*, *10*).

Для характеристики „нравовъ“ не безъинтересенъ слѣдующій „типъ“:

„онъ былъ весьма храбрый офицеръ и на двадцатомъ еще году своего возраста мать свою родную высѣкъ розгами“ („*Пересмѣшникъ*“, *I*, *14*).

Даютъ наши романисты нѣсколько портретовъ людей, отличавшихся самодурствомъ. Одинъ, напримѣръ, богатый скряга, не позволялъ жечь ни свѣчи, ни лучины, заявляя, что

„свѣча принадлежитъ одному образу, а лучину жечь убыточно для сохраненія лѣсовъ, да и опасно въ пожарномъ отношеніи“. (*Сава*, *41—42*).

Онъ всѣхъ укладывалъ рано спать

„сказывая, что Богъ сотворилъ день для работы, а ночь для успокоенія, такъ намъ умничать не для чего, и противъ власти Божіей мудрствовать“ (ibid.).

Тотъ же романистъ нарисовалъ намъ цѣлое поколѣніе скупыхъ помѣщиковъ,

„Дѣдъ—жидоморъ, сынъ—крохоборъ, внукъ—скопидомъ,—всѣ сіи три урода, неописанные скупяги составляли чудище въ родѣ человѣческомъ. Одинъ изъ нихъ послѣ полевыхъ работъ крестьянъ посылалъ во всѣ стороны собирать милостыню, „раздавъ имъ по большому мѣдному кресту, положа на деревянную тарелку, покрывъ бѣленькой тряпочкой“. Такъ собиралъ онъ въ день до 6 рублей. Лошадей онъ кормилъ подметеннымъ на площадяхъ сѣннымъ мусоромъ. Мяса мужикамъ ѣсть не позволялъ, указывая на устройство зубовъ у людей: „зубы къ мясу не опредѣлены“, говорилъ онъ, „а имѣютъ чашки, подобныя лошадинымъ и коровьимъ“. Онъ утверждалъ, что опасно кормить мясомъ слугъ—такъ какъ „слугу должно держать такимъ правиломъ, чтобъ онъ былъ ни сытъ, ни голоденъ, ни тепелъ, ни холоденъ, ни босъ, ни обутъ, ни нагъ, ни одѣтъ; а кисельные выжимки должно давать безъ скупости—пожалуй, кушай на здоровье“. Никому въ домѣ ужинать онъ не позволялъ. Пить разрѣшалъ только воду „сколько кто похочетъ“; помня пословицу: „на хлѣбъ, на соль—и туды, и сюды,—а на воду простъ“—„брюхо—не зеркало: никто не видитъ, чѣмъ ни набей!“ (ibid., 41—3).

Въ нѣсколькихъ словахъ обрисованъ ханжа-самодуръ, помѣшанный на нравственности: онъ запретилъ въ своемъ домѣ разговаривать мужчинамъ съ женщинами, запретилъ даже имъ смотрѣть другъ на друга.

„Какъ кто провинится, баринъ въ тоску ударится: „согрѣшили мы предъ Богомъ! Какое въ домѣ моемъ стало грѣхопаденіе: мужчина на женщину глядитъ и губами шевелитъ". (Ibid, 48).

Не разъ рисуютъ романисты людей „стараго закала", не признающихъ нововведеній, напр., медицины. Одинъ изъ такихъ старовѣровъ такъ разсуждаетъ:

„старики наши за грѣхъ почитали и лѣкарей въ домъ не пускали, да не меньше нашего жили, а ежели кто, бывало, занеможетъ,—возьметъ на себя постъ и недѣли не ѣстъ, да еще положитъ въ день поклоновъ земныхъ триста, да ночью двѣсти—лучше вашего проклятаго биліарда сдѣлаетъ моціонъ. (Ibid., 43).

Вслѣдъ за карамзинскимъ Флоромъ Силиномъ, появляются на страницахъ русскаго романа изображенія добродѣтельныхъ, простыхъ русскихъ людей, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ. Немудрено, что „открытіе" въ людяхъ низкаго состоянія не только наличности сердца и ума, но даже философскихъ взглядовъ на жизнь заставило писателей русскихъ съ особымъ восторгомъ останавливаться на этихъ „новыхъ герояхъ", пришедшихъ на смѣну рыцарямъ и маркизамъ. Этимъ „новымъ героямъ" принадлежалъ весь XIX вѣкъ.

„Вы заставляете меня забывать низкость вашего состоянія, сказала ему Умозора, и чтить ваше человѣколюбіе! Конечно, добродѣтель не разбираетъ благороднаго рожденія, она, поселясь въ сердца человѣческія, затмеваетъ собою низкость рода; она рождаетъ благородныя мысли, она умягчаетъ жестокость чувствъ" (75).

„... не удивительно, если просвѣщенный человѣкъ сдѣлаетъ разумное, но разъ до сознательнаго отношенія къ добру дошелъ своимъ умомъ мужикъ—это великое дѣло".

На страницахъ русскихъ романовъ встрѣчаемъ мы не разъ свѣтлые образы простыхъ мужиковъ,—трезво и спокойно глядящихъ на жизнь. Иногда, рядомъ съ ними, авторъ нарочно ставитъ другихъ, которые были оторваны отъ земли, отъ родной деревни и испорчены „городомъ".

Такъ, въ одномъ романѣ выведены два такіе противоположные по вкусамъ мужика: одинъ—хорошаго поведенія, хорошій семьянинъ, другой—пьяница, съ презрѣніемъ относящійся къ деревнѣ; онъ смѣется надъ первымъ, говоритъ, что

„онъ годится только пахать землю, да развѣ въ рекруты".

Молодые баричи поддерживаютъ его. На это осмѣянный крестьянинъ—

„не будетъ пахотника—не будетъ и бархатника"!—ворчалъ сквозь зубы.

Очень любопытенъ одинъ разговоръ съ извозчикомъ, очевидно, записанный авторомъ безъ измѣненія:

„Сколько ты подати платишь?“ Я думаю много, съ дѣтьми вмѣстѣ. „Неимножко и трудно, отвѣчалъ извощикъ, да что жъ дѣлать! Видно, надобно столько, такъ для того и требуютъ. Вишь для насъ трудятся, сударикъ; день и ночь не спятъ другіе, а иной, батюшка, теряетъ здоровье, а служивой-то и умираетъ за насъ—тогда какъ мнѣ въ моей семьѣ и горя нѣтъ. Сколько жъ еще есть бѣдныхъ людей! Вишь имъ надобно помогать. Я одинъ всѣхъ не надѣлю, а міромъ-то—кто денежку, кто полушку—анъ бѣдному человѣку и хлѣбъ насущный, и никому это не тягостно“! (*Филонъ*, *410*).

У этого старика-извозчика два сына, одинъ—хорошій, другой—отъ рукъ отбился,—

„научился въ Москвѣ всему хорошему!... Пить, гулять, мошенничать!—это его первое дѣло. Меня не почитаетъ. Ругаетъ похабными словами... Чуть не бьетъ. Надъ старыми людьми смѣется!.. Господь знаетъ, какъ его сыра-земля держитъ! Два раза наказывалъ я его на міру, билъ его больно управитель, увѣщевалъ и священникъ—ну, какъ нѣтъ, такъ и нѣтъ“! (ibid., 407).

Когда дошло дѣло до расплаты, то сѣдокъ былъ удивленъ, что старикъ-извозчикъ считаетъ грѣхомъ „запрашивать“ лишнее. Онъ такъ разсуждаетъ по этому поводу:

„черезъ это и тебя въ грѣхъ ввелъ бы, и объ себѣ заставилъ бы худо подумать!“—„Почему же, старинушка?“ спросилъ я его съ любопытствомъ. „Куда, какъ же, батюшка! Коли бы я запросилъ съ тебя больше, такъ бы за это съ досады, можетъ быть, и выбранилъ бы меня. Вотъ бы я тебя и ввелъ въ грѣхъ. Да еще бъ ты сказалъ, батюшка: „этой какой это старичокъ! Хочетъ деньги брать и напрасно. А я, батюшка, не привыкъ этого дѣлать“!. Тутъ вдругъ онъ вынулъ изъ запазухи ломоть хлѣба и, показывая его мнѣ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: „видишь, батюшка, что я ѣмъ, то и лошадь *моя*. Она помогаетъ мнѣ въ работѣ, а я и дѣлюсь съ нею тѣмъ, что заработалъ. Да и думаю: „коли мнѣ этотъ кусокъ сладокъ, то и ей не горекъ, что мнѣ нужды, батюшка, какъ хочешь живи, а я хочу жить чистыми своими трудами, и не хочу ни одной, какова есть, полушки незаслуженной. Умру, батюшка, и не отдамъ никому отвѣта въ томъ, чего я не сдѣлалъ“! (ibid., 405).

Онъ разсказываетъ, какъ однажды вернулъ сѣдоку забытыя тѣмъ деньги, какъ надъ его честностью смѣялись товарищи-извозчики:

„я и сталъ себѣ послѣ думать: „ну коли, батюшка, деньги эти увезъ, а онѣ были, можетъ быть, чужія, либо хозяинъ былъ какой человѣкъ бѣдной? то что?.. Не пришелъ ли бы онъ на мою могилу плакаться о своемъ несчастіи?.. Я думаю, сударикъ, что его слеза дошла бы до моего гроба, и кости бы мои поворотила; а передъ Господомъ Богомъ какой бы я далъ отвѣтъ“ (ibid., 406).

Жизнью своею старикъ, въ общемъ, доволенъ

... коли обо всемъ стать сожалѣть, то и вѣку нашего не станетъ! Почему бы я зналъ, что хорошо живу, коли худа за собой не вижу? что еще мое за несчастье? Люди больше моего терпятъ! Господь Богъ и самъ сколько терпѣлъ за насъ грѣшныхъ, да еще—невинно! А мы, кажется, терпимъ по дѣламъ. Богъ все видитъ и знаетъ, а совѣсть-то вишь не молчитъ; такъ неужто онъ, Свѣтъ, не оглянется на насъ“? (ibid.).

Русская деревня и ея обитатели были для авторовъ повѣстей особо интереснымъ предметомъ разсказовъ и описаній. Любопытно, что жизнь нашихъ крестьянъ освѣтилась въ романахъ съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ: одни рисовали ея отрицательныя стороны: безотрадныя картины русской дѣйствительности, другіе—останавливались на сторонахъ болѣе свѣтлыхъ. Но любопытно то, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, и тѣ, и другіе сумѣли воздержаться отъ тенденціозности и остаться безпристрастными, объективными художниками.

Привожу нѣсколько примѣровъ. Вотъ описаніе одного захудалаго мужичка:

„Сысой Фофановъ, сынъ Дурносоновъ, крестьянинъ, родился въ деревнѣ, отдаленной отъ города хлѣбомъ и водою, бывъ повитъ пеленами, которыя тонкостью и мягкостью своею немного уступали цыновкѣ, лежалъ на локтѣ вмѣсто колыбели въ избѣ, лѣтомъ жаркой, а зимой дымной, до десяти лѣтняго возраста своего ходилъ босикомъ и безъ кафтана, претерпѣвалъ равномѣрно лѣтомъ несносный жаръ, а зимой нестерпимую стужу; слѣпни, комары, пчелы и осы вмѣсто городского жиру въ времена жаркія наполняли тѣло его опухолью. До двадцатипяти лѣтъ, въ лучшемъ уже убранствѣ противъ прежняго, т. е. въ лаптяхъ и въ сѣромъ кафтанѣ, ворочалъ онъ на поляхъ земли глыбами и въ потѣ лица своего употреблялъ первобытную жъ свою пищу, т. е. хлѣбъ и воду со удовольствіемъ“ (*Пересмѣшникъ*, *V*, *189*).

Другой герой жилъ —

„... въ такой деревнѣ, гдѣ изъ всѣхъ мужиковъ не можно сдѣлать ни одного философа,—всякой охотнѣе упражнялся въ удобреніи нивы, нежели въ познаніи самого себя“. „На какой конецъ имѣетъ онъ данную ему жизнь, имъ въ голову не приходило... Если бы съ ними объ этомъ заговорить, то они сочли бы за сумасшедшаго и пустили бы кровь“ (ibid., IV, 200—201).

Реально и въ то же время художественно-объективно изображена бѣдность деревни:

„... встрѣтилась со мною расчесанная деревня: я узналъ тотчасъ по ея платью, что не могу тутъ выпросить ни одного куска хлѣба“ (ibid., 77).

„... Что же ты пришелъ съ пустыми руками? спросилъ я у воротившагося Пантелеича; принесъ ли что?—„принесъ, сударь!“—огня—„И только?“—„Да у кого же что взять, сударь? во всей деревнѣ нѣтъ ни живого куренка!“—„Ну, такъ молока-то для чего не сыскалъ?“—Гдѣ прикажете сыскать? Нѣтъ ни бѣшеной собаки!“ (*Вояжъ моего друга*, *101*).

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько описаній внутренности избы:

„Какъ только мы туда прибыли, то и возвели насъ въ покой, хорошо убранный, гдѣ люди и скоты вмѣстѣ находились: мущины, женщины, дѣти, работники и служанки, свиньи, коровы, собаки, кошки, куры и гуси,—все было собрано тамъ, съ тѣмъ только различіемъ, что для людей было сдѣлано мѣсто нѣсколько возвышеннѣе“... Огонь горѣлъ посерединѣ на земляномъ полу, около котораго сидѣли, какъ путешественники, такъ и домашніе; очи-

щали себя отъ чаду, который весьма ихъ тревожилъ. Дымъ выходилъ въ одно отверстіе и котлы висѣли на цѣпяхъ надъ огнемъ, въ которыхъ варили они грубую свою пищу" (*Странныя приключенія Мацушкина, 222*).

„... Маленькая избенка, внутри которой носились дымныя тучи и закрывали отъ взоровъ смертныхъ лазурь закоптѣлаго потолка; по стѣнамъ и полу ползалъ неисчислимый содомъ и гоморъ, а снизу курились ароматы, достойные обитателей" (*Вояжъ моего друга, 114*).

Нерѣдки въ русскихъ повѣстяхъ сцены, дающія представленіе о грубости русской деревенской жизни.

Такъ, напримѣръ, въ одной повѣсти изображается деревенское сраженіе: изъ-за лошади, попавшей въ чужой хлѣвъ, дерутся двѣ деревни; цѣпы, дубины, колья—все пущено въ дѣло.

„Своевольные мужики обыкли больше управляться сами, нежели искать удовольствія въ правосудіи... Они въ мигъ разсудили, и каждый свое право началъ доказывать естественно, то есть оплеухами и кулаками" (*Русскія Сказки, IV, 106—107*).

„Въ ихъ глазахъ одинъ отважный съ глупостью крестьянинъ ударилъ другого въ самое темя оглоблею, не сказавъ ему, чтобы онъ посторонился, и убилъ его" (*Пересмѣшникъ, III, 229*).

По словамъ романистовъ, русскіе мужички не отличались милосердіемъ:

„рѣдкіе примутъ на себя трудъ, дабы оказать услугу нужду имѣющему и страждущему человѣку—открыть окошко и ему подать кусокъ хлѣба, или ковшъ воды" (*Странныя приключенія Мацушкина, 15*).

Но, повторяю, кромѣ указаній на эти отрицательныя стороны русской деревенской жизни, мы найдемъ не разъ картинки и свѣтлыя, и при томъ безъ приторной идеализаціи. Таковы, напримѣръ, разсказы о развлеченіяхъ сельской молодежи.

Одна дѣвушка вспоминаетъ о беззаботныхъ играхъ, хороводахъ, о томъ, какъ она

„... завивала березку, заплетала вѣночки, пѣла, плясала вокругъ душистой липки, разноцвѣтными лентами, жемчужными ожерельями обвѣшенной" (*Обманутый мудрецъ, 83*).

Деревенскія пляски происходили „по гудку" (*Похожденія Ивана*, 211).

„Во время Святковъ во всѣхъ мѣстахъ на Руси у обоего пола, возраста, достоинства и достатка людей, бываютъ ночныя сборища: въ городахъ комедіи, въ деревняхъ у дворянъ—вечеринки, а у крестьянъ и другой черни игрища" (ibid., 115).

... „не только во время святочнаго торжества въ Руси бываютъ ночныя сборища и забавы, то же самое случается и объ масляной недѣлѣ" (ib. 121).

Вотъ подробное описаніе сельскихъ забавъ. Молодежь танцуетъ подъ свирѣль, а

„подгулявшіе старички, сидѣвшіе въ кружокъ, съ удовольствіемъ вспоминая о своей молодости, смотрѣли на нихъ умильнымъ окомъ и, не вытерпя, присоединились къ молодымъ, но, чувствуя, что обветшалыя силы ихъ не позволяютъ имъ рѣзвиться, что отъ десяти прыжковъ они устали, принужденными нашлись отъ хороводу удалиться и сказать, что у нихъ головы закружились“ (*Роза и Любимъ. 39*).

„Ничего не было забавнѣе, какъ смотрѣть на толпу барскихъ барынь, пышно наряженныхъ, которыя со всевозможнымъ жеманствомъ открыли сельской балъ пляскою со смѣшными кривляніями. Потомъ заиграла роговая музыка разныя охотничьи пѣсни, марши и городскія танцовальныя штуки, коимъ прилежно внимали вокругъ ушатовъ, наполненныхъ пивомъ и виномъ, сидящіе раскраснѣвшіеся мужички; но вдругъ они вскакиваютъ, надѣваютъ шляпы, берутъ своихъ женъ и подругъ, начинаютъ прыгать, держа въ одной рукѣ деревянный, или глиняный стаканъ съ виномъ, а въ другой свою даму. Имъ нѣту нужды въ томъ, что играютъ, пѣсню ли, польской ли, маршъ ли, минуетъ ли,—они только прыгаютъ, несмотря на то, что вино изъ стакановъ ихъ плещется“ (*Россійская Памела, 66*).

„... Наконецъ, наступилъ толико желанный имъ день. Село его наполнилось тогда разряженными крестьянами и крестьянками, въ числѣ коихъ было довольно наипрекраснѣйшихъ. Ни одинъ, проѣзжій мимо его окошекъ, поселянинъ изъ другой деревни, пріѣхавшій со своею наряженною въ блестящее, но не роскошное платье семьею и сидящею въ телѣгѣ, не преминулъ того, чтобы не снять передъ нимъ пестрыми лентами перевитой своей шляпы, и не прокричать ему послѣ низкаго поклона поздравленія съ праздникомъ и желанія многолѣтней жизни“ (ibid., 61).

... Веселость продолжалась до самаго вечера, по наступленіи коего всѣ пошли по домамъ, таковымъ порядкомъ: молодыя дѣвушки шли кучею впередъ, за ними холостые молодцы, а за ними подгулявшіе крестьяне съ женами, приплясывая и крича нескладныя пѣсни, коими заглушалося согласное пѣніе лѣповидныхъ предшественницъ и сановитыхъ предшественниковъ. Сіе шествіе блаженствующихъ и счастливыхъ поселянъ замыкалося старостою и важнымъ толстобрюхимъ прикащикомъ (*Россійская Памела, 66*).

Не разъ романисты указывали на хорошія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, о той любви, которою платили тѣ своимъ господамъ.

Меня отдали въ солдаты еще при покойномъ дѣдѣ нынѣшняго князя. Дай Богъ ему царство небесное! былъ добрый господинъ. Онъ былъ отецъ нашъ, а не господинъ. Самъ зналъ службу и нужду видалъ (10). Самъ служилъ царю Петру Первому; а тогда служба потруднѣе была (*Храбрый Философъ, 10*).

„Вашъ батюшка, продолжалъ однодворецъ, былъ добродѣтельной человѣкъ,—онъ далъ мнѣ хлѣбъ насущный, онъ записалъ сына моего въ службу, онъ посѣщалъ меня, дрожащія руки мои нерѣдко прижимали его къ моей изсохшей груди: позволь (сквозь слезы говоря), позволь, любезное дитя, мнѣ и тебя также обнять“ (*Россійская Памела, 4—5*).

Въ одной повѣсти разсказана трогательная исторія о томъ, какъ обѣднѣвшій дворянинъ принужденъ былъ продавать своего преданнаго слугу.

„... Петръ—такъ звали его—послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливой борьбы съ самимъ собою, напослѣдокъ, всхлипывая, воскликнулъ: „Баринъ! не продавай меня. Руки мои здоровы, голова также. Отпусти меня по паспорту, и я надѣюсь пропитать тебя“ (*Филонъ*, *15*).

„Поселяне справедливо называли его ангеломъ-утѣшителемъ своимъ. Съ какою ласкою укрощалъ онъ ихъ распрю и съ какимъ восхищеніемъ обличалъ судьбу несчастнаго“ (*Роза*, *3*).

Особенно въ романахъ конца XVIII в. подчеркнуто признаніе за крестьянами человѣческихъ чертъ: „Бѣдная Лиза“ Карамзина въ этомъ отношеніи имѣла особое значеніе:

„Чувствовать умѣетъ и всякая крестьянка“ (*Ростовское озеро*, 310).

„Чувствительность встрѣчается намъ и въ низкомъ состояніи; она сопряжена съ любовію природы“ (*Бѣлецъ*, 401).

Любовь дворянина къ простой крестьянской дѣвушкѣ фигурируетъ не разъ на страницахъ русскаго романа XVIII вѣка.

„Любовь къ простой дѣвѣ не есть порокъ“ (*Кадмъ и Гармонія*, *81*).

„Добродѣтели, а не порода дѣлаютъ людей почтенными“ (*Полидоръ*, *139*).

„Человѣчество не въ знатности рода состоитъ, а въ поступкахъ достойныхъ человѣка (ib., 24).

Въ одномъ романѣ герой женится на крестьянкѣ, такъ какъ не считаетъ это для себя унизительнымъ („Полидоръ“, 36); въ другомъ романѣ герой называетъ предразсудкомъ установившееся мнѣніе, что жениться на „простой“ неприлично,

... „предразсудокъ тамъ только полезенъ, гдѣ онъ отражаетъ или удерживаетъ зло; а тамъ онъ есть самъ зло, гдѣ сражается съ добродѣтелью. И лучше жениться на поселянкѣ да на благонравной, нежели на знатной и на богатой графинѣ“ (*Россійская Памела*, 46).

„неужели только по одному равенству можно любить? Неужели состоянія препятствуютъ? Вѣдь онъ такой же человѣкъ, какъ и я, такъ чѣмъ же мы неравны“. („*Россійская Памела*“, *121*).

„...красавица низкаго состоянія столь же любезна, сколько и самая прелестная царевна“ (ibid., 21).

Не разъ въ романахъ попадаются образы вѣрныхъ преданныхъ „дядекъ“ — слугъ и старыхъ нянь. Они являются часто въ роли „утѣшителей“—друзей. Напримѣръ:

„Сѣдая голова его склонилась къ колѣнямъ стоящаго господина; спина скорчилась; одна рука повисла къ землѣ, другая держалась за полу молодого человѣка. Сей послѣдній наклонился и положилъ одну руку на плечо старика, который, почувствовавъ ее на себѣ, приподнялъ голову, взглянулъ на него и, сквозь слезы, сказалъ прямымъ сердечнымъ языкомъ: „баринъ, любезной мой баринъ!“ Лица ихъ сближались,—они бросились другъ къ другу въ объятія; слезы смѣшивались... Въ сію минуту исчезло для нихъ человѣческое неравенство. Забывъ всѣ общественныя различія, они обнимались, какъ человѣкъ съ человѣкомъ“ (27).

Героиня одного романа сильно влюбилась и тосковала. Тайну ея сердца узнала ея старая няня,

„которую она любила безмѣрно и которая прилѣплена была къ ней всей душою. Сія добрая женщина, хотя съ великимъ трудомъ, но извлекла тайну изъ сердца Юліи“.

Желая помочь Юліи, старуха явилась къ герою и—

„стараясь удержать текущія слезы, говоритъ ему томнымъ голосомъ: „я настрадалась, глядя на бѣдную мою барышню; она вянетъ, какъ цвѣтокъ въ полѣ... Ты, сударь! ты возмутилъ покой и веселость ея молодыхъ лѣтъ... Ахъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ сюда? Но естьли ты добрый и честный господинъ, то жизнь ея съ тобою будетъ счастлива. Ежели мила тебѣ Юлія, то проси ее у батюшки... Можетъ быть, самъ Царь Небесный создалъ васъ другъ для друга, можетъ, Онъ судилъ вамъ быть благополучными вмѣстѣ,—а мы какъ бы рады были увидѣть въ тебѣ нѣкогда нашего господина“ (52).

Нѣсколько разъ мелькаютъ въ романахъ симпатичные образы дворянъ, честно послужившихъ отечеству и мирно доживающихъ свои дни въ родной деревнѣ.

„Мы заговорили о тѣхъ временахъ, когда русскіе дворяне, послуживъ вѣрою и правдою, послуживъ Богу, Царю и отечеству, возвращались въ свои помѣстья, жили въ деревенскихъ замкахъ своихъ, какъ маленькіе царьки, гуляли съ своими сосѣдями, и въ тѣ веселыя минуты, когда оссіанская чаша радости вокругъ ходила, разсказывали другъ другу свои славные подвиги и показывали раны, полученныя ими въ служеньѣ отечеству. Ліодоръ, согласно съ ними утверждалъ, что тогда было въ дворянахъ нашихъ болѣе духа, болѣе характерной твердости, нежели нынѣ, когда мы, погнавшись за блестящею наружностью другихъ націй, оставили все то, чѣмъ Богъ и Натура хотѣли отличить насъ отъ другихъ народовъ, оставили, забыли самихъ себя и сдѣлались во всемъ учениками, не будучи мастерами ни въ чемъ“ (*„Ліодоръ“, 315*).

„... Помѣщикъ этотъ служилъ 34 года въ военной службѣ безъ всякаго пороку и теперь въ отставкѣ, въ чинѣ первостатейнаго сотника, живетъ въ деревнѣ благополучно, имѣетъ дѣтей и старается уготовить ихъ для защищенія отечества“ (*„Пересмѣшникъ“, V, 196*).

Въ одномъ романѣ выведенъ служилый дворянинъ фамиліи

„хотя незнатной, но добродѣтельной и честной“—отецъ и сынъ служили отечеству вѣрно въ походахъ, на поляхъ Пруссіи, Польши и Турціи, ихъ „фамилія“ за главный предметъ всегда поставляла себѣ исполнять въ точности безъ нарушенія законы, предписанные природою для всякаго смертнаго“ (*Похожденіе россіянина, 2*).

Такихъ простыхъ благодушныхъ людей, которые и жили и умирали по „законамъ природы“, было не мало. Мы не разъ встрѣчаемъ изображенія простаго русскаго дома, въ которомъ жизнь течетъ спокойно и тихо (ср. семью Лариныхъ), но въ то же время не съ „идиллической тишиной“, а очень похоже на правду. Вотъ, напримѣръ, описаніе одного дома,—собрались гости:

„тутъ не такъ, какъ въ знатныхъ домахъ гости, забывая о малопекущейся о нихъ хозяйкѣ, отъ скуки не занимаются ни картами, ни разсматриваньемъ сладострастіемъ дышащихъ картинъ... Тутъ никто никого не пересуживалъ, не поносилъ, язвительныя насмѣшки никого не обижали",—рѣчи велись о плодородіи, о милостяхъ Божіяхъ и Царскихъ, о добродѣтеляхъ человѣческихъ, о сожалѣніи ближняго и о прочемъ сему подобномъ. Хмельная брага замѣняла вино, и она для нихъ вкуснѣе была дорогихъ напитковъ" (*„Веселая бесѣда"*, *39*).

Предложенныя въ этой статьѣ „черты изъ жизни русской XVIII-го вѣка представляютъ собой пеструю мозаику, отдѣльные кусочки которой представляютъ конечно различную цѣнность.

Тѣмъ не менѣе историческое значеніе ихъ несомнѣнно; стоитъ эти „черты", выбранныя изъ романовъ, сравнить съ тѣми, которыя легко извлечь изъ записокъ и мемуаровъ [1),—и мы увидимъ, что матеріалъ, собранный въ моей статьѣ, имѣетъ все значеніе историческаго. Въ немъ есть еще то достоинство, котораго нѣтъ въ матеріалѣ, извлеченномъ изъ записокъ: онъ ярче, рѣзкостороннѣе, онъ глубже вводитъ въ обыденную жизнь русскаго общества.

Правдивость этого матеріала свидѣтельствуется великими русскими писателями, изображавшими русскую жизнь. Романы XVIII в. слабо поддерживаютъ сатирическую литературу XVIII вѣка, и они несомнѣнно поддерживаютъ Пушкина (семейство Гриневыхъ, жизнь въ деревнѣ Лариныхъ), Грибоѣдова (Московская жизнь), Гоголя (чиновничество, типы), даже Островскаго (купечество). Еслибы удалось такую же работу сдѣлать надъ романомъ начала XIX вѣка, мы имѣли бы въ распоряженіи богатый матеріалъ, объясняющій многое въ творчествѣ русскихъ писателей XIX столѣтія.

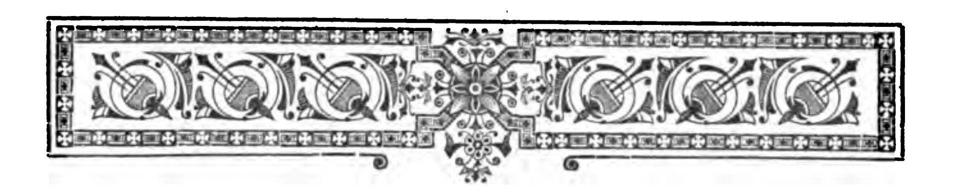
„Черты русской" жизни XIX в., извлеченныя изъ повѣстей, имѣютъ также большое историко-литературное значеніе: онѣ ясно доказываютъ, что русскіе романисты уже въ XVIII в. были „реалистами" по преимуществу, которые умѣли выхватывать изъ русской дѣйствительности яркія сцены и живые типы,—многіе изъ нихъ вполнѣ сознательно понимали эту жизнь и освѣщали ее болѣе правильнымъ свѣтомъ, чѣмъ сатирики и моралисты.

П. Сиповскій.

---

[1] Ср., напримѣръ, интересную работу г. Чечулина „Русскій провинціальный бытъ XVIII в."—работу, составленную по тѣмъ матеріаламъ, что можно было извлечь изъ русскихъ мемуаровъ XVIII в.

Протоіерей Николай Θедоровичъ Раевскій.

1804—1857 гг.

Въ 1904 году исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія протоіерея Николая Θедоровича Раевскаго. Въ скоромъ времени предстоитъ пятидесятилѣтіе со дня его кончины. Н. Θ. Раевскій былъ многіе годы законоучителемъ I кадетскаго корпуса въ Петербургѣ, затѣмъ наблюдателемъ по Закону Божію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ концѣ жизни настоятелемъ соборовъ Смольнаго и каѳедральнаго Петропавловскаго. Въ своей пастырской дѣятельности онъ не проявилъ исключительныхъ дарованій или особо глубокихъ богословскихъ познаній, которыя бы могли поставить его на-ряду съ нашими знаменитыми іерархами, подобными Филарету Московскому или Иннокентію Херсонскому, или съ ученымъ протоіереемъ Г. П. Павскимъ, онъ даже пользовался меньшей извѣстностью, чѣмъ его младшій братъ, протоіерей Михаилъ Θедоровичъ Раевскій, настоятель въ теченіе сорока лѣтъ церкви при русскомъ посольствѣ въ Вѣнѣ, сотрудникъ князя А. М. Горчакова и московскихъ славянофиловъ въ дѣлѣ возрожденія національнаго самосознанія австрійскихъ славянъ и привлеченія ихъ къ нравственному общенію съ нашимъ отечествомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ человѣкъ искренняго религіознаго убѣжденія, незауряднаго образованія, рѣдкой теплоты сердца и какъ талантливый законоучитель и проповѣдникъ, стремившійся къ непосредственному доброму воздѣйствію въ вопросахъ практической жизни, Н. Θ. Раевскій цѣльностью своей гармоничной натуры явилъ собою образецъ истиннаго пастыря, благое вліяніе котораго при обширности круга лицъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, распространилось далеко за предѣлы его дѣятельности. Это побудило насъ познакомить въ настоящемъ очеркѣ съ его жизнью и трудами.

I.

Родился Н. Ө. Раевскій 29 мая 1804 года въ г. Арзамасѣ Нижегородской губерніи. По семейному преданію прадѣдъ его переселился изъ Кіева вмѣстѣ съ святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ, при которомъ состоялъ посошникомъ и келейникомъ, и имъ же впослѣдствіи былъ посвященъ въ священники. Дѣдъ его, неизвѣстно какимъ путемъ, перешелъ на службу въ Нижегородскую епархію, а отецъ, Өедоръ Герасимовичъ, состоялъ священникомъ при Благовѣщенской церкви г. Арзамаса, лучшей въ то время приходской церкви города. Кромѣ прямыхъ обязанностей Ө. Г. Раевскій занимался дѣлопроизводствомъ въ существовавшій тогда въ Арзамасѣ женской Алексѣевской общинѣ, полуиноческомъ учрежденіи, славившемся иконописью и изяществомъ рукодѣлій, что̀ давало ему средства для содержанія и воспитанія семьи. Зная древніе языки, онъ самъ приготовилъ сыновей къ поступленію въ семинарію, такъ что они избѣжали ученія въ низшемъ духовномъ училищѣ. Дѣти Ө. Г. не были лишены чтенія и соотвѣтствовавшихъ ихъ возрасту книгъ. Впослѣдствіи Н. Ө. вспоминалъ съ удовольствіемъ о едва-ли извѣстномъ теперь „Дѣтскомъ чтеніи“, въ изданіи котораго участвовалъ Н. М. Карамзинъ. Вообще г. Арзамасъ, находившійся въ то время на перепутьи между подмосковными и степными губерніями, съ своими салотопенными и др. заводами, составлялъ нѣкоторый торгово-промышленный центръ, привлекавшій къ себѣ на зиму и окрестныхъ помѣщиковъ, имѣвшихъ въ немъ свои дома; общеніе съ ними поддерживало умственную жизнь населенія города. Значеніе Арзамаса еще возрасло въ періодъ отечественной войны 1812 г., когда многія московскія семейства, въ особенности изъ уроженцевъ дальнихъ приволжскихъ губерній, покинувъ Москву, выбрали его, какъ ближайшій городъ за р. Окой, для временнаго проживанія впредь до выясненія хода войны, и послѣ пожара Москвы оставались въ немъ, иныя нѣсколько лѣтъ, пока возобновлялись тамъ ихъ сгорѣвшіе дома. Памятникомъ этого времени до сихъ поръ остается въ Арзамасѣ выстроенный на средства москвичей, въ благодарность его жителямъ за данный пріютъ, величественный соборъ. Однимъ изъ первыхъ воспоминаній дѣтства Н. Ө. было то, какъ онъ, восьмилѣтній мальчикъ, осенью 1812 г. прибѣгалъ къ отцу въ церковь съ только-что полученной газетой, заключавшей въ себѣ реляцію о томъ, либо другомъ побѣдоносномъ въ то время сраженіи, и прочитывалъ послѣднюю отцу, пока Ф. Ө. совершалъ проскомидію, при чемъ поминалъ погибшихъ и оставшихся въ живыхъ воиновъ.

Уже на двѣнадцатомъ году Н. Ѳ. былъ отвезенъ въ Нижній, въ семинарію. Жизнь въ ней не оставила въ немъ тяжелыхъ воспоминаній. Съ одной стороны онъ нашелъ тамъ хорошихъ товарищей, которые, щадя его молодые годы, не брали его въ участники не совсѣмъ похвальныхъ увеселеній, а съ другой онъ встрѣтилъ ласковый и разумный привѣтъ у родственниковъ, да и относительная близость Арзамаса дозволяла ему пользоваться родительскимъ домомъ въ каникулярное время и большіе праздники. Въ памяти Н. Ѳ. остались веселыя прогулки, которыя предпринимались семинаристами въ весеннее время за Волгу, въ широкіе ея луга и въ лѣсъ, съ вѣдома и даже по указанію иныхъ доброжелательныхъ ректоровъ и архіереевъ, при участіи въ нихъ профессоровъ. Но особенное наслажденіе доставляло Н. Ѳ. посѣщеніе городскаго театра, которому покровительствовалъ въ то время, и едва-ли не содержалъ, извѣстный меценатъ князь Шаховской. До послѣднихъ лѣтъ жизни Н. Ѳ. вспоминалъ о горькихъ слезахъ, которыя вызывали у него пьесы Коцебу, особенно сцена изъ „Гусситовъ подъ Наумбургомъ", гдѣ мать не можетъ рѣшиться, кого изъ дѣтей выдать въ заложники непріятелю, и о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него трагедіями Шекспира.

Окончивъ курсъ семинаріи, Н. Ѳ., какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, былъ выбранъ для поступленія въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь, по его словамъ, молодость лѣтъ на первыхъ порахъ не послужила ему на пользу. Серьезныя богословскія науки не привлекали къ себѣ пылкаго юношу. Здоровье его, въ переходномъ возрастѣ, трудно переносило петербургскій климатъ. Онъ мало посѣщалъ лекціи и большую часть времени проводилъ въ чтеніи, оставаясь зимой въ спальняхъ, а лѣтомъ лежа подъ деревьями въ прекрасномъ академическомъ саду. Богатая библіотека академіи, поступившая въ нее изъ упраздненной іезуитской коллегіи, послужила ему въ этомъ отношеніи большимъ подспорьемъ. Такъ какъ она заключала въ себѣ много сочиненій на иностранныхъ языкахъ, особенно на французскомъ, то Н. Ѳ. усердно изучилъ этотъ языкъ и прочелъ въ подлинникѣ произведенія знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ XVII вѣка, Боссюэта, Фенелона, Масильона и др. Изъ числа ихъ, къ удивленію, ему особенно понравился Бурдалу, несмотря на отсутствіе особенной глубины мысли и полета фантазіи, быть можетъ потому, что его назиданія были направлены къ вопросамъ обыденной жизни людей средняго состоянія. Здѣсь же Н. Ѳ. основательно познакомился съ твореніями первыхъ отцовъ церкви, особенно Іоанна Златоуста, этого образца нѣжной, любящей души, и съ многими историческими сочиненіями. Чтеніе это несомнѣнно положило зада-

токъ того практическаго и историческаго направленія, которымъ впослѣдствіи были проникнуты его труды. Между прочимъ Н. Ѳ. случилось въ это время пріобрѣсти два экземпляра дѣланнаго библейскимъ обществомъ перевода священнаго писанія на русскій языкъ, при чемъ это пріобрѣтеніе имѣло для него курьезное послѣдствіе. Когда, съ измѣненіемъ направленія въ тогдашнихъ высшихъ сферахъ, послѣдовало распоряженіе объ отобраніи этого перевода отъ лицъ, его имѣвшихъ, то Н. Ѳ. возвратилъ одинъ экземпляръ, а другой сохранилъ до времени. Къ сожалѣнію, это обнаружилось, и отъ Н. Ѳ. былъ отобранъ и второй экземпляръ, а самъ онъ, уже въ бытность священникомъ, по указу консисторіи, былъ подвергнутъ наблюденію мѣстнаго благочиннаго. Наблюденіе это оставалось въ силѣ, доколѣ онъ самъ не сдѣлался благочиннымъ. Произошелъ съ нимъ въ академіи и другой случай, который могъ имѣть печальныя послѣдствія, если бы не разумное и снисходительное отношеніе тогдашняго ректора, преосвященнаго Григорія, впослѣдствіи митрополита Петербургскаго. У Н. Ѳ., въ бытность въ академіи, образовался прекрасный голосъ, онъ принялъ дѣятельное участіе въ хоровомъ пѣніи, но, какъ часто бываетъ съ усердными пѣвцами, занятіе это стало пріобрѣтать нежелательный характеръ. Въ одинъ изъ вечеровъ о. ректоръ засталъ нашего пѣвца въ неподходящей обстановкѣ, но, какъ бы не обративъ на это вниманія, поручилъ инспектору академіи, также уроженцу Нижегородской губерніи, пригласить къ себѣ Н. Ѳ., угостить его чаемъ и поговорить съ нимъ по душѣ о неприличіи поведенія, при чемъ прибавилъ: „онъ вѣдь человѣкъ хорошій“. Порученіе это было въ точности исполнено архимандритомъ Іоанномъ и вызвало въ Н. Ѳ. на всю жизнь чувство глубокой признательности къ пр. Григорію, человѣку замкнутому, суровому, но правдивому и доброжелательному. По словамъ Н. Ѳ. курсовое сочиненіе, рѣшавшее судьбу студентовъ, ему очень удалось, и онъ, при окончаніи курса, былъ удостоенъ степени магистра.

По существовавшему порядку Н. Ѳ. былъ затѣмъ, въ 1825 году, назначенъ профессоромъ Архангельской семинаріи. Какъ ни пріятно было для отца его окончаніе сыномъ учебнаго курса и вступленіе на служебный путь, но отдаленность города и суровый климатъ пугали ихъ обоихъ. Впрочемъ, судьба скоро и при томъ оригинально помогла Н. Ѳ. перемѣнить мѣсто службы. Не прошло года, какъ въ Петербургѣ открылось мѣсто протодіакона при каѳедральномъ Петропавловскомъ соборѣ, и епархіальное начальство, по указанію нѣкоторыхъ товарищей его, помнившихъ о его прекрасномъ голосѣ, предложило ему это мѣсто. Хотя предложеніе это не соотвѣтствовало полученному имъ образованію и академической степени, но притяга-

тельная сила столицы взяла верхъ, и онъ въ апрѣлѣ 1826 года прибылъ въ Петербургъ, подвергшись въ пути опасности утонуть въ одной изъ сѣверныхъ рѣкъ. Вслѣдъ за тѣмъ, по полученіи посвященія, онъ въ скоромъ времени долженъ былъ принять участіе въ погребеніи скончавшейся въ г. Бѣлевѣ супруги императора Александра I, императрицы Елизаветы Алексѣевны. При возглашеніи „вѣчной памяти" онъ обратилъ на себя общее вниманіе красотой музыкальнаго голоса.

Новое мѣсто службы сблизило Н. Ѳ. съ почтеннымъ настоятелемъ собора С. И. Колосовымъ, членомъ россійской академіи, получившимъ къ нему искреннее расположеніе. Они подолгу сиживали въ садикѣ при домѣ Петра Перваго, противъ церковнаго дома, въ серьезномъ разговорѣ, обмѣниваясь старческимъ опытомъ и свѣжестью молодой мысли. Одинъ разъ только, по словамъ Н. Ѳ., онъ не послушался уважаемаго начальника, когда на просьбу его о дозволеніи съѣздить въ Арзамасъ для посѣщенія родителей, тотъ къ удивленію сталъ ему отсовѣтывать, ссылаясь на вѣроятную разность ихъ образованія и взглядовъ и на обычно возникающія въ такихъ случаяхъ между отцами и дѣтьми отчужденность и разочарованіе. Свиданіе съ родителями, не сочувствовавшими выпавшему Н. Ѳ. роду службы, укрѣпило въ немъ намѣреніе искать священства. Къ счастію скоро открылось мѣсто священника въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, которое Н. Ѳ. получилъ безъ труда, понравившись какъ начальству корпуса, такъ и тогдашнему митрополиту Петербургскому Серафиму, оцѣнившему его скромность въ принятіи дьяконскаго сана. 25 декабря 1826 года Н. Ѳ. служилъ первую обѣдню въ церкви кадетскаго корсуса. Радость родителей его, при полученіи извѣстія о происшедшей перемѣнѣ въ жизни сына, не имѣла границъ. Любящій Ѳ. Г. не могъ удержаться отъ слезъ, помянувъ въ первый разъ о здравіи „іерея Николая" и въ письмѣ къ сыну, на высказанное имъ опасеніе по поводу незначительности въ то время содержанія духовенства военно-учебныхъ заведеній, останавливая сына, замѣтилъ, что „мѣста слѣдуетъ мѣрить не средствами, а людьми, съ которыми на нихъ обращаешься".

II.

Поступленіе Н. Ѳ. въ первый кадетскій корпусъ совпало съ переходнымъ временемъ въ жизни нашихъ военно-учебныхъ заведеній. Какъ извѣстно, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I внѣшнія европейскія событія, послѣдовавшія за отечествен-

ной войной, привлекали къ себѣ преимущественное вниманіе государя, побуждали его къ частымъ заграничнымъ поѣздкамъ и тѣмъ ослабляли его вліяніе на внутреннія дѣла государства, предоставленныя почти исключительному вѣдѣнію фронтовика-Аракчеева. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ и арміи, подъ вліяніемъ знакомства съ просвѣтительными идеями энциклопедистовъ и съ порядками Западной Европы, быть можетъ поверхностно понятыми и не соображенными съ существованіемъ въ то время у насъ крѣпостнаго права, шло глухое броженіе, котораго не могла остановить одна матеріальная сила и которое окончательно выразилось въ событіи 14 декабря 1825 года. Военно-учебныя заведенія раздѣляли въ то время, съ прочими образовательными учрежденіями, общую участь недостаточнаго вниманія къ нимъ правительства. Главнымъ начальникомъ ихъ считался цесаревичъ Константинъ Павловичъ, но за нахожденіемъ его въ Варшавѣ фактическое завѣдываніе кадетскими корпусами принадлежало перемѣнному составу генераловъ, не всегда стоявшихъ на высотѣ задачи. Съ наступленіемъ новаго царствованія явилась потребность перемѣнъ. Въ частности, первый кадетскій корпусъ—преемникъ шляхетскаго кадетскаго корпуса временъ Анны Іоанновны, Елизаветы и Екатерины, этой общины молодыхъ дворянъ, посвящавшихъ себя изученію высшихъ военныхъ и гражданскихъ наукъ,—будучи дополненъ въ концѣ XVIII вѣка болѣе скромнымъ общеобразовательнымъ курсомъ для младшихъ возрастовъ, представлялъ въ то время собою неопредѣленный типъ заведенія, имѣвшаго цѣлью не то широкое гуманитарное образованіе съ спеціальнымъ оттѣнкомъ, не то цеховую военную школу. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и преподаваніе закона Божія въ немъ имѣло двойственный характеръ. Въ высшихъ классахъ оно было возложено на ученыхъ архимандритовъ изъ числа такъ называемыхъ, вызываемыхъ на череду, для исполненія обязанностей по духовной цензурѣ и т. п., въ младшихъ же оно лежало на священникѣ корпусной церкви. Понятно, что первые, спѣша отбыть годичную обязанность, ограничивались случайнымъ изложеніемъ какого-либо одного отдѣла катехизическаго ученія, а вторые, поглощенные церковной службой и исполненіемъ требъ среди значительнаго корпуснаго персонала, не всегда удовлетворяя даже скромному общеобразовательному цензу, довольствовались передачей ученикамъ самыхъ элементарныхъ истинъ вѣроученія. Поэтому, когда было приступлено къ упорядоченію учебной части, то перемѣна коснулась и законоученія: было рѣшено возложить его на одно лицо—корпуснаго священника, при чемъ, само собою разумѣется, было возвышено требованіе отъ него педагогическаго ценза. Такимъ лицомъ и остался Н. Ѳ. въ первомъ кадетскомъ корпусѣ.

Особенная заботливость правительства о военно-учебныхъ заведеніяхъ проявилась со времени назначенія главнымъ начальникомъ ихъ, въ 30-хъ годахъ, великаго князя Михаила Павловича и помощникомъ его, въ званіи начальника штаба, Я. И. Ростовцева, тогда еще полковника, впослѣдствіи извѣстнаго сподвижника императора Александра II-го. Замѣчательно доброе сердце великаго князя памятно всѣмъ, соприкасавшимся въ тѣ годы съ воспитательнымъ и учебнымъ дѣломъ въ кадетскихъ корпусахъ. Съ своей стороны, молодой Ростовцевъ, желая оправдать довѣріе правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ, устройствомъ важной въ странѣ воспитательной части, возвратить расположеніе къ себѣ общества, поколебленное ролью въ событіи 14 декабря, самъ человѣкъ образованный и примыкавшій къ литературному міру, не щадилъ стараній къ привлеченію въ корпусъ лучшихъ педагогическихъ и научныхъ силъ. Достаточно припомнить имена Остроградскаго, Петрушевскаго, Кушакевича, Шульгина, Прокоповича, Добровольскаго, Макина, Соколовскаго, и другихъ. Судьба судила и Н. Ѳ. Раевскому стать среди этихъ полезныхъ дѣятелей.

Выступивъ на поприще законоученія въ молодые годы, Н. Ѳ., конечно, не могъ сразу внести законченнаго плана учительства. Его натура, теплая и жизненная, чуждалась сухой догматики, да онъ и не находилъ нужнымъ передавать схоластическихъ подробностей воспитанникамъ, не приготовлявшимся къ спеціальной богословской сферѣ. Наиболѣе привлекала его нравственная сторона ученія религіи, ея воздѣйствіе на выработку людей долга, добрыхъ членовъ семейства и общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ у Н. Ѳ. укрѣпилось твердое убѣжденіе въ возможности усвоенія дитятей и даже юношей отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ не иначе, какъ путемъ добраго примѣра, въ рѣшительномъ значеніи въ этомъ отношеніи окружающей съ дѣтства среды, неуловимо, органически вырабатывающей нравственную личность человѣка, и въ благотворности передачи воспитаннику отвлеченныхъ обобщеній идей истины и добра лишь послѣ того, какъ зачатки этихъ истинъ сами собой сроднятся съ его природой подъ вліяніемъ конкретнаго примѣра, и самое ученіе это явится для него лишь какъ бы синтезомъ заложенныхъ въ немъ жизненныхъ основъ. Исходя изъ этой мысли, Н. Ѳ. находилъ лучшимъ видомъ законоученія для младшаго возраста ознакомленіе съ новозавѣтной исторіей и уже послѣ того съ самимъ христіанскимъ вѣроученіемъ, особенно съ заключащимся въ нагорной проповѣди. Но и съ переходомъ къ преподаванію въ старшемъ возрастѣ, когда съ развитіемъ умственныхъ способностей ученика и осложненіемъ окружающаго его міра въ душѣ его зарождаются болѣе глубокіе нравственные запросы, Н. Ѳ. также признавалъ наилучшимъ способомъ религіознаго воз-

дѣйствія прежде всего знакомство съ высокими примѣрами добродѣтели, проявленными жизнью христіанъ первыхъ вѣковъ, и съ біографіями наиболѣе знаменитыхъ подвижниковъ и учителей христіанства. Въ заключеніе онъ ставилъ ознакомленіе съ самыми твореніями отцовъ церкви, съ ихъ глубокими нравственными мыслями и въ связи съ нимъ повторительное толковое чтеніе Евангелія, которому Н. Ѳ. придавалъ особенное значеніе на порогѣ вступленія молодаго индивидуума въ практическую жизнь. Такимъ образомъ, методъ вѣроученія Н. Ѳ. можетъ быть названъ нравственно-историческимъ. На укрѣпленіе въ Н. Ѳ. убѣжденія въ благотворности этого метода законоученія повліяло также историческое направленіе, которое въ первой половинѣ прошедшаго вѣка приняло вообще изученіе гуманитарныхъ наукъ. Въ тѣ годы, въ Западной Европѣ и у насъ, лучшіе люди науки, извѣрившись въ возможность достиженія абсолютныхъ идеаловъ истины и добра, обѣщаннаго философіей XVIII вѣка, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ устремились на воспроизведеніе человѣческой мысли и жизни въ послѣдовательномъ ходѣ ихъ развитія, чтобы этимъ путемъ выяснить возможныя для человѣчества, въ данный моментъ, правду и счастіе. Наконецъ, сами личныя качества и счастливый даръ слова влекли Н. Ѳ. къ повѣствовательному способу законоученія, при которомъ они могли получить наилучшее примѣненіе. Ученики Н. Ѳ. съ благодарностью вспоминали о минутахъ умиленія, которыя имъ доставляла въ дѣтствѣ передача имъ евангельскихъ притчей о богатомъ и Лазарѣ, о блудномъ сынѣ и др., о простотѣ его пріемовъ для выясненія высокихъ тайнъ вѣроученія. Такъ, объясняя тайну искупленія человѣчества крестной смертью, онъ приводилъ слѣдующее сравненіе: „подданные одного царя совершили разъ большое преступленіе, и онъ пожелалъ ихъ строго наказать. Приходитъ къ нему сынъ его и говоритъ: отецъ, помилуй ихъ, не наказывай, накажи меня одного за всѣхъ; пусть спасутся тѣ, кто полюбитъ меня и будетъ вести жизнь такъ, какъ я имъ укажу“. Вспоминали они и о захватывающемъ интересѣ разсказовъ изъ жизни знаменитыхъ мучениковъ и пастырей вселенской и русской церкви. Обязанности преподавателя поглощали все время Н. Ѳ. и не дали ему возможности оставить печатнаго изложенія уроковъ, тѣмъ болѣе, что этому не благопріятствовали и стѣснительныя цензурныя условія того времени [1]). Пе-

[1]) До какой степени была строга духовная цензура въ тѣ годы, можно заключить изъ того, что, когда Н. Ѳ., старавшійся о распространеніи домашняго чтенія Евангелія, задумалъ издать справочную книжку, какъ находить евангеліе и апостолъ, положенные на каждый день (различные въ каждомъ году для большей части дней, соотвѣтственно различію времени пасхалій), то долго не могъ получить разрѣшенія и даже для втораго изданія долженъ былъ ожидать болѣе десяти лѣтъ новаго дозволенія.

чатными учебниками Н. Ѳ. остались только изданные въ 40-хъ годахъ, въ пособіе для старшихъ классовъ, два труда: „Черты изъ жизни христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ“ и „О жизни и твореніяхъ семи знаменитѣйшихъ отцовъ церкви“.

Слѣдующія выдержки изъ составленнаго Н. Ѳ. конспекта преподаванія новозавѣтной исторіи могутъ послужить характеристикою его взглядовъ на самый предметъ:

„Цѣлью ученія Господа Іисуса Христа было нравственное улучшеніе людей. Являлись законодатели, которые, стремясь устроить всемірное царство, мечтали улучшить состояніе людей силою оружія и законовъ, но, проливъ рѣки крови, оставляли людей въ прежнемъ состояніи. Мудрецы желали исправить людей образованіемъ ума, но безъ исправленія воли—образованіе ума также не достигало своей цѣли. Исправить волю людей, указать людямъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель и дать имъ силы къ творенію ея, довести людей до того, чтобы они исполняли свои обязанности къ Богу и ближнимъ изъ безкорыстной любви къ Богу и ближнему и такимъ путемъ достигали вѣчнаго блаженства—вотъ цѣль, къ которой желалъ привести людей Сынъ Божій, привести не одинъ народъ или поколѣніе, но все человѣчество. Устроить на землѣ единое вѣчное царство, въ которомъ бы главнымъ закономъ была любовь къ Богу, главной цѣлью исполненіе Его воли, и это святое царство нѣкогда привести на небо—это было главнымъ предметомъ желаній, дѣйствій и молитвъ Спасителя.

„Какимъ же образомъ можно было довести людей до того, чтобы они дѣйствовали изъ любви къ Богу? Надобно было дать людямъ живое и ясное понятіе о Богѣ, не останавливая его въ умѣ, ввести это познаніе въ сердце, приложить его къ жизни, сдѣлать божество какъ бы осязаемымъ человѣку. И Спаситель сдѣлалъ это. Онъ представилъ людямъ Бога не только какъ единаго Творца, Владыку и Господа, но особенно сильно, какъ отца и воспитателя, котораго любовь къ намъ превосходитъ всякое сравненіе, которому одному свойственно имя благого. Доказательство всеобъемлющей любви Божіей Господь указалъ въ видимомъ мірѣ. Онъ указалъ на Промыселъ Божій, пекущійся о тваряхъ, дарующій имъ все для сохраненія ихъ бытія и силъ, и для котораго всего дороже человѣкъ.

„Сынъ Божій явился для спасенія людей, закрывъ свое божество естествомъ человѣка, безъ тѣхъ страшныхъ явленій, съ которыми онъ нѣкогда далъ законъ на Синаѣ, но въ смиренномъ видѣ частнаго человѣка, какъ одинъ изъ сыновъ человѣческихъ. Сыну Божію угодно было облечься въ плоть потому, что онъ пришелъ искупить людей страданіями и смертью. Онъ явился въ смиренномъ видѣ частнаго человѣка для того, чтобы стать въ томъ состояніи, въ которомъ на-

ходится большая часть человѣческаго рода, чтобы раздѣлить съ нимъ его нужды. Ему могли и могутъ подражать и богатые и бѣдные. царь и вельможа, земледѣлецъ и рыбарь, люди всякаго возраста, пола и состоянія. Ставъ на низкой степени въ обществѣ, Сынъ Божій напомнилъ людямъ, что всякое званіе равно близко Богу.

„Чтобы дѣйствовать на людей словомъ, примѣромъ, убѣжденіемъ и любовью, чтобы они любили истину и добродѣтель потому, что они сами въ себѣ прекрасны, спасительны, благоугодны, сами по себѣ заслуживаютъ любовь. Гдѣ на людей дѣйствуютъ мѣрами страха или надеждою выгоды, тамъ нѣтъ убѣжденія, но принужденіе или обольщеніе, тамъ люди повинуются дотолѣ, доколѣ предъ ними гроза страха или надежда корысти.

„Если бы Христосъ явился въ міръ въ страшномъ величіи Сына Божія, тогда въ числѣ вѣрующихъ въ него, вмѣстѣ съ Петромъ и Іоанномъ, стали бы и пораженные ужасомъ Тиверій, Пилатъ и Каіаѳа, не сдѣлавшись нисколько лучшими и не имѣя желанія сдѣлать что-либо для истины и добродѣтели. Но смиреннаго Спасителя людей узнали только тѣ, у кого было, или по крайней мѣрѣ начиналось стремленіе къ истинѣ и добру. Они полюбили Его потому, что Онъ самъ былъ вполнѣ достоинъ любви, полюбили добро для добра, и зато полюбили любовью чистою, безпредѣльною, пламенною, любовью такою, которая за любимаго жертвовала жизнью, которая, переливаясь въ достойныхъ сердцахъ изъ вѣка въ вѣкъ, доселѣ соединяетъ Христа съ всеміриою церковью.

„Въ священномъ писаніи Сынъ Божій неоднократно уподобляется жениху, а собранная имъ церковь—невѣстѣ. Представимъ, что сынъ царя пожелалъ бы выбрать себѣ супругу между дочерьми его подданныхъ. Для этого онъ скрылъ знаки своего царскаго достоинства, вошелъ въ кругъ частныхъ лицъ, раскрылъ рѣдкія качества своего ума и сердца и отдалъ свое сердце той, которая, не зная его, полюбила въ немъ его умъ и сердце, его самого: какъ велика будетъ ея радость, когда она увидитъ его въ славѣ".

Въ поученіяхъ кадетамъ Н. Ѳ. старался преимущественно касаться практическихъ вопросовъ жизни. Приводимъ выдержки изъ рѣчей его къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ:

... „Одно изъ вашихъ добрыхъ качествъ было то, что вы съ усердіемъ учились Закону Божію, съ радостью посѣщали храмъ Божій, благоговѣйно внимали богослуженію, свято исполняли долгъ очищенія совѣсти исповѣдью и причащеніемъ св. тайнъ, съ искреннимъ, дѣтскимъ послушаніемъ почитали того, кого преемникъ благодати апостольской поставилъ на служеніе вашему спасенію. Богъ приводилъ меня слышать и о тайныхъ милостыняхъ вашихъ, и объ усердной

молитвѣ тамъ, гдѣ не было за вами наблюденія воспитателей, и объ исполненіи нѣкоторыми изъ васъ христіанскаго долга исповѣди и причащенія въ домѣ родителей, кромѣ ежегоднаго исполненія его въ заведеніи. Какъ было не радоваться этимъ первымъ успѣхамъ вашимъ въ благочестіи, потому что они были плодомъ кроткихъ убѣжденій и вашего добраго усердія. Другое доброе качество ваше была ваша взаимная любовь и святое храненіе обязанностей товарищества. Пріятно было видѣть, какъ вы берегли другъ друга, услуживали, снисходили одинъ другому, послѣ минутныхъ порывовъ гнѣва легко прощали другъ другу. Пользоваться выгодами другаго посредствомъ обмана, возвышаться съ его униженіемъ, льстить и унижать себя и другихъ словами лжи и хвастовства, питать ненависть въ душѣ— все это было не въ вашемъ духѣ. Вы вѣрно сохраните эти качества, вѣрно прежнее взаимное радушіе, искренность, безкорыстіе, снисходительность будутъ соединять васъ и на службѣ. Дружно пойдете вы, куда поведетъ васъ воля Божія, дружно станете противъ оружія враговъ, какъ братья ляжете вмѣстѣ на полѣ брани, подобно предшественникамъ вашимъ, о которыхъ мы приносили молитву.

„Юные воины, такъ говоритъ вамъ тотъ, кого Богъ благословилъ быть непосредственнымъ участникомъ вашего нравственнаго воспитанія, тотъ, который старшихъ изъ васъ видѣлъ еще дѣтьми и руководилъ васъ въ первыхъ началахъ слова Христова, тотъ, кого вы давно привыкли называть нѣжнымъ и священнымъ именемъ отца. Возлюбленные мои, свидѣтель Богъ, что вы изъ прошедшихъ лѣтъ вашего дѣтства не оставляете во мнѣ ничего, кромѣ воспоминаній пріятныхъ, утѣшительныхъ: мой голосъ всегда находилъ путь къ вашему сердцу, съ надеждой смотрѣлъ я на ваше будущее. Могу ли сомнѣваться теперь, что вашими добрыми качествами вы будете всегда честью и утѣшеніемъ послужившему вашему воспитанію. Если вы будете богобоязненными христіанами, признательными сынами отечества, добрыми членами семействъ, тогда и я съ увѣренностью могу сказать: будутъ люди, которые и обо мнѣ принесутъ молитву Богу за ваше воспитаніе.

„Въ отношеніи частной вашей жизни напомню вамъ, юноши, одно правило, которое вы должны соблюдать съ особеннымъ стараніемъ. Сохраняйте чистоту и цѣломудріе, какъ прилично ученикамъ Христовымъ. Данъ ли кому изъ васъ отъ Бога даръ дѣвства, служите Богу и государю служеніемъ ангеловъ, проводите на землѣ жизнь небесную, въ которой ни женятся, ни посягаютъ. Но если такая жизнь свыше вашихъ силъ, не отлагайте времени вступать въ супружество. Въ чистой любви супружеской и въ попеченіи о дѣтяхъ учитесь узнавать, какъ Отецъ Небесный любитъ своихъ чадъ и Гос-

*

подь любить церковь, какъ горячи къ вамъ чувства вашихъ родителей. Для воспитанія дѣтей вы будете имѣть болѣе другихъ нужду въ обществѣ, но будете и болѣе для него трудиться, и будете болѣе награждены обществомъ. Не устрашайте себя мнимой бѣдностью: только исполняйте труды своего званія, Богъ и государь попекутся о вашихъ нуждахъ. Какъ многіе изъ вашихъ родителей начинали жизнь съ несравненно меньшими надеждами, чѣмъ начинаете вы, и кто изъ нихъ теперь, когда прижмутъ васъ къ своему сердцу, раскаются, что рано вступили въ супружество. Только, желая найти благословеніе въ супружествѣ, съ своей стороны принесите то, что желали бы найти въ немъ для общаго блага: страхъ Божій, снисходительность, трудолюбіе, особенно цѣломудріе. Почитайте тѣхъ язвою, открытыми злодѣями общества, кто, уклоняясь отъ супружества, во зло употребляютъ святымъ даромъ Божіимъ — быть отцомъ дѣтей. Судите сами, какимъ ужасомъ исполнилось бы ваше сердце, если бы услышали, что кто-либо, забывъ Бога и свою душу, внесъ развратъ въ ваше семейство, чего страшитесь за самихъ себя, страшитесь и за вашихъ ближнихъ. Никто на землѣ не оставленъ безъ защитника: тамъ, гдѣ ослабѣваетъ защита со стороны людей, во всей силѣ дѣйствуетъ защита Божія, отмщеніе отца сирыхъ—Господа. У обидимыхъ малыхъ, которые какъ бы не стоятъ вниманія свѣта, у нихъ именно есть ангелъ на небесахъ, которые всегда видятъ лицо Отца Небеснаго,— есть защитники, которые близки къ великому и страшному Царю Небесному. Даже и тѣ, кто сами запутались и гибнутъ въ сѣтяхъ порока, и тѣ не забыты Богомъ: Единородный Сынъ Божій приходилъ на землю, чтобы взыскать и спасти погибшихъ. Не ускоряйте пути къ аду для тѣхъ, которымъ еще можетъ открыться дверь къ небесамъ, не отнимайте у Отца Небеснаго тѣхъ, обращенія которыхъ Онъ ожидаетъ.

„Нѣтъ нужды, что теперь вамъ дается смертоносное оружіе. Оно дается вамъ не на разрушеніе, а на созиданіе, на защиту отечества. Помните, что оно дано вамъ не для самоуправнаго мщенія личныхъ обидъ. Законы военные угрожаютъ самовольнымъ жестокою казнью. Законы божественные возвѣщаютъ имъ не временную только, но и вѣчную казнь. „Поднявшіе мечь, мечомъ и погибнутъ"—слова эти сказаны именно тому, кто началъ самовольно дѣйствовать оружіемъ. Несчастный, обнажившій мечъ противъ собрата для рѣшенія частной распри, лишаетъ себя имени и благословенія христіанина, ибо ниспровергаетъ весь законъ Христовъ, законъ любви. Идя на смерть, онъ не смѣетъ возвести взоръ на небо, не смѣетъ оградить себя знаменіемъ креста, ибо осмѣлится ли онъ призвать Бога — страшно сказать—участникомъ своего преступленія? Если же, ослѣп-

ленный злобою, онъ падетъ подъ вызваннымъ на себя оружіемъ, то самъ, лишая себя временной и вѣчной жизни, лишаетъ и ближнихъ послѣдняго утѣшенія принести молитву объ упокоеніи его души, Друзья мои, говорю это, чтобы возбудить въ васъ христіанское стремленіе истреблять въ окружающихъ васъ убійственный предразсудокъ, оставленный намъ варварскимъ состояніемъ общества. Напротивъ, берегите вашу жизнь для отечества, покажите мужество не въ минутной необдуманной вспыльчивости, но въ постоянномъ, терпѣливомъ перенесеніи трудовъ и опасностей, ратуйте не противъ собратій, но противъ враговъ царства, будьте готовы безъ трепета встрѣтить смерть, но только тогда, когда ваша жертва можетъ содѣйствовать благосостоянію ближнихъ. Тогда вы смѣло выйдете на поле брани, благословляя Бога, укрѣпляющаго ваши руки, вамъ будутъ невидимо предшествовать лики христіанскихъ мучениковъ, васъ осѣнитъ крестъ Іисуса Христа, ибо вы по заповѣди Спасителя пойдете положить душу свою за братій.

„Поле брани менѣе опасно для любви. Для нея опаснѣе времена мира. Тутъ-то берегите ваши души, чтобы васъ не раздѣляли виды корысти, властолюбія и тщеславія. Тутъ-то берегите ваши правоту и честность, которыя должны быть основнымъ отличіемъ военнаго званія, — правоту, которая воздаетъ каждому свое. Страшитесь пріобрѣтать какую-либо выгоду или удовольствіе съ вредомъ ближняго. Любовь ближняго да будетъ для васъ дороже всѣхъ сокровищъ міра. Придетъ время горести и посѣщенія Божія—не помогутъ вамъ ни сокровища, ни власть, не поможетъ братская любовь, но утѣшитъ сострадание тѣхъ, къ кому вы сами были сострадательны. Приблизится къ вамъ время старости и болѣзней, откроется передъ вами гробъ и за нимъ праведный судъ Божій — не помогутъ вамъ тогда ни власть, ни сокровища неправедно пріобрѣтенныя, ни плоть, упитанная преступными удовольствіями, не поможетъ слеза признательности, молитва тѣхъ, для блага которыхъ вы нѣкогда трудились, мѣра добра, сдѣланнаго вами для общества".

Простота преподаванія Н. Ѳ., сердечность его отношенія къ предмету и слушателямъ, близость его незлобивой души къ окружающему молодому міру мало-по-малу установили между нимъ и воспитанниками корпуса то общеніе взаимнаго пониманія, любви и уваженія, къ которому во всѣ времена, помимо теоретическихъ методъ, стремится правдивая педагогика. Это уваженіе кадетъ къ законоучителю, раздѣляемое и лучшими его сослуживцами, придало личности Н. Ѳ., въ составѣ учебнаго персонала корпуса, завидный авторитетъ. Родители воспитанниковъ, оставляя своихъ дѣтей—въ тѣ времена долгихъ и дорогихъ путешествій и отсутствія вакансій — въ стѣнахъ

заведенія на многіе годы, нерѣдко обращались къ Н. Ѳ. за нравственной помощью и лаской ихъ дѣтямъ. Съ воспитанниками старшихъ классовъ онъ также охотно дѣлился домашней бесѣдой и чтеніемъ подходящихъ литературныхъ и историческихъ сочиненій. Тѣнистыя аллеи корпуснаго сада съ ихъ высокими стѣнами, исписанными еще со дней Екатерины и графа Ангальта на иностранныхъ языкахъ изреченіями древнихъ мыслителей, бывали свидѣтелями задушевныхъ бесѣдъ Н. Ѳ. съ воспитанниками, ввѣрявшими ему свои личные запросы и заботы. И какъ тяжела была для него подчасъ утрата любимаго ученика, не выдержавшаго суровыхъ условій климата и военной обстановки, такъ непритворна была его радость, когда послѣ благополучнаго окончанія курса кадетъ или его родители приходили къ нему сказать слово искренней благодарности. Въ воспоминаніяхъ бывшаго кадета перваго корпуса генерала Ольшевскаго („Русская Старина" 1886 г.) встрѣчаемъ слѣдующее трогательное обращеніе его къ Н. Ѳ.: „послѣднее мое слово о тебѣ, нашъ любимый законоучитель Н. Ѳ. Раевскій. Прекрасный ты былъ человѣкъ и добрый пастырь. Какъ теперь вижу твою, высокую, стройную фигуру..." Великій князь Михаилъ Павловичъ, встрѣчаясь съ Н. Ѳ., также любилъ вступать съ нимъ въ бесѣду и удостоивалъ прогулки, разговаривая о дѣлахъ и нуждахъ корпуса. Добрая репутація Н. Ѳ. достигла со временемъ и императора Николая Павловича. При представленіи ему вновь назначеннаго митрополита петербургскаго Антонія, государь, по словамъ преосвященнаго, выразился между прочимъ: „давайте намъ въ корпуса прекрасныхъ священниковъ, — Раевскаго и Рожественскаго". Послѣдній былъ потомъ придворнымъ протопресвитеромъ.

Одновременно шли старанія Н. Ѳ. о стройномъ совершеніи богослуженія. Само собою разумѣется, что онъ озаботился о лучшемъ устройствѣ церковнаго хора. Въ этомъ отношеніи онъ, на первыхъ порахъ, не встрѣтилъ содѣйствія, а даже противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ, высокомѣрно относившихся ко всему церковному и не привыкшихъ къ порядку, столь прочно установившемуся впослѣдствіи въ учебныхъ заведеніяхъ, по которому пѣніе на церковныхъ службахъ принадлежитъ самимъ воспитанникамъ. Для этой потребности для церкви перваго корпуса существовалъ тогда хоръ кантонистовъ, изъ дѣтей корпусныхъ служителей, весьма мало удовлетворявшій своему назначенію. Когда Н. Ѳ. заявилъ объ умѣстности образованія хора изъ кадетъ, то встрѣтилъ возраженіе: „не надо ли уже будетъ одѣть ихъ въ стихари"? Затрудненіе это, конечно, было вскорѣ устранено, и въ церкви перваго корпуса образовался и постоянно поддерживался, при содѣйствіи талантливаго регента Ламакина, прекрасный хоръ. Вообще, церковь эта, благо-

даря благоговѣйному служенію Н. Ѳ., произносимымъ имъ по временамъ проповѣдямъ на живыя темы, стала популярною въ средѣ образованнаго столичнаго общества. Проповѣди Н. Ѳ. иногда печатались въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", а впослѣдствіи, по его кончинѣ, вышли въ 1861 г. отдѣльнымъ изданіемъ.

III.

Кромѣ занятій въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Н. Ѳ., въ первые годы службы, преподавалъ Законъ Божій въ училищѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества (нынѣ гимназія), а съ 1830 до 1843 года состоялъ законоучителемъ во 2-ой Петербургской гимназіи и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—въ старшихъ классахъ Артиллерійскаго училища. Отношеніе его къ гимназіи не могло быть такъ близко, какъ къ кадетскому корпусу по отсутствію въ ней церкви, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя другія стороны гимназическаго строя, отличныя отъ корпуса, привлекали къ себѣ Н. Ѳ., возбуждали въ немъ горячность къ преподаванію и навсегда оставили въ немъ пріятное воспоминаніе о времени, проведенномъ въ гимназіи. То было время руководительства графа С. С. Уварова нашимъ народнымъ просвѣщеніемъ. Хотя особенной заботливости о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ со стороны высшей власти не ощущалось, но въ общемъ педагогическая система была въ нихъ правильной и учебный персоналъ пользовался значительной свободой преподаванія. Во второй гимназіи Н. Ѳ. встрѣтился съ тогдашнимъ инспекторомъ ея Х. И. Пернеръ, родомъ швейцарцемъ, человѣкомъ гуманно-образованнымъ, любящимъ и любимымъ всѣми, съ классикомъ Штейнманомъ, словесниками Алимпіевымъ и Милюковымъ и съ извѣстными братьями Ѳ. Ѳ. и В. Ѳ. Эвальдами, математикомъ и историкомъ, поддерживавшими добрую репутацію заведенія. Разнообразный составъ учениковъ гимназіи, особенно въ приходящихъ классахъ, также выдѣлялъ не мало даровитыхъ юношей, съ которыми пріятно было заниматься. Тутъ были и тѣ, родители которыхъ по своему общественному положенію не нуждались въ помѣщеніи дѣтей въ закрытыя заведенія, а, смотря болѣе серьезно на задачи воспитанія и образованія, предпочитали для нихъ домашнее воспитаніе съ открытой школой и университетомъ, такъ и тѣ счастливые самородки, которыхъ отъ времени до времени выращиваетъ сама жизнь, не спрашиваясь, въ какихъ слояхъ общества она ихъ посѣяла. Въ примѣръ болѣе широкаго характера дѣятельности Н. Ѳ. во 2-й гимназіи приводимъ выдержки изъ его рѣчей, произнесенныхъ на актахъ гимназіи.

„Настоящее состояніе христіанства, — говоритъ онъ въ рѣчи 1832 г., посвященной характеристикѣ духа времени,—имѣетъ весьма утѣшительныя стороны. Особенно радуетъ сердце благоговѣйнаго наблюдателя судебъ Божіихъ примѣтное склоненіе духа времени къ дѣятельному, нравственному христіанству. Недавно еще умозрѣнія составляли исключительную часть христіанства. Учители церкви, соображаясь съ нуждами вѣка, вникали въ глубокій источникъ слова Божія единственно для того, чтобы извлекать изъ него истины вѣры, оставляя неудовлетворенными потребности сердца. Отсюда происходило то, что многіе, предаваясь словопреніямъ и тонкостямъ, едва понятнымъ въ самой школѣ, хвалились, что имѣли правую вѣру, а между тѣмъ оскудѣвали въ дѣлахъ любви и правды. Наскучивъ этимъ безплоднымъ пареніемъ ума, настоящій вѣкъ стремится ввести божественное ученіе Спасителя въ область сердца. Божественное величіе Господа Іисуса, какъ учителя нравственности, высота и глубочайшее согласіе съ природою человѣка его правилъ, оставленный имъ примѣръ любви къ истинѣ и добродѣтели, сила Его искупительной смерти—эти истины нынѣ особенно обращаютъ на себя вниманіе христіанъ. Едва-ли когда послѣ первыхъ вѣковъ христіанства ощущали съ такой силой, какъ нынѣ, что любовь есть исполненіе закона, совокупность совершенства, душа нашей вѣры. Идя этимъ путемъ, христіанство скоро оказало благодѣтельное вліяніе на общественное благосостояніе. Особенно это было видно тамъ, гдѣ божественная вѣра была посѣяна нынѣ въ первый разъ, на почвѣ еще не поврежденной. Проповѣданная не съ огнемъ и мечемъ, но съ духомъ апостольской кротости, она въ нѣсколько десятилѣтій смягчала нравы, обуздывала дикія страсти, пробуждала въ людяхъ чувства любви и состраданія и указывала имъ ихъ истинное назначеніе. Юноши, умѣйте пользоваться этимъ благопріятнымъ духомъ времени. Покажите вашу вѣру въ дѣлахъ, вашу любовь къ Господу Іисусу въ чистой нравственности, ваше послушаніе Евангелію въ правдивомъ служеніи обществу, и эти чувствованія будутъ сообразны съ чувствованіями дѣятельныхъ учениковъ Іисуса Христа.

„Другое отличительное свойство нашего времени—глубоко-укоренившаяся любовь къ просвѣщенію. Бывъ прежде достояніемъ только нѣкоторыхъ слоевъ общества, оно нынѣ разливается повсюду, отъ чертоговъ вельможи до хижины земледѣльца. Многіе великіе мыслители дѣлаютъ честь настоящему вѣку. Нѣтъ ни одной отрасли наукъ и знаній, которая бы не была нынѣ вновь изслѣдована, расширена и усовершенствована. Неутомимой жаждѣ просвѣщенія они жертвовали всѣмъ: имуществомъ, выгодами, спокойствіемъ, честолюбіемъ людей обыкновенныхъ, даже самою жизнью. Куда ни обратите взоръ—

къ вѣчнымъ ли льдамъ сѣвера или къ палящимъ степямъ Африки, къ хребтамъ ли Америки или къ унылымъ пустынямъ Сибири— вездѣ увидите, что люди трудятся, нерѣдко гибнутъ, не для того, чтобы пріобрѣсти злато гиблющее, но чтобы пріобрѣсти неотъемлемое злато познаній, чтобы обогатить науки новыми опытами, чтобы видѣть человѣка во всѣхъ климатахъ, на всѣхъ степеняхъ образованія. Какъ должны мы судить объ этой необыкновенной дѣятельности ума? Христіанинъ знаетъ, что сама вѣра призываетъ его къ просвѣщенію... Просвѣщайте, образуйте вашъ умъ: это благословляетъ вѣра, этого ожидаютъ отъ васъ государь и отечество, даровавшіе вамъ образованіе, они желаютъ, чтобы пріобрѣтенныя вами познанія возбудили въ васъ жажду большихъ познаній и чтобы вы передали любовь къ просвѣщенію и послѣдующему роду. Но, въ то же время, чувствуйте величіе благодѣяній къ вамъ Отца Небеснаго, убѣждайтесь въ благодѣтельности для васъ Его воли и въ необходимости повиноваться ей, любите единственнаго Друга вашего, положившаго за васъ и душу, и, такимъ образомъ, умудряйтесь не въ свое только, но и ближнихъ спасеніе.

„Изъ глубоко-укоренившейся любви къ просвѣщенію проистекаетъ еще другое качество нашего вѣка—стремленіе людей чувствовать достоинство человѣка, какъ существа духовнаго, нравственнаго, и дѣйствовать сообразно съ этимъ достоинствомъ. Человѣкъ дикій доволенъ и наслаждается своимъ бытомъ, когда удовлетворены потребности его жизненной природы; человѣкъ полуобразованный останавливается на мелкихъ расчетахъ корыстолюбія и честолюбія; человѣкъ, котораго внутреннія чувства развиты гармоническимъ образованіемъ, хочетъ жить и дѣйствовать всѣмъ существомъ. Скоропреходящія чувственныя блага не удовлетворяютъ потребностямъ его духа, онъ хочетъ ознаменовать свое бытіе дѣяніями, сообразными съ его нравственнымъ величіемъ. Вмѣсто того, чтобы быть мертвымъ членомъ общества, онъ стремится дѣятельно участвовать въ общемъ ходѣ человѣчества, содѣйствовать его благу, ищетъ владычества надъ природою, жаждетъ безсмертія въ памяти потомства. Высокое, благородное стремленіе. Онъ зародышъ, основаніе великихъ дѣлъ. Безъ него все мелко, все ничтожно. Если человѣкъ холоденъ къ своему величію, онъ не человѣкъ, онъ червь, рабъ, но дайте ему это чувство—онъ царь, онъ, говоря словами поэта, богъ. Это-то чувство образовало и возвысило знаменитыхъ людей на поприщѣ просвѣщенія и гражданской дѣятельности, которые составляютъ славу нашего вѣка, это-то чувство было основаніемъ геройскихъ подвиговъ самопожертвованія ко благу общества, которые нерѣдки въ новой исторіи. Это чувство вполнѣ достойно вашихъ сердецъ. Божественная христіанская вѣра,

показывающая истинное величіе человѣка, научитъ васъ, какъ дѣйствовать сообразно съ нимъ. Вы возвышены передъ всѣми тварями— скажетъ она вамъ—для того, чтобы быть ближе къ Господу. Все существуетъ для васъ: и міръ, и жизнь, и смерть, и настоящее, и будущее, но вы сами должны быть Христовы. Вы получили не духъ рабства и боязни, но духъ сыноположенія, для того, чтобы вы не были рабами плоти и низкихъ стремленій чувственной природы, не владычествовали надъ страстями и дѣйствовали по высокимъ побужденіямъ любви къ Богу и ближнему".

Въ актовой рѣчи 1833 г., касающейся характера дѣятельности христіанина, какъ человѣка и члена общества, встрѣчаемъ слѣдующія мысли:

„... стремясь ко благу и усовершенствованію самого себя, каждый изъ насъ долженъ стремиться и ко благу общества. Къ этому призываетъ насъ долгъ благодарности. Обратите вниманіе на безконечное разстояніе, отдѣляющее васъ отъ дикаря, обитателя пустыни, который влачитъ жизнь безсловесныхъ, безъ надлежащаго крова, безъ одежды, съ бѣднымъ даромъ слова, безъ идей въ умѣ и нѣжныхъ чувствованій въ сердцѣ, сравните этого человѣка съ самими собою, и вы увидите, чѣмъ вы обязаны обществу. Сколько дѣлало оно усилій, часто безплодныхъ, сколько одолѣло препятствій, сколько терпѣло бѣдственныхъ опытовъ, чтобы постепенно въ теченіе тысячелѣтій пріобрѣсть вамъ то, чѣмъ вы теперь безъ труда наслаждаетесь. Жалокъ тотъ, кто не чувствуетъ этихъ благодѣяній. Еще достойнѣе сожалѣнія тотъ, кто не знаетъ святаго удовольствія платить за нихъ. Самое тяжкое наказаніе для невѣжества то, что оно не чувствуетъ блаженства быть дѣятельнымъ членомъ человѣчества. Я приношу себя въ жертву обществу, я плачу человѣчеству лежащій на мнѣ долгъ: эта мысль ставитъ человѣка выше самого себя, даетъ ему свѣтъ и радость среди превратностей жизни. Эта-то мысль разливала особенный восторгъ въ сердцѣ Богочеловѣка, когда Онъ, идя къ страданіямъ и уподобляя себя зерну пшеницы, вѣщалъ: „аще зерно пшенично, падъ на земли, не умретъ, то едино пребываетъ, аще же умретъ, плодъ многъ сотворитъ".

„Но кругъ общества обширенъ. Чтобы мы могли дѣйствовать совокупнѣе, Провидѣніе указываетъ намъ болѣе опредѣленное поприще дѣятельности — собственное отечество каждаго. Мѣсто рожденія, языкъ, нравы, образъ правленія, вѣра—вотъ тѣ узы, которыя привязываютъ насъ къ отечеству. Вы должны чувствовать эти священныя узы въ двойной мѣрѣ, ибо на васъ изливаются особенныя благодѣянія отечества. Образованіе ума и сердца неоцѣненное сокровище, которымъ вы ему обязаны. Цѣлую жизнь вы будете наслаждаться

плодами вашего образованія: цѣлая жизнь, посвященная благу отечества, единственно достойная жертва, которую вы можете и должны принести ему...“

Въ рѣчи 1834 года—о совмѣстимости религіи и просвѣщенія, останавливаясь на печальномъ фактѣ холодности многихъ образованныхъ людей къ вѣрѣ и задавая себѣ вопросъ, не образованіе ли тому причиной, не оно ли, ближе знакомя съ предметами вѣры, ослабляетъ чувство благоговѣнія, проповѣдникъ говоритъ:

„Мысль эта была нѣкогда сильна и убійственна. На западѣ она зажигала костры, именемъ вѣры она возставала противъ возникшаго свѣта наукъ. Теперь уже она ослабѣла, и нельзя полагать, чтобы могла опять возстать съ силою, ко вреду просвѣщенія. Человѣчество рѣшительно идетъ противъ нея. Разумъ твердо защитилъ свои права и отразилъ клевету, унижающую достоинство самой вѣры. Думать, что просвѣщеніе можетъ ослабить благоговѣніе къ предметамъ вѣры, это, дѣйствительно, клевета на вѣру. Это значило бы, что божественная вѣра должна бояться и бѣгать просвѣщенія, что таинства вѣры Христовой, чтобы возбуждать благоговѣніе, должны оставаться во мракѣ, подобно постыднымъ таинствамъ язычества. Именно то и составляетъ признакъ истины, что она не боится свѣта, смѣло идетъ къ свѣту, ибо она „отъ Бога“. Истина останется истиною, великое останется всегда достойнымъ поклоненія, хотя бы его видѣли самымъ яснымъ и близкимъ образомъ. Кто благоговѣлъ передъ Отцомъ Небеснымъ, когда смотрѣлъ на природу разсѣяннымъ взоромъ, или вовсе не примѣчалъ ея чудесъ, тотъ тѣмъ болѣе исполнится чувства благоговѣнія, когда глубже вникнетъ въ тайны міозданія. Кто любилъ Господа Іисуса въ Его божественномъ словѣ, тотъ тѣмъ болѣе возлюбитъ Его, когда въ лѣтописяхъ исторіи увидитъ неимовѣрно-благодѣтельный переворотъ въ человѣчествѣ, совершенный проповѣдниками Евангелія, когда увидитъ благоденствіе царствъ христіанскихъ — осязаемое доказательство божественности вѣры Христовой. Кто, бывъ напитанъ правилами Евангелія, былъ непороченъ, смиренъ, радостенъ, какъ дитя, пламенѣлъ чистымъ усердіемъ жертвовать благу ближнихъ, тотъ еще болѣе утвердится въ этихъ качествахъ, когда съ образованіемъ яснѣе увидитъ, какъ корыстолюбіемъ и злобою люди разрушаютъ взаимное благо и какъ тѣсно съ благомъ общественнымъ соединено частное благо каждаго. Конечно, можно быть добрымъ сыномъ церкви, хорошимъ гражданиномъ и полезнымъ членомъ семейства, не будучи особенно просвѣщеннымъ, но образуйте такого человѣка—онъ будетъ ангеломъ. Просвѣщеніе дастъ ему новыя средства, укажетъ ему обширнѣйшій кругъ, какъ и гдѣ онъ долженъ разлить свой внутренній свѣтъ на окружающихъ.

„Если первые христіане, между которыми было мало мудрыхъ по плоти, были такъ богаты вѣрою, то очевидно, что не недостатокъ образованности былъ тому причиною. Препятствовало ли іудейское образованіе и знаніе эллинскихъ пророковъ святому Павлу, меньшему изъ апостоловъ, потрудиться болѣе всѣхъ апостоловъ? Напротивъ, оно было приличнымъ для него орудіемъ въ бесѣдѣ съ ареопагомъ и съ учеными римлянами. Припомните далѣе ходъ исторіи: сколько Александрія и Аѳины приготовили достойнѣйшихъ мучениковъ, воспитателей и пастырей христіанскихъ. Далѣе вы видите Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, блаженнаго Іеронима и Августина, объявшихъ все просвѣщеніе своего времени. Кто послѣ апостоловъ потрудился болѣе ихъ ко благу церкви Христовой и потрудился съ такимъ успѣхомъ? Но гдѣ упадаетъ просвѣщеніе, тамъ и великіе пастыри рѣдѣютъ въ лѣтописяхъ церкви. Коснетесь ли исторіи россійской церкви—не болѣе ли свѣтилъ между вѣнцами ея пастырей вѣнецъ святаго Димитрія Ростовскаго, отъ того, что его писанія, плодъ зрѣлаго образованія, до сихъ поръ разливаютъ свѣтъ на коснѣющихъ въ невѣжествѣ и суевѣріи".

Повидимому, однако, Н. Ѳ. не всегда встрѣчалъ одобреніе своимъ взглядамъ. Въ календарѣ на 1834 годъ, противъ одного изъ чиселъ іюня мѣсяца, сдѣлана имъ отмѣтка: „говорилъ сегодня рѣчь въ гимназіи, къ большому для себя неудовольствію". Должно быть, вліятельный зоилъ нашелъ неумѣстнымъ въ устахъ православнаго священника похвалу просвѣщенію, а можетъ быть, ему не понравилась проведенная въ той же рѣчи параллель между Вашингтономъ и Наполеономъ, въ пользу перваго, какъ не поддававшагося искушенію пріобрѣсти власть надъ согражданами, тогда какъ послѣдній присвоилъ ее себѣ вопреки законовъ страны, что̀ проповѣдникъ приписывалъ большему воздѣйствію на Вашингтона религіознаго чувства, этого благотворнаго спутника просвѣщенія.

Уваженіе, пріобрѣтенное Н. Ѳ. въ кадетскомъ корпусѣ, стройное отправленіе имъ церковной службы, умѣлое и участливое отношеніе къ прихожанамъ и духовнымъ дѣтямъ, его проповѣди, занятія въ гимназіи сдѣлали Н. Ѳ. извѣстнымъ многимъ лицамъ петербургскаго общества, приглашавшимъ его для частныхъ занятій съ дѣтьми. Въ числѣ ихъ назовемъ семейства Я. И. Ростовцева, Д. В. Дашкова, графа В. Н. Панина, А. Ѳ. Орлова, Воронцова-Дашкова. Кромѣ того жизнь на Васильевскомъ островѣ, который и донынѣ сохранилъ характеръ какъ бы отдѣльнаго города въ столицѣ, познакомила его съ нѣкоторыми изъ коренныхъ его обывателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, напр. съ семействами гг. Сольскихъ, Очкиныхъ, Шуйскихъ, Жадиміровскихъ, Пренъ, Амбургеръ и др. Занятія во многихъ

изъ этихъ семействъ, смотрѣвшихъ серьезно на дѣло воспитанія, доставляли ему истинное утѣшеніе, и съ своей стороны онъ старался вносить въ исполненіе порученныхъ обязанностей всю присущую ему теплоту души и умъ. Отношенія къ иностранцамъ возникали по большей части изъ того обстоятельства, что при существовавшей въ тѣ годы связи столичной нѣмецкой и особенно англійской колоніи съ нашими отдаленными сѣверными мѣстностями, въ ихъ семействахъ дѣти иногда получали крещеніе отъ православныхъ священниковъ, родители же, не расположенные къ перемѣнѣ дѣтьми исповѣданія, были озабочены пріисканіемъ для нихъ образованнаго законоучителя. При многочисленности другихъ занятій Н. Ѳ. былъ иногда поставляемъ въ затруднительное положеніе настойчивыми желаніями иновѣрцевъ, изъ которыхъ одно лицо даже напомнило ему объ евангельской хананеянкѣ, чѣмъ склонило къ исполненію просьбы. Случалось также Н. Ѳ. поддерживать безвозмездно уроками нуждающіеся частные пансіоны, особенно женскіе, возникавшіе въ то время въ значительномъ числѣ, при отсутствіи женскихъ гимназій.

IV.

Между тѣмъ не прекращались добрыя отношенія Н. Ѳ. къ его родителямъ въ Арзамасѣ. Въ постоянной перепискѣ отецъ и сынъ обмѣнивались не только извѣстіями о событіяхъ дня, но и мыслями по серьезнымъ вопросамъ жизни. Къ сожалѣнію, Ѳ. Г. не было суждено вновь увидѣть сына. Въ 1831 году онъ было собрался навѣстить Н. Ѳ., доѣхалъ уже до села Бронницъ близъ Новгорода, но учрежденный здѣсь карантинъ по случаю холеры въ столицѣ принудилъ его возвратиться. Три года спустя онъ скончался, на 50-ти лѣтнемъ возрастѣ, отъ нервнаго удара, подъ впечатлѣніемъ радостнаго для него событія—состоявшагося назначенія его настоятелемъ церкви и городскимъ благочиннымъ.

Судьба возложила также на Н. Ѳ. заботу о младшемъ его братѣ, Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Послѣдній былъ семью годами его моложе—родился въ 1811 г., скончался въ 1884. Братья съ дѣтства различались характерами: Н. Ѳ. былъ болѣе въ отца, человѣка скорѣе вдумчиваго и отвлеченнаго, чѣмъ житейскаго, а М. Ѳ. болѣе въ мать, женщину практичную и веселую. Постоянное стараніе Н. Ѳ. о соотвѣтствіи жизни съ разъ поставленнымъ идеаломъ наложило впослѣдствіи нѣкоторую грусть на его міровоззрѣніе и домашній обиходъ, тогда какъ М. Ѳ. грѣшилъ, быть можетъ, въ сторону жизнерадостно-

сти. По окончаніи курса въ семинаріи, М. Ѳ. Раевскій былъ, какъ и старшій братъ, назначенъ къ поступленію въ Петербургскую духовную академію. Въ письмѣ по этому поводу къ Н. Ѳ. отецъ его, прося его заботъ о братѣ, между прочимъ выразился о послѣднемъ, что „въ немъ мало истинной философіи". Желая открыть брату болѣе широкій жизненный путь, Н. Ѳ., по окончаніи М. Ѳ. академическаго курса, настоялъ на принятіи имъ мѣста священника за границей, при посольствѣ въ Стокгольмѣ, куда онъ и отправился въ 1834 году. Служба въ Швеціи, продолжавшаяся десять лѣтъ, не была для него веселою по отсутствію тамъ русскихъ и слишкомъ своеобразному укладу мѣстной жизни, но М. Ѳ. воспользовался свободнымъ временемъ для изученія иностранныхъ языковъ и присылалъ сюда статьи о постановкѣ народнаго образованія въ Швеціи, помѣщавшіяся въ „Журналѣ М. Н. П". Съ переводомъ М. Ѳ. въ 1844 году на такое же мѣсто въ Вѣну, для недюжинныхъ способностей его открылось болѣе широкое поприще. Хотя и въ Вѣнѣ въ то время, за отсутствіемъ желѣзныхъ дорогъ и существовавшими у насъ препятствіями къ заграничнымъ путешествіямъ, было мало русскихъ, но М. Ф. не могла не заинтересовать бойкая политическая и общественная жизнь столицы Австріи, въ особенности же славянскія отношенія. Сначала галиційскіе малороссы, а потомъ и другіе православные славяне, проживавшіе въ Вѣнѣ, изъ сербовъ Карловицкой епархіи и словаковъ стали заходить къ нему на домъ, по окончаніи богослуженія. Гостепріимный самоваръ, подчасъ русская пѣсня поддерживали скромное общеніе, къ которому впослѣдствіи присоединились одноплеменники и другихъ исповѣданій, изъ чеховъ и хорватовъ. Можно думать, что на первыхъ порахъ нѣмецкій языкъ служилъ средствомъ взаимнаго общенія, по крайней мѣрѣ на немъ М. Ѳ. въ началѣ издавалъ переводы нѣкоторыхъ нашихъ церковныхъ сочиненій, но съ теченіемъ времени установилось взаимное пониманіе языковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ къ нему примкнули болѣе видные славянскіе дѣятели. Собранія эти не ушли отъ вниманія австрійской полиціи и подали поводъ слѣдующему эпизоду, въ которомъ и Н. Ѳ. пришлось принять участіе. Однажды графъ Панинъ, тогда министръ юстиціи, во время урока Н. Ѳ. его дѣтямъ, сообщилъ Н. Ѳ., что имѣлъ въ тотъ день докладъ у государя, и что по окончаніи доклада, въ обычномъ съ нимъ разговорѣ о постороннихъ предметахъ, императоръ Николай Павловичъ передалъ о полученіи имъ жалобы отъ австрійскаго правительства, которая его затрудняетъ: жалуются, что вѣнскій священникъ Раевскій мутитъ славянъ. Узнавъ, что братъ послѣдняго извѣстенъ ему, графу, государь сказалъ ему: передайте же нашему Раевскому, чтобы онъ предупредилъ своего вѣнскаго брата быть осторожнѣе, „иначе

онъ попадетъ изъ Вѣны въ Якутскъ". Само собою разумѣется, что Н. Ѳ. въ точности исполнилъ волю государя, а М. Ѳ. принялъ до времени необходимыя мѣры осторожности. По счастію М. Ѳ. Раевскій вскорѣ нашелъ добрую помощницу въ славянскихъ дѣлахъ въ лицѣ великой княгини Елены Павловны, которая, будучи вынуждена провести одну зиму въ Вѣнѣ по случаю тяжкой болѣзни одной изъ ея дочерей, познакомилась съ нимъ и приняла живое участіе въ заботахъ о помощи нуждающимся славянскимъ церквамъ, опредѣленіи сиротъ въ русскія учебныя заведенія и т. п. Къ этому же дѣлу примкнули высокообразованная графиня А. Д. Блудова, И. С. Аксаковъ и другія сочувствующія лица. Окончательно же упрочилась и распространилась настоящая дѣятельность М. Ѳ. съ перемѣной царствованія и съ назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ князя А. М. Горчакова, бывшаго дотолѣ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ. Можно быть разнаго мнѣнія о пользѣ дѣятельности нашихъ славянофиловъ прошедшаго вѣка, можно полагать, что она въ концѣ концовъ столько же содѣйствовала нравственному общенію западныхъ славянъ съ Россіею, сколько и къ укрѣпленію внутренняго строя самой Австріи, ослабивъ въ ней рознь между отдѣльными братскими племенами,—во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что М. Ѳ. Раевскій былъ достойнымъ, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, представителемъ русской церкви и народности въ западно-европейской странѣ, судьбы которой такъ загадочно связаны съ нашимъ отечествомъ. Прекрасный климатъ Вѣны и культурныя условія ея общежитія, въ свою очередь, поддержали въ немъ до преклонныхъ лѣтъ бодрость духа и выработали въ немъ ту привѣтливую, готовую на помощь, энергичную личность, о которой съ признательностью вспоминаютъ посѣщавшіе въ тѣ годы столицу Австріи наши соотечественники.

Рядомъ съ М. Ѳ. Раевскимъ слѣдуетъ упомянуть и о другомъ заграничномъ священникѣ, родственникѣ Н. Ѳ., отношенія его съ которымъ были, пожалуй, еще тѣснѣе и сердечнѣе—Д. В. Соколовѣ. По натурѣ замкнутый, научно-любознательный и кроткой души Д. В. тяготился своимъ мѣстомъ въ одномъ изъ приходовъ столицы, населенномъ наиболѣе темнымъ людомъ (Спаса на Сѣнной) и подъ вліяніемъ Н. Ѳ. принялъ назначеніе къ посольской церкви въ Берлинъ. Во время 20-ти лѣтней тамъ службы онъ старался пополнить свое образованіе, посѣщалъ университетъ, знакомился съ людьми науки, перевелъ на русскій языкъ всемірную исторію Вебера, изданную Н. И. Гречемъ, и, между прочимъ, пріобрѣлъ для Н. Ѳ., послѣ одного профессора богословія, полную библіотеку твореній отцовъ церкви въ оригиналѣ. Любовь къ искусству побудила Д. В. Соколова образовать въ средѣ семьи музыкальный кружокъ, и дочь его А. Д.

Соколова, въ замужествѣ Кочетова, была въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ извѣстна, какъ концертная пѣвица и сотрудница А. Г. Рубинштейна въ образованіи консерваторіи.

V.

Вполнѣ прочную постановку занятія Н. Θ. въ военно-учебныхъ заведеніяхъ получили со времени учрежденія въ началѣ 40-хъ годовъ, въ кадетскихъ корпусахъ должности наблюдателей по преподаваемымъ предметамъ, въ видахъ достиженія возможнаго единства преподаванія и поддержанія его на должной высотѣ. Инипіатива этой мѣры принадлежала в. к. Михаилу Павловичу и генералу Ростовцеву. Въ каждомъ корпусѣ избирался наблюдатель изъ числа преподавателей даннаго предмета и кромѣ того, во главѣ ихъ, назначался главный наблюдатель по каждому предмету, вѣдѣніе котораго простиралось на всѣ кадетскіе корпуса имперіи. Н. Θ. былъ назначенъ такимъ главнымъ наблюдателемъ по закону Божію. Обязанности его заключались въ выработкѣ плановъ и программъ преподаванія, докладѣ и разсмотрѣніи ихъ и другихъ вопросовъ въ учебномъ комитетѣ управленія въ качествѣ его члена, посѣщеніи уроковъ законоучителей и въ экзаменахъ воспитанниковъ какъ столичныхъ корпусовъ, такъ и иногороднихъ—послѣднихъ при пріемѣ ихъ въ высшіе классы Петербургскаго Дворянскаго полка (впослѣдствіи военнаго училища), гдѣ они доканчивали курсъ. Положеніе это дало Н. Θ. возможность окончательно примѣнить его нравственный и историческій методъ къ законоученію въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Трудно сказать, насколько эта іерархическая система принесла пользы въ живомъ дѣлѣ законоученія. Не каждый законоучитель владѣлъ той субъективной стороной, которая предполагалась при указанномъ характерѣ преподаванія, да едва-ли каждый безусловно ему подчинялся, но безспорно одно,—что воздѣйствіе Н. Θ. имѣло результатомъ несравненно лучшую постановку законоученія въ кадетскихъ корпусахъ, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ оно нерѣдко пріобрѣтало характеръ суровый, архаическій, подчасъ отталкивающій. Въ воспитанникахъ военно-учебныхъ заведеній, говоря вообще, развивалось то простое, дѣятельно-благодушное отношеніе къ области религіи, которое, соединяя ихъ съ міровоззрѣніемъ народа, послужило важною основою полезной дѣятельности ихъ на разнообразныхъ поприщахъ, открывавшихся въ послѣдующее царствованіе.

Замѣчательно, что учрежденіе въ военно-учебныхъ заведеніяхъ

наблюдательства по Закону Божію встрѣтило препятствіе въ духовномъ вѣдомствѣ, усмотрѣвшемъ здѣсь превышеніе власти. Затрудненіе было устранено при содѣйствіи оберъ-прокурора графа Протасова, тѣмъ, что независимо отъ упомянутаго наблюдательства, утвержденнаго высшею властью съ образованіемъ слѣдующаго штата, Св. Синодомъ было учреждено особое „блюстительство“, по тому же предмету во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ лицѣ епархіальныхъ архіереевъ, которымъ въ свою очередь были приданы помощники въ званіи „помощниковъ блюстителей“: одинъ—по гимназіямъ, а другой по кадетскимъ корпусамъ. Такимъ образомъ Н. Ѳ., оставаясь главнымъ наблюдателемъ, былъ одновременно облеченъ отъ духовной власти въ званіе помощника блюстителя; послѣднимъ, по Петербургской епархіи, былъ особо назначенъ ректоръ духовной академіи, епископъ Макарій, извѣстный богословъ и историкъ. Благодаря однако добродушному отношенію Н. Ѳ. къ этому бюрократическому исходу и уваженію, питаемому имъ къ епископскому сану, а также такту преосвященнаго Макарія, всякое пререканіе между ними было избѣгнуто, и Н. Ѳ. остался въ дѣйствительности такимъ же хозяиномъ дѣла, какимъ предполагался. Нѣкоторое затрудненіе встрѣтилось также въ отношеніи посѣщенія Н. Ѳ. иногородних корпусовъ въ виду правила, по которому священникъ дѣйствуетъ лишь въ предѣлахъ епархіи, коей подвѣдомственъ. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ учрежденіе наблюдательства было встрѣчено недружелюбно со стороны митрополита Филарета, относившагося вообще скептически къ введенной Н. Ѳ. системѣ преподаванія. „Посмотримъ, какъ они докажутъ своей нравственностью и исторіей непреложность догматовъ вѣры“,—отозвался онъ однажды на экзаменѣ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Тѣмъ не менѣе, когда Н. Ѳ. случилось быть въ Москвѣ, владыка принялъ его весьма привѣтливо, подарилъ ему собраніе своихъ сочиненій и показалъ всѣ своеобразные уголки своей лѣтней аскетической резиденціи. Особенное утѣшеніе доставляли Н. Ѳ. воспитанники Воронежскаго кадетскаго корпуса наилучшимъ усвоеніемъ преподаннаго, яснымъ, теплымъ и проникновеннымъ изложеніемъ истинъ вѣры и церковно-историческихъ характеристикъ и событій. Постоянный добрый отзывъ Н. Ѳ. объ этомъ корпусѣ, совпавшій впрочемъ съ издавна установившеюся репутаціею этого заведенія вслѣдствіе счастливаго подбора преподавателей и воспріимчивости учениковъ, послужилъ даже поводомъ къ поднесенію Н. Ѳ. отъ корпуса иконы святителей Николая и Митрофана. На принятіе этой иконы Н. Ѳ. было испрошено надлежащее разрѣшеніе, которое было дано тѣмъ легче, что икона не имѣла цѣнныхъ украшеній. Напротивъ, Полоцкій кадетскій корпусъ озабочивалъ Н. Ѳ. постоян-

ными отзывами мѣстнаго преосвященнаго о неудовлетворительности преподаванія тамъ Закона Божія, неподтверждавшимися результатами экзаменовъ кадетъ въ Петербургѣ. Произведенное Н. Ѳ. разслѣдованіе выяснило, что происшедшее между епископомъ и законоучителемъ корпуса столкновеніе возникло изъ мелочныхъ поводовъ и имѣло въ основѣ племенную подкладку, такъ какъ одно изъ этихъ лицъ было изъ числа возсоединившихся уніатовъ, а другое—простоватый великороссъ. Примирительное настроеніе Н. Ѳ. привело къ тому, что инцидентъ разрѣшился къ обоюдному успокоенію сторонъ и высшихъ сферъ.

Отношенія Н. Ѳ. съ законоучителями другихъ исповѣданій, имѣвшихъ въ то время въ первомъ корпусѣ каждое особую церковь, также всегда были добрыя. Интересенъ бывшій у него случай съ католическимъ патеромъ Стацевичемъ. Этимъ лицомъ былъ составленъ катехизисъ для руководства кадетъ-католиковъ, и трудъ этотъ, по желанію великаго князя, былъ порученъ Н. Ѳ. для просмотра съ точки зрѣнія государственныхъ запросовъ. Насколько деликатно Н. Ѳ. отнесся къ этому дѣлу, можно заключить изъ того, что почтенный патеръ Стацевичъ, впослѣдствіи ректоръ р.-к. духовной академіи, сохранилъ о немъ наилучшую память и отзывался о Н. Ѳ. „c'était un homme véridique, parfaitement véridique": то былъ правдивый человѣкъ, вполнѣ правдивый человѣкъ. Съ лютеранскимъ пасторомъ Флитнеромъ (впослѣдствіи суперинтендентомъ) у Н. Ѳ., помимо воли, было одно лишь столкновеніе, по поводу отведенныхъ имъ обоимъ, при переустройствѣ корпуса, квартиръ. Пасторъ Флитнеръ почему-то выбралъ нѣсколько бо́льшую изъ предназначавшихся двухъ помѣщеній; Н. Ѳ. съ своей стороны былъ на это согласенъ, въ виду старшинства лѣтъ службы Флитнера въ корпусѣ, и въ этомъ же смыслѣ ближайшее начальство предположило сдѣлать распоряженіе, однако отъ главнаго начальника послѣдовала резолюція: „хоша (sic!) Раевскій моложе Флитнера, но онъ православный священникъ,—предоставить ему бо́льшую квартиру".

Такъ шли годы службы Н. Ѳ. въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, перейдя уже второе десятилѣтіе, пока не наступилъ 1848 годъ, полный событіями въ Западной Европѣ, отразившимися, къ сожалѣнію, и на скромной русской жизни. Настало время реакціи въ вѣдомствѣ просвѣщенія, увольненіе министра графа Уварова, ослабленіе гуманитарнаго характера средней школы, введеніе комплекта въ университетѣ. Еще тяжелѣе отозвалась перемѣна направленія на военно-учебныхъ заведеніяхъ, совпавшая при томъ съ кончиною великаго князя Михаила Павловича, нѣкоторая оппозиція котораго, въ случаяхъ крутыхъ мѣръ власти, была порой благодѣтельна. Хотя Рос-

товцевъ остался по-прежнему во главѣ фактическаго управленія ими и даже укрѣпился въ положеніи съ назначеніемъ на должность главнаго начальника молодаго государя наслѣдника, но долженъ былъ до времени свернуть прогрессивное знамя. Ближайшіе начальники корпуса, рыцарски благородный директоръ баронъ К. А. Шлиппенбахъ и своеобразный, талантливый инспекторъ А. Я. Кушакевичъ уступили мѣста гг. Лихонину и Линдену, зятю пастора Флитнера. Лица эти, при всѣхъ частныхъ достоинствахъ, были тѣми сухими службистами, которые такъ претятъ прямодушной русской натурѣ. Авторитетъ законоучителя сталъ имъ неудобенъ, начали предъявляться къ нему, въ сферѣ нравственнаго наблюденія, требованія, несовмѣстныя съ достоинствомъ пастыря и даже несогласныя съ правилами церкви. Съ своей стороны Н. Ѳ., подходившій къ 50-ти лѣтнему возрасту, чувствовалъ утомленіе отъ продолжительной дѣятельности преподавателя, чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, въ болѣе самостоятельномъ и спокойномъ служебномъ положеніи, ему хотѣлось стать исключительно приходскимъ священникомъ, не бывъ которымъ, духовное лицо остается какъ бы недоконченнымъ.

По счастливому случаю къ тому времени освободилось мѣсто настоятеля собора всѣхъ учебныхъ заведеній или по обычному названію—Смольнаго собора. Мѣсто это вполнѣ подходило къ служебному положенію Н. Ѳ., и кромѣ того величественный храмъ этотъ, лучшій въ Петербургѣ до открытія Исаакіевскаго собора, издавна привлекалъ къ себѣ его артистическое чувство. Нѣсколько останавливала только скудость содержанія причта, въ связи съ необходимостью оставить частныя занятія при отдаленности собора отъ города, но доброжелательное отношеніе Я. И. Ростовцева и здѣсь помогло устранить затрудненіе. При его содѣйствіи Н. Ѳ., награжденному за 25-ти лѣтнюю службу орденомъ св. Владиміра 3 степени, была назначена пенсія и оставлена за нимъ должность главнаго наблюдателя по военно-учебнымъ заведеніямъ съ содержаніемъ (всего вмѣстѣ 2 т. руб.). Въ январѣ 1850 года Н. Ѳ. получилъ желаемое назначеніе, и 2 февраля, на первой утрени въ новомъ храмѣ, имѣлъ утѣшеніе прочесть слова евангелія: „нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко, по глаголу твоему съ миромъ“.

VI.

Нравственное настроеніе Н. Ѳ., при переходѣ его въ Смольный, всего лучше выясняется въ словѣ, сказанномъ имъ на первой литургіи въ Соборѣ:

„Богъ благословилъ меня“,—говорится здѣсь,—„вступить въ ис-

*

полненіе обязанностей при этомъ святомъ храмѣ. До сихъ поръ принадлежа ему сердцемъ, теперь соединенъ съ нимъ и мѣстомъ жительства. Для дѣтей, воспитаніе которыхъ было отчасти ввѣрено мнѣ, архипастыремъ избранъ другой пастырь. Съ этихъ поръ я долженъ принадлежать вамъ, прихожане св. храма.Важенъ для меня настоящій шагъ моей жизни. До сихъ поръ предметомъ моего попеченія были дѣти, одинаковые по своему происхожденію и образованію, близкіе по лѣтамъ, сходные въ добрыхъ качествахъ, близкіе между собой и въ недостаткахъ. Теперь я вижу предъ собой людей разнаго возраста, разнаго пола, разнаго состоянія. Мнѣ предстоитъ узнать на опытѣ разныя чувства людей, разныя ихъ правила, для того, чтобы по возможности быть полезнымъ каждому изъ нихъ. До сихъ поръ кругъ моей дѣятельности преимущественно ограничивался ученіемъ, книгою—теперь предо мною раскрывается жизнь во всемъ ея разнообразіи. На мое прежнее поприще я вступилъ съ силами юными, изобильными, со свѣжей бодростью духа,—теперь, съ переходомъ на вторую половину жизни, силы, утомленныя трудомъ, ослабѣваютъ...

„Но благословенъ Богъ, который, какъ всегда, такъ и нынѣ не оставилъ меня своей милостью, который при новыхъ трудахъ и испытаніяхъ даетъ и новыя побужденія и силы къ исполненію долга. Если трудящійся во всякомъ добромъ дѣлѣ не лишается помощи Божіей, если всякій просящій получаетъ, всякій ищущій находитъ, то тѣмъ болѣе готова благодатная помощь тому, кто проходитъ званіе священства... Тотъ, кто прославилъ въ своей церкви Василіевъ, Златоустовъ, Григоріевъ, кто далъ имъ тысячи талантовъ, не лишитъ своей лепты и малаго изъ своихъ слугъ, котораго избралъ предстоять своему святому престолу.

„Другимъ воодушевленіемъ къ исполненію предстоящихъ мнѣ обязанностей служитъ чистота побужденій, съ какими я принялъ ихъ. Я желалъ быть однимъ изъ служителей этого храма не для того, чтобы снискать здѣсь богатства и выгоды жизни. Могъ ли я ожидать этого въ удаленіи отъ средоточія столицы, при храмѣ, гдѣ собираются люди, пріобрѣтающіе пропитаніе трудами рукъ своихъ или находящіе себѣ пріютъ подъ щедротами монаршими. Меня привлекъ сюда благолѣпный видъ славнаго храма и совершаемаго въ немъ служенія, меня влекла сюда увѣренность, что здѣсь, по малому числу паствы, отдѣленной архипастыремъ на мое попеченіе, и въ преклонныхъ лѣтахъ жизни я могу быть полезнымъ на служеніи Слова. Умѣренныя и чистыя побужденія служатъ порукой въ достиженіи желаемаго, или по крайней мѣрѣ служатъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ, когда успѣхъ не соотвѣтствуетъ желаніямъ“.

Исчисливъ затѣмъ свои новыя обязанности, какъ приходскаго пастыря, Н. Ѳ. въ заключеніе своей рѣчи говоритъ: „Тотъ, Кто благословилъ меня совершить съ вами настоящую литургію, съ вашими молитвами благословитъ меня мирно и радостно совершить литургію всей моей жизни“.

Дѣйствительно, первые годы службы въ Смольномъ вполнѣ отвѣтили стремленію Н. Ѳ. къ исполненію обязанностей приходскаго пастыря, входящему подчасъ въ соприкосновеніе съ самыми сокровенными сторонами людской жизни и нуждъ и въ то же время необременительному для утомившихся силъ бывшаго педагога. Такъ какъ завѣдываніе соборомъ было совершенно отдѣлено отъ окружавшихъ его женскихъ институтовъ и вдовьяго дома—прежняго монастыря, имѣвшихъ своихъ законоучителей и причты, то соборъ, несмотря на громкое оффиціальное названіе, въ сущности былъ лишь обыкновеннымъ приходскимъ храмомъ, при томъ въ мѣстности, хотя одной изъ наиболѣе живописныхъ въ столицѣ, но отдаленной и захудалой. Приходъ его составляли нѣсколько почтенныхъ служилыхъ семействъ средняго достатка, неимущіе отставные чиновники, мѣщане, рабочее населеніе нѣскольких мануфактуръ и складовъ, военныя команды Аракчеевскихъ казармъ; съ личнымъ составомъ правительственныхъ учрежденій могли возникать лишь случайныя отношенія. Чередуясь съ другими священниками, Н. Ѳ. совершалъ ежедневныя службы, исполнялъ требы, вводившія его въ жизнь тѣхъ скромныхъ людей, къ которымъ всегда лежала его душа; здѣсь ему случалось встрѣчаться съ самой вопіющей нуждой и оказывать помощь иногда достойнымъ людямъ, выбитымъ изъ жизненной колеи стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ или несправедливостью представителей власти. Торжественныя служенія въ праздничные дни, когда въ соборъ стекались тысячи богомольцевъ, даже въ самые ранніе часы, также привлекало къ себѣ его заботливость. Онъ радовался, когда на эти службы приходили его бывшіе ученики; нѣкоторые изъ нихъ потомъ передавали, что память о стройномъ богослуженіи въ Смольномъ соборѣ, при посѣщенія ими храмовъ за границей, помогала имъ относиться съ большей стойкостью къ впечатлѣнію службъ другихъ исповѣданій. Какъ въ воскресные, такъ и въ праздничные дни онъ старался произносить небольшія проповѣди на темы изъ области семейной жизни, воспитанія, благотворительности. На раннихъ обѣдняхъ велъ для простаго люда возможно-доступныя бесѣды объ основныхъ истинахъ христіанства. Трудъ этотъ давалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Н. Ѳ., свободному отъ посторонних занятій, тотъ отдыхъ, въ которомъ онъ въ то время такъ нуждался. Единственное исключеніе составляло наблюденіе за законоученіемъ въ ка-

детскихъ корпусахъ, но разъ поставленное на прочную почву, дѣло это не было для него обременительно.

Развлеченіе въ тихой служебной жизни доставляли ему посѣщенія собора высокопоставленными иностранцами, а также лицами иновѣрнаго духовенства, особенно англійскаго, съ которыми приходилось, въ объясненіяхъ, вспомнить старую латынь. Чѣмъ особенно дорожилъ Н. Ѳ. въ эти годы—это возможностью возобновить литературное чтеніе, сдѣлавшееся для него почти недоступнымъ въ послѣдніе тяжелые годы корпусной службы. Къ тому времени вышли „Записки Охотника“ Тургенева, появились первыя бытовыя пьесы Островскаго; изъ нихъ „Не въ свои сани не садись“ пришлась ему болѣе другихъ по душѣ теплотой настроенія. День полученія новаго тома исторіи Соловьева былъ для него настоящимъ праздникомъ: до такой степени онъ цѣнилъ правдивость ея изложенія и научную обосновку событій. Въ лѣтніе дни ближайшія къ Смольному монастырю окрестности за р. Невой, еще мало населенныя, манили его къ прогулкамъ; отовсюду виднѣлся любимый храмъ, случалось встрѣчаться съ художниками, рисовавшими здѣсь виды Смольнаго. Въ эти же годы возобновилось знакомство Н. Ѳ. съ почтеннымъ придворнымъ протоіереемъ И. М. Пѣвницкимъ, также уроженцемъ Нижегородской губерніи, возвратившимся изъ Штутгардта послѣ долголѣтней службы тамъ при посольствѣ. Вечера въ его семействѣ доставляли Н. Ѳ. удовольствіе слушать музыкальные квартеты, устраиваемые И. М.—самимъ хорошимъ музыкантомъ—съ его сыновьями а также мелодичное пѣніе артиста Никольскаго, еще состоявшаго тогда въ придворномъ хорѣ, и другихъ солистовъ.

Въ примѣръ проповѣдей, произнесенныхъ въ эти годы Н. Ѳ., приводимъ сказанную имъ въ одинъ изъ воскресныхъ дней на текстъ: „еже сѣетъ человѣкъ, тожде и пожнетъ“.

„Наступила осень. Холодный вѣтеръ шумитъ въ вершинахъ зданій, дождь безвременно льется на поблекшую зелень, желтые листья, какъ лоскутья старой изношенной одежды, устилаютъ землю, черныя тучи застилаютъ небо, изрѣдка проглянетъ солнце, но и въ его лучахъ нѣтъ теплоты. Не увидишь, какъ наступитъ зима: снѣговымъ покровомъ покроетъ она землю и все помертвѣетъ, хотя и на время. Хорошо тому хозяину, который заблаговременно укрылъ свое жилище, прилежно работалъ лѣтомъ и довольно заготовилъ пропитанія себѣ и своему семейству; онъ спокойно смотритъ на наставшую осень, на приближеніе зимы, на бури-непогоды, ибо онъ съ семьей безопасенъ.

„Настоящее время года напоминаетъ намъ нашу старость, зима напоминаетъ смерть. Многіе изъ насъ доживутъ до старости, конечно

всѣ желали бы дожить. Теперь, смотря на скучную осень, сожалѣя, что прошло лѣто, надобно и намъ подумать о своей осени—я разумѣю о старости, какъ доброму хозяину, чтобы намъ не скучать о своемъ лѣтѣ, о цвѣтущихъ годахъ жизни, и не бояться зимы, т. е. кончины".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто не трудился въ жизни и не исполнялъ прилежно дѣлъ своего званія. Если онъ не привыкъ трудиться въ молодости, ему трудно будетъ начинать трудиться подъ старость: и силы его будутъ слабѣе, и не будетъ доставать у него свѣдѣній и опытности, чтобы хорошо вести дѣло. Онъ увидитъ, что другіе будутъ пользоваться плодами отъ своихъ трудовъ, а его станутъ забывать, какъ человѣка лишняго и безполезнаго въ обществѣ, его встрѣтитъ и недостатокъ, и бѣдность, а пособить будетъ уже поздно".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто любилъ жить роскошно, нѣжить себя излижнею пищею и питьемъ, проводить дни и ночи весело. Онъ накопитъ себѣ въ продолженіе жизни большой запасъ болѣзней. Въ то время, какъ старецъ, хорошо потрудившійся, пойдетъ бодро съ свѣжимъ румянцемъ на лицѣ, съ добродушной веселостью на устахъ,—слабое зрѣніе, поникшая голова, мутный цвѣтъ лица, дрожащіе члены, ѣдкія болѣзни будутъ гнѣздиться въ его разрушенномъ тѣлѣ. Они будутъ заживо наказывать его за невоздержаніе и ежеминутно ему напоминать: ты отжилъ свой вѣкъ, отжилъ худо, скоро приблизится къ тебѣ преждевременная кончина".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто жилъ неправдой, лгалъ, лицемѣрилъ, жилъ съ обидою другимъ и думалъ только о своей выгодѣ. Разрушивъ счастіе другихъ, онъ не воспользуется беззаконными плодами трудовъ своихъ. Рано или поздно его лукавство и корыстолюбіе раскроются передъ людьми, и въ тѣ лѣта, когда особенно пріятно видѣть къ себѣ уваженіе, онъ будетъ презираемъ и обходимъ своими собратьями. Если онъ и не впадетъ въ руки правосудія земнаго, онъ всегда будетъ его бояться, и этотъ страхъ будетъ постоянно его тревожить. Среди роскоши и пировъ совѣсть будетъ ему напоминать о тѣхъ, которыхъ онъ своей неправдой сдѣлалъ бѣдными и несчастными".

„Худо будетъ встрѣчать старость тому, кто въ свое время не озаботился о воспитаніи своихъ дѣтей и объ укорененіи въ своемъ домѣ страха Божія. Что будетъ безъ меня съ дорогими моему сердцу, если они и теперь не имѣютъ твердаго основанія для жизни, если они и теперь не тверды въ правилахъ истины и добра; кто поддержитъ ихъ безъ меня, а сдѣлавшись безполезными въ обществѣ и несчастными, чѣмъ они будутъ поминать меня,—вотъ мысли, которыя будутъ отравлять печальную старость безпечныхъ родителей".

„Всего хуже будетъ встрѣчать старость тѣмъ, кто въ свое время не укрѣплялъ самого себя въ вѣрѣ и любви къ Богу, кто небрегъ объ обязанностяхъ молитвы, объ участіи въ святыхъ таинствахъ и приготовленіи себя милостынями и добрыми дѣлами къ переходу въ вѣчность. Теперь и заботы, и отчасти удовольствія жизни закрываютъ отъ нихъ будущую жизнь, и они думаютъ только о настоящей. Тогда мысль о смерти и о судѣ невольно явится передъ ними. Время молитвы, поста, покаянія уже прошло: все, для чего жилъ человѣкъ на свѣтѣ, оставляетъ его, одинъ съ своей совѣстью, отягченной преступленіями, идетъ онъ ко гробу и къ суду Божію, кто поддержитъ и успокоитъ его, когда онъ самъ отвращался вѣры и церкви".

„Что человѣкъ сѣялъ, то и пожнетъ; что собралъ онъ въ своемъ сердцѣ въ продолженіе жизни, съ тѣмъ встрѣтитъ и старость, съ тѣмъ встрѣтитъ и кончину. Намъ не дано въ жизни ни одного лишняго часа и дня, которые бы мы не были должны посвящать своему долгу, въ которыхъ бы отъ насъ не было потребовано отчета. Поспѣшимъ же воспользоваться тѣмъ временемъ, которое остается въ нашей власти; поспѣшимъ добрыми дѣлами и милостынями сдѣлать себѣ добрый запасъ для перехода въ вѣчность, поспѣшимъ загладить наши неправды, постараемся исполненіемъ своихъ обязанностей заслужить то, чтобы оставшіеся въ живыхъ вспомянули о насъ съ молитвою и благословеніемъ. Тогда пусть приближается старость, пусть наступаетъ кончина—миръ Божій оградитъ умы и сердца наши".

Въ поученіи на праздникъ св. Маріи Магдалины, признавъ заслуги женщинъ, посвятившихъ себя дѣламъ милосердія или тяжелому труду воспитанія, за которыя ихъ ожидаютъ обители въ дому Отца Небеснаго, Н. Ѳ., обращаясь къ великому значенію христіанской матери, какъ бы спрашиваетъ себя:

„Останется ли въ этихъ обителяхъ мѣсто тѣмъ, которыя возросли подъ кровомъ родителей или добрыхъ воспитательницъ, вступили въ супружество, проводили тихую частную жизнь подъ кровомъ супруговъ, пользуясь иногда достаткомъ и почетомъ въ обществѣ. Не воспріемлютъ ли они уже здѣсь, на землѣ, полной награды. Объ этихъ,—отвѣчаетъ онъ,—съ особенной заботливостью говоритъ св. апостолъ Павелъ: спасется мать семейства съ рожденными ею дѣтьми, если пребудетъ въ вѣрѣ и любви, и въ святости съ цѣломудріемъ. Спасется и она, но съ главнымъ условіемъ, если въ точности исполнитъ лежащую на ней обязанность по воспитанію дѣтей въ страхѣ Божіемъ, если, съ своей стороны, не подастъ малѣйшаго повода къ отступленію отъ истины и добродѣтели, и или съ дѣтьми своими пребудетъ въ вѣрѣ и любви.

„Спасется ревностная, благочестивая мать, потому что такимъ христіанскимъ воспитаніемъ она приноситъ неисчетную пользу церкви Христовой и всему обществу, передавая благочестіе, сохраняя вѣру изъ рода въ родъ. Отецъ полагаетъ основаніе характеру сына, даетъ ему правила, открываетъ путь жизни, но положить въ душу сына и дочери основаніе христіанскаго чувства, первую теплоту любви къ Богу и ближнимъ—это преимущественно дѣло матери. Кто образовалъ св. Григорія Богослова—мать Нинна, кто св. Іоанна Златоуста—мать Анѳуса. Припомните, сколько всѣ вы обязаны въ вашихъ чувствахъ вашимъ матерямъ, учившимъ васъ знаменію креста, приводившимъ васъ къ святымъ тайнамъ, преподававшимъ вамъ первыя молитвы и заповѣди Божіи.

„Спасется ревностная, благочестивая мать, ибо постоянное христіанское воспитаніе дѣтей требуетъ отъ нея чрезвычайныхъ трудовъ и высокаго христіанскаго терпѣнія. Она должна постоянно лишать себя покоя, чтобы слѣдить за каждымъ шагомъ, каждою мыслью и чувствомъ своего дитяти. Вмѣсто удовольствій пріятнаго общества, она должна заключить себя въ стѣнахъ дома, потому что безъ нея не можетъ быть другой матери для ея дѣтей. Ея жизнь должна быть исполнена христіанскихъ добродѣтелей, потому что она окружена дѣтьми, которыя безъ ея вѣдома, противъ ея желанія, замѣчаютъ каждый ея поступокъ, чтобы современемъ подражать ему. Она не предается суетности, не завидуетъ, не превозносится, не безчинствуетъ, не раздражается, не мыслитъ зла, чтобы все это впослѣдствіи не повторилось въ ея дѣтяхъ. Добрая христіанская мать есть воплощенная христіанская любовь. А кто исчислитъ ея милостыни, ея молитвенные подвиги за дѣтей? Чья молитва можетъ быть такъ глубока, такъ сильна и неотступна, какъ молитва матери? Истинная материнская любовь дѣлается такимъ образомъ для самой матери учительницею благочестія и, спасая дѣтей, спасаетъ саму мать“.

Въ заключеніе приводимъ выдержку изъ одной изъ рѣчей его, въ тѣ же годы, на день кавалерскаго праздника ордена св. Владиміра, которыя ему поручалось ежегодно произносить въ Князе-Владимірскомъ соборѣ, какъ одному изъ кавалеровъ этого ордена.

„Обязанность отличеннаго знакомъ почести,—говоритъ онъ,—превосходить другихъ въ подвигахъ христіанскаго смиренія. Если я предпочтенъ другимъ, тѣмъ болѣе я долженъ оправдывать передъ моими ближними благое соизволеніе власти, долженъ показать на самомъ дѣлѣ, что чувствую цѣну дара Божія, чувствую, что это не есть только плодъ моихъ трудовъ и усилій, но святая воля Того, Кто одинъ смиряетъ и возвышаетъ, убожитъ и обогащаетъ. Возвращаясь къ прежнимъ годамъ жизни, сколько я вижу передъ собой

собратій моихъ, которые трудились съ полнымъ рвеніемъ, съ превосходными дарованіями, съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ, съ истинною пользою для общества, но или болѣзнь, или бѣдность, или родъ службы, или сострацаніе къ своимъ близкимъ — иногда обстоятельства самыя маловажныя — отвлекали или останавливали ихъ на пути службы. Труды ихъ стали мало видны, немного оцѣнены, и они, сѣявъ слезами, все еще ожидаютъ пожать радостію. А меня Отецъ Небесный благоволилъ мирно идти, радоваться, возвышаться на пути жизни. Чѣмъ я заслужилъ это? И заслуживъ лестное одобреніе моихъ трудовъ, неужели я всегда шелъ путемъ правды, никогда не уклонялся отъ моего долга, не ослабѣвалъ въ исполненіи его? Нѣтъ, ослабѣвалъ я, трудились другіе, падалъ я, другіе стояли, подавали мнѣ руку помощи, и теперь Единому Сердцевѣдцу остались извѣстны ихъ доблести. Значитъ, я отличенъ для того, чтобы тѣмъ нѣжнѣе я любилъ моихъ ближнихъ, чтобы тѣмъ болѣе старался самоотверженіемъ сократить то разстояніе, которое временно отдѣляетъ меня отъ нихъ, чтобы тѣмъ болѣе ревновалъ объ ихъ пользѣ и благосостояніи, сострадалъ ихъ немощамъ, трудился за нихъ, переносилъ ихъ недостатки. На меня возлагается знаменіе креста для того, чтобы я тѣмъ смиреннѣе несъ внутренній крестъ, сложенный изъ скорбей моихъ ближнихъ. Должны есмы мы сильніи—если бы мы только заслужили это имя—немощи немощныхъ носити и не себѣ угождати. Старѣйшину ли тя поставиша, не возносися, но буди въ нихъ, яко единъ отъ нихъ".

Замѣчательно, что эта проповѣдь не могла быть произнесена въ настоящемъ ея видѣ. Митрополитъ Никаноръ, которому она была представлена Н. Ѳ. на просмотръ, какъ имѣвшему служить на упомянутомъ праздникѣ, затруднился разрѣшить ее къ произнесенію, во избѣжаніе какой-либо непріятности, въ виду щекотливости нашихъ сановниковъ, и просилъ Н. Ѳ. сказать слово на болѣе индифферентную тему и во всякомъ случаѣ смягчить слишкомъ живое ея изложеніе.

VII.

Недолго продолжался отдыхъ Н. Ѳ. на новомъ мѣстѣ службы. Не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ былъ назначенъ членомъ духовной консисторіи, при чемъ на его долю выпалъ судебный ея отдѣлъ, въ частности дѣла о законности рожденія. Это новое занятіе поставило его въ соприкосновеніе съ міромъ, совершенно неизвѣстнымъ ему съ молодыхъ лѣтъ. Потребовалось ближайшее ознакомленіе съ законами.

По самому свойству этого рода дѣлъ, вытекавшихъ, главнымъ образомъ, изъ отысканія наслѣдственныхъ правъ, чувство состраданія къ лицамъ, безвинно обиженнымъ суровымъ закономъ, нерѣдко приходило у него въ столкновеніе съ обязанностью исполненія закона: уваженіе къ послѣднему преодолѣвало, создавало даже Н. Ѳ. репутацію безчувственнаго формалиста, но тяжело отзывалось на его чуткой, снисходительной натурѣ. То было преобладаніе въ дѣлопроизводствѣ канцелярій. При отсутствіи адвокатуры неразборчивые чиновники канцеляріи консисторіи и даже Сѵнода проведеніемъ дѣлъ лицъ, отыскававшихъ права состоянія и наслѣдства, въ законныхъ инстанціяхъ, хотя бы сами состояли въ нихъ на службѣ, оказывая давленіе на членовъ присутствія безнравственными посулами и угрозами въ случаѣ неуспѣха, нерѣдко оказывавшимися дѣйствительными. Существовала какъ бы система подготовленія кандидатовъ на значительныя наслѣдства, состоявшихъ на прокормленіи секретарей и оберъ-секретарей, доколѣ выигрышъ дѣла не возмѣщалъ съ лихвой понесенныя затраты. По счастію, въ этой борьбѣ за законъ Н. Ѳ. находилъ себѣ помощь въ лицѣ митрополита Никанора, обыкновенно присоединявшагося къ его мнѣнію въ серьезныхъ вопросахъ. И со стороны другихъ представителей духовенства дѣятельность Н. Ѳ. по духовной консисторіи также заслуживала одобренія. Такъ, однажды, на полуоффиціальномъ собраніи придворный протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, членъ Сѵнода и самъ бывшій законоучитель, обратясь къ Н. Ѳ., сказалъ: „благодарю васъ, Николай Ѳедоровичъ, что не даете потачки нашимъ секретарямъ, а то они были бы готовы бить по носу членовъ консисторіи“. Такое сочувствіе общественнаго мнѣнія поддерживало Н. Ѳ. и служило ему утѣшеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда различіе взглядовъ на службѣ заставляло его порывать самыя крѣпкія житейскія связи.

Въ затруднительное положеніе другаго рода Н. Ѳ. былъ поставленъ, въ эти же годы, случаемъ съ возобновленіемъ въ храмѣ иконы Ильинско-Черниговской Божіей Матери. Какъ извѣстно, зданія Смольнаго монастыря были построены по волѣ императрицы Елизаветы, на мѣстѣ ея загороднаго дворца, въ которомъ она уединенно проживала въ предшествующее царствованіе. Сюда же въ новообразованный женскій Воскресенскій монастырь, въ покои императрицы, были перенесены изъ упомянутаго дворца имѣвшіяся въ немъ иконы, а по окончательномъ упраздненіи монастыря въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка онѣ были переданы въ достроенный къ тому времени соборъ. Однѣ изъ нихъ нашли мѣсто въ самомъ храмѣ, а другія хранились при немъ въ особомъ помѣщеніи. Осенью 1852 года одинъ изъ оставшихся старослужилыхъ монастыря сталъ настойчиво тре-

бовать отъ причта собора постановки въ немъ неоказавшейся иконы Черниговской Божіей Матери, икона была отыскана въ числѣ хранившихся, и желаніе его было удовлетворено. Стоустная молва разнесла вѣсть объ этомъ случаѣ между населеніемъ столицы, и всю зиму на 1853 годъ толпы народа стали стекаться въ Смольный соборъ, наполняя его, какъ прежде бывало, лишь въ праздники, и оживляя ведущія къ нему глухія улицы. Полицейскія власти не замедлили встрепенуться и, съ свойственнымъ имъ уваженіемъ къ народной психикѣ, стали требовать устраненія иконы. Епархіальное начальство находилось въ затрудненіи между двумя рѣшеніями, изъ которыхъ каждое представляло свою опасность. На долю Н. Ѳ. выпало сгладить обострившійся эпизодъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ Ильинскимъ монастыремъ въ Черниговѣ и, на основаніи печатныхъ источниковъ, получилъ удостовѣреніе въ томъ, что въ 1709 году, при проѣздѣ императора Петра I послѣ Полтавской побѣды черезъ Черниговъ, ему была поднесена отъ Ильинскаго монастыря копія мѣстной иконы Богоматери. Представлялось правдоподобнымъ, по характеру живописи обновленной иконы (XVII вѣка), ея тождество съ упомянутой копіей, а нахожденіе ея въ составѣ имущества императрицы Елизаветы могло объясниться временемъ рожденія послѣдней въ томъ же 1709 году. Эта справка, поставивъ дѣло на болѣе прочную, историческую почву, устранила домогательства полиціи, а тѣмъ временемъ излишнее возбужденіе богомольцевъ улеглось, и Черниговская икона, въ соотвѣтственной обстановкѣ, донынѣ составляетъ одно изъ лучшихъ молитвенныхъ украшеній храма.

VIII.

Въ началѣ 1854 года скончался въ Петербургѣ каѳедральный протоіерей І. С. Кочетовъ. Званіе каѳедральнаго протоіерея, какъ старшаго лица бѣлаго духовенства епархіи, особенно вліятельно и почетно. Слѣдуетъ припомнить, что епископская каѳедра есть своего рода юридическая личность, имѣющая назначеніемъ, съ самыхъ древнихъ временъ христіанства, рукоположеніе, общее руководство, просвѣщеніе, благотворительность и судебныя дѣла духовенства епархіи подъ главенствомъ епископа. При ней имѣются особый храмъ, архіерейскій хоръ, духовно-учебныя заведенія и учрежденіе для призрѣнія сиротъ духовенства. Личный составъ ея, помимо епископа, состоитъ изъ каѳедральнаго протоіерея, саккеларія (иначе ключаря), нѣсколькихъ іереевъ и дьяконовъ всѣхъ степеней. Въ наиболѣе законченномъ

видѣ учрежденіе каѳедры сохранилось въ нѣкоторыхъ церквахъ востока, въ римской церкви и даже англиканской. У насъ развитіе ея затемнилось позднѣйшими наслоеніями высшихъ бюрократическихъ духовныхъ учрежденій Сvнода, прокуратуры, консисторій; тѣмъ не менѣе она существуетъ и иногда энергично проявляетъ дѣятельность, преимущественно въ южно-русскихъ епархіяхъ. Въ 50-хъ годахъ петербургской каѳедрѣ принадлежалъ Петропавловскій соборъ, что въ Петербургской крѣпости, состоявшій каѳедральнымъ съ основанія столицы до открытія въ 1858 году Исаакіевскаго собора; при немъ состояли духовное училище, епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія и богадѣльни для вдовъ и сиротъ. Со времени учрежденія консисторіи, каѳедральный протоіерей былъ ея старшимъ членомъ, а также благочиннымъ ближайшихъ къ собору приходовъ. Въ соотвѣтствіи сложности его обязанностей, равно какъ и всего клира каѳедральнаго собора, составлявшаго издревле какъ бы совѣтъ епископа, изъ числа членовъ котораго избирались и сами епископы, чинъ служенія въ соборѣ, хотя бы въ отсутствіе епископа, отличался нѣкоторыми привилегіями, принадлежащими сему послѣднему. Митрополитъ Никаноръ, имѣвшій возможность въ послѣдніе годы ближе узнать Н. Ѳ. и получившій къ нему расположеніе подъ впечатлѣніемъ его стойкости въ дѣлахъ консисторіи и умѣлаго разрѣшенія столкновеній какъ въ полоцкомъ инцидентѣ, такъ и въ случаѣ съ Черниговской иконой, предложилъ Н. Ѳ. должность каѳедральнаго протоіерея. Какъ ни грустно было Н. Ѳ. разставаться съ уединеніемъ Смольнаго монастыря, какъ ни мало походили предстоявшія ему обязанности на тѣ, которыя давали бы ему возможность „мирно и радостно окончить литургію жизни", но усвоенное съ молодости уваженіе къ архипастырской власти поборало эгоистическое чувство и побудило его принять лестное назначеніе, соединявшее его вновь съ храмомъ, въ которомъ онъ нѣкогда началъ службу въ болѣе скромномъ званіи. При томъ онъ чувствовалъ себя значительно окрѣпшимъ послѣ четырехлѣтняго перерыва педагогическихъ занятій. Конечно, не могло быть уже рѣчи о любимомъ произнесеніи въ храмѣ проповѣдей, но нѣкоторыя изъ выпавшихъ на него здѣсь обязанностей, ректорство въ училищѣ, предсѣдательство попечительства и надзоръ за богадѣльнями, давали новую пищу его теплому, заботливому сердцу въ стараніяхъ о возможно правильной и человѣчной, при скудныхъ средствахъ, постановкѣ дѣла воспитанія малолѣтнихъ и призрѣнія сиротъ. Преосвященнымъ митрополитомъ возлагалось также на него миролюбивое разрѣшеніе семейныхъ столкновеній въ средѣ столичнаго духовенства.

Положеніе причта каѳедральнаго собора усложнялось въ то время

еще тѣмъ, что онъ одновременно былъ мѣстомъ погребенія почившихъ императоровъ и членовъ императорскаго семейства. Въ обыкновенное время это имѣло послѣдствіемъ лишь значительное число торжественныхъ поминальныхъ служеній, въ которыхъ долженъ былъ участвовать причтъ и настоятель собора, но съ неожиданною кончиною въ февралѣ 1856 года императора Николая Перваго, кромѣ увеличенія числа служеній, явилась надобность въ разнаго рода распоряженіяхъ по собору, предпринимавшихся посторонними вѣдомствами совмѣстно съ настоятелемъ. Сами богослуженія отправлялись какъ епархіальнымъ, такъ и придворнымъ духовенствомъ: послѣднее, имѣя свои указанія, какъ бы игнорировало значеніе даннаго храма, какъ епархіальнаго, смотрѣло на него единственно какъ на царскую усыпальницу и, можетъ быть, помимо воли, иногда не сообразовалось съ временемъ и условіями общихъ службъ. Отсюда происходили неизбѣжныя столкновенія, отражавшіяся даже на добрыхъ отношеніяхъ Н. Ө. съ протопресвитеромъ Бажановымъ, и нуженъ былъ весь тактъ Н. Ө., чтобы приводить эти недоразумѣнія къ желаемому исходу. Въ настоящее время, какъ извѣстно, Петербургская каѳедра переведена въ Исаакіевскій соборъ, а Петропавловскій соборъ, оставшись лишь императорскою усыпальницею, перечисленъ въ придворное вѣдомство.

Надо прибавить, что по мѣсту нахожденія Петропавловскаго собора въ Петербургской крѣпости на Н. Ө., какъ настоятелѣ собора, лежала грустная обязанность послѣдняго утѣшенія содержавшихся въ ней государственныхъ преступниковъ, въ случаяхъ ихъ смерти, а также увѣщаніе содержавшихся въ ней раскольниковъ и старообрядцевъ иностранной іерархіи. Собесѣдованія съ послѣдними были для него нелегки, хотя иногда вознаграждались полученіемъ интересныхъ историческихъ и другихъ свѣдѣній. Н. Ө. старался знакомить ихъ съ нашимъ богослуженіемъ и самимъ храмомъ. Къ сожалѣнію, однажды, послѣ такого осмотра, всѣ иконы нижней части иконостаса—изящныя миніатюры съ изображеніемъ евангельскихъ событій—оказались испорченными: въ нихъ были выцарапаны глаза у всѣхъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу святыхъ. Послѣ этого пришлось быть осторожнѣе.

Между тѣмъ своимъ порядкомъ шли занятія Н. Ө. по наблюденію за законоученіемъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, посѣщенію уроковъ, экзаменовъ, даже нѣсколько осложнившіяся съ началомъ Крымской войны, вызвавшей усиленные выпуски кадетъ. По-прежнему говорилъ онъ ежегодно рѣчи къ воспитанникамъ передъ присягою, для принятія которой въ эти годы собирались на плацъ перваго корпуса выпускные кадеты всѣхъ петербургскихъ корпусовъ. Государь наслѣдникъ, присутствовавшій на этихъ собраніяхъ, какъ главный

начальникъ, видимо бывалъ тронутъ послѣднимъ прощаніемъ съ воспитанниками, отправлявшимися съ учебной скамьи на раны и смерть. Какъ при этихъ случаяхъ, такъ и впослѣдствіи, по восшествіи на престолъ, при встрѣчахъ съ Н. Ѳ. въ Петропавловскомъ соборѣ, онъ продолжалъ оказывать ему знаки сочувственнаго вниманія. Только однажды промелькнула тѣнь неудовольствія. Дѣло происходило въ одной изъ залъ Зимняго дворца, во время приготовленія къ крещенской процессіи. Проходившій государь наслѣдникъ, увидѣвъ Н. Ѳ., подошелъ къ нему и въ разговорѣ выразилъ ему сожалѣніе, по поводу перехода въ Александровскій лицей законоучителя втораго кадетскаго корпуса А. Н. Строкина, молодаго, весьма интеллигентнаго священника, какъ бы съ упрекомъ, что тотъ не былъ задержанъ для корпуса. Н. Ѳ., позволилъ себѣ замѣтить, что лицей столько же, если не болѣе, нуждается въ хорошемъ законоучителѣ. Замѣчаніе это, однако, не удовлетворило цесаревича, и онъ успокоился лишь тогда, когда Н. Ѳ. завѣрилъ въ принятіи всѣхъ мѣръ къ замѣщенію о. Строкина вполнѣ соотвѣтственнымъ лицомъ. Н. Ѳ. даже самъ подумывалъ передъ тѣмъ, подъ впечатлѣніемъ хлопотъ соборной службы, принять мѣсто законоучителя въ лицеѣ, но его остановило малое знакомство съ философіей, преподаваніе которой, подъ видомъ логики и психологіи, лежало въ то время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на законоучителѣ. Съ перемѣной царствованія настроеніе управленія кадетскими корпусами, а съ нимъ и засѣданій учебнаго комитета, замѣтно измѣнилось. Подъ вліяніемъ общественнаго движенія, вызваннаго печальными результатами Крымской войны и свѣтлыхъ идей молодаго государя, Я. И. Ростовцевъ сталъ возвращаться, въ вопросахъ педагогики, къ воззрѣніямъ прежнихъ лѣтъ, предшествовавшихъ печальной памяти 1848 году. Нѣкоторые изъ его сотрудниковъ, наиболѣе упорствовавшіе прежде въ суровыхъ требованіяхъ инструкціи 49-го года, теперь одинъ передъ другимъ соревновали въ запросахъ о скорѣйшемъ введеніи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ новаго, открытаго строя воспитанія и образованія. Такое настроеніе порой удручало Н. Ѳ., извѣдавшаго на опытѣ всю непрочность осуществленія скороспѣлыхъ предположеній. Такъ, въ вопросѣ о закрытіи сиротскаго кадетскаго корпуса, онъ, несмотря на убѣжденіе въ несовершенствѣ результатовъ воспитанія въ заведеніяхъ для малолѣтнихъ, не могъ присоединиться къ мнѣнію о цѣлесообразности немедленнаго закрытія этого учрежденія и предоставленія отпускавшихся на него средствъ въ распоряженіе опекуновъ надъ сиротами. Огорчала его также нѣкоторая распущенность, незамедлившая проявиться въ обществѣ, особенно среди молодежи, на первыхъ порахъ реформъ.

Подъ гнетомъ этихъ сомнѣній грустью вѣетъ отъ послѣдней рѣчи

Н. Ѳ. къ выпускнымъ кадетамъ, произнесенной въ маѣ 1856 года. Приводимъ изъ нея главнѣйшія мѣста.

„Г.г. новопроизведенные офицеры. Вы имѣете теперь произнести клятву въ исполненіи вами обязанностей воина. Богъ чрезъ возлюбленнаго монарха даровалъ намъ миръ. Но вы готовитесь на подвиги военные, потому что всегда необходимы готовые, сильные охранители внѣшняго мира, и вамъ всегда будетъ случай исполнить вашу присягу. Кто знаетъ, можетъ быть, наступитъ время, когда и вы станете съ оружіемъ передъ лицомъ враговъ, подобно множеству вашихъ предшественниковъ, которые заслужили на полѣ брани благословеніе отечества и уваженіе отъ самихъ враговъ. А теперь, по указанію промысла Божія, воспользуйтесь временемъ, чтобы постепенно, исподволь усовершить себя въ исполненіи вашего долга и тѣмъ выше стать впослѣдствіи.

„Усовершайте вашъ умъ. Не говорю объ обогащеніи его свѣдѣніями въ дѣлѣ военномъ: и необходимость, и ваша польза, и духъ времени, жаждущій просвѣщенія, не допустятъ васъ остановиться на познаніяхъ, доселѣ вами пріобрѣтенныхъ. Обогащайте вашъ умъ познаніемъ истинъ вѣры, возвышайте его размышленіемъ о Богѣ, о Его промыслѣ, о жертвѣ искупленія, принесенной за насъ, о вѣчности, о безсмертіи, о судѣ Божіемъ. Еще разъ напоминаю вамъ, каждому имѣть хотя одну священную или отеческую книгу, чтобы въ часы душевнаго мира воодушевлять себя къ богоугодной жизни бесѣдою съ богопросвѣщенными мужами. Понятія о добрѣ и злѣ быстро мѣняются въ разныя времена, въ разныхъ обществахъ; всегда неизмѣнно—вѣрныя правила жизни почерпаются въ словѣ Божіемъ.

„Разумныя, богоподобныя созданія, назначенныя для вѣчной жизни. Не допустите, чтобы что-либо чувственное, низкое овладѣло вашей волей, со всею горячностью юной души ищите горнихъ, прилѣпляйтесь вашимъ сердцемъ къ тому, что честно, свято, истинно-благородно и богоугодно, и вы сохраните вѣчное достоинство человѣка. Владѣя страстями, вы найдете истинную свободу духа. Побѣдивши себя, будете имѣть силу побѣдить и враговъ. Тотъ, кто далъ законъ и призываетъ къ его исполненію, дастъ вамъ и помощь въ ожидающей васъ борьбѣ...“

IX.

Какъ бы то ни было, при содѣйствіи расположенныхъ къ нему сослуживцевъ, Н. Ѳ. продолжалъ справляться со своими разнообразными занятіями и даже находилъ время прислушиваться къ голосу

публицистики и литературы, оживших съ наступленіемъ новаго царствованія. Напечатанные въ „Морскомъ Сборникѣ" „Вопросы жизни" Пирогова произвели на него глубокое впечатлѣніе, хотя и не удовлетворили вполнѣ, по недостаточному, съ его точки зрѣнія, развитію въ нихъ христіанской основы воспитанія. Особенное вниманіе Н. Ѳ. привлекалъ къ себѣ крестьянскій вопросъ, законодательное возбужденіе котораго уже чувствовалось въ обществѣ. „Новымъ людямъ, съ молодымъ гуманнымъ государемъ во главѣ,—говаривалъ Н. Ѳ.,— удастся лучше разрѣшить это великое дѣло, чѣмъ отживающему поколѣнію". Вскорѣ, однако, въ жизни Н. Ѳ. произошло событіе, оказавшее на нее значительное вліяніе. Въ сентябрѣ 1856 года неожиданно скончался петербургскій митрополитъ Никаноръ, по возращеніи изъ Москвы съ коронаціи, гдѣ получилъ острую болѣзнь и нравственно испытывалъ уколы самолюбія, принужденный уступить первенствующее мѣсто московскому архипастырю. Сынъ столичнаго священника, воспитанникъ Московской академіи, человѣкъ образованный, въ молодые годы викарій митрополита Филарета, а впослѣдствіи долгое время состоявшій епископомъ въ губерніяхъ западной окраины и обязанный своимъ послѣднимъ положеніемъ, подобно предшественнику своему, митрополиту Антонію, рекомендаціи графа Паскевича, преосвященный Никаноръ отличался деликатностью въ обращеніи, не всегда свойственной у насъ высшимъ духовнымъ властямъ, уваженіемъ къ людямъ труда, и хотя въ отношеніяхъ съ свѣтской властью былъ уступчивъ, но всегда стремился къ правдѣ, болѣлъ, когда не могъ ее осуществить, и цѣнилъ стойкихъ въ ней сослуживцевъ. Такія свойства архипастыря обезпечивали въ немъ для Н. Ѳ. желанную опору. На мѣсто преосвященнаго Никанора петербургскимъ митрополитомъ и первенствующимъ членомъ Сѵнода былъ назначенъ преосв. Григорій, архіепископъ казанскій,—то самое лицо, которое было ректоромъ духовной академіи въ бытность Н. Ѳ. студентомъ. Назначеніе это послѣдовало во вниманіе къ общему отзыву, по крайней мѣрѣ высшихъ круговъ духовенства, о безупречной жизни, серьезныхъ знаніяхъ, опытности и самостоятельности владыки, совпадавшему съ желаніемъ самого императора Александра II видѣть во главѣ церковной іерархіи болѣе авторитетное лицо. Казалось, сотрудничество съ новымъ архипастыремъ сулило Н. Ѳ. продолженіе добрыхъ дней, тѣмъ болѣе, что въ повременные пріѣзды въ Петербургъ для присутствія въ Сѵнодѣ преосвященный Григорій, посѣщая Н. Ѳ., всегда привѣтливо къ нему относился. Но, какъ нерѣдко бываетъ, долгіе годы жизни въ различныхъ условіяхъ разобщили сочувствующихъ. Недоразумѣніе произошло при первомъ же представленіи старшаго столичнаго духовенства. Привыкнувъ къ раболѣпству провинціальнаго

духовенства въ глухихъ восточныхъ губерніяхъ, преосвященный Григорій, повидимому, ожидалъ отъ представлявшихся лицъ земнаго поклона, между тѣмъ Н. Ѳ., помня отвращеніе своего былаго ректора къ грубой лести, ограничился простымъ, глубокимъ поклономъ, такъ же поступило и остальное духовенство. Свое неудовольствіе преосвященный Григорій не замедлилъ показать въ скоромъ времени при торжественномъ вступленія на новую каѳедру. Встрѣченный во вратахъ храма соборнымъ духовенствомъ, онъ, по традиціи, долженъ былъ, выслушать привѣтствіе каѳедральнаго протоіерея. Едва Н. Ѳ. произнесъ нѣсколько словъ, какъ преосвященный отстранилъ его рукой, сказавъ „пусти", и быстро направился къ серединѣ храма. Лишеніе возможности произнести привѣтствіе было въ данномъ случаѣ тѣмъ неумѣстнѣе, что не могло быть сомнѣнія въ разумно-охранительномъ содержаніи его, по крайней мѣрѣ, читавшіе конспектъ этого привѣтствія припоминаютъ, что въ немъ упоминалось, между прочимъ, о своевременности примѣненія знаній и опыта преосвященнаго на новомъ высокомъ посту, какъ находящемся при вратахъ нашего отечества въ Западную Европу, откуда съ особенной силой приходятъ къ намъ и благотворныя, и пагубныя вѣянія. Рѣзкость допущеннаго архипастыремъ обращенія, въ торжественной обстановкѣ, передъ сонмомъ сослуживцевъ, глубоко огорчила Н. Ѳ. и хотя въ послѣдующіе мѣсяцы, съ приступомъ къ совмѣстнымъ занятіямъ, отношенія сгладились, но при пожилыхъ годахъ Н. Ѳ. и новости для него чего-либо подобнаго, настоящій печальный случай не могъ не отозваться пагубно на его впечатлительной натурѣ. Самъ преосвященный Григорій, слишкомъ поздно возведенный въ санъ петербургскаго митрополита, недолго оставался на этомъ посту. Онъ проявилъ заботливость о духовной академіи, учредилъ преміи по византійской исторіи и древностямъ, но въ другихъ, общецерковныхъ отношеніяхъ, высказалъ узкость взгляда недовольнаго старца. Такъ, по его распоряженію, были устранены изъ соборнаго храма Александроневской лавры превосходные портреты Петра и Екатерины, основателя и устроительницы монастыря, помѣщенные изстари на западной стѣнѣ храма, а также имъ былъ воздвигнутъ походъ противъ ношенія женщинами крестовъ въ видѣ украшеній и противъ печатанія такихъ же узоровъ на матеріяхъ, давшій обильную пищу тогдашнему отечественному и даже заграничному злословію.

Между тѣмъ исподволь подкрадывалась къ Н. Ѳ. неотвратимая бѣда, которая и разразилась въ январѣ 1857 года. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ появились у него признаки внутренней болѣзни, не рѣдкой у духовныхъ лицъ,—результата продолжительнаго стоянія и классныхъ занятій. Болѣзнь эта усилилась послѣ холернаго лѣта 1848 года,

когда Н. Ѳ. остался въ городѣ для напутствія умирающихъ какъ среди населенія корпуса, такъ и въ помощь сосѣднимъ приходскимъ. При этомъ она стала осложняться по временамъ мрачнымъ настроеніемъ духа. Средства тогдашней медицины не много ему помогали. Значительное облегченіе отъ недуга онъ получилъ съ облегченіемъ занятій, во время четырехлѣтней службы въ Смольномъ монастырѣ, но съ переходомъ въ Петропавловскій соборъ, подъ вліяніемъ вновь увеличившихся занятій, болѣзнь опять стала усиливаться. Быть можетъ, на нравственную сторону ея подѣйствовали здѣсь и сами частыя заупокойныя служенія; въ наиболѣе свѣтлые праздники, какъ Пасха, предстояло обходить императорскія гробницы—этихъ лучшихъ, по выраженію Н. Ѳ., его прихожанъ, чтобы привѣтствовать ихъ молитвеннымъ „Христосъ Воскресе". Почившій покровитель Н. Ѳ., великій князь Михаилъ Павловичъ, самъ вѣнценосецъ Николай I, ко времени котораго относились десятки лѣтъ его службы, какъ бы указывали ему на предстоящій конецъ и его посильнымъ трудамъ. Лѣтомъ 1856 года врачи посовѣтовали Н. Ѳ. отправиться для лѣченія въ Карлсбадъ; состоявшаяся къ тому времени отмѣна стѣснительныхъ паспортныхъ правилъ облегчала это предположеніе, не затруднился бы Н. Ѳ. и сохраненіемъ въ поѣздкѣ духовной одежды, довѣряя культурности условій западно-европейской жизни; епархіальное начальство было согласно на его отпускъ, но назначенная на августъ этого года коронація новаго императора помѣшала осуществиться его намѣренію. Съ отбытіемъ св. Сѵнода въ Москву, учреждалась въ Петербургѣ временная сѵнодальная контора, членомъ которой состоялъ каѳедральный протоіерей, и вообще увеличивались занятія оставшихся высшихъ духовныхъ лицъ. Послѣ этого осень уже не могла пройти для него удовлетворительно, особенно въ связи съ предшествующимъ печальнымъ инцидентомъ.

Къ началу 1857 года болѣзнь приняла острый характеръ. 12 января Н. Ѳ. въ послѣдній разъ выѣзжалъ изъ дому въ св. Сѵнодъ, на епископское нареченіе, при которомъ каѳедральному протоіерею принадлежала обязанность введенія новонарекаемаго въ сонмъ іерарховъ. Послѣ того начались дни тяжелыхъ страданій, когда, по словамъ врачей, почти уже не было надежды на выздоровленіе. Въ промежутки облегченія Н. Ѳ. нерѣдко, прохаживаясь по кабинету и смотря на висѣвшій здѣсь, пріобрѣтенный имъ издавна портретъ преосвященнаго Григорія, говорилъ: „учитель мой, учитель, не пришлось мнѣ съ тобой поработать". Съ приближеніемъ праздника Срѣтенія Господня онъ, въ эти же минуты, утѣшалъ себя пѣніемъ относящихся къ празднику трогательныхъ пѣснопѣній Богородицѣ и старцу Симеону. Заходившій посѣтить больнаго старикъ протоіерей Пѣвниц-

кій, съ трудомъ удерживая слезы, тихо приговаривалъ при этомъ: „какого голоса мы лишаемся“. Одному изъ старательныхъ молодыхъ сослуживцевъ Н. Ѳ., вспоминая свою ретивость въ юные годы въ принятіи выпадавшихъ на него обязанностей, сказалъ въ эти дни: „береги свое здоровье—всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь“. Въ минуты полусознанія отъ нестерпимой боли, какъ бы сожалѣя о недостаточной настойчивости въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ и о потраченныхъ трудахъ на соглашеніе противорѣчивыхъ иногда интересовъ, Н. Ѳ. съ горечью приговаривалъ: „ни свѣту не угодилъ, ни тьмѣ не угодилъ“. Онъ забывалъ извѣданную имъ же на опытѣ трудность осуществленія добра въ жизни и евангельское изреченіе, благословляющее миротворцевъ.

Н. Ѳ. скончался въ ночь на 4 февраля 1857 г., на 53 году жизни. Кончина его вызвала общее сочувствіе во всѣхъ кругахъ, къ которымъ онъ примыкалъ. Управленіе военно-учебными заведеніями, съ Я. И. Ростовцевымъ во главѣ, выразило особенное вниманіе и признательность памяти его добросовѣстнаго дѣятеля. Въ комитетѣ министровъ, какъ передавало одно бывшее въ засѣданіи его, въ эти дни, лицо, присутствовавшіе сановники, такъ или иначе знавшіе Н. Ѳ., сошлись въ одинаковой оцѣнкѣ его душевныхъ свойствъ и общеполезной дѣятельности. Петербургское духовенство, прежніе сослуживцы по различнымъ учрежденіямъ, ученики, многія семейства ихъ отозвались съ трогательнымъ единодушіемъ. Какъ условлено было между членами св. Сvнода, выносъ его былъ произведенъ архіепископомъ тверскимъ Ѳеодотіемъ, благочестивымъ старцемъ, а отпѣваніе совершено Ниломъ, архіепископомъ ярославскимъ, извѣстнымъ миссіонерской дѣятельностью въ бытность епископомъ иркутскимъ, въ сослуженіи съ мѣстнымъ викаріемъ. Митрополитъ Григорій не имѣлъ возможности участвовать въ служеніи, не будучи въ силахъ вынести продолжительнаго обряда священническаго погребенія. Преосвященный Макарій, пресловутый „блюститель“, выразивъ по настоящему поводу искреннее сочувствіе, отъ участія въ служеніи уклонился, подъ предлогомъ академическихъ занятій. Императоръ Александръ II, по доведеніи до свѣдѣнія о кончинѣ Н. Ѳ., въ виду невозможности совершить отпѣваніе въ Петропавловскомъ соборѣ, какъ царской усыпальницѣ, изъявилъ желаніе, чтобы оно было совершено въ соборѣ всѣхъ учебныхъ заведеній, но желаніе это не могло осуществиться по отдаленности собора отъ мѣста погребенія, избраннаго самимъ покойнымъ при жизни, на Смоленскомъ кладбищѣ. Обрядъ былъ исполненъ въ старинной Троицкой церкви на Петербургской сторонѣ.

Подъ алтаремъ придѣла главнаго храма кладбища, посвященнымъ

св. евангелисту Іоанну Богослову, находится гробница протоіерея Н. Θ. Раевскаго, между гробницами его перваго, уважаемаго начальника, каѳедральнаго протоіерея Колосова и строителя храма. Свѣтъ лампады озаряетъ надъ ней ликъ Спасителя и подъ нимъ слова изъ Евангелія любимаго ученика: „аще кто любитъ меня, слово мое соблюдетъ, и отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ".

X.

Въ переживаемую нами эпоху, когда каждая общественная группа подводитъ итоги своей предшествующей дѣятельности, своимъ заслугамъ и недочетамъ, ища себѣ указанія на будущее время, умѣстно было вспомнить о лицѣ, которому судьба не мало благопріятствовала, но не мало и поставляла преградъ въ выпавшей на его долю общественной просвѣтительной дѣятельности. Въ сферѣ проповѣди Н. Θ. Раевскій пытался сначала касаться, съ христіанской точки зрѣнія, болѣе глубокихъ вопросовъ духа и общественности, но темное время, которое ему пришлось прожить, подозрительное къ малѣйшему проявленію самостоятельной мысли, къ критикѣ окружающихъ явленій и къ слову, свободному отъ оковъ схоластической рутины, побудило его остановиться въ церковномъ словѣ, главнымъ образомъ, на вопросахъ частной семейной жизни, взаимныхъ отношеній супруговъ, воспитанія дѣтей. Помимо вліянія природной горячности чувства и встрѣченной съ первой поры жизни доброй атмосферы родительскаго дома, къ этому влекло его сознаніе упадка у насъ въ тѣ годы семейной жизни. При дѣйствіи крѣпостнаго права, въ нашемъ помѣщичьемъ классѣ, дававшемъ тонъ и остальному зажиточному населенію, женщина, пользуясь полнотою правъ, стремилась не столько къ исполненію скромныхъ семейныхъ обязанностей, сколько къ житейскимъ вопросамъ болѣе общаго характера. Не говоримъ уже о нерѣдкихъ печальныхъ примѣрахъ, когда дѣти, предоставленныя на волю нянейи гувернантокъ, физически и нравственно калѣчились, а мать, зачитываясь произведеніями извращенной мысли, парила въ мечтахъ о свободной любви, чтобы пасть передъ первымъ искусителемъ, вносившемъ въ семью горе и нестроеніе. И если съ пробужденіемъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка запроса на иныя общественныя условія, неудержимо, въ первую же очередь, возникъ у насъ вопросъ о лучшей постановкѣ домашняго воспитанія, и въ самое короткое время, въ интеллигентныхъ сферахъ произошелъ благодѣтельный переворотъ

во взглядѣ на задачи воспитанія, то одною изъ причинъ тому едва-ли не была приготовленность почвы трудами подобныхъ Н. Ѳ. убѣжденныхъ пастырей. „Въ этомъ соту,—скажемъ его любимымъ выраженіемъ—была капля и его меда".

Другимъ завѣтомъ пастырской дѣятельности Н. Ѳ., обращеннымъ преимущественно къ военному строю, въ общеніи съ которымъ протекла наибольшая часть его жизни, былъ призывъ къ беззавѣтному исполненію долга, къ терпѣнію въ перенесеніи трудовъ военной жизни, къ доброму товариществу, къ полному самоотверженію, даже до смерти, по слову божественнаго основателя церкви. Правда, мало здѣсь слышится поощренія къ индивидуальной дѣятельности, къ бодрой рѣшимости въ распоряженіяхъ, къ стойкости характера и гражданскому мужеству, но опять-таки не забудемъ, что время, къ которому относится дѣятельность Н. Ѳ., было временемъ суроваго порядка, признававшаго лишь приказаніе и повиновеніе, не допускавшаго свободной дѣятельности единицъ и группъ, искусственно притягивавшаго всѣ силы на служеніе себѣ. Служеніе это до такой степени поглощало тогдашнихъ дѣятелей, что даже лучшіе изъ нихъ, имена которыхъ впослѣдствіи соединены съ самыми благотворными государственными актами, хотя рѣшались высказывать власти правду, но были далеки отъ мысли, безъ прямаго указанія власти, покидать активную дѣятельность, когда она могла не согласоваться съ ихъ убѣжденіемъ. Будущему принадлежитъ развить у насъ болѣе нормальный общественный строй и соотвѣтственно этому вызвать новыя болѣе свѣтлыя личныя качества. До тѣхъ же поръ добрыя свойства, хотя и пассивнаго характера, на которыхъ настаивали проповѣдники прежнихъ лѣтъ, сослужили великую службу въ тяжкія годины отечества, при защитѣ ли Севастополя, во время ли упорнаго сидѣнья подъ Плевной и на горахъ Шипки, или въ нежданныхъ побоищахъ на поляхъ Манчжуріи. Надо полагать, что при трудности первобытныхъ условій нашей родины, вызывающей въ каждомъ случаѣ крайнее напряженіе всѣхъ сторонъ человѣческой природы, и впредь они долго еще сохранятъ значеніе при исполненіи святой обязанности защиты домашняго очага и родной земли, составляющей вѣковой смыслъ воинскаго служенія.

Заслуживаетъ вниманія современныхъ пастырей и самый внѣшній обликъ поученій Н. Ѳ. Рѣчь его, свободная, плавная, литературная, нѣсколько расплывчатая въ первые годы, подъ вліяніемъ Карамзина и чужеземныхъ образцовъ, становится съ годами проще, сосредоточеннѣе, рельефнѣе, въ уровень прозы послѣдующихъ писателей. Онъ никогда не забываетъ святости мѣста, гдѣ говоритъ, всего тона нашего богослуженія, призывающаго къ тихой молитвѣ, къ успокоенію

житейскихъ волненій, а не къ растравленію ранъ, приведшихъ страдальца на порогъ храма. Кругъ предметовъ проповѣди неограниченъ. Новые жгучіе вопросы ожидаютъ у насъ освѣщенія съ христіанской точки зрѣнія. Слѣдуетъ, однако, желать, чтобы наши молодые проповѣдники новаго закала, въ законномъ стремленіи къ простотѣ рѣчи, сохраняли, по примѣру Н. Ѳ., общеніе съ лучшими произведеніями современной литературы; это придало бы ихъ слову привлекательную для слушателя печать изящества и предохранило бы ихъ отъ тривіальности, неумѣстной въ храмѣ. Въ свою очередь, пастырь прежняго строя, вынесшій на себѣ всю тяжесть черновой стороны культа, всѣхъ частныхъ служеній, поминовеній, записей, найдетъ откликъ въ простомъ, убѣжденномъ словѣ Н. Ѳ., когда и ему выпадетъ обратиться съ словомъ любви и увѣщанія къ немудрой паствѣ.

Тяжела у насъ,—да и не у насъ однихъ,—доля большинства духовенства. Подобно Игнатію Богоносцу, въ средневѣковомъ сказаніи, добрый пастырь несетъ на своихъ плечахъ бремя Христовой истины среди бурнаго потока окружающихъ его препятствій—давленія сложной іерархіи, докучливаго надзора свѣтской власти, нерасположенія общества, невѣжества народа, порой собственной немощи матеріальной и нравственной. Поддержкой на этомъ скорбномъ пути ему долженъ служить примѣръ прежде него трудившихся пастырей, при такихъ же и еще болѣе трудныхъ условіяхъ, сознаніе, что затрудненія эти исходятъ не отъ самой истины, а отъ временныхъ условій, при коихъ она вносится въ темный міръ, и что съ ходомъ развитія человѣческихъ обществъ, трудомъ добрыхъ силъ, эти тучи разсѣятся къ вѣчному сіянію истины. „Не мною церковь началась, не мною и кончится“, сказалъ Іоаннъ Златоустъ, при оставленіи константинопольской каѳедры, утѣшая осиротѣвшую паству.

С. Р.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

V [1]).

Прибытіе въ Петербургъ.—Бесѣда съ графомъ Толстымъ.—Пререканія въ строительной коммиссіи.—Положеніе дѣлъ въ Петербургѣ.—Похищеніе доски и денегъ, положенныхъ подъ фундаментъ во время закладки.—Характеристика Казнакова.—Университетскія безобразія въ Казани.

Описывать обратный путь на пароходѣ считаю излишнимъ. Та же широкая Обь съ ея пустынными берегами, тотъ же печальный Нарымъ, Томскъ и Сургутъ съ грязными остяками и крошечнымъ русскимъ населеніемъ. Погода во все время нашего плаванія, несмотря на сентябрь мѣсяцъ, была замѣчательно теплая и ясная. Спутники на пароходѣ такъ же, какъ и въ передній путь, оказались весьма симпатичные и интересные. Ближе всего мы сошлись съ семействомъ барона Штакельберга, возвращавшагося въ Европейскую Россію съ Амура, изъ Благовѣщенска. Съ нимъ мы дѣлились во время длиннаго пути мыслями и впечатлѣніями: онъ—по Восточной Сибири и Китайской Манджуріи, я—по Западной; во время приваловъ на пристаняхъ дѣлали маленькія береговыя экскурсіи, стараясь подмѣтить что-либо стоющее вниманія. Плыли мы девять сутокъ и добрались только до деревни Іевлевой (на р. Тоболѣ), такъ какъ по причинѣ мелководья Туры дальше пароходъ слѣдовать не могъ. Отъ Іевлевой до Тюмени (120 верстъ) пришлось ѣхать на перекладныхъ, что при ясной и теплой погодѣ не представляло еще очень большаго неудобства. Въ Тюмени на почтовой станціи нашли проходные экипажи и благополучно добрались до Екатеринбурга. Этотъ разъ дорога оказалась веселѣе, такъ какъ не было удручающей грязи.

---

[1]) См. „Русскую Старину", май 1906 г.

Въ Казань возвратился только 19 сентября, а 1 октября долженъ былъ снова отправиться въ путь, по вызову министра, въ Петербургъ, для представленія отчета за текущее лѣто и для личныхъ объясненій по дѣламъ Сибирскаго университета.

Въ Казани меня ожидало длинное письмо отъ многоуважаемаго Александра Прохоровича Ширинскаго-Шахматова, извѣщавшаго меня о своемъ выходѣ изъ министерства, хотя я уже зналъ объ этомъ раньше. Не могу воздержаться не привести извлеченій изъ этого дорогаго для меня письма. „Доселѣ я не отвѣтилъ на письмо вашего превосходительства изъ Томска,—писалъ Александръ Прохоровичъ,—а теперь отвѣчаю уже вамъ въ Казань. Совершилась закладка Сибирскаго университета—слава Богу! Дай вамъ Богъ въ добромъ здоровьѣ и въ полномъ сердечномъ удовольствіи и спокойствіи дождаться, когда и матеріальный послѣдній гвоздь будетъ вбитъ, и когда послѣдуетъ окончательное сформированіе духовныхъ и научныхъ силъ будущаго разсадника образованія въ Сибири. Сердечно вамъ желаю, глубокоуважаемый Василій Марковичъ, благополучно дожить до той минуты, когда вы сознательно и вполнѣ возрадуетесь о вашемъ твореніи. По старой памяти порадуйте меня изъ Казани вѣстію о благополучномъ возвращеніи вашемъ и вашихъ. Я долженъ сказать вамъ, во-первыхъ, что письмо ваше застало меня на излетѣ изъ столицы въ деревню. Еще при графѣ (Толстомъ) я просилъ объ увольненіи меня отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія, но получилъ просимое только чрезъ Сабурова. По милости государя оставленъ сенаторомъ общаго присутствія (чего мнѣ очень хотѣлось) и почетнымъ опекуномъ, съ полученіемъ содержанія, мнѣ производившагося. Благодаря такой милости, я въ семь почти лѣтъ своей службы при графѣ нынѣ имѣлъ въ первый разъ возможность провести лѣто въ деревнѣ и заняться лѣченіемъ (отъ котораго, впрочемъ, немного получилъ пользы)... Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія я служилъ 31 годъ, 15—16 лѣтъ былъ попечителемъ въ трехъ округахъ и, слава Богу, вспоминаю съ удовольствіемъ это время, хотя и бывшее иногда нелегкимъ. Всегда, что начинается, то и кончается. Я считаю окончаніе моей службы чрезъ мѣру взысканнымъ милостью государя императора и совершенно соотвѣтствующимъ моимъ желаніямъ и моему 58-лѣтнему возрасту, въ который энергія уже слабѣетъ и немощи требуютъ успокоенія... Я удаляюсь подъ вахту, на кубрикъ, простоявъ 43 года на вахтѣ; но съ тѣмъ, чтобы по первому свистку „всѣхъ наверхъ“ немедленно явиться, если потребуютъ...[1]) Да хранитъ васъ Богъ.

[1]) Князь Александръ Прохоровичъ первое время своей службы состоялъ морскимъ офицеромъ и потому любилъ иногда употреблять морскіе термины.

Сердечно уважающій и преданный вамъ кн. А. Шахматовъ". 30 авг. 1880 г.

Къ сожалѣнію, князь не дождался этого свистка, призывающаго къ новой дѣятельности. Здоровье его было расшатано больше, чѣмъ мы предполагали; тяжкій недугъ подкрадывался незамѣтно. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ у него совершенно неожиданно развилась параплегія, а вслѣдъ за нею тяжелое психическое разстройство, послѣ чего онъ въ скоромъ времени скончался. Вспоминая нынѣ объ этомъ высокогуманномъ, добрѣйшемъ человѣкѣ, съ которымъ мнѣ приходилось много работать, а еще больше и чаще дѣлиться въ семейномъ кругу мыслями и чувствами по разнымъ современнымъ вопросамъ, я считаю за особую для себя честь и удовольствіе многолѣтнее знакомство съ этимъ прекраснымъ семействомъ. Такіе люди не часто встрѣчаются на жизненномъ пути, особенно въ наше эгоистическое время.

Но пора возвратиться къ прерванному разсказу о поѣздкѣ въ Петербургъ. Прошло съ небольшимъ пять мѣсяцевъ, какъ я былъ въ министерствѣ въ послѣдній разъ, но какъ измѣнились здѣсь и люди, и порядки. Изъ лицъ, съ которыми я имѣлъ дѣловое соприкосновеніе, только директоръ департамента М. Е. Бродке остался въ прежнемъ положеніи, остальные либо отошли на второй планъ, какъ, напр., А. Ив. Георгіевскій, либо совсѣмъ оставили министерство. Для меня, конечно, важнѣе всего были взгляды на наше сибирское дѣло самого министра А. А. Сабурова и его товарища П. А. Маркова. Къ счастію, у того и другаго я нашелъ ласковый пріемъ и полное сочувствіе Сибирскому университету. Отчасти я объясняю это вліяніемъ великаго князя Константина Николаевича, который попрежнему ко мнѣ милостивъ. На другой же день послѣ пріѣзда министръ назначилъ мнѣ особый часъ для доклада въ своей квартирѣ. Тамъ же были П. А. Марковъ и директоръ департамента. Независимо отъ отчета, представленнаго наканунѣ, я подробно изложилъ на словахъ положеніе нашего дѣла,—затрудненія, какія предвидятся впереди, и мои предположенія объ ихъ устраненіи. Изъ нашей бесѣды я вынесъ убѣжденіе, что новое министерство питаетъ ко мнѣ полное довѣріе и готово поддержать зародившійся университетъ всѣми зависящими отъ него мѣрами.

Будучи въ Петербургѣ, я счелъ своимъ долгомъ навѣстить бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстаго. Графъ незадолго передъ тѣмъ вернулся изъ деревни и жилъ на частной квартирѣ, по Моховой улицѣ, въ довольно скромной обстановкѣ. Онъ принялъ меня весьма радушно и, какъ мнѣ показалось, былъ даже тронутъ моимъ визитомъ. „Я теперь генералъ въ отставкѣ", иронически

замѣтилъ онъ, и грустныя ноты звучали въ его голосѣ. „Не правда ли, вы не ожидали видѣть меня на этой квартирѣ?"—Дѣйствительно, я такъ привыкъ видѣть графа въ его парадной казенной обстановкѣ (по Литейной, въ домѣ духовнаго вѣдомства), съ толпою курьеровъ, чиновниковъ и просителей, въ постоянныхъ дѣловыхъ заботахъ, что его теперешнее положеніе показалось мнѣ какимъ-то сиротствующимъ. Онъ много разспрашивалъ меня о Томскѣ и о закладкѣ университета, благодарилъ за телеграмму, посланную ему 26 августа, и выразилъ по отношенію къ Сибирскому университету самыя теплыя чувства. „Сибирскій университетъ,—замѣтилъ онъ,—будетъ однимъ изъ украшеній настоящаго царствованія, а для меня лично онъ будетъ служить самымъ дорогимъ воспоминаніемъ изъ всего мною сдѣланнаго въ продолженіе истекшихъ 14 лѣтъ" [1]). И я вѣрю, что это была не фраза.

Потомъ графъ перевелъ разговоръ на современную прессу, именно на ея крайне несправедливую оцѣнку его мѣропріятій и трудовъ по министерству просвѣщенія. „Только лѣнивый меня теперь не бьетъ", выразился онъ, вспомнивъ при этомъ басню Крылова. И это было вполнѣ вѣрное замѣчаніе. Наши газеты и журналы долго переполаскивали отставку графа Толстаго, третируя это, какъ освобожденіе отъ тяжкаго ига. И при этомъ никто не потрудился уяснить себѣ, какъ много было сдѣлано графомъ полезнаго (въ смыслѣ громаднаго увеличенія числа учебныхъ заведеній и полнаго обновленія ихъ строя) и въ чемъ именно усматриваютъ его мнимые грѣхи передъ русскимъ обществомъ. Болѣе всего негодовали на классицизмъ, не понимая того, что безъ классической подкладки немыслимо современное высшее образованіе. По отношенію къ университетамъ одни обвиняли графа въ стѣснительныхъ мѣрахъ, другіе, изъ противуположнаго лагеря, считали его чуть не насадителемъ нигилизма, породившаго цѣлый рядъ волненій и хроническихъ безпорядковъ во всѣхъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вся эта пристрастная и близорукая критика отвѣчала духу времени, представлявшему непостижимый хаосъ увлеченій, нелѣпыхъ вожделѣній и противорѣчій. Сбитая съ толку учащаяся молодежь играла при этомъ не послѣднюю роль, но ея увлеченія были лишь результатомъ общаго атмосфернаго чада, оше-

---

[1]) Графъ Толстой состоялъ министромъ народнаго просвѣщенія съ 14-го апрѣля 1866 г. и вмѣстѣ оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода съ 3-го іюня 1865 года. Во время его управленія особенно широко было развито женское образованіе. Большинство существующихъ нынѣ женскихъ гимназій и прогимназій были открыты въ это время. То же можно сказать про реальныя училища, учительскіе институты и семинаріи. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія за эти 14 лѣтъ удвоился.

ломившаго почти всѣ слои образованнаго русскаго общества, въ томъ числѣ и литературу. Въ этомъ общемъ водоворотѣ графъ Толстой не принадлежалъ, конечно, къ сонму поклонниковъ новыхъ вѣяній, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ университетамъ, онъ не обнаружилъ также и достаточной твердости въ активной борьбѣ противъ господствующей распущенности. Не знаю, руководился ли Дм. А. Толстой при этомъ общимъ ходомъ внутренней политики того времени, вообще довольно либеральной, или не желалъ вмѣшиваться въ университетскія дѣла, по уставу 1863 г. подлежащія вѣдѣнію Совѣтовъ (т. е. корпораціи профессоровъ), но во всякомъ случаѣ онъ какъ бы не замѣчалъ происходившихъ въ университетахъ безобразій и не предпринималъ противъ этого никакихъ строгихъ мѣръ. Такое отношеніе консерваторы ставили ему въ вину, а либералы считали его недостаточно сочувствующимъ ихъ вожделѣніямъ. Это и было причиною удаленія графа Толстаго, по настоянію именно либеральныхъ сферъ, а не консервативныхъ, какъ многіе думали. Объ этомъ я имѣю свѣдѣнія изъ довольно компетентныхъ источниковъ.

У графа Дмитрія Андреевича я просидѣлъ болѣе двухъ часовъ. Говорили о многомъ, въ томъ числѣ и о новомъ нашемъ министерствѣ. А. А. Сабурова графъ считаетъ ненадежнымъ министромъ, слишкомъ либеральнымъ, какъ онъ выразился. „Какъ же, ваше сіятельство,—замѣтилъ я,—въ городѣ говорятъ, что вы его рекомендовали государю на этотъ постъ?“—„Никогда я не могъ этого сдѣлать,—отвѣтилъ онъ,—это было бы противъ моихъ убѣжденій“. О своихъ старыхъ сослуживцахъ по министерству графъ высказалъ сожалѣніе, что почти никто изъ нихъ его теперь не навѣщаетъ. Въ концѣ концовъ мы разстались, какъ близкіе знакомые. Графъ просилъ навѣщать его, когда буду въ Петербургѣ. „Помните,—сказалъ онъ,—у насъ есть общее дѣло — Сибирскій университетъ, которому я всегда останусь вѣренъ въ душѣ“.

Въ Петербургѣ на этотъ разъ я пробылъ всего одну недѣлю, спѣша въ Казань, къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. 12 октября я былъ уже дома, въ кругу собственной и университетской семьи.

Возвратившись въ Казань, я нашелъ у себя нѣсколько писемъ изъ Томска отъ своихъ комитетскихъ сотрудниковъ. Судя по нимъ, я видѣлъ, что тамъ дѣла скорѣе запутываются, чѣмъ налаживаются. Послѣ моего отъѣзда вопросы о подрядахъ и поставкахъ, болѣе или менѣе налаженные при мнѣ, совсѣмъ остановились. Важнѣе всего былъ вопросъ о кирпичѣ, который мнѣ почти удалось уладить передъ отъѣздомъ изъ Томска съ заводчикомъ Даниловымъ по 11 руб. за 1000 (поставка $1^{1}/_{2}$ милліона на каждое лѣто). Въ комитетѣ нашли эту

цѣну слишкомъ высокою. По этому поводу я получилъ отъ предсѣдателя комитета, отъ 11 сентября, слѣдующую депешу: „Даниловъ утверждаетъ, что вы выразили ему согласіе на 11 рублей съ 1000 кирпича безъ доставки, правда ли это?"—Я отвѣчаю: „мое мнѣніе не выше 12 рублей съ доставкою, что почти равносильно 11 руб. безъ доставки. Желательно покончить не выше этой цѣны. Машины Данилова (для паровой выдѣлки кирпича) видѣлъ 15 сентября на пути между Екатеринбургомъ и Тюменью (онѣ направлялись съ послѣднимъ пароходомъ въ Томскъ для строющагося кирпичнаго завода).

Между тѣмъ Мерцалову и Цибульскому желательно было передать кирпичный подрядъ не Данилову, а купцу Михайлову, никогда этимъ дѣломъ не занимавшемуся. По этому поводу Арнольдъ мнѣ телеграфируетъ отъ 30 сентября: „съ матеріалами ничего не сдѣлано. Почти мѣсяцъ Михайловъ не даетъ никакого рѣшенія. Даниловъ дождался и уѣхалъ (въ Красноярскъ). Комитетъ бездѣйствуетъ. Я внесъ энергическую записку, копію которой послалъ вамъ письмомъ". Въ тотъ же день я телеграфирую предсѣдателю: „Министръ желаетъ знать положеніе дѣлъ постройки. Третьяго октября ѣду въ Петербургъ. Боюсь нареканій за медленность. Сообщите, почему до сего времени не заключенъ подрядъ о поставкѣ кирпича, бута и извести. Какія заготовки будутъ зимой и по какимъ цѣнамъ?" На это получаю отвѣтъ Мерцалова отъ 1 окт. „Министру готовится отчетъ. Вамъ сегодня адресовано подробное письмо. Михайловъ отказался. Даниловъ поставилъ невозможныя условія. Вопросъ кирпичный разрѣшится послѣ полученія отвѣта думы о соборномъ кирпичѣ. За бутовый камень просили 18 руб. Теперь понизили до 12 руб. за кубическую саженъ. Песокъ не отданъ. Известь не рѣшена". Въ дополненіе къ этому 4 окт. В. И. Мерцаловъ сообщаетъ: „Вчера въ засѣданіи комитета я внесъ вопросъ о бутовомъ камнѣ, пескѣ и извести, но по настоянію Арнольда рѣшено заключеніе контрактовъ отложить на мѣсяцъ. Кирпичный вопросъ будетъ разсмотрѣнъ на слѣдующей недѣлѣ". 20 окт. я снова телеграфирую: „Время уходитъ. Кончайте скорѣе съ кирпичемъ и прочими поставками".

Отъ 21 окт. Мерцаловъ мнѣ отвѣчаетъ: „Цибульскій въ засѣданіи комитета заявилъ, что торговый домъ Петрова и Михайлова въ компаніи съ нимъ, Цибульскимъ, принимаетъ на себя выдѣлку кирпича для университета по 10 руб. съ 1000 безъ доставки. На-дняхъ будетъ представлено письменное предложеніе. Окончивъ кирпичный вопросъ, приступимъ къ заготовкѣ бута, извести и песку. О дѣйствіяхъ Арнольда сообщено вамъ почтой".

Въ свою очередь Арнольдъ мнѣ телеграфируетъ отъ 23 ноября: „Вчера комитетъ большинствомъ рѣшилъ кирпичъ съ Михайловымъ

и Цибульскимъ. Поставка начнется только съ іюня 1882 года и менѣе трехъ милліоновъ въ годъ. Поэтому окончаніе главнаго корпуса можно ожидать не ранѣе 1887 года, а остальныхъ зданій въ 1889 году. Цѣна 12 руб. съ доставкой. Обезпеченія и отвѣтственности никакихъ. подряду придается видъ благодѣянія. Дѣло посылается на утвержденіе министра. Я представляю отдѣльное мнѣніе. Остальные матеріалы поручено заготовлять Цибульскому и Мерцалову, не стѣсняясь цѣнами. Отчетъ не посланъ. Дѣйствіе комитета—неизлѣчимый хронизмъ. Дѣла заставляютъ меня просить увольненія. Подробности письмомъ". Вслѣдъ за этимъ В. И. Мерцаловъ сообщаетъ мнѣ по петербургскому адресу: „Представленіе о кирпичѣ сдѣлано 30 ноября (т. е. послано въ министерство). Законтрактовано 1000 кубовъ бута по 16 рублей (вмѣсто 12 руб. по сентябрской цѣнѣ), известь по 16 коп. пудъ, кирпича 160 т. по 15 руб. на мѣстѣ. Залоги получены. задатки выданы. Не откажитесь ходатайствовать теперь же о назначеніи Михайлова (поставщика кирпича?!) и Жилля членами комитета, людей опытныхъ и дѣятельныхъ. Я часто въ разъѣздахъ, Цибульскій намѣренъ отправиться на пріиски, исполнять порученія некому. Указанныя мѣры (т. е. назначеніе новыхъ членовъ) удовлетворятъ общественному мнѣнію. Мерцаловъ".

Судя по этимъ телеграммамъ видно было, что дѣла въ комитетѣ идутъ крайне печально. Благодаря промедленіямъ и пререканіямъ упущено было время для выгодныхъ подрядовъ. Предложеніе Цибульскаго въ компаніи съ Михайловымъ на мой взглядъ было не вполнѣ благовидно, такъ какъ Цибульскому, состоящему членомъ комитета, едва-ли удобно было выступать въ роли подрядчика. Въ письмахъ отъ Бѣлявскаго, Арнольда и Мерцалова я нашелъ еще больше странностей въ дѣйствіяхъ комитета. Въ сужденіяхъ и мѣропріятіяхъ было нѣчто дѣтское, халатное, совсѣмъ не гармонирующее съ серьезностью возложенной на насъ задачи. Но самое главное, изъ писемъ я усматривалъ, что личныя отношенія между членами комитета получили какой-то острый враждебный характеръ. На архитектора Арнольда жалуется и предсѣдатель и Бѣлявскій. Арнольдъ въ свою очередь порицаетъ всѣхъ томскихъ членовъ, находя ихъ дѣйствія пристрастными, неряшливыми, непрактичными, въ иныхъ случаяхъ даже незаконными. И эти взаимныя жалобы направляются не только ко мнѣ, но и въ министерство. Предсѣдатель пишетъ, что онъ формально проситъ объ отчисленіи Арнольда за его упрямство и неряшество.

Между тѣмъ заготовка строительныхъ матеріаловъ не двигается съ мѣста. Вотъ что между прочимъ пишетъ объ этихъ пререканіяхъ А. С. Бѣлявскій: „Въ послѣднемъ засѣданіи комитета (20 сент.) между предсѣдателемъ и Арнольдомъ вышла размолвка. В. Ив.

(Мерцаловъ) еще за три дня до засѣданія высказалъ желаніе ваше, чтобы выяснить, нуженъ ли на эту зиму второй архитекторъ Бетхеръ, которому комитетъ платитъ по 150 руб. въ мѣсяцъ, и какія работы ему поручались раньше и предполагается поручить впослѣдствіи. Арнольдъ этихъ свѣдѣній не доставилъ и въ засѣданіи началъ доказывать, что члены комитета, какъ не техники, не могутъ быть судьями или цѣнителями работъ Бетхера. Пренія, повидимому, происходили въ весьма приличныхъ выраженіяхъ, но тѣмъ не менѣе обѣ стороны были сильно раздражены. Дѣло кончилось безъ внесенія мнѣній спорящихъ въ протоколъ, но несомнѣнно, что Бетхеръ будетъ устраненъ губернаторомъ отъ занятій по комитету, такъ какъ это было и ваше желаніе, десятника Мещерякова тоже уволятъ, такъ какъ онъ сильно пьетъ и никакого дѣла ему поручить нельзя". Въ другомъ письмѣ сообщаютъ, что Арнольдъ устраиваетъ разныя затрудненія сдачѣ подрядовъ на строительные матеріалы. Для выдѣлки кирпича онъ настаиваетъ на постройкѣ собственнаго завода на средства комитета, чтó значительно осложнило бы строительныя задачи, замедлило бы начало постройки университетскихъ зданій и едва-ли принесло бы какую-либо матеріальную выгоду. При опредѣленіи количества строительныхъ матеріаловъ, потребныхъ на будущее лѣто, онъ назначаетъ слишкомъ большія пропорціи, затрудняя этимъ поставщиковъ и заставляя ихъ вслѣдствіе того возвышать цѣну. Такъ, напр., относительно бутоваго камня онъ находитъ необходимымъ, чтобы къ веснѣ его было вывезено до 1000 куб. саженъ, тогда какъ по разсчетамъ прочихъ членовъ комитета для фундамента одного главнаго университетскаго корпуса достаточно 600 куб. саженъ. Тоже относительно пропорціи песку, извести и т. под. Однимъ словомъ дѣйствіями Арнольда въ комитетѣ недовольны, въ особенности предсѣдатель и Цибульскій.

Въ слѣдующихъ письмахъ за октябрь мѣсяцъ, сѣтованія еще болѣе увеличились. В. И. Мерцаловъ прямо пишетъ, что съ Арнольдомъ дѣло вести невозможно и онъ будетъ просить объ увольненіи такого строптиваго и малосвѣдущаго архитектора. Все это не было для меня неожиданностью. Еще при первомъ знакомствѣ съ Арнольдомъ я уже видѣлъ, что изъ него не будетъ проку. Наблюдая за нимъ прошлое лѣто, я еще болѣе убѣдился въ этомъ. Въ томскихъ письмахъ меня тревожило другое обстоятельство: начинающійся разладъ между членами комитета. В. И. Мерцаловъ не ладитъ съ Дмитріевымъ-Мамоновымъ, Бѣлявскій съ Цибульскимъ, а отчасти и съ предсѣдателемъ. Издали трудно судить, кто подаетъ къ тому поводъ, но отсутствіе гармоніи въ такой маленькой коллегіи несомнѣнно отражается на успѣхѣ дѣла.

Въ началѣ декабря я снова получаю изъ министерства приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ по дѣламъ Сибирскаго университета [1]). Отправляюсь въ Николинъ дек. (6 дек.). Въ департаментѣ мнѣ показываютъ цѣлую серію депешъ и бумагъ изъ Томска. Это большею частію жалобныя письма и нашего предсѣдателя, и Арнольда, и Бѣлявскаго, въ которыхъ незнакомому человѣку, дѣйствительно, трудно было разобраться. Были тамъ и техническіе вопросы съ разными проектами относительно заготовки строительныхъ матеріаловъ. Министръ и товарищъ министра недоумѣвали, какъ разрѣшать подобные жалобы и проекты на разстояніи 4.000 верстъ, не зная ни лицъ, ни мѣстныхъ условій. П. А. Марковъ предложилъ предоставлять спорные техническіе и хозяйственные вопросы мѣстному генералъ-губернатору и въ этомъ смыслѣ измѣнить соотвѣтствующій параграфъ инструкціи строительнаго комитета [2]). По существу дѣла это было правильно, но могло имѣть и неблагопріятныя послѣдствія, именно въ смыслѣ преобладанія въ комитетѣ Томской губернской администраціи. Члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣли здѣсь и численный перевѣсъ, и болѣе близкія отношенія къ генералъ-губернаторской канцеляріи, тогда какъ члены отъ нашего министерства (я и архитекторъ) до сего времени не имѣли съ Омскомъ никакихъ сношеній и едва-ли могли разсчитывать на поддержку съ этой стороны въ случаѣ разногласія мнѣній. Къ намъ генералъ-губернаторская канцелярія относилась скорѣе враждебно, чѣмъ сочувственно, вслѣдствіе прежнихъ инцидентовъ по случаю спора объ избраніи города для Сибирскаго университета. Это и было причиной, почему я настаивалъ у графа Толстаго о необходимости подчиненія комитета непосредственно министру просвѣщенія. Кромѣ того, мнѣ казалось не вполнѣ нормальнымъ, даже страннымъ, если бы постройка университета, производящаяся для цѣлей и на средства нашего министерства, оказалась бы во властныхъ рукахъ чужаго вѣ-

---

[1]) Приглашеніе получено депешей такого содержанія: „По вопросу, не терпящему отлагательства, касающемуся Сибирскаго университета, прошу немедленно пріѣхать въ Петербургъ. Управляющій министерствомъ Сабуровъ". 29-го ноября 1889 г.—На это 2-го декабря посланъ мною такой отвѣтъ: „Ледоходъ во всю Волгу; выѣхалъ сегодня, но затертый льдомъ при переправѣ принужденъ вернуться назадъ. Отправлюсь снова при малѣйшей возможности". Черезъ Волгу удалось переправиться только 6-го декабря, при томъ съ большими трудностями. Переѣздъ отъ Казани до Нижняго (на перекладныхъ) по неустановившемуся пути тоже былъ не изъ легкихъ.

[2]) По инструкціи строительный комитетъ былъ подчиненъ непосредственно министру народнаго просвѣщенія, а къ генералъ-губернатору не имѣлъ почти никакого отношенія.

домства, да при томъ еще въ такой дали и въ сибирской нравственной атмосферѣ, не отличавшейся ни безкорыстіемъ, ни безпристрастіемъ, ни должнымъ пониманіемъ нашихъ задачъ.

Все это я высказалъ А. А. Сабурову и П. А. Маркову. Они приняли къ свѣдѣнію мои доводы и, повидимому, раздѣляли ихъ, но тѣмъ не менѣе признали нужнымъ, хотя отчасти, измѣнить инструкцію, предоставивъ генералъ-губернатору окончательное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ по заготовкѣ строительныхъ матеріаловъ и техническихъ вопросовъ по сооруженію университета. Представленное въ министерство спорное дѣло о заготовкѣ кирпича Цибульскимъ и Михайловымъ, такимъ образомъ, было предложено комитету немедленно препроводить на разсмотрѣніе и разрѣшеніе генералъ-губернатору.

Относительно архитектора Арнольда, по поводу жалобъ на него, я высказалъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ можно было бы уволить его отъ занимаемой должности, согласно его прошенію. Съ этимъ согласились, и въ тотъ же день предсѣдателю комитета была послана телеграмма министра объ увольненіи нашего неудачнаго строителя, а мнѣ было поручено пріискать на его мѣсто новое лицо.

Имѣя въ Петербургѣ много знакомыхъ, въ томъ числѣ и архитекторовъ, мнѣ удалось исполнить это порученіе безъ большаго труда. Мнѣ рекомендовали молодаго, но очень талантливаго и опытнаго строителя г. Иванова. Онъ выстроилъ нѣсколько большихъ домовъ въ Петербургѣ и въ настоящее время не былъ занятъ новыми работами. Освѣдомившись о его постройкахъ и переговоривъ съ нѣкоторыми домохозяевами, гдѣ онъ работалъ, я получилъ о немъ самые лестные отзывы. Послѣ того переговорилъ съ самимъ г. Ивановымъ, сообщилъ ему наши условія и съ его согласія представилъ его г. министру, какъ намѣченнаго мной кандидата. Г. Ивановъ былъ утвержденъ, но, къ сожалѣнію, два мѣсяца спустя, онъ подъ благовиднымъ предлогомъ отказался ѣхать въ Томскъ. Впослѣдствіи я узналъ, что причиной его нерѣшимости было письмо Арнольда, который описалъ ему Томскъ и нашъ комитетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Арнольдъ узналъ о назначеніи Иванова изъ министерской телеграммы, посланной предсѣдателю комитета. Объ этомъ мнѣ писалъ Бѣлявскій.

Вопросъ о назначеніи въ комитетъ новыхъ членовъ, Михайлова и Жилля, какъ того желалъ предсѣдатель, само собой разумѣется, мною не былъ возбуждаемъ. Это дало поводъ къ неудовольствію на меня В. И. Мерцалова. Неудовольствіе усугубилось еще тѣмъ, что я не поддержалъ въ министерствѣ указаннаго нашимъ предсѣдателемъ кандидата на мѣсто отказавшагося архитектора Иванова. Кан-

дидатъ этотъ былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ; раньше онъ служилъ въ какомъ-то губернскомъ отдаленномъ городѣ, въ строительномъ отдѣленіи, и, вѣроятно, по качествамъ былъ не выше нашего Бетхера. Рекомендовать неизвѣстное мнѣ лицо на такое сложное и отвѣтственное дѣло, какъ постройка университета, было не въ моихъ правилахъ.

Въ Петербургѣ я оставался до 24 декабря. За это время, кромѣ устройства комитетскихъ дѣлъ, мнѣ пришлось неоднократно видѣться съ старыми добрыми знакомыми и наслушаться петербургскихъ новостей и сплетенъ. Слухи были крайне неутѣшительные. Съ одной стороны, шла по городу неустанная молва о разныхъ государственныхъ сановникахъ, оказавшихся не на высотѣ своего положенія по неразумію, или неряшеству во ввѣренныхъ имъ частяхъ управленія. Больше всего глумились надъ министромъ финансовъ С. А. Грейгомъ, который въ концѣ октября и былъ уволенъ отъ этой должности,—надъ министромъ государственныхъ имуществъ, княземъ Ливеномъ, по поводу расхищенія башкирскихъ земель въ Уфимской и Оренбургской губ., порицали генер.-губ. Оренбургскаго края Крыжановскаго за тѣ же продѣлки. Но, кромѣ этихъ злобъ дня, злой критикѣ подвергалось почти все высшее правительство за дѣйствительныя или мнимыя неудачи въ управленіи. Доставалось и военному министру Милютину за послѣднюю восточную войну, и кн. Горчакову за Берлинскій трактатъ, и всѣмъ, кто игралъ какую-либо выдающуюся роль въ послѣднюю злосчастную эпоху. Пресса разжигала эти страсти; устная молва досказывала то, что не попадало въ печать. Положеніе Россіи, дѣйствительно, было незавидно. Всѣ промахи и недочеты общественное мнѣніе ставило на счетъ государю, будто бы не умѣвшему выбирать себѣ талантливыхъ и честныхъ сотрудниковъ. Радикальнымъ средствомъ противъ господствовавшихъ неурядицъ многія даже изъ здравомыслящихъ людей считали перемѣну формы государственнаго управленія, т. е. установленіе конституціи. Другіе, наоборотъ, находили такое предположеніе величайшимъ зломъ для Россіи, такъ какъ эта форма не соотвѣтствовала ни нашему народному духу, ни политическому составу нашего государста (принимая въ разсчетъ его разноплеменность), ни даже народному развитію, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Соотвѣтственно этимъ двумъ теченіямъ петербургское интеллигентное общество раздѣлялось на два лагеря, если можно такъ выразиться,—консерваторовъ и прогрессистовъ. Такое дѣленіе было замѣтно даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ: одни сочувствовали Москвѣ и старымъ народнымъ традиціямъ, другіе благоговѣли передъ Европой и ея административными порядками. При хаотиче-

скомъ броженіи общественной мысли, самымъ тяжелымъ кошмаромъ являлись шайки анархистовъ, терроризировавшихъ и правительство, и даже, отчасти, общественное мнѣніе. Не проходило мѣсяца безъ того, чтобы гдѣ-либо не были обнаружены злодѣйскія покушенія на жизнь государя императора, или кого-либо изъ его приближенныхъ. Стыдно и страшно сказать, государь въ собственной столицѣ могъ выѣзжать изъ дворца не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ, окруженный конвоемъ. Это послѣдняя степень терроризма!

Грустно было все это видѣть и слышать. И до переселенія моего въ Казань бывало нѣчто подобное, но теперь это грустное направленіе вмѣстѣ съ расшатанностью общественныхъ сферъ, дошло до Геркулесовыхъ столбовъ. И кто въ этомъ виноватъ? Нашъ собственный индифферентизмъ, неумѣлость отличать черчаго отъ бѣлаго, наше дѣтское непониманіе основныхъ государственныхъ интересовъ, наше попустительство. Мы возмущаемся на словахъ противъ дерзкихъ выходокъ анархистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чуть не рукоплещемъ напыщеннымъ рѣчамъ ихъ защитниковъ въ залахъ суда, или при чтеніи въ газетахъ судебныхъ процессовъ подобнаго рода. Все это не болѣе какъ погоня за современной модой, близорукая несостоятельность нашей мысли, очерствѣлость истиннаго русскаго сердца. Будемъ надѣяться, что нравственный угаръ, временно омрачившій наше общество, скоро пройдетъ, и мы, оглядываясь назадъ, будемъ стыдиться прежнихъ дѣтскихъ увлеченій.

Скажу еще нѣсколько словъ о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Говорятъ, что въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ разрѣшено студентамъ устраивать открытыя сходки для обсужденія своихъ дѣлъ, позволено имѣть студенческую кассу самопомощи и формировать земляческіе кружки. Однимъ словомъ, что прежде считалось проступкомъ и приводило въ отчаяніе университетскую администрацію, нынѣ признается явленіемъ нормальнымъ. Видно, что Андрей Александровичъ совсѣмъ не знаетъ настоящаго положенія нашихъ университетовъ, да не знаетъ и человѣческаго сердца. Что изъ этого выйдетъ, поживемъ—увидимъ.

Послѣдніе дни передъ отъѣздомъ изъ Петербурга устраивалъ дѣла съ моими и университетскими книгами. Изданный мной лѣчебникъ („Домашняя медицина") идетъ прекрасно, несмотря на то, что о немъ не было ни одной публикаціи, ни одного отзыва въ газетахъ. Въ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ до настоящаго времени продано болѣе 700 экземпляровъ этого изданія и новыя требованія быстро возрастаютъ. Магазинъ „Новаго Времени" проситъ прислать еще экземпляровъ 500. Книга пришлась по вкусу публикѣ и мнѣ даетъ хорошій гонораръ.

Для Сибирскаго университета еще отобралъ изъ дублетовъ Публичной библіотеки большую партію книгъ. Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ настолько любезны, что не потребуютъ немедленной уплаты и позволяютъ оставить отобранные экземпляры на храненіе въ библіотекѣ до тѣхъ поръ, пока Сибирскій университетъ изыщетъ средства для расплаты и пересылки.

Съ И. Д. Деляновымъ много бесѣдовалъ о злобахъ дня и о проектѣ новаго университетскаго устава. Послѣдній въ концѣ истекшаго года былъ напечатанъ для представленія въ Государственный Совѣтъ, но послѣ выхода графа Толстого дѣло это остановилось и, кажется, не обѣщаетъ скораго движенія. А. А. Сабуровъ до сихъ поръ еще не успѣлъ достаточно ознакомиться съ этимъ проектомъ и, повидимому, не вполнѣ ему сочувствуетъ. Редакція проекта составлена, главнымъ образомъ, А. Ив. Георгіевскимъ. Въ ней есть, по моему мнѣнію, нѣкоторыя излишества, не вполнѣ согласныя ни съ общими выводами бывшей университетской коммиссіи, ни съ требованіями жизни. Въ бесѣдахъ съ Ив. Д. Деляновымъ я обратилъ на это вниманіе, особенно на предполагаемые семестры и на гонораръ. Мнѣ лично проектъ не нравится: вышло не то, чего я ожидалъ, да и большинство членовъ бывшей коммиссіи, прочитавъ его, вѣроятно, вынесутъ такое же впечатлѣніе. Мнѣ даже показалось, что и Деляновъ не особенно доволенъ редакціей. Графъ Толстой и прежде относился къ этому дѣлу холодно, а теперь онъ вовсе умываетъ руки, заявляя, что новый университетскій уставъ не его твореніе. Вообще, изъ проекта вышелъ какой-то недопеченный пирогъ, неизвѣстно для какого праздника состряпанный.

Рождественскіе праздники провелъ въ Казани. Изъ Томска получаю много писемъ, и всѣ они въ минорномъ тонѣ. Дѣла по заготовкамъ строительныхъ матеріаловъ нѣсколько налаживаются, за исключеніемъ несчастнаго кирпича, съ которымъ, вѣроятно, предстоитъ еще много хлопотъ. Бутъ и песокъ подряжены не своевременно, потому очень дорого: зимой при лютыхъ морозахъ и подъ глубокимъ снѣгомъ затруднительно добывать этотъ матеріалъ. Но наиболѣе удручающее впечатлѣніе въ письмахъ производятъ личныя распри между членами комитета. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ,—трудно судить издали. Отчасти, можетъ быть, виновата провинціальная глушь, гдѣ каждый желаетъ играть выдающуюся роль. Дмитріевъ-Мамоновъ не ладитъ съ предсѣдателемъ, Бѣлявскій—и съ тѣмъ и другимъ. Послѣ удаленія Арнольда, помощникъ архитектора Бетхеръ и десятникъ тоже отчислены, комитетъ остался безъ техниковъ. Даже подготовительныя чертежныя работы совсѣмъ остановились. Ясно, что вся зима пройдетъ безполезно, нисколько не подготовивъ насъ къ дѣятельнымъ работамъ на предстоящее лѣто.

Въ одномъ изъ писемъ Бѣлявскій, между прочимъ, сообщаетъ мнѣ, что томская полиція недавно доставила предсѣдателю комитета ту самую мѣдную вызолоченную доску, съ выгравированными на ней надписями, которую въ прошломъ августѣ мы такъ торжественно положили въ основаніе университетскаго фундамента. Ее нашли въ одномъ изъ кабачковъ, гдѣ она играла роль столешницы для импровизированнаго стола. Тутъ же розыскали и виновниковъ ея похищенія. При разслѣдованіи оказалось, что доска вмѣстѣ съ замурованными въ стѣнку серебряными и золотыми рублями, положенными въ память закладки университета, были вынуты каменщиками (рабочими) въ ту же ночь. Хищники предполагали, что доска приготовлена изъ чистаго золота и надѣялись сбыть ее томскимъ евреямъ на сплавъ, но, узнавъ, что она мѣдная, оставили ее въ кабакѣ за штофъ водки. Весной доску предполагается водворить на прежнее мѣсто, но уже безъ монетъ.

19-го февраля генералъ-губернаторъ Западной Сибири Н. Г. Казнаковъ уволенъ въ отставку по разстроенному здоровью. На мѣсто его назначенъ генералъ - лейтенантъ Мещериновъ, съ которымъ теперь мнѣ придется имѣть дѣло. Казнаковъ захворалъ и уѣхалъ изъ Омска въ Петербургъ еще прошлою осенью. Съ тѣхъ поръ я его не видалъ. Говорятъ, съ нимъ случилось нѣчто въ родѣ удара, или мозговая эмболія съ явленіями паралича въ одной половинѣ тѣла. Лѣченіе въ столицѣ не поправило здоровья и продолженіе дѣятельной службы на окраинѣ имперіи сдѣлалось невозможнымъ. Я искренне жалѣю Николая Геннадіевича, хотя въ послѣднее время и расходился съ нимъ во мнѣніяхъ по вопросу о Сибирскомъ университетѣ. Какъ генералъ-губернаторъ, онъ былъ дѣятельнымъ, энергичнымъ и дальновиднымъ начальникомъ, вникалъ въ нужды края и, несомнѣнно, оставилъ бы добрый слѣдъ своего управленія, если бы дольше оставался на своемъ посту и ближе присмотрѣлся къ мѣстнымъ вопросамъ и людямъ. Изъ пяти лѣтъ его сибирской службы въ первый годъ онъ едва успѣлъ бѣгло ознакомиться съ своею территоріей; потомъ почти ежегодныя поѣздки въ Петербургъ и довольно продолжительное пребываніе тамъ, хотя и по служебнымъ дѣламъ, едва-ли давали ему возможность глубже сосредоточиться на интересахъ и потребностяхъ своего края, обширнаго и своеобразнаго.

У Николая Геннадіевича не было ни аристократическаго придворнаго лоска, ни напускнаго величія, столь свойственныхъ лицамъ въ его положеніи. Отправляясь въ Омскъ, онъ не окружалъ себя, подобно другимъ главнымъ начальникамъ провинцій, плеядою петербургскихъ недорослей, такъ охотно и усердно рекомендуемыхъ вновь назначаемымъ начальникамъ. Онъ хотѣлъ прежде познакомиться на мѣстѣ съ

личнымъ составомъ своихъ сослуживцевъ, а потомъ уже цѣн[illegible] по достоинству. Въ этомъ виденъ хорошій принципъ упр[illegible] Предвзятое недовѣріе къ людямъ, ломка безъ нужды, желан[illegible] жить себя своими креатурами, часто составляетъ слабую сто[illegible] только главныхъ начальниковъ края, но даже заурядныхъ начальниковъ губерній. Николай Геннадіевичъ не страдалъ этимъ недугомъ. Омскъ сохранитъ о немъ хорошее воспоминаніе уже за то одно, что при его содѣйствіи городъ получилъ вполнѣ благоустроенныя мужскую и женскую гимназіи, техническое училище и порядочныя начальныя школы. Что же касается до всей Западной Сибири, то я не знаю тѣхъ мѣропріятій и замѣтныхъ усовершенствованій въ положеніи края, которыя составляли бы слѣды управленія Н. Г. Казнакова, за исключеніемъ, можетъ быть, установившагося при немъ пароходства по Иртышу выше Тобольска и послѣдняго разграниченія съ Китаемъ въ предѣлахъ Семипалатинской области. Впрочемъ, въ продолженіе пяти лѣтъ и трудно было создать для страны что-либо болѣе осязательное и крупное [1]).

1-го марта 1881 г. Страшное, потрясающее происшествіе: русскій императоръ Александръ Николаевичъ варварски убитъ анархистами среди бѣлаго дня на одной изъ многолюдныхъ улицъ Петербурга. Вотъ чѣмъ разразился финалъ нашихъ 15-лѣтнихъ смутъ, революціонныхъ попытокъ и систематическаго развращенія русскаго общества. Подробности этого злодѣйства пока еще до насъ не дошли, но онѣ, конечно, вскорѣ будутъ извѣстны и займутъ скорбную страницу въ русской исторіи. Подъ этимъ удручающимъ впечатлѣніемъ невольно приходится оглянуться теперь на прошлое и подумать, какимъ путемъ мы пришли къ такому ужасному концу.

Всѣмъ извѣстно, что царствованіе императора Александра II принадлежитъ къ числу наиболѣе плодотворныхъ для Россіи. Ни одна эпоха не ознаменовала себя такими крупными и давно желанными реформами, какія совершились въ истекшія 26 лѣтъ. Освобожденіе крестьянъ, установленіе земскаго самоуправленія, новые суды, свобода печати, широкое развитіе образованія, облегченная воинская повинность, присоединеніе Кавказа, Амурско-Уссурійскаго и Турке-

---

[1]) Въ „Всемірной Иллюстраціи“ 1895 г. (№ 1375, 3 іюня), на стр. 446 въ статьѣ „Дворяне Казнаковы“, между прочимъ, было сказано, что Н. Г. Казнаковъ, назначенный въ 1875 г. генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, „въ бытность свою тамъ положилъ много труда на устройство Томскаго университета“. Это свѣдѣніе не совсѣмъ точно. Н. Г. не могъ быть по болѣзни даже на закладкѣ университета, такъ какъ осенью этого года навсегда оставилъ Сибирь и въ устройствѣ Томскаго университета онъ не принималъ никакого участія. Скончался Н. Г. 12-го февраля 1885 г.

ст..нскаго края и многое другое составляютъ такіе крупные шаги ..утренней государственной жизни, какихъ Россія не дѣлала еще ..когда! Она чуть не вдвое выросла за это время и во внутреннихъ ..лахъ и по внѣшнимъ границамъ. Казалось, нужно было бы благо-..вѣть предъ такимъ государемъ, которому отечество обязано столь ..ными успѣхами и благодѣяніями. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло совсѣмъ противоположное. Ни при одномъ царѣ не было столько недовольства и столько злобы противъ него, какъ при Александрѣ II. И такое настроеніе обнаружилось не въ послѣднее только время, когда русское самосознаніе было уязвлено первыми дунайскими событіями, неудачными Плевнами, дурною организаціею интендантства и вообще неудовлетворительнымъ исходомъ Восточной войны и нѣкоторою расшатанностью въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Недовольство началось въ самомъ началѣ царствованія, вслѣдъ за освобожденіемъ крестьянъ. Духъ критики и порицанія особенно усилился послѣ польскаго мятежа и франко-прусской войны, когда государь явно симпатизировалъ нѣмцамъ, вопреки настроенію всей Россіи. Исходъ Восточной войны съ Берлинскимъ трактатомъ переполнили чашу національнаго огорченія. Въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лондонѣ, даже въ собственномъ нашемъ Остзейскомъ краѣ насъ третировали, какъ низшую расу. Во внутреннихъ дѣлахъ мы видѣли тоже постоянные промахи, недомысліе, или даже прямыя злоупотребленія. Все это ставилось на счетъ правительству и не подогрѣвало симпатій къ государю. Въ общественной атмосферѣ стоялъ какой-то удушливый чадъ, не позволявшій даже людямъ благомыслящимъ разобраться въ текущихъ явленіяхъ. При такихъ условіяхъ не трудно было зародиться и вырости зерну анархизма, доведшаго Россію до нынѣшнихъ печальныхъ дней. Онъ, какъ злокачественная бактерія, нашелъ себѣ пріютъ и пищу въ гнилой средѣ и не встрѣчалъ достаточной реакціи или противодѣйствія въ незараженныхъ общественныхъ слояхъ.

Но что такое анархизмъ и анархисты? Есть ли это особая группа озлобленныхъ, фанатизированныхъ и злонамѣренныхъ людей, представляющихъ особую касту и рѣзко отдѣляющихся отъ легальныхъ и благоразумныхъ гражданъ? Думаю, что такой касты нѣтъ, какъ нѣтъ сословія воровъ или нищихъ. Тѣ и другіе суть продукты самого общества, если оно ненормально поставлено и переполнено враждебными правительству элементами. Всѣ эти клички: нигилистъ, соціалистъ, анархистъ, или либералъ, радикалъ и т. п. суть только степени или отклики одного и того же протестующаго настроенія. Между ними есть общая традиціонная связь, взаимныя симпатіи, а, слѣдовательно, должна быть и общая нравственная отвѣтственность

за дѣянія анархистовъ, по скольку они являются порожденіемъ самого общества. Соціализмъ и анархизмъ есть болѣзнь нашего вѣка, уродливое проявленіе жизни, для развитія которыхъ требовалось, кромѣ благопріятной почвы, и нѣкоторое систематическое воспитаніе. Въ этомъ послѣднемъ, къ стыду нашему, принимало участіе, хотя и помимо своей воли, наше злосчастное министерство просвѣщенія вмѣстѣ съ другими вѣдомствами, гдѣ существуютъ учебныя заведенія.

Вспомнимъ безпристрастно, что такое представляли собой наши высшія учебныя заведенія (за исключеніемъ духовныхъ академій и привилегированныхъ лицеевъ) въ послѣднія 15—20 лѣтъ, какъ не настоящую школу либеральной распущенности, своеволія и политическихъ бредней. Безпрерывные студенческіе исторіи и безпорядки сдѣлались притчей во языцѣхъ. Какія смѣшныя мѣры правительство принимало для устраненія ихъ (вспомнимъ Валуевскую коммиссію), а вмѣстѣ съ тѣмъ главные начальники учебныхъ заведеній почти открыто потворствовали этимъ безпорядкамъ, или старались игнорировать ихъ. Сходки, вечеринки, уличныя манифестаціи, студенческія библіотеки и кассы, разныя подписки и петиціи отъ имени студентовъ были явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Студенты сами судили своихъ товарищей и профессоровъ, сами рѣшали, какая наука достойна ихъ вниманія, какая—нѣтъ, кого изъ профессоровъ можно слушать, кого не слѣдуетъ, какъ человѣка отсталаго или не сочувствующаго духу времени. Пріученные къ такому самосуду, они и политическіе вопросы рѣшали съ такимъ же легкимъ сердцемъ, воображая себя истинными цѣнителями и людей и событій. Такая многосторонняя роль опьяняетъ незрѣлые умы. Многіе выносили изъ этой школы наивное убѣжденіе, что современная молодежь должна взять на себя высокую миссію въ жизни—произвести переворотъ въ обветшаломъ, по ихъ мнѣнію, общественномъ строѣ, обновить, если не все человѣчество, то, по крайней мѣрѣ, Русское государство. Сколько силъ погибло изъ-за этихъ дѣтскихъ бредней, сколько людей, бросивъ серьезное дѣло личнаго образованія, погрязли въ этой утопіи и на цѣлую жизнь остались бременемъ для самихъ себя и для общества. Я уже не говорю объ упадкѣ религіознаго и нравственнаго настроенія. Религіи стыдились, какъ признака отсталости; нравственность считали требованіемъ условнымъ; гордились дарвинизмомъ, производившимъ родъ человѣческій отъ обезьяны, считая это для себя за великую честь, ибо это ново и научно, а происхожденіе отъ Духа Божія пахнетъ религіозной рутиной!

Вотъ какова была наша школа 60—70 годовъ и что изъ нея могло выйти путнаго. Этой закваскѣ вторило общество и литература, играя въ тѣ же дѣтскія игрушки. Школа выпускала новыхъ дѣя-

телей на всѣ поприща жизни, чтобы тамъ продолжать и пропагандировать прежнія школьныя увлеченія. Отбросы шли на подпольную дѣятельность. Изъ нихъ формировались анархисты и открытые агитаторы. Грустно все это вспоминать. Еще грустнѣе сознавать слѣпоту тѣхъ солидныхъ людей, которые должны бы были предвидѣть, къ чему поведетъ такое извращенное направленіе. Оно уже привело къ 1-му марта. Многіе надѣются, что оно можетъ привести къ государственному перевороту, по меньшей мѣрѣ, конституціонному, отъ чего, Боже упаси, наше дорогое отечество. Но если Господь и сохранитъ насъ отъ такого ложнаго шага, то все же нынѣшнее направленіе школы дастъ намъ много хлопотъ въ будущемъ, пока наше поколѣніе не смѣнится другимъ, можетъ быть, болѣе солиднымъ, и благоразумнымъ, которое будетъ имѣть въ виду не туманныя картины европейскихъ красотъ, а собственныя потребности русскаго самодержавнаго государства.

Миръ праху твоему, Царь-мученикъ! Прости наши прегрѣшенія вольныя и невольныя, какъ и мы, оставшіеся въ живыхъ, прощаемъ тѣхъ твоихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые по неразумію омрачили славу твоего великаго царствованія!

2-го марта Казань, какъ и вся Россія, принимала присягу новому воцарившемуся государю Александру Александровичу. И въ этомъ случаѣ нашъ университетъ не могъ обойтись безъ крупнаго скандала. Почти всѣ студенты, въ числѣ не менѣе 700 человѣкъ, собрались въ актовомъ залѣ и устроили здѣсь колоссальную сходку. На приглашеніе ректора пожаловать въ церковь (рядомъ съ актовымъ заломъ), гдѣ должна была совершиться присяга, они отвѣтили, что присягать не будутъ. Тѣмъ временемъ на каѳедру взошелъ одинъ изъ студентовъ, медикъ 5 курса Н., и обращается къ товарищамъ съ такою рѣчью: „Господа! старая пословица говоритъ: de mortuis aut bonum, aut nihil. Это глупая пословица. Въ жизни нужно говорить только одну правду, не взирая на то, хороша она или дурна. Такую правду я и намѣренъ вамъ сказать про покойнаго государя". Въ это время въ актовомъ залѣ была на-лицо вся университетская инспекція, съ ректоромъ и проректоромъ во главѣ, и многіе изъ профессоровъ, привлеченные необыкновенною сходкою. Успѣлъ пріѣхать и попечитель Шестаковъ, которому было дано знать о безпорядкѣ. Увѣщанія прекратить сходку не имѣли никакого успѣха. Лишь только попечитель или ректоръ заведутъ объ этомъ рѣчь, начинаются свистки и крики: „вонъ". Даже оратору университетскія власти не имѣли силы запретить его рѣчь съ каѳедры. Она продолжалась въ порицательномъ духѣ истекшаго царствованія, при чемъ доказывалось, что монархическое правленіе въ Россіи отжило свой

вѣкъ и въ настоящее время нужно позаботиться о другомъ государственномъ порядкѣ. Все это мы слушали, видѣли всѣхъ сочувствующихъ такимъ рѣчамъ и не имѣли силы ничего сдѣлать. Когда „правда" оратора стала уже переходить всякія границы приличія, деканъ медицинскаго факультета Виноградовъ, любимецъ студентовъ, бывшій по обыкновенію „на веселѣ", взошелъ на каѳедру и провозгласилъ, что онъ будетъ продолжать рѣчь, и просилъ Н. уступить ему мѣсто. Толпа закричала: „хотимъ слушать Виноградова". Тотъ заплетающимся языкомъ въ шутливомъ тонѣ произнесъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ. Толпа захохотала, закричала „браво!" и этимъ сходка закончилась.

По этому образчику можно видѣть, въ какомъ положеніи находятся наши университеты. Тяжело и стыдно заносить такую повѣсть на страницы дневника, но это необходимо для характеристики времени. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе не самая сходка (къ нимъ мы уже привыкли), а поводъ къ ней и отношеніе къ ней мѣстныхъ властей. Возмутительная дерзость студентовъ, которой трудно пріискать названіе, обращена была въ какую-то глупую шутку. О ней не только не сообщили министерству, но не сдѣлали даже никакого замѣчанія болѣе выдающимся участникамъ и коноводамъ. Какъ будто все это произошло въ порядкѣ вещей. Ораторъ Н. въ томъ же году благополучно окончилъ курсъ и, какъ стипендіатъ, получилъ мѣсто врача въ одномъ изъ областныхъ городовъ Западной Сибири. Пройдетъ ли у него съ годами и съ болѣе зрѣлымъ разумомъ прежній юношескій чадъ? Вѣроятно, пройдетъ, и онъ когда-нибудь, можетъ быть, подъ старость, въ глубинѣ своей совѣсти устыдится своего неумѣстнаго краснорѣчія. Но до того времени сколько посѣвовъ своего незрѣлаго разума онъ распространитъ на жизненномъ пути и сколько юныхъ, такихъ же неразумныхъ, головъ совратитъ съ пути истиннаго!

Кромѣ сходки, казанскіе студенты продѣлали и другую, не менѣе дерзкую выходку. Послѣ полученія телеграммы о кончинѣ Александра II, они скупили въ магазинѣ канцелярскихъ принадлежностей купца Печаткина всю почтовую бумагу, налитографировали на ней множество экземпляровъ возмутительныхъ прокламацій и въ первую же ночь расклеили ихъ на всѣхъ фонарныхъ столбахъ и на другихъ видныхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно расклеиваются городскія афиши. Утромъ полиція, конечно, сорвала всѣ эти воззванія къ народу и тутъ же безъ труда разслѣдовала, у кого и кѣмъ была куплена такая масса почтовой бумаги. Оказалось, что ее купили студенты. Легко было узнать по почерку литографированныхъ листковъ, кто именно занимался этимъ художествомъ, но такія разслѣдованія не признали

нужнымъ производить. Губернаторомъ въ Казани въ это время былъ генералъ Гейнсъ, человѣкъ очень мягкій и добрый, сочувствовавшій молодому поколѣнію. И на это дѣло посмотрѣли сквозь пальцы, какъ на невинную шутку.

Въ связи съ прокламаціями произошелъ одинъ забавный случай въ соборѣ во время панихиды по усопшемъ государѣ. На полу соборнаго храма полиція подняла заряженный револьверъ. Въ первое время подумали, не есть ли это признакъ какого-нибудь злаго умысла, но потомъ разъяснилось, что револьверъ принадлежитъ бывшему генералъ-губернатору Восточной Сибири, барону Фридериксу (жившему въ Казани послѣ своей отставки). Баронъ, напуганный прокламаціями, вообразилъ, что въ городѣ можетъ вспыхнуть мятежъ, и, отправляясь въ соборъ на молебствіе, захватилъ съ собою на всякій случай огнестрѣльное оружіе, положивъ его въ боковой карманъ шинели. Лакей, которому была передана эта шинель, нечаянно вытряхнулъ изъ нея револьверъ и такимъ образомъ былъ причиною нѣкотораго смущенія полиціи.

Кстати, для характеристики казанскихъ сходокъ, упомяну здѣсь еще объ одной бурной сходкѣ, бывшей въ ноябрѣ 1882 года. Поводомъ къ ней послужило увольненіе изъ университета студента Воронцова [1]), отъявленнаго негодяя и пьяницы. Три года онъ числился на первомъ курсѣ, не посѣщалъ лекцій и, отличаясь разными дебошами, получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ стипендію, помнится, отъ Пермскаго земства. По существовавшимъ правиламъ, студентъ, не выдержавшій курсоваго испытанія въ теченіе двухъ лѣтъ, лишался права пользоваться какимъ-либо денежнымъ пособіемъ, а пробывшій три года на одномъ и томъ же курсѣ подлежалъ увольненію изъ университета. Несмотря на это, Воронцовъ пользовался стипендіей три года и былъ уволенъ не столько за малоуспѣшность, сколько за дурное поведеніе. Достаточно сказать, что онъ, будучи студентомъ, исполнялъ обязанности регента въ хорѣ бродячихъ арфистокъ, пѣвшихъ по трактирамъ. Мало того, онъ послѣднюю зиму состоялъ за извѣстную плату кассиромъ въ одномъ изъ казанскихъ домовъ терпимости, продавая входные билеты. За эти добродѣтели его, наконецъ, исключили изъ университета.

Студенты все это знали и не только не возмущались безправственнымъ поведеніемъ своего товарища, но выразили коллективный протестъ противъ его исключенія. Они доказывали, что правленіе университета не имѣло права лишать его стипендіи, такъ какъ стипендія была не казенная, а земская; равнымъ образомъ, и мотивъ къ

---

1) Воронцовъ поступилъ въ Казанскій университетъ изъ Пермской гимназіи

исключенію былъ въ ихъ глазахъ не достаточенъ на томъ основаніи, что университетское начальство не должно вмѣшиваться въ частную жизнь студента и контролировать способы, какими онъ зарабатываетъ себѣ средства къ жизни. По студенческой этикѣ того времени не считалось зазорнымъ гулять по трактирамъ во главѣ хора арфистокъ, или сидѣть за прилавкомъ въ публичномъ домѣ.

Когда ходатайство студенческой депутаціи съ вышеизложенными аргументами не было уважено, студенты рѣшились дѣйствовать силой, т. е. устроить сходку и этимъ способомъ произвести давленіе на совѣтъ профессоровъ. Сходка состоялась весьма бурная. Прежде всего толпа студентовъ выломала двери актоваго зала, заблаговременно запертыя по распоряженію ректора, чтобы предотвратить многолюдное сборище. Въ обширномъ залѣ собрались почти всѣ студенты, человѣкъ 600 или 700, и начались обычныя рѣчи на тему о стѣсненіи студенческой свободы и о необходимости дать отпоръ университетскому начальству. Ректора и инспектора, явившихся съ увѣщаніями разойтись, выгнали вонъ свистками и криками. Та же участь постигла и попечителя Шестакова. Пришлось послать за ротой солдатъ, съ прибытіемъ которой студенты разошлись. Университетъ былъ временно закрытъ. У всѣхъ входовъ поставлены часовые съ ружьями. По распоряженію попечителя назначена была слѣдственная коммиссія изъ профессоровъ для разслѣдованія произведеннаго безпорядка и опредѣленія зачинщиковъ. Въ числѣ членовъ коммиссіи пришлось быть и мнѣ. Намъ было предложено опросить всѣхъ участвовавшихъ на сходкѣ и отъ каждаго изъ нихъ взять письменное объясненіе. Это потребовало двухъ-недѣльнаго труда съ 10 час. утра и до 8—10 ч. вечера, съ небольшими перерывами. Эти экстраординарныя занятія были крайне утомительны и непріятны, но для меня они были не безполезны. Здѣсь въ откровенныхъ и не рѣдко крайне наивныхъ и оригинальныхъ сужденіяхъ студентовъ я ближе познакомился съ существующими у нихъ воззрѣніями на университетскіе порядки, съ ихъ взглядами на дисциплину, современную этику и на цѣли ихъ пребыванія въ университетѣ. И раньше я не былъ высокаго мнѣнія о современномъ строѣ нашихъ университетовъ, но, наслушавшись теперь откровенныхъ рѣчей учащейся молодежи, невольно задумываюсь: что готовитъ многострадальной Россіи наше злосчастное грядущее поколѣніе.

По окончаніи разслѣдованія, коммиссія представила собранныя данныя ректору. Затѣмъ было назначено экстренное засѣданіе совѣта подъ предсѣдательствомъ попечителя Шестакова, для постановленія взысканія съ виновныхъ. Совѣтъ постановилъ пятерыхъ студентовъ, какъ зачинщиковъ и подстрекателей, исключить изъ университета

безъ права поступленія въ другое учебное заведеніе, съ остальныхъ участниковъ сходки взять подписку въ томъ, что они впредь не будутъ принимать участія ни въ какихъ открытыхъ демонстраціяхъ. Къ числу исключенныхъ принадлежали: два брата Яковлевы (донскіе казаки), Осипановъ [1]) (бывшій воспитанникъ Красноярской гимназіи), Померанцевъ (бывшій воспитанникъ Пермской гимназіи) и студ. I курса, фамиліи котораго теперь не припомню, по національности бурятъ, поступившій изъ Иркутской гимназіи.

Въ то время, когда въ стѣнахъ университета производилось разслѣдованіе вышеописанныхъ безпорядковъ и университетскіе входы охранялись военною командою, кто-то изъ студентовъ написалъ по этому поводу стихотвореніе, циркулировавшее потомъ въ стихахъ по всей Казани. Вотъ его содержаніе:

Братья! Наши генералы
Насъ отлично просвѣтили:
Храмъ науки злополучный
Вдругъ въ казармы превратили.

* * *

Вмѣсто бюстовъ тѣхъ героевъ,
Что въ принципахъ были тверды [2]),
Видимъ мы теперь воочью
Полицейскія все морды.

* * *

Все солдаты, все берданки...
Все—куда ни кинешь взоры...
Самъ оплеванный проректоръ
Поступилъ въ тамбуръ-мажоры.

* * *

Чтобъ ходили всѣ по стрункѣ,
По-солдатски; для примѣра
Намъ поставили въ начальство
Войцеховича [3]) въ Вольтеры.

---

[1]) Несмотря на исключеніе безъ права поступленія, Осипановъ былъ принятъ въ 1885 году въ Петербургскій университетъ вольнымъ слушателемъ, 1-го марта 1887 г. онъ былъ уличенъ въ покушеніи на цареубійство (захваченъ полиціею на углу Невскаго и Морской ул. съ разрывными снарядами въ рукахъ).

[2]) Въ вестибюлѣ главнаго входа Казанскаго университета помѣщаются около дюжины гипсовыхъ бюстовъ великихъ людей науки. Въ данномъ случаѣ, они сопоставляются съ солдатами, безсмѣнно занимавшими вестибюль, въ числѣ 10—15 человѣкъ, во все время закрытія университета.

[3]) Войцеховичъ—помощникъ инспектора, нелюбимый студентами.

* * *

И во всѣхъ аудиторьяхъ
Тупоумны, дерзки, грубы,
Въ вицмундирахъ просвѣщенья
Засѣдаютъ Скалозубы [1]).

* * *

А Ш . . . . знаменитый [2])
Этотъ сикофантъ двуличный,
При газетѣ вмѣсто премій,
Открываетъ домъ публичный.

* * *

Пошлой газетки издатель,
Разныхъ статеекъ кропатель,
Кличка твоя намъ не нова,
— Вѣрное эхо Каткова,
Жалкій урядникъ Толстова,
Сводня печатнаго слова.

Сколько мнѣ извѣстно, студенты восхищались этими виршами, находя ихъ очень остроумными и ѣдкими. О правдѣ, конечно, никто не заботился. Въ людей чужаго лагеря можно было, по настроенію того времени, бросать грязью, не справляясь, есть ли къ тому поводъ. Куда бы ни шло, если бы это говорилось только для краснаго словца; но подобные скороспѣлые приговоры отражались на репутаціи профессоровъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ корпоративнаго студенчества и мѣстнаго либеральнаго общества.

Распущенность университетовъ составляетъ истинную злобу нашихъ дней. Потому считаю не лишнимъ коснуться этого вопроса, какъ онъ рисуется въ моей памяти и представляется моему пониманію. Начиная съ преобразовательной эпохи 60-хъ годовъ, когда явился усиленный спросъ на образованныхъ дѣятелей во всѣхъ сферахъ общественной и государственной жизни, сложилось естественное и вполнѣ правильное убѣжденіе, что чѣмъ больше и скорѣе мы расплодимъ людей съ высшимъ образованіемъ, тѣмъ успѣшнѣе осуществимъ задуманные планы обновленія Россіи. Въ то время нельзя было и думать иначе. У всѣхъ было еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о послѣдствіяхъ стѣсненнаго доступа въ гимназіи и университеты въ предшествовавшее царствованіе императора Николая I. Этому не безъ основанія приписывали долю неудачъ проигранной

---

[1]) Здѣсь имѣлась въ виду наша коммиссія.

[2]) Проф. Ш. раньше былъ любимцемъ студентовъ. Его блестящимъ лекціямъ часто апплодировали; но достаточно было разъ взглянуть на увлеченіе молодежи съ другой точки зрѣнія, чѣмъ смотрятъ сами студенты, и прежній кумиръ повергался въ прахъ.

Крымской кампаніи и бросавшіеся въ глаза недостатки во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія. Обновленная Россія требовала новыхъ людей. Поднятый вопросъ объ уравненіи образовательныхъ правъ привилегированныхъ и податныхъ сословій распахнулъ двери учебныхъ заведеній не только для дворянъ, духовенства и разночинцевъ, но и для тѣхъ классовъ, для которыхъ образованіе считалось прежде запретнымъ плодомъ. При такихъ условіяхъ, естественно, явилось стремленіе воспользоваться дарованнымъ правомъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Правительство и общество покровительствовали этому доброму порыву всѣми возможными средствами. Изъ всѣхъ концовъ Россіи хлынула новая волна молодаго поколѣнія въ распахнутыя двери среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. И этому можно было только радоваться. Но таковъ законъ природы, что добро и зло, свѣтъ и тьма всегда идутъ параллельно. И въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія стремительный потокъ не могъ не вызвать, вмѣстѣ съ добрыми началами, нѣкоторыхъ нежелательныхъ крайностей.

Въ силу реакціи противъ прежнихъ стѣснительныхъ мѣръ, пресса и общество склонны были преувеличивать успѣхи новаго образовательнаго направленія. Быстрое умноженіе числа учащихся они отождествляли съ прогрессомъ просвѣщенія, предполагая въ данномъ случаѣ, что количество и качество должны идти рука объ руку. Также смотрѣли учителя и профессора учебныхъ заведеній. Они считали грѣхомъ лишать молодаго человѣка соотвѣтствующаго образованія даже въ томъ случаѣ, когда это было ему явно не подъ силу, или когда онъ не заслуживалъ этой привилегіи по своимъ нравственнымъ качествамъ. Достойные смѣшивались съ недостойными, талантливые съ бездарными, лѣнивые и распущенные съ искренне желающими учиться и трудиться. Всю эту разнохарактерную массу одинаково прикрывалъ университетскій дипломъ, дававшій одни и тѣ же права годнымъ и негоднымъ элементамъ. Въ этомъ, заключалась первая, такъ сказать, принципіальная, ошибка новаго взгляда на русское просвѣщеніе. Благодаря ей не рѣдко профанировалось значеніе университетскаго диплома и подрывалось довѣріе къ русскимъ интеллигентнымъ силамъ.

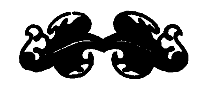
Вторая, еще горшая, ошибка заключалась въ томъ, что къ вопросамъ образованія стали примѣшивать политику. Въ этомъ грѣхѣ повинны и общество, и правительство, и болѣе всего сами студенты или вообще учащіеся. Вспоминая теперь печальную эпоху 60, 70-хъ годовъ, невольно удивляемся существовавшей въ то время путаницѣ понятій. Общество и правительство стали другъ противъ друга какъ два враждебные лагеря, не понимая того, что они идутъ къ одной и той жей цѣли—прогрессивному развитію внутренней жизни отече-

ства. Вмѣсто того, чтобы поддержать благія начинанія правительства сочувствіемъ къ преобразовательнымъ мѣрамъ, общественная интеллигенція, смущаемая и подстрекаемая извнѣ темными силами, требовала ломки всего государственнаго строя. Во внутреннихъ дѣлахъ государства она отмѣчала только слабыя стороны, роны, старыя прорѣхи, не залѣченныя еще раны, не обращая вниманія на совершившіяся крупныя преобразованія и благодѣтельныя мѣры. Съ своей стороны и правительство, видя чрезмѣрныя притязанія противной стороны и превратное толкованіе его мѣропріятій, было подъ часъ вынуждаемо платить недовольному обществу тою же монетою. Хуже всего то, что орудіемъ этой борьбы страстей была избрана школа. Это обстоятельство можно считать истиннымъ несчастіемъ для русскаго образованія.

24 марта 1881 г. въ Казань пришла вѣсть, что министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ отчисленъ отъ этой должности. На мѣсто его назначенъ баронъ Николаи, котораго раньше мы совсѣмъ не знали. Послѣ совершившихся событій на послѣднемъ актѣ С.-Петербургскаго университета нельзя было не ожидать такой перемѣны, но что намъ дастъ новый министръ, это трудно предугадать. Во всякомъ случаѣ можно ожидать новыхъ порядковъ, можетъ быть болѣе строгихъ, что́ естественно вытекаетъ изъ предшествовавшихъ обстоятельствъ. Благоразумные люди о такой перемѣнѣ курса сожалѣть не будутъ. Но для меня лично перемѣна министерства имѣетъ особое значеніе, именно по отношенію къ Сибирскому университету. Новыя птицы—новыя пѣсни. Въ какомъ тонѣ онѣ отзовутся на нашихъ томскихъ дѣлахъ, и безъ того шаткихъ, запутанныхъ, еще не пустившихъ прочныхъ корней. Этотъ вопросъ начинаетъ меня тревожить. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я написалъ длинное письмо М. Е. Бродке (директоръ департамента), прося его совѣта—не слѣдуетъ ли мнѣ, ранѣе отъѣзда въ Томскъ въ маѣ мѣсяцѣ, снова побывать въ Петербургѣ, чтобы переговорить съ новымъ министромъ и оріентироваться въ направленіи дѣлъ. Бродке посовѣтовалъ не дѣлать этого, а идти своей дорогой, какъ было предначертано при послѣднемъ моемъ посѣщеніи министерства въ концѣ декабря. Такое рѣшеніе вывело меня изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ въ первой половинѣ апрѣля, до вскрытія Волги, ѣхать было невозможно вслѣдствіе полной распутицы, а въ концѣ апрѣля и до половины мая у насъ должны были происходить экзамены, не позволявшіе мнѣ оставить Казань. Да и что можно было сказать барону Николаи о постройкѣ Сибирскаго университета, когда и самъ я въ точности не зналъ, какъ направится это дѣло предстоящимъ лѣтомъ, послѣ перемѣны архитектора при полной неопредѣленности строительныхъ

предположеній въ нашемъ комитетѣ. Будетъ гораздо удобнѣе представиться новому министру и познакомить его съ этими вопросами уже послѣ возвращенія изъ Томска, осенью. Такъ я и рѣшилъ поступить.

Несчастный Томскій университетъ! Какъ складно и удачно направился онъ на первыхъ порахъ, когда вопросъ разрабатывался, такъ сказать, теоретически, и какъ неблагопріятно стали для него складываться обстоятельства потомъ. Ежегодная смѣна министровъ, перемѣна генералъ-губернаторовъ, затрудненія и неурядицы въ строительномъ комитетѣ далеко не содѣйствуютъ гладкому и успѣшному ходу дѣлъ. Но самымъ крупнымъ и неблагопріятнымъ осложненіемъ въ данномъ случаѣ является 1-е марта. Какъ оно отразится на нашихъ университетахъ вообще и на Сибирскомъ въ частности, это покажетъ близкое будущее. Пока можно сказать одно: наступаютъ другія времена, выходятъ на сцену другіе люди, можетъ быть съ другими планами и взглядами, и при такой общей пертурбаціи мнѣ прійдется ощупью вести трудное, можетъ быть для многихъ теперь не симпатичное, дѣло созиданія новаго университета на далекой русской окраинѣ. Дай Богъ довести его до конца. О трудахъ, временныхъ препятствіяхъ и разочарованіяхъ я не сокрушаюсь. Все это неизбѣжно во всякомъ крупномъ предпріятіи, лишь бы не была забракована основная идея. При такомъ невеселомъ настроеніи мнѣ приходится нынѣ отправляться въ Томскъ, утѣшаясь одной мыслію, что доброе и полезное дѣло не должно страшиться препятствій. Такъ или иначе онъ направится на свой путь, выразится въ осязательной формѣ и будетъ давать соотвѣтствующіе плоды. Темныя точки стушуются, трудные эпизоды забудутся, останется на виду одинъ результатъ безвѣстныхъ трудовъ, и онъ долженъ служить намъ теперь путеводною нитью, наградой и утѣшеніемъ въ скорбныя минуты.

Историческая и бытовая заграничная хроника.

Людовикъ XVIII и Бонапартъ [1]).

I.

Переворотъ, совершившійся во Франціи 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.), когда были арестованы Пишегрю, Рашель и прочіе приверженцы роялистовъ, подготовлявшіе насильственный переворотъ въ пользу Людовика XVIII, не только нанесъ рѣшительный ударъ роялистамъ, но былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, угрозою для Пруссіи, пріютившей короля-изгнанника въ Бланкенбургѣ, и прусское правительство поспѣшило настоять на его удаленіи изъ своихъ предѣловъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія въ Бланкенбургѣ, Людовикъ XVIII съ грустью оставилъ его въ началѣ 1798 г. и направился въ Россію, гдѣ императоръ Павелъ I согласился принять его и предоставить въ его распоряженіе старинный замокъ герцоговъ курляндскихъ въ Митавѣ.

Достойно вниманія, что это новое испытаніе не сокрушило энергіи будущаго короля и не поколебало его увѣренности въ окончательномъ торжествѣ его дѣла, основанной на твердомъ убѣжденіи въ незыблемости его наслѣдственныхъ правъ.

Удаляясь отъ границъ своего королевства, онъ тверже, чѣмъ когда-либо, рѣшилъ употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы завоевать обратно корону.

Самымъ дѣйствительнымъ по его мнѣнію средствомъ было склонить на свою сторону, кого-либо, изъ популярныхъ вождей арміи, вступивъ съ ними въ непосредственные, тайные переговоры. Образецъ генерала Монка, принимавшаго дѣятельное участіе въ реставраціи Стюартовъ въ Англіи (1660 г.), преслѣдовалъ роялистовъ съ

---

[1]) Louis XVIII et Bonaparte. D'après des documents inédits, par Ernest Daudet. (Le Correspondant, 25 Février 1905)

самаго возникновенія республики. И ими были сдѣланы соблазнительныя предложенія Пишегрю, Гошу, Моро, Келлерману и другимъ менѣе извѣстнымъ генераламъ; ихъ убѣждали принять сторону Бурбоновъ, сдать его приверженцамъ подвѣдомственныя имъ крѣпости, или же въ случаѣ побѣды надъ союзными войсками, потребовать отъ союзныхъ монарховъ, чтобы они признали Людовика французскимъ королемъ и содѣйствовали его возвращенію въ Парижъ.

Но на этотъ призывъ откликнулся только одинъ Пишегрю, вступивъ въ переговоры съ королевскими агентами, но и тотъ отказался нарушить присягу и обѣщалъ свое содѣйствіе лишь въ томъ случаѣ, если обстоятельства будутъ благопріятствовать.

Послѣ переворота 18 фруктидора онъ оказался въ числѣ побѣжденныхъ, былъ сосланъ и на него болѣе нельзя было разсчитывать.

Несмотря на эти неудачныя попытки, нельзя было утверждать, что и дальнѣйшіе шаги не увѣнчаются успѣхомъ; то, что не удалось однажды, могло удасться со временемъ.

Такъ думалъ король, его мнѣніе раздѣлялъ аббатъ Андрэ де-ла Марръ, его агентъ, котораго онъ удостоивалъ въ то время наибольшимъ довѣріемъ.

Этотъ священникъ, родомъ изъ Савойи, былъ личностью весьма интересной: во цвѣтѣ лѣтъ, чрезвычайно дѣятельный, предпріимчивый, онъ бралъ на себя въ теченіе четырехъ лѣтъ труднѣйшія порученія, то и дѣло разъѣзжалъ взадъ и впередъ, отвозя въ Парижъ и Лондонъ приказанія короля, слѣдилъ за ихъ выполненіемъ, всегда готовый взяться за рискованное предпріятіе, не боясь никакихъ опасностей, которыя онъ искусно умѣлъ побѣждать. Онъ обладалъ особымъ умѣньемъ угадывать подъ личиной преданности своекорыстныя, эгоистическія побужденія, смѣло совлекалъ съ такихъ людей маску и былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы не понять, какъ мало пользы могли принести заговоры и покушенія, совершаемыя отдѣльными лицами и насколько вѣрнѣе было дѣйствовать путемъ пропаганды и убѣжденія.

„Изыскать, послѣ всѣхъ бывшихъ переворотовъ возможность согласовать власть, которой долженъ обладать король, съ той долею свободы, какой долженъ пользоваться народъ, и съ интересами всѣхъ гражданъ—вотъ въ чемъ заключается главная задача, писалъ аббатъ въ 1800 году; по его мнѣнію, вѣрнѣйшимъ средствомъ привлечь къ королю наибольшее число сторонниковъ заключалось въ томъ, чтобы никого не отвращать", понимая подъ этимъ, что надобно было привлекать людей силою убѣжденія, а не угрозами. Человѣкъ, разсуждавшій такъ въ то время, какъ другіе, несмотря на уроки прошлаго, совѣтывали королю дѣйствовать по-прежнему путемъ угрозъ каръ и переворотовъ, былъ несомнѣнно человѣкъ не заурядный.

*

Уже въ началѣ 1797 г. король и графъ д'Авари оказывали ему полное довѣріе.

Пріѣхавъ въ это время въ Бланкенбургъ, онъ убѣждалъ короля въ необходимости дѣйствовать умѣренно и осторожно совѣтовалъ ему сдѣлать попытку къ примиренію, подалъ мысль обратиться за содѣйствіемъ къ извѣстнѣйшимъ республиканскимъ генераламъ и на столько съумѣлъ убѣдить короля въ правильности своихъ мыслей, что, откланиваясь ему 29 января передъ отъѣздомъ во Францію, гдѣ ему было поручено принять участіе въ переговорахъ, начатыхъ парижскими агентами съ членами директоріи и законодательнаго корпуса, аббатъ Андрэ получилъ отъ короля довѣренность, коей оно уполномочивался „вступить отъ его имени въ сношеніе съ Бонапартомъ" и съ Бертье.

Съ именемъ этого генерала, которому суждено было сыграть въ послѣдующихъ событіяхъ видную роль, были связаны воспоминанія, говорившія о его преданности престолу. Онъ не только не принималъ участія въ злодѣйскихъ поступкахъ революціонеровъ, но даже спасъ двухъ тетокъ короля, когда имъ угрожала чернь, и помогъ имъ бѣжать изъ Парижа. Это давало право предполагать, что подъ мундиромъ республиканскаго генерала билось сердце, преданное монархіи, слѣдовательно, король могъ разсчитывать на его услуги.

Въ Бланкенбургѣ находился въ то время эмигрантъ—графъ Готфоръ, состоявшій нѣкогда въ числѣ приближенныхъ графа Прованскаго [1]), который командовалъ отдѣльной частью въ арміи Кондэ. Прощаясь съ нимъ передъ отъѣздомъ въ Россію, Людовикъ XVIII поручилъ ему повидаться съ генераломъ Бертье, посланнымъ для подавленія возстанія въ восточныхъ провинціяхъ Франціи и склонить его передаться съ арміей на сторону монархической партіи, за что́ Бертье и его офицерамъ были обѣщаны большія награды.

Графу Готфору не удалось видѣть Бертье, и проектъ остался невыполненнымъ, но онъ любопытенъ, какъ доказательство превратнаго взгляда, какой имѣли эмигранты относительно республиканскихъ генераловъ и какія ошибочныя рѣшенія принимались ими подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ. Можно ли было думать, что такой заслуженный воинъ, какъ Бертье, согласился перейти на сторону непріятеля и что онъ сдѣлаетъ это такъ грубо и неискусно. Еще большей ошибкой было думать, что ему удастся увлечь за собою солдатъ и что они не возмутятся противъ него, если бы онъ посмѣлъ склонять ихъ противъ республики.

---

[1]) Людовикъ XVIII, при жизни своего брата Людовика XVI, носилъ титулъ графа Прованскаго.

Два года передъ тѣмъ принцъ Кондэ обращался съ подобнымъ же предложеніемъ къ Пишегрю, но эта попытка не удалась; поэтому странно, что король счелъ возможнымъ обратиться съ такимъ же предложеніемъ къ другому генералу.

Это доказываетъ, что успѣхи директоріи не отняли у него энергіи. Когда онъ поселился въ Митавѣ, то аббатъ де-ла Марръ и графъ Готфоръ продолжали дѣйствовать въ его пользу вышеуказанными путями. Впрочемъ, Людовикъ XVIII какъ бы предчувствовалъ, что Бертье отклонитъ его предложеніе, и возлагалъ большія надежды на де-ла Марра, которому было поручено отправиться въ Парижъ и начать переговоры съ самимъ Бонапартомъ.

Ему представился къ тому случай при посредствѣ эмигранта графа де Вернегъ (de Vernègues), который разсказалъ аббату, что, въ бытность свою въ Миланѣ, онъ близко сошелся съ эмигрировавшимъ туда богатымъ марсельскимъ негоціантомъ, по имени Николай Клари, на сестрѣ котораго былъ женатъ Іосифъ Бонапартъ, старшій братъ Наполеона Бонапарта. Полагая, вполнѣ естественно, что бладаря этому браку Клари имѣлъ доступъ къ генералу Бонапарту, Вернегъ завелъ съ нимъ рѣчь о возможности привлечь послѣдняго на сторону Бурбоновъ. Клари не только не уклонился отъ этого разговора, но даже обѣщалъ передать объ немъ Іосифу Бонапарту и дѣйствительно говорилъ съ нимъ, а Іосифъ будто бы сообщилъ объ этомъ самому Бонапарту, который, польщенный сдѣланнымъ ему предложеніемъ, обѣщалъ дѣйствовать, когда настанетъ время, между тѣмъ выразилъ желаніе видѣть довѣренность на имя Вернега, подписанную королемъ, которую Вернегъ обѣщалъ предъявить въ томъ случаѣ если ему будетъ поручено начать переговоры.

Не вдаваясь въ обсужденіе вопроса, насколько все сообщенное Вернегомъ заслуживало довѣрія, Людовикъ XVIII послалъ ему довѣренность и полномочія. Только годъ спустя узналъ, что Вернегъ не могъ воспользоваться ими, ибо въ тотъ самый день (27 сентября 1797 г.), когда Вернегъ, показавъ этотъ документъ Клари, долженъ былъ представить его Іосифу Бонапарту, въ Римѣ былъ убитъ генералъ Дюфо (Duphot). Вслѣдствіе этого свиданіе Вернега съ Іосифомъ не состоялось и о дальнѣйшихъ переговорахъ не было болѣе рѣчи; но король долгое время былъ убѣжденъ въ томъ, что они продолжаются, не теряя надежды, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ.

Полученныя въ Митавѣ около половины сентября извѣстія о переворотѣ 18 фруктидора (4 сентября 1797 г.) и о полномъ торжествѣ республиканцевъ вывели короля изъ этого заблужденія: всѣ противники директоріи были арестованы или спаслись, бѣжавъ изъ Парижа.

„Въ эту ужасную ночь рушились всѣ наши надежды", писалъ, нѣсколько дней спустя, де-ла Марръ, бѣжавшій въ Швейцарію, „всѣ наши планы разстроены. Надобно много времени, чтобы оправиться, и главное надобно дѣйствовать крайне осторожно" и прервать съ этой цѣлью сношенія со всѣми бывшими агентами и привлечь къ дѣлу новыхъ людей, не замѣшанныхъ въ прежнія интриги; намекая на неудавшуюся попытку войти въ сношеніе съ Баррасомъ, при посредствѣ графа Грабянки, предложившаго королю свои услуги, аббатъ присовокуплялъ полушутя, полусерьезно: „я давно уже ломаю голову, изыскивая, какъ бы добраться къ Бонапарту, и вижу только одно средство—подыскать для этого поляка, котораго вы удостоили бы своимъ довѣріемъ".

Это было сѣмя, брошенное на благодарную почву: мысль, поданная аббатомъ, запала въ душу Людовика XVIII, возбудивъ въ немъ новыя надежды, и несмотря на всѣ испытанныя имъ неудачи и разочарованія, онъ принялся дѣятельнѣе чѣмъ прежде за осуществленіе своей завѣтной мечты—вернуть себѣ престолъ.

Жизнь въ Митавѣ, куда король ѣхалъ скрѣпя сердце, не найдя себѣ инаго убѣжища, имѣла свои выгоды и неудобства. Онъ находился тамъ подъ покровительствомъ императора Павла I, который, принявъ его въ свои владѣнія и окруживъ всевозможнымъ вниманіемъ и удобствами, доказалъ этимъ, что онъ смотрѣлъ на него, какъ на законнаго короля Франціи. Для монарха-изгнанника было, конечно, отрадно найти защитника и друга въ лицѣ самаго могущественнаго монарха въ мірѣ, но съ другой стороны, будучи подчиненъ строгимъ полицейскимъ мѣрамъ и вынужденный считаться съ причудливымъ и непостояннымъ характеромъ императора Павла, находясь къ тому же такъ далеко отъ Франціи, онъ чувствовалъ, что его свобода дѣйствій была надолго парализована, что ему будетъ труднѣе чѣмъ прежде поддерживать правильныя сношенія со своимъ королевствомъ, и это увеличивало его озлобленіе противъ державъ, которыя, отказавъ ему въ пріютѣ, заставили его искать убѣжища въ отдаленной Россіи. Въ письмахъ изъ Митавы король часто проклинаетъ „чертовскую политику", которая приковала его къ этому мѣсту.

Но, несмотря на всѣ превратности судьбы, онъ не терялъ надеждъ. Переселяясь въ Митаву, онъ не думалъ, что его положеніе могло еще болѣе ухудшиться; онъ разсчитывалъ, что ему скоро удастся вернуться во Францію, что его пребываніе въ Россіи будетъ кратковременно и что онъ скоро вернетъ престолъ, при помощи союзной арміи, которая будетъ сформирована по почину Россіи или по ясно выраженному желанію его подданныхъ.

Увѣренность короля въ этомъ была такъ велика, что ее не могла поколебать даже чрозвычайная медленность, съ какою шли переговоры, возложенные на де-ла Марра и Готфора. Въ оправданіе этого оптимизма надобно сказать, что де-ла Марръ, сообщивъ королю о препятствіяхъ, какія онъ встрѣтилъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ пытался достать денегъ для подкупа республиканскихъ войскъ, представилъ ему въ то же время новый планъ, при помощи котораго онъ разсчитывалъ заручиться содѣйствіемъ Бонапарта.

Онъ говорилъ о возможности повліять на генерала чрезъ его супругу, Жозефину, у которой было много друзей роялистовъ. Вліяніе, которое она имѣла на мужа, давало по его словамъ поводъ надѣяться, что ея помощь окажется дѣйствительной.

Король и д'Авари съ восторгомъ ухватились за это предложеніе, но они не успѣли еще обсудить его, какъ слѣдуетъ, когда совершилось никѣмъ не предвидѣнное событіе, отсрочившее выполненіе ихъ плановъ на неопредѣленное время.

Бонапартъ отбылъ изъ Европы во главѣ своего войска, предпринявъ походъ въ Египетъ.

Это извѣстіе должно было бы поразить короля, такъ какъ оно отсрочивало выполненіе его плана на неопредѣленное время. Между тѣмъ оно было принято въ Митавѣ довольно спокойно. Отсутствіе Бонапарта, по мнѣнію короля, должно было увеличить анархію, царившую среди директоріи. Если бы онъ не вернулся изъ похода, то эта анархія, которую безъ него никто не могъ прекратить, могла окончательно погубить республиканскую партію и вернуть французовъ ихъ законному королю, а если бы онъ вернулся побѣдителемъ, то его вліяніе и власть были бы безграничны и захоти онъ съиграть роль Монка,—въ побѣдѣ не могло быть сомнѣнія.

Поэтому проектъ, который Людовикъ XVIII надѣялся осуществить при помощи республиканскаго генерала, не былъ оставленъ, хотя отсутствіе Бонапарта, продолжавшееся, какъ извѣстно, болѣе 18 мѣсяцевъ, замедлило его выполненіе.

Во время серьезныхъ событій, разыгравшихся во Франціи, пока Бонапартъ былъ въ Египтѣ и отголосокъ которыхъ доходилъ въ Митаву, поддерживая надежды Людовика XVIII, короля неотступно преслѣдовалъ образъ „корсиканца". Не отказываясь отъ мысли привлечь его на свою сторону, Людовикъ чувствовалъ въ немъ врага, инстинктивно боялся его возвращенія и въ глубинѣ души былъ бы радъ, если бы онъ былъ побѣжденъ и не вернулся изъ Египта.

Эти опасенія возрастали по мѣрѣ, того какъ изъ Египта доходили извѣстія о побѣдахъ Бонапарта. Въ августѣ мѣсяцѣ 1799 г. д'Авари писалъ де-ла Марру:

„Не говорю о Бонапартѣ, но не забывайте, что въ то время какъ вы будете втайнѣ замышлять его погибель и подсчитывать своихъ сторонниковъ, онъ можетъ взлетѣть до небесъ, хотя на это мало вѣроятія. Будемъ надѣяться, что онъ и его приверженцы послужатъ примѣромъ потомству, а не поощреніемъ негодяямъ и преступникамъ".

Если бы Бонапартъ „вознесся до небесъ, если бы всѣ французы преклонились передъ нимъ, то король могъ получить корону только изъ его рукъ. Это было главное; въ Митавѣ этого не упускали изъ вида, тѣмъ болѣе, что король то и дѣло получалъ отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ему лицъ предложенія услугъ съ цѣлью передать Бонапарту его желанія.

Съ такимъ предложеніемъ явился однажды графъ Фенисъ де-ла Прадъ (Fenis de la Prade), о которомъ королю было извѣстно, что, проживая въ Гамбургѣ, онъ видѣлся съ агентомъ Людовика XVIII, Товенэ, открылъ ему подъ секретомъ, что онъ другъ генерала и, слѣдовательно, можетъ передать ему все, что угодно; и просилъ соотвѣтственныхъ полномочій для переговоровъ.

Сначала ему было въ этомъ отказано, но затѣмъ, въ исходѣ 1799 г., довѣренность была прислана, съ оговоркою, что она должна остаться въ рукахъ Товенэ до того момента, когда будетъ видно, что де-ла-Прадъ можетъ воспользоваться ею; но онъ возбудилъ къ себѣ вскорѣ недовѣріе, обратившись къ Товенэ съ просьбою о ссудѣ, тогда какъ вначалѣ онъ самъ предлагалъ денегъ для веденія дѣла.

Послѣ этого, неизвѣстно откуда, явился съ подобнаго же рода предложеніемъ нѣкто Барбе, услуги котораго были рѣшительно отклонены, такъ какъ все обличало въ немъ искателя приключеній.

Вслѣдъ за нимъ явился баронъ Амекуръ, извѣстный своей преданностью Бурбонамъ. Не хвастая личнымъ знакомствомъ съ Бонапартомъ, онъ говорилъ, что знаетъ одного изъ близкихъ къ генералу лицъ, занимавшаго видный постъ, который, по его словамъ, взялся бы за это дѣло, если бы онъ былъ увѣренъ, что, по возстановленіи монархіи, онъ не подвергнется преслѣдованію за свое участіе въ революціи. Король воспользовался услугами барона Амекура только для того, чтобы распространить, при его посредствѣ, слухи о своихъ намѣреніяхъ.

„Я обязанъ", писалъ онъ барону Амекуру, „принять самыя поспѣшныя и дѣйствительныя мѣры для прекращенія бѣдствій, тяготѣющихъ надъ Франціей. Къ счастью, справедливое довѣріе, какое внушаютъ мнѣ ваши „душевныя качества и ваши знанія", даютъ мнѣ возможность исполнить этотъ долгъ. Поэтому, если вы убѣдитесь въ томъ, что указанное вами лицо дѣйствительно можетъ и хочетъ

содѣйствовать возстановленію монархіи, я уполномочиваю васъ увѣрить его отъ моего имени въ томъ, что, каковы бы ни были совершенныя имъ ошибки или преступленія, они будутъ преданы за столь важную услугу забвенію и ему будетъ обезпечено дальнѣйшее спокойное существованіе. Вы можете дать ему въ этомъ мое королевское слово; вы можете даже, если это будетъ признано необходимымъ, показать ему мое письмо, какъ гарантію того, что вы передаете ему это отъ меня".

За де-ла-Прадомъ, Барбе и барономъ Амекуромъ слѣдовала цѣлая вереница людей, предлагавшихъ королю свои услуги для переговоровъ съ Бонапартомъ; таковы: Казалесъ, которому Бонапартъ велѣлъ передать, что онъ можетъ вернуться въ Парижъ, не опасаясь для себя никакихъ дурныхъ послѣдствій; Невилль, услуги коего были приняты королемъ, такъ какъ онъ казался человѣкомъ весьма почтеннымъ; маркизъ де-Пракомталь (de Pracomtal), другъ консула Лебрена; кавалеръ де-Куаньи (Coigny), принятый у г-жи Бонапартъ, какъ свой человѣкъ; г-жа де-Куаньи, которая также была дружна съ женою перваго консула; красавица герцогиня де-Гюишъ (de-Guiche), близкая къ герцогу Артуа, жившая въ Англіи; графъ де-Монлозье, бывшій членъ учредительнаго собранія, который отправился изъ Лондона въ Францію съ цѣлью посулить Бонапарту итальянскую корону, если онъ возвратитъ престолъ Бурбонамъ, и которому полиція не позволила высадиться въ Калэ и, наконецъ, Дюмурье; къ послѣднему король отнесся недовѣрчиво, несмотря на заявленную имъ горячую, но нѣсколько запоздалую преданность монархизму. Онъ предлагалъ королю всѣ, бывшія въ его рукахъ, средства, чтобы войти въ сношеніе съ Бонапартомъ чрезъ Мармона, и утверждалъ, что онъ уже писалъ объ этомъ первому консулу, подъ какимъ-то предлогомъ, и увѣренъ, что онъ не замедлитъ ему отвѣтить. Несмотря на эти увѣренія, Дюмурье въ Митавѣ не особенно довѣряли и отъ него постарались вѣжливо отдѣлаться, подъ предлогомъ, что было бы опасно „посылать къ Бонапарту слишкомъ много посредниковъ".

Въ сущности, Людовикъ XVIII довѣрялъ вполнѣ только аббату де-ла-Марръ; ему одному было поручено руководить дѣломъ и избрать вполнѣ надежнаго и искуснаго агента для веденія переговоровъ.

Императоръ Павелъ I, отказавшійся вначалѣ принять участіе въ образованной противъ Франціи коалиціи, увлекся, мало-по-малу, ролью „защитника ниспровергаемыхъ троновъ"; совершенный Наполеономъ разгромъ изолированной Австріи, которая не могла помириться съ существующимъ порядкомъ вещей въ Швейцаріи и Италіи, побудилъ императора въ декабрѣ мѣсяцѣ 1798 г. примкнуть къ новой коалиціи, образовавшейся изъ Англіи, Австріи и Турціи. У Павла про-

сили шестнадцать тысячъ войска,—онъ обѣщалъ дать сорокъ пять тысячъ, изъ коихъ было образовано двѣ арміи,—для дѣйствій въ Италіи и Швейцаріи.

Весною 1799 г. Суворовъ, во главѣ русскихъ войскъ, двинулся на соединеніе съ эрцгерцогомъ Карломъ; армія Кондэ получила приказаніе соединиться съ корпусомъ, состоявшимъ подъ командою Корсакова.

Германія задрожала отъ топота кавалеріи и грохота лафетовъ.

Грозная коалиція, въ составъ которой вошли Россія, Англія, король Неаполитанскій, Пьемонтъ и даже Турція, надѣялась привлечь къ участію въ общемъ дѣлѣ Пруссію, хотя эта держава заявила, что, находясь въ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ Франціей, она намѣрена сохранить нейтралитетъ.

Людовикъ XVIII съ тревогой слѣдилъ изъ своего уединенія за ходомъ событій въ Европѣ, заявляя, однако, при всякомъ случаѣ о своемъ желаніи принять участіе въ походѣ. Онъ писалъ Павлу I письмо за письмомъ, посылалъ къ нему своихъ уполномоченныхъ, доказывая, что интересы союзниковъ требовали, чтобы король Франціи шелъ во главѣ войскъ, такъ какъ только его присутствіе могло успокоить его подданныхъ. Инструкціи, посланныя королемъ своему брату и агентамъ, имѣли цѣлью подогрѣть ихъ рвеніе и подготовить мѣстныя возстанія, которыя должны были вспыхнуть въ разныхъ пунктахъ королевства, по мѣрѣ вступленія союзныхъ войскъ.

Убѣдясь, наконецъ, въ томъ, что союзныя державы, вѣрныя той „пагубной системѣ“, которой онѣ всегда слѣдовали, не внимали его словамъ, Людовикъ XVIII рѣшился молчать; къ сожалѣнію, ему болѣе ничего не оставалось дѣлать. Предвидя, что эту войну, отъ участія въ которой его устраняли такъ же точно, какъ и отъ предыдущихъ войнъ, постигнетъ та же участь, онъ лелѣялъ по-прежнему надежду войти въ переговоры съ Бонапартомъ, когда онъ возвратится изъ Египта.

Въ началѣ іюля, нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы племянницы короля съ герцогомъ Ангулемскимъ, въ Митавскій замокъ пріѣхала жена одного изъ самыхъ преданныхъ королю лицъ г-жа Гюэ (Hue). Она разсказывала, что ей удалось выѣхать изъ Парижа, только благодаря тому, что г-жа Бонапартъ, которую она давно знала, оказала ей содѣйствіе при полученіи паспорта, въ которомъ ей сначала было отказано. Въ подтвержденіе своихъ словъ она показала копію съ письма, написаннаго Жозефиной, по ея просьбѣ, министру полиціи.

Въ письмѣ говорилось: „Гражданка Гюэ, мой давнишній другъ, которой я очень желала бы сдѣлать пріятное, проситъ о дозволеніи отправиться къ мужу. Я была бы вамъ премного обязана, если бы

вы сдѣлали все отъ васъ зависящее, чтобы доставить ей эту возможность, если къ тому не встрѣтится, какъ я полагаю, препятствія".

Эти нѣсколько строкъ свидѣтельствовали о томъ, что г-жа Гюэ не преувеличивала, говоря о дружбѣ, существовавшей между нею и вдовою графа Богарнэ въ то время, когда она еще не была супругою Бонапарта. Д'Авари, прочтя это письмо и разспросивъ г-жу Гюэ подробно относительно ихъ знакомства, открылся ей относительно плановъ, которые замышлялись въ Митавѣ.

По словамъ г-жи Гюэ, Жозефина была всегда предана монархіи, мужъ ее обожалъ и она имѣла на него вліяніе; во всякомъ случаѣ, не кто иной, какъ она, не могъ бы склонить Бонапарта взять на себя защиту интересовъ Людовика XVIII.

„Онъ очень подозрителенъ, ревнивъ и остороженъ", говорила г-жа Гюэ, „всегда боится, чтобы кто-нибудь не проникнулъ его мыслей и не предупредилъ его плановъ; но, лежа въ постели, наединѣ съ женою, онъ позволяетъ ей иногда говорить съ нимъ о дѣлахъ и угадывать его мысли".

Г-жа Гюэ предлагала сообщить своему другу, что именно отъ нея ожидали. Но такъ какъ въ письмѣ было неудобно излагать всей сущности дѣла, то это нужно было поручить какому-нибудь надежному лицу, которое, явясь къ г-жѣ Бонапартъ съ письмомъ, передастъ ей все, что надобно. Надежное лицо было вскорѣ найдено въ лицѣ дяди г-жи Гюэ, проживавшаго въ Парижѣ. Его звали Бріонъ. Человѣкъ пожилой, 65 лѣтъ, членъ парламента, разсудительный, не болтливый, благомыслящій, онъ былъ принятъ въ интимномъ кружкѣ г-жи Бонапартъ, бывалъ у нея часто и могъ, „пользуязь своимъ вліяніемъ на нее, склонить ее поговорить объ этомъ съ мужемъ".

Предложеніе г-жи Гюэ было тотчасъ принято и соотвѣтственныя письма заготовлены, но, по неизвѣстной причинѣ, они не были отправлены по назначенію и до декабря мѣсяца о нихъ не было болѣе рѣчи, а въ это время Бонапартъ вернулся изъ Египта, и переворотъ, совершенный 18 брюмера (9 ноября 1799 г.), предоставилъ власть въ его руки; тогда только въ Митавѣ снова ухватились за мысль прибѣгнуть къ помощи Жозефины, или предпочтительнѣе къ Бертье, который возвратился изъ Египта вмѣстѣ съ Наполеономъ и былъ поставленъ имъ во главѣ военнаго министерства.

„Я не думаю, чтобы было легко добраться до Бонапарта", писалъ д'Авари аббату де-ла-Марру, находившемуся въ Лондонѣ, „а тѣмъ болѣе расположить его въ пользу короля. Однако, слѣдуетъ попытаться; мнѣ кажется, что можно было бы надѣяться на успѣхъ, дѣйствуя чрезъ одного изъ близкихъ къ нему лицъ, напр., чрезъ Бертье или его супругу."

Въ запискѣ, составленной тѣмъ же д'Авари, эта мысль была выражена яснѣе и указывался даже практическій способъ ея осуществленія. Между прочимъ, д'Авари высказалъ, что единственный приличествующій королю шагъ — это написать собственноручно корсиканцу, коего честолюбіе будетъ этимъ польщено. „Король не унизитъ своего достоинства, написавъ человѣку, который прославился своими военными талантами, не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ и пользуется неограниченной властью. Генрихъ IV говорилъ, что никакой шагъ, сдѣланный для спасенія народа, не можетъ назваться безчестнымъ, и самъ Карлъ II писалъ Монку".

И такъ, было рѣшено, что Людовикъ XVIII долженъ былъ написать Бонапарту и что это письмо долженъ былъ передать Бертье. Если бы Бертье отказался отъ этого, то оставалалось одно средство,— прибѣгнуть къ посредничеству Жозефины, чрезъ г-жу Гюэ.

19 декабря король писалъ къ обоимъ генераламъ. Письмо къ Бонапарту, которое никогда не было нмъ прочитано, замѣчательно его краснорѣчивымъ и высокомѣрнымъ тономъ. Оно проникнуто сознаніемъ королевскаго достоинства, съ какимъ Людовикъ XVIII отстаивалъ свои права во всѣхъ серьезныхъ обстоятельствахъ жизни.

„Вы не могли думать, генералъ, чтобы я отнесся равнодушно къ совершившимся великимъ событіямъ", писалъ Людовикъ, „но вы можете сомнѣваться относительно тѣхъ чувствъ, каковыя эти событія возбудили во мнѣ; они возбудили во мнѣ справедливую и твердую надежду. Мои взоры давно уже устремлены иа васъ; я давно уже сказалъ себѣ, что побѣдитель при Лоди, Кастиліоне, Арколѣ, завоеватель Италіи и Египта будетъ избавителемъ Франціи; страстно любя славу, онъ не захочетъ, чтобы она была чѣмъ-либо омрачена, онъ захочетъ, чтобы отдаленнѣйшіе потомки благословляли его побѣды. Но до тѣхъ поръ, пока я видѣлъ въ васъ только одного изъ славнѣйшихъ военачальниковъ, я долженъ былъ скрывать свои чувства. Нынѣ, когда въ вашихъ рукахъ вмѣстѣ съ талантомъ сочеталась власть, настала пора высказаться и заявить вамъ о тѣхъ надеждахъ, какія я основываю на васъ.

„Генералъ, вы должны быть Цезаремъ или Монкомъ — инаго выбора у васъ нѣтъ. Я знаю, что роль перваго васъ пе устрашитъ; но обратитесь къ вашему сердцу, и вы поймете, что блескъ вашихъ побѣдъ былъ бы омраченъ узурпаціей власти, тогда какъ слава Монка безупречна и можетъ быть превзойдена лишь той славою, какая ожидаетъ васъ. Произнесите одно слово, и тѣ самые роялисты, съ какими вы будете, быть можетъ, сражаться, пойдутъ за вами. Возвратите мнѣ армію, побѣдоносную подъ вашимъ предводительствомъ и которая, ведомая съ такимъ вождемъ, какъ вы, будетъ содѣйствовать

спасенію отечества. Я не говорю о благодарности вашего короля,— вамъ будутъ признательны всѣ грядущія поколѣнія. Если бы я обращался не къ Бонапарту, то я предложилъ бы за это награду, но великій человѣкъ долженъ самъ быть вершителемъ своей судьбы и судьбы своихъ друзей. Скажите мнѣ, что вы желаете для нихъ и для себя лично, и въ тотъ моментъ, когда я вступлю снова на престолъ, будутъ исполнены ваши желанія.

„Посылаю вамъ настоящее письмо съ надежнымъ лицомъ, но не боюсь скомпрометтировать себя, написавъ его. Подобный шагъ можетъ только служить къ чести монарха, который рѣшается сдѣлать его. Примите, генералъ, увѣреніе въ моемъ искреннемъ расположеніи, если вы присоединитесь ко мнѣ, если же вы останетесь моимъ врагомъ, то вѣрьте въ мое страстное желаніе встрѣтиться, съ вами какъ можно скорѣе, на полѣ брани“.

Это письмо было написано въ двухъ экземплярахъ,—изъ коихъ одинъ рѣшено было дать генералу Бертье, а другой—Бріону на случай, ежели бы Бертье отказался брать на себя это порученіе. Маркизъ де-Ривьеръ, пріѣзжавшій въ Митаву для свиданія съ королемъ, взялся передать пакетъ съ письмами де-ла-Марру, который долженъ былъ препроводить ихъ по назначенію.

Въ инструкціяхъ, посланныхъ де-ла-Марру, было, самымъ подробнымъ образомъ, изложено все, что онъ долженъ былъ сказать Бертье или Бріону.

Его предостерегали относительно коварства и хитрости „корсиканца“, совѣтовали дѣйствовать крайне осторожно, вѣрить только тѣмъ обѣщаніямъ, какія будутъ даны письменно, и имѣть въ виду, что ходитъ слухъ, будто Бонапартъ намѣренъ возвести на французскій престолъ одиннадцатилѣтняго инфанта испанскаго. Неизвѣстно, былъ ли этотъ слухъ также на чемъ-нибудь основанъ, но онъ до такой степени взволновалъ Людовика XVIII, что король счелъ нужнымъ извѣстить объ этомъ императора Павла и умолялъ его разрушить эти планы. Во всякомъ случаѣ, этотъ слухъ доказывалъ, что Бонапартъ не любитъ французскихъ Бурбоновъ и что, если бы онъ задумалъ реставрировать монархію, то онъ сдѣлалъ бы это помимо Людовика XVIII. На случай, если бы де-ла-Марръ не могъ отправиться въ Парижъ, ему было разрѣшено воспользоваться услугами нѣкоего „Обера“, принявъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы вышеозначенныя письма „не были распространены въ копіяхъ, такъ какъ для дѣла было бы очень вредно, если бы Бонапартъ ознакомился съ содержаніемъ королевскаго письма до прочтенія его въ подлинникѣ“.

Имя Оберъ, упомянутое въ инструкціяхъ, не было настоящимъ именемъ того лица, которое подъ этимъ подразумѣвалось, это было

боевое прозвище, какія принимали въ то время, для безопасности, оставшіеся во Франціи королевскіе агенты, въ своей перепискѣ съ эмигрантами. Подъ этимъ прозвищемъ скрывался молодой депутатъ Ройэ-Колларъ (Royer Collard), извѣстный своей преданностью монархіи; онъ игралъ, впослѣдствіи, во Франціи видную роль на государственномъ поприщѣ.

II.

Получивъ пакетъ для передачи аббату де-ла-Марръ, маркизъ де-Ривьеръ выѣхалъ изъ Митавы 20 декабря въ Англію, но, прибывъ въ Лондонъ, уже не засталъ тамъ аббата, который, подвергаясь постоянно непріятностямъ со стороны приближенныхъ проживавшаго въ Лондонѣ брата Людовика XVIII, графа Артуа, убѣдился въ томъ, что ему невозможно дѣйствовать въ этомъ городѣ съ пользою для короля, и рѣшилъ уѣхать во Францію. Такимъ образомъ, Ривьеръ не могъ исполнить данное ему порученіе и вскорѣ долженъ былъ отказаться отъ мысли передать пакетъ по назначенію, узнавъ, что аббатъ пробывъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, отправился въ Россію. Вслѣдствіе этого неожиданнаго препятствія, всѣ заготовленныя инструкціи, письма и полномочія не могли быть употреблены въ дѣло. О нихъ не было болѣе рѣчи, такъ какъ, въ виду поѣздки де-ла-Марра въ Митаву, они оказались безполезны.

Де-ла-Марръ пріѣхалъ въ Митаву вторично въ исходѣ января 1800 г., съ цѣлью повергнуть на благоусмотрѣніе короля новый планъ, зародившійся въ его головѣ во время поѣздки во Францію, и навѣянный бесѣдами съ роялистами.

Во время своего пребыванія въ Англіи, онъ убѣдился въ полной неспособности и крайнемъ легкомысліи всѣхъ приближенныхъ графа Артуа; спѣсивые, тщеславные, болтливые, они соперничали другъ съ другомъ, относились недовѣрчиво къ самымъ преданнымъ слугамъ короля, хотѣли все знать, всѣмъ руководить, все забрать въ свои руки, распоряжаться судьбою всѣхъ эмигрантовъ, находившихся въ Англіи, возвращенію коихъ во Францію они энергично препятствовали, относясь въ то же время презрительно къ власти короля, которой онъ не могъ, пользоваться, живя въ далекой Россіи, и которую онъ долженъ былъ поэтому предоставить всецѣло брату.

Аббатъ подтвердилъ все то, что уже давно было извѣстно въ Митавѣ, а именно, что благодаря безхарактерности и слабости графа Артуа, подъ его покровительствомъ образовалась въ Лондонѣ оппо-

зиція королю, которая старалась дѣйствовать наперекоръ всѣмъ его планамъ, чернить его агентовъ и препятствовать осуществленію всѣхъ мѣръ, какія принимались по инціативѣ короля, безъ предварительнаго совѣщанія съ его братомъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ король добивался въ Россіи позволенія стать во главѣ арміи Суворова, посланной въ Швейцарію, графъ Артуа, велъ о томъ же переговоры съ Англіей.

По пріѣздѣ въ Лондонъ, де-ла-Марръ убѣдился въ томъ, что приближеннымъ графа Артуа было извѣстно о намѣреніи Людовика XVIII войти въ сношеніе съ Бонапартомъ; они осуждали этотъ планъ, по той причинѣ, что онъ былъ выработанъ не въ Лондонѣ. Епископъ Арраскій утверждаетъ, что къ выполненію его нельзя было приступить, не предупредивъ о томъ англійскихъ министровъ, которыхъ онъ считалъ „настоящими министрами Людовика XVIII“.

Но, пріѣхавъ въ Парижъ, аббатъ нашелъ тамъ большія перемѣны, которыя произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе.

Агенты роялистской партіи, къ услугамъ коихъ прибѣгали до 18 фруктидора, куда-то исчезли. Дѣла монархіи находились въ рукахъ почтенныхъ людей, принадлежавшихъ къ избранному классу, которые занимались ими совершенно безкорыстно, тѣмъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, что они не были замѣшаны въ прежнихъ интригахъ роялистовъ.

Познакомившись съ ними чрезъ Ройэ-Коллара (Обера), де-ла-Марръ видѣлъ, что они заслуживали полнаго довѣрія короля какъ по своему положенію въ свѣтѣ, такъ и по своимъ нравственнымъ качествамъ. Убѣжденный въ томъ, что всѣ бѣдствія страны могли быть устранены съ реставраціей Бурбоновъ, они обсуждали вмѣстѣ съ посланнымъ Людовика XVIII средства, коими возможно было этого достигнуть, и пришли единодушно къ убѣжденію, что въ Парижѣ надобно было учредить королевскій совѣтъ, изъ трехъ или четырехъ членовъ, имена которыхъ были бы извѣстны только королю съ тѣмъ, чтобы войти чрезъ нихъ въ сношеніе не только съ Бонапартомъ, но и съ нѣкоторыми другими лицами, занимавшими видное положеніе въ республикѣ. Этотъ новый проектъ, выработанный Ройэ-Колларомъ, рѣшено было послать на утвержденіе Людовика XVIII.

Осторожный аббатъ, на котораго было возложено это порученіе, выразилъ желаніе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ въ Россію было послано другое лицо, въ качествѣ депутата отъ Парижскихъ роялистовъ.

Таковымъ былъ избранъ нѣкто Мезьеръ (Mézières), имя котораго встрѣчается во всѣхъ актахъ, относящихся до послѣдующихъ переговоровъ, происходившихъ въ Митавѣ.

Король, графъ де-Сенъ-Пріестъ и его другъ графъ д'Авари по-

святили нѣсколько дней на изученіе бумагъ, привезенныхъ аббатомъ, въ коихъ подробно излагались причины, требовавшія настоятельно учрежденія королевскаго совѣта, и вопросы, кои должны были подлежать его обсужденію.

„Надобно ниспровергнуть существующее правительство и возстановить монархію“, говорилось въ проектѣ, составленномъ Ройэ-Колларомъ. „Провозгласивъ короля, надобно вступить въ управленіе страною до его пріѣзда. Тѣхъ лицъ, кои хлопочутъ о возстановленіи монархіи, не достаточно для управленія, потому необходимо организовать совѣтъ, который долженъ имѣть полномочія для совершенія переворота и для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Прежде всего, и какъ можно скорѣй, слѣдовало, по мнѣнію роялистовъ, составить совѣтъ изъ трехъ лицъ, предсѣдателемъ котораго былъ намѣченъ фельдмаршалъ маркизъ де Клермонъ-Галлерандъ (Clermon-Gallerande), возвратившійся въ Парижъ изъ эмиграціи и извѣстный своей преданностью монархіи. У него были въ Парижѣ большія связи и его салонъ былъ однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Себѣ Ройэ-Колларъ предназначалъ должность секретаря совѣта, на которомъ должна была лежать вся переписка, онъ же былъ бы докладчикомъ и душою всего дѣла.

Къ проекту былъ приложенъ списокъ лицъ, кои живо интересовались вопросами монархіи и коихъ Ройэ-Колларъ считалъ весьма желательными сотрудниками.

Замѣчая, что „всѣ эти лица богаты“, онъ присовокуплялъ, что они обидятся, если имъ предложатъ какое-либо жалованье, но что для нихъ будетъ дорого всякое изъявленіе королевскаго благоволенія.

Всѣ названныя лица, или по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ принимали участіе въ революціи, но это составляло, по мнѣнію Ройэ-Коллара, ихъ преимущество, такъ какъ республиканское правительство не могло ихъ опасаться, что было бы неизбѣжно, если бы они находились въ близкихъ сношеніяхъ съ извѣстными роялистами. Всѣ эти лица требовали безусловной тайны и въ особенности не хотѣли, чтобы ихъ имена были извѣстны въ Англіи.

Относительно этого пункта Ройэ-Колларъ писалъ:

„Мнѣ поручено заявить самымъ настоятельнымъ образомъ, что мы не желаемъ имѣть какого бы то ни было дѣла съ королевскими агентами, проживающими въ Англіи, кто бы они ни были. Мы вполнѣ довѣряемъ г. де-Казалесу, но ежели е. в. сочтетъ нужнымъ поручить ему веденіе своихъ дѣлъ или повелитъ ему дѣйствовать совмѣстно съ нами, то мы заявляемъ, что мы не войдемъ въ сношеніе съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ находиться въ Лондонѣ.

На это есть двѣ причины двоякаго рода, во-первыхъ, мы не можемъ въ принципѣ довѣрять англичанамъ; мы видимъ, что всѣ порученія возлагаются или на людей неспособныхъ, болтливыхъ, вся заслуга коихъ состоитъ въ умѣньи интриговать; во-вторыхъ, мы причинили бы этимъ существенный ущербъ интересамъ его величества, ибо все, что идетъ изъ Англіи, находится въ подозрѣніи въ Парижѣ, и достаточно имѣть сношенія съ Великобританіей, чтобы уронить себя во мнѣніи во Франціи. Мы не хотимъ, чтобы насъ смѣшивали съ агентами, кои могли бы быть назначены лицами, пользующимися довѣріемъ англійскаго короля. Наконецъ, мы настоятельно требуемъ, чтобы имъ не открывали нашихъ именъ, и, вообще, чтобы имъ не говорили о насъ".

Вполнѣ понимая и даже раздѣляя эти опасенія, король нашелъ, тѣмъ не менѣе, требованія Ройэ-Колларъ чрезмѣрными. Онъ, конечно, взглянулъ бы на дѣло иначе, если бы ему были извѣстны интриги, происходившія въ то время въ Лондонѣ.

Въ исходѣ 1798 или въ теченіе 1779 года, три роялиста проживали во Франціи: кавалеръ де Куаньи (chevalier de Coigny), баронъ Гидъ де Невилль (baron Hyde de Neuville) и графъ де Креноль (comte de Crérolles) составили планъ низвергнуть директорію и провозгласить монархію, поставивъ до возвращенія короля, во главѣ администраціи, роялистовъ.

Когда главными участниками этого заговора все было подготовлено, двое изъ нихъ Гидъ де Невилль и Креноль отправились въ Лондонъ съ цѣлью представить его на обсужденіе графа Артуа, просить у него соотвѣтствующихъ полномочій и средствъ необходимыхъ для выполненія предпріятія, а также содѣйствія нѣсколькихъ сотъ роялистовъ. Графъ Артуа сообщилъ этотъ планъ англійскому кабинету. Питтъ и лордъ Гренвиль одобрили его и изъявили согласіе дать двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, обѣщая дать впослѣдствіи еще столько же.

Между тѣмъ, графъ Артуа, узнавъ стороною о планахъ Ройэ-Коллара и его друзей, былъ весьма недоволенъ тѣмъ, что въ Парижѣ образовалась группа роялистовъ, которые намѣревались дѣйствовать помимо его, и рѣшилъ воспользоваться согласіемъ англійскихъ министровъ поддержать проектъ Куаньи, какъ удобнымъ случаемъ, чтобы упрочить свое вліяніе. По его просьбѣ Куаньи и Гиду Невиллю было разрѣшено образовать для контроля за расходованіемъ денегъ „англійскій комитетъ", подчиненный только ему, графу Артуа, и коммиссару Викгаму. 12 ноября Гидъ де Невилль и Креноль отправились обратно во Францію, получивъ изрядную сумму денегъ и полномочія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Но, пока они вели пере-

говоры въ Лондонѣ, Бонапартъ совершилъ переворотъ 18 брюмера (9 ноября 1779 г.), предоставившій власть въ его руки.

Когда Куаньи и Невилль высадились въ Нормандіи, директоріи и совѣта пятисотъ не существовало. Планы Куаньи разлетѣлись прахомъ; остался только англійскій комитетъ, которому было поручено извлечь, подъ наблюденіемъ великобританскаго правительства, возможную выгоду изъ совершившихся событій.

Объ этихъ интригахъ не было извѣстно дальновидному Ройэ-Коллару, ни аббату де-ла Маррѣ; графъ Артуа извѣстилъ Людовика XVIII о новомъ планѣ роялистовъ лишь 15 ноября и такъ какъ посланному съ этимъ извѣстіемъ капитану Попгаму, въ виду зимняго времени, пришлось ѣхать кружнымъ путемъ, то онъ добрался въ Россію лишь въ началѣ марта 1799 г.; такимъ образомъ, король узналъ о проектѣ возвести его на престолъ четыре мѣсяца спустя послѣ того, какъ текущія событія сдѣлали этотъ проектъ неосуществимымъ.

Крайне недовольный тѣмъ, что его не предупредили ранѣе, Людовикъ XVIII былъ еще болѣе недоволенъ, узнавъ о существованіи англійскаго комитета, возникшаго безъ его вѣдома и одобренія. Его неудовольствіе было вполнѣ понятно, такъ какъ его собственные агенты не могли получать субсидій отъ Англіи, коль скоро она осыпала деньгами агентовъ графа Артуа тѣхъ лицъ, кои пользовались расположеніемъ коммиссара Викгама; какъ напр. генерала Преси, который получилъ 56 тысячъ луидоровъ для субсидированія возстанія въ Ліонѣ; самому англійскому комитету было выдано 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; только одни агенты короля ничего не получали.

Надобно замѣтить, что англійскій комитетъ, въ теченіе своего кратковременнаго существованія, не сдѣлалъ ничего заслуживающаго вниманія, а только растратилъ часть выданныхъ ему денегъ и посѣлилъ раздоръ среди роялистовъ, и Людовикъ XVIII, считавшій недовѣріе Ройэ-Коллара къ Англіи преувеличеннымъ, радовался впослѣдствіи тому, что онъ обязался не сообщать своему брату и англійскому правительству имена членовъ королевскаго совѣта.

Но все-таки было необходимо установить извѣстную связь между королевскимъ совѣтомъ и графомъ Артуа, дабы совѣтъ могъ, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть къ его посредничеству въ своихъ сношеніяхъ съ великобританскимъ правительствомъ. Ройэ-Колларъ предложилъ послать къ графу Артуа уполномоченнымъ отъ королевскаго совѣта барона Андрэ, эмигрировавшаго въ Германію послѣ 18 фруктидора, человѣка осторожнаго и надежнаго; на что король изъявилъ свое согласіе.

Что касалось денежныхъ средствъ, то такъ какъ на субсидію изъ Англіи нельзя было разсчитывать, то было рѣшено сдѣлать пятипроцентный заемъ на два милліона, съ уплатою „два года спустя послѣ реставраціи". Нашелся и банкиръ, обѣщавшій дать денегъ.

Наконецъ, Людовикъ XVIII рѣшилъ написать собственноручно Бонапарту и нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, а если бы переговоры съ ними не увѣнчались успѣхомъ, то вызвать во Франціи всеобщее возстаніе, давъ для этого особыя полномочія генераламъ Пишегрю и Вилло.

Король и его ближайшіе совѣтники трудились нѣсколько дней надъ составленіемъ подробныхъ инструкцій, полномочій, писемъ на имя Бонапарта, консула Лебрена, генерала Моро, маркиза Клермонъ-Галлерандъ, барона Андрэ, маркизы де Праконталь и нѣкоторыхъ другихъ генераловъ и гражданскихъ властей.

Несмотря на всѣ эти старанія, въ Митавѣ видимо не заблуждались относительно того, что можно было ожидать отъ молодаго генерала Бонапарта, за которымъ вся Европа слѣдила съ удивленіемъ и восторгомъ. Вручая аббату де-ла Марру письмо Людовика XVIII къ Бонапарту, д'Авари сказалъ ему съ оттѣнкомъ грусти:

— Это очень дорогой билетъ на лотерею, въ которой весьма мало шансовъ на выигрышъ.

А король, прощаясь съ аббатомъ, настоятельно просилъ его, чтобы его агенты дѣйствовали осторожно, и закончилъ бесѣду слѣдующимъ напутствіемъ:

— Пусть они твердо помнятъ, что при настоящихъ обстоятельствахъ надобно пользоваться моментомъ.

Людовикъ XVIII ни разу не пожалѣлъ о сдѣланномъ шагѣ и когда побѣда, одержанная Наполеономъ подъ Маренго, и неудавшееся покушеніе 3-го нивоза (24 декабря 1800 г.) окончательно разрушили его надежды, онъ говорилъ:

„Написавъ корсиканцу, я сдѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ. За генераломъ революціонной арміи могъ скрываться второй Монкъ, къ тому же Бонапартъ не запятналъ себя никакимъ преступленіемъ".

III.

Уѣхавъ изъ Митавы, де-ла Марръ спѣшилъ и прибылъ въ Парижъ въ началѣ апрѣля.

Благодаря тому, что все уже было подготовлено Ройэ-Колларомъ, ему удалось въ нѣсколько дней образовать „королевскій совѣтъ", въ

составъ котораго вошли: Клермонъ-Галлерандъ, принявшій на себя званіе предсѣдателя, аббатъ Монтескье, занимавшій видное мѣсто среди французскаго духовенства и Ройэ-Колларъ. Всѣ эти лица были одинаково преданы королю, всѣ они знали другъ друга и относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Для безопасности они приняли вымышленныя имена, коими они обозначались въ перепискѣ съ королемъ. Ройэ-Колларъ назывался, какъ мы уже знаемъ, Оберомъ; Клермонъ-Галлерандъ—Сенъ-Пьеромъ; Монтескье назывался Прюданъ (Prudent), баронъ Андрэ—Кильенъ.

Въ исходѣ апрѣля дѣло было налажено, и вновь учрежденный королевскій совѣтъ занялся ознакомленіемъ съ данными ему инструкціями, какъ вдругъ, 2 мая, было получено письмо д'Авари, который извѣщалъ объ учрежденіи англійскаго комитета и о порученіи, данномъ де Куаньи.

Это извѣстіе крайне раздражило аббата и его сотрудниковъ, которые видѣли въ этомъ нарушеніе королемъ ихъ тайны, и не желая имѣть никакого дѣла съ де Куаньи, уполномоченнымъ „изъ Англіи", рѣшили единогласно сложить съ себя свои обязанности и препроводить королю прошеніе объ отставкѣ.

Оно было получено въ Митавѣ на другой день послѣ побѣды при Маренго, которая еще болѣе ухудшила положеніе короля. Рѣшеніе, принятое его парижскими агентами, „очень опечалило" Людовика XVIII, такъ какъ это лишало его услугъ весьма дѣятельныхъ и преданныхъ ему людей.

„Напрасно старался я сдѣлать видъ, что считаю ихъ рѣшеніе не окончательнымъ", писалъ король, „и отвѣтилъ имъ въ этомъ смыслѣ; въ письмахъ, полученныхъ мною со слѣдующимъ курьеромъ, они еще разъ подтвердили свое рѣшеніе, объяснивъ побудившія ихъ къ тому причины. Побѣды, одержанныя узурпаторомъ, въ связи съ нашими собственными ошибками, на долго обезпечатъ Бонапарту свободу дѣйствій".

Отвѣтъ де-ла Марра на письмо д'Авари былъ написанъ въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ. Не желая оставаться между молотомъ и наковальней и подвергаться разспросамъ со стороны де Куаньи или посѣщеніями г-жи д'Анжу, о которой онъ слышалъ впервые, онъ рѣшилъ немедленно уѣхать изъ Парижа. Онъ писалъ, что Куаньи. назначенный членомъ королевскаго совѣта, былъ болтливъ, не сдержанъ, „всегда окруженъ женщинами, отъ которыхъ у него не было тайнъ; онъ выдавалъ себя публично за агента Людовика XVIII, хвасталъ тѣмъ, что его такъ называли въ газетахъ; среди его друзей были лица самыя недостойныя и ему покровительствовалъ нѣкто Дютейль (Duteil), агентъ короля англійскаго, недостойный интриганъ". „Куда

дѣвались милліоны, прошедшіе чрезъ руки этого Дютейля“? спрашивалъ аббатъ, „куда дѣвались значительныя суммы, данныя Куаньи? Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы думать, что въ распоряженіе агентовъ отпускаются такія огромныя суммы“.

Но мало-по-малу члены королевскаго совѣта успокоились и дали слово не бросать своихъ обязанностей до полученія разрѣшенія отъ короля. Они узнали вскорѣ, что Людовикъ XVIII, назвавъ своему брату маркиза де Клермонъ-Галлеранда, не обмолвился ни словомъ о прочихъ членахъ королевскаго совѣта. Успокоившись на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что де Куаньи не дѣлалъ никакихъ попытокъ сблизиться съ ними, члены совѣта остались на своихъ мѣстахъ; а графъ Артуа, недовольный тѣмъ, что дѣло хранилось отъ него въ тайнѣ, всѣми силами старался проникнуть тайну.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ вызвалъ барона Андрэ на свиданіе въ Эдинбургъ и доказывалъ ему необходимость перенести дѣятельность совѣта, въ которомъ предсѣдательствовалъ Клермонъ-Галлерандъ, изъ Парижа въ Лондонъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ, чтобы ему назвали имена агентовъ, Андрэ рѣшительно отказался отъ этого; ни просьбы, ни угрозы не заставили его выдать тайны. Тогда графъ Артуа пожаловался королю на отсутствіе къ нему довѣрія, но Людовикъ XVIII одобрилъ Андрэ, хотя сознавалъ, что упорство его агентовъ, не согласовавшееся съ видами великобританскаго министерства, должно было раздражить его.

Графъ Артуа не настаивалъ. Онъ обѣщалъ даже ходатайствовать у англійскаго министерства о передачѣ Андрэ извѣстной суммы денегъ для королевскаго совѣта. Но, быть можетъ, онъ хлопоталъ не довольно энергично или же англійское правительство было само обижено отказомъ, какъ бы то ни было, Андрэ направили къ Викгаму, и недоброжелательный великобританскій коммиссаръ ничего не далъ ему для парижскихъ агентовъ, тогда какъ агенты, находившіеся въ Англіи, были засыпаны деньгами.

Таковъ былъ результатъ неосторожности, сдѣланной королемъ, назвавшимъ графу Артуа Клермонъ-Галлеранда.

Онъ сдѣлалъ еще одну ошибку, поручивъ г-жѣ Андрэ войти въ сношенія съ де-ла Марромъ.

Въ числѣ приближенныхъ короля, пріѣхавшихъ съ нимъ въ Митаву, находился кавалеръ Анжу, который велъ оживленную переписку съ своей невѣсткой Генріеттой Анжу, вдовою роялиста, убитаго въ рядахъ арміи Кондэ, проживавшей во Франціи.

Эта молодая женщина со времени возстанія въ Вандеѣ примкнула къ королевской партіи и приняла дѣятельное участіе въ бурныхъ событіяхъ, которыя совершались вокругъ нея. Не жалѣя средствъ и

даже съ опасностью жизни она оказала многочисленныя услуги членамъ королевской партіи.

Съ окончаніемъ возстанія въ Вандеѣ, она поселилась въ Парижѣ, подъ именемъ г-жи Блондель.

Быстро составивъ себѣ знакомства въ роялистскихъ кружкахъ Парижа, умѣя наблюдать, прислушиваться и запоминать, она часто сообщала своему зятю, въ Митаву, выводы изъ своихъ наблюденій и свѣдѣнія, которыя могли интересовать эмигрантовъ, передавала ему планы роялистовъ, все, что говорилось въ правящихъ кругахъ, что говорили и дѣлали Бонапартъ, Фуше, Талейранъ и т. п. Анжу показалъ однажды эти письма д'Авари, который, прочитавъ ихъ, понялъ, что писавшая ихъ женщина была умна, имѣла связи и что ея содѣйствіемъ нельзя было пренебрегать. Между ними завязалась переписка (это было въ исходѣ 1799 г.), продолжавшаяся безъ перерыва цѣлый годъ.

Эта корреспонденція обратила на себя особенное вниманіе короля, который такъ же, какъ и д'Авари, очень дорожилъ ею.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1800 г. г-жа Анжу была арестована. Полиція уже два года выслѣживала ее, какъ „проживающую въ Парижѣ корреспондентшу всѣхъ революціонныхъ партій", которая мѣняла каждые три мѣсяца квартиру, чтобы сбить съ толку полицію. Узнавъ объ ея арестѣ, Людовикъ XVIII писалъ собственноручно Андрэ, прося его сдѣлать все возможное, чтобы добиться ея освобожденія.

Кромѣ де Куаньи и г-жи Анжу, о пріѣздѣ въ Парижъ де-ла Марра былъ извѣщенъ Казалесъ, котораго аббатъ считалъ въ числѣ своихъ друзей.

Въ исходѣ 1799 г., одинъ изъ близкихъ къ Бонапарту людей писалъ Казалесу, находившемуся въ Лондонѣ, отъ имени перваго консула, что, если ему нужно, по своимъ дѣламъ, быть въ Парижѣ, то онъ можетъ пріѣхать, что ему будетъ выданъ паспортъ. Казалесъ не думалъ возвращаться во Францію. Его имѣніе было конфисковано, и онъ очутился бы во Франціи безъ всякихъ средствъ, тогда какъ, живя въ Англіи, онъ получалъ, какъ эмигрантъ, пенсію отъ англійскаго правительства. Но, принявъ сдѣланное ему дружеское сообщеніе за шагъ со стороны Бонапарта, онъ предложилъ королю свои услуги, давъ понять, что онъ могъ бы быть „надежнымъ посредникомъ въ его сношеніяхъ съ первымъ консуломъ", сознаваясь, впрочемъ, откровенно, что каковъ бы ни былъ посредникъ, на благопріятный исходъ переговоровъ трудно было разсчитывать, такъ какъ на Бонапарта никто не имѣлъ вліянія; крайне недовѣрчивый и скрытный, онъ былъ, повидимому, мало доступенъ любви и дружескимъ чувствамъ; даже его супруга, по словамъ Казалеса, была не въ состояніи измѣнить его рѣшеній.

„Жена и любимая дочь Кромвеля, были горячія монархистки" писалъ Казалесъ, въ видѣ исторической справки, „но ни ихъ мольбы, ни горячее заступничество не спасли Карла I отъ эшафота. Говорятъ, что это свело его дочь въ могилу, и что, лежа на смертномъ одрѣ, не могла вызвать со стороны отца ни слова сожалѣнія по отношенію къ его законному монарху".

Несмотря на сомнѣнія Казалеса въ успѣхѣ дѣла, король рѣшилъ воспользоваться его услугами и предложилъ ему, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправиться въ Парижъ.

Въ это время въ Митаву такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ предложенія услугъ съ цѣлью повліять на Бонапарта. По словамъ д'Авари, „можно было подумать, что нѣтъ ничего легче, какъ получить къ нему доступъ". Изъ этого можно заключить, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1800 года всѣ уже знали, или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвали о томъ, что Людовикъ XVIII хотѣлъ войти въ сношеніе съ Бонапартомъ.

Письмо Людовика XVIII еще не было передано Бонапарту, который находился въ Италіи, и аббатъ Монтескье подыскивалъ надежнаго человѣка, который могъ бы отвезти ему королевское посланіе. Но объ этомъ письмѣ уже говорили въ парижскихъ салонахъ, въ арміи и даже среди свиты Бонапарта. Разсказывали, что, узнавъ о немъ, первый консулъ отъ души смѣялся надъ простодушіемъ сверженнаго короля, который льстилъ себя надеждою получить изъ его рукъ корону, не сражаясь за нее. Эти насмѣшки и упреки, доходившіе до Людовика XVIII, выводили его изъ себя.

Насмѣхаясь надъ мечтами Людовика XVIII, Бонапартъ говорилъ:

— Я могъ бы, конечно, посадить короля на престолъ. Но какая была бы отъ этого польза? Не трудно посадить короля на престолъ, но трудно реставрировать монархію.

Говорили также, что, не имѣя ничего противъ реставраціи Бурбоновъ, но отказавшись отъ мысли предложить корону инфанту испанскому, Бонапартъ думалъ передать ее герцогу Ангулемскому.

Этимъ слухамъ вѣрили только въ Лондонѣ и Митавѣ, гдѣ они усердно обсуждались, но это не подвигало рѣшенія вопроса, которымъ былъ занятъ Людовикъ XVIII. Онъ удивлялся тому, что его парижскіе агенты дѣйствовали слишкомъ медленно.

„Какъ объяснить ихъ поведеніе въ этомъ случаѣ"? писалъ онъ въ своихъ мемуарахъ. „Вмѣсто того, чтобы воспользоваться письмомъ немедленно или уничтожить его, они хранили его шесть или семь мѣсяцевъ въ своемъ портфелѣ. Въ это время интересы наслѣдника престола сильно пострадали. Иностранныя державы и даже самъ Павелъ I,

приковавъ Людовика XVIII къ Митавѣ, играли въ руку честолюбивымъ замысламъ Бонапарта, такъ что агенты короля, ничѣмъ не объяснившіе свое бездѣйствіе, передавъ письмо короля, когда уже было поздно, могли передать ему лишь запоздалый и неискренній отвѣтъ".

Эти жалобы были не вполнѣ справедливы. Аббатъ Монтескье не спѣшилъ передать письмо короля по совѣту тѣхъ лицъ, кои видали часто Бонапарта, и выражали сомнѣніе въ томъ, что его предложенія будутъ приняты первымъ консуломъ благосклонно.

Въ числѣ этихъ лицъ была г-жа де Шансенэ (Champcenetz), вдова писателя, погибшаго на гильотинѣ во время террора. Эта умная особа, очень преданная королю, но большая интригантка, была дружна съ женою Бонапарта и увѣряла Монтескье, что моментъ для передачи письма не былъ благопріятенъ, что надобно было сперва подготовить почву, дѣйствуя чрезъ Жозефину, которая, по ея словамъ, вполнѣ раздѣляла ея собственные взгляды. Г-жа Шансенэ совѣтовала вооружиться терпѣніемъ и, чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, передавала аббату слышанное ею въ семьѣ Бонапарта, отъ него самого или отъ его жены.

Между прочимъ, она разсказывала, что однажды утромъ, первый консулъ, бесѣдуя съ Вольнеемъ и Камбасересомъ, сказалъ:

— Я полагаю, что я чувствовалъ бы себя очень несчастнымъ, если бы я участвовалъ въ смертномъ приговорѣ такого прекраснаго человѣка, какимъ былъ Людовикъ XVI.

Передавая эти слова г-жѣ Шансенэ, Жозефина особенно настаивала на томъ, что они были сказаны „подъ вліяніемъ сочиненія о революціи, прочитаннаго ею своему мужу".

— Вы не можете себѣ представить, говорила она, какъ мало онъ знакомъ съ исторіей революціи, въ ея отдѣльныхъ эпизодахъ. Занятый военной службою, онъ не слѣдилъ за ходомъ событій. Это и было главнымъ образомъ причиною того, что онъ ошибался въ выборѣ людей. Ему хвалили иной разъ того или другаго человѣка, предлагая его въ руководители той или другой партіи; и онъ бралъ ихъ, не обращая вниманія на ихъ образъ мыслей и предъидущую дѣятельность.

Изъ этихъ словъ г-жа Шансенэ выводила заключеніе, что Жозефина была роялистка, что на нее можно было разсчитывать, но что ей нужно было время для того, чтобы склонить своего мужа на сторону короля. Убѣжденный этими доводами, Монтескье выжидалъ.

Эта медлительность и отсутствіе непосредственныхъ извѣстій изъ Парижа, въ связи съ побѣдами, одержанными Бонапартомъ и Моро и предстоявшимъ заключеніемъ мира—тревожило Людовика XVIII,

такъ же точно, какъ и отношеніе къ нему императора Павла I, который оказывалъ ему всевозможные знаки личнаго вниманія, но упорно держался по отношенію къ нему той же системы, какъ Англія и Австрія, которую Людовикъ XVIII опредѣлялъ такъ: „Все для короля, но ничего при его содѣйствіи“.

Король раздражался, и его озлобленіе росло ежечасно по мѣрѣ того, какъ увеличивалась его нужда и какъ онъ сознавалъ все яснѣе полную невозможность удовлетворить свои нужды и чѣмъ-либо помочь эмигрантамъ, которые очень нуждались. Онъ волновался, выходилъ изъ себя, умолялъ царя послать его въ Бретань во главѣ шестнадцатитысячной русской арміи, которая находилась, со времени послѣдней кампаніи, на о. Джерсей, былъ готовъ принять участіе въ проектѣ Дюмурье, который предлагалъ императору Павлу послать десантъ въ Нормандію, мечталъ тайкомъ уѣхать изъ Россіи, чтобы быть ближе къ Франціи, и, наконецъ, задумалъ склонить на свою сторону общественное мнѣніе, издавая памфлеты противъ Бонапарта, и обратилъ съ этой цѣлью вниманіе на талантливаго писателя Ривароля, поставившаго себѣ цѣлью защищать монархію перомъ. Ривароль эмигрировалъ, жилъ долгое время въ окрестностяхъ Гамбурга и часто видѣлся съ Дюмурье, который былъ любовникомъ его сестры. Зная его образъ мыслей, Дюмурье ручался въ его преданности монархіи.

Людовикъ XVIII ухватился за эту мысль и написалъ Риваролю, какого рода услугъ онъ ожидалъ отъ него. Эта записка привела въ восторгъ писателя, который потребовалъ на изданіе памфлетовъ извѣстную сумму денегъ, каковая и была немедленно выдана ему, несмотря на то, что средства королевской казны были истощены.

Но не всѣ раздѣляли мнѣніе короля, полагавшаго, что только нападки на Бонапарта могли поколебать его власть. Многіе корреспонденты Людовика XVIII высказывали мысль, что было бы лучше дѣйствовать убѣжденіемъ, нежели силой, что слѣдовало не нападать на перваго консула, а польстить ему, убѣдить его въ томъ, что только монархія, реставрированная при его помощи, могла дать ему всѣ преимущества. Одинъ изъ этихъ корреспондентовъ, датскій генералиссимусъ принцъ Карлъ Гессенскій, убѣжденный въ томъ, что Бонапартъ никогда не согласится уступить королю власть, которой онъ пользовался во Франціи, если ему не будетъ дано соотвѣтственное вознагражденіе, совѣтовалъ пожаловать ему титулъ „великаго герцога миланскаго и генуэзскаго“ и дать ему во Франціи „первое мѣсто послѣ дофина съ титуломъ королевскаго высочества и перваго союзника“. Этимъ была бы устранена, по его мнѣнію, опасность, которой угрожало бы постоянно его присутствіе во Франціи, въ свитѣ короля.

Подобную же мысль высказалъ Бурманъ въ запискѣ, препровожденной въ Митаву чрезъ г-жу Анжу, убѣжденный такъ же точно, какъ и принцъ Гессенскій, въ томъ, что Бонапартъ „не захочетъ быть подданнымъ", онъ полагалъ, что ему слѣдовало дать самостоятельное положеніе въ Италіи. Бонапартъ жаждалъ власти, могущества и безопасности, онъ могъ бы пользоваться всѣмъ этимъ, если бы, въ силу мирнаго договора, германскій императоръ уступилъ Миланскую область королю Сардинскому, а Савойя, графство Ниццкое и вся мѣстность отъ Генуи до Савоны остались бы за Франціей.

Парма, Модена и Генуэзскій округъ къ востоку отъ Савоны могли образовать республику, которая, на подобіе Батавской, была бы занята первое время французскими войсками. По подписаніи договора и возвращеніи короля въ Парижъ, Людовикъ XVIII отдалъ бы вновь учрежденную республику Бонапарту въ потомственное владѣніе.

Ближайшее будущее показало, насколько призрачны были эти планы. Но въ Митавѣ они обсуждались, хотя трудно сказать, придавали ли имъ серьезное значеніе; по крайней мѣрѣ, обсужденіе подобныхъ проектовъ наполняло пустоту жизни. Въ то время, какъ Бонапартъ осуществлялъ свои широкіе замыслы, Людовикъ XVIII и д'Авари, склонясь надъ географическою картою, съ карандашемъ въ рукахъ, выкраивали для честолюбиваго и побѣдоноснаго генерала королевство, въ Италіи, быть можетъ вполнѣ сознавая всю безплодность этого занятія.

Они возлагали, какъ мы видѣли, мало надеждъ на планы, для осуществленія коихъ аббату де-ла Марръ были даны извѣстныя полномочія и инструкціи. Не удалась также и попытка заручиться содѣйствіемъ генерала Моро. 18 сентября король писалъ принцу Кондэ:

„Дѣло было въ очень хорошихъ рукахъ. Но судя по отвѣту генерала, я не имѣю надежды на успѣхъ. Когда сердце не участвуетъ въ дѣлѣ и голова остается холодною, ничего нельзя сдѣлать".

Можно ли было ожидать успѣха отъ переговоровъ съ Бонапартомъ? Въ Митавѣ въ этомъ съ каждымъ днемъ сомнѣвались все болѣе и болѣе; между тѣмъ аббатъ Монтескьe, долго не находившій случая передать Бонапарту королевское письмо, рѣшился, наконецъ, по совѣту Талейрана передать его черезъ консула Лебрена.

IV.

Исторія умалчиваетъ о томъ, что произошло между первымъ консуломъ Бонапартомъ и Лебреномъ, когда они читали письма, адресованныя имъ Людовикомъ XVIII. Сохранились только ихъ отвѣты на

его предложеніе, которое, видимо, поразило ихъ. Неизвѣстно также, почему ихъ письма, помѣченныя 20 фруктидоромъ VIII года (7 августа 1800 г.), были переданы Монтескье только въ октябрѣ. Однажды утромъ въ началѣ октября Лебренъ пригласилъ къ себѣ Монтескье.

— Ваши письма получены и прочитаны,—сказалъ онъ.—Генералъ читаетъ все, что ему пишутъ, и отвѣчаетъ на все. Вотъ его отвѣтъ и мой собственный.—И протянувъ письма Монтескье, онъ присовокупилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ:—„такъ какъ вамъ извѣстна дорога въ Митаву, то вамъ также извѣстно, вѣроятно, какъ переслать туда эти письма“.

Монтескье, давно знакомый съ Лебреномъ, съ которымъ они нѣкогда служили вмѣстѣ, ожидалъ болѣе любезнаго пріема и не могъ скрыть своего разочарованія.

— Къ чему эта язвительность?—сказалъ онъ.—Почему эти переговоры не нравятся вамъ, коль скоро ваши собственные интересы и интересы вашихъ друзей приняты во вниманіе. Не будемъ обманывать другъ друга, любезный Лебренъ; я могъ быть прежде на сторонѣ аристократіи, но я вѣдь зналъ, что ея дѣло проиграно.

— Ну, такъ что же вы хотите?—задалъ вопросъ Лебренъ.

— Что я тутъ дѣлаю?—продолжалъ съ жаромъ Монтескье.—Я хлопочу о благѣ моей родины и о вашей собственной пользѣ. Вы не можете не интересоваться мною, коль скоро я стараюсь упрочить вашу жизнь и ваше благополучіе.

Раздраженіе Лебрена мало-по-малу улеглось. Онъ продолжалъ въ болѣе дружелюбномъ тонѣ:

— Франція не думаетъ мѣнять верховнаго вождя. Она жаждетъ только мира, и мы заключимъ его. Тѣмъ не менѣе личность монарха заслуживаетъ полнаго сочувствія. Если представится возможность улучшить его положеніе, мы съ радостью позаботимся объ этомъ. Если бы онъ могъ собрать подъ свои знамена достаточное число эмигрантовъ, чтобы завладѣть нѣкоторыми землями въ Европѣ, то мы помогли бы ему упрочиться тамъ; а если бы онъ предпочелъ положеніе частнаго человѣка, то Бонапартъ былъ бы радъ смягчить, по возможности, его участь. Однимъ словомъ, вы можете всего просить для него; намъ будетъ весьма пріятно, что именно вы взялись хлопотать объ этомъ. Но во Франціи вамъ нечего дѣлать, и я совѣтую вамъ не мѣшаться въ это дѣло.

Смущенный этими словами, которыя разстраивали всѣ его планы, аббатъ Монтескье постарался скрыть свое огорченіе, но, желая знать, что именно скрывалось подъ довольно туманными предложеніями, которыя были сдѣланы ему отъ имени перваго консула, онъ попро-

силъ Лебрена высказаться яснѣе, сдѣлавъ видъ, что входитъ въ его намѣренія. Тогда Лебренъ сказалъ:

— Бонапартъ считаетъ возможнымъ возстановленіе королевства Польскаго; и готовъ посадить на польскій престолъ Людовика XVIII и его наслѣдниковъ. Если же король предпочитаетъ удалиться въ частную жизнь, то Бонапарту извѣстно, что король испанскій, двоюродный братъ французскихъ Бурбоновъ, охотно приметъ ихъ въ свои владѣнія, давъ имъ титулъ инфантовъ и связанное съ этимъ титуломъ положеніе".

Слушая Лебрена, Монтескье не зналъ, шутитъ онъ или говоритъ серьезно; онъ не рѣшился спросить это, боясь оскорбить его, но замѣтилъ, что планъ, касающійся Польши, могъ бы быть осуществленъ только путемъ войны.

— Вы не выведете такимъ образомъ Францію изъ того неопредѣленнаго положенія, въ какомъ она находится,—сказалъ онъ.—Вы льстите себя надеждой на скорое возстановленіе мира. Но какую же пользу принесетъ этотъ миръ, если внутри государства будутъ существовать тѣ сѣмена раздора, которыя война вынесла, по крайней мѣрѣ, наружу? Я готовъ, если хотите, сравнить Бонапарта съ Цезаремъ. Но неужели онъ оставитъ намъ подобное же наслѣдіе? Развѣ вы не видите, что Европа единогласно признаетъ принципъ наслѣдственности? Неужели одна Франція возложитъ всѣ свои надежды исключительно на одного человѣка?

— Бонапартъ можетъ назначить себѣ преемника,—замѣтилъ Лебренъ.

— Престолонаслѣдіе имѣетъ значеніе только тогда, когда оно непоколебимо, а для того, чтобы упрочить его, нужны вѣка.

Это замѣчаніе не смутило Лебрена.

— Въ виду такой славы и такой преданности, нѣтъ ничего невозможнаго,—сказалъ онъ.—Бонапартъ молодъ. Онъ можетъ прожить довольно долго, чтобы обезпечить своему преемнику такое же спокойное наслѣдіе, какъ спокойно его собственное правленіе. Впрочемъ, это вопросъ будущаго, будемъ говорить о настоящемъ. Вы просите то, любезный другъ, чего вамъ не хотятъ дать; мы предлагаемъ вамъ то, что вы не хотите, повидимому, принять. Мнѣ остается только просить васъ передать королю чувства уваженія и почтенія, какихъ онъ вполнѣ заслуживаетъ по своимъ личнымъ качествамъ и своему несчастью.

— А я,—возразилъ аббатъ,—надѣюсь, что монархъ, сумѣвшій въ столь трудномъ положеніи настолько сохранить всеобщее уваженіе, что, по вашему собственному сознанію, онъ достоинъ своей династіи, можетъ преодолѣть всѣ препятствія къ своему возвращенію. Всѣ

тревоги умолкнуть при видѣ его доброты, которая заботится только объ общемъ благѣ. Предоставимъ же это великое дѣло времени, которое будетъ искуснѣе меня.

— Не заблуждайтесь!—живо воскликнулъ Лебренъ.—Заботьтесь о личности короля, заслуживающаго полнаго уваженія, но не думайте о его правахъ, которыя отжили свое время.

Это было его послѣднимъ словомъ. Нѣсколько минутъ спустя Монтескье давалъ отчетъ о своемъ свиданіи съ Лебреномъ Клермонъ Галлеранду и Ройэ-Коллару, и они читали вмѣстѣ письма, которыя ему было поручено переслать въ Митаву. Письмо Бонапарта было написано на бумагѣ, съ изображеніемъ герба республики.

„Я получилъ ваше письмо,—писалъ Бонапартъ Людовику XVIII. —Благодарю васъ за высказанныя въ немъ добрыя чувства. Вы не можете желать возвращенія во Францію. Вамъ пришлось бы войти въ нее, переступивъ сто тысячъ труповъ. Принесите ваши личные интересы въ жертву спокойствію и благоденствію Франціи. Исторія оцѣнитъ вашъ поступокъ. Я сочувствую несчастью вашей семьи и съ радостью буду способствовать вашему спокойствію и благополучному пребыванію въ избранномъ вами убѣжищѣ. Бонапартъ“.

Лебренъ писалъ со своей стороны:

„Monsieur, вы отдаете должную справедливость моимъ чувствамъ и моимъ принципамъ. Служить отечеству было всегда самымъ завѣтнымъ моимъ желаніемъ и первѣйшимъ долгомъ, и я принялъ занимаемое мною мѣсто для того, чтобы содѣйствовать его спасенію. Но я долженъ сказать и полагаю, что вы будете имѣть мужество выслушать меня: Францію нельзя спасти, возвративъ ей короля; если бы я думалъ иначе, вы были бы на престолѣ или же я былъ бы въ эмиграціи. Обстоятельства выпуждаютъ васъ жить какъ частный человѣкъ. Но будьте увѣрены, что первый консулъ столь же добродѣтеленъ, какъ и храбръ, и что самымъ большимъ счастьемъ для него будетъ утѣшить васъ въ вашемъ несчастіи. Что касается меня, то я всегда буду питать къ вашей особѣ тѣ чувства, какія совмѣстимы съ интересами моего отечества. Лебренъ“.

Прочитавъ эти отвѣтныя письма, которыя могли своимъ тономъ оскорбить короля, члены королевскаго совѣта согласились не отправлять ихъ по назначенію до тѣхъ поръ, пока Монтескье не переговоритъ съ Талейраномъ, который совѣтовалъ ему передать Бонапарту письмо Людовика XVIII.

Было любопытно знать, почему Лебренъ старался разрушить надежды, которыя были поданы аббату министромъ иностранныхъ дѣлъ. Причины эти вскорѣ выяснились.

Люсьенъ Бонапартъ, братъ перваго консула, попавшій въ мини-

стерство внутреннихъ дѣлъ послѣ переворота 18 брюмера, былъ въ то время уволенъ изъ министерства и назначенъ посланникомъ въ Испанію. Его секретарь, Дюкене, также лишившійся мѣста, говорилъ Ройэ-Коллару съ негодованіемъ о „низости“ Бонапарта.

— На его голову хотѣли возложить корону,—сказалъ онъ,—всѣ генералы, не исключая Моро, были подкуплены. Съ цѣлью подготовить общественное мнѣніе къ этой важной перемѣнѣ была издана брошюра, въ которой проводилась параллель между нимъ, Цезаремъ и Кромвелемъ. Но въ послѣдній моментъ, Бонапартъ отказался отъ этого, испугавшись перспективы назначить себѣ преемника, что было бы неизбѣжно при вступленіи его на престолъ. Ему представили, что преемнику человѣка, которому было всего тридцать лѣтъ, наскучило бы ждать престола, что на него могла опереться любая партія и что въ лучшемъ случаѣ онъ постарался бы раздѣлить съ нимъ власть. Поэтому Бонапартъ отказался на время отъ этой мысли.

Это признаніе вполнѣ объясняло слова Лебрена и письма обоихъ консуловъ. Тѣмъ не менѣе Монтескье упорствовалъ въ своемъ желаніи переговорить съ Талейраномъ до отправки означенныхъ писемъ въ Митаву. Узнавъ, двѣ недѣли спустя, что Талейранъ приглашенъ къ обѣду къ герцогинѣ де-Люинъ, онъ отправился къ ней.

Талейранъ отнесся къ нему весьма любезно; когда, послѣ обѣда, были разставлены карточные столы, и гости усѣлись играть, онъ увлекъ аббата въ другое зало. Г-жа Грантъ, съ которой онъ жилъ и на которой впослѣдствіи женился, послѣдовала за ними.

Когда они остались одни, разговоръ начался такъ:

— Какъ нашли въ Митавѣ стиль Бонапарта? спросилъ министръ.

— Его писемъ еще не видали, отвѣчалъ Монтескье; они находятся у меня.

— Какъ? вы ихъ не послали?

— Нѣтъ еще. Къ чему увеличивать огорченіе несчастнаго монарха? Онъ и безъ того узнаетъ слишкомъ скоро, что вы ничего не хотите сдѣлать для него.

Талейранъ пожалъ плечами; его ироническая улыбка свидѣтельствовала, что онъ придавалъ весьма мало значенія исходу переговоровъ, веденныхъ его собесѣдникомъ.

— Неужели же васъ пугаетъ это письмо, похожее на протоколъ! Развѣ вы ничего не найдете возразить относительно тѣхъ ста тысячъ труповъ, коими васъ стращаютъ, и относительно суда потомства?—и онъ присовокупилъ болѣе серьезно:

— Не могли же вы надѣяться покончить дѣло въ одинъ день. Теперь вы увѣрены, что, если престолъ будетъ возвращенъ Бурбонамъ, то отнюдь не въ лицѣ Людовика XVIII, а между тѣмъ Бонапартъ

считаетъ его человѣкомъ способнымъ, умнымъ. Развѣ это ничего не значитъ? Повѣрьте мнѣ, отправьте письма и не бойтесь взять на себя обязанность передать Бонапарту отвѣты.

Хотя все это говорилось съ цѣлью поддержать въ душѣ Монтескье надежду, но онъ не могъ не замѣтить, что слова Талейрана не согласовались съ тѣмъ, что ему было извѣстно о честолюбіи Бонапарта и о только-что сдѣланной попыткѣ осуществить эти честолюбивыя мечты. Талейранъ протестовалъ противъ этого, сказавъ насмѣшливо:

— Неужели вы вѣрите всѣмъ глупостямъ, которыя говорятъ въ вашемъ кругу?

И онъ разразился потокомъ насмѣшекъ и эпиграммъ на счетъ роялистовъ, ихъ простодушія, легковѣрія и мелкихъ интригъ. Не считая удобнымъ сознаться, что онъ получилъ отъ короля полномочіе для веденія переговоровъ съ Бонапартомъ, и желая убѣдить Талейрана, что его миссія ограничивалась ролью простаго посланца, Монтескье спросилъ министра, кому именно, по его мнѣнію, можно было бы предоставить съ наибольшей пользой эти полномочія.

Лицо министра приняло серьезное выраженіе, и онъ отвѣчалъ увѣреннымъ тономъ:

— Бонапарту; да, Бонапарту. Вы должны ожидать всего отъ него. Если я не ошибаюсь, бланкетъ, подписанный Людовикомъ XVIII и присланный при письмѣ, какія этотъ монархъ такъ хорошо умѣетъ писать, лучше всего соотвѣтствовалъ бы его интересамъ.

Монтескье сдержался и не сдѣлалъ возраженія, которое напрашивалось само собою въ отвѣтъ на эти слова. Дать бланкетъ Бонапарту казалось ему черезчуръ опаснымъ. Развѣ онъ не могъ бы воспользоваться имъ, чтобы заставить короля отречься отъ престола, представивъ это, какъ добровольный актъ съ его стороны? Поэтому Монтескье рѣшилъ не совѣтовать королю дѣлать этотъ шагъ. Но, какъ искусный дипломатъ, онъ не показалъ Талейрану вида, что считалъ его неудобоисполнимымъ.

Въ ту минуту министра пригласили за карточный столъ. Онъ ушелъ, уведя съ собою г-жу Грантъ, которая присутствовала при ихъ разговорѣ, молча, но вскорѣ вернулся и, подойдя къ Монтескье, повторилъ еще разъ, въ болѣе настоятельной формѣ, то, что онъ говорилъ ему.

— Какъ видите, я говорю съ вами откровенно. Письма, которыя находятся у васъ въ рукахъ, не должны приводить васъ въ отчаяніе. Будущее слишкомъ мрачно, чтобы возлагать на него какія-либо надежды, но въ то время, когда въ странѣ происходитъ броженіе, не слѣдуетъ бросать дѣла, если оно хоть сколько-нибудь устраивается. Все, что исходитъ отъ Людовика XVIII, все, что написано имъ—

превосходно. Посланный ему отвѣтъ не есть рѣшеніе вопроса, но этотъ отвѣтъ обязываетъ. Дѣйствуйте и впредь въ томъ же духѣ. Только не обращайтесь болѣе къ Лебрену, онъ недостаточно самостоятеленъ. Надобно найти средство передать Бонапарту лично письма, которыя будутъ адресованы ему. Было бы хорошо, если бы вы могли переговорить съ нимъ. Для этого достаточно, чтобы вы обратились къ нему съ просьбой назначить вамъ свиданіе. Онъ скажетъ мнѣ объ этомъ,—обращайтесь только всегда прямо къ нему.

— Еще одно слово,—прервалъ Монтескье,—можно ли надѣяться на лучшее?

— Въ будущемъ да, но пока—нѣтъ, Бонапартъ намѣренъ сохранить свое положеніе; но онъ ничего не дѣлаетъ, чтобы упрочить его. Онъ не трепещетъ при мысли, что ему придется, быть можетъ, уступить свое мѣсто. Онъ хочетъ мира; но скорѣе всего для того, чтобы улучшить образъ правленія, нежели для того, чтобы сохранить въ немъ свое положеніе; словомъ, это человѣкъ независимаго характера, стремящійся болѣе къ славѣ, нежели къ почестямъ, и которому должно нравиться все возвышенное. Считайтесь съ этими свойствами и дѣйствуйте въ надеждѣ на будущее.

Затѣмъ, послѣдовали со стороны Монтескье похвалы по адресу перваго консула, высказанныя въ надеждѣ, что онѣ будутъ переданы Бонапарту, на которыя Талейранъ счелъ долгомъ отвѣтить таковыми же по адресу Людовика XVIII,—таковъ былъ финалъ этого любопытнаго разговора. Были ли эти похвалы искренни со стороны Талейрана? Въ этомъ можно усомниться, принявъ во вниманіе его враждебное отношеніе къ Бурбонамъ, которое онъ доказалъ вскорѣ на дѣлѣ. Скорѣе всего это была дипломатическая уловка, разсчитанная на то, чтобы дать понять, что онъ не сталъ безповоротно на сторону Бонапарта и что, въ сулчаѣ реставраціи монархіи, она могла разсчитывать на него.

Монтескье вынесъ изъ разговора съ Талейраномъ убѣжденіе, что не все было потеряно и что первый консулъ и близкія къ нему лица отдавали справедливость душевнымъ качествамъ короля; что реставрація монархіи была дѣломъ возможнымъ, что ихъ дѣло не было окончательно проиграно, какъ онъ полагалъ, послѣ разговора съ Лебреномъ. Таково же было мнѣніе его двухъ коллегъ по королевскому совѣту.

Въ то же самое время ихъ надежды оживились, благодаря нижеслѣдующему обстоятельству. Г-жа де-Шансенэ, о которой было упомянуто выше, глубоко предавная королю, задавшись цѣлью склонить на его сторону г-жу Бонапартъ, дѣйствовала весьма энергично. Однажды воспользовавшись случаемъ, когда ее посѣтилъ маркизъ де Клермонъ-Галлерандъ, оставшись съ нимъ наединѣ, она сообщила ему содер-

жаніе письма, полученнаго нѣсколько недѣль передъ тѣмъ изъ Лондона, отъ одного изъ ея друзей—эмигрантовъ, графа де Водрейль, человѣка близкаго къ графу Артуа. Водрейль писалъ, что вслѣдствіе недоброжелательнаго отношенія иностранныхъ державъ, въ интересахъ короля, можно было дѣйствовать исключительно во Франціи, поэтому, она „какъ особа, преданная королю, должна со свойственнымъ ей тактомъ и умомъ употребить всѣ средства, чтобы повліять на Бонапарта чрезъ его жену и побудить его вступить въ переговоры съ королемъ при посредствѣ графа Артуа".

Г-жа Шансенэ показалала это письмо г-жѣ Бонапартъ, которая сказала ей, что первый консулъ былъ бы не прочь вступить въ переговоры съ королемъ, но что его удерживаетъ отъ этого боязнь, что онъ подвергнется опасности, если его собственное положеніе не будетъ ничѣмъ гарантировано. Такъ какъ г-жа Шансенэ не могла сказать на этотъ счетъ ничего успокоительнаго, она предложила вызвать въ Парижъ для переговоровъ графа де Водрейля.

Услыхавъ объ этой новой комбинаціи, Клермонъ-Галлерандъ поспѣшилъ заявить, что у короля уже есть въ Парижѣ довѣренное лицо, получившее отъ него полномочія, и что король, навѣрно, былъ бы недоволенъ, если бы столь важное дѣло было поручено кому-нибудь другому. Г-жа Шансенэ поняла съ полу-слова и написала Водрейлю, чтобы онъ повременилъ пріѣздомъ, и выразила Клермонъ-Галлеранду свою готовность служить королю въ этомъ дѣлѣ по мѣрѣ силъ и возможности, сказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для успѣха дѣла Людовика XVIII слѣдовало бы лично написать г-жѣ Бонапартъ.

Такимъ образомъ, королевскій совѣтъ получилъ доступъ къ г-жѣ Бонапартъ и если бы дальнѣйшіе переговоры оказались возможны, то она обѣщала предупредить, когда для этого настанетъ удобный моментъ.

Агенты короля, препровождая, въ исходѣ декабря, въ Митаву копіи съ отвѣтныхъ писемъ Бонапарта и Лебрена,—оригинальныхъ они не довѣрили почтѣ,—сообщили Людовику XVIII всѣ вышеприведенныя подробности и въ рядѣ писемъ старались сообщить ему воодушевлявшія ихъ надежды, какъ доказательство благопріятнаго настроенія Жозефины; они передавали со словъ г-жи Шансенэ слѣдующій эпизодъ:

Русскій генералъ Шпренгпортенъ, прибывшій въ Парижъ посломъ отъ императора Павла I, чтобы принять изъ рукъ французскаго правительства русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ въ послѣднюю войну и коихъ первый консулъ великодушно возвращалъ императору, явился къ г-жѣ Бонапартъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе и передать привѣтъ отъ своего монарха. Во время ихъ разговора онъ

поставилъ на видъ, что царь далъ у себя пріютъ главѣ Бурбонской династіи.

— Это прекраснѣйшій поступокъ со стороны вашего монарха,— отвѣчала Жозефина, — и мы будемъ вѣчно признательны ему за это.

Передавая г-жѣ де-Шансенэ эти великодушныя, но неосторожныя слова, Жозефина призналась ей, что, сказавъ это, она испугалась, подумавъ, что скажетъ о нихъ ея мужъ; она ожидала, что онъ выразитъ ей свое неудовольствіе, но, когда она передала ему этотъ разговоръ, то онъ воскликнулъ, взявъ ее за руку:

— Ты поступила прекрасно, прекрасно.

Королевскіе агенты заключаютъ изъ этихъ словъ, что „Бонапартъ искренно желалъ реставраціи монархіи"; „г-жа Шансенэ, особа весьма проницательная и дальновидная, утверждала, что г-жѣ Бонапартъ можно было вполнѣ довѣрять. Ей не было никакого интереса обманывать ее, точно такъ же, какъ и первому консулу не было никакой надобности обманывать жену въ интимной бесѣдѣ".

На основаніи этого, они полагали, что переговоры слѣдовало продолжать и, что королю надобно было, по совѣту Талейрана, написать Бонапарту вторично и высказать ему, что онъ одушевленъ самымъ искреннимъ желаніемъ прекратить бѣдствія Франціи и содѣйствовать ея благополучію.

Королевскіе агенты возлагали большія надежды на письма короля къ Бонапарту и Жозефинѣ. Удивительно, что люди такіе практичные и дѣловитые, какъ Монтескье, Ройэ-Колларъ и Клермонъ-Галлерандъ, находясь въ Парижѣ, въ самомъ водоворотѣ событій и видя старанія Бонапарта упрочить свою власть, добиться популярности и заслужить довѣріе народа, могли думать, что, несмотря на совершенно опредѣленныя и категорическія заявленія Лебрена, что Наполеонъ, стяжавъ себѣ такую громкую славу и достигнувъ власти, отказался бы отъ всего добровольно, и что они придали серьезное значеніе ироническимъ поощреніямъ Талейрана, болтовнѣ г-жи Шансенэ и страннымъ заявленіямъ, которыя она приписывала Жозефинѣ. Все это совершенно непостижимо и можетъ быть объяснено только ихъ преданностью королю, которая до того омрачала ихъ разсудокъ, что они позабыли, что годъ передъ тѣмъ Бонапартъ, принимая въ Люксенбургѣ представителей роялистовъ, воскликнулъ, въ отвѣтъ на слова одного изъ нихъ:

— Возстановить Бурбоновъ? Никогда!

V.

Въ тотъ моментъ, когда въ Митавѣ были получены отвѣты Бонапарта и Лебрена, со всѣми комментаріями, сообщенными Монтескье, въ королевскомъ домѣ царили смятеніе и тревога. Людовикъ XVIII только-что получилъ отъ императора Павла (14 января 1801 г.) повелѣніе покинуть замокъ, въ которомъ онъ прожилъ спокойно три года, пользуясь гостепріимствомъ своего „благодѣтеля".

Приказаніе было дано въ жестокой, повелительной формѣ: царь требовалъ, чтобы оно было исполнено немедленно и Людовикъ XVIII, по обыкновенію, не упавъ духомъ, покорный своей судьбѣ, готовился къ отъѣзду, который и состоялся шесть дней спустя. Въ виду этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ и постигшаго его новаго горя, короля не могла особенно огорчить неудача его агентовъ въ Парижѣ. Впрочемъ, она и не удивила его: онъ мало разсчитывалъ на успѣхъ.

Прочитавъ то, что ему писали о готовности испанскаго правительства принять его, если бы онъ предпочелъ блеску трона спокойную частную жизнь, и дать ему и его дѣтямъ вмѣстѣ съ титуломъ инфантовъ всѣ связанныя съ этимъ прерогативы, онъ только пожалъ плечами. Предложеніе испанскаго кузена, который до тѣхъ поръ отказывалъ ему въ убѣжищѣ изъ боязни французскаго правительства, не заслуживало ничего, кромѣ презрѣнія. Совершенно иначе взглянулъ онъ на предложенную ему польскую корону, какъ это видно изъ записки, набросанной имъ собственноручно, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Митавы.

Это предложеніе привело его въ негодованіе, и онъ не могъ не высказать своего гнѣва въ озлобленныхъ, высокомѣрныхъ выраженіяхъ.

„Чтобы отвѣтить на сдѣланное мнѣ предложеніе, мнѣ надобно прежде придти въ себя", писалъ онъ, „ибо первое чувство, испытанное мною, было негодованіе. Что же думаетъ обо мнѣ Бонапартъ, дѣлая мнѣ это предложеніе? Пусть онъ узнаетъ меня лучше. Права моей семьи на французскій престолъ освящены восемью вѣками. Ни могущество англичанъ, ни хитрость Австріи, ни фанатизмъ Лиги не могли лишить ее этихъ правъ. Самая революція, ниспровергшая престолъ св. Людовика, освятила ихъ. Какъ преемникъ тридцати трехъ королей, я имѣю право или, лучше сказать, я обязанъ занять этотъ окровавленный тронъ. Я долженъ стремиться къ этому неустанно. Мнѣ надлежитъ исправить зло, причиненное религіи и государству. Ничто не заставитъ меня отказаться отъ этого права или измѣнить моему долгу. Кинжалъ Равальяка и пуля, едва не пресѣк-

*

шая мою жизнь, не страшать меня. Если мнѣ суждено умереть, то я сойду въ могилу вѣрный своей чести и своимъ подданнымъ. Я не честолюбивъ. Французская корона принадлежитъ мнѣ по праву, и никакая иная корона не имѣетъ цѣны въ моихъ глазахъ. Скажу болѣе: я люблю заботиться о благѣ людей. Но, если, возсѣвъ на иноземный престолъ, я былъ бы такъ счастливъ, чтобы могъ видѣть вокругъ себя довольныхъ людей, то моя радость все же не была бы полна. Я сказалъ бы себѣ: это не мои дѣти. Слѣдовательно, подобное предложеніе не можетъ соблазнить меня.

„Нужно ли говорить послѣ этого, какъ позорно и обидно подобное предложеніе и какъ безумно было бы принять его? Могу ли я принять иноземную корону изъ рукъ корсиканца, надругавшагося надъ престоломъ и дворцомъ моихъ предковъ! Могу ли я одобрить революцію. Могу ли я подписать смертный приговоръ моего брата, моего монарха! Я навлекъ бы на свою голову кровь всѣхъ своихъ родныхъ, милліона французовъ! Я не могу долѣе останавливаться на этой мысли, вся кровь кипитъ во мнѣ!

„И какую корону предлагаютъ мнѣ? Корону страны, принадлежащей тремъ могущественнѣйшимъ монархамъ Европы, изъ коихъ одинъ мой благодѣтель. Попытаться отнять у нихъ эту страну было бы безуміемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неблагодарностью. Но, допустивъ даже, что они уступили бы мнѣ эту корону добровольно, возможно ли забыть то, что Польша, въ теченіе всего истекшаго столѣтія, была скорѣе провинціей другаго государства, нежели независимой державой, и что ея послѣднія попытки сохранить свободу были заклеймены якобинствомъ? Завидна ли участь царствовать надъ народомъ— фанатикомъ и рабомъ!

„Не стану обсуждать этого вопроса далѣе; хочу поговорить о самомъ предложеніи, сдѣланномъ мнѣ. Если оно сдѣлано чистосердечно, то его нельзя назвать иначе, какъ сумасброднымъ; но можно ли думать, что это сдѣлано чистосердечно? Бонапартъ хочетъ провозгласить меня наслѣднымъ королемъ Польши; онъ желаетъ, чтобы я самъ сдѣлалъ къ этому первый шагъ. Узурпаторъ предлагаетъ мнѣ заявить объ этомъ, кому именно неизвѣстно, и обѣщаетъ поддержать меня всѣми зависящими отъ него средствами. Но, какъ не понять, что если бы я согласился содѣйствовать моему собственному униженію, то первымъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго шага было бы погубить себя безвозвратно въ умѣ русскаго императора. Этого Бонапартъ и хотѣлъ бы въ настоящую минуту болѣе всего. Дѣйствительно, надобно принять во вниманіе, что Мальта капитулировала 7 сентября, а вышеозначенное письмо написано 14 октября. Бонапартъ, ошеломленный извѣстіемъ, которое разстроило всѣ мѣры, при-

нятыя имъ по отношенію къ императору Павлу I, опасался гнѣва этого монарха, который могъ обидѣться по поводу сдѣланнаго ему безполезнаго предложенія, рѣшилъ лишить меня поддержки, которая кажется ему снова могущественной. Къ счастью, западня устроена очень грубо.

„Я прихожу къ заключенію, что единственнымъ отвѣтомъ на это дерзкое и коварное предложеніе должно быть съ моей стороны молчаніе и презрѣніе, и присовокупляю, что если бы я могъ хотя одну минуту вѣрить его искренности, то единственно, что я сдѣлалъ бы— это донести объ немъ Павлу I“ [1]).

Эта записка, набросанная среди хлопотъ внезапнаго отъѣзда, не была отправлена по назначенію. Она осталась въ бумагахъ короля, какъ вещественное доказательство его душевнаго состоянія въ тотъ тяжелый моментъ его жизни.

Людовику XVIII предстояло рѣшить весьма важный вопросъ о томъ, слѣдовало ли ему, по совѣту Монтескье, написать еще разъ Бонапарту, или же слѣдовало отнестись къ его письму съ полнымъ пренебреженіемъ.

Король надѣялся, что дальнѣйшія извѣстія помогутъ ему разобраться въ этомъ вопросѣ, а пока онъ оставилъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Уѣзжая изъ Митавы, Людовикъ XVIII не зналъ, гдѣ преклонить голову. Его посланникъ въ Петербургѣ, графъ де-Караманъ, также изгнанный изъ Россіи, выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ хлопотать по приказанію короля о дозволеніи Людовику XVIII поселиться въ Варшавѣ.

Неувѣренный въ томъ, что король прусскій на это согласится, Людовикъ XVIII не спѣшилъ. Онъ ѣхалъ въ сопровожденіи герцогини Ангулемской и графа д'Авари медленно, сильно страдая отъ суроваго зимняго времени, вслѣдствіе чего дорога казалась еще длиннѣе и утомительнѣе.

Прибывъ въ Кенигсбергъ, гдѣ онъ прожилъ недѣлю, Людовикъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ Варшавѣ подъ именемъ графа де-Лильи и узналъ одновременно о совершенномъ въ Парижѣ, 24-го декабря, покушеніи на жизнь перваго консула. Хотя въ первый моментъ всѣ приписывали это покушеніе якобинской партіи, однако,

---

[1]) Въ 1796 г. Бонапартъ, по пути въ Египетъ, занялъ островъ Мальту, гдѣ стояли съ тѣхъ поръ гарнизономъ французскія войска. Въ 1800 г., желая сблизиться съ Россіей и расположить царя въ свою пользу, онъ предложилъ ему этотъ островъ. Но, прежде нежели это предложеніе, которое тотчасъ было принято, могло возъимѣть свое дѣйствіе, англичане осадили Мальту, гарнизонъ которой послѣ героической защиты былъ вынужденъ капитулировать.

король былъ убѣжденъ, что послѣ этого дальнѣйшіе переговоры съ Бонапартомъ невозможны и, слѣдовательно, отвѣчать на его письмо было бы безцѣльно.

Однако, письма, полученныя имъ по пріѣздѣ въ Варшаву, 22-го февраля, измѣнили его взгляды. Въ числѣ этихъ писемъ было одно отъ Клермонъ-Галлеранда, который, подтверждая слухъ о покушеніи на Бонапарта, давалъ понять, что это событіе, въ которомъ все еще обвиняли якобинцевъ, не только не заставило Бонапарта отказаться отъ мысли о сближеніи съ королемъ, но, напротивъ, побуждало его къ тому, ибо онъ видѣлъ, какая опасность угрожала его правительству; поэтому Галлерандъ совѣтовалъ не терять терпѣнія.

Но приписка, сдѣланная къ этому письму рукою Ройэ-Коллара, измѣняла весь смыслъ этихъ разсужденій.

„Послѣ того, какъ письмо Сенъ-Пьера (Клермонъ-Галлеранда) было написано, правительство убѣдилось въ томъ, что заговоръ 24-го декабря и адская машина принадлежали приверженцамъ роялистовъ, а не якобинцамъ, какъ думали въ началѣ. Де Бурмонъ и всѣ приверженцы короля, получившіе амнистію и находившіеся въ Парижѣ, арестованы. Человѣка, правившаго лошадьми, зовутъ Карбонъ, по прозвищу маленькій Франсуа. Его нашли въ домѣ монахинь, въ улицѣ Notre Dame des Champs. Ихъ настоятельница, г-жа Дюшэнъ также арестована. Слуги вашего величества глубоко опечалены этимъ открытіемъ“.

Казалось бы, что это открытіе, подтвердившееся вскорѣ окончательно, должно было разрушить въ душѣ Людовика XVIII тотъ слабый лучъ надежды, который былъ поданъ ему Клермонъ-Галлерандомъ и заставить его отказаться отъ мысли о возобновленіи переговоровъ. Но записка, набросанная королемъ, свидѣтельствуетъ, что онъ все-таки не считалъ, чтобы всякая возможность вести переговоры была потеряна.

Между тѣмъ, покушеніе, произведенное на Бонапарта, возбудило въ первомъ консулѣ недовѣріе ко всѣмъ роялистамъ. Полиція строго слѣдила за всѣми сторонниками короля, за всѣми ихъ дѣйствіями. Всѣ лица, стоявшія во главѣ королевской партіи, были арестованы, одни заключены въ тюрьму, другіе высланы изъ Парижа и сосланы на жительство въ отдаленные города. Кто осмѣлился бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, говорить съ Бонапартомъ о Бурбонахъ? Члены королевскаго совѣта, боясь быть арестованными, разъѣхались и послали королю прошенія объ отставкѣ. Клермонъ-Галлерандъ и Ройэ-Колларъ сочли благоразумнѣе исчезнуть изъ Парижа. Де-ла Марръ рѣшился продолжать свое пребываніе въ Германіи въ ожиданіи того, когда король вызоветъ его въ Варшаву. Наконецъ, самъ Монтескье,

внушившій опасенія Бонапарту, былъ высланъ въ Ментону. Слѣдовательно, некому было замолвить слово за Людовика XVIII, и всякія надежды на дальнѣйшіе переговоры были имъ, наконецъ, оставлены.

Но два года спустя, а именно въ началѣ 1803 г., они снова возобновились, но уже совершенно по другому поводу. Первый консулъ, рѣшивъ провозгласить себя императоромъ, хотѣлъ добиться отреченія Людовика XVIII отъ престола, какъ бы желая узаконить этимъ свое избраніе при посредствѣ Пруссіи.

Желая быть пріятнымъ Бонапарту, прусскій король не по стѣснялся взять на себя это щекотливое порученіе и возложилъ его на президента города Варшавы Мейера.

25 февраля, духовникъ Людовика XVIII сообщилъ королю, что президенту Мейеру поручено королемъ прусскимъ склонить его къ отреченію отъ имени своего и всѣхъ Бурбоновъ отъ французскаго престола и отказаться отъ всѣхъ принадлежавшихъ Бурбонамъ недвижимыхъ имуществъ. Въ награду за эту жертву, Бонапартъ предлагалъ обезпечить королю извѣстное вознагражденіе и сулилъ ему даже блестящую будущность. Король принялъ президента на слѣдующій день. Происшедшій между ними разговоръ записанъ королемъ дословно.

Послѣ всевозможныхъ увѣреній въ трогательномъ участіи короля прусскаго къ графу де Лиль и къ его семейству Мейеръ произнесъ длинную рѣчь, смыслъ которой былъ тотъ, что Бонапартъ не ниспровергалъ французскаго престола, что онъ не только не участвовалъ во всѣхъ ужасахъ революціи, но положилъ имъ конецъ, что онъ сдѣлалъ много добра Франціи и всей Европѣ. Далѣе, что республика упрочилась; въ странѣ не было болѣе партій, внѣшняя война окончилась миромъ, никакая реакція не была возможна, такъ какъ вездѣ чувствовалась потребность покоя, вездѣ находились интересы, созданные новымъ режимомъ и несовмѣстимые со старымъ порядкомъ.

Религія, продолжалъ президентъ, освятила новый образъ правленія; европейскіе монархи признали его, на этой основѣ утвердилась политическая система, общая всѣмъ народамъ, монархи поддержатъ ее по совѣсти, по долгу и ради своихъ интересовъ.

Изъ этого вытекало, что домъ Бурбоновъ остался безъ поддержки, безъ средствъ къ существованію въ будущемъ, и что король могъ лишиться пособія, получаемаго имъ изъ Россіи. Нѣсколько лѣтъ спустя, продолжалъ Мейеръ, Бонапарту не будетъ надобности придавать значенія отреченію Людовика XVIII, о которомъ онъ теперь хлопочетъ, поэтому было бы благоразумнѣе воспользоваться настоящимъ моментомъ, когда права Бурбоновъ еще не утрачены за дав-

ностью времени, и вступить въ переговоры, которые могли окончиться съ почетомъ и пользою для короля. Съ почетомъ потому, что первый консулъ обезпечитъ королевской семьѣ блестящую будущность, а Пруссія, Россія и прочія державы гарантируютъ исполненіе договора, съ пользою для дѣла потому, что это несчастное семейство, принеся себя въ жертву, упрочитъ спокойствіе Франціи и всей Европѣ.

Король выслушалъ это странное предложеніе повидимому совершенно спокойно и заговорилъ только тогда, когда Мейеръ умолкъ:

— Если бы искусство и самое трогательное участіе могли одержать верхъ надъ честью, долгомъ и надъ чувствами, кои я питаю еще къ моему отечеству, сказалъ онъ, то мое рѣшеніе было бы поколеблено. Но всѣ приведенные вами доводы не только не опровергаютъ моихъ правъ, но еще болѣе подтверждаютъ ихъ, точно также, какъ шагъ, сдѣланный вами, не только не уничтожилъ моихъ надеждъ, но даже оживилъ ихъ. Было бы безполезно обсуждать теперь эти доводы. Вы узнаете мое рѣшеніе изъ отвѣта, который я вручу вамъ для передачи вашему монарху.

Отвѣтъ короля былъ переданъ президенту Мейеру черезъ день, 28 февраля. Онъ былъ кратокъ, но многозначителенъ.

„Я не смѣшиваю Бонапарта съ его предшественниками, писалъ король; я уважаю его доблесть, его военные таланты; я благодаренъ ему за нѣкоторыя его административныя мѣры, такъ какъ добро, сдѣланное моему народу, всегда будетъ мнѣ дорого. Но онъ ошибается, полагая, что ему удастся склонить меня отречься отъ моихъ правъ. Напротивъ, шагъ, который онъ дѣлаетъ въ настоящую минуту, еще болѣе подтвердилъ бы эти права, если бы они могли считаться спорными.

„Мнѣ неизвѣстны неисповѣдимыя судьбы Всевышняго относительно моего дома и меня самого, но я знаю обязательства, возложенныя Богомъ на меня по тому положенію, въ коемъ я родился. Какъ христіанинъ, я буду исполнять эти обязательства до послѣдняго дыханія. Какъ потомокъ Святаго Людовика, я съумѣю, по его примѣру, держать себя съ достоинствомъ и въ оковахъ. Какъ преемникъ Франциска I, я могу сказать вмѣстѣ съ нимъ: Все потеряно, кромѣ чести“.

Подъ этой декларацією герцогиня Ангулемская приписала: „съ позволенія короля, моего дяди, отъ всей души присоединяюсь къ содержанію этой записки“.

Вмѣстѣ съ этой запиской, король передалъ президенту Мейеру письмо къ королю прусскому, чрезъ посредство котораго ему было передано это оскорбительное предложеніе. Не дѣлая ему упрековъ,

онъ констатировалъ, что шагъ, сдѣланный Бонапартомъ, свидѣтельствовалъ о томъ, что его права тревожили его.

„Величіе души вашего величества слишкомъ хорошо мнѣ извѣстно,—писалъ король,—чтобы я могъ не дѣлать различія между вашимъ образомъ мыслей и тѣми шагами, кои внушены вамъ повидимому вашими отношеніями. Монархи могли подчиниться настоятельной необходимости изъ желанія спасти своихъ подданныхъ отъ всѣхъ ужасовъ войны. Я возлагаю всѣ свои надежды на свое несчастіе. Я совсѣмъ одинокъ. На мнѣ лежитъ обязанность поддержать права всѣхъ и не санкціонировать никогда революціи, которая ниспровергнетъ всѣ престолы“.

Людовикъ XVIII обѣщалъ, въ томъ же письмѣ, хранить этотъ планъ Бонапарта въ тайнѣ, „если его не вынудятъ нарушить ее“, но онъ не могъ не подѣлиться сдѣланнымъ ему предложеніемъ съ братомъ и не сообщить ему своего отвѣта. Преданному аббату де-ла Марръ, находившемуся въ то время въ Варшавѣ, было поручено отправиться въ Англію и сообщить обо всемъ графу Артуа.

„Я не пытаюсь изобразить вамъ чувства, овладѣвшія мною, писалъ король между прочимъ; вы сами испытываете ихъ; вы согласитесь со мною, что было бы полезно предать все это гласности. Но не забывайте, что уваженіе, подобающее монарху, который даетъ мнѣ пріютъ, побуждаетъ меня хранить на этотъ счетъ молчаніе; поступите точно также со своей стороны“.

Король сдѣлалъ исключеніе относительно принцевъ крови, коимъ онъ считалъ необходимымъ сообщить свой отвѣтъ—дабы они могли присоединиться къ его декларація. „Это не есть съ моей стороны простое дружеское сообщеніе, дѣлаемое вамъ, какъ брату,—писалъ Людовикъ XVIII графу Артуа,—корона принадлежитъ всѣмъ намъ; но ее носитъ старшій въ родѣ“, эти слова, сказанныя покойнымъ принцемъ Конти, примѣнимы въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ когда-либо“. На этомъ основаніи Людовикъ XVIII выражалъ желаніе, чтобы всѣ принцы крови сдѣлали коллективно или каждый въ отдѣльности декларацію, которая показала бы, что всѣ члены королевской фамиліи мужскаго пола раздѣляли взглядъ своего главы.

„Нѣтъ надобности давать вамъ совѣтъ,—писалъ король въ заключеніе,—но я не могу удержаться, чтобы не замѣтить, что сдержанность формы усиливаетъ смыслъ внутренняго содержанія...

Время, другъ мой, раскроетъ все; слѣдовательно, нашъ шагъ будетъ извѣстенъ, и я льщу себя надеждою, что этотъ актъ послужитъ украшеніемъ нашей исторіи“.

Людовикъ XVIII сообщилъ о происшедшемъ королю шведскому, графу де Сенъ-Пріесту, который жилъ въ Стокгольмѣ съ тѣхъ поръ,

какъ онъ оставилъ службу короля, кардиналу Мори въ Римъ, епископу де-ла Фару, въ Вѣну; герцогу де Куаньи и графу д'Ескарсу въ Лондонѣ; герцогу де Серра Капріола, неаполитанскому посланнику въ Россіи. Всѣхъ этихъ лицъ король просилъ не разглашать этого сообщенія. Но видимо онъ не столько дорожилъ тайною, сколько заботился о томъ, чтобы не могли сказать, что онъ самъ нарушилъ ее, такъ какъ аббату де-ла Марръ было позволено разсказать о происшедшемъ его парижскимъ друзьямъ".

19 марта, въ то время когда въ Варшавѣ еще ожидали отвѣтовъ на эти сообщенія, президентъ Мейеръ явился снова въ Лазенковскій дворецъ, гдѣ жилъ король. Онъ получилъ обратно изъ Берлина съ эстафетой отвѣтъ Людовика XVIII къ Бонапарту; король прусскій нашелъ, что онъ былъ написанъ въ слишкомъ вызывающемъ тонѣ. Особенно опасной казалась ему фраза: „но онъ (Бонапартъ) заблуждается, полагая, что ему удастся склонить меня отречься отъ моихъ правъ"; король прусскій просилъ исключить эту фразу или по крайней мѣрѣ смягчить ее въ интересахъ самого графа де-Лиль. Людовикъ XVIII, ни минуты не колеблясь, отказался сдѣлать это.

Когда же президентъ Мейеръ замѣтилъ, что очень важно не оскорблять перваго консула, не раздражать его и не подвергать себя новымъ опасностямъ, то онъ воскликнулъ:

— Опасности? какія же? быть изгнаннымъ изъ Пруссіи? Если бы вашъ монархъ, милостивый государь, счелъ себя вынужденнымъ лишить меня этого убѣжища, то я пожалѣлъ бы его и уѣхалъ.

— Но этого слѣдуетъ опасаться, возразилъ прусскій чиновникъ. Но Бонапартъ можетъ потребовать отъ Россіи и Испаніи, чтобы онѣ прекратили выдачу пособія...

Король не далъ ему договорить.

— Я не боюсь нищеты, сказалъ онъ. Если будетъ нужно, я стану ѣсть черный хлѣбъ, съ моими дѣтьми и слугами. Но я до этого никогда не дойду. У меня есть другой источникъ дохода, коимъ я не считаю себя вправѣ пользоваться до тѣхъ поръ, пока у меня имѣются могущественные друзья: это оповѣстить Францію о моемъ бѣдственномъ положеніи и протянуть руку не узурпаторскому правительству, а моимъ вѣрнымъ подданнымъ; повѣрьте, что, сдѣлавъ это, я былъ бы вскорѣ гораздо богаче, чѣмъ теперь.

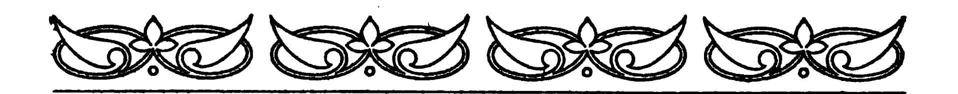
Болѣе онъ не хотѣлъ ничего слушать. Президентъ долженъ былъ взять письмо обратно, не добившись того, чтобы король измѣнилъ въ немъ хотя бы одно слово. Нѣсколько дней спустя, полученное Людовикомъ XVIII отъ короля прусскаго письмо, съ изъявленіемъ самыхъ дружественныхъ чувствъ, доказало Людовику XVIII, что его упорство не вызвало никакой досады въ душѣ этого монарха.

Съ другой стороны, графъ Артуа прислалъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, „своему верховному властителю и королю“ (à son souverain seigneur et roi) формальный актъ, гласившій, что онъ присоединяется къ его отвѣту. Подъ этимъ торжественнымъ заявленіемъ подписались герцогъ Ангулемскій, герцогъ Беррійскій, герцогъ Орлеанскій и его два брата, герцогъ Монпансье и графъ де Божолэ, принцъ Кондэ, герцогъ Бурбонскій и его сынъ. Недоставало только подписи герцога Энгіенскаго, который находился въ то время въ Этенгеймѣ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Присоединяясь къ прочимъ членамъ семьи, онъ писалъ открыто королю:

„Вашему величеству слишкомъ хорошо извѣстно, какая кровь течетъ въ моихъ жилахъ, чтобы усомниться хотя бы на минуту относительно того, въ какомъ смыслѣ будетъ данъ мною отвѣтъ на вашу просьбу. Я французъ, ваше величество, и французъ, вѣрный Богу, королю и присягѣ чести“.

Подписывая это горделивое заявленіе, юный принцъ не подозрѣвалъ, что онъ будетъ искупительной жертвой тѣхъ благородныхъ чувствъ, подъ которыми онъ росписался столь краснорѣчиво. Совмѣстный актъ принцевъ крови былъ подписанъ 22 марта 1803 года. Годъ спустя, 21 марта 1804 г. герцогъ Энгіенскій былъ разстрѣлянъ по приказанію Бонапарта.

Изъ архивныхъ мелочей.

Письмо Рунича гр. Вл. Ѳ. Адлербергу.—Письмо Ѳ. А. Моллера кн. П. М. Волконскому.—Письмо А. Б. Ашика кн. П. М. Волконскому.

Письмо Рунича [1]) гр. Вл. Ѳ. Адлербергу. Милостивый государь графъ Владиміръ Ѳеодоровичъ!

При вступленіи на престолъ императора Николая I, по интригамъ противъ меня и князя Александра Николаевича Голицына—попечителя здѣшняго университета Уварова, ректора Болотянскаго, назвавшагося Балугьянскимъ, и профессоровъ Куницына, Арсеньева и другихъ, послѣ тридцатилѣтней службы и управленія 2-го сентября 1812 года московскимъ почтамтомъ, я удаленъ отъ службы и остался подъ судомъ, лишенный жалованья, и получалъ только пенсіи по ордену св. Владиміра второй степени и св. Анны и тысячу рублей изъ императорскаго кабинета.

А такъ какъ сего было недостаточно, и въ преклонныхъ лѣтахъ, при болѣзни и вышедшихъ изъ повиновенія дочеряхъ, воспитанныхъ въ Смольномъ заведеніи и Екатерининскомъ институтѣ, то товарищи и современники по службѣ выхлопотали мнѣ ежегодное пособіе двѣсти рублей серебромъ изъ Человѣколюбиваго общества, которые я получилъ въ январѣ.

Оканчивая восьмидесятый годъ жизни, пятый годъ въ болѣзненномъ состояніи, лишенный пособія отъ Человѣколюбиваго общества съ начала 1858 года, я въ неизъяснимой крайности и вынуждаюсь просить ваше сіятельство возвратить на сей годъ и продолжать до смерти пособіе, которое я нѣсколько лѣтъ получалъ.

Съ высокопочтеніемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Дмитрій Руничъ.

10-го апрѣля 1858 года.

---

[1]) Письмо достойнаго сподвижника Магницкаго, оставившаго вмѣстѣ съ послѣднимъ такую печальную память въ исторіи русскаго просвѣщенія, написано крупнымъ характернымъ почеркомъ. На письмѣ карандашемъ, рукою Адлерберга: Лично объяснить. 11-го апрѣля 1858 г. Ниже: Послано Руничу 12-го апрѣля 1858 г. съ препровожденіемъ 150 руб. серебромъ.

Письмо Ѳ. А. Моллера кн. П. М. Волконскому. Ваша свѣтлость, милостивый государь князь Петръ Михайловичъ!

Имѣлъ я честь неоднократно сообщать вашей свѣтлости, что я началъ въ Римѣ картину, изображающую Іоанна Богослова, проповѣдывающаго среди вакханаліи на островѣ Патмосѣ.

Чтобы привести трудъ этотъ къ окончанію, мнѣ необходимо нужно еще два года, ибо, по причинѣ болѣзни и бывшихъ смутъ въ Италіи, я долженъ былъ потерять болѣе года времени.

Отъѣзжая послѣдній разъ изъ С.-Петербурга, я получилъ, по ходатайству вашему, позволеніе ѣхать за границу для излѣченія болѣзни и паспортъ, за подписью г. министра внутреннихъ дѣлъ, срокомъ на шесть мѣсяцевъ, отъ 16-го августа 1849 года.

Болѣзнь моя усилилась и не только заставила меня пропустить назначенный мнѣ срокъ, но и требуетъ дальнѣйшаго моего пребыванія за границею, ибо, по предписанію г. доктора Пирогова [1]), я непремѣнно долженъ ѣхать къ теплицкимъ минеральнымъ водамъ, если желаю получить хоть какое-либо облегченіе.

Находясь по сему случаю въ крайнемъ затрудненіи, рѣшился я обратиться къ вашей свѣтлости съ покорнѣйшею просьбою исходатайствовать мнѣ продолженіе срока моего паспорта на два года, необходимыхъ какъ для окончанія упомянутой мною картины, такъ и для излѣченія моей болѣзни.

Такъ какъ вашей свѣтлости извѣстны мои прежніе труды по искусству, которому я посвящаю всѣ силы мои и время, то я смѣю надѣяться, что и въ этомъ случаѣ не откажете мнѣ въ томъ покровительствѣ, которымъ я имѣлъ уже счастіе неоднократно пользоваться.

За симъ съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою Ѳеодоръ Моллеръ [2]).

Римъ. 20/8-го іюня 1850 года.

Письмо А. Б. Ашика [3]) кн. П. М. Волконскому. Ваша свѣтлость! Ободренный лестнымъ вниманіемъ, оказаннымъ ко мнѣ въ бытность въ столицѣ, осмѣливаюсь утруждать вашу свѣтлость покорнѣйшею моею просьбою.

Занимаясь уже болѣе десяти лѣтъ керченскими древностями, я успѣлъ собрать много по этой части матеріаловъ, изъ которыхъ на-

---

[1]) Знаменитаго Николая Ивановича.

[2]) На верхнемъ полѣ первой страницы письма рукою императора Николая: Согласенъ на годъ.

[3]) Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ (1802—1854) извѣстный археологъ.

мѣренъ составить и издать, на мой счетъ, сочиненіе, по возможности, полное и удовлетворительное [1]).

Но, ваша свѣтлость, чтобъ приступить къ этому съ нѣкоторой увѣренностію въ успѣхѣ, мнѣ нужно бы обозрѣть музеи въ Италіи, посовѣтоваться съ тамошними учеными и тѣмъ обезпечить участь сочиненія.

Ваша свѣтлость, я имѣю большое семейство и не имѣю никакого состоянія: оно существуетъ единственно моими трудами. Сочиненіемъ моимъ я имѣю надежду улучшить его положеніе, но просить для этого отпуска я не имѣю возможности, ибо безъ жалованья не могу существовать ни одного дня.

Отъ вашей свѣтлости зависитъ оказать мнѣ истинное благодѣяніе и упрочить будущую участь моего семейства—отправленіемъ меня въ Италію на полгода.

Смѣю льстить себя надеждою, что ваша свѣтлость, какъ истинный покровитель наукъ и защитникъ безпріютныхъ, но честныхъ и усердныхъ чиновниковъ, просьбы моей не отвергнетъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга

Антонъ Ашикъ,

чиновникъ вѣдомства министерства иностранныхъ дѣлъ и директоръ керченскаго музеума древностей.

18-го ноября 1841 года. Керчь [2]).

Сообщилъ **В. А. Алексѣевъ**.

[1]) Въ 1848—1849 гг. вышло въ Одессѣ капитальное сочиненіе Ашика „Воспорское царство съ его палеографическими и надгробными памятниками, росписными вазами, планами, картами и видами".

[2]) На этомъ прошеніи рукою „истиннаго покровителя наукъ" помѣтка: Чтобы просилъ по своему начальству. 14-го декабря 1841 г.

Редакторъ-Издатель С. Зыковъ.

[illegible] ... русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. 2-е исправлен. изд. Спб., 1905 г. Ц. 50 к.

„Существуютъ любимцы судьбы, — говоритъ Скабичевскій, — произведенія которыхъ на многіе десятки и сотни лѣтъ переживаютъ своихъ творцовъ и не утрачиваютъ современности. И внуки, и правнуки, и дальнѣйшія поколѣнія не перестанутъ прибѣгать къ нимъ съ цѣлью умственнаго развитія, равно какъ и для того, чтобы въ ихъ идеяхъ и взглядахъ находить указанія и отвѣты на существенные и роковые вопросы жизни. Такого рода свѣтила и учителя вѣковъ являются чаще всего въ эпохи славныхъ умственныхъ движеній, въ такъ называемые „золотые вѣка" литературы и жизни, когда мысль человѣческая въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей доходитъ до наибольшаго напряженія, до такого вдохновенія, которое заключаетъ въ себѣ нѣчто пророческое".

Къ такимъ писателямъ принадлежитъ и великій публицистъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій, знаменитый переводчикъ „Политической экономіи" Милля, многотомной „Всеобщей исторіи" Вебера, авторъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности", романа „Что дѣлать?" и цѣлаго ряда научныхъ и критическихъ статей, помѣщенныхъ въ издававшемся въ 50—60 гг. журналѣ „Современникъ", въ которомъ онъ состоялъ главнымъ и постояннымъ сотрудникомъ.

По происхожденію Чернышевскій принадлежалъ къ духовному званію; родился 12 іюля 1828 г. въ Саратовѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Хорошо подготовленный отцомъ, — человѣкомъ очень умнымъ, хорошо образованнымъ, отлично знавшимъ латинскій, греческій и французскій языки, — Николай Гавриловичъ на 15-мъ году поступилъ въ семинарію. Научныя свѣдѣнія его, — какъ свидѣтельствуетъ его товарищъ по семинаріи А. И. Розановъ, — были необыкновенно велики: онъ зналъ языки: латинскій, греческій, еврейскій, французскій, нѣмецкій, польскій и англійскій. Начитанность была тоже необыкновенная. Въ семинаріи Чернышевскій пробылъ 2 года и въ 1846 г. поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ занимался древними языками, словесностью, славянскими нарѣчіями; слушалъ лекціи извѣстнаго философа и археолога Изм. Ив. Срезневскаго и подъ его руководствомъ составилъ словарь къ Игнатьевской лѣтописи. Познакомившись чрезъ Срезневскаго съ Иринр. Ив. Введенскимъ, Чернышевскій получилъ возможность бывать на его литературныхъ вечерахъ.

По окончаніи курса въ университетѣ, Н. Г. въ 1851 г. уѣхалъ въ Саратовъ, куда его влекла любовь къ родителямъ. Здѣсь онъ занялъ мѣсто старшаго учителя гимназіи. Высочайшимъ приказомъ отъ 24-го января 1854 г. за № 5 Чернышевскій былъ перемѣщенъ во 2-й кадетскій корпусъ на должность учителя 3-го рода; въ корпусѣ онъ пробылъ всего лишь два года.

Бросивъ послѣ этого навсегда свою педагогическую дѣятельность, Н. Г. началъ литературную дѣятельность въ „Отеч. Запискахъ", занимаясь переводомъ романовъ, составленіемъ библіографическихъ и критическихъ статей для этого изданія. Сотрудничая въ этомъ журналѣ, онъ въ то же время составилъ магистерскую диссертацію — „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности". — Одобренная совѣтомъ университета, диссертація не была утверждена бывшимъ въ то время министромъ просвѣщенія А. С. Норовымъ, была конфискована, и Чернышевскій, уже сдавшій магистерскій экзаменъ и очень удачно защитившій диссертацію на диспутѣ, не былъ удостоенъ степени магистра. Эта диссертація познакомила ея автора съ редакторами „Современника", и съ 1854 г. Н. Г. является постояннымъ главнымъ сотрудникомъ этого журнала. Въ 1858 г. онъ былъ нѣкоторое время редакторомъ „Военнаго Сборника".

Изъ критическихъ и историко-литературныхъ изслѣдованій Чернышевскаго обращаютъ на себя большое вниманіе двѣ крупныя работы: „Лессингъ и его время" и „Очерки Гоголевскаго періода". Онъ перевелъ „Исторію XVIII вѣка" Шлоссера, снабдивъ этотъ трудъ своими примѣчаніями, а съ конца 1861 г. подъ его редакціей выпущено нѣсколько томовъ перевода „Всемірной Исторіи" Шлоссера.

Въ 1862 г. 7-го іюля Н. Г. Чернышевскій былъ заключенъ въ крѣпость, гдѣ и пробылъ два года; въ это время онъ написалъ романъ „Что дѣлать?", напечатанный въ „Современникѣ" 1863 г. №№ 3—5.

Онъ обвинялся въ трехъ преступленіяхъ: 1) въ преступныхъ сношеніяхъ съ эмигрантомъ Герценомъ, стремящимся путемъ пропаганды низвергнуть существующее въ Россіи правительство, и въ сообщничествѣ съ нимъ въ этомъ преступномъ намѣреніи; 2) въ составленіи мятежной прокламаціи къ помѣщичьимъ крестьянамъ и въ отдачѣ ея для напечатанія Костомарову съ цѣлью распространенія, и 3) въ призывѣ къ бунту. Правительствующій Сенатъ приговорилъ: „лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 14 лѣтъ, поселивъ затѣмъ въ Сибири навсегда". По волѣ императора Александра II срокъ каторги былъ сокращенъ на половину.

Въ концѣ 1864 г. Чернышевскій прибылъ въ Кадаю (въ Забайкальѣ), откуда чрезъ три года былъ переведенъ на Александровскій заводъ Нерчинскаго округа. По окончаніи срока былъ поселенъ въ гор. Вилюйскѣ. Въ 1883 г. Н. Г. получилъ разрѣшеніе поселиться въ Астрахани, гдѣ прожилъ почти шесть лѣтъ; въ это время онъ переводилъ „Всеобщую исторію" Вебера [1]).

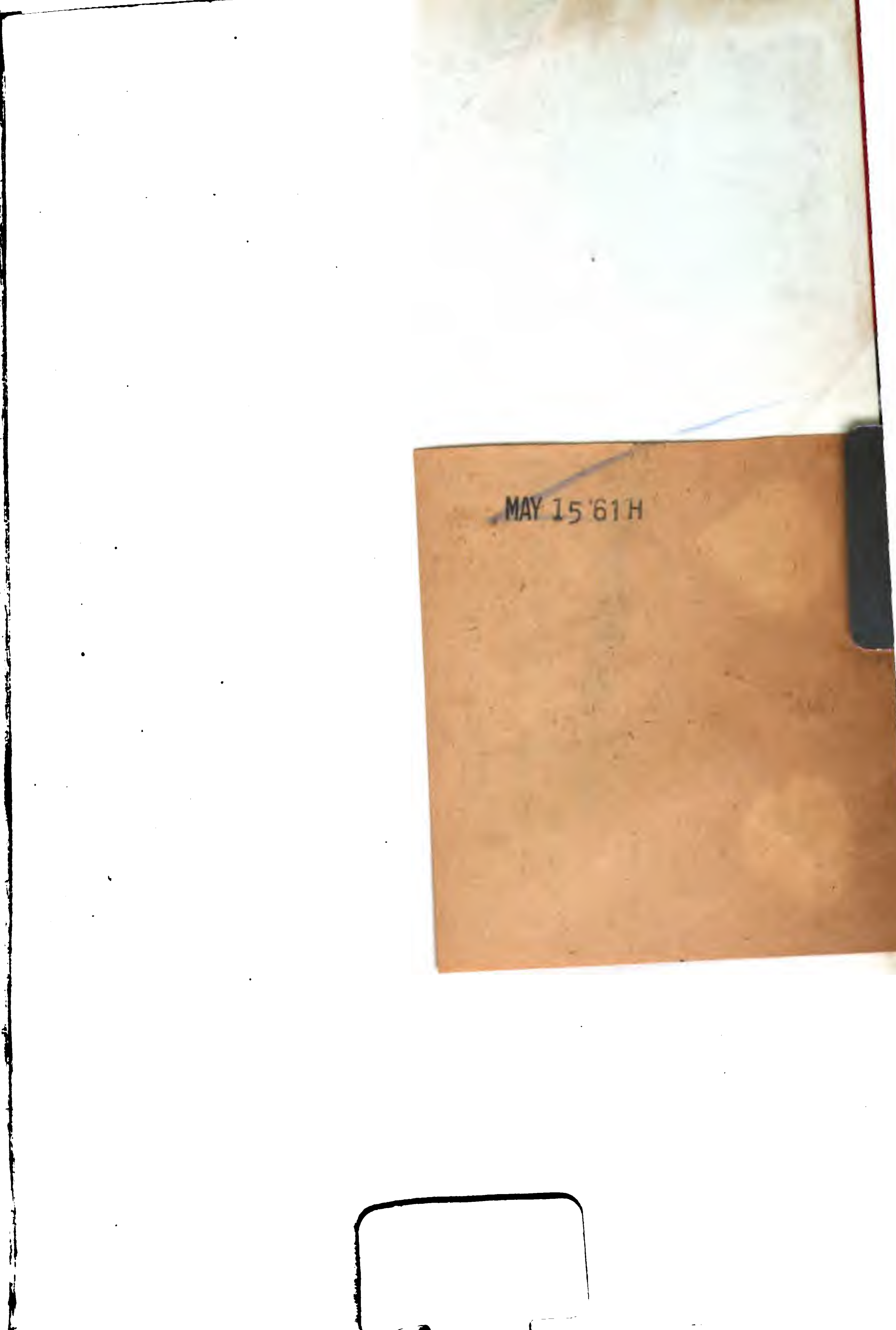
Въ іюнѣ 1889 г., ему, по ходатайству астраханскаго губернатора кн. Л. Д. Вяземскаго, было разрѣшено поселиться въ родномъ городѣ Саратовѣ. Тутъ онъ прожилъ недолго. Давнишняя болѣзнь — сильнѣйшій катарръ желудка — вскорѣ свела его въ могилу. За два дня до смерти онъ лишился сознанія, долго и много бредилъ, диктуя изъ Вебера, а въ ночь съ 16 на 17-е іюня скончался отъ кровоизліянія въ мозговую область и похороненъ на Воскресенскомъ кладбищѣ.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Подъ псевдонимомъ Андреевъ, съ 1885 по 1889 г. и были переведены, а фирмою К. Т. Солдатенкова изданы 11 томовъ этого труда, до 1.000 страницъ каждый.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

MAY 15 '61 H